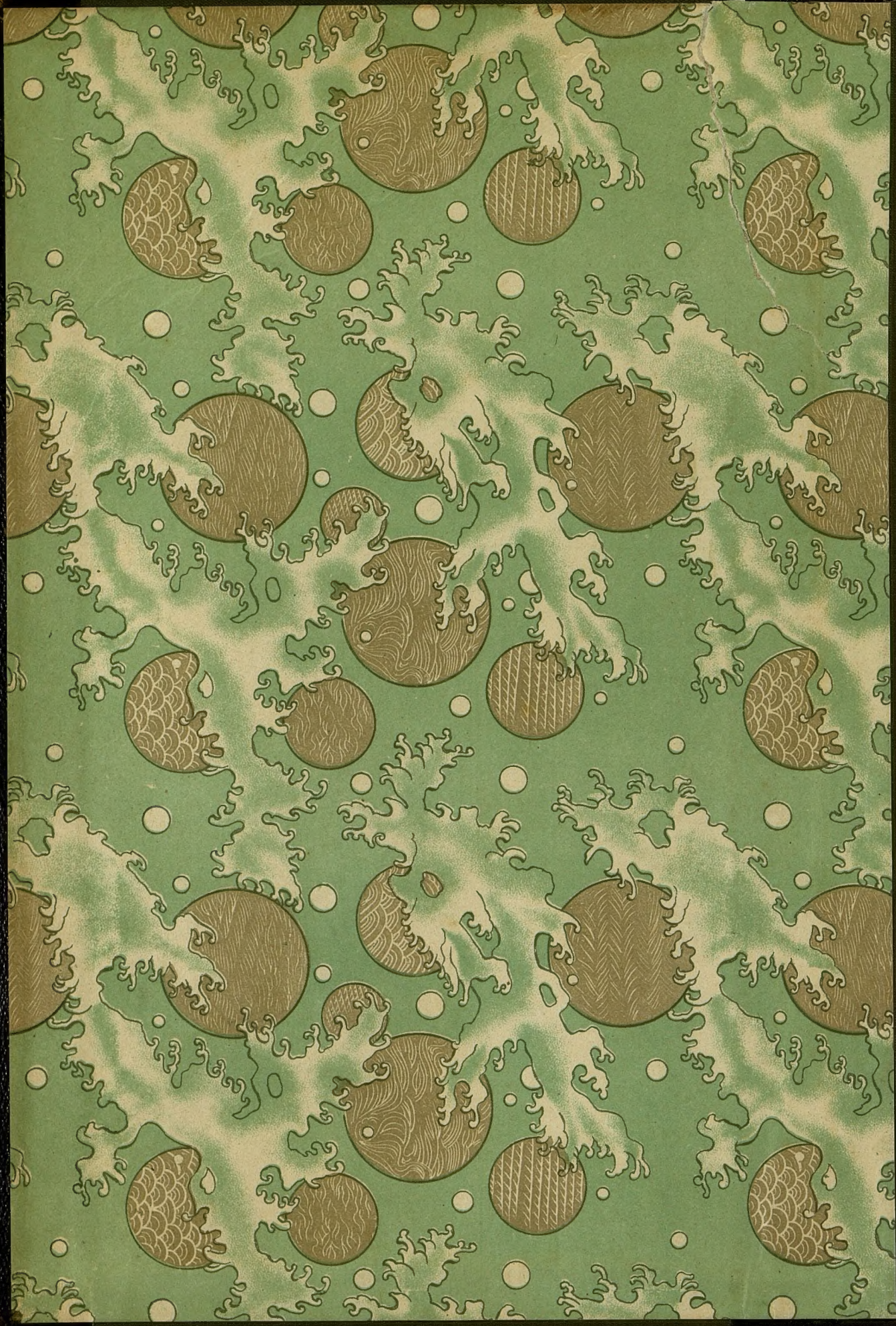
ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ



Пфлугъ-Гартунгъ.

Всемірная Исторія.

Отъ Вѣнскаго Конгресса до нашихъ дней

(1815—1910).

Переводъ съ дополненіями
подъ ред. проф. Н. И. КАРѢЕВА и С. Г. ЛОЗИНСКАГО.
Отдѣлъ русской исторіи написанъ
А. А. КОРНИЛОВЫМЪ.

ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.
1910.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. С.-Петербургъ. Прачешный № 6.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 367

Часть II.

Бранденбургъ.

Происхожденіе системы міровыхъ державъ.

Дармштедтеръ.

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.

Геблеръ.

Средняя и Южная Америка.

Лампрехтъ.

Распространеніе европейской цивилизаціи.

Провождение
системы
міровыхъ
державъ

1. Семидесятые годы девятнадцатаго вѣка.

Послѣ 1871 г. средняя и западная Европа находилась первое время цѣликомъ подъ вліяніемъ только-что окончившейся большой войны. Франція въ этотъ моментъ была раздавлена, и ей приходилось направлять всѣ свои экономическія силы на уплату громадной военной контрибуціи, которая была на нее наложена; однако, очень скоро обнаружилось, что эта старая, богатая и культурная страна оправится отъ ранъ, нанесенныхъ ей войной. Горькое чувство понесеннаго пораженія никогда не давало заглохнуть мысли о завоеваніи потерянныхъ провинцій Эльзаса и Лотарингіи. И чѣмъ громче выражалось это желаніе въ газетахъ и въ рѣчахъ, тѣмъ серьезнѣе должны были относиться къ возможности новой войны руководители политики Германіи. Бисмаркъ былъ убѣжденъ, что Франція не въ состояніи начать и не начнетъ войны самостоятельно, безъ союзниковъ. Но быстрое возвышеніе германской имперіи затронуло столько интересовъ и возбудило столько вниманія, что представлялось большимъ вопросомъ, не найдутся ли рано или поздно такіе союзники? Вѣдь незадолго до 1870 г. Австрія и Италія помышляли о соглашеніи съ Франціей при извѣстныхъ условіяхъ; въ Россіи также существовала сильная партія, враждебно настроенная къ Германіи. Опасеніе германской гегемоніи и стремленія новой имперіи къ дальнѣйшему расширенію тяготили всѣхъ сосѣдей.

При такихъ условіяхъ Бисмаркъ направлялъ свои усилія къ тому, чтобы поставить внѣ всякихъ сомнѣній миролюбіе Германіи и прежде всего

привлечь на свою сторону тѣ державы, на которыя Франція могла бы разсчитывать какъ на возможныхъ союзниковъ. Въ виду военной слабости Италіи вопросъ сводился лишь къ Австріи и Россіи.

Извѣстно, что Бисмаркъ еще въ 1866 г. имѣлъ въ виду сближеніе съ дунайской имперіей. Послѣ событій 1870 г. въ Вѣнѣ считали, что невозможно вернуть себѣ гегемонію въ Германіи. При искренности отказа отъ этой роли обстоятельства и съ этой стороны складывались благопріятно для соглашенія. Желанія Бисмарка встрѣчали теперь въ Австріи полное одобреніе; свиданія между государями и государственными дѣятелями, руководившими политикой обоихъ государствъ, еще осенью 1871 г. привели къ дружественнымъ отношеніямъ между обѣими сосѣдними имперіями.

Въ Россіи императоръ Александръ II, племянникъ императора Вильгельма, всегда былъ склоненъ къ соглашенію съ Германіей. Съ того времени, какъ Бисмаркъ стоялъ у кормила правленія, Россія всегда встрѣчала поддержку со стороны германской политики противъ Англіи и Польши; возможности столкновенія на почвѣ сколько-нибудь существенныхъ интересовъ здѣсь не было, если только Германія не вздумала бы возвращать себѣ остзейскія провинціи, или Россія не захотѣла бы присоединить къ своимъ владѣніямъ всѣ провинціи бывшаго польскаго королевства; ни о томъ, ни о другомъ руководители политикой обоихъ смежныхъ государствъ не помышляли. Въ Россіи, однако, была партія, которая ставила передъ собой такія цѣли—партія панславистовъ, но государь питалъ недовѣріе къ лойяльности объединенной Польши по отношенію къ Россіи и не думалъ о подобной политикѣ. Такимъ образомъ, Бисмарку было нетрудно завязать наилучшія отношенія и съ императоромъ Александромъ. Конечно, оставался вопросъ, насколько прочна будетъ дружба Россіи съ Австріей при рѣзкомъ противорѣчіи между ихъ интересами на Балканскомъ полуостровѣ, но Бисмаркъ могъ разсчитывать, что вопросы этого порядка не сразу примутъ какую-либо острую форму, и что его вліяніе въ качествѣ посредника будетъ въ состояніи не допустить прямого столкновенія на этой почвѣ.

Новымъ крупнымъ тріумфомъ политики Бисмарка можно было считать свиданіе трехъ императоровъ—Вильгельма, Александра и Франца-Іосифа—въ сентябрѣ 1872 г. въ Берлинѣ, показавшее всему міру существованіе добраго согласія между тремя восточными державами. Въ слѣдующіе затѣмъ годы также происходили регулярные переговоры между тремя монархами и ихъ государственными дѣятелями. Тройственный союзъ былъ осуществившимся фактомъ, хотя письменнаго договора и не было заключено. Италія также обнаруживала намѣреніе жить въ добромъ согласіи съ тремя императорами, доказательствомъ чего служило посѣщеніе Берлина наслѣднымъ принцемъ Гумбертомъ; такимъ образомъ, у Франціи не было возможности имѣть союзниковъ.

Однако, германскій генеральный штабъ считалъ эти дипломатическіе ходы недостаточной гарантіей мира. Онъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за быстрымъ экономическимъ преуспѣяніемъ Франціи, за ея политическимъ ростомъ и преобразованіемъ ея арміи по нѣмецкому образцу. Нѣтъ сомнѣнія, что въ

Императоръ Александръ II

Императоръ Вильгельмъ I

Императоръ Францъ Іосифъ

Бисмаркъ

1875 году въ военныхъ кругахъ обсуждалась новая война съ Франціей съ цѣлью разстроить своему западному сосѣду ея новую армію прежде, нежели она будетъ приведена въ боевую готовность. Однако, старый императоръ и Бисмаркъ не были на сторонѣ подобной «предупредительной» войны, такъ что, вопреки постоянно повторяющемуся утвержденію французовъ, не было никакой надобности въ давленіи на Германію со стороны Россіи или Англіи для сохраненія мира. Бисмаркъ былъ совершенно правъ, когда считалъ, что его дипломатическихъ шаговъ совершенно достаточно, чтобы заставить французовъ воздержаться отъ серьезныхъ плановъ реванша; разумѣется, всегда можно было ожидать, что все-таки войну можетъ вызвать какой-нибудь неожиданный взрывъ французскихъ народныхъ страстей; противъ этого, конечно, Бисмаркъ ровно ничего не имѣлъ бы.

Само собою разумѣется, что положеніе было натянутое, такъ какъ Франція никакъ не могла примириться съ окончательной потерей Эльзаса и Лотарингіи, постоянно усиливала свои оборонительныя и наступательныя средства и, питая враждебныя отношенія къ Германіи, постоянно предполагала и съ ея стороны планъ какого-либо новаго коварнаго нападенія. И всѣ континентальныя государства должны были находиться во всеоружіи на случай новаго столкновенія. Такимъ образомъ, Европа пользовалась вооруженнымъ и ненадежнымъ миромъ, но всетаки миромъ, продолжавшимся до 1877 г., пока восточный кризисъ не нарушилъ всѣхъ комбинацій и не разстроилъ союза трехъ императоровъ. За этотъ мирный промежутокъ времени отдѣльныя европейскія государства имѣли возможность могущественно развить свои экономическія силы и приспособить свои политическія учрежденія къ новому общему положенію, ибо войны 1864—1871 гг. коснулись почти всѣхъ государствъ, измѣнивъ кореннымъ образомъ ихъ жизненныя условія.

Въ 1870 и 1871 г. Франція потерпѣла не просто обыкновенное пораженіе: всѣ основы ея государственной жизни были потрясены. Послѣ Седана рухнула имперія Наполеона III; образовалось временное правительство, и была организована національная оборона; но всѣ чувствовали, что въ вопросѣ о будущей формѣ государства долженъ высказаться весь народъ. Въ минуту страшнаго возбужденія войной объ этомъ нельзя было думать; но, когда послѣ паденія Парижа было избрано національное собраніе, у населенія было лишь одно желаніе: національное собраніе должно было дать ему миръ; поэтому выбирали людей консервативнаго образа мыслей, такъ какъ отъ нихъ скорѣе всего можно было ожидать политики умѣренности и мира. Когда это собраніе создало временную исполнительную власть, поставивъ во главѣ ея Тьера съ титуломъ президента, то оно этимъ сдѣлало, чего нельзя было обойти, но дѣлало оно въ полномъ сознаніи, что этимъ создается лишь переходная стадія. Самъ Тьеръ всегда высказывался въ томъ смыслѣ, что рѣшеніе относительно будущей государственной формы Франціи можетъ быть принято лишь послѣ того, когда будетъ заключенъ миръ, и страна будетъ очищена отъ непріятностей оккупаціи.

Въ выборѣ консервативнаго большинства въ бордосское національное собраніе, безъ сомнѣнія, сказалось настроеніе населенія провинціи, именно крестьянъ; поэтому-то радикальные элементы большихъ городовъ, особенно Парижа, не встрѣтили въ этомъ собраніи сочувствія къ своимъ воззрѣніямъ и желаніямъ. Среди этихъ элементовъ, именно въ массахъ промышленныхъ рабочихъ, оставшихся безъ работы благодаря войнѣ, возродился духъ великой революціи; они думали, что если теперь призвать народъ къ борьбѣ до послѣдней капли крови и развернуть знамя якобинской республики подобно тому, какъ это было въ 1793 г., то будутъ вызваны то же общее воодушевленіе и тотъ же успѣхъ, что и во время революціонныхъ войнъ. Уступки непріятелю со стороны временнаго правительства представлялись имъ позорными, а со стороны національнаго собранія они опасались возстановленія монархіи. Это настроеніе, тотчасъ послѣ окончанія предварительныхъ переговоровъ о мирѣ и избавленія Парижа отъ опасности голодовки, вылилось въ возстаніе коммуны, которое было возстаніемъ столичнаго рабочаго пролетаріата противъ буржуазіи, стремившейся къ обезпеченію своей политической власти. Только послѣ ожесточенной и кровопролитной борьбы войскамъ временнаго правительства удалось взять Парижъ. Тогда началась страшная расправа военнаго суда съ вождями и участниками возстанія; множество плѣнныхъ было разстрѣляно, главная же масса ихъ приговорена къ ссылкѣ. Эта страшная междоусобная война происходила на глазахъ нѣмецкихъ оккупаціонныхъ войскъ.

Подавленіе коммуны было равносильно побѣдѣ провинціи надъ Парижемъ, буржуазіи и крестьянства надъ столичнымъ рабочимъ пролетаріатомъ. Національное собраніе осталось въ Версалѣ, и Тьеръ остался во главѣ правительства.

Перевѣсъ на сторонѣ консервативныхъ элементовъ въ собраніи только усилился послѣ этой побѣды въ Версалѣ, и, безъ сомнѣнія, желаніе возстановить законную монархію преобладало надъ всѣми другими теченіями. Только одно препятствіе встрѣчалось на пути къ осуществленію этого желанія,— не было кандидата на престолъ, который пользовался бы общимъ признаніемъ. Легитимистамъ законнымъ королемъ представлялся графъ Шамборъ, внукъ Карла X; приверженцы Орлеанскаго дома стояли за графа Парижскаго, внука Луи-Филиппа; наконецъ, бонапартисты надѣялись на возстановленіе наполеоновской имперіи, хотя сначала они и сдерживались, пока въ народѣ жила и была еще свѣжа ненависть къ виновнику страшнаго разгрома. То обстоятельство, что монархическое большинство собранія было такъ раздѣлено, препятствовало простому возстановленію монархіи и обезпечивало дальнѣйшее существованіе временнаго правительства.

Президентъ Тьеръ достигъ уже 74-лѣтняго возраста, но былъ еще бодръ и дѣеспособенъ. Жизнь его прошла то въ политической, то въ научно-исторической работѣ; въ качествѣ министра буржуазнаго короля онъ защищалъ конституціонный образъ правленія, во время второй имперіи онъ считался орлеанистомъ и, тѣмъ не менѣе, былъ однимъ изъ творцовъ наполеоновской

легенды. Основной его точкой зрѣнія всегда было усиленіе могущества и самостоятельности Франціи. Теперь, когда уже въ преклонномъ возрастѣ ему впервые пришлось взять на себя всю отвѣтственность тяжелой задачи мирныхъ переговоровъ съ побѣдителемъ и возстановленія правильной государственной жизни внутри страны, онъ оказался искуснымъ дипломатомъ и неутомимымъ труженикомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что при раздробленности монархическихъ партій одна только республика въ состояніи обезпечить государству внутреннее спокойствіе. Монархическому большинству собранія были извѣстны его воззрѣнія, и оно мирилось съ ними, пока оно не могло обходиться безъ него.

Съ особеннымъ искусствомъ Тьеръ привелъ въ порядокъ финансы государства; его кредитъ давалъ возможность заключать крупные займы, которые позволяли покрывать расходы управленія до тѣхъ поръ, пока началось правильное поступленіе налоговъ, и помогли быстро уплатить военную контрибуцію. До весны 1873 г. вся сумма ея была выплачена Германіи, и послѣднія оккупаціонныя войска покинули страну; друзья Тьера привѣтствовали его какъ «освободителя территоріи». Наряду съ этимъ онъ старался создать основы государственнаго строя, свободнаго во внутреннихъ, сильнаго во внѣшнихъ дѣлахъ. Съ этой цѣлью онъ ввелъ всеобщую воинскую повинность по прусскому образцу; чтобы по возможности скорѣе получить сильную и хорошо обученную армію, срокъ военной службы былъ даже установленъ въ пять лѣтъ. Но главнымъ условіемъ свободной государственной жизни, построенной на народномъ самоуправленіи, Тьеръ справедливо считалъ искорененіе наполеоновской системы управленія, которая предоставляла центральному правительству назначеніе всѣхъ должностныхъ лицъ, начиная отъ министра и кончая предсѣдателемъ общины. Онъ провелъ законъ, угрожая сложить съ себя званіе президента, если законъ не будетъ принятъ, предоставлявшій общинамъ избирать своего мэра и дававшій генеральнымъ совѣтамъ департаментовъ болѣе широкія полномочія по отношенію къ префектамъ; этимъ была введена децентрализація управленія.

Но собраніе, крайне недовольное этимъ направленіемъ политики Тьера, начало борьбу противъ него тотчасъ послѣ того, какъ военная контрибуція была выплачена, и Франція была очищена отъ непріятеля; теперь стало казаться возможнымъ обойтись безъ Тьера. Когда послѣдній началъ настаивать на признаніи республики окончательной государственной формой новой Франціи, такъ какъ только консервативная республика можетъ быть прочной въ странѣ, то большинство рѣшило низвергнуть его. Когда его министры по поводу какого-то ничтожнаго вопроса остались въ меньшинствѣ въ 14 голосовъ, и имъ пришлось выйти въ отставку, собраніе потребовало образованія кабинета, опирающагося на большинство. Такъ какъ Тьеръ не хотѣлъ назначить ни одного министра изъ монархистовъ и, съ другой стороны, еще менѣе охотно соглашался нарушить основы парламентскаго строя, то ему не оставалось ничего другого, какъ сложить свои полномочія (24 мая 1873 г.). Національное собраніе тотчасъ же выбрало президентомъ маршала Макъ-Магона, из-

вѣстнаго монархиста. По ироніи судьбы, сподвижникъ Макъ-Магона по кампаніи 1870—1871 гг. маршалъ Базенъ вскорѣ послѣ этого былъ осужденъ военнымъ судомъ по обвиненію въ «измѣнѣ» отечеству при капитуляціи Меца.

Макъ-Магонъ, побѣдитель при Мадженте и побѣжденный въ войнѣ 1870 г., съ самаго начала чувствовалъ себя заступающимъ мѣсто монарха, который долженъ быть призванъ, чтобы занять тронъ. Повидимому, дѣйствительно, существовалъ взглядъ, что можетъ произойти возвращеніе старой династіи, послѣ того какъ графъ Парижскій посѣтилъ претендента старшей линіи и послѣ того, какъ бездѣтный графъ Шамборъ призналъ его наслѣдникомъ престола; при этомъ графъ Парижскій отказался отъ своихъ притязаній въ пользу графа Шамбора. Одновременно съ этимъ скончался Наполеонъ III, оставивъ несовершеннолѣтняго сына, и такимъ образомъ бонапартисты на время должны были потерять всякую надежду. Все это создавало для Бурбоновъ крайне благопріятное положеніе. Только непреодолимое упорство графа Шамбора, который уже называлъ себя королемъ Генрихомъ V, погубило въ то время все дѣло монархіи. У посланныхъ къ нему депутатовъ національнаго собранія онъ не оставилъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что будетъ настаивать на полномъ возстановленіи стараго режима; онъ не хотѣлъ даже признать трехцвѣтнаго знамени, давно уже принятаго Франціей въ качествѣ національнаго, но обѣщалъ снова поднять старыя бурбонскія лиліи, которыя всюду считались символомъ абсолютизма и феодализма. Такъ какъ онъ былъ настолько неостороженъ, что объявилъ это всему міру въ письмѣ, предназначенномъ для обнародованія, то даже самые послѣдовательные монархисты во Франціи не осмѣливались послѣ этого, изъ опасенія взрыва междоусобной войны, требовать его немедленнаго возвращенія. Они возложили свои надежды на близкую кончину болѣзненнаго претендента и на графа Парижскаго, отличавшагося болѣе современнымъ образомъ мыслей; до тѣхъ поръ они разсчитывали тянуть временное положеніе, опираясь на своего единомышленника, президента Макъ-Магона.

Макъ-Магонъ старался подготовить для этого желаннаго, хотя и отдаленнаго момента все необходимое, притомъ наилучшимъ образомъ. На всѣ важнѣйшія должности онъ проводилъ людей монархическаго образа мыслей; онъ заставилъ большинство палаты возвратить правительству право назначенія мэровъ, при всякаго рода выборахъ онъ выставлялъ, по испытанному методу бонапартизма, оффиціальныхъ кандидатовъ, за которыхъ должны были голосовать всѣ чиновники, а также всякій, кто надѣялся получить что-либо отъ правительства; пресса, литература и театръ были отданы подъ строгій надзоръ посредствомъ введенія цензуры. Въ особенности распространялся духъ монархизма въ арміи, къ которой маршалъ относился съ чрезвычайной заботливостью.

Въ такой преданной католицизму странѣ, какъ Франція, рѣшающая роль въ настроеніи массы сельскаго населенія должна принадлежать духовенству. Со времени великой революціи духовенство всегда держало сторону монархіи. И теперь для монархистовъ было ясно, что они должны

итти рука-объ-руку съ духовенствомъ, и церковь охотно приняла протянутую къ ней руку. Цѣлый рядъ мѣропріятій Макъ-Магона былъ направленъ къ тому, чтобы все народное просвѣщеніе, начиная съ народной школы и кончая университетомъ, снова было отдано въ руки или, по крайней мѣрѣ, подъ надзоръ духовенства; было даже предоставлено церкви право учреждать собственныя, ею одной руководимыя «свободныя» высшія школы.

Такимъ образомъ, монархисты съ помощью централизованнаго управленія, подготовленія населенія къ водворенію старой монархіи, военной дисциплины и клерикальнаго воспитанія, казалось, вступили на путь, ведущій къ осуществленію монархическаго идеала. Но вскорѣ они должны были убѣдиться, что здѣсь препятствій оказалось все-таки больше, чѣмъ можно было ожидать.

До сихъ поръ къ большинству національнаго собранія принадлежали также и бонапартисты. Теперь для нихъ стало очевидно, что возвращеніе Бурбоновъ будетъ окончательнымъ крушеніемъ бонапартизма. Они дали бы себя перехитрить, если бы графъ Шамборъ въ 1873 г. заключилъ свой договоръ съ собраніемъ; но постепенно они проникались сознаніемъ, что имъ слѣдуетъ, во что бы то ни стало, воспрепятствовать возстановленію законной монархіи, не гнушаясь даже для этой цѣли заключеніемъ союза съ республиканцами. Нѣкоторые члены правой считали невозможнымъ оставлять на неопредѣленный срокъ то временное положеніе, въ которомъ находилась Франція съ 1871 г., и въ союзѣ съ бонапартистами и республиканцами провели 30 января 1875 г. предложеніе, чтобы въ будущемъ всегда—а не какъ до сихъ поръ «впредь до дальнѣйшихъ измѣненій»—во главѣ государства стояло выборное должностное лицо, избираемое на семь лѣтъ, съ титуломъ «президента республики». Это было первымъ оффиціальнымъ признаніемъ со стороны національнаго собранія республиканской государственной формы, которое было одобрено большинствомъ всего лишь одного голоса (353 противъ 352).

Этимъ рѣшеніемъ колесо было повернуто, и теперь оно пошло въ ходъ безъ удержу. Если Франція должна быть республикой, то ей нуженъ не только президентъ, но и конституція; большинство, требовавшее установленія основныхъ законовъ, становилось все сильнѣе. Такимъ образомъ, въ 1875 г. были выработаны и такъ называемые «органическіе законы», составляющіе нынѣ дѣйствующую французскую конституцію. Президентъ былъ объявленъ отвѣтственнымъ главой исполнительной власти съ тѣмъ, чтобы онъ осуществлялъ свои права по управленію только черезъ министровъ, отвѣтственныхъ передъ палатами [1]). Право распускать вторую палату предоставлено ему только въ томъ случаѣ, если онъ получитъ на это согласіе первой палаты (сената). Палата депутатовъ состоитъ изъ 738 членовъ, избираемыхъ всѣми французами мужского пола на 4 года путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и

---

[1]) Статья VI конституціоннаго закона 1875 г. гласитъ такъ: Министры всѣ въ совокупности отвѣтственны предъ палатами за общую политику правительства, и каждый отдѣльно за свои личныя дѣйствія. Президентъ республики является отвѣтственнымъ только за государственную измѣну. *Ред.*

тайнаго голосованія. Въ сенатъ изъ 300 членовъ три четверти избирается на девять лѣтъ генеральными и окружными совѣтами департаментовъ съ участіемъ сенаторовъ и депутатовъ, имѣющихъ право голоса въ этихъ департаментахъ, и по одному выбранному представителю отъ каждой общины; остальная четверть членовъ сената пополняется избранными вышеуказаннымъ образомъ сенаторами путемъ кооптаціи [1]). Палата депутатовъ и сенатъ вмѣстѣ образуютъ конгрессъ и въ своихъ соединенныхъ засѣданіяхъ выбираютъ президента и рѣшаютъ вопросы объ измѣненіи конституціи.

Установленіе органическихъ законовъ было послѣднимъ актомъ національнаго собранія. Республиканцы вообще оспаривали право этого собранія опредѣлять будущій государственный строй Франціи, такъ какъ оно было избрано только для заключенія мира. Во всякомъ случаѣ, теперь полномочія его уже истекли, и нужно было выбирать обѣ палаты на основаніи новыхъ законовъ. Выборы 1876 г. дали явное республиканское большинство въ палатѣ депутатовъ. Раздоры между монархическими группами, отталкивающее поведеніе графа Шамбора и общее желаніе получить, наконецъ, прочныя учрежденія,— всѣ эти причины вмѣстѣ привели къ такому результату выборовъ.

Благодаря этому все положеніе измѣнилось. Президентъ-монархистъ могъ опираться только на слабое большинство въ сенатѣ, а собственно рѣшающая инстанція—палата депутатовъ—была противъ него. Во избѣжаніе оффиціальнаго конфликта президенту пришлось составить министерство изъ умѣренныхъ республиканцевъ; оффиціальныя кандидатуры при выборахъ были теперь уничтожены, и общинамъ было возвращено ихъ право избранія мэровъ; монархистовъ начали постепено вытѣснять изъ персонала присутственныхъ мѣстъ.

Республиканцамъ было ясно, что дальнѣйшее существованіе республики тѣсно связано съ преобразованіемъ арміи и устраненіемъ клерикальнаго вліянія на школу. Они начали прежде всего борьбу съ духовенствомъ. Это было небезопасно, такъ какъ масса населенія, особенно сельскаго, была правовѣрной и слѣдовала за лозунгами своихъ священниковъ. На это разсчитывалъ и президентъ. Онъ зналъ, что въ глазахъ каждаго добраго католика устраненіе свѣтской власти папы, совершенное итальянскимъ королевствомъ, было преступнымъ посягательствомъ на церковь. Клерикалы всѣхъ странъ давно уже побуждали свои правительства выступить въ пользу верховнаго главы церкви. Макъ-Магонъ зналъ, что палата депутатовъ отвергнетъ всякое предложеніе, направленное къ этой цѣли; этого именно ему и хотѣлось, ибо онъ надѣялся, что такимъ способомъ большинство палаты повредитъ себѣ во мнѣніи католическаго населенія. Исполняя свой довольно рѣшительный планъ, монархисты весной 1877 г. внесли подобное предложеніе въ палату; когда оно

---

[1]) Число депутатовъ не было фиксировано. Законъ, устанавливавшій количество депутатовъ, гласилъ: Каждый административный округъ избираетъ одного депутата; округа, населеніе которыхъ превышаетъ 100.000 жителей, назначаютъ на каждую сотню тысячъ или на часть ея однимъ депутатомъ болѣе. *Ред.*

было отклонено, президентъ, съ согласія сената, распустилъ палату депутатовъ (въ маѣ 1877 г.) и назначилъ министровъ изъ монархической партіи. Казалось въ высшей степени вѣроятнымъ, что новые выборы подъ лозунгомъ—за или противъ святого отца и его правъ—объединятъ вокругъ правительства всѣ католическіе элементы и дадутъ консервативное большинство.

Но макъ-магоновскій планъ не удался. Несмотря на поддержку монархистовъ клерикалами, выборы дали республиканское большинство. Массѣ французскаго народа судьбы папской области были все-таки слишкомъ чужды, чтобы руководствоваться при голосованіи исключительно ими. Но новое большинство, состоявшее, главнымъ образомъ, изъ прежнихъ депутатовъ, было въ высшей степени возмущено дѣйствіями президента, избирательный маневръ котораго былъ для нихъ, конечно, ясенъ; оно немедленно принудило президента назначить республиканскихъ министровъ и очистить персоналъ правительственныхъ учрежденій отъ монархическихъ элементовъ. Точно также и изъ арміи приходилось удалять приверженцевъ монархической власти; палата потребовала отъ президента, чтобы онъ позаботился о томъ, чтобы на должности офицеровъ и унтеръ-офицеровъ назначались люди только республиканскаго образа мыслей.

Макъ-Магонъ не хотѣлъ самъ ломать то оружіе, которое вѣрнѣе всего должно было служить къ возстановленію монархіи; но такъ какъ онъ не рѣшился вступить въ открытый конфликтъ съ палатою депутатовъ, то ему не оставалось ничего другого, какъ сложить свои полномочія (январь 1879 г.); какъ шесть лѣтъ тому назадъ Тьеръ долженъ былъ уступить монархическому большинству народнаго представительства, такъ теперь Макъ-Магонъ вынужденъ былъ уступить республиканскому большинству.

Отставка Макъ-Магона была поворотнымъ пунктомъ въ исторіи третьей республики. Съ этого момента прекратилось противорѣчившее здравому смыслу положеніе, которое заключалось въ томъ, что во главѣ республики стоялъ человѣкъ, открыто признававшій своей цѣлью возвращеніе законнаго короля, и только теперь учрежденія страны получили возможность спокойно и послѣдовательно развиваться на республиканскихъ началахъ. Вновь избранный президентъ Греви былъ представителемъ средняго буржуазнаго класса, безъ особыхъ личныхъ дарованій или политическихъ цѣлей, вполнѣ подходящій исполнитель рѣшеній, принимаемыхъ парламентскимъ большинствомъ. Должность президента во Франціи спустилась до чисто-декоративнаго значенія, и для дальнѣйшихъ судебъ страны было почти безразлично, назывался ли президентъ Греви, Карно, Казимиръ Перье, Форъ, Лубе или Фальеръ.

Ближайшими послѣдствіями этой рѣшительной побѣды республиканцевъ были перенесеніе палаты депутатовъ изъ Версаля въ Парижъ (1880) и возвращеніе приверженцевъ коммуны, приговоренныхъ къ ссылкѣ въ 1871 г. Умѣренные и радикальные республиканцы хотѣли уничтожить всякое воспоминаніе о старомъ спорѣ, чтобы вмѣстѣ работать безъ малѣйшей горечи по отношенію другъ къ другу и сообща подавлять все еще сильныя монархическія теченія. Путемъ временной отмѣны несмѣняемости судей консервативные элементы были по возможности удалены также и изъ судейскаго сословія;

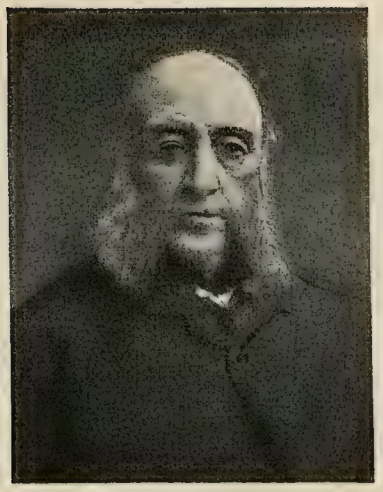
точно также искоренялся ревностно-легитимистическій духъ въ арміи. Введеніе открытыхъ засѣданій въ общинныхъ совѣтахъ, свободы печати и довольно широкой свободы собраній и союзовъ должно было служить проведенію демократическихъ началъ и воспитанію народа въ республиканскомъ духѣ. Такъ какъ послѣднимъ убѣжищемъ враждебной партіи въ средѣ народнаго представительства являлся сенатъ, то была рѣшена его реформа: право кооптаціи было отмѣнено, и тѣ 75 сенаторовъ, которые прежде пополнялись путемъ кооптаціи, съ 1884 г. стали замѣщаться также выборнымъ порядкомъ; самое право участія въ выборахъ въ сенатъ было пересмотрѣно и расширено въ пользу большихъ городовъ, въ которыхъ республиканцы обладали болѣе сильной позиціей, нежели среди сельскаго населенія.

Всѣмъ членамъ бывшихъ династій закономъ было воспрещено занимать должность президента и всѣ высшія мѣста въ арміи; но, главнымъ образомъ, борьба со всей силой была направлена противъ клерикальнаго вліянія, которому покровительствовалъ Макъ-Магонъ. Такъ какъ новая конституція предоставляла рѣшающее вліяніе въ общественной жизни народнымъ массамъ, то для достиженія этой цѣли не оставалось другого пути, какъ постепенно отвлечь массы отъ церкви путемъ коренного преобразованія обученія молодежи въ антиклерикальномъ духѣ. Съ этой точки зрѣнія и было приступлено къ реорганизаціи школы.

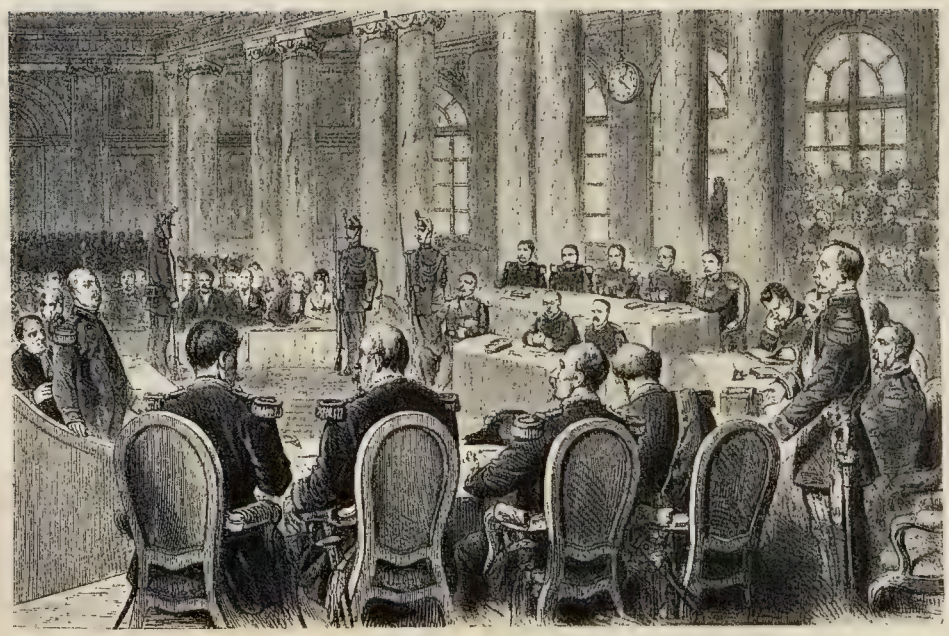
Съ внѣшней стороны въ это время вождемъ рѣшительныхъ республиканцевъ былъ Леонъ Гамбетта, одинъ изъ руководителей національной обороны въ 1870 г., пламенный уроженецъ юга Франціи, итальянскаго происхожденія, прирожденный народный трибунъ и агитаторъ, обладавшій увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Но ему недоставало яснаго взгляда и спокойнаго постоянства въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Громкими словами можно наэлектризовать массы, но не рѣшать практическихъ задачъ; и когда дѣло доходило до нихъ, у Гамбетты не хватало таланта. Когда послѣ большихъ усилій ему, наконецъ, удалось получить постъ премьеръ-министра, къ которому онъ давно стремился, то его министерство, заранѣе уже получившее отъ его друзей громкое названіе «великаго», представило довольно жалкое и печальное зрѣлище и уже черезъ 2 мѣсяца Гамбетта долженъ былъ выйти въ отставку, а вскорѣ послѣ того онъ скончался (декабрь 1882 г.).

Собственно практической и существенной работой въ эти годы руководили другіе люди. Среди нихъ выдающееся мѣсто занимаетъ творецъ современной французской народной школы Жюль Ферри. Онъ родился въ 1832 г. въ Вогезахъ, былъ сначала адвокатомъ и журналистомъ, затѣмъ принималъ участіе въ организаціи національной обороны и при Тьерѣ занималъ важные посты Въ національномъ собраніи онъ былъ признаннымъ вождемъ умѣренныхъ республиканцевъ. Ниже мы увидимъ, что онъ далъ совершенно новое направленіе внѣшней политикѣ своей страны и вновь ввелъ Францію въ сферу міровой политики. Съ такимъ же успѣхомъ онъ велъ и внутри страны борьбу за свѣтскую, неконфессіональную государственную школу.

Еще будучи министромъ народнаго просвѣщенія и исповѣданій въ ка-



ЖЮЛЬ ФЕРРИ.



Процессъ Базена въ военномъ судѣ.

бинетѣ Ваддингтона (первое министерство при Греви), Ферри хотѣлъ лишить конгрегаціи, не получившія государственнаго признанія, права заниматься обученіемъ (знаменитая 7-ая статья), но въ то время онъ не былъ въ состояніи преодолѣть сопротивленіе сената. Затѣмъ онъ въ силу прежнихъ законовъ воспретилъ іезуитамъ пребываніе въ странѣ и отъ всѣхъ орденовъ потребовалъ представить свои статуты и испрашивать разрѣшенія государства заниматься обученіемъ. Монастыри, которые не повиновались, были имъ закрыты. Послѣ отставки Гамбетты онъ былъ снова министромъ исповѣданій въ кабинетѣ Фрейсине, и теперь, когда и въ сенатѣ республиканцы имѣли за собой большинство, ему удалось въ мартѣ 1882 г. провести свои законы о народныхъ школахъ. Было введено всеобщее обязательное обученіе, принципъ свободы преподаванія остался нетронутымъ; но во всѣхъ государственныхъ школахъ обученіе было сдѣлано безплатнымъ, и никакія лица духовнаго званія не могли въ нихъ получать мѣста учителей; уроки закона Божія были совершенно исключены изъ школьной программы, обученіе религіи было предоставлено духовнымъ лицамъ всѣхъ вѣроисповѣданій, но внѣ помѣщенія школы. Этотъ законъ фактически оказался самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ вліянія духовенства на массы; только когда новое поколѣніе прошло чрезъ эти чисто-свѣтскія школы и вступило въ общественную жизнь, оказалось возможнымъ приступить къ великому дѣлу полнаго отдѣленія церкви отъ государства, къ которому, какъ къ идеалу, стремились Гамбетта, Ферри и ихъ приверженцы.

Все это были значительныя положительныя заслуги республиканской партіи, нынѣ укрѣпившей за собою власть; но уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ подготовлялись новыя внутреннія битвы. Пока республиканцы были въ меньшинствѣ, они были единодушны; послѣ побѣды въ ихъ собственныхъ рядахъ все рѣзче и рѣзче стали обнаруживаться разногласія. Радикальные демократы заявили, что теперь настало время примѣненія великаго принципа народнаго самоуправленія; всѣ должностныя лица и офицеры должны быть выбираемы народомъ, назначеніе ихъ должно быть отнято у центральнаго правительства; у президента и сената должно быть отнято право распускать палату депутатовъ, такъ какъ это напоминаетъ монархическія и аристократическія учрежденія; наконецъ, нужно безъ всякаго промедленія перейти къ полнѣйшему отдѣленію церкви отъ государства, не дожидаясь медленнаго дѣйствія законовъ объ обученіи. Въ программу радикаловъ входило также полное изгнаніе всѣхъ членовъ прежнихъ династій. Однако, среди республиканцевъ было много такихъ людей, которые были убѣждены, что подобная принципіальная политика, не принимающая въ соображеніе фактическихъ отношеній, можетъ повлечь за собой печальныя послѣдствія. Элементы партіи, стоящіе болѣе вправо, легко могли быть оттолкнуты радикальными требованіями лѣвыхъ и искать союза съ консерваторами, а такимъ образомъ создавалась опасность образованія новаго монархическаго большинства! Подъ руководствомъ Ферри и Фрейсине такъ называемые «оппортунисты» стремились къ объединенію всѣхъ республиканскихъ элементовъ съ привлече-

ніемъ къ нимъ и тѣхъ консерваторовъ, которые согласились бы отказаться отъ возстановленія монархіи, слѣдовательно, къ составленію большой умѣренной партіи центра, съ исключеніемъ изъ нея всѣхъ наиболѣе радикальныхъ элементовъ какъ правыхъ, такъ и лѣвыхъ. Во внѣшней политикѣ оппортунисты высказывались за признаніе положенія, созданнаго франкфуртскимъ миромъ 1871 г., за честный отказъ отъ Эльзаса и Лотарингіи, для того, чтобы Франція развязала себѣ руки для всемірной и колоніальной политики большого размаха. Напротивъ, радикалы были согласны съ своими ожесточеннѣйшими врагами—легитимистами—въ томъ, что идея реванша должна оставаться главной основой внѣшней политики, что каждое колоніальное предпріятіе заслуживаетъ осужденія, такъ какъ оно угрожаетъ готовности Франціи къ великой войнѣ возмездія въ Европѣ. Для радикаловъ въ основѣ этого требованія лежало желаніе провести національный принципъ также и въ международныхъ отношеніяхъ и дать своимъ оторваннымъ братьямъ по ту сторону Вогезовъ, желающимъ остаться французами, возможность снова слиться съ общимъ отечествомъ. Напротивъ, монархистовъ такая политика соблазняла возможностью возникновенія большой войны, которая передала бы въ руки арміи и ея вождей рѣшеніе внутреннихъ вопросовъ и такимъ образомъ могла бы повлечь за собой возстановленіе монархіи.

Такъ изъ нѣдръ побѣдоносной республиканской партіи выросли новые раздоры, которые, несмотря на всю ихъ остроту, однако, все еще далеко уступали прежнимъ. Только со вступленіемъ въ политическую жизнь четвертаго сословія и съ образованіемъ соціалистической рабочей партіи на сцену выступилъ во Франціи новый великій принципіальный разладъ.

Въ общемъ можно сказать, что первое десятилѣтіе третьей республики вывело страну изъ смутнаго и анархическаго состоянія періода чужеземнаго нашествія, укрѣпило и организовало республику и создало въ ея рамкахъ новыя партійныя отношенія. Еще существовали непримиримые круги, надѣявшіеся на возвращеніе короля, находя своихъ лучшихъ вождей въ рядахъ арміи и духовенства; но они составляли меньшинство, и для большей части изъ нихъ, мало-по-малу, стало ясно, что только признаніе безъ всякихъ оговорокъ республики дастъ еще имъ вообще какую-либо возможность оказывать свое вліяніе на общественную жизнь. Политическому укрѣпленію соотвѣтствовало и экономическое. Съ той же быстротой, съ какой послѣ великой революціи Франція въ немногіе годы мира настолько оправилась, что могла выдержать расходы политики Наполеона I, охватывавшей весь міръ, и теперь она послѣ 1871 г. преодолѣла результаты войны и легко переносила высокія военныя издержки вмѣстѣ съ огромными суммами, потребовавшимися на реорганизацію арміи, крѣпостей и флота.

Было ясно, что для такой политической и экономической реорганизаціи Франція прежде всего нуждалась въ мирѣ; только поддержаніе мира въ теченіе этого десятилѣтія дало ей возможность снова подняться. Лишь въ 1880 году внутреннее укрѣпленіе страны подвинулось настолько, что Франція могла уже думать объ активномъ участіи въ міровой политикѣ; такой

политики и требовала республиканская партія оппортунистовъ, и ниже мы увидимъ, при какихъ обстоятельствахъ Ферри приступилъ въ то время къ возсозданію французской колоніальной имперіи.

Въ Германіи также было необходимо прежде всего построить новое государство, основанное версальскими договорами и имперской конституціей. Сильный перевѣсъ, которымъ Пруссія обладала въ сѣверо-германскомъ союзѣ, былъ ослабленъ присоединеніемъ южно-германскихъ государствъ, и теперь долженъ былъ ярче проявиться федеративный характеръ имперіи; это обусловливалось не столько особыми правами Баваріи и Вюртемберга, сколько увеличеніемъ числа не-прусскихъ голосовъ въ союзномъ совѣтѣ и рейхстагѣ.

По имперской конституціи король прусскій, несмотря на свой титулъ императора, являлся только президентомъ и военачальникомъ союза; по отношенію къ единогласнымъ рѣшеніямъ союзнаго совѣта и рейхстага ему не дано было право veto, хотя онъ представленными ему голосами въ союзномъ совѣтѣ могъ препятствовать измѣненіямъ конституціи и въ военныхъ дѣлахъ не обязанъ былъ подчиняться большинству. Въ общемъ же его вліяніе основывалось больше на перевѣсѣ Пруссіи въ отношеніи территоріальныхъ размѣровъ и боевой готовности, равно какъ на личномъ уваженіи къ престарѣлому императору Вильгельму, нежели на правовомъ положеніи Пруссіи.

Имперскія министерства не были учреждены, такъ какъ этимъ слишкомъ сильно нарушалась бы самостоятельность отдѣльныхъ государствъ. Однако, безспорная необходимость въ общемъ представительствѣ союзныхъ правительствъ въ рейхстагѣ и личность Бисмарка выдвинули фактически должность имперскаго канцлера, которая вначалѣ представлялась гораздо менѣе значительной, на степень руководящаго имперскаго министра. Невозможность одному человѣку справиться со всѣми возлагавшимися на него задачами, даже когда онъ обладалъ такой выдающейся трудоспособностью, какъ Бисмаркъ, повела впослѣдствіи къ образованію имперскихъ учрежденій съ младшими статсъ-секретарями во главѣ; однако, они не превратились въ отвѣтственныхъ министровъ и оставались техническими должностными лицами, подчиненными канцлеру. Представительство имперскаго населенія образуетъ рейхстагъ, избираемый на основаніи всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права. Наряду съ союзнымъ совѣтомъ, какъ органомъ союзныхъ правительствъ, рейхстагъ долженъ участвовать въ качествѣ полноправнаго фактора въ законодательствѣ и въ установленіи имперскаго бюджета. Къ компетенціи имперіи и ея органовъ относятся внѣшняя политика, военное дѣло, уголовное и торговое право, законы о печати, почта, телеграфъ, общія экономическія мѣропріятія и право союзовъ, тогда какъ попеченіе о духовной жизни и управленіе въ тѣсномъ смыслѣ слова предоставляются отдѣльнымъ государствамъ. Имперскіе расходы покрываются таможенными сборами и косвенными налогами; если этого не хватаетъ, то отдѣльныя государства обязаны покрыть дефицитъ матрикулярной контрибуціей, которая

распредѣляется между ними пропорціонально численности населенія. Впрочемъ, это было внесено въ конституцію въ видѣ временнаго положенія впредь до введенія имперскихъ налоговъ.

Только практика политической жизни могла показать, въ какую форму выльются сожительство имперіи и отдѣльныхъ государствъ, одновременная работа рейхстага и нѣсколькихъ отдѣльныхъ парламентовъ, отношенія между императоромъ, союзнымъ совѣтомъ и рейхстагомъ. Представлялось большимъ затрудненіемъ то обстоятельство, что рейхстагъ былъ раздробленъ на значительное число партійныхъ группъ, и имперское правительство не имѣло въ немъ опредѣленнаго большинства, на которое оно могло бы прочно разсчитывать и опираться. Сперва въ немъ существовалъ цѣлый рядъ принципіальныхъ противниковъ имперіи (поляки, датчане, вельфы), располагавшихъ въ первомъ рейхстагѣ 24 голосами, къ которымъ впослѣдствіи присоединились 15 тяготѣвшихъ къ Франціи представителей Эльзаса и Лотарингіи. Сверхъ того, существовали двѣ консервативныя и двѣ либеральныя группы, далѣе центръ и демократическіе депутаты крайней лѣвой.

Консерваторы являлись представителями крупнаго землевладѣнія и германско-христіанскаго міровоззрѣнія; главныя твердыни ихъ могущества находились въ прусскихъ провинціяхъ къ востоку отъ Эльбы. Крайняя правая—такъ назыв. нѣмецко-консервативная партія—сверхъ того отличалась тенденціей къ партикуляризму; представители ея находили, что ихъ интересы лучше защищаются въ парламентахъ отдѣльныхъ государствъ, особенно Пруссіи, избираемыхъ классовымъ голосованіемъ, нежели въ рейхстагѣ, составленномъ на основаніи общаго избирательнаго права; поэтому всякое усиленіе власти имперіи въ ущербъ отдѣльнымъ государствамъ представлялось имъ нежелательнымъ и угрожающимъ ихъ интересамъ. Лѣвое крыло консерваторовъ образовала имперская партія, самое названіе которой должно было показать, что ей чужды партикуляристскіе взгляды. Она рекрутировалась, главнымъ образомъ, среди чиновничества. Консервативныя партіи вмѣстѣ располагали сперва 94 мѣстами.

Центръ былъ связанъ съ консервативными партіями своими взглядами на вѣроисповѣданіе; только здѣсь партійнымъ цементомъ служила, вмѣсто протестантской ортодоксіи, католическая. Поэтому онъ имѣлъ приверженцевъ,—не считая польскихъ провинцій, гдѣ ему приходилось бороться изъ-за мѣстъ въ рейхстагѣ съ поляками-націоналистами,—на католическомъ западѣ (рейнскія провинціи и Вестфалія) и югѣ (старая Баварія и части Вюртемберга и Бадена). Сперва центръ былъ также выраженной партіей аграріевъ съ той лишь разницей, что сообразно съ различными формами мѣстныхъ земельныхъ отношеній на западѣ и востокѣ, наряду съ крупными землевладѣльцами въ средѣ его избирателей было сильно представлено крестьянское населеніе; онъ опирался также и на католическую мелкую буржуазію. Благодаря этимъ элементамъ центръ имѣлъ болѣе демократическую тенденцію, нежели консервативныя партіи. Впослѣдствіи, когда быстро начало усиливаться значеніе католическихъ фабричныхъ рабочихъ, стремленіе партіи центра привлечь ихъ

на свою сторону вызвало болѣе рѣзкое проявленіе ея демократическаго характера. Только сначала руководительство въ ней принадлежало крупному землевладѣнію и чиновничеству. Партикуляристскія стремленія у центра существовали въ еще большей степени, нежели у консерваторовъ; католической ортодоксіи всегда приходилось опасаться, что при большинствѣ протестантскихъ голосовъ въ союзномъ совѣтѣ и рейхстагѣ она здѣсь будетъ оставаться въ меньшинствѣ, тогда какъ она могла господствовать во второмъ по величинѣ союзномъ государствѣ—Баваріи—и занимать весьма сильныя позиціи въ другихъ отдѣльныхъ государствахъ. Поэтому центръ всегда особенно рѣзко отмѣчалъ федеративный характеръ имперіи и старался выставлять либераловъ врагами отдѣльныхъ государствъ и крайними централистами. При сходствѣ взглядовъ у центра и консерваторовъ сама по себѣ существовала бы возможность ихъ сліянія въ одну большую правую партію, если бы ихъ не разъединяли вѣроисповѣдныя различія и постоянно усиливающаяся демократизація центра. Кромѣ того, опасеніе, которое внушалъ протестантскій характеръ прусскаго королевства, побуждало центръ энергично защищать права парламента, охраняя ихъ отъ монарха, тогда какъ консервативныя партіи тѣснѣйшимъ образомъ были связаны съ монархіей и, напротивъ, стремились къ ограниченію парламентскаго вліянія. При первыхъ выборахъ въ рейхстагъ партія центра, хотя впервые въ то время образовавшаяся, получила уже 63 мѣста. При слѣдующихъ выборахъ, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, она все-таки удерживала за собой отъ 90 до 100 мѣстъ, ибо благодаря предвыборной агитаціи католическаго духовенства въ прессѣ, въ исповѣдальняхъ и при попеченіи о спасеніи душъ своихъ духовныхъ дѣтей центръ располагалъ такимъ вѣрнымъ контингентомъ избирателей, какъ ни одна другая партія.

Въ противуположность этимъ обѣимъ партіямъ либеральныя группы представляли интересы образованной и имущей буржуазіи; здѣсь тонъ давали промышленники, купцы, ученые и чиновники. Такъ какъ до послѣдняго времени либералы были обречены на роль простой оппозиціи, то они съ головой погрузились въ доктринерство, которое такъ подходитъ безотвѣтственнымъ политикамъ. Они требовали возможно большаго ограниченія государственной дѣятельности, особенно воздержанія государства отъ вмѣшательства въ экономическую и соціальную жизнь страны; они склонялись къ тому, что въ современномъ государственномъ строѣ правительство должно стоять въ полной зависимости отъ парламентскаго большинства, и съ недовѣріемъ смотрѣли на существующую въ Германіи сильную монархію, считая ее конституціонной несообразностью, подлежащей скорѣйшему уничтоженію. Въ духовной области они стремились къ устраненію вліянія церкви, отстаивая основную идею всякой современной государственной жизни—чисто-свѣтскій характеръ государства, въ противоположность средневѣковому представленію о христіанскомъ государствѣ. Либералы въ Германіи, какъ и всюду, должны были пожертвовать нѣкоторыми изъ этихъ принципіальныхъ взглядовъ, и кое-чему ихъ научилъ опытъ. Прежде всего они должны были признать, что никакое государство не можетъ обойтись безъ средствъ, необходимыхъ для его дальнѣйшаго су-

ществованія и сильной позиціи, и что поэтому военные расходы нельзя считать растратой силъ. Точно также имъ стало постепенно все болѣе ясно, что государство, въ интересахъ своего самосохраненія, имѣетъ достаточныя причины для регулирующаго вмѣшательства въ свободную игру силъ въ экономической и соціальной области. Группа, стоявшая правѣе всѣхъ другихъ, партія націоналъ-либераловъ, основанная въ 1867 г., подъ вліяніемъ политики Бисмарка и великихъ войнъ за объединеніе, уже совершила эволюцію по первому изъ этихъ пунктовъ; она была готова дать согласіе на необходимые расходы на армію и флотъ и предоставить правительству свободу дѣйствій во внѣшней политикѣ; но въ экономическихъ вопросахъ и она оставалась при старомъ либеральномъ доктринерствѣ. Свобода торговли представлялась ей неприкосновенной. Вмѣстѣ съ депутатами, стоявшими близко къ ней, эта партія располагала въ первомъ рейхстагѣ 150 голосами. Дальше влѣво стояла прогрессивная партія, во всѣхъ отношеніяхъ крѣпко державшаяся стараго радикальнаго либерализма; она насчитывала 46 голосовъ.

Крайнее лѣвое крыло рейхстага сперва состояло изъ немногихъ лицъ. Южно-германская народная партія, остатки демократіи 1848 г., имѣла одного, соціалъ-демократическая рабочая партія лишь двухъ представителей. Эта послѣдняя фракція, впослѣдствіи получившая столь важное значеніе, была основана въ 1863 г. Лассалемъ, но послѣ его смерти раскололась на двѣ группы, которыхъ раздѣляли личныя и программныя несогласія; впрочемъ, на партійномъ съѣздѣ въ Эйзенахѣ (1869) между ними произошло сближеніе. Ихъ программа представляла смѣсь требованій старой демократіи и надеждъ на будущее въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ возбудилъ марксизмъ своимъ обѣщаніемъ полнаго экономическаго и соціальнаго равенства. Если еще принять во вниманіе, что десять депутатовъ, въ качествѣ «дикихъ», не принадлежали ни къ одной фракціи, то получимъ чрезвычайно пеструю картину. Въ рейхстагѣ было такимъ образомъ шесть многолюдныхъ и пять ничтожныхъ по числу группъ; опредѣленнаго большинства не было, хотя либеральныя группы, соединившись въ одну, имѣли бы почти половину голосовъ. Слѣдовательно, онѣ были самой крупной силой въ парламентской жизни.

При такихъ условіяхъ Бисмаркъ былъ намѣренъ опираться на либераловъ. Онъ уже работалъ сообща съ ними въ сѣверо-германскомъ рейхстагѣ, и хотя онъ далеко не могъ считаться ихъ единомышленникомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, думалъ, что придется разсчитывать на нихъ до тѣхъ поръ, пока они представляютъ въ парламентѣ силу и согласны дать необходимыя средства для упроченія международнаго положенія Германіи; это для него было важнѣе всего. Кромѣ того, Бисмаркъ зналъ, что въ отношеніи усиленія и упроченія имперской власти отъ либераловъ можно было ожидать больше, чѣмъ отъ консервативныхъ партій и центра. Такимъ образомъ, въ первые годы германской имперіи на долю либераловъ выпало довольно обширное вліяніе на правительство; это вліяніе продолжалось вплоть до экономическаго и политическаго кризиса 1877—79 гг. Намъ прежде всего нужно теперь сдѣлать обзоръ работъ, выполненныхъ въ этотъ либеральный періодъ.

Больше всего Бисмаркъ заботился объ обезпеченіи имперіи военными силами. Изъ военной контрибуціи, уплаченной Франціей, 120 милліоновъ были отложены въ видѣ имперскаго военнаго фонда на случай нужды и помѣщены въ башнѣ Юлія въ Шпандау; значительныя суммы пошли на постройку крѣпостей и на расширеніе небольшого прусскаго военнаго флота, который долженъ былъ превратиться въ сильный германскій военный флотъ. Одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ и дѣятельныхъ генераловъ изъ числа участвовавшихъ въ войнѣ съ Франціей, фонъ-Стошъ, былъ назначенъ начальникомъ флота и обнаружилъ удивительныя способности въ этой новой для него сферѣ дѣятельности. Онъ собственно и былъ организаторомъ германскаго флота, и подъ его управленіемъ были сооружены большія военныя гавани и верфи Германіи. Больше затрудненій встрѣтилъ вопросъ о мирномъ составѣ имперской арміи и объ изысканіи источниковъ ея содержанія. Императоръ Вильгельмъ и военные круги непремѣнно хотѣли, чтобы составъ арміи и флота по возможности не находился въ зависимости отъ мѣняющагося большинства народнаго представительства. Они опасались, что можетъ образоваться такое большинство, которое будетъ вынуждать у правительства уступки въ различныхъ областяхъ угрозой отказа въ необходимыхъ средствахъ на военныя надобности. Именно на такой почвѣ возникъ недавній прусскій парламентскій конфликтъ. Въ то время либералы были приверженцами чистаго парламентаризма; но многіе изъ нихъ вынесли изъ этой борьбы достаточный опытъ, чтобы не пожелать съ самаго начала отравить политическую жизнь новой имперіи подобнымъ же конфликтомъ. Тогда вождю націоналъ-либераловъ, Рудольфу фонъ-Беннигсену, удалось найти выходъ. Онъ предложилъ опредѣлить наличный составъ арміи на 7 лѣтъ въ 401000 чел. Такъ какъ правительство было согласно на такую мѣру, то такъ называемый «септеннатъ» и былъ принятъ рейхстагомъ въ 1874 г.

Рядомъ съ созданіемъ боевой германской силы на первомъ планѣ стояло стремленіе къ завершенію правового и экономическаго единства. Наиболѣе важнымъ шагомъ въ этомъ направленіи было расширеніе компетенціи имперіи на гражданское право во всемъ его объемѣ (1873 г.). Предложеніе въ этомъ смыслѣ было внесено также націоналъ-либераломъ Эдуардомъ Ласкеромъ; онъ былъ замѣчательно остроумнымъ діалектикомъ и оказалъ большія услуги рейхстагу въ смыслѣ ясной формулировки нѣкоторыхъ законовъ, но иногда въ рѣшительные моменты у него не хватало чутья государственнаго дѣятеля. Только принятіе предложенія Ласкера сдѣлало возможнымъ полное правовое единство, которое окончательно было осуществлено введеніемъ общегерманскаго гражданскаго уложенія, потребовавшаго продолжительныхъ подготовительныхъ работъ. Затѣмъ на всю имперію было распространено сѣверо-германское уголовное уложеніе; точно также были урегулированы судопроизводство и судоустройство изданіемъ особыхъ законовъ о гражданскомъ и уголовномъ процессѣ и о порядкѣ инстанціи судебныхъ дѣлъ. Торговый и вексельный уставы были составлены еще таможеннымъ союзомъ; теперь оставались только законы объ авторскомъ правѣ, акціонерныхъ обществахъ и печати. Всѣ эти законы носили на себѣ печать

либерализма и оказали глубокое вліяніе на народную жизнь, простиравшееся далеко за предѣлы юридической сферы. Введеніе полной свободы ремеслъ покончило съ существовавшими еще остатками средневѣковаго экономическаго строя; освобожденіе печати отъ цензуры, залога и гербоваго сбора впервые сдѣлало возможнымъ плодотворную политическую дискуссію. Стремленіе къ полному правовому единству внѣшнимъ образомъ проявилось въ учрежденіи въ Лейпцигѣ имперскаго суда, какъ высшей инстанціи для всей имперіи (1879 г.).

Либеральное направленіе имперскаго правительства не осталось безъ вліянія на правительства отдѣльныхъ государствъ; такъ, прусское управленіе, носившее въ восточныхъ провинціяхъ довольно патріархальный характеръ, было преобразовано въ современномъ духѣ введеніемъ дѣленія на округа (1872 г.).

Послѣднимъ важнымъ проявленіемъ либеральнаго духа нужно считать открывшуюся кампанію противъ притязаній католической церкви на господство. То была дѣйствительно культурная борьба, какъ ее назвалъ Вирховъ,— борьба за свободу совѣсти и національную самостоятельность противъ средневѣковой универсальности и церковнаго властолюбія. Болѣе глубокія причины этой борьбы лежали въ преобразованіи католической церкви въ теченіе XIX вѣка, которое завершилось Ватиканскимъ соборомъ 1870 г. Бисмаркъ внимательно слѣдилъ за ходомъ ватиканскихъ совѣщаній, не предпринимая противъ нихъ никакихъ мѣръ, ибо онъ хотѣлъ, чтобы первые шаги были сдѣланы католическими державами. Образованіе партіи центра усилило недовѣріе канцлера. Никто не покушался на религіозныя убѣжденія нѣмецкихъ католиковъ: если они, не взирая на это, все же организовались въ особую партію, то въ этомъ можно было усмотрѣть только попытку обезпечить, въ согласіи съ планами куріи, рѣшительное вліяніе католической точки зрѣнія на имперскую политику.

Въ Германіи существовало извѣстное число католиковъ, которые не думали выполнять ватиканскихъ рѣшеній. Такъ какъ они считали себя представителями истинной католической традиціи, то они называли себя «старокатоликами». Во главѣ ихъ стоялъ одинъ изъ виднѣйшихъ нѣмецкихъ теологовъ, Игнатій фонъ-Деллингеръ, профессоръ въ Мюнхенѣ; многіе изъ дѣятелей высшихъ учебныхъ заведеній были одного съ нимъ мнѣнія. Для куріи, такимъ образомъ, вопросъ шелъ о ея авторитетѣ среди нѣмецкихъ католиковъ; поэтому папа и епископы примѣнили къ этимъ профессорамъ церковныя карательныя мѣры, на что и имѣли полное право, но при этомъ потребовали также устраненія провинившихся отъ должностей, если они не откажутся отъ своихъ взглядовъ. По этому поводу и произошелъ конфликтъ съ прусскимъ правительствомъ. Оно отказалось смѣстить утвержденныхъ государствомъ преподавателей въ Боннѣ, Бреславлѣ и Браунсбергѣ изъ-за того, что взгляды ихъ не нравились церковному управленію. Такъ какъ епископы настаивали на своемъ требованіи, то Бисмаркъ, видя неизбѣжность борьбы, со своей стороны, перешелъ въ наступленіе, какъ онъ любилъ это дѣлать. Лѣтомъ 1871 г. онъ упразднилъ католическое отдѣленіе въ прусскомъ министерствѣ культа, основанное Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV и состоявшее изъ однихъ

лишь католиковъ; оно имѣло характеръ скорѣе церковнаго, нежели государственнаго учрежденія.

Со своей стороны, поведеніе католическаго баварскаго правительства показывало, что въ данномъ случаѣ дѣло было совсѣмъ не въ протестантской предвзятости; баварское правительство точно также приняло старокатоликовъ подъ свою защиту и даже первое взяло на себя починъ вмѣшательства имперской власти въ эту борьбу. По предложенію баварскаго министра культовъ фонъ-Люца въ союзномъ совѣтѣ былъ принятъ законъ, карающій тюремнымъ заключеніемъ духовныхъ, съ каѳедры или вообще при отправленіи своихъ профессіональныхъ обязанностей нападающихъ на государственныя учрежденія или высказывающихся о государственныхъ дѣлахъ въ духѣ, угрожающемъ общественной безопасности.

Затѣмъ, въ виду ожесточенныхъ протестовъ со стороны католическаго духовенства, Бисмаркъ перешелъ къ болѣе крупнымъ мѣропріятіямъ. Былъ уволенъ въ отставку министръ культовъ фонъ-Мюлеръ, строго ортодоксальный протестантъ, и на его мѣсто назначенъ Адальбертъ Фалькъ, остроумный юристъ и убѣжденный защитникъ государственнаго права, близко стоявшій по своему міровоззрѣнію къ либераламъ (начало 1872 г.). Онъ провелъ законъ, по которому право надзора за обученіемъ предоставлялось исключительно государству. Учебная дѣятельность духовныхъ орденовъ подверглась строгому контролю, а при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ и вовсе запрещалась. Наиболѣе ревностный защитникъ всеобъемлющей духовной власти—орденъ іезуитовъ—былъ совершенно лишенъ права имѣть свои отдѣленія въ Германіи (іюль 1872 г.). Духовенство не оказывало открытаго сопротивленія принятымъ мѣрамъ; повсемѣстно оно настраивало населеніе противъ еретическаго правительства. Въ то же время по личному поводу былъ отозванъ прусскій представитель при Ватиканѣ, т.-е. послѣдовало прекращеніе дипломатическихъ сношеній между Пруссіей и куріей.

Но высшей своей точки культурная борьба достигла въ такъ назыв. майскихъ законахъ 1873 г. По этимъ законамъ церкви запрещалось примѣненіе какихъ-либо карательныхъ мѣръ, кромѣ чисто-духовныхъ; облегчался выходъ изъ церкви; устанавливались особыя правила для подготовленія и образованія католическихъ духовныхъ лицъ и особый государственный судъ для церковныхъ дѣлъ. Требуя принципіально отъ будущихъ духовныхъ лицъ прохожденія гимназическаго и университетскаго курсовъ, равно какъ удостовѣренія при посредствѣ такъ назыв. «культурнаго экзамена» (по исторіи, нѣмецкой словесности, философіи и классическимъ языкамъ) о томъ, что данное лицо получило извѣстный минимумъ свѣтскаго образованія, а также сохраняя за собой право согласія на каждое назначеніе духовныхъ лицъ, государство стремилось къ нарожденію духовенства, получившаго современное свѣтское образованіе. Руководясь при этомъ воззрѣніями протестантской церкви, правительство стало вторгаться въ область, въ которой право распоряженія католической церкви до сихъ поръ никогда никѣмъ не оспаривалось. Напротивъ, учрежденіе государственнаго суда было вполнѣ послѣдовательно: разъ

государство издаетъ подобнаго рода законы, оно должно заботиться и о томъ, чтобы нарушитель ихъ подлежалъ правильному суду.

Повсюду въ католическихъ странахъ проведеніе этихъ законовъ встрѣтило пассивное сопротивленіе со стороны населенія и духовенства, тѣмъ болѣе, что папа угрожалъ отлученіемъ отъ церкви каждому духовному лицу, которое ихъ признаетъ. Государственныхъ инспекторовъ не впускали въ учебныя заведенія, мѣста священниковъ замѣщались безъ согласія государственной власти; когда же правительство запрещало имъ исполненіе требъ, то оказывалось, что некому крестить дѣтей, вѣнчать и хоронить умершихъ. Введеніе гражданскаго брака и передача веденія метрикъ свѣтскимъ чиновникамъ могли бы, конечно, устранить общія правовыя недоразумѣнія, но религіозныя потребности народа остались бы все же неудовлетворенными. Ни привлеченіе къ отвѣтственности, ни штрафы, ни тюремное заключеніе не дѣйствовали на упорствующее духовенство. Государственный судъ приговаривалъ различныхъ епископовъ къ отрѣшенію отъ должности, къ тюремному заключенію или къ высылкѣ, но сопротивленіе продолжалось, нисколько не ослабѣвая. Когда государство установило для всѣхъ вновь назначаемыхъ епископовъ присягу въ томъ, что они будутъ повиноваться государственнымъ законамъ, ее принялъ только одинъ епископъ, избранный старокатоликами, профессоръ Рейнкенсъ. Тогда отъ всѣхъ духовныхъ лицъ потребовали соотвѣтствующаго заявленія и тѣмъ, которые не захотѣли его сдѣлать, прекратили выдачу жалованья. Но каждый священникъ предпочиталъ подвергаться личнымъ лишеніямъ, нежели навлечь на себя презрѣніе своей паствы и гнѣвъ своего главы. Правительство отобрало у духовенства управленіе церковнымъ имуществомъ и въ 1875 г. внесло новую серію майскихъ законовъ. Всѣ ордена и конгрегаціи въ Пруссіи были закрыты, а изъ конституціи были устранены тѣ пункты, которые предоставляли религіознымъ обществамъ право самостоятельнаго управленія своимъ имуществомъ и свободныхъ сношеній со своимъ главой и гарантировали невмѣшательство государства въ назначеніе на духовныя должности.

Постепенно, въ пылу самообороны государство все болѣе становилось нападающей стороной, и является большимъ вопросомъ, удачно ли было выбрано время для такого нападенія, и располагало ли государство достаточными для этого средствами? Протестантское большинство въ прусскомъ ландтагѣ одобряло всѣ боевые законы, вносимые правительствомъ; но католическое меньшинство и въ ландтагѣ было весьма значительнымъ, причемъ представляемыя имъ мѣстности принадлежали къ тѣмъ, гдѣ католики составляли преобладающую часть населенія. Духовенству было не трудно изображать католическому населенію дѣйствія государства въ видѣ не только посягательства на религію, но и въ видѣ посягательства на мѣстныя особенности его родины. Прусское правительство скоро должно было почувствовать, что оно имѣетъ дѣло не съ сопротивленіемъ какой-нибудь пары упрямыхъ священниковъ, но съ энергичной оппозиціей цѣлыхъ частей государства и многихъ милліоновъ гражданъ. Чѣмъ круче были правительственныя мѣропріятія, тѣмъ возбужденнѣе становилось населеніе; страданія «мучениковъ», которыхъ постигла государственная

кара, заставляли лишь тѣснѣе смыкаться ряды арміи сопротивленія. Такая сила, какую представляетъ собой католическая церковь, имѣетъ крѣпкіе корни въ чувствахъ и привычкахъ населенія, и ее нельзя сбить съ занимаемой ею позиціи какими-нибудь двумя внезапными и рѣзкими ударами; для этого требуются годы продолжительной и трудной подготовительной работы. Подобная борьба можетъ имѣть шансы на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если власть церкви надъ умами и сердцами массъ сломлена кореннымъ преобразованіемъ дѣла обученія молодыхъ поколѣній, и новое поколѣніе уже выросло внѣ вліянія церкви.

Безъ сомнѣнія, Бисмаркъ принялъ фактъ возникновенія старокатолическаго движенія за признакъ достаточно сильной расшатанности власти католической церкви надъ умами Германіи; онъ надѣялся, что большая часть католиковъ примкнетъ къ старокатолическому движенію и поддержитъ государство въ его борьбѣ съ куріей; тогда, конечно, у него было бы гораздо больше шансовъ на успѣхъ. Но въ дѣйствительности старокатолицизмъ былъ лишь возмущеніемъ ученыхъ противъ порабощенія церковью духа, не представляя собою никогда народнаго движенія; массы, воспитанныя и руководимыя священниками, такъ же не замѣчали порабощенія духа, какъ человѣкъ при нормальныхъ условіяхъ не ощущаетъ атмосфернаго давленія. Старо католики были немногочисленны; то были офицеры безъ солдатъ, и они не могли оказать ожидаемой отъ нихъ помощи.

Съ другой стороны, Бисмаркъ и либералы недостаточно оцѣнили затрудненія, которыя могли возникнуть въ ихъ собственномъ лагерѣ. Чѣмъ большіе размѣры принимала культурная борьба, тѣмъ озабоченнѣе становилась протестантская ортодоксія. По своей приверженности къ буквѣ она стояла въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо ближе къ католицизму, нежели къ современному міровоззрѣнію, и опасалась, что подъ вліяніемъ этой борьбы пострадаетъ религіозность народныхъ массъ. Вообще ортодоксальнымъ кругамъ въ высшей степени не нравилось, что министръ культа Фалькъ провелъ и въ прусской мѣстной церкви принципъ самоуправленія и участія въ немъ, наряду съ духовенствомъ, свѣтскаго элемента; между тѣмъ, къ этимъ кругамъ принадлежало мѣстное дворянство, которое легко открыло своимъ жалобамъ доступъ къ монарху. Императоръ Вильгельмъ и самъ по религіознымъ соображеніямъ давно уже съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на дѣйствія Бисмарка и вообще мало былъ склоненъ къ общей работѣ съ либералами. Теперь ему приходилось постоянно выслушивать сѣтованія, что борьба противъ церкви подрываетъ религіозныя чувства народа, отчуждаетъ отъ императора сердца его католическихъ подданныхъ и въ результатѣ все-таки останется безуспѣшной. Только непреодолимая энергія воли Бисмарка заставляла императора держаться прежней политики; ибо всѣ парламентскія рѣчи Бисмарка и разные другіе факты, относящіеся къ этому времени, съ полной очевидностью доказывали, что именно Бисмаркъ со всей мощью своей воли былъ главнымъ нервомъ этой борьбы. Разумѣется, онъ предоставилъ Фальку юридическую формулировку отдѣльныхъ законовъ и по собственной иниціативѣ Бисмаркъ кое-что

упустилъ бы или сдѣлалъ бы нѣсколько иначе; разумѣется, онъ смотрѣлъ на нѣкоторыя мѣропріятія лишь какъ на орудія борьбы, имѣя въ виду совершенно не пользоваться ими въ мирное время. Но, во всякомъ случаѣ, Бисмаркъ серьезно желалъ согнуть духовенство передъ закономъ и отучить католическое населеніе отъ его обыкновенія въ политической жизни повиноваться больше своимъ священникамъ, нежели государству. И, когда онъ воскликнулъ въ парламентѣ: «въ Каноссу мы не пойдемъ!», то онъ, дѣйствительно, и въ мысляхъ не имѣлъ уступить или отступить, будучи вполнѣ увѣренъ, что онъ одержитъ побѣду и надъ этимъ врагомъ. Только соображенія, возникшія изъ совершенно иныхъ источниковъ, и измѣненія въ соотношеніи парламентскихъ силъ заставили его въ концѣ семидесятыхъ годовъ рѣшиться на отступленіе.

Устройство финансовъ составляло одну изъ величайшихъ трудностей для новой имперіи. Очень скоро обнаружилось, что таможенныхъ сборовъ и косвенныхъ налоговъ при данной ихъ высотѣ будетъ недостаточно для покрытія расходовъ по имперскому управленію. Бисмаркъ думалъ повысить эти доходы путемъ введенія табачной монополіи, которая существовала въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ государствахъ безъ малѣйшаго вреда для народной жизни; кромѣ того, онъ предполагалъ передать государству желѣзныя дороги. Нѣмецкая желѣзнодорожная сѣть была въ то время еще очень слаба (въ 1870 г. протяженіе желѣзнодорожныхъ линій равнялось 18000 килом., въ 1907 г.— 58000 килом.), и почти всѣ желѣзныя дороги находились въ рукахъ частныхъ обществъ. По плану, грандіозно задуманному Бисмаркомъ, государство должно было выкупить всѣ желѣзныя дороги, и онъ добился, что Пруссія предложила государству купить ея желѣзныя дороги. Но планъ этотъ не удалось провести вслѣдствіе сопротивленія нѣкоторыхъ крупныхъ государствъ; табачная же монополія встрѣтила отпоръ со стороны либеральныхъ партій, которыя противились всякому расширенію государственныхъ предпріятій. Когда оба эти источника доходовъ стали, такимъ образомъ, недоступными имперіи, Бисмарку, помимо повышенія таможенныхъ пошлинъ, не осталось пока другого пути къ достиженію своей цѣли. Ужъ въ теченіе нѣкотораго времени этой мѣры требовали также и промышленники, которые искали въ ней защиты на мѣстномъ рынкѣ отъ массоваго ввоза дешевыхъ иностранныхъ товаровъ; какъ-разъ въ это же время объ охранительныхъ пошлинахъ громко заговорили и крупные землевладѣльцы, до сихъ поръ проповѣдывавшіе принципъ свободы торговли. Дешевый русскій и американскій хлѣбъ наводнялъ нѣмецкій рынокъ и понижалъ цѣны на хлѣбъ; прогрессирующее развитіе промышленности привлекало сельскихъ рабочихъ въ города, гдѣ они находили болѣе высокую заработную плату, болѣе свободную жизнь и больше развлеченій; въ крупныхъ имѣніяхъ началъ ощущаться недостатокъ рабочихъ рукъ, и приходилось повышать заработную плату. При такихъ условіяхъ и сельскіе круги стали требовать государственныхъ мѣропріятій. Наплывъ чужеземнаго хлѣба стремились удержать высокими пошлинами; сверхъ того, хотѣли ограничить

свободу передвиженія, обложить налогомъ биржу, «охранять честное трудолюбіе отъ засилья спекуляціи и акціонерныхъ злоупотребленій».

Самъ Бисмаркъ никогда не занимался экономическими вопросами, но ему было ясно, что желательна возможно большая экономическая независимость Германіи отъ иностранныхъ государствъ, и что, во всякомъ случаѣ, промышленность и сельское хозяйство должны получить поддержку. Такъ какъ главные представители обѣихъ этихъ отраслей народнаго хозяйства требовали охранительныхъ пошлинъ, которыя представлялись притомъ единственнымъ средствомъ дать имперіи необходимые ей собственные доходы, то Бисмаркъ рѣшился выступить въ пользу повышенія таможенныхъ пошлинъ. Вопросъ былъ только въ томъ, пойдутъ ли за канцлеромъ по этому пути либералы, которые принципіально стояли за свободу торговли и которые, въ сущности, болѣе другихъ отказывали имперіи во всѣхъ источникахъ доходовъ. Послѣдующія событія показали, что вопросъ этотъ былъ роковымъ для нѣмецкаго либерализма.

Когда планы Бисмарка были разоблачены, двое изъ его сотрудниковъ—президентъ канцеляріи имперскаго канцлера Дельбрюкъ и прусскій министръ финансовъ Кампгаузенъ—вышли въ отставку; Бисмарку нужно было найти замѣстителей для этихъ важныхъ должностей, и онъ обратился къ выдающемуся вождю націоналъ-либераловъ, Рудольфу фонъ-Беннигсену, пригласивъ его вступить въ министерство. Естественно предполагалось, что партія Беннигсена приметъ экономическія и финансово-политическія воззрѣнія канцлера. Однако, націоналъ-либералы согласились на такую уступку только при условіи, что въ министерство сразу войдетъ нѣсколько членовъ ихъ партіи. Они полагали, что Бисмаркъ не въ состояніи будетъ отклонить ихъ требованія, такъ какъ безъ нихъ у него не будетъ большинства въ рейхстагѣ. При такихъ условіяхъ Беннигсену было невозможно вступить въ министерство одному, такъ какъ это оттолкнуло бы отъ него партію, а безъ ея поддержки его вступленіе для Бисмарка не имѣло бы никакого значенія; канцлеръ нуждался не столько въ его личности, сколько въ поддержкѣ его партіи. Какъ только это положеніе выяснилось, Бисмаркъ въ самой осторожной формѣ прервалъ переговоры съ націоналъ-либералами. Стать во главѣ либеральнаго министерства Бисмаркъ не желалъ да и былъ увѣренъ, что старый императоръ никогда не изъявитъ своего согласія на такое министерство. Такимъ образомъ, попытка склонить націоналъ-либераловъ на сторону экономической политики канцлера не увѣнчалась успѣхомъ, а такъ какъ канцлеръ не могъ отказаться отъ своихъ плановъ, то передъ нимъ стала серьезная задача—создать для себя новое большинство изъ правыхъ и изъ наиболѣе близкаго имъ крыла либераловъ. Но предварительнымъ условіемъ для сближенія съ правыми было прекращеніе культурной борьбы, а также и болѣе внимательное отношеніе къ ортодоксальнымъ воззрѣніямъ въ вопросахъ церковной политики. Какъ-разъ въ эти критическіе дни совершенно неожиданно представился удобный случай для отступленія. Въ февралѣ 1878 г. умеръ папа Пій IX, и преемникъ его, Левъ XIII, который имѣлъ репутацію умѣреннаго и спокойнаго человѣка, а въ сущности былъ однимъ изъ наиболѣе

лукавыхъ дипломатовъ, когда-либо сидѣвшихъ на престолѣ св. Петра, сообщилъ о своемъ вступленіи на престолъ императору Вильгельму въ дружескомъ посланіи, выразивъ при этомъ желаніе достичь примиренія въ церковномъ спорѣ. Однако, несмотря на это, канцлеръ, повидимому, тогда еще не вполнѣ рѣшился пойти навстрѣчу этому желанію. Вѣдь было неизвѣстно, какихъ именно уступокъ потребуетъ Римъ, и можно было опасаться, что онѣ приведутъ къ разрыву правительства съ правымъ крыломъ либераловъ, что сдѣлало бы невозможнымъ образованіе большинства безъ партіи центра. Найти же путь для союза съ этой партіей было не легко: вѣдь съ ней до сихъ поръ шла ожесточенная борьба какъ съ партіей, враждебной имперіи; поэтому понятно, что Бисмаркъ все еще медлилъ. Но тутъ произошли событія, которыя ускорили рѣшеніе.

Лѣтомъ 1878 г. въ теченіе короткаго времени послѣдовало одно за другимъ два покушенія на жизнь императора Вильгельма. Сперва было покушеніе подмастерья жестяника Геделя, совершенно опустившагося субъекта, затѣмъ—д-ра Нобилинга; въ первый разъ императоръ остался невредимъ, во второй онъ получилъ нѣсколько ранъ и долженъ былъ на нѣкоторое время передать регентство наслѣдному принцу. Эти покушенія на жизнь государя, пользовавшагося общей любовью, вызвали въ нѣмецкомъ обществѣ сильное негодованіе. Всѣ невольно спрашивали себя, какимъ образомъ нѣмецъ могъ дойти до подобныхъ безсмысленныхъ и недостойныхъ поступковъ? Повидимому, въ общемъ находили два объясненія: во-первыхъ, расшатанность нравственныхъ и религіозныхъ воззрѣній вслѣдствіе борьбы съ церковью, и, во-вторыхъ,—раздраженіе массъ противъ государства и общества, вызываемое соціалъ-демократической агитаціей. Въ настоящее время при внимательномъ отношеніи къ дѣлу не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что оба эти объясненія невѣрны, и что покушенія были актами индивидуальнаго отчаянія со стороны сбившихся съ пути людей. Но въ то время, въ моментъ возбужденія, многіе, и въ особенности самъ императоръ и придворные круги, думали не такъ. Отъ императорскаго канцлера потребовали, чтобы онъ рѣшительнѣе, нежели это было до сихъ поръ, выступилъ противъ антирелигіозныхъ и антимонархическихъ вліяній. И тѣ и другія для всѣхъ олицетворялись въ соціалъ-демократіи. Нынѣ мы съ трудомъ можемъ себѣ представить, до какой степени тогда было распространено убѣжденіе, что самое исповѣданіе соціалъ-демократическихъ воззрѣній является уже несомнѣннымъ признакомъ душевнаго и нравственнаго паденія человѣка.

Бисмаркъ разсматривалъ всегда и соціальный вопросъ съ точки зрѣнія общей политики. Онъ прекрасно понималъ, что рабочіе стремятся къ обезпеченію своихъ интересовъ; но ихъ вѣра въ ученіе соціалъ-демократовъ представлялась и ему большой опасностью. За шесть лѣтъ (съ 1871 г. по 1877 г.) число голосовъ, поданныхъ за соціалъ-демократовъ на выборахъ въ рейхстагъ, возросло съ 102000 до 493000. Если такъ будетъ итти дальше, и будетъ соотвѣтственно возрастать число депутатовъ соціалъ-демократовъ, то, по мнѣнію Бисмарка, можно было опасаться серьезнаго ущерба для

боевой готовности Германіи и ея могущества среди другихъ державъ. Старыя демократическія требованія, — замѣна постоянной арміи милиціей, выборы народомъ всѣхъ должностныхъ лицъ и абсолютная зависимость правительства отъ народнаго представительства,—казались канцлеру наиболѣе серьезными пунктами соціалъ-демократической программы, тогда какъ конечныя требованія, какъ обобществленіе орудій производства и полное уничтоженіе соціальныхъ различій, онъ считалъ утопическими, а потому практически мало опасными. Онъ уже давно задумывался надъ вопросомъ, какъ предупредить опасность съ этой стороны. Бисмаркъ хотѣлъ улучшить матеріальное положеніе рабочихъ путемъ государственнаго вмѣшательства и такимъ образомъ тѣснѣе связать ихъ съ государствомъ. Въ то же время онъ намѣревался противодѣйствовать распространенію спеціально соціалъ-демократическихъ идей путемъ болѣе строгихъ уголовныхъ законовъ. До сихъ поръ канцлеръ встрѣчалъ мало поддержки въ смыслѣ осуществленія обоихъ этихъ плановъ. Неоднократныя попытки его побудить прусское министерство торговли къ выработкѣ законовъ, которые удовлетворили бы соціалистическія требованія рабочихъ настолько, «насколько это представляется цѣлесообразнымъ и осуществимымъ въ рамкахъ существующаго государственнаго и общественнаго строя», вызывали упорное сопротивленіе со стороны бюрократіи. Стремленіе его создать путемъ пополненія имперскаго уголовнаго уложенія средство для преслѣдованія лицъ и сочиненій, которыя возбуждаютъ классовую ненависть или нападаютъ на бракъ, семью и собственность, не находило сочувствія въ средѣ либераловъ, которые не хотѣли давать согласія на эти дѣйствительно довольно растяжимые «каучуковые параграфы» (1875 г.).

Теперь, благодаря сильному впечатлѣнію перваго покушенія на императора, канцлеръ надѣялся получить въ рейхстагѣ большинство въ пользу исключительнаго закона противъ соціалъ-демократіи. Однако, большая часть либераловъ была принципіально противъ подобныхъ исключительныхъ положеній, и законъ былъ отклоненъ. Вскорѣ послѣ этого послѣдовало второе покушеніе, вызвавшее еще болѣе сильное возбужденіе, такъ какъ императоръ дѣйствительно былъ раненъ, и, по крайней мѣрѣ, можно было доказать, что д-ръ Нобилингъ былъ знакомъ съ соціалъ-демократическими сочиненіями. Ожидали, что въ этотъ моментъ новые выборы подъ лозунгомъ: «охрана престарѣлаго императора отъ преступныхъ покушеній на его жизнь» дадутъ существенное измѣненіе въ составѣ парламента, а, можетъ-быть, въ немъ образуется большинство, съ которымъ Бисмарку удастся провести и его прочіе планы, поневолѣ до сихъ поръ откладываемые. Рейхстагъ былъ немедленно распущенъ, и новые выборы дѣйствительно сильно измѣнили взаимоотношеніе партійныхъ силъ. Консерваторы составили наиболѣе сильную группу, либералы потеряли большое число мѣстъ, и Бисмарку представлялась возможность составить большинство или изъ консерваторовъ и правыхъ либераловъ, или изъ консерваторовъ и центра. Націоналъ-либералы потеряли то положеніе, при которомъ ихъ голосъ имѣлъ рѣшающее значеніе, имъ не оставалось другого выбора, какъ сблизиться съ консервативной партіей или составить съ болѣе

лѣвыми либералами рѣшительную оппозицію противъ правительства и такимъ образомъ, принудить Бисмарка броситься въ объятія центра. Они рѣшили попытаться стать на первый изъ указанныхъ путей, чтобы сохранить за собой хотя бы нѣкоторое вліяніе на правительственныя мѣропріятія. Когда Бисмаркъ представилъ новому рейхстагу исключительный законъ «противъ угрожающихъ обществу стремленій соціалъ-демократіи», то націоналъ-либералы приняли основную мысль закона, которую раньше отвергали, хотя и повели борьбу противъ нѣкоторыхъ его пунктовъ. Правительство, съ своей стороны, пошло имъ навстрѣчу, и такимъ образомъ въ концѣ октября 1878 г. законъ прошелъ при содѣйствіи консерваторовъ и націоналъ-либераловъ. Законъ этотъ воспрещалъ всѣ общества, собранія и произведенія печати, имѣющія цѣлью ниспроверженіе существующаго общественнаго и государственнаго строя, и предоставлялъ правительству сперва на два года право объявлять мѣстности, которымъ угрожаютъ подобнаго рода стремленія, въ осадномъ положеніи и подвергать агитаторовъ полицейскому надзору, а въ случаѣ надобности—и административной высылкѣ.

Но окончательное выясненіе отношеній различныхъ партій къ правительству послѣдовало лишь послѣ того, какъ Бисмаркъ представилъ рейхстагу новый тарифъ охранительныхъ таможенныхъ пошлинъ. Если бы онъ былъ принятъ, то можно было ожидать такого значительнаго повышенія имперскихъ доходовъ, что матрикулярные взносы сдѣлались бы излишними, и явилась бы даже возможность распредѣлять излишекъ между отдѣльными государствами. Бисмаркъ разсчитывалъ, что предлагаемый имъ тарифъ укрѣпитъ національную идею, ибо въ этомъ случаѣ отдѣльныя государства получали бы прямую выгоду отъ существованія имперіи. Можно было считать несомнѣннымъ, что консервативная партія будетъ голосовать за новый тарифъ. Вопросъ былъ въ томъ, какое положеніе займутъ націоналъ-либералы и центръ. Первые, какъ извѣстно, были приверженцами свободной торговли, но большая часть изъ нихъ уже пришла къ заключенію, что, въ случаѣ ихъ упорнаго настаиванія на теоретическомъ принципѣ, они окончательно похоронятъ политическое значеніе своей партіи; однако, у нихъ были и конституціонныя возраженія противъ упомянутой мѣры. Они опасались, что установленіе постоянныхъ доходовъ на неопредѣленное время сдѣлаетъ правительство слишкомъ независимымъ отъ бюджетнаго права рейхстага; поэтому они соглашались на установленіе таможенныхъ пошлинъ лишь на короткій срокъ. Но такой порядокъ представлялъ серьезныя экономическія невыгоды, ибо промышленность и торговля должны пріурочиваться къ болѣе продолжительному существованію опредѣленныхъ таможенныхъ условій. У центра, напротивъ, были опасенія, какъ бы имперія въ такомъ случаѣ не слишкомъ усилилась въ сравненіи съ отдѣльными государствами. Центру было желательно, чтобы имперія въ финансовомъ отношеніи оставалась въ зависимости отъ отдѣльныхъ государствъ. И вопросъ заключался въ томъ, возможенъ ли вообще компромиссъ между подобнымъ желаніемъ центра и намѣреніями Бисмарка?

Изъ переговоровъ съ предводителями націоналъ-либераловъ имперскій канцлеръ вскорѣ вынесъ убѣжденіе, что эта партія по вопросу объ охранительныхъ таможенныхъ пошлинахъ расколется, и что правое ея крыло недостаточно сильно, чтобы провести этотъ законъ сообща съ консервативной партіей. Поэтому онъ началъ переговоры также съ центромъ. Его бесѣда съ Виндгорстомъ 31 марта 1879 года означала поворотный пунктъ въ исторіи новой имперіи. Послѣ нѣсколькихъ столкновеній между нимъ и его бывшими самыми ожесточенными врагами состоялся, наконецъ, миръ. Соглашеніе произошло на компромиссѣ, предложенномъ барономъ фонъ Франкенштейномъ. Центръ изъявлялъ согласіе голосовать за таможенный тарифъ и за повышеніе налога на табакъ; доходы отъ нихъ въ размѣрѣ до 130 милліоновъ марокъ въ годъ поступаютъ въ пользу имперіи, излишекъ же распредѣляется между отдѣльными государствами пропорціонально ихъ населенію; если же этихъ 130 милліоновъ будетъ недостаточно для нуждъ имперіи, то вступаютъ въ силу снова матрикулярные дополнительные сборы. Такъ какъ можно было предвидѣть, что расходы имперіи будутъ постоянно возрастать, то моментъ для матрикуляціи наступилъ бы очень скоро. Этимъ предложеніемъ такимъ образомъ было устранено существующее затрудненіе, но финансы имперіи не были обезпечены на продолжительное время. Бисмаркъ пошелъ на это предложеніе не съ легкимъ сердцемъ, и въ душѣ онъ лелѣялъ надежду, что «франкенштейновское условіе» впослѣдствіи можно будетъ устранить.

Какъ только этотъ компромиссъ получилъ огласку, большинство націоналъ-либераловъ рѣшило голосовать противъ всего закона, такъ какъ онъ представлялъ собой обходъ истиннаго смысла имперской конституціи. Тогда консервативная партія, впервые соединившись съ центромъ, провела законъ (12 іюля 1879 г.). Вслѣдствіе этого шестнадцать націоналъ-либераловъ вышли изъ партіи, ибо они держались того мнѣнія, что партія отнынѣ осуждена на роль безплодной и лишенной вліянія оппозиціи. Въ сущности, рѣшительная ошибка либераловъ заключалась еще въ прежнемъ отношеніи партіи къ планамъ имперскаго канцлера. Бисмаркъ, вѣроятно, никогда бы не разстроилъ стараго большинства и не искалъ бы новыхъ союзниковъ, если бы нашелъ въ партіи правильную оцѣнку своей экономической и финансовой политики. Теперь же либералы все болѣе и болѣе теряли свое вліяніе, ссорились между собой и распадались на новыя и новыя группы. Лѣвое крыло націоналъ-либераловъ, остававшееся вѣрнымъ принципу свободы торговли, откололось въ числѣ 45 человѣкъ (сецессіонисты или либеральный союзъ) отъ націоналъ-либераловъ изъ-за присоединенія Гамбурга къ таможенному союзу и образовало со старой прогрессивной партіей нѣмецко-свободомыслящую партію. Но и эта партія вскорѣ раскололась на двѣ группы: свободомыслящій союзъ и свободомыслящую народную партію; отнынѣ уже рѣдко достигалось объединеніе всѣхъ либераловъ для совмѣстнаго политическаго шага.

Когда Бисмаркъ ввелъ центръ въ свои комбинаціи, то одновременно съ тѣмъ онъ долженъ былъ рѣшиться и на прекращеніе культурной борьбы. Безъ такой уступки съ его стороны вожди центра не шли бы ни на какіе перего-

воры. Первой жертвой этого соглашенія палъ министръ вѣроисповѣданій Фалькъ (1879 г.). Онъ былъ замѣщенъ консерваторомъ, графомъ Путткамеромъ, и уже во время пріискиванія приличной формы для отмѣны майскихъ законовъ на практикѣ было смягчено ихъ примѣненіе; папа, съ своей стороны, выказалъ желаніе итти навстрѣчу правительству, обѣщавъ согласиться на предварительное утвержденіе правительствомъ списка кандидатовъ на духовныя мѣста. Послѣ этого Бисмаркъ въ іюнѣ 1880 г. выхлопоталъ для себя полномочіе сперва на два года по своему усмотрѣнію прекращать дѣйствіе отдѣльныхъ пунктовъ майскихъ законовъ. Затѣмъ это полномочіе было нѣсколько разъ возобновляемо, и постепенно вышли изъ употребленія культурный экзаменъ, государственный судъ и другія учрежденія, введенныя въ эпоху культурной борьбы. Образованіе духовенства снова было предоставлено церкви, возвращеніе духовныхъ лицъ, понесшихъ кару, не вызывало никакихъ возраженій, и было даже возстановлено посольство при Ватиканѣ. Послѣ того, какъ государство ограничило свое право возраженія противъ назначенія духовныхъ лицъ до такой степени, что оно могло быть примѣняемо только въ случаяхъ, если противъ личности даннаго кандидата имѣлись опредѣленные факты изъ его частной или общественной жизни, папа далъ согласіе представлять списокъ кандидатовъ при назначеніи духовныхъ лицъ и въ 1887 г. въ торжественной аллокуціи объявилъ, что борьба между государствомъ и церковью въ Пруссіи прекращена.

Изъ положительныхъ завоеваній, слѣдовательно, удержались, наряду съ предварительнымъ представленіемъ списка кандидатовъ, правда, въ значительно смягченной формѣ, гражданскій бракъ и изгнаніе іезуитовъ. Смѣщенныя государствомъ духовныя лица вернулись на свои мѣста, и это въ глазахъ народа представлялось внѣшнимъ признакомъ полной побѣды церкви въ минувшей борьбѣ. Только возвращенію двухъ епископовъ, которые особенно энергично дѣйствовали во время борьбы противъ правительства, Берлинъ сопротивлялся самымъ рѣшительнымъ образомъ. Папа побудилъ архіепископовъ гнѣзно-познанскаго Ледоховскаго и кельнскаго Мельхерса отказаться отъ своихъ должностей, но въ возмѣщеніе за это далъ имъ болѣе высокія назначенія внѣ Германіи.

Такимъ образомъ, попытка подчинить католическую церковь видамъ государства и исполнить ее духомъ, допустимымъ современной государственной точкой зрѣнія и культурой, безъ всякаго сомнѣнія не удалась. Открытый бой пришлось только отложить до другого времени и заключить перемиріе. Если сравнить этотъ исходъ съ первоначальными планами, то слѣдуетъ сказать, что Бисмаркъ пошелъ-таки въ Каноссу, хотя ему и не пришлось стоять тамъ въ снѣгу босикомъ.

Совмѣстная работа съ центромъ оказалась, однако, гораздо труднѣе, нежели могъ предположить канцлеръ. Въ лицѣ Виндгорста Бисмаркъ встрѣтилъ дипломата, равнаго ему по силѣ, который пользовался имъ для цѣлей центра и изъявлялъ свое согласіе на предложенія канцлера не иначе, какъ заставивъ его предварительно заплатить за это звонкой монетой. Такъ, уже

при продленіи на слѣдующія семь лѣтъ повышенной цифры наличнаго состава арміи, центръ отказалъ въ своемъ согласіи, такъ какъ хотѣлъ ежегодно имѣть возможность продавать свое согласіе наиболѣе дорогой цѣной. Законъ удалось провести лишь при содѣйствіи консерваторовъ и націонал-либераловъ. Отсутствіе прочнаго парламентскаго большинства оказалось особенно невыгоднымъ для правительства, когда Бисмаркъ выступилъ передъ рейхстагомъ со второй частью своей соціальной программы, съ своимъ закономъ объ обезпеченіи рабочихъ.

Этотъ проектъ, какъ и всѣ планы Бисмарка, былъ задуманъ очень смѣло. Бисмаркъ, какъ онъ самъ заявилъ, хотѣлъ внушить неимущимъ классамъ мысль, что государство представляетъ собой не только необходимое, но и благодѣтельное учрежденіе, которое для нихъ выгодно. Главная же опасность для рабочаго, не имѣющаго ничего, кромѣ здоровыхъ рукъ, трудомъ которыхъ онъ долженъ жить изо дня въ день, по мысли Бисмарка, заключается въ уменьшеніи или полной потерѣ трудоспособности вслѣдствіе болѣзни, несчастнаго случая или старости. Обезпечить рабочаго отъ такого несчастія есть христіанскій долгъ, но въ то же время и государственная обязанность правительства. Лучшимъ средствомъ для этого Бисмаркъ считалъ обязательное страхованіе въ учрежденіи, находящемся подъ руководствомъ имперіи. Въ началѣ 1881 г. онъ предложилъ рейхстагу законопроектъ, по которому всѣ рабочіе и служащіе на рудникахъ и заводахъ, получающіе менѣе 2000 марокъ въ годъ, должны быть застрахованы отъ несчастнаго случая въ имперскомъ учрежденіи; расходы на это должны покрываться частью взносами рабочихъ и предпринимателей, частью пособіями отъ обществъ попеченія о бѣдныхъ и отъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ. Управленіе этимъ учрежденіемъ должно находиться въ рукахъ имперіи, чтобы укрѣпить такимъ путемъ среди рабочихъ привязанность къ идеѣ государственности. Законъ этотъ долженъ былъ составлять лишь первый камень въ фундаментѣ широкаго соціальнаго законодательства въ области попеченія о рабочихъ. Канцлеръ хотѣлъ сперва лишь убѣдиться, какъ отнесутся къ его мысли правительство и парламентъ.

Въ союзномъ совѣтѣ Бисмарку удалось провести свое предложеніе, въ рейхстагѣ же оно не прошло. Либералы были противъ принудительнаго страхованія, какъ вмѣшательства въ свободу отношеній между экономическими силами; центръ и часть консервативной партіи были противъ имперскаго учрежденія въ силу партикуляристскихъ соображеній; они хотѣли замѣнить имперское учрежденіе страховыми учрежденіями въ каждомъ изъ союзныхъ государствъ. Но на такое извращеніе основной мысли канцлеръ считалъ невозможнымъ согласиться и временно взялъ свое предложеніе обратно.

Хотя новые выборы осенью 1881 г. не измѣнили состава рейхстага сколько-нибудь существенно, Бисмаркъ все же еще разъ сдѣлалъ попытку провести свой проектъ. Онъ организовалъ обсужденіе законопроекта совершенно необычнымъ путемъ, побудивъ императора Вильгельма обратиться къ рейхстагу съ посланіемъ; сдѣлалъ онъ это съ тѣмъ, чтобы всѣ ясно созна-

вали всю важность этого дѣла. Въ посланіи императоръ заявилъ, что для него лично было бы величайшимъ утѣшеніемъ, если бы въ его правленіе осуществился прочный залогъ внутренняго мира, и для нуждающихся въ помощи «было бы обезпечено и сдѣлано болѣе доступнымъ то пособіе, на которое они предъявляютъ требованіе». Но это выступленіе монарха показалось всей лѣвой рейхстага неконституціоннымъ и только усилило опозиціонное настроеніе. Для достиженія хоть чего-нибудь Бисмарку пришлось отказаться отъ мысли объ имперскомъ учрежденіи и о пособіяхъ изъ общественныхъ средствъ; точно также былъ отклоненъ проектъ учрежденія подобныхъ кассъ въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ; уцѣлѣла одна лишь принудительность страхованія, которая постепенно распространялась на прочія ремесла. Доставленіе необходимыхъ средствъ и управленіе кассами были возложены на предпринимателей, организованныхъ въ профессіональныя товарищества. Отъ старыхъ плановъ Бисмарка сохранились только общій надзоръ и гарантія имперіи: въ такомъ видѣ послѣ продолжительныхъ усилій состоялось страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ (1884). Нѣсколько раньше (1883) былъ проведенъ внесенный позднѣе предыдущаго закона законъ о больничныхъ кассахъ, ибо тутъ Бисмаркъ, считаясь съ настроеніемъ рейхстага, заранѣе отказался отъ помощи государства и требовалъ только обязательности страхованія. Въ 1887 г. закончилось предварительное соціальное законодательство введеніемъ страхованія отъ старости и инвалидности, организованное также на нѣсколько иныхъ основаніяхъ и съ ничтожнымъ участіемъ въ немъ государства.

Безъ сомнѣнія, все это законодательство казалось обрывочнымъ по сравненію съ первоначальнымъ планомъ Бисмарка. Вмѣсто грандіознаго имперскаго учрежденія съ единообразнымъ финансовымъ обоснованіемъ, былъ созданъ рядъ независимыхъ другъ отъ друга кассъ, сферы дѣятельности которыхъ во многихъ пунктахъ взаимно покрывали другъ друга. При такихъ условіяхъ, конечно, у рабочихъ не могло возникнуть ощущеніе непосредственной пользы для нихъ отъ имперіи, чего собственно добивался Бисмаркъ. Правда, было положено начало обезпеченія рабочихъ отъ опасностей и несчастій, но это нисколько не содѣйствовало примиренію рабочаго класса съ существующимъ общественнымъ строемъ. Вожди соціалистовъ постоянно указывали на то, что это учрежденіе, расходы котораго отчасти падали на самихъ же рабочихъ, является лишь ничтожнымъ отчисленіемъ въ ихъ пользу по сравненію съ тѣмъ, что дало бы имъ обобществленіе орудій производства. Но одно было все-таки достигнуто: государство принципіально вышло изъ своего пассивнаго положенія по отношенію къ соціальной жизни и сознало свои обязанности и свои права въ виду возрастанія соціальной розни. Бисмаркъ, идя въ рѣшительный разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ и господствующей теоріей, доставилъ побѣду въ Германіи тому взгляду, что возстановленіе и поддержаніе соціальнаго мира составляютъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ государства, и что государство подорветъ основы своего могущества, если пренебрежетъ этой задачей; поэтому починъ соціальнаго законодательства открылъ для Германіи новую эру и послужилъ примѣромъ почти для всѣхъ другихъ культурныхъ государствъ.

Необычайно крупная фигура Бисмарка, какъ государственнаго дѣятеля, обрисовалась и въ этой борьбѣ очень рельефно, хотя онъ стоялъ первоначально довольно далеко отъ этой области и совершилъ въ ней рядъ частичныхъ неудачъ. Представимъ себѣ на мгновеніе, въ какомъ положеніи теперь находилась бы имперія, если бы Бисмарку удалось цѣликомъ осуществить свои планы: въ финансовомъ отношеніи она была бы неприкосновенна, такъ какъ ея финансы были бы обезпечены таможенными доходами полностью, табачной монополіей и всѣми германскими желѣзными дорогами; отдѣльныя государства пользовались бы ея избытками, а не она вымаливала бы, наоборотъ, гроши у ихъ дверей, при этомъ имперія была бы въ тѣсномъ единеніи со всѣмъ рабочимъ сословіемъ черезъ посредство большого имперскаго страхового учрежденія. Если мы представимъ себѣ, что большинство либераловъ со всей своей энергіей пошло бы навстрѣчу этимъ планамъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, какъ они сдѣлали бы это теперь безъ всякихъ размышленій, и что Бисмарку не пришлось бы трудиться надъ составленіемъ консервативно-клерикальнаго большинства, то и вся политика имперіи и отдѣльныхъ государствъ во всей совокупности, и въ особенности въ области духовной жизни, носила бы совсѣмъ иной характеръ.

Во всякомъ случаѣ, описанная намъ борьба изъ-за самыхъ основъ общественной жизни въ новой имперіи, поглотившая всѣ силы ея, ясно показываетъ намъ, что и Германія въ эту эпоху нуждалась въ мирѣ, что и здѣсь нельзя было думать о политикѣ захватовъ наступательнаго движенія. И въ Германіи, какъ и во Франціи, были рады возможности спокойно привести свои дѣла въ надлежащій порядокъ.

Точно такъ же дѣло обстояло и въ Австро-Венгріи. Эта своеобразная имперія, населенная столь пестро переплетающимися между собой народностями, въ прежнее время обладала нѣкоторымъ единствомъ вслѣдствіе господства въ ней нѣмецкаго элемента. Послѣ тяжелаго пораженія, понесеннаго ею въ 1866 г., весь государственный строй ея потребовалъ преобразованія. Вліяніе нѣмцевъ было ослаблено вслѣдствіе уничтоженія ихъ связи съ имперіей. Напротивъ, самосознаніе мадьяръ возросло; съ Венгріей уже нельзя было больше обращаться какъ съ покоренной провинціей. Императоръ Францъ-Іосифъ рѣшился поэтому дать согласіе на полную двойственность монархіи, которая и была формулирована въ такъ называемомъ «соглашеніи» 1867 г., составляющемъ собственно основной законъ имперіи Габсбурговъ. По этому соглашенію обѣ половины имперіи, цислейтанская (къ которой принадлежали также Галиція и Далмація) и транслейтанская, имѣли общаго монарха, общую внѣшнюю политику, армію и флотъ, равно какъ и средства на покрытіе расходовъ по этимъ учрежденіямъ. Расходы эти распредѣлялись приблизительно по экономической производительности обѣихъ частей; первоначально была установлена «квота» въ размѣрѣ 70% для Цислейтаніи и 30% для Транслейтаніи. Комиссіи отъ обоихъ парламентовъ, такъ называемыя делегаціи,

ежегодно должны собираться для обсужденія общихъ дѣлъ и притомъ попеременно на территоріи каждой части имперіи. Затѣмъ нѣкоторое количество дѣлъ было отнесено хотя и не къ числу общихъ, но также требующихъ совмѣстнаго обсужденія; сюда относятся монетное дѣло, таможенныя пошлины, общіе экономическіе вопросы, внутренніе распорядки арміи и флота. Во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ обѣ части имперіи пользуются полной самостоятельностью.

Въ Транслейтаніи была вновь введена прежде отмѣненная конституція 1848 г. съ ничтожными измѣненіями. Эта конституція даетъ парламенту очень широкія права; въ верхней палатѣ главенствуетъ исключительно мадьярское дворянство; оно же господствуетъ и въ палатѣ депутатовъ косвеннымъ путемъ черезъ посредство публичности выборовъ и высокаго ценза, который лишаетъ политическихъ правъ большую часть сербскаго и румынскаго населенія. Только Хорватія сохраняетъ за собой нѣкоторую обособленность [1]). Въ остальной части Транслейтаніи мадьяры, составлявшіе едва половину всего транслейтанскаго населенія, безпрепятственно провели свое владычество и съ особымъ организаторскимъ талантомъ и грубостью фактически почти совершенно мадьяризировали эту половину имперіи, хотя въ культурномъ отношеніи они немногимъ стояли выше славянскихъ племенъ и значительно уступали многочисленнымъ нѣмцамъ, живущимъ здѣсь.

Въ Цислейтаніи положеніе было гораздо болѣе запутано. По конституціи 1861 г., нѣсколько дополненной, здѣсь былъ созданъ общій парламентъ, рейхсратъ; рядомъ съ верхней палатой и здѣсь существовала палата депутатовъ, которая составлялась не путемъ прямыхъ выборовъ, а изъ делегатовъ отъ ландтаговъ всѣхъ отдѣльныхъ коронныхъ земель. Съ своей стороны, ландтаги выбирались по весьма сложному способу. Одну часть депутатовъ въ нихъ выбирали крупные землевладѣльцы и торговыя камеры, другую часть путемъ непрямыхъ выборовъ города и сельскія общины отдѣльно. Въ компетенцію рейхсрата входятъ бюджетъ, экономическія и военныя дѣла Цислейтаніи, вопросы торговли, гражданскаго, государственнаго права, печати, санитарное состояніе, право союзовъ и собраній, организація судовъ и управленій, вопросы вѣроисповѣданія и народнаго просвѣщенія. Все прочее подлежитъ самостоя-

---

[1]) Хорватія, оказавшая въ 1848 г. помощь Австріи въ смыслѣ подавленія венгерскаго возстанія, получила въ 1867 г. полную автономію. Она имѣетъ свой сеймъ, вполнѣ самостоятельный въ вопросахъ внутренняго управленія, своего «бана», утверждаемаго съ согласія Венгріи императоромъ-королемъ и считающагося отвѣтственнымъ передъ загребскимъ сеймомъ; Хорватія имѣетъ также самостоятельные департаменты юстиціи и народнаго просвѣщенія, и законодательство по этимъ вопросамъ предоставлено всецѣло ей. Выдѣливъ Хорватію въ государственно-національномъ отношеніи, Венгрія, однако, поставила ее въ полную экономическую зависимость отъ себя, объявивъ общими для Венгріи и для Хорватіи вопросы военнаго, финансоваго, морского, торговаго управленія, а также путей сообщенія, промышленности и банковыхъ учрежденій. Для обсужденія общихъ вопросовъ Хорватія посылаетъ въ венгерскій парламентъ 40 депутатовъ, которые принимаютъ участіе въ дебатахъ парламента лишь тогда, когда обсуждаются общіе для Венгріи и Хорватіи вопросы. *Ред.*

тельному вѣдѣнію отдѣльныхъ коронныхъ земель. Слѣдовательно, Австро-Венгрія есть союзное государство въ болѣе широкомъ смыслѣ, которое состоитъ изъ двухъ союзныхъ государствъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, причемъ отдѣльные члены этихъ союзныхъ государствъ имѣютъ одного и того же монарха, но особые парламенты почти съ такой же сферой дѣятельности, какъ въ нѣмецкихъ отдѣльныхъ государствахъ.

Весь конституціонный строй былъ основанъ на молчаливомъ предположеніи, что господство нѣмцевъ сохраняется, по крайней мѣрѣ, въ Цислейтаніи. Славяне, правда, преобладали по численности, но распадались на цѣлый рядъ рѣзко обособленныхъ, отчасти даже враждовавшихъ между собой народностей, такъ что относительно нѣмцы представляли собой наиболѣе сильную часть народа. Превосходство ихъ въ культурномъ отношеніи не подлежало сомнѣнію, и система выборовъ въ ландтаги и рейхсратъ обезпечивала имъ большинство въ парламентскихъ корпораціяхъ. Но они хотѣли выразить идею единства цислейтанской области и своего преобладанія и введеніемъ также нѣмецкаго языка, въ качествѣ государственнаго, въ парламентѣ, управленіи и въ судѣ. Въ практическомъ отношеніи это стремленіе оправдывалось тѣмъ, что прочія народности другъ друга не понимали, и что въ то время доступный для всѣхъ нѣмецкій языкъ дѣйствительно былъ единственнымъ средствомъ общенія между собой для всѣхъ народностей Австріи.

Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этого плана была рознь между собою самихъ нѣмцевъ; крупное землевладѣніе сплошь раздѣляло феодально-клерикальныя воззрѣнія и склонно было къ болѣе рѣзкому проведенію самостоятельности отдѣльныхъ коронныхъ земель. Бюргерство отличалось болѣе либеральными тенденціями и стремилось къ освобожденію государства отъ клерикальнаго вліянія, которое именно въ Австріи было еще весьма сильно, а также къ включенію отдѣльныхъ провинцій въ общій государственный строй. Сперва императоръ Францъ-Іосифъ предоставилъ либераламъ полную волю; послѣ того, какъ онъ долженъ былъ сдѣлать Венгріи такія значительныя уступки, онъ хотѣлъ, по меньшей мѣрѣ, сохранить единство Цислейтаніи. Министерство князя Карла Ауэрсперга (съ 1868 г.) тотчасъ же начало борьбу съ клерикализмомъ. Оно отмѣнило существовавшій конкордатъ, предоставило всѣмъ гражданамъ, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія, одинаковыя гражданскія права, объявило обученіе дѣломъ государства и ввело факультативный гражданскій бракъ; кромѣ того, князь Ауэрспергъ пытался хотя нѣсколько упорядочить совершенно разстроенные финансы и увеличить военную силу Австріи путемъ введенія всеобщей воинской повинности по прусскому образцу съ трехгодичнымъ срокомъ службы.

Но прежде всего противъ господства нѣмцевъ возстали чехи и поляки; первые требовали для королевства Венцеслава такого же независимаго положенія, какого Венгрія добилась для себя; галиційскіе же поляки добивались, по меньшей мѣрѣ, большей независимости отдѣльныхъ ландтаговъ. Будучи устранены изъ министерства, они прибѣгали къ слѣдующему средству: они вообще перестали посѣщать рейхсратъ, оспаривая этимъ путемъ у него право

принимать въ ихъ отсутствіи рѣшенія, имѣющія законную силу. Этимъ была парализована всякая дѣятельность парламента, и министры потребовали отъ императора роспуска отдѣльныхъ ландтаговъ и измѣненія избирательнаго права: отнынѣ, по плану Ауэрсперга, вмѣсто отказывающихся посѣщать парламентъ депутатовъ, должны были быть избраны другіе, прямой подачей голосовъ, а не отдѣльными ландтагами согласно избирательному закону 1861 г. Противъ антиклерикально-нѣмецкой политики Ауэрсперга поднялись, одновременно съ славянами, и клерико-феодальные элементы нѣмецкаго общества, которымъ вскорѣ удалось возстановить императора противъ его безбожныхъ министровъ, которые, по словамъ клерикаловъ, подрываютъ вмѣстѣ съ авторитетомъ церкви также и авторитетъ государства и возбуждаютъ у не-германскаго населенія ненависть къ династіи и ко всему государству. Подъ вліяніемъ этихъ навѣтовъ императоръ отказалъ министрамъ въ своемъ согласіи, и они подали въ отставку (1870 г.).

Послѣ двухъ министерствъ, продержавшихся лишь короткое время, въ началѣ 1871 г. составилось клерикальное министерство Гогенварта. Уже самымъ фактомъ допущенія въ него двухъ чеховъ оно заявляло о своемъ намѣреніи покончить съ господствомъ нѣмцевъ. Чехамъ была обѣщана широкая самостоятельность для земель, принадлежавшихъ коронѣ Венцеслава, формулированная въ такъ называемыхъ 18 пунктахъ (7 октября 1871 г.). Если бы эта мѣра была проведена, то пришлось бы дать то же самое и полякамъ, такъ что Цислейтанія распалась бы на три довольно самостоятельныя группы государствъ. Когда эти соглашенія получили огласку, то они вызвали среди нѣмцевъ настоящую бурю негодованія. Но Францъ-Іосифъ поддерживалъ своихъ министровъ; рейхсратъ и отдѣльные ландтаги были распущены, и при новыхъ выборахъ нѣмцы оказались въ меньшинствѣ. Ихъ отказъ отъ участія въ совѣщаніяхъ едва ли могъ бы помочь, если бы въ послѣднюю минуту въ это дѣло не вмѣшался общій австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Бейстъ. Онъ опасался, что внутренняя борьба партій въ сильной степени затруднитъ внѣшнюю политику монархіи, и потому не только протестовалъ противъ намѣренія Гогенварта, но и побудилъ венгерскаго министра-президента, графа Андраши, заявить, что соглашеніе 1867 г. предполагаетъ единство Цислейтаніи; если же это условіе будетъ измѣнено, то все соглашеніе становится спорнымъ въ смыслѣ своей юридической силы. Императоръ встрѣтилъ такимъ образомъ непредусмотрѣнныя затрудненія и запретилъ министрамъ представить рейхсрату заключенныя ими соглашенія съ чехами. Послѣ этого министерство вышло въ отставку, но и Бейстомъ пришлось пожертвовать для удовлетворенія славянъ и клерикаловъ. Во главѣ новаго министерства сталъ князь Адольфъ Ауэрспергъ, а общимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Андраши. Всѣ эти событія свидѣтельствовали не только о глубокихъ національныхъ и партійныхъ политическихъ распряхъ, но и о полной безпомощности императора, который поддавался то тѣмъ, то другимъ совѣтамъ. Наиболѣе очевиднымъ результатомъ этого было значительное усиленіе венгерскаго вліянія во всей имперіи.

Теперь министерство Ауэрсперга получило отъ императора согласіе на реформу избирательнаго права. 2 апрѣля 1873 г. былъ объявленъ новый избирательный законъ, который впервые обратилъ австрійскій рейхсратъ изъ органа отдѣльныхъ ландтаговъ въ настоящій парламентъ. Однако, и тутъ сохранилось подраздѣленіе избирателей на четыре класса, какъ оно было принято для выборовъ въ ландтаги, а также косвенные выборы въ сельскихъ общинахъ (избиратели и выборщики). Распредѣленіе депутатовъ по отдѣльнымъ провинціямъ было очень выгодно для нѣмцевъ; въ первые годы послѣ реформы въ рейхсратѣ противъ 220 нѣмецкихъ голосовъ было только 115 славянскихъ и 18 отъ прочихъ мелкихъ народностей. Но этотъ численный перевѣсъ голосовъ не могъ быть использованъ во всемъ объемѣ, ибо между отдѣльными нѣмецкими группами продолжались несогласія, хотя большинство принадлежало къ партіи либераловъ (такъ назыв. вѣрныхъ конституціи), которые ставили себѣ цѣлью сохраненіе единства имперіи согласно основнымъ законамъ конституціи 1861 г.

Вторымъ важнымъ актомъ министерства Ауэрсперга было возобновленіе борьбы съ клерикализмомъ, прерванной въ 1870 г. Къ этому его побуждали какъ рѣшенія ватиканскаго собора и вспыхнувшая въ Германіи культурная борьба, такъ и то обстоятельство, что въ предшествовавшихъ столкновеніяхъ католическое духовенство всегда стояло на сторонѣ феодальной и федеральной партій. Иниціаторъ новыхъ законовъ, министръ культовъ Штремайръ, открыто заявилъ въ парламентѣ, что «правительство не можетъ допустить, чтобы служители Бога обратились въ мандаторовъ государственной оппозиціи». Самые законы, числомъ четыре, ставили разрѣшеніе (placet) государя выше всякихъ папскихъ и епископскихъ объявленій и вводили обязанность предъявлять списокъ кандидатовъ на всѣ духовныя должности. Далѣе, государству предоставлялось широкое право надзора за монастырями и орденскими учрежденіями; монастыри съ ихъ богатствами были въ большомъ размѣрѣ привлечены къ участію въ уплатѣ жалованья служителямъ церкви; наконецъ, предоставлялась полная свобода культа всѣмъ религіознымъ общинамъ, коихъ ученіе не противорѣчитъ государственнымъ законамъ и нравственности. Эти законы вытекали изъ тѣхъ же воззрѣній, какъ и прусскіе, изданные во время культурной борьбы, что и было категорически констатировано папой Піемъ IX. И тѣмъ удивительнѣе, что католическая церковь отнеслась къ нимъ здѣсь совершенно иначе. Епископы, правда, ссылались на авторитетъ папы въ отдѣльныхъ заявленіяхъ, направленныхъ противъ признанія основныхъ положеній, устанавливаемыхъ государствомъ, но фактически подчинились требованію о предъявленіи именъ кандидатовъ на духовныя мѣста, какъ и всѣмъ прочимъ постановленіямъ законовъ. Причина такого отношенія заключается до извѣстной степени въ томъ, что Австрія представляла собой одну изъ самыхъ вліятельныхъ католическихъ великихъ державъ, услуги которой всегда могли понадобиться куріи; кромѣ того, папа зналъ, вѣроятно, изъ сообщеній самого императора, что Францъ-Іосифъ, всегда лично склонявшійся болѣе въ сторону клерикальныхъ, нежели либеральныхъ взглядовъ,

не сочувствовалъ мѣропріятіямъ своихъ министровъ, но въ виду парламентскаго положенія въ тотъ моментъ хотѣлъ избѣгнутъ конфликта съ ними. Во всякомъ случаѣ, выжидательная политика представлялась куріи единственно правильной; спустя какихъ-нибудь два года выжиданія либеральное теченіе прошло, и, несмотря на свои церковные законы, Австрія по своему существу осталась тѣмъ католическимъ государствомъ, въ которомъ духовенство обладало своимъ прежнимъ вліяніемъ.

Наконецъ, правительство обратило свое вниманіе и на экономическій подъемъ страны. Раньше всего при этомъ была произведена реформа налоговъ, покупка государствомъ желѣзныхъ дорогъ и преобразованіе таможеннаго тарифа. Въ таможенномъ вопросѣ стремленія промышленниковъ къ усиленному покровительству мѣстнымъ произведеніямъ и здѣсь столкнулись съ теоретическими взглядами либеральной партіи, и лишь постепенно эти принципіальныя соображенія должны были подчиняться требованіямъ существующаго экономическаго положенія; въ 1877 г. большинство палаты депутатовъ было на сторонѣ покровительственныхъ пошлинъ.

Отношенія Цислейтаніи и Венгріи становились все запутаннѣе. Въ Венгріи существовала партія, стремившаяся послѣ полнаго отдѣленія ея отъ имперіи къ строго парламентскому режиму; главой этой партіи былъ министръ-президентъ Тисса. Партія эта стояла у кормила правленія въ то время, когда въ 1877 г. подлежало возобновленію установленіе доли общихъ расходовъ для обѣихъ половинъ имперіи; партія Тиссы предполагала воспользоваться переговорами по этому предмету въ смыслѣ достиженія улучшенія экономическаго положенія Венгріи. Тисса прекратилъ договоръ съ Цислейтаніей о таможенномъ и торговомъ союзѣ и поставилъ его возобновленіе въ зависимость отъ согласія ея на прочія венгерскія требованія; вслѣдствіе этого соглашеніе не могло быть своевременно возобновлено и состоялось лишь въ 1878 г. Венгріи были сдѣланы уступки въ управленіи общимъ банкомъ и преобразованіи таможеннаго тарифа; квота была оставлена въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ 1867 г., и таможенный и торговый союзы были возобновлены на десять лѣтъ.

Еще во время этихъ переговоровъ согласіе между различными группами конституціонной партіи неоднократно сильно нарушалось, вслѣдствіе чего ставилось на карту дальнѣйшее существованіе либеральнаго правительства. Такъ какъ между личными воззрѣніями императора и желаніями большинства въ церковныхъ и военныхъ вопросахъ давно уже существовало рѣзкое расхожденіе, то министерство не могло обойтись безъ сильной парламентской поддержки. Но полное распаденіе большинства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, новый поворотъ въ судьбѣ Австріи были вызваны лишь русско-турецкой войной и боснійскимъ вопросомъ.

Образованіе итальянскаго королевства было закончено благодаря большимъ европейскимъ войнамъ. Въ 1866 г. Италія пріобрѣла Венецію, въ 1870 г.

свою естественную столицу — Римъ. Сардинская конституція 1848 г., предоставлявшая палатѣ депутатовъ рѣшающую роль въ государственной жизни и надѣлявшая избирательнымъ правомъ каждаго гражданина, умѣющаго писать и читать и обладавшаго опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ, была распространена на всю Италію и въ связи съ революціоннымъ происхожденіемъ государства заранѣе установила крайне стѣснительныя рамки для королевской власти; кромѣ того, приходилось считаться съ существовавшимъ въ странѣ, особенно на югѣ, сильнымъ республиканскимъ теченіемъ. Матеріальныя выгоды, извлеченныя страною изъ факта своего объединенія, заключались прежде всего въ организаціи однообразнаго управленія и въ возстановленіи единства въ области національнаго хозяйства. Таможенныя линіи между отдѣльными частями страны были уничтожены; желѣзнодорожная сѣть развивалась путемъ постепеннаго выкупа ея государствомъ, планомѣрной постройки новыхъ линій и проведенія ихъ въ неаполитанское королевство, которое до тѣхъ поръ было совершенно лишено этого современнаго средства сообщенія. Если эти реформы немедленно не вызвали ожидавшагося экономическаго подъема, то причину этого слѣдуетъ искать отчасти въ недостаточной подготовкѣ населенія къ современной промышленной дѣятельности, отчасти же въ недостаткѣ угля и руды. Эти два важнѣйшіе матеріала современной индустріи должны были привозиться изъ-за границы, что, само собою разумѣется, удорожало производство товаровъ и понижало способность конкуренціи на міровомъ рынкѣ. Помимо того, съ самаго начала своего существованія молодое королевство было обременено тяжелыми долгами, отчасти унаслѣдованными отъ прежнихъ отдѣльныхъ государствъ, отчасти же созданными нуждами освободительной борьбы. Вступленіе Италіи въ кругъ великихъ державъ повлекло за собою такіе крупные расходы на армію и флотъ, которые большинству итальянскихъ государствъ до тѣхъ поръ были совершенно незнакомы.

Особенно затруднительно было положеніе Италіи въ области церковнаго вопроса. Населеніе ея по вѣроисповѣданію—католическое; но верховный глава католической церкви, итальянецъ по происхожденію и имѣющій свою постоянную резиденцію въ Римѣ, былъ самымъ непримиримымъ врагомъ національнаго государства. Правительство объединенной Италіи онъ осыпалъ проклятіями и клеймилъ его какъ шайку разбойниковъ и грабителей, потому что объединеніе уничтожило его свѣтскую власть. Уже Кавуръ тщетно пытался заключить миръ съ римской куріей. Пущенный имъ въ оборотъ лозунгъ: «свободная церковь въ свободномъ государствѣ» долженъ былъ освободить папу и церковь отъ всякаго участія и вмѣшательства въ свѣтскія дѣла, если бы папа согласился признать суверенныя права государства въ этой области и предоставить ему управленіе всѣми свѣтскими дѣлами.

Въ духѣ этихъ именно принциповъ и вырабатывало итальянское королевство свое законодательство. Отказавшись отъ всякаго вмѣшательства въ дѣло подготовки духовныхъ лицъ и въ замѣщеніе церковныхъ должностей, оно, съ другой стороны, закрывало монастыри, поскольку они отклонялись отъ своихъ исключительныхъ функцій — заботы о душахъ и ухода за боль-

ными—и конфисковало ихъ имущества, затѣмъ оно подчинило школы государственному контролю и объявило заключеніе брачнаго союза гражданскимъ актомъ; позднѣе на духовныхъ лицъ была распространена обязанность военной службы. Все это было объявлено папой противнымъ христіанству. Однако, до 1870 г. отношенія между римской куріей и правительствомъ, имѣвшимъ свою резиденцію во Флоренціи, были еще сносны; только съ занятіемъ Рима и съ перенесеніемъ мѣстопребыванія короля въ Латеранъ конфликтъ достигъ своего кульминаціоннаго пункта.

Итальянское правительство желало урегулировать свои отношенія къ папѣ на началахъ закона о гарантіяхъ 2 мая 1871 г. Въ силу этого закона особа папы была признана неприкосновенной; каждое мѣсто, въ которомъ онъ имѣлъ свое пребываніе, пользовалось правомъ экстерриторіальности; свобода избранія папы, свобода почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній куріи съ внѣшнимъ міромъ, ежегодная выдача денежной суммы въ размѣрѣ $3^1/_4$ милліоновъ лиръ въ возмѣщеніе доходовъ, утраченныхъ имъ вмѣстѣ съ его прежней свѣтской властью, должны были дать папѣ всѣ гарантіи, какихъ только можно было пожелать. Однако, Пій IX отвергъ законъ о гарантіяхъ, отказался отъ обѣщанныхъ ему денежныхъ выдачъ и объявилъ себя плѣнникомъ до тѣхъ поръ, пока Римъ останется въ обладаніи какой бы то ни было свѣтской власти. Всѣмъ вѣрующимъ католикамъ онъ запретилъ принимать участіе въ выборахъ, которые будутъ производиться по распоряженію этого разбойничьяго государства.

Въ то время, какъ Италія фактически осуществляла законъ о гарантіяхъ и ни малѣйшимъ образомъ не посягала на неприкосновенность личности папы, Пій IX отказывался покидать покои Ватикана и разыгрывалъ передъ католическимъ міромъ роль несчастнаго плѣнника. Духовенство повсюду выставляло старца, находившагося въ Ватиканѣ, мученикомъ, переживающимъ тяжкія страданія; охотно несли сострадательныя души лепту Петра, и широкимъ потокомъ изъ всѣхъ странъ лились эти приношенія въ Римъ. Менѣе удачны были попытки духовенства побудить католическія государственныя власти къ возстановленію папской области, т.-е. къ борьбѣ съ Италіей.

Если бы приказъ о воздержаніи отъ участія въ выборахъ соблюдался совершенно точно, то подобная забастовка могла бы въ значительной степени повести къ застою въ политической жизни или къ правительственной диктатурѣ. Но такъ какъ и безъ того конституціей отъ избирательнаго права устранялось почти 98% населенія, и притомъ именно низшіе классы его, наиболѣе доступные клерикальнымъ вліяніямъ, то папское запрещеніе имѣло мало практическаго значенія. Интеллигентнымъ слоямъ Италіи національныя стремленія были дороже интересовъ пострадавшаго папы, и они мало считались съ желаніемъ послѣдняго бойкотировать молодое государство. Такъ какъ клерикально настроенные граждане не принимали участія въ выборахъ, то первая, послѣ занятія Рима, новая избирательная кампанія весною 1874 г. дала въ результатѣ большинство, безусловно неблагопріятное притязаніямъ церкви.

Эти выборы впервые обнаружили также—и притомъ наиболѣе ярко—политическій антагонизмъ, раздѣлявшій сѣверную и южную части полуострова. На югѣ, вслѣдствіе ужасныхъ правительственныхъ злоупотребленій, господствовавшихъ въ прежнемъ Неаполитанскомъ королевствѣ, съ одной стороны, и вслѣдствіе недостаточности народнаго образованія и живого темперамента южанъ—съ другой, преобладали радикальныя и чисто-республиканскія теченія. Съ давнихъ поръ пользовались здѣсь огромнымъ политическимъ вліяніемъ тайныя общества; маффіа и каморра имѣли своихъ членовъ въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ и не отступали ни передъ какимъ насиліемъ противъ инако мыслящихъ; отсюда — преобладаніе личныхъ вліяній и кружковщины надъ серьезною дѣловитостью, которыя у политически незрѣлыхъ народовъ такъ часто губятъ парламентаризмъ. На болѣе уравновѣшенномъ и трудолюбивомъ сѣверѣ господствовали болѣе умѣренныя политическія тенденціи. На выборахъ сѣверъ далъ почти исключительно умѣренныхъ, а югъ — радикальныхъ депутатовъ. Въ Римѣ избрали стараго героя свободы—Гарибальди, республиканскія убѣжденія котораго каждому хорошо были извѣстны.

Умѣренные обладали большинствомъ; но какъ ничтожно было это большинство, показала первая же проба силъ при обсужденіи вопроса объ исключительномъ законѣ для Сициліи. Грабежъ расцвѣталъ здѣсь пышнымъ цвѣтомъ; администрація и судъ трепетали передъ маффіей и частью находились подъ ея вліяніемъ. Министерство Мингетти потребовало себѣ неограниченныхъ полномочій для искорененія этого беззаконія; южные депутаты хотѣли помѣшать этому, потребовавъ предварительнаго и основательнаго изслѣдованія положенія дѣлъ въ Сициліи. При голосованіи вопроса правительство побѣдило лишь большинствомъ 17 голосовъ. Оппозиція, однако, росла и, наконецъ, добилась преобладанія, когда ей удалось привлечь на свою сторону тосканскихъ депутатовъ, возмутившихся министерствомъ по мотивамъ чисто-мѣстнаго характера. При одномъ изъ голосованій вопроса о налогахъ (18 марта 1876 г.) министерство Мингетти осталось въ меньшинствѣ и вынуждено было подать въ отставку. Образованіе новаго кабинета принялъ на себя вождь лѣвой, сициліанецъ Депретисъ, старый товарищъ Гарибальди, и до 1891 г. бразды правленія оставались въ рукахъ лѣвой. Въ составъ своего министерства Депретисъ ввелъ исключительно неаполитанцевъ и сициліанцевъ. Его первыми шагами были—удаленіе инако мыслящихъ чиновниковъ и офицеровъ и назначеніе на ихъ мѣсто благонадежныхъ партійныхъ людей. Вступивъ въ обладаніе властью, Депретисъ тотчасъ же распустилъ парламентъ и на новыхъ выборахъ пустилъ въ ходъ всю силу правительственнаго аппарата для обезпеченія успѣха своей партіи. Результатъ получился блестящій: избранными оказались около 400 лѣвыхъ и немногимъ болѣе 100 умѣренныхъ. Съ измѣненіемъ состава сената посредствомъ цѣлаго ряда назначеній, благопріятныхъ господствующей партіи, Депретисъ могъ уже съ увѣренностью разсчитывать на довольно продолжительное господство.

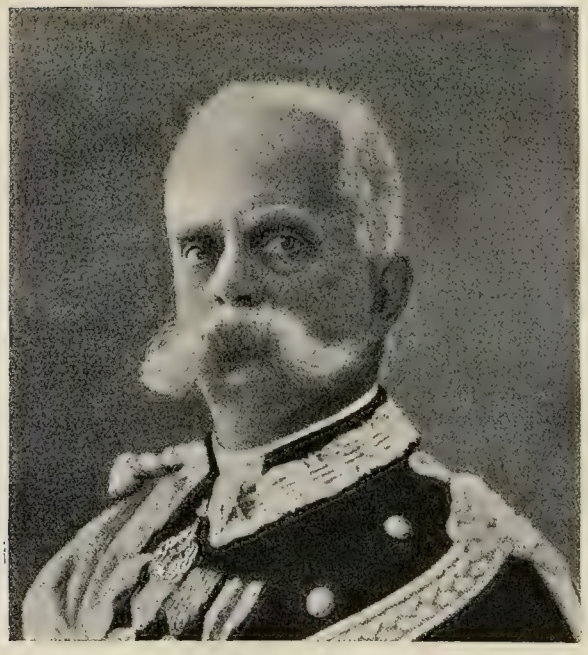
Но въ большой численности министерской партіи именно и таилась опасность новыхъ внутреннихъ конфликтовъ. Вскорѣ министра-президента

стали упрекать, что, располагая всей полнотой власти, онъ не выполняетъ своей программы, о которой онъ раньше оповѣстилъ съ такою широковѣщательной помпой. На самомъ же дѣлѣ министерство еще болѣе обострило борьбу съ церковью, провело систему всеобщаго и обязательнаго обученія, уничтожило оффиціальное религіозное образованіе въ народныхъ школахъ и даже объявило конфискованными тѣ 3 милліона, которые были выброшены папѣ закономъ о гарантіяхъ. Напротивъ того, столь часто обѣщавшуюся имъ реформу избирательнаго права и еще болѣе нетерпѣливо ожидаемое населеніемъ пониженіе налоговъ оно не могло уже осуществить.

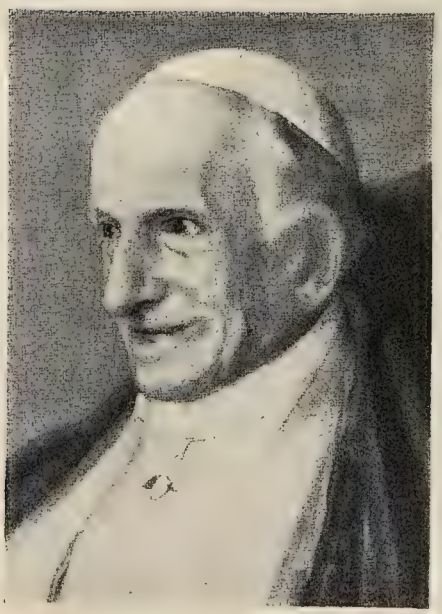
Во главѣ оппозиціи, образовавшейся въ нѣдрахъ собственной партіи, сталъ Кайроли. Весною 1878 г. ему удалось низвергнуть Депретиса и самому занять его мѣсто; но и онъ вмѣстѣ со своимъ министромъ финансовъ Занарделли потерпѣлъ полную неудачу въ вопросѣ о пониженіи налоговъ, который онъ хотѣлъ разрѣшить, не прибѣгая къ сокращенію необходимыхъ государственныхъ расходовъ. Не разъ еще смѣняли другъ друга Депретисъ и Кайроли на руководящемъ министерскомъ посту, пока послѣдній не рѣшился ввести своего соперника въ свой кабинетъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Убѣжденные радикалы и представители южно-итальянскихъ интересовъ сгруппировались тогда вокругъ Криспи, Никотеры и Занарделли, но Кайроли и Депретисъ временно еще сохраняли за собою свою позицію, пока она снова не была сильно поколеблена подъ вліяніемъ оккупаціи французами Туниса. Начатая ими реформа избирательнаго права была закончена только въ 1882 г. Этой реформой избирательный имущественный цензъ былъ наполовину уменьшенъ, но сохраненъ былъ minimum образовательнаго ценза; въ результатѣ— число избирателей съ 600000 повысилось до $2^1/_2$ милліоновъ.

Преобладающее значеніе юга въ общественной жизни Италіи на долгое время превратило парламентъ и администрацію въ арену личнаго соперничества. Постоянная борьба духовно болѣе отсталаго юга съ сѣверомъ, игравшимъ руководящую роль въ объединительномъ движеніи, и обусловленное этимъ фактомъ пониженіе уровня политическаго развитія наложили свой отпечатокъ на внутренней политикѣ Италіи этихъ лѣтъ.

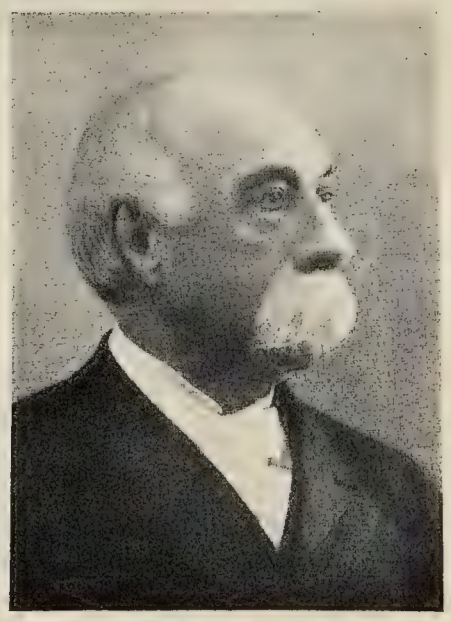
При небольшомъ значеніи монархическаго принципа въ конституціи Италіи вступленіе на престолъ новаго короля вслѣдствіе смерти Виктора-Эммануила (9 января 1878 г.) не оказало замѣтнаго вліянія на положеніе дѣлъ. «Re galantuomo» пользовался большой любовью въ Италіи. Впрочемъ, этой любовью онъ, главнымъ образомъ, обязанъ былъ привлекательности своего личнаго характера и больше обстоятельствамъ, тѣсно связавшимъ его имя съ объединеніемъ Италіи, нежели своимъ политическимъ способностямъ и энергіи. Главными предметами его увлеченій были женщины и лошади. Несмотря на то, что палаты однажды уже покрыли его денежные долги, послѣ него, однако, осталось еще тяжелое бремя долговъ, уплату которыхъ изъ цивильнаго листа принялъ на себя его сынъ, король Гумбертъ. Хотя папа и разрѣшилъ соборовать умирающаго, но воспретилъ колокольный звонъ и участіе духовенства въ торжественномъ погребеніи короля.



ГУМБЕРТЪ I, Король Италіи.



ПАПА ЛЕВЪ XIII.



ФРАНЧЕСКО КРИСПИ.

Нѣсколько недѣль спустя (7 февраля 1878 г.) скончался и Пій IX. Его преемникъ, кардиналъ Печчи, принялъ имя Льва XIII; и онъ отказывался покинуть Ватиканъ и сохранилъ фикцію плѣненія и враждебную позицію по отношенію къ итальянскому правительству; но на практикѣ установился извѣстный modus vivendi.

Государства Пиренейскаго полуострова, вслѣдствіе отпаденія отъ нихъ ихъ важнѣйшихъ колоній въ началѣ XIX ст., лишились своего великодержавнаго положенія. Характеръ ихъ внутренней жизни опредѣлялся той безпрестанной борьбой, которую вели малочисленные образованные классы съ владычествомъ церкви и ея союзникомъ, крупнымъ землевладѣльческимъ дворянствомъ, и которая имѣла слѣдствіемъ цѣлый рядъ революцій и контръ-революцій, не дававшихъ полуострову покоя. Въ Испаніи послѣ изгнанія королевы Изабеллы (1868 г.) шла борьба между республиканской и монархической партіями; послѣдняя одержала верхъ, но долгое время не могла найти подходящаго монарха. Претендентовъ было достаточно; на первомъ планѣ стоялъ усердно поддерживаемый клерикалами донъ Карлосъ, двоюродный братъ Изабеллы, но обо всѣхъ этихъ претендентахъ, уже замѣшанныхъ во внутренней партійной борьбѣ, и слышать никто не хотѣлъ. Послѣ устраненія гогенцоллернскаго принца Леопольда корона была предложена, наконецъ, одному изъ сыновей итальянскаго короля Виктора-Эммануила Амедею, герцогу Аостскому; но ему, въ теченіе его кратковременнаго царствованія (1870—1873 г.г.) не удалось установить никакого порядка. Король оказался безсильнымъ передъ упорнымъ сопротивленіемъ духовенства и карлистовъ, такъ какъ либералы были разъединены внутренними раздорами, а войска были ненадежны: въ концѣ концовъ, онъ сложилъ съ себя корону.

Это на первыхъ порахъ привело къ побѣдѣ республиканцевъ. Кортесы провозгласили 256 голосами противъ 32 республику и избрали Фигвераса, одного изъ дѣятелей федеративной партіи, главою исполнительной власти. При выборахъ 10 мая 1873 г. въ учредительное собраніе побѣдили крайніе федералисты. 17 іюля въ кортесы былъ внесенъ проектъ федеральной конституціи; въ основу его была положена конституція С.-Американскихъ Штатовъ: Испанія должна была состоять изъ 48 кантоновъ съ предоставленіемъ каждому самой широкой автономіи. Считавшійся умѣреннымъ федералистомъ Фигверасъ уступилъ мѣсто послѣдователю Прудона Пи-и-Маргалю, при которомъ, помимо ожесточенной борьбы между уніонистами-республиканцами и федералистами-республиканцами, начались серьезные безпорядки во всей странѣ. Кастилія была противъ дѣленія Испаніи на новые кантоны; въ Мурсіи подняли возстаніе сторонники соціальной реформы; на сѣверѣ агитировали карлисты, а приверженцы Альфонса усиленно выдвигали своего кандидата. При такихъ условіяхъ Пи-и-Маргаль вынужденъ былъ сложить съ себя званіе главы исполнительной власти, и на его мѣсто кортесы избрали (послѣ отказа Сальмерона) Кастеляра, который прибѣгъ къ избитому способу управленія въ Испаніи, къ

военной силѣ и диктатурѣ. Дѣйствія Кастеляра вызвали недовольство кортесовъ, которые 2 января 1874 г. выразили ему недовѣріе. При смѣнившемъ его маршалѣ Серрано послѣ того, какъ кортесы были насильственно разогнаны, и отдѣльныя возстанія жестоко подавлены, началась рѣшительная война съ донъ Карлосомъ, но еще до исхода ея генералъ Мартинесъ Кампосъ призвалъ на королевскій престолъ достигшаго совершеннолѣтія сына Изабеллы, Альфонса XII (декабрь 1874 г.). Когда послѣдній заявилъ, что онъ испанецъ, католикъ и либералъ и намѣренъ править въ духѣ основныхъ конституціонныхъ законовъ, то большинство страны высказалось въ его пользу.

Новый король прежде всего занялся подавленіемъ карлистскаго возстанія, на которое потрачено было два года ожесточенной борьбы, и вынудилъ самого дона Карлоса бѣжать во Францію. Затѣмъ онъ купилъ симпатіи духовенства щедрыми денежными подачками церкви, отмѣной религіозной свободы и гражданскаго брака и обѣщаніемъ не предпринимать ничего въ области взаимныхъ отношеній между церковью и государствомъ безъ согласія папы. Новая конституція 1876 г. объявила католицизмъ государственной религіей, причемъ послѣдователей другихъ религій (онѣ были признаны терпимыми) она лишила права публичнаго исповѣданія ихъ культовъ. Но даже такую ничтожную мѣру терпимости папа осудилъ какъ нарушеніе правъ церкви. Въ остальномъ конституція создавала конституціонную монархію въ ея обычныхъ формахъ. Избирательное право было обусловлено и здѣсь извѣстнымъ цензомъ; но вслѣдствіе сильнаго давленія, которое правительство способно было оказывать на выборы, можно было всегда подобрать желательный составъ для обѣихъ палатъ. Альфонсъ XII покровительствовалъ консерваторамъ, партіи духовенства и грандовъ, предводительствуемой Кановасомъ дель Кастильо; иногда король, въ видахъ предупрежденія возможности чрезмѣрнаго усиленія консерваторовъ, предавалъ бразды правленія конституціоналистамъ, руководимымъ Сагастой. Ряды карлистовъ и республиканцевъ все болѣе и болѣе рѣдѣли, и государственная жизнь Испаніи пріобрѣла болѣе прочную устойчивость. Но и по окончаніи междоусобныхъ войнъ Испанія осталась разслабленной страной, потерявшей свое нѣкогда великое міровое значеніе. Такъ какъ духовенство все-таки сохранило свою господствующую роль, то, конечно, нечего было и думать объ умственномъ, экономическомъ и политическомъ развитіи страны. Лишь съ большимъ трудомъ и къ великому неудовольствію туземцевъ Испанія могла удержать остатки своихъ колоніальныхъ владѣній. Куба съ 1868 по 1878 г.г. находилась въ состояніи возстанія, а на Филиппинахъ также происходило постоянно броженіе. Необходимы были безпрерывные расходы и деньгами и людьми, чтобы помѣшать отпаденію этихъ колоній.

Въ Португаліи царствовала съ 1853 г. династія Саксенъ-Кобургъ-Кохари. Всѣ монархи этой династіи были люди совершенно незначительные. Страна сильно страдала подъ бременемъ долговъ, вызванныхъ прежнею борьбою изъ-за престола; экономически же и политически она находилась въ полной зависимости отъ англійскаго вліянія. И здѣсь либеральная партія вела малоуспѣшную борьбу съ могучею силою духовенства и дворянства,

а наряду съ этимъ, съ начала 80-хъ годовъ, постоянно усиливалась республиканская партія. Африканскія колоніи оставались въ полномъ пренебреженіи, такъ какъ у метрополіи не хватало денегъ ни для разработки и эксплуатаціи ихъ природныхъ богатствъ, ни для содержанія въ нихъ достаточной военной силы для поддержанія здѣсь своего господства.

О положеніи остальныхъ мелкихъ европейскихъ государствъ мы ограничимся лишь немногими словами. Въ Бельгіи государственная жизнь была запечатлѣна антагонизмомъ валлонской и фламандской національностей и борьбою между клерикалами и либералами. Фламандцы постепенно добились права на признаніе оффиціальнаго значенія ихъ языка въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ они составляли большинство. Либералы до 1870 г. обладали большинствомъ въ парламентѣ, но вслѣдствіе раскола въ партіи, вызваннаго вопросомъ о расширеніи избирательнаго права, клерикаламъ удалось овладѣть властью, которою они прежде всего воспользовались для подчиненія своему вліянію школьнаго образованія. Они протестовали противъ нѣмецкаго культуркампфа и противъ занятія Рима итальянцами. Послѣ введенія тайной подачи голосовъ при выборахъ либералы въ 1878 г. еще разъ добились большинства въ парламентѣ и путемъ новаго школьнаго закона старались вырвать народное образованіе изъ рукъ церкви. Повсюду основывались сельскія и городскія школы, поставленныя подъ надзоръ государства; отъ лицъ, желавшихъ занять учительскія мѣста, требовался опредѣленный образовательный цензъ; учебники находились подъ контролемъ правительства; преподаваніе катехизиса было вычеркнуто изъ оффиціальныхъ учебныхъ программъ. Папа и духовенство оказывали упорное сопротивленіе всѣмъ этимъ нововведеніямъ, и дѣло дошло даже до разрыва дипломатическихъ сношеній между Римомъ и Бельгіей. Наряду съ государственными школами повсюду основывались частныя католическія школы, и, подъ угрозой отлученія, родителей-католиковъ принуждали посылать туда дѣтей. Къ несчастью либераловъ, учрежденіе свѣтскихъ школъ стоило большихъ денегъ; пришлось ввести новые налоги, и, когда клерикалами дано было обѣщаніе устранить это финансовое бремя, имъ удалось въ 1884 г. снова добиться большинства. Они тотчасъ же отмѣнили школьный законъ, предоставивъ общинамъ закрыть свои школы тамъ, гдѣ у нихъ существовали частныя учебныя заведенія. Въ послѣднихъ обученіемъ, и, конечно, уже поставленнымъ по-своему, завѣдывали члены духовныхъ орденовъ, и воспитаніе будущихъ поколѣній въ клерикальномъ духѣ снова было обезпечено на долгое время.

Борьба на почвѣ школьнаго вопроса составляла основную проблему общественной жизни также и въ Нидерландахъ. Вслѣдствіе внутреннихъ несогласій въ рядахъ ортодоксальныхъ противниковъ либерализма всѣ преимущества въ этой борьбѣ вначалѣ были на сторонѣ либераловъ. Слишкомъ трудно было достичь солидарности между строгими кальвинистами сѣверныхъ провинцій и строгими католиками южныхъ. Такъ какъ кальвинисты были стороною болѣе сильною, то католики вначалѣ дѣйствовали сообща съ либералами; въ союзѣ съ ними они въ 1857 г. провели школьный законъ, который обя-

зывалъ общины оказывать денежную субсидію свѣтскимъ школамъ, подъ условіемъ исключенія изъ ихъ программъ обученія катехизису. Въ этихъ школахъ устранялось преподаваніе всего того, что могло оскорбить чувства иновѣрцевъ; наряду съ этимъ разрѣшалось и открытіе частныхъ конфессіональныхъ школъ. Но когда католическая партія окрѣпла, она измѣнила свою тактику и стала требовать преобразованія школьнаго закона. Однако, либералы твердо держались за систему одновременнаго существованія общинныхъ и частныхъ школъ, и въ 1878 г. либеральное министерство Каппейне провело новый школьный законъ: вознагражденіе учителямъ было увеличено, общинныя школы стали получать значительную субсидію со стороны государства, былъ введенъ болѣе строгій надзоръ надъ школами и т. д. Помимо этого, съ 1872 г. жгучее значеніе получилъ здѣсь также вопросъ о расширеніи избирательнаго права. Впервые вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ 1887 г. въ томъ смыслѣ, что избирательное право было предоставлено всѣмъ гражданамъ, уплачивающимъ квартирную плату или поземельный налогъ извѣстной величины. Число избирателей благодаря этой реформѣ, уменьшавшей имущественный цензъ на половину, увеличилось почти на 350000 душъ.

Основнымъ факторомъ, опредѣлявшимъ собой общую картину политической жизни въ скандинавскихъ государствахъ, служилъ антагонизмъ между буржуазіей большихъ городовъ и численно значительно преобладавшимъ населеніемъ деревень. Буржуазія держалась политическаго либерализма съ аристократической окраской; деревня съ преобладающимъ въ ней крестьянскимъ населеніемъ была настроена демократично. Наиболѣе ярко обнаруживалась эта демократическая черта сельскаго населенія въ Норвегіи, гдѣ свободные крестьяне составляли основу всего населенія. Буржуазія въ области внѣшней политики высказывалась въ пользу болѣе активнаго участія въ міровой торговлѣ, въ которой она непосредственно была заинтересована, и требовала усиленія арміи и флота; крестьянскіе демократы, наоборотъ, ни въ какомъ случаѣ не желали идти дальше тѣхъ предѣловъ, которые намѣчались потребностями обороны страны, и противились всякимъ болѣе или менѣе значительнымъ военнымъ расходамъ. Точно также существовали серьезныя разногласія между городомъ и деревней по вопросу о реформѣ налоговъ. Правительства всюду старались занять позицію, возвышающуюся надъ интересами отдѣльныхъ партій, но все-таки въ существенныхъ пунктахъ опирались на либераловъ; но какъ только демократическія партіи заняли господствующее положеніе въ палатахъ, былъ возбужденъ вопросъ, обязанъ ли король избирать своихъ министровъ изъ партій большинства? Въ Даніи возникшій на почвѣ этого вопроса конфликтъ повелъ къ продолжительной борьбѣ между первой палатой (ландстингомъ), съ одной стороны, и второй палатой (фолькетингомъ)—съ другой. Въ 1875 г. было сформировано реакціонное министерство Эструпа, сильно поддерживаемое ландстингомъ, и борьба съ нижней палатой превратилась въ хроническую. Въ теченіе 19 лѣтъ министерство оставалось у власти, распускало и созывало нижнюю палату. Каждая новая палата отказывала въ утвержденіи бюджета, ее распускали, но оппозиціонное большинство все болѣе и болѣе

росло. Основываясь на правѣ издавать временные законы, министерство приводило утверждаемый однимъ ландстингомъ бюджетъ въ исполненіе въ формѣ временнаго финансоваго закона. Съ средины 80-хъ гг. правительство перестало ограничиваться финансовыми временными законами и провело рядъ такихъ временныхъ законовъ, которые явились открытымъ нарушеніемъ гарантированныхъ конституціей основныхъ правъ. Въ концѣ 80-хъ гг. въ Даніи наступило царство усиленной охраны. Выборы 1892 г. привели къ пораженію демократическаго большинства вслѣдствіе его распаденія на нѣсколько фракцій, и въ первый разъ за продолжительный періодъ времени представилась возможность провести бюджетъ съ надлежащаго одобренія обѣихъ палатъ. Такимъ образомъ, на этотъ разъ конфликтъ разрѣшился въ пользу короны. Но миръ этотъ оказался непродолжительнымъ. Въ Швеціи корона также заняла властное положеніе, тогда какъ въ связанной личной уніей Норвегіи демократія все болѣе и болѣе выигрывала въ силѣ. Такъ какъ здѣсь еще сказалось отвращеніе норвежскаго населенія къ шведскому владычеству, то во время парламентскихъ дискуссій все яснѣе и яснѣе выступала тенденція къ полному выдѣленію Норвегіи изъ союза. Въ добавленіе ко всему вышеизложенному мы можемъ лишь упомянуть, что послѣднія десятилѣтія XIX вѣка были въ сѣверныхъ государствахъ періодомъ цвѣтущаго развитія духовной жизни; что впервые въ нихъ появились художники и писатели, снискавшіе себѣ европейскую славу, какъ Ибсенъ и Бьернсонъ.

Политическая жизнь Швейцаріи въ это время пріобрѣтаетъ особый интересъ въ томъ отношеніи, что здѣсь получила первое практическое осуществленіе попытка провести принципъ прямого участія народа въ законодательствѣ, чтобы оттѣснить на задній планъ, въ интересахъ чистой демократіи парламентарный принципъ, который, несмотря на свой демократизмъ, содержитъ въ себѣ нѣкоторые аристократическіе элементы. Впервые въ нѣсколькихъ кантонахъ, а съ 1848 года и въ союзной конституціи получило признаніе то основное положеніе, въ силу котораго всякій разъ, какъ по требованію 50000 гражданъ ставится на очередь вопросъ объ измѣненіи конституціи, послѣдній обязательно долженъ быть подвергнутъ всенародному голосованію (референдуму); позднѣе это число было понижено до 30000. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ народу было предоставлено право возраженія противъ каждаго постановленія законодательствующихъ органовъ; въ другихъ было введено обязательное всенародное голосованіе по финансовымъ вопросамъ. Въ Базельскомъ сельскомъ кантонѣ съ 1863 г. обязательно было дважды въ годъ предлагать всѣ законы и введенныя въ нихъ перемѣны на одобреніе народа. Въ новой союзной конституціи 1874 г. былъ введенъ референдумъ для каждаго союзнаго закона, какъ только этого потребуютъ 30000 гражданъ; а въ 1891 г. народу было предоставлено право также и предлагать законы; 50000 голосовъ требуется для проведенія народнаго голосованія. Какъ страна, населенная разнородными конфессіональными группами, Швейцарія въ 70-хъ годахъ также была взволнована религіозной борьбой. Но такъ какъ въ силу союзной конституціи 1874 г. забота

о народномъ образованіи и о свободѣ совѣсти была возложена на союзъ, и каждому кантону вмѣнено было въ обязанность учрежденіе чисто-свѣтскихъ школъ, то усиленію клерикализма здѣсь была положена крѣпкая и рѣшительная преграда.

2. Англія и ея колоніи.

Паденіе въ 1874 г. либеральной партіи, съ давнихъ поръ находившейся у власти, составляетъ крупнѣйшее событіе въ новѣйшей исторіи Англіи. Въ направленіи англійской міровой политики это обстоятельство произвело коренную перемѣну; идея имперіализма одержала свою первую практическую побѣду. Расширить британскую имперію, насколько это представлялось возможнымъ, и сомкнуть ея части въ одно экономически и политически самодовлѣющее, тѣсно связанное, изъ одного центра руководимое цѣлое—такова была основная мысль имперіализма.

До сихъ поръ британская имперія отнюдь не представляла собою политически и экономически однороднаго цѣлаго. Связь между метрополіей и ея колоніями была чрезвычайно слаба, и либеральныя правительства, начиная съ 30-хъ до 70-хъ годовъ, рѣшительно ничего не сдѣлали, чтобы помѣшать дальнѣйшему ослабленію этой связи.

Эта міровая имперія въ томъ видѣ, въ какомъ она была создана британскимъ оружіемъ въ борьбѣ съ Франціей, обнимала собою въ началѣ 70-хъ годовъ около 23 милліоновъ квадратныхъ километровъ съ населеніемъ въ 285 милліоновъ, тогда какъ метрополія занимала пространство величиною только въ 231000 кв. километровъ и насчитывала 28 милліоновъ жителей. Уже въ то время она представляла собою обширнѣйшую территорію, которая когда-либо была объединена подъ однимъ скипетромъ. Римская имперія въ эпоху ея величайшаго могущества охватывала пространство только около $5^1/_2$ милліоновъ кв. километровъ, т.-е. менѣе четвертой части нынѣшней британской имперіи.

Если мы разсмотримъ составныя части этой имперіи, то намъ тотчасъ же бросится въ глаза, что съ чисто-цифровой точки зрѣнія единственной страной, которая даетъ Великобританіи такой громадный перевѣсъ надъ другими европейскими государствами, является Остъ-Индія. Она одна занимаетъ около 4 милліоновъ кв. километровъ и насчитываетъ 241 милліонъ жителей; другими словами—одна Остъ-Индія составляетъ шестую часть поверхности и заключаетъ въ себѣ 84% населенія всей имперіи; безъ этой колоніи британская имперія все же занимала бы пространство еще довольно громадное (19 милліоновъ кв. километровъ), но общее число ея населенія не превышало бы 44 милліоновъ, т.-е. было бы немногимъ болѣе населенія Германіи въ эпоху ея основанія. Индійская имперія благодаря своей величинѣ и замкнутости никогда не имѣла характера англійской колоніи, какъ, напр., Канада или Австралія, но считалась особой государственной единицей, соединенной

съ Англіей своеобразной связью. Это была азіатская имперія съ европейскимъ управленіемъ; представитель англійскаго правительства, вице-король, имѣющій свою резиденцію въ Калькуттѣ, облеченъ по отношенію къ туземцамъ всею властью восточнаго деспота; однако, въ осуществленіи ея онъ связанъ распоряженіями, исходящими изъ метрополіи, гдѣ находится статсъ-секретарь для Индіи; въ рукахъ послѣдняго сосредоточивается отвѣтственное руководительство всѣми дѣлами Индіи.

Вице-король въ Индіи не имѣетъ около себя даже парламентскаго учрежденія, а лишь государственный совѣтъ съ чисто-совѣщательными функціями, состоящій изъ англійскихъ чиновниковъ, къ которымъ вице-король иногда, по собственному усмотрѣнію, можетъ привлечь пользующихся почетомъ туземцевъ. Обширная страна находится частью въ непосредственномъ управленіи вице-короля и его подчиненныхъ, частью—туземныхъ вассальныхъ князей, рядомъ съ которыми поставленъ, однако, британскій резидентъ, являющійся настоящимъ обладателемъ правительственной власти; свои инструкціи онъ получаетъ отъ вице-короля.

Смѣшанное изъ индусовъ, дравидовъ, монголовъ и арабскихъ племенъ населеніе исповѣдуетъ частью исламъ, въ большинствѣ же своемъ придерживается древнихъ индійскихъ вѣрованій. Только сильные религіозные раздоры, различіе по происхожденію и языку и обусловленная этимъ политическая разобщенность страны облегчили сравнительно ничтожному числу европейцевъ подчинить себѣ эту густо-населенную территорію и укрѣпить въ ней свое господство. Европейцы могутъ здѣсь жить только временно, и громадный процентъ ихъ гибнетъ. Въ 1870 г. во всей Остъ-Индіи жило только около 200000 англійскихъ чиновниковъ, солдатъ и купцовъ, стремившихся въ возможно короткое время нажить побольше денегъ съ тѣмъ, чтобы по истеченіи срока службы или по окончаніи своихъ дѣлъ истратить ихъ, если они останутся живы, у себя на родинѣ. Въ видахъ обезпеченія повиновенія со стороны туземцевъ и для прикрытія границъ въ странѣ содержался англійскій гарнизонъ изъ 61000 человѣкъ; наряду съ нимъ британское правительство располагало постепенно организовавшейся туземной арміей сипаевъ въ 120000 человѣкъ, обученныхъ европейскими офицерами по европейскому образцу.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Индія извлекла огромныя выгоды отъ господства англичанъ. Уже одно поддержаніе мира между враждебными религіями и племенами, которыя раньше вели междоусобную борьбу не на животъ, а на смерть, само по себѣ составляетъ громадную культурную заслугу. Затѣмъ британцы проведеніемъ шоссе, желѣзнодорожныхъ линій, каналовъ собственно и пробудили страну къ настоящей жизни и въ высокой степени оживили источники ея матеріальныхъ богатствъ. Не покладая рукъ, работали англичане надъ орошеніемъ земли для борьбы со злѣйшимъ бичомъ населенія, періодически повторяющимся вслѣдствіе недостатка дождей,—голодомъ. Они положили начало воспитанію непокорныхъ и невѣжественныхъ туземцевъ, научивъ ихъ порядку, трудолюбію и полезной экономической дѣятельности.

Но строгіе учителя не пользуются любовью, особенно когда они къ тому

же и высокомѣрны, и безпощадны. Англичане тщательно избѣгали всего, что могло бы пробудить въ туземцахъ сознаніе собственнаго достоинства, какъ людей равноправныхъ съ европейскими господами. Наоборотъ, самымъ рѣзкимъ образомъ подчеркивалась полная противоположность расъ, и всѣмъ своимъ поведеніемъ англичане давали чувствовать индійцамъ на каждомъ шагу, что европейцы—господа, а индійцы—безправные рабы. Выросшая на почвѣ подобныхъ отношеній ненависть къ поработителямъ не уравновѣшивалась тѣми благодѣяніями, которыя индійцы хорошо умѣли цѣнить, и частыя возстанія въ Остъ-Индіи показали, на какомъ шаткомъ фундаментѣ покоилось зданіе англійскаго господства.

При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что поддержаніе этого господства потребовало отъ Индіи крупныхъ матеріальныхъ жертвъ. Остъ-Индія ежегодно уплачиваетъ огромную дань въ видѣ чудовищно высокихъ окладовъ англійскимъ чиновникамъ и такихъ же пожизненныхъ пенсій тѣмъ, которые прослужили въ Индіи опредѣленное число лѣтъ. Значительнѣйшая часть этихъ денегъ уплываетъ въ Англію, гдѣ пенсіонеры проживаютъ свои доходы. Экономически Остъ-Индія также является данницей Англіи. Она доставляетъ туда къ услугамъ англійской промышленности весьма важные сырые матеріалы, какъ хлопокъ, кофе, чай; но прежде всего Остъ-Индія покупаетъ огромное количество произведеній англійской промышленности. Вслѣдствіе густоты своего населенія она служитъ для англійской индустріи важнѣйшимъ мѣстомъ сбыта на всемъ земномъ шарѣ. И англичане пользуются своимъ политическимъ могуществомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы тормозить малѣйшее развитіе мѣстной промышленности и удержать этотъ рынокъ въ своемъ исключительномъ обладаніи.

Такимъ образомъ, значеніе Индіи для Великобританіи нельзя оцѣнивать по финансовымъ результатамъ колоніальнаго управленія; если даже допустить, что эти результаты показываютъ ничтожный чистый доходъ или даже дефицитъ, то обладаніе Индіей, уже благодаря упомянутымъ выше уплатамъ и широкому потребленію британскихъ товаровъ, составляетъ громадный выигрышъ для англійской промышленности. Къ этому нужно еще добавить указаніе на моральное значеніе британскаго могущества въ южной Азіи, обезпечивающаго за ней крупное вліяніе на всю эту часть земного шара; Остъ-Индія является также незамѣнимой школой для британскаго колоніальнаго управленія и для британской арміи.

Совершенно другой характеръ имѣла собственно британская колоніальная имперія. Тропическія области до 70-хъ годовъ еще играли въ ней очень незначительную экономическую и политическую роль; кромѣ Вестъ-Индскихъ острововъ съ ихъ сахарными, хлопчатыми, кофейными, чайными и табачными плантаціями, Англія владѣла въ тропикахъ только безполезной Гвіаной въ Южной Америкѣ и нѣсколькими береговыми полосами въ Африкѣ. Ядро этой болѣе ограниченной колоніальной имперіи образовали преимущественно самоуправляющіяся колоніи англійскихъ выходцевъ въ Сѣверной Америкѣ, Австраліи и южной Африкѣ. Населеніе этихъ колоній въ $7^1/_2$ милліо-

новъ душъ въ подавляющемъ своемъ большинствѣ европейскаго происхожденія и европейской культуры. Къ англо-саксонскимъ элементамъ примѣшивался еще сильный элементъ французовъ въ Канадѣ, голландцевъ—въ южной Африкѣ; но руководящая роль принадлежала англо-саксонской расѣ, которая наложила свой отпечатокъ и на культуру колоній, въ особенности въ области языка и нравовъ.

Англійскіе поселенцы вмѣстѣ со своими нравами перенесли черезъ океанъ и свои политическіе взгляды и выработанныя ими формы жизни. На новой своей родинѣ они не хотѣли разставаться ни съ правомъ на личную свободу, ни съ правомъ на самоуправленіе, столь обычными для англичанина. Метрополія, считаясь съ желаніями колоній, предоставляла новымъ государственнымъ единицамъ, какъ только онѣ достигали извѣстной величины и значенія, свободныя политическія учрежденія, въ существенныхъ своихъ чертахъ сходныя между собою и съ учрежденіями самой Англіи. Во главѣ управленія становился назначаемый англійскимъ правительствомъ губернаторъ, облеченный правами конституціоннаго монарха, а рядомъ съ нимъ—отвѣтственное передъ парламентомъ министерство, которое обыкновенно выбиралось изъ парламентскаго большинства. Парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ, причемъ члены верхней палаты большей частью назначаются губернаторомъ; члены же нижней палаты избираются на основаніи имущественнаго ценза. Нижняя палата, какъ и въ метрополіи, играетъ главную роль въ политической жизни колоній. Финансы, хозяйственная жизнь, управленіе и законодательство всецѣло сосредоточены въ вѣдѣніи этихъ мѣстныхъ учрежденій, только въ опредѣленныхъ случаяхъ предоставлена возможность апеллировать въ Лондонъ на рѣшенія высшихъ колоніальныхъ судовъ. Напротивъ того, во внѣшней политикѣ колоніи всецѣло зависятъ отъ метрополіи. Въ общемъ колоніи пользуются очень широкою самостоятельностью и сознаютъ себя какъ бы независимыми государствами; свои отношенія къ метрополіи онѣ регулируютъ отчасти при посредствѣ постоянныхъ представителей, которыхъ онѣ содержатъ въ Лондонѣ.

Старѣйшей и важнѣйшей изъ этихъ колоній, образовавшихся изъ европейскихъ выходцевъ, была группа сѣверо-американскихъ колоній. Въ 1867 г. отдѣльныя государства этой группы, за исключеніемъ Ньюфаундлэнда, соединились, съ согласія метрополіи, въ союзъ государствъ, въ Dominion of Canada, который, въ свою очередь, получилъ парламентское устройство во главѣ съ генералъ-губернаторомъ, назначаемымъ королемъ; губернаторы же отдѣльныхъ штатовъ союза отнынѣ назначались генералъ-губернаторомъ. Населеніе этой колоніальной области было еще рѣдко (3.800.000 жителей); арктическій сѣверъ на большей части своей территоріи необитаемъ; но среднія и южныя полосы обладали болѣе благопріятнымъ для европейцевъ климатомъ, богатыми лѣсами и полями, удобными для культуры пшеницы; заселеніе запада едва только началось. Въ главныхъ мѣстностяхъ Верхней и Нижней Канады съ давнихъ временъ насчитывался значительный процентъ населенія французскаго происхожденія; французскій языкъ оффиціально былъ признанъ вторымъ государственнымъ языкомъ. Англія содержала здѣсь на свой счетъ войско въ 2000 человѣкъ,

тогда какъ колоніи совсѣмъ не имѣли постояннаго войска, а лишь милицію. Страна занималась, главнымъ образомъ, производствомъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и ежегодно отправляла огромное количество скота и хлѣба въ Англію, откуда взамѣнъ получала продукты фабричнаго производства. Настоящей собственной промышленности еще не существовало. Въ колоніи имѣлась сильная партія, агитировавшая въ пользу тѣснаго экономическаго сближенія съ Соединенными Штатами, которое легко могло стать первою ступенью къ политическому объединенію.

Изъ всѣхъ колоній Австралія, служившая на первыхъ порахъ лишь мѣстомъ ссылки великобританскихъ преступниковъ, имѣла наиболѣе чистое англійское населеніе. И здѣсь обширныя пространства представляли собою необитаемыя безводныя пустыни. Главное ядро поселенцевъ сосредоточивалось на юго-восточномъ берегу материка. Вся территорія, по размѣрамъ своимъ почти равная Европѣ, насчитывала въ то время 2.400.000 душъ населенія, включая сюда острова Тасманію и Новую Зеландію. Здѣсь рядомъ существовало еще извѣстное число совершенно независимыхъ другъ отъ друга государствъ, и только наиболѣе густо населенныя и наиболѣе культурныя изъ нихъ обладали уже всѣми правами самоуправленія. Все развитіе страны опредѣлилось, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ открытія въ ней золота въ срединѣ XIX вѣка. Тамъ, гдѣ добывалось это богатство, а также возлѣ удобныхъ морскихъ торговыхъ пунктовъ сосредоточивалось почти все населеніе, остальная территорія была населена очень скудно. Обширныя луговыя пространства поощряли фермеровъ къ занятію скотоводствомъ, такъ что земледѣліе никогда не могло достигнуть надлежащаго развитія. Австралія также вывозила въ метрополію сырые продукты (скотъ, мясо, минералы) и взамѣнъ этого получала продукты промышленности. Канада, какъ и Австралія, обложила ввозъ высокими пошлинами и на доходахъ отъ этого обложенія построила все свое финансовое хозяйство.

Совершенно иную картину представляетъ южная Африка. До 1806 года на мысѣ Доброй Надежды господами положенія оставались голландцы, благодаря чему здѣсь поселилось значительное число нидерландскихъ крестьянъ; туземное населеніе кафровъ и готтентотовъ, поскольку они еще не были совершенно вытѣснены, употреблялось фермерами на сельскія работы и находилось въ положеніи полнаго политическаго и гражданскаго безправія, мало чѣмъ отличавшагося отъ рабства. Только послѣ того, какъ англичане овладѣли страною, туда явились англійскіе поселенцы, главнымъ образомъ, купцы и промышленники; они заняли преимущественно южную окраину колоніи и мало-помалу оттѣснили нидерландскихъ буровъ въ глубь страны. Правительство сдѣлало оффиціальнымъ англійскій языкъ, отмѣнило рабство и стремилось—конечно, не всегда одними лишь неправомѣрными способами—защитить туземное населеніе отъ жестокаго обращенія со стороны буровъ. Послѣдніе видѣли въ этомъ лишь попытку отравить имъ существованіе въ странѣ, и значительныя массы ихъ двинулись на сѣверъ за границу колоніи. Здѣсь среди жестокой борьбы съ кафрами они основали новыя государства: сперва Наталь, затѣмъ

Оранжевую республику и Трансвааль. Капское правительство, однако, заявило свои верховныя права на всю населенную выходцами изъ колоніи территорію подъ тѣмъ предлогомъ, что и послѣ переселенія они не перестали числиться англійскими подданными. Когда эти права впервые были громко заявлены въ Наталѣ, то буры передвинулись дальше въ названныя уже области. Но и тамъ ихъ не оставили въ покоѣ англичане, снова заявляя о своемъ правѣ на верховное господство, ибо англійскіе капскіе колонисты не желали допускать никакихъ самостоятельныхъ территорій у своихъ границъ. Однако, вмѣшательство правительства метрополіи, желавшаго избѣжать дорого стоящихъ и продолжительныхъ военныхъ предпріятій, повело въ 1852 и 1854 гг. къ формальному признанію независимости Трансвааля и Оранжевой республики, подъ однимъ только условіемъ—обязательнаго уничтоженія рабства.

Оставшіеся въ Капской колоніи и въ Наталѣ буры мало смѣшивались съ англійскими выходцами и постоянно составляли элементъ, враждебный британскому господству; но серьезныхъ попытокъ къ освобожденію отъ этого господства они не дѣлали. Эти колоніи, включая сюда мало-по-малу отобранныя у кафровъ пограничныя земли, въ 1870 г. насчитывали $1^1/_4$ милліоновъ жителей, въ числѣ которыхъ бѣлыхъ было 300000—400000; какъ великъ былъ среди нихъ голландскій элементъ,—установить трудно. Въ 1872 г. Капская колонія получила собственную конституцію съ самостоятельнымъ правительствомъ. Въ экономическомъ отношеніи страна производила не больше того, что сама потребляла; въ Англію она вывозила, главнымъ образомъ, страусовыя перья и со времени открытія первыхъ случайныхъ золотыхъ розсыпей (1867 г.) также алмазы. Открытіе большихъ алмазныхъ копей и золотыхъ розсыпей, давшее новое направленіе всему экономическому развитію южной Африки, послѣдовало лишь позднѣе.

Около 1870 г. южно-африканскія колоніи въ глазахъ метрополіи не могли имѣть почти никакой цѣнности. Канада и Австралія, наоборотъ, имѣли для Англіи немаловажное значеніе въ качествѣ покупателей англійскихъ товаровъ и поставщиковъ жизненныхъ припасовъ и сырья. Еще важнѣе для англійской народности была ихъ моральная цѣнность. Наличность такого рода территорій, стоявшихъ подъ верховенствомъ Англіи, давала возможность чувствовать себя членами единаго и великаго государственнаго цѣлаго тѣмъ англичанамъ, которые по какимъ-либо причинамъ хотѣли оставить свое отечество и создать себѣ новую жизнь по ту сторону океана, въ то же время оставаясь англичанами по языку и привычкамъ. Поселенческія колоніи стали огромнымъ резервуаромъ, куда отливало излишнее населеніе метрополіи, утрачивавшее въ большей части европейскихъ странъ свою кровную связь съ роднымъ народомъ.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ ничтожномъ по своимъ территоріальнымъ размѣрамъ, но чрезвычайно важномъ по своему значенію, составномъ элементѣ британской имперіи: это—громадное число стоянокъ для англійскаго флота и угольныхъ станцій, разсѣянныхъ по всей земной поверхности. Дальновидная политика съ помощью этихъ укрѣпленныхъ стоянокъ

съ раннихъ поръ уже обезпечивала англичанамъ ихъ господство надъ важнѣйшими водными путями; такъ, Гибралтаръ господствуетъ надъ входомъ изъ Атлантическаго океана въ Средиземное море, Мальта—надъ самой узкой полосой Средиземнаго моря между Сициліей и Африкой, Аденъ—надъ входомъ изъ Индійскаго океана въ Красное море, Сингапуръ—надъ воднымъ путемъ отъ Малакки. Другіе подобнаго же рода пункты служатъ преимущественно какъ бы воротами, черезъ которыя проходятъ предметы британской торговли, какъ, напр., Гонконгъ относительно Китая. Обладаніе этими укрѣпленными стоянками обезпечиваетъ англійскому флоту убѣжище во всѣхъ частяхъ земного шара и возможность пополнять свои запасы угля и провіанта. Безъ этой сѣти маленькихъ, но сильныхъ англійскихъ крѣпостей, разсѣянныхъ почти по всѣмъ берегамъ, господство англичанъ надъ морями никогда не достигло бы такого могущества.

Центромъ этой сильной и многообразной имперіи является «Соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи», которое занимаетъ лишь сотую долю пространства всей имперіи и включаетъ въ себѣ едва 10% населенія.

Какъ показываетъ уже самое названіе, и эта территорія не представляетъ собою нѣчто единое. Господствующей страной является собственно Англія, занимающая вмѣстѣ съ Уэльсомъ 151.000 кв. километровъ или половину территоріи Соединеннаго королевства, т. е. по своей величинѣ составляетъ около половины прусскаго королевства, и въ 1871 г. насчитывала неполныхъ 23 милліона жителей. Въ началѣ XVIII столѣтія соединилась вмѣстѣ съ ней въ одно государственное цѣлое подъ именемъ «Великобританія» Шотландія, тогда какъ Ирландія изъ самостоятельной смежной страны превратилась въ составную часть этого государственнаго цѣлаго лишь въ 1800 г. Шотландія сравнительно легко свыклась съ этой тѣсною связью и дала соединенному королевству цѣлый рядъ выдающихся людей, прославившихся на всѣхъ поприщахъ жизни. Ирландія, наоборотъ, заняла обособленное положеніе и всѣми силами стремится отколоться отъ союза.

Ирландія со своимъ въ значительнѣйшей мѣрѣ преобладающимъ кельтскимъ и строго-католическимъ населеніемъ была подчинена могущественнымъ сосѣднимъ островомъ силою оружія, и всякій разъ, когда она пыталась сбросить съ себя англійское иго, она снова оружіемъ же приводилась къ покорности. Большая часть земельной собственности была захвачена англійскими завоевателями, ирландцы же были низведены на положеніе крѣпостныхъ или арендаторовъ. Англиканская церковь въ этой католической странѣ была признана господствующей государственной церковью, и ирландцы принуждены были содержать ее на свои средства. До эмансипаціи католиковъ въ 1829 г. ни одинъ ирландецъ не могъ занимать государственныхъ должностей; даже члены ирландскаго парламента, пока таковой существовалъ, должны были быть протестантами, т.-е. англійскими выходцами. Только съ 1829 г. ирландцы получили возможность изъ собственныхъ рядовъ посылать людей

въ англійскій парламентъ, и послѣ этого въ лондонской нижней палатѣ начала складываться особая группа ирландскихъ депутатовъ, не примыкавшая къ англійскимъ партіямъ. Ирландскіе депутаты, подъ руководствомъ сначала О'Коннеля, потомъ Бутса, пытались тамъ защищать обособленные интересы ирландскаго народа; ихъ конечною цѣлью было полное отдѣленіе Ирландіи отъ «Соединеннаго королевства» или, при неосуществимости подобнаго плана, учрежденіе для ирландскихъ дѣлъ особаго управленія и особаго парламента, которыми пользуются самостоятельныя заморскія колоніи. Это требованіе обозначалось терминомъ «Homerule»—независимое мѣстное управленіе. Кромѣ того, они требовали освобожденія католическаго населенія отъ налоговъ въ пользу англиканской церкви и безусловнаго возвращенія ирландцамъ ихъ земли. Для массоваго ирландца, разумѣется, борьба съ англійскимъ лэндлордомъ являлась наиболѣе важной проблемой; но его вожди и священники говорили, что въ этой борьбѣ онъ побѣдитъ лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ уничтожено вліяніе англійскаго парламента на внутреннія дѣла Зеленаго острова.

Экономическая нужда ирландскаго населенія еще болѣе усилилась вслѣдствіе разразившейся болѣзни картофеля, а позднѣе и вслѣдствіе конкуренціи заморскаго хлѣба. Съ каждымъ годомъ увеличивалось число изгоняемыхъ съ насиженнаго мѣста арендаторовъ и переселенцевъ, которые затѣмъ уѣзжали съ родины, главнымъ образомъ, въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Въ теченіе немногихъ десятилѣтій населеніе Ирландіи уменьшилось съ 8 до 4 милліоновъ; обширные участки земли оставались въ запустѣніи, а бѣдствія оставшихся у себя дома принимали все болѣе ужасающіе размѣры. Безсильная злоба населенія разрѣшалась въ дикихъ актахъ убійства; тайныя общества, субсидируемыя на деньги переселившихся въ Америку ирландцевъ, вели безпрерывную подпольную войну противъ господствующаго народа. Самымъ опаснымъ изъ этихъ обществъ была организація феніевъ. Съ теченіемъ времени становилось все болѣе и болѣе яснымъ, что только путемъ коренныхъ реформъ въ Ирландіи можно было улучшить ея внутреннее состояніе; что лишь этимъ путемъ Англія способна обезпечить себѣ внутреннюю безопасность со стороны этого опаснаго врага. Такая попытка реформы была предпринята министерствомъ Гладстона въ 1869—1871 гг. Англиканская церковь въ Ирландіи была лишена своего государственнаго характера, находившіяся въ ея обладаніи земли были распредѣлены между различными религіозными общинами или обществами, преслѣдующими благотворительныя цѣли; земельными актами 1870 г. арендаторамъ было предоставлено право обращаться въ судъ для опредѣленія максимальныхъ размѣровъ арендной платы и требовать при окончаніи срока аренды вознагражденія за сельско-хозяйственныя улучшенія, способствовавшія повышенію доходности имѣнія. Уже одни эти законы съ большимъ трудомъ были вырваны у англійскаго парламента; ирландцевъ же они не надолго удовлетворили. Бѣдному арендатору недоставало денегъ на веденіе процесса противъ землевладѣльца, и въ странѣ все болѣе и болѣе крѣпло убѣжденіе, что отъ англійскаго парламента ничего дѣйствительно существеннаго ожидать нельзя:

снова и снова возвращались къ идеѣ гомруля, какъ единственному средству, способному вывести страну изъ печальнаго положенія.

Такимъ образомъ, Ирландія была поистинѣ покоренной провинціей, которую съ трудомъ удавалось держать въ спокойствіи; она лишь формально была частью Соединеннаго королевства. Только силами собственно Великобританіи можно было поддерживать цѣлость имперіи и господствовать надъ ней.

Рѣшающей и руководящей инстанціей въ политической жизни Англіи съ давнихъ поръ уже была нижняя палата. Палата лордовъ была силой тормозящей, но отнюдь не руководящей; королевская же власть все болѣе и болѣе низводилась на чисто-представительную роль, хотя монархъ, обладающій личными способностями, и могъ бы еще косвеннымъ образомъ оказывать извѣстное вліяніе на дѣла. Министерство, по установившемуся обычаю, должно было составляться изъ большинства нижней палаты, и въ его рукахъ именно и сосредоточивалась вся дѣйствительная власть. Вотъ почему въ исторіи королевства имѣлъ всегда столь важное значеніе вопросъ о составѣ нижней палаты. Благодаря реформѣ 1832 г. наряду со старыми аристократическими семьями пріобрѣла большое вліяніе на выборы средняя буржуазія, а въ прошломъ вѣкѣ такое же вліяніе пріобрѣли крупные промышленники; но все же большинство населенія не пользовалось еще избирательными правами. Только растущая сила и организація трудящихся классовъ и стремленіе существующихъ партій привлечь на свою сторону эту грядущую силу привели ко второй избирательной реформѣ, въ силу которой правомъ голоса пользовался каждый квартиронаниматель; реформа эта пріобщила къ законодательнымъ выборамъ большую часть квалифицированныхъ рабочихъ. Число лицъ, облеченныхъ правомъ голоса, составлявшихъ прежде немногимъ [меньше 1 милліона, поднялось почти до $2^1/_2$ милліоновъ. Только благодаря реформѣ 1867 г. англійская нижняя палата утратила свой прежній аристократическій характеръ и по составу своему приблизилась къ типу континентальныхъ парламентовъ.

Въ составѣ англійскаго парламента съ давнихъ поръ существовали двѣ большія партіи—тори и виги, которыя съ 1832 г. мало-по-малу усвоили континентальныя названія «консерваторовъ» и «либераловъ». Съ 1830 г. по 1841 г. и съ 1846 г. по 1874 г. у кормила правленія съ незначительными перерывами стояли либералы. Во внутренней политикѣ ихъ программа сводилась къ тому, чтобы и въ области управленія устранить послѣдніе остатки стараго аристократическаго режима и сломить все еще значительное вліяніе церкви. Тотчасъ же послѣ первой избирательной реформы либералы реорганизовали коммунальное управленіе на началахъ равенства всѣхъ плательщиковъ налоговъ. Лѣвое крыло партіи, которое по своимъ взглядамъ близко подходило къ радикаламъ или демократамъ европейскаго континента, стремилось окончательно выбить верхнюю палату изъ ея исторической позиціи, распространить избирательное право на все взрослое мужское населеніе и провести полное отдѣленіе церкви отъ государства. Болѣе многочисленное правое крыло твердо отстаивало необходимость сохраненія вліянія владѣю-

щихъ и образованныхъ классовъ и болѣе склонялось къ примиренію со старымъ порядкомъ вещей. Въ области экономической либералы безусловно принимали чистую доктрину манчестерства въ томъ видѣ, въ какомъ она была формулирована Ричардомъ Кобденомъ; они отвергали какое бы то ни было вмѣшательство государства въ экономическую и соціальную жизнь. Въ раздѣленіи труда, раціонально проведенномъ на пространствѣ всей земной поверхности, безотносительно къ политическимъ границамъ, они видѣли естественную цѣль экономическаго развитія. При этомъ на Англію должна лечь забота о снабженіи всего міра цѣлымъ рядомъ важнѣйшихъ произведеній индустріи, производство которыхъ здѣсь, благодаря выгодному положенію мѣстонахожденія угля и желѣза, а также благодаря высокимъ качествамъ рабочей силы, обходится дешевле, чѣмъ гдѣ бы то ни было; взамѣнъ этого Англія должна получать извнѣ сырье и жизненные припасы. Съ уничтоженіемъ хлѣбныхъ пошлинъ мѣстное сельское хозяйство было совершенно убито, такъ какъ при этомъ исходили изъ того взгляда, по которому считалось нераціональнымъ отвлекать почву и рабочія силы отъ индустріи, обезпечивающей гораздо болѣе высокую прибыль

Въ интересахъ огражденія свободы торговли отъ какихъ-либо замѣшательствъ англійскіе либералы стремились къ поддержанію внѣшняго мира. Для нихъ являлось очевидной истиной, что съ ростомъ экономической культуры и со все болѣе тѣснымъ сближеніемъ экономическихъ интересовъ всѣхъ народовъ, обусловленнымъ свободной торговлей, войны мало-по-малу должны прекратиться. Ни одно государство не должно вмѣшиваться во внутреннюю жизнь другого народа. Расходы на армію, на флотъ и на дипломатію считались самымъ непроизводительнымъ помѣщеніемъ капитала, такъ какъ они не способствуютъ подъему народнаго благосостоянія; поэтому эти расходы должны быть, по возможности, незначительны. Но и при либеральномъ правленіи эта политическая программа никогда не проводилась въ полномъ объемѣ; на практикѣ государственные дѣятели, какъ лордъ Пальмерстонъ, всегда пускали въ ходъ для поддержанія великодержавнаго положенія Англіи принципіально отвергаемыя ими средства дипломатическаго давленія и вооруженной силы. Передъ своей либеральной совѣстью они оправдывали это противорѣчіе тѣмъ соображеніемъ, что истинная политика мира фактически окажется возможной лишь тогда, когда и другія наиболѣе могущественныя націи дойдутъ до разумнаго пониманія вещей, а до тѣхъ поръ по необходимости приходится обращаться къ тѣмъ средствамъ, которыми пользуются другіе народы.

Но особенно важно было, что либералы съ этой же принципіальной точки зрѣнія относились и къ колоніальной политикѣ. Господствующимъ среди нихъ мнѣніемъ было то, что колоніи, при извѣстной высотѣ своего населенія и благосостоянія, должны становиться самостоятельными, и что было бы неразумно мѣшать освобожденію ихъ отъ излишней опеки со стороны метрополіи. Отпаденіе Соединенныхъ Штатовъ было разительнымъ примѣромъ, къ которому либералы постоянно возвращались для доказательства справедливости своей

мысли. Задача метрополіи въ глазахъ либераловъ являлась задачей воспитательной, а разумною цѣлью—освобожденіе созрѣвшихъ питомцевъ отъ связывавшихъ ихъ до тѣхъ поръ пеленокъ и сохраненіе взаимной связи съ ними на почвѣ исключительно культурной солидарности. Сообразно съ этимъ взглядомъ, болѣе крупнымъ колоніямъ предоставлялось, какъ только это оказывалось своевременнымъ, право самаго широкаго самоуправленія; тогда наступало то состояніе свободной непринужденной связи съ метрополіей, о которой говорилось выше. Обладаніе Индіей казалось большинству либераловъ тяжкимъ бременемъ, которое пришлось взвалить на свои плечи благодаря ошибкамъ предыдущихъ поколѣній и которое лучше всего было бы снова сбросить, если бы это можно было сдѣлать безъ большого ущерба для британскихъ экономическихъ интересовъ. Другіе же указывали на то, что, осуществляя до этого времени свое господство въ Индіи, англичане приняли на себя обязанность по отношенію къ туземцамъ; поэтому они не могутъ покинуть страны прежде, чѣмъ результаты воспитанія индійцевъ не окажутся настолько прочными, что съ удаленіемъ ихъ теперешнихъ господъ они не возобновятъ старыхъ взаимныхъ распрей и не разрушатъ насажденной среди нихъ культуры. Вся партія, какъ одинъ человѣкъ, раздѣляла тотъ взглядъ, что слѣдуетъ по возможности избѣгать расширенія британской колоніальной имперіи, такъ какъ это ведетъ только къ дорого стоящимъ войнамъ и къ опасности столкновенія съ другими державами, не обезпечивая въ то же время и экономическихъ выгодъ, которыя и безъ того можно извлечь путемъ проведенія системы свободной торговли.

Вождемъ англійскихъ либераловъ былъ самый выдающійся представитель всего этого политическаго направленія—Вильямъ Эвартъ Гладстонъ (род. въ 1809 г.). Вначалѣ онъ былъ настроенъ строго-консервативно, такъ какъ въ качествѣ весьма набожнаго послѣдователя англиканской церкви полагалъ, что консерваторы являются наиболѣе надежными защитниками религіи и церкви. Мало-по-малу, однако, передъ нимъ выяснилось совершенное несогласіе его консервативныхъ взглядовъ съ ярко выразившейся у него потребностью въ индивидуальной свободѣ и съ его гуманитарнымъ міровоззрѣніемъ. Путемъ цѣлаго ряда размышленій онъ дошелъ до признанія той истины, что государственная церковь, какъ учрежденіе принудительнаго характера, скорѣе вноситъ отраву въ религіозную жизнь, нежели поддерживаетъ ея чистоту, и что только при полномъ невмѣшательствѣ государства въ область религіозныхъ вопросовъ открывается широкій просторъ для проявленія истиннаго благочестія. Все это побудило его перейти въ ряды либеральной партіи, взглядамъ которой онъ уже давно симпатизировалъ; мало-по-малу, онъ сдѣлался признаннымъ вождемъ либеральной партіи. Гладстонъ былъ типичнымъ англо-саксонцемъ—честнымъ, трезвымъ и разсудительнымъ, нѣсколько педантичнымъ и скучнымъ, часто партійно-односторонним, лишеннымъ той остроты взгляда, которая помогаетъ быстро оріентироваться въ особенностяхъ переживаемаго момента. Несмотря на религіозную подкладку всего его міросозерцанія и дѣятельности, онъ оставался человѣкомъ дѣла, спокойно и

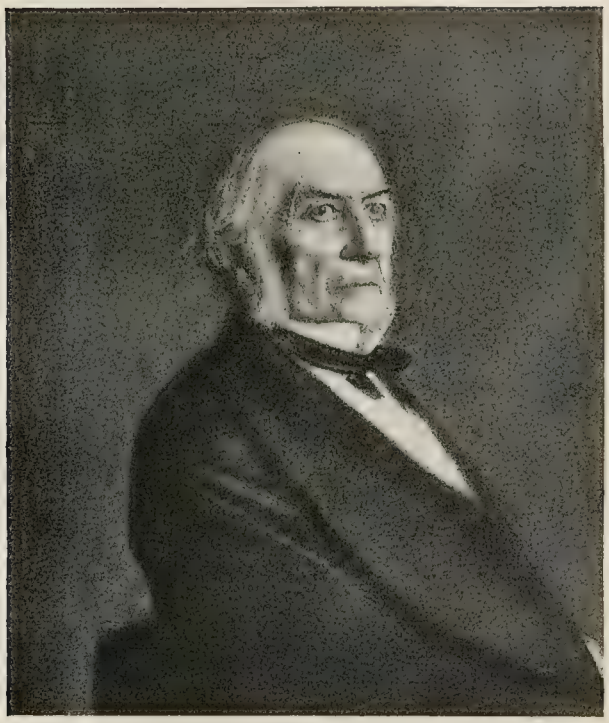
ГЛАДСТОНЪ вноситъ билль о голмрулѣ въ палату общинъ.

вдумчиво разрабатывавшимъ всѣ свои планы. Его рѣчи были всегда глубоко продуманы, изобиловали фактическимъ матеріаломъ, обнаруживали основательное знакомство съ дѣломъ, но не обладали силой вдохновенія. Наиболѣе компетентнымъ онъ оказался въ области финансовъ; здѣсь онъ сдѣлалъ много замѣчательнаго; самой же слабой его стороной всегда была внѣшняя политика; тутъ ему недоставало тѣхъ именно способностей, которыя столь необходимы въ этой сферѣ. Во внѣшнихъ дѣлахъ онъ обыкновенно руководился общими принципами, а не преходящими требованіями національныхъ интересовъ.

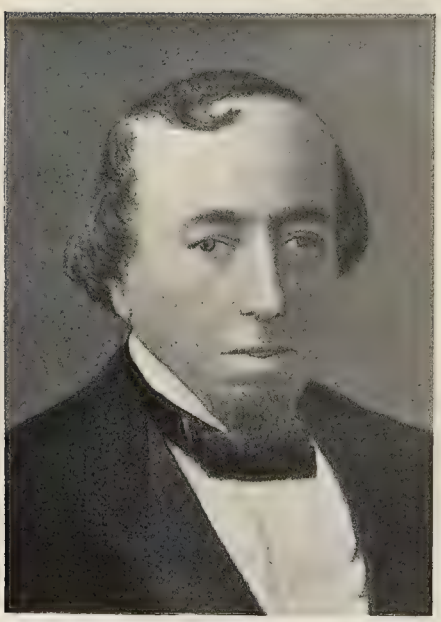
Въ теченіе разсматриваемаго нами періода консерваторы находились въ оппозиціи. Ихъ основная задача сводилась къ сохраненію возможно болѣе широкаго господства старой аристократіи, создавшей британскую имперію и до 1832 г. безсмѣнно стоявшей у кормила правленія. Они защищали права короны и верхней палаты противъ идеи полнаго самоуправленія народа при посредствѣ выборныхъ общественныхъ и административныхъ органовъ. Точно также они хотѣли упрочить и духовное господство и опеку надъ народомъ при помощи государственной церкви, вполнѣ отвѣчающей ихъ основнымъ цѣлямъ. Они признавали за государствомъ право на вмѣшательство въ экономическія и соціальныя отношенія, поскольку этого требовали интересы могущественной и замкнутой въ себѣ англійской имперіи. Долгое время они настойчиво защищали хлѣбныя пошлины не только въ интересахъ землевладѣльческой аристократіи, — хотя, конечно, и это обстоятельство оказывало свое вліяніе, — а, главнымъ образомъ, въ интересахъ экономической самостоятельности Англіи. Идея мірового хозяйства и всеобщаго мира въ ихъ глазахъ являлась утопіей, осуществленія которой во всякомъ случаѣ нельзя ожидать даже въ самомъ отдаленномъ будущемъ; на государство они смотрѣли какъ на самодовлѣющую народно-хозяйственную единицу, считая весьма опаснымъ для Англіи положеніе, при которомъ ей пришлось бы обращаться къ слишкомъ широкому заграничному вывозу для удовлетворенія потребности въ необходимыхъ жизненныхъ припасахъ; ибо въ случаѣ войны страна не въ состояніи была бы тогда даже короткое время прокормить себя собственными средствами и вслѣдствіе этого оказалась бы менѣе способной къ сопротивленію, т.-е. болѣе слабой. Точно также считали они неправильнымъ взглядъ, по которому государство должно оставаться безучастнымъ зрителемъ все болѣе обостряющейся борьбы между промышленниками-предпринимателями и рабочими,—борьбы, по мнѣнію либераловъ, совершенно не касавшейся государства. Въ растущемъ озлобленіи рабочихъ противъ высшихъ классовъ и государства, бездѣйствіе котораго служитъ къ выгодѣ экономически болѣе сильныхъ группъ, они видѣли крупную національную опасность, разложеніе народнаго организма. Дизраэли опредѣлилъ это положеніе мѣткимъ выраженіемъ о двухъ націяхъ, постепенно образующихся въ нѣдрахъ единаго народа и раздѣляющихся на два другъ другу враждебныхъ стана. Онъ первый потребовалъ отъ государства защиты экономически болѣе слабыхъ классовъ.

Въ области внѣшней политики консерваторы выдвигали на первый планъ сохраненіе и возвышеніе мірового могущества Британіи. Они отвергали и здѣсь теорію невмѣшательства, такъ какъ это, по ихъ мнѣнію, должно было привести къ утратѣ Англіей всякаго вліянія за границей, и требовали активной политики, способной направить междугосударственныя отношенія къ выгодѣ Англіи; не слѣдуетъ отступать и передъ войной, разъ затронуты серьезные національные интересы. Усиленіе колоніальной арміи и особенно флота, на которомъ со времени уничтоженія хлѣбныхъ пошлинъ покоится вся безопасность Англіи въ случаѣ войны, они считали безусловно необходимымъ. Упроченіе, а гдѣ это окажется полезнымъ, и расширеніе колоніальной имперіи они находили естественною обязанностью всякаго правительства. Самымъ рѣзкимъ тономъ осуждалъ Дизраэли съ парламентской трибуны дарованіе колоніямъ полнаго самоуправленія; само собою разумѣется, думалъ онъ, въ сферѣ ихъ собственныхъ дѣлъ имъ необходимо предоставить возможно широкій просторъ; но въ то же время правительство должно озаботиться о созданіи такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы самую тѣсную зависимость колоній отъ метрополіи въ крупныхъ имперскихъ дѣлахъ общаго характера.

Консервативные взгляды этой эпохи также нашли свое яркое воплощеніе въ выдающейся личности. Это былъ Бенджеминъ Дизраэли (род. въ 1804 г.). Онъ происходилъ изъ зажиточной лондонской еврейской купеческой семьи. Вначалѣ онъ принадлежалъ къ крайнему радикальному крылу либерализма и перешелъ въ ряды консерваторовъ лишь послѣ того, какъ убѣдился въ невѣжествѣ либераловъ, которое они обнаруживали въ своихъ взглядахъ на соціальный вопросъ. Съ большимъ трудомъ добился онъ депутатскаго мѣста въ парламентѣ и съ еще бо́льшимъ трудомъ былъ допущенъ въ круги консервативной аристократіи. Мало-по-малу, благодаря своей работоспособности и освѣдомленности въ дѣлахъ, онъ сдѣлался цѣннымъ сотрудникомъ наиболѣе выдающихся дѣятелей консервативной партіи, умѣя внушать имъ свои идеи, и, въ концѣ концовъ, онъ былъ признанъ парламентскимъ лидеромъ консервативной партіи. На закатѣ своихъ дней онъ былъ возведенъ въ лорды и пэры Англіи. Въ противоположность Гладстону Дизраэли обладалъ безпокойнымъ, живымъ темпераментомъ и подвижностью внѣшнихъ манеръ. При всякихъ обстоятельствахъ онъ оказывался на высотѣ своего положенія; находчивый, остроумный и чрезвычайно язвительный ораторъ, онъ къ тому же обладалъ широкимъ и дальновиднымъ умомъ, щедро надѣленнымъ въ одно и то же время живой восточной фантазіей и самой холодной и лукавой разсчетливостью. Соціальная политика, а позднѣе и внѣшняя политика были самой благодарной почвою для его дѣятельности, давшею наиболѣе обильные плоды. Съ большимъ трудомъ удалось убѣдить ему непокорныхъ благородныхъ господъ своей партіи въ необходимости считаться съ желаніями и потребностями массъ, если они хотятъ привлечь на свою сторону ихъ голоса. На общественное мнѣніе онъ вліялъ столько же своими рѣчами, сколько и своими романами, имѣвшими широкій кругъ читателей. Дизраэли же во время краткаго



В. ГЛАДСТОНЪ.



Лордъ ДИЗРАЭЛИ-БИКОНСФИЛЬДЪ.

Англійская Королева ВИКТОРІЯ.

консервативнаго междуцарствія взялъ на себя задачу осуществленія избирательной реформы 1867 г. съ тѣмъ, чтобы выбить изъ рукъ либераловъ это цѣнное оружіе и привлечь новые слои населенія, допущенные къ избирательной урнѣ, въ консервативный лагерь. Чуждый ортодоксальной и феодальной узости, онъ преслѣдовалъ въ своей внутренней и внѣшней политикѣ исключительно одну лишь цѣль: возможно большее усиленіе мірового могущества Англіи. Если исключить чисто личныя особенности и различія положенія по ту и по сю сторону канала, то можно было бы сказать, что въ Дизраэли жилъ тотъ же духъ, что и въ Бисмаркѣ.

Таковы были тѣ двѣ большія англійскія политическія партіи, различныя какъ по міровоззрѣнію и цѣлямъ, такъ и по интересамъ поддерживающихъ ихъ слоевъ народа. Обѣ партіи находились подъ руководствомъ двухъ государственныхъ дѣятелей, одаренныхъ крупными и своеобразными способностями. За исключеніемъ ирландской группы, рядомъ съ ними не было ни одной политической организаціи, заслуживающей названія партіи. Фазы ихъ взаимной борьбы каждый разъ отмѣчали собою поворотные моменты въ міровой политикѣ.

Первые выборы, произведенные по новому избирательному закону, дали сильное либеральное большинство и вынудили Дизраэли выйти въ отставку. Соперникъ его Гладстонъ вступилъ въ періодъ шестилѣтняго правленія (1868—1874 гг.). Мы уже знаемъ, что онъ прежде всего предпринялъ попытку разрѣшенія ирландскаго вопроса, которая, однако, не удовлетворила ирландцевъ. Проведенный либеральнымъ правительствомъ законъ объ учрежденіи народныхъ школъ при матеріальной поддержкѣ со стороны государства, поставленныхъ подъ его контроль, и съ исключеніемъ изъ ихъ программъ преподаванія закона Божія, впервые порвало съ господствовавшимъ до тѣхъ поръ въ Англіи принципомъ, въ силу котораго обученіе являлось дѣломъ частной предпріимчивости; однако, предложеніе о введеніи обязательнаго обученія въ то время было отвергнуто нижней палатой. Введеніе тайнаго голосованія при выборахъ и отмѣна продажи офицерскихъ должностей составляютъ безспорныя заслуги министерства Гладстона. И тѣмъ не менѣе вскорѣ оно начало терять свою популярность и встрѣчать оппозицію въ рядахъ своей собственной партіи.

Причины этого явленія были различны. Гладстонъ стремился завершить свою примирительную ирландскую политику реформой дублинскаго университета, носившаго до тѣхъ поръ строго протестантскій характеръ. Этотъ законопроектъ оттолкнулъ отъ него многихъ либераловъ, и его отклоненіе въ нижней палатѣ привело къ распущенію парламента и къ паденію министерства. Но, кромѣ того, тутъ сыграли роль еще два крупныхъ момента, оказавшихъ значительное вліяніе на исходъ избирательной борьбы.

Первымъ изъ этихъ моментовъ былъ рабочій вопросъ. Англійскіе рабочіе въ своихъ трэдъ-юніонахъ создали себѣ крѣпкіе и прекрасно организо-

ванные союзы, которые именно вслѣдствіе пріобрѣтенной ими силы были бѣльмомъ на глазу у предпринимателей. Лишь съ большимъ трудомъ добились рабочіе отъ министерства Гладстона въ 1871 г. законодательнаго признанія трэдъ-юніоновъ, установленія охраны ихъ капиталовъ, права пріобрѣтенія недвижимости, а также права на организованную борьбу за увеличеніе заработной платы. Но въ то же время либеральнымъ большинствомъ были возстановлены устарѣвшія карательныя мѣры за угрозу стачкой, за препятствія, создаваемыя желающимъ работать, и за установленіе забастовочныхъ сторожевыхъ пунктовъ. Такимъ образомъ, стачки разрѣшались, но средства, необходимыя для приведенія ихъ въ исполненіе, остались подъ запретомъ. Несмотря на всѣ петиціи, исходившія изъ рабочихъ круговъ, Гладстонъ твердо настаивалъ на примѣненіи указанныхъ карательныхъ мѣръ. Дѣло въ томъ, что значительная часть его приверженцевъ принадлежала къ классу предпринимателей, и онъ не хотѣлъ оттолкнуть ихъ отъ себя излишней уступчивостью рабочимъ. Консерваторы же, наоборотъ, обѣщали рабочимъ исполнить ихъ желанія. На выборахъ рабочіе въ отдѣльныхъ случаяхъ выставили своихъ собственныхъ кандидатовъ, изъ которыхъ, однако, въ парламентъ прошли только двое; въ большинствѣ же округовъ они голосовали за консервативныхъ кандидатовъ.

Наряду съ этимъ и въ томъ же направленіи оказывало свое вліяніе на исходъ выборовъ въ нижнюю палату и растущее недовольство внѣшней политикой правительства. Гладстонъ не переставалъ подчеркивать свои симпатіи къ миру и исключилъ изъ военнаго и морского бюджетовъ значительныя суммы. Онъ даже подготовилъ планъ отозванія всѣхъ британскихъ войскъ изъ колоній, чтобы имѣть возможность выступить передъ парламентомъ съ благопріятнымъ сведеніемъ приходной и расходной смѣтъ и съ пониженіемъ налоговаго бремени. Но тутъ разразилась франко-прусская война, и вслѣдъ за нею возникъ вопросъ, достаточно ли Англія подготовлена на тотъ случай, если бы ея интересы потребовали вмѣшательства въ войну. Ораторы оппозиціи отрицали это самымъ рѣшительнымъ образомъ и упрекали министерство въ нарушеніи имъ своихъ обязанностей; возраженія же правительства казались слабыми и не возбуждали къ себѣ большого довѣрія. Точно также въ вопросѣ о нейтралитетѣ Чернаго моря Гладстонъ обнаружилъ нѣкоторую слабость, отступивъ передъ Россіей и аннулировавъ всѣ пріобрѣтенія Крымской войны; въ цѣломъ рядѣ конфликтовъ съ Соединенными Штатами по поводу старыхъ вопросовъ о вознагражденіи и о границахъ Гладстонъ счелъ себя вынужденнымъ къ уступчивости; онъ допустилъ занятіе Россіей въ 1873 г. Хивы безъ всякихъ возраженій. Міровой престижъ Англіи, несомнѣнно, падалъ, и внѣшняя политика королевства отнюдь не стояла на высотѣ своихъ задачъ.

Совпаденію всѣхъ этихъ причинъ недовольства слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что выборы 1874 г. открыли доступъ въ нижнюю палату довольно значительному консервативному большинству. Гладстонъ тотчасъ же вышелъ въ отставку и на ближайшія шесть лѣтъ (1874 — 1880) очистилъ

мѣсто консерваторамъ, во главѣ которыхъ былъ Дизраэли. Послѣдній исполнилъ обѣщанія, данныя рабочимъ. Закономъ 1875 г. были отмѣнены уголовныя репрессіи противъ общихъ дѣйствій рабочихъ, борющихся за свои профессіональные интересы, чѣмъ коллективныя дѣйствія были какъ бы узаконены. Наказаніе тюрьмою за нарушеніе рабочими контракта было также отмѣнено. Позднѣйшимъ закономъ (1878 г.) былъ введенъ максимальный десятичасовой рабочій день для женщинъ и дѣтей, что знаменовало собою крупный шагъ по пути къ планомѣрной политикѣ рабочаго законодательства. Дизраэли же удалось провести отклоненный еще въ 1870 г. проектъ всеобщаго обязательнаго обученія (1876 г.). Но не въ этихъ мѣрахъ кроется значеніе его министерства, а во внѣшней и колоніальной политикѣ, въ первой попыткѣ практическаго осуществленія имперіалистскихъ идей, которыя находили до тѣхъ поръ защиту лишь у отдѣльныхъ писателей.

Центральнымъ пунктомъ колоніальной политики Дизраэли служили не колоніи англійскихъ поселенцевъ, а Индія. Несомнѣнно, положеніе Англіи, какъ величайшей міровой державы, находилось въ тѣсной зависимости отъ упроченія ея господства въ Индіи; и какъ-разъ въ это время дѣло приняло такой оборотъ, что Остъ-Индія была единственнымъ владѣніемъ, которому угрожала серьезная опасность со стороны могущественнаго соперника. Вслѣдъ за Хивой русскіе заняли рядъ укрѣпленій въ Коканскомъ ханствѣ, а 19 февраля 1876 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о присоединеніи къ Россіи всей территоріи Коканскаго ханства и образованіи изъ нея Ферганской области. Русскіе, видимо, пытались вовлечь въ сферу своего вліянія сосѣднюю съ Индіей страну—Афганистанъ. Между тѣмъ эта страна господствовала надъ важными проходами, ведущими съ сѣверо-востока въ долину Инда, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и надъ большими стратегическими путями, которые открывали возможность непріятельскому войску овладѣть Индіей. Либеральное правительство по своей близорукости отказало вице-королю Индіи въ настойчиво испрашивавшемся имъ разрѣшеніи на заключеніе съ эмиромъ договора, въ силу котораго ему должны были быть обезпечены ежегодная денежная поддержка и помощь со стороны Англіи для защиты его династіи противъ посягательствъ непокорныхъ родственниковъ и царьковъ. Вслѣдствіе отказа Англіи Ширъ-Али-ханъ обратился въ Петербургъ, гдѣ ему съ полною готовностью пошли навстрѣчу. Это неудержимое стремленіе Россіи къ югу должно было пробудить сильнѣйшія опасенія въ Англіи, ибо едва ли можно было сомнѣваться, что Индія будетъ потеряна, разъ русскимъ удастся перебросить въ долину Инда болѣе или менѣе солидную армію.

Обезпеченіе безопасности Индіи и недопущеніе дальнѣйшаго роста русскаго могущества въ Азіи сдѣлались въ виду этого руководящимъ принципомъ внѣшней политики Дизраэли. Когда онъ, несмотря на всѣ насмѣшки англійскихъ либераловъ, лѣтомъ 1876 г. добился согласія королевы Викторіи на принятіе титула «императрицы Индіи», то это было сдѣлано не только съ цѣлью импонировать подобными внѣшними церемоніями воспріимчивому воображенію Востока, но такъ же и для того, чтобы торжественнымъ актомъ

засвидѣтельствовать передъ всѣмъ міромъ, что Англія добровольно не уйдетъ изъ Индіи. Когда Дизраэли договоромъ съ белуджистанскимъ эмиромъ поставилъ его страну подъ протекторатъ Англіи и заставилъ уступить ей городъ Кветту, который имѣлъ весьма важное значеніе для самыхъ южныхъ стратегическихъ путей, точно такъ же, когда онъ готовился либо добромъ, либо силой вырвать изъ рукъ афганистанскаго эмира сѣверные проходы, то во всемъ этомъ явно обнаруживалось стремленіе пріобрѣсть болѣе надежную стратегическую сѣверную границу для Индіи. Но и другія мѣропріятія Дизраэли, повидимому, имѣвшія мало общаго съ вопросомъ объ укрѣпленіи Индіи, въ дѣйствительности вытекали изъ той же основной идеи.

Было очевидно, что въ виду возможнаго вторженія русскихъ въ страну весь вопросъ заключался въ томъ, съ какою быстротою могла бы Англія перебросить въ Индію свои войска, которыми она располагаетъ въ метрополіи и въ другихъ своихъ колоніяхъ. Поэтому для облегченія этой сложной задачи всѣ важнѣйшіе водные пути должны находиться въ британскихъ рукахъ. Такихъ водныхъ путей два: путь у мыса Доброй Надежды и путь, созданный открытіемъ Суэцкаго канала (1869 г.) черезъ Красное море. Для обезпеченія господства надъ этими обоими путями Дизраэли старался пріобрѣсть для Англіи важнѣйшія территоріи.

Хотя Капская колонія и находилась въ рукахъ англичанъ, но пока бурскія государства оставались независимыми и были въ тѣснѣйшей связи съ голландскимъ населеніемъ Капской колоніи, обладаніе ею не могло считаться прочнымъ. Дизраэли пытался объединить всѣ южно-африканскія территоріи въ одинъ союзъ по образцу Dominion of Canada подъ англійскою верховною властью. Но сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки встрѣтили открытое сопротивленіе бурскихъ государствъ, и даже Капская колонія отказалась послать своего представителя на проектированное совѣщаніе. Когда вскорѣ послѣ этого президентъ Трансвааля вмѣстѣ съ нѣсколькими вліятельными голландскими членами капскаго парламента отправился въ Берлинъ, гдѣ былъ принятъ императоромъ Вильгельмомъ и Бисмаркомъ, то Дизраэли усмотрѣлъ въ этомъ желаніе заручиться внѣшней помощью противъ Англіи и началъ въ виду этого дѣйствовать очень рѣшительно. Оранжевая республика была вынуждена къ уступкѣ округа Кимберлэй взамѣнъ денежнаго вознагражденія; это былъ тотъ именно округъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ были найдены алмазы; этотъ же округъ господствовалъ надъ главной дорогой, ведущей во внутрь Африки. Въ Трансвааль же былъ посланъ въ качествѣ британскаго комиссара Шепстонъ, который эксплуатировалъ партійныя распри между самими бурами съ цѣлью собрать извѣстное число подписей для петиціи о присоединеніи Трансвааля къ Великобританіи (12 апрѣля 1877 г.). Неготовые къ сопротивленію, разъединенные внутренними раздорами, лишенные надежды на помощь извнѣ, буры подчинились насилію и, ограничиваясь формальнымъ протестомъ, старались обезпечить себѣ свободу дѣйствій на будущее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ, англійское правительство начало заграждать бурскимъ государствамъ доступъ къ морю. Область Кафрарія, расположенная

между Капской колоніей и Наталемъ, была присоединена къ первой, а затѣмъ была сдѣлана попытка оккупировать лежащую на португальской территоріи бухту Делагоа, единственную гавань, выгодно расположенную по отношенію къ Трансваалю. Впрочемъ, эта попытка потерпѣла неудачу. Португалія заявила протестъ, и права ея на бухту были возстановлены третейскимъ судомъ. Все поведеніе правительства свидѣтельствовало несомнѣнно о его твердой рѣшимости, во что бы то ни стало, удержать южную Африку подъ непосредственнымъ англійскимъ владычествомъ.

Еще болѣе труднымъ дѣломъ оказалась попытка добиться для Англіи исключительнаго распоряженія кратчайшимъ путемъ въ Индію черезъ Суэцкій каналъ. Каналъ былъ сооруженъ французомъ Лессепсомъ, и акціи находились исключительно въ рукахъ французскихъ капиталистовъ и монарха той территоріи, египетскаго хедива. Либеральное правительство и англійскій капиталъ проявили такую удивительную слѣпоту, что считали грандіозный планъ невыполнимымъ, и потому воздержались отъ всякаго участія въ немъ. Хедивъ Измаилъ-паша, хотя еще формально и признавалъ суверенитетъ турецкаго султана и выплачивалъ ему извѣстную дань, на самомъ дѣлѣ, однако, былъ совершенно независимымъ монархомъ. Онъ съ успѣхомъ продолжалъ начатое еще Мегеметомъ-Али завоеваніе долины верхняго Нила; въ началѣ 70-хъ годовъ онъ уже распространилъ свою власть до озера Викторіи надъ всѣмъ Суданомъ и Дарфуромъ. Но эта широкая завоевательная политика, наряду съ издержками на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и шоссе, а также на содержаніе дорого обходившагося двора расточительнаго государя, совершенно разстроили финансы страны. Незнакомый съ финансовымъ положеніемъ капиталистической Европы, хедивъ всецѣло очутился въ рукахъ англійскихъ и французскихъ банковъ, которые обирали его по всѣмъ правиламъ искусства. Какъ-разъ въ то время, когда Дизраэли вступилъ во власть, Измаилъ оказался наканунѣ полнаго банкротства и намѣревался удовлетворить часть требованій, предъявленныхъ ему кредиторами, находившимися въ его рукахъ акціями Суэцкаго канала. Какъ только объ этомъ узналъ Дизраэли, онъ поручилъ британскому уполномоченному въ дѣлахъ скупить эти акціи за 100 милліоновъ франковъ для англійскаго государства. Сдѣлка была заключена въ ноябрѣ 1875 г. и обезпечила британскому правительству сильное вліяніе на каналъ. Но Дизраэли пошелъ дальше. Разъ вступивъ въ дѣловыя сношенія съ хедивомъ, онъ уже воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы побудить его къ дальнѣйшимъ шагамъ, имѣвшимъ чрезвычайно важное значеніе для упроченія англійскаго вліянія въ тѣхъ странахъ. По предложенію Измаила, въ Каиръ былъ посланъ видный англійскій финансовый агентъ, чтобы ознакомиться съ бюджетомъ египетскаго государства и оказать содѣйствіе хедиву въ урегулированіи его денежныхъ дѣлъ; а на постъ губернатора египетскаго Судана былъ назначенъ опытный англійскій офицеръ, генералъ Гордонъ. Ниже мы узнаемъ, къ какимъ крупнымъ послѣдствіямъ привели эти мѣропріятія. Они были первыми шагами по пути къ

достиженію Англіей фактическаго верховнаго господства надъ Египтомъ и Суэцкимъ каналомъ.

Разсматривая всѣ эти мѣропріятія Дизраэли во всей ихъ совокупности, мы увидимъ, съ какой энергіей и съ какимъ талантомъ защищалъ этотъ государственный дѣятель интересы Англіи, и какъ искусно каждое изъ этихъ мѣропріятій въ отдѣльности направлялось къ той общей цѣли, на которую оно было разсчитано,—къ обезпеченію безопасности Индіи и къ упроченію мірового могущества Британской имперіи. Королева Викторія выразила свою признательность Дизраэли за оказанныя имъ огромныя услуги тѣмъ, что назначила его графомъ Биконсфильдомъ и членомъ палаты лордовъ.

Противникомъ, въ котораго мѣтили всѣ эти мѣры, была Россія.

3. Россійская имперія (1825—1894 гг.).

Изъ всѣхъ европейскихъ странъ едва ли найдутся двѣ другія, столь между собою различныя, какъ Англія и до-реформенная Россія. Англія—классическая страна индивидуальной свободы и развитаго индивидуальнаго самосознанія. Россія въ первой половинѣ XIX вѣка сохраняла еще всѣ черты стариннаго патріархальнаго быта. Мы видимъ въ ней неподвижную народную массу, привыкшую къ безропотному повиновенію, которое лишь въ исключительныхъ случаяхъ нестерпимаго гнета нарушается болѣе или менѣе рѣзкими и грозными вспышками. Съ другой стороны, мы видимъ въ ней Царя, являющагося въ одно и то же время и верховнымъ повелителемъ, и первосвященникомъ, и отцомъ. Въ Англіи—предпріимчивое промышленное и торговое населеніе, въ которомъ интересы бюргерства, несмотря на историческія привилегіи аристократіи, играютъ уже преобладающую роль; въ Россіи—богатое и развращенное дворянство, присвоившее себѣ огромное вліяніе на судъ и администрацію въ странѣ, и рядомъ многочисленное невѣжественное крестьянство, причемъ сознательное и зажиточное городское среднее сословіе почти совершенно еще отсутствуетъ. Тамъ строго контролируемая общественнымъ мнѣніемъ и недоступная политическимъ злоупотребленіямъ со стороны отдѣльныхъ лицъ администрація, здѣсь безконечная продажность чиновничества, парализующая даже благія начинанія правительства и деморализирующая населеніе. Тамъ маленькая, но густо населенная страна, состоящая всего изъ двухъ небольшихъ острововъ, распространившая, однако же, свое могущественное вліяніе при помощи современной техники и блестящаго развитія средствъ сообщенія на всѣ части свѣта; здѣсь необъятная по пространству, но мало населенная континентальная область съ небольшимъ прибрежнымъ пространствомъ, гдѣ огромныя разстоянія и плохія дороги дѣлаютъ почти невозможнымъ даже интенсивное воздѣйствіе столицы на отдѣльныя части страны. Тамъ—утонченные европейскіе нравы и культура въ высшихъ и драгоцѣннѣйшихъ ея проявленіяхъ; здѣсь—дикіе нравы и полу-

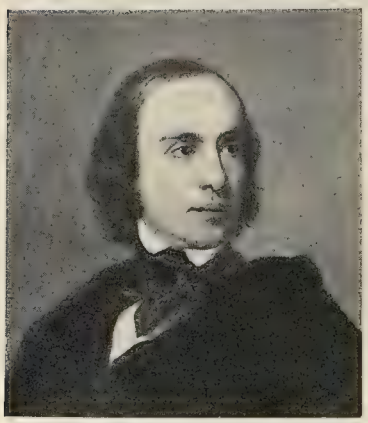
азіатская государственность съ поверхностнымъ лишь налетомъ европейской культуры.

Когда толкуютъ объ «европеизаціи» Россіи въ XIX вѣкѣ, то это нужно понимать въ очень ограниченномъ смыслѣ: патріархальныя и варварскія черты до недавняго времени были въ русскомъ народѣ сильнѣе европейскихъ. За исключеніемъ окраинъ, населенныхъ чуждыми Россіи племенами, европейскую культуру въ первой половинѣ XIX вѣка можно было найти лишь въ столицахъ, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ и въ немногихъ отдѣльныхъ дворянскихъ гнѣздахъ въ провинціи, воспринявшихъ въ себя лучшія идеи вѣка.

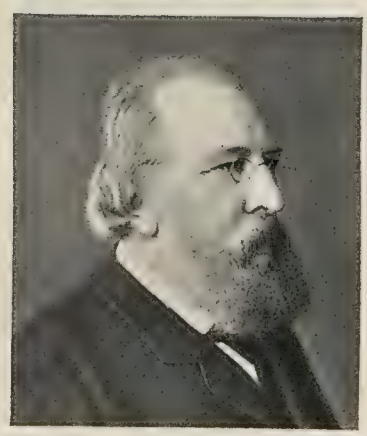
Высшій слой русскаго общества серьезно сталъ пріобщаться къ европейской культурѣ и просвѣщенію еще при Екатеринѣ. При этомъ сильнѣе и глубже, чѣмъ всѣ просвѣтительныя мѣры Екатерины и затѣмъ Александра, на молодыя поколѣнія высшаго круга дѣйствовало непосредственное общеніе съ западомъ и съ приносимыми оттуда идеями. Западное вліяніе еще при Екатеринѣ шло двумя различными руслами: съ одной стороны, русскіе путешественники и молодежь, ѣздившая за границу учиться, приносили оттуда знакомство съ идеями французскихъ энциклопедистовъ и экономистовъ, а также Вольтера, Монтескье, Руссо и въ особенности Мабли; а съ другой— московскіе масоны (мартинисты и розенкрейцеры), съ Новиковымъ и Шварцемъ во главѣ, распространяли, при помощи вольныхъ типографій, разрѣшенныхъ Екатериной, массу изданій и книгъ, пускавшихъ въ ходъ среди русскаго общества идеи гуманной нѣмецкой философіи XVIII вѣка и лучшихъ теченій германскаго и англійскаго масонства. Реакція конца Екатерининскаго царствованія и свирѣпыя преслѣдованія Павла затруднили свободный доступъ этихъ идей, но не могли совершенно остановить ихъ. Съ воцареніемъ Александра свободный притокъ ихъ возобновился, причемъ французское вліяніе получило явное преобладаніе надъ нѣмецкимъ. Но особенно мощнымъ толчкомъ въ этомъ отношеніи послужило для русской молодежи, принимавшей участіе въ походахъ 1813—15 гг., трехлѣтнее пребываніе заграницей, гдѣ молодые офицеры воочію знакомились не только съ идеями, почерпаемыми изъ книгъ, но и съ порядками, существовавшими въ дѣйствительности въ обновленной Европѣ, и съ чувствами, одушевлявшими пробуждавшуюся тогда къ новой жизни Германію. Привезенныя ими идеи и политическія стремленія дали начало тому движенію, которое привело черезъ нѣсколько лѣтъ къ катастрофѣ 14 декабря 1825 года. Эта катастрофа повела къ изъятію изъ среды русскаго образованнаго общества лучшихъ и благороднѣйшихъ его представителей, сосланныхъ въ Сибирь въ числѣ болѣе 100 человѣкъ (не говоря о 5 казненныхъ), да и тѣ, которые уцѣлѣли, чувствовали себя придавленными и надломленными. Въ 1826 году Россія будущаго, по образному выраженію Герцена, представлена была лишь нѣсколькими мальчиками. Когда эти мальчики подросли и стали (въ началѣ 30-хъ годовъ), въ свою очередь, интересоваться идеями, волновавшими въ то время передовое человѣчество, то въ ихъ кругу оказались въ наличности опять тѣ

два теченія, которыя приносили въ Россію на зарѣ русской общественности знакомство съ идеями, обращавшимися въ передовыхъ кругахъ западно-европейской интеллигенціи. Въ кружкахъ русской молодежи 30-хъ годовъ XIX вѣка опять проявились соперничающія теченія—французское и нѣмецкое. Подъ вліяніемъ перваго изъ этихъ теченій воспитывались Герценъ, Огаревъ и ихъ друзья, подъ вліяніемъ второго—Станкевичъ, Бѣлинскій, Грановскій, К. Аксаковъ, Ю. Самаринъ и др. Первые увлекались идеями, завѣщанными великой революціей и декабристами, вторые идеями германской философіи и романтизма начала XIX вѣка и въ особенности Шеллингомъ. На этотъ разъ первое теченіе оказалось значительно слабѣе второго. Герценъ, Огаревъ и весь ихъ кружокъ вскорѣ были обнаружены правительствомъ и отправлены въ ссылку. Шеллингіанское теченіе дало, наоборотъ, на первыхъ же порахъ обильные плоды. Изъ этого источника въ началѣ 30-хъ годовъ съ одинаковой жадностью питались и будущіе западники, и будущіе славянофилы. Шеллингіанство въ Россіи стало распространяться еще въ самомъ началѣ XIX вѣка, причемъ наиболѣе замѣтнымъ и ревностнымъ пропагандистомъ ученія Шеллинга и Окена явился профессоръ петербургской медико-хирургической академіи Велланскій, увлекавшійся, впрочемъ, главнымъ образомъ, той стороной этого ученія, которая касалась натурфилософіи, животнаго магнитизма и т. п. Въ 20-хъ годахъ въ Москвѣ явились новые, болѣе талантливые послѣдователи Шеллинговой философіи, профессора: Павловъ, Надеждинъ и Давыдовъ (впослѣдствіи ренегатъ), въ Москвѣ же въ 1823—1824 гг. образовался и первый кружокъ шеллингіанцевъ, въ составъ котораго входили: кн. В. Одоевскій, В. Кюхельбекеръ, Д. и А. Веневитиновы, И. В. Кирѣевскій, Кошелевъ и впослѣдствіи Погодинъ. Этотъ кружокъ издавалъ въ 1824 г. трехмѣсячное обозрѣніе «Мнемозину», а съ 1827 г. въ нѣсколько измѣненномъ составѣ «Московскій Вѣстникъ». Черезъ нѣсколько лѣтъ, подъ вліяніемъ этой пропаганды, среди московской университетской молодежи образовался новый кружокъ молодыхъ шеллингіанцевъ со Станкевичемъ во главѣ, въ числѣ которыхъ былъ и Бѣлинскій, дебютировавшій въ 1834 г. въ «Молвѣ» Надеждина своими «Мечтаніями въ прозѣ». Кружокъ этотъ вскорѣ перешелъ отъ Шеллинга къ изученію Фихте и Канта, а затѣмъ и Гегеля, причемъ въ составъ его вошли столь разошедшіеся впослѣдствіи между собою: Бакунинъ, Катковъ и Грановскій. Эти русскіе гегеліанцы конца тридцатыхъ годовъ, во главѣ которыхъ (за смертью Станкевича) стали Бѣлинскій, Бакунинъ и Грановскій вмѣстѣ съ присоединившимся къ нимъ по возвращеніи изъ ссылки Герценомъ, были пламенными почитателями западной культуры и общечеловѣческаго просвѣщенія и явились въ 40-хъ годахъ основателями западническаго направленія въ русской литературѣ; наоборотъ, К. Аксаковъ и Ю. Самаринъ со своими старшими единомышленниками: Хомяковымъ, Кирѣевскимъ и Кошелевымъ, долѣе остававшіеся подъ вліяніемъ Шеллинговой философіи и не подпавшіе подъ вліяніе Гегеля, сдѣлались сторонниками идеи самобытнаго развитія славянской расы и дали начало славянофильскому направленію въ литературѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ.

М. БАКУНИНЪ



Т. ГРАНОВСКІЙ



К. АКСАКОВЪ

Ю. САМАРИНЪ

Что касается настроенія правительства въ это время, то необходимо отмѣтить, что императоръ Николай, сурово расправившійся въ 1826 г. съ декабристами, къ которымъ онъ причислилъ не только лицъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ 1825 г., но и всѣхъ прикосновенныхъ къ тайнымъ обществамъ конца предшествовавшаго царствованія, призналъ на первыхъ порахъ необходимость серьезныхъ преобразованій въ русскомъ административномъ и общественномъ строѣ. Для этой цѣли онъ образовалъ комитетъ изъ высшихъ сановниковъ и даже былъ готовъ, повидимому, воспользоваться нѣкоторыми замѣчаніями декабристовъ, которыми были переполнены ихъ показанія. Не будучи вовсе подготовленъ ни къ роли преобразователя, ни къ закономѣрному управленію своими подданными, въ числѣ которыхъ поляки и финляндцы пользовались конституціоннымъ устройствомъ, онъ, однакоже, пытался на первыхъ порахъ переломить себя и, подавивъ свой гнѣвъ на польскіе конституціонные суды, оправдавшіе многихъ изъ членовъ тайныхъ обществъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ, не только заставилъ себя въ 1829 году торжественно присягнуть польской конституціи 1815 г., но и созвалъ въ 1830 г., вопреки совѣтамъ брата своего Константина, сеймъ, который открылъ конституціонною тронною рѣчью и къ постановленіямъ котораго отнесся вполнѣ корректно. Въ это именно время онъ въ союзѣ съ Англіей и Франціей способствовалъ освобожденію отъ турецкаго ига грековъ, которыхъ въ сущности глубоко презиралъ и въ интимной перепискѣ съ братомъ не стѣснялся называть гнусными мятежниками, подлежащими обузданію и усмиренію. Во внутреннихъ дѣлахъ Россіи въ этотъ первый, якобы реформаціонный, періодъ своего царствованія императоръ Николай былъ непослѣдователенъ и проявилъ несвойственныя ему колебанія. То онъ издавалъ указъ [1]) о непринятіи дѣтей помѣщичьихъ крестьянъ въ среднія и высшія школы и объ ограниченіи предметовъ преподаванія въ низшихъ училищахъ самыми элементарными, практически необходимыми въ простонародномъ быту, познаніями, то выражалъ намѣреніе распространять просвѣщеніе и призывалъ на постъ министра народнаго просвѣщенія дѣйствительно просвѣщеннаго и уважавшаго науку человѣка — С. С. Уварова; то подписывалъ «чугунный» цензурный уставъ, изготовленный Шишковымъ, и по которому можно было запретить даже и «Отче нашъ!», то черезъ два года замѣнялъ его новымъ сравнительно либеральнымъ уставомъ 1828 года, появленію котораго рукоплескали либеральные журналисты того времени. Всѣ эти колебанія перваго преобразовательнаго періода Николаевскаго царствованія (1826—1830) кончились, какъ только въ Петербургѣ были получены первыя извѣстія объ іюльской революціи 1830 года. Послѣдовавшая затѣмъ бельгійская революція и въ особенности польское возстаніе, разразившееся совершенно неожиданно для государя, упрочили еще больше то реакціонное на-

[1]) Указъ этотъ, по хитрому совѣту Кочубея, былъ облеченъ въ форму рескрипта къ министру народнаго просвѣщенія, чтобы не смущать общественнаго мнѣнія Западной Европы.

строеніе, которое гораздо больше соотвѣтствовало его личному характеру и воспитанію, и, развиваясь съ тѣхъ поръ crescendo, дошло, въ концѣ концовъ, до невѣроятныхъ предѣловъ. Въ дѣлахъ внѣшней политики это настроеніе окончательно закрѣпилось послѣ Мюнхенгрецкаго свиданія съ австрійскимъ императоромъ Францемъ въ 1833 г. и возстановившейся здѣсь entente cordiale съ Меттернихомъ. Съ этого времени императоръ Николай безповоротно становится главой европейской реакціи и принимаетъ на себя то «оберполиціймейстерство въ Европѣ», по мѣткому выраженію Ивана Аксакова, которое сдѣлало его имя повсюду сталъ непопулярнымъ. Что касается внутреннихъ дѣлъ, то отъ реформъ, замышлявшихся въ 1826 году, послѣ іюльской революціи и польскаго возстанія 1831 г. остались лишь кодификація законовъ, порученная послѣ нѣкоторыхъ колебаній Сперанскому и успѣшно законченная имъ въ 1833 г. въ видѣ дѣйствующаго и по настоящее время «свода законовъ», да нѣкоторыя предположенія о необходимости такъ или иначе облегчить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, волненія которыхъ ознаменовали собою начало новаго царствованія. Мысль о необходимости такъ или иначе обуздать произволъ и злоупотребленія помѣщиковъ, а, можетъ-быть, и подготовить ликвидацію крѣпостного права продолжала занимать Николая вплоть до революціи 1848 г., когда всякое прикосновеніе къ этому больному вопросу, въ свою очередь, было признано опаснымъ и недопустимымъ.

Въ царствованіе Николая крестьянскій вопросъ обсуждался въ шести негласныхъ комитетахъ, гдѣ, впрочемъ, интересы крестьянъ сколько-нибудь искренно и систематически поддерживались почти однимъ гр. П. Д. Киселевымъ, котораго императоръ въ шутку называлъ своимъ начальникомъ штаба по крестьянской части. Памятниками этихъ работъ и секретныхъ совѣщаній остались: устройство казенныхъ крестьянъ, оказавшееся впослѣдствіи неудачнымъ, благодаря допущенію широкаго чиновничьяго вмѣшательства во внутренній бытъ казенныхъ крестьянъ, указъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, дававшій возможность наиболѣе либеральнымъ помѣщикамъ устраивать своихъ крестьянъ по добровольнымъ съ ними соглашеніямъ, и законъ объ «инвентаряхъ» въ западномъ краѣ, ограничивавшій помѣщичій произволъ въ этихъ губерніяхъ въ отношеніи отобранія у крестьянъ обрабатываемыхъ ими земель и назначенія барщинныхъ работъ и повинностей. Въ томъ же духѣ были регулированы отношенія помѣщиковъ и сидящихъ на ихъ земляхъ крестьянъ (лично свободныхъ съ 1807 г.) въ Царствѣ Польскомъ указомъ 26 мая 1846 г., изданнымъ, повидимому, подъ сильнымъ вліяніемъ крестьянскаго движенія, разразившагося въ это время въ сосѣдней Галиціи.

Дѣятельность Уварова въ министерствѣ народнаго просвѣщенія выразилась во введеніи классической системы въ гимназіяхъ (въ болѣе разумныхъ дозахъ, нежели впослѣдствіи при Толстомъ) и въ изданіи новаго университетскаго устава 1835 г., въ которомъ реакціонное настроеніе правительства сказалось въ уничтоженіи университетской автономіи, введенной уставомъ 1804 г. Самому Уварову, удержавшемуся на посту министра народнаго просвѣщенія до 1851 г., пришлось многое сжечь изъ того, чему ранѣе онъ по-

клонялся, и, тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, онъ былъ устраненъ какъ человѣкъ, неспособный, по мнѣнію императора, въ достаточной мѣрѣ скрутить и обуздать литературу, которой хозяиномъ онъ считался, въ качествѣ главы цензурнаго вѣдомства, входившаго тогда въ министерство народнаго просвѣщенія. Въ московскомъ университетѣ наука дѣлала, впрочемъ, нѣкоторые успѣхи до 1848 г., благодаря просвѣщенному попечителю, хотя и управлявшему университетомъ деспотически, гр. С. Г. Строганову, который впослѣдствіи, уже при Александрѣ II, превратился въ одного изъ столповъ реакціи.

Послѣ революцій 1848 г. реакціонное настроеніе Николая I усилилось. Цензура сдѣлалась совершенно невыносима. 2 апрѣля 1848 г. былъ учрежденъ особый, такъ называемый Бутурлинскій, комитетъ, который долженъ былъ негласно провѣрять дѣйствія цензуры, сосредоточенной въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и доносить о всѣхъ допущенныхъ ею промахахъ и упущеніяхъ. Не только западники утратили всякую возможность хотя бы между строкъ, какъ это дѣлалъ до 1848 г. Бѣлинскій, проповѣдывать свои идеи и взгляды, но даже славянофиламъ, которые казались правительству черезчуръ независимыми, а потому и опасными въ ихъ сужденіяхъ, было категорически запрещено печатать что бы то ни было, и соотвѣтствующія подписки были взяты съ Хомякова, Аксаковыхъ, Самарина, Кошелева и кн. Черкасскаго. Открытіе сообщества Петрашевскаго, раздутаго III отдѣленіемъ (т.-е. жандармами) въ «противогосударственный заговоръ», по которому было привлечено къ дознанію болѣе 250 лицъ, въ сущности ни въ чемъ неповинныхъ, кромѣ либеральныхъ разговоровъ и чтенія либеральныхъ книжекъ, повело къ присужденію 20 главныхъ «преступниковъ» (среди которыхъ былъ и Ѳ. М. Достоевскій) къ смертной казни, замѣненной уже на эшафотѣ ссылкою въ каторжныя работы. Въ то же время правительство обрушилось на университеты, въ которыхъ было упразднено преподаваніе философскихъ наукъ (метафизики, исторіи философіи и теоріи познанія), и въ которыхъ комплектъ студентовъ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, былъ ограниченъ 300 лицами. Не только были прекращены командировки за границу съ учеными цѣлями, но даже вообще частнымъ лицамъ выѣздъ за границу былъ воспрещенъ, и заграничные паспорта выдавались лишь по Высочайшему повелѣнію высокопоставленнымъ лицамъ въ исключительныхъ случаяхъ. Формы реакціи послѣ 1848 г. все болѣе и болѣе напоминали мѣры, практиковавшіяся когда-то императоромъ Павломъ.

Разгромъ сложившейся въ первой четверти XIX вѣка передовой интеллигенціи страны, произведенный тотчасъ по вступленіи Николая на престолъ; развившійся затѣмъ до небывалыхъ размѣровъ режимъ гнета и преслѣдованія всякой живой и независимой мысли; отказъ отъ самыхъ необходимыхъ преобразованій въ области администраціи и суда,—все это не могло пройти безнаказанно. Такой режимъ вызвалъ прежде всего полную остановку въ развитіи культуры и цивилизаціи въ странѣ и отогналъ отъ правительства все, что было въ странѣ способнаго къ самостоятельному мышленію и твор-

честву. При такихъ условіяхъ новѣйшія изобрѣтенія и усовершенствованія, широко примѣнявшіяся въ XIX вѣкѣ въ западно-европейскихъ странахъ даже въ годы реакціи, туго прививались, а отчасти и вовсе не допускались въ Россіи. Желѣзныя дороги и паровыя суда хотя и начали строиться при Николаѣ, но дѣлалось это въ высшей степени медленно, неумѣло и дорого, исключительно на счетъ казны, съ обычными, свойственными тогдашнему бюрократическому режиму пріемами и злоупотребленіями. Въ торговлѣ и промышленности былъ полный застой, который обусловливался прежде всего наличностью крѣпостного права и повсемѣстно царившимъ административнымъ и полицейскимъ произволомъ, при полномъ отсутствіи нелицепріятнаго и независимаго отъ администраціи суда. Не лучше было положеніе дѣлъ въ арміи и во флотѣ, гдѣ царилъ духъ муштры и рутины при невѣроятномъ невѣжествѣ генераловъ и офицеровъ, и гдѣ единственными просвѣтами являлись порядки, заведенные въ Черноморскомъ флотѣ просвѣщеннымъ и талантливымъ адмираломъ Лазаревымъ, да болѣе или менѣе свободный и раціональный режимъ кавказскаго отдѣльнаго корпуса, создавшійся еще при Ермоловѣ, и котораго не успѣлъ окончательно истребить военный учитель и фаворитъ государя—Паскевичъ. Во всей же остальной арміи капральскій духъ Паскевича царилъ безраздѣльно, несмотря на очевидную неспособность и неподготовленность этого полководца, обнаружившуюся при первомъ же даже несерьезномъ столкновеніи со сравнительно ничтожными и нерегулярными силами Запада во время венгерской кампаніи. Во флотѣ (кромѣ черноморскаго флота) столь же нераздѣльно владычествовалъ другой любимецъ Николая, кн. А. С. Меньшиковъ, систематически портившій и развращавшій ввѣренный ему флотъ и обманывавшій государя лживыми отчетами въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій его царствованія.

Такое положеніе дѣлъ не замедлило сказаться въ полной мѣрѣ во время грозной опасности, нависшей надъ Россіей въ эпоху Крымской войны. Уже во время предшествовавшей Крымской кампаніи войны съ турками 1853—54 гг. наша боевая неподготовленность, неспособность во-время сосредоточить на театрѣ войны достаточныя силы, отчаянныя условія перевозки провіанта и боевыхъ припасовъ, бѣдственное положеніе медицинской части и, наконецъ, совершенное отсутствіе сколько-нибудь способныхъ и подготовленныхъ генераловъ,—обнаружились достаточно ясно. Когда же къ туркамъ присоединились союзники ихъ, французы и англичане, а впослѣдствіи и итальянцы, то положеніе наше сдѣлалось совершенно плачевнымъ. Между тѣмъ, силы, высаженныя союзниками въ Крыму, были вовсе не столь велики, и при распорядительности и мужествѣ главнаго организатора обороны Севастополя, адмирала Корнилова, при беззавѣтной храбрости защищавшихъ «свой городъ» моряковъ, сообщившейся и прочимъ войскамъ, въ нихъ сосредоточеннымъ, при невозможности для союзниковъ, въ виду недостаточности ихъ силъ, обложить Севастополь со всѣхъ сторонъ, русскія войска могли бы съ успѣхомъ отразить это нападеніе, если бы Паскевичъ не позаботился о своевременномъ доставленіи необходимыхъ подкрѣпленій, и если бы средства доставки и пере-

возки боевыхъ припасовъ и провіанта, а также и самихъ войскъ были сколько-нибудь удовлетворительны. При этихъ условіяхъ, по мнѣнію и современныхъ и новѣйшихъ военныхъ писателей, на-спѣхъ и неособенно раціонально задуманная экспедиція «англо-французовъ» могла бы кончиться полной для нихъ неудачей. Неудачный исходъ Крымской кампаніи всѣмъ открылъ глаза на необходимость коренныхъ преобразованій въ существовавшемъ соціально-политическомъ строѣ и въ дѣйствовавшей до тѣхъ поръ системѣ управленія страной. Провести эти преобразованія оказалось тѣмъ возможнѣе, что неудачный исходъ этой войны совпалъ со смертью самого императора Николая.

Наслѣдникъ Николая, императоръ Александръ II, не былъ рожденъ и воспитанъ ни борцомъ, ни преобразователемъ, но судьба заставила его быть тѣмъ и другимъ. Къ сожалѣнію, нельзя не отмѣтить, что недостатки характера и воспитанія Александра отразились въ достаточной мѣрѣ невыгодно на ходѣ предпринятыхъ имъ великихъ реформъ и на направленіи руководимой имъ внутренней политики государства. Несмотря на нѣкоторыя гуманныя идеи и чувства, внушенныя ему съ дѣтства однимъ изъ его воспитателей, поэтомъ Жуковскимъ, онъ слишкомъ былъ сыномъ своего отца, чтобы глубоко и искренно проникнуться духомъ тѣхъ либеральныхъ преобразованій, которыя ему пришлось осуществлять. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что въ 1848 г. онъ былъ проникнутъ духомъ реакціи не меньше отца и еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ проявилъ себя убѣжденнымъ защитникомъ дворянскихъ аристократическихъ привилегій и даже крѣпостного права. Онъ былъ отъ природы одаренъ недюжиннымъ умомъ и получилъ въ общемъ недурное образованіе, но воспитаніе въ придворно-военной атмосферѣ и традиціонная страсть къ плацъ-парадамъ, а также природный недостатокъ иниціативы и твердости въ его характерѣ, мало соотвѣтствовали той великой и отвѣтственной роли, которую ему пришлось сыграть въ исторіи Россіи. Конечно, нельзя отрицать, что послѣ неудачъ Крымской кампаніи онъ глубоко созналъ необходимость преобразованій и искренно рѣшился быть преобразователемъ; нельзя отрицать и того, что наряду съ досадными колебаніями и непослѣдовательностью въ выборѣ мѣропріятій по поводу быстро развертывавшихся событій нашей внутренней жизни конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, онъ выказалъ въ первые четыре года своего царствованія неожиданную стойкость въ проведеніи главной реформы—отмѣны крѣпостного права. Но съ дальнѣйшимъ ходомъ событій онъ не могъ уже удовлетворительно справиться.

Рѣшившись на отмѣну крѣпостного права, Александръ II не хотѣлъ, однакоже, дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ диктаторіально, а, наоборотъ, старался всячески вызвать иниціативу самихъ помѣщиковъ и желалъ произвести реформу при ихъ непосредственномъ участіи. Это намѣреніе правительства само по себѣ вполнѣ понятное и разумное, казалось, облегчалось широко распространеннымъ въ это время въ общественныхъ кругахъ сознаніемъ необходимости и своевременности этой реформы. Всѣмъ было ясно, что ни серьезное

преобразованіе государственнаго управленія и финансовой системы страны, ни свободное и быстрое развитіе промышленности и торговли не были возможны при наличности крѣпостного права. Неудобство крѣпостного строя давно уже давало себя чувствовать, а послѣ крымской войны впервые были болѣе или менѣе отчетливо сознаны многими наиболѣе просвѣщенными помѣщиками тѣ матеріальныя условія, которыя сложились въ первой половинѣ XIX вѣка и неизбѣжно требовали измѣненія существовавшаго строя. Въ числѣ этихъ условій самымъ кореннымъ было уплотненіе населенія, которое, особенно въ болѣе населенныхъ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, требовало измѣненія существовавшей тамъ системы помѣщичьяго хозяйства въ смыслѣ его интенсификаціи, такъ какъ даровой трудъ крѣпостного, при обиліи рукъ и ртовъ, содержавшихся въ помѣщичьихъ экономіяхъ, оказывался недостаточно продуктивнымъ, и содержаніе крѣпостныхъ становилось съ каждымъ годомъ все невыгоднѣе. Къ концу николаевскаго царствованія въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ дѣло доходило до того, что ненаселенныя имѣнія стали цѣниться выше населенныхъ. Это положеніе въ первой половинѣ XIX вѣка обострялось еще частыми неурожаями. Между тѣмъ сдѣлать крѣпостной трудъ болѣе продуктивнымъ оказывалось невозможнымъ. Помѣщичьи фабрики и заводы съ крѣпостными рабочими, которые помѣщики стали заводить въ XIX вѣкѣ, не выдерживали конкуренціи съ купеческими фабриками съ вольнонаемными рабочими; а между тѣмъ глубокія измѣненія техники въ фабричномъ производствѣ на Западѣ и особенно быстрое введеніе машинъ и другихъ улучшеній требовали, въ свою очередь, соотвѣтствующихъ преобразованій и въ русскомъ фабрично-заводскомъ производствѣ. Введенію необходимыхъ улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ и въ фабричномъ производствѣ препятствовали также недостатокъ денежныхъ капиталовъ и отсутствіе благоустроеннаго кредита при чрезмѣрной задолженности большей части имѣній. То обстоятельство, что содержаніе крѣпостныхъ стало невыгоднымъ, въ свою очередь, до крайности ухудшало ихъ положеніе и обостряло взаимныя отношенія между помѣщиками и крестьянами. Это выражалось въ учащеніи волненій и бунтовъ крѣпостныхъ и случаевъ убійствъ отдѣльныхъ помѣщиковъ и ихъ приказчиковъ. Все это еще въ сороковыхъ годахъ заставляло даже завзятыхъ крѣпостниковъ склоняться къ мысли о необходимости ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній.

Несмотря, однако, на всѣ эти обстоятельства, вызвать инициативу со стороны помѣщиковъ оказалось не особенно легко. Одни боялись разстаться съ издавна заведенными порядками, другіе не довѣряли разумности дѣйствій бюрократическаго правительства. Въ колебаніяхъ и нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ прошло около двухъ лѣтъ, и лишь въ концѣ 1857 года правительству удалось, наконецъ, вырвать заявленіе у литовскихъ дворянъ о желательности освобожденія крестьянъ безъ земли. Правительство ухватилось за это наполовину вынужденное заявленіе и поспѣшило открыть въ литовскихъ губерніяхъ дворянскіе комитеты для выработки реформы, причемъ, однакоже, предписало имъ въ общихъ чертахъ программу ихъ дѣйствій, невполнѣ соот-

вѣтствовавшую выраженнымъ литовскими дворянами намѣреніямъ. Копіи рескрипта, даннаго по этому случаю на имя виленскаго генералъ-губернатора Назимова, были разосланы всѣмъ губернаторамъ для сообщенія дворянству, и затѣмъ и самый рескриптъ былъ напечатанъ. Дворянство прочихъ губерній волей-неволей принуждено было ходатайствовать объ учрежденіи въ нихъ такихъ же комитетовъ. Нѣкоторыя дворянскія собранія попытались при этомъ внести нѣкоторыя измѣненія въ основы реформы, указанныя въ рескриптѣ,—измѣненія, главнымъ образомъ, клонившіяся къ освобожденію крестьянъ безъ земли. Но правительство твердо настаивало на принятіи всѣми указанныхъ имъ основаній и ни на какія измѣненія ихъ не соглашалось. По рескрипту за помѣщиками сохранялось право собственности на всю землю, но крестьянамъ предоставлялось выкупить ихъ усадьбы, и имъ же помѣщики должны были отвести достаточное для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщиками количество земли, за которое они или платили бы оброкъ, или отбывали бы работу помѣщику. За помѣщиками предполагалось сохранить вотчинно-полицейскую власть. Впослѣдствіи къ этому было добавлено, что личность крестьянина должна была быть освобождена безвозмездно. Такая программа отнюдь не соотвѣтствовала интересамъ и намѣреніямъ помѣщиковъ разныхъ губерній, которыя весьма различались между собой по своимъ природнымъ и хозяйственнымъ условіямъ. Особенно разнились между собой интересы помѣщиковъ въ губерніяхъ земледѣльческихъ, черноземныхъ, и сѣверныхъ, неземледѣльческихъ. Въ черноземныхъ губерніяхъ населеніе занималось почти исключительно земледѣліемъ, и тамъ именно земля составляла цѣнный элементъ въ имѣніи; при извѣстной густотѣ населенія, при излишествѣ рабочихъ рукъ и ртовъ, помѣщикамъ этихъ губерній выгодно было хотя бы безвозмездно освободить крѣпостныхъ, но удержать за собой всю землю. Въ губерніяхъ сѣверныхъ, нечерноземныхъ, издавна развились отхожіе и мѣстные промыслы, дававшіе населенію значительные заработки, которые позволяли, въ свою очередь, помѣщикамъ облагать крестьянъ значительными оброками, которые нерѣдко были такъ велики, что при крѣпостномъ правѣ считалось владѣть имѣніемъ въ этихъ нехлѣбородныхъ губерніяхъ гораздо выгоднѣе, нежели въ хлѣбородныхъ. Здѣсь помѣщики обыкновенно вовсе не вели собственнаго хозяйства и отпускали всѣхъ крестьянъ на оброкъ. Здѣсь они очень неохотно мирились съ необходимостью отмѣны личнаго крѣпостного права, и ужъ если эта отмѣна была неизбѣжной, то они прежде всего желали получить со своихъ крѣпостныхъ хорошій денежный выкупъ, а землю или, по крайней мѣрѣ, значительную часть ея охотно соглашались отдать крестьянамъ. Въ черноземныхъ губерніяхъ помѣщики, крѣпко держась за свои хозяйства и привыкнувъ вести ихъ барщиннымъ трудомъ, опасались болѣе всего внезапной и единовременной отмѣны крѣпостного права и потому желали установленія переходнаго срочно-обязаннаго положенія съ сохраненіемъ на это время своей вотчинной власти; наоборотъ, помѣщики сѣверныхъ промысловыхъ губерній, не имѣя земледѣльческихъ хозяйствъ и заинтересованные лишь о сохраненіи своихъ

крупныхъ денежныхъ доходовъ, вовсе не были расположены, при неизбѣжности реформы, переживать переходный срочно-обязанный періодъ, а предпочитали единовременную и полную отмѣну крѣпостного права съ тѣмъ, чтобы имъ выдали при этомъ хорошій денежный выкупъ, при содѣйствіи правительства. Интересы помѣщиковъ черноземныхъ хлѣбородныхъ губерній, заставлявшіе ихъ стремиться къ удержанію вотчинной власти для поддержанія порядка въ своихъ имѣніяхъ въ теченіе переходнаго періода и сохраненія на время обязательной для крестьянъ барщины, заставляли ихъ также желать установленія на мѣстахъ въ будущемъ дворянскаго самоуправленія съ подчиненіемъ ему остальныхъ сословій; наоборотъ, помѣщики промышленныхъ неземледѣльческихъ губерній, заинтересованные лишь въ полученіи денежныхъ капиталовъ, были довольно равнодушны ко всему этому и, подчиняясь духу времени, охотно соглашались на установленіе на мѣстахъ, при условіи единовременнаго и обязательнаго выкупа крѣпостныхъ отношеній, полнаго равноправія сословій и демократическаго безсословнаго или всесословнаго самоуправленія.

Таковы были главныя, основныя различія въ матеріальныхъ условіяхъ разныхъ губерній, обусловливавшія различіе интересовъ и настроенія въ помѣщичьихъ кругахъ и въ губернскихъ комитетахъ. Но, конечно, этимъ дѣло не ограничивалось; въ средѣ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ почти повсемѣстно оказались отдѣльныя лица, считавшіяся не только съ матеріальными помѣщичьими интересами, а зараженныя современными либеральными и демократическими идеалами и взглядами и не желавшія отставать отъ духа времени. Они, разумѣется, были въ меньшинствѣ, но ихъ присутствіе не могло не порождать бурныхъ споровъ и рѣзкихъ сценъ, потому что дѣло шло о рѣшеніи кровныхъ интересовъ дворянскаго сословія.

При такомъ различіи помѣщичьихъ интересовъ въ разныхъ губерніяхъ различнымъ губернскимъ комитетамъ было очень трудно руководствоваться одною и тою же программою. Между тѣмъ правительство не сразу поняло значеніе этихъ основныхъ различій. Хотя въ многочисленныхъ запискахъ и проектахъ, составленныхъ въ это время частными лицами,—въ числѣ которыхъ многіе были весьма замѣчательны и остроумны,—эти различія были вполнѣ выяснены, однакоже, правительство игнорировало ихъ не только въ первоначальной программѣ, но и въ позднѣйшихъ, болѣе подробныхъ инструкціяхъ и программахъ, которыя все болѣе и болѣе связывали работу губернскихъ комитетовъ. Особенно непреемлемымъ и опаснымъ представлялось для правительства рѣшеніе вопроса при помощи единовременной выкупной операціи, которая могла, конечно, совершиться лишь при участіи и подъ отвѣтственностью государственной казны. Положеніе финансовъ послѣ Крымской кампаніи было не только запутанное, но почти отчаянное, притомъ ухудшавшееся съ каждымъ годомъ подъ вліяніемъ неумѣреннаго выпуска ассигнацій съ цѣлью покрытія ежегодно возраставшаго дефицита. Управляли финансами люди несвѣдущіе и неспособные, и потому понятно, что одно предположеніе о возможности рѣшенія крестьянскаго вопроса при помощи мил-

ліардной кредитной операціи приводило ихъ въ ужасъ. Поэтому правительство никоимъ образомъ не было расположено идти навстрѣчу предположеніямъ, преобладавшимъ въ кругу помѣщиковъ сѣверныхъ неземледѣльческихъ губерній. Также мало оно было расположено сочувствовать стремленіямъ помѣщиковъ черноземныхъ хлѣбородныхъ губерній къ безземельному освобожденію крестьянъ, основательно предвидя, что такой способъ рѣшенія вопроса чреватъ серьезными волненіями и даже, можетъ-быть, повсемѣстнымъ возстаніемъ со стороны крестьянъ, которые и при крѣпостномъ правѣ привыкли считать землю своею. Въ концѣ концовъ, правительству пришлось дѣйствовать диктаторіально, почти не считаясь съ волею большинства дворянскихъ комитетовъ. Составленіе положенія поручено было редакціонной комиссіи, составленной на половину изъ либеральныхъ и довольно демократически настроенныхъ чиновниковъ, на половину изъ представителей меньшинства дворянскихъ комитетовъ по выбору правительства. Проектъ былъ составленъ на основаніяхъ болѣе радикальныхъ, нежели тѣ, какія были преподаны въ рескриптѣ 20 ноября 1857 года. Крестьянъ предполагалось освободить съ землей, хотя при этомъ допускались обрѣзки въ томъ случаѣ, когда существовавшій при крѣпостномъ правѣ надѣлъ превышалъ выработанныя комиссіей для отдѣльныхъ мѣстностей нормы; переходное срочно-обязанное положеніе сокращено было до minimum'а; за землю крестьянинъ долженъ былъ платить опредѣленный денежный оброкъ, которымъ повсемѣстно должны были быть замѣнены барщинныя работы; выкупъ былъ допущенъ не обязательный, а факультативный, по соглашенію крестьянъ съ помѣщиками, но при участіи правительства, бравшаго на себя единовременную выдачу помѣщикамъ выкупной суммы и взысканіе ея затѣмъ въ видѣ разсроченныхъ выкупныхъ платежей съ крестьянъ (въ теченіе 49 лѣтъ); вотчинныя права помѣщиковъ уничтожались и замѣнялись самоуправленіемъ крестьянскихъ обществъ и волостей, подчиненныхъ, впрочемъ, полицейскимъ и административнымъ уѣзднымъ властямъ.

Такое рѣшеніе вопроса не только не удовлетворило ни одно изъ направленій, развившихся въ средѣ дворянскихъ комитетовъ, но, наоборотъ, чрезвычайно раздражило помѣщиковъ всѣхъ направленій, тѣмъ болѣе, что не только редакціонная комиссія не считалась съ волею дворянства при проектированіи положенія, но и депутатамъ дворянскихъ комитетовъ не было предоставлено участвовать въ окончательномъ рѣшеніи вопроса въ главномъ комитетѣ, на что они надѣялись на основаніи, быть-можетъ, не совсѣмъ точно истолкованныхъ словъ государя, сказанныхъ имъ во время его лѣтней поѣздки по Россіи въ 1858 г. Дворянскіе депутаты хотя и были вызваны въ Петербургъ въ два срока, но имъ было предоставлено здѣсь лишь высказать свои соображенія въ редакціонной же комиссіи, гдѣ сдѣланныя ими возраженія, по содержанію своему довольно рѣзкія, были просто записаны въ журналъ. Представители дворянства выразили свое недовольство въ адресахъ, поданныхъ государю, причемъ одни хлопотали о пересмотрѣ всего дѣла въ главномъ комитетѣ при ихъ участіи, другіе, высказывая порицаніе дѣй-

ствіямъ бюрократіи, излагали свои предположенія о необходимыхъ судебныхъ и административныхъ преобразованіяхъ въ либерально-демократическомъ духѣ. Послѣдовавшіе вслѣдъ затѣмъ выговоры подателямъ этихъ адресовъ и запрещеніе дворянскимъ собраніямъ обсуждать крестьянскій вопросъ усилили еще болѣе оппозиціонное настроеніе дворянства всѣхъ губерній. Въ Тверской губерніи дворянство протестовало противъ этого распоряженія формально новымъ адресомъ на имя государя, за что предводитель дворянства Унковскій былъ устраненъ отъ должности и вскорѣ подвергся высылкѣ административнымъ порядкомъ съ другимъ организаторомъ протеста, помѣщикомъ Европеусомъ.

Это оппозиціонное настроеніе дворянства, развиваясь crescendo, направилось по двумъ русламъ—оппозиціонно-аристократическому съ олигархическими тенденціями и крѣпостническими стремленіями, къ которому примыкали, главнымъ образомъ, помѣщики хлѣбородныхъ губерній, и по другому—либерально-демократическому руслу, къ которому примкнули, главнымъ образомъ, помѣщики сѣверныхъ промышленныхъ губерній. Оба русла сходились въ одномъ—въ издавна накопившейся и теперь особенно обострившейся ненависти къ бюрократіи.

Въ интеллигентномъ безсословномъ обществѣ, органами котораго служили различные журналы, издававшіеся въ столицахъ, а также и заграничный «Колоколъ» Герцена, оппозиціонное настроеніе въ это время развивалось столь же быстро, какъ и въ дворянской средѣ. Въ первые годы по вступленіи на престолъ Александра II въ обществѣ господствовало чрезвычайно розовое настроеніе и полное довѣріе къ новому правительству, причемъ это настроеніе объединяло всѣ передовые кружки и всѣ литературныя партіи на очень скромной программѣ необходимыхъ преобразованій, къ которымъ видимо склонялось и само правительство Александра II. Вскорѣ, однако, колебанія правительства и особенно стѣсненіе свободы печати, предоставленной ей было съ 1858 г., въ обсужденіи крестьянскаго вопроса, начало раздражать передовыхъ представителей печати и общества и возбуждать въ нихъ оппозиціонное настроеніе если не по отношенію къ самому Александру, то по отношенію къ бюрократіи, при помощи которой онъ дѣйствовалъ. Броженіе, порожденное ходомъ крестьянской реформы въ дворянскихъ кругахъ, отозвалось и въ печати сильнѣйшимъ образомъ, причемъ нѣкоторые органы печати примкнули къ различнымъ дворянскимъ теченіямъ; другіе же, разочарованные своекорыстіемъ, проявленнымъ губернскими комитетами, стали развивать болѣе радикальныя программы рѣшенія крестьянскаго вопроса и, встрѣтясь на этомъ пути съ цензурными препятствіями, сдѣлались въ то же время заклятыми врагами бюрократическаго строя и стали вмѣстѣ съ наиболѣе радикально настроенными дворянами проповѣдывать необходимость коренной политической реформы. Такъ усиливалось въ это время общее оппозиціонное настроеніе печати и въ же время развивалась въ средѣ ея дифференціація направленій, выражавшаяся все въ болѣе и болѣе рѣзкихъ формахъ. Уже въ 1859 г. «Современникъ», руководимый Чернышевскимъ и Добролюбовымъ,

Графъ С.С. Ланской

Великій Князь Константинъ Николаевичъ

Великая Княгиня Елена Павловна

Н.А. Милютинъ

Графъ Я.И. Ростовцевъ

Дѣятели освобожденія крестьянъ.

взялъ настолько рѣзкій тонъ по отношенію къ представителямъ умѣреннаго либерализма, что самъ Герценъ въ своемъ заграничномъ «Колоколѣ» счелъ необходимымъ протестовать противъ этой рѣзкости. Съ 1861 г. рядомъ съ «Современникомъ» явился другой представитель радикализма, проповѣдывавшій нигилистическое направленіе, главнымъ образомъ, въ сферѣ религіозной, нравственной и семейной. Это былъ журналъ «Русское Слово», основанный еще въ 1859 г. гр. Кушелевымъ и руководимый съ 1861 г. юнымъ Писаревымъ, ставшимъ съ этого времени властителемъ думъ молодежи. Въ то же время «Русскій Вѣстникъ» Каткова и Леонтьева, бывшій органомъ либеральныхъ и даже радикальныхъ теченій, развивавшихся въ дворянскихъ кругахъ, рѣзко разрываетъ, однако, съ представителями соціалистическихъ и нигилистическихъ доктринъ, «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ», а также и съ «Колоколомъ» Герцена, съ которымъ вступаетъ въ полемику.

Между тѣмъ, проектъ Положенія о крестьянахъ, выработанный въ редакціонной комиссіи, прошелъ черезъ главный комитетъ и государственный совѣтъ, благодаря энергичной личной поддержкѣ самого Александра, причемъ въ немъ были допущены сравнительно лишь небольшія измѣненія, выторгованныя придворными и высокопоставленными представителями крѣпостническихъ дворянскихъ стремленій. Въ числѣ этихъ уступокъ наиболѣе важныя обезпечивали возможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ болѣе значительныхъ урѣзокъ крестьянскаго надѣла, нежели та, какая допускалась проектомъ редакціонной комиссіи.

Ко времени опубликованія Положенія 19 февраля броженіе въ странѣ и особенно въ Петербургѣ чрезвычайно усилилось. Объявленіе воли, столь долго жданной, мало кого удовлетворило: крестьяне, которымъ предстояло во многихъ мѣстахъ еще два года отбывать барщину, были разочарованы, отказывались въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выходить на работы и волновались; ихъ усмиряли розгами и военными экзекуціями, которыя оканчивались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кровавыми столкновеніями; помѣщики были раздражены противъ бюрократіи повсемѣстно, и въ Тверской губерніи дворянское собраніе приняло революціонныя и вполнѣ демократическія резолюціи, которыя были включены въ адресъ государю, а часть мировыхъ посредниковъ той же губерніи, назначенныхъ изъ среды дворянъ по положенію 19 февраля для его введенія въ дѣйствіе, объявили, что они будутъ слѣдовать отнынѣ не распоряженіямъ бюрократическаго правительства, а общественнымъ директивамъ, выраженнымъ въ резолюціяхъ собранія; въ Петербургѣ и въ Москвѣ начались студенческія волненія, и появились революціонныя прокламаціи; въ Польшѣ послѣдовалъ рядъ противоправительственныхъ демонстрацій и заявленій; въ средѣ торгово-промышленнаго класса росло и развивалось рѣзкое недовольство, вызванное, съ одной стороны, кризисомъ, разразившимся въ 1858—59 гг., послѣ необыкновеннаго подъема промышленной дѣятельности, начавшагося послѣ крымской войны, а съ другой—поощряемое неудачными мѣрами правительства, отдавшаго постройку желѣзныхъ дорогъ въ руки иностранныхъ капиталистовъ и уронившаго неумѣренными выпусками ассигнацій

курсъ бумажныхъ денегъ. Наконецъ, лѣтомъ 1862 г. начались пожары въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ, очевидно, происходившіе отъ поджоговъ, причемъ поджоги эти одними приписывались полякамъ, другими—революціонерамъ и студентамъ.

На революціонныя проявленія правительство отвѣчало репрессіями, направленными въ особенности противъ передовыхъ представителей печати, изъ которыхъ лѣтомъ 1862 г. большая часть сидѣла уже по тюрьмамъ, а затѣмъ многіе были отправлены въ ссылку и даже въ каторжныя работы по приговорамъ чрезвычайныхъ судовъ, явно пристрастныхъ и недобросовѣстныхъ. Студенты въ 1861 г. были усмирены въ Петербургѣ войсками, причемъ 300 человѣкъ были посажены въ крѣпость; въ Москвѣ на студенческую процессію напали дворники и простонародье. Тверскіе мировые посредники были также посажены въ крѣпость, а затѣмъ присуждены къ заключенію въ смирительномъ домѣ. Но общество не успокаивалось, и среди него началась агитація, выражавшаяся въ подачѣ адресовъ съ конституціонными требованіями, причемъ помѣщики-крѣпостники дѣйствовали за одно съ приверженцами Герцена и Огарева. Положеніе правительства было тѣмъ болѣе трудное, что заграницей объ этомъ движеніи ходили преувеличенные слухи, тяжело отразившіеся на государственномъ кредитѣ и на положеніи финансовъ, и безъ того незавидномъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Горчаковъ разослалъ даже циркуляръ къ русскимъ посламъ заграницей, въ которомъ опровергалъ ходившіе слухи и увѣрялъ, что все скоро успокоится, и что девизъ, усвоенный правительствомъ съ начала царствованія, «ни слабости, ни реакціи», не будетъ поколебленъ.

Впрочемъ, уже въ 1862 г. въ обществѣ, часть котораго была испугана пожарами и крайними тенденціями, выраженными въ нѣкоторыхъ прокламаціяхъ, появились явные симптомы реакціи, отразившейся тотчасъ и въ печати рѣзкими статьями «Русскаго Вѣстника» Каткова.

Въ слѣдующемъ 1863 г. это реакціонное движеніе приняло широкіе размѣры, въ виду вспыхнувшаго въ Польшѣ возстанія и въ особенности дипломатическаго вмѣшательства европейскихъ державъ, вызвавшаго въ Россіи взрывъ патріотическихъ и шовинистическихъ чувствъ, охватившихъ и привлекшихъ на сторону правительства широкіе круги провинціальнаго дворянства и столичнаго купечества. Катковъ сталъ во главѣ этого движенія, и съ этихъ поръ журналъ его сдѣлался неизмѣнной опорой всѣхъ реакціонныхъ начинаній правительства. Впрочемъ, правительство не сразу пошло по пути реакціи: обѣщанія, данныя европейскимъ кредиторамъ въ циркулярѣ Горчакова, связывали его въ этомъ отношеніи, и оно понимало, что преобразованія, предпринятыя въ цѣляхъ упорядоченія внутренней жизни, должны быть докончены. Еще въ 1862 г. послѣдовали важныя *преобразованія финансоваго управленія* по плану, выработанному В. А. Татариновымъ. Они внесли серьезныя улучшенія въ технику финансоваго управленія, устранили многія злоупотребленія въ этой области и потому послужили основой къ упроченію расшатаннаго кредита. Но всѣ они, какъ и акцизная реформа, отмѣнившая

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Графъ МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ.

Графъ С. Г. СТРОГАНОВЪ.

зловредные откупа, вносившіе въ народную жизнь столько разврата, являлись все же, въ сущности, лишь преобразованіями аппарата, при помощи котораго велось государственное хозяйство. Основныя черты самой системы государственнаго хозяйства остались неприкосновенными, такъ какъ составныя части бюджета остались прежнія, и все увеличивавшаяся тяжесть казенныхъ платежей и сборовъ попрежнему ложилась непосильнымъ бременемъ на плечи народной массы. Не говоря о косвенныхъ налогахъ, которые пріобрѣтали въ государственномъ бюджетѣ все большее и большее значеніе, даже болѣе справедливое распредѣленіе прямыхъ податей было отложено на неопредѣленное время, а оброки и выкупные платежи, далеко превышавшіе во многихъ мѣстахъ доходность отведенныхъ крестьянамъ угодій, какъ вскорѣ обнаружилось, въ корнѣ подрывали производительныя силы страны.

Въ 1862 г. либеральнымъ министромъ народнаго просвѣщенія Головнинымъ былъ выработанъ при широкомъ участіи профессоровъ русскихъ и даже иностранныхъ университетовъ, *новый университетскій уставъ*, который подвергся, однакоже, значительнымъ урѣзкамъ и измѣненіямъ въ комиссіи гр. Строганова и затѣмъ былъ изданъ въ 1863 г. По этому уставу совѣтамъ университетовъ было дано нѣкоторое самоуправленіе, хотя власть попечителя была сохранена. Притомъ сильно былъ стѣсненъ доступъ въ университеты постороннихъ слушателей, широко практиковавшійся въ первые годы царствованія Александра II.

Въ основу *новыхъ судебныхъ уставовъ*, выработанныхъ лучшими юристами страны, былъ положенъ принципъ полной независимости суда отъ администраціи, что гарантировалось, главнымъ образомъ, несмѣняемостью судей и устраненіемъ права министерства награждать ихъ чинами и орденами. По всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, кромѣ мелкихъ полицейскихъ проступковъ и правонарушеній, былъ предположенъ судъ присяжныхъ; въ уголовный процессъ вводилось состязательное начало, и учреждалось особое сословіе присяжной адвокатуры. Однако, и здѣсь первоначальные проекты были значительно урѣзаны. Принципъ несмѣняемости судей былъ принятъ, но система служебныхъ поощреній не была устранена. Самымъ существеннымъ отступленіемъ отъ общихъ принциповъ было устраненіе суда присяжныхъ отъ сужденія по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ и о нарушеніяхъ законовъ о печати. Судебные уставы въ этомъ видѣ были опубликованы 20 ноября 1864 г. и затѣмъ постепенно вводились, начиная съ 1865 г., въ различныхъ округахъ Имперіи.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ было выработано въ особой бюрократической комиссіи, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ еще въ 1859 г. Послѣ отставки въ 1861 г. ея перваго предсѣдателя Н. А. Милютина въ ней сталъ предсѣдательствовать новый министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, старавшійся ограничить самостоятельность проектировавшихся учрежденій и доставить въ земскихъ собраніяхъ преобладаніе дворянству. Однако, измѣненія, проектированныя Валуевымъ, не имѣли успѣха въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ компетенція земскихъ учрежденій была расширена

предоставленіемъ имъ нѣкотораго участія въ завѣдываніи школами, и распредѣленіе гласныхъ между земледѣльцами и сельскими обществами уравнено, соотвѣтственно землевладѣнію тѣхъ и другихъ.

Наконецъ, въ 1865 г. былъ изданъ *новый законъ о печати.* Полное освобожденіе отъ предварительной цензуры было признано невозможнымъ; оно давалось только столичнымъ органамъ повременной печати и книгамъ извѣстнаго объема. Притомъ и освобожденные отъ предварительной цензуры газеты и журналы остались подъ Дамокловымъ мечомъ произвольныхъ административныхъ каръ и взысканій, въ видѣ предостереженій и пріостановокъ, не говоря о судебныхъ взысканіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшеніе новыхъ періодическихъ изданій ставилось въ полную зависимость отъ умотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ. Таковы были основныя черты «правилъ» 6 апрѣля 1865 г.

Что касается общества, то радикальные кружки въ это время были совершенно разбиты: всѣ вожаки и наиболѣе дѣятельные представители радикальной оппозиціи были въ ссылкѣ, сидѣли въ тюрьмахъ или бѣжали за границу. «Современникъ» и «Русское слово» вели между собою братоубійственную войну, а заграничный «Колоколъ» Герцена послѣ польскаго возстанія утратилъ свое прежнее вліяніе и въ радикальныхъ кругахъ, съ которыми онъ во многомъ расходился, и въ либеральныхъ, которые сильно поправѣли и въ значительной мѣрѣ даже ушли вмѣстѣ съ Катковымъ въ реакцію. Впрочемъ, оправившись послѣ испуга, причиненнаго революціонными крайностями, и успокоившись отъ шовинистическаго движенія, охватившаго общество въ 1863 г., дворяне-конституціоналисты пытались нѣкоторое время расширить свои политическія права и дѣлали правительству соотвѣтствующія заявленія, изъ которыхъ самымъ громкимъ былъ извѣстный адресъ московскаго дворянскаго собранія 1865 г., въ которомъ дворянство ходатайствовало объ увѣнчаніи зданія реформъ дарованіемъ ему участія въ законодательствѣ и верховномъ управленіи страной. Императоръ Александръ, успѣшно подавившій польское возстаніе и усмирившій внутреннія волненія, отвѣчалъ на этотъ адресъ отрицательно и притомъ въ очень твердомъ и внушительномъ тонѣ.

Другая часть дворянства, настроенная болѣе демократически и притомъ убѣдившаяся всѣмъ ходомъ событій 1861—62 гг. въ неподготовленности русскаго общества того времени къ серьезной политической работѣ и къ твердому отстаиванію правъ, бросилась въ земскую дѣятельность и работу, смотря на это какъ на полезную подготовительную школу, и въ то же время какъ на среду, въ которой могутъ образоваться и окрѣпнуть его связи съ народомъ.

---

4 апрѣля 1866 г. среди полнаго политическаго затишья раздался выстрѣлъ Каракозова. Это покушеніе до такой степени было для всѣхъ неожиданно, что въ первую минуту оно было приписано не «нигилистамъ», а полякамъ. Оно вызвало всеобщій переполохъ въ обществѣ и усиленіе

полицейскаго террора. Несмотря, однакоже, на энергичныя мѣры, принятыя Муравьевымъ, которому было поручено разслѣдованіе по поводу этого событія, несмотря на широкую помощь добровольцевъ изъ среды общества, въ концѣ-концовъ, было выяснено лишь существованіе въ Москвѣ ничтожнаго кружка революціонеровъ, состоявшаго изъ очень молодыхъ людей, только собиравшихся организовать соціально-революціонную пропаганду въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Однако, незначительность открытой Муравьевымъ организаціи и полная непричастность къ ней не только либераловъ, но даже и радикаловъ «Современника» не помѣшали укорениться въ Россіи реакціи на цѣлыя десятилѣтія.

На государя этотъ выстрѣлъ произвелъ неизгладимое впечатлѣніе, и враги преобразованій и всякаго прогресса успѣли этимъ воспользоваться. Передовые журналы «Современникъ» и «Русское слово» были запрещены. Министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ и гуманный генералъ-губернаторъ Петербурга Суворовъ были смѣщены со своихъ мѣстъ. Вмѣсто Головнина былъ назначенъ уже бывшій въ это время оберъ-прокуроромъ синода извѣстный фанатикъ классицизма и ярый реакціонеръ гр. Д. А. Толстой, который и сдѣлался душою и главнымъ движущимъ нервомъ реакціи. Рѣзче всего реакція и сказалась во ввѣренномъ ему вѣдомствѣ. Съ 26 мая 1867 г. студенты были подчинены особымъ правиламъ, отдавшимъ молодежь подъ двойной надзоръ университетскаго начальства и полиціи. У Толстого была наготовѣ полная система реакціонныхъ мѣръ, долженствовавшая перестроить соотвѣтственнымъ образомъ весь строй высшаго, средняго и низшаго образованія въ Россіи. Осуществленіе этой системы и сдѣлалось однимъ изъ важнѣйшихъ реакціонныхъ предпріятій послѣдующаго періода русской жизни. Въ комитетѣ министровъ былъ поднятъ вопросъ о необходимости усиленія губернаторской власти, и хотя противъ предложеннаго въ этомъ духѣ «преобразованія» представили вѣскія возраженія министры юстиціи и финансовъ, проектъ этотъ получилъ одобреніе и осуществленъ съ явнымъ нарушеніемъ правъ государственнаго совѣта въ административномъ порядкѣ, а между тѣмъ на основаніи этого распоряженія губернаторамъ были въ извѣстномъ смыслѣ какъ бы подчинены не только органы самоуправленія, но даже и лица судейскаго званія. Независимость судебныхъ слѣдователей была подорвана, такъ какъ съ цѣлью лишить ихъ несмѣняемости съ этихъ поръ вмѣсто слѣдователей повсемѣстно были назначаемы лишь «исправляющіе должность слѣдователя», которые могли быть смѣняемы по распоряженію министра. Земству также очень скоро пришлось испытать на себѣ всю силу этой реакціи: закономъ 21 ноября 1866 г. были ограничены права земствъ по обложенію хозяевъ промышленныхъ предпріятій, чѣмъ подрывались очень существенно ихъ матеріальныя средства; за протестъ противъ этого закона и жалобы на невозможное отношеніе администраціи къ земскимъ ходатайствамъ петербургское земство было закрыто, а предсѣдатель губернской управы Крузе высланъ въ Уфу; въ 1867 г. послѣдовали новыя

распоряженія правительства, стѣснившія оглашеніе въ газетахъ преній и постановленій земскихъ собраній, что сильно умалило значеніе ихъ публичности, и снабдившія такой дискреціонной властью предсѣдателей этихъ собраній съ соотвѣтствующимъ усиленіемъ ихъ личной отвѣтственности передъ правительствомъ, которая значительно ограничила свободу преній и обсужденій.

Этими мѣрами начался періодъ многолѣтней реакціи, ознаменовавшей вторую половину царствованія Александра, причемъ всѣ освободительныя реформы пятидесятыхъ годовъ подверглись болѣе или менѣе существеннымъ ограниченіямъ и измѣненіямъ. Въ особенности было искажено при этомъ значеніе земской и судебной реформы.

Между тѣмъ соціально-экономическое развитіе Россіи, быстро двинувшееся впередъ послѣ крымской войны подъ вліяніемъ проведенія желѣзныхъ дорогъ и открывшихся съ началомъ новаго болѣе свободнаго режима широкихъ перспективъ для личной предпріимчивости каждаго, а въ особенности подъ вліяніемъ цѣлаго ряда перемѣнъ, внесенныхъ въ хозяйственную жизнь страны отмѣной крѣпостного права и выкупомъ крестьянскихъ земель,—шло своимъ чередомъ, сопровождаемое свойственными новымъ формамъ свободной промышленной жизни кризисами, тревогами и потрясеніями.

Торгово-промышленный классъ, составлявшій въ пятидесятыхъ годахъ еще почти сплошное «темное царство», зашевелился, однако, и потянулся къ прогрессу тотчасъ же послѣ крымской кампаніи, несмотря на всѣ бѣдствія и убытки тяжелой войны, казалось бы, совершенно истощившіе производительныя силы страны. Это оживленіе началось даже еще во время войны, вслѣдствіе массы выгодныхъ заготовокъ и поставокъ для арміи, а продолжалось и развивалось послѣ заключенія мира, въ виду огромныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, въ первое время усилившихъ торговые обороты, и въ связи съ всеобщимъ сознаніемъ необходимости немедленной постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ и окончанія тѣхъ, которыя были начаты еще до войны. Въ это именно время стали возникать промышленныя предпріятія, появились во множествѣ увлекательные проекты, которые начали вытягивать изъ сундуковъ скопленные и залежавшіеся капиталы, а тутъ еще подоспѣло неосторожное распоряженіе о пониженіи процента по вкладамъ, которое повлекло за собой массовое вынутіе вкладовъ, лежавшихъ въ казенныхъ кредитныхъ установленіяхъ. Журналы и газеты конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ полны статьями, замѣтками и извѣстіями, касающимися торговыхъ и промышленныхъ интересовъ, успѣховъ и нуждъ русской промышленности, проектовъ новыхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній, организаціи кредита и кредитныхъ установленій. Но постройка новыхъ желѣзнодорожныхъ линій была сдана иностраннымъ капиталистамъ, и потому русскіе капиталы направились на основаніе различныхъ акціонерныхъ компаній и др. предпріятій, которыя росли въ это время какъ грибы.

Расцвѣтъ и успѣхъ этого движенія въ странѣ, только-что разоренной и истощенной войной, были, однако, эфемерны и кратковременны. Скорому наступленію кризиса содѣйствовали и разразившійся въ 1857 г. всемірный

торгово-промышленный кризисъ и неумѣлыя финансовыя мѣропріятія правительства. Но, какъ бы то ни было, лихорадочное оживленіе промышленности въ концѣ 50-ыхъ годовъ хотя и отозвалось черезъ нѣсколько лѣтъ цѣлымъ рядомъ банкротствъ отдѣльныхъ капиталистовъ, дало все-таки могущественный толчокъ развитію промышленности и капитализма въ Россіи, а начавшаяся въ 1856 году усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, несмотря на возмутительные промахи, ошибки и злоупотребленія, сопровождавшіе это дѣло, еще болѣе упрочила поворотъ къ новой эпохѣ въ экономической жизни Россіи. Для окончательнаго упроченія этого поворота были необходимы отмѣна крѣпостного права и коренное преобразованіе административной системы, въ смыслѣ установленія въ странѣ элементарныхъ основаній гражданской свободы и правового порядка. Крѣпостное право пало въ 1861 году, введеніе же въ жизнь положенія 19 февраля послѣдовало въ теченіе ближайшихъ затѣмъ лѣтъ. Остальныя реформы 60-ыхъ годовъ, хотя и невполнѣ удовлетворительно и съ крупными недочетами, все же, однако, коренным образомъ преобразовали общественный строй и дали странѣ на первыхъ порахъ хорошо устроенный и, во всякомъ случаѣ, неподкупный и скорый судъ. Притомъ крестьянская реформа вліяла на развитіе промышленной жизни страны двоякимъ образомъ: съ одной стороны, явились на рынкѣ свободные и крайне нуждающіеся въ заработкѣ (благодаря недостаточнымъ надѣламъ, климатическимъ условіямъ, и въ особенности налоговому гнету) рабочіе, а съ другой—къ серединѣ и особенно къ концу шестидесятыхъ годовъ на денежномъ рынкѣ явились новые капиталы, въ видѣ полученныхъ помѣщиками выкупныхъ суммъ. Къ концу 60-ыхъ годовъ и относится новый подъемъ въ развитіи торговопромышленныхъ предпріятій и новый приступъ желѣзнодорожной горячки, сопровождаемой развитіемъ ажіотажа, грюндерства и самыхъ беззастѣнчивыхъ злоупотребленій, которыя какъ-то особенно процвѣли въ эту темную эпоху реакціи и упадка политической жизни и надеждъ на свободное развитіе самоуправленія и на лучшее государственное устройство. Сфера торговли и промышленности представляла въ это время почти единственную область человѣческой дѣятельности, болѣе или менѣе свободную отъ запретовъ и вмѣшательства административнаго произвола и притомъ сулившую при удачѣ легкій успѣхъ и наживу. Сюда и направилась значительная часть прежнихъ помѣщиковъ, ликвидировавшихъ послѣ 1861 г. свои сельскія хозяйства и разочаровавшихся въ тѣхъ перспективахъ свободной земской дѣятельности, которыя сулили предпринятыя послѣ крымской войны преобразованія.

Въ исторіи развитія русской промышленности и русскаго капитализма особое мѣсто занимаетъ Царство Польское. Здѣсь прежде всего завелась устроенная по западно-европейскому образцу и отчасти руководимая нѣмцами индустрія. Центромъ ея стала быстро развившаяся и разбогатѣвшая Лодзь. Съ расширеніемъ желѣзнодорожной сѣти польскіе фабриканты все больше и больше проникали въ глубь Россіи и вытѣсняли своей болѣе дешевой цѣной и лучшими качествами продуктовъ произведенія доморощенной русской промышленности, стоявшей все еще на крайне низкой ступени техническаго разви-

тія. Московскіе фабриканты подняли вопль о возстановленіи таможни на границѣ Царства Польскаго для защиты «отечественной» промышленности; но правительство не было настолько близоруко, чтобы закрыть этой наиболѣе продуктивной промышленной области имперіи ея естественный рынокъ сбыта. Это обстоятельство весьма поощряло московскихъ фабрикантовъ ко введенію необходимыхъ техническихъ улучшеній, а вмѣстѣ и увеличивало въ ихъ глазахъ значенія того рынка, который они имѣли на востокѣ, и который скоро значительно расширился для нихъ благодаря установленію правильныхъ и безопасныхъ торговыхъ сношеній со средне-азіатскими ханствами, послѣ ихъ замиренія и подчиненія русскому вліянію силою оружія.

Для хозяйственной жизни Россіи въ прежніе вѣка не представлялось жизненной необходимости въ расширеніи русской территоріи въ сторону Азіи. Въ рѣдко населенной странѣ не было ни скученности, которая дѣлала бы необходимымъ переселить избытокъ населенія, ни крупной развитой индустріи, которая нуждалась бы въ новыхъ рынкахъ для сбыта своихъ товаровъ. Движеніе Россіи въ Азію въ теченіе долгаго времени опредѣлялось частью стихійною склонностью ея населенія искать новыхъ мѣстъ, частью—политическими и военными мотивами.

Съ XVI вѣка русскіе стали занимать Сибирь и превратили, мало-помалу, эту область въ колонію для отбывающихъ наказаніе преступниковъ. Постепенно нѣкоторые элементы, недовольные экономическими или политическими условіями на родинѣ, стали добровольно переселяться туда, гдѣ они, вдали отъ Москвы и Петербурга, дышали свободнѣе и могли, не стѣсняясь, занимать обширныя и плодородныя земли. Заселеніе ограничилось сперва исключительно южной, климатически болѣе благопріятной частью Сибири, и, постепенно подвигаясь по ней къ востоку, уже въ XVII вѣкѣ достигло береговъ Тихаго океана. При Николаѣ I генералъ Муравьевъ объѣхалъ область Амура и заложилъ здѣсь русскія укрѣпленія, не будучи оффиціально уполномоченъ на это правительствомъ. Къ югу границу русской территоріи въ Западной Сибири составляла до половины XIX вѣка голая киргизская степь, и только постоянные разбойничьи набѣги живущихъ тамъ кочевниковъ на русскія поселенія заставили установить на этой границѣ военные аванпосты. Такіе же аванпосты были устроены на границѣ киргизскихъ и туркменскихъ степей и со стороны Оренбурга. Въ концѣ концовъ, пограничные военачальники и военные губернаторы стали заявлять, что успѣшная борьба съ киргизами и туркменами возможна лишь въ томъ случаѣ, если передвинуть укрѣпленную пограничную линію къ находящейся къ югу отъ пустыни культурной области центральной Азіи. Основаніе форта у Сыръ-Дарьи въ 1847 году являлось первымъ шагомъ къ осуществленію этой программы и создало, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасность серьезныхъ конфликтовъ съ большими туркменскими государствами въ Средней Азіи. Быть-можетъ, нѣкоторымъ толчкомъ къ дальнѣйшему движенію въ Азію послужилъ исходъ крымской войны. Понесенныя на западѣ пораженія пріятно было загладить побѣдами на юго-востокѣ и тѣмъ возстановить честь русскаго оружія.

Какъ бы то ни было, въ десятилѣтіе, слѣдовавшее за крымской войной,

были побѣждены воинственные черкесы и окончательно покоренъ Кавказъ; занятая Муравьевымъ Амурская область была по договорамъ съ Китаемъ въ 1858 и 1860 гг. окончательно присоединена къ Россіи; съ 1861 г. началось безпрерывное передвиженіе южной азіатской границы въ центральную Азію. Дѣлалось это, однако, вовсе не по приказу изъ Петербурга: командовавшіе здѣсь генералы, стремясь сорвать новые лавры для себя и русскаго войска и пріобрѣтеніемъ новыхъ областей выказать себя предъ царемъ усердными слугами, дѣйствовали въ значительной мѣрѣ за собственный страхъ. Въ случаѣ успѣха—дѣйствія ихъ въ Петербургѣ санкціонировались; если же они терпѣли пораженія, то престижъ Россіи на Востокѣ требовалъ отмщенія и посылки новыхъ экспедицій. Первые конфликты съ коканскимъ ханомъ привели къ овладѣнію въ 1865 году важнымъ торговымъ городомъ Ташкентомъ и прилегающей къ нему областью. Изъ занятыхъ къ югу отъ киргизской степи земель было образовано въ 1867 году Туркестанское генералъ-губернаторство. Генералъ-губернаторомъ былъ назначенъ генералъ Кауфманъ, энергичный и смѣлый солдатъ; онъ-то собственно и положилъ прочное начало русскому господству въ центральной Азіи. Выступившій противъ русскихъ послѣ занятія Ташкента наиболѣе сильный изъ туркменскихъ хановъ, эмиръ Бухарскій, былъ на голову разбитъ Кауфманомъ, и старая столица Тамерлана Самаркандъ былъ взятъ русскими (въ 1868 г.). Этотъ городъ, гдѣ была гробница Тамерлана, почитался у тамошнихъ народовъ святыней: кто имъ владѣлъ, считался настоящимъ повелителемъ Туркестана. Поэтому эмиръ Бухарскій дѣлалъ отчаянныя усилія вернуть себѣ Самаркандъ. И ему удалось захватить городъ, когда генералъ Кауфманъ предпринялъ походъ на югъ, оставивъ въ Самаркандѣ лишь небольшой гарнизонъ. Но вслѣдъ затѣмъ русскіе вернулись и снова заняли городъ. Въ наказаніе жителямъ Самарканда, впустившимъ эмира, Кауфманъ приказалъ предать городъ огню и своимъ войскамъ на трехдневное разграбленіе. Война велась по-варварски, но она достигла своей цѣли—внушить туземцамъ страхъ и уваженіе къ русскимъ. Во всѣхъ этихъ битвахъ русскія войска, численностью уступавшія храбрымъ и воинственнымъ противникамъ, одерживали побѣды благодаря своему огнестрѣльному оружію, европейской дисциплинѣ, осмотрительному и смѣлому предводительству опытнаго вождя. Эмиръ Бухарскій былъ вынужденъ, когда русскіе отрѣзали его отъ водныхъ источниковъ, заключить миръ и уступить занятыя области.

Со времени этихъ войнъ Бухарское и Коканское ханства превратились въ государства, состоящія въ вассальной зависимости отъ Россіи. Независимой оставалась только Хива, защищенная отъ внезапныхъ нападеній кольцомъ окружавшей ее пустыней. Но такъ какъ отсюда и совершались разбойничьи набѣги на русскій Туркестанъ, и сюда издавна продавались въ неволю попадавшіеся въ плѣнъ степнымъ варварамъ русскіе, то Кауфманъ потребовалъ въ 1873 г. отъ тамошняго хана: 1) уступки территоріи, которая сдѣлала бы возможной надежную охрану границы, и 2) предоставленія русскимъ купцамъ полной свободы торговли въ Хивинскомъ ханствѣ. Такъ какъ

ханъ отказалъ исполнить эти требованія, то генералъ-губернаторъ открылъ военныя дѣйствія. Съ большими трудностями русскіе совершили переходъ черезъ пустыню. Когда это удалось, ханъ долженъ былъ покориться. Ему пришлось, цѣною уступки половины своей территоріи и признанія своей вассальной зависимости отъ русскаго царя купить миръ (въ 1873 г.). Кромѣ того, онъ былъ долженъ по требованію Россіи отмѣнить рабство въ своемъ государствѣ и приказать своимъ подданнымъ отпустить всѣхъ рабовъ на волю.

Нѣсколько лѣтъ спустя возстаніе туземцевъ въ Коканскомъ ханствѣ дало поводъ генералу Кауфману предпринять новыя ужасныя карательныя экспедиціи и уничтожить это государство окончательно. Страна эта сдѣлалась русской провинціей подъ названіемъ Ферганской области. Оба другіе эмира, наученные этимъ примѣромъ, не дерзали больше возставать противъ царя. Теперь оставались еще независимыми только орды текъ-туркменовъ, кочевавшія въ пустынѣ къ югу отъ Хивы и державшіяся въ укрѣпленныхъ оазахъ Геокъ-Тепе и Мервѣ, въ которыхъ онѣ имѣли свои главные опорные пункты. Ихъ область составляла узкую нейтральную полосу между Россійской имперіей и страной эмира афганистанскаго.

Завоеваніе центральной Азіи имѣло для положенія Россіи въ Азіи огромное значеніе. Здѣсь царь впервые пріобрѣлъ владѣнія, богато одаренныя природой и населенныя интеллигентнымъ и культурнымъ народомъ. Здѣсь добывались хлопокъ и другіе важные для европейской индустріи сырые продукты. Можно было надѣяться, что, при раціональной разработкѣ культуръ, Туркестанъ дастъ своей метрополіи больше доходовъ, чѣмъ бѣдная земледѣльческая Сибирь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этими пріобрѣтеніями удовлетворялись и тѣ интересы и потребности въ новомъ рынкѣ московскихъ фабрикантовъ, которые возникли, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ польской конкуренціи. У этихъ народовъ, до которыхъ моремъ трудно добраться, фабриканты внутреннихъ русскихъ губерній нашли потребителей для своихъ плохихъ произведеній, вытѣсняемыхъ на рынкахъ европейской Россіи товарами польскихъ и западно-русскихъ губерній.

Эти области оказалось сравнительно легко, разъ завоевавъ ихъ, держать въ повиновеніи. При небольшомъ количествѣ дождей въ этихъ странахъ для орошенія полей прибѣгаютъ къ помощи немногихъ рѣчныхъ артерій, входящихъ въ системы двухъ большихъ рѣкъ: Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи. Изъ этихъ артерій черезъ сѣть каналовъ вода проводится на поля. Русскимъ, слѣдовательно, было достаточно обезпечить за собою эти водные источники, и тогда они могли лишеніемъ воды принудить возмутившіяся области немедленно покориться. Русское управленіе не преминуло прочно подчинить себѣ дальнѣйшимъ расширеніемъ этой сѣти каналовъ вновь пріобрѣтенныя области, предоставивъ имъ сперва блага длительнаго мира и относительно правильнаго управленія. Ибо, какъ ни плоха по европейскимъ понятіямъ была русская администрація, она все же по сравненію съ прежнимъ хозяйничаньемъ на востокѣ, гдѣ отъ капризовъ деспотовъ и интригъ гаремовъ зависѣли жизнь и собственность людей,—представляла такой существенный прогрессъ, что

туземцы вскорѣ убѣдились, что господство царя для нихъ выгоднѣе. Завоеватели вступили вскорѣ въ дружественныя личныя сношенія съ туземцами и въ повседневной жизни не слишкомъ старались разыгрывать изъ себя господъ. Дѣльные азіаты получили доступъ въ русскую администрацію и достигали иногда даже высокихъ должностей въ арміи. Едва ли можно представить себѣ болѣе разительный контрастъ, чѣмъ тотъ, который существовалъ тогда между поведеніемъ русскихъ въ Центральной Азіи и англичанъ въ Индіи; и нельзя не признать, что русская система была туземцамъ гораздо пріятнѣе англійской. Даже случавшіяся жестокости и варварскія нападенія не особенно озлобляли туземцевъ, такъ какъ туземные повелители ихъ пріучили къ такимъ вещамъ. Одно обстоятельство побѣдители, впрочемъ, должны были принять во вниманіе: религіозныя чувства туземцевъ, исповѣдывавшихъ поголовно исламъ, нельзя было оскорблять, подъ опасеніемъ вызвать отчаянный взрывъ мусульманскаго фанатизма.

Это безпрерывное движеніе русскихъ на югъ отъ Сибири явилось обстоятельствомъ, весьма обезпокоившимъ англичанъ и заставившимъ ихъ даже опасаться за Индію. Неоднократно изъ Лондона запрашивали въ Петербургѣ, до какихъ еще предѣловъ царь полагаетъ расширять свою имперію? И каждый разъ русская дипломатія завѣряла, что ничто такъ не чуждо императору, какъ стремленіе къ новымъ завоеваніямъ. Это, несомнѣнно, не было преднамѣреннымъ обманомъ: въ Петербургѣ, дѣйствительно, хотѣли бы остаться при уже добытомъ, но генералы стремились впередъ, такъ какъ безъ военныхъ дѣйствій нельзя было сохранить за собой и пріобрѣтенныхъ владѣній. Если же война давала извѣстные результаты, то и царь не стремился возвращать обратно то, чѣмъ онъ овладѣлъ.

Мы уже знаемъ, что при министерствѣ Дизраэли было принято рѣшеніе серьезно противодѣйствовать дальнѣйшимъ завоевательнымъ планамъ Россіи, тѣмъ болѣе, что теперь рѣчь заходила объ области, пограничной съ Афганистаномъ. Вскорѣ послѣ покоренія Хивы эмиръ Афганистана Ширъ-Али обратился къ Россіи, когда англійское правительство отклонило его домогательства. До сихъ поръ не извѣстно, въ какой мѣрѣ русское правительство пошло тогда навстрѣчу его желаніямъ. Вѣрно лишь то, что угрозы Англіи послать своихъ резидентовъ въ столицу эмира и распространить британскую гегемонію на Белуджистанъ должны были внушать эмиру все больше недовѣрія къ Англіи и склонять его къ союзу съ царемъ. Афганистанскій вопросъ еще не выяснился, когда вспыхнувшія вскорѣ волненія на Балканскомъ полуостровѣ вызвали кризисъ и здѣсь.

До XVII вѣка Европа не разъ дрожала отъ страха предъ турками. Но съ XVII вѣка значеніе ихъ въ Европѣ стало ослабѣвать, а центръ тяжести турецкой имперіи передвинулся въ Азію. Хотя плохая турецкая администрація, деспотизмъ, страшное бремя налоговъ и безтолковое хозяйничанье господствующаго класса привели въ полный упадокъ нѣкогда столь цвѣтущія

области Месопотаміи и Сиріи, однако, главная опора государства турокъ все же была въ Азіи. Здѣсь жили турецкіе крестьяне, смѣшавшіеся съ прежними жителями, здѣсь же были и главные военные резервы турокъ.

Въ европейской Турціи турки составляли всегда лишь небольшой процентъ населенія. Существовало лишь внѣшнее господство турецкой военной касты, которое вообще не смогло бы продержаться въ теченіе вѣковъ, если бы турки не принимали въ свои ряды всѣхъ, кто присоединялся къ исламу. Приманками, угрозами, а то и силою большія группы христіанскихъ родовъ склонены были перейти въ магометанство. Одна изъ самыхъ способнѣйшихъ народностей Балканскаго полуострова—албанцы—были такимъ путемъ почти поголовно обращены въ мусульманство и дали турецкой имперіи цѣлый рядъ даровитыхъ сановниковъ и полководцевъ. Переходъ же изъ мусульманства въ христіанство карался смертью.

Строго конфессіональный основной характеръ государства турокъ сдѣлалъ недоступнымъ для нихъ западно-европейское просвѣщеніе. Они строго придерживались правила, что всѣ политическія права должны принадлежать исключительно однимъ мусульманамъ. Ни одинъ гяуръ не принимался на военную или государственную службу и не могъ пріобрѣсти земельной собственности. Ношеніе оружія было также запрещено христіанскому населенію. Установленіе размѣра налоговъ зависѣло всецѣло отъ произвола султана, а сборъ податей производился откупщиками самымъ безпощаднымъ образомъ.

Но къ началу XIX вѣка положеніе христіанскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ существенно измѣнилось. Національный принципъ изъ Европы проникъ и сюда и пробудилъ у балканскихъ народовъ стремленіе къ національной и политической независимости. Въ концѣ 20-хъ годовъ это движеніе привело къ образованію независимаго королевства Греціи и полузависимыхъ отъ Турціи вассальныхъ государствъ Румыніи, Сербіи и Черногоріи съ христіанскими государями во главѣ.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что образованіе этихъ мелкихъ обособленныхъ государствъ повлекло за собой нѣкоторыя послѣдствія, невыгодныя для остальныхъ христіанскихъ подданныхъ Порты. Въ прежнее время христіане Балканскаго полуострова составляли въ церковномъ отношеніи одну большую общину, главой которой являлся греческій патріархъ въ Константинополѣ, и верхній вліятельный слой которой составляли богатыя купеческія семьи, жившія въ предмѣстьѣ Константинополя—Фанарѣ, по имени котораго они и назывались фанаріотами. Вліятельное положеніе этихъ фанаріотовъ, полезное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ для христіанъ, поддерживалось самимъ турецкимъ правительствомъ. Вассальные государи христіанскихъ областей вербовались изъ этихъ круговъ. Высшее духовенство въ не-греческихъ областяхъ, какъ Сербія и Македонія, также набиралось исключительно изъ фанаріотовъ. Имѣя въ своей средѣ много крупныхъ и мелкихъ банкирскихъ домовъ, они оказывали султану въ затруднительныхъ случаяхъ важныя денежныя услуги, устраивая ему выгодные займы, чѣмъ и поддерживалось въ значительной мѣрѣ ихъ вліятельное положеніе. Это вліятельное положеніе патріарха и

фанаріотовъ, полезное во многихъ случаяхъ для всѣхъ христіанъ турецкой имперіи, было впервые поколеблено, когда Греція, послѣ своего политическаго освобожденія, сдѣлалась самостоятельной и въ церковномъ отношеніи. Сербія и Румынія послѣдовали этому примѣру, а въ 1870 году болгары также получили собственнаго экзарха. Съ тѣхъ поръ различныя національности Балканскаго полуострова, обособившись и въ церковномъ отношеніи, повели между собою ожесточенную борьбу, чѣмъ Турція неоднократно пользовалась. Въ особенности страдали отъ отсутствія какой-либо единой организаціи, могущей служить имъ оплотомъ, христіане, оставшіеся подъ непосредственнымъ управленіемъ султана. Отдѣльныя вассальныя государства—Румынія, Сербія, Черногорія—пріобрѣли довольно значительную степень самостоятельности и получили свои собственныя наслѣдственныя династіи. Въ Румыніи съ 1867 года царствуетъ домъ Гогенцоллерновъ-Зигмарингенъ, въ Сербіи—попеременно двѣ туземныя династіи: Карагеоргіевичей и Обреновичей. Но такъ какъ собственныя ихъ силы были недостаточны, чтобы развивать и сохранять свою самостоятельность отъ нападеній турокъ, то они продолжали искать опоры въ сосѣднихъ великихъ державахъ. Изъ сосѣднихъ великихъ державъ Австро-Венгрія мало сочувствовала такимъ стремленіямъ, такъ какъ опасалась тяготѣнія своихъ собственныхъ, населенныхъ славянами южныхъ областей къ балканскимъ единоплеменнымъ имъ государствамъ. Поэтому эти послѣднія тѣмъ сильнѣе искали сближенія съ Россіей. Русскій царь, являвшійся самымъ могущественнымъ православнымъ государемъ, казался имъ естественнымъ защитникомъ всѣхъ балканскихъ христіанъ, которые исповѣдывали одну съ нимъ вѣру. Но чѣмъ больше росла, такимъ образомъ, вѣроятность распространенія вліянія Россіи на весь Балканскій полуостровъ, тѣмъ ревнивѣе остальныя великія державы старались помѣшать этому, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія политическаго могущества Россіи. Со времени крымской войны права балканскихъ государствъ уже формально поставлены были подъ совмѣстную гарантію всѣхъ великихъ державъ Европы.

Предполагаемой цѣлью русской политики на востокѣ еще со времени Екатерины было завоеваніе Константинополя. Путемъ постепеннаго увеличенія на Балканскомъ полуостровѣ территоріи христіанскихъ государствъ, которыя должны были находиться подъ протекторатомъ Россіи, русскіе надѣялись, какъ думали, по крайней мѣрѣ, европейскіе дипломаты, мало-по-малу, вытѣснить турокъ и совершенно завладѣть Балканскимъ полуостровомъ. Но парижскій миръ 1856 года значительно отодвинулъ Россію отъ этой предполагаемой цѣли. По этому трактату Россія могла держать на Черномъ морѣ лишь ограниченное количество небольшихъ военныхъ судовъ и такимъ образомъ была лишена возможности пріобрѣсти здѣсь дѣйствительное преобладаніе надъ турками на морѣ. Во время франко-прусской войны Александръ II неожиданно заявилъ о томъ, что онъ болѣе не желаетъ подчиняться этому пункту парижскаго договора, и, несмотря на энергичный протестъ Англіи,

добился того, что конференція великихъ державъ въ Лондонѣ объявила этотъ пунктъ отмѣненнымъ (31 марта 1871 года).

Въ противоположность Россіи, Англія стремилась поддерживать по возможности жизнеспособность Турціи и не допустить ея распада, потому что въ силѣ турецкой имперіи она видѣла лучшую гарантію того, что русскіе не сдѣлаются господами на Балканахъ и на Босфорѣ.

Турецкимъ государственнымъ дѣятелямъ этотъ антагонизмъ между Россіей и Англіей былъ, конечно, извѣстенъ. Среди нихъ образовалась постепенно партія, желавшая путемъ дѣйствительныхъ реформъ поднять жизнеспособность и укрѣпить независимость турецкой имперіи. Младотурки, какъ называлась эта партія, хотѣли, конечно, сохранить преобладаніе ислама какъ основу турецкой имперіи, но готовы были въ то же время считаться, насколько это совмѣстимо съ исламомъ, съ требованіями европейцевъ и европейской цивилизаціи. Они надѣялись, что въ парламентѣ, учрежденномъ по европейскому образцу и избранномъ при участіи христіанъ, турки все же составятъ большинство и, несмотря на формальное равноправіе христіанъ, смогутъ всегда проводить свою волю. Наоборотъ, правовѣрнымъ «старотуркамъ» казалось немыслимымъ вообще предоставить невѣрнымъ какія бы то ни было права въ общественной жизни страны; султану же такія реформы были не по вкусу, потому что онѣ должны были ограничить его абсолютную власть. Уже отдѣльныя небольшія реформы, на которыя Фуадъ-паша, одинъ изъ даровитѣйшихъ младотурецкихъ вождей, сумѣлъ склонить султана Абдулъ-Азиса, вызвали взрывъ турецкаго фанатизма, послѣ чего все движеніе снова заглохло. Младотурки естественно склонялись въ сторону Англіи; поэтому старотурки пытались войти въ соглашеніе съ Россіей.

Положеніе особенно осложнялось постоянно возраставшей страшной нуждой турецкаго правительства въ деньгахъ. Расточительность двора, разорительная для страны налоговая система, вообще отсутствіе раціональнаго финансоваго хозяйства были одною изъ основныхъ причинъ зла. Къ этому присоединялась еще, какъ и въ Египтѣ, эксплуатація финансовой неопытности восточныхъ правителей безсовѣстными западно-европейскими капиталистами. Особенно изумительными продѣлками отличался здѣсь извѣстный банкиръ баронъ Гиршъ, получившій отъ принятой имъ на себя постройки желѣзнодорожной сѣти неимовѣрно большіе барыши. Вмѣсто всей этой сѣти, онъ построилъ только самые дешевые пути на равнинахъ и прирѣчныхъ долинахъ, гдѣ почва не представляла трудностей, которыя приходилось бы преодолѣвать; но и эти пути построилъ такъ плохо, что до сихъ поръ скорые поѣзда съ обычной на западѣ быстротой ходить по нимъ не могутъ. Въ 1875 году турецкій государственный долгъ достигъ 3850 милліоновъ марокъ, за которыя приходилось платить до 14% росту. Турецкому правительству пришлось въ этомъ году прекратить платежи и признать себя формально банкротомъ. Кредиторамъ было объявлено, что Турція можетъ имъ заплатить лишь половину процентовъ.

Возраставшая нужда въ деньгахъ принуждала турецкое правительство постоянно возвышать и безпощадно взыскивать налоги. Кто не могъ уплатить, у того отнимались домъ и хозяйство. Въ Босніи и Герцеговинѣ жители бѣжали въ горы и начали отсюда лѣтомъ 1875 г. вести настоящую партизанскую войну съ турками. Въ Европѣ ходили слухи, что русскіе агенты съ самаго начала раздували это возстаніе, но дѣйствительной причиной являлось несомнѣнно бѣдственное положеніе населенія. Добровольцы изъ Сербіи и Черногоріи присоединялись къ возставшимъ. Турки не приняли, между тѣмъ, съ самаго начала энергичныхъ мѣръ для прекращенія возстанія, надѣясь, что оно, какъ это бывало и раньше, прекратится само.

Когда же эта надежда не оправдалась, сосѣднія великія державы встревожились. Австро-Венгрія опасалась возстанія венгерскихъ славянъ. Въ Вѣнѣ поэтому желали, чтобы въ Босніи по возможности скорѣе снова водворились нормальные порядки. Графъ Андраши, однако, ясно видѣлъ, что безъ реформъ успокоеніе не наступитъ, а для того, чтобы добиться ихъ отъ Турціи, онъ считалъ необходимымъ совмѣстное выступленіе великихъ державъ. Онъ быстро столковался съ Германіей и Россіей; Франція и Италія также не возражали противъ такого шага. Иначе отнеслась къ нему Англія. Здѣсь Дизраэли опасался, что всякое вмѣшательство сосѣднихъ державъ приведетъ къ ослабленію Турціи и къ усиленію вліянія Россіи. Поэтому онъ медлилъ выразить свое согласіе на предложеніе Андраши. По всей вѣроятности, по его совѣту султанъ издалъ въ концѣ 1875 г. два важныхъ декрета, въ которыхъ обѣщалъ христіанамъ своей имперіи значительныя облегченія и участіе въ управленіи страной. Декреты эти были изданы съ очевидною цѣлью отнять у державъ всякій поводъ къ вмѣшательству. Но боснійцы этимъ не удовлетворились— они требовали исполненія своихъ особыхъ желаній: реформы налоговой системы и полиціи, предоставленія христіанамъ права пріобрѣтать земельную собственность и, наконецъ, практическихъ гарантій осуществленія обѣщанныхъ султаномъ реформъ. Этимъ требованіямъ соотвѣтствовала нота Андраши, и когда Дизраэли увидѣлъ, что онъ не можетъ воспрепятствовать подачѣ такой же петиціи и остальными державами, то, въ концѣ концовъ, рѣшился дать на нее согласіе. Нота была представлена Портѣ 31 января 1876 года отъ имени всѣхъ великихъ державъ, и султанъ сейчасъ же выразилъ согласіе удовлетворить всѣ изложенныя въ ней требованія. Несмотря на это, боснійцы отказались сложить оружіе, прежде чѣмъ турецкія войска не будутъ отозваны изъ ихъ страны, прежде чѣмъ не будетъ образована смѣшанная комиссія для проведенія обѣщанныхъ имъ реформъ и, наконецъ, прежде чѣмъ Турція не выразитъ готовности предоставить треть боснійскихъ земель мѣстнымъ христіанамъ. Султанъ на это не согласился, и возстаніе продолжалось. Сербія, въ свою очередь, начала открыто вооружаться, и даже въ Болгаріи въ началѣ мая вспыхнули безпорядки.

Пассивное отношеніе турецкаго правительства къ возстанію и къ иноземному вмѣшательству вызвало страшный взрывъ религіознаго фанатизма мусульманъ. Въ Салоникахъ германскій и французскій консулы были убиты

разъяренными жителями. Устрашенное этимъ движеніемъ турецкое правительство поспѣшило отправить въ Болгарію, сверхъ отряда регулярныхъ войскъ, банды иррегулярныхъ баши-бузуковъ, которые затопили болгарское возстаніе въ потокахъ крови и истребили поголовно все населеніе цѣлыхъ округовъ. Самъ султанъ былъ вынужденъ, въ виду угрожающаго поведенія константинопольскаго мусульманскаго населенія, уволить своихъ старыхъ совѣтниковъ и призвать болѣе энергичныхъ людей. Такъ какъ возставшіе христіане поддерживались Россіей, между тѣмъ какъ Англія стремилась сохранить неприкосновенность Турціи, то къ власти были призваны расположенные къ Англіи младотурки съ Мидхадомъ-пашой во главѣ, на которыхъ и возлагались теперь турецкими патріотами всѣ надежды.

Три восточныя державы намѣревались въ случаѣ отклоненія портой ихъ требованій пригрозить ей вооруженнымъ вмѣшательствомъ. Но Дизраэли рѣшительно отказался дать свое согласіе на эту угрозу, сулившую войну. Онъ даже подкрѣпилъ тактику турокъ, пославъ, будто бы для защиты британскихъ подданныхъ, англійскую эскадру въ Безикскую бухту. Быть-можетъ, благодаря именно этой англійской демонстраціи, младотурки рѣшились на дворцовую революцію, произведенную ими 30 мая. Султанъ Абдулъ-Азисъ, считавшійся приверженцемъ Россіи, былъ объявленъ низложеннымъ и ночью арестованъ. Нѣсколько дней спустя его нашли мертвымъ въ тюрьмѣ; по оффиціальной версіи, онъ будто бы самъ вскрылъ себѣ артеріи. Вмѣсто него на тронъ былъ возведенъ слабоумный Мурадъ V, но и онъ былъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ устраненъ посредствомъ подобнаго же дворцоваго переворота, и на престолъ вступилъ его младшій братъ Абдулъ-Гамидъ II.

Во время этихъ событій Сербія и Черногорія объявили, послѣ болгарской рѣзни, войну Турціи. Масса русскихъ добровольцевъ вступила въ ихъ ряды. Сербскія войска находились даже подъ командой боевого русскаго генерала Черняева, завоевателя Ташкента. Но недисциплированныя и плохо обученныя войска Сербіи и Черногоріи были разбиты турками и отброшены въ предѣлы своихъ странъ. Попавъ въ критическое положеніе, Сербія должна была обратиться за помощью къ великимъ державамъ. Однако, переговоры объ этомъ не имѣли успѣха.

Наконецъ, въ виду опаснаго положенія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и подъ сильнымъ давленіемъ русскаго общественнаго мнѣнія, Александръ II рѣшился вмѣшаться въ борьбу балканскихъ славянъ съ Турціей. Императоръ Александръ предпочелъ бы дѣйствовать въ качествѣ уполномоченнаго Европы; онъ, несомнѣнно, искренно выражалъ свои намѣренія, когда неоднократно завѣрялъ во всеуслышаніе, что не добивается территоріальнаго расширенія Россіи. Но когда лѣтомъ 1876 г. онъ попытался вступить въ переговоры съ Австріей относительно деталей предположеннаго вооруженнаго выступленія, то натолкнулся тамъ на всевозможныя затрудненія, ибо въ Вѣнѣ, какъ и въ Лондонѣ, вовсе не желали, чтобы Россія пріобрѣла преобладающее вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Этотъ образъ дѣйствій Австріи такъ непріятно подѣйствовалъ на Александра, что онъ помышлялъ,

М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ.

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ.

Великій Князь
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

І. В. ГУРКО.

Князь КАРЛЪ РУМЫНСКІЙ.

повидимому, даже о войнѣ съ Австріей; по крайней мѣрѣ, онъ поручилъ запросить у Бисмарка, какое положеніе заняла бы Германія въ случаѣ такой войны? Такъ какъ Бисмаркъ не обѣщалъ никакой поддержки, то этотъ планъ былъ оставленъ, но рѣшенія своего относительно войны съ Турціей Александръ, несмотря на возраженія Австріи, все же не измѣнилъ.

Осенью 1876 года онъ категорически потребовалъ отъ султана немедленно заключить перемиріе съ Сербіей и Черногоріей. По совѣту Англіи султанъ согласился, но началъ при этомъ вооружаться, чтобы дальнѣйшія требованія не застали его врасплохъ. Созванная затѣмъ, по иниціативѣ Англіи, конференція пословъ всѣхъ великихъ державъ собралась въ Лондонѣ, чтобы еще разъ попытаться предотвратить войну. Въ предварительныхъ совѣщаніяхъ, въ которыхъ не участвовалъ ни одинъ турокъ, сошлись на томъ, чтобы Турція немедленно осуществила прежде потребованныя реформы, и чтобы европейскій отрядъ изъ 600 человѣкъ наблюдалъ за дѣйствительнымъ проведеніемъ реформъ.

Турки были, однако, твердо убѣждены, что Россія при протестѣ со стороны Англіи не начнетъ войны. Они дерзнули поэтому отвѣтить на эти требованія своего рода насмѣшкой надъ великими державами. Въ первомъ же общемъ собраніи конференціи 23 декабря, прежде чѣмъ требованія державъ могли быть доложены, поднялся представитель Турціи и заявилъ, что султанъ рѣшилъ дать турецкой имперіи конституцію со всѣми ея западно-европейскими аттрибутами: двумя палатами, отвѣтственнымъ министерствомъ и полнымъ равноправіемъ вѣроисповѣданій. Когда же зашла рѣчь о требованіяхъ державъ, то представитель Турціи заявилъ, что теперь султанъ, ставъ конституціоннымъ государемъ, не можетъ безъ согласія парламента предоставить особыхъ правъ отдѣльнымъ частямъ имперіи. Было совершенно ясно, что вся конституціонная комедія должна была лишь послужить оправданіемъ отклоненія требованій державъ. Даже англійскіе представители были возмущены такимъ поведеніемъ Турціи, и британскій флотъ получилъ приказъ снова покинуть Безикскую бухту. Конференція пословъ, не достигнувъ, такимъ образомъ, никакихъ результатовъ, закрылась.

Если Россія хотѣла дѣйствовать, то она не могла больше медлить. Въ январѣ 1877 года удалось, наконецъ, достигнуть соглашенія съ Австріей. На случай, если бы выступленіе Россіи и обусловленныя имъ перемѣны на Балканскомъ полуостровѣ перешли извѣстные предѣлы, Австро-Венгріи была обѣщана Боснія. Этимъ обѣщаніемъ было куплено согласіе Австріи сохранять во время войны нейтралитетъ. Послѣ того султану былъ предъявленъ ультиматумъ—дать Босніи всѣ ранѣе потребованныя реформы и предоставить контроль надъ ихъ проведеніемъ представителямъ великихъ державъ.

Тѣмъ временемъ въ Константинополѣ собрался турецкій парламентъ. Христіане, видя въ немъ лишь новое орудіе для ихъ угнетенія, вообще не участвовали въ выборахъ. Вслѣдствіе этого парламентъ былъ чрезвычайно послушенъ желаніямъ министерства. На вопросы министровъ парламентъ заявилъ, что Турція не должна впредь допускать никакого иностраннаго

вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла, и вслѣдъ затѣмъ Порта 12 апрѣля 1877 г. отклонила требованія ультиматума. Александръ немедленно сообщилъ державамъ, что послѣ этого онъ предоставляетъ себѣ свободу дѣйствій и, обезпечивъ себѣ путемъ договора съ княземъ Карломъ Румынскимъ свободный переходъ черезъ Румынію, объявилъ 24 апрѣля Турціи войну. Въ то же время русское войско выступило въ походъ на Балканскій полуостровъ. Англія была единственнымъ государствомъ, тотчасъ же выразившимъ свое неодобреніе, такъ какъ, по ея мнѣнію, еще вовсе не была будто бы утрачена надежда мирнымъ путемъ достичь соглашенія съ Турціей.

Несмотря на то, что Россія уже съ осени 1876 года готовилась къ этой войнѣ, и что въ арміи русской, начиная съ 1860 г., былъ совершенъ рядъ крупныхъ преобразованій, завершившихся уничтоженіемъ рекрутчины и введеніемъ съ 1874 г. всеобщей воинской повинности, армія русская, какъ оказалось, и въ 1877 году была далеко не въ блестящемъ состояніи. Уже медленность мобилизаціи—для которой потребовалось шесть мѣсяцевъ—показываетъ, какъ плохо работали русскія власти. Продовольствіе, обмундировка, боевые запасы, пушки и ружья также оставляли желать много лучшаго. Картъ страны, куда шли, почти совершенно не было. Солдаты были превосходны, зато плохи были вожди. Главнокомандующій, великій князь Николай, братъ государя, оказался не на высотѣ своего весьма отвѣтственнаго поста. Военные критики особенно порицали отсутствіе всякаго заблаговременно обдуманнаго стратегическаго плана. Нерѣшительность главнаго штаба арміи вела подчасъ къ задержкѣ операцій на важныхъ пунктахъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ во главѣ отдѣльныхъ частей стояли энергичные люди, тамъ безъ всякаго плана нападали на врага, вслѣдствіе чего создавались затруднительныя положенія. Весьма важное значеніе имѣло и то обстоятельство, что Россіи еще не удалось создать (послѣ запрещенія, снятаго въ 1870 г.) достаточный по своимъ силамъ военный флотъ на Черномъ морѣ, вслѣдствіе чего подкрѣпленія не могли отправляться удобнымъ морскимъ путемъ, а должны были идти чрезъ Румынію.

Турція также располагала отличными солдатами, хорошо, по-европейски вооруженными, но недостаточно обученными владѣть оружіемъ. Кромѣ того, и у турокъ дѣло снабженія войскъ обстояло плохо, и за небольшими исключеніями ниже всякой критики оказались командующія лица, которыя относились другъ къ другу съ завистью и не стремились поддерживать одинъ другого. Походъ начался въ апрѣлѣ же 1877 года медленнымъ наступленіемъ русскихъ войскъ черезъ Румынію. Только въ концѣ іюня былъ совершенъ переходъ черезъ Дунай у Систова. Затѣмъ направились мимо болгарскихъ крѣпостей къ балканскимъ ущельямъ, прикрывавшимъ дорогу въ Константинополь. На обоихъ флангахъ идущихъ впередъ русскихъ оставались значительные турецкіе корпуса, такъ что линія отступленія русскихъ не была достаточно обезпечена. Русскій авангардъ подъ командой генерала Гурко перешелъ въ срединѣ іюля по трудно проходимой и потому не защищенной горной тропѣ Балканъ и занялъ важное ущелье Шипку. Среди турокъ распро-

странилась паника. Многіе жители Адріанополя уже бѣжали въ столицу, и султанъ предполагалъ даже перенести свою резиденцію въ Малую Азію, такъ какъ дорога въ Константинополь казалась теперь открытой. Но вскорѣ обнаружилось, что русскіе успѣхи были болѣе блестящи, чѣмъ рѣшающи. Вслѣдствіе недостаточной охраны русскими дорогъ къ сѣверу, турецкому полководцу Осману-пашѣ удалось занять важный узловой пунктъ Плевну и угрожать русской линіи отступленія. Несмотря на всѣ попытки, русскимъ не удалось вытѣснить его оттуда, такъ какъ онъ укрѣпился въ недоступной позиціи. Если бы командующій южной арміей Сулейманъ-паша поспѣшилъ, согласно приказу главнокомандующаго, пойти по одному изъ занятыхъ турками проходовъ черезъ Балканы на помощь Осману-пашѣ, то положеніе русскихъ войскъ за Балканами стало бы, вѣроятно, критическимъ. Вмѣсто того Сулейманъ тщетно пытался взять штурмомъ храбро защищаемую русскими Шипку и напрасно растрачивалъ на это время и силы.

Но положеніе русскихъ въ началѣ августа было и безъ того довольно опасно. Великій князь Николай даже высказался въ военномъ совѣтѣ за отступленіе русскихъ войскъ за Дунай. Однако, этотъ планъ, заранѣе компрометтировавшій успѣхъ всей кампаніи, былъ отклоненъ имп. Александромъ.

Теперь только обнаружилось въ полной мѣрѣ, какое роковое значеніе имѣло для русскихъ то обстоятельство, что для нихъ былъ закрытъ морской путь черезъ Черное море. Такъ какъ для подвоза свѣжихъ войскъ изъ Россіи сухимъ путемъ требовались недѣли, то пришлось обратиться за помощью къ румынскому князю Карлу. Карлъ повелъ свое 35-тысячное войско черезъ Дунай лишь подъ условіемъ, что ему будетъ предоставлено главное командованіе подъ Плевной, и часть русскихъ войскъ также подчинена будетъ ему. Но и при его участіи попытки взять штурмомъ Плевну потерпѣли въ сентябрѣ рѣшительную неудачу, причемъ русскіе потеряли до 20 тысячъ человѣкъ. Пришлось примириться съ мыслью планомѣрной осады. Искуснѣйшій инженеръ русской арміи, генералъ Тотлебенъ, когда-то одинъ изъ главныхъ защитниковъ Севастополя, былъ вызванъ въ дѣйствующую армію и принялъ на себя веденіе осадныхъ работъ. Такъ какъ попытки турокъ помѣшать обложенію не удались, то къ концу 1877 г. войска Османа, вслѣдствіе наступившаго голода, очутились въ безвыходномъ положеніи. Османъ-паша имѣлъ предъ собой лишь два исхода—сдаться или прорваться черезъ линію блокады. Онъ избралъ послѣднее; и только потому, что онъ не хотѣлъ покинуть въ Плевнѣ женщинъ и дѣтей и пытался вмѣстѣ съ ними прорваться чрезъ непріятельскія войска, онъ былъ вынужденъ, въ концѣ концовъ, положить оружіе. Онъ капитулировалъ со всѣмъ своимъ войскомъ (свыше 40000 человѣкъ) 10 декабря 1877 года.

Взятіе Плевны было рѣшающимъ актомъ на европейскомъ театрѣ войны. Болгарія къ сѣверу отъ Балканъ была теперь вся въ рукахъ русскихъ. Сербія, въ свою очередь, снова объявила войну Турціи. Прибывшія изъ Россіи войска перешли при весьма трудныхъ условіяхъ въ суровую зиму Балканы и спустились въ долину Марицы. Хотя веденіе войны на югѣ отъ Балканъ

было для русскихъ гораздо труднѣе, такъ какъ они находились здѣсь въ населенной преимущественно мусульманами враждебной странѣ, однако, имъ удалось еще въ январѣ 1878 г. разсѣять послѣдніе регулярные турецкіе отряды и занять Адріанополь. Султану пришлось обратиться къ посредничеству великихъ державъ, въ особенности Англіи.

Лордъ Биконсфильдъ съ величайшей тревогой слѣдилъ за успѣхами русскаго оружія. Въ самомъ началѣ войны онъ заявилъ, что неприкосновенность Константинополя, Египта и Суэцкаго канала представляетъ для Англіи жизненный интересъ, и получилъ отъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова успокоительныя завѣренія на этотъ счетъ. Послѣ взятія Плевны Англія дала понять Россіи, что даже временная оккупація Константинополя или Дарданеллъ русскими войсками можетъ испортить добрыя отношенія между обѣими державами, и Россія опять обѣщала не допустить такой оккупаціи, если только Англія не высадитъ отряда въ Галлиполи, или султанъ не сосредоточитъ тамъ значительной военной силы. Когда затѣмъ со стороны султана послѣдовала просьба о мирномъ посредничествѣ, то королева Викторія телеграммою просила Александра II заключить перемиріе. Такъ какъ не было получено согласія, то британской средиземной эскадрѣ было приказано снова отправиться въ Дарданеллы и войти въ Безикскую бухту. Въ этой мѣрѣ заключалась несомнѣнно угроза Россіи, и опасность англо-русской войны стала для всѣхъ очевидной.

Тѣмъ временемъ между султаномъ и русской главной квартирой завязались непосредственные переговоры, которые и привели къ заключенію 31 января 1878 года адріанопольскаго перемирія, въ силу котораго султанъ впередъ согласился признать полную независимость и территоріальное увеличеніе Сербіи, Румыніи и Черногоріи, образованіе самостоятельнаго княжества Болгаріи и административную автономію остальныхъ, подчиненныхъ султану областей съ христіанскимъ населеніемъ. Для войскъ была установлена демаркаціонная линія, которую во время перемирія ни одна изъ сторонъ не должна была переступать.

Когда стали извѣстны эти условія, Биконсфильдъ далъ знать въ Петербургъ, что всякое измѣненіе владѣній на Балканскомъ полуостровѣ безъ согласія державъ, подписавшихъ Парижскій договоръ 1856 года, онъ считаетъ недопустимымъ. Въ то же время онъ потребовалъ и получилъ отъ парламента 600 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на усиленіе обороны страны. Встревожилась также и Австрія. Графъ Андраши опасался, что Россія укрѣпитъ свое преобладаніе на Балканскомъ полуостровѣ, не предоставивъ Австріи ранѣе условленныхъ компенсацій. И вотъ онъ, въ свою очередь, испросилъ у парламента 60 милліоновъ гульденовъ и выставилъ корпусъ войскъ на Карпатахъ. Въ то же время онъ предложилъ остальнымъ государствамъ подвергнуть условія мира обсужденію конференціи великихъ державъ. Россія выразила свое принципіальное согласіе на это. Мѣстомъ конференціи былъ намѣченъ Берлинъ.

Однако, положеніе дѣлъ все еще было довольно опаснымъ, такъ какъ

Россія угрожала вступить въ Константинополь, какъ только англійскій флотъ двинется впередъ. Въ концѣ концовъ, сошлись на томъ, что русскіе не переступятъ своей теперешней позиціи, если англичане не высадятъ войска на сушу. Имѣло ли нападеніе русскихъ на Константинополь шансы на успѣхъ, можно считать весьма спорнымъ, такъ какъ въ Константинополѣ стояли наготовѣ 50 тысячъ турецкаго войска, а великій князь Николай располагалъ всего лишь 56-тысячной арміей. Во всякомъ случаѣ, вмѣшательство Англіи или Австріи въ войну уничтожило бы всѣ плоды русскихъ побѣдъ. Поэтому-то въ Петербургѣ такъ быстро согласились на предложенный конгрессъ. Но и султанъ не рѣшился продолжать борьбу и согласился на предварительный мирный договоръ, который и былъ заключенъ въ Санъ-Стефано 3 марта 1878 года, причемъ Порта должна была принять всѣ условія русскихъ. Новое княжество Болгарія, хотя и должно было оставаться подъ суверенитетомъ Турціи, но территоріально расширялось до Эгейскаго моря, такъ что небольшой остатокъ европейской Турціи распадался бы на три совершенно отдѣленныхъ другъ отъ друга области (Румелію, Албанію и Боснію). Русскіе оставляли за собою право военной оккупаціи Болгаріи на два года; Боснія и Герцеговина должны были получить автономное управленіе. Территоріи Сербіи и Черногоріи увеличивались довольно значительно; Румынія должна была получить Добруджу и уступить за это Россіи часть Бессарабіи, отдѣленную отъ Россіи въ 1856 г. Наконецъ, Турція должна была заплатить 1400 милліоновъ рублей военной контрибуціи. Большую часть этой суммы, впрочемъ, предполагалось замѣнить уступкой нѣкоторыхъ пограничныхъ областей въ Азіи, гдѣ война, за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ перемѣннаго счастья, была также благопріятна для Россіи. Обѣ важнѣйшія крѣпости, Карсъ и Эрзерумъ, были взяты. Изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, Карсъ, а также важная гавань Батумъ должны были навсегда остаться въ рукахъ русскихъ.

Этимъ договоромъ не были довольны ни славянскіе народы, національныя стремленія которыхъ не получали полнаго удовлетворенія, ни Румынія, которой предписывалась уступка Бессарабіи за гораздо худшую болотистую Добруджу, тогда какъ Александръ передъ войной обѣщалъ румынскому князю неприкосновенность его территоріи, на что Карлъ могъ, казалось, тѣмъ болѣе разсчитывать, что Румынія оказала Россіи серьезную помощь и выручила русское войско изъ опаснаго положенія въ самый критическій моментъ. Румынскій парламентъ рѣшилъ даже, что слѣдуетъ оказать отнятію Бессарабіи вооруженное сопротивленіе.

Но еще болѣе были недовольны Австрія и Англія, благодаря чему снова возникала опасность большой обще-европейской войны. Въ лагерѣ въ Альдершотѣ англичане держали наготовѣ 70-тысячное войско; кромѣ того, 7000 индійскихъ войскъ были привезены изъ Бомбея на Мальту, откуда ихъ легко можно было транспортировать на турецкій берегъ. Лордъ Биконсфильдъ циркулярно объявилъ, что Англія никогда не признаетъ санъ-стефанскаго договора, такъ какъ послѣдній ставитъ Балканскій полуостровъ въ полную

зависимость отъ Россіи. Онъ требовалъ поэтому, чтобы предположенному конгрессу было предоставлено право совершенно измѣнить условія санъ-стефанскаго договора. Россія, въ свою очередь, заявила, что императоръ считаетъ себя въ правѣ оставить за собой выборъ, какіе вопросы подвергнуть обсужденію конгресса.

Однако, въ Петербургѣ не могли болѣе сомнѣваться, что настаиваніе на прежнихъ условіяхъ поведетъ къ войнѣ, шансы которой не могли считаться благопріятными для Россіи, такъ какъ турки тѣмъ временемъ довели численность своихъ войскъ подъ Константинополемъ до 80 тысячъ человѣкъ и возвели сильныя укрѣпленія. Русскіе же, за неимѣніемъ флота, не могли закрыть англичанамъ доступъ къ Босфору и, слѣдовательно, не могли воспрепятствовать и нападенію англичанъ на южный берегъ имперіи. Благодаря посредничеству Бисмарка, переговоры возобновились еще разъ. П. А. Шуваловъ отправился въ качествѣ спеціальнаго уполномоченнаго Россіи въ Англію, и ему удалось заключить здѣсь 30 мая 1878 года соглашеніе, въ силу котораго Англія въ принципѣ признала необходимость территоріальныхъ измѣненій на Балканскомъ полуостровѣ, а императоръ согласился на значительное сокращеніе предположенныхъ территорій славянскихъ государствъ. Благодаря этому соглашенію, миръ фактически былъ обезпеченъ, и это было уже сознательнымъ обманываніемъ султана со стороны Биконсфильда, когда онъ склонилъ Гамида, все еще опасавшагося войны, заключить съ Англіей тайный договоръ (4 іюня 1878 г.), передавшій островъ Кипръ въ англійское управленіе, за что Англія обѣщала свою помощь противъ всякаго дальнѣйшаго уменьшенія турецкой территоріи.

Конгрессъ собрался въ Берлинѣ подъ предсѣдательствомъ Бисмарка 13 іюля 1878 года. Задачей конгресса было подвергнуть детальному пересмотру санъ-стефанскій договоръ. Это было довольно трудно, и не разъ дѣло грозило разстроиться вслѣдствіе несговорчивости той или иной державы. Бисмарку пришлось пустить въ ходъ все свое дипломатическое искусство, чтобы въ качествѣ «честнаго маклера» довести дѣло до благополучнаго конца. Послѣ четырехнедѣльныхъ обсужденій конгрессъ принялъ слѣдующія постановленія.

Территоріальныя уступки, которыя Турція должна была сдѣлать Сербіи и Черногоріи, были настолько сокращены, что и въ Европѣ осталась довольно значительная турецкая территорія. Вновь образованное Болгарское княжество было также сильно урѣзано, причемъ отъ него была отдѣлена южная забалканская часть; въ составъ же княжества вошла лишь сѣверная часть Болгарской земли, расположенная между Балканами и Дунаемъ. Княжество это оставалось лишь въ слабомъ, почти номинальномъ подчиненіи у султана и получило во внутреннихъ дѣлахъ полную самостоятельность. Право военной оккупаціи его было предоставлено русскимъ войскамъ на девять мѣсяцевъ. Часть Болгаріи, расположенная къ югу отъ Балканъ, съ главнымъ городомъ Филиппополемъ, должна была въ качествѣ автономной провинціи Восточной Румеліи оставаться составной частью турецкой имперіи, но получить назначаемаго

БЕРЛИНСКІЙ КОНГРЕССЪ (1878 г.).

султаномъ христіанскаго генералъ-губернатора. Сербія, Румынія и Черногорія были признаны вполнѣ независимыми государствами. На уступку Румыніей части Бессарабіи, ранѣе принадлежавшей Россіи, Александръ безусловно настаивалъ. Въ видѣ компенсаціи Румынія получила, какъ уже было установлено въ Санъ-Стефано, Добруджу. Въ Азіи Россія должна была вернуть Эрзерумъ обратно туркамъ, но сохранила за собой свои остальныя завоеванія, подъ условіемъ не возводить укрѣпленій въ Батумѣ, и оставить эту важную гавань открытой для торговли судовъ всѣхъ націй. Кромѣ того, Турція должна была уступить на югѣ значительную территорію Греціи. Греки уже въ послѣдней стадіи войны взялись за оружіе именно для того, чтобы получить долю въ добычѣ, каковая имъ и была обѣщана великими державами съ тѣмъ, чтобы они успокоились. Австро-Венгрія получила право занять своими войсками Боснію, Герцеговину и Новобазарскій санджакъ и временно управлять этими провинціями съ сохраненіемъ верховныхъ правъ султана. Въ остальной части турецкой имперіи султанъ обѣщалъ провести коренныя реформы на основѣ равноправія христіанъ съ мусульманами. Дарданеллы и Босфоръ были закрыты для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Наконецъ, Турція должна была согласиться и на то, чтобы для удовлетворенія кредиторовъ нѣкоторые виды государственныхъ доходовъ собирались особой кассой погашенія долговъ подъ управленіемъ лицъ, уполномоченныхъ кредиторами.

Такимъ образомъ, Россіи пришлось поступиться значительною частью пріобрѣтеній санъ-стефанскаго договора, и все-таки война принесла ей извѣстное расширеніе территоріи. Зато Англія добилась сохраненія жизнеспособности турецкаго государства въ Европѣ и пріобрѣла Кипръ; а Австрія заняла Боснію и Герцеговину. Русскіе сановники отнюдь не были довольны такимъ исходомъ переговоровъ. Еще большее недовольство возбудилъ исходъ ихъ въ общественномъ мнѣніи страны. Всѣ ясно чувствовали въ Россіи враждебное отношеніе къ ней со стороны Австріи и находили совершенно недостаточной поддержку, оказанную Россіи Германіей, на дружественную помощь которой Россія считала себя въ правѣ разсчитывать. Теперь, кажется, можно признать, что эти чувства не были вполнѣ справедливы. Если бы Россія начала войну съ Англіей, то это легко могло кончиться потерей всѣхъ пріобрѣтенныхъ ею выгодъ; слѣдовательно, нельзя отрицать, что посредничество нѣмцевъ, быть-можетъ, уберегло Россію отъ еще бо́льшихъ потерь, нежели тѣ, какія ей были причинены измѣненіемъ санъ-стефанскаго договора.

Наряду съ оффиціальными переговорами въ Берлинѣ велись, конечно, и тайныя совѣщанія, относительно которыхъ до сихъ поръ имѣются лишь весьма неполныя свѣдѣнія. Извѣстно только одно, что вслѣдствіе территоріальныхъ пріобрѣтеній трехъ великихъ державъ, Франція также заявила претензію на компенсацію, и что какъ Англія, такъ и Германія заявили ей, что ничего не имѣли бы противъ того, чтобы Франція въ видѣ компенсаціи заняла Тунисъ, тоже находившійся подъ властью султана. Три года спустя Франція воспользовалась этимъ разрѣшеніемъ.

По окончаніи конгресса надлежало прежде всего опредѣлить въ натурѣ

границы старыхъ и новыхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ согласно съ принятыми рѣшеніями конгресса и возстановить въ этихъ многострадальныхъ областяхъ спокойствіе. Существенныя затрудненія со стороны Турціи встрѣтились по проведенію границъ съ Греціей и Черногоріей. Только при помощи неоднократнаго вмѣшательства державъ и морской демонстраціи удалось здѣсь закончить это разграниченіе. Финансовое положеніе султана было урегулировано окончательнымъ соглашеніемъ его съ кредиторами въ 1881 г. Въ то же время былъ расторгнутъ контрактъ на постройку желѣзныхъ дорогъ съ барономъ Гиршемъ, послѣ чего оказалось возможнымъ серьезно заняться дальнѣйшимъ устройствомъ турецкой желѣзнодорожной сѣти. Во всемъ остальномъ реформы проводились въ очень умѣренныхъ предѣлахъ. Абдулъ-Гамидъ оказался фанатическимъ мусульманиномъ. Основной идеей его политики было возрожденіе его имперіи, начиная съ Азіи,—такъ какъ онъ правильно разсудилъ, что центръ турецкаго государства отнынѣ находится тамъ,—и усиленіе турецкаго вліянія на другія мусульманскія государства. О младотурецкой конституціи не было больше рѣчи: авторъ ея Мидхатъ-паша палъ, какъ только обнаружилось, что и при его посредничествѣ нельзя разсчитывать на существенную помощь Англіи.

Султанъ, однако, серьезно занялся преобразованіемъ турецкой арміи по европейскому образцу, чтобы усилить ее на будущее время. Онъ выписалъ изъ Европы, главнымъ образомъ, изъ Германіи, инструкторовъ, инженеровъ и администраторовъ. Отсюда постепенно и развились болѣе тѣсныя отношенія между Турціей и Германіей, которыя привели потомъ и къ болѣе важнымъ экономическимъ результатамъ.

Для христіанскихъ балканскихъ государствъ берлинскій трактатъ явился исходнымъ пунктомъ новой самостоятельной жизни. Румыніи пришлось, такъ какъ она не могла надѣяться на какую-либо помощь извнѣ, скрѣпя сердце, примириться съ уступкой Бессарабіи, но подъ благоразумнымъ управленіемъ князя Карла она сдѣлала большіе успѣхи въ области народнаго образованія, благосостоянія и администраціи. Въ Сербіи были также недовольны урѣзкой пріобрѣтенной территоріи. Но и здѣсь, мало-по-малу, установились болѣе благоустроенные порядки, хотя острая борьба между двумя соперничающими княжескими династіями и парламентскими партіями никогда не прекращалась. Оба эти государства были сильно озлоблены противъ Россіи, которая сперва пробудила въ нихъ надежды, а потомъ ихъ не удовлетворила. Отнынѣ они стали искать сближенія съ Австріей, и даже есть свѣдѣнія, что Сербія въ 1880 году заключила съ ней тайный союзъ.

Болгарія вначалѣ оставалась нѣкоторое время подъ фактическимъ управленіемъ русскихъ военныхъ администраторовъ. Хотя осенью 1879 г. принцъ Александръ Баттенбергскій, сынъ (отъ морганатическаго брака) принца Александра Гессенскаго, брата русской императрицы, былъ избранъ княземъ Болгаріи, но въ сущности онъ занималъ положеніе вассала Россіи. Между тѣмъ въ странѣ накоплялось и возрастало раздраженіе противъ Россіи, такъ какъ

болгары убѣдились, мало-по-малу, что русскій императоръ видимо намѣревается держать Болгарію всегда въ полной зависимости отъ Россіи.

Лишь послѣ сильной борьбы австрійцы заняли Боснію и Новобазаръ и ввели здѣсь свое управленіе. Когда, однако, здѣсь была введена всеобщая воинская повинность, то среди турецкаго населенія вспыхнуло возстаніе, которое не безъ труда было подавлено австрійскими войсками.

Христіанскіе народы Балканскаго полуострова не были, такимъ образомъ, довольны создавшимся положеніемъ. Румелійскіе болгары требовали своего присоединенія къ болгарскому княжеству; сербы и греки начали бороться между собой за преобладающее вліяніе въ Македоніи и стремились къ раздѣлу этой области. Турки стали массами переселяться изъ поставленныхъ подъ христіанское управленіе областей, что повело къ болѣе сильной концентраціи турецкихъ элементовъ въ мусульманскихъ областяхъ турецкой имперіи.

Но послѣдствія русско-турецкой войны дали себя чувствовать далеко за предѣлами Балканскаго полуострова. Въ средней Европѣ, да и въ дальнѣйшемъ внутреннемъ развитіи Россіи они чувствовались не меньше, чѣмъ въ Передней Азіи.

Въ Азіи англо-русскій конфликтъ завершился борьбой обѣихъ державъ за преобладающее вліяніе въ Афганистанѣ.

Когда восточный вопросъ грозилъ привести къ войнѣ между Россіей и Англіей, предпріимчивый и храбрый генералъ Скобелевъ выработалъ чрезвычайно смѣлый планъ. Онъ задумалъ не что иное, какъ напасть въ случаѣ такой войны на восточную Индію—эту основу англійской мощи въ Азіи—и, если можно, отнять ее у англичанъ. Три отряда войскъ численностью до 150 тысячъ человѣкъ должны были выступить по направленію къ Индіи, изъ нихъ два—черезъ Афганистанъ, а третій—чрезъ памирское плоскогоріе.

Что исполненіе этого плана натолкнется на неимовѣрныя трудности, Скобелевъ зналъ. Въ особенности подвозъ подкрѣпленій, провіанта и припасовъ чрезъ безводныя степи центральной Азіи долженъ былъ вызывать опасенія. Точно также представлялось сомнительнымъ, сможетъ ли бѣдная горная страна, какъ Афганистанъ, даже если бы эмиръ сталъ на сторону Россіи, прокормить такую массу войскъ. Но всѣ эти сомнѣнія и опасенія были отброшены, когда англичане послѣ заключенія санъ-стефанскаго мира приняли свои вышеизложенныя угрожающія мѣры. Такъ какъ удержать свою позицію на Балканскомъ полуостровѣ при противодѣйствіи англичанъ русскимъ было бы невозможно, то нападеніе на Индію представлялось единственнымъ сильнымъ средствомъ для серьезнаго отпора.

Въ апрѣлѣ 1878 года изъ Петербурга былъ отданъ приказъ о походѣ по направленію къ Индіи. Такъ какъ война еще не была объявлена, то войска должны были дойти только до русской границы. Однако, при огромныхъ размѣрахъ необходимыхъ приготовленій походъ этотъ настолько замедлился, что русское войско достигло границы уже въ то время, когда окон-

чился берлинскій конгрессъ, и миръ уже былъ заключенъ. Одинъ небольшой отрядъ успѣлъ, впрочемъ, перейти границу и попытался черезъ область еще независимыхъ туркменовъ проникнуть къ Афганистану. Но воинственное племя туркменовъ встрѣтило пришельцевъ очень враждебно и заставило ихъ отступить къ Каспійскому морю. Больше успѣха выпало на долю посольства, которое еще до войскъ отправилось подъ военнымъ эскортомъ съ генераломъ Столѣтовымъ во главѣ къ афганскому эмиру, чтобы расположить его въ пользу Россіи. Ширъ-Али, который, какъ мы знаемъ, питалъ издавна враждебныя чувства къ Англіи, встрѣтилъ русскихъ посланцевъ дружественно и, кажется, заключилъ съ ними союзный договоръ.

При извѣстіи о прибытіи русскихъ въ Кабулъ, вице-король Индіи, лордъ Литтонъ, потребовалъ сейчасъ же отъ эмира, чтобы тотъ принялъ въ своей столицѣ также и англійскаго посла съ вооруженной свитой. Ширъ-Али, по совѣту русскихъ, отклонилъ это требованіе и приказалъ не пропускать черезъ границу англійское посольство, которое, тѣмъ не менѣе, пустилось въ путь. Такъ какъ поставленный вице-королемъ ультиматумъ остался безъ отвѣта, то индійское правительство рѣшило объявить эмиру войну.

Въ декабрѣ 1878 года англо-индійскія войска подъ командой генерала Робертса вступили въ Афганистанъ. При ихъ приближеніи Ширъ-Али бѣжалъ на русскую территорію. Спустя нѣсколько недѣль оба главныхъ города восточнаго Афганистана, Кабулъ и Кандагаръ, были въ рукахъ англичанъ. Въ парламентѣ Биконсфильдъ заявилъ, что Англія теперь должна требовать отъ Афганистана установленія «научной границы», то-есть, иными словами, уступки важнѣйшихъ горныхъ проходовъ, ведущихъ въ долину Инда. Ширъ-Али вскорѣ умеръ, и Англія признала сына его Якуба эмиромъ послѣ того, какъ онъ согласился, по Гандамакскому миру (28 мая 1879 года), уступить эти проходы Англіи, подчинить регулированіе своихъ отношеній съ иностранными державами надзору англійскаго резидента, разрѣшить устройство телеграфной линіи изъ Индіи въ Кабулъ и предоставить англійской торговлѣ значительныя льготы. Ежегодная пенсія, назначенная ему англичанами, должна была, по ихъ мнѣнію, навсегда прикрѣпить его къ Англіи.

Но и Якубъ надѣялся съ помощью русскихъ отстоять свою независимость. Когда лѣтомъ 1879 года русскіе подъ командой генерала Ломакина снова предприняли походъ на область туркменовъ и напали на ихъ столицу Геокъ-Тепе, то единовременно и едва ли не въ связи съ этимъ произошло дикое народное возстаніе въ Кабулѣ, причемъ англійскій резидентъ, майоръ Каваньяри, со всей его свитой были убиты, а зданіе посольства разрушено (3 сентября). Немного дней спустя русскіе пытались взять штурмомъ Геокъ-Тепе, но потерпѣли полное пораженіе и были вынуждены снова отступить къ Каспійскому морю.

Эта неудача русскихъ побудила эмира отправиться въ Индію, чтобы оправдаться въ событіяхъ, происшедшихъ въ Кабулѣ, и отстранить отъ себя подозрѣніе въ своемъ въ нихъ участіи. Однако, англичане все-таки послали въ Афганистанъ карательную экспедицію. Генералъ Робертсъ во второй разъ

перешелъ горныя вершины и снова занялъ Кабулъ, гдѣ нашелъ афганскія войска уже обмундированными и вооруженными по русскимъ образцамъ. Якубъ былъ вынужденъ отречься отъ престола и въ качествѣ плѣнника былъ отвезенъ въ Индію. Всѣ афганцы, участіе которыхъ въ убійствѣ англійскаго посла можно было установить, были строго наказаны.

При постоянныхъ возстаніяхъ туземцевъ, заставлявшихъ иногда даже очищать Кабулъ, англичане считали, однако, отсутствіе общепризнаннаго властелина весьма неудобнымъ. Самымъ выдающимся изъ различныхъ претендентовъ былъ племянникъ эмира Ширъ-Али, Абдурахманъ, когда-то бѣжавшій отъ своего дяди въ Туркестанъ и теперь старавшійся съ помощью русскихъ проникнуть въ сѣверный Афганистанъ. Какъ только онъ убѣдился, что о вступленіи на престолъ противъ воли англичанъ нельзя и думать, онъ рѣшилъ съ ними столковаться. Переговоры длились довольно долго, но привели, въ концѣ концовъ, къ тому, что англичане признали его эмиромъ всего Афганистана. При этомъ ему было, впрочемъ, предоставлено самому обезпечить себѣ повиновеніе тѣхъ племенъ, которыя признавали власть другихъ претендентовъ. Ему пришлось вести наиболѣе упорную борьбу съ братомъ увезеннаго англичанами Якуба, Айубъ-ханомъ, занявшимъ Гератъ. Айубъ-ханъ оттѣснилъ Абдурахмана въ теченіе 1880 года въ восточную часть страны и даже отнялъ у англичанъ Кандагаръ. Потребовалось предпринять новый тяжелый походъ подъ командой самого генерала Робертса, чтобы вытѣснить его оттуда.

Во время этихъ военныхъ дѣйствій въ Англіи произошла перемѣна министерства, причины и значеніе которой мы впослѣдствіи разберемъ подробно. На мѣсто Бикопсфильда вступилъ Гладстонъ, который былъ, какъ мы знаемъ, во внѣшней политикѣ за сохраненіе по возможности мира и противъ дальнѣйшаго расширенія британской имперіи. Онъ прежде всего постарался положить конецъ афганскимъ неурядицамъ, отозвавъ въ 1881 году англійскія войска изъ Афганистана, и призналъ съ своей стороны Абдурахмана государемъ всей страны. Но важныхъ горныхъ проходовъ англичане все-таки не вернули. Они и составили единственный реальный ихъ выигрышъ отъ этой кровавой и продолжительной войны.

Во внутреннихъ дѣлахъ Афганистана эмиръ остался, въ концѣ концовъ, совершенно независимымъ, да и въ области внѣшнихъ сношеній съ иностранными державами ему была предоставлена большая самостоятельность, хотя ему и пришлось согласиться имѣть въ Кабулѣ британскаго уполномоченнаго. Такимъ образомъ, едва ли можно сказать, что Афганистанъ уже тогда сдѣлался однимъ изъ вассальныхъ государствъ Англіи. Гладстонъ считалъ болѣе важнымъ расположить эмира въ пользу Англіи, чѣмъ связывать его формальнымъ правомъ. Руководствуясь этимъ взглядомъ, онъ назначилъ эмиру довольно крупное ежегодное жалованье и помогалъ ему деньгами и оружіемъ при завоеваніи Герата и въ борьбѣ съ Айубомъ. Въ общемъ событія послѣднихъ лѣтъ доказали, что афганцы могли многаго опасаться со стороны Англіи, но немногаго могли ожидать пока отъ Россіи. Это соображеніе опредѣлило дальнѣйшую тактику Абдурахмана.

Русскіе также прекрасно знали, что они только въ томъ случаѣ будутъ въ состояніи укрѣпить свое вліяніе въ Афганистанѣ и создать базу, съ которой возможно будетъ угрожать Индіи, если они отплатятъ за пораженіе, понесенное ими въ войнѣ съ туркменами. Сознавая это, Александръ II поставилъ во главѣ назначенныхъ сюда войскъ генерала Скобелева, талантливаго полководца и горячаго сторонника борьбы съ британской имперіей въ Индіи. Скобелевъ, тщательно подготовивъ походъ и построивъ военную желѣзную дорогу отъ Каспійскаго моря, обезпечившую подвозъ войскъ и припасовъ, напалъ въ январѣ 1881 года на текъ-туркменовъ и послѣ жестокаго боя занялъ Геокъ-Тепе. Онъ послѣдовалъ здѣсь испытанной въ этихъ краяхъ варварской системѣ: завоеванный городъ былъ совершенно сожженъ и отданъ на разграбленіе войскамъ. Жители и бѣглецы—кого только удавалось поймать—были убиты. И только послѣ того, какъ этотъ терроръ оказалъ свое видимое дѣйствіе, была объявлена амнистія остальнымъ жителямъ страны.

Эта кровавая побѣда весьма усиливала престижъ Россіи въ Передней Азіи. Туркмены считались въ здѣшнихъ странахъ самымъ воинственнымъ и почти непобѣдимымъ племенемъ. Въ особенности страдала отъ ихъ разбоевъ Персія. Персы были благодарны русскимъ за освобожденіе ихъ страны отъ этого бича и поспѣшили завязать съ сосѣдями добрыя отношенія. Отнынѣ только небольшая область, прилегавшая къ важному узловому пункту Мерву, отдѣляла россійскую имперію отъ Афганистана. Слѣдовало ожидать, что русскіе скоро проникнутъ и туда, и тогда представлялось уже спорнымъ, сможетъ ли Англія противостоять сильному напору съ сѣвера и удержать свое прежнее вліяніе въ Афганистанѣ.

Для Запада, какъ и для Востока, русско-турецкая война имѣла важныя послѣдствія. Раздраженіе русскихъ противъ Германіи и Австріи привело къ серьезнымъ конфликтамъ, когда русскіе и австрійскіе уполномоченные не смогли столковаться при проведеніи окончательной границы Новобазара. Въ письмѣ къ императору Вильгельму императоръ Александръ II почти повелительнымъ тономъ требовалъ поддержки Германіи, по крайней мѣрѣ, въ этомъ вопросѣ. Письмо звучало угрозой. Буря негодованія въ русской прессѣ и концентрація войскъ на восточной границѣ заставляли опасаться дѣйствительно близкаго нападенія съ востока. Хотя Бисмаркъ зналъ миролюбіе Александра II, но ему было также извѣстно, что общественное мнѣніе страны уже вовлекло однажды Александра, противъ его собственной воли, въ турецкую войну. Опасаясь, чтобы и теперь не повторилось того-же, Бисмаркъ рѣшилъ принять соотвѣтственныя мѣры предосторожности.

Уже съ 1866 года онъ помышлялъ о болѣе тѣсномъ союзѣ съ Австро-Венгріей. Теперь пришелъ моментъ осуществить этотъ планъ. Онъ воспользовался пребываніемъ Андраши въ Гаштейнѣ, куда тотъ прибылъ для лѣченія, чтобы предложить ему союзъ, который гарантировалъ бы обоимъ государствамъ безопасность на случай нападенія со стороны Россіи. Андраши этотъ планъ чрезвычайно понравился, и онъ безъ труда получилъ на него согласіе императора Франца-Іосифа. Непредвидѣнныя затрудненія встрѣти-

лись со стороны императора Вильгельма. Онъ былъ очень расположенъ къ своему племяннику Александру II и не вѣрилъ ни въ какіе злые умыслы съ его стороны. Вопреки совѣту Бисмарка, онъ воспользовался пребываніемъ императора Александра въ Польшѣ, чтобы устроить личное свиданіе съ нимъ въ Александровѣ, и вынесъ изъ дружелюбныхъ заявленій царя убѣжденіе, что нападенія съ этой стороны нечего опасаться. Поэтому Вильгельмъ выразилъ желаніе, чтобы Бисмаркъ совершенно отказался отъ плана союза съ Австріей или же устроилъ такъ, чтобы можно было предложить и Россіи также примкнуть къ этому союзу. Когда Бисмаркъ это отклонилъ, императоръ потребовалъ, чтобы ему была предоставлена возможность до подписанія союзнаго договора сообщить его содержаніе царю, такъ какъ въ тайномъ заключеніи подобнаго договора онъ усматривалъ, съ своей стороны, нелойяльность по отношенію къ Александру. Между тѣмъ Андраши заявилъ, что Австрія въ такомъ случаѣ совершенно откажется отъ сдѣлки, и Бисмарку пришлось поставить Вильгельму кабинетскій вопросъ. Только тутъ императоръ Вильгельмъ уступилъ и подписалъ, хотя и неохотно, договоръ. Потомъ уже сообщили императору Александру о существованіи такого договора. Александръ отнесся очень спокойно къ этому извѣстію. По всей вѣроятности, ему лично вовсе не было непріятно, что онъ могъ сослаться на этотъ договоръ какъ на аргументъ противъ домогательствъ партіи войны.

Германско-австрійскій договоръ устанавливалъ, что каждое изъ союзныхъ государствъ должно оказывать всѣми способами помощь другому въ случаѣ нападенія со стороны Россіи. При нападеніи же со стороны какой-либо третьей державы союзникъ остается нейтральнымъ, но обязанъ принять участіе въ войнѣ, какъ только Россія придетъ на помощь воюющей непріятельской странѣ. Союзъ носилъ, такимъ образомъ, оборонительный характеръ и оказался въ слѣдующія десятилѣтія прочнымъ оплотомъ мира. Бисмаркъ предполагалъ вначалѣ включить этотъ договоръ въ конституцію германской имперіи и Австро-Венгріи и сдѣлать его, такимъ образомъ, постояннымъ установленіемъ. Но Австрія отклонила этотъ планъ.

Австрійскимъ нѣмцамъ договоръ принесъ не совсѣмъ благопріятные результаты. Мы знаемъ, что положеніе нѣмецкой либеральной партіи въ Цислейтаніи уже раньше было очень поколеблено, а тактика этой партіи въ вопросахъ внѣшней политики сдѣлалась для нея роковой. Францъ-Іосифъ усиленно стремился завладѣть Босніей, чтобы послѣ большихъ потерь, понесенныхъ страной во время его управленія, вознаградить страну присоединеніемъ новой области. Нѣмцы противились этому плану, опасаясь, что включеніе Босніи въ составъ имперіи усилитъ славянскіе элементы, а также желая избѣгнуть крупныхъ затратъ на оккупацію. Поэтому они старались своей тактикой въ рейхсратѣ затормозить присоединеніе Босніи. Необходимыя для оккупаціи денежныя суммы были ассигнованы голосами славянъ и феодаловъ противъ голосовъ большей части нѣмцевъ. И послѣ занятія Босніи нѣмцы въ вѣнскомъ парламентѣ продолжали настаивать на томъ, что область эта должна быть по возможности скорѣе очищена Австріей. Такое поведеніе

либераловъ побудило императора уволить министерство Ауэрсперга, распустить парламентъ и назначить новые выборы. Проведенные подъ давленіемъ императора выборы уничтожили нѣмецкое большинство въ парламентѣ. Нѣмцы и федералисты были приблизительно одинаково сильны, и небольшая группа внѣфракціонныхъ депутатовъ давала перевѣсъ при голосованіяхъ.

Назначенное въ 1879 году министерство Таафе должно было сдѣлаться посредникомъ между различными національностями. Представители всѣхъ болѣе крупныхъ націй вошли въ составъ министерства. Сейчасъ же началась борьба противъ гегемоніи нѣмцевъ. Нѣмцы своей оппозиціей противъ нормировки на десять лѣтъ военнаго бюджета еще болѣе возстановили противъ себя императора, и раздробленіе ихъ на различныя группы, конечно, ослабляло ихъ позицію. Первая уступка, сдѣланная правительствомъ чехамъ, заключалась въ отмѣнѣ нѣмецкаго языка, какъ оффиціальнаго, въ Богеміи и въ учрежденіи рядомъ съ нѣмецкимъ чешскаго университета въ Прагѣ. Нѣмецкіе министры вышли изъ кабинета, какъ только они замѣтили, куда собственно клонятся намѣренія графа Таафе. Тогда пониженіемъ ценза, удачно проведеннымъ черезъ рейхсратъ, правительству удалось привлечь къ выборамъ новыя массы клерикальныхъ и славянскихъ избирателей, и рейхсратъ сталъ избираться все въ менѣе и менѣе благопріятномъ для нѣмцевъ составѣ. Новое министерство старалось также усилить надзоръ церкви за просвѣщеніемъ, такъ какъ видѣло въ клирѣ своего союзника въ борьбѣ противъ нѣмецкаго и либеральнаго вліянія.

И вотъ въ тотъ моментъ, когда стала проводиться эта столь непріятная для нѣмцевъ политика, былъ заключенъ союзъ съ Германской имперіей. Невмѣшательство договаривающихся сторонъ во внутреннія дѣла каждаго изъ союзныхъ государствъ явилось само собою понятнымъ условіемъ договора. Вслѣдствіе этого Германія совершенно была лишена возможности оказать австрійскимъ нѣмцамъ хотя бы только моральную поддержку. Въ борьбѣ со славянствомъ, имѣвшимъ на своей сторонѣ императора, они были предоставлены только собственнымъ силамъ.

Намъ приходится освѣтить теперь вліяніе этой войны на ходъ внутренней жизни Россіи, но, чтобы сдѣлать это, необходимо вернуться къ изложенію главнѣйшихъ событій, происшедшихъ въ Россіи послѣ утвержденія того режима реакціи, который начался въ ней, какъ мы видѣли, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Реакціонныя мѣры правительства, принятыя въ это время, и въ особенности тѣ стѣсненія, которыя гр. Д. А. Толстой ввелъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не замедлили принести свои естественные плоды. Уже въ 1869 г. во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ вспыхнули безпорядки, повлекшіе за собой массовое исключеніе студентовъ, которые и составили затѣмъ первый кадръ будущихъ революціонеровъ и пропагандистовъ соціально-революціонныхъ идей. Въ томъ же году является и первая попытка революціонной орга-

низаціи, созданной на якобинскій образецъ безумнымъ и безпринципнымъ Нечаевымъ. Попытка эта по самому своему характеру, приданному ей ея основателемъ, не могла, однако, возбудить въ молодежи большихъ симпатій. Тѣмъ не менѣе, и по Нечаевскому процессу было привлечено къ дѣлу болѣе 80 лицъ обоего пола. Гораздо бо́льшими симпатіями среди молодежи пользовался возникшій нѣсколько позже кружокъ чайковцевъ, большинство членовъ котораго проявляло народническія симпатіи. Этотъ кружокъ получилъ въ самомъ началѣ 70-хъ годовъ значительное развитіе и далъ скоро изъ своей среды рядъ выдающихся революціонеровъ, высоко развитыхъ въ умственномъ отношеніи и безукоризненныхъ по своей нравственности, сыгравшихъ впослѣдствіи крупную роль въ исторіи русскаго революціоннаго движенія. Преслѣдуемая въ Россіи и изгоняемая изъ русскихъ университетовъ молодежь обоего пола стала въ это время въ значительномъ числѣ эмигрировать заграницу—преимущественно въ Цюрихъ или Женеву, отчасти въ Парижъ, и здѣсь ее окончательно организовали въ революціонные кадры два тогдашнихъ вождя русскаго революціоннаго движенія—Бакунинъ и Лавровъ, соперничавшіе и спорившіе въ это время между собой, главнымъ образомъ, по вопросамъ тактики. Въ 1873 г. послѣдовало распоряженіе правительства, требовавшее немедленнаго возвращенія всей этой учащейся за границей молодежи домой. И вотъ эти бакунисты и лавристы—и тѣ и другіе убѣжденные народники, — вернувшись въ Россію, рѣшились весною 1874 г. пойти въ народъ съ цѣлью пропаганды и непосредственнаго ознакомленія съ бытомъ и міровоззрѣніемъ самого народа. Какъ-разъ около этого времени въ глазахъ всего общества и даже правительства, произведшаго въ 1873 г. сельскохозяйственную анкету, выяснилось печальное экономическое положеніе крестьянства, которое въ большей части губерній было изнурено непосильными налогами и выкупными платежами и во многихъ мѣстностяхъ страдало отъ недостаточности отведенныхъ ему по положенію 1861 г. надѣловъ. Полное несоотвѣтствіе отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ платимымъ за нихъ выкупнымъ платежамъ вскорѣ и въ экономической литературѣ было выяснено работами Янсона и кн. Васильчикова, но и до ихъ появленія объ этомъ не менѣе громко заявляли голодовки, не перестававшія охватывать болѣе или менѣе значительные районы, начиная съ 1867 г. Крестьяне приписывали всѣ свои бѣды господамъ и чиновникамъ, стоявшимъ стѣною между ними и царемъ. Поэтому къ неопытнымъ пропагандистамъ они отнеслись въ огромномъ большинствѣ случаетъ враждебно и подозрительно, а кое-гдѣ даже прямо передавали ихъ въ руки полиціи. Къ осени около 1000 человѣкъ революціонеровъ уже сидѣло по тюрьмамъ. Вскорѣ часть ихъ (около половины) была выпущена, нѣкоторые сами позаботились о своемъ освобожденіи и, наученные горькимъ опытомъ этого года, рѣшились впередъ дѣйствовать осмотрительнѣе и систематичнѣе. Въ 1876 г. они образуютъ уже тайное общество «Земля и Воля» съ правильнымъ подраздѣленіемъ на отдѣлы, изъ которыхъ каждый имѣлъ свои спеціальныя задачи. Главной задачей, однако, оставалась пока попрежнему относительно мирная пропаганда соціалистическихъ идей въ народѣ, организованная лишь болѣе система-

тично и осторожно. Однако, и «землевольцы» вскорѣ приходятъ къ убѣжденію въ невозможности сколько-нибудь быстраго и широкаго успѣха такой пропаганды при данномъ состояніи народныхъ массъ. Въ то же время правительственныя преслѣдованія еще болѣе ожесточили революціонеровъ; теперь тѣ самыя лица, которыя ранѣе допускали вооруженную борьбу въ видѣ исключенія, стали смотрѣть на нее какъ на нѣчто необходимое и неизбѣжное при данныхъ условіяхъ.

Такъ развивалась эта борьба революціонеровъ съ правительствомъ, которое преслѣдовало въ это время революціонеровъ драконовскими мѣрами, но не могло истребить ихъ; ибо число ихъ пополнялось все новыми и новыми кадрами, которые образовывались періодически изъ состава учащейся молодежи, изгоняемой время отъ времени десятками, а иногда и сотнями лицъ изъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній во время вспыхивавшихъ тамъ почти ежегодно волненій и безпорядковъ. Въ сущности, вся эта революціонная «партія» представляла среди многомилліоннаго населенія Россіи лишь небольшую горсть, размѣры которой, если посчитать всѣхъ дѣйствующихъ и сидящихъ по тюрьмамъ, сосланныхъ въ Сибирь и бѣжавшихъ за границу революціонеровъ, не превышала немногихъ тысячъ людей, имѣвшихъ въ своемъ составѣ нѣсколько десятковъ талантливыхъ, пріученныхъ ко всякимъ невзгодамъ и готовыхъ на все вожаковъ. Правительство уже въ серединѣ семидесятыхъ годовъ горько жаловалось на равнодушіе къ этой борьбѣ огромнаго большинства общества. И, дѣйствительно, общество относилось къ этой дѣятельности не только поразительно равнодушно, но даже нерѣдко, въ лицѣ многихъ своихъ представителей, выражало имъ потихоньку сочувствіе, а иногда и содѣйствіе, въ видѣ пристанищъ для укрывающихся отъ полицейскихъ преслѣдованій и денежныхъ пособій, въ отдѣльныхъ случаяхъ даже довольно значительныхъ. Общество, безъ сомнѣнія, не раздѣляло ихъ соціально-революціонныхъ ученій, которыя исповѣдывали революціонеры, но въ томъ видимомъ нейтралитетѣ, котораго оно держалось въ этой борьбѣ, сочувствіе его было, во всякомъ случаѣ, не на сторонѣ правительства. Общество въ это время было приведено къ молчанію и бездѣйствію реакціонными мѣрами самого правительства. Самостоятельность земскаго «самоуправленія» была почти уничтожена, а благодаря этому пропалъ и интересъ въ немъ участвовать у цѣлаго ряда самыхъ благонамѣренныхъ лицъ. Дѣятельность судебныхъ учрежденій была ограничена и искажена цѣлымъ рядомъ поправокъ и дополненій къ судебнымъ уставамъ, которые вначалѣ возбуждали столько надеждъ и искренняго интереса; печать не имѣла возможности свободно и открыто обсуждать даже такихъ животрепещущихъ и касающихся каждаго человѣка вопросовъ, какъ вопросъ воспитанія и образованія юношества, такъ какъ правительство, не допускавшее даже свободнаго существованія частныхъ учебныхъ заведеній, считало одного себя, въ лицѣ графа Д. Толстого, призваннымъ воспитывать или, вѣрнѣе, калѣчить молодыя поколѣнія. Правда, существовали въ это время органы печати различныхъ направленій; даже крамольный «Современникъ» получилъ продолжателя въ видѣ «Отечественныхъ Записокъ» подъ редакціей Некрасова,

Салтыкова и Елисѣева; существовалъ либеральный «Вѣстникъ Европы» Стасюлевича; была проповѣдывавшая мирныя народническія идеи «Недѣля» и т. д., но всѣ эти органы печати могли бесѣдовать съ читателемъ лишь между строкъ, прибѣгая къ стариннымъ пріемамъ Бѣлинскаго и др. его современниковъ; славянофилы же, которые не умѣли или не желали говорить обиняками, потеряли вовсе возможность имѣть свой органъ съ конца 60-хъ годовъ. Понятно послѣ этого, что широкіе слои интеллигентнаго общества, помѣщики, нарождающаяся буржуазія, разночинцы, приведенные къ молчанію и бездѣйствію въ общественныхъ дѣлахъ репрессивными мѣрами правительства, не могли относиться сочувственно къ такой правительственной системѣ и не могли поддерживать это бюрократическое правительство. Можно удивляться скорѣе этому равнодушію и молчанію, лишь изрѣдка нарушаемому единичными голосами и болѣе или менѣе рѣзкими заявленіями отдѣльныхъ лицъ,—совсѣмъ съ другой стороны. Слишкомъ ужъ спокойно и безропотно уступило свои позиціи неокрѣпшее общество натиску бюрократическаго и полицейскаго произвола!

Однако, событія, наступившія съ середины семидесятыхъ годовъ на Балканскомъ полуостровѣ, вызвали нѣкоторое оживленіе и пробудили движеніе и среди окоченѣвшаго русскаго общества. Начался сборъ пожертвованій въ пользу притѣсненныхъ и терпѣвшихъ турецкія неистовства славянъ, раздались громкія рѣчи въ собраніяхъ славянскаго общества, оживились газеты, поѣхали на театръ военныхъ дѣйствій въ помощь возставшимъ сербамъ и черногорцамъ русскіе добровольцы, вербовавшіеся изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества—отъ ташкентцевъ Черняева до земскихъ тверскихъ либераловъ и даже революціонеровъ включительно. Это движеніе, само по себѣ далекое отъ всякой революціи, однакоже, подняло общественное сознаніе и стремленіе къ общественной самодѣятельности и объединило вновь разрозненныя силы общества, заставило правительство прислушаться къ общественному мнѣнію и подчиниться голосу общества, который на этотъ разъ звучалъ въ унисонъ съ сознаніемъ и чувствомъ народныхъ массъ,—настолько, что оно признало неизбѣжнымъ, вопреки собственной волѣ, предпринять тяжелую и рискованную войну, которая могла кончиться войной обще-европейской.

Обнаружившаяся неподготовленность къ этой войнѣ, неудачи, постигшія русскія войска подъ Плевной, злоупотребленія, хищенія и безпорядки по части снабженія арміи припасами,—лишній разъ доказали несостоятельность бюрократіи и послужили лишнимъ толчкомъ къ развитію критическаго и оппозиціоннаго настроенія въ проснувшемся обществѣ.

Въ земскихъ кругахъ и среди интеллигенціи столицы и большихъ городовъ опять возобновились давно умолкшіе толки о необходимости конституціи и о невозможности терпѣть далѣе бюрократическій произволъ и полицейскій гнетъ. Берлинскій конгрессъ сильно задѣлъ національное самолюбіе. Аксаковъ произнесъ въ Москвѣ въ славянскомъ собраніи громовую рѣчь противъ правительства, послѣ которой его выслали изъ Москвы. Среди земцевъ и нѣкоторыхъ представителей городского самоуправленія начались съѣзды, имѣвшіе цѣлью объединить либеральные элементы страны.

Между тѣмъ, въ кругахъ революціонеровъ разочарованіе въ возможности скораго осуществленія идеала создало настроеніе, все болѣе и болѣе толкавшее ихъ на путь террора. Какъ-разъ въ это время въ Петербургѣ произошелъ цѣлый рядъ большихъ и малыхъ судебныхъ процессовъ по дѣламъ о различныхъ революціонныхъ выступленіяхъ, частью происходившихъ еще въ 1874 году, частью совершенныхъ въ послѣдующіе годы. Объ отношеніи общества къ этимъ процессамъ можно судить по дѣлу Вѣры Засуличъ. Вѣра Засуличъ, молодая дѣвушка-провинціалка, явилась въ Петербургъ по собственному побужденію, чтобы отомстить за истязаніе, произведенное въ домѣ предварительнаго заключенія петербургскимъ градоначальникомъ Треповымъ надъ однимъ изъ политическихъ осужденныхъ Боголюбовымъ, котораго Треповъ приказалъ наказать розгами за то, что тотъ не снялъ передъ нимъ шапки. Засуличъ привела свое намѣреніе въ исполненіе, стрѣляла въ Трепова изъ револьвера и ранила его. Порицаніе ея поступка нѣкоторыми газетами ввело въ заблужденіе правительство, которое вообразило, что общественное настроеніе будетъ въ этомъ случаѣ на его сторонѣ, и передало поэтому разсмотрѣніе дѣла Засуличъ суду присяжныхъ. На судѣ обнаружились незаконные пріемы Трепова. Присяжные оправдали Засуличъ, а публика устроила ей шумныя оваціи, послѣ чего Засуличъ должна была, однако, скрыться за границу. Участившіяся покушенія революціонеровъ на различныхъ агентовъ политическаго сыска и въ особенности убійство шефа жандармовъ Мезенцева среди дня на улицѣ въ Петербургѣ революціонеромъ Кравчинскимъ, которому удалось затѣмъ бѣжать за границу, заставили правительство обратиться къ общественному содѣйствію въ борьбѣ съ нарастающимъ революціоннымъ движеніемъ. Этимъ призывомъ воспользовались земцы, которые, обсудивъ его предварительно въ частныхъ своихъ совѣщаніяхъ, рѣшили подвергнуть его формальному обсужденію въ земскихъ собраніяхъ и, въ видѣ отвѣта на это правительственное сообщеніе, заявить, что при нынѣшнихъ условіяхъ, при отсутствіи у общества какого бы то ни было самоуправленія, при отсутствіи у населенія даже возможности спокойно пользоваться элементарными гражданскими правами безъ нарушенія ихъ произвольными мѣрами полиціи, при той системѣ общественнаго воспитанія юношества, которую ввело и поддерживаетъ правительство вопреки общественному мнѣнію страны, общество лишено въ дѣйствительности всякой возможности оказать правительству желательную ему поддержку въ дѣлѣ сохраненія общественнаго порядка и спокойствія. Правительство не допустило обсужденія этого вопроса въ земскихъ собраніяхъ, и гласный черниговскаго земства И. И. Петрункевичъ, попытавшійся сказать соотвѣтствующую рѣчь вопреки запрещенію предсѣдателя собранія, былъ арестованъ, причемъ въ собраніе были вызваны жандармы, и затѣмъ высланъ изъ Чернигова административнымъ порядкомъ въ сѣверныя губерніи.

Затѣмъ со стороны революціонеровъ террористическіе акты усилились, причемъ среди нихъ все болѣе и болѣе распространялось убѣжденіе въ необходимости измѣнить принятую ранѣе программу и тактику народническаго общества «Земля и воля», и вмѣсто веденія относительно мирной соціали-

стической пропаганды въ деревняхъ и среди городскихъ рабочихъ поставить на первый планъ борьбу за достиженіе политической свободы и участія народнаго представительства въ управленіи страной. Необходимость соотвѣтствующаго измѣненія программы и тактики получала опредѣленное признаніе сперва на частномъ липецкомъ съѣздѣ небольшого кружка революціонеровъ, которые затѣмъ восторжествовали надъ сторонниками мирной соціалистической пропаганды, и на общемъ съѣздѣ революціонеровъ въ Воронежѣ, послѣ чего изъ состава «Земли и воли» выдѣлилось новое общество «Народной воли», которое, несмотря на сохраненіе въ своей программѣ общихъ народническихъ задачъ и стремленій, поставило главной очередной задачей борьбу за достиженіе политической свободы и демократической конституціи при помощи цѣлой системы террористическихъ актовъ. Цѣлью этихъ террористическихъ покушеній вскорѣ дѣлаются уже не второстепенные агенты власти, а самъ императоръ Александръ II, противъ котораго предпринимается цѣлая система минированныхъ подкоповъ и динамитныхъ метательныхъ снарядовъ, причемъ полиція оказывается, въ сущности, безсильной въ борьбѣ съ этимъ врагомъ. Наконецъ, взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ приводитъ императора Александра къ убѣжденію, что создавшееся положеніе вещей не можетъ быть прекращено обыкновенными полицейскими мѣрами. Въ особомъ совѣщаніи изъ немногихъ высшихъ сановниковъ, при участіи наслѣдника престола и старшаго брата Александра II, Константина Николаевича, рѣшено было учредить особую верховную распорядительную комиссію съ генераломъ Лорисъ-Меликовымъ во главѣ. Главной задачей этой комиссіи была поставлена борьба съ крамолой и возстановленіе нарушеннаго спокойствія и нормальнаго теченія дѣлъ, для чего Лорисъ-Меликову были даны чрезвычайныя полномочія, подчинившія ему, съ одной стороны, всѣхъ министровъ и всю администрацію имперіи, а съ другой—давшія ему возможность обращаться къ общественному содѣйствію какъ отдѣльныхъ гражданъ и обществъ, такъ и всего населенія страны. Система мѣръ, предпринятыхъ Лорисъ-Меликовымъ, получила въ литературѣ и обществѣ характерное названіе «диктатуры сердца», которое, вѣроятно, останется за ней и въ исторіи. Уже черезъ день послѣ своего назначенія Лорисъ-Меликовъ опубликовалъ (14 февраля 1880 г.) прокламацію къ жителямъ Петербурга, въ которой писалъ, что, съ твердостью стремясь къ искорененію преступниковъ, онъ въ то же время желаетъ успокоить и оградить законные интересы благомыслящей части общества, и что на поддержку общества онъ смотритъ какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни.

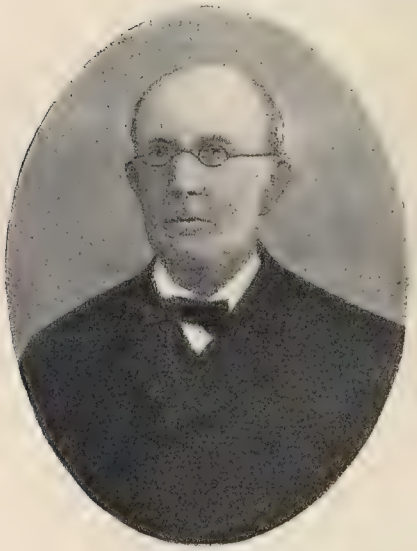
Своей непосредственной задачей Лорисъ-Меликовъ несомнѣнно считалъ уничтоженіе террористической организаціи и умиротвореніе русскаго общества. Миссія его была прежде всего полицейская, хотя онъ и не смотрѣлъ на борьбу съ революціонерами съ узко-полицейской точки зрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень далекъ отъ мысли о немедленномъ дарованіи Россіи какой бы то ни было конституціи. Онъ, наоборотъ, съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности очень предостерегалъ отъ всякаго подобнаго шага импе-

ратора Александра. Онъ выражалъ опасеніе, что созванные въ какое бы то ни было государственное собраніе (хотя бы даже и совѣщательнаго характера) народные представители принесутъ съ собой массу жалобъ и справедливой критики, на которыя въ данный моментъ правительство не сможетъ представить удовлетворительныхъ объясненій. Поэтому въ ближайшее время Лорисъ-Меликовъ предполагалъ лишь ослабить тотъ гнетъ, отъ котораго терпѣли всѣ классы общества, и идти навстрѣчу нѣкоторымъ требованіямъ земствъ, которыя онъ признавалъ справедливыми. Въ этомъ отношеніи онъ находилъ необходимымъ предоставить имъ ту самостоятельность дѣйствій, которая должна была принадлежать имъ по закону 1864 года. Затѣмъ онъ откровенно призналъ вредное и анти-общественное значеніе Толстовскаго режима въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія и потребовалъ удаленія Толстого, который и былъ благодаря этому уволенъ, къ великой радости широкихъ круговъ русскаго общества. Борьбу съ революціонерами Лорисъ-Меликовъ велъ неослабно и безпощадно, и именно въ цѣляхъ сосредоточенія этой борьбы и объединенія полицейской власти онъ упразднилъ III отдѣленіе собственной Его Величества Канцеляріи, какъ самостоятельное вѣдомство, и передалъ всѣ принадлежавшія ему средства въ департаментъ полиціи; въ тѣхъ же видахъ, онъ постарался, при помощи министра юстиціи, объединить съ полиціей въ дѣлахъ, касающихся искорененія «крамолы», и прокурорскій надзоръ, что не могло, конечно, не отозваться неблагопріятно на сохраненіи чувства независимости въ персоналѣ судебныхъ учрежденій, воспитаннаго въ нихъ судебными уставами.

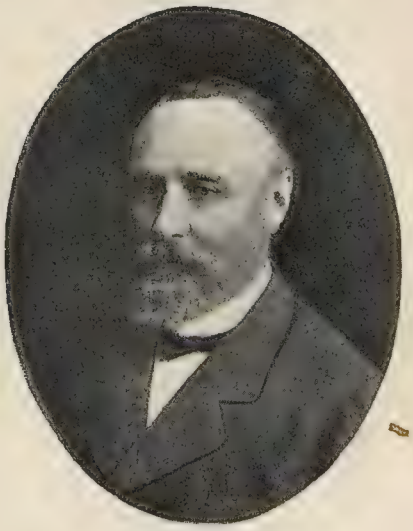
Въ отношеніи печати Лорисъ-Меликовъ ослабилъ до нѣкоторой степени существовавшій до этого времени цензурный гнетъ, но свобода слова не входила въ его программу, а замѣнялась у него «разумнымъ руководствомъ», которое онъ осуществлялъ при помощи циркулярныхъ распоряженій и личныхъ бесѣдъ съ представителями печати, пытаясь установить съ ними возможно хорошія отношенія. Нельзя отрицать, что либеральная печать получила при немъ нѣкоторую возможность дышать свободнѣе. Для выясненія мѣстныхъ нуждъ, а также и различныхъ злоупотребленій, онъ предпринялъ во многихъ губерніяхъ сенаторскія ревизіи, а земскія учрежденія призвалъ въ то же время къ участію въ подготовленіи весьма важной реформы—пересмотра административнаго устройства крестьянъ.

Верховная распорядительная комиссія просуществовала всего 6 мѣсяцевъ, и затѣмъ обычный порядокъ управленія былъ возстановленъ по докладу самого Лорисъ-Меликова, который при этомъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Считая, что умиротвореніе уже въ нѣкоторой мѣрѣ наступило, и полагая, что для поддержанія добраго отношенія къ правительству со стороны образованныхъ классовъ и всѣхъ вообще благомыслящихъ гражданъ необходимо дать нѣкоторое удовлетвореніе стремленію земствъ получить хотя бы совѣщательное участіе въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ, онъ все же находилъ невозможнымъ созваніе Земской Думы даже и совѣщательнаго типа, а предложилъ вмѣсто того учредить «временныя подготовительныя комиссіи» на

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III.



К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВЪ.



М. КАТКОВЪ.

Князь АЛЕКСАНДРЪ БАТТЕНБЕРГСКІЙ.

подобіе устроенныхъ въ 1859 г. редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу, для подготовленія въ нихъ важнѣйшихъ административныхъ и иныхъ преобразованій, причемъ работы этихъ комиссій подвергались бы обсужденію съ участіемъ лицъ, взятыхъ изъ среды земствъ и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ, а затѣмъ отсюда направлялись обычнымъ путемъ въ Государственный Совѣтъ, который никакимъ преобразованіямъ не подвергался. Такимъ образомъ, по плану Лорисъ-Меликова реформы подготовлялись бы бюрократическимъ путемъ, а затѣмъ представлялись бы на судъ земскихъ депутатовъ, приглашенныхъ изъ числа земскихъ и городскихъ гласныхъ, подобно тому, какъ работы редакціонныхъ комиссій были предложены въ свое время на разсмотрѣніе депутатовъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ 1859 года. Часть членовъ этой общей комиссіи должна была выбираться земскими собраніями, другая часть должна была назначаться государемъ изъ числа лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ подготовительныхъ комиссій, и, наконецъ, третья, должна быть назначаться особымъ порядкомъ отъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ не введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Въ этомъ и состояла вся такъ называемая Лорисъ-Меликовская конституція.

Какъ бы то ни было, дѣятельность Лорисъ-Меликова встрѣчала въ то время формально выраженное одобреніе въ земскихъ собраніяхъ. Самъ онъ, очевидно, преувеличивалъ успѣхъ принятыхъ имъ мѣръ и, обманутый нѣкоторымъ перерывомъ въ террористической дѣятельности революціонеровъ, длившимся съ середины 1880 г. до начала 1881 г., думалъ, что революціонеры совершенно подавлены, тѣмъ болѣе, что значительнѣйшіе изъ дѣятелей «Народной Воли», выданные Гольденбергомъ, находились въ рукахъ полиціи или подъ ея близкимъ надзоромъ; но революціонеры какъ-разъ въ это время лихорадочно подготовляли катастрофу 1 марта, которая и совершилась, несмотря на арестъ главныхъ руководителей. 1 марта 1881 года императоръ Александръ II сдѣлался жертвой брошенной въ него революціонеромъ бомбы.

На престолъ вступилъ императоръ Александръ III, относительно котораго, въ бытность его наслѣдникомъ престола, въ обществѣ были распространены совершенно невѣрныя представленія. Многіе считали его либераломъ и даже конституціоналистомъ и серьезно надѣялись, что при немъ водворятся болѣе либеральные порядки, нежели тѣ, какіе существовали при его отцѣ. По вступленіи Александра III на престолъ дѣйствительно сначала произошли нѣкоторыя колебанія относительно курса внутренней политики, продолжавшіяся почти два мѣсяца. Черезъ недѣлю послѣ смерти императора Александра II и за недѣлю до его похоронъ въ Зимнемъ дворцѣ происходило знаменитое засѣданіе Совѣта министровъ, въ которомъ былъ заслушанъ докладъ Лорисъ-Меликова о необходимости немедленнаго оглашенія рѣшенія правительства относительно созыва тѣхъ комиссій для разработки реформъ, которыя хотѣлъ по совѣту Лорисъ-Меликова образовать покойный государь, и которыя, по выраженію доклада, являлись какъ бы послѣднимъ даромъ императора Александра II русскому народу, достойнымъ всего его царствованія. Однако, въ этомъ же засѣданіи послѣдовали весьма рѣзкія на-

падки на Лорисъ-Меликова со стороны приглашенныхъ въ засѣданіе гр. С. Г. Строганова и оберъ-прокурора синода Побѣдоносцева, послѣ чего докладъ Лорисъ-Меликова не былъ одобренъ, а обсужденіе вопроса по существу было отложено. Затѣмъ произошла борьба двухъ разныхъ теченій въ средѣ министровъ и великихъ князей, окружавшихъ государя, длившаяся нѣсколько недѣль, причемъ главой одной изъ этихъ двухъ партій былъ Побѣдоносцевъ, человѣкъ лично близкій къ Александру III, убѣжденный приверженецъ самодержавнаго строя и клерикалъ, въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова, т.-е. защитникъ не вѣры, а государственной церкви въ смыслѣ конфессіонально-полицейскаго учрежденія. Съ другой стороны стояли Лорисъ-Меликовъ и сильно поддерживавшіе его министръ финансовъ Абаза, военный гр. Милютинъ и народнаго просвѣщенія Сабуровъ, а также великій князь Константинъ. Когда Побѣдоносцеву удалось убѣдить его, отчасти при помощи такихъ экспертовъ, какъ Катковъ и Аксаковъ, сильно поправѣвшій за послѣдніе годы, въ томъ, что со стороны общества нельзя ожидать никакихъ непредвидѣнныхъ выступленій, онъ издалъ совершенно неожиданно для всего совѣта министровъ извѣстный манифестъ 29 апрѣля, составленный Побѣдоносцевымъ при участіи Каткова. Въ манифестѣ этомъ было опредѣленно указано: «Гласъ Божій повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на божественный промыселъ, съ вѣрою въ силу и истину Самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять, для блага народнаго, отъ всякихъ на нее поползновеній». Эти слова манифеста были прямо направлены противъ всякихъ толковъ и ожиданій какихъ бы то ни было шаговъ въ сторону установленія или даже подготовленія въ будущемъ конституціоннаго правленія въ Россіи.

Лорисъ-Меликовъ тотчасъ же подалъ въ отставку, а вслѣдъ за нимъ ушли со своихъ мѣстъ Абаза и Милютинъ. Однако, крутой поворотъ въ сторону обузданія всякихъ либеральныхъ вѣяній и тенденцій наступилъ все же не сразу. Лорисъ-Меликовъ былъ замѣненъ гр. Николаемъ Игнатьевымъ, бывшимъ передъ турецкой войной посломъ въ Константинополѣ и выдававшимъ себя за приверженца славянофильскихъ идей. Самому Александру III приписывались тоже въ это время нѣкоторыя симпатіи къ славянофильству. Въ обществѣ было извѣстно его нерасположеніе къ нѣмцамъ, а это одно, послѣ берлинскаго конгресса, могло обезпечивать большое сочувствіе въ широкихъ кругахъ русскаго общества, въ которомъ лица, сознательно и прочно приверженныя къ либерализму, составляли въ это время все же весьма небольшую по числу и не особенно вліятельную группу, ряды которой замѣтно порѣдѣли тотчасъ же вслѣдъ за катастрофою 1-го марта. Къ тому же, чтобы не сразу разочаровывать земцевъ, которымъ было обѣщано при Лорисъ-Меликовѣ участіе въ разработкѣ нѣкоторыхъ реформъ, правительствомъ была образована «Кахановская» комиссія (получившая это названіе по имени ея предсѣдателя М. С. Каханова) для выработки проекта преобразованія мѣстнаго управленія, въ которую были направлены и результаты сенаторскихъ ревизій, предпринятыхъ Лорисомъ, и различные проекты о реформированіи мѣст-

ныхъ крестьянскихъ и иныхъ учрежденій, выработанные земствами. Вмѣсто Абазы министромъ финансовъ былъ назначенъ Бунге, ученый экономистъ, извѣстный сторонникъ серьезной податной реформы, тотчасъ же двинувшій въ ходъ вопросы объ учрежденіи крестьянскаго банка, объ уменьшеніи выкупныхъ платежей, объ отмѣнѣ подушной подати и объ учрежденіи фабричной инспекціи. Наконецъ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ были устроены особыя совѣщанія со «свѣдущими лицами», въ число которыхъ были приглашены видные земскіе и городскіе дѣятели разныхъ губерній, а также нѣкоторые землевладѣльцы изъ западныхъ губерній и Царства Польскаго. На обсужденіе этого совѣщанія были предложены два важныхъ вопроса внутренней политики—о переселенческомъ движеніи и о лучшей организаціи питейнаго дѣла. Однако, первые симптомы правительственной реакціи не замедлили сказаться довольно быстро въ отношеніи къ печати, на которую уже при Игнатьевѣ обрушился цѣлый рядъ репрессій. Въ то же время начались первыя попытки Побѣдоносцева подчинить начальныя школы церковному управленію. Новый министръ народнаго просвѣщенія баронъ Николаи сперва далъ очень удачный отпоръ Побѣдоносцеву, но весьма скоро онъ принужденъ былъ подать въ отставку и былъ замѣненъ на все согласнымъ Деляновымъ. Въ это же время очень обострился одинъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ русской жизни—еврейскій. Во многихъ городахъ и мѣстечкахъ Южной и Западной Россіи начались такъ называемые еврейскіе безпорядки, выразившіеся въ массовыхъ избіеніяхъ евреевъ и въ отвратительныхъ погромахъ ихъ жилищъ.

Въ отношеніи усиленія борьбы съ крамолой при гр. Игнатьевѣ было введено въ дѣйствіе положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, которое было издано 14 августа 1881 г.

Однако, опытъ частичнаго примѣненія славянофильскихъ идей, по которымъ «сила власти» должна была принадлежать царю, а «сила мнѣнія»—народу или обществу, былъ признанъ неудовлетворительнымъ, и правительство, душою котораго былъ Побѣдоносцевъ, стало уже въ 1882 г. тяготиться славянофильскими декораціями и скоро опредѣленно предпочло имъ простую идею «сильной власти», пропагандистомъ которой давно уже сдѣлался Катковъ, и проводить которую въ жизнь Александръ III поручилъ единомышленнику Каткова, бывшему министру народнаго просвѣщенія, графу Д. А. Толстому. Игнатьевъ былъ уволенъ въ маѣ 1882 г., и ненавистный всему русскому обществу Толстой назначенъ вмѣсто него министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Съ этого момента курсъ новаго царствованія опредѣлился вполнѣ и остался до конца неизмѣннымъ. Руководящимъ принципомъ всей государственной дѣятельности вновь была признана, какъ при Николаѣ I, формула: «самодержавіе, православіе и народность». При этомъ слѣдуетъ признать, что теперь эта формула, особенно въ отношеніи послѣдней ея части, была проводима съ большей, чѣмъ при Николаѣ, послѣдовательностью въ дѣлахъ внѣшней политики, что не мѣшало, впрочемъ, Каткову и теперь еще оставаться иногда недовольнымъ нѣкоторыми дѣйствіями министра иностранныхъ дѣлъ Гирса, когда тотъ уклонялся, по мнѣнію Каткова, съ пути «истинно-

русскаго» націонализма. Во внутренней политикѣ получили полное господство охранительныя и даже реакціонныя стремленія, поскольку было признано необходимымъ и возможнымъ уничтожить всѣ слѣды либеральныхъ вѣяній и дѣяній шестидесятыхъ годовъ. Конечно, возстановить крѣпостное право не покушались, но въ отношеніи народныхъ массъ руководящимъ принципомъ политики былъ принятъ принципъ всесторонней административной опеки, причемъ дворянство призывалось къ содѣйствію правительству въ осуществленіи этой задачи, но призывалось, конечно, не въ качествѣ какого-либо самостоятельнаго и независимаго отъ высшей бюрократіи сословія, а въ качествѣ испытаннаго слуги Самодержавной власти, вѣрная служба котораго удобно могла быть поощряема различнаго рода матеріальными выгодами. Первая нота въ этомъ направленіи уже рѣшительно прозвучала въ рѣчи, обращенной Александромъ III во время коронаціонныхъ торжествъ къ собраннымъ въ Москвѣ волостнымъ старшинамъ, которымъ было приказано предостеречь крестьянъ отъ всякихъ злонамѣренныхъ слуховъ о какихъ бы то ни было передѣлахъ земли и дополнительныхъ надѣлахъ и указать имъ, чтобы они во всемъ слушались предводителей дворянства. Вскорѣ работы Кахановской комиссіи, работавшей въ теченіе 1882 и 1883 гг. въ сокращенномъ составѣ, въ видѣ подготовительнаго «совѣщанія», въ которомъ преобладало умѣренно-либеральное настроеніе,—подверглись сильнымъ нападкамъ со стороны нѣкоторыхъ вновь приглашенныхъ въ ея составъ членовъ, а затѣмъ были забракованы и переданы, какъ матеріалъ, для дальнѣйшей переработки въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ эта переработка была поручена одному изъ самыхъ рѣзкихъ и принципіальныхъ критиковъ этихъ проектовъ, А. Д. Пазухину, человѣку, одушевленному стремленіемъ, во что бы то ни стало, возстановить въ Россіи прежній сословный строй, поколебленный реформами шестидесятыхъ годовъ. Правда, министерство финансовъ, руководимое Бунге, продолжало въ это время разрабатывать и проводить черезъ государственный совѣтъ законоположенія, направленныя къ подъему незавиднаго матеріальнаго положенія народныхъ массъ, въ родѣ крестьянскаго банка, открытаго въ 1882 г., пониженія выкупныхъ платежей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и отмѣны подушной подати, причемъ, однакоже, для покрытія образовавшагося отсюда дефицита въ доходахъ казны, были введены, въ повышенномъ въ сравненіи съ прежней оброчной податью размѣрѣ, выкупные платежи съ бывшихъ казенныхъ крестьянъ; тѣмъ не менѣе, всѣ эти реформы въ общемъ болѣе или менѣе благопріятныя для крестьянъ, отнюдь не противорѣчили сами по себѣ общему руководящему принципу опеки, а крестьянскій банкъ, при преемникѣ Бунге, Вышнеградскомъ, подвергся такому регулированію своихъ функцій, которое направило всю его дѣятельность въ сторону поддержанія дворянскихъ землевладѣльческихъ интересовъ. Идеи Пазухина, соединившись съ крѣпостническими и реакціонными взглядами Толстаго, привели къ коренному пересмотру административнаго устройства крестьянъ и къ существенной передѣлкѣ земскаго положенія 1864 года.

Руководящими идеями при пересмотрѣ административнаго устройства

крестьянъ явилось, съ одной стороны, стремленіе создать на мѣстахъ крѣпкую и близкую къ народу власть, которая и явилась бы органомъ всеобъемлющей административной опеки, а съ другой стороны, признаніе необходимости обезпечить дворянамъ-помѣщикамъ возможность не только съ выгодою вести свои хозяйства, но и получить въ мѣстной жизни почетное и вліятельное положеніе.

Этому вполнѣ соотвѣтствовало положеніе 13 іюля 1889 г. о земскихъ начальникахъ, явившихся облеченными сильной и произвольной властью опекунами надъ крестьянами и надъ якобы самоуправляющимися крестьянскими обществами и волостями и въ то же время передавшее эту власть именно въ руки помѣстнаго дворянства, причемъ, въ свою очередь, тѣ же земскіе начальники являлись подчиненными губернской административной власти агентами правительства.

При передѣлкѣ земскаго положенія были соблюдены тѣ же принципы: съ одной стороны, была уничтожена та степень самостоятельности и независимости отъ бюрократической власти земскихъ учрежденій, которая обезпечивалась имъ положеніемъ 1864 г., въ качествѣ учрежденій общественныхъ, не входившихъ въ общій строй бюрократическихъ установленій. По положенію 1890 г. земскія управы были введены въ строй мѣстныхъ государственныхъ установленій, а земскія собранія подчинены въ своей дѣятельности строгому контролю губернаторовъ, причемъ безъ утвержденія этихъ послѣднихъ многія постановленія земствъ не могли быть и выполняемы. Съ другой стороны, всесословный строй земскихъ учрежденій былъ замѣненъ строемъ чисто-сословнымъ съ сильнымъ преобладаніемъ дворянскаго, землевладѣльческаго элемента.

Еще ранѣе, въ видахъ поддержанія помѣстнаго дворянства, былъ учрежденъ дворянскій банкъ, причемъ въ манифестѣ, изданномъ въ 1885 г., по случаю столѣтія жалованной грамоты дворянству, было выражено пожеланіе, чтобы россійскіе дворяне и впередъ сохраняли первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности и здравыхъ началъ народнаго образованія. Въ видахъ упроченія положенія дворянъ въ деревняхъ уже въ слѣдующемъ 1886 г. вырабатывается вполнѣ крѣпостническій законъ о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Въ то же время, въ видахъ распространенія опеки надъ крестьянами, издаются весьма стѣснительныя правила о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ и о порядкѣ передѣловъ земель въ крестьянскихъ обществахъ при общинномъ землевладѣніи.

Соотвѣтственно развитію сильной административной власти быстро идетъ впередъ начавшееся еще въ 1866 году ограниченіе сферы дѣйствій суда присяжныхъ и другія измѣненія судебныхъ уставовъ, что особенно усилилось съ замѣной въ 1885 году относительно либеральнаго министра юстиціи Набокова болѣе согласнымъ съ видами тогдашняго правительства Манасеинымъ. Въ 1889 г., съ введеніемъ земскихъ начальниковъ, уничтожаются, по личному желанію императора Александра III, мировые судьи. Наконецъ, въ 1894 г. провозглашается новымъ министромъ Муравьевымъ необходимость всесторонняго пересмотра судебныхъ уставовъ.

Особенно рѣзко уже въ началѣ 80-хъ годовъ сказался реакціонный духъ царствованія въ сферѣ народнаго образованія. Въ отношеніи начальныхъ училищъ министръ просвѣщенія Деляновъ охотно идетъ навстрѣчу идеямъ Побѣдоносцева, и если вопросъ о распространеніи церковно-приходскихъ школъ и о передачѣ всего дѣла начальнаго образованія народа въ вѣдомстве святѣйшаго Синода не разрѣшается въ это время окончательно, то только въ виду недостатка необходимыхъ для этого значительныхъ денежныхъ суммъ, такъ какъ большинство народныхъ школъ содержалось на земскій счетъ, а изъ земствъ лишь немногія соглашались передать свои школы въ духовное вѣдомство. Въ вѣдомство это переходятъ, однакоже, всѣ школы грамоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, за земскими школами установляется строгій и тенденціозный полицейскій надзоръ министерскихъ инспекторовъ народныхъ училищъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается дискреціонное право назначенія и увольненія учителей. Въ отношеніи средней школы вновь укрѣпляется поколебавшаяся-было съ увольненіемъ Толстого въ 1880 году классическая система съ установившимся при ней чисто-полицейскимъ отношеніемъ гимназическаго начальства къ ученикамъ гимназій, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяется та самая попытка ограничить различными мѣрами доступъ въ гимназіи и реальныя училища дѣтямъ низшихъ сословій и недостаточныхъ классовъ общества, которая дѣлалась въ началѣ царствованія Николая I, и которую тогда Кочубей совѣтовалъ, стыдливости ради, облечь въ форму секретнаго распоряженія. Въ отношеніи университетовъ реакціонерамъ удалось, главнымъ образомъ благодаря энергической пропагандѣ Каткова, настоять на уничтоженіи либеральнаго устава 1863 года съ замѣною его новымъ уставомъ 1884 года, причемъ не только университетскіе совѣты были лишены всякой автономіи, а надъ студентами былъ усиленъ полицейскій надзоръ при помощи инспекціи и педелей, но существенно были измѣнены въ тенденціозномъ смыслѣ и самыя программы преподаванія на юридическомъ и филологическомъ факультетахъ.

На ряду съ попытками подчинить церковному вліянію дѣло народнаго образованія, Побѣдоносцевъ организовалъ съ начала еще восьмидесятыхъ годовъ систематическое преслѣдованіе сектантовъ, особенно пашковцевъ, штундистовъ и духоборцевъ, а въ Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ— уніатовъ, формально обращенныхъ въ православіе, но нерѣдко не желавшихъ этому подчиниться. Наконецъ, усилившійся духъ воинствующаго націонализма повелъ къ организаціи разнообразныхъ стѣсненій и преслѣдованій инородцевъ какъ на окраинахъ Россіи, такъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и въ центрѣ. Особенно преслѣдовались при этомъ евреи и поляки-католики,—послѣдніе въ Западномъ краѣ и даже въ самомъ Царствѣ Польскомъ. Евреямъ запрещалось отдавать своихъ дѣтей наравнѣ съ прочими жителями страны въ казенныя учебныя заведенія, и для нихъ былъ установленъ опредѣленный процентъ; въ нѣкоторыя учебныя заведенія ихъ вовсе не принимали. Поляки были сильно ограничены въ правахъ государственной службы въ самой Польшѣ.

Въ арміи на ряду со стремленіемъ улучшить матеріальное положеніе

офицерства, чтобы тѣмъ самымъ укрѣпить въ немъ расположеніе къ существующему правительству и государственному порядку, заботливо насаждался, вмѣстѣ съ тѣмъ, духъ касты, съ особыми въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ законами и правилами жизни (напр., въ вопросахъ чести), причемъ для насажденія этого духа съ юныхъ лѣтъ соотвѣтственно была измѣнена воспитательная система въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ, введенная при Милютинѣ, и военныя гимназіи были преобразованы въ кадетскіе корпуса прежняго типа.

Таковы были общій духъ царствованія и правительственная система, проводившаяся съ замѣчательною послѣдовательностью и стройностью во всѣхъ отрасляхъ управленія и во всѣхъ доступныхъ ея вліянію областяхъ народной жизни.

Съ середины восьмидесятыхъ годовъ правительству Александра III пришлось, однакоже, убѣдиться въ наличности въ ходѣ государственной жизни обстоятельствъ, съ которыми трудно было бороться. Обстоятельства эти заключались въ серьезныхъ финансовыхъ затрудненіяхъ, которыя обусловливались, конечно, прежде всего разстройствомъ народнаго хозяйства и слабымъ развитіемъ національной промышленности. Понимая это, министръ финансовъ Бунге и стремился поднять народное хозяйство прежде всего облегченіемъ положенія крестьянъ, которые видимо разорялись отъ непосильнаго налоговаго бремени, на нихъ лежавшаго. Мѣры, которыя онъ могъ предложить и принять въ рамкахъ существовавшаго строя, были, конечно, какъ мы уже видѣли, далеко недостаточны, чтобы кореннымъ образомъ улучшить сложившееся положеніе. Между тѣмъ государственные финансы не улучшались, и дефициты, увеличивавшіеся изъ году въ годъ, сдѣлались явленіемъ постояннымъ. Не желая прибѣгать для покрытія этихъ дефицитовъ къ выпуску ассигнацій, курсъ которыхъ и безъ того упалъ до 50 коп. за рубль въ 1887 г., министру финансовъ приходилось прибѣгать къ новымъ внѣшнимъ и внутреннимъ займамъ и къ установленію новыхъ налоговъ на такіе предметы первой необходимости, какъ спички и керосинъ, чѣмъ, конечно, трудно было улучшить финансовое положеніе.

Въ 1887 г. Бунге, по собственному побужденію, оставилъ министерство финансовъ, и на его мѣсто былъ назначенъ И. А. Вышнеградскій. Съ этихъ поръ политика министерства финансовъ существенно измѣнилась. Всѣ заботы объ улучшеніи хозяйственнаго положенія страны, о подъемѣ благосостоянія населенія и въ особенности народныхъ массъ—отошли на задній планъ. Главной и непосредственной цѣлью министерства явилось пополненіе государственной казны, скопленіе большихъ денежныхъ запасовъ въ кассахъ государственнаго казначейства и широкое участіе при помощи этихъ запасовъ въ биржевыхъ операціяхъ, съ цѣлью оказать давленіе на иностранный денежный рынокъ и поднять нашъ курсъ. Въ связи съ этимъ русское правительство вступаетъ въ области таможенной политики опредѣленно на путь усиленнаго покровительства «отечественной» фабричной промышленности и въ 1891 г. установляетъ новый таможенный тарифъ, въ которомъ покровительственная система достигаетъ своего апогея. Въ то же время оно начинаетъ прислушиваться къ воплямъ московскихъ фабрикантовъ противъ Лодзи, и

подъ вліяніемъ тѣхъ же воплей пересматриваетъ и фабричное законодательство съ явнымъ стремленіемъ соблюсти лишь выгоды фабрикантовъ, послѣ чего лучшіе фабричные инспектора, вступившіе въ эту должность при Бунге, уходятъ въ отставку. Между крупными фабрикантами и правительствомъ устанавливается полная entente cordiale, и на общественную арену съ большимъ апломбомъ выступаютъ представители новоявленной высшей россійской буржуазіи новаго типа, въ которыхъ черты только-что усвоенной европейской культуры причудливо соединяются съ чисто-азіатскимъ грубымъ высокомѣріемъ. Наконецъ, въ связи съ тѣмъ же стремленіемъ усилить доходъ государственнаго казначейства министерство финансовъ радикально измѣняетъ прежнюю желѣзнодорожную политику, захватывая въ руки казны не только постройку новыхъ желѣзнодорожныхъ линій, но и выкупая ранѣе построенныя различными акціонерными компаніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно вводитъ новое тарифное законодательство, обезпечивающее за правительствомъ право регулированія желѣзнодорожныхъ тарифовъ, и создаетъ для этого особый департаментъ, во главѣ котораго ставитъ новаго финансоваго дѣятеля, С. Ю. Витте. Общее протяженіе желѣзнодорожной сѣти, не превышавшее къ началу царствованія Александра III 22591 версты, достигло къ началу царствованія нынѣ царствующаго Государя Императора—36662 верстъ (въ томъ числѣ 34641 версты нормальной колеи). Въ то же время сѣть желѣзныхъ дорогъ, эксплуатируемыхъ казною, возросла на 19515 верстъ, а сѣть частныхъ дорогъ, несмотря на постройку нѣсколькихъ новыхъ линій, уменьшилась на 7672 версты. Перевозка пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ за время съ 1893 г. увеличилась на 43,37%, а перевозка грузовъ на 91,37%, т.-е. почти удвоилась.

Развитіе крупной «отечественной» промышленности подъ сильнымъ вліяніемъ новой экономической политики, при совершенно истощенномъ внутреннемъ рынкѣ страны вслѣдствіе прогрессирующаго разоренія крестьянства и упадка земледѣлія, выдвигаетъ на очередь вопросъ о внѣшнихъ рынкахъ, въ погонѣ за которыми русское правительство все болѣе и болѣе устремляетъ свои взоры на востокъ, не довольствуясь уже пріобрѣтенными средне-азіатскими рынками. Стремленіе къ открытому морю приводитъ его къ мысли грандіознаго сооруженія сквозной желѣзной дороги черезъ всю Сибирь къ портамъ Тихаго океана.

Это стремленіе русской политики на востокъ ознаменовывается путешествіемъ юнаго наслѣдника престола, будущаго императора Николая II, обогнувшаго моремъ съ юга всю Азію и вернувшагося черезъ Владивостокъ и Сибирь сухимъ путемъ, причемъ во Владивостокѣ онъ лично участвовалъ въ приступѣ къ сооруженію великаго желѣзнодорожнаго пути, постройка котораго была окончательно рѣшена въ это время. Вскорѣ по возвращеніи Наслѣдника Цесаревича изъ этого путешествія былъ образованъ особый комитетъ по постройкѣ Сибирской желѣзной дороги, въ которомъ Наслѣдникъ былъ назначенъ предсѣдателемъ. Но еще раньше ему пришлось предсѣдательствовать въ другомъ Особомъ Комитетѣ, образованномъ по случаю голода, начинавшагося во многихъ губерніяхъ Европейской Россіи, вслѣдствіе полнаго неурожая хлѣбовъ, осенью 1891 г.

Этотъ неурожай и голодъ, охватившій огромное пространство самой плодородной черноземной полосы Россіи, повторившійся и въ слѣдующемъ 1892/93 году, былъ уже достаточно грознымъ предупрежденіемъ, указывавшимъ на глубокое разстройство крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Масса представителей интеллигенціи, въ особенности молодежи обоего пола, бросилась въ провинцію на помощь голодающимъ, и правительство не могло на этотъ разъ, несмотря на опасенія администраціи, запретить и остановить это движеніе. Голодъ 1891—1893 гг. и начавшаяся постройка Сибирской желѣзной дороги, сопровождавшаяся сильнымъ развитіемъ переселенческаго движенія въ Сибирь, были явленіями огромной важности, послѣдствія которыхъ разыгрывались уже послѣ смерти императора Александра III, въ царствованіе нынѣшняго Государя.

4. Тунисъ и Египетъ.

Русскій походъ 1877 года не далъ ни на Балканскомъ полуостровѣ, ни въ центральной Азіи тѣхъ результатовъ, на которые надѣялись. И тутъ, и тамъ помѣхой на пути стояла Англія. Лордъ Биконсфильдъ поставилъ себѣ задачей не допустить усиленія Россіи. Въ то же время онъ значительно увеличилъ мощь Англіи: онъ присоединилъ государства буровъ, подчинилъ Афганистанъ англійскому вліянію, положилъ начало британскому господству въ Египтѣ и пріобрѣлъ Кипръ для британской имперіи. Государства средней Европы оставались при этомъ въ сущности нейтральными и были только косвенно задѣты послѣдствіями войны. Антагонизмъ между Англіей и Россіей сдѣлался опредѣляющимъ факторомъ всей міровой политики. Поэтому смѣна министерства въ Англіи въ 1880 году пріобрѣла значеніе огромной важности.

Успѣшная внѣшняя политика министерства Биконсфильда обременила страну значительными налогами и ухудшила положеніе финансовъ. Такъ какъ въ Англіи обыкновенно то министерство пользуется расположеніемъ народа, которое достигаетъ наилучшаго бюджета, то противъ политики Биконсфильда поднялась рѣзкая оппозиція. Рабочіе, своимъ голосованіемъ въ 1874 году въ значительной степени обусловившіе побѣду консерваторовъ, получили въ силу вышеупомянутыхъ законовъ и объединеніемъ всего фабричнаго законодательства въ Factory and workship act (1878 г.) все, чего они могли ожидать отъ даннаго министерства, а либералы, добивавшіеся власти, обѣщали имъ уменьшеніе налоговъ и расширеніе избирательнаго права. Ирландскаго вопроса Биконсфильдъ, какъ и его предшественники, не могъ разрѣшить. Наоборотъ, борьба принимала здѣсь все болѣе рѣзкія формы. Насилія противъ англійскихъ землевладѣльцевъ и чиновниковъ участились съ тѣхъ поръ, какъ въ 1879 году образовалась Земельная Лига, поставившая себѣ цѣлью изгнать крупныхъ англійскихъ землевладѣльцевъ изъ Ирландіи и раздѣлить ихъ земли среди прежнихъ арендаторовъ. Вождь этой лиги Парнелль совѣтовалъ каждому арендатору, которому владѣлецъ отказалъ въ возобновленіи аренды, сопротивляться и ждать насильственнаго выселенія, чтобы причинить владѣль-

цамъ хлопоты и значительныя издержки. Всѣ члены лиги обязались не брать въ аренду имѣній, откуда былъ изгнанъ прежній арендаторъ [1]). Кромѣ того, увеличилось въ страшныхъ размѣрахъ количество преступленій ирландцевъ противъ англійскихъ помѣщиковъ и ихъ служащихъ.

Оппозиція постоянно упрекала правительство въ томъ, что оно ничего не предпринимаетъ дл рѣшенія ирландскаго вопроса, что оно совершенно безплодно во внутренней политикѣ, а во внѣшней своимъ «стремленіемъ впередъ» ввергаетъ имперію только въ новыя опасности и причиняетъ плательщикамъ налоговъ совершенно лишніе расходы. Биконсфильдъ хотѣлъ убѣдиться, имѣетъ ли онъ на своей сторонѣ большинство населенія, и склонилъ королеву распустить въ мартѣ 1880 года парламентъ. Новые выборы нанесли ему полное пораженіе: 349 либераловъ составили большинство нижней палаты, за ними слѣдовали 235 консерваторовъ и 63 ирландца. Вслѣдствіе этого министерство подало въ отставку, и Гладстонъ снова сталъ во главѣ правительства и остался въ этой роли пять лѣтъ. Недолго спустя Биконсфильдъ умеръ (въ 1882 году).

Внѣшняя политика Англіи послѣ смѣны министерства совершенно измѣнилась. Соотвѣтственно старымъ принципамъ либераловъ, начатая Биконсфильдомъ наступательная политика была повсемѣстно пріостановлена, и воинственные конфликты, хотя бы съ ущербомъ для англійскаго престижа, были по возможности быстро ликвидированы. Мы знаемъ уже, что англичане вскорѣ очистили Афганистанъ, хотя крупные военные авторитеты высказались за постоянную оккупацію, по крайней мѣрѣ, Кандагара.

Еще рѣзче эта перемѣна направленія внѣшней политики сказалась въ южной Африкѣ. Губернаторъ Капской колоніи и верховный комиссаръ южно-африканскихъ колоній Фреръ стремился обединить всѣ южно-африканскія колоніи въ одно союзное государство, подъ гегемоніей Англіи, по образцу сѣверо-американскихъ колоній, и настолько раздвинуть границы южно-африканской британской территоріи, чтобы получилась замкнутая и легко защитимая противъ туземцевъ область. Еще до паденія министерства Биконсфильда Фреръ оккупировалъ Кафрарію, приказалъ занять Китовую бухту, эту единственную удобную гавань на южно-африканскомъ берегу, и послѣ опаснаго возстанія зулусовъ подъ предводительствомъ Цетевайо подчинилъ зулусскую землю британскому верховному владычеству. Но буры упорно противились политикѣ Фрера. Они хотѣли либо независимаго отъ англичанъ союзнаго государства подъ господствомъ голландскихъ элементовъ,—такова была программа основаннаго въ 1880 году союза африкандеровъ,—либо же оставить англичанамъ Капскую область, но зато возстановить полную независимость сѣверныхъ бурскихъ государствъ. Когда на собраніи представителей всѣхъ южно-африканскихъ колоній въ Капштадтѣ планъ Фрера былъ безъ голосованія отвергнутъ, то Гладстонъ, не сочувствовавшій «имперіалистской» политикѣ Фрера,

---

[1]) Послѣ картофельнаго неурожая 1877 г. число выселеній ирландскихъ арендаторовъ крайне возросло: такъ, въ 1878 г. было 1749 изгнаній, въ 1879 г.—2667. *Ред.*

отозвалъ его въ 1880 г. Какъ только ушелъ этотъ энергичный человѣкъ, сейчасъ же поднялось сперва племя базуто, а затѣмъ, пользуясь возникшей неурядицей, и буры Трансвааля. Посланныя противъ нихъ англійскія войска подъ командой генерала Колли потерпѣли три тяжкихъ пораженія, изъ которыхъ самымъ крупнымъ было пораженіе на горѣ Маюба (27 февраля 1881 года). Самъ генералъ и почти всѣ его офицеры пали подъ огнемъ мѣтко попадавшихъ въ цѣль буровъ. Лишь только Гладстонъ убѣдился, что подчиненіе буровъ будетъ стоить много денегъ и жертвъ, онъ отказался отъ этого плана. Онъ заключилъ сперва перемиріе, за которымъ послѣ долгихъ переговоровъ послѣдовалъ миръ въ Преторіи (3 августа 1881 года). Хотя Трансвааль долженъ былъ признать суверенитетъ великобританской короны и подчинить свои внѣшнія сношенія съ иностранными державами контролю Англіи, но во внутреннихъ дѣлахъ онъ получилъ почти полную самостоятельность. Только для законовъ, нормирующихъ положеніе туземцевъ, требовалось согласіе Англіи. На основаніи этого мира управленіе Трансваалемъ снова перешло къ президенту Крюгеру. Національное собраніе буровъ попыталось, утверждая мирный договоръ, внести въ него нѣкоторыя ослабляющія контроль Великобританіи оговорки, но англійское правительство заявило, что оно признаетъ обязательнымъ только первоначальный текстъ договора.

Образъ дѣйствій англійскаго правительства въ Афганистанѣ и южной Африкѣ означалъ отказъ отъ важныхъ позицій, уже занятыхъ при прежнемъ министерствѣ. Однако, для уразумѣнія этой политики необходимо имѣть въ виду, что какъ-разъ въ это время на сѣверо-африканскомъ берегу произошли серьезныя событія, оправдывающія стремленіе Гладстона сконцентрировать всѣ силы имперіи для вмѣшательства въ этомъ именно пунктѣ. Начались эти событія съ того, что французы заняли Тунисъ.

Къ началу XIX вѣка старая колоніальная имперія Франціи въ разгарѣ наполеоновскихъ войнъ совершенно разрушилась. Только съ завоеваніемъ Алжира въ 1830 году было положено начало основанію новой. При Наполеонѣ III господство Франціи распространилось на Сенегамбію и Камбоджу, виды же его на Мексику потерпѣли неудачу. Паденіе Наполеона повело опять къ остановкѣ колоніальнаго роста Франціи. Въ Индо-Китаѣ, впрочемъ, война шла безпрерывно, но тамошніе французскіе представители слабо поддерживались парижскимъ правительствомъ, опасавшимся большой колоніальной войны, чтобы не ослаблять своихъ силъ, нужныхъ для всегда предполагаемаго реванша Германіи.

Главнымъ сторонникомъ энергичной колоніальной политики среди политическихъ дѣятелей третьей республики былъ Ферри, заслуги котораго въ области просвѣщенія намъ уже извѣстны. Онъ поддерживалъ дальнѣйшее движеніе впередъ въ Африкѣ отъ Сенегамбіи на востокъ къ Нигеру и расширеніе Алжира на югъ. Конечно, уже ему приходила мысль, что алжирскіе и сенегамбскіе піонеры должны будутъ когда-либо встрѣтиться въ Тимбукту, и что весь сѣверо-востокъ Африки можетъ быть подчиненъ французскому вліянію. Даже такіе отдаленные планы, какъ обводненіе Сахары, уже тогда возникали.

Но практической цѣлью оставалось все же овладѣть торговыми трактами отъ материковаго берега къ долинѣ Нигера и болѣе плодородными и болѣе плотно населенными областями сѣверной Африки. Торговые пути эти вели, однако, только отчасти чрезъ Алжиръ, лучшіе же и удобнѣйшіе изъ нихъ шли отъ Туниса и Триполи чрезъ Сахару къ Нигеру. По этимъ соображеніямъ французскіе колоніальные политики обратили свое вниманіе прежде всего на Тунисъ. На Берлинскомъ конгрессѣ Франція заручилась согласіемъ Англіи и Германіи на занятіе Туниса. Бисмаркъ, безъ сомнѣнія, умышленно стремился по возможности больше запутать Францію въ колоніальныя предпріятія, чтобы она меньше могла помышлять о реваншѣ. Но такъ какъ и Италія, экономически тѣсно связанная съ Тунисомъ, стремилась къ господству въ этой области, то Франціи нельзя было долго колебаться. Поводомъ къ войнѣ съ Тунисомъ послужили разбойничьи нападенія племени крумиръ на территорію Алжира. Ферри послалъ противъ нихъ военныя суда въ Африку. Иностраннымъ державамъ онъ сообщилъ, что о завладѣніи Тунисомъ онъ не помышляетъ. Едва ли можно сомнѣваться, что это заявленіе было сдѣлано только для того, чтобы удержать отъ вмѣшательства заинтересованныя государства. И это ему вполнѣ удалось.

Несмотря на протесты тунисскаго бея и турецкаго правительства, французы въ концѣ апрѣля 1881 года перешли турецкую границу и заняли всѣ стратегически важные пункты этой страны. Какъ только важнѣйшая гавань Бизерта очутилась въ рукахъ французовъ, былъ сдѣланъ послѣдній шагъ: 12 мая консулъ Рустанъ явился вмѣстѣ съ чрезвычайнымъ уполномоченнымъ французской республики въ Бордо, лѣтнюю резиденцію бея, и прочиталъ ему договоръ, въ силу котораго Франція получила право военной оккупаціи на неопредѣленное время всѣхъ важныхъ пунктовъ страны; въ Тунисѣ долженъ былъ имѣть свое пребываніе французскій резидентъ, чрезъ посредство котораго должны были происходить сношенія бея съ иностранными державами. Франціи предоставлялось совмѣстно съ беемъ реорганизовать финансовое управленіе страны на новыхъ началахъ, а для покрытія издержекъ своей экспедиціи получить особую контрибуцію. Послѣ тщетнаго сопротивленія и безуспѣшнаго протеста бея предъ турецкимъ султаномъ, бей подписалъ договоръ и тѣмъ фактически призналъ верховное господство Франціи. Однако, это явное насиліе противъ магометанскаго государя вызвало негодованіе мусульманскаго населенія въ Алжирѣ. Алжирцы сговорились съ тунисцами, и вскорѣ вся область была охвачена опаснымъ мятежомъ. Возставшіе врывались въ поселки европейцевъ, разрушали все, напоминающее европейскую культуру, и избивали людей. Вскорѣ движеніе приняло столь опасные размѣры, что пришлось отправить въ Африку сильный флотъ и значительное войско подъ командой генерала Сосье. Послѣ тяжелой борьбы Сосье удалось постепенно оттѣснить мятежниковъ въ Сахару и успокоить страну. Занятъ былъ также Тунисъ. Походы эти обошлись въ 89 милліоновъ франковъ. Но общественное мнѣніе Франціи волновалось не столько по поводу этихъ финансовыхъ тяготъ, сколько отъ того, что большая часть французскихъ войскъ теперь надолго заброшена въ Африку и не можетъ быть привлечена въ

случаѣ европейской войны. Нельзя было допустить, чтобы такое положеніе дѣлъ стало постояннымъ. Ферри подвергся въ палатѣ столь рѣзкимъ нападкамъ, что подалъ въ отставку. Во главѣ кабинета сталъ Гамбетта, приверженецъ политики реванша, а вскорѣ его смѣнилъ Фрейсине.

Но такъ какъ Тунисъ уже былъ занятъ, то и послѣдующія правительства не думали отъ него отказаться. Напротивъ того, воспользовались кончиной прежняго бея, чтобы поставить его преемника еще въ бо́льшую зависимость отъ Франціи. Въ силу новаго договора 1883 года ему пришлось уступить Франціи все внутреннее управленіе, включая сюда и взиманіе налоговъ, а также предоставить республикѣ регулированіе государственныхъ долговъ. За это ему было назначено на его личныя нужды ежегодное жалованье. Съ тѣхъ поръ за нимъ оставался только титулъ властелина, страна же его превратилась въ провинцію Франціи.

Такой образъ дѣйствій Франціи вызвалъ, понятно, горячее негодованіе со стороны Италіи, гдѣ твердо разсчитывали на пріобрѣтеніе Туниса. Министерству Кайроли, давшему ввести себя въ заблужденіе заявленіями Франціи, пришлось подать въ отставку. Власть перешла къ враждебному Франціи министерству Депретиса и Криспи. Тщетно Италія старалась заручиться поддержкой Англіи или Германіи. Правительству пришлось убѣдиться, что Италія совершенно изолирована и безъ союза съ какой-либо изъ остальныхъ державъ не сможетъ отстоять своихъ интересовъ. Эти соображенія повели къ сближенію Италіи съ обоими нѣмецкими государствами, выразившемуся сперва въ посѣщеніи королемъ Гумбертомъ Берлина, а затѣмъ заключеніемъ тройственнаго союза въ маѣ 1882 года. Хотя текстъ тройственнаго союзнаго договора до сихъ поръ не опубликованъ, но можно считать несомнѣннымъ, что въ немъ эти три государства гарантировали другъ другу неприкосновенность своихъ европейскихъ владѣній и помощь противъ нападенія другихъ державъ. Во всякомъ случаѣ, и тройственный союзъ имѣлъ чисто-оборонительный характеръ. Онъ былъ сперва заключенъ на пять лѣтъ, но съ тѣхъ поръ постоянно возобновлялся и много способствовалъ сохраненію европейскаго мира въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій.

Распадъ турецкой имперіи, начало которому было положено санъ-стефанскимъ миромъ, не завершился однимъ лишь занятіемъ Туниса французами; въ этотъ же періодъ изъ-подъ власти султана окончательно ускользнулъ и Египетъ.

Англійское выступленіе въ Египтѣ было, какъ мы знаемъ, подготовлено Биконсфильдомъ путемъ скупки акцій Суэцкаго канала и посылкой финансоваго агента къ хедиву. По совѣту этого агента хедивъ Измаилъ издалъ въ 1876 году декретъ, въ силу котораго для обезпеченія правильной уплаты процентовъ и погашенія по займу Суэцкой компаніи учреждалась спеціальная касса. Цѣлый рядъ государственныхъ доходовъ передавался разъ навсегда въ распоряженіе этой кассы. Но европейскіе кредиторы лишь тогда повѣрили въ лойяльное проведеніе этого плана, когда хедивъ согласился подчинить операціи кассы надзору одного французскаго и одного англійскаго финансиста. Создался такъ называемый двойной контроль.

Если мѣры эти довольно хорошо обезпечивали европейскихъ кредиторовъ, зато скоро обнаружилось, что оставшихся государственныхъ доходовъ недостаточно для покрытія расходнаго египетскаго бюджета. И вотъ Англія и Франція склонили хедива уступить государству свои имѣнія и принять въ составъ министерства двухъ европейскихъ чиновниковъ. При этомъ англичанамъ удалось получить важное министерство финансовъ, а Франціи пришлось довольствоваться министерствомъ общественныхъ работъ. Затѣмъ Англія стала настаивать прежде всего на экономіи въ расходахъ на войско и администрацію и на предоставленіи обоимъ европейскимъ министрамъ права veto противъ всѣхъ мѣръ, связанныхъ съ новыми издержками. Требованія эти означали не что иное, какъ подчиненіе египетскаго правительства совмѣстному верховному владычеству Франціи и Англіи. Хедиву Измаилу, кажется, въ особенности непріятно было требованіе объ уменьшеніи количества войска, такъ какъ оно подвергало опасности дальнѣйшее сохраненіе унаслѣдованныхъ отъ предковъ, а также и имъ самимъ завоеванныхъ обширныхъ областей на верховьяхъ Нила и до озера Викторіи. Онъ попытался сопротивляться и самовольно устранить финансовый контроль. Тогда обѣ державы потребовали отъ султана смѣстить хедива. Абдулъ-Гамидъ, нуждавшійся еще для проведенія въ жизнь постановленій Берлинскаго конгресса въ благосклонности державъ, не посмѣлъ ослушаться и 27 сентября 1879 года смѣстилъ Измаила. Хедивъ безпрекословно покинулъ страну. Сынъ его Тевфикъ-паша, слабый и неопытный человѣкъ, призналъ безъ всякой попытки къ сопротивленію требованія державъ. Отнынѣ въ кассу погашенія долговъ должны были поступать всѣ доходы желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа и портовые сборы гавани Александріи; всѣ платежи изъ этой кассы могли дѣлаться лишь съ согласія французскаго и англійскаго наблюдающихъ чиновниковъ. Кромѣ того, была учреждена еще одна международная ликвидаціонная комиссія, въ которую вошли два англичанина, два француза, одинъ нѣмецъ, одинъ австріецъ и одинъ итальянецъ, чтобы наблюдать за постепеннымъ погашеніемъ египетскихъ долговъ. Осуществили также сокращеніе расходовъ. Количество войска было сильно уменьшено, много офицеровъ получили отставку или были переведены на половинные оклады.

Вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Египта вызвало реакцію среди туземнаго населенія. Недовольные отставкой офицеры стали во главѣ движенія и растолковали солдатамъ, что господство чужестранцевъ позорно для египтянъ, что оно угрожаетъ ихъ религіи и отвлекаетъ ихъ деньги въ чужіе карманы. Вскорѣ въ молодомъ, краснорѣчивомъ и способномъ офицерѣ Араби-беѣ движеніе нашло подходящаго вождя. Военныя демонстраціи предъ хедивскимъ дворцомъ въ Каирѣ заставили Тевфикъ-пашу уволить непопулярныхъ министровъ и даже назначить Араби-бея военнымъ министромъ.

Господствовало стремленіе строго ограничить вліяніе Англіи и Франціи исключительно управленіемъ заложенныхъ доходныхъ статей. Съ этой цѣлью было созвано собраніе нотаблей, которому предоставили права парламента, а затѣмъ, ссылаясь на необходимость согласія нотаблей, министры уклоня-

лись отъ всѣхъ требованій европейскихъ державъ. Франція и Англія немедленно заявили протестъ противъ этихъ дѣйствій Араби и увѣрили хедива въ своей готовности поддержать его, если онъ освободится отъ деспотизма Араби-бея и его приверженцевъ,—деспотизма, столь тяжелаго для него самаго. Вслѣдъ за этимъ французская и англійская эскадры стали въ маѣ 1882 года на якорѣ въ гавани Александріи.

Гладстонъ, несомнѣнно, не имѣлъ намѣренія завладѣть Египтомъ: такая политика совершенно противорѣчила бы традиціямъ либеральной партіи. Но онъ засталъ Англію уже втянутой въ египетскій вопросъ и не могъ совсѣмъ отступить, не принося въ жертву существенныхъ интересовъ англійскихъ финансистовъ; кромѣ того, имѣла значеніе и безопасность Суэцкаго канала. Онъ хотѣлъ запугать повстанцевъ, чтобы обезпечить власть хедива и возстановить порядокъ. Поэтому онъ предложилъ сперва европейскимъ державамъ допустить занятіе Египта турецкими войсками, такъ какъ султанъ оффиціально являлся верховнымъ повелителемъ Египта. Франція не согласилась на это. Но и независимо отъ этого, едва ли можно было бы осуществить это предложеніе, такъ какъ султанъ втайнѣ сочувствовалъ возставшимъ и выказалъ Араби различные знаки своего благоволенія. При такихъ обстоятельствахъ предъ Гладстономъ всталъ вопросъ, не является ли необходимымъ ради возстановленія порядка совмѣстное выступленіе Франціи и Англіи. Но и этотъ планъ былъ отвергнутъ Франціей. Издержки тунисской экспедиціи, предстоящая новая борьба въ Индо-Китаѣ и на Мадагаскарѣ, который по плану Ферри также долженъ былъ быть обезпеченнымъ за Франціей, настроили большинство французской палаты противъ дальнѣйшихъ затратъ на заокеанскія предпріятія. Министерство Фрейсине не рѣшилось потребовать отъ палаты, настроеніе которой ему было хорошо извѣстно, ассигнованія новыхъ необходимыхъ кредитовъ.

Пока Франція медлила, не рѣшаясь на серьезныя дѣйствія, а суда обѣихъ державъ праздно стояли у Александріи, въ Александріи вспыхнула вражда мусульманъ противъ европейцевъ. Въ какой мѣрѣ Араби и его друзья участвовали въ этомъ заговорѣ, останется, вѣроятно, навсегда неизвѣстнымъ. Около 50 европейцевъ были убиты александрійской чернью и еще гораздо больше было ранено. Европейскія державы не могли оставить это преступленіе безнаказаннымъ, если не хотѣли утратить всякій престижъ въ Египтѣ. Хедивъ самъ призывалъ ихъ на помощь и бѣжалъ изъ Каира. Араби также поспѣшилъ въ Александрію и началъ подготовлять защиту города противъ ожидаемаго нападенія европейскаго флота.

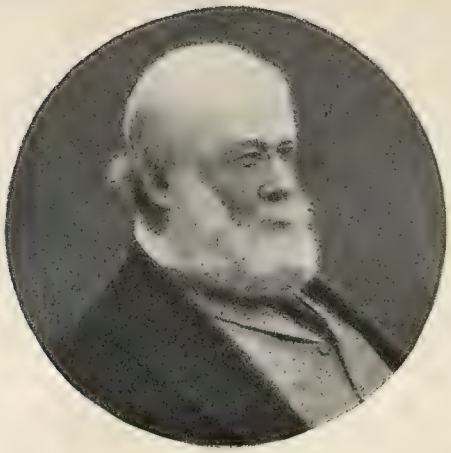
Гладстонъ, получивъ извѣстіе о событіяхъ въ Александріи, приказалъ держать войска наготовѣ и предписалъ адмиралу лорду Сеймуру въ случаѣ нужды бомбардировкой Александріи добиться удовлетворенія. Сеймуръ вступилъ въ переговоры съ Араби: онъ потребовалъ сдачи нѣкоторыхъ фортовъ англійскимъ отрядамъ и угрожалъ обстрѣломъ, если въ теченіе 24-хъ часовъ не получитъ удовлетворительнаго отвѣта. Многіе европейцы, опасаясь новаго взрыва ненависти мусульманъ, бѣжали на суда европейскихъ эскадръ. Когда въ указанный срокъ отвѣта не послѣдовало, адмиралъ началъ въ 7 часовъ

утра 11 іюля 1882 г. бомбардировать Александрію. Въ тотъ моментъ, когда эскадра Сеймура начала бомбардировку города, французскій военачальникъ, не имѣвшій приказа участвовать въ дѣлѣ, повернулъ свои суда и отплылъ въ Средиземное море. Этотъ поступокъ положилъ конецъ французскому вліянію въ Египтѣ.

Послѣ того, какъ крѣпостныя укрѣпленія были разрушены бомбардировкой, вновь прибывшій англійскій главнокомандующій генералъ Вольслей высадилъ свои войска и занялъ городъ. Араби-бей отправился въ Каиръ, дабы отстоять хоть столицу. Такъ какъ онъ ожидалъ нападенія англичанъ со стороны Александріи, то Вольслей рѣшилъ напасть на него съ противоположной стороны. Онъ перевезъ свои войска на судахъ въ Суэцкій каналъ и отсюда пошелъ къ Каиру. Араби попытался перерѣзать ему дорогу, но былъ разбитъ при Тель-эль-Кебирѣ. Каиръ былъ занятъ англичанами, самъ Араби, взятый въ плѣнъ, присужденъ къ смертной казни, но потомъ его помиловали, замѣнивъ смертную казнь пожизненной ссылкой на Цейлонъ. Хедивъ вернулся подъ охраной англійскихъ войскъ въ свою столицу и отнынѣ всецѣло подпалъ подъ вліяніе англичанъ. Финансовый контроль Англія взяла исключительно въ свои руки. Когда Франція протестовала противъ этого и потребовала возстановленія прежняго двойного контроля, то ей въ этомъ рѣшительно отказали. Важнѣйшія должности въ египетской арміи хедивъ долженъ былъ теперь замѣщать англійскими офицерами; кромѣ того, въ странѣ осталась сильная оккупаціонная армія. Такимъ путемъ завершилось фактическое завладѣніе Египтомъ. Впрочемъ, Гладстонъ заявилъ великимъ державамъ, что страна будетъ очищена, какъ только будутъ созданы гарантіи прочнаго нормальнаго въ ней управленія. Но можно было предвидѣть, что этотъ моментъ не такъ скоро наступитъ.

Весь Египетъ былъ охваченъ броженіемъ. И вездѣ ненависть противъ иностранцевъ являлась движущей силою смуты. Если Араби былъ признаннымъ вождемъ на сѣверѣ, то на югѣ во главѣ движенія появился еще гораздо болѣе опасный фанатикъ. Онъ назывался Мохаммедъ-Ахмедъ и выдавалъ себя за ожидаемаго мусульманами новаго пророка и Мессію. Онъ жилъ раньше отшельникомъ на пустынномъ островѣ въ Суданѣ и славился набожностью и святостью. Когда страну охватило враждебное иностранцамъ движеніе, онъ выступилъ въ качествѣ пророка, миссіей котораго являлось изгнаніе неправовѣрныхъ изъ священной области Нила. У него сейчасъ же нашлась масса приверженцевъ въ египетскомъ Суданѣ, и вскорѣ вся область отъ Кордофана и Дарфура оказалась фактически подъ его властью.

Хедивъ вовсе не былъ склоненъ отказаться отъ покоренныхъ его предшественниками областей въ пользу выдававшаго себя за махди Мохаммеда-Ахмеда. Но англичане весьма рѣшительно отговаривали его отъ всякихъ воинственныхъ шаговъ, такъ какъ таковые безнадежно запутали бы финансы страны. Однако, вопреки совѣту англичанъ, хедивъ отправилъ лѣтомъ 1883 г. египетскій отрядъ подъ командой Гикса-паши противъ Мохаммеда-Ахмеда. Отрядъ этотъ подвергся нападенію у Кашгиля и былъ совершенно истребленъ.



Маркизъ САЛИСБЕРИ.

Махди МОХАММЕДЪ-АХМЕДЪ.

Генералъ ГОРДОНЪ.

Герцогъ Коннаутскій въ сраженіи при Тель-эль-Кебирѣ.

Это еще больше запутало положеніе. Англія удовольствовалась тѣмъ, что заняла гавани Краснаго моря, чтобы на всякій случай обезпечить себѣ доступъ внутрь страны, хедиву же она все настойчивѣе совѣтовала отказаться отъ Судана и прекратить войну съ Мохаммедомъ-Ахмедомъ. Когда же хедивъ сталъ замышлять новыя военныя операціи, англичане прибѣгли къ его фактическому смѣщенію: они заставили его назначить во всѣ министерства англійскихъ товарищей министровъ, къ которымъ отнынѣ и перешло дѣйствительное управленіе страною.

Можно вполнѣ понять, что Гладстону послѣ того, какъ его заставили противъ собственнаго желанія занять Египетъ, вовсе не хотѣлось втянуться еще въ новую войну съ махдистами. Вѣдь такимъ путемъ онъ, всегда протестовавшій противъ завоевательной политики, самъ сдѣлался бы однимъ изъ ея поборниковъ. Но, съ другой стороны, нельзя было отрицать, что нравственный долгъ требовалъ защитить многочисленныхъ европейцевъ, поселившихся въ Суданѣ, довѣряя египетскому правительству, а также стаціонирующіе въ Суданѣ гарнизоны отъ истребленія или порабощенія ихъ Мохаммедомъ и дать имъ возможность покинуть страну. Разыскивая средства и подходящихъ людей для осуществленія этой задачи, англійское правительство обратило вниманіе на генерала Гордона, прежняго губернатора Судана. На запросъ министерства онъ изъявилъ готовность отправиться въ Суданъ. Съ самаго начала ему было заявлено, что его задача очистить Суданъ. Поэтому ему и не дали войскъ, а только деньги на дорогу. Но если ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручили также воспрепятствовать возобновленію торговли рабами въ тѣхъ странахъ, то это несомнѣнно уже нѣсколько противорѣчило поставленной ему главной задачѣ. Положеніе еще осложнилось, когда онъ, прибывъ въ Египетъ, былъ назначенъ хедивомъ генералъ-губернаторомъ Судана, причемъ хедивъ поручилъ ему возстановить въ Суданѣ порядокъ. При такихъ довольно несовмѣстимыхъ порученіяхъ предъ Гордономъ вставало искушеніе уклониться отъ хорошо ему извѣстныхъ видовъ англійскаго правительства, и искушеніе это еще усилилось, когда онъ, по прибытіи въ Хартумъ, былъ встрѣченъ мѣстнымъ населеніемъ съ величайшимъ тріумфомъ какъ спаситель. У него не хватило духа сейчасъ же объявить жителямъ, что онъ явился только для того, чтобы вѣрнѣе вывести ихъ изъ страны, и предоставилъ имъ вѣрить, что онъ призванъ защитить Хартумъ противъ Мохаммеда-Ахмеда. Уже въ Суданѣ у Гордона сложилось мнѣніе, что теперь было бы совсѣмъ не трудно побѣдить махди, между тѣмъ какъ потомъ, послѣ отозванія египетскихъ войскъ и упроченія махди въ Хартумѣ, походъ противъ него будетъ гораздо труднѣе. По всѣмъ этимъ соображеніямъ онъ потребовалъ у англійскаго правительства предоставить въ его распоряженіе небольшой отрядъ. Изъ этого требованія министерство усмотрѣло, что Гордонъ преслѣдуетъ тѣ цѣли, которыхъ добивались въ Лондонѣ, и отказало въ какомъ-либо увеличеніи его военныхъ силъ. На постоянныя же настаиванія правительства относительно скорѣйшей очистки Судана Гордонъ возражалъ, что противно его чести покинуть населеніе Хартума, не обезпечивъ ему предварительно безопасности.

Между тѣмъ Мохаммедъ сдѣлалъ всѣ приготовленія для осады и завоеванія Хартума. Въ маѣ 1884 года онъ завоевалъ Берберъ и отрѣзалъ, такимъ образомъ, прямое сообщеніе между Хартумомъ и Египтомъ. Въ послѣдующіе мѣсяцы онъ все болѣе тѣснымъ кольцомъ концентрировалъ свои войска вокругъ Хартума. Когда вѣсть объ этомъ пришла въ Европу, въ Лондонѣ поняли, что ген. Гордонъ и европейцы погибли, если имъ не придутъ на помощь. И вотъ англійскому правительству, какъ непріятно ему это ни было, пришлось рѣшиться послать вспомогательную экспедицію. Во главѣ ея поставили лорда Вольслея. Но приготовленія были настолько сложны, что отправка экспедиціи изъ Вади-Галфы могла начаться лишь въ октябрѣ. Какъ-разъ въ эту осень условія воды въ нильской области были такъ неблагопріятны, что экспедиція лишь очень медленно могла подвигаться впередъ. При такихъ обстоятельствахъ Вольслею не удалось во-время достигнуть Хартума. Когда авангардъ его приблизился къ городу, послѣдній уже палъ. Гордонъ сдѣлалъ все, чтобы держаться до прихода помощи. Но обезсиленный переутомленіемъ и голодомъ гарнизонъ не выдержалъ штурма дервишей 26 января 1885 года. Самъ генералъ Гордонъ, насколько намъ извѣстно, палъ на полѣ брани.

Уже одна невозможность предотвращенія подобной катастрофы была тяжелымъ ударомъ для англійскаго престижа. Сперва въ Лондонѣ намѣревались предпринять большой походъ и отомстить махдистамъ. Но лордъ Вольслей заявилъ, что его войско недостаточно для такой войны, и потребовалъ значительныхъ подкрѣпленій. Тогда Гладстонъ оставилъ мысль о новомъ походѣ и заявилъ въ парламентѣ, что онъ склонилъ хедива отказаться отъ своихъ притязаній на всю область къ югу отъ Вади-Галфы. Такимъ образомъ весь нѣкогда египетскій Суданъ былъ въ дѣйствительности предоставленъ Мохаммеду-Ахмеду.

Самъ Мохаммедъ сдѣлалъ своей резиденціей арабское предмѣстье Хартума Омдерманъ. Европейцы, еще остававшіеся въ Суданѣ, были, поскольку имъ не удалось бѣжать, умерщвлены или проданы въ рабство. Однако, Мохаммедъ недолго могъ наслаждаться властью. Въ іюнѣ 1885 года одна женщина въ Хартумѣ его отравила. Преемникомъ своимъ онъ назначилъ своего помощника Абдуллаха-Тааши, по прозвищу «Халифъ». Онъ воздвигъ надъ гробомъ Мохаммеда въ Омдерманѣ огромную мечеть, которая отнынѣ стала главнымъ мѣстомъ поклоненія для правовѣрныхъ пилигримовъ тѣхъ странъ, и въ теченіе десятилѣтія удержалъ господство въ Суданѣ. Только южная часть нѣкогда египетской территоріи, такъ называемая экваторіальная провинція, еще въ теченіе долгаго времени держалась подъ властью нѣмецкаго изслѣдователя Африки Шнитцера, назначеннаго нѣкогда Гордономъ подъ именемъ Эмина-паши тамошнимъ намѣстникомъ. Но и онъ, конечно, не устоялъ бы противъ натиска сильнѣйшихъ дервишей, если бы его во-время не спасла подоспѣвшая съ востока Африки вспомогательная экспедиція подъ предводительствомъ Стэнли.

Эпизодъ изъ сраженія при Хартумѣ (1875).

Если завоеваніе Туниса французами привело къ сближенію Италіи съ Германіей и Австріей и тѣмъ создало средне-европейскій тройственный союзъ, то занятіе Египта Англіей чрезвычайно обострило отношенія между Франціей и Англіей. Отношенія ихъ ухудшились еще отъ того, что Англія всячески препятствовала Франціи завладѣть Мадагаскаромъ, и что вторженіе англичанъ въ область Нигера грозило разрушить планы французовъ относительно сѣверо-западной Африки. Франція видѣла себя, благодаря всѣмъ этимъ операціямъ, совершенно изолированной. Въ прямой враждѣ съ Англіей, Германіей и Италіей, она менѣе, чѣмъ когда-либо, могла думать объ отомщеніи своей сосѣдкѣ. Въ такомъ положеніи дѣлъ французскіе государственные дѣятели вернулись къ прежде отвергнутой идеѣ союза съ Россіей. Но царь Александръ III обнаруживалъ мало склонности пойти на это. Какъ убѣжденный автократъ, онъ принципіально не симпатизировалъ демократической республикѣ, а назначеніемъ миролюбиво настроеннаго Гирса (весною 1882 года) министромъ иностранныхъ дѣлъ онъ ясно показалъ, что объ активной политикѣ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Европѣ, онъ пока не помышляетъ. Онъ, напротивъ, искалъ сближенія съ тройственнымъ союзомъ, чтобы, пользуясь имъ, возобновить направленную противъ Англіи политику въ центральной Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ январѣ 1884 года русскимъ удалось овладѣть важнымъ узловымъ пунктомъ Мервомъ. Вожди еще независимыхъ туркменовъ согласились на просьбу своего земляка Алиханова, достигшаго на службѣ въ русскомъ войскѣ высокаго положенія, ходатайствовать въ Петербургѣ о принятіи ихъ области въ составъ россійской имперіи. Царь принялъ это предложеніе, и Мервъ былъ занятъ русскими. Такимъ образомъ, Россія сдѣлалась непосредственной пограничной сосѣдкой Афганистана и раздвигала свою территорію на счетъ эмира все далѣе къ югу. Абдурахманъ обратился къ Англіи за помощью. Но Александръ III, не обращая вниманіе на это, приказалъ занять пока спорную область и силою прогнать афганскія войска, которыя хотѣли этому воспрепятствовать. Затѣмъ русскіе начали проводить дальше свою центрально-азіатскую дорогу и тѣмъ еще болѣе усилили свою стратегическую позицію противъ Индіи. Англійское правительство дало всему этому спокойно свершиться и ограничилось однимъ лишь формальнымъ протестомъ.

Русскій государь, конечно, не скрывалъ отъ себя, что его новыя операціи въ центральной Азіи должны раздражать англичанъ, и такъ какъ въ это время стали сказываться новыя осложненія на Балканскомъ полуостровѣ, то онъ счелъ желательнымъ на всякій случай вступить въ соглашеніе съ Австріей и Германіей. Бисмаркъ охотно пошелъ на это, чтобы отнять у Франціи ея послѣдняго возможнаго союзника. И вотъ весною 1884 г., если мы правильно освѣдомлены, состоялся договоръ между тремя имперіями, устанавливавшій, что въ случаѣ войны одной изъ нихъ съ какимъ-либо другимъ государствомъ двѣ остальныя должны соблюдать благожелательный нейтралитетъ, и что при всякомъ конфликтѣ на Балканскомъ полуостровѣ между двумя договаривающимися сторонами слѣдуетъ пользоваться посредничествомъ третьей державы для ула-

женія конфликта. Всѣ три императора обязались, кромѣ того, наблюдать за исполненіемъ берлинскаго трактата и заявили, что будутъ считать актомъ вражды противъ Россіи, если Турція разрѣшитъ чужому флоту войти въ Дарданеллы. Императоры далѣе высказали свое согласіе на соединеніе восточной Румеліи съ Болгаріей, если обстоятельства того потребуютъ, и обязались не занимать своими войсками ни одного изъ балканскихъ государствъ. Этотъ договоръ, заключенный на три года, дѣлалъ Германію третейскимъ судьей между Австріей и Россіей въ балканскихъ вопросахъ и давалъ Россіи увѣренность въ томъ, что въ случаѣ нападенія Англіи, какъ въ 1877 году, она не останется изолированной. При личномъ свиданіи трехъ императоровъ въ Скерневицахъ (въ сентябрѣ 1884 года) договоръ этотъ былъ утвержденъ и ратификованъ.

Еще никогда послѣ 1871 года общее положеніе дѣлъ не было столь благопріятно для Германіи. Благодаря тройственному союзу и союзу трехъ императоровъ ей ни съ какой стороны не угрожала опасность въ то время, какъ Англія враждовала и съ Франціей, и съ Россіей. Бисмаркъ съ обычнымъ мастерствомъ использовалъ эту необыкновенно благопріятную конъюнктуру: за договоромъ съ Россіей непосредственно послѣдовало основаніе первыхъ германскихъ колоній.

5. Возникновеніе германской колоніальной державы.

Уже въ теченіе ряда лѣтъ въ Германіи обнаруживались стремленія пріобрѣсти для имперіи собственныя заокеанскія колоніи. Но Бисмаркъ долго противостоялъ этимъ стремленіямъ и въ 70-хъ годахъ даже отклонилъ предложенія султана Занзибара и буровъ Трансвааля взять ихъ подъ протекторатъ Германіи. Онъ полагалъ, что германская торговля подъ защитой дипломатіи и флота и безъ собственныхъ владѣній будетъ достаточно обезпечена за границей. Но мало-по-малу Бисмаркъ измѣнилъ это убѣжденіе. Сильное увеличеніе народонаселенія Германіи и все возраставшая эмиграція весьма ясно указывали, что германская территорія не даетъ уже достаточныхъ источниковъ пропитанія нарождающимся массамъ. Кромѣ того, все больше и больше выяснялось, что другія великія державы всюду, гдѣ только достигали политическаго господства, оттѣсняли германскую торговлю и германскихъ выходцевъ въ интересахъ своихъ собственныхъ подданныхъ. Такъ поступала Англія на островахъ Фиджи, гдѣ Германія добилась лишь частичнаго возмѣщенія убытковъ своихъ гражданъ. Уже изъ этого Бисмаркъ усмотрѣлъ, что германскіе купцы на Тихомъ океанѣ, гдѣ они на островахъ Самоа, Гаити и Тонга имѣли серьезные интересы, будутъ совершенно побѣждены англійской и французской конкуренціей, если они не получатъ болѣе прочной опоры. Онъ добился отъ повелителя острововъ Тонга въ 1872 году уступки двухъ пунктовъ для стоянки флота, и стаціонировавшія здѣсь военныя суда оказали Германіи значительную услугу: когда англичане и американцы сдѣлали попытку вытѣснить нѣмцевъ и съ острова Самоа, то планъ ихъ потерпѣлъ неудачу, и равноправіе трехъ

націй на Самоа было признано. Энергичное выступленіе Бисмарка по этому поводу подняло престижъ Германіи на Тихомъ океанѣ, и торговля нѣмцевъ возрастала тамъ изъ годъ въ годъ.

Первые планы колоніальной политики имперіи находились въ связи съ этими предпріятіями на Тихомъ океанѣ. Гамбургскій торговый домъ Годфруа, принимавшій особенно большое участіе въ торговлѣ на Самоа, хотѣлъ въ виду финансовыхъ затрудненій превратиться въ акціонерное общество. Дабы предпріятіе путемъ скупки акцій не перешло въ англійскія руки, Бисмаркъ въ 1880 году хлопоталъ о пріобрѣтеніи его германскимъ обществомъ морской торговли, которое подъ видомъ гарантіи процентовъ должно было субсидироваться имперіей. Но соотвѣтствующее предложеніе, сочтенное въ особенности лѣвыми либералами измѣной принципамъ здоровой экономической политики, было отклонено въ рейхстагѣ незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Пренія по поводу этого предложенія заинтересовали большую публику, которая стала слѣдить за колоніальной политикой, и съ тѣхъ поръ этотъ вопросъ не сходилъ съ очереди. Возникло много колоніальныхъ ферейновъ; летучіе листки старались растолковать нѣмецкому народу необходимость собственныхъ колоній, и общественное мнѣніе все больше и больше склонялось къ пріобрѣтенію новыхъ областей.

Осенью 1883 года бременскій купецъ Людерицъ, задумавъ основать поселенія на никому не принадлежавшемъ юго-западномъ африканскомъ побережьѣ, обратился къ Бисмарку съ просьбой взять это предпріятіе подъ покровительство имперіи. Бисмаркъ запросилъ сперва англійское министерство, принадлежатъ ли Англіи верховныя права на эту территорію, а также желаетъ и можетъ ли Англія защитить нѣмецкихъ переселенцевъ, которые пожелаютъ тамъ поселиться. Лордъ Гренвиль, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, отвѣтилъ отрицательно на оба вопроса, но прибавилъ, что Англія считаетъ эту область входящей въ сферу ея интересовъ. Итакъ, Англія, не принимая на себя государственныхъ правъ и обязанностей по отношенію къ той области, не хотѣла, однако, допустить, чтобы другое какое-либо государство завладѣло ею.

Германскій запросъ, за которымъ, какъ предполагали, скрывались колоніальные планы, вызвалъ большое возбужденіе въ южно-африканскихъ владѣніяхъ Англіи: здѣсь были убѣждены, что нѣмцевъ привлекаетъ не побережье юго-западной Африки, мало населенная и неплодородная территорія, а политическія соображенія: желаніе завязать сношенія съ государствами буровъ, чтобы закрыть Англіи путь внутрь Африки. Одновременныя попытки буровъ расширить свою страну до моря и на западъ до пустыни Калахари еще усилили тревогу населенія Капской колоніи. Правительство послѣдней поэтому очень энергично настаивало предъ англійскимъ министерствомъ на оккупаціи юго-западной Африки. Но Гладстонъ требовалъ, чтобы Капская колонія, если ея домогательства будутъ удовлетворены Англіей, приняла, по крайней мѣрѣ, на свой счетъ всѣ расходы, какъ по овладѣнію этой территоріей, такъ и по ея управленію. Чтобы воспрепятствовать пока упроченію Германіи въ этой области, Глад-

стонъ сообщилъ въ Берлинъ, что Англія признаетъ недопустимымъ, чтобы какая-либо иностранная держава овладѣвала территоріей далѣе 18 градуса широты.

Но пока велись переговоры между правительствами метрополіи и Капской колоніи, Бисмаркъ уже принялся за дѣло. Опираясь на оффиціальное заявленіе Англіи, что она не имѣетъ никакихъ правъ на этомъ побережьѣ, и чувствуя себя въ безопасности, благодаря договору съ Россіей, противъ какихъ-либо враждебныхъ дѣйствій со стороны Англіи, онъ 24 апрѣля 1884 г. объявилъ, что Людерицъ и его предпріятія стоятъ подъ защитой германской имперіи. Оффиціальное поднятіе германскаго флага состоялось лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

Однако, Бисмаркъ, рѣшивъ вступить на путь активной колоніальной политики и использовать благопріятный политическій моментъ, не думалъ довольствоваться однимъ лишь этимъ предпріятіемъ. Онъ полагалъ, что слѣдуетъ, какъ это часто дѣлала Англія, собственно колонизаторскую работу предоставить частнымъ обществамъ, обезпечивъ имъ необходимыя административныя права и защиту противъ иноземныхъ нападеній; при этомъ канцлеръ желалъ, чтобы одновременно приступило къ дѣлу по возможности больше такихъ обществъ. Въ февралѣ 1884 года, когда еще шли переговоры съ Англіей, были подготовлены четыре дальнѣйшихъ предпріятія, имѣвшія въ виду Гвинейское побережье, бухту Люціи между Наталемъ и португальскими владѣніями въ юго-восточной Африкѣ, часть восточной Африки отъ Занзибара и еще свободные острова Тихаго океана.

Посланный въ Гвинею въ качествѣ германскаго генеральнаго консула д-ръ Нахтигаль прибылъ сюда первымъ. Въ іюлѣ 1884 года онъ заключилъ въ Камерунѣ и въ области Того оборонительные договоры со многими туземными вождями, самымъ могущественнымъ изъ которыхъ былъ король Белль. И тутъ Англія пыталась помѣшать Германіи завладѣть этой территоріей. Конечно, она имѣла торговые интересы въ этой области, но до сихъ поръ никогда не дѣлала попытки присоединить ее къ Британской имперіи. Теперь же появилось англійское военное судно, чтобы совершить это присоединеніе. Но оно опоздало на нѣсколько дней: надъ Гвинеей уже развѣвался германскій флагъ.

Не такъ счастливо сложились обстоятельства для Германіи въ бухтѣ Люціи. Бухта это была очень важнымъ для Капской колоніи пунктомъ, такъ какъ отсюда берегъ непосредственно велъ къ государствамъ буровъ и врѣзывался въ англійскія колоніи. Германскій купецъ, по имени Эйнвольтъ, уже завязалъ здѣсь переговоры съ туземными вождями, но какъ только въ Капской колоніи объ этомъ узнали, колонисты немедленно обратились къ Англіи, настойчиво требуя скорой помощи. По телеграфному приказу изъ Лондона англійское судно поспѣшило въ бухту Люціи и подняло тамъ англійскій флагъ. Было заявлено, что область эта уже раньше когда-то принадлежала Англіи. По этому поводу также происходили оживленные переговоры между Лондономъ и Берлиномъ. Бисмаркъ, въ концѣ концовъ, отка-

зался отъ бухты Люціи, добившись взамѣнъ ея признанія остальныхъ, сдѣланныхъ Германіей, пріобрѣтеній.

Экспедиція въ восточную Африку съ докторомъ Карломъ Петерсомъ могла только осенью 1884 года отправиться въ путь. Только съ большими трудностями, переодѣвшись рабочими, члены экспедиціи проскользнули мимо британскаго флота, оберегавшаго берегъ. Въ теченіе зимы имъ удалось заключить рядъ договоровъ съ предводителями туземцевъ къ востоку отъ Занзибара. На запросъ англійскаго правительства относительно намѣреній Германіи Бисмаркъ отвѣтилъ, что германская имперія не помышляетъ о протекторатѣ надъ самимъ занзибарскимъ султаномъ, но относительно прочихъ плановъ Германіи въ восточной Африкѣ онъ умолчалъ.

Къ еще большимъ затрудненіямъ привели германскія предпріятія на Тихомъ океанѣ. Цѣлью ихъ была Новая Гвинея, западная половина которой принадлежала голландцамъ, а восточная еще не находилась подъ верховнымъ владычествомъ какого-либо государства. Планы тихоокеанской компаніи были по чьей-то нескромности преждевременно разглашены и вызвали въ Австраліи такое же волненіе, какое нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ наблюдалось въ Капской колоніи. Австралійцы тотчасъ подняли въ Новой Гвинеѣ англійскій флагъ, чтобы обезпечить за собою эту землю и окружающіе меньшіе острова. Но англійское правительство не признало послѣдовавшаго безъ его согласія захвата Новой Гвинеи, не желая отрѣзать себѣ возможности соглашенія съ Германіей. Послѣ довольно рѣзкаго обмѣна нотами между Лондономъ и Берлиномъ, въ концѣ концовъ, сошлись на томъ, чтобы юго-восточный берегъ принадлежалъ Англіи, а сѣверо-восточный—Германіи, къ которой должны были перейти также и окружающія группы острововъ. Въ Австраліи были крайне раздражены такой уступчивостью имперскаго правительства и грозили даже отпаденіемъ отъ метрополіи. Новыя германскія пріобрѣтенія въ Новой Гвинеѣ получили названіе Земли Императора Вильгельма, а группы острововъ назвали архипелагомъ Бисмарка.

Во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ германская имперія постоянно наталкивалась на болѣе или менѣе замаскированное противодѣйствіе со стороны Англіи. Бисмаркъ это предвидѣлъ и, чтобы парализовать это противодѣйствіе, старался создать какъ можно больше затрудненій Англіи во многихъ другихъ мѣстахъ. Какъ-разъ къ тому времени возникъ споръ о господствѣ въ устьяхъ Конго. Основанная за нѣсколько лѣтъ до того въ Брюсселѣ подъ протекторатомъ короля Леопольда компанія Конго вызвала къ жизни на низовьяхъ Конго рядъ поселеній; съ сѣвера Франція проникла изъ своей маленькой колоніи на рѣкѣ Габунѣ до устьевъ Конго, между тѣмъ какъ и португальцы заявляли притязанія на эту область, указывая на то, что устье Конго принадлежитъ къ ихъ западно-африканской области Ангола. Въ этомъ спорѣ англичане стали на сторону своего вассальнаго государства Португаліи и такимъ образомъ пытались косвеннымъ путемъ пріобрѣсти рѣшающее вліяніе на устье важнѣйшей рѣки Средней Африки. Компанія же Конго вступила въ союзъ съ Франціей и условилась, что Франція поддержитъ при-

тязанія компаніи на устье Конго, за что и получитъ преимущественное право покупки въ территоріи компаніи. На самомъ дѣлѣ поселенія компаніи на Конго были бы совершенно обезцѣнены, если бы устье рѣки осталось въ чужихъ рукахъ. Тутъ вмѣшался Бисмаркъ. Вмѣстѣ съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами и Франціей онъ протестовалъ противъ заключенной между Англіей и Португаліей сдѣлки, по которой устье Конго, несмотря на пріобрѣтенія по всему теченію рѣки компаніей отдѣльныхъ земель, должно было находиться въ рукахъ Португаліи, и условился съ Франціей относительно совмѣстныхъ дѣйствій въ вопросѣ о Конго.

Со времени франко-прусской войны это былъ первый случай, когда Франція и Германія боролись рука-объ-руку въ важномъ политическомъ вопросѣ. Англія очутилась вслѣдствіе этого совершенно изолированной и должна была подчиниться требованію о предоставленіи этого вопроса рѣшенію конгресса великихъ державъ. Конгрессъ этотъ, такъ называемая конференція о Конго, состоялся осенью 1884 года подъ предсѣдательствомъ Бисмарка въ Берлинѣ и послѣ долгихъ обсужденій сдѣлалъ рядъ важныхъ постановленій. Всѣмъ націямъ предоставлялась полная свобода торговли на всей территоріи Конго, торговля рабами была воспрещена и была признана суверенная власть компаніи Конго по всей обширной области, включая и устье Конго. Всѣ эти рѣшенія поставлены были подъ гарантію великихъ державъ. Англія воспротивилась самымъ рѣшительнымъ образомъ распространенію международнаго надзора и на бассейнъ Нигера. Этимъ выступленіемъ она достигла того, что исполненіе постановленія относительно провозглашенной конференціей свободы торговли въ области Нигера было предоставлено исключительно обѣимъ, имѣющимъ тамъ владѣнія государствамъ, т.-е. Англіи и Франціи. Затѣмъ конференція постановила, что впредь ни одна изъ европейскихъ державъ не должна пріобрѣтать владѣнія въ Африкѣ, не убѣдившись предварительно путемъ переговоровъ съ остальными державами въ отсутствіи ранѣе заявленныхъ правъ на данныя области.

Другія затрудненія Англія встрѣчала при урегулированіи египетскихъ финансовъ. Англія считала неотложно необходимымъ заключить съ этой цѣлью новый египетскій заемъ, который, однако, могъ состояться лишь съ согласія международной комиссіи погашенія египетскаго государственнаго долга. Франція же, радовавшаяся всякому затрудненію Англіи въ Египтѣ, не хотѣла давать своего согласія на новый заемъ. Бисмаркъ и тутъ сталъ на сторону французовъ, заявивъ, что онъ лишь въ томъ случаѣ согласится на заемъ, если Англія предварительно получитъ согласіе Франціи. При такихъ обстоятельствахъ Англія оказалась въ состояніи осуществить этотъ заемъ, лишь предварительно купивъ согласіе Франціи признаніемъ полнаго нейтралитета Суэцкаго канала.

При явномъ сопротивленіи Англіи колонизаторскимъ предпріятіямъ Германіи послѣдняя нуждалась въ необыкновенно благопріятной міровой конъюнктурѣ и мастерскомъ умѣніи Бисмарка использовать ее, чтобы вообще чего-либо достичь. И въ восточной Африкѣ Англіи въ 1885 году

пришлось признать свершившійся фактъ овладѣнія территоріей Петерсомъ и оставаться совершенно нейтральной, когда царекъ Занзибара, сперва подъ вліяніемъ Лондона протестовавшій, потомъ взялъ обратно свой протестъ, когда Германія прислала пять броненосцевъ.

Основаніе германскихъ колоній и государства Конго послужило въ Африкѣ сигналомъ для дальнѣйшихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній Европы. Теперь всѣмъ колоніальнымъ державамъ стало ясно, что нужно ловить моментъ, если желаешь урвать и себѣ что-либо въ этой области. Прежнее представленіе о томъ, будто Африка не имѣетъ никакой цѣны для европейцевъ, сложившееся послѣ прекращенія работорговли, стало исчезать. Если европейцы лишь въ небольшой части Африки могли жить постоянно, если глубь страны по условіямъ климата и характера почвы лишь съ большимъ трудомъ можно было открыть для европейской торговли, то все же при болѣе близкомъ знакомствѣ съ этой частью свѣта вскорѣ обнаружилось обиліе въ ней важныхъ продуктовъ. Кромѣ слоновой кости, здѣсь было много каучука и камеди, здѣсь можно было также разводить кофейныя и хлопчато-бумажныя плантаціи. Но важнѣе всего было это, разумѣется, открытіе въ 80-ыхъ годахъ обилія золота и драгоцѣнныхъ камней въ почвѣ.

Какъ только нѣмцы заняли юго-западную Африку, англичане приступили къ расширенію своихъ владѣній на югѣ Африки. Еще въ 1884 году Англія присоединила къ своимъ владѣніямъ Бечуаналэндъ, чтобы не допустить непосредственнаго сосѣдства буровъ съ нѣмцами. Затѣмъ, въ періодъ 1884—87 годовъ было оккупировано англичанами все побережье между Наталемъ и португальской бухтой Делагоа, и такимъ образомъ бурамъ былъ совершенно отрѣзанъ доступъ къ Индійскому океану. Западную границу государства Трансвааля также провели теперь такъ, что большой торговый трактъ къ Замбезе очутился въ рукахъ англичанъ. Открытіе обширныхъ золотыхъ розсыпей на югѣ Трансвааля стало съ 1884 г. привлекать въ эту область государства буровъ все большее количество золотоискателей и другихъ европейцевъ. Центромъ этихъ новыхъ поселеній сдѣлался городъ Іоганнесбургъ, съ неимовѣрной быстротой разросшійся по типу современныхъ большихъ городовъ. Открытіе этихъ золотыхъ розсыпей внушило англійскимъ спекулянтамъ въ Африкѣ, среди которыхъ самымъ крупнымъ и смѣлымъ былъ Сесиль Родсъ, надежду, что и въ расположенныхъ къ сѣверу отъ Трансвааля областяхъ Центральной Африки можно найти такія же богатства. Министерство Салисбери выдало Родсу хартію для основанной имъ Британско-южно-африканской компаніи, которой предоставлены были верховныя права и командованіе войсками. Родсъ проникъ прежде всего въ область предводителя кафровъ Лобенгулы и добился отъ него концессій на монополію горнаго промысла въ его странѣ. Планъ Родса состоялъ въ томъ, чтобы постепенно расширить англійскую территорію до большихъ средне-африканскихъ озеръ; такимъ образомъ создалась бы сплошная англійская имперія отъ мыса Доброй Надежды до Каира, которая по проведеніи желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ могла бы оказать очень существенныя услуги Англіи.

Въ сѣверо-западной Африкѣ англійская Нигеръ-компанія проникала съ устьевъ огромнаго Нигера все дальше на сѣверъ и подчинила расположенныя тамъ султанства британскому протекторату. Французы съ большимъ неудовольствіемъ слѣдили за этимъ вторженіемъ англичанъ, потому что и они также стремились расширить свою сенегамбскую колонію до Нигера и создать неразрывную связь между этой колоніей и Алжиромъ и Тунисомъ, съ одной стороны, а съ другой—съ колоніями Габуномъ и Конго.

Въ Восточной Африкѣ договоръ между Англіей и Германіей въ 1886 году установилъ независимость султана Занзибара и признаніе его верховныхъ правъ также на расположенное насупротивъ побережье. Въ задней части этого побережья сферы англійскаго и германскаго вліянія были разграничены демаркаціонной линіей, причемъ округъ Килиманджаро остался за нѣмцами. Въ слѣдующемъ году Британско-восточно-африканское общество получило отъ занзибарскаго султана въ аренду управленіе береговой полосою, расположенной непосредственно у владѣній общества, а Германско-восточно-африканское общество сейчасъ же послѣдовало этому примѣру относительно оставшейся части побережья. Нѣмцамъ пришлось въ своей территоріи преодолѣть большія трудности; въ особенности опасное возстаніе арабскихъ работорговцевъ подъ предводительствомъ Бушири вызвало необходимость трудныхъ и дорого стоющихъ походовъ. Только въ 1889 году майору Висману удалось покорить самаго Бушири и окончательно подавить возстаніе.

На ряду съ Англіей и Германіей выступила здѣсь конкуренткой также и Италія. Послѣ потери Туниса итальянское правительство искало компенсаціи въ побережьи Сомали и положило основаніе своей Эритрейской колоніи. Но цѣлью итальянскаго честолюбія былъ протекторатъ надъ Абессиніей; въ случаѣ успѣха итальянцы надѣялись пріобрѣсти и часть бывшаго египетскаго Судана. Вѣдь Англія опредѣленно заявила, что она предоставляетъ Суданъ самому себѣ, а за собой обезпечиваетъ лишь важнѣйшія гавани. Съ согласія Англіи, итальянцы въ началѣ 1885 года заняли важную гавань Массову, главныя ворота въ Абессинію. Этотъ захватъ впуталъ Италію въ войну съ негусомъ Іоанномъ, стоившую много денегъ и жертвъ. Только благодаря тому, что Абессинія въ то же время подверглась нападенію дервишей съ запада, Италіи удалось временно распространить свое вліяніе на эту страну. Негусъ Іоаннъ былъ убитъ 8 марта 1889 года въ войнѣ съ дервишами, а среди многихъ явившихся претендентовъ на его тронъ одержалъ верхъ поддерживаемый Италіей вице-король Шоа Менеликъ. Въ заключенномъ договорѣ онъ призналъ протекторатъ Италіи въ томъ смыслѣ, что обязался не вести безъ посредства Италіи переговоровъ съ иностранными державами; но какъ только его власть въ странѣ достаточно упрочилась, онъ постарался сбросить съ себя эти оковы.

Колоніальныя предпріятія Германіи произвели въ Европѣ сильное впечатлѣніе. Къ условіямъ, создавшимъ успѣхи Бисмарка, принадлежало, кромѣ тогдашней изолированности Англіи, еще то обстоятельство, что у кормила

правленія въ Лондонѣ стояло во внѣшней политикѣ неискусное правительство. Понятно, что Гладстона въ метрополіи, какъ и въ колоніяхъ, упрекали въ томъ, что онъ вездѣ въ мірѣ приносилъ въ жертву англійскіе интересы. Предъ Германіей онъ отступилъ, бурамъ предоставилъ самоуправленіе, Судана не могъ отстоять, а въ центральную Азію допустилъ русскихъ. Многіе либералы въ Англіи, во внутреннихъ дѣлахъ ярые приверженцы Гладстона, также чувствовали, что подобная политика наноситъ тяжкій ущербъ престижу Англіи въ мірѣ.

Много недовольства вызывала въ промышленныхъ кругахъ также экономическая политика Гладстона. Важнѣйшія континентальныя государства, въ особенности Германія, Франція и Россія, перешли въ послѣдніе годы къ покровительственнымъ пошлинамъ и затруднили ввозъ британскихъ фабрикатовъ въ ихъ страны. Англія же оставалась при абсолютной свободѣ торговли и вслѣдствіе этого была лишена средствъ, отвѣтивъ той же монетой, заставить другія державы понизить ихъ ввозныя пошлины. Это, въ особенности, сказалось во время переговоровъ съ Франціей относительно торговаго договора въ 1881 году. Уже тогда образовался союзъ «National Fair Trade League», требовавшій отказа отъ безусловной свободы торговли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возникла мысль крѣпче связать экономически метрополію съ колоніями и окружить всю огромную территорію міровой британской имперіи единой таможенной границей. Это движеніе еще усилилось, когда въ виду отношенія Гладстона къ колоніальнымъ вопросамъ южная Африка и Австралія обнаружили тенденцію совершенно порвать съ метрополіей. Въ 1884 году образовалось общество «Imperial Federation League», цѣлью котораго было болѣе тѣсное политическое объединеніе отдѣльныхъ частей міровой имперіи. Вожди либеральной партіи также одобряли эти стремленія, совершенно противорѣчившія всей программѣ прежней либеральной политики и воззрѣніямъ Гладстона.

Все возраставшее недовольство внѣшней политикой правительства, пожалуй, можно было-бы смягчить, если бы Гладстонъ и его друзья могли указать на дѣйствительно крупные успѣхи въ политикѣ внутренней. Но этого не было. Въ ирландскомъ вопросѣ Гладстонъ не превзошелъ своихъ предшественниковъ. И ему также пришлось въ борьбѣ съ яростной агитаціей Земельной лиги прибѣгнуть къ военной силѣ: такъ, онъ отправилъ въ Ирландію всѣ имѣвшіяся въ распоряженіи правительства войска и отдалъ главныхъ вождей Земельной лиги подъ судъ, по обвиненію въ подстрекательствѣ къ насиліямъ. Земельная лига отвѣтила на это примѣненіемъ новаго средства борьбы: она воспретила каждому изъ своихъ членовъ вступать въ сношенія съ такими людьми, которые будутъ указаны ею какъ враги ирландскаго народа. Къ землевладѣльцу, попавшему въ этотъ разрядъ, никто не долженъ былъ идти на работу, чтобы убрать его поля или пасти его скотъ, пока онъ не пойдетъ на уступки. Впервые эти мѣры были пущены въ ходъ противъ одного англійскаго лендлорда, по имени Бойкотъ,—отсюда этотъ способъ борьбы получилъ названіе «бойкотированія». Вмѣстѣ съ тѣмъ, ночныя нападенія на землевладѣльцевъ настолько участились, что 105 земельныхъ

лордовъ обратились къ вице-королю съ просьбой защитить ихъ жизнь и собственность, прося въ то же время не оглашать ихъ именъ, такъ какъ это подвергло бы ихъ величайшей личной опасности. И Гладстонъ также прибѣгъ къ помощи исключительныхъ положеній, какъ единственнаго средства противъ агитаціи Земельной лиги. Парнелль и его друзья старались путемъ систематической обструкціи помѣшать обсужденію въ парламентѣ проекта исключительныхъ положеній. Только посредствомъ измѣненія наказа и введенія до сихъ поръ неизвѣстнаго въ Англіи «прекращенія преній» большинству удалось одолѣть обструкцію и принять законъ [1]).

Положительныя мѣропріятія правительства ограничились внесеніемъ новаго земельнаго билля, принятаго парламентомъ въ августѣ 1881 года. Въ силу этого билля судъ долженъ былъ приходить на помощь арендаторамъ въ рѣшеніи вопроса о размѣрѣ арендной платы противъ произвола помѣщиковъ; кромѣ того, увеличивалось право свободно распоряжаться арендуемой землей, и устанавливались государственныя ссуды арендаторамъ. Большой ирландскій національный конвентъ въ Дублинѣ постановилъ, однако, что только безусловное отчужденіе частно-владѣльческихъ земель и полное самоуправленіе Ирландіи способны создать нормальныя условія жизни на островѣ. Когда Парнелль сталъ въ своихъ рѣчахъ постоянно призывать къ борьбѣ съ землевладѣльцами, Гладстонъ приказалъ его и нѣкоторыхъ его друзей арестовать и отправить въ одну изъ англійскихъ тюремъ. Земельная лига отвѣтила на это манифестомъ, въ которомъ призывала всѣхъ ирландцевъ не платить больше аренды и выжидать, что предпримутъ землевладѣльцы. Закрытіе Земельной лиги, къ которому прибѣгло правительство, не привело къ желанному результату, такъ какъ союзъ продолжалъ тайно существовать и попрежнему руководилъ агитаціей.

Такимъ образомъ, либеральное правительство оказалось не въ силахъ сколько-нибудь улучшить положеніе ирландскихъ дѣлъ. И вотъ въ апрѣлѣ 1882 года лордъ Салисбери, стоявшій со времени смерти Биконсфильда во главѣ консерваторовъ, выступилъ съ новой ирландской программой, которая, казалось, была способна привлечь ирландцевъ на сторону консерваторовъ и тѣмъ подорвать либеральное большинство въ парламентѣ. Онъ заявилъ, что цѣлью разумной и реальной политики должно быть созданіе свободнаго ирланд-

---

[1]) Инициатива измѣненія порядка преній принадлежала самому спикеру, который въ отвѣтъ на обструкцію Парнелля заявилъ, что продолжающееся $41^1/_2$ часовъ безъ перерыва засѣданіе палаты общинъ ясно свидѣтельствуетъ, что Парнелль и его товарищи нарочно затягиваютъ пренія, и такъ какъ этимъ наносится оскорбленіе парламенту, то онъ, спикеръ, предлагаетъ прекратить пренія по вопросу о проектѣ исключительныхъ положеній (такъ называемый билль о мѣрахъ принужденія) и приступить къ голосованію. Въ палатѣ раздались громкіе аплодисменты, и предложеніе спикера закрывать пренія, если этого требуетъ не менѣе 200 депутатовъ, было принято огромнымъ большинствомъ голосовъ, хотя многіе считали такое нарушеніе традиціонныхъ обычаевъ парламента крайне опаснымъ прецедентомъ. На ирландцевъ, разумѣется, это парламентское coup d'état произвело ошеломляющее впечатлѣніе. *Ред.*

скаго крестьянскаго сословія; для этого государству слѣдуетъ откупить у всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ Ирландіи за подходящія цѣны ихъ владѣнія и передать ихъ въ собственность ирландскимъ крестьянамъ съ выплатой въ разсрочку покупной суммы. Программа эта, въ значительной степени соотвѣтствовавшая экономическимъ требованіямъ ирландцевъ, могла также удовлетворить и англійскихъ помѣщиковъ; однако, она возлагала на государство большое бремя и уполномачивала его на недопустимое, по мнѣнію либераловъ, вмѣшательство въ частную собственность. Въ виду создавшейся для господствующей партіи опасности, Гладстонъ вступилъ въ сношенія съ ирландскими вождями, сидѣвшими въ кильмангамской тюрьмѣ. Онъ выпустилъ ихъ на свободу, заручившись ихъ обѣщаніемъ употребить все свое вліяніе, чтобы обезпечить безопасность жизни и собственности въ Ирландіи. Съ своей стороны, Гладстонъ обѣщалъ отмѣнить исключительные законы въ Ирландіи и внести новый земельный билль, который долженъ былъ простить всѣ недоимки арендныхъ суммъ.

Мѣра эта привела къ совершенно неожиданнымъ результатамъ. Прежде всего она порвала единство ирландской партіи. Крайніе элементы въ Ирландіи, признававшіе всякія экономическія уступки безъ политической самостоятельности страны не имѣющими никакого значенія, были возмущены обѣщаніемъ Парнелля и его друзей. Чтобы сдѣлать невозможной начатую Парнеллемъ примирительную политику, признанную крайними элементами роковой, послѣдніе совершили новый насильственный актъ: 6 мая 1882 года вице-король и статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи были убиты среди бѣла дня въ публичномъ паркѣ въ Дублинѣ. Хотя Парнелль и другіе депутаты публично выразили свое возмущеніе по поводу этого убійства, однако, правительство въ виду страшнаго возбужденія общественнаго мнѣнія въ Англіи не могло не пустить въ ходъ новыхъ репрессій противъ Ирландіи. Полиціи были предоставлены широкія полномочія по части арестовъ, высылокъ, закрытія собраній и союзовъ, и былъ введенъ особый порядокъ судопроизводства въ Ирландіи. Ирландцы отвѣтили на это новой обструкціей въ палатѣ общинъ, и хотя Гладстонъ внесъ и провелъ обѣщанный имъ земельный билль, сильно понижавшій арендныя недоимки, однако, миръ на прежнихъ основаніяхъ сталъ уже невозможенъ. Сами ирландскіе вожди не были увѣрены въ своей партіи и должны были опасаться утратить все свое вліяніе, если они не приложатъ своихъ силъ для борьбы также и за политическую независимость Ирландіи.

Не блестяще обстояло дѣло также и съ единствомъ господствующей либеральной партіи. Все рѣзче выступали разногласія между старыми либералами съ Гладстономъ во главѣ и радикальнымъ крыломъ, руководимымъ Джозефомъ Чэмберлэномъ. Чэмберлэнъ требовалъ прежде всего энергичной соціальной политики, широкой законодательной охраны труда, полнаго осуществленія самоуправленія, отдѣленія церкви отъ государства и введенія всеобщаго избирательнаго права. Это онъ, Чэмберлэнъ, игралъ главную роль при заключеніи упомянутаго соглашенія Гладстона съ ирландскими вождями, и теперь

онъ угрожалъ отпаденіемъ своей группы, если Гладстонъ не исполнитъ нѣкоторыхъ изъ ихъ главныхъ требованій. Желаніе не допустить раскола либеральной партіи и, послѣ всѣхъ неудачъ, сдѣлать что-либо положительное для страны побудило Гладстона приняться за избирательную реформу. Съ большими трудностями и при противодѣйствіи, въ особенности со стороны верхней палаты, провелъ онъ третью реформу англійскаго избирательнаго права. Въ силу новаго закона сохранилось избирательное право домохозяевъ, но число депутатовъ увеличено до 670, разница въ избирательномъ правѣ между городомъ и деревней была отмѣнена, и было проведено равномѣрное раздѣленіе избирательныхъ участковъ. Конечно, это не было всеобщимъ избирательнымъ правомъ, котораго требовали радикалы, такъ какъ тотъ, кто не располагалъ собственнымъ хозяйствомъ или платилъ за квартиру меньше 10 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, не пользовался избирательнымъ правомъ, а это составляло приблизительно одну треть взрослаго мужского населенія. Тѣмъ не менѣе, законъ 1884—85 года означалъ крупное улучшеніе по сравненію съ избирательнымъ закономъ 1867 года.

Но и этотъ успѣхъ не могъ уже спасти либеральнаго правительства. Возмущеніе по поводу оставленія въ опасности Гордона и отступленіе предъ Россіей весною въ 1885 году заставило бо́льшую часть либераловъ усомниться въ политикѣ своего вождя. Этимъ только и объясняется, что при одномъ, въ сущности незначительномъ, голосованіи по вопросамъ обложенія министерство, вслѣдствіе недостаточной поддержки со стороны собственной партіи, очутилось въ меньшинствѣ. Лѣтомъ 1885 года Гладстонъ подалъ въ отставку, а образованіе новаго кабинета было поручено Салисбери.

Трудность положенія новаго министерства заключалась въ томъ, что оно не располагало настоящимъ большинствомъ въ нижней палатѣ и всетаки не могло распустить парламента, не закончивъ предварительно всѣхъ подготовительныхъ работъ для производства выборовъ на основаніи новаго избирательнаго закона. Несмотря на это, Салисбери принялся съ большой энергіей осуществлять какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ программу, которую онъ отстаивалъ въ качествѣ вождя оппозиціи. Purchase act уполномочивалъ государство прежде всего выдавать ирландскимъ арендаторамъ, которые пожелали бы купить свои участки, необходимую для покупки ссуду. Уплата процентовъ и погашенія была установлена съ такимъ разсчетомъ, чтобы долгъ былъ покрытъ по истеченіи 49 лѣтъ. Во внѣшней политикѣ новое правительство выступило весьма рѣшительно за Афганистанъ противъ Россіи и добилось того, что важный Сульфукарскій проходъ остался въ рукахъ афганцевъ. Столь же энергично дѣйствовалъ Салисбери и въ Индіи, гдѣ онъ воспользовался конфликтомъ съ бирманскимъ королемъ Тибо, чтобы оккупировать и присоединить къ Великобританіи всю его территорію. Но исходъ новыхъ выборовъ помѣшалъ дальнѣйшей дѣятельности кабинета. Выборы, происходившіе въ ноябрѣ 1885 года, привели въ парламентъ 333 либеральныхъ, 251 консервативныхъ и 86 ирландскихъ депутатовъ. Такимъ образомъ, ни одна изъ обѣихъ большихъ партій не распола-

гала самостоятельнымъ большинствомъ; рѣшающаго же положенія въ англійскомъ парламентѣ достигли ирландцы, которые и стали стараться использовать создавшееся положеніе для осуществленія своихъ требованій. Такъ какъ консерваторы, уступая ирландцамъ въ экономическихъ вопросахъ, ни за что не соглашались на политическую самостоятельность Ирландіи, то депутаты послѣдней вступили сперва въ союзъ съ либералами и совмѣстно съ ними выразили кабинету Салисбери сейчасъ же по открытіи парламента вотумъ недовѣрія. Въ силу этого консервативный кабинетъ въ январѣ 1886 г. подалъ въ отставку, а у кормила правленія опять сталъ Гладстонъ.

Теперешняя его правительственная программа отличалась отъ прежней въ двухъ пунктахъ: внѣшнюю политику онъ поручилъ лорду Розбери, примыкавшему къ болѣе молодымъ либераламъ и гораздо ближе стоявшему къ имперіалистскимъ идеямъ, чѣмъ самъ Гладстонъ; что же касается требованій ирландцевъ, то Гладстонъ пошелъ имъ далеко навстрѣчу. Онъ долженъ былъ такъ поступить, ибо стоило только ирландцамъ голосовать противъ него, и онъ остался бы безъ большинства въ нижней палатѣ. Въ апрѣлѣ 1886 года Гладстонъ внесъ два законопроекта: первый предоставлялъ Ирландіи широкое самоуправленіе—ирландскій парламентъ въ Дублинѣ долженъ былъ сдѣлаться рѣшающей инстанціей для большинства чисто-ирландскихъ дѣлъ; второй законопроектъ ассигновалъ 50 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы продолжать въ широкихъ размѣрахъ начатый выкупъ частно-владѣльческихъ земель въ пользу ирландскихъ арендаторовъ. Оба закона находились въ такой взаимной связи, что билль о покупкѣ земли могъ вступить въ силу лишь въ томъ случаѣ, если будетъ принятъ также и билль о гомрулѣ. Этотъ планъ Гладстона противорѣчилъ не только всей прежней политикѣ его собственной партіи, но и несомнѣнно также взглядамъ большинства англійскаго населенія. Радикальное крыло либераловъ съ Чэмберлэномъ во главѣ не соглашалось на гомруль. Собственный ирландскій парламентъ, говорили въ этихъ кругахъ, означаетъ отдѣленіе Ирландіи отъ имперіи; это поведетъ лишь къ тому, что и Шотландія и Уэльсъ потребуютъ и для себя подобныхъ же учрежденій. Чэмберлэнъ съ группой своихъ единомышленниковъ выступилъ изъ министерства Гладстона, какъ только послѣдній внесъ законопроектъ о гомрулѣ. И въ парламентѣ Гладстону также не повезло съ его проектами. Большинствомъ 30 голосовъ гомруль былъ отвергнутъ. Вслѣдъ за этимъ Гладстонъ распустилъ парламентъ и апеллировалъ къ странѣ. Но на новыхъ выборахъ въ іюлѣ 1886 года его партія потерпѣла полное пораженіе: избраны были 191 либералъ противъ 317 консерваторовъ и 75 сторонниковъ Чэмберлэна; послѣдніе оставались либералами, но хотѣли защищать единство имперіи, поэтому они назвали себя либеральными уніонистами. Ирландцы сохранили свои прежнія 86 депутатскихъ мѣстъ. Такъ какъ во вновь избранномъ парламентѣ консерваторы и уніонисты располагали большинствомъ, то Гладстонъ немедленно подалъ въ отставку, и правленіе снова перешло на этотъ разъ—на цѣлыхъ шесть лѣтъ—къ Салисбери. Чэмберлэнъ и его друзья, впрочемъ, отказались вступить въ этотъ кабинетъ, такъ какъ они слишкомъ

расходились съ консерваторами во взглядахъ на внутреннюю политику; однако, въ общемъ они обѣщали министерству свою поддержку. Отнынѣ система мира, во что бы то ни стало, и отступленія предъ каждымъ рѣшительнымъ противникомъ была оставлена, и начата внѣшняя политика въ большомъ масштабѣ, въ духѣ Биконсфильда.

Министерству Салисбери надлежало прежде всего позаботиться о томъ, чтобы вывести Англію изъ прежняго состоянія изолированности и посѣять рознь между континентальными державами. Неурядица на Балканскомъ полуостровѣ послужила ему средствомъ къ этой цѣли. Здѣсь всегда было больное мѣсто Россіи, и его-то съ успѣхомъ коснулась англійская дипломатія. Исходный пунктъ ея былъ теперь, однако, не тотъ, который былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ у лорда Биконсфильда: теперь Англія имѣла въ виду не усиленіе Турціи, что послѣ событій 1878 года представлялось дѣломъ пока совершенно безнадежнымъ, а тѣмъ или инымъ путемъ укрѣпить сдѣлавшіеся самостоятельными балканскіе народы и использовать ихъ недовольство Россіей, чтобы ловкимъ обходнымъ маневромъ ослабить вліяніе Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Теперь должно было обнаружиться, найдетъ ли Россія въ случаѣ новыхъ конфликтовъ съ балканскими государствами поддержку со стороны средне-европейскихъ державъ. Въ противномъ случаѣ слѣдовало ожидать новой вражды между Россіей и этими государствами, которая для Англіи могла быть только выгодной. Возможность и поводъ для такой политики доставилъ неблагоразумный образъ дѣйствій русскаго правительства, стремившагося держать молодыя балканскія государства подъ гнетущей опекой. Въ особенности это замѣчалось въ Болгаріи, гдѣ за спиною номинальнаго правленія князя Александра въ дѣйствительности всѣ важные вопросы рѣшались русскими генералами и чиновниками. Въ виду возраставшаго въ народѣ раздраженія противъ Россіи князь очутился въ затруднительномъ положеніи; и все яснѣе онъ сталъ сознавать, что ему надлежитъ сдѣлать выборъ между необходимостью стать ненавистнымъ своей странѣ намѣстникомъ Россіи или сдѣлаться искренно-національнымъ государемъ и вести опредѣленную анти-русскую политику. Чтобы не потерять благосклонности Россіи, онъ рѣшился на роковой шагъ—отмѣнилъ болгарскую конституцію и испросилъ у царя русскихъ генераловъ, которые должны были установить новые порядки въ странѣ. Ему охотно прислали такихъ трехъ сановниковъ, которые и получили министерства—внутреннихъ дѣлъ, военное и юстиціи. Самымъ извѣстнымъ изъ нихъ былъ генералъ Каульбарсъ, военный министръ. Фактически князь, такимъ образомъ, отказался отъ всякой собственной власти въ дѣлахъ управленія.

Но такая система могла лишь еще болѣе усилить глубокое недовольство въ странѣ. Изъ круговъ національно настроенныхъ болгаръ постоянно предостерегали князя, что рано или поздно ему вмѣстѣ съ русскими придется удалиться изъ страны, если онъ не будетъ считаться съ національными требованіями. Александръ, чувствовавшій унизительность своего положенія и лично

безцеремонно третируемый русскими, согласился, наконецъ, на эти требованія. Уговорившись съ важнѣйшими вождями національной партіи—Каравеловымъ, Цанковымъ и Стамбуловымъ,—онъ осенью 1883 года, не спросивши предварительно русскихъ министровъ, возстановилъ отмѣненную конституцію. Такое необычное проявленіе самостоятельности заставило русскихъ министровъ сложить свои обязанности и побудило императора Александра III вычеркнуть князя изъ списковъ русской арміи и отозвать изъ Болгаріи всѣхъ русскихъ чиновниковъ и офицеровъ.

Величайшее негодованіе болгаръ было вызвано въ 1878 году раздѣленіемъ ихъ страны на два различныхъ государства, на княжество Болгарію и на Восточную Румелію. Ненормальность эту считали лишь временной, подлежащей устраненію при первомъ благопріятномъ случаѣ. Теперь успѣхъ національной партіи въ Болгаріи оказалъ непреодолимое притягательное дѣйствіе на оставшихся турецкими подданными жителей Восточной Румеліи. Въ сентябрѣ 1884 года въ Филиппополѣ произошла безкровная революція; турецкій намѣстникъ, не оказавшій сопротивленія, былъ арестованъ, турки были изгнаны изъ страны, и было объявлено объединеніе Восточной Румеліи съ княжествомъ Болгарскимъ. По совѣту Стамбулова князь Александръ принялъ, послѣ нѣкотораго колебанія, предложенное ему управленіе Восточной Румеліей, что, конечно, являлось явнымъ нарушеніемъ Берлинскаго трактата 1878 года.

Событія эти вызвали со стороны петербургскаго правительства сильнѣйшее негодованіе. Въ Петербургѣ желали и поощряли присоединеніе Восточной Румеліи, пока видѣли въ болгарскомъ князѣ своего послушнаго вассала; но послѣ того, какъ князь Александръ Баттенбергъ, возстановивъ тырновскую конституцію, вступилъ на путь конституціонной и національной политики, русское правительство старалось всячески унижать болгарскаго князя и ставило ему всевозможнаго рода препятствія на пути его стремленій къ упроченію новаго государства. Въ присоединеніи Восточной Румеліи къ Болгаріи русское правительство увидѣло нарушеніе Берлинскаго трактата, которое, во что бы то ни стало, должно было быть немедленно исправлено, и императоръ Александръ III тотчасъ же приказалъ своему послу въ Константинополѣ склонить султана къ вооруженному вмѣшательству. Абдулъ-Гамидъ, повидимому, долго колебался; но затѣмъ англійскому вліянію удалось удержать его отъ насильственныхъ мѣръ. Ибо если вспышка Филиппопольской революціи, насколько намъ извѣстно, англійскимъ правительствомъ прямо и не поощрялась, то послѣ ея удачи Англія не преминула создать изъ нея для Россіи новое затрудненіе [1]). Когда по инициативѣ Россіи въ Константинополѣ собра-

[1]) Прямого вмѣшательства Россіи не хотѣла допустить прежде всего Австрія, которая опасалась, какъ бы Россія своимъ появленіемъ на Балканскомъ полуостровѣ не увеличила своего престижа; Франція отнеслась сочувственно къ присоединенію Румеліи къ Болгаріи, видя въ этомъ торжество національнаго принципа. Англія, не допустившая въ 1878 г. сильнаго болгарскаго княжества, созданнаго по милости Россіи, теперь перестала бояться «большого славянскаго государства», разъ она убѣдилась, что князь Александръ, освободившись изъ-подъ опеки Россіи, ведетъ національную политику, идущую

лась конференція представителей державъ, подписавшихъ Берлинскій трактатъ, для разсмотрѣнія вопроса о филиппопольской революціи, то Англія всячески мѣшала принять какое-либо радикальное рѣшеніе и устроила такъ, что державы, выразивъ протестъ противъ нарушенія трактата, совѣтовали султану сохранять миръ, причемъ Англія старалась растолковать султану, что усиленіе балканскихъ государствъ лучше всего прочаго гарантируетъ его противъ новаго нападенія со стороны Россіи.

Такъ все, казалось, протекало мирно. Вдругъ произошло неожиданное событіе: сербскій король Миланъ, раздраженный увеличеніемъ Болгаріи и вынужденный давленіемъ общественнаго мнѣнія своей страны, объявилъ болгарамъ войну. Греки, въ свою очередь, также пытались начать войну съ Турціей, чтобы расширить свою сѣверную границу. Энергичныя угрозы великихъ державъ заставили грековъ смириться; но сербы перешли въ наступленіе, надѣясь, что болгарское войско послѣ отозванія русскихъ офицеровъ не въ состояніи будетъ сопротивляться. Однако, ихъ разсчеты оказались ошибочными: болгары боролись чрезвычайно храбро, разбили сербовъ у пограничнаго городка Сливницы, преслѣдовали ихъ затѣмъ на ихъ собственной территоріи и взяли Пиротъ. Но, когда болгары хотѣли проникнуть дальше къ сѣверу, властное вмѣшательство Австріи заставило ихъ пойти на перемиріе. Тутъ опять не обошлось безъ Англіи, употребившей свое вліяніе къ мирному улаженію конфликта, и весною 1886 года дѣйствительно удалось возстановить миръ между Сербіей и Болгаріей. Оба государства сохранили свои территоріи и отказались отъ военнаго вознагражденія. Султана также склонили назначеніемъ князя Александра губернаторомъ Восточной Румеліи фактически признать объединеніе обѣихъ частей княжества. Опять Россія потерпѣла пораженіе со стороны Англіи на Балканахъ, и раздраженіе царя по этому поводу выразилось въ томъ, что онъ въ весьма усиленномъ темпѣ ускорилъ завершеніе стратегической желѣзной дороги къ Мерву и, вопреки берлинскому договору, превратилъ Батумъ на Черномъ морѣ въ сильную военную гавань. На протесты Англіи онъ отвѣтилъ, что не считаетъ болѣе берлинскій трактатъ обязательнымъ послѣ того, какъ было допущено его нарушеніе Болгаріей.

Негодованіе русскаго императора Александра III было направлено, главнымъ образомъ, противъ болгарскаго князя Александра. Вскорѣ противъ Александра Баттенберга составился заговоръ, главнымъ образомъ, изъ офицеровъ. Удаливъ подъ вымышленнымъ предлогомъ изъ Софіи вѣрныя князю войска, заговорщики ворвались 21 августа 1886 года во дворецъ и принудили Александра Баттенберга подписать актъ о своемъ отреченіи, при чемъ въ этомъ дѣлѣ, какъ говорятъ, были замѣшаны и русскіе. Немедленно послѣ этого заговорщики ночью же увезли князя изъ Софіи и доставили его на берегъ Дуная, гдѣ Александра уже ждало русское судно. Князя высадили на русской территоріи въ мѣстечкѣ Рени

нерѣдко въ разрѣзъ съ указаніями изъ Петербурга. Что касается отношенія Германіи, то ясно изъ словъ Бисмарка: «Намъ рѣшительно безразлично, что вообще будетъ съ болгарами. Я готовъ повторить заѣзженное выраженіе: Болгарія не стоитъ для насъ костей одного померанскаго гренадера». *Ред.*

(Бессарабской губерніи). Здѣсь его продержали нѣсколько дней подъ арестомъ. Затѣмъ царь разрѣшилъ ему уѣхать, но только на сѣверъ, а не на югъ. Кружнымъ путемъ черезъ Венгрію князю удалось послѣ недѣльнаго отсутствія вернуться обратно въ свою страну.

Тѣмъ временемъ русскіе представители въ Болгаріи тщетно старались запугать національную партію и возстановить деспотическій русскій режимъ. Назначенное русскими временное правительство было вынуждено уйти, а національное собраніе отправило спеціальную депутацію встрѣтить князя и просить его вернуться. Когда Александръ прибылъ въ Софію, онъ былъ встрѣченъ съ большимъ тріумфомъ. Но онъ явился уже не свободнымъ человѣкомъ. По дорогѣ, въ отсутствіе своихъ болгарскихъ министровъ, онъ далъ себя уговорить русскому генеральному консулу въ Рущукѣ и заявить въ телеграммѣ царю, что онъ останется въ Болгаріи только съ согласія русскаго императора [1]. Повидимому, ему внушили надежду, что такой шагъ расположитъ царя въ его пользу. Вмѣсто этого немедленно пришелъ отвѣтъ изъ Петербурга, гласившій, что императоръ не считаетъ спокойствіе въ Болгаріи обезпеченнымъ, пока тамъ будетъ князь Александръ. Въ силу даннаго слова князь счелъ для себя обязательнымъ безпрекословно осуществить свое отреченіе. Несмотря на всѣ просьбы болгарскихъ министровъ, онъ настоялъ на своемъ рѣшеніи и въ началѣ сентября уѣхалъ въ Германію.

Когда объ этомъ узнали въ Петербургѣ, сейчасъ же явился въ Софію въ качествѣ представителя царя генералъ Каульбарсъ и потребовалъ немедленнаго освобожденія всѣхъ арестованныхъ за союзъ съ Россіей, а также отсрочки назначенныхъ министерствомъ выборовъ въ народное собраніе, которое должно было провозгласить новаго князя. Но, не взирая на всѣ угрозы, Стамбуловъ настойчиво требовалъ немедленнаго созыва собранія. Стамбуловъ, одинъ изъ трехъ членовъ регентства, понималъ, что ни Англія, ни Австрія не допустятъ вооруженнаго вмѣшательства Россіи во внутреннія болгарскія дѣла, и, будучи по своимъ убѣжденіямъ крайнимъ руссофобомъ, дѣйствовалъ очень энергично противъ сторонниковъ русской политики. Огромное большинство страны, впрочемъ, раздѣляло въ этомъ отношеніи взгляды Стамбулова, что нагляднымъ образомъ выразилось на соотношеніи силъ различныхъ партій въ первомъ народномъ собраніи послѣ отреченія отъ престола князя Александра. Такъ, среди 500 членовъ парламента насчитывалось только 30 сторонниковъ Россіи. Собраніе избрало сперва единогласно княземъ Болгаріи датскаго принца Вольдемара, сына датскаго короля, но Александръ III посовѣтовалъ принцу, своему близкому родственнику, отказаться отъ предло-

---

[1]) Телеграмма заканчивалась слѣдующими унизительными для достоинства главы государства словами: «La Russie m'a donné la couronne, c'est entre les mains de son souverain que je suis prêt à la remettre». Болгарскіе націоналисты тѣмъ болѣе могли упрекать Баттенберга за эти слова, что они искажали историческія событія: не Россія назначила Александра болгарскимъ княземъ,—его избрало на княжескій престолъ великое народное собраніе въ Тырновѣ. *Ред.*

женной короны: Вольдемаръ повиновался слову русскаго императора, такъ какъ ни для кого не было тайной, что Россія не признаетъ его болгарскимъ княземъ. Повидимому, русское правительство имѣло въ виду провести на тронъ Болгаріи всецѣло зависимаго отъ него какого-либо незначительнаго кавказскаго князя. Между тѣмъ русскіе агенты устраивали заговоры, одинъ за другимъ, противъ болгарскихъ министровъ. Крупнѣйшій изъ этихъ заговоровъ былъ въ началѣ 1887 года приведенъ въ исполненіе въ Рущукѣ. Но возмущеніе было подавлено, и девять болгарскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ немъ, были арестованы и преданы военному суду. Такъ какъ Россія отозвала изъ Болгаріи всѣхъ своихъ оффиціальныхъ представителей, то защита русскихъ интересовъ перешла къ германскимъ консуламъ. И вотъ царь потребовалъ отъ Германіи не допустить казни осужденныхъ за заговоръ офицеровъ. Но Бисмаркъ не считалъ себя въ правѣ вмѣшаться въ судебный процессъ чужого государства и не хотѣлъ впутать Германію въ болгарскія дѣла, которыя не могли имѣть никакого для нея значенія. Онъ не принялъ никакихъ мѣръ противъ постановленія военнаго суда о казни всѣхъ офицеровъ. Подобно тому, какъ въ 1878 году Александръ II, такъ теперь императоръ Александръ III, убѣдился, что въ рѣшительную минуту Германія не приходитъ на помощь, началъ явно отдаляться отъ Бисмарка и искать другого союзника. Франція представлялась ему наиболѣе подходящей въ качествѣ союзника. Въ это время какъ-разъ во Франціи анти-германская партія реванша стала у кормила правленія.

Мы уже видѣли, что послѣ того, какъ во Франціи укрѣпилась республика, два направленія вели между собою въ ней ожесточенную борьбу. Одно изъ нихъ считало главной задачей подготовленіе Франціи для войны съ Германіей, чтобы отомстить ей за войну 1870 и 1871 гг. Оно было представлено такъ называемой лигой патріотовъ, во главѣ которой стоялъ Деруледъ. Другая партія искала компенсаціи за Эльзасъ-Лотарингію не въ Европѣ, а въ расширеніи французской колоніальной имперіи. Главнымъ вождемъ этой партіи былъ Ферри, которому и удались крупныя пріобрѣтенія въ Тунисѣ, въ Индо-Китаѣ и въ области рѣки Нигера. Но расходы по этой колоніальной политикѣ были чрезвычайно велики, въ особенности много денегъ поглотили походы 1883—1885 годовъ въ Индо-Китаѣ, которые велись отчасти противъ императора Аннама, отчасти противъ Китая. Хотя они окончились побѣдою Франціи—императоръ Аннама долженъ былъ признать гегемонію французской республики, а Китай—отказаться отъ своихъ верховныхъ правъ на Индо-Китайскомъ полуостровѣ, но случайныя пораженія, а также каждое новое требованіе денегъ для этой политики постоянно вызывали страшную бурю со стороны оппозиціи. А тутъ же лѣтомъ 1885 года была проведена во Франціи реформа избирательной системы, замѣнившая прежніе выборы по округамъ (arrondissement) выборами по спискамъ (scrutin de liste). Эта замѣна одной системы выборовъ другой привела къ неожиданному результату: было избрано большое количество монархистовъ и клерикаловъ.

Монархисты такъ же сильно настаивали на войнѣ съ Германіей, какъ и радикальная крайняя лѣвая часть палаты. Общая идея реванша соединяла эти столь различныя по своимъ воззрѣніямъ группы въ неестественный союзъ противъ умѣреннаго министерства. Сперва Ферри, потомъ Бриссонъ должны были отступить предъ объединившимися оппозиціонными элементами справа и слѣва, и въ началѣ 1886 года во главѣ новаго министерства сталъ Фрейсине, который стремился объединить умѣренныхъ и радикальныхъ республиканцевъ, въ виду чего ему пришлось до извѣстной степени включить въ свою программу идею реванша. Представителемъ этой идеи явился военный министръ кабинета Фрейсине, генералъ Буланже. Буланже долгое время пользовался огромной популярностью и, пожалуй, могъ бы достичь извѣстнаго рода диктатуры, если бы онъ былъ подходящимъ для этого человѣкомъ. Но оказалось, что его противники, называвшіе его бутафорскимъ героемъ, были правы: тамъ, гдѣ приходилось дѣйствовать, Буланже совершенно терялся и ничего не предпринималъ. Тѣмъ не менѣе, существовала опасность, что такому честолюбивому и популярному человѣку можетъ удасться вовлечь Францію въ политику активной вражды противъ Германіи. Усиленіе французской арміи, принятіе закона о шпіонствѣ, увеличеніе количества войскъ на германской границѣ должны были питать подобныя подозрѣнія, а органы лиги патріотовъ открыто требовали войны. Ея вождь Деруледъ посѣтилъ въ 1886 году Россію и безпрепятственно произносилъ тамъ рѣчи относительно необходимости совмѣстной борьбы французовъ и русскихъ противъ Германіи.

Это усиленіе шовинизма во Франціи, принявшее рѣзко анти-германскій характеръ, совпало съ выше отмѣченнымъ раздраженіемъ русскаго императора Александра III по поводу поведенія Германіи въ Балканскихъ вопросахъ. Говорятъ, что уже въ концѣ 1886 года Россія и Франція дѣлали тщетныя попытки оторвать Италію отъ тройственнаго союза и привлечь ее на свою сторону. Бисмаркъ съ величайшей тревогой слѣдилъ за этими событіями и счелъ необходимымъ готовиться къ сопротивленію. Поздней осенью 1886 года въ рейхстагъ былъ внесенъ новый законъ объ арміи, въ силу котораго наличный составъ ея долженъ былъ впредь еще на 7 лѣтъ увеличиться на 41000 человѣкъ. Когда рейхстагъ отклонилъ этотъ законъ, такъ какъ центръ соглашался допустить такое увеличеніе лишь на три года, то парламентъ былъ распущенъ, а новые выборы дали большинство изъ консерваторовъ и націоналъ-либераловъ, которое 11 марта 1887 года удовлетворило требованіе правительства. Хотя Бисмаркъ нѣсколько разъ завѣрялъ въ рейхстагѣ, что Германія готовится лишь къ оборонѣ, въ Россіи все-таки усмотрѣли въ этомъ законѣ угрозы сосѣдямъ. Когда между обѣими державами еще шли переговоры по этому поводу, оффиціозная русская газета предупреждала Германію не предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій противъ Франціи, открыто заявивъ, что Россія не потерпитъ дальнѣйшаго ослабленія Франціи.

Натянутость отношеній между Франціей и Германіей достигла кульми-

національнаго пункта изъ-за совершенно незначительнаго эпизода. Въ апрѣлѣ 1887 г. на германской территоріи былъ арестованъ французскій пограничный комиссаръ Шнебеле, извѣстный сторонникъ лиги патріотовъ, прибывшій по приглашенію германскаго чиновника для переговоровъ. Сейчасъ же французская пресса заявила, что арестъ былъ произведенъ путемъ незаконнаго вторженія на французскую территорію, и въ совѣтѣ министровъ обсуждалось уже объявленіе войны Германіи. Президентъ Греви и министръ иностранныхъ дѣлъ Флурансъ лишь съ трудомъ добились рѣшенія вступить предварительно въ переговоры, которые очень скоро привели къ цѣли: Шнебеле былъ выпущенъ на свободу, какъ только выяснилось, что онъ дѣйствительно по германскому приглашенію перешелъ черезъ границу. Буланже потерпѣлъ въ этомъ вопросѣ пораженіе въ министерствѣ, а опасность близкой войны отрезвила многихъ французовъ. Когда министерство Фрейсине было свергнуто, и во главѣ правительства сталъ Рувье, Буланже былъ переведенъ командиромъ армейскаго корпуса въ провинцію. На томъ пока кончилось его политическое вліяніе. Но эта быстрая смѣна министерства послужила для царя признакомъ того, что нельзя разсчитывать на прочное правительство въ Парижѣ, и что было бы поэтому опаснымъ связывать будущность Россіи съ судьбою Франціи. Вождь партіи, считавшей необходимымъ итти рука-объ-руку съ Франціей, извѣстный публицистъ М. Н. Катковъ (который, впрочемъ, незадолго передъ тѣмъ былъ врагомъ всякаго сближенія съ Франціей), впалъ въ немилость, и Александръ III сталъ снова искать путей для сближенія съ средне-европейскими державами.

Задача эта осложнялась ходомъ болгарскихъ дѣлъ. Великое собраніе въ іюнѣ избрало княземъ болгарскимъ принца Фердинанда Кобургскаго-Когари. Русское правительство протестовало противъ этого. Но Фердинандъ на собственный рискъ прибылъ въ Болгарію, встрѣтивъ тамъ почти всеобщія симпатіи. Вскорѣ онъ здѣсь упрочился, хотя въ теченіе ближайшихъ лѣтъ ни султанъ, ни державы, подписавшія берлинскій трактатъ, не хотѣли его признать [1]). Отнюдь не невѣроятно, что Бисмаркъ или германское правительство принимали извѣстное участіе въ этомъ избраніи или въ образѣ дѣйствій князя Фердинанда. Во всякомъ случаѣ, съ анти-германской стороны не безъ успѣха старались увѣрить въ этомъ царя. Въ руки Александра III попали подложныя письма, которыя должны были доказать такой образъ дѣйствій Германіи.

---

[1]) Однако, болгарское правительство хорошо было освѣдомлено, что, несмотря на протесты противъ нарушенія берлинскаго трактата, Англія, Германія, Австрія, Франція и Испанія сочувственно относились къ избранію болгарскимъ княземъ Фердинанда; была, дѣйствительно, недовольна одна лишь Россія, которая въ февралѣ 1888 г. старалась склонить султана начать военныя дѣйствія противъ Фердинанда; эти совѣты Россіи поддерживались отчасти съ внѣшней стороны и Германіей, недавно заключившей съ Россіей «договоръ о взаимномъ перестрахованіи» и желавшей доказать ей, что она готова поддержать русскую политику на Балканахъ. Султанъ, однако, медлилъ своимъ отвѣтомъ Россіи, и когда послѣдняя предложила отправить въ Софію турецкаго комиссара и русскаго генерала въ качествѣ регентовъ, то, по иниціативѣ Италіи, всѣ державы рѣзко отклонили русское предложеніе. *Ред.*

Въ силу этого положеніе дѣлъ осенью 1887 года снова стало опаснымъ. Только возобновленіе тройственнаго союза, горячо поддерживаемаго итальянскимъ министромъ Криспи, котораго Бисмаркъ лично посѣтилъ въ Варцинѣ, и личные переговоры Бисмарка съ русскимъ императоромъ, раскрывшіе подлогъ вышеназванныхъ писемъ, снова внесли успокоеніе. Бисмарку удалось тогда заключить новый договоръ между германской имперіей и Россіей. Срокъ заключеннаго въ 1884 году «договора трехъ императоровъ» истекъ осенью 1887 года. Теперь Бисмаркъ условился съ царемъ, что каждое изъ обоихъ государствъ обязуется придти на помощь другому въ случаѣ нападенія на него со стороны Австріи. Это былъ такъ называемый «договоръ о взаимномъ перестрахованіи», навлекшій на Бисмарка столько рѣзкихъ нареканій, когда послѣ отставки перваго имперскаго канцлера стало извѣстно содержаніе этого договора. Однако, въ немъ нельзя усмотрѣть нарушенія ни текста, ни духа тройственнаго союза, такъ какъ послѣдній вовсе не сулилъ Австріи поддержки или нейтралитета со стороны Германіи въ случаѣ, если она сама предприметъ наступательную войну. Договоръ о перестрахованіи долженъ былъ, очевидно, служить лишь средствомъ обезпеченія мира между Россіей и Австріей, такъ какъ каждая изъ этихъ державъ должна была знать напередъ, что наступающая изъ нихъ будетъ имѣть Германію на сторонѣ своихъ противниковъ. Договоръ этотъ былъ заключенъ на три года и былъ, слѣдовательно, въ силѣ до 1890 года.

До сихъ поръ еще не совсѣмъ выяснилось, какія причины вызвали весною 1888 года снова недоразумѣнія между Германіей и Россіей? Русскіе концентрировали на своей западной границѣ огромное войско, великій князь Николай проѣздомъ во Францію и Англію произносилъ воинственныя рѣчи, и положеніе стало настолько серьезнымъ, что Бисмаркъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ новымъ мѣрамъ. Онъ предложилъ удлиненіе срока пребыванія въ ополченіи до 39 лѣтъ, чтобы еще больше усилить оборону страны, и опубликовалъ теперь, съ согласія вѣнскаго правительства, текстъ германско-австрійскаго союза 1879 года, который былъ направленъ противъ Россіи. Въ своей послѣдней большой парламентской рѣчи, произнесенной 6 февраля 1888 года, Бисмаркъ грозилъ сосѣдямъ взрывомъ «furoris teutonici» (тевтонскаго гнѣва), если кто-либо изъ нихъ осмѣлится напасть на Германію. Законъ объ ополченіи былъ принятъ, и миръ не былъ никѣмъ нарушенъ.

Во Франціи событія эти привели къ тому, что радикализмъ и партію реванша опять нѣсколько оттѣснили на задній планъ. Какъ-разъ въ это время послѣдовали непріятныя разоблаченія относительно господствующей во французскихъ правительственныхъ и парламентскихъ кругахъ деморализаціи. Процессъ Вильсона, зятя президента республики Греви, относительно мошенничествъ съ раздачей орденовъ и титуловъ и панамскій скандалъ доказали, что многіе политическіе дѣятели продажны. Буланже счелъ возможнымъ использовать ситуацію, чтобы вернуть себѣ прежнее вліяніе. Но рѣзкое и въ его теперешнемъ положеніи обыкновеннаго командира безтактное выступленіе противъ правительства привело лишь къ тому, что онъ былъ смѣщенъ и преданъ военному суду,

приговорившему его къ увольненію отъ службы. Но это только еще подняло шансы генерала: озлобленныя противъ правительства и парламента массы ухватились за Буланже, въ которомъ онѣ усмотрѣли мученика; создался планъ выставить его на ближайшихъ парламентскихъ выборахъ кандидатомъ во всѣхъ округахъ, устроивъ, такимъ образомъ, своего рода плебисцитъ о немъ. Буланже, повидимому, тогда дѣйствительно помышлялъ о государственномъ переворотѣ, но онъ имѣлъ неосторожность принять помощь враговъ существующаго республиканскаго режима, войдя въ политическіе переговоры съ сторонниками графа Парижскаго. Правительство узнало объ этомъ и привлекло его къ суду. Въ то же время отмѣна выборовъ по спискамъ (scrutin de liste) и введеніе снова системы выборовъ по округамъ лишили сторонниковъ Буланже возможности осуществить задуманный ими маневръ). Буланже не рѣшился явиться на судъ и бѣжалъ въ Бельгію. Тѣмъ самымъ дѣло его было проиграно. Онъ прожилъ еще два года и, въ концѣ концовъ, изъ-за любовной исторіи покончилъ самоубійствомъ. Но въ политическомъ отношеніи онъ былъ мертвъ уже со времени своего бѣгства. Несмотря, однако, на пораженіе партіи реванша, во Франціи сочли необходимымъ увеличить по примѣру Германіи численность арміи и удлинить по закону, принятому лѣтомъ 1889 года, продолжительность военной службы.

Грозившая въ 1887 году опасность войны имѣла еще другое немаловажное послѣдствіе. Въ періодъ назрѣвавшаго конфликта Бисмаркъ неоднократно предостерегалъ германскихъ капиталистовъ не помѣщать своихъ денегъ въ Россіи. И, дѣйствительно, германскій капиталъ сталъ очень воздерживаться отъ удовлетворенія постоянныхъ денежныхъ нуждъ Россіи. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался ловкій французскій финансистъ, по имени Госкье, чтобы создать сближеніе между Россіей и Франціей сперва на почвѣ заемныхъ операцій. Осенью 1888 года онъ предложилъ петербургскому правительству устроить во Франціи заемъ въ 500 милліоновъ франковъ по дешевому проценту (4% годовыхъ), съ помощью которыхъ можно было бы, главнымъ образомъ, погасить 5% германскій заемъ. Въ Петербугѣ приняли это предложеніе, и заемъ состоялся. Съ тѣхъ поръ французскія деньги безпрерывнымъ потокомъ устремились въ Россію. Въ теченіе приблизительно шести лѣтъ Россія задолжала Франціи около 6000 милліоновъ. Только съ помощью этихъ французскихъ денегъ Россія сумѣла предпринять дальнѣйшее устройство своей арміи, флота и своихъ стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій. Хотя въ то время политическаго сближенія между Россіей и Франціей еще не было, но тѣсная экономическая связь облегчала и подготовляла соглашеніе и по политическимъ вопросамъ.

6. Отставка Бисмарка и ея послѣдствія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что положеніе Германіи со времени пріобрѣтенія ею колоній ухудшилось. Союзъ съ Россіей прекратился, отношенія къ

Франціи и Англіи сдѣлались болѣе натянутыми, и хотя тройственный союзъ продолжалъ еще существовать, но и въ связанныхъ союзомъ странахъ имѣлись сильныя теченія противъ его продолженія. Ирредентисты въ Италіи, главною цѣлью которыхъ было возвращеніе южнаго Тироля и Тріеста, видѣли въ Австріи природнаго врага. Радикальное младочешское движеніе съ величайшимъ ожесточеніемъ боролось противъ нѣмцевъ и считало русскаго императора естественнымъ покровителемъ всѣхъ славянъ. Конечно, всѣ эти явленія произошли отнюдь не по винѣ германскаго правительства, и мы видѣли, что Бисмаркъ дѣлалъ всякаго рода усилія, чтобы и при измѣнившихся обстоятельствахъ сохранить миръ и соблюсти интересы Германіи. Но по мѣрѣ того, какъ Германія все въ большей степени была предоставлена самой себѣ, тѣмъ все интенсивнѣе повышались требованія, которыя должны были быть предъявляемы къ ея вооруженію, а слѣдовательно и къ кошельку ея плательщиковъ налоговъ. Это не могло остаться безъ вліянія и на позицію Бисмарка во внутреннихъ дѣлахъ. Со времени кризиса 1878 г. онъ уже болѣе не располагалъ въ рейхстагѣ сколько-нибудь прочнымъ большинствомъ. Вначалѣ онъ, какъ мы знаемъ, пытался сговориться съ центромъ. Но эта партія, идя навстрѣчу правительству въ вопросахъ, касающихся церкви, не была, однакоже, сторонницею ни требованій милитаризма, ни коренного преобразованія имперскихъ финансовъ. Нельзя было также разсчитывать на помощь центра во все болѣе обострявшейся борьбѣ прусскаго правительства противъ велико-польскихъ притязаній въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи. Выборы 1887 г. дали большинство консерваторамъ и націоналъ-либераламъ, и канцлеръ стремился прочно опереться на эти двѣ партіи. Такъ называемый «картель» долженъ былъ способствовать осуществленію послѣдовательной политики, которою Бисмаркъ такъ дорожилъ, и которую онъ проводилъ съ большой ловкостью. Однако, консерваторы и націоналъ-либералы отнюдь не были солидарны между собою по важнымъ вопросамъ, въ частности по вопросамъ культурнаго характера; и наиболѣе правые изъ консерваторовъ были съ самаго начала враждебно настроены по отношенію къ картелю.

При такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ главною опорою перваго канцлера было то неограниченное довѣріе, которымъ онъ пользовался у императора Вильгельма I. Смерть этого всѣми почитаемаго стараго государя (9 марта 1888 г.), достигшаго 91-лѣтняго возраста при рѣдкой физической и духовной свѣжести, вызвала глубокую печаль во всей Германіи. Всѣ нѣмцы видѣли въ этомъ уважаемомъ, простомъ и безпристрастномъ старцѣ естественнаго представителя новаго единства Германіи. Съ его смертью заканчивалась, казалось, одна эпоха и начиналась другая. Многіе ждали отъ новаго императора Фридриха III, который, въ бытность свою кронпринцемъ, всегда былъ извѣстенъ своими либеральными воззрѣніями, — полной перемѣны курса и немедленной отставки Бисмарка. Но императоръ Фридрихъ, вступая на престолъ, былъ уже человѣкомъ больнымъ и при смерти,—по словамъ врачей, ему предстояло прожить лишь нѣсколько

недѣль. И подлежитъ еще сомнѣнію, осуществилъ ли бы онъ возлагавшіяся на него либералами надежды, если бы онъ даже былъ здоровъ, ибо еще болѣе своего отца онъ былъ проникнутъ сознаніемъ величія и значенія императорскаго положенія. Такъ или иначе—во все время его кратковременнаго правленія Бисмаркъ былъ оставленъ на своемъ посту и пользовался полнымъ его довѣріемъ. Это сказалось особенно ясно, когда императрица, согласно желанію своей дочери, хотѣла устроить ея бракъ съ бывшимъ болгарскимъ княземъ Александромъ. Бисмаркъ, который опасался, что это приведетъ къ дальнѣйшему ухудшенію отношеній съ Россіей, побудилъ императора рѣшительно воспротивиться этому плану. Вообще же кратковременное правленіе тяжело-больного государя не вызывало поводовъ для болѣе или менѣе серьезныхъ перемѣнъ во внѣшней или внутренней политикѣ. И только смерть императора Фридриха (14 іюня 1888 г.) и вступленіе на престолъ Вильгельма II вновь выдвинули на очередь коренной вопросъ, должно ли правительство и на дальнѣйшее время итти по прежнему пути.

Императору Вильгельму II не было тогда еще и тридцати лѣтъ. Будучи принцемъ, онъ всегда пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы публично выразить свое безусловное восхищеніе Бисмаркомъ. Такимъ образомъ, и на дальнѣйшее время положеніе Бисмарка представлялось обезпеченнымъ. Когда вождь консерваторовъ, придворный пасторъ Штеккеръ, осенью 1888 г. выдвинулъ лозунгъ, согласно которому молодого императора было необходимо поставить въ извѣстность о томъ, что во внутренней политикѣ Бисмаркъ ведетъ его по неправильному пути, Вильгельмъ II открыто выразилъ ему свое неудовольствіе. Съ теченіемъ времени, однако, личныя отношенія между императоромъ и Бисмаркомъ нѣсколько охладѣли. Императоръ Вильгельмъ II былъ натурою страстною и импульсивною; онъ былъ государемъ, имѣвшимъ самостоятельный взглядъ и проникнутымъ чувствомъ долга; онъ считалъ себя лично отвѣтственнымъ за все происшедшее въ его царствованіе. Вильгельмъ полагалъ, что онъ можетъ нести эту отвѣтственность лишь при томъ условіи, чтобы политика дѣйствительно соотвѣтствовала въ своихъ основныхъ чертахъ его личнымъ воззрѣніямъ. Между тѣмъ, однако, все яснѣе обнаруживалось, что міръ его идей сильно отличался отъ міровоззрѣнія Бисмарка. Вѣдь эти два человѣка были отдѣлены одинъ отъ другого почти двумя поколѣніями,—разница въ ихъ возрастахъ равнялась 44 годамъ; они выросли подъ совершенно различными вліяніями и при господствѣ совершенно различныхъ политическихъ стремленій. Императоръ, внѣ всякаго сомнѣнія, былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ Бисмаркъ, затронутъ соціальнымъ движеніемъ; соотвѣтственно этому, и цѣли широко поставленной колоніальной и міровой политики были его сердцу гораздо ближе, чѣмъ сердцу канцлера. Основная точка зрѣнія Бисмарка всегда заключалась въ томъ, чтобы упрочить силу имперіи въ Европѣ,—силу, основаніемъ которой должна была быть армія, а не флотъ; естественными союзниками имперіи ему всегда представлялись Австрія и Россія, и однимъ изъ его главныхъ стремленій всегда было упрочить сохраненіе мира между этими двумя державами. Напротивъ того, императоръ

Императоръ Фридрихъ III.

Императоръ Вильгельмъ II.

Графъ Л. Каприви.

Князь Х. Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ.

склонялся къ сближенію съ Англіей. Онъ смотрѣлъ на англичанъ какъ на націю, близкую нѣмцамъ по происхожденію и связанную съ ними общими идеалами. Уже осенью 1889 г. онъ, при посѣщеніи своемъ Англіи, отмѣтивъ общія дѣйствія въ прошломъ, провозгласилъ тостъ за будущее соратничество нѣмцевъ и британцевъ. По мнѣнію Бисмарка, это было политикою чувства, имѣвшею исходнымъ пунктомъ своимъ не интересы Германіи, а общія предпосылки, которыхъ онъ не считалъ правильными. Канцлеръ руководилъ политикою германской имперіи въ продолженіе цѣлаго человѣческаго поколѣнія, движимый почти исключительно своими взглядами. И старый императоръ старался, правда, провести собственный взглядъ въ дѣлахъ, лично его касавшихся; однако, въ послѣднія десятилѣтія возможность разойтись со своимъ великимъ совѣтникомъ совершенно исключалась всѣмъ общимъ строемъ его мыслей, и когда Бисмаркъ ставилъ вопросъ о кабинетѣ, императоръ—подчасъ съ тяжелымъ сердцемъ—уступалъ. На такія отношенія новый государь, исполненный энергіи и жажды творчества, пойти не могъ. Вполнѣ понятно, что предоставленіе руководящей роли въ самыхъ важныхъ вопросахъ другому лицу—хотя бы и въ такой мѣрѣ заслуженному и опытному—казалось ему фактическимъ отреченіемъ. Столь же мало могъ добровольно отречься отъ обычной полноты власти и Бисмаркъ. Онъ чувствовалъ себя лично до такой степени тѣсно связаннымъ со своимъ твореніемъ—съ единствомъ и силой Германіи; онъ видѣлъ въ идеяхъ и стремленіяхъ императора столь серьезныя опасности для созданнаго имъ строя,—что ему казалось измѣной добровольно остаться на своемъ посту и предоставить стремленіямъ императора широкое поле дѣятельности. Постепенно слагавшееся здѣсь противорѣчіе могло завершиться въ монархическомъ государствѣ только уходомъ министра. И уже, повидимому, осенью 1889 г. императоръ рѣшился на отставку Бисмарка, имѣя, однако, въ виду, чтобы—во вниманіе къ совершенно исключительнымъ заслугамъ канцлера, къ его огромной популярности и тому вѣсу, которымъ все еще пользовалось его имя за-границею—эта отставка произошла въ возможно болѣе мягкой формѣ съ тѣмъ, чтобы и впослѣдствіи можно было воспользоваться его совѣтомъ и опытомъ, когда этого потребуютъ обстоятельства.

Однакоже, осуществить такое рѣшеніе при наличныхъ обстоятельствахъ, при характерѣ Бисмарка и глубинѣ создавшагося противорѣчія было бы дѣломъ нелегкимъ; положеніе же вещей сдѣлало это рѣшительно невозможнымъ. Къ началу 1890 г. противорѣчія во мнѣніяхъ еще усилились. Въ январѣ въ рейхстагѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, нужно ли на дальнѣйшее время продолжить дѣйствіе закона противъ соціалистовъ. Консерваторы рѣшительно стояли за такое продленіе; націоналъ-либералы ставили условіемъ своего согласія на возобновленіе закона смягченіе нѣкоторыхъ, особенно суровыхъ, его сторонъ, а также ограниченіе полномочій правительства въ отношеніи высылокъ и арестовъ. Бисмаркъ же полагалъ, что въ этомъ нѣтъ никакой необходимости. Онъ не хотѣлъ поэтому согласиться на послабленія. Въ результатѣ весь законъ долженъ былъ потерпѣть неудачу, а самый кар-

тель неминуемо долженъ былъ распасться. Дѣло въ томъ, что консерваторы голосовали противъ смягченнаго закона, между тѣмъ какъ націоналъ-либералы провалили первоначальное предложеніе правительства. Законъ противъ соціалистовъ долженъ былъ поэтому съ 30 сентября 1890 г. утратить свою силу. Такой исходъ дѣла не соотвѣтствовалъ желаніямъ императора, который, насколько намъ извѣстно, былъ за продленіе этого закона, хотя бы и въ смягченной формѣ. Кромѣ того, прибавилось еще и разногласіе по вопросу о положительномъ преобразованіи законовъ о рабочихъ. Бисмаркъ считалъ, что съ введеніемъ страхованія на случай инвалидности, болѣзни и старости соціальное законодательство должно считаться завершеннымъ; императоръ же настаивалъ на необходимости обратиться къ широкому законодательству по охранѣ труда. Мысли императора получили свое выраженіе въ его распоряженіи, обращенномъ къ прусскому министру торговли, въ которомъ онъ предлагалъ приступить къ пересмотру промысловаго устройства, урегулированію продолжительности труда и рабочихъ отношеній въ соотвѣтствіи съ требованіями здоровья и нравственности и предоставить рабочимъ право отстаивать при помощи собственныхъ представителей свои интересы противъ работодателей и правительства. Государственныя предпріятія—въ частности горнопромышленныя—должны послужить въ этомъ отношеніи примѣромъ для другихъ; частныя горнопромышленныя предпріятія должны быть подчинены государственному надзору. Бисмаркъ не контрассигнировалъ этого распоряженія. Онъ противился уже самому вмѣшательству государства въ отдѣльныя производства и выставлялъ противъ желанія императора то возраженіе, что способность нѣмецкой индустріи противостоять на міровомъ рынкѣ иностранной конкуренціи пострадаетъ отъ возложенія на предпринимателей новыхъ тяготъ. Ему удалось склонить императора къ созыву международной конференціи въ цѣляхъ выработки соотвѣтственныхъ мѣропріятій, общихъ для всѣхъ государствъ; одинаковыми дѣйствіями всѣхъ можно было бы предотвратить тѣ соображенія, которыя Бисмаркъ выдвинулъ по отношенію къ устойчивости нѣмецкой индустріи. Онъ разсчитывалъ на то, что такимъ путемъ можно будетъ на довольно долгій срокъ отложить исполненіе пожеланій императора. Это намѣреніе оттянуть дѣло сдѣлалось, повидимому,—если и не тотчасъ же, то, во всякомъ случаѣ, очень скоро—понятнымъ императору.

Положеніе, такимъ образомъ, было довольно напряженное, когда 20 февраля 1890 г. были произведены новые выборы въ рейхстагъ. Партіи, входившія въ составъ картеля, получили только 133 мѣста, и въ новомъ рейхстагѣ онѣ, такимъ образомъ, не составляли уже большинства. Это лишило фундамента политику Бисмарка, проводившуюся до сихъ поръ; и если теперь Бисмарку было угодно искать въ рейхстагѣ прочнаго большинства, то ему не оставалось ничего другого, какъ сблизиться съ центромъ и сдѣлать его частью своего парламентскаго большинства. Но союзу съ этой католической партіей противился, въ качествѣ убѣжденнаго протестанта, императоръ. Канцлеру это было хорошо извѣстно, и онъ объявилъ, что готовъ, если императоръ желаетъ этого, оставить свой постъ; при этомъ онъ далъ понять, что

внезапный уходъ его вызоветъ непріятное удивленіе, и что было бы, пожалуй, хорошо, если бы проведеніе вновь проектированныхъ предположеній по военной части было предоставлено еще ему. Имѣлъ ли, дѣйствительно, Бисмаркъ въ виду распустить, въ случаѣ неудачи этихъ проектовъ, рейхстагъ и затѣмъ, если не получится другихъ партійныхъ комбинацій, измѣнить путемъ государственнаго переворота имперскую конституцію и отмѣнить всеобщее избирательное право,—этотъ вопросъ долженъ быть оставленъ пока безъ отвѣта въ виду неполноты имѣющихся источниковъ.

Императора начали тогда съ разныхъ сторонъ уговаривать, чтобы онъ тотчасъ же отставилъ Бисмарка и тѣмъ упростилъ создавшееся положеніе вещей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устранилъ возможность конфликта съ большинствомъ рейхстага. Въ частности, особенно энергично дѣйствовалъ въ этомъ направленіи великій герцогъ Баденскій; противъ канцлера агитировали и нѣкоторые министры. Замѣчавшій это Бисмаркъ хотѣлъ использовать принадлежащія ему, какъ прусскому министру-президенту, права и запретить этимъ министрамъ личный докладъ императору внѣ его присутствія. Этимъ было въ сильнѣйшей степени задѣто монархическое самолюбіе императора, усмотрѣвшаго въ этомъ неправомѣрную попытку Бисмарка воспретить ему испрошеніе совѣтовъ у другихъ лицъ. Онъ предложилъ, чтобы Бисмаркъ представилъ ему проектъ постановленія, которымъ было бы на новыхъ началахъ урегулировано положеніе министра-президента въ отношеніи къ отдѣльнымъ членамъ министерства, и которое сократило бы доселѣ принадлежавшія ему права. Гнѣвное настроеніе императора нашло свое выраженіе въ его рѣчи, произнесенной 5 марта въ Бранденбургскомъ провинціальномъ ландтагѣ,—рѣчи, кульминаціоннымъ пунктомъ которой было заявленіе, что онъ уничтожитъ всякаго, кто будетъ ему противодѣйствовать. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого до свѣдѣнія императора дошло, что Бисмаркъ вступилъ въ личные переговоры съ лидеромъ центра Виндтгорстомъ. Поддержка покупалась у центра цѣною смягченія закона объ іезуитахъ и полной передачи народныхъ школъ подъ надзоръ церкви; готовность на это Бисмарка была обезпечена. Императоръ въ личной бесѣдѣ поставилъ Бисмарку на видъ, что онъ считаетъ недопустимымъ для канцлера обсужденіе съ лидеромъ партіи столь серьезнаго поворота во внутренней политикѣ, не получивъ предварительнаго согласія самого императора. Бисмаркъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отстаивалъ свое право на такіе переговоры.

Ко всему этому прибавилось и еще одно. Бисмаркъ не доложилъ императору о поступившихъ изъ Россіи донесеніяхъ о стягиваніи войскъ на западной русской границѣ; онъ не доложилъ, очевидно, потому, что опасался, какъ бы раздражительность императора не вызвала отвѣтныхъ мѣропріятій и тѣмъ самымъ не ухудшила бы отношенія съ Россіей. Однако, до свѣдѣнія императора было доведено это извѣстіе военнымъ совѣтомъ, и онъ выразилъ канцлеру свое неудовольствіе по поводу того, что онъ въ теченіе долгаго времени не былъ освѣдомленъ объ этомъ; онъ потребовалъ, чтобы немедленно предостерегли Австрію, и чтобы было отмѣнено уже назначенное посѣщеніе русскаго двора.

Бисмаркъ возразилъ на это, что ему должно быть предоставлено рѣшеніе вопроса о томъ, какія именно донесенія дипломатическихъ агентовъ ему слѣдуетъ представлять императору? Повидимому, это окончательно заставило императора принять рѣшительныя мѣры. Утромъ 17 марта онъ отправилъ къ Бисмарку генералъ-адъютанта фонъ-Ганке и предложилъ ему одно изъ двухъ—либо тотчасъ же сдѣлать представленіе объ измѣненіи положенія министра-президента въ соотвѣтствіи съ ранѣе преподаннымъ ему приказаніемъ императора касательно кабинета, либо подать прошеніе объ отставкѣ. Бисмаркъ попросилъ немного времени для размышленія. Нѣкоторые министры пытались взять на себя посредничество—однако, безуспѣшно. Когда срокъ истекъ, Бисмаркъ, послѣ вторичнаго напоминанія, подалъ свое прошеніе объ отставкѣ. Императоромъ оно было тотчасъ же принято, и канцлеръ, возведенный въ званіе герцога Лауэнбургскаго, былъ отставленъ отъ должностей, которыя онъ до сихъ поръ занималъ.

Для значительнѣйшаго большинства нѣмецкаго народа это событіе было полною неожиданностью, такъ какъ объ имѣвшихъ мѣсто треніяхъ были, естественно, освѣдомлены только сравнительно узкіе круги. Вообще же общественное мнѣніе было на сторонѣ Бисмарка. Не могли представить себѣ того, чтобы императоръ могъ разстаться съ этимъ человѣкомъ, котораго одно имя болѣе значило для отношенія всего міра къ Германіи, чѣмъ ея армія и флотъ. Населеніе Берлина устраивало Бисмарку большія оваціи, и раздраженіе придворныхъ круговъ, вызванное такимъ поведеніемъ населенія, привело, какъ извѣстно, къ тому, что Бисмарку было въ довольно рѣзкой формѣ предложено освободить его квартиру въ столь короткій срокъ, что для него представлялось едва возможнымъ аккуратно уложить имущество, накопившееся въ этой квартирѣ за все долгое время его пребыванія на министерскомъ посту.

Конфликтъ между императоромъ и канцлеромъ могъ завершиться только уходомъ Бисмарка. Однако, то обстоятельство, что эта отставка была столь внезапна и сопровождалась такими рѣзкостями, отнюдь не было само по себѣ необходимо и долгое время омрачало отношенія императора къ старому канцлеру и всему нѣмецкому народу. Бисмаркъ удалился во Фридрихсруэ, рѣшивъ не возвращаться болѣе ни въ какомъ случаѣ къ управленію государственными дѣлами и выступать противъ продолженія политики, казавшейся ему гибельной, путемъ вліянія на прессу и на парламентъ.

Статьи, отъ времени до времени появлявшіяся по его побужденію въ «Hamburger Nachrichten», а также рѣчи, съ которыми онъ при случаѣ обращался къ навѣщавшимъ его депутаціямъ, своими рѣзкими критическими замѣчаніями вновь и постоянно вызывали гнѣвъ новаго правительства. Наиболѣе недостойно выразилась эта ненависть по случаю предпринятаго Бисмаркомъ въ іюнѣ 1892 г. путешествія въ Вѣну съ цѣлью присутствовать на свадьбѣ сына. Нѣмецкому послу въ Вѣнѣ было тогда предложено принять мѣры къ тому, чтобы старый государственный дѣятель былъ совершенно игнорируемъ всѣмъ оффиціальнымъ міромъ. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ, нѣмецкій народъ поспѣшилъ самыми блестящими почестями показать князю

на возвратномъ пути, насколько онъ не одобряетъ этой безтактности. И лишь тяжелая болѣзнь Бисмарка привела въ 1893 г. къ внѣшнему примиренію между императоромъ и бывшимъ канцлеромъ.

Однако, и это не измѣнило отрицательнаго мнѣнія Бисмарка о «новомъ курсѣ». Негодующій сидѣлъ старый исполинъ въ уединеніи своего Саксонскаго лѣса; и такъ какъ у него не было болѣе поля для дѣятельности, то онъ задумалъ изложить для современниковъ и для будущихъ поколѣній въ большомъ литературномъ памятникѣ то, что онъ пережилъ и къ чему стремился. Его «Gedanken und Erinnerungen», опубликованныя, поскольку они посвящены времени до его отставки, непосредственно послѣ его смерти, представляютъ собою его политическое завѣщаніе. Историческая сторона ихъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ не отличается достовѣрностью и имѣетъ тѣ же недостатки, какими, вообще, обладаютъ всѣ мемуары, написанные по воспоминаніямъ. Въ цѣломъ, однако, это произведеніе даетъ въ высшей степени замѣчательное и правдивое изображеніе самого Бисмарка. Одностороннимъ и безпощаднымъ былъ онъ всегда въ своей дѣятельности, — такимъ же остался онъ и въ качествѣ писателя; подобно тому, какъ отъ его дѣйствій, такъ и со страницъ его книги на насъ вѣетъ духомъ мощной политической страсти, находящей свое смягченіе въ высокой практической интеллигентности. Это произведеніе представляетъ собою достойное завершеніе его жизни. Его смерть 28 іюля 1898 года повергла въ глубокій трауръ всю Германію. Ибо всѣ сознаютъ, что новая имперія не располагаетъ болѣе государственнымъ мужемъ, который могъ бы выдержать хотя бы отдаленное сравненіе съ великимъ покойникомъ. Самъ онъ, однако, и въ послѣднихъ своихъ распоряженіяхъ подчеркнулъ свое гнѣвное чувство по адресу новаго курса—подчеркнулъ въ той надгробной надписи, которую онъ избралъ себѣ: «Вѣрный нѣмецкій слуга императора Вильгельма I».

Преемникомъ Бисмарка императоръ назначилъ генерала Лео фонъ-Каприви, отличившагося какъ на полѣ сраженія, такъ и въ дѣлѣ организаціи флота, никогда, однако, не выступавшаго доселѣ въ политической жизни. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ онъ занималъ высшій постъ въ германской имперіи. Онъ былъ лично въ высшей степени достойнымъ, свѣдущимъ по своему призванію человѣкомъ, но въ политикѣ онъ служилъ лишь исполнительнымъ орудіемъ для приказаній императора; послѣдній принялъ на себя подлинное руководство всѣмъ.

Первый вопросъ былъ: какъ обезпечить за собой тотчасъ же большинство въ рейхстагѣ? Попытка Бисмарка составить это большинство изъ консерваторовъ и центра была отвергнута; Каприви попытался замѣнить ее составленіемъ большинства путемъ присоединенія къ партіямъ стараго картеля лѣвѣе стоящихъ либераловъ. Отъ времени до времени это удавалось— хотя и съ большими трудностями, потому что свободомыслящіе, руководимые Евгеніемъ Рихтеромъ, относились все время къ правительству съ недовѣ-

ріемъ; и лишь съ теченіемъ времени Каприви добился и у нихъ извѣстнаго довѣрія.

Согласно желанію императора, прежде всего приступили къ выработкѣ законодательства объ охранѣ труда; далѣе, были созданы третейскіе промысловые суды, состоящіе изъ выборныхъ представителей рабочихъ и работодателей подъ предсѣдательствомъ внѣпартійнаго лица, долженствующіе служить примиряющею инстанціею при спорахъ между предпринимателями и рабочими.

Эти законы не встрѣтили серьезнаго противодѣйствія. Труднѣе уже было провести тѣ экономическія мѣропріятія, которыя новое правительство считало необходимыми. Переходъ большинства культурныхъ странъ къ высокимъ таможеннымъ налогамъ затруднилъ нѣмецкой индустріи сбытъ ея продуктовъ на внѣшнихъ рынкахъ, безъ которыхъ она, при безпрерывно растущемъ производствѣ, не могла обойтись. Поэтому Каприви рѣшилъ оставить прежнюю систему и заключить съ наиболѣе значительными сосѣдними странами торговые договоры; онъ имѣлъ въ виду обезпечить, при помощи заключенныхъ на возможно болѣе продолжительный срокъ договоровъ, нѣмецкой индустріи извѣстную прочность въ смыслѣ вывоза. Установленіе низкихъ пошлинъ на вывозимые продукты нѣмецкой индустріи было необходимо въ большинствѣ случаевъ компенсировать пониженіемъ нѣмецкихъ таможенныхъ тарифовъ на ввозимое изъ другихъ странъ сырье, особенно на зерновой хлѣбъ. Но этому воспротивились крупные земельные собственники, представленные въ рейхстагѣ почти исключительно консервативными партіями. Несмотря на то, что слабые урожаи 1890 и 1891 гг. вызвали сильное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, они настаивали на сохраненіи стараго таможеннаго тарифа на зерновой хлѣбъ, выражавшагося въ суммѣ 5 марокъ на 100 килогр. Однако, Каприви удалось заручиться помощью другихъ партій, обѣщавшихъ ему свою поддержку въ его аграрной политикѣ. Прежде всего онъ заключилъ соглашеніе съ Австро-Венгріей. Въ декабрѣ 1891 г. были заключены такъ называемые средне-европейскіе торговые договоры; въ февралѣ 1892 г. они вступили въ силу. Оба государства сообща вошли въ тарифное соглашеніе, имѣющее дѣйствовать срокомъ до 31 мая 1903 г., съ Италіей, Швейцаріей и Болгаріей. Эти договоры создали средне-европейскую торговую зону, извнѣ окруженную охранительнымъ таможеннымъ поясомъ, между тѣмъ какъ внутри этой зоны подлежали повышенію лишь относительно невысокіе тарифы. Въ ближайшіе же годы къ этому соглашенію присоединились еще Сербія и Румынія. Такимъ образомъ, была создана довольно значительная по величинѣ и исключительная по производительности экономическая область. Въ особенномъ убыткѣ оказалась Россія,—по отношенію къ ней остались въ силѣ тарифы на зерновой хлѣбъ прежней высоты. Она сдѣлала попытку путемъ повышенія ввозныхъ пошлинъ на нѣмецкіе товары принудить къ измѣненію создавшагося положенія вещей; вызванная этимъ таможенная война между германской имперіей и Россіей продолжалась вплоть до весны 1894 г.

Болѣе острую парламентскую борьбу вызвало лѣтомъ 1893 г. требова-

ніе дальнѣйшаго усиленія арміи; количество призываемыхъ должно было быть на пять лѣтъ установлено въ суммѣ 557000 человѣкъ. Въ виду того, что центръ и свободомыслящіе соглашались голосовать за такое усиленіе только подъ условіемъ установленія его на одинъ годъ,—рейхстагъ былъ распущенъ. Правительство предлагало заплатить за усиленіе финансоваго обремененія народа пониженіемъ продолжительности службы отъ трехъ до двухъ лѣтъ, которое раньше считалось по техническимъ основаніямъ недопустимымъ; но теперь оно должно было быть введено въ видѣ опыта, такъ какъ только это давало основаніе разсчитывать на большинство для принятія всего предложенія въ цѣломъ. На новыхъ выборахъ входившія въ составъ картеля партіи выиграли 18 мѣстъ; центръ потерялъ 10 и свободомыслящіе потеряли 32 мѣста. Послѣдніе раскололись на двѣ новыя группы: на свободомыслящій союзъ, руководимый Риккертомъ, и свободомыслящую народную партію, во главѣ которой сталъ Евгеній Рихтеръ. Наконецъ, предложеніе объ арміи было принято большинствомъ 16 голосовъ. Попытки провести съ новымъ большинствомъ реформу имперскаго податного дѣла не имѣли при Каприви никакихъ положительныхъ результатовъ; биржевой налогъ, введенный подъ давленіемъ консерваторовъ, приносилъ очень мало дохода.

Вообще же говоря, наиболѣе интенсивно проявилась эра Каприви не на имперіи, а на Пруссіи. Здѣсь были сдѣланы попытки покончить съ вошедшимъ въ обычай господствомъ консервативно-ортодоксальныхъ элементовъ и перестроить учрежденія страны на основахъ законодательства времени Штейна и Гарденберга. Уже одно приглашеніе въ составъ прусскаго министерства двухъ вполнѣ либерально настроенныхъ людей—министра финансовъ Миккеля и министра исповѣданій фонъ-Госслера—предвѣщало поворотъ въ направленіи и свидѣтельствовало объ искреннемъ желаніи Каприви пойти по пути либерализма. Еще осенью 1890 г. правительство вошло въ ландтагъ съ цѣлымъ рядомъ связанныхъ одинъ съ другимъ законопроектовъ. Новое устройство обложенія должно было положить въ основаніе финансовъ Пруссіи подоходный налогъ; путемъ личной расцѣнки, производимой плательщиками, а также болѣе интенсивнымъ привлеченіемъ крупныхъ доходовъ имѣлось въ виду достигнуть возможно справедливаго распредѣленія налоговъ. Земское устройство должно было распространить земское самоуправленіе и на восточныя провинціи, хотя съ сохраненіемъ вошедшихъ въ обычай правъ землевладѣльцевъ. Наконецъ, законъ о народныхъ школахъ долженъ былъ подчинить школы единственно государственному надзору и улучшить матеріальное положеніе учителей. Всѣ эти внесенныя мѣропріятія означали серьезное приближеніе къ системѣ, оставленной Бисмаркомъ съ 1878 г.

Вся политика правительства какъ въ имперіи, такъ и въ Пруссіи вызывала все болѣе и болѣе возраставшую оппозицію со стороны консерваторовъ. Каприви приходилось пользоваться поддержкой со стороны среднихъ либеральныхъ партій и даже порою со стороны соціалъ-демократовъ. Со стороны правыхъ все громче раздавался упрекъ, что такая политика нарушаетъ всѣ традиціи прусской монархіи; были сдѣланы даже попытки повліять, исходя

изъ точки зрѣнія христіанства, на самого императора—именно представить ему ослабленіе церковнаго вліянія на школы, какъ предпріятіе безбожное. Дѣйствительно, законопроектъ Госслера о народныхъ школахъ былъ въ прусскомъ ландтагѣ отвергнутъ консервативно-клерикальнымъ большинствомъ. Слѣдствіемъ этого была отставка министра исповѣданій, и консерваторы добились того, что во главѣ этого отвѣтственнаго министерства былъ поставленъ столь родственный имъ духовно человѣкъ, какъ баронъ фонъ-Цедлицъ. Зато податная реформа и устройство общины были, наконецъ, съ нѣкоторыми ослабленіями приняты.

Консервативно-клерикальное большинство сдѣлало тогда попытку по-своему разрѣшить школьный вопросъ. Министръ фонъ-Цедлицъ предложилъ въ 1892 г. новый законъ о народной школѣ. Согласно этому закону устанавливалось, что надзоръ за учителемъ осуществляется со стороны избраннаго домохозяевами школьнаго управленія, что къ занятіямъ закономъ божіимъ привлекаются въ народной школѣ также и дѣти диссидентовъ, и что каждый одобренный государственной властью учитель подвергается прежде всего испытанію со стороны церковнаго комиссара въ способности его къ преподаванію закона божія. Но въ виду того, что въ школахъ съ однимъ только учителемъ этотъ послѣдній не могъ вообще вести обученіе, не обладая данными для преподаванія Закона Божія,—то на дѣлѣ рѣшеніе вопроса о назначеніи либо неназначеніи учителя было всецѣло передано усмотрѣнію церковныхъ комиссаровъ. Въ довершеніе всего церковной власти было также предоставлено право, согласно которому она во всякое время могла входить къ министру-президенту съ представленіемъ объ устраненіи отъ преподаванія закона божія въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность того или иного учителя будетъ представляться ей подозрительною. Если, такимъ образомъ, формально и сохранена была государственная школьная инспекція, то на дѣлѣ она была подчинена строгому церковному надзору. Содержавшееся далѣе въ законѣ разрѣшеніе открывать частныя школы предоставляло католической церкви и ея орденамъ возможность основывать строго-конфессіональныя школы. Несмотря на то, что проектъ имѣлъ въ виду значительное улучшеніе содержанія учителей, нѣмецкіе учителя вмѣстѣ со всѣми либеральными элементами Пруссіи возстали противъ законопроекта, и въ странѣ поднялась рѣзкая агитація. Во главѣ этой агитаціи стали протестантскіе теологическіе факультеты. Въ помѣщеніи парламента Цедлицъ и Каприви лично дѣлали подробнѣйшія предварительныя объясненія либераламъ, поддержкою которыхъ до этого времени канцлеръ все же пользовался. При этомъ канцлеръ увлекся даже до того, что утверждалъ, что въ данномъ случаѣ борьба идетъ между христіанствомъ и атеизмомъ. Но такъ какъ консерваторы и клерикалы составляли безспорное большинство, то законъ, безъ сомнѣнія, былъ бы принятъ, если бы правительство его отстаивало. Однако, сильная агитація въ странѣ сдѣлала то, что не только самъ императоръ началъ видѣть въ этомъ опасность, но и два прусскихъ министра—Миккель и Герфуртъ—также самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ новаго закона. Тогда

императоръ рѣшилъ лично вмѣшаться въ это дѣло и приказалъ взять обратно проектъ передъ рѣшительнымъ его голосованіемъ. Цедлицъ и Каприви подали немедленно въ отставку. Первому изъ нихъ эта отставка была дана; Каприви же было, по особому желанію императора, предложено остаться на посту имперскаго канцлера,—отъ поста же прусскаго министра-президента онъ былъ отставленъ и замѣненъ въ этой должности графомъ Бото Эйленбургомъ.

Уже въ періодъ этой борьбы правительство чувствовало, что въ существенномъ его положеніе таково же, какимъ оно было и передъ отставкой Бисмарка. Каприви точно такъ же, какъ и Бисмаркъ въ концѣ своего управленія, хотѣлъ опереться на консервативно-клерикальное большинство; и на этотъ разъ, какъ и ранѣе, императоръ личнымъ вмѣшательствомъ воспрепятствовалъ этому. И на этотъ разъ опять удалось—хотя и съ трудомъ—возстановить картель. Между тѣмъ въ средѣ консерваторовъ все болѣе и болѣе росло теченіе, направленное противъ совмѣстной дѣятельности съ либералами. Изъ нихъ аграріи въ 1893 г. объединились въ особый «Союзъ сельскихъ хозяевъ», ясно выраженной задачей которыхъ было содѣйствовать путемъ устной и печатной, а также предвыборной агитаціи побѣдѣ строго-аграрному и феодальному направленію. Правительству не удалось успокоить аграріевъ ни введеніемъ сельско-хозяйственныхъ камеръ, ни другими такъ называемыми мелкими мѣрами. Наиболѣе важное требованіе консерваторовъ, сводящееся къ тому, чтобы государство само монополизировало всю хлѣбную торговлю, не могло быть исполнено правительствомъ. Нападки консерваторовъ на канцлера и правительство становились все болѣе и болѣе враждебными.

Для Каприви оказалось роковымъ то, что онъ разошелся въ одномъ серьезномъ вопросѣ съ императоромъ. Императора ростъ соціалъ-демократическихъ голосовъ при выборахъ въ рейхстагъ привелъ къ убѣжденію въ необходимости новаго закона, направленнаго противъ посягательствъ на общественный и государственный строй,—въ необходимости, слѣдовательно, возобновить законъ противъ соціалистовъ, четыре года назадъ утратившій силу. Каприви считалъ невозможнымъ проведеніе черезъ рейхстагъ исключительнаго закона и полагалъ, что вполнѣ достаточно будетъ, если правительство ограничится лишь усиленіемъ общихъ наказаній за подстрекательство къ политическимъ и соціальнымъ преступленіямъ. Графъ же Эйленбургъ не соглашался съ мнѣніемъ Каприви и указалъ императору, что путемъ роспуска рейхстага можно будетъ добиться полнаго возобновленія закона противъ соціалистовъ. Въ оффиціозной прессѣ поднялась рѣзкая полемика между приверженцами Каприви и Эйленбурга, не всегда учтивая по формѣ. Наконецъ, оба, въ видахъ прекращенія этой полемики и вообще всѣхъ разногласій, подали въ отставку.

Императоръ, такимъ образомъ, уже въ третій разъ стоялъ передъ старымъ вопросомъ о томъ, не опереться ли ему на консервативно-клерикальное большинство, ибо только съ такимъ большинствомъ было бы возможно проведеніе плана Эйленбурга. Но и на сей разъ Вильгельмъ не могъ рѣшиться на это; онъ сталъ на сторону Каприви и принялъ отставку Эйленбурга. Что произошло вслѣдъ за этимъ, остается невыясненнымъ въ полной мѣрѣ

и до сихъ поръ. Повидимому, однако, императора лично оскорбило слишкомъ бурное побѣдное ликованіе всей бывшей на сторонѣ Каприви печати, приведшее къ горячимъ объясненіямъ между императоромъ и канцлеромъ. Послѣдствіемъ этого было то, что Каприви вновь подалъ въ отставку, которая на этотъ разъ была тотчасъ же принята (26 октября 1894 г.).

Преемникомъ Каприви былъ назначенъ князь Хлодвигъ фонъ-Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ, старый и заслуженный человѣкъ, который въ качествѣ передового борца національнаго дѣла въ южной Германіи передъ 1870 г., а также въ качествѣ посла въ Парижѣ и намѣстника Эльзаса-Лотарингіи оказалъ уже имперіи нѣкоторыя услуги, но былъ, однако, при этомъ слишкомъ мало самостоятеленъ для того, чтобы въ качествѣ имперскаго канцлера проявлять собственную иниціативу.

Весною 1895 г. онъ внесъ законопроектъ объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей уголовнаго уложенія въ смыслѣ введенія новыхъ наказаній за подстрекательство къ преступленіямъ путемъ слова, устнаго или печатнаго, къ неповиновенію властямъ, за распространеніе ложныхъ слуховъ, вызывающихъ неуваженіе къ властямъ, и т. д. Законопроектъ этотъ былъ составленъ въ той редакціи, какую ему придалъ Каприви, и хотя не былъ явно направленъ противъ соціалъ-демократовъ, онъ получилъ, однако, названіе Umsturzvorlage. Гогенлоэ не удалось провести этотъ законъ черезъ рейхстагъ. Дѣло въ томъ, что центръ требовалъ въ уплату за свое согласіе включенія постановленія, согласно которому всякія оскорбляющія нападки на Бога, христіанство, христіанскую церковь, ея ученія или обряды должны наказываться тюремнымъ заключеніемъ на срокъ до трехъ лѣтъ. Принятіе этого параграфа поставило бы подъ угрозу наказанія всякое выраженіе свободнаго мнѣнія по вопросамъ религіи, и потому онъ былъ отклоненъ правительствомъ и остальными партіями. Вслѣдствіе этого центръ голосовалъ противъ правительственнаго проекта и провалилъ его.

Вообще, вліяніе центра все росло и росло. Это обнаружилось особенно рельефно весною 1895 г., когда Бисмаркъ праздновалъ свое 80-лѣтіе. Несмотря на то, что отношенія между старымъ канцлеромъ и императоромъ принимали внѣшнимъ образомъ все болѣе и болѣе примирительный характеръ; несмотря на то, что нѣмецкій народъ безпрестанно оказывалъ основателю своего единства самые горячіе знаки своей признательности и любви,— несмотря на все это, рейхстагъ отклонилъ предложеніе принести въ этотъ день Бисмарку оффиціальныя поздравленія. Центръ, свободомыслящіе и соціалъ-демократы дѣйствовали въ этомъ случаѣ совершенно солидарно. Послѣдствіемъ этого была отставка президіума рейхстага, и предсѣдательствованіе перешло къ двумъ представителямъ центра и одному свободомыслящему; въ этомъ получила свое ясное выраженіе господствующая роль въ парламентѣ центра. Такимъ образомъ, несмотря на все лавированіе, новый курсъ наткнулся на тотъ же камень преткновенія, у котораго находился и Бисмаркъ ко времени своей отставки. Создать большинство, съ которымъ можно было бы управлять безъ центра, не удалось, и характерной чертой слѣдующаго десятилѣтія былъ ростъ вліянія центра на всѣ отношенія въ имперіи.

И въ международныхъ отношеніяхъ Германіи также обнаружились послѣдствія отставки Бисмарка. Политика императора совершенно явственно была направлена къ тому, чтобы, сохраняя хорошія отношенія съ Россіей, достичь серьезнаго сближенія съ Англіей. Первымъ видимымъ результатомъ этой политики былъ договоръ съ Англіей отъ 1 іюля 1890 г. Занзибаръ, Уганда и Виту были предоставлены Англіи. Германія же получила за это суверенитетъ надъ морскимъ берегомъ, лежащимъ у ея восточно-африканскихъ владѣній, а также признаніе ея притязаній на господство надъ территоріей вплоть до озеръ, расположенныхъ въ центрѣ Африки. Далѣе, Германія получила права на узкую полосу земли отъ ея юго-западной африканской колоніи и до верховьевъ Замбезе—такъ назыв. «Уголокъ Каприви». Наконецъ, она получила также островъ Гельголандъ.

Этотъ договоръ былъ съ самаго начала встрѣченъ нѣмецкой печатью слишкомъ, пожалуй, недружелюбно. Но не подлежитъ спору, что Германіей была утрачена уже бывшая въ ея рукахъ сфера торговаго вліянія въ восточной Африкѣ, и что она пожертвовала въ пользу англичанъ султаномъ Виту, всецѣло желавшимъ остаться подъ нѣмецкимъ протекторатомъ. Пріобрѣтеніе Гельголанда было разсчитано, конечно, на то, чтобы произвести хорошее впечатлѣніе на чувства нѣмецкаго народа; однако, практическая польза отъ этого пріобрѣтенія была невелика. Единственной дѣйствительной выгодой, полученной Германіей, было признаніе того, что ея восточно-африканскія владѣнія простираются вплоть до озеръ. Этимъ былъ разстроенъ планъ Родса—создать единое англійское владѣніе отъ Капской области до Каира. Договоръ 1890 г. показалъ, какой цѣною Германія можетъ купить англійскую дружбу,—и эта цѣна, нужно сказать, отнюдь не была чрезмѣрно низкой. Императоръ, однако, былъ, насколько намъ извѣстно, доволенъ тѣмъ, что было положено начало союзнымъ отношеніямъ между Англіей и Германіей, которыя соотвѣтствовали его желаніямъ. Вильгельмъ попытался-было даже поставить вновь продолженный въ 1891 г. тройственный союзъ въ болѣе тѣсныя отношенія къ Англіи. Въ послѣдующіе годы онъ регулярно ѣздилъ на болѣе или менѣе продолжительное время въ Англію, чтобы навѣстить свою бабушку и сдѣлать болѣе тѣсными отношенія между обѣими странами. Въ рѣчахъ, произносившихся въ такихъ случаяхъ, онъ особенно рѣзко подчеркивалъ расовое родство англичанъ и нѣмцевъ, а также неоднократно выражался въ смыслѣ совмѣстнаго выступленія въ международныхъ вопросахъ.

Въ той же степени, однако, въ какой росло сближеніе между Англіей и тройственнымъ союзомъ,—возрастала и дружба между Россіей и Франціей. До сихъ поръ царя всегда останавливали республиканскій государственный строй Франціи и частая смѣна въ ней партій, находившихся у кормила правленія. Тѣсная экономическая связь, подготовленная русскимъ займомъ у Франціи, поколебала это нерасположеніе. Сближеніе Германіи съ Англіей и начало упомянутой выше таможенной войны между Германіей и Россіей окончательно побудили императора Александра III къ полной перемѣнѣ въ его отношеніяхъ къ Франціи. Первымъ видимымъ показателемъ этого было посѣ-

щеніе въ 1891 г. Кронштадта французской эскадрой подъ начальствомъ адмирала Жерве; русскій государь самымъ торжественнымъ образомъ привѣтствовалъ эту эскадру. Царь и президентъ Карно обмѣнялись по телеграфу выраженіями взаимныхъ симпатій обѣихъ странъ и народовъ. Когда Жерве посѣтилъ Москву, то одинъ русскій генералъ сказалъ въ своемъ публичномъ привѣтствіи, что Россія готова взяться за оружіе, какъ только это сдѣлаетъ Франція. Черезъ два года русская эскадра отдала визитъ въ Тулонѣ, и по случаю этого опять произошелъ обмѣнъ воодушевленными телеграммами. Въ 1895 г. французскій министръ Рибо назвалъ въ одной рѣчи царя «союзникомъ» Франціи. Аналогичныя выраженія можно было услышать и въ рѣчахъ, имѣвшихъ мѣсто при посѣщеніи въ 1896 г. Парижа императоромъ Николаемъ II и при посѣщеніи въ 1897 г. Россіи Феликсомъ Форомъ. Изъ всего этого можно съ полнымъ основаніемъ сдѣлать тотъ выводъ, что между двумя этими державами имѣлось и какое-то письменное взаимное обязательство. По увѣреніямъ Россіи, содержаніе этихъ соглашеній, во всякомъ случаѣ, чисто-оборонительное: оба государства имѣютъ въ виду оказать взаимную поддержку другъ другу, когда они подвергнутся нападенію съ чьей-либо стороны, — отнюдь, однако, не въ томъ случаѣ, если одно изъ нихъ само начнетъ войну. Было бы въ полномъ противорѣчіи съ интересами Россіи, если бы она, не считаясь съ собственными нуждами, поставила себя въ такую зависимость отъ Франціи, что должна была бы безо всякой компенсаціи принять участіе въ войнѣ-реваншѣ противъ Германіи.

Отъ этого общаго сдвига отношеній европейскихъ силъ больше всего, безъ сомнѣнія, выиграла Англія. Раньше вынуждаемая вести оборонительную политику, она получила возможность теперь, когда континентальныя державы раскололись на двѣ враждебныя одна другой группировки, безъ всякихъ затрудненій подвигаться по пути дальнѣйшаго расширенія своей имперіи. Проникновеніе въ страну матабеле руководимой Сесилемъ Родсомъ Южно-африканской компаніи, гдѣ имѣлось въ виду найти новыя золотыя розсыпи, привело къ конфликту между Англіей и Португаліей: дѣло въ томъ, что португальцы претендовали на эту область въ Центральной Африкѣ, лежащую между ихъ владѣніями на западномъ и восточномъ берегахъ, какъ на сферу ихъ интересовъ. Въ 1889 г. португальская экспедиція проникла въ область макололо съ тѣмъ, чтобы подчеркнуть свои притязанія. Но англійскій консулъ въ самый послѣдній моментъ передъ вступленіемъ этой экспедиціи поднялъ здѣсь британскій флагъ. Предводитель португальцевъ маіоръ Серпа Пинто не испугался этого, но силою пошелъ противъ мѣстныхъ вождей и получилъ въ видѣ добычи, между прочимъ, и нѣсколько англійскихъ знаменъ, находившихся среди принадлежащихъ этимъ вождямъ вещей. Какъ только это сдѣлалось извѣстнымъ въ Англіи, министерство Салисбери выразило противъ этого протестъ и потребовало немедленнаго отозванія португальскихъ войскъ. Англія была при этомъ настолько энергична, что грозила разрывомъ дипломатическихъ сношеній, если маіоръ Пинто не получитъ немедленнаго телеграфнаго приказа о возвращеніи. Англійскія военныя суда показались у пор-

тугальскихъ береговъ, и Португалія была вынуждена въ январѣ 1890 г. уступить. Она обратилась съ сообщеніемъ къ великимъ державамъ, въ которомъ заявляла, что она поставлена въ необходимость препроводить своему губернатору вынужденныя Великобританіей приказанія. Въ Лиссабонѣ и Опорто возникли серьезные безпорядки, министерство было свергнуто,—однако, и новые министры не могли рѣшиться пойти на конфликтъ съ Англіей, такъ какъ ни одна изъ другихъ державъ не обнаружила готовности быть въ этомъ дѣлѣ посредникомъ. Португалія вновь вернулась къ старымъ своимъ вассальнымъ отношеніямъ къ Англіи. По договору Португалія брала на себя обязанность отказаться отъ своихъ притязаній въ Центральной Африкѣ и не отчуждать ничего отъ своихъ южно-африканскихъ владѣній безъ предварительнаго согласія на это со стороны Англіи; по отношенію же къ ея областямъ, находящимся къ югу отъ Замбезе, Англіи было предоставлено преимущественное право выкупа. Вся внутренняя часть южной Африки къ югу отъ Замбезе и къ сѣверу отъ этой рѣки, такъ назыв. страна Ніасса, были присоединены къ британской имперіи и подчинены губернатору Капской колоніи какъ верховному комиссару южной Африки.

Въ западной Африкѣ по новому договору съ Франціей, заключенному лѣтомъ 1890 г., Англіи было обезпечено исключительное вліяніе въ нижней части Нигера, и установлены пограничныя линіи сферъ вліянія обѣихъ странъ. Въ восточной Африкѣ Англія, помимо Занзибара и Виту, сдѣлала еще пріобрѣтенія на берегу страны Сомали. Договоромъ съ Италіей Нилъ былъ признанъ пограничной линіей сферъ вліянія обѣихъ странъ, а также было подчеркнуто намѣреніе Англіи вновь получить въ свое обладаніе бывшую въ то время подъ владычествомъ махдистовъ долину Верхняго Нила. Этимъ же намѣреніемъ былъ вызванъ походъ изъ Суакима, предпринятый противъ находившихся вблизи отрядовъ дервишей, бывшихъ подъ начальствомъ Османа Дигмы; этотъ походъ привелъ къ тому, что англичане завладѣли Токаромъ. Дервиши ушли за Атбару и расположились тамъ укрѣпленнымъ лагеремъ. Но для нападенія на это укрѣпленіе и для движенія впередъ по направленію къ Омдерману англо-египетскій начальникъ генералъ Грагамъ не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ.

Меньше положительныхъ результатовъ имѣла англійская политика расширенія въ Азіи. Уже въ 1887 г., на основаніи русско-афганскаго договора объ урегулированіи границъ, Россія продвинула свою границу на разстояніе почти 100 километровъ отъ Герата; постройкой въ Центральной Азіи своихъ желѣзнодорожныхъ линій Россія сильно укрѣпила тамъ свою позицію. Англія пыталась сдѣлать надежною индійскую границу путемъ постройки двухколейной желѣзнодорожной линіи въ Кандагаръ; однако, ей не удавалось остановить проникновеніе Россіи въ область Памира, въ которой лежитъ начало Инда, и которая образуетъ поэтому входныя ворота въ Индію съ сѣвера. Одновременно съ этимъ Россія принялась за громадное дѣло открытія и овладѣнія сѣверной и восточной Азіей—за постройку сибирской желѣзной дороги. Въ маѣ 1891 г. эта постройка была начата. Въ Индо-Китаѣ на

верховьяхъ Меконга англичане столкнулись прежде всего съ французами; французы пришли въ эту, номинально зависимую отъ Сіама, страну изъ Аннама, англичане—изъ Бирмы. Англія попыталась обезпечить себѣ господство въ области верхняго Меконга путемъ договора съ Сіамомъ. Но, когда Франція сдѣлала видъ, будто она готова къ непосредственному нападенію, и когда французскія военныя суда получили приказъ сосредоточиться у Бангкока, слѣдующее англійское министерство уступило и заключило съ Франціей договоръ, по которому лѣвый берегъ Меконга отошелъ къ Франціи (октябрь 1893 г.).

Время правленія министерства Салисбери оказалось чрезвычайно важнымъ и для внутренняго развитія британской имперіи. Конечно, не могъ быть разрѣшенъ ирландскій вопросъ. Ни обостреніе исключительныхъ законовъ, ни повторявшіяся попытки облегчить ирландскимъ арендаторамъ пріобрѣтеніе земли въ собственность и улучшить ихъ экономическое положеніе путемъ пониженія арендной платы,—все это не могло успокоить ирландцевъ, послѣ того какъ одинъ разъ имъ была уже при Гладстонѣ дана надежда на полное самоуправленіе. Напротивъ того, ирландское оппозиціонное движеніе принимало все болѣе и болѣе интенсивныя формы. На счастье правительства отрицательное отношеніе папы къ этой пропагандѣ обязывало духовенство къ успокоительной дѣятельности; на счастье его случился и скандальный процессъ о прелюбодѣяніи вождя ирландцевъ Парнелля, приведшій къ расколу его партіи въ парламентѣ.

При этомъ въ двухъ отношеніяхъ обозначилась существенная перемѣна по сравненію съ политикой прежнихъ консервативныхъ правительствъ. Прежде всего Салисбери подъ вліяніемъ либераловъ-уніонистовъ, безъ поддержки которыхъ онъ не могъ обойтись, согласился на реформы, соотвѣтствовавшія ихъ желаніямъ. Такимъ образомъ получилъ осуществленіе въ 1888 г. законъ о мѣстномъ управленіи, которымъ управленіе въ графствахъ было изъято изъ компетенціи мировыхъ судей и передано собраніямъ, избраннымъ всѣми плательщиками налоговъ. Закономъ о маленькихъ участкахъ, изданнымъ въ 1892 г., этимъ совѣтамъ графствъ было предоставлено право покупать землю, и, подѣливъ ее на мелкіе крестьянскіе участки, отчуждать ее за умѣренную плату. Чрезвычайно уменьшившееся количество самостоятельныхъ англійскихъ крестьянъ должно было такимъ путемъ увеличиться и усилиться. Либеральные уніонисты не только поддерживали ирландскую и внѣшнюю политику правительства, но содѣйствовали также планамъ правительства объ усиленіи флота и объ упроченіи связи большихъ самоуправляющихся колоній съ метрополіей. Въ 1888 г. на разсмотрѣніе англійскихъ адмираловъ былъ поставленъ вопросъ: какою силою долженъ обладать англійскій флотъ для того, чтобы въ случаѣ войны Англія была вполнѣ обезпечена хлѣбомъ и жизненными продуктами? Они отвѣтили, что это будетъ возможно только при томъ условіи, если враждебный флотъ не будетъ выпущенъ въ открытое море, и если его можно будетъ блокировать въ непріятельскихъ гаваняхъ. Необходимо еще, по мнѣнію адмираловъ, чтобы англійскій флотъ превосходилъ флотъ против-

ника на одну треть. Но въ виду того, что можно опасаться, какъ бы не пришлось случайно бороться съ двумя связанными союзомъ противниками, англійскій флотъ долженъ быть на одну треть сильнѣе соединенныхъ флотовъ двухъ наиболѣе сильныхъ послѣ Англіи морскихъ державъ. Это и есть такъ называемый принципъ верховенства надъ флотами двухъ державъ, который съ тѣхъ поръ сохранилъ руководящее значеніе при сооруженіяхъ судовъ англійскаго флота. Высокія требованія, которыя были вслѣдствіе этого поставлены парламенту правительствомъ, горячо, но безрезультатно оспаривались либералами.

Нельзя, конечно, отрицать того, что англійскій флотъ долженъ служить цѣлямъ защиты не только метрополіи, но и колоній. Но эти послѣднія до сего времени совершенно не участвовали въ затратахъ на флотъ. Поэтому былъ поднятъ вопросъ о томъ, не представляется ли справедливымъ внести въ эти отношенія нѣкоторыя измѣненія. Но, разумѣется, въ видѣ вознагражденія за такое увеличеніе налоговъ, вносимыхъ колоніями, имъ необходимо было обезпечить совершенно до сего времени отсутствовавшее у нихъ вліяніе на имперскую политику. Всего этого невозможно было провести безъ предварительнаго соглашенія съ самими колоніями. Въ апрѣлѣ 1887 г. Салисбери созвалъ въ Лондонъ руководящихъ политическихъ дѣятелей всѣхъ пользующихся самоуправленіемъ колоній, и на засѣдавшей здѣсь первой конференціи колоній вопросъ объ оборонѣ страны былъ поставленъ въ качествѣ исходнаго пункта для выясненія взаимоотношеній между метрополіей и колоніями. Самая мысль обременить новыми налогами ихъ и безъ того неблестящій бюджетъ, разумѣется, не могла быть пріятною для политическихъ дѣятелей этихъ колоній. Они хорошо знали, что метрополія въ своихъ собственныхъ интересахъ необходимо должна содержать и сооружать флотъ, и что она никоимъ образомъ не можетъ оставить ихъ безъ защиты въ случаѣ, если бы имъ угрожала серьезная опасность. По крайней мѣрѣ, онѣ требовали того, чтобы были повышены ихъ доходы, если ужъ онѣ будутъ какъ-нибудь обложены въ пользу всей имперіи. Такое повышеніе могло быть достигнуто лишь путемъ измѣненія англійской таможенной политики. Представитель Капской колоніи Гофмейеръ предложилъ учредить имперскій таможенный союзъ: всѣ товары, ввозимые изъ-за границы въ страну, входящую въ составъ этого союза, подлежали, по этому проекту, обложенію въ размѣрѣ 2 процентовъ ихъ стоимости. Полученныя такимъ путемъ суммы могли бы быть употреблены на оборону страны. Но для Англіи это означало бы отступленіе отъ всегда проводившейся до этого времени политики свободной торговли; въ виду этого предложеніе Гофмейера было англійскими министрами отклонено. На тѣ же препятствія натолкнулось и предложеніе австралійцевъ, согласно которому всѣ колоніи должны въ своемъ таможенномъ тарифѣ поставить англійскіе товары въ преимущественное по сравненію съ другими положеніе, за что Англія должна въ такое же положеніе поставить ввозимые изъ колоніи сырье и жизненные продукты. Если, такимъ образомъ, по этому важному вопросу на конференціи и не пришли къ соглашенію, то въ высшей степени

важно было уже то, что здѣсь этотъ рѣшающій для всего будущаго британской имперіи вопросъ былъ впервые серьезно поставленъ и разсмотрѣнъ. Здѣсь выяснилось, въ чемъ заключается основная сложность болѣе прочной организаціи имперіи. Метрополія искала болѣе тѣснаго политическаго единенія; колоніи же были мало расположены къ такому единенію и соглашались на него только въ томъ случаѣ, если онѣ могли получить отъ него какія-либо экономическія выгоды. Но согласиться на нихъ не могло, въ виду господствовавшихъ въ метрополіи экономическихъ воззрѣній, англійское правительство. Однако, конференція не прошла совершенно безцѣльно: отнынѣ вопросъ о болѣе тѣсномъ объединеніи метрополіи съ колоніями уже не переставалъ ставиться на обсужденіе. Въ цѣляхъ выясненія таможенно-политическихъ вопросовъ была основана United Empire Trade League и существовавшая уже Imperial Federation League стала заниматься и таможенными вопросами. Самъ Салисбери, считавшій раньше невозможными какія бы то ни было уступки въ своей таможенной политикѣ, совѣтовалъ въ 1890 г. этимъ союзамъ организовать возможно болѣе сильную агитацію за покровительственныя пошлины на зерновый хлѣбъ, шерсть и мясо, потому что онѣ должны быть основою таможеннаго союза между Англіей и ея колоніями.

Этими стараніями правительства былъ провозглашенъ второй періодъ британскаго имперіализма. Отъ перваго, который мы назовемъ Биконсфильдовскимъ, второй періодъ отличается тѣмъ, что въ центрѣ имперіалистическихъ стремленій стоитъ теперь уже не внѣшнее расширеніе британской имперіи и укрѣпленіе Индіи, а преимущественно болѣе прочная политическая и экономическая связь съ большими, самоуправляющимися колоніями въ Сѣверной Америкѣ, Австраліи и южной Африкѣ, населенными европейцами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ обремененіемъ бюджета, такъ и общей тенденціей правительства въ пользу покровительственной таможенной политики положеніе министерства Салисбери было сильно поколеблено. Въ широкихъ кругахъ народа все еще сохранилось убѣжденіе въ томъ, что свобода торговли есть основа всего благосостоянія Великобританіи; народъ и слышать не хотѣлъ о какомъ-либо измѣненіи таможенной системы. Это привело къ тому, что новые выборы въ августѣ 1892 г. дали иной составъ парламента. На выборахъ прошло 275 либераловъ, 270 консерваторовъ, 45 уніонистовъ и 80 ирландцевъ; кромѣ того, впервые членами англійскаго парламента сдѣлались 2 соціалиста. Консерваторы и уніонисты не составляли уже теперь, такимъ образомъ, большинства. Но не были сами по себѣ въ большинствѣ и либералы, которые могли имѣть перевѣсъ, лишь соединившись съ ирландцами. Во время избирательной борьбы Гладстонъ обѣщалъ вновь этимъ послѣднимъ гомруль. Кромѣ того, были обѣщаны дальнѣйшая реформа избирательнаго права, введеніе вознагражденія депутатамъ, коренная реформа верхней палаты и примѣненіе къ церкви началъ самоуправленія. Въ виду результата выборовъ министерство Салисбери подало въ отставку, и Гладстонъ получилъ въ послѣдній разъ возможность показать, дѣйствительно ли онъ въ состояніи удовлетворительно разрѣшить ирландскій вопросъ?

Внесенный имъ теперь новый законопроектъ о гомрулѣ предоставлялъ предполагавшемуся ирландскому парламенту менѣе широкія правомочія, чѣмъ прежній его проектъ. Помимо того, его нынѣшнимъ проектомъ число засѣдающихъ въ англійскомъ парламентѣ ирландцевъ сокращалось со 105 до 80, причемъ даже и эти не должны были принимать участія въ голосованіи по вопросамъ, касающимся исключительно Англіи и Шотландіи. Эти послабленія отнюдь не оказались, однако, достаточными для того, чтобы сдѣлать гомруль пріемлемымъ для консерваторовъ и уніонистовъ. Въ нижней палатѣ Гладстонъ провелъ, правда, свой законъ большинствомъ 40 голосовъ послѣ очень страстныхъ и горячихъ дебатовъ, продолжавшихся не менѣе 82 дней; однако, верхняя палата отклонила его 419 голосами противъ 41. Вообще, верхняя палата рѣшила ставить кабинету Гладстона какъ можно больше затрудненій. Законопроектъ о реформѣ избирательнаго права и проекты, направленные на пользу рабочимъ, были также верхнею палатою отклонены.

Несмотря на все это, Гладстонъ не оставилъ бы борьбы, если бы онъ не былъ серьезно боленъ физически. Онъ почти ослѣпъ и былъ доведенъ до изнеможенія усиліями, затраченными въ послѣдней избирательной кампаніи. Къ этому прибавились и вновь обострившіяся тренія внутри его кабинета: между тѣмъ какъ Гладстонъ, въ соотвѣтствіи съ прежними своими рѣчами и обѣщаніями, настаивалъ на сильномъ пониженіи морского бюджета и затратъ на внѣшнюю политику,—нѣкоторые изъ его коллегъ полагали, что въ интересахъ безопасности и силы имперіи необходимо прочно держаться плановъ министерства Салисбери. Когда Гладстонъ увидѣлъ, что его взгляды поддерживаются въ министерствѣ лишь меньшинствомъ, онъ оставилъ премьерство, подалъ въ отставку (3 марта 1894 г.) и удалился въ частную жизнь. Несмотря на неуспѣхи его внѣшней политики въ прежніе годы и на крушеніе его плановъ касательно Ирландіи, соотечественники, цѣня чистоту его характера и благородство его политической дѣятельности, видѣли въ немъ перваго государственнаго человѣка своего времени. Почетъ, которымъ окруженъ былъ Grand Old Man на закатѣ его жизни, можетъ показаться не-англичанину нѣсколько чрезмѣрнымъ. 19 мая 1898 г. Гладстонъ умеръ и былъ погребенъ въ почетной галлереѣ великихъ британцевъ—въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

Его замѣнилъ вождь либераловъ младшаго поколѣнія лордъ Розбери. Онъ происходитъ родомъ изъ шотландской дворянской семьи и родился въ 1847 году. Высокообразованный человѣкъ, глубоко интересующійся духовными запросами своего времени, онъ по семейнымъ своимъ традиціямъ и по собственной склонности рано примкнулъ къ либеральной партіи, а съ теченіемъ времени выработалъ собственное политическое міросозерцаніе. Его стремленія были по преимуществу направлены на развитіе мѣстнаго самоуправленія, на учебное дѣло и на разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ. Подъ его руководствомъ либералы провели законы о распространеніи самоуправленія на церковные приходы и о прогрессивномъ подоходномъ обложеніи. При этомъ Розбери недоброжелательно относился къ плану объ экономической связи всей

міровой британской имперіи, хотя и желалъ болѣе тѣснаго политическаго единенія отдѣльныхъ частей. Ничуть не измѣнили ея взглядовъ рѣшенія, принятыя конференціей колоніальныхъ торговыхъ палатъ. Конференція эта происходила въ 1894 г. въ Оттавѣ и высказалась въ пользу таможенной предпочтительности колоній.

Во внѣшнюю политику Англіи перемѣна министерства въ 1892 г. не внесла никакихъ существенныхъ измѣненій, такъ какъ съ самаго начала портфель министра иностранныхъ дѣлъ и исключительное руководительство внѣшней политикой достались Розбери, воззрѣнія котораго по вопросамъ внѣшней политики мало чѣмъ отличались отъ взглядовъ консерваторовъ. Онъ былъ того убѣжденія, что руководство внѣшними дѣлами должно находиться въ возможно меньшей зависимости отъ партійныхъ точекъ зрѣнія и должно быть направляемо исключительно подъ однимъ угломъ зрѣнія—общихъ интересовъ имперіи. Антагонизмъ съ Россіей и Франціей сохранилъ свое опредѣляющее значеніе и былъ рѣшающимъ для отношеній Англіи въ Африкѣ и Азіи. Въ Азіи удалось ближе связать эмира афганскаго съ Англіей простымъ повышеніемъ его годового жалованья; путемъ договора съ Китаемъ удалось обезпечить позицію на верховьяхъ Меконга.

Въ южной Африкѣ подлиннымъ передовымъ борцомъ британской политики былъ и остался Сесиль Родсъ. Сынъ духовнаго лица, онъ родился въ 1853 г. въ Гертфордширѣ и 16 лѣтъ, больной легкими, прибылъ въ южную Африку съ тѣмъ, чтобы возстановить свои силы въ тепломъ и сухомъ климатѣ. Какъ-разъ тогда были открыты первые алмазные рудники. Родсъ принялъ участіе въ ихъ эксплуатаціи и, благодаря его замѣчательнымъ дѣловымъ способностямъ, удивительный смѣлости и необычайному организаторскому таланту, занялъ съ теченіемъ времени руководящее положеніе. Акціонерная компанія «De Beers Mining C°», въ которой Родсъ принималъ видное участіе, была одною изъ первыхъ попытокъ раціонально поставить дѣло разработки, до сихъ поръ бывшее лишеннымъ плана и совершенно примитивнымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ этому обществу удалось завладѣть всѣми участками рудниковъ Беера. Тогда началась ожесточенная конкуренція съ руководимымъ Барнато вторымъ обществомъ, владѣвшимъ рудникомъ Кимберлея; борьба эта закончилась побѣдой Родса и скупкою обществомъ Беера всѣхъ алмазныхъ рудниковъ (1889). Только теперь дѣло изысканія драгоцѣнныхъ камней могло быть поставлено планомѣрно и съ использованіемъ всѣхъ средствъ современной техники. Но и столь значительные успѣхи не удовлетворяли такого человѣка, какъ Родсъ. Безпрестанно стремясь доставить въ обладаніе своему обществу всякую область въ Африкѣ, въ которой предполагались алмазныя или золотыя розсыпи, и зная, что необходимымъ условіемъ организованнаго производства было повсюду болѣе или менѣе прочное государственное устройство, онъ сталъ передовымъ борцомъ британской политики расширенія въ южной Африкѣ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался премьеръ-министромъ Капской колоніи. Привыкшій дѣйствовать во всемъ, за что онъ брался, въ широкомъ масштабѣ, онъ ухва-

тился за смѣлую идею создать сплошную область британскаго господства на протяженіи отъ Капской земли до Каира. Помимо обыкновенныхъ захватовъ, проводившихся имъ на сѣверѣ Капской земли, этотъ планъ долженъ былъ быть подготовленъ еще и съ помощью проходящей черезъ всю Африку телеграфной линіи, за которою должна была послѣдовать и желѣзная дорога. Въ декабрѣ 1893 г. Родсъ началъ дѣлать серьезныя приготовленія къ устройству этихъ путей сообщенія.

Въ виду того, однако, что британскія владѣнія въ средней Африкѣ были расчленены германскими владѣніями на востокѣ и государствомъ Конго въ западной части озера Танганайка,—для проведенія этого плана было необходимо содѣйствіе одной изъ названныхъ областей. Родсъ обратился прежде всего съ просьбой къ Германіи о томъ, чтобы она допустила проведеніе черезъ принадлежащую ей область телеграфной линіи, и чтобы она разрѣшила устроить тамъ британскіе военные посты для охраны этой линіи. Послѣднее предложеніе мотивировалось тѣмъ, что въ западной части своихъ восточно-африканскихъ владѣній Германія не имѣла еще въ то время никакихъ отрядовъ или военныхъ постовъ. Но германскому правительству по совершенно понятнымъ причинамъ показалось опаснымъ разрѣшить англичанамъ такія военныя сооруженія внутри колоніи, и просьба Родса была отклонена. Тогда онъ обратился къ государству Конго—и на этотъ разъ съ большимъ успѣхомъ. Государство Конго, преслѣдуя работорговцевъ, которые фактически держали въ своихъ рукахъ большую часть его владѣній, убѣдилось на опытѣ въ томъ, что эти работорговцы находятъ поддержку въ верхней части долины Нила, и что они пользуются сильнымъ покровительствомъ въ имперіи махдистовъ. Чтобы отрѣзать имъ доступъ къ Нилу, государство Конго хотѣло расширить свои владѣнія до этой рѣки и учредить тамъ военный постъ. Противъ такого желанія возставала до сихъ поръ Англія, считавшая, что верхняя часть Нильской долины входитъ въ сферу ея интересовъ. Теперь Родсу удалось побудить министерство къ согласію на сдачу въ аренду области рѣки Баръ-эль-Газаль до мѣста ея впаденія въ Нилъ. За это государство Конго должно было, съ своей стороны, отдать Англіи въ аренду полосу земли шириною въ 25 километровъ между озерами Танганайка и Альберта, т.-е. линію, связывающую британскія владѣнія въ южной Африкѣ съ верхнею частью долины Нила. Условлено было именно арендное предоставленіе этой полосы земли, такъ какъ къ отчужденію земли у государства Конго не было полномочій, и такъ какъ Англія—наравнѣ со всѣми другими державами—въ актѣ объ учрежденіи государства Конго приняла на себя обязательство не пріобрѣтать здѣсь никакихъ владѣній.

Этотъ договоръ угрожалъ опасностью существеннымъ интересамъ Германіи. Экономическое соединеніе сѣверной и южной Африки, совершенное въ обходъ германскихъ владѣній въ восточной Африкѣ, грозило пониженіемъ цѣнности этихъ послѣднихъ; укрѣпленіе же Англіи на территоріи, которая была объявлена нейтральною, дѣлало, вообще, двусмысленнымъ будущее государства Конго. Это послѣднее обстоятельство вызвало также безпокойство со стороны французскаго правительства, которому принадлежало въ отноше-

ніи государства Конго предпочтительное право выкупа на тотъ случай, если прекратитъ свою дѣятельность общество Конго. Въ сознаніи общности своихъ интересовъ въ этомъ вопросѣ, Германія и Франція объединились въ протестѣ противъ сдѣлки, заключенной въ договорѣ между Англіей и государствомъ Конго. Въ первый разъ со времени выступленія Буланже Германія и Франція вновь соединились для общихъ дѣйствій въ колоніальныхъ вопросахъ. Договоръ объ арендѣ долженъ былъ, въ виду этого, прекратить фактически свое дѣйствіе; государство Конго получило безъ противодѣйствія въ аренду небольшую область въ верхней части Нила—округъ Ладо, правовое положеніе котораго осталось, естественно, сомнительнымъ.

Въ этомъ германско-французскомъ протестѣ Англіи впервые послѣ продолжительнаго промежутка пришлось встрѣтиться въ своемъ колоніальномъ расширеніи съ противодѣйствіемъ со стороны двухъ европейскихъ державъ. Одновременно съ этимъ и русскіе также начали подвигаться впередъ въ области Памира. Казалось, будто вновь выступаетъ на сцену старая, столь непріятная для Англіи, ситуація,—когда противъ островной имперіи вмѣстѣ выступали Россія, Франція и тройственный союзъ. Хотя англійская печать и нападала въ этихъ обстоятельствахъ сильнѣе противъ Франціи, чѣмъ противъ Германіи,—однако, нужно имѣть въ виду, что доброе согласіе, купленное въ 1890 г. Германіей договоромъ о Занзибарѣ, этими событіями было сильно поколеблено. Въ этомъ же направленіи дѣйствовало и становившееся все болѣе интенсивнымъ сближеніе Германіи съ Россіей со времени окончанія въ 1894 г. таможенной войны. Россія представила теперь успокоительныя объясненія по поводу характера своихъ отношеній къ Франціи и дала обѣщаніе использовать свое вліяніе на республику въ смыслѣ предотвращенія наступательной войны противъ Германіи. Отставка Каприви и замѣна его Гогэнлоэ, который самъ обладалъ большими помѣстьями въ Россіи, уже сами по себѣ означали шагъ къ сближенію съ Россіей; о томъ же свидѣтельствовали и разные другіе менѣе значительные признаки. Смерть въ ноябрѣ 1894 г. императора Александра III и вступленіе на престолъ его исключительно дружелюбно настроеннаго къ Германіи сына Николая II привели къ безмолвному обновленію старыхъ добрыхъ отношеній между сосѣдними странами. Гогэнлоэ посѣтилъ Петербургъ, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ—Берлинъ, и послѣдовало взаимное увѣреніе въ полномъ довѣріи и поддержкѣ въ международныхъ вопросахъ. Но подобно тому, какъ прежде Россія считала себя обиженной Германіею тѣмъ, что это послѣдняя дѣлала попытки къ установленію добрыхъ отношеній съ Англіею,—точно такъ же теперь англичане видѣли чуть ли не открытую враждебность къ нимъ во все болѣе и болѣе отчетливо выступавшемъ сближеніи германской имперіи съ Россіей.

Въ теченіе 1894 г. была подготовлена, такимъ образомъ, новая перемѣна во взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ державъ. Свое завершеніе эта перемѣна получила лишь на почвѣ появленія совершенно новаго фактора, именно—побѣды японцевъ надъ Китаемъ и вызваннаго ею вступленія Восточной Азіи на путь міровой политики.

ВЫСТУПЛЕНІЕ ВОСТОЧНОЙ АЗІИ И СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ НА АРЕНУ МІРОВОЙ ПОЛИТИКИ

7. Пробужденіе Востока.

Несмотря на сношенія, время-отъ-времени происходившія между Европой и Азіей, европейская и восточно-азіатская культуры шли въ своемъ развитіи совершенно особымъ, самостоятельнымъ путемъ. Правильныя экономическія сношенія возникли только со средины XIX вѣка на периферіи восточно-азіатскаго круга, въ портовыхъ пунктахъ, открытыхъ Китаемъ и Японіей на основаніи заключенныхъ съ ними договоровъ. Политическія сношенія съ 70-хъ годовъ поддерживались посольствами, которыя восточно-азіатскія государства содержали при дворахъ великихъ державъ, а эти послѣднія—при дворахъ въ Пекинѣ и Токіо. Но европейскія державы всегда смотрѣли на Восточную Азію какъ на Африку или Америку, т.-е. относились къ ней какъ къ области, являющейся лишь объектомъ экономической эксплуатаціи, стремясь въ ней къ политическому господству и не желая предоставлять ей права голоса въ рѣшеніи международныхъ вопросовъ.

Открытіе Восточной Азіи для европейской торговли повсюду вынуждено было силою и лишь медленнымъ путемъ привело къ дѣйствительному контакту двухъ глубоко различныхъ культуръ. Вторженіе европейцевъ вызвало прежде всего въ самой Восточной Азіи страшную реакцію, исходившую изъ партій, враждебно настроенныхъ къ иностранцамъ; наиболѣе крупное по своему значенію движеніе этого рода имѣло мѣсто въ Японіи.

Въ 1867 г. здѣсь возстала могущественная дворянская партія, предводительствуемая южными владѣтельными князьями, противъ фактическаго властителя страны, противъ сіогуна [1]) Кэнки, и провозгласила императоромъ молодого микадо Муцухито, отъ имени котораго былъ изданъ указъ объ уничтоженіи должности сіогуна и о предоставленіи полноты власти императору Муцухито. Истиннымъ мотивомъ этого движенія было желаніе объединить слабое феодальное государство въ мощный политическій организмъ, достаточно сильный для того, чтобы оказать сопротивленіе ненавистнымъ иностранцамъ. Но и послѣ побѣды микадо въ Японіи должны были убѣдиться, что о насильственномъ изгнаніи иностранцевъ нечего и думать раньше, чѣмъ страна не ознакомится съ орудіями ихъ господства и способами употребленія послѣднихъ. Только обладая европейскими пушками, ружьями, военными кораблями и желѣзными дорогами, можно было бы помѣшать дальнѣйшему проникновенію европейцевъ въ страну, а до того слѣдовало избѣгать всякаго конфликта съ ними. Поэтому микадо обѣщалъ европейцамъ соблюдать ранѣе заключенные торговые договоры. Первыми рѣшительными шагами правительства на новомъ пути, по которому оно намѣрено было выступить, были сооруженіе желѣзнодорожной линіи изъ Токіо въ Іокагаму (1870 г.) и введеніе почтоваго управленія по европейскому образцу (1871 г.) Для организаціи силъ страны въ 1872 г. были введены всеобщая воинская повинность и обязательное школьное обученіе; армія была организована по германскому образцу. Мы не можемъ здѣсь останавливаться на изображеніи послѣдовавшей затѣмъ политической и экономической революціи, перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и къ современной системѣ товарнаго производства. Вѣнцомъ политическихъ реформъ явилось введеніе конституціи въ европейскомъ духѣ (11 февраля 1889 г.) [2]). Внушенное чувствомъ вражды къ иностранцамъ и неизмѣннымъ стремленіемъ отстоять независимость и духовную самобытность страны, реформистское движеніе въ Японіи фактически привело къ европеизаціи государства какъ въ области техники, такъ и въ области государственнаго строительства. Въ общемъ, однако, Японія старалась по

---

[1]) Сіогуны—начальники военныхъ силъ страны и главы гражданскихъ учрежденій; микадо, какъ потомокъ богини солнца, являлся лишь номинальнымъ главою страны, и всѣмъ фактически правили сіогуны, власть которыхъ переходила по наслѣдству отъ отца къ сыну. *Ред.*

[2]) Японская конституція выработана, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ прусскаго образца. Согласно этой конституціи Японія—сильно централизованная монархія не парламентарнаго типа; министры, являющіеся совѣтниками императора, отвѣтственны только передъ нимъ. Въ верхней палатѣ (кизокуинъ) преобладаетъ аристократія, въ нижней (сугиинъ)—состоятельная буржуазія. Императору, помимо тѣхъ прерогативъ короны, которыя обычно признаются европейскими конституціями, еще предоставлено: 1) право изданія въ отсутствіе парламента декретовъ, получающихъ силу законовъ, но подлежащихъ одобренію парламента въ первую же его сессію, и 2) право опредѣленія размѣровъ жалованія всѣмъ чиновникамъ. Это право императора, находящееся въ явномъ противорѣчіи съ бюджетнымъ правомъ парламента, нерѣдко приводитъ къ конфликтамъ между законодательной и исполнительной властями. *Ред.*

Императоръ Японіи МУЦУХИТО.

ЛИ-ХУНЪ-ЧЖАНЪ
вице-король провинціи Чжи-ли.

Атака дервишей въ сраженіи при Омдерманѣ.

возможности держаться дальше отъ европейскаго капитала и европейскихъ предпринимателей, предпочитая посылать своихъ собственныхъ гражданъ за границу съ тѣмъ, чтобы, запасшись необходимыми знаніями, они возвратились на родину въ качествѣ народныхъ въ широкомъ смыслѣ этого слова учителей.

Внутреннія преобразованія, совершившіяся въ Китаѣ, далеко не имѣли такого серьезнаго значенія. Здѣсь общеніе съ Европой имѣло результатомъ лишь учрежденіе постояннаго совѣта министровъ изъ 10 членовъ и китайскихъ посольствъ при иностранныхъ дворахъ. Съ 1876 г. царствовалъ въ Китаѣ несовершеннолѣтній императоръ Гуанъ-сюй (личное его имя Цзай-тіень), отъ имени котораго правила его тетка, императрица Цзе-ши. Въ ея правленіе выдвинулось нѣсколько вліятельныхъ лицъ, которыя, благодаря сношеніямъ съ европейцами, составили себѣ особые взгляды на вопросъ объ отношеніяхъ къ иностранцамъ. Таковы—маркизъ Цзенгъ, принцъ Чунь-Цинь-Ванъ (отецъ императора) и особенно Ли-Хунъ-Чжанъ. Послѣдній пользовался почти неограниченнымъ довѣріемъ императрицы-регентши и назначенъ былъ ею намѣстникомъ провинціи Чжи-ли, въ которой находилась столица имперіи—Пекинъ. Ли-Хунъ-Чжанъ желалъ для Китая приблизительно такихъ же реформъ, какія были осуществлены японцами, т.-е. перенесенія на китайскую почву полезныхъ для нея плодовъ европейской культуры, но при условіяхъ, гарантирующихъ сохраненіе національной самобытности и устраняющихъ возможность слишкомъ большого вліянія иностранцевъ въ странѣ. На пути къ осуществленію своихъ задачъ ему, однако, приходилось вести безпрерывную борьбу съ изумительнымъ высокомѣріемъ китайцевъ, презрительно относящихся ко всему иностранному, и съ ихъ глубокимъ равнодушіемъ къ военнымъ и политическимъ вопросамъ. Другое, исходившее уже сверху, препятствіе реформы встрѣчали въ слишкомъ широкой самостоятельности вице-королей провинціи. Поэтому все, чего могъ достичь Ли-Хунъ-Чжанъ, сводилось лишь къ обученію и перевооруженію части китайской арміи по европейскому образцу. Въ сущности же Китай остался тѣмъ, чѣмъ былъ раньше; Японія же совершила внутреннюю преобразовательную работу огромнаго значенія.

Послѣдствія этой разницы сказались очень ярко въ 1894 г., когда между обоими восточно-азіатскими народами возгорѣлась война изъ-за обладанія полуостровомъ Кореей, имѣвшимъ крупное значеніе для каждой изъ борющихся сторонъ. Корея съ давнихъ поръ уже служила ареной борьбы между Китаемъ и Японіей изъ-за гегемоніи. Внутри самой страны существовала партія реформъ, державшая сторону Японіи, и партія защитниковъ стараго порядка, опиравшаяся на Китай. Долгое время господствующее положеніе оставалось за китайской партіей, и только въ 1876 г. японцы добились доступа къ нѣсколькимъ корейскимъ гаванямъ; для европейцевъ этотъ доступъ былъ открытъ только съ 1882 г. Заявленное Китаемъ право на верховный протекторатъ надъ Кореей, съ одной стороны, и оспариваніе этого права Японіей—съ другой, вызвали уже въ 80-хъ годахъ ожесточенный

конфликтъ между обоими государствами, и лишь съ большимъ трудомъ удалось тогда избѣгнуть открытаго вооруженнаго столкновенія. Въ 1885 г. Ли-Хунъ-Чжанъ и маркизъ Ито заключили договоръ, въ силу котораго оба государства обѣщали отозвать свои войска изъ Кореи и приняли на себя обязательство не вводить ихъ вновь туда безъ взаимнаго предварительнаго предупрежденія.

Послѣ этого въ Кореѣ наступилъ періодъ успокоенія; только попытки англичанъ и русскихъ къ пріобрѣтенію территоріальныхъ участковъ на полуостровѣ и увеличившееся на немъ благодаря развитію торговаго оборота вліяніе европейцевъ и японцевъ побудили враждебную иностранцамъ партію къ новымъ выступленіямъ. Въ началѣ 1894 г. иностранные купцы, — въ числѣ ихъ также и японцы—подверглись въ Кореѣ грабежу и избіеніямъ; при первомъ извѣстіи объ этомъ Китай отправилъ туда войска для возстановленія порядка и согласно договору сообщилъ о принятой мѣрѣ Японію. Но такъ какъ японцы не признавали за Китаемъ особыхъ правъ въ Кореѣ, то они сочли себя въ правѣ собственными силами отомстить за причиненныя ихъ подданнымъ обиды и, въ свою очередь, послали войска въ Корею. Въ то время какъ китайцы высадились на западномъ берегу полуострова, японцы пристали съ своими боевыми силами къ восточному. Они достигли столицы Сеула раньше китайцевъ и овладѣли важнѣйшими окрестными позиціями. Когда Китай потребовалъ отозванія японскихъ войскъ, то микадо отвѣтилъ, что уведетъ свои войска изъ Кореи лишь послѣ того, какъ Китай признаетъ полную независимость страны, и будутъ произведены реформы, которыя могли бы служить достаточною гарантіею противъ повторенія подобныхъ насилій. Такъ какъ Китай отвергъ предложенное условіе, то возникшій на этой почвѣ конфликтъ разразился войной. Въ Сеулѣ японцы тотчасъ же составили солидарное съ ними министерство, которое обратилось къ нимъ съ формальною просьбою о помощи противъ Китая. Въ этой борьбѣ Японія впервые показала, какъ многому научилась она у Европы; воинственный духъ въ связи съ европейской выправкой и европейскимъ вооруженіемъ доставилъ японцамъ легкую побѣду. Такимъ генераламъ, какъ Ямагата и Ойяма, такому адмиралу, какъ маркизъ Ито, китайцы не могли противопоставить ни одного полководца, дѣйствительно достойнаго этого имени. Еще осенью 1894 года они были вынуждены очистить Корею, а въ октябрѣ японцы перешли пограничную рѣку между Кореей и Китайской имперіей—Ялу; одновременно съ этимъ была переброшена къ берегу Ляодунскаго полуострова вторая японская армія, занявшая важнѣйшіе пункты Таліенванъ и Портъ-Артуръ. Просьба Китая о мирѣ была отвергнута японцами; они взяли Вей-хай-вей, а въ февралѣ 1895 г. имъ удалось совершенно уничтожить китайскій флотъ. Несмотря на громадныя затрудненія, сопряженныя съ зимнимъ походомъ, ихъ войска весною 1895 г. такъ близко подступили къ Пекину, что они имѣли уже въ виду произвести непосредственное нападеніе на китайскую столицу.

Опасность полнаго обезсиленія Китая заставила встревожиться евро-

пейскія державы, имѣвшія свои интересы въ Восточной Азіи. Съ изумленіемъ остановились онѣ передъ фактомъ появленія новой монгольской военной державы, побѣдоносное шествіе которой угрожало положенію, достигнутому здѣсь ими. Еще наканунѣ рѣшительныхъ ударовъ, осенью 1894 г., Англія пыталась склонить великія державы къ коллективному посредническому шагу; однако, эта попытка, насколько извѣстно, разбилась о противодѣйствіе Германіи. Добрыя отношенія между Англіей и Германіей, и безъ того уже нарушенныя взаимными треніями въ Африкѣ, вслѣдствіе противодѣйствія нѣмцевъ, совершенно ухудшились. Между тѣмъ Англія въ концѣ 1894 г. неожиданно для всѣхъ завязала дружескія сношенія съ Франціей и Россіей. Лондонская правительственная пресса сочувственно отнеслась къ соглашенію съ Франціей по поводу Мадагаскара, Сіама, Египта и по поводу дальнѣйшей судьбы государства Конго. Въ ноябрѣ 1894 г. договоромъ о плоскогоріи Памира русскимъ были безъ возраженій предоставлены всѣ заявленныя ими права. Одновременно съ этимъ лордъ Розбери въ своей рѣчи на банкетѣ лордъ-мэра подчеркнулъ, что онъ стремится къ установленію общности дѣйствій Англіи, Россіи и Франціи на Востокѣ, и что отношенія съ Россіей носятъ сердечный характеръ, а съ Франціей—дружественный; тогда же сдѣлана была попытка войти въ соглашеніе съ Россіей и по Балканскому вопросу.

Русскіе охотно шли навстрѣчу любезностямъ своей старой соперницы; они воспользовались предоставленными ей выгодами, но воздержались отъ какихъ бы то ни было солидарныхъ дѣйствій съ Англіей на Дальнемъ Востокѣ. Русская внѣшняя политика въ то время велась по единому, широко продуманному плану, иниціаторомъ которой едва ли былъ самъ государь. Ея руководящею цѣлью было пріобрѣтеніе господствующаго положенія въ сѣверномъ Китаѣ и не замерзающаго порта въ Тихомъ океанѣ, какъ конечнаго пункта Сибирской желѣзной дороги. Россія успѣла заручиться поддержкой Германіи, обѣщавъ ей зато не противиться пріобрѣтенію ею нѣмецкой угольной станціи или стоянки для ея флота на восточно-азіатскомъ берегу. Позднѣе къ плану дѣйствій, предложенному петербургскимъ кабинетомъ, присоединились Франція и Испанія.

До сихъ поръ еще точно не установлено, дѣйствовала ли Японія, уступая давленію этихъ державъ, когда въ мартѣ 1895 г. согласилась, наконецъ, отправить своихъ делегатовъ на мирную конференцію въ Симоносеки,— въ чемъ все время отказывала Китаю. Не подлежитъ сомнѣнію лишь одно: на совѣщанія, происходившія въ Симоносеки, европейцы оказывали давленіе, все болѣе и болѣе усиливающееся, причемъ Россія играла роль великодушной покровительницы побѣжденной китайской имперіи, въ разсчетѣ на щедрую награду за эту любезную услугу. Ли-Хунъ-Чжанъ, представитель Китая, дѣйствовалъ поэтому въ самомъ тѣсномъ согласіи съ русскими.

Вначалѣ японцы предъявили очень высокія требованія; но подъ давленіемъ четырехъ державъ вынуждены были постепенно ихъ урѣзывать, такъ какъ на конфликтъ съ европейцами они еще не могли рѣшиться. 17 марта 1895 г. въ Симоносеки былъ заключенъ прелиминарный договоръ, въ силу

котораго Корея объявлялась независимой отъ Китая, а послѣдній обязывался уступить Японіи островъ Формозу и значительную часть Ляодунскаго полуострова; кромѣ того, Китай долженъ былъ уплатить громадную военную контрибуцію, а до ея полной уплаты передать японцамъ Вей-хай-вей. Однако, и эти условія договора казались державамъ чрезмѣрными. Онѣ настаивали на отказѣ Японіи отъ всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній на восточно-азіатскомъ континентѣ. Послѣ продолжительнаго сопротивленія Японія, наконецъ, уступила, отказавшись отъ Ляодунскаго полуострова и Вей-хай-вея и обѣщавъ не вводить никакихъ ограниченій для судоходства по пути отъ Формозы.

По возстановленіи мира покровители потребовали отъ Китая вознагражденія за оказанную ему помощь. Франція пріобрѣла крупныя привилегіи въ провинціяхъ, примыкающихъ къ ея колоніальной имперіи, и выгодную индокитайскую границу; Германія получила для своихъ подданныхъ право на свободное поселеніе въ Ханькоу и въ Тянь-Цзинѣ; но львиную долю выгодъ получила Россія. Она явилась посредницей при заключеніи займа для китайцевъ на европейскомъ денежномъ рынкѣ, главнымъ образомъ, во Франціи, на сумму въ 400 милліоновъ франковъ; этотъ заемъ долженъ былъ доставить китайцамъ средства для уплаты военнаго долга и для введенія самыхъ необходимыхъ реформъ. Въ обезпеченіе уплаты процентовъ и погашенія займа, Китай былъ вынужденъ отдать въ залогъ цѣлый рядъ таможенныхъ пошлинъ. За эту любезность Россія по тайному договору (ноябрь 1896) заставила признать за собой весьма широкія права въ сѣверномъ Китаѣ. Важнѣйшимъ изъ нихъ было разрѣшеніе на постройку желѣзнодорожной линіи черезъ Маньчжурію, которая должна была соединить прямымъ путемъ южную гавань на русской территоріи, Владивостокъ, съ Сибирской дорогой. Имѣлось въ виду также проведеніе желѣзнодорожной вѣтки черезъ Мукденъ въ Тянь-Цзинъ. Для охраны этого желѣзнодорожнаго пути Россія могла установить цѣлую линію военныхъ постовъ, а въ мѣстностяхъ, лежащихъ вдоль пути, она получила исключительное право на разработку горныхъ богатствъ. На случай, если бы Китай пожелалъ обучить и вооружить свои маньчжурскія и монгольскія войска по европейскому образцу, Россія обезпечила за собою право назначить необходимыхъ для этого инструкторовъ изъ русскихъ офицеровъ. Далѣе, на случай войны въ Восточной Азіи, Россія могла оккупировать гавань Кіао-чжоу и укрѣпить ее. Очищенныя японцами гавани Портъ-Артуръ и Таліенванъ Китай обязался преобразовать въ военныя крѣпости и, въ случаѣ войны, открыть Россіи доступъ къ нимъ. Этотъ договоръ былъ равносиленъ установленію экономической и военной диктатуры Россіи въ Маньчжуріи, а въ случаѣ войны—военнаго господства Россіи надъ сѣверокитайскими водами. Основаніе русско-китайскаго банка въ Шанхаѣ на долгое время упрочивало финансовое вліяніе русскихъ въ Китайской имперіи. Но съ этими громадными выгодами, доставшимися русской имперіи, связанъ былъ и не менѣе значительный вредъ, а именно—все возраставшая ненависть японцевъ къ Россіи.

Побѣдоносная война чрезвычайно подняла національное самосознаніе въ

Японіи. Въ странѣ и въ парламентѣ существовала крупная партія, осуждавшая условія заключеннаго мирнаго договора и отступленіе передъ великими державами; въ Токіо открыто, во всеуслышаніе, заявляли, что гегемонія въ Восточной Азіи должна принадлежать японцамъ, которымъ предназначено мѣсто въ авангардѣ борьбы желтой расы съ европейцами. Японскіе государственные люди видѣли теперь важнѣйшую свою задачу въ устраненіи вражды Китая къ Японіи и въ общемъ съ нимъ союзѣ для совмѣстнаго отпора европейскомъ притязаніямъ. Возродилась даже идея единой восточно-азіатской религіи; подъ предсѣдательствомъ японскаго принца былъ учрежденъ восточно-азіатскій культурный союзъ, распространившій свое вліяніе до предѣловъ Индо-Китая. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Японія старалась использовать выгоды своего географическаго положенія, чтобы оттѣснить европейцевъ въ области торговыхъ сношеній съ Китаемъ. Согласно условіямъ, выговореннымъ при заключеніи симоносекскаго договора, между Китаемъ и Японіей была заключена торговая конвенція, обезпечивавшая японцамъ на китайскомъ рынкѣ положеніе наиболѣе благопріятствуемой націи. Въ интересахъ подъема внутреннихъ силъ Китая въ Японіи считали необходимымъ введеніе въ обширной сосѣдней имперіи техническихъ и военныхъ учрежденій по европейскому образцу въ самомъ широкомъ масштабѣ, и японцы заявили о полной своей готовности принять на себя роль учителей Китая въ этомъ дѣлѣ. Но попытки ихъ встрѣтили въ Китаѣ недовѣрчивый и холодный пріемъ. Въ Пекинѣ пока еще предпочитали русскую опеку японской.

Въ отношеніяхъ съ Европой японцы отнынѣ стремились добиться признанія за собою полнаго равноправія съ другими культурными націями и прежде всего настаивали на отмѣнѣ консульской юрисдикціи по отношенію къ иностранцамъ, пребывающимъ на японской территоріи. Первою рѣшилась отказаться отъ этой привилегіи Англія; затѣмъ мало-по-малу отказались отъ нея и другія европейскія государства. 4 августа 1899 г. послѣдовала въ Японіи полная отмѣна консульской юрисдикціи для всѣхъ европейцевъ, которые отнынѣ подлежатъ тамъ японскимъ судьямъ и подчиняются нормамъ японскаго права. Далѣе, торговые договоры, весьма невыгодные для Японіи, заключенные еще въ давнія времена, были объявлены прекратившимися, и введенъ былъ новый автономный тарифъ, соотвѣтствовавшій интересамъ страны. Въ вознагражденіе за все это Японія предоставила всѣмъ иностранцамъ право свободно селиться и заниматься торговой и промышленной дѣятельностью по всей странѣ за однимъ лишь исключеніемъ, а именно: иностранцамъ воспрещалось пріобрѣтать земельную собственность, акціи банковъ, пользующихся государственной субсидіею, и пароходныхъ обществъ, воспрещалось также занятіе сельскимъ хозяйствомъ. Этими мѣрами думали предупредить возможность прочныхъ поселеній европейцевъ въ странѣ и вторженіе въ нее европейскаго капитала. И дѣйствительно, европейскій капиталъ, вложенный въ Японію, очень не великъ, ибо главныя средства его обезпеченія—земельная собственность и гарантированныя государствомъ бумаги—отъ него ускользаютъ.

Наконецъ, вмѣшательство Европы убѣдило японцевъ въ необходимости значительнаго подъема организаціи своихъ боевыхъ силъ, разъ желательно обезпечить себя въ будущемъ отъ подобныхъ сюрпризовъ. Уже въ 1896 г. государственные люди Японіи выработали планъ обширнаго увеличенія арміи, флота, усиливались береговыя укрѣпленія, расширялась желѣзнодорожая сѣть, учреждались государственныя фабрики для производства важнѣйшихъ предметовъ, необходимыхъ для нуждъ арміи. Расходы на осуществленіе всѣхъ этихъ мѣропріятій отчасти брались изъ уплаченнаго Китаемъ военнаго вознагражденія. Конечно, однихъ этихъ средствъ было далеко недостаточно; вслѣдствіе этого правительство вынуждено было прибѣгнуть къ крупному повышенію налоговъ; съ этой цѣлью впервые были введены общій промысловый налогъ и табачная монополія. Въ 1898 г. правительство нашло необходимымъ выступить съ предложеніемъ о повышеніи поземельнаго налога и, чтобы сломить противодѣйствіе парламента этому законопроекту, оно дважды подрядъ вынуждено было прибѣгать къ его роспуску. По вычисленію Ратгена, налоги въ Японіи съ 1895 г. по 1904 г. поднялись съ $74^1/_2$ до $170^1/_2$ милліоновъ іенъ. Это было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вступленія Японіи въ кругъ міровыхъ державъ; только растущее богатство страны позволяло ей перенести это тяжелое бремя.

Каково было положеніе, созданное для Японіи войной, ярко показываютъ два слѣдующихъ факта. Прежде всего величайшая міровая держава Англія старалась привлечь къ себѣ новую восточно-азіатскую державу въ качествѣ своей союзницы; Японія и Англія одинаково заинтересованы въ недопущеніи чрезмѣрнаго усиленія Россіи въ Восточной Азіи. Отказъ Англіи отъ консульской юрисдикціи былъ первымъ шагомъ сближенія ея съ Японіей, позднѣе завершившагося формальнымъ союзомъ. Не менѣе крупное значеніе имѣло и то обстоятельство, что Россія сочла себя вынужденной отступить передъ Японіей въ Кореѣ. Русскіе, пользуясь внутренними замѣшательствами въ Кореѣ, прочно засѣли въ Сеулѣ; король всецѣло находился въ ихъ рукахъ и болѣе года проживалъ въ русскомъ посольствѣ; налоги и таможенные сборы находились въ завѣдываніи русскаго финансоваго агента; русскіе офицеры состояли инструкторами корейской арміи. Съ этимъ высасываніемъ Россіей внутреннихъ соковъ Кореи Японія мирилась еще менѣе, чѣмъ съ подчиненіемъ Кореи Китаю, и въ Петербургѣ начали отступать, какъ только тамъ убѣдились, что Японія шутить не намѣрена. По русско-японскому договору (апрѣль 1898 г.) Корея была объявлена совершенно нейтральнымъ государствомъ; какъ Россія, такъ и Японія оставляли за собою право содержать гарнизоны по 1000 человѣкъ для охраны своихъ посольствъ въ Сеулѣ; но каждая изъ державъ должна была воздерживаться отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла страны. Въ силу этого Россія отозвала своихъ чиновниковъ и офицеровъ; фактически, впрочемъ, тѣ же офицеры были оставлены въ распоряженіи посольства въ Сеулѣ и, въ случаѣ надобности, были готовы вновь взять въ свои руки командованіе солдатами. Еще немного лѣтъ тому назадъ Россія и не подумала бы удостоить своимъ вниманіемъ подобнаго рода требованія со стороны Японіи.

Событія на Дальнемъ Востокѣ кореннымъ образомъ измѣнили также и общую картину международнаго положенія. Совмѣстныя выступленія Россіи, Франціи и Германіи въ Симоносеки снова изолировали Англію; это положеніе непріятно сознавалось въ Лондонѣ. Прежній дружественный тонъ, принятый прошлой зимою правительственной печатью по отношенію къ Россіи и Франціи, рѣзко измѣнился. Самымъ недвусмысленнымъ образомъ Англія заявила протестъ противъ будущаго пріобрѣтенія Франціею государства Конго и вторженія французовъ въ долину Верхняго Нила. Но недовольство Англіи обратилось, главнымъ образомъ, противъ Германіи. Отказъ послѣдней отъ предложеннаго Англіей посредничества между Китаемъ и Японіей и поддержка Германіей русской политики на Дальнемъ Востокѣ разсматривались какъ полный разрывъ добрыхъ отношеній, установившихся между нею и Англіей съ 1890 г. Мы еще недостаточно освѣдомлены о мотивахъ германской политики за эти годы; очень вѣроятно, что наряду съ разногласіями въ Африкѣ и со стремленіемъ къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ въ Восточной Азіи сыграло извѣстную роль и религіозное чувство императора. Вильгельмъ II видѣлъ въ возвышеніи монгольской, нехристіанской великой державы угрозу христіанству, а вмѣстѣ съ нимъ свѣтской культурѣ и ея «священнѣйшимъ благамъ». Къ занятой Германіей въ Восточной Азіи позиціи, непріятной для Англіи, присоединилось еще то обстоятельство, что какъ-разъ въ это время буры снова стали открыто домогаться сближенія съ германской имперіей, и домогательства эти, во всякомъ случаѣ, не были ею отвергнуты. Въ январѣ 1895 г. президентъ Крюгеръ во время празднованія дня рожденія императора Вильгельма произнесъ въ Преторіи тостъ, заставлявшій надѣяться на дальнѣйшее развитіе зарождавшихся отношеній. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя къ открытію желѣзной дороги изъ Преторіи въ бухту Делагоа явились нѣмецкія военныя суда. Президентъ Крюгеръ сдѣлалъ имъ визитъ и обмѣнялся по этому поводу телеграммами съ императоромъ. Это обстоятельство особенно сильно оскорбило Англію, и императоръ Вильгельмъ долженъ былъ вскорѣ на самомъ себѣ почувствовать гнѣвъ своихъ англійскихъ родственниковъ. Лѣтомъ 1895 г., когда Вильгельмъ обыкновенно посѣщалъ Англію, органъ министерства «Standard» привѣтствовалъ его статьей, въ которой говорилось, что хотя Германія и Англія имѣютъ одинаковые міровые интересы, однако, опасная склонность первой къ дипломатическимъ экспериментамъ и ея кокетничанье съ Россіей и Франціей отнюдь не содѣйствуютъ сохраненію добраго согласія. Императору совѣтовали взять у своей бабушки урокъ политической мудрости и воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Англіи, чтобы оказаться въ большей гармоніи съ національнымъ настроеніемъ. Въ германской прессѣ эта заносчивая статья встрѣтила рѣзкій отпоръ, а императоръ Вильгельмъ послѣ этого прекратилъ свои обычныя поѣздки въ Англію. Но по обѣ стороны канала остались слѣды взаимнаго недовольства, которое вполнѣ никогда не исчезало, напротивъ, обострялось торговымъ соперничествомъ и иногда переходило даже въ открытую угрозу.

Такимъ образомъ, лѣтомъ 1895 г. Англія снова очутилась въ совер-

шенно изолированномъ положеніи. Правительство не могло рѣшиться открыто выступить противъ образа дѣйствій Россіи въ Восточной Азіи. Русская печать уже заговорила о возможности въ настоящее время разрѣшить египетскій и другіе африканскіе вопросы также путемъ соглашенія между Россіей, Франціей и Германіей въ направленіи, неблагопріятномъ для Англіи.

Англійскіе консерваторы воспользовались создавшимся положеніемъ вещей для стремительнаго нападенія на министерство Розбери, которое они упрекали въ недостаточномъ огражденіи интересовъ имперіи; въ этихъ нападкахъ они встрѣтили поддержку съ разныхъ сторонъ, и при голосованіи по военнымъ вопросамъ министерство Розбери осталось въ меньшинствѣ. Мѣсто вышедшаго въ отставку министерства занялъ Салисбери, который въ іюнѣ 1895 г. получилъ порученіе составить новый кабинетъ. Въ составъ его вступилъ также и вождь уніонистовъ Джозефъ Чэмберлэнъ, занявшій отвѣтственный постъ статсъ-секретаря колоній. Парламентъ былъ тотчасъ же распущенъ, и новые выборы дали крупное консервативное большинство—370 консерваторовъ и 76 уніонистовъ противъ 177 либераловъ и 82 ирландцевъ.

При такихъ обстоятельствахъ вступило во власть третье имперіалистское министерство, которое, держа въ своихъ рукахъ свыше 10 лѣтъ бразды правленія, открыло собою новую эру колоніальныхъ завоеваній и широкихъ имперскихъ плановъ реформъ. Сближеніе съ Японіей и призваніе къ власти этого воинствующаго министерства было отвѣтомъ Англіи на поведеніе остальныхъ державъ въ Симоносеки.

Дѣйствительно вдохновляющей и движущей силой новаго правительства былъ министръ колоній Джозефъ Чэмберлэнъ. Человѣкъ проницательнаго ума, пламеннаго патріотизма и неутомимой энергіи, Чэмберлэнъ былъ во всякомъ случаѣ самымъ выдающимся въ ряду государственныхъ дѣятелей, выставленныхъ Англіей за послѣднія десятилѣтія. Онъ родился въ 1836 г. Покинувъ службу управляющаго фабрикой, Чэмберлэнъ посвятилъ себя сначала коммунальной, а затѣмъ и политической дѣятельности; интересы промышленности, ея предпринимателей и рабочихъ всегда стояли у него на первомъ планѣ. Радикально настроенный въ началѣ своей политической карьеры, Чэмберлэнъ впослѣдствіи отдѣлился отъ Гладстона и либераловъ изъ-за вопроса о гомрулѣ. Единство и нераздѣльность имперіи въ его глазахъ являлись необходимыми условіями сохраненія за Англіей ея мірового значенія. Неоднократно утверждалъ онъ, что настоящій моментъ былъ наиболѣе благопріятенъ для упроченія единства Британской имперіи. Если же откладывать дѣло до той поры, пока Австралія, Канада и южная Африка сдѣлаются совершенно самостоятельными націями, тогда придется констатировать полный распадъ имперіи. Онъ готовъ былъ добиться болѣе тѣснаго объединенія съ колоніями цѣною предоставленія имъ финансово-политическихъ привилегій, которыхъ онѣ требовали уже цѣлые годы. И въ колоніальной политикѣ Чэмберлэнъ руководился преимущественно соціально-политическими соображеніями.

Вначалѣ онъ особенно подчеркивалъ то обстоятельство, что въ вопросѣ о расширеніи британской колоніальной имперіи дѣло идетъ не только объ интересахъ ничтожнаго меньшинства, но прежде всего объ интересахъ народныхъ массъ и рабочаго класса, ибо безъ обезпеченнаго рынка для сбыта товаровъ промышленность процвѣтать не можетъ, и рабочій не въ состояніи найти работу; надежными же Англія можетъ считать только тѣ рынки, которые находятся подъ ея господствомъ. Точно также не можетъ англійскій народъ существовать безъ ввоза хлѣба и мяса; а между тѣмъ единственными областями, гдѣ не можетъ возникнуть искушенія пріостановить вывозъ этихъ продуктовъ въ Англію, опять-таки являются колоніи.

Такъ какъ Чэмберлэнъ понималъ, что условіемъ всякаго болѣе тѣснаго единенія является уступка экономическимъ требованіямъ колоній, то онъ уже на конгрессѣ торговыхъ камеръ въ 1895 г. заявилъ, что внесъ въ свою программу реформу таможенной политики; но осуществленіе этой реформы онъ считалъ мыслимымъ лишь при условіи сохраненія полной свободы торговыхъ сношеній между метрополіей и колоніями. Что же касается товаровъ, привозимыхъ изъ другихъ странъ, то колоніи могутъ облагать ихъ любыми пошлинами по своему усмотрѣнію. Сама Англія должна принять на себя обязательство облагать умѣренными пошлинами хлѣбъ, мясо, шерсть и сахаръ, если они привозятся не изъ колоній. Первый шагъ къ проведенію въ жизнь этихъ мыслей былъ сдѣланъ весною 1897 г., когда Канада установила новый таможенный тарифъ, обезпечивавшій пониженіе пошлинъ на 25% (позднѣе даже на $33^1/_3$%) всѣмъ тѣмъ странамъ, которыя откроютъ безпошлинный доступъ къ себѣ продуктамъ канадскаго производства. Это облегченіе было на руку лишь Англіи, такъ какъ только она одна безпошлинно пропускала къ себѣ продукты канадскаго производства. На конференціи всѣхъ колоніальныхъ министровъ, организованной Чэмберлэномъ въ іюнѣ—іюлѣ 1897 г. въ Лондонѣ по случаю 60-лѣтняго юбилея царствованія королевы Викторіи, эти планы получили еще дальнѣйшее развитіе. Тутъ прежде всего было выражено желаніе, чтобы Австралія и южная Африка преобразовались въ большія союзныя государства по образцу Канады и затѣмъ, подобно ей же, предоставили метрополіи таможенныя льготы. Представители колоній, однако, настаивали на томъ, чтобы Англія предварительно выступила съ серьезными мѣрами, направленными противъ ввоза, идущаго не изъ колоній. Проекты учрежденія постояннаго имперскаго союзнаго совѣта, введенія регулярнаго участія колоній добавочными денежными средствами на содержаніе флота и обмѣна англійскими и колоніальными войсковыми частями—встрѣтили на первыхъ порахъ мало сочувствія въ колоніяхъ; онѣ хотѣли выждать и предварительно убѣдиться, насколько метрополія дѣйствительно готова считаться съ ихъ экономическими требованіями. Конференція еще болѣе убѣдила Чэмберлэна въ невозможности достичь какихъ-либо результатовъ безъ таможенныхъ уступокъ, и онъ сдѣлалъ шагъ, который прежними министрами всегда оспаривался по соображеніямъ общей политики. Онъ объявилъ прекратившимися

существовавшіе до сихъ поръ торговые договоры съ Германіей и Бельгіей, такъ какъ въ договорахъ этихъ имѣлся параграфъ о наиболѣе благопріятствуемыхъ націяхъ, что мѣшало Англіи обезпечить своимъ колоніямъ большія таможенныя преимущества, сравнительно съ названными странами. Но все это были только подготовительные шаги. Чэмберлэнъ отдавалъ себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ положеніи дѣлъ; онъ зналъ, что потребуется долгій періодъ предварительной агитаціонной работы, прежде чѣмъ удастся приступить къ творческому и организаторскому труду въ намѣченномъ направленіи.

Если такимъ образомъ передъ Чэмберлэномъ была на первомъ планѣ задача болѣе прочнаго органическаго соединенія колоній съ метрополіей, то наряду съ этимъ его сильно занимала также и мысль о расширеніи британской колоніальной имперіи, что съ его точки было равносильно пріобрѣтенію новыхъ надежныхъ рынковъ для сбыта англійскихъ товаровъ. Двѣ наиболѣе крупныя побѣды, достигнутыя имъ на этомъ пути, были завоеваніе Судана и покореніе бурскихъ республикъ.

Припомнимъ, что по требованію Англіи южная граница египетской территоріи была опредѣлена у Вади-Галфы, и что хедивъ долженъ былъ отказаться отъ обратнаго завоеванія Судана. Несмотря на это, Англія объявила всю долину Верхняго Нила относящейся къ сферѣ англійскихъ и египетскихъ интересовъ и воспротивилась проникновенію въ эту область всякой другой націи. Въ это время Франція обнаружила явное стремленіе къ овладѣнію Суданомъ съ цѣлью установленія непрерывной территоріальной связи между областью Нигера и своей Конгской колоніей, съ одной стороны, и съ своими незначительными владѣніями на Красномъ морѣ—съ другой. Уже въ договорѣ съ государствомъ Конго въ 1894 г. французы ясно показали свои намѣренія въ этомъ смыслѣ; вскорѣ послѣ этого были снаряжены три экспедиціи, которыя одновременно должны были проникнуть въ область калифата съ трехъ сторонъ—съ запада, юго-запада и востока. Извѣстіе объ этомъ заставило Чэмберлэна дѣйствовать рѣшительно и быстро. Лѣтомъ 1896 г. сэръ Гербертъ Китченеръ былъ назначенъ главнокомандующимъ суданской арміей, онъ оказался вполнѣ на высотѣ возложенной на него задачи. Медленно и осторожно подвигался онъ впередъ отъ египетской нижней границы въ долину Нила, но въ то же время, повсюду проводя желѣзныя дороги, онъ обезпечивалъ себѣ помощь съ тыла, а при посредствѣ захваченныхъ имъ съ собою сборныхъ паровыхъ судовъ онъ пользовался судоходными частями Нила и плылъ на этихъ судахъ по рѣкѣ, чтобы быстрѣе приблизиться къ цѣли. Какъ только онъ достигалъ извѣстнаго пункта остановки, онъ тотчасъ же укрѣплялъ его и оставался тутъ до тѣхъ поръ, пока не заканчивалась постройкой желѣзная дорога, и пока онъ не запасался достаточнымъ количествомъ матеріала для паровыхъ судовъ и пушекъ.

Въ сентябрѣ послѣ жестокой битвы съ дервишами онъ завоевалъ Дон-

голу и началъ послѣ того сложную по своей трудности постройку желѣзной дороги черезъ пустыню въ Абу Хаммедъ. Спустя девять мѣсяцевъ дорога эта была готова, и Абу Хаммедъ могъ быть завоеванъ (августъ 1897 г.). Ближайшая важная позиція Берберъ была очищена дервишами почти безъ боя, и весною 1898 г. Китченеръ стоялъ уже у Атбары, гдѣ дервиши разбили сильный лагерь, пытаясь помѣшать его дальнѣйшему движенію. Но Китченеръ одержалъ здѣсь блестящую побѣду, взялъ въ плѣнъ непріятельскаго вождя и перешелъ черезъ рѣку. Снова остановился онъ тутъ на нѣсколько мѣсяцевъ, пока строящаяся желѣзнодорожная линія не достигла мѣста его стоянки, и затѣмъ двинулся дальше, чтобы нанести непріятелю рѣшительный ударъ. 3 сентября онъ приблизился къ столицѣ халифата Омдерману; невдалекѣ отъ города навстрѣчу ему двинулись главныя боевыя силы дервишей, предводимыя самимъ Абдуллахомъ. Послѣ жаркой битвы, которою Китченеръ руководилъ съ удивительной осторожностью, ему удалось разбить на голову непріятельскую армію и занять Омдерманъ.

Но едва только закончено было это предпріятіе, какъ Китченеръ получилъ извѣстіе, что французскій полковникъ Маршанъ уже 10 іюня, на разстояніи нѣсколькихъ переходовъ вверхъ по рѣкѣ, проникъ въ долину Нила и водрузилъ въ Фашодѣ французскій флагъ. Китченеръ немедленно же съ частью своихъ войскъ поспѣшилъ туда и потребовалъ очищенія занятыхъ Маршаномъ фортовъ, какъ принадлежащихъ области, завоеванной Англіей. Маршанъ отказался исполнить это требованіе, и между англійскими и французскими войсками, казалось, готовъ былъ произойти конфликтъ, который легко могъ разгорѣться во всемірную войну. Маршанъ, не рѣшаясь принимать на себя столь страшную отвѣтственность, попросилъ, въ концѣ концовъ, разрѣшить ему воспользоваться англійскимъ кабелемъ для испрошенія инструкцій отъ своего правительства. Китченеръ согласился на это, и тогда изъ Парижа послѣдовалъ приказъ очистить Фашоду. Для Франціи не было никакой возможности послать Маршану въ Фашоду необходимыя подкрѣпленія или принять сраженіе на морѣ съ англійскимъ флотомъ. Отступавшимъ французамъ англичане съ дружескою любезностью предоставили воспользоваться египетской желѣзной дорогой, и въ декабрѣ 1898 г. черезъ Каиръ и Александрію Маршанъ уѣхалъ. Этимъ самымъ и въ Верхнемъ Нилѣ французы окончательно очистили мѣсто для англичанъ.

Отнынѣ положеніе Судана было точнѣе урегулировано путемъ договора между Англіей и хедивомъ; установленъ былъ «англо-египетскій condominium» (совладѣніе); генералъ-губернаторъ Судана назначался хедивомъ, по соглашенію съ Англіей, и ему предоставлялось право опредѣлять область примѣненія въ Суданѣ египетскихъ законовъ. Смѣщеніе генералъ-губернатора могло произойти только съ согласія Англіи, т.-е. къ послѣдней именно и переходило фактическое управленіе Суданомъ; египтянамъ же было оставлено лишь формальное право участія въ управленіи. Всѣмъ націямъ была обезпечена полная свобода торговли въ Нильской долинѣ. Съ этихъ поръ Англія все дѣлала для развитія источниковъ богатствъ этой области. Она соорудила

желѣзнодорожную линію отъ долины Нила до Краснаго моря, въ порту Судана создала новый превосходный торговый рынокъ и военную гавань и такимъ образомъ обезпечила себѣ непрерывное сообщеніе между долиною Верхняго Нила и Индіей на тотъ случай, если бы ей пришлось когда-нибудь очистить Египетъ.

Во избѣжаніе конфликта, подобнаго тому, какой имѣлъ мѣсто при Фашодѣ, англійскому и французскому правительствамъ казалось необходимымъ установленіе болѣе точнаго разграниченія ихъ взаимныхъ сферъ интересовъ. Это и было достигнуто прежде всего въ сѣверной Африкѣ договоромъ, заключеннымъ 21 марта 1899 г. Линія, проведенная отъ южной границы Триполи до сѣверной границы государства Конго черезъ Ливійскую пустыню, и отмежевала сферу интересовъ той и другой стороны; низменность отъ Триполи до озера Чадъ перешла къ Франціи, а область истоковъ Нила къ Англіи.

Едва только окончился этотъ конфликтъ, какъ въ южной Африкѣ стала подготовляться новая опасная борьба. Проложеніемъ дороги къ Замбезе и желѣзнодорожной линіи, а также телеграфа къ форту Салисбери Британско-южно-африканское общество старалось открыть себѣ доступъ въ область къ сѣверу отъ Трансвааля. Мятежи туземцевъ противъ бѣлыхъ сильно затрудняли задачу общества. Еще въ 1893 г. другъ и сотрудникъ Сесиля Родса д-ръ Джемсонъ долженъ былъ предпринять походъ противъ матабеле, потребовавшій большого напряженія силъ; онъ же окончательно сломилъ господство кафрскаго царька Лобенгулы и завоевалъ его столицу Булувайо. Съ 1895 г. обширная область, пріобрѣтенная трудами общества, носила названіе Родезія. Но надежды, возлагавшіяся на залежи благородныхъ металловъ, не оправдались, и дѣла Британско-южно-африканскаго общества шли далеко не блестяще. Между тѣмъ золотые рудники, расположенные на сосѣдней территоріи, принадлежавшей бурамъ, доставляли все болѣе богатую добычу. Въ 1895 г. эта добыча въ Трансваалѣ впервые превзошла количество золота, добытаго въ Австраліи.

Благодаря открытію и эксплуатаціи золотоносныхъ рудниковъ у Витватерсранда маленькая часть бурской территоріи превратилась въ промышленный центръ. Со всѣхъ частей свѣта въ городъ Іоганнесбургъ и его окрестности стали стекаться европейскіе поселенцы, особенно же англичане, и притомъ въ такомъ количествѣ, что процентъ не-голландскаго населенія Трансвааля все болѣе и болѣе повышался. Буры же энергично отстаивали свое исключительное право на управленіе страной. Хотя возрастаніе цѣнности земли въ промышленномъ округѣ и доставило бурамъ небывалыя еще до тѣхъ поръ богатства; хотя расходы республики и покрывались сборомъ налоговъ съ промышленнаго центра, тѣмъ не менѣе, иностранцамъ, проживающимъ тамъ, не желали предоставить права выборовъ членовъ народнаго собранія во всемъ объемѣ. Уитлендеры уже въ 1893 г. организовали особый комитетъ реформъ и требовали уравненія въ избирательныхъ правахъ съ бурами.

Особенно были недовольны поведеніемъ трансваальскаго правительства владѣльцы рудниковъ. Они требовали, чтобы республика мѣрами государственной власти принудила туземцевъ къ работамъ въ рудникахъ, и протестовали противъ существующей правительственной монополіи торговли динамитомъ, безъ котораго нельзя было приступить къ горнозаводскимъ работамъ. Родсъ въ качествѣ министра Капской колоніи и главнаго директора Британскаго южно-африканскаго общества поддержалъ эти требованія. Но со стороны буровъ они встрѣтили самое упорное сопротивленіе; буры боялись, что, предоставивъ иностранцамъ равныя политическія права, они сдѣлаются жертвою иностраннаго засилія.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Джемсонъ, вѣроятно, съ согласія Родса, но безъ полномочія англійскаго правительства, пытался путемъ внезапнаго набѣга врасплохъ захватить Южно-африканскую республику. Съ Джемсономъ былъ солидаренъ и комитетъ реформъ въ Іоганнесбургѣ. Съ отрядомъ всадниковъ въ 800 человѣкъ и шестью пушками безъ всякаго объявленія войны онъ вторгся на территорію Трансвааля. Крюгеръ, однако, былъ предупрежденъ и своевременно выслалъ противъ него отрядъ подъ предводительствомъ генерала Жубера. 2 января 1896 г. при Крюгерсдорпѣ произошло сраженіе, въ которомъ отрядъ Джемсона былъ разбитъ на голову, причемъ самъ Джемсонъ былъ взятъ въ плѣнъ. Одновременно съ этимъ была раскрыта попытка возстанія въ Іоганнесбургѣ, иниціаторы которой были также строго наказаны. Джемсонъ былъ выданъ Англіи и англійскимъ судомъ приговоренъ къ денежному штрафу за нарушеніе мира. Въ Европѣ повсюду выражали горячія симпатіи по адресу буровъ, подвергшихся разбойничьему набѣгу. Въ это время императоръ Вильгельмъ обратился къ Крюгеру съ извѣстной поздравительной телеграммой, въ которой высказалъ президенту республики пожеланіе успѣшной борьбы съ нарушителями порядка, разсчитанной на собственныя силы и безъ необходимости обращенія къ помощи дружественныхъ державъ. Послѣднія слова открывали широкій просторъ для самыхъ разнообразныхъ толковъ и еще болѣе усилили враждебное настроеніе Англіи противъ Германіи.

Однако, въ Англіи все болѣе и болѣе сознавалась необходимость успокоить общественное мнѣніе Европы, негодовавшей по поводу набѣга Джемсона, тѣмъ болѣе, что наложенный на него легкій штрафъ за нарушеніе мира свидѣтельствовалъ скорѣе о сочувствіи Англіи набѣгу, чѣмъ о его порицаніи. Родсъ былъ устраненъ съ министерскаго поста; кромѣ того, онъ счелъ себя вынужденнымъ сложить съ себя званіе директора Британско-южно-африканскаго общества, да и самое общество было лишено права содержать собственныя войска; и его территорія была поставлена подъ строгій надзоръ британскаго правительства. Хотя Родсъ, благодаря всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ, и удалился съ политической арены, но, какъ частный человѣкъ, продолжалъ дѣйствовать въ прежнемъ направленіи. Проведеніе южно-африканской желѣзной дороги до Булувайо и телеграфной линіи до озера Танганайка, послѣдовавшее въ ближайшіе годы, было, конечно, его дѣломъ. Но его отставка привела къ новому ожесточенному возстанію туземцевъ, которое было

подавлено лишь къ концу 1896 г., причемъ оно стоило Англіи громадныхъ жертвъ какъ людьми, такъ и деньгами.

Изъ набѣга Джемсона буры извлекли тотъ урокъ, что они всегда должны находиться въ боевой готовности, если не хотятъ быть застигнутыми врасплохъ новой попыткой подобнаго рода. Въ 1897 г. Трансвааль и Оранжевая республика заключили между собою оборонительный и наступательный союзъ; въ Европѣ были закуплены оружіе и военные припасы и изъ Лоренцо-Маркеза по португальской желѣзной дорогѣ были доставлены въ Преторію. Въ Англіи смотрѣли на все это сквозь пальцы, такъ какъ правительство желало избѣжать конфликта, пока все вниманіе его было поглощено недоразумѣніями съ Франціей изъ-за долины Верхняго Нила и съ Соединенными Штатами изъ-за Венецуэлы; кромѣ того, много хлопотъ ему доставляли также дурныя отношенія съ Германіей и страшное, вызванное голодомъ, возстаніе въ Индіи. Только послѣ устраненія всѣхъ этихъ затрудненій Чэмберлэнъ выступилъ съ болѣе энергичной политикой въ южной Африкѣ. Когда уитлендеры снова обратились къ Англіи съ просьбою о помощи, верховный комиссаръ южной Африки, лордъ Мильнеръ, вступилъ въ сношенія съ президентомъ Крюгеромъ и потребовалъ отъ него предоставленія избирательнаго права въ странѣ каждому поселенцу, прожившему въ ней въ теченіе пяти лѣтъ, и такого перераспредѣленія избирательныхъ округовъ, чтобы четвертая часть всѣхъ депутатскихъ мѣстъ въ народномъ совѣтѣ была обезпечена промышленному району [1]). Крюгеръ и фолькраадъ, хотя и склонны были къ нѣкоторымъ уступкамъ, постоянно, однако, настаивали во время переговоровъ на безусловной политической независимости Трансвааля въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и на обязательствѣ Англіи въ случаѣ возникновенія какихъ-либо конфликтовъ подчиняться рѣшенію третейскаго суда; но такъ какъ буры не имѣли права вступать въ сношенія съ иностранными державами иначе, какъ при посредничествѣ Англіи, то, слѣдовательно, вассальныя отношенія ихъ къ Англіи не могли подлежать спору. Поэтому Чэмберлэнъ отвергъ предложеніе о третейскомъ судѣ, который умѣстенъ лишь въ спорахъ двухъ совершенно независимыхъ государствъ.

---

[1]) Конституція Южно-африканской республики дѣлила все населеніе страны на два класса: бургерами перваго класса признавались всѣ бѣлые, поселившіеся въ республикѣ до 1876 г. или принимавшіе участіе въ войнѣ 1880—1881 гг. противъ Англіи, со всѣмъ потомствомъ тѣхъ и другихъ; бургерами второго класса были натурализовавшіеся новые поселенцы (уитлендеры), причемъ натурализація давалась лишь черезъ два года послѣ поселенія и обставлялась нѣкоторыми стѣснительными условіями. Вся политическая власть принадлежала лишь первому классу, избиравшему какъ высшихъ должностныхъ лицъ республики, такъ и членовъ верхней палаты фолькраада, пользовавшихся, въ сравненіи съ нижней палатой, огромнымъ значеніемъ. Съ 1893 г., однако, уитлендеры добились права черезъ 12 лѣтъ послѣ натурализаціи (слѣдовательно, послѣ 14 лѣтъ поселенія въ республикѣ) переходить изъ разряда бургеровъ второго класса въ первый; такъ какъ новые поселенцы все болѣе и болѣе увеличивались, то мало-по-малу въ ихъ руки съ теченіемъ времени перешла бы власть въ республикѣ. Война съ Англіей прервала этотъ неизбѣжный переходъ власти отъ старыхъ поселенцевъ (буровъ) къ новымъ (уитлендерамъ). *Ред.*

ДЖ. ЧЭМБЕРЛЭНЪ.

С. РОДСЪ.

П. КРЮГЕРЪ,
президентъ Трансваальской республики.

Лордъ РОБЕРТСЪ.

Лордъ КИТЧЕНЕРЪ.

Генералъ Кронье и лордъ Робертсъ послѣ капитуляціи при Паардебергѣ.

Въ виду того, что переговоры принимали все болѣе и болѣе враждебный характеръ, Англія начала вооружаться и отправлять войска въ южную Африку. Чэмберлэнъ, наконецъ, потребовалъ, кромѣ предоставленія избирательныхъ правъ уитлендерамъ, установленія полнаго городского самоуправленія въ Іоганнесбургѣ, разрѣшенія уитлендерамъ говорить въ фолькраадѣ по-англійски, отмѣны динамитной монополіи, срытія фортовъ Іоганнесбурга и обученія англійскому языку въ школахъ республики. Крюгеръ отвергъ всѣ эти требованія и 10 октября 1899 г., съ своей стороны, предъявилъ ультиматумъ: Англія должна до истеченія 24 часовъ заявить о своемъ согласіи передать всѣ спорные пункты на разсмотрѣніе третейскаго суда и отозвать всѣ свои войска, введенныя въ южную Африку съ 1 іюня 1899 г. Когда Чэмберлэнъ призналъ эти условія не подлежащими обсужденію, буры открыли военныя дѣйствія и перевели 11 октября свои войска черезъ границы, какъ западную, такъ и восточную.

Общественное мнѣніе Европы было всецѣло на сторонѣ буровъ и единственное объясненіе поведенія Англіи видѣло въ аппетитахъ англійскихъ капиталистовъ, стремившихся къ завладѣнію богатыми нѣдрами земли на территоріи буровъ. На самомъ же дѣлѣ, если имперіалистская идея должна была сохранить свое значеніе и для южной Африки, то оставлять среди области, принадлежащей британской имперіи, существованіе независимыхъ и въ сущности враждебныхъ ей государствъ было для Англіи невозможно. Но, съ другой стороны, если бы бурскія республики согласились искренне примириться съ законно установленнымъ положеніемъ вассальныхъ государствъ, то Англія, конечно, не стала бы лишать ихъ этой полунезависимости. Но всѣмъ своимъ поведеніемъ буры показали, что они ничего другого такъ горячо не желаютъ, какъ полнаго отдѣленія отъ Англіи, и это дѣлало войну неизбѣжной.

Вначалѣ буры превосходили Англію своими боевыми силами; на ихъ сторонѣ было преимущество великолѣпнаго знакомства съ мѣстностью; на ихъ же сторону склонялись и широкія симпатіи ихъ соплеменниковъ въ Капской колоніи. Военныя приготовленія Англіи еще не были закончены, и потому казалась довольно вѣроятной возможность путемъ быстрыхъ и смѣлыхъ операцій занять нѣсколько важныхъ пунктовъ Капской области и Наталя и надолго перенести войну даже въ Капскую колонію. Хотя буры въ этой войнѣ и показали въ отдѣльныхъ случаяхъ примѣры личной храбрости, особенно въ качествѣ великолѣпныхъ стрѣлковъ, но въ общемъ обнаружили полное незнакомство съ европейской дисциплиной и съ европейской стратегіей. Они недостаточно использовали свои первыя побѣды надъ генералами Буллеромъ и Метуеномъ, безцѣльно растрачивали свои боевыя силы, сосредоточивъ ихъ у Мэфкинга, Кимберлея и Лэдисмита. Вслѣдствіе этого удобный моментъ кампаніи ими былъ упущенъ, англичанамъ же дано было достаточно времени, чтобы перебросить въ южную Африку огромныя массы войска. Главное командованіе арміей поручено было лорду Робертсу; его сотрудникомъ въ качествѣ начальника генеральнаго штаба былъ назначенъ Китченеръ; оба они были самые способные и испытанные генералы, какими только обладала Англія. Колоніи

соперничали между собою въ посылкѣ добровольной помощи; особенно широкимъ потокомъ устремились въ южную Африку добровольцы изъ Австраліи и Канады.

Обходнымъ движеніемъ лордъ Робертсъ вскорѣ сумѣлъ занять положеніе, угрожавшее линіи отступленія расположившагося передъ Кимберлеемъ бурскаго генерала Кронье; этимъ маневромъ Робертсъ вынудилъ его снять осаду. 27 февраля 1900 г. онъ принудилъ Кронье вмѣстѣ со всѣмъ его отрядомъ у Паардеберга къ капитуляціи. Затѣмъ англичанами былъ также освобожденъ отъ осады Лэдисмитъ и взятъ Блумфонтейнъ. Послѣ этого обѣ республики начали просить о заключеніи мира. Но теперь Англія потребовала уже полнаго присоединенія обоихъ государствъ къ своей имперіи. Такъ какъ буры не желали согласиться на это, то война продолжалась. Аннексія Оранжевой республики была провозглашена британскимъ главнокомандующимъ весною, а Трансвааля—осенью 1900 г. Однако, недоставало еще многаго для дѣйствительнаго и окончательнаго покоренія этихъ областей; партизанская война продолжалась въ теченіе двухъ лѣтъ. Двумя мѣропріятіями лордъ Робертсъ окончательно сломилъ сопротивленіе буровъ. Прежде всего цѣпью военныхъ постовъ онъ окружилъ и изолировалъ покоренную часть страны и такимъ образомъ все болѣе суживалъ размѣры территоріи, въ которой буры могли еще держаться. Затѣмъ онъ изолировалъ женщинъ и дѣтей сражавшихся буровъ, по мѣрѣ того какъ они попадали въ руки побѣдителей, въ такъ называемые концентраціонные лагери и удерживалъ ихъ въ качествѣ заложниковъ, обезпечивавшихъ мирное поведеніе ихъ мужей и отцовъ. Недостаточность питанія и неблагопріятныя климатическія условія повлекли за собою громадную смертность въ этихъ лагеряхъ. Взволнованное мнѣніе Европы, отдававшее всѣ свои симпатіи бурамъ, выдерживавшимъ героическую борьбу съ превосходными силами противника, приписывало это обстоятельство жестокому обращенію англичанъ съ плѣнниками.

Въ концѣ 1900 г. Робертсъ покинулъ Трансвааль, предоставивъ Китченеру окончательное покореніе страны. Около этого же времени отправился въ Европу и президентъ Крюгеръ съ тѣмъ, чтобы найти помощь у европейскихъ державъ; онъ, однако, ничего не добился; германскимъ императоромъ онъ даже не былъ принятъ. Въ роли посредника пытались выступить Нидерланды, но попытка эта была отвергнута Англіей. Смерть королевы Викторіи и вступленіе на престолъ Эдуардъ VII весною 1902 г. доставили англійскому правительству поводъ вступить въ мирные переговоры съ продолжавшими еще войну бурами подъ предводительствомъ Девета. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ былъ заключенъ 31 мая договоръ, въ силу котораго буры, остававшіеся еще подъ ружьемъ, получали амнистію, безпроцентную денежную ссуду на возобновленіе своихъ разрушенныхъ жилищъ и гарантіи, обезпечивающія имъ сохраненіе голландскаго языка; взамѣнъ этого буры должны были признать англійскаго короля своимъ монархомъ. Имъ было обѣщано, какъ только въ странѣ будетъ возстановлено полное спокойствіе, введеніе самоуправленія на подобіе того, какимъ пользуются всѣ другія большія анг-

лійскія колоніи. Много затрудненій вызвалъ вопросъ о судьбѣ голландцевъ Капской колоніи, примкнувшихъ къ борьбѣ своихъ соплеменниковъ. На безнаказанность ихъ, какъ этого требовали буры, англичане не хотѣли согласиться; они обѣщали лишь, что не будетъ постановлено ни одного смертнаго приговора.

Съ заключеніемъ этого мирнаго договора покореніе южной Африки было окончено. На всемъ африканскомъ континентѣ оставалось еще только два независимыхъ отъ европейцевъ государства—Абессинія и Марокко.

8. Американскій имперіализмъ.

Сношенія между Соединенными Штатами и Европой долгое время ограничивались исключительно областью экономическихъ и культурныхъ интересовъ. Въ міровой политикѣ Союзъ не игралъ никакой роли, и вся его внѣшняя политика сводилась къ немногимъ основнымъ пунктамъ. Прежде всего Союзъ желалъ обезпечить себѣ и въ экономическомъ отношеніи возможно полную независимость отъ внѣшняго міра. Это стремленіе выразилось, главнымъ образомъ, въ усиленномъ повышеніи таможенныхъ пошлинъ, достигшемъ своего кульминаціоннаго пункта въ тарифѣ Динглея 1897 г., и въ затрудненіяхъ, создаваемыхъ для эмиграціи. Наряду съ этимъ огражденіемъ своей территоріи отъ наплыва иностранныхъ товаровъ и людей, Союзъ обнаруживалъ стремленіе разсматривать всю Америку какъ цѣлое, составляющее исключительную сферу интересовъ Соединенныхъ Штатовъ, и препятствовать какому бы то ни было усиленію европейскаго вліянія на всемъ вообще американскомъ континентѣ. Уже извѣстное посланіе президента Монроэ (1823 г.) формулировало этотъ основной тезисъ, согласно которому Соединенные Штаты не могутъ допустить основанія новыхъ европейскихъ колоній въ Америкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все глубже и глубже укоренялась идея объединенія всѣхъ остальныхъ независимыхъ государствъ Америки въ одинъ обширный союзъ подъ общей гегемоніей Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. При этомъ возникала мысль о панамериканскомъ таможенномъ союзѣ, объ американскомъ третейскомъ судѣ, объ объединеніи монетной системы и объ усовершенствованіи средствъ сообщенія. Однако, на первомъ же панамериканскомъ конгрессѣ въ Вашингтонѣ (1889 г.) латинскія южно-американскія государства отнеслись отрицательно къ такому объединенію.

И въ Соединенныхъ Штатахъ эта идея отнюдь не пользовалась всеобщимъ сочувствіемъ. Изъ двухъ большихъ американскихъ политическихъ партій республиканская была сторонницей расширительной политики, которую можно сравнить съ имперіалистскимъ направленіемъ въ европейской политикѣ. Эта партія постоянно защищала необходимость сильной центральной власти, возвышающейся надъ отдѣльными штатами, и стояла въ авангардѣ борьбы за интересы американской промышленности. Демократическая партія, наоборотъ, отстаивала самостоятельность отдѣльныхъ штатовъ и инте-

ресы сельскаго хозяйства, а также боролась съ политикой внѣшняго расширенія. Ея сторонники опасались, что таможенный союзъ съ Южной Америкой облегчитъ аргентинскому хлѣбу и другимъ сырымъ продуктамъ юга конкуренцію на сѣверо-американскомъ рынкѣ. Обѣ партіи были солидарны лишь въ одномъ вопросѣ—въ недопущеніи европейскаго вмѣшательства въ американскія дѣла. Такъ, напр., когда Англія сдѣлала попытку отторгнуть отъ Венецуэлы часть территоріи, на которой были открыты новые золотые рудники, то демократическій президентъ Клевлендъ выступилъ противъ этого съ энергичнымъ протестомъ. Когда Англія для разрѣшенія этого конфликта обратилась къ силѣ, то Клевлендъ призналъ ея образъ дѣйствій нарушеніемъ доктрины Монроэ и грозилъ оказать Венецуэлѣ вооруженную помощь, если Англія не согласится передать споръ на рѣшеніе третейскаго суда (1894 г.). Впервые за долгій періодъ времени оба великія англо-саксонскія государства очутились на взаимно-враждебныхъ позиціяхъ; но тутъ же немедленно и обнаружилось, на чьей сторонѣ находится сила въ этой части земной поверхности. Англія не рѣшилась довести дѣло до вооруженной борьбы съ Соединенными Штатами и отступила по всей линіи; она согласилась на учрежденіе третейскаго суда, который послѣ продолжительнаго обсужденія пограничнаго спора вынесъ рѣшеніе не въ ея пользу. Точно такое же возбужденіе было вызвано въ Сѣверной Америкѣ въ 1897 г., когда передъ Гаити появился нѣмецкій военный корабль, чтобы поддержать требованія объ удовлетвореніи германскихъ подданныхъ, и когда ни о какихъ территоріальныхъ захватахъ и рѣчи въ сущности не было.

Союзъ при этомъ, вообще говоря, не выходилъ изъ предѣловъ Америки; и само собою предполагалось, какъ необходимое дополненіе доктрины Монроэ, положеніе, согласно которому Соединенные Штаты должны столь же мало интересоваться событіями, происходящими внѣ американской территоріи, какъ европейскія государства американскими дѣлами и событіями. Но съ теченіемъ времени все яснѣе обнаруживалось, что подобная точка зрѣнія не могла быть послѣдовательно выдержана до конца; расширеніе торговыхъ сношеній Америки съ Восточной Азіей, Европой и Африкой неизбѣжно требовало обезпеченія поддержки со стороны государства американскимъ гражданамъ, занятымъ тамъ торговыми операціями. Республиканская партія, какъ защитница коммерческихъ интересовъ, и въ этомъ случаѣ оказалась застрѣльщицей. При основаніи государства Конго Америка уже принимала участіе въ этомъ дѣлѣ наряду съ другими европейскими державами. Но еще ближе затронуты были интересы Союза все увеличивающимся раздѣломъ тихо-океанскихъ острововъ. Оккупація Таити Франціей въ 1880 г. и политика Германіи, усвоенная ею съ 1884 г., повели къ массовому захвату небольшихъ острововъ Англіей и Франціей. Къ концу 80-хъ годовъ оставалось уже лишь нѣсколько независимыхъ архипелаговъ, и американскіе купцы начали чувствовать себя въ Тихомъ океанѣ все болѣе и болѣе стѣсненными. До прямого столкновенія дѣло дошло на островахъ Самоа, гдѣ наряду съ нѣмецкими купцами занимались торговыми операціями много англійскихъ и американ-

скихъ купцовъ. Возникшія здѣсь затрудненія послужили поводомъ къ созванію въ Берлинѣ конференціи изъ представителей державъ. Результатомъ совѣщаній этой конференціи было признаніе (лѣтомъ 1889 г.) независимости и нейтралитета группы острововъ Самоа и подчиненіе ихъ общему контролю Германіи, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Этимъ самымъ Сѣверо-Американскіе Штаты стали твердой ногой за предѣлами Америки, и стремленіе къ Тихому океану сдѣлалось руководящимъ началомъ политики Союза. Ближайшей цѣлью служили Гавайскіе острова, образующіе естественный мостъ между Сѣверной Америкой и островами Тихаго океана. Уже въ 1893 г. американскому консулу, воспользовавшемуся споромъ изъ-за обладанія трономъ, удалось побудить царьковъ островной группы обратиться съ просьбой къ Соединеннымъ Штатамъ о принятіи ихъ подъ свой протекторатъ. Президентъ Гаррисонъ внялъ этой просьбѣ и назначилъ американскаго резидента. Но попытка установить господство Союза надъ территоріей, лежащей внѣ предѣловъ Америки, возбудила упорное противодѣйствіе со стороны демократовъ; такъ какъ нѣсколько недѣль спустя послѣ этихъ событій истекъ періодъ президентства Гаррисона, и власть перешла къ демократу Клевленду, то присоединеніе острововъ еще разъ было отсрочено. Клевлендъ обратился къ конгрессу съ предложеніемъ изыскать способъ, какимъ можно было бы, не нарушая принятыхъ на себя обязательствъ, уйти съ острововъ Самоа. Но подобно тому какъ Клевлендъ, несмотря на свое миролюбіе и отвращеніе къ имперіалистскимъ идеямъ, вынужденъ былъ вмѣшаться въ венецуэльскій конфликтъ, точно также во время его президентства Союзу пришлось вмѣшаться въ событія испанской Вестъ-Индіи, а вслѣдъ за этимъ вмѣшательствомъ и начать войну съ Испаніей.

Непріязнь испанскихъ колоній въ Вестъ-Индіи къ метрополіи съ давнихъ поръ наводила американцевъ на заманчивую для нихъ мысль о завладѣніи этими колоніями, которое доставило бы имъ господство надъ средне-американскими водами столь важной области. Между Союзомъ и Кубой уже давно установились экономическія связи, и многочисленныя возстанія на островѣ обыкновенно находили поддержку на американскомъ континентѣ. Понятно поэтому, что, когда въ 1895 г., вслѣдствіе отказа Испаніи исполнить сдѣланныя ею раньше обѣщанія, на островѣ вспыхнуло новое опасное возстаніе, вожди повстанцевъ тотчасъ же обратили свои взоры, полные надежды, на Америку.

Республиканцы Сѣверо-Американскаго Союза высказались за безотлагательное вмѣшательство въ борьбу; и конгрессъ предъявилъ въ этомъ смыслѣ формальное требованіе. Но Клевлендъ на первыхъ порахъ ограничился охраненіемъ полнаго нейтралитета и лишь дипломатическимъ путемъ посовѣтовалъ Испаніи пойти навстрѣчу желаніямъ Кубы и обезпечить ей автономное управленіе.

Въ самой Испаніи либералы давно уже настаивали на необходимости привлечь симпатіи жителей Кубы къ метрополіи путемъ проведенія коренныхъ реформъ и уступокъ, отвѣчающихъ ихъ желаніямъ; но консерваторы рѣзко проте-

стовали противъ подобной политики, равносильной въ ихъ глазахъ государственной измѣнѣ, а нѣкоторые офицеры въ своемъ протестѣ дошли даже до насильственныхъ актовъ противъ членовъ либеральной партіи. Вождь консерваторовъ Кановасъ дель Кастильо принялъ на себя составленіе новаго министерства и снова отправилъ усмирителя предыдущаго возстанія, Мартинеса Кампоса, на о. Кубу. Когда послѣдній, познакомившись съ положеніемъ дѣлъ на островѣ, также посовѣтовалъ приступить къ реформамъ и даже даровать ограниченное самоуправленіе и остановился на системѣ оборонительной войны, чтобы не подавать повода къ чрезмѣрному раздраженію кубинцевъ, то онъ былъ отозванъ съ острова и замѣненъ генераломъ Вейлеромъ, которому было поручено дѣйствовать съ безпощадною силою и не дѣлать повстанцамъ никакихъ уступокъ. Вѣрный своей миссіи, Вейлеръ началъ дѣйствовать съ неимовѣрной жестокостью; онъ приказалъ разстрѣливать каждаго, возбуждавшаго его подозрѣніе, запретилъ сборъ жатвы на табачныхъ и сахарныхъ плантаціяхъ съ цѣлью лишить повстанцевъ источниковъ ихъ экономическаго существованія. Кубинцамъ удавалось уклоняться отъ сраженія въ открытомъ полѣ; они предпочитали партизанскую войну, которую вели съ большимъ успѣхомъ. Когда Клевлендъ уступилъ, наконецъ, тѣмъ требованіямъ, къ которымъ онъ раньше оставался глухъ, то военная партія въ Испаніи разразилась цѣлымъ рядомъ крайне враждебныхъ демонстрацій противъ американскаго вмѣшательства. Тогда Клевлендъ призналъ уже себя въ правѣ заявить въ декабрѣ 1896 г. конгрессу, что при дальнѣйшемъ упорствѣ испанцевъ можетъ наступить моментъ, когда высшаго порядка обязанности Союза заставятъ его вмѣшаться въ борьбу. Послѣдствіемъ этого были новыя враждебныя демонстраціи противъ Америки въ Мадридѣ и въ другихъ испанскихъ городахъ.

Два обстоятельства еще особенно ухудшили положеніе испанцевъ. Въ 1896 г. вспыхнуло и на Филиппинахъ возстаніе противъ испанскаго господства, а весною 1897 г. президентомъ Соединенныхъ Штатовъ былъ избранъ вождь республиканцевъ и имперіалистовъ Макъ-Кинлей. Теперь стали въ Испаніи понимать, что страна рискуетъ слишкомъ многимъ, если она во-время не пойдетъ на уступки. Регентша уволила въ отставку консервативное министерство и во главѣ правительства поставила вождя либераловъ Сагасту. Генералъ Вейлеръ былъ отозванъ и замѣненъ Бланко; Кубѣ и Порто-Рико было даровано автономное управленіе, Филиппинамъ были сдѣланы широкія уступки. Вейлеръ былъ полонъ негодованія и утверждалъ, что былъ близокъ къ полной побѣдѣ; онъ открылъ настоящую травлю въ Испаніи противъ американцевъ и обвинялъ правительство въ слабости. На мѣры, принятыя Испаніей, Макъ-Кинлей отвѣчалъ заявленіемъ, что онъ будетъ выжидать исполненія данныхъ обѣщаній, и въ случаѣ отрицательнаго результата грозилъ новымъ вмѣшательствомъ. Но выполненіе данныхъ обѣщаній оказалось весьма затруднительнымъ; повстанцы уже не хотѣли итти ни на какіе компромиссы и требовали полной независимости острова.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда въ февралѣ 1898 г. въ гавани Гаванна произошелъ взрывъ американскаго военнаго корабля «Мэнъ»;

взрывъ, вѣроятно даже безъ вѣдома испанскаго правительства, былъ произведенъ туземцами. Это событіе повело къ рѣзкимъ объясненіямъ между Америкой и Испаніей и значительно увеличило въ Америкѣ число сторонниковъ партіи войны. Такъ какъ на Кубѣ никакого умиротворенія не наступило то Макъ-Кинлей предъявилъ ультиматумъ, содержавшій въ себѣ требованіе безусловнаго отказа испанцевъ отъ Кубы. Отклоненіе испанцами этого требованія имѣло своимъ послѣдствіемъ войну.

Съ самаго начала борьба въ Вестъ-Индіи, какъ и въ восточной Азіи, приняла неблагопріятный для испанцевъ оборотъ. Къ подобной войнѣ Испанія совершенно не была подготовлена. Ея военныя суда были устарѣлой системы, плохо снабжены военными припасами, не имѣли достаточнаго экипажа; кромѣ того, и денежныя средства были весьма скудны. Уже 1 мая американскому адмиралу Девею удалось уничтожить восточно-азіатскій флотъ испанцевъ при Кавите на Филиппинахъ. Американцы вступили въ тѣсный союзъ съ мѣстными повстанцами, дѣйствовавшими подъ предводительствомъ Агвинальдо, и съ этого момента испанцамъ и думать нечего было объ обратномъ завоеваніи острова. Нѣсколько недѣль спустя, испанскій адмиралъ Сервера оказался запертымъ вмѣстѣ со своимъ флотомъ въ бухтѣ Сантъ-Яго, у восточнаго берега Кубы, и при попыткѣ прорвать американскую линію загражденія былъ окончательно разбитъ. 15 іюля городъ Сантъ-Яго долженъ былъ капитулировать, а 13 августа пала и столица Филиппинъ Манилья. Порто-Рико оставалось еще занятымъ испанцами. Тогда Соединенные Штаты начали готовиться къ нападенію на европейскую территорію Испаніи, чтобы принудить ее просить о мирѣ. Однако, этотъ планъ американцевъ показался опаснымъ другимъ европейскимъ державамъ. Франція обратилась къ воюющимъ сторонамъ съ предложеніемъ своего посредничества, и послѣ долгихъ переговоровъ 10 декабря въ Парижѣ былъ заключенъ миръ, по которому Испанія должна была отказаться отъ всѣхъ своихъ колоній въ Вестъ-Индіи и въ восточной Азіи за вознагражденіе въ 20 милліоновъ долларовъ. Филиппины и Порто-Рико были присоединены къ Сѣверо-Американскому Союзу, тогда какъ Куба должна была образовать самостоятельное государство.

Съ побѣдоноснымъ окончаніемъ этой войны Соединенные Штаты также вступили въ область міровой политики; отнынѣ Сѣверную Америку уже нельзя было обходить при рѣшеніи восточно-азіатскихъ и тихо-океанскихъ вопросовъ.

Испанія не могла уже оправиться отъ того тяжелаго удара, который былъ нанесенъ ей въ эту войну. Ея морское могущество было уничтожено, возстановленіе его, въ виду разстроеннаго положенія, ея финансовъ едва ли было возможно. Внутренняя борьба партій попрежнему продолжалась, даже сильнѣе обостряемая теперь тѣми взаимными упреками, которыми обмѣнивались политическіе противники. Само собою разумѣется, каждая партія возлагала всю отвѣтственность за тяжкое пораженіе на другую. Лѣтомъ 1898 г. Испанія рѣшила продать Германіи остатокъ своихъ владѣній въ Тихомъ

океанѣ: острова Каролинскіе, Палау и Маріанскіе за 25 милліоновъ пезетъ. Она сохранила еще за собою кое-что на сѣверномъ африканскомъ берегу (о. Сеута и др.) и нѣсколько незначительныхъ береговыхъ пунктовъ и островковъ въ Африкѣ. Изъ списка великихъ державъ Испанія со времени этой войны была окончательно вычеркнута.

Дальнѣйшимъ важнымъ послѣдствіемъ войны былъ окончательный раздѣлъ Тихаго океана. Еще во время войны на Гавайскихъ островахъ снова былъ водруженъ американскій флагъ. Послѣ заключенія мира было уже прямо заявлено о присоединеніи этой группы острововъ, которые и были включены въ составъ территоріи Союза. Другія мелкія островныя группы были затѣмъ оккупированы Франціей и Англіей, острова же Самоа вслѣдствіе новыхъ споровъ, возникшихъ между тремя державами-покровительницами въ ноябрѣ 1899 г., были подѣлены между Германіей и Соединенными Штатами. Америка получила о-ва Тутупла, Германія Ополу и Савайю, тогда какъ Англіи въ видѣ компенсаціи были предоставлены Саломоновы острова. Такимъ образомъ Соединенные Штаты стали твердой ногой въ трехъ пунктахъ Тихаго океана— на Гавайскихъ островахъ, островахъ Самоа и Филиппинскихъ островахъ. На Филиппинахъ задача ихъ была, во всякомъ случаѣ, не изъ легкихъ, такъ какъ туземцы прежде всего не обнаруживали ни малѣйшей склонности примириться съ простой замѣной испанскаго владычества американскимъ. Поэтому возстаніе тагаловъ подъ предводительствомъ Агвинальдо обратило свои силы противъ новыхъ господъ. Въ ожесточенной борьбѣ, завязавшейся тутъ, дѣло дошло даже до того, что столица Филиппинъ Манилья погибла въ огнѣ въ февралѣ 1899 г.; только послѣ чрезвычайнаго напряженія силъ удалось американцамъ захватить Агвинальдо въ плѣнъ (1901 г.) и болѣе прочно укрѣпить свое господство. Но они не рѣшались еще даровать странѣ такое управленіе, при которомъ туземцы могли бы пользоваться политическими правами, ибо этимъ они дали бы только новую пищу движенію, стремившемуся къ полному отдѣленію острововъ отъ Соединенныхъ Штатовъ.

Порто-Рико также не было признано самостоятельнымъ государствомъ, а лишь провинціей, тогда какъ Куба формально конституировалась въ самостоятельную республику. Но какъ только тамъ возникали какіе-либо безпорядки, Соединенные Штаты сейчасъ же выступали со своимъ вмѣшательствомъ, принимали на себя заботу о возстановленіи спокойствія, о финансахъ страны, смѣщали даже враждебныхъ себѣ президентовъ,—словомъ, фактически обращались съ Кубой не какъ съ самостоятельной и независимой страной, а какъ съ вассальнымъ государствомъ, находившимся подъ ихъ господствомъ.

На характеръ внутреннихъ отношеній въ Соединенныхъ Штатахъ война также оказала громадное вліяніе. Въ народѣ она пробудила воинственные инстинкты; ея побѣдоносный исходъ поощрялъ республиканско-имперіалистскую партію къ дальнѣйшимъ шагамъ по избранному ею пути. Выступленіе Сѣверной Америки на арену міровой политики имѣло для нея, какъ и для Японіи, совершенно одинаковыя послѣдствія, а именно: необходимость увеличенія военныхъ силъ и потребныхъ на ихъ содержаніе расходовъ. Уже въ апрѣлѣ 1900 г.

рѣшено было увеличить флотъ 18 линейными кораблями и 8 панцырными крейсерами. Несмотря на энергичное противодѣйствіе демократовъ, это новое направленіе въ политической жизни Соединенныхъ Штатовъ было вновь санкціонировано народомъ, избравшимъ на ближайшихъ президентскихъ выборахъ вождя республиканцевъ Макъ-Кинлея громаднымъ большинствомъ голосовъ. Въ своемъ избирательномъ воззваніи Макъ-Кинлей требовалъ усиленія сухопутной арміи на 100000 человѣкъ.

Когда вскорѣ послѣ занятія своего президентскаго поста въ сентябрѣ 1901 г. Макъ-Кинлей былъ убитъ, замѣстителемъ его, согласно требованіямъ американской конституціи, безъ спеціальныхъ выборовъ, явился вице-президентъ Теодоръ Рузвельтъ. Послѣдній, хотя и старался во внутренней политикѣ стоять надъ партіями, но во внѣшнихъ дѣлахъ, подобно своему предшественнику, также былъ рѣшительнымъ сторонникомъ американской міровой политики. Въ ноябрѣ 1901 г. статсъ-секретарь Гей заявилъ, что интересамъ сѣверо-американскаго Союза въ Тихомъ океанѣ предстоитъ безграничное развитіе; онъ говорилъ также о необходимости подчинить американскіе и тихоокеанскіе кабели господству Союза. Въ декабрѣ Рузвельтъ потребовалъ отъ конгресса новаго усиленія флота и учрежденія по германскому образцу генеральнаго штаба для арміи. Если онъ не получалъ немедленнаго удовлетворенія своихъ требованій, то настойчиво снова предъявлялъ ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ и, въ концѣ концовъ, при поддержкѣ общественнаго мнѣнія добился согласія конгресса. Была основана также военная школа для образованія офицеровъ для арміи и флота, и въ рѣчи, произнесенной при закладкѣ этой школы въ 1903 г., Рузвельтъ заявилъ, что сильный флотъ есть необходимое предварительное условіе сохраненія мірового положенія Америки. Что большинство американцевъ было совершенно солидарно съ этой политикой, съ полною ясностью доказали президентскіе выборы осенью 1904 г., на которыхъ Рузвельтъ вторично былъ избранъ небывалымъ еще до того времени большинствомъ голосовъ (325 противъ 151 голоса). Во всякомъ случаѣ отнынѣ наличность излишковъ изъ государственной кассы Союза начала исчезать; бюджетъ 1905 г. впервые далъ дефицитъ.

Въ вопросѣ о сооруженіи средне-американскаго канала также восторжествовала американская точка зрѣнія. Въ Соединенныхъ Штатахъ давно уже стремились соорудить этотъ каналъ на американскія деньги и установить надъ нимъ свое исключительное господство. Однако, въ своемъ стремленіи къ достиженію этой цѣли Штаты постоянно наталкивались на противодѣйствіе Англіи. Вскорѣ послѣ войны американцы начали по этому поводу новые переговоры съ Англіей. Эти переговоры привели въ февралѣ 1900 г. къ Гей-Паунсфотскому договору, въ силу котораго каналъ долженъ былъ оставаться нейтральнымъ, причемъ никакая держава не имѣла права возводить тамъ какія-либо укрѣпленія или взимать пошлины. Но вашингтонскій конгрессъ отвергъ этотъ договоръ, заявивъ, что Америка самостоятельно будетъ строить каналъ, укрѣплять его и владѣть имъ. Англія не имѣла никакихъ средствъ помѣшать этому рѣшенію и вынуждена была молчаливо при-

мириться съ нимъ. Чтобы обезпечить необходимое себѣ вліяніе на мѣстности, черезъ которыя долженъ былъ проходить каналъ, Соединенные Штаты заключили позднѣе договоръ съ Никарагуа; подобный же договоръ былъ ими заключенъ въ апрѣлѣ 1902 г. съ Колумбіей. Когда же колумбійскій парламентъ отклонилъ этотъ договоръ, то, не безъ содѣйствія Соединенныхъ Штатовъ, противъ союзнаго государства Колумбіи возстало государство Панама и подъ прикрытіемъ Соединенныхъ Штатовъ отъ насилій Колумбіи добилось признанія своей независимости. Съ тѣхъ поръ и Панама фактически стала въ положеніе вассальной зависимости отъ Союза. Точно также распространилъ Рузвельтъ вліяніе Соединенныхъ Штатовъ на Гаити и въ своемъ декабрьскомъ посланіи 1904 г. прямо заявилъ, что хроническое безсиліе мелкихъ американскихъ государствъ вынудитъ Союзъ къ принятію на себя по отношенію къ нимъ извѣстнаго рода полицейской власти. Во время его президентства имѣли мѣсто два панамериканскихъ конгресса—въ Мексикѣ и въ Ріо-де-Жанейро, и хотя они не могли побѣдить въ южныхъ государствахъ ихъ сопротивленія подчиненію Союзу, тѣмъ не менѣе для общихъ интересовъ американскаго континента они открывали новыя перспективы.

Несомнѣнно, что сильное увеличеніе арміи и флота, воинственная внѣшняя политика, ярко выраженныя личныя выступленія президента,—все это такія вещи, которыя до сихъ поръ плохо уживались съ американскими традиціями; демократамъ это давало поводъ упрекать республиканцевъ въ томъ, что подобной политикой они подрываютъ республиканскій характеръ Союза и подготовляютъ путь къ монархіи. Конечно, въ этомъ упрекѣ много преувеличеній, однако, фактъ измѣненія самаго характера государственной жизни остается внѣ всякаго спора. Даже отъ такого коренного принципа, какъ полное самоуправленіе всѣхъ частей государства, допущено было оффиціальное отступленіе, съ тѣхъ поръ какъ верховный союзный судъ въ маѣ 1901 г. постановилъ, что союзная конституція не распространяется на вновь пріобрѣтаемыя территоріи, и урегулированіе ихъ внутренняго положенія всецѣло подлежитъ усмотрѣнію конгресса. Этимъ было санкціонировано высшей инстанціей американской конституціонной власти существованіе такихъ огромныхъ территорій, которыя, находясь подъ звѣзднымъ знаменемъ, не обладаютъ, однако, всѣми правами американскаго гражданства, и обитатели этихъ территорій могутъ, такимъ образомъ, въ своей совокупности разсматриваться какъ покоренное населеніе. Итакъ, у Соединенныхъ Штатовъ были возможность и желаніе совершать завоеванія, пріобрѣтать колоніи и основать міровую имперію по образцу европейскихъ великихъ державъ; при этомъ они должны были столкнуться съ европейцами и монголами въ Восточной Азіи и въ Тихомъ океанѣ.

9. Борьба изъ-за гегемоніи въ Восточной Азіи.

Главныя выгоды отъ вмѣшательства Европы въ дѣла Восточной Азіи достались, какъ мы уже знаемъ, на долю Россіи. Ея проникновеніе въ Маньчжурію и вмѣшательство во внутреннія дѣла Кореи, казалось, отмѣчали собою начало полнаго раздѣла Китая. Послѣднему, вслѣдствіе его отвращенія къ внутреннимъ реформамъ, вслѣдствіе слабости его военныхъ силъ, повидимому, суждено было сдѣлаться безпомощной добычей иностранцевъ. Остальныя державы, съ своей стороны, полагали, что наступилъ моментъ, когда и онѣ должны обезпечить себѣ свою долю въ этой добычѣ и пріобрѣсти опорные пункты, которые позволили бы имъ при дальнѣйшемъ раздѣлѣ распространить свое господство на окрестныя территоріи. Впереди всѣхъ по этому пути пошла Германія. Убійство двухъ нѣмецкихъ миссіонеровъ въ провинціи Шань-дунъ послужило поводомъ къ захвату территоріи, право на которую за нѣмцами уже и раньше было признано Россіей. Въ ноябрѣ 1897 г. нѣмецкая эскадра вошла въ бухту Кіао-чау и захватила ее въ свое временное владѣніе въ качествѣ обезпеченія надлежащаго наказанія виновниковъ злодѣянія. Послѣ долгихъ переговоровъ китайское правительство въ мартѣ 1898 г. согласилось доставить требуемое удовлетвореніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, по договору отъ 6 марта, Германія получила гавань Кіао-чау и лежащую вокругъ нея территорію въ аренду на 99 лѣтъ. Кромѣ того, Германіи были предоставлены въ провинціи Шань-дунъ экономическія привилегіи.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этихъ территоріальныхъ захватовъ было то, что Россія, которой еще раньше было предложено занять Кіао-чау, въ видѣ компенсаціи заняла Портъ-Артуръ и немедленно же приступила къ сооруженію важной военной гавани; неподалеку же отъ Портъ-Артура былъ заложенъ торговый портъ Дальній [1]). Относительно этихъ владѣній былъ также заключенъ арендный договоръ. Затѣмъ выступили на сцену Англія, Франція и Италія. Италія ничего не получила; Англія добилась расширенія своей территоріи у Гонконга и уступки крѣпости Вей-хай-вей; тогда какъ Франція получила въ южномъ Китаѣ бухту Куанъ-чжоу.

Впрочемъ, до раздѣла Китая въ той формѣ, въ какой его считали возможнымъ, дѣло не дошло. Этому помѣшали какъ громадность страны и малая ея доступность, такъ и взаимное соперничество великихъ державъ другъ съ другомъ и съ Японіей. Но одинъ положительный результатъ отъ захвата этихъ территорій все-таки получился: иностранцы почувствовали себя проч-

---

[1]) Въ Японіи занятіе Россіей Портъ-Артура, того самаго Портъ-Артура, возврата котораго Китаю за три года передъ тѣмъ Россія потребовала отъ Японіи, вызвало сильнѣйшее недовольство, не оставшееся безъ вліянія на событія послѣдующаго времени.
Ред.

нѣе обосновавшимися въ странѣ, и европейская торговля получила тамъ громадные размѣры. Въ Серединную имперію рѣкою потекли европейскіе товары, и европейскій капиталъ искалъ въ ней прибыльнаго приложенія. Китайцы смотрѣли на все происходящее передъ ними съ недовѣріемъ и раздраженіемъ. Когда же молодой императоръ самъ выступилъ на путь реформъ, которыя свидѣтельствовали объ усиленіи европейскаго вліянія, національная партія подняла возстаніе, поощряемая императрицею регентшею Цзе-Ши. Императоръ былъ подвергнутъ заключенію и принужденъ былъ назначить себѣ наслѣдника. Онъ, очевидно, былъ сильно боленъ и физически не въ состояніи былъ оказать какое бы то ни было сопротивленіе. Указы о реформахъ были отмѣнены, и враждебные иностранцамъ слои народа увидѣли въ успѣхѣ государственнаго переворота одобреніе своимъ стремленіямъ. Такъ началось враждебное иностранцамъ движеніе. Сама императрица всячески оказывала поддержку мятежнымъ элементамъ и въ своей прокламаціи открыто заявила, что народъ долженъ готовиться къ возстанію противъ ненавистныхъ чужеземныхъ пришельцевъ, какъ только раздастся призывъ къ такому возстанію. При такихъ условіяхъ положеніе иностранцевъ и посольствъ въ странѣ становилось все болѣе и болѣе невыносимымъ. Державы снабдили посольства военною стражею и послали къ берегамъ военныя суда. Но вмѣсто умиротворенія, которое эти мѣры, какъ ожидали, должны были внести, движеніе, враждебное иностранцамъ, лишь росло и росло; и безъ того уже возбужденное китайское національное чувство теперь, подъ вліяніемъ этихъ мѣръ, приняло острый характеръ. Въ послѣдніе годы при тайномъ поощреніи со стороны правительства образовался союзъ, поставившій себѣ цѣлью—насильственное изгнаніе чужеземцевъ,—союзъ Большого кулака или по англійскому обозначенію — союзъ боксеровъ. Этотъ союзъ совершилъ рядъ насильственныхъ дѣйствій, направленныхъ противъ чужеземцевъ и прежде всего противъ христіанскихъ миссіонеровъ. Хотя правительство для видимости и высылало противъ боксеровъ свои войска, но послѣднія переходили на сторону возставшихъ. Насиліямъ и избіеніямъ со стороны боксеровъ подвергались также и китайцы, перешедшіе въ христіанство. Весной 1900 г. боксерами было убито не менѣе 30000 человѣкъ.

Разливаясь все шире, волна враждебнаго иностранцамъ движенія начала приближаться къ столицѣ и угрожать посольствамъ, которыя считались настоящими центрами чужеземныхъ вліяній. Въ Пекинѣ заблаговременно узнали о надвигавшейся опасности, и потому туда были введены подкрѣпленія съ европейскихъ военныхъ судовъ. Какъ только отряды были высажены, повстанцамъ удалось тотчасъ же прервать сообщеніе между Пекиномъ и берегомъ. Въ самомъ городѣ акты насилія все болѣе и болѣе учащались; всѣ европейцы искали убѣжища въ зданіяхъ посольствъ, превращенныхъ въ настоящія крѣпости. При извѣстіи объ этихъ событіяхъ съ берега былъ посланъ вспомогательный военный отрядъ, въ которомъ, кромѣ европейскихъ державъ, приняли участіе Японія и Сѣверная Америка. Этотъ международный отрядъ находился подъ главнымъ командованіемъ англійскаго генерала Сеймура,

Его Императорское Величество Государь Императоръ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.
Самодержецъ Всероссійскій.

А. Н. КУРОПАТКИНЪ.

Н. П. ЛИНЕВИЧЪ.

С. О. МАКАРОВЪ

А. М. СТЕССЕЛЬ.

З. П. РОЖЕСТВЕНСКІЙ.

который оказался, однако, слишкомъ слабымъ, чтобы пробить себѣ путь къ Пекину. Китайцы напали даже на Тянь-Цзинъ, занятый европейцами, и съ фортовъ Таку открыли огонь противъ иностранныхъ военныхъ судовъ. Послѣднія отвѣчали на огонь, и 18 іюня имъ удалось взять форты Таку и подъ начальствомъ русскаго генерала Стесселя освободить Тянь-Цзинъ отъ осады. Отсюда двинулась въ Пекинъ новая экспедиція, которая послѣ многочисленныхъ стычекъ въ пути 14 августа достигла столицы. Посольствамъ до этого момента удалось продержаться; убитъ былъ только одинъ германскій посолъ, баронъ фонъ-Кеттелеръ, въ то время, какъ онъ выходилъ изъ посольства, отправляясь для переговоровъ по требованію императора.

Державы были вполнѣ согласны между собою, что этотъ насильственный актъ долженъ повлечь за собою примѣрное наказаніе. Германія, какъ сторона самымъ непосредственнымъ образомъ заинтересованная, доставила для новой арміи самый сильный контингентъ и послѣ долгихъ переговоровъ между державами получила право назначить въ лицѣ графа Вальдерзее своего главнокомандующаго. Однако, Пекинъ былъ осажденъ еще до его прибытія, а императорская семья вынуждена была бѣжать въ Синганфу. Энергичныя дѣйствія европейцевъ склонили китайское правительство къ уступчивости. Императоръ долженъ былъ выразить свое сожалѣніе по поводу убійства германскаго посла и отправить въ Берлинъ китайскаго принца для формальнаго выполненія церемоніи раскаянія. Форты Таку были срыты, посольскій кварталъ въ Пекинѣ на долгое время былъ занятъ европейскими войсками; сообщеніе съ моремъ обезпечено было организаціей промежуточныхъ военныхъ постовъ [1]).

10. Русско-японская война.

Въ то время какъ державы слѣдовали общему плану совмѣстныхъ дѣйствій, Россія предприняла рядъ новыхъ шаговъ въ Маньчжуріи. Сюда также проникли боксеры, и русскіе сочли это достаточнымъ поводомъ, чтобы въ октябрѣ 1900 г. вступить въ очень важную гавань Ньючвангъ и въ столицу Маньчжуріи Мукденъ. Затѣмъ въ началѣ 1901 г. они вошли съ императоромъ въ соглашеніе, по которому Ньючвангъ былъ уступленъ Россіи, въ Мукденѣ основана была резиденція русскаго намѣстника и во всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстахъ Маньчжуріи поставлены русскіе гарнизоны. Такъ какъ опре-

[1]) Европейцы жестоко отомстили китайцамъ за боксерское движеніе; особенно усердствовали въ этомъ отношеніи нѣмцы, какъ объ этомъ свидѣтельствовали «гуннскія» письма нѣмецкихъ солдатъ. Не лучше было и поведеніе въ Благовѣщенскѣ русскихъ властей, которыя безъ всякихъ основаній предписали китайцамъ удалиться съ русской территоріи; въ назначенный день китайцы были собраны на берегу Амура и, подъ страхомъ смерти, вынуждены были переправиться на китайскій берегъ. Такъ какъ у нихъ не было достаточнаго количества лодокъ, то они бросились вплавь; при этомъ большинство ихъ погибло, такъ какъ русскіе стрѣляли въ нихъ. *Ред.*

дѣленіе момента для эвакуаціи было всецѣло предоставлено усмотрѣнію Россіи, то означенное соглашеніе было въ сущности ни чѣмъ инымъ, какъ фактической уступкой Маньчжуріи Россіи. Правда, вслѣдствіе возраженія со стороны остальныхъ державъ, формальнаго договора не было заключено, но фактически какъ раньше, такъ и позднѣе, Маньчжурія оставалась въ обладаніи Россіи; русскія войска были продвинуты до рѣки Ялу, не скрывая своего намѣренія двинуться еще дальше, въ самую глубь Кореи.

Какъ и прежде, поступательное движеніе русскихъ и на этотъ разъ вызвало въ японцахъ чувство сильной тревоги. Японія ни подъ какимъ видомъ не хотѣла допустить Россію завладѣть Кореей. Поѣздка маркиза Ито въ Петербургъ не привела ни къ какому соглашенію. Напротивъ, заботы Японіи нашли живѣйшій откликъ у старой противницы Россіи, у Англіи. Уже въ январѣ 1902 г. между Англіей и Японіей былъ заключенъ на пять лѣтъ договоръ о поддержаніи status quo въ Восточной Азіи, причемъ оба государства брали на себя взаимное обязательство сохранять нейтралитетъ, если бы одна изъ договаривавшихся сторонъ подвергалась нападенію непріятельской державы, и приходить на помощь другъ другу, если бы какая-нибудь другая держава оказала свою поддержку нападающей. Послѣ этого Россія заявила, что ея союзъ съ Франціей дѣйствителенъ также и для Восточной Азіи [1]), и, чтобы разсѣять тревогу своихъ противниковъ, заключила мнимый договоръ съ Китаемъ, предусматривавшій въ самомъ ближайшемъ будущемъ эвакуацію Маньчжуріи.

Во время этихъ переговоровъ была закончена Россіей Сибирская желѣзная дорога,—дѣло громадной важности, особенно если принять во вниманіе трудности предпріятія и сравнительную краткость времени, въ теченіе котораго оно было выполнено. Отнынѣ быстрота и правильность перемѣщенія войскъ изъ Москвы во Владивостокъ и въ Портъ-Артуръ были обезпечены. Полной провозоспособности дороги мѣшали еще то, что временно она была проложена по одной колеѣ, а также необходимость переѣзжать на судахъ черезъ бурное Байкальское озеро, такъ какъ строившаяся кругобайкальская дорога, вслѣдствіе техническихъ трудностей, связанныхъ съ нею, не была еще готова. Если бы Россіи дали время для устраненія этихъ недостатковъ и для проведенія второй колеи, то едва ли тогда удалось бы поколебать мощное положеніе, занятое ею на Дальнемъ Востокѣ.

Опасенія, вызванныя окончаніемъ постройки сибирскаго желѣзнодорожнаго пути и открывавшія въ перспективѣ сильный притокъ русскихъ колонистовъ, и увеличеніе въ Восточной Азіи русской сухопутной арміи и русскаго флота заставили японскихъ государственныхъ дѣятелей немедленно же присту-

---

[1]) Франко-русская декларація 3 (16) марта подтверждала тожество интересовъ Франціи и Россіи на Востокѣ. Изъ этой деклараціи—хотя и не прямо—вытекало, что въ случаѣ войны Россіи съ двумя державами Франція обязуется поддержать Россію. Такимъ образомъ, Китай своимъ вмѣшательствомъ въ войну могъ превратить ее въ большую европейскую, такъ какъ, помимо Франціи, втянулась бы въ войну и Англія, заключившая договоръ съ Японіей. *Ред.*

Бой «Варяга» и «Корейца» подъ Чемульпо 27 января 1904 г.

ПОРТЪ-АРТУРЪ (внутренній рейдъ).

пить къ дѣйствіямъ. Въ августѣ 1903 г. Японія начала переговоры съ Россіей объ эвакуаціи Маньчжуріи и объ огражденіи Кореи отъ русскаго вліянія; ибо у Россіи возникъ уже планъ о продленіи маньчжурской желѣзной дороги отдѣльной вѣткою до Сеула и корейской гавани Мозампо. Напротивъ, Россія не желала допускать Японію до оккупаціи ею какого бы то ни было пункта въ Кореѣ и потребовала въ интересахъ обезпеченія сообщеній между своими восточно-азіатскими гаванями, Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ, полной свободы судоходства по воднымъ путямъ Кореи. Самое большее, на что готова была согласиться Россія, это—установленіе нейтральной зоны въ Кореѣ; къ сѣверу отъ этой зоны должна была находиться сфера русскаго, а къ югу отъ нея—сфера японскаго вліянія. Однако, относительно опредѣленія границъ этой зоны стороны не могли прійти къ соглашенію. Во время этихъ переговоровъ японцы убѣдились, что мирнымъ путемъ они не въ состояніи будутъ провести свои требованія. Въ виду этого въ январѣ 1904 г. японцы послали Россіи ультиматумъ, требуя отъ нея очищенія Маньчжуріи, предоставленія свободы торговли каждой націи и признанія первенствующаго положенія Японіи въ Кореѣ. Само собою разумѣется, что о принятіи русскимъ правительствомъ выставленныхъ условій и думать было нечего; это было бы равносильно добровольному отказу Россіи отъ всѣхъ позицій, пріобрѣтенныхъ ею за послѣднія десятилѣтія. Такъ какъ Россія не дала на требованія Японіи никакого отвѣта, то маркизъ Ито объявилъ переговоры прерванными, а японскій посланникъ выѣхалъ изъ Петербурга. Вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ державы, хотя и безъ всякаго формальнаго объявленія войны, заняли по отношенію другъ къ другу положеніе воюющихъ сторонъ.

Во время переговоровъ Японія вооружалась съ величайшей энергіей и готовилась къ столкновенію. Напротивъ, въ Россіи, повидимому, не вѣрили въ серьезность требованій Японіи. Тамъ не могли допустить мысли, чтобы сравнительно мелкое азіатское государство рѣшилось на войну съ колоссальной имперіей. Поэтому Россія оказалась совершенно неподготовленной; ни армія, ни флотъ совершенно не были приспособлены къ успѣшному веденію военной кампаніи. Даже отъѣздъ японскаго посланника изъ Петербурга не отрезвилъ русскихъ государственныхъ дѣятелей и не заставилъ ихъ задуматься надъ серьезнымъ положеніемъ вещей, иначе русскій флотъ не далъ бы японцамъ такъ безпечно захватить себя врасплохъ.

Уже 3 февраля (27 января) 1904 г. стоявшія въ гавани Портъ-Артура русскія военныя суда подверглись неожиданному нападенію со стороны японскихъ миноносцевъ и большей частью были приведены въ негодность, а тѣ, которыя спаслись, оказались запертыми въ гавани [1]). Владивостокская

[1]) Въ ночь на 27 января выбыли изъ строя русскіе броненосцы «Ретвизанъ» и «Цесаревичъ» и крейсеръ «Паллада»; черезъ нѣсколько часовъ въ гавани Чемульпо, послѣ непродолжительнаго боя, русскіе уничтожили свой крейсеръ «Варягъ» и канонерскую лодку «Кореецъ». Черезъ два дня отъ несчастнаго случая погибли крейсеръ «Бояринъ» и минный транспортъ «Енисей». Такъ несчастливо для насъ началась морская кампанія.

Ред.

эскадра была отрѣзана отъ портъ-артурской. Этимъ самымъ дѣйствія русскихъ судовъ въ Восточной Азіи были парализованы, и японцы получили возможность безпрепятственно перевезти моремъ огромныя массы войскъ. Затѣмъ изъ Кореи было начато движеніе по направленію къ Маньчжуріи. Попытка русскихъ задержать непріятеля у пограничной рѣки Ялу потерпѣла неудачу. Генералъ Засуличъ на правомъ берегу Ялу близъ Тюренчена, былъ совершенно разбитъ, русскіе потеряли около $2^1/_2$ тыс. человѣкъ и отступили къ Фынхуанчену. Театръ военныхъ дѣйствій изъ Кореи былъ перенесенъ въ Маньчжурію. Послѣ тюренченскаго боя японцы могли уже безпрепятственно производить высадки на Ляодунскомъ полуостровѣ, занять портовый городъ Дальній и запереть крѣпость Портъ-Артуръ. Осадой крѣпости, которую защищалъ генералъ Стессель, руководилъ генералъ Ноги. Первая японская армія, подъ начальствомъ генерала Куроки, проникла далѣе въ глубь Маньчжуріи, чтобы помѣшать ядру русской арміи прійти на выручку Портъ-Артуру. Послѣ десятидневнаго сраженія при Ляоянѣ русскіе, подъ начальствомъ Куропаткина, были разбиты и вынуждены отступить къ Мукдену (начало сентября 1904 г.). Послѣдняя попытка пробиться къ Портъ-Артуру была отбита въ октябрѣ при Шахэ маршаломъ Ойямой. Также неудачна была попытка запертыхъ во Владивостокѣ и въ Портъ-Артурѣ русскихъ военныхъ судовъ прорвать блокаду. Только тремъ судамъ удалось пройти черезъ японскія линіи и съ трудомъ найти убѣжище въ нейтральныхъ гаваняхъ, гдѣ они и были разоружены.

Положеніе Портъ-Артура становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Въ ноябрѣ и декабрѣ японцы взяли приступомъ нѣкоторыя возвышенности, господствующія надъ городомъ, и заняли внѣшнія крѣпостныя сооруженія. При такихъ обстоятельствахъ генералъ Стессель считалъ дальнѣйшую защиту крѣпости невозможной и 2 января 1905 г. (20 декабря) капитулировалъ. Въ крѣпости оказалось около 30000 способныхъ къ бою и 15000 больныхъ и раненыхъ. По позднѣйшимъ даннымъ, добытымъ слѣдствіемъ, которое было начато противъ Стесселя, дознано было, что крѣпость могла бы еще держаться. На дальнѣйшій ходъ военныхъ операцій сдача Портъ-Артура имѣла немаловажное вліяніе, ибо занятая до того времени осадой крѣпости армія Ноги становилась свободной и могла теперь оказать поддержку маршалу Ойямѣ въ Маньчжуріи. Армія послѣдняго, послѣ соединенія съ Ноги, достигла 320000 человѣкъ, въ распоряженіи же Куропаткина находилось 380000 человѣкъ. Численное превосходство русскихъ уравновѣшивалось, однако, высшей стратегической выправкой и боевою неустрашимостью японцевъ. Въ битвѣ при Мукденѣ, продолжавшейся 14 дней (отъ 11/24 февраля по $\frac{\text{25 февраля}}{\text{10 марта}}$ 1905 г.), русскіе снова были разбиты на голову; 10 марта японцы могли уже вступить въ столицу Маньчжуріи. Конечно, напрасно петербургское правительство приписывало неудачу, постигшую русскія войска, главнымъ образомъ, неспособности главнокомандующаго и замѣнило Куропаткина генераломъ Линевичемъ. Основная причина неудачъ заключалась въ плохомъ вооруженіи и недостаточномъ продовольствованіи войскъ, въ отсутствіи какого то ни было одушевленія на сторонѣ русскихъ. И въ самомъ дѣлѣ, какой интересъ могъ

Атака сибирскаго полка подъ начальствомъ генерала Церпицкаго въ бою при Мукденѣ.

Казачья сотня на Байкалѣ.

обнаруживать русскій крестьянинъ къ сраженіямъ, происходившимъ за тысячи верстъ отъ его родины и преслѣдовавшимъ совершенно чуждыя ему цѣли? Наоборотъ, японскія войска были проникнуты сознаніемъ, что они ведутъ борьбу съ злѣйшимъ врагомъ независимости и величія ихъ отечества, что необходимо отбросить этого врага какъ можно дальше отъ своихъ границъ.

Единственной надеждой, которую еще питали русскіе относительно возможности болѣе благопріятнаго для нихъ оборота въ ходѣ войны, былъ оставшійся въ ихъ распоряженіи въ Европѣ флотъ. Если бы этому флоту удалось прибыть въ Восточную Азію и уничтожить японскій флотъ, то находящіяся въ Азіи японскія войска оказались бы отрѣзанными отъ своей родины и лишены были бы возможности получать подкрѣпленія и провіантъ. Когда же затѣмъ Россія съ помощью Сибирской желѣзной дороги переправила бы на Дальній Востокъ новыя войска, то на ея сторонѣ получилось бы численное превосходство, которое, въ концѣ концовъ, могло бы стать и подавляющимъ. Въ виду этого русское правительство рѣшило послать изъ Балтійскаго моря свою вторую эскадру въ Азію подъ командою вице-адмирала Рожественскаго. Но и этотъ флотъ совершенно не былъ приспособленъ для энергичнаго боя [1]). Конструкція и вооруженіе судовъ далеко не стояли на высотѣ современной техники, составъ экипажа былъ далеко не полонъ. Лишь съ большимъ трудомъ совершила эскадра свой путь черезъ Средиземное море и Суэцкій каналъ въ восточно-азіатскія воды; по окончаніи же своего длиннаго пути, она утратила всякую боевую способность и была разбита и совершенно уничтожена японцами подъ начальствомъ адмирала Того у Цусимы въ 1905 г. [2]).

Съ гибелью русскаго флота борьба пріобрѣла тѣмъ болѣе рѣшительный характеръ, что Россія теперь уже не была въ состояніи прорвать линію сообщеній между японской арміей и островами. Однако, вопросъ заключался въ томъ, въ состояніи ли еще будетъ Японія достигнуть большихъ результатовъ, окажется ли она прежде всего способной нанести Россіи такой рѣшительный ударъ, чтобы принудить ее просить о мирѣ? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно; на вѣроятность подобнаго исхода не было никакой надежды; ибо каждый дальнѣйшій шагъ впередъ затруднялъ снабженіе японской арміи подкрѣпленіями и провіантомъ. Затѣмъ съ переходомъ границы, японцы попадали въ страну, которая съ давнихъ поръ находилась въ обладаніи русскихъ и была имъ хорошо извѣстна. Здѣсь Россія могла бы оказать, вѣроятно, еще продолжительное и успѣшное сопротивленіе. Но хуже всего было

[1]) Въ апрѣлѣ 1905 г. ко второй тихо-океанской эскадрѣ присоединилась 3-ья эскадра подъ командой контръ-адмирала Небогатова. Однако, это усиленіе второй эскадры не принесло никакой пользы Рожественскому, такъ какъ небогатовская эскадра состояла почти сплошь изъ совершенно негодныхъ судовъ. *Ред.*

[2]) Въ результатѣ Цусимскаго боя, происходившаго 14 мая и продолжавшагося всего нѣсколько часовъ, одна часть соединенной русской эскадры затонула, другая сдалась въ плѣнъ, причемъ въ плѣнъ попали адмиралы Рожественскій и Небогатовъ. Лишь крейсеру «Алмазу» и двумъ контръ-миноносцамъ удалось прорваться къ Владивостоку. На сторонѣ непріятеля 14 мая потери были очень незначительны. *Ред.*

то, что Японія, очевидно, дошла до крайнихъ предѣловъ напряженія своихъ физическихъ и матеріальныхъ силъ; въ ряды дѣйствующей японской арміи пришлось уже привлечь запасныхъ старѣйшаго возраста, и необходимыя для продолженія войны денежныя средства добывались все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ трудомъ. Съ другой стороны, и въ Россіи крѣпло теченіе въ пользу заключенія почетнаго мира, такъ какъ о возвращеніи утраченной позиціи нечего было и думать. Въ то же время возникшія внутри имперіи политическія волненія также заставляли желать скорѣйшаго окончанія войны.

При такихъ обстоятельствахъ сдѣланное президентомъ Рузвельтомъ и поддержанное императоромъ Вильгельмомъ предложеніе о посредничествѣ Соединенныхъ Штатовъ было сочувственно встрѣчено обѣими воюющими сторонами. Въ началѣ августа 1905 г. русскіе и японскіе уполномоченные съѣхались въ Портсмутѣ въ Нью-Гемпширѣ. Во главѣ русской мирной делегаціи находился С. Ю. Витте, со стороны же японцевъ главою делегаціи былъ графъ Комура. Переговоры продолжались около четырехъ недѣль. Первоначальныя слишкомъ далеко заходившія требованія японцевъ, а именно: уплата военной контрибуціи, выдача бѣжавшихъ въ нейтральныя гавани военныхъ судовъ, уступка всего Сахалина и право рыбной ловли вдоль русскихъ береговъ по Тихому океану, были отклонены Россіей. Затѣмъ Японія отказалась отъ этихъ требованій; только послѣ этого заключеніе мира стало возможнымъ и дѣйствительно состоялось 5 сентября (23 августа). Японіи было обезпечено первенство въ Кореѣ; она получила всѣ владѣнія русскихъ на Ляодунскомъ полуостровѣ (Портъ-Артуръ и Дальній) и южную часть острова Сахалина; Маньчжурія должна была быть возвращена Китаю и оставаться открытой для торговли всѣхъ націй безъ исключенія, русскіе и японцы должны были одновременно ее эвакуировать. Маньчжурская желѣзная дорога въ сѣверной своей части подлежала эксплуатаціи и военной охранѣ Россіи, а въ южной части—Японіи. Судоходство черезъ проливы объявлено свободнымъ, а въ будущемъ предусмотрѣно было заключеніе торговаго договора.

Понятно, что эти условія мира вызвали въ Японіи всеобщее разочарованіе. Послѣ страшнаго напряженія силъ и блестящихъ успѣховъ на полѣ брани ожидали большаго. Однако, должно признать, что японское правительство поступило очень мудро, согласившись на эти условія, такъ какъ было весьма сомнительно, чтобы продолженіемъ борьбы можно было принудить Россію къ дальнѣйшимъ уступкамъ. Корея еще осенью 1905 г. была принуждена къ заключенію договора, который санкціонировалъ фактически установившееся тамъ господство японцевъ. Когда корейскій императоръ вздумалъ воспротивиться такому положенію дѣлъ, онъ былъ низложенъ; его сыну былъ оставленъ лишь императорскій титулъ, вся же правительственная власть перешла въ руки японцевъ. Противъ господства японцевъ въ послѣдніе годы замѣтно сильное враждебное движеніе; сомнительно, однако, чтобы оно могло имѣть какой-либо прочный успѣхъ.

Исходъ русско-японской войны не только упрочилъ и усилилъ великодержавное положеніе Японіи, но пріобрѣлъ также значеніе побѣды Англіи

надъ ея противницей въ области міровой политики, надъ Россіей. Уже во время мирныхъ переговоровъ союзъ между Англіей и Японіей былъ возобновленъ на 10 лѣтъ (12 августа 1905 г.); рамки возобновленнаго союза были еще болѣе расширены въ томъ смыслѣ, что обѣ державы обязались оказывать помощь другъ другу въ случаѣ нападенія на одну изъ нихъ какой-либо третьей державы. Формально было постановлено, что измѣненія, которыя могли быть введены Японіей въ Кореѣ или Англіей въ индійскихъ пограничныхъ областяхъ, не должны быть разсматриваемы какъ обстоятельства, провоцирующія третью сторону; и разъ подобнаго рода измѣненія были бы признаны какой-либо другой державой поводомъ къ вооруженному вмѣшательству, то немедленно же вступалъ въ силу параграфъ союзнаго договора объ обязательномъ оказаніи взаимной помощи.

11. Современное міровое положеніе.

Подобно тому какъ Соединенные Штаты со времени войны 1898 г. заняли безспорно первенствующее мѣсто во всей Америкѣ, такъ и Японія со времени русско-японской войны сдѣлалась первенствующей державой на Дальнемъ Востокѣ и отнынѣ будетъ стремиться къ распространенію сферы своего вліянія на Индо-Китай и Тихій океанъ; при этомъ, конечно, дѣло не обойдется безъ конфликтовъ съ Сѣверной Америкой и европейскими колоніальными державами. Индо-Китай временно раздѣленъ на западную англійскую и восточную французскую сферу интересовъ; нейтральной объявлена лишь узкая полоска сіамской территоріи; однако, надолго едва ли удастся удержать Японію отъ попытокъ установить здѣсь и свою сферу вліянія и интересовъ.

Россія была вытѣснена изъ своей позиціи въ сѣверной части Китайской имперіи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, понесенныя ею пораженія вообще поколебали ея престижъ въ средней Азіи. Уже во время войны Англія сдѣлала попытку занять руководящее положеніе въ Тибетѣ, чтобы такимъ образомъ сдѣлать вполнѣ обезпеченной сѣверо-восточную границу своей индійской имперіи [1]). Вскорѣ затѣмъ она заставила афганскаго эмира заключить съ нею новый договоръ, въ которомъ онъ окончательно призналъ англійское верховенство и отказался отъ самостоятельныхъ сношеній съ иностранными государствами (1905 г.) Наконецъ, съ большимъ усердіемъ старались англичане вытѣснить также русское вліяніе и изъ Персіи.

Передъ войной Россіи удалось, воспользовавшись денежными затрудненіями шаха, поставить его въ тѣсную отъ себя зависимость. Въ январѣ

[1]) Эта попытка увѣнчалась успѣхомъ. По договору, заключенному въ августѣ 1904 г. между Англіей и тибетскимъ правительствомъ, Тибетъ безъ согласія Великобританіи не можетъ никому предоставлять права на пріобрѣтеніе въ Тибетѣ территоріи, на проведеніе желѣзной дороги, на устройство телеграфовъ, на эксплуатацію горныхъ богатствъ и т. д. *Ред.*

1900 г. Россія по договору приняла на себя гарантію персидскаго займа въ $22^1/_2$ милліона руб.; всѣ прежніе государственные долги должны были быть превращены въ бумаги новаго займа. Въ обезпеченіе займа шахъ передалъ въ видѣ залога всѣ персидскіе таможенные сборы, за исключеніемъ сборовъ, получаемыхъ въ городахъ Персидскаго залива, и, кромѣ того, обязался не заключать никакихъ новыхъ займовъ безъ одобренія Россіи. Новая организація персидской таможенной системы позволила Россіи установить дѣйствительный контроль надъ взиманіемъ пошлинъ. Послѣ этого Англія заставила шаха предоставить ей право на проведеніе телеграфа черезъ южную Персію и потребовала признанія Персидскаго залива входящимъ въ сферу ея интересовъ. Но такъ какъ Россія сумѣла обезпечить своимъ товарамъ почти безпошлинный ввозъ черезъ персидскую сухопутную границу, то тѣмъ самымъ она пріобрѣла значительныя экономическія преимущества сравнительно съ Англіей, ибо обширная персидская возвышенность съ моря почти недоступна и по самой своей природѣ предназначена для внутренней торговли. Такъ какъ шахъ находился подъ вліяніемъ Россіи, то англичане мало-по-малу завязывали сношенія съ его внутренними противниками. Престижъ Англіи особенно увеличился въ 1905 г., когда Россія, ослабленная войной на Дальнемъ Востокѣ, молчаливо отступала предъ Великобританіей и въ Персіи. Революціонное движеніе, вынудившее шаха дать конституцію и созвать лѣтомъ 1906 года парламентъ (меджилисъ), во всякомъ случаѣ поддерживалось Англіей, если не сказать, что оно прямо ею было вызвано.

Такимъ образомъ, англійскія и русскія стремленія къ расширенію сферы своего вліянія въ Тибетѣ и Персіи столкнулись такъ же враждебно, какъ нѣкогда въ Мервѣ и въ Афганистанѣ. Но такъ какъ обѣ имперіи были заинтересованы въ устраненіи военнаго столкновенія, то онѣ вошли въ соглашеніе путемъ договора, заключеннаго ими 18 (31) августа 1907 г. относительно разграниченія взаимныхъ сферъ интересовъ. Тибетъ былъ объявленъ совершенно независимымъ и нейтральнымъ, Афганистанъ всецѣло предоставленъ Англіи, Персія же была раздѣлена на три зоны. Самая большая и важнѣйшая сѣверная зона предоставлена была вліянію Россіи; смежныя съ Афганистаномъ и Белуджистаномъ юго-восточныя провинціи признаны были входящими въ область англійскихъ интересовъ; юго-западная Персія была объявлена нейтральной областью. Наряду съ этимъ въ добавочномъ договорѣ Россія какъ бы признала исключительное экономическое господство Англіи въ гаваняхъ Персидскаго залива.

Такъ какъ этимъ договоромъ для фактически установившихся взаимныхъ отношеній державъ создавалась почти соотвѣтствующая имъ разграничительная линія, то договоръ этотъ, быть-можетъ, обезпечивалъ на болѣе или менѣе продолжительное время мирное сожительство обѣихъ державъ. Но событія послѣдняго времени показали, что не всѣ опасности были ими устранены. Послѣ смерти стараго шаха Музафферъ-Эддина (январь 1907 г.) наслѣдовавшій ему сынъ Мохаммедъ-Али-Мирза началъ борьбу съ вырванной у его отца конституціей. Поводомъ къ столкновенію между шахомъ и мед-

Шахъ МУЗАФФЕРЪ-ЭДДИНЪ.

МОХАММЕДЪ-АЛИ-МИРЗА.

САТТАРЪ-ХАНЪ.

Группа членовъ меджилиса (1908 г.).

жилисомъ послужилъ вопросъ о бюджетномъ правѣ парламента. Помимо цивильнаго листа въ $2^1/_2$ милл. франковъ, шахъ требовалъ для себя неограниченнаго права пользованія въ нужный моментъ государственной казной. Ни меджилисъ, ни министерство не соглашались на это. Сначала министры были арестованы, но благодаря Англіи были вскорѣ выпущены, и шахъ вынужденъ былъ признать принятые меджилисомъ конституціонные законы и даже принести соотвѣтствующую присягу; но лѣтомъ 1908 г. онъ бѣжалъ изъ Тегерана и призвалъ всѣхъ сторонниковъ стараго режима къ борьбѣ противъ парламента. Несмотря на неоднократно принесенную присягу точно соблюдать конституцію, Мохаммедъ-Али вооруженной силой разогналъ меджилисъ, самое зданіе было разрушено, казнилъ много сторонниковъ конституціи и нанесъ рѣшительный ударъ взявшимся за оружіе защитникамъ меджилиса. Особенно серьезное сопротивленіе деспотизму шаха оказалъ Тавризъ, на улицахъ котораго въ теченіе нѣкотораго времени происходила настоящая война. Вслѣдъ за Тавризомъ возстали Рештъ, Мешхедъ и Испагань; затянувшееся междоусобіе дало поводъ Англіи и Россіи сдѣлать шаху представленіе о необходимости возстановленія конституціи. Мохамедъ-Али обѣщалъ, но обѣщанія не исполнилъ и осенью 1908 г. совершенно отмѣнилъ конституцію. Энергичныя представленія державъ побудили шахское правительство взять назадъ декретъ объ окончательной отмѣнѣ конституціи. Колебанія шаха подняли силы конституціоналистовъ, населеніе Испагани готовилось къ походу на Тегеранъ, изъ Тавриза въ защиту конституціи долженъ былъ двинуться Саттаръ-ханъ, а изъ Решта Сепехдаръ. Лѣтомъ 1909 г. конституціоналисты нанесли жестокое пораженіе сторонникамъ шаха, руководимымъ русскимъ офицеромъ Ляховымъ, и принудили Мохаммеда-Али отречься отъ престола въ пользу своего одиннадцатилѣтняго сына Ахмеда-Мирзы; регентомъ былъ назначенъ Азедъ-эль-Мулька. Бывшій шахъ отдалъ себя подъ охрану Россіи.

Каковы бы ни были ближайшія судьбы Персіи,—а событія конца 1909 г. показали, что реакціонные элементы въ ней еще очень сильны,—ей не скоро удастся освободиться изъ-подъ опеки Европы. Такимъ образомъ, Азія, за исключеніемъ Турціи, въ настоящее время подѣлена на сферы интересовъ японскихъ, французскихъ, англійскихъ и русскихъ, и точно установленная пограничная линія представляетъ извѣстную гарантію для сохраненія мира въ ближайшемъ будущемъ.

Преобладаніе Англіи въ южной и сѣверо-восточной частяхъ Африки съ конца XIX столѣтія было неоспоримо; въ сѣверо-западной же части доминировала Франція. Германское вліяніе не распространялось за предѣлы той области, которая находилась въ непосредственномъ обладаніи имперіи. Сомнительнымъ еще оставалось къ началу XX вѣка будущее Абессиніи, бассейна Конго и Марокко. Политическая независимость Абессиніи до сихъ поръ признавалась неприкосновенной, но со временемъ эта страна, нужно полагать, очутится подъ опекою Англіи. Государство Конго послѣ смерти бельгійскаго ко-

роля Леопольда II переходитъ къ Бельгіи. Правда, при обсужденіи этого вопроса въ бельгійской палатѣ возникли сильныя тренія, такъ какъ король Леопольдъ за свои частныя владѣнія въ государствѣ Конго потребовалъ чудовищнаго вознагражденія, а, съ другой стороны, Франція требовала гарантировать предоставленное ей право первой покупки. Но, въ концѣ концовъ, палата одобрила законъ о присоединеніи Конго къ Бельгіи, и этимъ самымъ будущность этой области была рѣшена на неопредѣленно продолжительное время.

Изъ-за Марокко, наоборотъ, возгорѣлась довольно острая борьба. Французы давно уже стремились къ обладанію этой страною, но при этомъ республикѣ приходилось считаться съ Испаніей, интересы которой не мирились съ завоевательными планами Франціи. Поэтому для послѣдней и представлялось весьма важнымъ заручиться у Англіи поддержкою своихъ стремленій.

Въ лицѣ Эдуарда VII британская имперія имѣетъ монарха, который, при строгомъ соблюденіи конституціонныхъ обычаевъ и формъ, умѣетъ, однако, въ гораздо болѣе значительной мѣрѣ, нежели его мать, оказывать вліяніе на ходъ политической жизни, обнаруживая при этомъ выдающіяся способности и настоящее пониманіе англійскихъ интересовъ. Онъ поставилъ себѣ задачей добиться отъ Франціи признанія англійскаго господства въ Египтѣ,—признанія, въ которомъ она до тѣхъ поръ всегда отказывала Англіи. Дѣйствительно ли у него серьезно возникала мысль оказать французамъ помощь въ войнѣ съ Германіей во имя реванша, — въ этомъ можно сомнѣваться; но въ государственныхъ людяхъ на берегахъ Сены онъ поддерживалъ надежду на помощь подобнаго рода. Первымъ признакомъ англо-французскаго сближенія былъ договоръ отъ 8 апрѣля 1904 г., существенное содержаніе котораго можно формулировать въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: Египетъ для Англіи, Марокко для Франціи. Для того, чтобы предупредить какое бы то ни было непріятное чувство въ Италіи, ей въ перспективѣ указано было на возможность пріобрѣтенія Триполи. Этими соглашеніями Англія окончательно обезпечила прочность пріобрѣтенной уже позиціи, тогда какъ Франція должна была еще бороться за свое вліяніе въ Марокко и могла разсчитывать при этомъ лишь на благожелательное отношеніе Англіи, а не на непосредственное содѣйствіе съ ея стороны.

Въ то время какъ французы вступили въ переговоры о соглашеніи съ Испаніей, вскорѣ приведшіе къ благопріятнымъ результатамъ, и приняли мѣры къ обезпеченію въ Марокко французскимъ гражданамъ экономическихъ привилегій, имъ пришлось столкнуться со своимъ старымъ врагомъ—съ Германіей. Торговыя сношенія Германіи съ Марокко пріобрѣли уже извѣстное значеніе, и потому, если бы эта страна очутилась въ подчиненіи у Франціи, подобное обстоятельство, несомнѣнно, причинило бы нѣкоторый ущербъ интересамъ германской торговли. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, германское правительство было крайне недовольно тѣмъ, что Англія и Франція совершенно односторонне распорядились африканской областью, до сихъ поръ признававшейся независимой, ни словомъ не сообщивъ о заключенномъ ими между собою договорѣ

германской имперіи, которая также имѣетъ свои интересы въ Африкѣ [1]). Императоръ Вильгельмъ воспользовался своимъ путешествіемъ по Средиземному морю, чтобы весною 1905 г. сдѣлать визитъ марокскому султану и показать этимъ, что, вопреки заключенному договору, онъ считаетъ его независимымъ монархомъ. Когда послѣ этого о договорѣ оффиціально было сообщено въ Берлинѣ, то германское правительство заявило, что не можетъ признать его обязательнымъ для третьей стороны.

Имѣлись ли на-лицо какіе-либо особенно важные мотивы для оправданія этой политики,—объ этомъ судить теперь еще рано. Во всякомъ случаѣ прежняя, поддерживаемая съ такимъ успѣхомъ, политика Бисмарка,—политика поощренія колоніальныхъ предпріятій Франціи съ цѣлью перенесенія центра ея тяжести за предѣлы Европы, была оставлена. Послѣдствіемъ этого чуть-было не явилась большая европейская война. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассе желалъ воспользоваться поведеніемъ Германіи какъ поводомъ къ объявленію войны, и притомъ этимъ именно поводомъ, ибо, по его словамъ, онъ относился къ числу тѣхъ обстоятельствъ, которыя обусловливали обязательное содѣйствіе Англіи республикѣ. Однако, въ совѣтѣ министровъ Делькассе остался въ меньшинствѣ и долженъ былъ выйти въ отставку (6 іюня 1905). Затѣмъ послѣ дипломатическихъ переговоровъ рѣшено было послать делегатовъ на международную конференцію, созванную по иниціативѣ марокскаго султана и собравшуюся въ Алжезирасѣ, на испанской территоріи. На совѣщаніяхъ, имѣвшихъ тамъ мѣсто, Германія, встрѣтившая дѣйствительную поддержку только со стороны Австріи, очутилась въ довольно тяжеломъ положеніи. Въ концѣ концовъ, совѣщавшіеся согласились на предложеніе Австріи, которое сводилось къ экономическому равенству всѣхъ націй въ Марокко, къ организаціи франко-испанской полиціи въ портовыхъ пунктахъ подъ начальствомъ швейцарца и къ установленію международнаго контроля надъ таможеннымъ дѣломъ, которое Франція ранѣе стремилась подчинить своему исключительному надзору. Такимъ образомъ, Германія добилась временнаго и немаловажнаго успѣха; но только будущее могло показать, насколько, дѣйствительно, оказывалось возможнымъ надолго помѣшать упроченію Франціи въ Марокко. Въ мартѣ 1907 г. совершено было насиліе надъ однимъ французскимъ врачомъ въ Маракешѣ. Этимъ фактомъ Франція поторопилась воспользоваться, чтобы занять городъ Уджиду, расположенный на алжирской границѣ. Разбойничьи

---

[1]) Частнымъ образомъ Франція сообщила германской имперіи о состоявшемся англо-французскомъ договорѣ, но берлинское правительство дѣлало видъ, что ничего не знаетъ объ этой конвенціи. Поведеніе Германіи въ марокскомъ вопросѣ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что Делькассе путемъ соглашеній съ Англіей и Испаніей и сближенія съ Италіей какъ бы совершенно изолировалъ Германію; послѣдняя тяготилась своимъ изолированнымъ положеніемъ, и такъ какъ союзница Франціи, терпѣвшая столь тяжелыя пораженія на Дальнемъ Востокѣ, не могла оказать республикѣ никакой помощи, то Германія путемъ угрозъ принудила Францію пожертвовать политикою Делькассе и заставила ее подвергнуть англо-французское соглашеніе 1904 г. пересмотру на Алжезирасской конференціи. *Ред.*

нападенія магометанскаго населенія въ портовомъ городѣ Казабланкѣ повели въ августѣ 1907 г. къ бомбардировкѣ этого пункта и къ высадкѣ французскихъ и испанскихъ войскъ. Тогда какъ Испанія дѣйствовала весьма сдержанно, Франція постоянно увеличивала число своихъ войскъ, предприняла экспедицію противъ племени Шауйя и подвигалась все болѣе и болѣе внутрь страны. Положеніе осложнялось междоусобной войною изъ-за престолонаслѣдія, вспыхнувшею между султаномъ Абдулъ-Азисомъ и братомъ его Мулай-Гафидомъ. Вначалѣ Франція почти открыто приняла сторону Абдулъ-Азиса; но, быть-можетъ, это именно обстоятельство и заставило большинство марокканцевъ перейти подъ знамя его противника. Въ августѣ 1908 г. Мулай-Гафидъ повсюду торжествовалъ побѣду, и нейтральныя великія державы согласились признать его султаномъ. На этотъ путь вступила и Франція, когда пришлось подчиниться повелительной силѣ фактовъ и пожертвовать Абдулъ-Азисомъ. Мулай-Гафидъ послѣ даннаго имъ обѣщанія — соблюдать постановленія алжезирасской конференціи, былъ торжественно провозглашенъ султаномъ; этимъ, разумѣется, нисколько не была облегчена задача Франціи. Самостоятельность Марокко еще совершенно не обезпечена, хотя Франція заявила державамъ, что она не намѣрена прибѣгать къ оккупаціи; вѣдь не слѣдуетъ забывать, что то же самое происходило и передъ захватомъ Туниса. Однако, здѣсь завоевательная политика Франціи встрѣтила бы на своемъ пути серьезныя затрудненія въ виду фанатизма и воинственнаго характера населенія. Благопріятнымъ симптомомъ въ смыслѣ развитія мирныхъ отношеній между Франціей и Германіей служитъ заключенный между обѣими странами договоръ 1909 г. о Марокко. Въ этомъ договорѣ Франція подчеркнула необходимость предоставленія всѣмъ государствамъ одинаковыхъ экономическихъ правъ въ Марокко, но зато Германія открыто заявила, что у Франціи, въ виду близости ея алжирской границы, имѣются особыя политическія права въ государствѣ Мулай-Гафида, въ виду чего ей предоставлено было почти все, что она получила здѣсь по англо-французскому договору 1904 г., заключенному Делькассе и вызвавшему со стороны Германіи тотъ протестъ, который въ теченіе свыше четырехъ лѣтъ грозилъ Европѣ нарушеніемъ мира.

Въ общемъ, такимъ образомъ, сближеніе Англіи съ державами двойственнаго союза произошло на почвѣ азіатскихъ и африканскихъ договоровъ; напротивъ, тѣсная связь между самими державами двойственнаго союза какъ-будто ослабѣла. Уже съ давнихъ поръ многимъ французскимъ демократамъ союзъ съ абсолютной имперіей былъ мало симпатиченъ; но они полагали, что безъ этого союза они не могли бы обойтись въ случаѣ войны съ Германіей. Теперь боевая сила Россіи потерпѣла значительный ущербъ, а политика русскаго правительства по отношенію къ демократическимъ стремленіямъ въ собственной странѣ могла лишь усилить враждебные союзу элементы во Франціи. Къ тому же теперь Франція имѣетъ на своей сторонѣ первую въ мірѣ морскую державу, которая во время войны могла бы нанести гибельный ударъ германской торговлѣ. Это обстоятельство неизбѣжно обезцѣнивало во мнѣніи французовъ ихъ союзъ съ Россіей; и если бы не тревога

французской буржуазіи за цѣлость своихъ капиталовъ, вложенныхъ въ русскія бумаги, то это ослабленіе двойственнаго союза обнаружилось бы еще ярче.

На Балканскомъ полуостровѣ Россія также не могла надлежащимъ образомъ поддержать свой традиціонный престижъ. Кропотливой, незамѣтной работой русская дипломатія съ 80-хъ годовъ мало-по-малу возстановляла свое вліятельное положеніе среди христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова. Князь Фердинандъ Болгарскій удалилъ въ 1894 г. съ руководящаго поста самаго непримиримаго врага Россіи Стамбулова; вскорѣ затѣмъ этотъ неустрашимый застрѣльщикъ въ борьбѣ за независимость Болгаріи былъ убитъ въ Софіи (2/15 іюля 1895 г.). Такъ какъ убійцѣ дали возможность бѣжать, то оказалось невозможнымъ выяснить вопросъ о причастности Россіи къ этой расправѣ со своимъ опаснымъ противникомъ. Выступленіе русскаго государя въ роли воспріемника при крещеніи новорожденнаго болгарскаго престолонаслѣдника засвидѣтельствовало передъ всѣмъ міромъ о возстановленіи добрыхъ отношеній между Россіей и Болгаріей, а вскорѣ затѣмъ послѣдовало и оффиціальное признаніе князя Фердинанда со стороны султана и великихъ державъ. Отреченіе отъ престола въ Сербіи преданнаго Австріи короля Милана въ пользу своего несовершеннолѣтняго сына Александра (6 марта 1889 г.) также свидѣтельствовало объ усиленіи руссофильской партіи, вождями которой были королева Наталія и ея совѣтчикъ Ристичъ. Вслѣдъ за этимъ здѣсь сейчасъ же началась ожесточенная, не останавливавшаяся ни передъ какими средствами борьба партій. Дважды возвращался въ Сербію старый король для возстановленія порядка, но всегда съ очень кратковременнымъ успѣхомъ. Послѣ бракосочетанія Александра со старой кокеткой, завлекшей юнаго короля въ свои сѣти Драгою Машинъ (1900 г.), находившейся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Россіей, Миланъ окончательно былъ изгнанъ изъ Сербіи. Но тиранническій режимъ, введенный королемъ Александромъ, создалъ ему сильныхъ противниковъ, которые обратили свои взоры на семью претендента Карагеоргіевича, нашедшую себѣ убѣжище въ Женевѣ. Временно престижъ Россіи въ Сербіи торжествовалъ. Изъ всѣхъ Балканскихъ государствъ одна только Румынія стояла въ сторонѣ отъ имперіи царя; и чѣмъ больше Россія пріобрѣтала себѣ сторонниковъ въ Болгаріи и Сербіи, тѣмъ тѣснѣе Румынія сближалась съ тройственнымъ союзомъ.

Первому серьезному потрясенію подверглось русское вліяніе на сѣверѣ Балканскаго полуострова вслѣдствіе страшнаго злодѣянія, совершеннаго въ Бѣлградѣ и наполнившаго ужасомъ весь міръ. Король Александръ, будучи бездѣтнымъ, предполагалъ право престолонаслѣдія передать родственникамъ своей жены, которые и начали вести себя самымъ неприличнымъ образомъ, какъ будущіе властители страны. Тогда среди офицеровъ составился заговоръ; въ ночь съ 11 на 12 іюня 1903 г. Александръ и его супруга подверглись нападенію въ своемъ дворцѣ и были убиты. Послѣ этого былъ вызванъ изъ Женевы Петръ Карагеоргіевичъ и возведенъ на королевскій престолъ. На-

сколько велико было его участіе въ заговорѣ,—это намъ не извѣстно. Король Петръ былъ признанъ державами. Новый монархъ Сербіи все время оставался въ зависимости отъ убійцъ, которымъ былъ обязанъ своей короной. Какъ и раньше, Сербія сильно страдала отъ внутренней борьбы партій. Но среди этихъ борющихся направленій все ярче выдвигалось и все болѣе крѣпло теченіе, стремившее освободить Сербію отъ зависимости какъ отъ Россіи, такъ и отъ Австріи и желавшее прежде всего заключенія союза съ христіанскими государствами Балканскаго полуострова.

Въ самой Турціи Россія могла проявлять свое вліяніе лишь косвеннымъ путемъ. Султанъ Абдулъ-Гамидъ не провелъ ни одной изъ обѣщанныхъ реформъ. Лишь армію свою онъ рѣшилъ реформировать по европейскому образцу и поощрялъ сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, ибо отъ развитія желѣзнодорожнаго дѣла онъ ожидалъ увеличенія производительныхъ и податныхъ силъ своей имперіи. Въ 1888 г. закончена была линія Бѣлградъ—Константинополь, и этимъ путемъ сѣти турецкихъ желѣзныхъ дорогъ были связаны съ венгерскою сѣтью. Къ великимъ державамъ, заинтересованнымъ въ восточныхъ дѣлахъ—къ Россіи, Англіи и Австріи,—онъ относился съ глубочайшимъ недовѣріемъ; къ Германіи же, наоборотъ, онъ обнаруживалъ тяготѣніе, когда испытывалъ нужду въ европейской поддержкѣ, такъ какъ эта держава не могла питать честолюбивыхъ намѣреній въ смыслѣ посягательства на какую-либо часть турецкой территоріи. Нѣмецкіе офицеры были инструкторами турецкой арміи, а ея начальникъ, генералъ фонъ-деръ-Гольцъ, благодаря довѣрію, которымъ онъ пользовался у султана, много содѣйствовалъ укрѣпленію добрыхъ отношеній между германской имперіей и Турціей. Отсюда Германія извлекла ту выгоду, что постройка важнѣйшей турецко-азіатской желѣзнодорожной линіи Константинополь—Багдадъ была передена нѣмецкому обществу. 4 октября 1888 г. Нѣмецкій банкъ, мѣсто котораго позднѣе заняло Анатолійское желѣзнодорожное общество, купилъ небольшой, но уже вполнѣ оборудованный участокъ этой желѣзнодорожной линіи (отъ Хайдаръ-Паши до Исмида) и на первыхъ же порахъ получилъ разрѣшеніе продолжить ее до Ангоры, съ гарантіей на 99 лѣтъ. Уже въ 1892 г. проведеніе линіи до названнаго пункта было закончено; она оказалась весьма полезной, послуживъ толчкомъ къ разработкѣ естественныхъ богатствъ Малой Азіи, и сильно оживила земледѣльческую промышленность въ мѣстностяхъ, черезъ которыя она прошла. Но тутъ вскорѣ Турціи были предъявлены соотвѣтствующія требованія со стороны Англіи и Россіи, и потому долгое время нельзя было добиться разрѣшенія на дальнѣйшее продолженіе означенной линіи. Лишь послѣ того, какъ императоръ Вильгельмъ на возвратномъ пути изъ Іерусалима лично посѣтилъ султана въ Константинополѣ (1898 г.), Анатолійское общество получило право на постройку гавани у Хайдаръ-Паши, а 6 января 1902 г. ему дано было разрѣшеніе на продолженіе линіи до Багдада. Постройка начата была немедленно и велась съ большой энергіей [1]).

[1]) Вскорѣ, однако, Анатолійское общество вторично столкнулось съ противодѣйствіемъ Россіи и Англіи, не желавшихъ допустить усиленія вліянія Германіи въ Турціи.

Если Абдулъ-Гамидъ, несмотря на все свое отвращеніе къ вторженію иностранцевъ въ его имперію, согласился на эту концессію, то одно изъ главныхъ соображеній, побудившихъ его принять такое рѣшеніе, заключалось въ томъ, что желѣзнодорожная линія могла служить самымъ лучшимъ средствомъ къ проведенію болѣе строгой централизаціи въ управленіи. Исходя изъ тѣхъ же соображеній, а также съ цѣлью облегчить правовѣрнымъ паломникамъ путешествіе къ гробницѣ пророка, султанъ принялъ подъ свое покровительство сооруженіе желѣзнодорожной линіи изъ Дамаска въ Мекку.

Такъ какъ Абдулъ-Гамидъ придавалъ особое значеніе Малой Азіи, какъ колыбели оттоманской народности, то въ пребываніи на ея территоріи не мусульманскаго и не турецкаго населенія онъ видѣлъ препятствіе на пути къ осуществленію своихъ плановъ. Армяне были собственно единственнымъ торговымъ народомъ въ турецкой имперіи, съ тѣхъ поръ какъ греки утратили эту роль, раньше имъ принадлежавшую, и потому они не внушали къ себѣ любви со стороны турецкихъ крестьянъ. Уже и раньше время-отъ-времени армяне становились жертвою погромовъ; но съ 1893 г. сосѣднія курдскія и черкесскія племена, поддерживаемыя турецкими чиновниками, начали противъ нихъ настоящую партизанскую войну. Армяне требовали для обитаемой ими области такой же автономіи, какою пользовалась Восточная Румелія. Ничто такъ не могло раздражать султана, какъ перенесеніе подобныхъ стремленій на почву Малой Азіи. Выступленіе турецкихъ властей противъ этихъ стремленій принимало все болѣе репрессивный характеръ, и дѣло дошло, наконецъ, до того, что среди армянъ устроили настоящую рѣзню. Внявъ мольбамъ избиваемыхъ, Англія, Россія и Франція сдѣлали Портѣ коллективное представленіе и потребовали проведенія реформъ въ Арменіи (май 1895 г.). Это вмѣшательство еще болѣе разнуздало звѣрскіе инстинкты турокъ и послужило поводомъ къ кровавому избіенію армянскихъ купцовъ въ Константинополѣ и въ другихъ болѣе крупныхъ городахъ имперіи. Правительство и пальцемъ не пошевелило для того, чтобы прійти на помощь жертвамъ турецкаго фанатизма. Безсмысленное террористическое покушеніе, устроенное армянами противъ Оттоманскаго банка, привело на слѣдующее лѣто къ новымъ кровавымъ избіеніямъ. Около 50—60000 армянъ было перебито въ Азіи. Только морская демонстрація и серьезныя угрозы со стороны великихъ державъ заставили султана объявить амнистію и подвергнуть наказанію нѣсколькихъ должностныхъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, положеніе армянъ оставалось далеко не надежнымъ, и время-отъ-времени въ Европу все еще продолжали приходить вѣсти о новыхъ насиліяхъ надъ ними.

Англія, въ интересахъ которой важно имѣть преобладающее вліяніе въ Персидскомъ заливѣ, дѣйствовала черезъ арабскаго шейха, фактически не подчиняющагося Турціи и мѣшавшаго проводить желѣзнодорожную линію до конечныхъ пунктовъ, которые, согласно данной концессіи Анатолійскому обществу, находились именно у Персидскаго залива; Россія была противъ Багдадской дороги въ виду того, что она представляла для Турціи несомнѣнныя стратегическія выгоды въ смыслѣ легкости сосредоточенія войскъ около кавказской границы изъ отдаленныхъ турецкихъ областей. *Ред.*

Болѣе дѣйствительнымъ оказался авторитетъ великихъ державъ въ дѣлахъ европейской Турціи. Наиболѣе серьезныя затрудненія связаны были здѣсь съ критскимъ и македонскимъ вопросами. Греческое королевство не чувствовало себя удовлетвореннымъ границею, пріобрѣтенною имъ въ 1881 г., и съ особенною настойчивостью стремилось къ присоединенію острова Крита, который, главнымъ образомъ, населенъ греками. Въ 1896 г. критяне возстали противъ турецкаго господства, и греческій принцъ Георгъ поспѣшилъ къ нимъ на помощь. Слѣдующей весной вспыхнула война также и въ Өессаліи, принявшая такой несчастный для Греціи оборотъ, что лишь вмѣшательство великихъ державъ избавило ее отъ тяжелыхъ потерь. Осенью 1897 г. великія державы продиктовали воюющимъ сторонамъ миръ, по которому Турція получила удовлетвореніе въ формѣ нѣкотораго исправленія Өессалійской границы и военнаго вознагражденія; но Критъ былъ поставленъ въ положеніе автономной провинціи съ христіанскимъ генералъ-губернаторомъ во главѣ. Критяне, не соглашавшіеся на прекращеніе борьбы, были приведены къ покорности международнымъ флотомъ, а Греція была вынуждена подчинить свои совершенно разстроенные финансы контролю европейскихъ державъ. Вслѣдъ затѣмъ какъ греческія, такъ и турецкія войска были отозваны съ острова, а генералъ-губернаторомъ Крита великія державы назначили греческаго принца Георга (1898 г.). Султанъ крайне неохотно подчинился этому рѣшенію, такъ какъ въ этомъ генералъ-губернаторствѣ онъ видѣлъ лишь подготовительный шагъ къ будущей аннексіи острова Греціей. И въ самомъ дѣлѣ принцъ Георгъ неуклонно стремился къ этой цѣли и въ 1906 г. удалился съ своего поста, когда убѣдился, что державы не желали допустить аннексіи [1]). Но преемникомъ ему былъ назначенъ другой грекъ.

Тогда же державы-покровительницы сообщили критскому правительству, что международный отрядъ будетъ удаленъ съ острова, какъ только греческіе офицеры закончатъ организацію милиціи и жандармеріи, возложенную первоначально на итальянцевъ. Въ апрѣлѣ 1908 г. это обѣщаніе, явно благопріятное эллинистическимъ элементамъ, было подтверждено, хотя Турція и протестовала противъ него. Въ началѣ іюля 1908 г. первый эшелонъ международнаго отряда покинулъ Критъ, и державы заявили, что въ іюлѣ 1909 г. эвакуація острова будетъ закончена. Въ октябрѣ 1908 г., въ связи съ крупными событіями на Балканскомъ полуостровѣ, критское національное собраніе провозгласило присоединеніе острова къ Греціи. Въ отвѣтъ на это турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ Рифаатъ-паша заявилъ, что Турція не остановится ни передъ какими жертвами, чтобы воспрепятствовать присоеди-

[1]) Удаленіе принца Георга было вызвано, главнымъ образомъ, его непопулярностью на островѣ вслѣдствіе его автократическихъ замашекъ и частыхъ столкновеній съ критскимъ національнымъ собраніемъ. Замѣнившій Георга верховный комиссаръ Заимисъ, бывшій греческій министръ, былъ извѣстенъ въ качествѣ строгаго конституціоналиста и послѣдовательно подготовлялъ присоединеніе Крита къ Греціи: такъ, онъ ввелъ греческую монету, высшей судебной инстанціей объявилъ, вмѣсто критскаго суда, засѣдавшаго раньше въ Канеѣ, высшій судъ въ Аѳинахъ и т. д. *Ред.*

ненію Крита къ Греціи. Во избѣжаніе войны державы-покровительницы, не отмѣняя своего обѣщанія объ эвакуаціи острова, замѣнили международный отрядъ военными судами въ Судской бухтѣ, на обязанности которыхъ лежала охрана суверенитета султана надъ островомъ. Несмотря на протесты критянъ, въ концѣ концовъ, былъ возстановленъ status quo ante, т.-е. положеніе, почти совпадающее съ бывшимъ до греко-турецкой войны. Однако, этимъ критскій вопросъ еще не разрѣшенъ, и нѣтъ сомнѣнія, что рано или поздно онъ будетъ присоединенъ къ Греціи. Въ январѣ 1910 г. въ связи съ рѣшеніемъ греческаго правительства созвать національное собраніе, снова говорили о возможности немедленнаго присоединенія острова къ Греціи.

Великимъ державамъ легко было принудить Турцію къ уступчивости въ этомъ вопросѣ, потому что онѣ дѣйствовали солидарно. Въ иномъ положеніи находился македонскій вопросъ. Возможность достиженія державами такого же единодушія при обсужденіи македонскаго вопроса, который, начиная съ 1902 г., пріобрѣталъ все болѣе и болѣе крупное значеніе, считалась сомнительной. Турецкая провинція Македонія, населенная магометанами, греками, албанцами, болгарами, сербами и куцо-валахами, представляла собою въ этнографическомъ отношеніи крайне пеструю картину; точныхъ данныхъ, однако, о количественномъ соотношеніи отдѣльныхъ племенъ въ общемъ составѣ населенія мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ. Изъ сосѣднихъ съ нею странъ Греція, Болгарія и Сербія уже давно стремились къ овладѣнію этой областью, важность которой для политическихъ группировокъ на Балканскомъ полуостровѣ обусловливалась ея географическимъ положеніемъ. Но такъ какъ ни одно изъ этихъ государствъ не допускало болѣе или менѣе серьезнаго участія своего соперника въ дѣлежѣ добычи, и такъ какъ ни одно изъ нихъ само по себѣ не обладало достаточной силой для успѣшнаго противодѣйствія притязаніямъ остальныхъ заинтересованныхъ сторонъ, то долгое время македонскаго вопроса совсѣмъ не касались, хотя въ самой странѣ броженіе никогда не прекращалось. Только образованіе въ Македоніи болгарскихъ четъ осенью 1902 г., которыя, производя террористическіе акты, разсѣялись по всей странѣ и начали настоящую партизанскую войну, повели къ новымъ осложненіямъ. Султанъ отправилъ туда сильный военный отрядъ, который, несмотря на всѣ совершенныя имъ насилія, не могъ, однако, овладѣть движеніемъ въ этой неудобной по своимъ топографическимъ свойствамъ гористой странѣ. Тогда Россія и Австрія рѣшили вмѣшаться въ дѣло.

Въ нотѣ, сообща ими составленной, онѣ потребовали отъ султана учрежденія для Македоніи составленнаго изъ христіанъ и магометанъ полицейскаго отряда подъ начальствомъ европейскихъ офицеровъ; затѣмъ назначенія европейскаго и несмѣняемаго генералъ-инспектора и обращенія мѣстныхъ налоговъ на удовлетвореніе мѣстныхъ же нуждъ. Порта на все это сейчасъ же выразила свое согласіе (февраль 1903 г.), но медлила выполненіемъ принятыхъ на себя обязательствъ, а борьба съ четами продолжалась, какъ-будто ничего новаго и не произошло. Къ тому же и магометанское населеніе, охваченное возбужденіемъ, начало рядъ насильственныхъ актовъ, направленныхъ

противъ христіанъ и даже противъ заграничныхъ консуловъ. Эти осложненія побудили русскаго государя и императора Франца-Іосифа устроить личное свиданіе въ Мюрцштегѣ въ октябрѣ 1903 г. и снова повторить предъявленныя ими Турціи требованія. Во главѣ полицейскаго отряда долженъ былъ быть поставленъ европейскій генералъ, а общее управленіе должно было быть поставлено въ теченіе двухъ лѣтъ подъ контроль русскаго и австрійскаго уполномоченныхъ. Такъ какъ эти требованія были одобрены всѣми великими державами, то Порта должна была уступить. Еще въ декабрѣ 1903 г. были назначены оба агента по гражданской части, а вскорѣ затѣмъ во главѣ македонской жандармеріи былъ поставленъ итальянскій генералъ. Но и послѣ этого дѣятельность бандъ не прекратилась; болѣе того, наряду съ болгарскими появились греческія, сербскія и валлахскія банды, и Македонія сдѣлалась ареной настоящей войны всѣхъ противъ всѣхъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, державы потребовали не только усиленія полицейскихъ отрядовъ, но и подчиненія всего финансоваго вѣдомства Македоніи ихъ контролю; временной оккупаціей Митилены и Лемноса онѣ принудили султана къ этой уступкѣ; онѣ заставили султана согласиться также на продленіе полномочій всѣхъ европейскихъ агентовъ до 1914 г. Но все это оказалось тщетнымъ,—безпорядки попрежнему царили въ Македоніи.

Пока солидарность между державами не нарушалась, македонскій вопросъ имѣлъ значеніе вопроса чисто-мѣстнаго характера. Но 27 января 1908 г. австро-венгерскій министръ баронъ Эренталь заявилъ делегаціямъ, что Турція разрѣшила постройку желѣзнодорожной линіи черезъ Новибазарскій санджакъ, которая должна была установить сообщеніе между Сараевомъ и Салониками черезъ Митровицу. Такъ какъ сооруженіе означеннаго желѣзнодорожнаго пути должно было сильно поднять экономическое и политическое вліяніе Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, то отсюда становится понятнымъ то чрезвычайное возбужденіе, которое было вызвано этимъ заявленіемъ въ общественномъ мнѣніи почти всѣхъ западно-европейскихъ государствъ, а также Россіи, Сербіи, Болгаріи и Черногоріи. Напрасно Австрія выражала готовность поддержать передъ султаномъ проектъ проведенія желѣзнодорожной линіи отъ Дуная черезъ Нишъ къ Адріатическому морю; Европа, за исключеніемъ Германіи, продолжала утверждать, что Австрія стремится къ обезпеченію своихъ односторонних выгодъ, нарушая тѣмъ самымъ мюрцштегское соглашеніе, покоившееся на безкорыстіи Россіи и Австро-Венгріи. Одновременно съ уступкой Австро-Венгріи въ вопросѣ о проведеніи желѣзной дороги черезъ Новибазаръ совпало извѣстіе о присутствіи въ концертѣ державъ враждебнаго македонскимъ реформамъ теченія. Ни для кого теперь не могло быть тайной, что цѣною важной въ экономическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ желѣзнодорожной линіи Турція купила противодѣйствіе Австріи дѣлу реформъ, которое она же сама взяла на себя въ 1903 г. въ Мюрцштегѣ. Македонія, такимъ образомъ, должна была сдѣлаться жертвою эгоистической политики Габсбургской монархіи. Въ отвѣтъ на это 3 марта 1908 г. сэръ Эдвардъ Грей выступилъ съ предложеніемъ, въ общемъ сводящимся къ тому, чтобы на

Султанъ АБДУЛЪ-ГАМИДЪ.

Открытіе турецкаго парламента въ 1908 году.

должность македонскаго генералъ-губернатора назначалось Турціей лицо лишь съ согласія европейскихъ державъ. Россія не соглашалась итти такъ далеко въ дѣлѣ реформъ для Македоніи и, отклонивъ предложеніе Грея о назначеніи македонскаго генералъ-губернатора, выставила рядъ другихъ, менѣе значительныхъ реформъ, подчеркнувъ также необходимость сохраненія status quo на Балканскомъ полуостровѣ. Какъ въ англійскомъ, такъ и въ русскомъ предложеніи былъ одинъ совершенно новый и очень существенный пунктъ: впервые, вмѣсто русско-австрійской политики въ Македоніи, высказывалась необходимость поставить несчастную турецкую провинцію подъ постоянный контроль всѣхъ великихъ державъ. Такъ какъ лондонскій и петербургскій проекты, несмотря на всѣ свои различія, исходили изъ одного и того же, то между русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Извольскимъ и англійскимъ министромъ Греемъ начались переговоры о выработкѣ общей программы македонскихъ реформъ; переговоры увѣнчались успѣхомъ, и свиданіе монарховъ Англіи и Россіи лѣтомъ 1908 г. въ Ревелѣ замѣнило собою, по мѣткому выраженію «Vossische Zeitung», мюрцштегскую программу. Но какъ-разъ въ этотъ моментъ міръ былъ ошеломленъ совершенно новымъ оборотомъ дѣлъ въ Турціи.

Считавшееся давно похороненнымъ младотурецкое движеніе снова подняло голову и въ своемъ бурномъ выступленіи достигло крупнаго успѣха: султанъ возстановилъ въ іюлѣ 1908 г. силу конституціи 1876 г. и призвалъ къ власти младотурецкое министерство. Возникалъ вопросъ, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ дѣйствительно серьезной попыткой сдѣлать Турцію болѣе жизнеспособной и болѣе сильной, или же все дѣло сводится къ тому, чтобы выдвинуть впередъ парламентъ, въ отрицательномъ отношеніи котораго къ европейской опекѣ можно было бы найти авторитетное основаніе къ устраненію всякой попытки къ вмѣшательству со стороны европейскихъ державъ. Великія державы на первыхъ порахъ заняли выжидательное положеніе; онѣ хотѣли отдать себѣ отчетъ въ томъ, что будетъ предпринято для осуществленія конституціи. Во всякомъ случаѣ, начали онѣ съ того, что отозвали европейскихъ офицеровъ и чиновниковъ изъ Македоніи.

Все говорило въ пользу того, что совершившійся въ Турціи переворотъ на этотъ разъ носилъ серьезный характеръ. Конституціонный кабинетъ Кіамиля-паши возвѣстилъ цѣлый рядъ очень крупныхъ реформъ, и Абдулъ-Гамидъ на коранѣ принесъ присягу въ вѣрности новой конституціи. 4 декабря 1908 г., при открытіи парламента, султанъ при общихъ апплодисментахъ еще разъ заявилъ, что строго будетъ исполнять конституцію и управлять страною въ духѣ требованій новой конституціи. Однако, уже въ февралѣ 1909 г. новый режимъ подвергся серьезной опасности, и хотя истинные мотивы образа дѣйствій Кіамиля-паши остаются все еще не выясненными, однако, нѣтъ сомнѣнія, что предпринятое имъ преобразованіе кабинета и удаленіе изъ него младотурецкихъ представителей имѣли за собою направляющую руку султана и являлись почти открытымъ coup d'état. Послѣдній не удался и окончился побѣдой младотурецкаго комитета «Единеніе и Про-

грессъ», одинъ изъ лидеровъ котораго Хильми-паша былъ назначенъ великимъ визиремъ. Но то, что потерпѣло фіаско въ февралѣ, было возобновлено въ апрѣлѣ еще съ болѣе печальными послѣдствіями для сторонниковъ стараго турецкаго режима. 27 апрѣля 1909 г., послѣ того какъ салоникскія войска побѣдоносно вступили въ турецкую столицу, парламентъ объявилъ Абдулъ-Гамида низложеннымъ съ престола, провозгласивъ новымъ султаномъ его брата подъ именемъ Мохаммеда V. Новый режимъ получилъ новаго монарха,—достойное завершеніе іюльскихъ событій 1908 г.

Но если введеніе конституціи въ Турціи положило конецъ могущимъ возникнуть осложненіямъ изъ-за реформъ въ Македоніи, то, съ другой стороны, какъ разъ въ медовые мѣсяцы турецкой свободы надъ Балканскомъ полуостровомъ повисла свинцовая туча, ежеминутно грозившая разразиться большой европейской войной. Дѣло въ томъ, что младотурки возстали противъ тираніи не только потому, что она дѣлала ихъ жизнь невыносимой, но и потому, что она вела къ неизбѣжной гибели великую страну ихъ предковъ. Они хотѣли свободной и прогрессивной, но въ то же время непремѣнно могучей и единой имперіи, которая укрыла бы подъ складками своего знамени всѣхъ оттоманскихъ подданныхъ и сдѣлалась бы священнымъ палладіумомъ въ глазахъ всѣхъ населяющихъ ее народовъ и племенъ. Этотъ великій національный идеалъ былъ для нихъ путеводною звѣздою въ дни подготовленія революціи; его уже они поставили во главу своей дѣятельности, когда нежданная побѣда отдала имъ въ руки всю власть въ государствѣ. Достигнувъ апогея своей славы, младотурки въ рѣзкой формѣ напомнили Болгаріи, что она находится въ вассальной зависимости отъ Турціи, и что въ виду этого ея представители не могутъ пользоваться оказываемыми представителямъ другихъ государствъ почестями. Тогда князь Фердинандъ отозвалъ изъ Константинополя своего агента; мало того, воспользовавшись стачкой турецкихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, онъ заявилъ въ отправленной на имя великихъ державъ нотѣ, что не можетъ допустить въ стратегическихъ и экономическихъ интересахъ Болгаріи эксплуатаціи Румелійской дороги иностранцами, а потому вынужденъ національизировать ее, выразивъ при этомъ готовность вступить относительно перехода дороги въ переговоры съ ея истинными владѣтелями, т.-е. не съ турецкимъ правительствомъ, а съ желѣзнодорожной компаніей. Въ рѣзкой формѣ послѣдовалъ со стороны Турціи протестъ противъ нарушенія Болгаріей 21-ой статьи берлинскаго трактата; протестъ этотъ былъ поддержанъ вскорѣ берлинскимъ, вѣнскимъ, лондонскимъ и парижскимъ кабинетами. Однако, Болгарія не только не отступила предъ турецкимъ протестомъ, но обострила конфликтъ до такой степени, что турецко-болгарская война казалась неизбѣжной: 5 октября 1908 г. князь Фердинандъ объявилъ въ Тырновѣ Болгарію независимымъ отъ Турціи королевствомъ и принялъ титулъ царя болгаръ. Но еще за два дня до объявленія независимости Болгаріи стало извѣстно о рѣшеніи императора Франца-Іосифа присоединить къ своимъ владѣніямъ Боснію и Герцеговину, вознаградивъ Турцію за эту потерю очищеніемъ отъ австрійскихъ войскъ Новибазара. Сербія и Черногорія, въ особенности пер-

вая, увидѣли въ аннексіи Босніи и Герцеговины серьезную опасность для своего національнаго существованія и требовали для себя компенсаціи.

Обновленная Турція, такимъ образомъ, съ самаго начала какъ бы сдѣлалась добычей разгорѣвшихся аппетитовъ окружающихъ ее великихъ и малыхъ государствъ. При такихъ обстоятельствахъ Турціи ничего другого не оставалось дѣлать, какъ обратиться съ протестомъ къ подписавшимъ берлинскій трактатъ государствамъ. Въ это время какъ-разъ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ Извольскій былъ въ Парижѣ, и ему удалось убѣдить французское правительство въ необходимости созыва международной конференціи для рѣшенія связанныхъ съ аннексіей дѣлъ, причемъ какъ иниціативу проекта конференціи, такъ и дальнѣйшіе переговоры о ней взялъ на себя Извольскій, который отправился въ Лондонъ, чтобы убѣдить въ томъ же и англійское правительство. Такъ состоялось англо-франко-русское соглашеніе по балканскимъ вопросамъ. Однако, Австрія, энергично поддерживаемая Германіей, заявила, что она можетъ присоединиться къ конференціи лишь въ томъ случаѣ, если вопросъ объ аннексіи, которую великія державы должны признать какъ fait accompli, будетъ снятъ съ очереди и ни въ коемъ случаѣ не будетъ разсматриваться на конференціи; далѣе, австрійское правительство недоумѣвало по поводу предполагавшейся компенсаціи славянскихъ государствъ, нисколько, по мнѣнію Эренталя, не пострадавшихъ отъ присоединенія къ Австро-Венгріи Босніи и Герцеговины. Если, при разсмотрѣніи аннексіи, можетъ итти рѣчь о нарушеніи чьихъ-либо интересовъ, то развѣ одной лишь Турціи, которая уже вознаграждена Габсбургской монархіей, уступившей Портѣ Новибазарскій санджакъ; впрочемъ, правительство Франца-Іосифа готово вести по этому поводу дальнѣйшіе переговоры, но исключительно съ дѣйствительно заинтересованнымъ въ этомъ правительствомъ,—съ Портой. Послѣдняя также не видѣла для себя ничего утѣшительнаго въ конференціи: если аннексія Босніи и Герцеговины, если независимость Болгаріи—faits accomplis, не подлежащіе дальнѣйшему спору, то занятія конференціи сведутся къ разсмотрѣнію компенсаціи—и, разумѣется, на счетъ самой же Турціи: Сербія и Черногорія, а можетъ-быть и Россія, стремящаяся къ открытію Дарданеллъ, всѣ представятъ на конференціи свои desiderata, и конференція не преминетъ принять характеръ берлинскаго конгресса 1878 г. Для Турціи, какъ, впрочемъ, и для другихъ, было ясно, что въ лучшемъ случаѣ конференція явится лишь запоздалымъ признаніемъ того, что было совершено Австро-Венгріей и Болгаріей въ знаменательные октябрьскіе дни. Не удивительно поэтому, что дѣтище Извольскаго никого не успокоило. Вмѣсто ожиданій на возстановленіе своихъ интересовъ со стороны великихъ державъ, Турція отвѣтила на аннексію Босніи и Герцеговины бойкотомъ австро-венгерскихъ товаровъ, а противъ Болгаріи стала мобилизовать свою армію. Однако, такъ какъ фактически воевать Турція въ данный моментъ не могла, то вскорѣ стали говорить о возможности мирнымъ путемъ уладить болгаро-турецкій и австрійско-турецкій конфликты, тѣмъ болѣе, что Габсбургская монархія, сильно пострадавшая матеріально отъ

закрытія турецкаго рынка, готова была, помимо Новибазарскаго санджака, дать Турціи еще и другое удовлетвореніе. И между оттоманской имперіей и австро-венгерской монархіей начались переговоры не en roi, mais en marchand. Турція требовала за Боснію и Герцеговину 100 милліоновъ, Австрія давала лишь 50; наконецъ, обѣ стороны сошлись на $62^1/_2$ мил. Вслѣдъ за этимъ начались денежные переговоры и съ Болгаріей, захватившей, какъ выше уже было упомянуто, Румелійскую желѣзную дорогу. Переговоры носили очень затяжной характеръ, такъ какъ Турція требовала 140 милл., а у Болгаріи средствъ было очень мало. Удачное вмѣшательство Россіи привело къ благополучному концу затянувшійся торгъ: согласно конвенціи 1882 г. Турція должна въ теченіе 74 лѣтъ платить Россіи 8 милл. въ счетъ военной контрибуціи; Россія согласилась теперь уменьшить этотъ срокъ на 15 лѣтъ, Болгарія же, съ своей стороны, должна вернуть Россіи лишь 82 милл.—и то небольшими взносами въ разное время. Такъ вышла Турція изъ того положенія, въ которомъ она очутилась благодаря аннексіи Босніи и Герцеговины и провозглашенію независимаго болгарскаго королевства.

Съ улаженіемъ этихъ конфликтовъ миръ на Балканскомъ полуостровѣ не былъ, однако, обезпеченъ. Маленькая Сербія, опираясь на фактъ непризнанія Европой босне-герцеговинской аннексіи, которая, по ея мнѣнію, носила международный характеръ, а также на симпатіи Россіи, правда, главнымъ образомъ, не оффиціальной, тревожно вооружалась, требовала компенсаціи и грозила не успокоиться до тѣхъ поръ, пока конференція великихъ державъ не дастъ ей надлежащихъ гарантій, что Габсбургская монархія не проглотитъ ея окончательно. Бурный, подчасъ даже вызывающій, характеръ ея протестовъ въ связи съ заявленіями скупщины и бѣлградскаго правительства давалъ поводъ Австріи, уладившей свои споры съ Турціей, мобилизовать свои войска къ сербской границѣ, а въ началѣ марта 1909 г. австрійскій кабинетъ потребовалъ формальнаго признанія Сербіей аннексіи, грозя въ противномъ случаѣ ультиматумомъ. Попытка англійскаго посла въ Вѣнѣ сэра Картрайта повліять на Эренталя въ примирительномъ духѣ ни къ чему не привела; точно также не имѣло успѣха обращеніе сочувствовавшихъ Сербіи державъ къ Германіи съ тѣмъ, чтобы она повліяла на свою союзницу: изъ Берлина получился отвѣтъ, что Австро-Венгрія не разъ за время балканскаго кризиса доказала свою преданность дѣлу мира и готовность итти на всякія уступки, а потому, вмѣсто совѣтовъ въ Вѣнѣ, необходимо дѣлать опредѣленные шаги въ Бѣлградѣ. Ни для кого теперь уже не могло быть тайной, что на Балканскомъ полуостровѣ шла отнынѣ борьба между группами государствъ: съ одной стороны стояла Австро-Венгрія, опираясь на свою въ высшей степени въ данномъ случаѣ вѣрную союзницу Германію, а съ другой—Россія, поддерживаемая Англіей и отчасти Франціей; за спиною Сербіи произошло столкновеніе между германской политикой, названной Drang nach Osten, и англо-русской, желавшей нанести ударъ нѣмецкому вліянію на Балканахъ. Въ моментъ самаго остраго напряженія силъ—13 (26) марта 1909 г.—стало вдругъ извѣстно, что русское правительство рѣшило, уступая настойчивымъ представле-

ніямъ Германіи, признать безусловно и безъ всякихъ оговорокъ аннексію Босніи и Герцеговины. Но разъ наиболѣе заинтересованная сторона—Россія—признала то, изъ-за чего Извольскій велъ столь долгіе переговоры, то и Франція и Англія, уступившія иниціативу улаженія балканскаго кризиса и веденіе дѣлъ относительно него Россіи, также вынуждены были поступить точно такимъ же образомъ, хотя на слѣдующій день послѣ оффиціальнаго заявленія Россіи оффиціозная газета «Temps» утверждала, что ни Англія, ни Франція не предполагали о безусловномъ и немедленномъ признаніи боснегерцеговинской аннексіи. Уступка Россіи,—не извѣстно, до какой степени явившаяся вынужденной,—положила конецъ обостренному положенію дѣлъ на Балканахъ: съ тяжелымъ сердцемъ, покинутая всѣми, Сербія приступила къ разоруженію и къ примиренію съ тѣмъ, что теперь уже иначе и не могло быть.

Какъ ни интересны сами по себѣ эти балканскія событія, съ міровой точки зрѣнія они представляются также очень важными. Германія своей энергичной поддержкой политики Эренталя показала, что съ ея согласія не страшны никакія нарушенія берлинскаго или иного трактата, и что, наоборотъ, безъ ея согласія всякаго рода дипломатическіе шаги обречены на полную неудачу. Изъ балканскаго кризиса побѣдителемъ вышелъ прежде всего тройственный союзъ въ лицѣ своихъ двухъ главныхъ членовъ. Съ другой стороны, былъ нанесенъ сильный моральный ударъ Россіи и Англіи—отчасти и Франціи, которая въ данномъ случаѣ, въ общемъ поддерживая свою союзницу, умѣла, однако, сохранить и дружественныя отношенія къ Австріи и вообще большую самостоятельность. Нужно, однако, замѣтить, что третій членъ тройственнаго союза относился скорѣе неблагопріятно къ энергичной политикѣ Эренталя. Италія въ дни балканскаго кризиса подверглась тяжкому испытанію: почти небывалое по размѣрамъ землетрясеніе разрушило часть Сициліи. Залѣчивая свои раны, Италія, естественно, не думала о Балканскомъ полуостровѣ; позднѣе же недовольство нѣмецкимъ вторженіемъ въ Ближній Востокъ проявлялось въ очень замѣтной формѣ, и даже кое-гдѣ пробуждалась старая ненависть итальянцевъ къ австрійцамъ. Однако, несмотря на эту побѣду Германіи, окидывая общимъ взглядомъ современное міровое положеніе, мы замѣчаемъ все-таки поразительный мощный подъемъ Англіи. Онъ является прямымъ результатомъ слабости Россіи, причиненной ей ея внѣшними пораженіями и внутренними революціонными замѣшательствами; ибо міровая политика предыдущихъ десятилѣтій опредѣлялась противоположностью интересовъ Англіи и Россіи. Король Эдуардъ VII искусно использовалъ выгодное положеніе, создавшееся для Англіи; соглашеніе съ Франціей, мирное сотрудничество съ Россіей, свиданія съ верховными главами государствъ Франціи, Испаніи, Италіи, Австріи и Россіи—внушали подозрѣніе въ желаніи Эдуарда VII изолировать Германію и при удобномъ случаѣ начать войну со своимъ промышленнымъ соперникомъ.

Дѣйствительно ли питалъ онъ такія намѣренія—въ этомъ можно сомнѣваться; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на западномъ полушаріи Англія заняла исключительно выдающееся положеніе.

Престижъ Германіи сравнительно съ прежнимъ, несомнѣнно, палъ. Это обстоятельство нельзя приписывать винѣ отдѣльныхъ личностей; оно обусловлено преимущественно коренными перемѣнами, происшедшими въ международныхъ отношеніяхъ послѣднихъ десятилѣтій. Пока центръ тяжести всѣхъ политическихъ рѣшеній находился въ Европѣ, Германія съ своей непобѣдимой сухопутной арміей являлась однимъ изъ первостепенныхъ факторовъ европейской политики. Но съ тѣхъ поръ, какъ образовалась система міровыхъ государствъ, морская сила пріобрѣтаетъ въ международныхъ отношеніяхъ болѣе важное значеніе, нежели сухопутная сила, а съ этой стороны Германія не можетъ соперничать съ Англіей и едва-ли можетъ сравняться даже съ Соединенными Штатами и съ Франціей. Тѣмъ не менѣе, у Германіи нѣтъ основаній для серьезныхъ опасеній; ея собственныя боевыя силы и прочность тройственнаго союза достаточны для огражденія ея территоріи отъ нападеній и для защиты интересовъ ея гражданъ, гдѣ бы они ни находились; къ тому же она дѣлаетъ громадныя усилія для увеличенія своего флота. Несомнѣнно также, что и возстановленіе силъ ослабленной Россіи будетъ содѣйствовать улучшенію общаго положенія; ибо глубоко коренящаяся въ исторіи противоположность интересовъ Россіи и Англіи на Босфорѣ осталась въ прежней силѣ; на нѣкоторое время бумажные договоры могутъ ее затушевать, но навсегда устранить ея не могутъ.

12. Внутреннее развитіе европейскихъ государствъ за послѣднія десятилѣтія.

Возникновеніе имперіалистскаго теченія въ Англіи стояло въ тѣсной причинной связи съ ростомъ могущества и территоріи британской имперіи. Большіе внѣшніе успѣхи политики, представителемъ которой является Чэмберлэнъ, должны были въ силу этого повліять и на имперіализмъ въ смыслѣ его усиленія. Энергичная поддержка, оказанная метрополіи колоніями во время бурской войны, послужила поводомъ къ тому, чтобы въ Англіи снова возникла мысль, что насталъ моментъ для осуществленія болѣе тѣсной экономической связи между метрополіей и колоніями. Приверженцевъ этихъ идей ободряло то обстоятельство, что торговыя палаты британской имперіи высказались на конгрессѣ въ Лондонѣ въ концѣ 1900 г. за основаніе постояннаго имперскаго совѣта изъ представителей всѣхъ колоній и за усиленіе покровительства торговымъ отношеніямъ внутри имперіи.

Чэмберлэнъ зналъ, что предоставленіе экономическихъ преимуществъ, особенно предпочтеніе, оказываемое на британскомъ рынкѣ колоніальнымъ продуктамъ, являются предпосылкой для дѣйствительныхъ политическихъ уступокъ со стороны колоній. Но вотъ англійскій парламентъ ввелъ пошлину на хлѣбъ на время бурской войны для покрытія чрезвычайно высокихъ расходовъ, вызванныхъ ею. Эту пошлину Чэмберлэнъ предлагалъ сохранить также и послѣ заключенія мира для иностранныхъ государствъ и сдѣлать исключеніе только

для колоніальнаго хлѣба; это было бы мѣрой, желательной для колоній, особенно для Канады. Конференція колоніальныхъ министровъ въ 1902 г. высказалась въ пользу плана Чэмберлэна; однако, планъ этотъ встрѣтилъ горячія возраженія со стороны англійскихъ коллегъ Чэмберлэна, и въ особенности со стороны канцлера казначейства Ричи; Чэмберлэнъ долженъ былъ оставить эту мысль и согласиться на отмѣну всѣхъ пошлинъ на хлѣбъ.

Причина всѣхъ затрудненій, съ которыми столкнулся Чэмберлэнъ, заключалась въ томъ, что масса англійскаго населенія твердо вѣрила въ догматъ свободной торговли. Въ особенности англійское рабочее сословіе, отъ голосовъ котораго зависѣло рѣшеніе вопроса, не желало допустить вздорожанія жизненныхъ продуктовъ вслѣдствіе пошлинъ на хлѣбъ и скотъ, ради того только, чтобы жители колоній имѣли на этомъ прибыль. Чэмберлэнъ думалъ, что онъ, наконецъ, нашелъ способъ разсѣять это предубѣжденіе рабочихъ; онъ предположилъ обратить весь доходъ отъ этихъ пошлинъ на страхованіе рабочихъ и такимъ образомъ возвратить имъ все, что будетъ у нихъ взято вздорожаніемъ жизненныхъ припасовъ. Однако, и эта идея встрѣтила мало сочувствія, такъ какъ англичане по всѣмъ своимъ традиціямъ недружелюбно относились къ прямому государственному попеченію; кромѣ того, въ низшихъ слояхъ населенія слишкомъ сильно укоренилась приверженность къ свободѣ торговли. Когда Чэмберлэну не удалось провести своихъ намѣреній даже въ самомъ министерствѣ, онъ вышелъ въ отставку въ сентябрѣ 1903 г. съ тѣмъ, чтобы всецѣло отдаться агитаціи въ пользу своихъ идей въ качествѣ частнаго человѣка. Въ слѣдующіе годы онъ неутомимо и до крайняго истощенія силъ работалъ для распространенія въ обществѣ протекціонистскихъ идей, выступая какъ на народныхъ собраніяхъ, такъ и въ печати. Однако, результаты ближайшихъ выборовъ показали, что ему все-таки не удалось убѣдить массу англійскаго народа въ правильности своихъ идей. Конгрессъ англійскихъ рабочихъ союзовъ рѣшительно высказался противъ плана Чэмберлэна.

Но съ выходомъ Чэмберлэна кабинетъ лишился руководящаго генія. Во внутренней политикѣ консервативное министерство вообще не достигало большихъ успѣховъ. Удалось только распространить на Ирландію самоуправленіе церковныхъ приходовъ, еще раньше введенное въ Англіи, и новый ирландскій билль сдѣлалъ дальнѣйшее облегченіе въ дѣлѣ покупки земельныхъ участковъ мѣстными арендаторами, причемъ въ распоряженіе правительства для этой цѣли было дано 100 милліоновъ; напротивъ, покровительство конфессіональнымъ школамъ вызвало неудовольствіе въ широкихъ кругахъ населенія. Но самое худшее было то, что внутри самого правительства совершенно исчезло единство. Вслѣдствіе этого въ декабрѣ 1905 г. министерство вынуждено было выйти въ отставку. Его замѣнило новое либеральное министерство съ Кемпбелль-Баннерманомъ во главѣ, котораго въ 1908 г. послѣ смерти Кемпбелль-Баннермана замѣстилъ Асквитъ. Новое министерство распустило парламентъ, и выборы въ январѣ 1906 г. дали подавляющее большинство депутатовъ либеральной партіи. Въ новомъ парламентѣ оказалось 400 либераловъ противъ всего лишь 158 консерваторовъ и уніони-

стовъ, 83 ирландца и 29 соціалъ-демократовъ. Благодаря этой смѣнѣ министерствъ дальнѣйшее стремленіе къ осуществленію имперіалистскихъ плановъ сдѣлалось впредь невозможнымъ. Правда, въ маѣ 1907 г. засѣдала колоніальная конференція, которая была созвана прежнимъ министерствомъ, но правительство не допустило на ней своей тактикой какихъ бы то ни было связывающихъ рѣшеній. Отозвавъ изъ Канады всѣ англійскія войска и военныя суда, новое министерство еще болѣе ослабило связь съ этой колоніей и Канада уже помышляетъ теперь о постройкѣ собственнаго флота.

Главная забота новаго правительства была направлена на дальнѣйшую перестройку учрежденій метрополіи въ демократическомъ духѣ. Новый законъ 1907 г. предоставилъ графствамъ значительныя средства на покупку крупныхъ имѣній и на надѣленіе землей мелкихъ собственниковъ. Хотя Ирландія и не получила собственнаго парламента, но ей отчасти предоставлена автономія, и въ Дублинѣ учреждено выборное совѣщательное собраніе; относительно мѣстныхъ лордовъ имѣлось въ виду при извѣстныхъ условіяхъ примѣнять отчужденіе ихъ земель. Благодаря такимъ радикальнымъ мѣрамъ, а также попыткамъ лишить конфессіональныя школы всякой государственной поддержки, министерство создало конфликтъ съ верхней палатой, вслѣдствіе чего Баннерманъ пришелъ къ мысли, которую раньше при случаѣ высказывалъ и Гладстонъ, а именно: онъ рѣшилъ значительно ограничить полномочія верхней палаты и оставить за ней право не окончательнаго наложенія «veto» на постановленія нижней палаты, а лишь право временнаго «veto».

Особенно рѣзко проявился конфликтъ между министерствомъ и верхней палатой въ 1909 г., когда канцлеръ казначейства Ллойдъ-Джорджъ внесъ въ палату общинъ свой «революціонный бюджетъ». Наиболѣе удачная характеристика бюджета, отнынѣ ставшаго знаменитымъ, была сдѣлана министромъ Черчилемъ въ рѣчи, произнесенной имъ 5 сентября 1909 г. въ Лейстерѣ. «Значеніе бюджета—сказалъ Черчиль—заключается въ новомъ положеніи, которое отнынѣ заняло государство по отношенію къ богатству. Раньше сборщикъ податей спрашивалъ: сколько у васъ? Этотъ вопросъ и мы продолжаемъ задавать, но, помимо того, мы еще спрашиваемъ: какъ вы обрѣли это богатство? Сами ли заработали, или получили по наслѣдству? Заработано ли оно путемъ, полезнымъ для общества или безполезнымъ, а, можетъ-быть, и вреднымъ»? И согласно духу этого «революціоннаго бюджета» Ллойдъ-Джорджъ облагалъ значительными налогами поземельную и питейную монополіи, обращая ихъ въ одну изъ крупныхъ статей государственнаго дохода. Но не въ этомъ лишь одномъ заключалась особенность финансоваго билля министерства Асквита: ново было и стремленіе Ллойдъ-Джорджа превратить бюджетъ въ орудіе смѣлыхъ соціальныхъ реформъ. Заканчивая свою бюджетную рѣчь въ палатѣ общинъ, канцлеръ казначейства заявилъ: «Важно, чтобы мы по возможности обезпечили защиту страны. Но вѣдь столь же важно, чтобы мы создали страну, достойную защиты для всѣхъ и каждаго изъ насъ. И только расходъ, имѣющій въ виду эти двѣ цѣли, можетъ оправдать правительство. Мнѣ говорятъ, что ни одному канцлеру казначейства до

меня не приходилось въ мирное время прибѣгать къ такому большому обложенію. Это, можетъ-быть, вѣрно; нашъ бюджетъ—военный бюджетъ. Намъ нужны деньги на войну съ бѣдностью и нищетою». Эти смѣлыя заявленія правительства, свидѣтельствовавшія о совершенно новыхъ взглядахъ его на обложеніе и на задачу расходованія государственныхъ денегъ, подняли среди консервативныхъ элементовъ общества, въ особенности среди лэндлордовъ и монополистовъ питейныхъ заведеній, бурю негодованія. Никто не отрицалъ необходимости введенія нѣкоторыхъ налоговъ, и даже лорды, какъ и уніонисты въ нижней палатѣ, выставили программу, содержавшую рядъ таможенныхъ пошлинъ; въ финансовомъ биллѣ правительства ихъ возмущало не столько усиленіе подоходнаго налога и наслѣдственныхъ пошлинъ, сколько «соціалистическіе» принципы его, которые побуждали правительство обращаться къ плательщику налоговъ съ вопросомъ, откуда и какимъ образомъ добываетъ онъ средства къ существованію? Однако, министерству Асквита, располагавшему громаднымъ большинствомъ голосовъ въ нижней палатѣ, удалось провести черезъ нее свой бюджетъ, и только палата лордовъ 23 ноября 1909 г. большинствомъ 350 голосовъ противъ 75 отвергла его, мотивируя свое рѣшеніе необходимостью предварительно представить на сужденіе народа «столь богатый политическими и соціальными послѣдствіями бюджетъ». Отклоненіе верхней палатой финансоваго билля многіе сочли нарушеніемъ конституціи, контръ-революціоннымъ актомъ, и министерство, связавшее свою судьбу съ судьбою бюджета Ллойда-Джорджа, объявило, что оно ни передъ чѣмъ не остановится для торжества своего дѣла, и если палата лордовъ ставитъ ему препятствія по пути прогресса, то она должна быть съ него устранена,—лишь въ томъ случаѣ кабинетъ Асквита останется у власти, если онъ найдетъ достаточную опору въ странѣ для рѣшительной борьбы съ верхней палатой. Палата общинъ въ декабрѣ 1909 г. была распущена, и въ январѣ начались выборы подъ лозунгомъ: за или противъ революціоннаго бюджета.

Если бросить взглядъ на настоящее положеніе британской имперіи, то придется признать, что въ дальнѣйшемъ единственную возможность удержать ее во всей цѣлости представляютъ лишь планы Чэмберлэна, несмотря на всѣ трудности, съ которыми они связаны. Сепаратистскіе интересы отдѣльныхъ частей имперіи необыкновенно сильны. Въ случаѣ войны съ Соединенными Штатами Канаду совершенно нельзя отстоять. Французскій и католическій элементы среди ея населенія настолько сильны, что колонія понемногу начинаетъ себя чувствовать совершенно отличной отъ англійской націи; колонія нынѣ не желаетъ быть въ зависимости ни отъ метрополіи, ни отъ Соединенныхъ Штатовъ; торговля съ Штатами растетъ быстрѣе, нежели съ метрополіей. Будущее страны въ значительной степени основывается на громадномъ пространствѣ еще невоздѣланной земли на юго-западѣ. Здѣсь имѣется прекрасная почва для воздѣлыванія пшеницы на пространствѣ, которое въ пять разъ больше всей Германіи. Свѣдущіе люди высчитали, что эта почва могла бы прокормить населеніе въ 120 милліоновъ

человѣкъ, а при полномъ использованіи ея она можетъ съ избыткомъ покрыть все годичное потребленіе хлѣба цѣлой Англіи. Сверхъ того, здѣсь много лѣсовъ, которые пріобрѣтаютъ все больше значенія по мѣрѣ того, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ лѣсъ все больше истребляется благодаря хищническому веденію хозяйства. Кѣмъ же заселяется эта огромная страна? Не англичанами; населеніе Англіи, привыкшее къ городской жизни, не пригодно для колонизаціи большихъ пространствъ земли; англійскій переселенецъ идетъ въ городъ, чтобы тамъ жить такъ же, какъ онъ привыкъ жить на родинѣ; мѣстность эта гораздо больше заселяется выходцами изъ Соединенныхъ Штатовъ. Тамошніе фермеры богаты опытомъ, вынесеннымъ изъ далекаго запада своей страны; они испытали всѣ методы воздѣлыванія подобныхъ земель и теперь переходятъ за границу. Здѣсь они дешево покупаютъ участки земли и поселяются. Въ настоящее время въ западной Канадѣ почти треть населенія изъ Соединенныхъ Штатовъ, и очевидно развитіе страны будетъ итти въ этомъ направленіи. Но это новое населеніе нисколько не заинтересовано въ политической зависимости Канады отъ Англіи; оно будетъ стремиться или къ тому, чтобы присоединиться къ Соединеннымъ Штатамъ, или же къ полной независимости страны. Присоединенію къ Штатамъ въ настоящее время препятствуетъ таможенная покровительственная политика Штатовъ, въ высшей степени неблагопріятная для Канады. Но если эта политика прекратится, и канадскому хлѣбу откроется громадный американскій рынокъ, то и политическое сближеніе станетъ возможнымъ. Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ положеніе Канады отнюдь не благопріятно для укрѣпленія въ ней англійскаго владычества, даже для безпрепятственнаго долголѣтняго существованія этого владычества.

Въ Австраліи дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Открытіе здѣсь золота въ 1851 г. опредѣлило весь характеръ этой страны. Развилась богатая промышленность по добычѣ золота, возникли большіе города, и въ нихъ теперь на лицо сильный рабочій классъ, который благодаря богатству рудниковъ пользуется высокой заработной платой и соотвѣтствующимъ образомъ жизни высокаго уровня. Въ наиболѣе густо населенной колоніи, Викторіи, въ 1901 г. 51% населенія жило въ городахъ, превышавшихъ 20000 человѣкъ, сельскія же области были очень слабо заселены.

Въ результатѣ этого города получили преобладаніе въ экономической и политической жизни, а въ городахъ опять-таки преобладаютъ союзы сильно организованныхъ рабочихъ. Дѣйствительно, нѣтъ ни одной страны, гдѣ рабочіе занимали бы такое господствующее положеніе, какъ въ Австраліи. Они предписываютъ предпринимателямъ размѣръ заработной платы, располагаютъ значительнымъ числомъ мѣстъ въ народномъ представительствѣ и министерствахъ и работаютъ надъ обобществленіемъ важнѣйшихъ отраслей промышленности и надъ установленіемъ вліянія государства на рабочій договоръ; наконецъ, при помощи строгихъ законовъ объ эмигрантахъ и высокой покровительственной пошлины они по возможности ставятъ преграду наплыву чужеземныхъ силъ и товаровъ въ интересахъ высокой заработной платы и

высокихъ цѣнъ на товары. Если гдѣ-либо соціализмъ имѣетъ въ виду подвергнуть серьезному испытанію свои требованія, такъ это именно здѣсь. Въ низменной же части страны, наоборотъ, господствуетъ крупное экстенсивное хозяйство. Земледѣліе значительно отодвигается на задній планъ скотоводствомъ, которое ведется владѣльцами большихъ стадъ на слабо заселенныхъ пространствахъ земли. На $4^1/_2$ милліона населенія Австраліи приходится не менѣе 93 милліоновъ овецъ и 11 милліоновъ рогатаго скота. Вслѣдствіе такого преобладанія скотоводства и крупнаго землевладѣнія низменность Австраліи получила аристократическій характеръ; класса фермеровъ собственно здѣсь не существуетъ.

Въ настоящее время замѣчается постоянно усиливающійся наплывъ на острова Южнаго океана народовъ желтой расы, отличающихся необыкновенной численностью. Они являются сначала въ видѣ мирныхъ эмигрантовъ и предлагаютъ предпринимателямъ свои рабочія силы по дешевой цѣнѣ. Капиталисты желали бы привлечь въ страну этихъ дешевыхъ индійскихъ, китайскихъ и японскихъ кули; господствующая рабочая партія естественно стремится этого не допускать и достигаетъ этого строгими законами объ эмигрантахъ. Въ сущности едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Австралія была бы завоевана желтой расой, если бы допустить безпрепятственное переселеніе сюда этой расы. Но теперь является вопросъ, въ состояніи ли будутъ нѣсколько милліоновъ европейцевъ надолго запереть австралійскій континентъ для многихъ милліоновъ желтой расы, даже при примѣненіи всѣхъ репрессивныхъ мѣръ противъ нихъ, какія только возможно придумать. Безъ сомнѣнія, Австралія еще не доросла до возможности отразить нападеніе японцевъ собственными силами. Опасеніе такого столкновенія вынуждаетъ Австралію поддерживать связь съ метрополіей; безъ ея флота Австраліи было бы немыслимо защищаться. Но господствующія въ Австраліи партіи въ интересахъ своей власти противятся усиленію подчиненности по отношенію къ Англіи. Съ 1900 г. области австралійскаго континента вмѣстѣ съ Тасманіей составляютъ союзное государство, организованное подобно канадскому. При самомъ его возникновеніи происходили ожесточенные споры съ Англіей, такъ какъ въ Австраліи не соглашались на апелляцію къ высшему англійскому суду. Въ концѣ концовъ, эти недоразумѣнія были улажены уступкой нѣсколькихъ мѣстъ въ судѣ членамъ колоній. Однако, Австралія относится съ величайшимъ неудовольствіемъ къ общей англійской политикѣ послѣдняго десятилѣтія, основанной на тѣсномъ союзѣ Англіи съ Японіей во всѣхъ вопросахъ міровой политики. Очень нетрудно предвидѣть, что можетъ наступить моментъ, когда Англіи придется выбирать между союзомъ съ Японіей и своимъ владычествомъ надъ Австраліей. Пока, во всякомъ случаѣ, надежда австралійцевъ на поддержку своей метрополіи, въ случаѣ конфликта съ Японіей, остается непоколебленной и крѣпко привязываетъ соединенное государство къ Англіи. Зато въ стремленіи не допускать англійскихъ товаровъ на австралійскіе рынки кроется элементъ раздора, особенно затрудняющій болѣе тѣсную экономическую связь между Англіей и Австраліей.

Положеніе въ Южной Африкѣ также серьезно. Бѣлое населеніе здѣсь сравнительно немногочисленно; кромѣ того, въ его средѣ замѣчаются сильныя распри между англичанами и бурами. Сельское хозяйство, скотоводство и промышленность не могутъ обойтись въ здѣшнемъ климатѣ безъ чернокожихъ рабочихъ. Открытіе золотоносныхъ рудниковъ и алмазныхъ розсыпей здѣсь также произвело переворотъ и создало крупные промышленные центры. Предприниматели также начали привлекать сюда китайскихъ и индійскихъ кули. Другихъ мѣстныхъ промысловъ въ здѣшней мѣстности еще не развилось. Но существуетъ большая потребность въ машинахъ, желѣзнодорожномъ матеріалѣ и тому подобныхъ произведеніяхъ метрополіи. Со времени побѣды надъ бурами Англія пользуется 25% таможенной скидкой, обезпечивающей ея промышленность на здѣшнемъ рынкѣ. Такъ какъ страна не производитъ избытка хлѣба и скота, то проведеніе таможеннаго плана Чэмберлэна не дало бы странѣ никакихъ выгодъ. Въ Южной Африкѣ существуетъ сильная партія, которая стремится достигнуть полной самостоятельности страны. Министерство Баннермана пошло навстрѣчу этому стремленію, предоставивъ самоуправленіе въ 1906 г. колоніи Трансвааль и въ 1907 г. колоніи Оранжевой рѣки. Сліяніе всѣхъ южно-африканскихъ колоній въ одно соединенное государство является лишь вопросомъ времени, и тогда выяснится, будетъ ли Англія въ состояніи удержать свою верховную власть надъ государствомъ вопреки партіи африкандеровъ.

Если прибавить ко всему этому сильное недовольство важнѣйшей британской колоніи Индіи англійскимъ режимомъ, которое въ послѣднія десятилѣтія выражается постояннымъ возобновленіемъ опасныхъ возстаній, и подобное же настроеніе среди туземнаго населенія Египта, то мы поймемъ, что положеніе англійской всемірной имперіи совсѣмъ не такъ блестяще, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. При первомъ крупномъ міровомъ конфликтѣ противоположные интересы метрополіи и отдѣльныхъ колоній легко могутъ обратиться въ центробѣжныя силы, и правительству придется встрѣтиться съ тяжелыми обстоятельствами. Уже по этому одному трудно было бы допустить, чтобы какой-либо государственный дѣятель взялъ на себя отвѣтственность вызвать подобный конфликтъ безъ настоятельной необходимости, какъ бы ни соблазняла нѣкоторыхъ изъ англичанъ мысль разстроить при помощи предупредительной войны постоянно растущіе флоты другихъ державъ, воспользовавшись безспорнымъ перевѣсомъ англійскаго флота въ данную минуту надъ всѣми другими флотами.

Въ государственной жизни Франціи колоніальные вопросы, за исключеніемъ самаго послѣдняго времени, играли гораздо менѣе важную роль, нежели въ Англіи; центръ тяжести лежалъ здѣсь въ европейскихъ отношеніяхъ и въ вопросахъ внутренняго развитія метрополіи. Наиболѣе виднымъ факторомъ здѣсь былъ парламентъ, и взаимоотношеніемъ силъ парламентскихъ партій опредѣлялась здѣсь вся внутренняя жизнь страны.

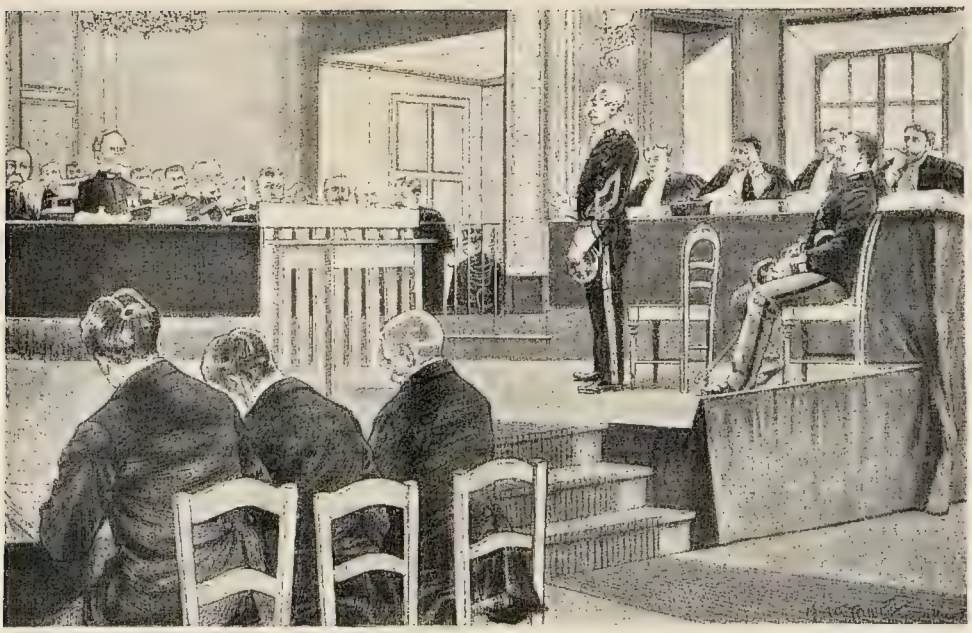
Паденіе Буланже и выборы 1889 г. дали значительное большинство умѣреннымъ республиканцамъ; но оно распалось на радикальную и болѣе консервативную группы и не могло объединиться на общей программѣ для положительной работы. Вся его дѣятельность сводилась къ тому, чтобы отбивать нападенія со стороны крайнихъ партій — какъ слѣва, такъ и справа. Въ теченіе многихъ лѣтъ внутренняя государственная жизнь Франціи, такимъ образомъ, находилась въ полномъ застоѣ. Лишь къ началу девяностыхъ годовъ произошла новая группировка партій.

До тѣхъ поръ парламентская дѣятельность французскихъ соціалистовъ тормазилась ихъ распаденіемъ на четыре, боровшіяся другъ съ другомъ, группы. Когда настало время новыхъ выборовъ въ 1893 г., эти группы соединились между собой для общаго дѣйствія и путемъ временнаго отказа отъ строгаго проведенія коммунистической программы, именно въ отношеніи земельной собственности, имъ удалось пріобрѣсти приверженцевъ среди сельскаго населенія и отнять значительное число голосовъ у радикаловъ. Одновременно съ этимъ отъ партіи монархистовъ откололось лѣвое крыло, открыто признавшее республику, такъ называемое ralliés. Толчокъ къ этому далъ папа Левъ XIII, который повсюду ставилъ себѣ задачей усиливать вліяніе католицизма въ парламентахъ; онъ посовѣтовалъ французскимъ католикамъ признать существующую государственную форму съ тѣмъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе добиться вліянія своихъ взглядовъ на парламентъ и населеніе; благодаря этому явилась возможность союза между ralliés и умѣренными республиканцами. Такъ какъ, сверхъ того, вожаки господствовавшаго до сихъ поръ большинства были сильно скомпрометтированы панамскимъ скандаломъ, то выборы дали совершенно новый составъ парламента. Однако, различные оттѣнки стараго республиканскаго большинства все еще удерживали за собой перевѣсъ голосовъ; но рядомъ съ ними появилась сильная соціалистическая партія изъ 55 депутатовъ, а отъ прежнихъ монархистовъ, отъ которыхъ оставалось еще около 60 человѣкъ, отдѣлились 33 ralliés. Но особенно важно было то, что произошла почти полная перемѣна личнаго состава парламента. Половина палаты состояла изъ новыхъ депутатовъ, вслѣдствіе чего всюду на первый планъ выдвигались новые люди.

Многочисленная и стройно выступавшая соціалистическая лѣвая производила сильное вліяніе на взгляды радикальныхъ республиканцевъ. Имъ приходилось опасаться, что они совершенно растеряютъ своихъ приверженцевъ среди избирателей, если не сумѣютъ внести ничего положительнаго въ свою демократическую программу. Поэтому радикалы заставили умѣренныхъ принимать во вниманіе и ихъ воззрѣнія и даже добились того, что нѣкоторые изъ ихъ представителей вступили въ часто мѣнявшіяся въ то время министерства. Соціалисты, осужденные на различнаго рода наказанія на основаніи прежнихъ исключительныхъ законовъ, получили амнистію, и при помощи предложенія ввести прогрессивный подоходный налогъ была сдѣлана попытка выполнить нѣкоторую часть радикальныхъ требованій. Однако, этой реформѣ оказали энергичное сопротивленіе умѣренные, считавшіе ее соціалистическимъ требова-

ніемъ; точно также противъ прогрессивно-подоходнаго налога былъ и сенатъ. Этотъ послѣдній впервые за длинный промежутокъ времени рѣшительнымъ образомъ вмѣшался въ политическую жизнь, когда отклоненіемъ налога вынудилъ къ отставкѣ министерство Буржуа, находившееся въ рукахъ радикаловъ (1896). Но и его преемникъ Мелинъ, вообще опиравшійся на умѣренныхъ и на правую, не пошелъ противъ лѣвой, по крайней мѣрѣ, въ вопросѣ о принудительномъ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ; но прочной реформы обложенія ему не удалось осуществить, не прибѣгая къ подоходному налогу.

Затѣмъ для дальнѣйшаго развитія французской партійной жизни рѣшающее значеніе имѣло дѣло Дрейфуса. Это само по себѣ ничтожное событіе заключалось въ томъ, что капитанъ, еврей по происхожденію, находившійся на службѣ въ генеральномъ штабѣ, былъ приговоренъ къ смертной казни по подозрѣнію въ выдачѣ иностраннымъ государствамъ военныхъ тайнъ и былъ помилованъ президентомъ съ замѣной казни ссылкой въ Кайенну. Но вскорѣ выступили за него защитники, утверждавшіе, что приговоръ этотъ несправедливъ, и что онъ постигъ Дрейфуса только потому, что онъ еврей и приверженецъ республиканскихъ воззрѣній; далѣе утверждали, что среди офицерства господствуетъ клерикальный и скрытый монархическій образъ мыслей, вмѣстѣ съ крайней нетерпимостью по отношенію ко всѣмъ представителямъ другого образа мыслей. Когда за это дѣло взялся Эмиль Золя и публично выступилъ съ этими обвиненіями противъ генеральнаго штаба, его привлекли къ суду и приговорили къ продолжительному тюремному заключенію. Но теперь уже нельзя было замолчать этого дѣла, и кассаціонный судъ рѣшилъ подвергнуть дѣло капитана Дрейфуса пересмотру. Но и новый процессъ въ военномъ судѣ въ Реннѣ кончился обвинительнымъ приговоромъ противъ Дрейфуса, хотя онъ былъ присужденъ къ болѣе мягкой карѣ, а затѣмъ и совершенно помилованъ правительствомъ (1899 г.). Всѣ эти событія давали поводъ къ горячимъ преніямъ въ палатѣ и къ быстрой смѣнѣ министерствъ, пока, наконецъ, разоблаченіе, что въ процессѣ были пущены въ ходъ подложные документы, не вызвало всеобщаго негодованія противъ генеральнаго штаба и не поставило у кормила правленія министерство, составленное изъ радикаловъ; во главѣ его былъ Вальдекъ-Руссо. Онъ обнаружилъ свое намѣреніе опираться исключительно на лѣвую, съ устраненіемъ умѣренныхъ, тѣмъ, что принялъ въ свой кабинетъ въ качествѣ министра торговли рѣшительнаго соціалиста Мильерана. Главною своею задачею Вальдекъ-Руссо считалъ водвореніе среди арміи республиканскаго духа, не нарушая при этомъ ни ея боевой готовности, ни дисциплины. Въ этомъ отношеніи ему оказывалъ дѣятельное содѣйствіе въ качествѣ военнаго министра генералъ Галлифэ, получившій извѣстность во время войны 1870 г. Громадное затрудненіе заключалось въ томъ, что массѣ французскаго народа армія представлялась защитой національной самостоятельности и неприкосновенной, какъ необходимое средство для будущей войны возмездія противъ Германіи, такъ что противъ каждаго, кто нападалъ на армію, правая могла выдвинуть обвиненіе въ государственной измѣнѣ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ эта армія воспитывалась въ духѣ, враждебномъ респуб-



Капитанъ Альфредъ Дрейфусъ предъ военнымъ судомъ въ Реннѣ.

Изгнаніе монахинь изъ монастыря Крозонъ.

ликѣ. Галлифэ, а по выходѣ его въ отставку генералъ Андрэ съ крайней строгостью взялись за чистку корпуса офицеровъ отъ монархическихъ элементовъ. Процессъ Дрейфуса былъ возобновленъ въ третій разъ и, наконецъ, привелъ къ несомнѣнно доказанному убѣжденію, что Дрейфусъ былъ не виновенъ и приговоренъ только благодаря самымъ безстыднымъ подлогамъ, которые совершались въ самомъ генеральномъ штабѣ. Дрейфусъ былъ совершенно возстановленъ въ своихъ правахъ и вновь принятъ въ армію.

При всѣхъ этихъ событіяхъ, однако, оказалось, что монархисты чрезвычайно преданы клерикализму, и что именно воспитанію подрастающаго поколѣнія клерикалами армія была обязана господствовавшимъ въ ней духомъ. Поэтому борьба съ монархистами имѣла своимъ необходимымъ послѣдствіемъ борьбу противъ уцѣлѣвшихъ еще клерикальныхъ вліяній въ обученіи и противъ носителей ихъ, духовныхъ орденовъ и конгрегацій.

Свобода обученія, введенная во Франціи въ 1850 г., продолжала существовать и послѣ законовъ Ферри, такъ что наряду съ государственными школами, которыми руководили міряне, существовало множество орденскихъ школъ, гдѣ всецѣло господствовалъ клерикальный духъ. Вальдекъ-Руссо открылъ кампанію противъ орденовъ, причемъ онъ предложилъ законъ о союзахъ, по которому каждый изъ существующихъ орденовъ долженъ былъ привести доказательство своей полезности, а для дальнѣйшаго его существованія требовалось государственное разрѣшеніе. Точно также для орденовъ было крайне затруднено наслѣдованіе земельной собственности, и всѣмъ орденамъ, не получившимъ государственной санкціи, запрещалась учебная дѣятельность. Законъ этотъ вступилъ въ силу 1 іюля 1901 г.; но лишь часть орденовъ послѣдовала его указаніямъ и была признана правительствомъ. По отношенію къ остальнымъ было поступлено безъ всякаго послабленія: ихъ помѣщенія и школы были заперты, а члены самыхъ орденовъ были принуждаемы оставлять монастыри; всѣ послѣдующія ходатайства о снисхожденіи были отклонены палатой. Тѣмъ не менѣе, еще продолжали существовать многія изъ школъ такихъ орденовъ, которые своевременно получили разрѣшеніе. Отчасти и закрытые ордена создавали путемъ обхода закона новыя, по внѣшнему виду свѣтскія школы. Изъ этого вытекало, что съ клерикальнымъ преподаваніемъ только тогда удастся совершенно покончить, когда будетъ окончательно отвергнутъ принципъ свободы обученія. Когда въ маѣ 1902 г. Вальдекъ-Руссо вышелъ въ отставку, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, въ сущности же потому, что онъ не хотѣлъ заходить такъ далеко, Комбъ принялъ на себя руководство министерствомъ. Онъ возложилъ на всѣ общины обязанность выстроить помѣщенія для школы, закрылъ еще 1600 орденскихъ учрежденій, которыя до сихъ поръ были терпимы, и въ декабрѣ 1903 г. внесъ законопроектъ о свѣтской народной школѣ. Законъ этотъ былъ принятъ палатами и 7 іюля 1904 г. опубликованъ; всякое участіе въ преподаваніи лицамъ, принадлежащимъ къ религіознымъ орденамъ, было безусловно запрещено этимъ закономъ, и посѣщеніе государственныхъ неконфессіональныхъ школъ было сдѣлано обязательнымъ.

Понятно, что католическая церковь смотрѣла на эти мѣропріятія какъ на борьбу съ тѣмъ положеніемъ, которое она успѣла занять въ народной жизни Франціи; правда, папа Левъ XIII пытался итти навстрѣчу этимъ дѣйствіямъ правительства и предоставилъ орденамъ ходатайствовать объ установленномъ разрѣшеніи; но еще при немъ конфликтъ обострился споромъ по поводу конкордата 1801 г., предоставлявшаго правительству право назначенія епископовъ. Папа неоднократно выражался въ своихъ буллахъ въ такомъ смыслѣ, что такое право правительства въ сущности означало не что иное, какъ простое право представленія кандидатовъ на должность епископа; министерство возбудило противъ этого протестъ, но ничего не могло добиться (февраль 1903). Вскорѣ затѣмъ папа Левъ XIII скончался (20 іюля 1903 г.). Его преемникъ Пій X, въ противоположность ему, былъ совсѣмъ не политикъ, это былъ строго вѣрующій, нѣсколько ограниченный человѣкъ, которому были чужды всякія свѣтскія соображенія; для мирнаго разрѣшенія конфликта съ Франціей было неблагопріятно, что именно такое лицо вступило на папскій престолъ. Когда въ 1904 г. президентъ Лубе посѣтилъ Римъ и при этомъ хотѣлъ сдѣлать визитъ королю Италіи, то новый папа оффиціально сообщилъ всѣмъ католическимъ державамъ, что визиты католическаго главы государства королю Италіи будетъ куріей принятъ какъ оскорбленіе папы. Французское правительство отвѣтило на это отозваніемъ своего посланника изъ Рима, хотя самое посольство временно и было оставлено. Но, когда затѣмъ Пій вызвалъ въ Римъ двухъ французскихъ епископовъ, противъ которыхъ существовало подозрѣніе, что они либеральнаго образа мыслей, и потребовалъ, чтобы они отказались отъ своей должности, то французское правительство объявило это недопустимымъ, такъ какъ этимъ папа присваивалъ себѣ право смѣщенія епископовъ, не предоставленное ему конкордатомъ. Такъ какъ папа отказался взять назадъ свое распоряженіе, то министерство рѣшило уничтожить посольство при Ватиканѣ, выслало папскую нунціатуру изъ Парижа и осенью 1904 г. увѣдомило о своемъ отказѣ отъ конкордата, нарушеннаго со стороны папы.

Расторженіе конкордата создало полнѣйшую неопредѣленность въ отношеніяхъ между государствомъ и церковью, вслѣдствіе чего потребовалось установленіе новаго порядка. Но еще раньше этого произошло паденіе министерства Комба въ январѣ 1905 г., вызванное тѣмъ, что онъ началъ прибѣгать при преобразованіи арміи въ республиканскомъ духѣ къ недопустимымъ средствамъ, именно къ широкому развитію системы шпіонства. Но его преемникъ Рувье долженъ былъ итти въ церковномъ вопросѣ по тому же пути, и министръ народнаго просвѣщенія въ новомъ кабинетѣ Бьенвеню—Мартенъ весной 1905 г. внесъ законъ о полномъ отдѣленіи церкви отъ государства; законъ этотъ былъ принятъ послѣ горячихъ преній и вступилъ въ силу 9 декабря 1905 г. Согласно этому закону признается полная свобода всякаго культа, причемъ каждый культъ пользуется одинаковымъ покровительствомъ. Но въ то же время закономъ устанавливается, что государство впредь не оказываетъ никакому вѣроисповѣданію особой поддержки или де-

нежныхъ субсидій. Католическая церковь, какъ таковая, болѣе уже не признается особымъ факторомъ общественной жизни; въ каждой общинѣ должны быть образованы религіозныя общества, которыя подчиняются общимъ правиламъ объ обществахъ и союзахъ. Все прежнее имущество католической церкви, включая сюда церкви, дома священнослужителей и прочія постройки со всѣми находящимися въ нихъ цѣнностями, поступаетъ въ собственность государства или общины съ тѣмъ, однако, что оно можетъ быть предоставлено для пользованія вновь образующимся религіознымъ обществамъ. Духовныя лица, раньше получавшія содержаніе отъ государства, теперь переводятся на пенсію, размѣръ которой опредѣляется продолжительностью ихъ службы. Такимъ образомъ, католическая церковь распадается на рядъ мѣстныхъ религіозныхъ обществъ, зато отмѣняется всякое право государства на назначеніе духовныхъ лицъ и надзоръ за сношеніями этихъ обществъ между собой или со своимъ духовнымъ начальствомъ. Для опредѣленія размѣра прежняго имущества церкви было организовано составленіе полнаго инвентаря всѣхъ относящихся сюда предметовъ, и эта мѣра была приведена въ исполненіе въ ближайшее время отчасти насильственно при значительномъ возбужденіи населенія. Въ мартѣ 1906 г. министерство Рувье пало благодаря черезчуръ крутымъ мѣрамъ, которыя оно примѣняло во время описи церковнаго имущества, и мѣсто его занялъ Сарьенъ. Но и новое правительство твердо держалось строгаго выполненія закона объ отдѣленіи церкви отъ государства; и новые выборы въ маѣ 1906 г. дали значительное усиленіе лѣвой, на которую опиралось правительство. Кабинетъ Сарьена уступилъ мѣсто кабинету Клемансо. Послѣдній и въ министерствѣ Сарьена занималъ должность министра внутреннихъ дѣлъ и теперь сдѣлался и номинальнымъ главою кабинета.

Теперь важнѣйшій вопросъ состоялъ въ томъ, какъ отнесутся оффиціальныя власти католической церкви ко всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ. На собраніи французскихъ епископовъ огромное большинство высказалось за подчиненіе закону объ отдѣленіи церкви отъ государства, такъ какъ и при дѣйствіи этого закона возможна религіозная жизнь согласно церковнымъ положеніямъ. Но это рѣшеніе не было одобрено папой, и 10 августа 1906 г. Пій X въ своей буллѣ «Gravissimo officii munere» объявилъ, что новый законъ несовмѣстимъ съ правами церкви. Онъ запретилъ составлять религіозные союзы и рекомендовалъ епископамъ примѣнять всѣ дозволенныя закономъ средства для поддержанія богослуженія въ прежнемъ видѣ. Въ видѣ основанія для отклоненія закона папа приводилъ то обстоятельство, что окончательное рѣшеніе вопроса, является ли данный религіозный союзъ правомѣрнымъ владѣльцемъ церквей и строеній, предназначенныхъ для духовныхъ цѣлей, предоставлено не духовнымъ властямъ, а государственному совѣту, вслѣдствіе чего возникаетъ возможность, что эти церковныя постройки, вопреки намѣреніямъ церкви, могутъ быть переданы еретическому союзу. Правительство послѣ этого выслало папскаго уполномоченнаго въ дѣлахъ Монтанини, который до сихъ поръ все еще оставался въ Парижѣ, захватило при этомъ его бумаги и опубликовало изъ

нихъ нѣкоторые документы, доказывавшіе, что онъ пытался подстрекать католиковъ Франціи и другихъ странъ къ сопротивленію правительственнымъ мѣропріятіямъ. Такъ какъ въ срокъ, установленный закономъ, католическіе союзы не образовались, то церковное имущество было фактически конфисковано, но при этомъ не ставилось никакихъ затрудненій для отправленія богослуженія въ церквахъ. Но все же оно въ настоящее время лишь терпится государствомъ, между тѣмъ какъ религіознымъ союзамъ, образовавшимся соотвѣтственно опредѣленіямъ закона, было бы предоставлено право пользованія церковнымъ имуществомъ. Паденіе министерства Клемансо въ іюлѣ 1909 г. не отразилось на общемъ направленіи политической жизни Франціи. Во главѣ новаго кабинета сталъ Аристидъ Бріанъ, докладчикъ закона объ отдѣленіи церкви отъ государства, членъ министерствъ Сарьена и Клемансо. Хотя оффиціально Бріанъ принадлежитъ къ соціалистамъ умѣреннаго направленія, однако, по существу его дѣятельность является продолженіемъ работы предшествовавшихъ радикальныхъ министерствъ.

Такимъ образомъ, борьба съ монархически-клерикальнымъ духомъ въ арміи привела Францію къ борьбѣ съ клерикальнымъ вліяніемъ на народное просвѣщеніе и въ заключеніе къ борьбѣ съ самой церковью. Въ этомъ заключалась попытка разрѣшить трудный вопросъ объ отношеніи между государствомъ и церковью сообразно съ основными положеніями современной государственной жизни, не нарушая при этомъ свободы совѣсти отдѣльныхъ лицъ. Удержится ли этотъ законъ, зависитъ отъ того, сохранится ли при выборахъ въ ближайшіе годы нынѣшнее большинство, существующее въ парламентѣ; только въ такомъ случаѣ новыя учрежденія могутъ сдѣлаться жизненными. Послѣдуютъ ли примѣру Франціи другія націи, представляется весьма сомнительнымъ при существующихъ реальныхъ и правовыхъ отношеніяхъ въ отдѣльныхъ государствахъ.

Со времени паденія Бисмарка руководство имперской политикой находилось въ рукахъ самого императора Вильгельма II; правда, высшимъ имперскимъ сановникамъ оставалась возможность дѣйствовать на его рѣшенія сдерживающимъ образомъ или видоизмѣнять ихъ, но иниціатива всегда исходила отъ императора. Съ 1894 г. постъ имперскаго канцлера занималъ князь Хлодвигъ цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ, который постоянно старался сгладить возникавшія тренія, но въ 1900 г. онъ долженъ былъ оставить этотъ постъ вслѣдствіе своего преклоннаго возраста и вскорѣ затѣмъ скончался. Преемникомъ его былъ назначенъ Бернгардъ фонъ-Бюловъ (впослѣдствіи возведенный въ достоинство графа, а затѣмъ и князя), который началъ свою дипломатическую карьеру на имперской службѣ еще при Бисмаркѣ и былъ впослѣдствіи посланникомъ въ Римѣ. Въ качествѣ искуснаго дипломата, ловкаго и обаятельнаго оратора, онъ былъ чрезвычайно пригоденъ къ тому, чтобы находить выходъ изъ самыхъ трудныхъ положеній, и изъ него выработался выдающійся тактикъ на почвѣ парламентской дѣятельности. Однако, и онъ не внесъ ничего новаго въ общее направленіе имперской политики.

Наиболѣе характернымъ для парламента за десятилѣтіе съ 1895 по 1906 годъ было преобладаніе въ немъ центра, основывавшееся на томъ, что безъ этой партіи невозможно было составлять большинства. Когда центръ хотѣлъ проявлять свое вліяніе, онъ всегда прибѣгалъ къ одному и тому же средству: онъ оказывалъ противодѣйствіе въ вопросахъ сохраненія боевой готовности имперіи; но такъ какъ въ теченіе указаннаго періода времени центръ былъ удовлетворенъ, то въ общемъ потребности арміи и флота получали удовлетвореніе безъ особенныхъ затрудненій. Однако, за это правительство должно было дать свое согласіе на ежегодное установленіе цифры наличнаго состава арміи и на окончательное введеніе двухгодичнаго срока военной службы, что означало значительное усиленіе парламентскаго вліянія. Вслѣдствіе законовъ 1898 и 1900 г. о флотѣ, военный флотъ германской имперіи былъ увеличенъ на 34 линейныхъ судна и 32 крейсера, иностранный флотъ на 13 крейсеровъ и матеріальный резервъ на 4 линейныхъ судна и 7 крейсеровъ. По спискамъ флота 1873 г. въ немъ состояло 8 панцырныхъ фрегатовъ, 6 панцырныхъ корветовъ, 7 мониторовъ, 20 корветовъ, 6 авизо, 18 канонерокъ, 2 артиллерійскихъ судна, 3 парусныхъ брига и 8 торпедныхъ лодокъ. Въ 1884 году была начата постройка большой торпедной флотиліи. Самъ императоръ съ величайшимъ усердіемъ велъ постройку флота и стремился создать морскую силу, которая въ случаѣ войны была бы въ состояніи оборонять съ успѣхомъ германское побережье отъ всякаго нападенія. Окончаніе сѣверовосточнаго канала, начатаго въ 1887 г., имѣло большое значеніе для береговой обороны. Торжественное открытіе его императоромъ Вильгельмомъ II послѣдовало 21 іюня 1895 г. Въ обществѣ было распространено мнѣніе, что выставленныя правительствомъ требованія отнюдь не въ состояніи дѣйствительно оборонять германское побережье, и образовался германскій флотскій союзъ, поставившій своей задачей разъяснить населенію значеніе морской силы и путемъ своей агитаціи воздѣйствовать на парламентскія группы. И дѣйствительно, та сдержанность, съ которой относились въ прежніе годы какъ общественное мнѣніе, такъ и партіи, ко всякаго рода требованіямъ объ усиленіи флота уступила мѣсто болѣе сочувственному отношенію.

За исключеніемъ сказаннаго, періодъ преобладанія центра далъ немного положительныхъ результатовъ. Правда, былъ законченъ сводъ гражданскихъ законовъ и вступилъ въ силу 1 января 1900 г., но это былъ трудъ, давно подготовлявшійся, основы котораго были выработаны еще въ семидесятыхъ годахъ, и который въ этотъ періодъ получилъ только формальное осуществленіе. Напротивъ, введеніе единообразнаго военнаго уголовнаго судопроизводства было, дѣйствительно, новымъ актомъ; его пришлось, однако, купить согласіемъ на учрежденіе собственнаго сената въ высшемъ военномъ судѣ въ Баваріи. Отмѣна запрещенія политическимъ союзамъ вступать въ связь между собой была лишь выполненіемъ давно уже сдѣланнаго обѣщанія. Экономическая система получила подкрѣпленіе въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія въ видѣ новаго таможеннаго тарифа, который былъ проведенъ въ 1902 г. съ большими труд-

ностями и вопреки ожесточенной обструкціи со стороны соціалъ-демократіи и лѣваго крыла либераловъ и послужилъ основой для возобновленія торговыхъ договоровъ съ сосѣдними государствами. Противодѣйствіе лѣвыхъ элементовъ было вызвано, главнымъ образомъ, повышеніемъ пошлины на зерновой хлѣбъ съ 3,5 марокъ до 5 на двойной центнеръ, что представляло собой уступку аграріямъ, консерваторамъ и центру. Излишки, которые должны были получиться отъ этого сбора по сравненію съ средней цифрой его за послѣднія пять лѣтъ, должны были итти на спеціальное учрежденіе для обезпеченія вдовъ и сиротъ рабочихъ.

Разумѣется, все сказанное представляетъ собой слишкомъ небольшіе результаты для десятилѣтняго періода; а все, что было предпринято сверхъ этого, осталось совершенно въ сыромъ видѣ. Въ области финансовыхъ вопросовъ центръ оставался при своей старой тактикѣ противодѣйствія полной независимости имперіи отъ отдѣльныхъ государствъ. Вслѣдствіе этого дѣйствительная финансовая реформа осуществиться не могла. Правда, законъ 1904 г. отмѣнилъ пресловутый франкенштейновскій пунктъ, причемъ поступленія съ таможенныхъ доходовъ и съ табачнаго налога были переданы имперіи цѣликомъ, но зато имперія обязывалась передать отдѣльнымъ государствамъ доходы отъ гербоваго сбора, отъ налоговъ на винокуренные заводы и на заторные чаны. Такъ какъ благодаря этому и теперь расходы имперіи не покрывались ея собственными доходами, то приходилось оставлять въ прежнемъ видѣ матрикулярные взносы. Не удалось даже провести, несмотря на поддержку съ разныхъ сторонъ, такъ называемое «облагороженіе» этихъ взносовъ, заключавшееся въ установленіи ихъ размѣровъ сообразно экономической производительности, а не голой цифрѣ населенія отдѣльныхъ государствъ. Такъ какъ въ этомъ отношеніи существовало согласіе центра съ правительствами большей части отдѣльныхъ государствъ, увеличивавшаяся задолженность, а съ другой стороны растущій дефицитъ имперіи и постоянный ростъ матрикулярныхъ взносовъ приводили въ разстройство весь бюджетъ отдѣльныхъ государствъ, то весной 1906 г. пришлось снова обратиться къ косвеннымъ налогамъ. Были введены налоги на желѣзнодорожные пассажирскіе билеты (за исключеніемъ IV класса), на перевозку товаровъ, на папиросы, автомобили, на членовъ правленій и совѣтовъ промышленныхъ учрежденій, а также были повышены налоги на пиво, биржи и почтовыя марки въ мѣстныхъ сношеніяхъ и, наконецъ, имперскій налогъ на наслѣдство. Но всего этого не хватало на покрытіе издержекъ имперіи, такъ какъ доходы отъ всѣхъ этихъ обложеній оказывались значительно ниже предположенныхъ: расходы постоянно возрастали.

Еще меньше подвинулось дѣло впередъ въ отношеніи установленія германскаго желѣзнодорожнаго единства. Хотя желѣзнодорожное дѣло во многихъ отдѣльныхъ государствахъ оставалось бездоходнымъ, благодаря ничтожнымъ размѣрамъ ихъ желѣзнодорожной сѣти, и хотя Гессенъ показалъ примѣръ, присоединившись къ прусскому желѣзнодорожному управленію, причемъ финансовые результаты оказались весьма благопріятны, тѣмъ не менѣе, у отдѣльныхъ правительствъ пересиливало опасеніе, что, примыкая къ общему

желѣзнодорожному управленію, они должны будутъ черезчуръ поступиться своей самостоятельностью. Не могла осуществиться даже общность передвижного состава, какъ ее впослѣдствіи предлагала Пруссія и какъ она обсуждалась на конференціяхъ отдѣльныхъ государствъ. Дѣятельность соціальнаго законодательства, можно сказать, совсѣмъ остановилась, если не считать отклоненія въ 1899 г. законопроекта, защищавшаго посредствомъ наказанія каторжной тюрьмою тѣхъ рабочихъ, которые хотятъ работать, отъ насильственныхъ посягательствъ со стороны стачечниковъ.

Напротивъ, центръ неоднократно дѣлалъ попытки воздѣйствовать на имперскую политику сообразно своимъ взглядамъ. Въ 1904 г. онъ добился отмѣны § 2 закона объ іезуитахъ, такъ что, хотя нынѣ этотъ орденъ, какъ таковой, и запрещенъ въ Германіи и не имѣетъ права на какія-либо учрежденія въ ней, отдѣльные іезуиты, проживающіе въ имперіи, уже не находятся подъ полицейскимъ надзоромъ и не подвергаются высылкѣ. Дальнѣйшее стремленіе центра достичь при помощи такъ называемаго закона о религіозной терпимости полнѣйшаго освобожденія католической церкви отъ всякаго надзора со стороны государства и возможности учрежденія вѣроисповѣдныхъ частныхъ школъ встрѣтило противодѣйствіе союзнаго совѣта. Точно также не имѣло успѣха стремленіе партіи подвергнуть строгой церковной опекѣ всѣ проявленія духовной жизни въ литературѣ, пластическихъ искусствахъ и театрѣ; такъ называемымъ «Lex Heinze» запрещена продажа картинъ безнравственнаго содержанія только дѣтямъ моложе 16 лѣтъ (1900 г.).

Самъ центръ за періодъ этого своего господства въ парламентѣ продолжалъ свое внутреннее преобразованіе въ направленіи, которое наблюдалось и раньше; демократическіе элементы все болѣе выступали на первый планъ; ихъ главой могъ считаться депутатъ Эрцбергеръ, все болѣе и болѣе оттѣснявшій прежнихъ вожаковъ партіи. Этой демократизаціей партіи объясняется, что соглашеніе между центромъ и консервативной партіей становилось все затруднительнѣе, между тѣмъ какъ при реформѣ избирательнаго права во вторую баварскую палату центръ не остановился передъ союзомъ съ соціалъ-демократіей, несмотря на все различіе ихъ міровоззрѣній.

Благодаря трехклассной избирательной системѣ въ Пруссіи консерваторы обладали здѣсь рѣшающимъ положеніемъ въ ландтагѣ. Они оказывали упорное сопротивленіе постройкѣ сѣверо-западной сѣти нѣмецкихъ водяныхъ путей, которой настойчиво требовала рейнско-вестфальская промышленность; въ этой мѣрѣ они усматривали ущербъ для востока и, по меньшей мѣрѣ, желали получить за это компенсацію; лишь съ великимъ усиліемъ удалось, наконецъ, получить согласіе ландтага на часть такъ называемаго средняго канала, именно на пространствѣ отъ Дортмунда до Ганновера. При обсужденіи закона о школьной повинности былъ въ особенности затронутъ вѣроисповѣдный характеръ народной школы. Такъ какъ въ этомъ отношеніи центръ шелъ рука-объ-руку съ консервативной партіей, то либеральнымъ партіямъ невозможно было провести что-либо свое. Имъ пришлось удоволь-

ствоваться тѣмъ, что тамъ, гдѣ уже существовали ихъ школы, онѣ получили право гражданства.

Къ важнѣйшимъ вопросамъ прусской государственной жизни принадлежитъ польскій вопросъ. Тотъ фактъ, что во время уборки хлѣба тысячи поляковъ бывали заняты въ качествѣ сезонныхъ рабочихъ въ восточной части Германіи, не представлялъ опасности, такъ какъ эти элементы въ сущности оставались лишь короткое время въ области господства нѣмецкаго языка, а затѣмъ возвращались къ себѣ на родину. Гораздо вреднѣе оказывался притокъ польскихъ элементовъ въ область рейнской промышленности, гдѣ число поляковъ, переселявшихся сюда на постоянное жительство, возрастало такъ значительно, что здѣсь, въ самомъ сердцѣ Германіи, возникали польскія газеты и польскіе союзы. Еще бо́льшую опасность представлялъ быстрый ростъ польскаго элемента въ провинціяхъ Западной Пруссіи, Познани и въ Верхной Силезіи, населенныхъ, главнымъ образомъ, поляками. Здѣсь среди польскаго населеніе замѣчалось стремленіе къ отпаденію отъ германской имперіи и къ возстановленію въ этихъ областяхъ стараго польскаго государства, причемъ это стремленіе находило безусловную поддержку со стороны католическаго духовенства, которое здѣсь и само было по преимуществу польскаго происхожденія. Для предупрежденія возникавшей съ этой стороны опасности правительство еще въ 1886 г. внесло законъ о переселеніяхъ, съ ассигнованіемъ особыхъ денежныхъ средствъ на покупку польскихъ имѣній въ Познани и Западной Пруссіи. Эти суммы дважды подвергались прибавкѣ на 100 и на 150 милліоновъ марокъ (въ 1898 и 1902 гг.). Однако, эта мѣра все-таки не дала желанныхъ результатовъ. Самое существованіе переселенческой комиссіи и повышенный вслѣдствіе этого спросъ на польскія земли въ высшей степени подняли цѣны на нихъ; кромѣ того, поляки пользовались полученными деньгами для того, чтобы снова скупать свои имѣнія у нѣмецкихъ землевладѣльцевъ, такъ что на самомъ дѣлѣ не происходило сколько-нибудь замѣтнаго передвиженія земельной собственности къ нѣмцамъ. Школьный конфликтъ въ Врешенѣ, вспыхнувшій въ 1901 г., послужилъ какъ бы пробой для силы польскаго элемента въ этомъ краѣ. Правительство предписало, чтобы во всѣхъ школахъ, гдѣ дѣти въ достаточной степени понимаютъ нѣмецкій языкъ, общее обученіе, а также уроки закона Божія, шли на нѣмецкомъ языкѣ. Тогда въ маленькомъ городкѣ Врешенѣ польскія дѣти, по приказанію своихъ родителей и духовенства, отказались отвѣчать по-нѣмецки. Послѣдовали наказанія какъ дѣтей, такъ и ихъ родителей. Но со стороны духовенства эта мѣра выставлялась въ видѣ гоненія на религію народа, такъ какъ—говорили они—преподаваніе религіи на языкѣ, непонятномъ для дѣтей, не имѣетъ ни малѣйшей цѣны. Это было извращеніемъ фактовъ, такъ какъ необходимымъ условіемъ для примѣненія указаннаго правительственнаго распоряженія было достаточное знакомство дѣтей съ нѣмецкимъ языкомъ. Борьба по этому вопросу велась съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ также и въ прессѣ и, въ концѣ концовъ, привела къ полнѣйшей забастовкѣ польскихъ дѣтей школьнаго возраста въ провинціи Познани. Число дѣтей, отказав-

шихся отвѣчать уроки по-нѣмецки, по временамъ достигало 40000. Однако, благодаря настойчивости правительства и тому ущербу, который несли сами дѣти, не переходя въ высшіе классы, а также общины, заводившія на свой счетъ собственныхъ учителей, забастовка постепенно начала стихать и, наконецъ, совершенно прекратилась. Тѣмъ не менѣе, она явилась важнымъ симптомомъ обостренія національной вражды въ этихъ провинціяхъ. Съ цѣлью усиленія средствъ борьбы правительство провело въ ландтагѣ въ 1908 г. законъ, предоставляющій правительству неограниченное право отчужденія по отношенію къ польскимъ землевладѣльцамъ. Можно надѣяться, что съ примѣненіемъ этой мѣры цѣны на земли здѣсь низведутся до своихъ нормальныхъ размѣровъ, и путемъ планомѣрнаго образа дѣйствій отдѣльныя мѣстности перейдутъ къ нѣмцамъ [1]).

Къ концу 1906 г. преобладаніе центра въ имперіи неожиданно рѣзко оборвалось. Поводомъ къ этому послужило отношеніе партіи къ колоніальнымъ вопросамъ. Въ эти годы Германія выдержала тяжкую борьбу съ опаснымъ возстаніемъ туземцевъ въ юго-западной Африкѣ; подавить это возстаніе удалось только путемъ большихъ усилій и многихъ жертвъ, и все же еще требовалось довольно значительныхъ военныхъ силъ для полнаго возстановленія здѣсь спокойствія. На окончаніе этой борьбы правительство потребовало у парламента 29 милліоновъ марокъ. Центръ никогда не обнаруживалъ большого пониманія колоніальныхъ вопросовъ и всегда ставилъ интересы католическихъ миссій въ колоніяхъ выше интересовъ нѣмцевъ. Именно за послѣдніе мѣсяцы передъ тѣмъ вожаки центра, основываясь на данныхъ миссіонеровъ, сильно и, по большей части, неосновательно нападали на все германское колоніальное управленіе и на его отдѣльныхъ представителей. Имъ удалось заставить уйти руководителя колоніальнымъ департаментомъ, но въ лицѣ его преемника, бывшаго директора дармштадтскаго банка Дернбурга, они встрѣтили энергичнаго противника. Онъ рѣзко выступилъ въ парламентѣ противъ ихъ нападокъ и, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, раскрылъ ихъ попытки получить съ задняго хода вліяніе на замѣщеніе должностей въ колоніяхъ, такъ что Дернбургъ за свою рѣзкость навлекъ на себя непримиримую ненависть партіи центра. Чтобы дать правительству почувствовать свою силу, центръ, опираясь на соціалъ-демократовъ, сократилъ сумму, которую требовало правительство для юго-западной Африки, на 9 милліоновъ и настаивалъ на значительномъ уменьшеніи тамъ войскъ, такъ какъ положеніе въ Африкѣ, по его словамъ, значительно улучшилось. Императоръ увидѣлъ въ этомъ постановленіи нарушеніе его правъ главнокомандующаго и распустилъ рейхстагъ (13 декабря 1906 г.). Въ наступившей затѣмъ предвыборной кампаніи ясно обнаружилось, что большинство германской націи хорошо понимало важность

[1]) Врешенскій инцидентъ, вызвавшій одно время бойкотъ нѣмецкихъ торговыхъ фирмъ въ Галиціи, обнаружилъ возмутительныя подробности насильственной германизаціи Познани; въ прусскомъ ландтагѣ, въ связи съ интерпелляціей кн. Радзвилла, прусскому правительству и его сторонникамъ пришлось выслушать по этому поводу много непріятныхъ вещей. *Ред.*

колоній для дальнѣйшаго развитія Германіи. Выборы въ январѣ 1907 г. произвели не малое передвиженіе силъ отдѣльныхъ партій. Правда, благодаря отмѣнной дисциплинированности своихъ избирателей центръ удержалъ весь свой наличный составъ; но соціалъ-демократы, число которыхъ раньше уже возросло до 81, потеряли почти половину своихъ мѣстъ, сохранивъ за собою только 43. Такъ какъ правительство обѣщало правымъ дальнѣйшую поддержку землевладѣнія, а либераламъ налогъ на наслѣдство, то стало возможно образованіе въ рейхстагѣ большинства изъ консерваторовъ и либераловъ, тѣмъ болѣе, что теперь и лѣвое крыло либераловъ готово было итти съ правительствомъ заодно въ вопросахъ колоній и имперской обороны. Несомнѣнно, на объединеніе консерваторовъ съ либералами вліяла и эволюція соціалъ-демократіи вправо, угрожавшая возможностью увлечь въ ряды соціалистовъ и часть радикальной буржуазіи. Всѣ консервативныя и либеральныя партійныя группы, такъ называемый блокъ, располагали въ общемъ 216 голосами изъ 397. Такимъ образомъ, снова создалось большинство безъ центра. Внѣшнимъ признакомъ перемѣны положенія являлся тотъ фактъ, что президентомъ былъ избранъ теперь, вмѣсто члена центра, членъ консервативной партіи.

Разумѣется, не всегда легко было сдерживать въ общемъ блокѣ партій тѣ различные элементы, изъ которыхъ онъ составился; однако, долгое время это Бюлову удавалось. Въ 1907 г. были ассигнованы значительныя суммы для сооруженія въ колоніяхъ желѣзныхъ дорогъ и для учрежденія имперскаго колоніальнаго управленія. Далѣе новое большинство закончило лѣтомъ 1908 г. имперскій законъ о союзахъ; этимъ было введено не только однообразное для всей имперіи рѣшеніе даннаго серьезнаго вопроса, но въ общемъ значительное улучшеніе законодательства въ этой сферѣ и притомъ въ либеральномъ духѣ.

Важнѣйшимъ дѣломъ блока, по плану Бюлова, должно было быть урегулированіе финансовъ имперіи такимъ образомъ, чтобы положить конецъ постояннымъ дефицитамъ, изъ года въ годъ растущимъ. Кн. Бюловъ предполагалъ введеніемъ новыхъ налоговъ увеличить доходы государства на полмилліарда марокъ. Правительственный законопроектъ, обсужденный рейхстагомъ въ ноябрѣ 1908 г. въ первомъ чтеніи и сданный въ комиссію, вызвалъ прежде всего недовольство консерваторовъ, не допускавшихъ и мысли о введеніи налога на наслѣдство, распространяющагося также на самыхъ близкихъ родственниковъ. Такъ произошелъ расколъ между консерваторами и либералами, настаивавшими на принятіи налога на наслѣдство,—блокъ распался, и консерваторы стали искать сближенія съ центромъ. Это сближеніе вскорѣ состоялось, причемъ отъ первоначальнаго правительственнаго законопроекта почти ничего не сохранилось, такъ какъ консерваторы и партія центра выработали свой финансовый планъ, и хотя правительство, въ виду распаденія стараго и образованія новаго блока, готово было итти на нѣкоторыя уступки, но новые господа парламентскаго положенія оказались мало сговорчивыми и совершенно отвергли налогъ на наслѣдство. Отклоненіе правительственнаго проекта и распаденіе либерально-консервативнаго блока повлекли за собою отставку канцлера Бюлова, и 25 іюня 1909 г. вступилъ въ должность пятый канцлеръ германской имперіи Теобальдъ фонъ Бетманъ-Гольвегъ.

Въ государственной жизни Австро-Венгріи и въ послѣднія десятилѣтія преобладающимъ явленіемъ была борьба національностей, которая по временамъ достигала здѣсь такой степени, что казалось, будто всей имперіи грозитъ распаденіе. Венгрія постоянно отвоевывала себѣ все бо́льшую самостоятельность; при возобновленіи соглашенія каждый разъ она достигала нѣкотораго ослабленія своихъ таможенныхъ и торговыхъ связей съ Австріей, такъ что въ настоящее время Цислейтанія и Транслейтанія, хотя обладаютъ и однородными таможенными законами, не имѣютъ общей таможенной системы. Точно также Венгрія провела полное равноправіе въ отношеніи веденія общаго банка и подготовила отдѣленіе своего банка отъ имперскаго. Особенно ожесточенной была борьба въ то время, когда Венгрія дѣлала попытку разрушить единство арміи. Еще въ 1888 г. Венгрія не хотѣла согласиться на то, чтобы офицерскіе экзамены въ Венгріи происходили на нѣмецкомъ языкѣ; но въ то время ей были сдѣланы въ этомъ отношеніи лишь ничтожныя уступки. Но когда партія независимости пріобрѣла въ Венгріи болѣе сильное вліяніе подъ предводительствомъ Франца Кошута, попытка эта была возобновлена. Агитація была направлена въ особенности противъ командованія на нѣмецкомъ языкѣ; далѣе венгерцы требовали, чтобы въ транслейтанской половинѣ имперіи находились только мадьярскія части войскъ съ мадьярскими офицерами. Приказомъ по арміи отъ 16 сентября 1903 г. императоръ Францъ-Іосифъ рѣзко отклонилъ эти требованія и подтвердилъ единство австро-венгерской арміи. Но шагъ за шагомъ онъ все болѣе и болѣе уступалъ мадьярамъ; сперва онъ согласился на особые значки на знаменахъ, причемъ болѣе умѣренная венгерская партія подъ предводительствомъ Стефана Тиссы заявила, что на первыхъ порахъ она этимъ удовлетворена. Но партія независимости не пожелала этимъ удовольствоваться, и такъ какъ выборы 1905 г. поставили ее въ положеніе наиболѣе сильной партіи въ парламентѣ, то Тисса счелъ нужнымъ выйти въ отставку. Императоръ, не желавшій, чтобы министерство было составлено изъ партіи независимости, побудилъ барона Гезу Фейервари взять на себя составленіе министерства и сдѣлать попытку управлять безъ парламентскаго большинства. Фейервари видѣлъ единственную возможность сломить могущество партіи независимости въ измѣненіи избирательнаго права. При строгомъ проведеніи принципа всеобщаго избирательнаго права немадьярскія національности Венгріи были бы представлены сильнѣе, и явилась бы возможность образованія другихъ партій, помимо существовавшихъ до того времени. Когда императоръ изъявилъ свое согласіе на избирательную реформу, партія независимости поняла, какая грозила ей опасность, и стала выражать готовность отказаться отъ требованія команды на венгерскомъ языкѣ; въ виду этого императоръ пожертвовалъ барономъ Фрейервари, и во главѣ новаго правительства сталъ графъ Александръ Векерле (1906 г.). Конечно, и онъ въ виду требованій широкихъ массъ народа долженъ былъ дать обѣщаніе ввести всеобщее избирательное право; однако, обѣщанія своего онъ не выполнилъ. Вслѣдствіе распаденія коалиціи поддерживавшихъ его партій министерство Векерле съ августа 1909 г. очутилось въ крайне тяжеломъ положеніи; расколъ въ партіи независи-

мости осложнялъ еще болѣе положеніе дѣлъ, и назначеніе новаго министерства все откладывалось и откладывалось. Наконецъ, въ январѣ 1910 г. къ власти былъ призванъ не располагавшій въ парламентѣ большинствомъ гр. Кунъ-Хедервари.

Наряду съ увеличеніемъ самостоятельности Венгріи наблюдается обостреніе вражды между національностями въ Цислейтаніи. Какъ мы уже знаемъ, при министерствѣ Таафе, взявшемъ въ руки бразды правленія въ 1879 г., не-нѣмецкія національности пользовались предпочтеніемъ въ сравненіи съ нѣмецкой; чехи также поддерживали это министерство и временно отодвигали свою истинную цѣль—созданіе независимаго королевства Венцеслава—на задній планъ съ тѣмъ, чтобы временно довольствоваться тѣми преимуществами, какія имъ предоставлялъ Таафе. Но постепенно въ самой Богеміи возникла сильная оппозиція противъ такой тактики чешскихъ депутатовъ. Подъ предводительствомъ Грегра возникла младочешская партія, требовавшая полной самостоятельности Богеміи, демократическихъ реформъ, всеобщаго избирательнаго права, расторженія съ тройственнымъ союзомъ и союза съ Россіей и Франціей. Хотя эта партія провела въ парламентъ лишь ничтожное число депутатовъ, тѣмъ не менѣе, она производила извѣстнаго рода впечатлѣніе своимъ шумнымъ и вызывающимъ образомъ дѣйствій въ рейхстагѣ. Благодаря младочешской агитаціи борьба между національностями достигла въ Богеміи крайней степени; нѣмцы совершенно не принимали участія въ богемскомъ ландтагѣ съ тѣхъ поръ, какъ тамъ существовало чешское большинство. Лишь въ 1890 г. Таафе удалось временно убѣдить ихъ, чтобы они снова появились въ немъ, такъ какъ онъ хотѣлъ составить изъ нихъ вмѣстѣ съ старочехами большинство противъ младочеховъ. Какъ образованіе младочешской партіи, такъ и возникновеніе соціалъ-демократической группы (съ 1888 г.) являлись признакомъ нарастанія демократическаго теченія. Обѣ партіи внушали императору Францу-Іосифу серьезныя опасенія, и онъ потребовалъ отъ Таафе энергичныхъ мѣропріятій для борьбы съ демократіей. Таафе дѣлалъ тщетныя попытки создать себѣ прочное большинство, съ помощью котораго онъ могъ бы вести подобную политику; когда же ему это не удалось, онъ пришелъ къ мысли, что привлеченіе новыхъ массъ избирателей изъ низшихъ слоевъ населенія должно будетъ выдвинуть на передовой планъ чисто экономическіе интересы и оттѣснить національные раздоры. Поэтому онъ совѣтовалъ императору сдѣлать измѣненіе въ избирательномъ правѣ въ смыслѣ его расширенія. Но императоръ видѣлъ въ этомъ предложеніи шагъ, который былъ въ полномъ противорѣчіи съ намѣченнымъ имъ самимъ планомъ, ибо непосредственнымъ результатомъ расширенія избирательнаго права легко могло быть значительное усиленіе демократическихъ партій. Точно также и всѣ феодалы были противъ плана, задуманнаго Таафе; не менѣе ихъ противились и нѣмцы, и поляки, которые при этомъ опасались потерять извѣстное число мѣстъ; первые—въ пользу славянъ, вторые—въ пользу русинъ. Таафе былъ не въ состояніи противостоять союзу всѣхъ этихъ элементовъ и въ октябрѣ 1893 г. долженъ былъ выйти въ отставку.

Тогда изъ нѣмцевъ и поляковъ образовалось министерство аристокра-

тически-клерикальной окраски, во главѣ съ княземъ Виндишгрецомъ, котораго въ 1895 г. замѣнилъ польскій графъ Бадени. Бадени пытался слѣдовать намѣреніямъ императора; однако, это оказалось невозможнымъ, и Бадени вынужденъ былъ итти по тому пути, по которому сперва хотѣлъ итти Таафе; прочнаго большинства было невозможно образовать, и теперь вопросъ о расширеніи избирательнаго права уже болѣе не сходилъ со сцены, разъ онъ однажды былъ выдвинутъ правительствомъ. Такимъ образомъ, Бадени рѣшился, въ концѣ концовъ, итти нѣсколько навстрѣчу тѣмъ, которые требовали всеобщаго избирательнаго права. Реформа 1896 г. вводила наряду съ четырьмя существующими куріями съ 353 депутатами еще пятую съ 72 депутатами, которые избирались путемъ всеобщаго голосованія. Но результаты подобной избирательной реформы не соотвѣтствовали ожиданіямъ тѣхъ, которые прибѣгли къ ней какъ къ средству одновременно и удовлетворить сторонниковъ всеобщаго избирательнаго права, и спасти интересы аристократически-клерикальной партіи, представителемъ которой въ сущности былъ и оставался гр. Казимиръ Бадени. Демократическія партіи увеличились въ числѣ, и при томъ нетолько младочешская и соціалъ-демократическая, но также и радикальная нѣмецкая, стремившаяся къ энергичному отпору славянству и даже къ присоединенію къ германской имперіи. Съ другой стороны, усилилась и клерикально-демагогическая группа антисемитовъ и христіанскихъ соціалистовъ подъ предводительствомъ вѣнскаго бургомистра Люэгера.

При такомъ составѣ парламента Бадени былъ вынужденъ по каждому отдѣльному поводу составлять для себя большинство путемъ всевозможныхъ уступокъ различнымъ партіямъ. Такъ какъ на очереди стоялъ важный вопросъ о возобновленіи соглашенія съ Венгріей, то ради привлеченія на свою сторону чеховъ Бадени пришлось въ видѣ уступки имъ издать распоряженіе о языкѣ для Богеміи (1897 г.); согласно этому распоряженію во всей Богеміи при сношеніяхъ присутственныхъ мѣстъ съ публикой долженъ былъ примѣняться тотъ языкъ, на которомъ публика обращалась къ нимъ, такъ что теперь каждый судъ и каждое административное учрежденіе обязывались вести переговоры и постановлять рѣшенія по-чешски, если только къ нимъ обращался чехъ. Но такъ какъ лишь немногіе нѣмцы знали чешскій языкъ, и такъ какъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ приходилось отнынѣ употреблять оба языка, то это распоряженіе повело за собой замѣщеніе большей части нѣмецкихъ служащихъ чешскими. Въ виду этого обстоятельства, равно какъ и того, что означенное распоряженіе считалось незаконнымъ, какъ изданное безъ согласія рейхсрата, нѣмцы прибѣгли въ рейхсратѣ къ одной изъ самыхъ сильныхъ парламентскихъ боевыхъ мѣръ — къ обструкціи. Они препятствовали всякой правильной работѣ парламента путемъ произнесенія безконечныхъ рѣчей, а иногда просто прибѣгали къ шуму, стуча пюпитрами и т. д. Польскій президентъ рейхсрата Абрагамовичъ по соглашенію съ Бадени пытался одолѣть обструкцію путемъ измѣненія парламентскаго регламента и даже прибѣгъ къ насильственному удаленію нѣкоторыхъ нѣмецкихъ депутатовъ изъ зала засѣданій. 27 ноября при помощи голосованія, произведеннаго съ нарушеніемъ

порядка занятій, былъ проведенъ такъ называемый «lex Falkenhayn», послѣ чего въ залу засѣданій былъ введенъ отрядъ полиціи, который арестовалъ трехъ депутатовъ. Эти происшествія привели населеніе Вѣны въ сильное возбужденіе; кромѣ того, изъ всѣхъ нѣмецкихъ областей Австріи стали поступать весьма энергичные протесты противъ образа дѣйствій правительства, и императоръ рѣшилъ дать отставку Бадени. Отставка Бадени, въ свою очередь, вызвала безпорядки въ Прагѣ, гдѣ въ ней усмотрѣли излишнюю уступчивость правительства по отношенію къ нѣмцамъ. Соглашеніе съ Венгріей не могло получить парламентской санкціи и должно было войти въ силу на основаніи особаго императорскаго распоряженія, вызваннаго необходимостью. Общая опасность принудила всѣхъ нѣмцевъ, по крайней мѣрѣ, на короткое время, дѣйствовать сообща; въ маѣ 1899 г. всѣ нѣмецкія партіи объединились на одной программѣ, въ которой вопросъ о языкѣ въ Богеміи разрѣшался такимъ образомъ, что нѣмецкій языкъ долженъ быть обязательнымъ въ арміи и для внутреннихъ сношеній между собою административныхъ властей; въ отношеніи же языка для сношеній съ публикою Богемія была раздѣлена на двѣ различныя по національности области, чешскую и нѣмецкую. Такъ какъ славянское духовенство оказалось главнымъ факторомъ въ борьбѣ съ нѣмцами, то возникло требованіе, чтобы въ нѣмецкихъ общинахъ были назначаемы пастырями только нѣмцы по происхожденію.

Затѣмъ быстро слѣдовала смѣна министерствъ, причемъ ни одному изъ нихъ не удавалось обезпечить за собой парламентскаго большинства. Въ октябрѣ 1899 г. распоряженіе Бадени о языкѣ было отмѣнено, но законъ о языкѣ, внесенный въ слѣдующемъ году Керберомъ и основанный на раздѣленіи Богеміи на три части, съ чешскимъ, нѣмецкимъ и смѣшаннымъ языкомъ, встрѣтилъ ожесточенное сопротивленіе со стороны чеховъ, которые видѣли въ этой мѣрѣ нарушеніе единства богемскаго королевства; теперь они, въ свою очередь, прибѣгли къ обструкціи. Роспускъ парламента мало измѣнилъ это положеніе вещей; въ этотъ періодъ времени съ трудомъ получили разрѣшеніе даже такіе вопросы, какъ проведеніе новыхъ водныхъ путей сообщенія и выкупъ желѣзнодорожныхъ линій, и притомъ каждый разъ для прекращенія чешской обструкціи нужно было дѣлать чехамъ особыя уступки. Въ теченіе продолжительнаго времени невозможно было провести бюджетъ своевременно, и приходилось его октроировать императорскимъ декретомъ, вызваннымъ необходимостью (при помощи § 14 конституціи). Чехи отклоняли всѣ предложенія Кербера о соглашеніи; не имѣла успѣха также и попытка нѣмцевъ принудить чеховъ къ уступкамъ въ рейхсратѣ при помощи обструкціи въ чешскомъ ландтагѣ.

Преемникъ Кербера, баронъ фонъ Гаучъ, также не могъ сдѣлать ничего существеннаго. Только приближеніе срока, когда снова приходилось возобновить соглашеніе въ Венгріей, до извѣстной степени измѣнило положеніе вещей. Всѣ партіи понимали, что при заключеніи соглашенія Цислейтанія много потеряетъ въ экономическомъ отношеніи, если выступитъ противъ объединенной Венгріи раздираемая внутренними распрями. Такъ какъ въ то же

время стремленія мадьяръ къ отпаденію отъ имперіи ясно сказались въ вопросѣ объ арміи, то это вызвало у многихъ цислейтанскихъ дѣятелей вспышку австрійскаго патріотизма. Снова была провозглашена старая мысль, что привлеченіе къ политической жизни широкихъ народныхъ массъ смягчитъ національную вражду. Такъ какъ и въ Венгріи замышлялось въ видѣ оружія противъ мадьяръ введеніе всеобщаго избирательнаго права, то демократическія партіи объявили, что будетъ крайне несправедливо, если Цислейтанія останется при старомъ избирательномъ правѣ. Правительство сперва противилось расширенію избирательнаго права, но затѣмъ уступило. Баронъ фонъ Гаучъ внесъ новый избирательный законъ, который основывался на всеобщемъ голосованіи, но каждой національности обезпечивалось опредѣленное число мѣстъ въ парламентѣ. Въ принципѣ большинство соглашалось провести этотъ законъ, но при распредѣленіи мандатовъ между національностями сперва никакъ не могли прійти къ соглашенію. Ни барону Гаучу, ни принцу Гогенлоэ не удалось преодолѣть эти затрудненія, и новый избирательный законъ былъ проведенъ лишь въ декабрѣ 1906 г. при министерствѣ барона фонъ Бека. По этому закону палата состоитъ изъ 516 депутатовъ, въ томъ числѣ 233 нѣмца, 259 славянъ и 24 представителя другихъ національностей. Избирательные округи составлены такимъ образомъ, чтобы въ каждомъ по возможности преобладала лишь одна національность, и по поводу измѣненія границъ избирательныхъ округовъ установлены особыя правила. Въ будущемъ всѣ депутаты должны были избираться на основаніи всеобщаго и равнаго избирательнаго права.

Первые выборы послѣ введенія новаго закона въ началѣ 1907 г. выбросили изъ парламента значительное число старыхъ партійныхъ дѣятелей. Больше всего увеличилось число депутатовъ соціалъ-демократовъ и клерикаловъ; первые завоевали 87, вторые 96 мѣстъ,—благодаря тому, что массы городскихъ рабочихъ принадлежатъ къ соціалистамъ, а сельское крестьянское населеніе раздѣляетъ клерикальный образъ мыслей. Въ общемъ же и въ новомъ парламентѣ господствуетъ страшная рознь; въ немъ насчитываютъ не менѣе 36 различныхъ политическихъ группъ. Работоспособность парламента на время обезпечена соглашеніемъ, достигнутымъ лѣтомъ 1907 г. послѣ продолжительныхъ битвъ; въ силу этого соглашенія нѣмецкій языкъ признается оффиціальнымъ парламентскимъ языкомъ, ибо онъ одинъ понятенъ всѣмъ народностямъ Австріи. Впервые бюджетъ былъ принятъ снова въ установленномъ порядкѣ, и въ министерство вошли нѣкоторые изъ вожаковъ партій. Только будущее покажетъ, произведетъ ли измѣненный составъ парламента глубокій переворотъ во внутренней государственной жизни Австро-Венгріи.

Весьма сомнительно, чтобы національная вражда, пустившая столь глубокіе корни, была совершенно устранена при работахъ парламента, и нельзя отрицать, что существуетъ опасность, какъ бы со смертью императора Франца-Іосифа національныя распри не обострились настолько, что сдѣлаютъ возможнымъ распаденіе самой имперіи.

Въ Италіи послѣ отставки министерства Кайроли, павшаго изъ-за своего дружественнаго расположенія къ французамъ во время тунисскаго кризиса, въ теченіе четырехъ лѣтъ (1883—1887) стоялъ во главѣ правительства Депретисъ. Онъ опирался на монархическую лѣвую, боролся съ ирредентистами и соціалистами, а во внѣшней политикѣ строго придерживался установленныхъ при заключеніи тройственнаго союза директивъ, находясь такимъ образомъ всецѣло въ германско-австрійской орбитѣ. Во внутреннихъ дѣлахъ его министерство было въ достаточной степени безплоднымъ и передачей желѣзныхъ дорогъ частнымъ обществамъ оказало странѣ небольшую услугу. Лѣвое крыло партіи подъ предводительствомъ Франческо Криспи все сильнѣе боролось противъ министерства и вынудило Депретиса, послѣ того какъ неудачи въ колоніяхъ пошатнули его положеніе, принять въ свое министерство Занарделли и Криспи (1887 г.). Вскорѣ послѣ того Депретисъ умеръ, и Криспи сталъ тогда вождемъ лѣвой и главой министерства. Онъ обострилъ борьбу съ клерикалами, провелъ общій для всей Италіи сводъ уголовныхъ законовъ, стремился поддерживать боевую готовность арміи и флота и дать Италіи заморскія владѣнія, такъ какъ уже начиналась для государствъ эра міровой политики. Благодаря большимъ издержкамъ, сопряженнымъ съ такой иностранной политикой, дефицитъ сталъ сильно возрастать; когда вслѣдствіе этого на Криспи начались нападки, то онъ въ отвѣтъ сталъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ критиковать внѣшнюю политику своихъ предшественниковъ. Въ концѣ концовъ, палата вынесла ему вотумъ недовѣрія, и онъ долженъ былъ выйти въ отставку (1891 г.). Тогда впервые за послѣднія 15 лѣтъ была сдѣлана попытка поручить составленіе кабинета члену правой, Марчезе Рудини, также родомъ изъ Сициліи. Чтобы обезпечить себѣ большинство, Рудини пригласилъ въ свое министерство одного изъ вожаковъ лѣвой Никотеру. Несмотря на это, ни онъ, ни его преемникъ Джіолитти не могли удержаться, и уже въ 1893 г. Криспи снова сталъ во главѣ правительства. Онъ имѣлъ намѣреніе еще ярче обнаружить демократическій характеръ монархіи путемъ преобразованія сената въ собраніе избранныхъ представителей и введенія жалованія депутатамъ. Но своей главной задачей онъ считалъ теперь, какъ и раньше, борьбу съ соціализмомъ, съ одной стороны, и съ клерикализмомъ съ другой. Провозгласивъ въ борьбѣ съ клерикалами свой лозунгъ «Roma intangibile», онъ пытался при помощи исключительныхъ законовъ, при помощи частичной отмѣны свободы печати и собраній, запрещенія всякихъ соціалистическихъ рабочихъ союзовъ положить предѣлъ дальнѣйшему распространенію соціализма въ странѣ. Хотя выборы 1895 г. обезпечили министерству значительное большинство, все-таки Криспи вскорѣ послѣ нихъ палъ, благодаря ошибкамъ своей иностранной политики. Попытка покорить Абессинію, о которой уже говорилось выше, ему не удалась и повела къ жестокому пораженію итальянцевъ при Адуѣ. Такъ какъ министерство предприняло эту экспедицію безъ согласія парламента, собственной властью, то это пораженіе было равносильно паденію министерства Криспи (въ мартѣ 1896 г.). Криспи жилъ послѣ этого еще нѣсколько лѣтъ, но уже не игралъ болѣе никакой политической роли; онъ умеръ въ 1901 г.

Власть снова перешла къ Рудини; однако, его силъ недоставало на борьбу съ возраставшей клерикальной и соціалистической агитаціей, и въ особенности страшное миланское возстаніе (1898 г.), потребовавшее для возстановленія порядка сорокатысячной военной силы, показало необходимость принятія рѣшительныхъ предупредительныхъ мѣръ. Для приведенія ихъ въ исполненіе въ іюлѣ 1898 г. министромъ-президентомъ былъ назначенъ генералъ Пеллу, причемъ онъ былъ снабженъ диктаторскими полномочіями на годъ. Пеллу пытался особымъ закономъ провести на долгое время ограниченіе свободы союзовъ и печати и усиленіе уголовныхъ законовъ, карающихъ за нарушеніе общественнаго порядка. Но крайняя лѣвая путемъ энергичной обструкціи сумѣла воспрепятствовать закономѣрному проведенію этихъ предложеній. Когда же Пеллу провелъ свои реакціонныя мѣры путемъ королевскаго декрета, кассаціонный судъ призналъ ихъ недѣйствительными. Такъ какъ и съ возобновленіемъ парламентскихъ работъ Пеллу былъ не въ силахъ преодолѣть обструкцію, то въ іюнѣ 1900 г. онъ вышелъ въ отставку, и было образовано временное министерство. Послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ въ Монзѣ убійство анархистомъ короля Гумберта, пользовавшагося общей любовью (29 іюля 1900 г.), показало, какъ сильны были въ Италіи разрушительныя тенденціи. На престолъ вступилъ сынъ Гумберта, Викторъ-Эмануилъ III, который, подобно своему отцу, также не имѣлъ сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на политику. Съ весны 1901 г. власть снова находилась въ рукахъ Запарделли, который отказался отъ попытки бороться съ радикальными элементами исключительно однѣми репрессіями. Онъ отмѣнилъ пошлину на помолъ, вызывавшую сильное раздраженіе среди населенія, и впервые пошелъ по пути соціальнаго законодательства, издавъ законъ объ ограниченіи труда женщинъ и малолѣтнихъ (1902).

Объединеніе всѣхъ партій, которыя стояли за самостоятельность Италіи, было тѣмъ необходимѣе, что въ это время ей угрожала новая опасность. 20 іюля 1903 г. умеръ папа Левъ XIII, и хотя его преемникъ Пій X попрежнему держался установившагося враждебнаго отношенія папства къ итальянскому королевству, тѣмъ не менѣе, онъ уполномочилъ епископовъ разрѣшать тѣмъ изъ вѣрующихъ, которые этого пожелаютъ, принимать участіе въ выборахъ. Вслѣдствіе этого и въ Италіи стала возникать клерикальная парламентская группа, которая въ 1904 г., правда, насчитывала лишь 12 членовъ, но, безъ сомнѣнія, съ усиленіемъ участія ортодоксальныхъ элементовъ въ выборахъ должна была значительно возрасти; если бы ей удалось обратиться въ сильную парламентскую партію, то во внутренней государственной жизни Италіи возникли бы новыя тяжелыя осложненія. Въ экономическомъ отношеніи въ послѣдніе годы замѣчается въ Италіи значительный подъемъ. При послѣдующемъ министерствѣ Джіолитти удалось возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ государства, провести выкупъ желѣзныхъ дорогъ и, несмотря на это, все-таки употребить значительныя суммы на усиленіе арміи и флота. Реформа системы налоговъ давно уже разрабатывается, но еще не приведена въ исполненіе.

Со времени великаго разгрома въ 1898 г. Испанія все еще не пришла въ спокойное состояніе. Ея экономическое положеніе въ высшей степени затруднительно и постоянно вызываетъ возстанія безработныхъ; провинція Каталонія возобновила свое старинное стремленіе занять обособленное положеніе въ государствѣ; карлисты опять подняли голову, и борьба между радикальными и клерикальными элементами нынѣ ведется ожесточеннѣе, чѣмъ когда-либо. Крупные безпорядки возникли въ Испаніи лѣтомъ 1909 г., когда правительство клерикала Мауры втянулось въ войну съ воинственными кабилами въ Марокко. Рядъ пораженій, нанесенныхъ въ Африкѣ испанскимъ войскамъ, потребовалъ отъ правительства посылки новыхъ и новыхъ войскъ въ Марокко, между тѣмъ испанцы мало сочувствовали этой несчастной военной авантюрѣ, и въ странѣ возникли крупные безпорядки, сопровождавшіеся разрушеніемъ монастырей и нападеніями на представителей духовенства. Растерявшееся на первыхъ порахъ правительство вскорѣ собралось съ силами и съ безпощадной энергіей стало преслѣдовать дѣйствительныхъ и мнимыхъ участниковъ барселонскаго возстанія. Казнь лидера свободомыслящаго теченія Феррера вызвала всеобщее негодованіе далеко за предѣлами Пиренейскаго полуострова. Результатомъ всего этого является постоянное возрастаніе числа республиканскихъ голосовъ, а также ростъ анархизма въ странѣ.

Въ подобномъ же положеніи находится и Португалія, гдѣ государственный долгъ выросъ до такой степени, что государство уже не въ состояніи уплачивать процентовъ, не нанося ущерба всѣмъ своимъ прочимъ расходамъ; въ виду этого государство вынуждено было (въ 1902 г.) дать согласіе на нѣкотораго рода финансовый контроль со стороны своихъ иностранныхъ кредиторовъ. Попытка министра президента Франко, распустивъ парламентъ, возстановить порядокъ при помощи временной диктатуры, вызвала противъ себя сильное раздраженіе и послужила поводомъ для убійства короля Карлоса и наслѣднаго принца (7 февраля 1908 г.). Франко бѣжалъ изъ Португаліи, и новый король Мануэль временно пришелъ къ соглашенію съ парламентскимъ большинствомъ; но нѣтъ возможности предвидѣть, какимъ способомъ будетъ здѣсь устранена финансовая нужда.

Въ Бельгіи парламентская борьба концентрировалась, главнымъ образомъ, вокругъ избирательнаго права и школы. Въ 1893 и 1899 г.г. произошли реформы избирательнаго права, причемъ введены были всеобщее избирательное право съ множественнымъ вотумомъ и пропорціональные выборы. Вслѣдствіе этого значительно увеличилось число клерикальныхъ и соціалистическихъ голосовъ, а либералы были вытѣснены какъ изъ парламента, такъ и изъ коммунальнаго управленія. Съ 1894 г. въ Бельгіи господствуетъ въ парламентѣ прочное клерикальное большинство, которое провело школьный законъ, введшій во всѣхъ общественныхъ школахъ обязательное обученіе религіи подъ церковнымъ надзоромъ и предоставившій клерикальнымъ частнымъ школамъ орденовъ и духовныхъ корпорацій такое же пособіе со стороны государства, какъ и общиннымъ школамъ. Соціалисты надѣятся на измѣненіе въ соотношеніи парламентскихъ силъ послѣ введенія всеобщаго равнаго избиратель-

наго права; но ихъ попытка принудить правительство къ введенію такого закона путемъ общей забастовки (въ 1902 г.) потерпѣла неудачу.

Въ Нидерландахъ на первомъ планѣ стояли тѣ же вопросы. Новый избирательный законъ 1896 г. сильно понизилъ цензъ, и число избирателей увеличилось здѣсь съ 280000 до 600000. Въ результатѣ была побѣда либераловъ на ближайшихъ выборахъ; имъ удалось провести въ новомъ законѣ 1900 г. о народныхъ школахъ обязательное посѣщеніе государственной школы и личную воинскую повинность безъ права выставлять, вмѣсто себя, замѣстителя. Съ 1901 по 1905 гг. у власти стоялъ консервативно-клерикальный кабинетъ; главнымъ актомъ его было изданіе закона, по которому забастовка въ общественныхъ предпріятіяхъ подлежитъ уголовной карѣ (въ 1903 г.); второй законъ, принятый этимъ большинствомъ, признаетъ равноправность такъ называемыхъ вольныхъ университетовъ съ государственными. Выборы 1905 г. вернули большинство либераламъ.

Въ Даніи старинный конфликтъ между короною и второй палатой снова вспыхнулъ въ 1907 г., хотя и въ болѣе умѣренной формѣ; онъ кончился уступкой со стороны правительства. Постепенно и здѣсь, повидимому, одерживаетъ побѣду парламентскій принципъ, согласно которому министерство должно составляться изъ парламентскаго большинства.

Болѣе важное значеніе имѣли событія въ Швеціи и Норвегіи. Стремленіе Норвегіи совершенно выдѣлиться изъ уніи со Швеціей приняло болѣе опредѣленныя формы съ тѣхъ поръ, какъ въ 1897 г. радикальная партія получила въ стортингѣ большинство двухъ третей и такимъ образомъ располагала возможностью приступить къ измѣненію конституціи. Въ Норвегіи все настойчивѣе требовали особаго консульскаго представительства за границей и особаго флага. Оба эти требованія были послѣдовательно отклонены королемъ Оскаромъ и шведскимъ парламентомъ. Когда въ слѣдующіе затѣмъ годы Швеція стала усиливать армію и ввела всеобщую воинскую повинность, въ Норвегіи отнеслись къ этимъ мѣрамъ какъ къ угрозѣ, и раздраженіе еще болѣе усилилось. Въ 1905 г. норвежцы возобновили свое требованіе особыхъ консульствъ. Такъ какъ король не хотѣлъ дать согласія на законъ, принятый парламентомъ, то министерство вышло въ отставку, и король не нашелъ лицъ, которыя взяли бы на себя образованіе министерства вопреки парламенту. Тогда парламентское большинство объявило, что такъ какъ конституціоннаго министерства не существуетъ, то правленіе короля Оскара слѣдуетъ считать прекратившимся, и расторгло, такимъ образомъ, унію; народное голосованіе подтвердило это рѣшеніе, и въ октябрѣ 1905 г. король Оскаръ долженъ былъ признать отпаденіе Норвегіи. Спустя нѣсколько недѣль послѣ этого стортингъ избралъ королемъ датскаго принца Фридриха, который принялъ имя Гакона VII.

Въ Швейцаріи за послѣдніе годы былъ проведенъ цѣлый рядъ крупныхъ органическихъ законовъ: обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ съ участіемъ Союза, покупка Союзомъ всѣхъ большихъ желѣзнодорожныхъ линій, военное страхованіе и однообразное гражданское законодательство (1907). Введеніе референдума въ общемъ явилось элементомъ, тормозя-

щимъ законодательство, хотя, въ концѣ концовъ, этотъ порядокъ не помѣшалъ осуществленію ни одной изъ крупныхъ реформъ.

Уроки греко-турецкой войны 1897 г. не были использованы Греціей, которая совершенно прозябала въ то время, какъ Болгарія, Румынія и отчасти Сербія дѣлали героическія усилія для созданія хорошей военной организаціи и для усовершенствованія своей экономической жизни. Во главѣ Греціи стоялъ министръ Теотокисъ, ловкій діалектикъ и искусный парламентскій боецъ, направлявшій всѣ силы своего ума къ усыпленію народа и къ сохраненію того покоя, подъ которымъ нерѣдко кроются самыя страшныя язвы. Когда въ Турціи произошла революція, и Болгарія сумѣла воспользоваться ею для провозглашенія своей независимости, Греція также задумала вознаградить себя на счетъ Турціи, и казалось, что присоединеніе Крита очень близко. Однако, правительство Теотокиса дѣйствовало настолько вяло, что удобный моментъ былъ пропущенъ, и Турція, уладивъ свои недоразумѣнія съ Австріей и Болгаріей, стала угрожать Греціи войной, если она въ самой категорической формѣ не откажется отъ мысли о присоединеніи къ себѣ Крита. Греція отступила предъ грознымъ жестомъ Турціи, предоставивъ критскій вопросъ усмотрѣнію державъ-покровительницъ. Но и такое отступленіе не удовлетворило оттоманскаго правительства, и Греція безъ всякихъ уловокъ вынуждена была разъ навсегда отказаться отъ всякихъ притязаній на Критъ. Поведеніе Теотокиса вызвало крайнее раздраженіе среди греческаго населенія, въ особенности среди военныхъ, и 8 іюля 1909 г. офицеры аѳинскаго гарнизона образовали лигу, въ которую вскорѣ вошло много другихъ военныхъ, и выставили требованіе объ удаленіи Теотокиса. Помимо этого, офицеры настаивали и на удаленіи наслѣдника престола отъ верховнаго командованія арміей и другихъ принцевъ отъ занимаемыхъ ими военныхъ должностей. Военная лига оказалась настолько сильной, что пришлось подчиниться всѣмъ ея требованіямъ, и мѣсто Теотокиса занялъ сперва Ралли, а затѣмъ, когда послѣдній вызвалъ недовольство лиги, Мавромихалисъ. Положеніе его въ палатѣ, гдѣ огромное большинство состоитъ изъ сторонниковъ либо Теотокиса, либо Ралли, очень затруднительно; кромѣ того, военная лига идетъ въ своихъ стремленіяхъ все дальше и дальше, такъ что одно время можно было опасаться даже династическаго кризиса. Положеніе въ Греціи и до сихъ поръ продолжаетъ быть крайне неопредѣленнымъ, тѣмъ болѣе, что въ январѣ 1910 г. съ выходомъ въ отставку Мавромихалиса рѣшено созвать національное собраніе съ полномочіями настоящаго учредительнаго собранія.

13. Россія за послѣднія десятилѣтія.

Мы видѣли, что въ Россіи въ началѣ девяностыхъ годовъ ясно выдвинулись впередъ двѣ новыя черты народной и государственной жизни. Эти черты были: съ одной стороны, все ярче и грознѣе проявлявшееся истощеніе производительныхъ силъ страны, обнаруживавшееся въ чрезвычайномъ

упадкѣ земледѣльческаго хозяйства и платежеспособности населенія; съ другой стороны, сильное развитіе—подъ вліяніемъ опредѣленной экономической политики правительства—обрабатывающей промышленности и капитализма. Это послѣднее, въ свою очередь, при истощенности внутренняго рынка, обусловливало необходимость пріобрѣтенія и расширенія внѣшнихъ рынковъ, въ погонѣ за которыми внѣшняя политика Россіи все болѣе сосредоточивала свою дѣятельность на востокѣ, стремясь здѣсь пробиться къ открытому морю. Страшный голодъ 1891—1893 гг. заставилъ и общество пробудиться отъ долговременной прострацiи, наступившей послѣ 1 марта 1881 года, и передъ правительствомъ грозно поставилъ проблему подъема земледѣльческаго хозяйства и благосостоянія народныхъ массъ.

Между тѣмъ отношеніе правительства къ обществу оставалось прежнее, основанное на принципахъ административной опеки и бюрократическаго самовластія съ полнымъ отрицаніемъ всякой самостоятельности и свободной самодѣятельности существующихъ общественныхъ организацій. Съ восшествіемъ на престолъ 20 октября 1894 г. молодого императора Николая II въ обществѣ распространились надежды на коренное измѣненіе курса, и представители нѣкоторыхъ земствъ (въ особенности тверского) попытались выразить эти надежды въ первомъ своемъ привѣтѣ Государю; но отвѣтъ императора Николая, назвавшаго эти надежды безсмысленными мечтаніями, не замедлилъ ихъ въ корнѣ разрушить. Въ рѣчи, обращенной 17 января 1895 г. къ представителямъ всѣхъ дворянскихъ и земскихъ собраній и городскихъ думъ, молодой императоръ сказалъ: «Пусть всѣ знаютъ, что я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный покойный родитель». И, дѣйствительно, царствованіе Николая Александровича явилось съ этого момента прямымъ продолженіемъ царствованія его отца. Всѣ министры императора Александра остались на своихъ мѣстахъ за исключеніемъ лишь министра путей сообщенія Кривошеина, уволеннаго вслѣдствіе обнаруженныхъ въ его дѣйствіяхъ злоупотребленій корыстнаго свойства.

Блестящимъ продолжателемъ финансовой политики, начатой Вышнеградскимъ, явился С. Ю. Витте, назначенный министромъ финансовъ еще въ 1892 г., когда заболѣвшій Вышнеградскій сошелъ со сцены. Побѣдоносцевъ не только сохранилъ свое мѣсто, но сохранилъ и свою руководящую роль въ вопросахъ общей политики и въ особенности въ вопросахъ направленія народнаго міросозерцанія, вопросахъ религіозныхъ и народнаго просвѣщенія. Уже 13 января 1895 г. онъ выхлопоталъ щедрое воспособленіе отъ казны церковно-приходскимъ школамъ въ размѣрѣ 700 тысячъ рублей. Сохранили свои мѣста и безгласный Деляновъ (до своей смерти въ 1898 г.), и скромный замѣститель Толстого И. Н. Дурново, и др. министры. Для подъема земледѣльческой производительности страны еще въ 1893 г. основано было особое бюрократическое вѣдомство—министерство земледѣлія, во главѣ котораго

стоялъ благожелательный, но безсильный что-нибудь сдѣлать агрономъ-бюрократъ А. С. Ермоловъ (до 1905 г.).

Главнымъ очереднымъ дѣломъ царствованія, на которомъ императоръ Николай сосредоточилъ съ самаго же начала свое особое вниманіе, явилась постройка Сибирской желѣзной дороги. Связанное съ ней усиленное переселенческое движеніе въ Сибирь представлялось въ то же время самымъ дѣйствительнымъ средствомъ если не къ устраненію, то къ ослабленію крестьянскаго малоземелья и, слѣдовательно, къ подъему крестьянскаго благосостоянія. И. Н. Дурново, хотѣвшій, во что бы то ни стало, стѣснить свободу переселеній, фактически существовавшую вопреки всѣмъ бюрократическимъ распоряженіямъ и циркулярамъ, былъ перемѣщенъ изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ въ предсѣдатели комитета министровъ вмѣсто умершаго въ 1895 г. Н. Х. Бунге. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ И. Л. Горемыкинъ, считавшійся знатокомъ крестьянскаго дѣла. Государственный совѣтъ еще въ 1893 г., разсматривая законопроектъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, высказалъ, подъ вліяніемъ обнаружившагося въ голодные годы разстройства крестьянскаго хозяйства, нѣсколько соображеній о необходимости «законодательнаго пересмотра дѣйствующихъ о крестьянахъ законоположеній», для чего предполагалъ предварительно образовать особую внѣвѣдомственную комиссію. При Горемыкинѣ крестьянскій вопросъ не двинулся, однако, впередъ, а между тѣмъ у него произошло рѣзкое столкновеніе съ Витте изъ-за вопроса о введеніи земства въ неземскихъ губерніяхъ, на которыя предположено было распространить земское положеніе 1890 г. въ усѣченномъ видѣ съ меньшею самостоятельностью земскихъ учрежденій и съ лишеніемъ права участвовать въ нихъ различныхъ категорій населенія. Витте доказывалъ, что такое земство не имѣетъ смысла, и что вообще мѣстное самоуправленіе въ неограниченной монархіи есть аномалія, такъ какъ безъ извѣстной самостоятельности и свободы своей дѣятельности земскія учрежденія не могутъ правильно функціонировать, а при свободѣ и независимости этихъ учрежденій отъ администраціи они неизбѣжно подтачиваютъ самодержавный строй и подготовляютъ его замѣну представительной формой правленія. Въ результатѣ этой полемики, которая не могла быть сохранена въ тайнѣ, хотя и велась въ формѣ секретныхъ записокъ, вопросъ о распространеніи земства былъ снятъ съ очереди, усилились всевозможныя попытки администраціи еще болѣе стѣснить кругъ дѣятельности существующихъ земствъ, а Горемыкинъ былъ уволенъ въ отставку и на его мѣсто назначенъ кандидатъ придворныхъ сферъ егермейстеръ Сипягинъ.

Между тѣмъ въ концѣ 90-хъ гг. и въ началѣ 900-хъ крестьянскій вопросъ и въ особенности его аграрная сторона рѣзко обострились: уже въ 1898 г. происходилъ цѣлый рядъ крестьянскихъ волненій и безпорядковъ на югѣ, гдѣ въ особенности были тяжелы условія арендованія помѣщичьихъ земель крестьянами; въ 1902 г. аграрные безпорядки въ Полтавской, Харьковской и отчасти въ Саратовской губерніяхъ приняли характеръ стройнаго и организованнаго дви-

женія, выражавшагося въ захватѣ крестьянами и раздѣлѣ ими между собой помѣщичьяго имущества и кое-гдѣ въ разрушеніи помѣщичьихъ экономій. Витте давно уже указывалъ на необходимость пересмотра законовъ о крестьянахъ и установленія «правопорядка» въ деревнѣ. Сипягинъ, въ свою очередь, выставилъ необходимость скорѣйшаго урегулированія крестьянскаго управленія, и вотъ почти одновременно открываются въ 1902 г. работы особой комиссіи для пересмотра крестьянскаго положенія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и работы особаго внѣвѣдомственнаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Витте о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Еще ранѣе въ составѣ министерства финансовъ учреждена была комиссія по вопросу объ истощеніи центральныхъ черноземныхъ губерній. Въ обоихъ послѣднихъ совѣщаніяхъ предоставлено было довольно широкое участіе представителямъ земствъ, стремленіе которыхъ къ самодѣятельности и освобожденію земства отъ опеки и вмѣшательства администраціи не прекращалось, а, наоборотъ, развивалось съ начала девяностыхъ годовъ. Разработка вопросовъ «о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности» была перенесена на мѣста и поручена особымъ комитетамъ, уѣзднымъ и губернскимъ, въ которыхъ представители земствъ и даже земскіе служащіе (статистики, врачи, учителя и т. д.) получили возможность болѣе или менѣе откровенно изложить свои взгляды на мѣстныя нужды и желательное направленіе внутренней политики, причемъ Витте гарантировалъ имъ свободу заявленія ихъ мнѣній. Между тѣмъ въ апрѣлѣ 1902 г. Сипягинъ былъ убитъ, и на его мѣсто назначенъ былъ Плеве, который не только усилилъ до крайности репрессіи противъ лицъ, принимавшихъ участіе въ революціонномъ движеніи или пропагандѣ, но и вообще сталъ рѣзко подавлять всякія независимыя проявленія общественной самодѣятельности и всякую несогласную со взглядами правящей бюрократіи мысль. Онъ обрушился на самого Витте и добился перемѣщенія его съ поста министра финансовъ на менѣе вліятельное мѣсто предсѣдателя комитета министровъ. Аграрныя волненія рѣшено было подавить вооруженной силою, и въ мѣстности, гдѣ они происходили, отправлены были войска на постой, которымъ поручено было взыскать съ крестьянъ, еще ранѣе подвергнутыхъ суровымъ экзекуціямъ, тѣ убытки, которые причинены были ими помѣщичьимъ экономіямъ, и которые временно были возмѣщены изъ средствъ казны.

Между тѣмъ въ 90-хъ гг. начались также сознательныя и организованныя выступленія фабричныхъ рабочихъ, число которыхъ къ этому времени достигло слишкомъ двухъ милліоновъ душъ. Сперва рабочіе объединялись на почвѣ своихъ экономическихъ требованій и нуждъ, вступивъ въ организованную борьбу съ фабрикантами въ формѣ стачекъ и забастовокъ, причемъ имъ удалось добиться во многихъ случаяхъ существенныхъ улучшеній и даже нѣкотораго ограниченія эксплуатаціи ихъ труда предпринимателями. Само правительство признавало необходимость постепеннаго развитія фабричнаго законодательства и защиты элементарныхъ интересовъ труда отъ злоупотребленія капиталистической эксплуатаціи. Однако, при стачкахъ

полиція чаще всего поддерживала интересы фабрикантовъ, и отношенія между ней и рабочими постепенно обострялись. Въ концѣ 90-хъ гг. рабочіе начинаютъ все тѣснѣе сходиться съ представителями революціонной молодежи и уже принимаютъ участіе въ демонстраціяхъ, устраиваемыхъ революціонерами и студентами. Попытка тайной полиціи вырвать рабочихъ изъ рукъ революціонныхъ пропагандистовъ при помощи цѣлой системы своеобразныхъ демагогическихъ организацій, руководимыхъ по плану бывшаго революціонера Зубатова, поступившаго на службу полиціи, повела только къ еще болѣе сильному развитію организаціи въ средѣ рабочихъ массъ, среди которыхъ стало опредѣленно пробиваться сознаніе невозможности правильной и успѣшной экономической борьбы за свои интересы при существующемъ полицейскомъ режимѣ и необходимости пріобрѣтенія прежде всего политическихъ правъ.

Что касается интеллигенціи, то оживленіе, начавшееся въ этой средѣ послѣ голода 1891—93 гг., ознаменовалось прежде всего движеніемъ идей. Интеллигенція и въ особенности молодежь, какъ въ 60-ыхъ и 70-ыхъ гг., опять обратилась къ обсужденію соціальныхъ и политическихъ проблемъ, причемъ на первый планъ выступили споры между народниками и марксистами,—споры, захватившіе всю передовую періодическую печать и поведшіе къ нескончаемымъ диспутамъ и въ частныхъ, и въ общественныхъ собраніяхъ, въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, на студенческихъ вечеринкахъ и т. д. Параллельно съ этимъ началось студенческое движеніе, выражавшееся вначалѣ въ протестахъ противъ режима, введеннаго въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ уставомъ 1884 года, и въ требованіяхъ предоставленія студентамъ нѣкоторой свободы и самодѣятельности въ ихъ внутренней жизни: права сходокъ, различныхъ корпоративныхъ учрежденій и т. п. Наряду съ этимъ молодежь стремится организовать и укрѣпить свою связь съ рабочимъ движеніемъ. Провозвѣстники русскаго марксизма становятся настоящими властителями думъ молодого поколѣнія. Оживляется и печать, среди ея представителей также начинается профессіональное движеніе, и вмѣстѣ формулируются требованія большаго простора и освобожденія отъ гнета цензурнаго устава и бюрократическаго произвола; дѣлаются попытки подачи опредѣленныхъ коллективныхъ заявленій правительству; удается въ 1897 г. получить разрѣшеніе на образованіе профессіональнаго союза писателей и суда чести при немъ. Органы печати строже и рѣзче распредѣляются подъ опредѣленными знаменами. Обостряется борьба литературныхъ партій, даже провинціальная печать замѣтно оживляется, несмотря на предварительную цензуру и полный произволъ цензоровъ. Въ то же время начинаютъ оживляться и освѣжаться новыми силами и революціонные кружки, совершенно разгромленные въ концѣ 80-ыхъ годовъ.

Въ 1894 г. дѣлается попытка примирить различныя партійныя теченія между собой на почвѣ соединенной борьбы радикаловъ всѣхъ направленій противъ самодержавія и отстаиванія народныхъ правъ.

Однако, образовавшаяся съ такими задачами партія «Народнаго права» вскорѣ разрушается вслѣдствіе предательства, повлекшаго за собой полный

Фототип-я А. Ф. Дресслера
Спб Б. Подьяческая 27

разгромъ этой организаціи. Но на ея мѣсто въ концѣ 90-хъ гг. становятся уже двѣ чисто-партійныя организаціи, соотвѣтствовавшія по принятымъ ими программамъ двумъ соперничавшимъ въ это время общественнымъ радикальнымъ теченіямъ: народничеству и марксизму. Представителями перваго теченія въ революціонныхъ кружкахъ явились соціалисты-революціонеры, выставлявшіе въ области практической политики на первый планъ аграрный вопросъ и вскорѣ въ борьбѣ съ правительствомъ обратившіеся къ организованному террору. Представителями второго теченія явились соціалъ-демократы, выработавшіе къ началу девятисотыхъ годовъ программу русской соціалъ-демократической партіи, поставившей очередною своею задачей организацію городского пролетаріата.

Въ 1899 г. студенческія волненія дошли до своего апогея. Избіеніе студентовъ на улицахъ Петербурга казаками послѣ акта 8 февраля въ университетѣ, гдѣ былъ освистанъ ректоръ Сергѣевичъ, страшно обострило настроеніе студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній и сразу придало ихъ борьбѣ противоправительственный политическій характеръ. Господствующей формой борьбы впервые сдѣлались забастовки, сопровождаемыя такъ называемой «обструкціей», т.-е. насильственнымъ воздѣйствіемъ на товарищей, не желавшихъ прекращать занятій. Правительство отвѣчало на это особыми правилами о сдачѣ виновныхъ въ солдаты, изданными 29 іюля 1899 г. послѣ разслѣдованія дѣла особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ ген. Ванновскаго. Въ 1900 г. эта мѣра была примѣнена къ 183 студентамъ кіевскаго университета. Тогда студенты высшихъ учебныхъ заведеній разныхъ городовъ стали устраивать антиправительственныя демонстраціи на улицахъ, поддерживаемыя рабочими и публикой.

4 марта 1901 г. была устроена многолюдная демонстрація въ Петербургѣ у Казанскаго собора, разогнанная войсками. При этомъ въ числѣ пострадавшихъ и получившихъ различныя увѣчья оказалось нѣсколько наиболѣе уважаемыхъ писателей. Грубыя дѣйствія полиціи возбудили всеобщее негодованіе и вызвали цѣлый рядъ протестовъ и заявленій, подписанныхъ видными писателями, профессорами и общественными дѣятелями. За этимъ послѣдовали репрессіи: аресты, высылки, увольненія отъ службы. Союзъ писателей былъ закрытъ. Одновременно почти съ этими событіями былъ убитъ студентомъ Карповичемъ министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ. Въ высшія сферы какъ-будто проникло подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ событій на короткое время сознаніе, что въ дѣлѣ постановки образованія молодыхъ поколѣній не все обстоитъ благополучно. На постъ министра народнаго просвѣщенія былъ назначенъ, какъ лицо, облеченное особымъ довѣріемъ Государя, генералъ Ванновскій, причемъ въ рескриптѣ на его имя отъ 25 марта 1901 г. упомянуто было о необходимости внести въ дѣло завѣдыванія учебными заведеніями элементъ «сердечнаго попеченія». Однако ни генералу Ванновскому, ни его замѣстителю проф. Зенгеру не удалось внести серьезныхъ перемѣнъ въ дѣло общественнаго воспитанія въ средней школѣ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были сдѣланы кое-какія уступки движенію въ смыслѣ

дарованія студентамъ нѣкоторыхъ корпоративныхъ правъ; но уступки эти были слишкомъ ничтожны, чтобы остановить движеніе, которое пріобрѣло въ это время уже ярко-политическую окраску.

Въ это же время общественное мнѣніе было взволновано безтактными распоряженіями Синода, предписывавшими въ случаѣ смерти величайшаго изъ русскихъ писателей, Льва Толстого, лишить его, какъ еретика, христіанскаго погребенія.

Въ апрѣлѣ 1902 г. убитъ былъ министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ, послѣ чего послѣдовалъ цѣлый рядъ террористическихъ актовъ, организованныхъ партіей соціалистовъ-революціонеровъ противъ представителей репрессивной власти. Были совершены покушенія на фонъ Валя въ Вильнѣ, на Побѣдоносцева въ Петербургѣ, на Оболенскаго въ Харьковѣ, на Богдановича въ Уфѣ.

Либералы и радикалы, не принадлежавшіе къ соціалъ-революціонной и соціалъ-демократической партіямъ, въ свою очередь, рѣшили объединиться. Рѣшено было основать за границей свой собственный органъ, который былъ названъ «Освобожденіемъ», и во главѣ котораго сталъ извѣстный публицистъ П. Б. Струве, ранѣе бывшій однимъ изъ основателей и главъ русскаго марксизма, но затѣмъ отказавшійся отъ матеріалистическихъ взглядовъ и сдѣлавшійся идеалистомъ и либераломъ. Въ центрѣ этого предпріятія стояли земцы— конституціоналисты, но къ нимъ примыкали и писатели, и профессора, и представители свободныхъ профессій, объединенные общимъ сознаніемъ необходимости замѣны самодержавно-бюрократическаго строя конституціонно-демократическимъ. Были между ними и народники, и соціалъ-демократы по убѣжденіямъ, признававшіе, однако, необходимость прежде всего коренного преобразованія государственнаго строя. Всѣ эти элементы вошли и въ образовавшійся въ Россіи въ 1903 г. въ видѣ тайнаго общества «Союзъ освобожденія», конституціонно-демократическая программа котораго была выработана окончательно въ 1904 г.

Въ земскихъ кругахъ движеніе охватывало въ это время не однихъ конституціоналистовъ, но и многихъ лицъ, считавшихъ себя сторонниками самодержавія, но въ то же время бывшихъ врагами правящей бюрократіи, которая являлась въ ихъ глазахъ незаконнымъ «средостѣніемъ», отдѣлявшимъ монарха отъ народа. Это средостѣніе сдѣлалось въ особенности всѣмъ ненавистнымъ при Плеве, который стремился подавить и уничтожить всякое проявленіе самобытности, всякую независимую и не подчиняющуюся бюрократическимъ указаніямъ мысль. Мѣры, принимавшіяся Плеве къ уничтоженію послѣднихъ остатковъ земской самодѣятельности, слухи о предстоящемъ упраздненіи губернскихъ земствъ и т. п. заставляли въ особенности сплачиваться и объединяться всѣ земскіе элементы. Формой этого объединенія являлись частные земскія совѣщанія и съѣзды земцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ, противъ чего Плеве сталъ также принимать свои мѣры.

Такъ складывались и организовались общественныя группировки, направленныя болѣе или менѣе открыто къ противодѣйствію бюрократическому

гнету и полицейскому произволу. Однако исходъ этой борьбы въ 1903 г. представлялся еще крайне загадочнымъ и, во всякомъ случаѣ, сторонники освобожденія не надѣялись на близкій успѣхъ своихъ предпріятій. Начавшаяся въ январѣ 1904 г. русско-японская война рѣзко измѣнила положеніе и вызвала крахъ стараго режима гораздо ранѣе, нежели можно было надѣяться.

Правда, первыя извѣстія о нападеніи японцевъ на русскія суда первоначально всѣхъ ошеломили: въ однихъ вызвали негодованіе и подъемъ патріотическихъ чувствъ, въ другихъ недоумѣніе и смутное предчувствіе великихъ перемѣнъ, которыя можетъ повлечь за собой начинающаяся война. Но скоро выяснившіяся подробности той дальне-восточной авантюры, которая и привела къ войнѣ, преступное легкомысліе, своекорыстіе и безцеремонность нашихъ государственныхъ дѣятелей и агентовъ на Дальнемъ Востокѣ и наша боевая неподготовленность передъ лицомъ серьезной опасности, которая была вызвана нашей же собственной политикой—все это повернуло поднявшееся общественное негодованіе противъ того государственнаго строя, благодаря которому Россія была приведена въ столь печальное положеніе. Чѣмъ дальше двигались успѣхи японцевъ, чѣмъ дальше отступали наши войска, чѣмъ яснѣе обнаруживались неразумность и злоупотребленія нашей дальне-восточной политики, тѣмъ болѣе росло это негодованіе, вскорѣ проникшее и въ низшіе классы народа, на плечи которыхъ особенно тяжело ложились послѣдствія этой войны. Курсъ нашихъ денегъ между тѣмъ рѣзко падалъ, а пораженія нашихъ войскъ слѣдовали одно за другимъ. Передъ лицомъ этихъ грозныхъ событій правительство растерялось, а когда Плеве былъ убитъ разрывнымъ снарядомъ 15 іюля 1904 г., рѣшено было пойти навстрѣчу нѣкоторымъ желаніямъ и требованіямъ наиболѣе лойяльныхъ общественныхъ круговъ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ добродушный князь Святополкъ-Мирскій, которому предстояло осуществить это новое направленіе правительства, которое характеризовалось какъ эра довѣрія къ общественнымъ силамъ страны и къ общественной самодѣятельности. Печати былъ предоставленъ нѣкоторый просторъ, общество спѣшило въ рядѣ банкетовъ и различныхъ общественныхъ собраній выразить свои пожеланія, которыя всѣ клонились единодушно къ замѣнѣ существовавшаго самодержавно-бюрократическаго строя конституціоннымъ. Наконецъ, 6 ноября 1904 г. въ Петербургѣ собрался съѣздъ представителей земскихъ управъ и выдающихся гласныхъ. Съѣздъ собрался открыто, хотя въ оффиціальномъ разрѣшеніи ему и было отказано послѣ нѣкоторыхъ колебаній. Послѣ трехдневныхъ засѣданій съѣздъ, получившій массу привѣтствій съ разныхъ концовъ Россіи отъ частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій, вынесъ рядъ постановленій (въ 11 пунктахъ), въ которыхъ единодушно осудилъ существующій самодержавно-бюрократическій строй, заявилъ, что «правильное теченіе и развитіе государственной и общественной жизни возможно лишь при условіи живого и тѣснаго общенія и единенія государственной власти съ народомъ», изложилъ въ рядѣ пунктовъ своего рода «прошеніе о правахъ», причемъ особенно подчеркнулъ необходимость уравненія крестьянъ въ личныхъ правахъ съ лицами другихъ сосло-

вій, а также освобожденіе сельскаго населенія отъ административной опеки и огражденіе его правильной формой суда; заявилъ о необходимости преобразованія мѣстнаго самоуправленія на демократическихъ основаніяхъ съ введеніемъ мелкихъ земскихъ единицъ, расширеніемъ компетенціи земскихъ учрежденій и обезпеченіемъ имъ полной самостоятельности и независимости, и затѣмъ распространенія реформированныхъ земскихъ учрежденій на всѣ мѣстности Имперіи. Наконецъ, съѣздомъ была заявлена необходимость «правильнаго участія народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія въ осуществленіе законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи» и выражена надежда на немедленный созывъ свободно избранныхъ представителей народа для выработки и введенія всѣхъ этихъ преобразованій. Лишь при вотированіи 10 пункта, требовавшаго участія народнаго представительства въ законодательствѣ, отъ большинства съѣзда, состоявшаго изъ 71 члена, отдѣлилась группа въ 27 человѣкъ, желавшихъ лишь совѣщательнаго участія представителей страны въ законодательствѣ. Всѣ остальные пункты прошли единогласно. Эти постановленія земскаго съѣзда были представлены Государю черезъ министра внутреннихъ дѣлъ и затѣмъ поддержаны въ цѣломъ рядѣ конституціонныхъ заявленій и петицій различными общественными учрежденіями, въ числѣ которыхъ одною изъ первыхъ высказалась московская городская дума.

Какъ бы въ отвѣтъ на постановленія земскаго съѣзда опубликованъ былъ 12 декабря 1904 г. указъ о мѣрахъ къ усовершенствованію государственнаго порядка, въ которомъ изложена была цѣлая программа различныхъ болѣе или менѣе либеральныхъ преобразованій въ области суда, земскаго самоуправленія, крестьянскаго и рабочаго вопросовъ, положенія инородцевъ, свободы вѣроисповѣданій, ограниченія сферы дѣйствія исключительныхъ положеній и полномочій полиціи, расширенія свободы печати и т. п., но все это «при непремѣнномъ охраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи». Между тѣмъ даже московскій предводитель дворянства кн. Петръ Трубецкой, представляя 15 декабря постановленія съѣзда губернскихъ предводителей дворянства, которые въ своихъ либеральныхъ предположеніяхъ старались удержаться въ предѣлахъ «основныхъ законовъ», счелъ необходимымъ объяснить Государю, что то, «что нынѣ происходитъ, n'est pas une émeute, mais une révolution».

24 декабря палъ Портъ-Артуръ, послѣ чего въ Петербургѣ начались дѣятельныя совѣщанія отдѣловъ особаго рабочаго сообщества, разрѣшеннаго правительствомъ въ числѣ другихъ «зубатовскихъ» учрежденій, во главѣ котораго съ утвержденія полицейской власти стоялъ священникъ Георгій Гапонъ. Эти совѣщанія сопровождались колоссальной всеобщей забастовкой всѣхъ петербургскихъ фабрикъ, въ которой приняли участіе до 150000 рабочихъ. Цѣлью совѣщаній была выработка со стороны рабочихъ своихъ собственныхъ постановленій, соотвѣтствующихъ постановленіямъ земскаго съѣзда. Въ результатѣ выработана была своя «петиція о правахъ», въ которой,

Князь
СВЯТОПОЛКЪ-МИРСКІЙ.

С. Ю. ВИТТЕ.

Г. ГАПОНЪ.

конечно, ярко выражены были спеціальныя нужды рабочихъ, но такъ же, какъ и въ земской петиціи, на первомъ планѣ стояли политическія требованія. Петиція составлена была въ ясныхъ и рѣшительныхъ, но совершенно лояльныхъ выраженіяхъ и должна была быть подана Царю 9 января 1905 г. непосредственно самими выработавшими и принявшими ее рабочими, которые съ этой цѣлью направились ко дворцу съ разныхъ сторонъ города и его предмѣстій. Наканунѣ (8 января) происходило собраніе представителей печати и нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей, которые, желая предупредить правительство о готовящихся совершенно мирныхъ шествіяхъ рабочихъ, послали особую депутацію къ Святополку-Мирскому и Витте съ просьбой принять мѣры къ устраненію возможнаго столкновенія полиціи и войска съ этими мирными манифестантами. Святополкъ-Мирскаго депутація не застала; Витте ее принялъ, но далъ уклончивый отвѣтъ. На другой день всѣ эти депутаты были арестованы и посажены въ крѣпость, причемъ въ правительственныхъ сферахъ распространялся слухъ, что это «члены временнаго правительства». Рабочіе были встрѣчены картечью и ружейными выстрѣлами, причемъ изъ ихъ числа и изъ числа застигнутыхъ на улицахъ случайныхъ прохожихъ было убито и ранено до 2000 народа. Этотъ ужасный и непредвидѣнный исходъ мирной манифестаціи произвелъ въ обществѣ и въ народѣ потрясающее впечатлѣніе. Въ общественныхъ собраніяхъ открыто дѣлались и принимались вполнѣ революціонныя предложенія. Дѣйствія полиціи и войскъ вызывали повсюду рѣзкое осужденіе, офицеры на улицахъ подвергались оскорбленіямъ. Въ пользу семей убитыхъ и раненыхъ рабочихъ повсюду открыто происходилъ сборъ пожертвованій. Самъ государь съ императрицей пожертвовалъ въ пользу пострадавшихъ 50000 рублей. 9 января 1905 г. рѣзко усилило революціонное настроеніе въ обществѣ и въ народныхъ массахъ. Послѣдовалъ длинный рядъ заявленій и демонстративныхъ постановленій различныхъ учрежденій и общественныхъ группъ съ выраженіемъ сочувствія пострадавшимъ 9 января рабочимъ и негодованія по адресу начальствъ, виновныхъ въ происшедшихъ кровавыхъ событіяхъ.

Святополкъ-Мирскій въ январѣ же вышелъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ былъ довольно заурядный чиновникъ Булыгинъ, но нити всѣхъ дѣлъ и отношеній все болѣе и болѣе сосредоточивались въ рукахъ предсѣдателя комитета министровъ С. Ю. Витте, которому поручено было и общее направленіе дѣлъ по исполненію указа 12 декабря 1904 г.

4 февраля въ Москвѣ былъ убитъ великій князь Сергій Александровичъ. 18 февраля были даны Высочайшій манифестъ, рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ и указъ сенату. Эти три акта произвели весьма неодинаковое впечатлѣніе на публику: манифестъ призывалъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Государя къ упорной борьбѣ съ врагами внѣшними и внутренними, въ рескриптѣ же объявлялось намѣреніе Государя «привлекать достойнѣйшихъ довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній». Для выработки соотвѣтствующаго положенія образовывалось подъ

предсѣдательствомъ Булыгина особое совѣщаніе. Не менѣе важенъ по своимъ послѣдствіямъ былъ указъ сенату, которымъ всѣмъ частнымъ лицамъ, «радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ», предоставлялось представлять свои соображенія въ совѣтъ министровъ, который долженъ былъ ихъ разсматривать подъ предсѣдательствомъ самого государя. Этотъ важный указъ послужилъ въ ближайшіе мѣсяцы основаніемъ, по которому частныя лица собирались въ многолюдныя собранія и митинги и обсуждали на нихъ безпрепятственно всѣ вопросы государственнаго и общественнаго устройства страны съ цѣлью сообщенія своихъ резолюцій, нерѣдко совершенно революціоннаго содержанія совѣту министровъ. Тѣмъ свободнѣе могли собираться и обсуждать тѣ же вопросы представители земскихъ учрежденій, съѣзды которыхъ собирались въ теченіе всего 1905 г., причемъ одни изъ нихъ, собиравшіеся тѣмъ же бюро, которымъ былъ собранъ и ноябрьскій съѣздъ 1904 г., состояли изъ предсѣдателей управъ и гласныхъ, входившихъ въ составъ прежнихъ съѣздовъ. Эти съѣзды считались какъ бы представителями всего земства и именовались шиповскими. Другіе состояли исключительно изъ земцевъ-конституціоналистовъ, причемъ въ составъ ихъ входили и нѣкоторые представители такъ называемаго «3-го элемента», т.-е. земскіе служащіе. Эти съѣзды именовались новосильцовскими. Въ составъ ихъ входили многіе члены Союза Освобожденія. Къ веснѣ 1905 г. на съѣздахъ этихъ и въ особомъ совѣщаніи, собранномъ въ Москвѣ подъ именемъ аграрнаго съѣзда, были разработаны основныя положенія аграрной программы, причемъ земцы-конституціоналисты и даже члены шиповскихъ съѣздовъ, идя навстрѣчу многочисленнымъ заявленіямъ крестьянскихъ обществъ и поступаясь своими классовыми интересами, провозглашали принципъ экспропріаціи частно-владѣльческихъ земель (за справедливое вознагражденіе), причемъ земли эти вмѣстѣ съ казенными, удѣльными и монастырскими землями должны были составить особый государственный фондъ для надѣленія дополнительными надѣлами безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ. Послѣ Цусимской катастрофы въ маѣ 1905 г. въ Москвѣ состоялся такъ называемый коалиціонный съѣздъ, въ составъ котораго вошли участники какъ общеземскихъ шиповскихъ съѣздовъ, такъ и съѣздовъ земцевъ-конституціоналистовъ, а также и многіе изъ представителей городскихъ думъ. На этомъ съѣздѣ выбрана была особая депутація, въ составѣ 14 человѣкъ для представленія государю принятаго съѣздомъ адреса, редактированнаго профессоромъ московскаго университета, кн. С. Н. Трубецкимъ, который явился и ораторомъ депутаціи передъ лицомъ императора Николая. Депутація принята была 6 іюня въ Красномъ Селѣ. Адресъ, представленный депутаціей, въ которомъ заключалась просьба земскихъ людей о скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей, заканчивался знаменательными словами: «Государь! Въ рукахъ Вашихъ честь и могущество Россіи, ея внутренній миръ, отъ котораго зависитъ и внѣшній миръ ея, въ рукахъ Вашихъ держава Ваша, Вашъ престолъ, унаслѣдованный отъ предковъ. Не медлите, Государь! Въ страшный часъ испытанія народнаго велика отвѣтственность Ваша передъ Богомъ и

Переговоры о мирѣ въ Портсмутѣ.

Россіей». Къ этому времени въ публику уже проникли кое-какіе слухи о направленіи работъ особаго совѣщанія Булыгина, и потому въ рѣчи, обращенной къ Государю, кн. Трубецкой, хотя и не ссылаясь на эти слухи, высказалъ, однако, нѣсколько существенныхъ соображеній о томъ, что будущее народное собраніе или Государственная Дума должны быть составлены изъ представителей безъ различія національностей и вѣроисповѣданій, «чтобы не было безправныхъ и обездоленныхъ». «Народное представительство—сказалъ далѣе Трубецкой—должно служить дѣлу объединенія и мира внутренняго. Поэтому также нельзя желать, чтобы представительство было сословнымъ»... Указывая, что бюрократія не должна узурпировать державныхъ правъ Государя, и что собраніе выборныхъ представителей «не можетъ быть заплатой на старой системѣ бюрократическихъ учрежденій», Трубецкой доказывалъ, что это собраніе должно быть поставлено самостоятельно, и что между нимъ и Государемъ «не можетъ быть воздвигнута новая стѣна въ лицѣ высшихъ бюрократическихъ учрежденій Имперіи». Нѣкоторая часть этихъ замѣчаній не осталась безъ вліянія на ходъ работъ Булыгинскаго совѣщанія.

6-го августа 1905 г., послѣ заключенія мира съ Японіей, было, наконецъ, опубликовано «учрежденіе Государственной Думы», принятое публикой безъ особаго восторга и даже съ разочарованіемъ. «Булыгинская» Дума, какъ ее окрестили въ обществѣ, была въ сущности законовѣщательнымъ учрежденіемъ при Государственномъ Совѣтѣ. Заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи этого положенія Государь Императоръ сохранялъ исключительно за собой. Въ положеніи не было установлено, чтобы всякій новый законъ проходилъ непремѣнно чрезъ Думу. Отъ участія въ Думѣ были совершенно устранены такіе классы населенія, какъ интеллигенція, не владѣющая опредѣленнымъ цензомъ, рабочій классъ и ремесленники. Впрочемъ, положенію 6 августа не суждено было получить дѣйствительнаго осуществленія. Оно не внесло никакого успокоенія въ настроеніе населенія, которое становилось все болѣе и болѣе тревожнымъ. Еще лѣтомъ произошли крупныя волненія въ Черноморскомъ флотѣ, причемъ броненосецъ «Потемкинъ» взбунтовался, и усмирять его силою было, повидимому, невозможно, такъ какъ и на другихъ судахъ настроеніе командъ было далеко не надежное. Приходили слухи съ востока, что въ арміи, возвращающейся съ войны, царствуетъ общее недовольство и броженіе. Широкое профессіональное движеніе привело къ образованію цѣлаго ряда союзовъ, въ которые входили лица всѣхъ главнѣйшихъ профессій. Эти союзы ставили себѣ опредѣленныя политическія цѣли, въ основаніе которыхъ ставилась борьба съ самодержавіемъ. Къ осени они объединились и учредили по плану Союза Освобожденія особую союзную организацію спеціально для политической борьбы подъ названіемъ Союза Союзовъ. Главнѣйшимъ средствомъ борьбы признана была всеобщая забастовка, которая при извѣстномъ единодушіи въ настроеніи различныхъ слоевъ населенія дѣйствительно была въ состояніи совершенно остановить на извѣстное время весь ходъ народной и государственной жизни.

Средство это и было примѣнено въ первой половинѣ октября 1905 г. съ огромнымъ единодушіемъ и успѣхомъ. Въ этой первой всеобщей забастовкѣ приняли участіе не только всѣ промышленныя и торговыя заведенія, желѣзныя дороги, органы городского хозяйства, учебныя заведенія, адвокаты и проч., но остановили свои занятія даже правительственныя учрежденія и суды. Забастовка продолжалась съ 12 до 17 октября, и правительство должно было убѣдиться въ томъ, что законъ 6 августа недостаточенъ, чтобы внести умиротвореніе въ умы населенія. При такихъ обстоятельствахъ по докладу предсѣдателя комитета министровъ гр. Витте, Государь Императоръ рѣшилъ дать настоящую конституцію странѣ и призвать всѣ классы населенія къ участію въ законодательной власти. Въ манифестѣ 17 октября выражена была непреклонная воля Государя: «1) Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній, союзовъ. 2) Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ за симъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку. И 3) установить, какъ необходимое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы, и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей».

Этотъ историческій актъ знаменовалъ огромную коренную перемѣну въ существовавшемъ до того времени государственномъ строѣ. Однако, онъ все же далеко не соотвѣтствовалъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись не только соціалистами-революціонерами и соціалъ-демократами, мечтавшими объ учрежденіи республики, но даже и требованіямъ конституціоналистовъ-демократовъ, широко распространенныхъ въ странѣ, которые желали созыва собранія съ учредительными функціями, избраннаго всеобщимъ избирательнымъ правомъ, причемъ разсчитывали на установленіе демократическаго парламентарнаго строя. Конституціоналисты-демократы, объединившіеся на съѣздѣ, собранномъ въ Москвѣ въ октябрѣ 1905 г. въ открытую политическую партію, предполагали, однако, добиваться осуществленія своей программы при помощи Думы и потому дѣятельно стали готовиться къ выборамъ. Группы же, лѣвѣе ихъ стоявшія, увлекаясь одержанной надъ старымъ строемъ побѣдой, хотѣли продолжать борьбу немедленно при помощи новыхъ всеобщихъ забастовокъ, причемъ намѣревались отъ нихъ при первой возможности перейти и къ вооруженному возстанію. Между тѣмъ уже первая всеобщая забастовка, хотя и прошла съ грандіознымъ успѣхомъ, вызвала, однако, недовольство и реакціонное настроеніе въ нѣкоторыхъ кругахъ населенія, мало сочувствовавшихъ происшедшимъ перемѣнамъ и потерпѣвшихъ отъ революціи и забастовокъ значительные матеріальные убытки. Тотчасъ же послѣ изданія манифеста 17 октября эти группы выступили съ

активными протестами противъ этихъ событій, причемъ протестъ этотъ выразился въ рядѣ дикихъ погромовъ и избіеній интеллигенціи, учащихся и евреевъ, напоминавшихъ прежнія сцены еврейскихъ безпорядковъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ даже превосходившихъ. Мѣстныя полицейскія власти въ большинствѣ случаевъ относились къ этимъ явленіямъ, по крайней мѣрѣ, безучастно, если не прямо сочувственно. Поощрители и возбудители черносотенныхъ погромовъ, какъ оказалось впослѣдствіи, были даже въ составѣ центральныхъ правительственныхъ учрежденій и именно въ департаментѣ полиціи. Но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что среди самого населенія, въ особенности въ темныхъ народныхъ массахъ, развивалось въ это время враждебное чувство къ забастовщикамъ, которому организаторы черносотенныхъ силъ, выступившіе подъ флагомъ «союза истинно-русскихъ людей», успѣшно придали патріотическій видъ. Не обращая вниманія на эти явленія, а, можетъ-быть, даже раззадоренные ими представители лѣвыхъ группъ нетерпѣливо требовали продолженія борьбы и объявленія новыхъ всеобщихъ забастовокъ. Въ концѣ октября и въ ноябрѣ забастовали многія желѣзныя дороги и всѣ почтово-телеграфные служащіе, причемъ выставлялись одновременно и политическія и профессіональныя требованія. Въ то же время въ деревняхъ во многихъ губерніяхъ вспыхнули крестьянскія возстанія, и начались погромы и поджоги помѣщичьихъ усадьбъ, съ увозомъ хлѣба, грабежомъ движимости, уводомъ и порчей скота. Среди земцевъ-помѣщиковъ и представителей крупной торговли и промышленности выдѣлились въ это время элементы, ранѣе сочувствовавшіе движенію, пока дѣло шло, главнымъ образомъ, объ ограниченіи бюрократическаго произвола, а теперь рѣзко обнаружившіе консервативное настроеніе, какъ только дѣло коснулось серьезныхъ покушеній на существующій соціальный строй. Эти элементы сложились въ союзъ 17 октября и торгово-промышленную партію, которые подъ конституціоннымъ флагомъ и съ сохраненіемъ въ своихъ программахъ различныхъ либеральныхъ требованій устремили, однакоже, главныя свои усилія отнынѣ на борьбу съ революціонными проявленіями. Назначенный послѣ 17 октября премьеръ-министромъ графъ Витте попробовалъ, однако, опереться не на нихъ, а на пользовавшуюся гораздо бо̀льшимъ престижемъ въ странѣ партію конституціоналистовъ-демократовъ и прогрессивную часть членовъ земскихъ съѣздовъ. Эта попытка ему не удалась, такъ какъ конституціоналисты-демократы соглашались оказать поддержку первому конституціонному министерству лишь при условіи принятія имъ главныхъ основаній программы к.-д. партіи, на что Витте не могъ согласиться, отнюдь не имѣя въ виду допустить установленія въ странѣ парламентарнаго строя. Чтобы успокоить крестьянскія волненія, правительство издало 3 ноября 1905 г. манифестъ объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей (съ 1 января 1906 г. половинной и съ 1 января 1907 г.—полной) и обѣщало ассигнованіе крестьянскому банку необходимыхъ средствъ для массовой скупки помѣщичьихъ земель, съ цѣлью льготной перепродажи ихъ нуждающимся въ землѣ крестьянамъ. Но крестьяне ожидали теперь добра только отъ Думы и на важные акты 3 ноября обратили очень

мало вниманія. Въ началѣ декабря революціонерами объявлена была новая всеобщая забастовка, причемъ на митингахъ довольно открыто говорилось, что она должна будетъ перейти въ вооруженное возстаніе. 7 и 8 декабря въ Москвѣ и затѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ возстаніе, дѣйствительно, началось, хотя подготовлено оно было чрезвычайно слабо, и участвовали въ немъ очень немногіе рабочіе и совершенно зеленая молодежь. Правительство подавило его съ чрезвычайной, совершенно не оправдывавшейся размѣрами его, жестокостью, которая въ большинствѣ московскаго населенія вызвала и подогрѣла непріязненныя чувства и глубокое недовѣріе къ «конституціонному» министерству гр. Витте. Противъ забастовщиковъ правительство успѣло издать еще въ началѣ декабря драконовскіе законы, которые и были теперь примѣнены къ дѣлу. Въ то же время (29 ноября) изданъ былъ законъ о правѣ каждаго губернатора самостоятельно вводить въ своей губерніи усиленную и чрезвычайную охрану и объявлять мѣстности, въ которыхъ расположены войска (не менѣе бригады) на военномъ положеніи, причемъ старшіе военные начальники получали наименованіе и всѣ права генералъ-губернаторовъ.

При такихъ условіяхъ начались выборы въ первую Думу. Правительство, давая широкое участіе въ Государственной Думѣ по исправленному положенію 11 декабря 1905 г. крестьянамъ, надѣялось, что среди нихъ будутъ преобладать консервативные элементы. Въ этомъ оно сильно ошиблось. Крестьяне оказались вполнѣ охваченными освободительнымъ движеніемъ, что, впрочемъ, и ранѣе проявилось въ очень рѣзкихъ формахъ и въ крестьянскихъ возстаніяхъ, и въ болѣе мирныхъ, но все же чрезвычайно радикальныхъ постановленіяхъ крестьянскаго союза. Въ первой Думѣ к.-д. партія не имѣла абсолютнаго большинства, но она являлась самою крупною группою (153 чл. изъ 448), притомъ въ составъ ея вошли самые талантливые и образованные люди страны; къ ней тѣсно примыкала маленькая группа партіи демократическихъ реформъ (4 чл.), и въ большинствѣ случаевъ съ ней оказывались солидарными и лѣвѣе ея стоявшіе «трудовики» (107 чл.), къ которымъ примкнуло большинство крестьянскихъ депутатовъ, и автономисты (главнымъ образомъ, поляки) въ числѣ 63 чл., и многіе изъ безпартійныхъ, которыхъ число въ 1-ой Думѣ доходило до 105 чл. На правой сторонѣ было лишь 13 «октябристовъ» и 3 чл. умѣренно-правыхъ группъ. Передъ самымъ открытіемъ Думы правительство издало такъ называемые «Основные законы», которые могутъ быть измѣняемы по иниціативѣ лишь самого государя-императора, и которыми законодательная власть Государственной Думы существенно ограничивалась также и въ томъ отношеніи, что между нею и государемъ поставленъ былъ Государственный Совѣтъ, незадолго передъ тѣмъ реформированный введеніемъ въ его составъ, на ряду съ членами, назначаемыми высочайшею властью, членовъ, избранныхъ привилегированными сословіями и классами избирателей, обладающихъ высокимъ цензомъ, а также нѣкоторыми учрежденіями. Въ «Основные законы» включено было также право государя издавать особые временные законы въ періодъ междудумья, и причислено къ прерогативамъ верховной власти не только право объявленія войны и заклю-

Засѣданіе первой Государственной Думы (лѣвые и центръ).

Выборы въ первую Государственную Думу.

Засѣданіе первой Государственной Думы (правые и центръ).

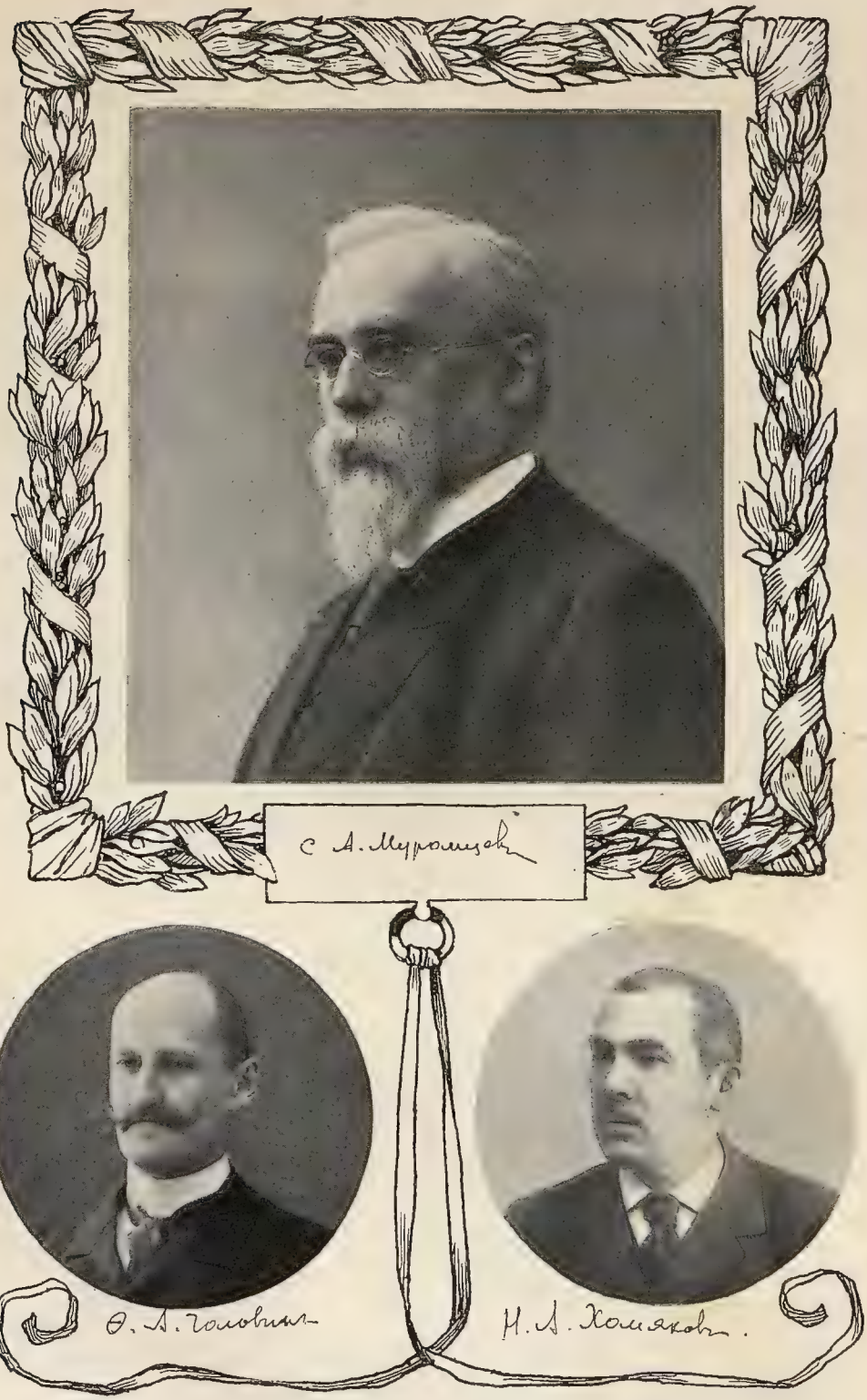
Таврическій дворецъ.

ченія мира, но и ассигнованія на это, помимо Думы, необходимыхъ средствъ и даже заключенія для этой цѣли особыхъ займовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, забронированъ былъ бюджетъ двора, установленный росписью 1906 года. Независимо отъ этого 8 марта 1905 г. изданъ былъ законъ, чрезвычайно стѣснившій бюджетныя права Думы. Передъ самымъ же открытіемъ Думы произошла смѣна министерства: Витте и всѣ другіе министры подали въ отставку и замѣнены были новымъ кабинетомъ Горемыкина, который былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1895—1898 гг. Въ составъ этого кабинета вошелъ и новый министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Столыпинъ.

Дума открыта была тронной рѣчью 27 апрѣля 1906 г. и свои занятія начала выработкой отвѣтнаго адреса, въ которомъ установлена была цѣлая программа реформъ, соотвѣтствующая въ общемъ программѣ к.-д. партіи и принятая Думою съ необыкновеннымъ единодушіемъ (противъ 3—13 голосовъ правыхъ и октябристовъ). Главнѣйшими и вмѣстѣ боевыми пунктами программы были: пересмотръ «Основныхъ законовъ», упраздненіе Государственнаго Совѣта, установленіе отвѣтственности министровъ передъ Думою и дополнительное надѣленіе крестьянъ землями казенными, удѣльными, кабинетскими и частно-владѣльческими, съ принудительнымъ отчужденіемъ послѣднихъ въ потребныхъ размѣрахъ, причемъ, по настоянію «трудовиковъ», не сказано было, что за послѣднія будетъ установлено законнымъ порядкомъ справедливое вознагражденіе, какъ это полагалось по к.-д. («кадетской») партійной программѣ. Включены были въ адресѣ также требованіе полной амнистіи и отмѣны смертной казни. Борьба началась тотчасъ же представленіемъ со стороны министерства мотивированныхъ возраженій правительства на адресъ Думы. Противъ министерства послѣдовали весьма рѣзкія реплики со стороны ряда ораторовъ, сопровождаемыя неоднократными требованіями выхода министровъ въ отставку, какъ совершенно не пользующихся довѣріемъ Думы. Эти нападки возобновлялись потомъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ при разсмотрѣніи предъявленныхъ Думою запросовъ о черносотенныхъ погромахъ и участіи въ организаціи ихъ правительственныхъ лицъ. Горячія и шумныя пренія сопровождали также и разсмотрѣніе законопроектовъ, внесенныхъ въ Думу въ соотвѣтствіи съ требованіями адреса и программы к.-д. партіи ея членами. Законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни былъ разсмотрѣнъ и принятъ въ теченіе одного дня. Довольно горячія пренія возбудили законопроекты о свободѣ собраній и свободѣ печати; но въ особенности многочисленныя и длинныя рѣчи вызвали представленныя «кадетами» основныя положенія аграрной реформы. По поводу этихъ преній министерство опубликовало въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» особое правительственное сообщеніе, вызвавшее и среди членовъ Думы мысль объ обращеніи къ народу. Постановкой на очередь этого вопроса правительство и воспользовалось для роспуска Думы, который послѣдовалъ 9 іюля 1906 г. Выборы новой Думы не были при этомъ назначены на опредѣленный срокъ, но созывъ Думы былъ назначенъ на 20 февраля 1907 г. Министерство Горемыкина, явившееся въ первую Думу съ пустыми руками безъ всякихъ проектовъ, одновременно съ

ея роспускомъ вышло въ отставку, и на его мѣсто назначено было новое министерство Столыпина, которое съ большой энергіей воспользовалось предоставленнымъ ему 7-мѣсячнымъ срокомъ междудумья для выработки цѣлаго ряда временныхъ законовъ и законопроектовъ. Въ то же время должно было выясниться настроеніе народныхъ массъ и степень упорства ихъ въ отстаиваніи тѣхъ требованій, которыя заявлены были въ первой Думѣ отъ ихъ имени.

Члены Думы рѣшились протестовать противъ роспуска и обратились къ народу съ особымъ воззваніемъ, названнымъ «выборгскимъ», по мѣсту его составленія и принятія отправившимися туда (въ числѣ 180) депутатами. Въ этомъ воззваніи народъ приглашался не платить податей и не давать рекрутъ, пока не будетъ вновь созвана Дума. Представители крайнихъ партій попытались, пользуясь броженіемъ въ средѣ солдатъ, слухи о чемъ распространялись въ преувеличенномъ видѣ, произвести вооруженное возстаніе въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ и другихъ мѣстахъ, но произведенныя возмущенія были довольно быстро подавлены. Что касается «выборгскаго воззванія», то результаты его довольно долго оставались загадочными и для правительства и для его составителей. Народъ во многихъ мѣстахъ выражалъ горячія симпатіи Думѣ, но не проявлялъ склонности ни къ активному, ни даже къ пассивному сопротивленію въ сколько-нибудь серьезныхъ размѣрахъ. Многіе ждали осени, окончанія уборки хлѣбовъ, но и эти ожиданія не оправдались. Сила стихійнаго и организованнаго сопротивленія истощилась: революція кончилась, и началась упорная и жестокая борьба новаго министерства съ частичными, раздробленными ея проявленіями. Введены были военно-полевые суды, и смертныя казни вошли въ ежедневный обиходъ русской жизни на нѣсколько тяжелыхъ и мрачныхъ лѣтъ, причемъ общее число этихъ казней приходится считать тысячами. Члены первой Думы, подписавшіе «выборгское воззваніе», были преданы суду и впредь до разсмотрѣнія дѣла (а впослѣдствіи и по его разрѣшеніи) лишены были избирательныхъ правъ, а такъ какъ среди нихъ былъ цвѣтъ русской интеллигенціи и всѣ наиболѣе подготовленныя опытомъ долговременной земской дѣятельности общественныя силы, то страна лишилась въ ихъ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, наиболѣе способныхъ къ законодательному творчеству. Министерство Столыпина рѣшилось еще разъ попытаться найти себѣ поддержку и опору въ средѣ крестьянства, и въ особенности болѣе зажиточныхъ его элементовъ. Такой смыслъ имѣютъ очевидно тѣ изъ изданныхъ въ теченіе наступившаго междудумья временныхъ законовъ, которые могли, какъ казалось ихъ составителямъ, заслужить одобреніе крестьянства, приходившаго, повидимому, мало-по-малу въ спокойное состояніе. Сюда въ особенности относятся законоположенія о передачѣ въ распоряженіе особыхъ землеустроительныхъ органовъ для распредѣленія между нуждающимся въ землѣ крестьянствомъ части казенныхъ земель и лѣсовъ и удѣльныхъ имѣній (послѣднихъ за особое вознагражденіе), указъ о пониженіи платежей заемщиковъ крестьянскаго банка; законы объ укрѣпленіи въ собственность крестьянскихъ надѣльныхъ участковъ, о выдѣлѣ отдѣльныхъ лицъ съ ихъ земельными участками изъ общинъ, о разверстаніи черезполосныхъ участковъ и о выдачѣ крестьянскимъ банкомъ ссудъ подъ залогъ надѣльныхъ земель


С. А. Муромцевъ
Ѳ. А. Головинъ
Н. А. Хомяковъ.

(законы 9 и 15 ноября 1906 г.); законъ объ установленіи равноправности крестьянъ съ лицами другихъ сословій (5 октября 1906 г.). Такое же значеніе по отношенію къ старообрядцамъ и сектантамъ имѣлъ указъ 17 октября 1906 г. о порядкѣ образованія и дѣйствія старообрядческихъ и сектантскихъ общинъ, и, повидимому, ту же цѣль въ отношеніи обширнаго класса торгово-промышленныхъ служащихъ имѣло изданіе закона 15 ноября 1906 г. объ обезпеченіи ихъ нормальнаго отдыха.

Однако, и на этотъ разъ разсчеты министерства не оправдались, и избиратели послали во 2-ую Думу депутатовъ еще болѣе «лѣвыхъ», нежели въ первую. Здѣсь слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что такой составъ 2-й Думы объясняется отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что «лѣвыя» партіи, бойкотировавшія выборы въ 1-ую Думу, теперь рѣшились принять въ нихъ участіе; «кадетская» же партія была значительно ослаблена устраненіемъ отъ выборовъ лицъ, подписавшихъ «выборгское воззваніе». Впрочемъ, и въ средѣ группъ, стоящихъ лѣвѣе к.-д., устраненіе выдающихся личностей при помощи привлеченія ихъ къ судебной отвѣтственности за различныя статьи въ газетахъ или за рѣчи, произнесенныя на митингахъ, широко практиковалось правительствомъ, что, конечно, замѣтно сказывалось на пониженіи уровня членовъ 2-ой Думы въ сравненіи съ 1-ой. Правда, во 2-ой Думѣ замѣтно увеличилось и число представителей «правыхъ» партій, но все же они и теперь составляли совершенно безсильное меньшинство. При очерченныхъ условіяхъ сотрудничество Думы съ враждебнымъ ей министерствомъ, конечно, оставалось попрежнему невозможнымъ, и правительство съ самаго же начала ея работы выжидало лишь удобнаго предлога для ея роспуска. И хотя среди Думы усиленно повторялся лозунгъ «береженіе Думы», такой поводъ былъ, наконецъ, подысканъ по истеченіи трехмѣсячной утомительной, но малопродуктивной дѣятельности этой Думы. Правительство предъявило Думѣ требованіе о разрѣшеніи возбудить судебное преслѣдованіе противъ ряда соціалъ-демократическихъ депутатовъ, обвиненныхъ въ покушеніи на ниспроверженіе существующаго государственнаго порядка насильственнымъ путемъ, и предварительно арестовать ихъ Увидавъ, что Дума склоняется къ отказу на это требованіе, обставленное довольно сомнительными данными, П. А. Столыпинъ рѣшился на ея роспускъ даже до полученія окончательнаго отвѣта.

На этотъ разъ рѣшено было измѣнить въ противность 44 и 45 ст. основныхъ законовъ и самый избирательный законъ. Въ день роспуска 2-ой Думы 3 іюня 1907 г. «безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы» былъ изданъ новый законъ о выборахъ въ Думу, причемъ во всѣхъ губерніяхъ значительно увеличено было число выборщиковъ отъ куріи землевладѣльцевъ, и уменьшено соотвѣтственно число выборщиковъ отъ крестьянъ; уменьшено было число членовъ Думы отъ губерній Царства Польскаго, и совершенно лишены были представительства нѣкоторыя области Сибири и Туркестанскаго края. Единственное улучшеніе этого закона заключалось въ установленіи прямыхъ выборовъ въ большихъ городахъ; но зато избиратели здѣсь были раздѣлены на куріи, въ виду разсчета, что домовладѣльческая курія можетъ дать преобладаніе болѣе консервативнымъ элемен-

тамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ отнято было право отдѣльнаго представительства.

Законъ 3 іюня далъ дѣйствительное преобладаніе на выборахъ землевладѣльческимъ и отчасти буржуазнымъ элементамъ, благодаря чему въ третьей Думѣ, собранной 1-го ноября 1907 г., господствующими партіями оказались умѣренно-правые и октябристы. Послѣдніе составили въ ней руководящій центръ. Хотя они именовались «Союзомъ 17 октября», но не протестовали противъ закона 3 іюня, для нихъ очевидно выгоднаго, за что кн. Е. Н. Трубецкой назвалъ ихъ въ одной изъ своихъ статей «партіей послѣдняго правительственнаго распоряженія». И, дѣйствительно, руководимая октябристами 3-я Дума является вполнѣ покорнымъ орудіемъ въ рукахъ правящей бюрократіи.

Дѣйствительное осуществленіе не только народныхъ требованій, формулированныхъ въ адресѣ первой Думы, но даже и началъ, провозглашенныхъ въ манифестѣ 17 октября, далеко еще не достигнуто. Не наступило еще и умиротвореніе въ гражданской жизни страны, въ которомъ она такъ нуждается.

14. Заключительный обзоръ.

Исторія внутренней жизни европейскихъ народовъ со времени французской революціи характеризуется прогрессирующей демократизаціей государственнаго и общественнаго строя Европы. Фабричное производство предметовъ массоваго потребленія дало совершенно новую форму всей экономической жизни. Въ политическомъ отношеніи массы пріобрѣли активное участіе въ государственной жизни; замѣна наемныхъ армій народными такъ тѣсно связала судьбу отдѣльныхъ лицъ со всѣмъ государствомъ, что послѣднее стало для каждаго рѣшающей жизненной силой совершенно въ иномъ смыслѣ, чѣмъ раньше. Поэтому въ XIX вѣкѣ мы наблюдаемъ переходъ наиболѣе значительныхъ государствъ къ парламентской системѣ; еще до 1871 г. этотъ переходъ совершился во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, а Англія ввела свои конституціонныя формы въ своихъ крупныхъ колоніяхъ; въ послѣдніе годы на этотъ же путь вступила и Россія, а за предѣлами европейской культуры къ конституціонализму перешли Японія, Персія и Турція; нынѣ даже въ Китаѣ обѣщана конституція.

Но и при господствѣ парламентской системы мыслимы различныя степени вліянія массъ на государственную жизнь. Усиленіе демократизаціи выразилось существенно въ прогрессирующемъ расширеніи избирательнаго права; отъ цензовыхъ и классовыхъ выборовъ совершается съ неудержимой силой переходъ ко всеобщему, равному избирательному праву всѣхъ взрослыхъ мужчинъ. Эта цѣль вполнѣ достигнута въ германской имперіи, въ цислейтанской части Габсбургской монархіи, во Франціи и въ цѣломъ рядѣ мелкихъ государствъ; въ другихъ странахъ еще исключаются изъ участія въ выборахъ совершенно неимущіе и необразованные элементы, или существуетъ неравное избирательное право съ преимуществомъ для имущихъ классовъ; однако, повсюду начался натискъ на эти остатки старинной ари-

стократической системы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже требуетъ избирательныхъ правъ для себя и женскій полъ.

Истиннымъ оплотомъ аристократическихъ элементовъ въ конституціонныхъ государствахъ являются верхнія палаты, которыя лишь въ немногихъ странахъ составляются путемъ общихъ выборовъ, въ большинствѣ же случаевъ члены ихъ обязаны своими мѣстами или назначенію монарха, или наслѣдственнымъ правамъ отдѣльныхъ фамилій, или, наконецъ, представительству отъ привилегированныхъ корпорацій. Такъ какъ въ монархическихъ государствахъ измѣненіе состава этихъ палатъ сопряжено съ большими трудностями, то, по большей части, вторыя палаты стремятся къ тому, чтобы оттѣснить вліяніе верхнихъ палатъ. Въ Англіи, которая является истинной родиной двухпалатной системы, въ послѣднее время уже поставленъ вопросъ, не слѣдуетъ ли и формально отмѣнить равноправность верхней палаты и предоставить ей лишь право временнаго veto по отношенію къ постановленіямъ нижней палаты.

Сперва правительства всюду занимали весьма независимое положеніе по отношенію къ парламентамъ, но постепенно все болѣе и болѣе завоевывалъ подъ собой почву принципъ, впервые выработанный въ Англіи и гласящій, что монархъ долженъ выбирать своихъ министровъ изъ существующаго большинства во второй палатѣ. Во Франціи и въ Италіи, равно какъ и въ болѣе мелкихъ государствахъ, этотъ порядокъ нынѣ самъ собой подразумѣвается, и даже въ Австріи послѣ результатовъ послѣднихъ выборовъ министерство было пополнено членами наиболѣе сильныхъ партій; наконецъ, паденіе лѣтомъ 1909 г. князя Бюлова было вызвано несоотвѣтствіемъ между его политикой и планами новаго консервативно-клерикальнаго блока, представлявшаго собою большинство рейхстага.

Точно такое же направленіе замѣчается и въ развитіи партійной жизни. Въ первой половинѣ предыдущаго столѣтія партіи были по своему существу аристократическими организаціями; консерваторы были представителями помѣстной аристократіи, либералы—имущихъ и образованныхъ классовъ въ городахъ. Правда, существовали и демократы или радикалы, но они были малочисленны, и къ нимъ принадлежали большею частью доктринеры и внѣклассовые элементы; они находили очень мало приверженцевъ среди тѣхъ массъ, интересы которыхъ они хотѣли представлять. Лишь съ половины XIX в. выступили на сцену двѣ великія партійныя массы, которыя шагъ за шагомъ отвоевываютъ почву у старыхъ партій и побуждаютъ ихъ къ внутреннимъ преобразованіямъ. Мы имѣемъ въ виду клерикализмъ и соціализмъ.

Клерикалы опираются на религіозныя воззрѣнія и чувства народныхъ массъ. Они имѣютъ шансы на успѣхъ лишь тамъ, гдѣ церковная организація могущественна и не останавливается передъ использованіемъ съ политическими цѣлями проповѣди, исповѣди и попеченія о духовномъ состояніи паствы. Поэтому клерикализмъ прочно стоитъ въ католическихъ странахъ; здѣсь онъ основывается на слѣпой вѣрѣ народа въ догматы и на вытекающемъ отсюда уваженіи къ сану священника и благодаря этому представляетъ собой истинно-народное явленіе и крупную политическую силу. Привлеченіе

широкихъ массъ къ активной политической дѣятельности усилило и какъ бы вновь обосновало здѣсь могущественное положеніе католической церкви. Нѣкогда церковь въ тѣсномъ единеніи съ властителями и аристократіей управляла народами; нынѣ, когда центръ тяжести политической жизни все замѣтнѣе перемѣщается въ сторону народнаго представительства, церковная іерархія старалась объединить своихъ правовѣрныхъ приверженцевъ въ парламентахъ въ сильныя организаціи и завладѣть при ихъ посредствѣ прежнимъ своимъ вліяніемъ. Съ безошибочнымъ инстинктомъ клерикалы очень рано ввели въ свою программу соціальные вопросы съ тѣмъ, чтобы дать массамъ экономическія преимущества. Какъ только церковь почувствовала себя достаточно сильной, она начала свою атаку на чисто-свѣтскій характеръ современнаго государства, на свободу науки и на свободное свѣтское искусство, и стала угрожать современной культурѣ новымъ вторженіемъ въ нее средневѣковыхъ понятій; Григорій XVI и Пій IX предали проклятію свободу совѣсти какъ корень всѣхъ золъ; а вмѣстѣ съ ней они прокляли свободу слова, печати и изслѣдованія, равно какъ и притязанія государства на регулированіе обученія и брака. Ватиканскій соборъ 1870 г. установилъ конституцію самой церкви въ строго-абсолютистскомъ духѣ и низвелъ епископовъ на степень простыхъ исполнителей папской воли. Этимъ сильно затрудняется и, быть можетъ, совершенно исключается возможность появленія въ нѣдрахъ католицизма болѣе свободолюбиваго, болѣе сроднаго современной культурѣ направленія. Если въ послѣднее время гдѣ-либо среди католиковъ обнаруживался болѣе вольный духъ, то Римъ немедленно вступалъ съ нимъ въ борьбу и подавлялъ его; энциклика Пія X противъ «модернистовъ» въ 1907 г. означаетъ порицаніе всякаго стремленія къ самостоятельному мышленію. Все это было бы совершенно немыслимо, если бы образованные круги въ нѣдрахъ католической церкви имѣли то вліяніе, какимъ они обладали въ XVIII вѣкѣ; іерархія была въ состояніи предпринять борьбу съ современнымъ государствомъ и современной культурой только потому, что подъемъ политическаго значенія вѣрующихъ массъ отнялъ престижъ образованныхъ классовъ.

Въ виду клерикальной опасности государство всюду было вынуждено взяться за оборонительныя мѣры, такъ какъ оно не желало снова подчиниться церковному главенству, которое ему удалось стряхнуть съ себя съ такимъ трудомъ. Но такъ какъ государство теперь уже не могло устранить политическаго вліянія вѣрующихъ народныхъ массъ и ничего не могло сдѣлать однѣми репрессивными мѣрами, то оно достигло положительныхъ результатовъ только тамъ, гдѣ удалось вырвать подрастающія поколѣнія изъ-подъ вліянія на нихъ духовенства путемъ введенія новыхъ порядковъ въ школьной системѣ съ исключеніемъ изъ нея участія церкви. Въ то время какъ въ Германіи, Австріи, Бельгіи и Нидерландахъ борьба съ церковью нисколько не поколебала положенія послѣдней, а мѣстами даже и укрѣпила его, во Франціи попытка придти къ желанной цѣли указаннымъ путемъ увѣнчалась на время успѣхомъ. Но и во всѣхъ прочихъ странахъ все яснѣе обнаруживается, что ареной для будущей рѣшительной борьбы между клерикализмомъ и современной культурой явится именно область воспитанія молодого поколѣнія.

Если въ этой борьбѣ церковь достигла столь важныхъ успѣховъ, то этимъ она обязана прежде всего существованію въ парламентахъ клерикальныхъ партій. Эти опаснѣйшіе враги современнаго государства сидятъ какъ бы въ самомъ центрѣ ненавистнаго имъ государства и при всѣхъ его конфликтахъ съ церковью обрушиваются на него съ тыла. Еще до 1870 г. подобныя партіи существовали во Франціи и въ странахъ Пиренейскаго полуострова; въ Германіи сборнымъ пунктомъ католически-ортодоксальныхъ элементовъ служилъ центръ; въ Австріи и Бельгіи новые избирательные законы дали огромный наплывъ клерикаловъ въ парламентахъ; въ Италіи лишь въ послѣдніе годы начала пробуждаться политическая дѣятельность этихъ элементовъ, и здѣсь они могутъ достичь еще бо́льшихъ успѣховъ, особенно съ дальнѣйшимъ расширеніемъ избирательнаго права. Папа Левъ XIII первый пришелъ къ великой мысли заставить всѣ эти клерикальныя партіи работать по одному общему плану и подъ лозунгами, исходящими изъ Рима; Левъ XIII имѣлъ рѣшающее вліяніе на политическое положеніе французскихъ монархистовъ и пытался также давать при случаѣ директивы германскому центру; если Риму удастся сдѣлать дальнѣйшіе шаги въ этомъ направленіи, то опасность, уже и въ настоящее время угрожающая со стороны клерикаловъ, станетъ еще большей.

Вторая великая партія—соціалистическая—опирается на экономическія нужды и желанія массъ. Французскіе и англійскіе соціалисты еще въ первой половинѣ XIX вѣка объявили, что обобществленіе орудій производства есть единственный способъ, который можетъ обезпечить рабочимъ полный доходъ отъ ихъ труда и освободить ихъ отъ эксплуатаціи со стороны меньшинства. Затѣмъ Карлъ Марксъ стремился научно доказать, что великое преобразованіе народнаго хозяйства не только желательно, но по законамъ историческаго развитія неизбѣжно должно произойти. Онъ далъ законченную догматическую форму всему ученію соціализма, и соціальное всеисцѣляющее средство пропагандировалось среди народа апостолами этого ученія въ безчисленныхъ рѣчахъ и агитаціонныхъ изданіяхъ. Марксисты проповѣдывали, что необходимымъ результатомъ экономическаго переворота явится исчезновеніе всяческаго соціальнаго и политическаго неравенства. Въ новомъ коммунистическомъ обществѣ возникнетъ на почвѣ однороднаго воспитанія новое демократическое государство съ должностными лицами, исключительно избираемыми самимъ народомъ, съ полною свободою слова, печати, совѣсти и союзовъ,—государство, охраняемое милиціей съ выборными офицерами, управляющими ею. Цѣль эта должна быть по возможности достигнута безъ насилія, путемъ непреодолимаго дѣйствія предсказаннаго Марксомъ экономическаго развитія; послѣднее должно вести къ концентраціи капитала въ немногихъ рукахъ, къ полному обнищанію массъ, а затѣмъ къ экспропріаціи немногихъ собственниковъ и къ переходу государственной власти въ руки пролетаріата. Марксистское направленіе не желало ни въ какомъ случаѣ мириться съ существующимъ государствомъ, представляющимъ собою лишь организацію эксплуататоровъ; съ нимъ слѣдуетъ вести лишь борьбу всѣми способами, какіе допускаются закономъ. До тѣхъ поръ, пока оно существуетъ, пролетаріатъ долженъ работать надъ

созиданіемъ своихъ собственныхъ организацій и надъ своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ для того, чтобы въ рѣшительный часъ быть достаточно зрѣлымъ и подготовленнымъ для захвата власти. Поэтому марксисты стремились лишать нынѣшнее государство средствъ къ существованію, отказывая ему въ бюджетѣ при парламентскихъ голосованіяхъ, что, разумѣется, имѣло значеніе лишь демонстраціи до тѣхъ поръ, пока они оставались въ меньшинствѣ. Но не всѣ соціалисты соглашались пока терпѣливо ждать того момента, когда господство пролетаріата свалится на нихъ подобно спѣлому плоду съ дерева. Уже англійскіе чартисты, затѣмъ Луи Бланъ и Фердинандъ Лассаль стремились, чтобы народъ немедленно потребовалъ для себя участія въ политической жизни и, добившись преобладанія въ государствѣ, оказывалъ вліяніе на процессъ экономическаго переворота въ смыслѣ его ускорѣнія. Съ этой цѣлью они требовали прежде всего немедленнаго введенія всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права и безусловнаго подчиненія правительствъ рѣшеніямъ народнаго представительства, а затѣмъ активнаго содѣйствія партіи улучшенію положенія трудящихся классовъ въ существующемъ государствѣ. Оба эти направленія среди партіи и донынѣ почти повсемѣстно довольно рѣзко расходятся между собой; особенно въ Германіи на всѣхъ послѣднихъ партейтагахъ повторяется борьба между радикалами и «ревизіонистами» по поводу этого стараго пункта раздора.

При быстромъ развитіи капиталистическаго хозяйства, при скопленіи громадныхъ богатствъ въ рукахъ предпринимателей и при постоянномъ прогрессированіи напряженія силъ рабочаго, среди пролетаріата развилось настроеніе, которое благопріятствовало воспріятію имъ соціалистическихъ теорій. Ростъ предпріятій, совмѣстная работа многихъ тысячъ на однѣхъ и тѣхъ же фабрикахъ (или хотя бы въ одномъ и томъ же мѣстечкѣ) облегчили уясненіе соціалистическаго ученія, его пропаганду и созданіе организаціи. Постоянное увеличеніе числа предпріятій и рабочихъ доставляло соціалистическимъ партіямъ новыхъ рекрутовъ. Но за предѣлами круга промышленныхъ рабочихъ соціализмъ не могъ развить большой вербующей силы. Крестьяне и сельскіе рабочіе такъ же, какъ и городскіе ремесленники, вообще стояли далеко отъ этой партіи, и если не раздѣляли клерикальнаго образа мыслей или не оставались совершенно индифферентными въ политическомъ отношеніи, то примыкали къ старымъ буржуазнымъ партіямъ.

Прогрессивнымъ развитіемъ промышленности въ Западой Европѣ объясняется значительное увеличеніе соціалистическихъ голосовъ съ конца восьмидесятыхъ годовъ. Къ тому же около этого времени объединились между собой различныя группы французскихъ соціалистовъ, затѣмъ германская соціалъ-демократія благодаря отмѣнѣ закона о соціалистахъ (1890 г.) снова получила большую свободу дѣйствій, а въ Австріи и въ нѣкоторыхъ изъ мелкихъ государствъ измѣненія избирательнаго закона увеличили вліяніе рабочихъ массъ на парламентъ. Въ послѣдніе годы и въ Англіи, гдѣ до сихъ поръ господствовало среди класса рабочихъ только неполитическое движеніе, направленное къ достиженію экономическихъ выгодъ, образовалась соціалистическая рабочая

партія подъ предводительствомъ Кейръ-Гарди; въ другихъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Италіи, взяли верхъ близко стоящія къ соціалистамъ буржуазно-радикальныя партіи. На національныхъ и интернаціональныхъ конгрессахъ сообща обсуждаются вопросы о конечныхъ цѣляхъ и тактическихъ пріемахъ партіи, и, повидимому, дѣло все больше подвигается къ идеалу, выставленному Марксомъ, къ объединенію пролетаріевъ всѣхъ странъ подъ своимъ знаменемъ. Однако, фактическое парламентское вліяніе соціалистовъ отнюдь не соотвѣтствуетъ тому числу голосовъ, которымъ они располагаютъ. Впрочемъ, строгіе марксисты не придаютъ большого значенія сотрудничеству въ парламентской работѣ существующаго государства; къ тому же своей программой соціалисты настолько сильно отличаются отъ всѣхъ другихъ партій, что они съ трудомъ могутъ вступать въ коалиціи, сами же они еще нигдѣ не располагаютъ парламентскимъ большинствомъ. Наибольшимъ парламентскимъ вліяніемъ соціалисты обладали до сихъ поръ во Франціи, гдѣ они пошли на общую работу съ буржуазной лѣвой и даже посылали своихъ членовъ въ составъ ея министерствъ; наименьшимъ ихъ вліяніе было въ Германіи, гдѣ всѣ остальныя партіи отклоняютъ всякое совмѣстное дѣйствіе съ соціалъ-демократіей, такъ какъ она пользуется каждымъ случаемъ, чтобы отмѣтить свой антимонархическій характеръ. Однако, въ Баваріи клерикалы вступили съ ней въ союзъ на время выборовъ, но въ парламентѣ, гдѣ клерикалы одни уже располагаютъ болшинствомъ, они отказываются отъ совмѣстной работы съ соціалъ-демократическими депутатами.

Для старыхъ партій съ появленіемъ на политической сценѣ клерикализма и соціализма наступили новыя времена. Чтобы не оказаться совершенно въ сторонѣ и не быть отодвинутыми на задній планъ, онѣ также должны были ввести въ свои программы пожеланія и требованія, которыя до сихъ поръ были имъ совершенно чужды, въ соотвѣтствіи съ интересами рабочихъ, ремесленниковъ и крестьянъ. Въ видахъ сохраненія своего прежняго значенія этимъ партіямъ необходимо было, во что бы то ни стало, предпринять такое расширеніе своихъ программъ раньше, чѣмъ закончится образованіе вновь формировавшихся изъ народныхъ массъ партій, которыя легко могли бы закрыть старымъ партіямъ доступъ къ широкимъ народнымъ массамъ. Въ этомъ и заключается вся своеобразность англійскаго развитія въ XIX вѣкѣ. Здѣсь въ этой странѣ съ наиболѣе сильно развитой промышленностью, гдѣ раньше, чѣмъ гдѣ-либо, были провозглашены новыя требованія, старыя партіи также раньше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, приступили къ своему внутреннему преобразованію и такимъ образомъ сохранили за собою значительное вліяніе на массы. На континентѣ буржуазныя партіи не такъ быстро поняли свое положеніе. Онѣ были гораздо моложе, только-что еще сорганизовались и были преисполнены доктринерскимъ духомъ, въ то время какъ массы начали приходить въ движеніе. Положеніе континентальныхъ парламентовъ по отношенію къ ихъ правительствамъ было гораздо менѣе прочно, чѣмъ въ Англіи, а потому они прежде всего должны были обращать свое вниманіе на отстаиваніе своихъ правъ отъ покушеній сверху и не могли въ

достаточной степени оцѣнить то, что происходило внизу, въ народѣ. Такимъ образомъ, для вновь возникающихъ партій оставалось достаточно времени, чтобы самостоятельно организоваться и выступить передъ массами въ качествѣ единственныхъ истинныхъ представителей ихъ интересовъ. Слабое положеніе соціалъ-демократіи въ Англіи, по сравненію съ тѣмъ, какое она занимаетъ на континентѣ, объясняется именно этимъ различіемъ въ тактикѣ старыхъ партій въ Англіи и въ континентальныхъ государствахъ.

Большею частью консерваторы раньше другихъ догадались о необходимости пополнить свою программу соціальными требованіями; либералы слѣдовали за ними сперва нерѣшительно; постепенно, однако, они отказывались отъ своего стараго догмата объ обязанности государства не вмѣшиваться въ экономическія и соціальныя отношенія, и только когда этотъ переворотъ во взглядахъ произошелъ окончательно, имъ было легче, нежели консерваторамъ, согласовать свою активную соціальную политику съ основнымъ направленіемъ своей общей политики. Законодательство, относящееся къ охранѣ труда, впервые проведенное въ Англіи, и введенное въ германской имперіи страхованіе рабочихъ ясно показываютъ, насколько существующее государство и старыя партіи считаются съ потребностями массъ.

Второй крупный переворотъ въ воззрѣніяхъ либераловъ произошелъ въ отношеніи внѣшней политики; они научились тому, что безъ арміи и флота, а также безъ сильной исполнительной власти современное государство существовать не можетъ. Въ Англіи новѣйшее поколѣніе либераловъ стоитъ къ имперіализму гораздо ближе, нежели Гладстонъ и его современники. Въ Германіи первые націоналъ-либералы рѣшительно стали на сторону новыхъ потребностей; однако, въ послѣднее время также и свободомыслящія партіи, по большей части, отказались отъ своей доктринерской ненависти къ «милитаризму и маринизму», и только послѣ этого стала возможной политика блока.

Если бросить взглядъ на всѣ эти явленія новѣйшей политической жизни Европы, то прежде всего получится впечатлѣніе, что демократическое движеніе, которому было положено начало французской революціей, продолжалось также и послѣ 1870 г., и что даже великая борьба изъ-за еще никѣмъ не занятыхъ частей земного шара и выработка системы міровыхъ державъ, которую пережило наше время, не внесли ничего существеннаго въ это движеніе. Однако, существуютъ несомнѣнные признаки того, что демократическое развитіе уже прошло свою высшую точку, и что повсюду аристократическіе элементы подъ давленіемъ всемірно-политическихъ спорныхъ вопросовъ вновь выступаютъ на первый планъ или вновь вырабатываются. Только въ болѣе мелкихъ государствахъ, которыя почти совсѣмъ не затронуты всемірной политикой, борьба за расширеніе избирательнаго права, за подчиненіе правительства парламенту и за преобладаніе въ народной школѣ составляла сущность всего содержанія политической жизни. Напротивъ, въ великихъ державахъ всюду наблюдается на первомъ планѣ новое явленіе, которое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имѣетъ связь съ традиціями XVIII вѣка и которое принято обозначать «имперіализмомъ».

Его возникновеніе тѣсно связано какъ съ побѣдой демократическихъ воззрѣній, такъ и съ экономическимъ развитіемъ въ XIX вѣкѣ и съ колоніальнымъ распространеніемъ государствъ. Именно въ области внѣшней политики движеніе демократіи впередъ повело къ неожиданнымъ результатамъ. Руководители демократическаго направленія всегда прежде утверждали, что возрастаніе вліянія массъ и оттѣсненіе своекорыстной и склонной къ насильственнымъ дѣйствіямъ аристократіи поведутъ за собой смягченіе интернаціональной вражды: постепенно произойдетъ братство народовъ—и наступитъ всеобщій миръ. Война и разграбленіе страны въ интересахъ однихъ лишь государей, военачальниковъ и богатыхъ; масса же желаетъ жить въ мирѣ, работать и пользоваться плодами своего труда. Однако, мы видимъ какъ-разъ противоположное. По мѣрѣ демократизаціи государства и общества вражда между народами становится все болѣе острой, и опасность войны тяготѣетъ надъ человѣчествомъ все чаще и болѣе грозно, чѣмъ когда-либо.

Не трудно понять причины этого явленія. Вліяніе массъ всегда означаетъ господство въ политикѣ чувствъ и настроеній: національныя распри и расовая вражда стали значительно острѣе потому,—что бы ни говорили противъ этого провѣдники соціализма, что, собственно говоря, народныя массы являются истинными носителями національной исключительности и обособленности. Стоитъ только взглянуть на бѣлыхъ и негровъ, или на бѣлыхъ, китайцевъ и японцевъ въ Америкѣ, на англичанъ и ирландцевъ, на нѣмцевъ и поляковъ. Въ массахъ все еще остается кое-что отъ первобытнаго образа мыслей (этому быть-можетъ, никогда не суждено совершенно исчезнуть), по которому каждый, кто другого цвѣта, кто говоритъ на другомъ языкѣ, кто вѣруетъ по-другому, является не только чужимъ, но и врагомъ. Аристократы могутъ возвыситься надъ національно-расовыми различіями, массы же не могутъ. Поэтому XVIII в. породилъ идею всемірнаго гражданства, а XIX в. — идею національизма. Но вражда и войны между враждующими массами нѣчто совсѣмъ другое, нежели борьба между собой отдѣльныхъ владыкъ изъ-за куска земли или ради славы; первыя гораздо глубже потрясаютъ народы. Стоитъ только припомнить слова Фридриха Великаго, что нація не должна замѣчать, когда ея господинъ ведетъ войну, чтобы понять, какая пропасть и въ этомъ отношеніи отдѣляетъ демократическую эпоху отъ аристократической. Съ тѣхъ поръ, какъ въ битвахъ сражаются между собой не наемники, а вооруженные народы, войны стали гораздо страшнѣе, но происходятъ онѣ совсѣмъ не рѣже, нежели раньше.

Экономическій переворотъ вліялъ въ томъ же направленіи. Съ того времени, какъ большая часть европейскихъ народовъ живетъ промышленностью, борьба изъ-за рынковъ для вывоза является уже дѣломъ не отдѣльныхъ фабрикантовъ или купцовъ,—отъ нея теперь зависитъ личная судьба милліоновъ людей, которые это хорошо понимаютъ. Если громадное количество товаровъ, которое ежедневно производитъ промышленная нація въ родѣ англійской, въ значительной своей части вдругъ останется безъ покупателей, то сотни фабрикъ вынуждены были бы остановиться, а многія тысячи рабочихъ были бы выброшены на мостовую безъ куска хлѣба. Отсюда происходитъ постоянно возрастающее стремле-

ніе промышленныхъ государствъ къ расширенію своихъ колоній, которыя должны имъ доставлять сырой матеріалъ по болѣе дешевой цѣнѣ и служить вѣрнымъ рынкомъ для вывоза; отсюда происходитъ ожесточеніе одного народа, если какой-нибудь другой народъ, благодаря своей ловкости или хитрости, отниметъ у него рынокъ, которымъ онъ до сихъ поръ располагалъ. При каждомъ подобномъ случаѣ затрагиваются дѣйствительно жизненные интересы массъ, и послѣднія имѣютъ право требовать отъ государства, чтобы оно въ такихъ случаяхъ охраняло ихъ интересы. Слѣдовательно, когда соціалистическіе вожди пытаются увѣрить массы, будто внѣшняя и колоніальная политика для нихъ не имѣетъ никакого значенія и представляетъ собой лишь спортъ правящихъ классовъ, то это свидѣтельствуетъ лишь о полнѣйшемъ непониманіи съ ихъ стороны современнаго положенія вещей.

Не имѣя понятія объ этой зависимости, нѣтъ возможности правильно уразумѣть современный имперіализмъ. Основная его мысль та, что всѣ силы націи—политическія, военныя, экономическія и духовныя—должны составлять изъ себя одно крѣпкое и единое цѣлое, чтобы не погибнуть въ борьбѣ съ другими націями изъ-за существованія и изъ-за власти. Идеалъ имперіалистовъ, который, во всякомъ случаѣ, никогда не былъ достигнутъ и, вѣроятно, не будетъ достигнутъ, это—великое государство, основанное на національномъ фундаментѣ, которое располагало бы такой большой частью поверхности земли, чтобы все, что ему нужно, производилось въ собственной странѣ, и чтобы всѣ его товары распространялись по собственной странѣ. Но такое государство можетъ держаться и образоваться только путемъ насилія. Поэтому имперіализмъ требуетъ сильной арміи и флота, сильнаго правительства, которое управляло бы и крѣпко сдерживало бы отдѣльныя части страны, и, какъ необходимой предпосылки для своего существованія, твердаго убѣжденія своихъ гражданъ въ безусловномъ преимуществѣ своей народности на право существованія. Имперіализмъ развиваетъ тѣ могучія аристократическія силы, въ которыхъ онъ нуждается; необходимы сильная государственная власть и привыкшая приказывать аристократія, чтобы поддержать и сохранить единство столь большой имперіи; и весь господствующій народъ всемірной имперіи образуетъ опять-таки аристократію внутри всего цѣлаго, которой должна служить масса покоренныхъ народовъ, разсматриваемыхъ какъ низшіе.

Поэтому повсюду имперіализмъ повелъ къ усиленію правительствъ,—даже если вовсе не принимать во вниманіе Россію, гдѣ революція очень мало поколебала самодержавіе. Существовалъ ли за полтора послѣднихъ вѣка болѣе могущественный и лично болѣе вліятельный англійскій король, нежели Эдуардъ VII? Или со временъ междоусобной войны былъ ли болѣе вліятельный президентъ Соединенныхъ Штатовъ, нежели Теодоръ Рузвельтъ? И не ведется ли вся иностранная политика германской имперіи за послѣднія десятилѣтія исключительно по личнымъ тенденціямъ императора Вильгельма? Ясно выраженный демократическій характеръ изъ всѣхъ великихъ европейскихъ державъ носитъ лишь Франція, но и тамъ существуетъ парламентская аристократія, которая фактически управляетъ страной; точно также обстоитъ дѣло и въ Ита-

ліи, гдѣ благодаря избирательному цензу парламентская аристократія выражена еще рѣзче, нежели во Франціи. Ростъ армій и флотовъ, въ которыхъ всегда будетъ господствовать духъ поклоненія авторитету, самъ по себѣ оказываетъ вліяніе, противоположное демократическому направленію. Въ экономической области могущество предпринимателя также значительно усилилось благодаря союзамъ работодателей и трестамъ. За послѣдніе годы почти всюду при стачкахъ, которыя слѣдуетъ считать великой борьбой за власть между рабочими массами и руководителями процесса труда, рабочіе терпѣли пораженія.

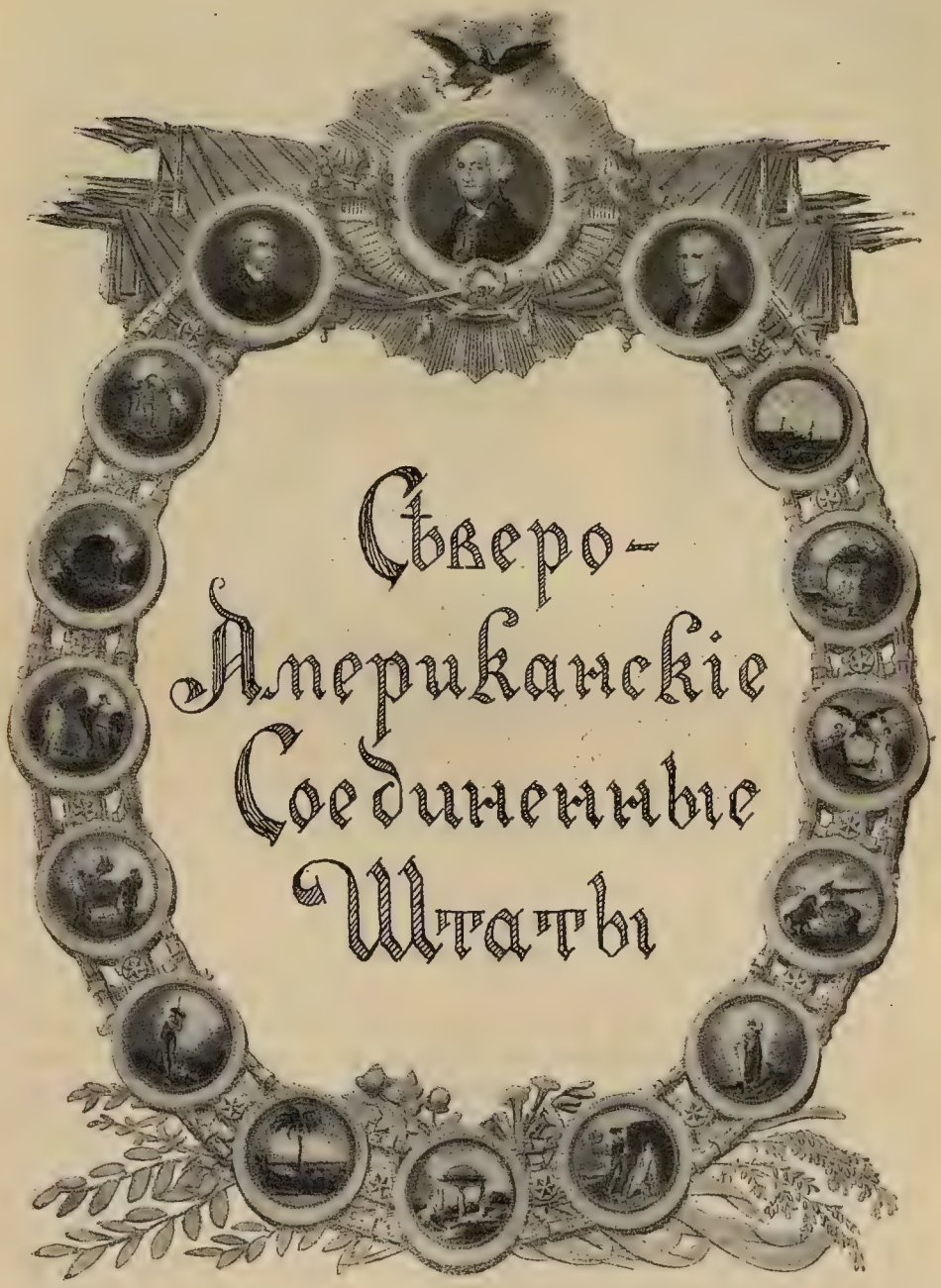
Идеалъ чистой демократіи—полное народовластіе—такъ же недостижимъ, какъ и идеалъ имперіализма. Въ каждой организаціи неизбѣжно возникаютъ аристократическія силы, которыя фактически берутъ въ свои руки руководительство, хотя бы онѣ и въ высшей степени соблюдали интересы массъ и въ высшей мѣрѣ дѣлали бы видъ, что творятъ исключительно лишь волю большинства. Въ самыхъ демократическихъ партіяхъ, представляющихъ собой также организаціи съ цѣлью борьбы за власть, ясно можно прослѣдить наличность подобныхъ аристократическихъ силъ. У клерикаловъ есть свои священники, и соціалисты находятся подъ управленіемъ сравнительно небольшихъ группъ писателей и парламентскихъ дѣятелей, которые частью были раньше сами рабочими, нынѣ же живутъ на средства партійныхъ кассъ или на доходы отъ своей литературной дѣятельности.

Подобныя вліятельныя аристократическія силы въ каждомъ организованномъ обществѣ тѣмъ необходимѣе и тѣмъ вліятельнѣе, чѣмъ крупнѣе самая организація, которую онѣ связываютъ въ одно цѣлое. Демократія всегда будетъ чувствовать себя всего лучше въ небольшихъ государствахъ, тогда какъ большое государство и производитъ аристократовъ и нуждается въ нихъ. Поэтому этого рода силы за послѣднія десятилѣтія, благодаря возникновенію всемірныхъ имперій и ихъ борьбѣ за власть, значительно возросли и укрѣпились и, по всей вѣроятности, будутъ пріобрѣтать тѣмъ большее могущество, чѣмъ острѣе будетъ эта борьба, и чѣмъ необходимѣе поэтому руководящія силы для народныхъ массъ, участвующихъ въ ней.

И едва ли можно представить себѣ, чтобы эта борьба могла прекратиться въ ближайшее время. Правда, нынѣ временно поверхность земли, которою человѣчество располагаетъ, болѣе или менѣе распредѣлена между народами, но подобное распредѣленіе никогда не можетъ быть окончательнымъ. Несомнѣнно еще предстоитъ великое столкновеніе между бѣлой и желтой расами по поводу границъ ихъ сферы господства; и никто не знаетъ, будутъ ли всегда подчиняться европейскому владычеству тѣ магометанскіе народы, которые нынѣ совершенно покорены. Ни для кого не составляетъ тайны, что въ настоящее время Соединенные Штаты работаютъ въ томъ направленіи, чтобы вырвать изъ-подъ власти метрополіи всѣ европейскія колоніи, находящіяся на американской почвѣ; что Россія, какъ только нѣсколько оправилась отъ понесенныхъ ею пораженій, снова начала стремиться къ обладанію портомъ, свободнымъ отъ льдовъ, въ Тихомъ океанѣ и къ господству надъ Босфоромъ; что Австро-Венгрія и Италія охотно усилили бы

свое вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ; что Италія стремится занять Триполи, а Франція—Марокко; что Германія охотно бы пріобрѣла колоніи, которыя могли бы заселяться бѣлыми, и куда направлялась бы изъ нея эмиграція; наконецъ, что Англія желала бы разгромить каждое государство, которое хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ угрожало ея морскому могуществу. И кто нынѣ въ состояніи взвѣсить, какія измѣненія въ сношеніяхъ между народами и въ техникѣ войны произойдутъ въ результатѣ новѣйшихъ великихъ открытій? Проблема постройки управляемаго воздухоплавательнаго аппарата, интересующая уже нѣсколько поколѣній, въ настоящее время, повидимому, близка къ рѣшенію. Воодушевленіе, съ которымъ вся Германія привѣтствовала опыты графа Цеппелина и первые его успѣхи, грандіозныя пожертвованія, которыя были предоставлены германскимъ народомъ въ послѣдніе мѣсяцы этому геніальному изобрѣтателю послѣ гибели его воздушнаго корабля, съ тѣмъ, чтобы дать возможность дѣлать дальнѣйшіе опыты и еще болѣе развивать идеи Цеппелина, разумѣется, въ значительной степени сводятся къ непосредственному восхищенію дѣятельностью генія, выразившагося въ этомъ актѣ; но, безъ сомнѣнія, здѣсь не безъ вліянія была и національная надежда, что въ будущихъ великихъ конфликтахъ нѣмцы будутъ имѣть извѣстнаго рода преимущества, вытекающія изъ обладанія подобнымъ новымъ средствомъ борьбы. Слѣдовательно, борьба будетъ итти дальше и даже, вѣроятно, будетъ постоянно обостряться.

И въ этомъ ничего не измѣнитъ движеніе въ пользу мира, возникшее въ послѣдніе годы и наиболѣе значительно выразившееся въ обѣихъ гаагскихъ конференціяхъ 1899 и 1907 годовъ. Конечно, имъ удалось болѣе опредѣленно нормировать военные обычаи на морѣ и сушѣ и установить третейскій судъ для менѣе существенныхъ столкновеній между государствами, но самый проектъ разоруженія потерпѣлъ полную неудачу. Во всѣхъ дѣйствительно важныхъ конфликтахъ, касающихся взаимнаго соотношенія силъ между народностями и великими державами, и теперь такъ же, какъ и раньше, единственнымъ судьей является богъ войны. Поэтому наиболѣе могущественнымъ ручательствомъ за то, что не вспыхнетъ всемірная война, и что отдѣльныя войны и впредь, какъ и въ послѣднія десятилѣтія, будутъ ограничиваться областями своего первоначальнаго возникновенія, заключается въ тѣсномъ сплетеніи экономическихъ интересовъ всѣхъ странъ и въ существованіи нѣсколькихъ великихъ державъ, изъ которыхъ ни одна не имѣетъ надъ другой столь значительнаго перевѣса, чтобы безъ страшной опасности для себя начать войну. Разумѣется, такія гарантіи не имѣютъ безусловнаго значенія, и именно при великихъ расовыхъ конфликтахъ онѣ окажутся недостаточными. Ибо въ подобныхъ случаяхъ на карту ставятся не только вывозные рынки и сферы вліянія, но и духовные жизненные интересы и культурныя особенности народностей. И побѣда въ подобнаго рода борьбѣ будетъ на той сторонѣ, которая располагаетъ болѣе дѣятельными силами, умственными, нравственными и организаторскими.


Сѣверо-
Американскіе
Соединенные
Штаты

1. Страна и ея обитатели.

Всемірная исторія должна намъ указать, какой вкладъ внесла каждая отдѣльная нація въ сокровищницу общечеловѣческой культуры. Если мы съ этой точки зрѣнія взглянемъ на исторію Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, то убѣдимся, что главное ихъ историческое значеніе заключается въ томъ, что они открыли и культивировали громадныхъ размѣровъ земли, образовали общество, значительно отличающееся отъ европейскаго, и создали основанное на новыхъ началахъ государство. Въ будущемъ Америка дастъ намъ, можетъ-быть, пролагающихъ новые пути великихъ ученыхъ, художниковъ и поэтовъ, но въ прошломъ она возбуждаетъ наше удивленіе, какъ піонеръ въ преодолѣніи и подчиненіи силъ природы и какъ передовой борецъ за новыя политическія и соціальныя идеи. Въ Соединенныхъ Штатахъ впервые была сдѣлана попытка отдать управленіе великимъ государствомъ въ руки свободно распоряжающагося своими судьбами народа. Эта попытка увѣнчалась до извѣстной степени успѣхомъ. Возможность свободнаго развитія обезпечена какъ частямъ, такъ и цѣлому благодаря соединенію республиканскаго образа правленія съ федеративной формой государства. Съ великой политической идеей свободы тѣсно связана господствующая въ американской жизни соціальная идея—идея равенства. Въ Соединенныхъ Штатахъ серьезно рѣшились слить въ единую націю смѣсь разныхъ народовъ и расъ земного шара,—въ націю, всѣ члены которой чувствовали бы себя равноправными

людьми. Никто не будетъ утверждать, что этотъ идеалъ нашелъ свое полное осуществленіе. Но все же нужно признать, что демократическая идея, эта господствующая идея нашей эпохи, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не проявлялась въ такомъ большомъ масштабѣ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Величайшимъ подвигомъ американцевъ, наряду съ образованіемъ государства и общества, мы считаемъ также развитіе хозяйственной жизни. Въ короткое время они овладѣли страной отъ океана до океана, обработали ее, покрыли сѣтью желѣзныхъ дорогъ, полями, садами и населеннѣйшими городами. Этотъ подвигъ, можно сказать, граничитъ съ чудомъ.

Если мы, такимъ образомъ, видимъ въ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ порядкахъ самыя рельефныя проявленія американскаго генія, самые значительные его вклады въ общечеловѣческую культуру, то и въ разсказѣ объ американскомъ прошломъ мы должны будемъ обращать главное вниманіе на исторію учрежденій. Крупныя событія рѣдки въ американской исторіи; войны, дипломатическія сношенія, борьба партій должны въ нашемъ разсказѣ отступить назадъ передъ исторіей развитія свободной конституціи и демократическаго общества и передъ побѣдоноснымъ движеніемъ народа отъ Атлантическаго океана къ Тихому.

Поразительнымъ успѣхамъ американцевъ способствовала, разумѣется, сама природа: богатство почвы и благопріятный климатъ. Безъ этихъ условій успѣхи американцевъ были бы вообще невозможны. На огромномъ американскомъ материкѣ безконечно велики многообразіе и обиліе его природныхъ богатствъ. На востокѣ онъ представляетъ собою равнину, которая въ общемъ должна быть признана довольно плодородной; она прорѣзывается глубокими морскими бухтами и прекрасными рѣками, открывающими доступъ во внутреннія части страны. Затѣмъ идутъ богатыя углемъ и желѣзомъ сравнительно невысокія горы; дальше простирается необъятная, отличающаяся чрезвычайнымъ плодородіемъ, равнина, ограниченная съ сѣвера системой внутреннихъ морей. По ней протекаютъ огромныя судоходныя рѣки; онѣ всюду доступны и весьма щедро вознаграждаютъ трудъ человѣка. Долина Миссиссипи, говоритъ Токвиль, представляетъ собою, если принять въ соображеніе всѣ условія, прекраснѣйшую изъ всѣхъ областей, предназначенныхъ когда-либо Богомъ людямъ для жизни. И тѣмъ не менѣе, прибавляетъ онъ, она все еще продолжаетъ оставаться огромной пустыней. На западѣ отъ этой благословенной долины поднимается обширное плоскогорье, сухость климата котораго является непреодолимой преградой на пути дальнѣйшаго проникновенія земледѣльца. Обиліе минеральныхъ богатствъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ Скалистыхъ горъ, какъ бы вознаграждаетъ человѣческій трудъ за неплодородность почвы, являющуюся слѣдствіемъ неблагопріятнаго климата; обширныя пространства пригодны для скотоводства, а недостающіе атмосферическіе осадки можно до извѣстной степени замѣнить искусственнымъ орошеніемъ.

Материкъ Соединенныхъ Штатовъ, простирающійся на разстояніи свыше 25 градусовъ широты и 50 градусовъ долготы, представляетъ разнообразіе

климатическихъ условій, встрѣчающихся въ умѣренномъ поясѣ. За исключеніемъ прибрежной полосы, въ которой времена года незначительно отличаются другъ отъ друга по своей температурѣ, климатъ Сѣверной Америки отличается большими крайностями: зима тамъ болѣе холодная, а лѣто болѣе жаркое, чѣмъ въ Европѣ въ соотвѣтствующихъ широтахъ. Въ Миннесотѣ часто замерзаетъ ртуть, въ Нью-Іоркѣ (лежитъ въ одной широтѣ съ Неаполемъ) такая же зима, какъ въ сѣверной Германіи, и вплоть до Мексиканскаго залива, даже до Флориды, свирѣпствуютъ зимою сильные морозы, причиняющіе часто большой вредъ апельсиннымъ плантаціямъ. Чрезвычайно сильная лѣтняя жара вошла въ пословицу, а большая сырость дѣлаетъ эту жару часто совершенно невыносимой. Количество выпадающихъ атмосферныхъ осадковъ въ восточной половинѣ Соединенныхъ Штатовъ очень значительно. По направленію къ западу оно замѣтно убываетъ, и сотый градусъ долготы къ западу отъ Гринича означаетъ границу, по ту сторону которой успѣшное воздѣлываніе земли дѣлается невозможнымъ безъ помощи искусственнаго орошенія. Но именно этотъ сухой воздухъ дѣлаетъ западъ Америки особенно здоровой областью. Въ общемъ климатическія условія всюду, за исключеніемъ нѣкоторыхъ жаркихъ и сырыхъ низменностей на юго-востокѣ, таковы, что человѣкъ, въ особенности бѣлой расы, можетъ жить здѣсь безъ вреда для своего здоровья, и всѣ произведенія почвы умѣреннаго пояса и даже нѣкоторыя подтропическаго могутъ быть здѣсь культивированы.

Само собою разумѣется, что условія природы оказали величайшее вліяніе на исторію страны и характеръ ея жителей. Игравшее такую значительную роль различіе между хозяйственнымъ строемъ сѣвера и юга,—противоположность рабства и свободнаго труда была слѣдствіемъ различія климатическихъ условій. Подъ вліяніемъ обширности пространства, плодородія почвы и обилія природныхъ богатствъ выработались, какъ это замѣтилъ Ратцель, та широта мышленія, то отсутствіе мелочности и зависти, тотъ предпріимчивый оптимизмъ, которые стали столь характерны для американцевъ. Сколько перемѣнъ уже пережила Америка въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, и чего еще нельзя ждать отъ этой страны неограниченныхъ возможностей!

Большое значеніе имѣло также и то обстоятельство, что эта часть земного шара была почти совершенно безлюдна, когда на нее ступила нога первыхъ бѣлыхъ. Теперь невозможно установить, какъ велико было число индѣйцевъ три или четыре вѣка тому назадъ, но косвенныя доказательства позволяютъ намъ съ значительной увѣренностью утверждать, что ихъ вовсе не было такъ много, какъ это часто предполагали раньше, и что въ предѣлахъ теперешняго Союза едва ли было свыше нѣсколькихъ сотъ тысячъ краснокожихъ. Они жили преимущественно охотой и рыболовствомъ; со скотоводствомъ они были незнакомы, и ихъ земледѣліе ограничивалось засѣваніемъ небольшого количества табака и маиса. Они поэтому не знали частной собственности на землю. Земля, имѣвшая для нихъ цѣнность лишь какъ мѣсто для охоты, принадлежала племени. Ихъ политическая организація была крайне неопредѣленная и непрочная. Они жили безчисленными племенами,

ожесточенно воевавшими другъ съ другомъ. Иногда нѣсколько племенъ объединялось въ одинъ союзъ, но правильная государственная организація была имъ совершенно чужда.

Продолжительное мирное сожительство бѣлыхъ и индѣйцевъ было такъ же невозможно, какъ и порабощеніе краснокожихъ. Бѣлые стремились захватить какъ можно больше земли, индѣйцы же всегда бѣдствовали, несмотря на обширность территоріи, и каждое уменьшеніе ихъ земли означало для нихъ голодъ и лишенія; приспособиться же къ новымъ условіямъ они не могли. Но и порабощать себя они также не давали. Индѣецъ—не негръ, не рабская натура: гордый и властный, храбрый и безстрашный, онъ предпочтетъ голодъ и смерть мирной жизни въ рабствѣ.

Между бѣлыми и индѣйцами должна была возникнуть борьба, и исторія колонизаціи Америки сопровождается безконечнымъ рядомъ войнъ съ индѣйцами. Эти войны богаты романтическими эпизодами, но въ общемъ все-таки однообразны; отличаясь многими славными подвигами, онѣ все же представляютъ собою печальную страницу американской исторіи. Убійства и пожары, ужасныя жестокости съ обѣихъ сторонъ, коварныя нападенія и страшная месть — все это намъ достаточно хорошо извѣстно по многочисленнымъ разсказамъ. Результатомъ этихъ войнъ всегда являлось вытѣсненіе туземцевъ. Хорошая организація и высшая культура бѣлыхъ должны были, въ концѣ концовъ, одержать побѣду надъ некультурными и плохо организованными индѣйцами, тѣмъ болѣе, что они были менѣе многочисленны, чѣмъ бѣлые.

Какъ ни незначительно было участіе индѣйцевъ въ развитіи американской культуры, все же индѣйскія войны имѣли не маловажное значеніе въ выработкѣ американскаго національнаго характера. Постоянно угрожавшая индѣйская опасность мѣшала раздробленію силъ, заставляла крѣпко держаться другъ за друга и служила побужденіемъ къ сильной организаціи и непрестанной бдительности; все это способствовало поддержанію того военнаго духа, который такъ ярко проявился какъ въ войнѣ противъ Англіи, такъ и въ междоусобной войнѣ.

2. Основы американской демократіи.

Можно считать вполнѣ достовѣрнымъ, что норманны, эти смѣлые мореплаватели, посѣтили сѣверо-американскій континентъ уже въ XI вѣкѣ. Но какъ только мы желаемъ узнать подробности, то сейчасъ же начинаются сомнѣнія, и всѣ остроумныя изслѣдованія не могутъ открыть, гдѣ находится Винландъ саги [1]). Какъ ни интересны этотъ вопросъ и связанные съ нимъ другіе, все же они не имѣютъ никакого всемірно-историческаго зна-

[1]) Подъ именемъ Винланда въ X вѣкѣ у скандинавскихъ мореплавателей былъ извѣстенъ восточный берегъ Сѣверной Америки (нынѣ Массачузетсъ и Родъ-Айландъ).
Ред.

ченія: для исторіи Христофоръ Колумбъ былъ и остается тѣмъ, кто впервые открылъ Новый Свѣтъ. Нѣсколько лѣтъ послѣ Колумба, а именно въ 1497 г., его соотечественникъ Джованни Каботъ переправился по порученію англійскаго правительства черезъ Атлантическій океанъ и открылъ сѣверо-американскій континентъ. Какъ мало мы ни знаемъ объ этой и о второй экспедиціи, предпринятой тѣмъ же Каботомъ годомъ позже, все же экспедиціи эти пріобрѣли большое значеніе благодаря тому, что англичане основывали на нихъ свои притязанія на восточное прибрежье Сѣверной Америки.

Прошло, однако, еще долгое время, пока Англія сдѣлалась въ состояніи осуществить свои притязанія. Въ XVI вѣкѣ Испанія была очень сильна на морѣ и на сушѣ, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Испанскіе піонеры прошли тогда сѣверо-американскій континентъ по всѣмъ направленіямъ, и ничто не мѣшало бы имъ вопреки англійскимъ притязаніямъ завладѣть имъ цѣликомъ; но обильныя сокровища юга привлекали испанцевъ больше, чѣмъ негостепріимные первобытные лѣса и безконечныя преріи сѣвера; они удовольствовались лишь тѣмъ, что кое-гдѣ, напримѣръ, во Флоридѣ и Новой Мексикѣ, построили нѣсколько фортовъ и основали нѣсколько миссіонерскихъ пунктовъ.

Для Англіи XVI вѣкъ былъ эпохой подготовки къ своему всемірно-историческому призванію. Все больше и больше она освобождалась отъ континентальныхъ конфликтовъ, въ которые она впуталась въ средніе вѣка, и превращалась въ ту великую и могущественную торговую и колоніальную морскую державу, какой ее знаетъ современная исторія. Пораженіе, нанесенное морскому могуществу Испаніи, было важнымъ шагомъ на этомъ пути и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимой предпосылкой успѣшной англійской колонизаціи въ Америкѣ. И другія необходимыя условія этой колонизаціи также были на-лицо въ Англіи въ царствованіе Елизаветы. Это было время смѣлыхъ стремленій, новыхъ идей, предпріимчивости и оптимизма. Нѣкоторые даже считаютъ эти качества американцевъ наслѣдіемъ ихъ предковъ елизаветинской эпохи. Это была также эпоха экономическаго переворота, когда быстро возрастало богатство, и столь же быстро увеличивалась и бѣдность. Вслѣдствіе возрастанія цѣнъ на шерсть, многія поля были обращены въ пастбища, и многочисленные крестьяне-собственники превратились въ пролетаріевъ. Капиталъ искалъ помѣщенія, а многія безработныя руки искали работы. Гдѣ же было больше шансовъ на прибыль для капиталистовъ, больше мѣста для бьющихъ черезъ край народныхъ силъ, больше возможности найти работу для безработныхъ, если не въ далекихъ заморскихъ колоніяхъ? Открытое Каботомъ восточное прибрежье Сѣверной Америки, куда англійскіе рыбаки ежегодно отправлялись на промыслъ, было самымъ подходящимъ мѣстомъ для подобнаго опыта.

Первыя попытки англійской колонизаціи Новаго Свѣта восходятъ еще къ эпохѣ царствованія Елизаветы. Гумфрей Гильбертъ и его сводный братъ Вальтеръ Ралей первые задумали создать постоянныя англійскія колоніи въ Америкѣ. Но въ 1583 г. во время экспедиціи Гумфрей погибъ въ

волнахъ океана и колоніи, основанныя подъ покровительствомъ Ралея въ области, названной въ честь дѣвственницы королевы Виргиніей, имѣли печальный конецъ. Эти попытки вызвали, однако, оживленіе интереса къ колоніальной политикѣ и укрѣпили убѣжденіе, что Сѣверная Америка должна быть цѣлью англо-саксонской колонизаціи.

Въ первые годы царствованія короля Якова I нѣкоторые англійскіе капиталисты рѣшили осуществить замыселъ Ралея въ большемъ масштабѣ и объединились въ торговую компанію по примѣру Московской и Остъ-индской компаній. Ихъ цѣлью было, разумѣется, сдѣлать выгодное дѣло. Тогда еще не отказались отъ мысли открыть путь въ восточную Азію черезъ Америку; кромѣ того, они надѣялись найти тамъ золотые и серебряные пріиски. Ибо почему бы Виргиніи не скрывать въ своихъ нѣдрахъ столько же благородныхъ металловъ, какъ и Перу? Въ 1606 г. король Яковъ I подписалъ льготную грамату, дававшую обществу, получившему названіе Виргинской компаніи, право колонизаціи Сѣверной Америки отъ 34 до 45 градуса широты. При этомъ были образованы двѣ группы: одна группа, состоявшая изъ лондонскихъ участниковъ компаніи, должна была колонизовать южную часть прибрежья отъ 34 до 38 градуса широты, другая группа участники которой были большей частью изъ западной Англіи, получила для колонизаніи область отъ 41 до 45 градуса широты. Право колонизаціи лежащей посрединѣ области было предоставлено съ извѣстными ограниченіями обѣимъ группамъ.

Въ сѣверной части прибрежья, въ позднѣйшей Новой Англіи, компанія сначала не пошла дальше нѣсколькихъ слабыхъ попытокъ колонизаціи. Лондонская же компанія въ первый годъ своего основанія снарядила экспедицію; послѣдняя покинула берега Темзы 19 декабря 1606 г. и въ маѣ 1607 г. пристала къ устью рѣки Джемсъ-Риверъ—къ тому мѣсту, которое было названо въ честь короля Джемстоуномъ. Колонисты, состоявшіе большей частью изъ непривыкшихъ къ работѣ искателей приключеній, сначала страшно страдали отъ климата очень неудачно выбраннаго ими мѣста. Виргинскія поселенія были бы, вѣроятно, скоро оставлены, если бы поселенцы не нашли въ культурѣ табака замѣну благородныхъ металловъ, которыхъ они напрасно искали. Только культура табака обезпечила будущность Виргиніи.

Виргинская колонія обязана своимъ происхожденіемъ такимъ же мотивамъ, какъ и испанскія, португальскія и голландскія поселенія той эпохи Предпріимчивые купцы были ея основателями, искатели приключенія—ея колонистами. Тутъ дѣйствовали чисто-матеріальные мотивы. Въ основаніи этой колоніи проявилась одна сторона американскаго народнаго характера: смѣлый и иногда даже фантастическій духъ предпріимчивости и настойчивая борьба съ могучей и часто враждебной природой съ цѣлью добиться матеріальнаго благосостоянія.

Но мы были бы очень несправедливы къ американскому національному характеру, если бы стали разсматривать, какъ это, къ сожалѣнію, часто дѣлаютъ, стремленіе къ наживѣ, какъ единственный или даже преобла-

ПУРИТАНЕ ВЪ МАССАЧУЗЕТСѢ.

КАПИТУЛЯЦІЯ ПРИ САРАТОГѢ (1777 г.).

дающій мотивъ дѣятельности этого народа. Издавна надъ умомъ американца властвовали великія нравственныя и религіозныя идеи. Первые поселенцы Новой Англіи, приставшіе къ берегу Нью-Плимута на кораблѣ «Mayflower», были воплощеніемъ этихъ идей. Колумбъ открылъ, какъ выражается Годвинъ Смитъ, новый континентъ; эти же переселенцы открыли Новый Свѣтъ, если подъ Новымъ Свѣтомъ разумѣется не нѣчто видимое, а тѣ новыя идеи, сдѣлавшія его тѣмъ, чѣмъ онъ есть теперь.

Характернымъ для пуританъ является не столько ихъ ученіе, сколько ихъ жизнепониманіе. Они стремились не только къ религіозной реформѣ, но желали преобразовать согласно своимъ идеаламъ и всю политическую и соціальную жизнь: государство, общество и церковь должны были служить средствомъ къ нравственному совершенствованію индивидуума. Гдѣ же они могли надѣяться осуществить свой идеалъ града Божьяго полнѣе, чѣмъ на дѣвственной почвѣ Новаго Свѣта? Группа пуританъ, бѣжавшая отъ религіозныхъ преслѣдованій въ Нидерланды, но чувствовавшая антипатію къ свѣтской жизни тогдашней Голландіи, вступила въ переговоры съ Виргинской компаніей объ уступкѣ имъ участка земли. Послѣ успѣшнаго окончанія этихъ переговоровъ они сѣли въ Плимутѣ на корабль, и 6 сентября 1620 г. ихъ корабль «Mayflower» снялся съ якоря. 9 ноября показался американскій берегъ. Вскорѣ, однако, они убѣдились, что находятся не во владѣніяхъ Виргинской компаніи, а далеко на сѣверѣ отъ нихъ, въ Новой Англіи, и потому не имѣютъ юридическаго права на эту землю. Это затрудненіе они устранили договоромъ, который подписали 2 ноября 1620 г. въ каютѣ корабля всѣ находившіеся на «Mayflower» мужчины, въ числѣ 41 человѣка. Они объединились, какъ сказано въ этомъ достопримѣчательномъ документѣ, въ политическую корпорацію и обязались подчиняться законамъ и распоряженіямъ, которые они сами издадутъ для общей пользы, и избраннымъ ими властямъ. Въ руководители этой маленькой общины они выбрали на годъ губернатора, а важныя рѣшенія принимались собраніемъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ. Это былъ часъ рожденія американской демократіи.

Раньше всего нужно было найти мѣсто, годное для поселенія. Послѣ долгихъ поисковъ такое мѣсто было найдено, и оно было названо по имени мѣста отъѣзда—Нью-Плимутомъ; на этотъ городъ американецъ смотритъ почти какъ на святое мѣсто, въ которое онъ отправляется, чтобы уйти отъ дѣловой суеты и сутолоки американской жизни; въ торжественной тишинѣ густо усаженнаго деревьями стараго пуританскаго города онъ мысленно возвращается къ идеаламъ своихъ предковъ и находитъ здѣсь отличный душевный отдыхъ.

Нью-плимутскимъ пуританамъ пришлось бороться съ голодомъ и непогодой не меньше, чѣмъ первымъ джемстоунскимъ поселенцамъ. Но они, въ концѣ концовъ, преодолѣли всѣ затрудненія, и ихъ примѣръ послужилъ ободреніемъ для ихъ собратьевъ по вѣрѣ, рѣшившихъ повторить въ большемъ масштабѣ то, что удалось въ Нью-Плимутѣ. Такъ возникла въ 1628 г. большая пуританская колонія въ Массачузетсѣ, съ которой позднѣе соединилась

болѣе старшая, но меньшая по своимъ размѣрамъ колонія. Юридическая форма, въ которой осуществлено было это предпріятіе, была та же, что и въ Виргиніи. И Массачузетсъ былъ также основанъ привилегированной компаніей, но здѣсь господствовалъ уже совершенно другой духъ. Виргинская компанія была обществомъ, основаннымъ съ цѣлью наживы, и посылала за океанъ въ качествѣ колонистовъ искателей приключеній; Массачузетская же компанія хотѣла быть только полезной своимъ терпѣвшимъ притѣсненія собратьямъ по вѣрѣ; ея участники сами эмигрировали и перенесли мѣстопребываніе компаніи въ Америку. Предпріятіе, осуществленное съ немалыми матеріальными средствами и съ не меньшей энергіей, увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ. Массачузетсъ былъ вскорѣ окруженъ цѣлымъ рядомъ поселеній, изъ которыхъ самымъ знаменитымъ былъ Бостонъ, и религіозные, политическіе и соціальные идеалы великаго женевскаго реформатора нашли здѣсь свое осуществленіе, насколько это было возможно сдѣлать смертнымъ людямъ, которымъ свойственно ошибаться. Но и въ этомъ градѣ Божьемъ были недовольные, и изъ оппозиціи по отношенію къ господствовавшей въ Массачузетсѣ тѣснѣйшей связи между церковью и государствомъ выросла великая, направляющая американскую жизнь идея отдѣленія церкви отъ государства, нашедшая первое свое осуществленіе въ Родъ-Айландѣ (1636 г.).

Религіозные мотивы играли значительную роль также и при основаніи Мэриланда. Лордъ Балтиморъ, знатный католикъ, желалъ основать на американской почвѣ одновременно и свободное убѣжище для своихъ единовѣрцевъ, и княжество для себя самого. Къ этимъ старѣйшимъ колоніямъ присоединились и другія: Нью-Гампширъ и Коннектикутъ въ Новой Англіи, обѣ Каролины, а въ XVIII вѣкѣ Георгія на югѣ.

Между ново-англійскими колоніями и Мэриландомъ лежала обширная полоса земли, колонизованная сначала нидерландцами и шведами. Послѣдніе основали въ 1638 г. маленькую колонію въ теперешнемъ штатѣ Делаварѣ. Центральнымъ пунктомъ нидерландской колоніальной области былъ Новый Амстердамъ на островѣ Мангаттанѣ, основанный въ 1626 г. и бывшій съ самаго начала важнымъ торговымъ пунктомъ. Внутренняя часть области была колонизована на основѣ своеобразной системы земельной собственности, такъ называемой системы патроната, которую сохранила въ теченіе очень долгаго времени колонизація въ области Гудсона.

Голландская колоніальная область врывалась клиномъ между англійскими колоніями; народъ, владѣвшій Бостономъ и Нью-Гавеномъ, Чарльстономъ и Балтиморой, не могъ оставить во владѣніи другихъ Нью-Іоркскую гавань и долину рѣки Гудсона. Какъ нидерландцы постарались при первомъ случаѣ завладѣть Новой Швеціей, такъ и англичане завладѣли въ 1664 г. Новыми Нидерландами. Новый Амстердамъ еще разъ возвратился, правда, на очень короткое время, подъ власть Генеральныхъ Штатовъ, но въ 1674 г. онъ навсегда превратился въ Нью-Іоркъ.

На мѣстѣ Новыхъ Нидерландовъ и Новой Швеціи выросли четыре

англійскихъ колоніи: Нью-Іоркъ, Нью-Джерси, Делаваръ и Пенсильванія. Какъ нѣкогда Карлъ I пожаловалъ Мэриландъ въ качествѣ самостоятельнаго княжества католическому лорду Балтимору, такъ и Карлъ II пожаловалъ Пенсильванію квакеру Вильяму Пенну. Лѣсная страна Пенна была съ самаго начала убѣжищемъ не только для всегда пользовавшихся тамъ значительнымъ вліяніемъ собратьевъ по вѣрѣ основателя этой колоніи, но также и для преслѣдуемыхъ всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ національностей. Въ противоположность пуританской Новой-Англіи и аристократической Виргиніи, Пенсильванія проявляла тотъ духъ религіозной терпимости, широкой гуманности и предупредительности по отношенію къ инако-вѣрующимъ и чужестранцамъ, безъ котораго Соединенные Штаты не сдѣлались бы міровой державой.

Ростъ народонаселенія въ колоніяхъ происходилъ довольно медленно въ XVII вѣкѣ и сравнительно быстро въ первой половинѣ XVIII вѣка. Въ 1700 г. населеніе Новой Англіи равнялось по новѣйшимъ вычисленіямъ 105000, Новыхъ Нидерландовъ—59000 и южныхъ колоній—89000 человѣкъ, а уже въ срединѣ XVIII вѣка населеніе Новой Англіи равнялось по приблизительнымъ вычисленіямъ около 400000, населеніе среднихъ колоній—около 350000, населеніе южныхъ колоній—свыше 600000 человѣкъ. Населеніе Новой Англіи было почти однородно по своей расѣ и вѣрѣ; то были англичане и пуритане. И на югѣ также было гораздо больше англичанъ среди бѣлаго населенія; однако, здѣсь встрѣчались отдѣльные гугеноты (въ особенности въ Южной Каролинѣ), нѣмцы и шотландскіе ирландцы (протестанты). Наиболѣе смѣшаннымъ было населеніе Новыхъ Нидерландовъ; къ поселившимся здѣсь сначала шведамъ и голландцамъ присоединились потомъ англичане, шотландцы и ирландцы, отдѣльные гугеноты и евреи, но больше всѣхъ—нѣмцы, которыхъ было особенно много въ Пенсильваніи. Колоніи обыкновенно основывались вблизи морского берега и медленно распространялись дальше вдоль водныхъ теченій по направленію къ внутренней части страны; лишь въ XVIII вѣкѣ форпосты этихъ колоній дошли до Аллеганскихъ горъ. Только немногіе смѣлые охотники и торговцы рѣшались проникнуть въ лежавшую за этими горами пустыню.

Уже въ эпоху колонизаціи образовались тѣ глубокія экономическія и соціальныя различія между отдѣльными частями страны, которыя оказали огромное вліяніе на исторію Соединенныхъ Штатовъ и теперь еще имѣютъ очень большое значеніе. Глубоко ошибоченъ взглядъ, будто они вызваны различіемъ происхожденія. Часто противопоставляли другъ другу, въ особенности во время междоусобной войны, виргинскихъ кавалеровъ, потомковъ древней нормандской знати,—янки, потомкамъ крестьянъ и торговцевъ. Но не различіе происхожденія, которое, впрочемъ, и не доказано, было причиной той противоположности, какая существуетъ между экономической жизнью Новой Англіи и Виргиніи, а естественныя условія почвы и климата, оказавшія самое рѣшительное вліяніе на хозяйственный строй и общественныя отношенія штатовъ.

Виргинія, какъ мы уже упомянули, оказалась очень пригодной для

культуры табака, и такъ какъ куреніе начинало входить тогда въ моду, и табакъ стоялъ высоко въ цѣнѣ на рынкѣ, то каждый колонистъ старался производить возможно больше табаку и пріобрѣсти для этого возможно больше земли. Такъ какъ земля обладала тогда очень незначительной цѣнностью, то было не трудно пріобрѣсти большіе участки земли; отдѣльныя земельныя пожалованія достигали тысячи и даже десятковъ тысячъ моргеновъ, и такимъ образомъ возникли крупныя латифундіи, за которыя ихъ владѣльцамъ приходилось платить только государственныя пошлины, да, можетъ-быть, кое-кого во-время подкупить.

Въ землѣ недостатка не было, главное затрудненіе было въ недостаткѣ рабочихъ силъ. Въ XVII вѣкѣ обходились преимущественно бѣлыми работниками, которые набирались болѣе или менѣе согласно законамъ Англіи или континента и обязывались за уплату расходовъ на переѣздъ работать извѣстное количество лѣтъ. Въ теченіе этого времени рабочіе, носившіе названіе «Indented servants» (обязанные), были подчинены очень строгой дисциплинѣ, но по истеченіи срока службы они получали деньги, платье, оружіе, а также участокъ земли, и если были достаточно ловки и трудолюбивы, то могли добиться благосостоянія и общественнаго положенія.

По мѣрѣ расширенія плантацій нужда въ рабочихъ силахъ все росла и росла. Всюду сдѣлалось болѣе выгоднымъ пользоваться той рабочей силой, которой давно уже пользовались на Вестъ-Индскихъ островахъ, а именно: рабами-неграми, ибо рабъ-негръ долженъ былъ работать всю свою жизнь, его потомство принадлежало владѣльцу, и растущій спросъ на рабочія силы легко могъ быть удовлетворенъ торговлей неграми. Уже въ 1619 г.—значитъ, всего только черезъ 12 лѣтъ послѣ основанія колоніи—были проданы голландцами въ Виргинію первые чернокожіе рабы. Въ слѣдующія затѣмъ ближайшія десятилѣтія рабство, правда, сдѣлало незначительные успѣхи, и въ 1650 г. было только 300 чернокожихъ рабовъ въ колоніи. Но въ послѣднія десятилѣтія XVII в. непрерывно возрасталъ ввозъ чернокожихъ, и рабство тѣсно сросталось съ плантаторскимъ хозяйствомъ. Какъ культура табака вызвала крупное хозяйство, а крупное хозяйство введеніе рабства, такъ и введеніе рабства способствовало, въ свою очередь, расширенію размѣровъ плантаторскаго хозяйства. Ибо чѣмъ больше было рабовъ, тѣмъ меньше были расходы на надзоръ за каждымъ отдѣльнымъ рабомъ и на его прокормленіе, и тѣмъ доходнѣе, слѣдовательно, было хозяйство. Быстрое истощеніе почвы культурой табака требовало, кромѣ того, все больше и больше новой земли.

Таково же было положеніе вещей въ Сѣверной Каролинѣ и въ Мэриландѣ, хотя оно было тамъ и не столь плохое, какъ въ Виргиніи; но классической страной плантаторскаго хозяйства стала Южная Каролина, гдѣ нѣсколько человѣкъ сдѣлались владѣльцами всей плодородной земли. Здѣсь были крупныя плантаціи, въ которыхъ воздѣлывались рисъ и индиго исключительно рабскимъ трудомъ. Въ началѣ XVIII вѣка чернокожіе составляли двѣ трети населенія колоніи.

Экономическій строй оказалъ, разумѣется, величайшее вліяніе на обще-

ственныя отношенія. Низшій слой общества образовали негры-рабы. Немногимъ выше было положеніе бѣлыхъ надсмотрщиковъ за рабами и немногихъ находившихся въ колоніи торговцевъ. Мелкіе фермеры не могли выдерживать конкуренціи съ владѣльцами крупныхъ плантацій и переселились въ западные округи у горъ, гдѣ создалась, такимъ образомъ, сильная раса пограничныхъ жителей. Они были свободолюбивы, сильны и смѣлы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ грубы и невѣжественны, что совершенно не шли въ счетъ въ политическомъ и соціальномъ отношеніи. Политическое и соціальное господство принадлежало, такимъ образомъ, крупнымъ плантаторамъ, налагавшимъ свою печать на всю жизнь юга.

На холмахъ, надъ водными теченіями, на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, были расположены обширные дома плантаторовъ, устроенные по образцу жилищъ старо-англійской знати. Ибо плантаторъ во всемъ подражалъ англійскому аристократу, хотя свобода американской жизни, южное солнце и неограниченная власть надъ рабами должны были внести значительныя измѣненія въ темпераментъ и характеръ плантатора. Онъ любилъ роскошь, былъ страстнымъ поклонникомъ всякаго рода спорта, любилъ выпить и нерѣдко былъ также страстнымъ игрокомъ. Онъ, большей частью, проявлялъ мало интереса къ вопросамъ науки и искусства, но былъ гостепріименъ и общителенъ, веселъ и любезенъ. Онъ не умѣлъ считать и экономить и, несмотря на свои большіе доходы, часто бывалъ сильно задолженъ своему лондонскому фактору, но это былъ прирожденный властелинъ, обладавшій широкимъ взглядомъ, организаторскимъ талантомъ, предпріимчивостью, энергіей и неустрашимымъ мужествомъ. Имена Вашингтона, Джефферсона, Мадисона, Монрое и Ли показываютъ, сколько доблести и таланта заключалось въ плантаторской аристократіи Виргиніи.

Въ то время какъ виргинскіе колонисты эмигрировали съ цѣлью улучшенія своего экономическаго положенія въ Новомъ Свѣтѣ, пуритане оставили свою родину для того, чтобы осуществить въ Америкѣ свои идеалы. Они эмигрировали не поодиночкѣ, а группами, селившимися вмѣстѣ въ возникавшихъ около церкви деревняхъ. Уже этотъ способъ колонизаціи самъ по себѣ исключалъ возникновеніе крупныхъ хозяйствъ. Но если бы даже религіозныя идеи пуританъ и грозящая опасность отъ нападенія индѣйцевъ не требовали совмѣстнаго поселенія, то и тогда здѣсь не образовались бы латифундіи, такъ какъ этому мѣшали почвенныя и климатическія условія Новой Англіи. Здѣсь было невозможно воздѣлывать, какъ въ Вестъ-Индіи и въ южныхъ колоніяхъ, продукты, разсчитанные на массовый рыночный сбытъ, какъ рисъ, табакъ, индиго или сахарный тростникъ. А для производства тѣхъ продуктовъ, которые могли произрастать на почвѣ Новой Англіи, крупное хозяйство было тогда невыгодно. Такимъ образомъ, какъ политическія и религіозныя идеи, такъ и экономическія условія привели къ тому, что въ Новой Англіи преобладали среднія земледѣльческія хозяйства, и рабство здѣсь никогда не могло срастись съ хозяйственнымъ строемъ, хотя негры иногда продавались и на сѣверъ.

Скудная почва Новой Англіи уже очень рано заставила ея жителей обратиться къ другимъ занятіямъ. Начатки текстильной и желѣзной промышленности и кожевеннаго производства могутъ быть прослѣжены вплоть до эпохи колонизаціи, но это были только скромныя попытки, такъ какъ до конца XVIII в. эти промыслы большого значенія не имѣли. Настоящимъ источникомъ богатства Новой Англіи было море: рыболовство, судоходство и морская торговля были главными занятіями жителей Новой Англіи. Прибрежное населеніе занималось рыболовствомъ въ неистощимыхъ водахъ Нью-Фаундленда. Нѣкоторые рѣшались даже отправляться въ полярное море, чтобы тамъ заняться китоловствомъ. Обиліе лѣсныхъ матеріаловъ въ Новой Англіи и та значительная роль, какую играло въ ней рыболовство, были причиною того, что уже въ XVIII вѣкѣ возникли здѣсь верфи. Кораблестроеніе, въ свою очередь, способствовало развитію судоходства и морской торговли. Въ особенности нужно указать на торговыя сношенія съ Вестъ-Индскими островами, занимавшими чрезвычайно высокое мѣсто въ міровой торговлѣ XVIII вѣка Ново-англійскіе судовладѣльцы посылали въ Вестъ-Индію рыбу, лѣсъ, рожь и скотъ и вывозили оттуда колоніальные товары, въ особенности сахаръ и патоку; изъ послѣднихъ выдѣлывался въ ново-англійскихъ винокурняхъ ромъ, который вывозили въ Африку, обмѣнивая его на рабовъ; нагруженный ими корабль опять отправлялся въ Вестъ-Индію или въ южныя колоніи.

Въ общемъ экономическія отношенія въ Новыхъ Нидерландахъ были такія же, какъ въ Новой Англіи. Правда, въ Нью-Іоркѣ остались со времени голландскаго владычества нѣкоторыя крупныя помѣстья, но и тутъ не было массовыхъ рыночныхъ товаровъ, которые сдѣлали бы доходными крупное хозяйство, и хотя здѣсь было нѣсколько крупныхъ помѣстій и гораздо больше негровъ-рабовъ, чѣмъ въ Массачузетсѣ, однако, и здѣсь ферма одержала верхъ надъ плантаціей, свободный трудъ—надъ рабскимъ. Какъ на сѣверѣ, мы находимъ и въ среднихъ колоніяхъ, въ особенности въ Пенсильваніи, зачатки промышленности, а въ Нью-Іоркѣ даже начало оживленныхъ торговыхъ сношеній. Земледѣльческіе продукты, лѣсъ и пушные товары были самыми важными предметами вывоза.

Въ сѣверныхъ и среднихъ колоніяхъ также не было недостатка въ соціальной дифференціаціи. Болѣе крупные землевладѣльцы, судовладѣльцы и крупные торговцы, адвокаты и духовенство образовали въ Новой Англіи нѣчто въ родѣ аристократіи. Семейства, жившія уже давно въ Америкѣ, члены которыхъ нѣсколько поколѣній подъ-рядъ занимали государственныя и церковныя должности, пользовались бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ недавно эмигрировавшія семейства въ небольшомъ количествѣ. Были на сѣверѣ и негры-рабы и много бѣлыхъ слугъ. Но, несмотря на все это, общество въ сѣверныхъ колоніяхъ было демократичнѣе, чѣмъ въ южныхъ, въ метрополіи и въ континентальной Европѣ.

Какъ виргинскіе плантаторы, такъ и ново-англійскіе пуритане привезли съ собою съ родины нѣкоторыя политическія идеи. Сильнѣе всѣхъ жила въ душѣ эмигрантовъ идея самоопредѣленія, причемъ дѣло шло не

столько о перенесеніи конкретныхъ учрежденій, сколько о комплексѣ представленій, пустившихъ глубокіе корни въ сознаніи англо-саксонской расы. Ибо въ томъ и заключается величіе англичанъ, какъ и американцевъ, что они не руководствуются въ своихъ рѣшеніяхъ, подобно другимъ народамъ, абстрактными принципами, не дѣйствуютъ по шаблону и не подражаютъ слѣпо чужимъ образцамъ, а каждый разъ стараются примѣнять къ данной конкретной обстановкѣ свой богатый политическій опытъ.

Духъ самоопредѣленія долженъ былъ проявиться сначала въ маленькомъ кругу. Вспомнимъ, какъ первые пуританскіе эмигранты организовались еще на кораблѣ. И во всѣхъ другихъ общинахъ Новой Англіи также созывались народныя собранія, въ которыхъ участвовали всѣ члены церковнаго прихода, т.-е. всѣ взрослые мужчины, и на которыхъ обсуждались общинныя дѣла, постановлялись рѣшенія и избирались ежегодно общинныя должностныя лица. Эти собранія (townmeetings) были школой американской демократіи.

На югѣ, гдѣ плантаціи находились на разстояніи нѣсколькихъ миль другъ отъ друга, подобная организація не могла утвердиться. Здѣсь было необходимо созданіе обширныхъ округовъ, и тутъ были созданы, по примѣру англійскихъ графствъ, графства, обнимавшія много квадратныхъ миль. Какъ въ метрополіи, должностныя лица графства избирались изъ среды крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ среднихъ колоніяхъ мы находимъ смѣшанную систему: здѣсь были общины съ демократической организаціей, и большіе, управляемые немногими должностными лицами, округи. Эти три системы мѣстнаго самоуправленія: общины (touwns) съ народнымъ собраніемъ всѣхъ гражданъ, графства съ немногими должностными лицами и соединеніе общинъ и графствъ— существуютъ еще и теперь въ Соединенныхъ Штатахъ; первая—на сѣверѣ и на сѣверо-западѣ; вторая — на югѣ; третья — въ центрѣ и на западѣ. Какъ бы ни различались между собою эти системы управленія, но важно то, что граждане привыкли сами управлять своими дѣлами и подчиняться только тѣмъ рѣшеніямъ, которыя они сами постановляли.

Духъ самоопредѣленія, который господствовалъ въ мѣстномъ самоуправленіи, долженъ былъ также проявиться и въ организаціи общаго управленія. Само собою понятно, что граждане стремились пріобрѣсти вліяніе на веденіе дѣлъ. И здѣсь также игралъ значительную роль примѣръ метрополіи, обладавшей уже развитыми конституціонными учрежденіями.

Отдѣльныя колоніи возникли различнымъ образомъ. Большая ихъ часть была основана корпораціями, нѣкоторыя—отдѣльными лицами, другія—путемъ отдѣленія отъ уже существовавшей колоніи. Ни одна колонія не была основана непосредственно короной. Но привилегіи, данныя королемъ компаніямъ или отдѣльнымъ лицамъ, мало-по-малу или отбирались назадъ, или выкупались, и большинство колоній было поставлено въ непосредственную зависимость отъ короны; при этомъ король далъ Массачузетсу, Коннектикуту и Родъ-Айланду, такъ называемымъ chartered colonies (привилегированныя колоніи), особыя писанныя конституціи, которыя не могли быть измѣнены односторонне, между тѣмъ какъ въ Нью-Гампширѣ, Нью-Іоркѣ, Нью-Джерси, Виргиніи, Сѣверной

и Южной Каролинѣ и Георгіи конституціи были только обычно-правовымъ институтомъ. Въ Мэриландѣ, Пенсильваніи и Делаварѣ собственники этихъ колоній сохранили свою власть до революціи.

Хотя каждая колонія представляла собою отдѣльную индивидуальность, и ихъ конституціи значительно различались другъ отъ друга въ частностяхъ, тѣмъ не менѣе, можно легко выдѣлить рядъ основныхъ чертъ, общихъ всѣмъ имъ. Во главѣ каждой колоніи стоялъ назначенный королемъ губернаторъ. Онъ былъ представителемъ короны, главнокомандующимъ военными силами. Онъ назначалъ должностныхъ лицъ, и, въ особенности, судей, созывалъ, отсрочивалъ и распускалъ собранія народныхъ представителей колоніи, пользовался правомъ помилованія и правомъ veto по отношенію къ постановленіямъ законодательныхъ собраній колоніи. Губернаторъ былъ важнымъ лицомъ въ колоніальной жизни; это былъ въ нѣкоторомъ родѣ маленькій англійскій король. Онъ послужилъ прообразомъ для губернаторовъ отдѣльныхъ штатовъ и для президентовъ Соединенныхъ Штатовъ.

Губернаторъ не былъ, однако, неограниченнымъ властелиномъ. Уже въ 1619 г., черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ того, какъ первые англичане высадились въ Джемстоунѣ, виргинскій губернаторъ созвалъ собраніе народныхъ представителей, и во всѣхъ другихъ колоніяхъ также было признано право народа избирать представителей для участія въ законодательствѣ и вотированіи налоговъ.

Законодательныя собранія состояли обыкновенно, какъ въ метрополіи, изъ двухъ палатъ; члены верхней палаты, носившей обыкновенно названіе совѣта, назначались губернаторомъ, а члены нижней палаты избирались гражданами. Избирательное право всюду было ограничено и было большей частью связано съ земельнымъ владѣніемъ извѣстнаго размѣра и съ принадлежностью къ протестантскому вѣроисповѣданію. Такъ какъ кругъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдѣнію собранія народныхъ представителей, не былъ точно опредѣленъ, то народные представители стремились—опять-таки, по примѣру метрополіи—поставить исполнительную власть во все бо́льшую и бо́льшую зависимость отъ себя, вліять на назначенія на высшія должности и преобразовать, такимъ образомъ, конституціонный строй въ парламентскій. Слѣдствіемъ этого стремленія была непрерывная борьба между законодательнымъ собраніемъ и губернаторомъ. Эти споры, занимающіе видно мѣсто въ исторіи XVIII в., много способствовали тому ожесточенію, которое привело, въ концѣ концовъ, къ революціи.

Политическое устройство колоній было очень далеко отъ чистой демократіи. Не только на югѣ, гдѣ губернаторъ располагалъ большой властью, и наряду съ нимъ держала бразды правленія группа крупныхъ землевладѣльцевъ, но и въ Новой Англіи также не могло быть и рѣчи о дѣйствительномъ народовластіи. Въ Коннектикутѣ, напримѣръ, было наканунѣ революціи 200000 жит. и только 4325 пользующихся избирательнымъ правомъ, между тѣмъ какъ въ наше время на такое же количество населенія пришлось бы приблизительно въ восемь разъ больше избирателей. Тѣмъ не менѣе, участіе

народа въ управленіи было здѣсь полнѣе, чѣмъ въ метрополіи, каждый округъ имѣлъ своего представителя, и не было ни гнилыхъ мѣстечекъ съ ихъ устарѣлыми привилегіями, ни привилегій, даваемыхъ происхожденіемъ. Если примемъ все это во вниманіе, если примемъ дальше во вниманіе, что мѣстное самоуправленіе было въ рукахъ народа, если вспомнимъ объ общинныхъ народныхъ собраніяхъ и прибавимъ къ этому, наконецъ, тотъ фактъ, что въ Родъ-Айландѣ и Коннентикутѣ даже высшее должностное лицо избиралось собраніемъ народныхъ представителей, то придемъ къ заключенію, что основы демократіи были прочно заложены на американской почвѣ въ эпоху колонизаціи.

Англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ обязаны своимъ существованіемъ не единообразному, высиженному за зеленымъ столомъ плану колонизаціи. Нѣтъ, онѣ возникали независимо другъ отъ друга и развивались самостоятельно и своеобразно. Между отдѣльными колоніями сначала не было никакой другой связи, кромѣ общей подвластности британской коронѣ. Но общіе сосѣдскіе интересы и необходимость защищаться отъ европейскихъ государствъ и отъ индѣйцевъ уже рано должны были вызвать сознаніе желательности объединенія. Какъ въ метрополіи, такъ и въ колоніяхъ неоднократно создавались планы объединенія всѣхъ колоній или, по крайней мѣрѣ, одной группы ихъ. Уже въ 1643 г. ново-англійскія колоніи объединились въ федерацію. Яковъ II намѣревался объединить въ одну организацію всю англійскую колоніальную область въ Америкѣ, но наступленіе славной революціи помѣшало ему привести въ исполненіе этотъ планъ.

Позднѣйшія предложенія объ объединеніи, исходившія отъ метрополіи, встрѣчались въ Америкѣ съ недовѣріемъ; нѣсколько разъ, однако, были созваны собранія делегатовъ колоній для обсужденія общихъ дѣлъ. На одномъ изъ такихъ собраній делегатовъ, засѣдавшемъ въ 1754 г. въ Албани, былъ принятъ предложенный Веніаминомъ Франклиномъ проектъ федераціи, но колоніальные парламенты, а также корона отказали въ своей санкціи. Нѣкоторые общіе экономическіе интересы, общій языкъ и сходныя свободныя учрежденія связывали, правда, всѣхъ американцевъ, но далекія разстоянія, чрезвычайно развитый мѣстный патріотизмъ, значительныя различія, существовавшія между сѣверомъ и югомъ, различія въ происхожденіи, религіи, темпераментѣ, воззрѣніяхъ и нравахъ были еще такъ велики, что только необычайныя событія могли привести къ объединенію различныхъ колоній. Подобно нѣмецкому единству, и американское единство также должно было быть добыто кровью и желѣзомъ. Борьба съ Франціей подготовила это единство, возстаніе противъ метрополіи осуществило его.

3. Борьба Франціи и Англіи за Сѣверную Америку.

Англійскій историкъ Сили показалъ намъ въ своемъ отличающемся широкимъ размахомъ произведеніи «The Expansion of England», что борьба

между Англіей и Франціей за міровое господство занимаетъ доминирующее мѣсто въ исторіи XVIII вѣка, и что лишь съ этой точки зрѣнія можно видѣть въ правильной перспективѣ тѣ великія войны, которыя обыкновенно разсматриваются только съ точки зрѣнія ихъ значенія для Европы. Только въ наше время могла найти себѣ полную оцѣнку награда, доставшаяся побѣдителю, а также, слѣдовательно, всемірно-историческое значеніе этой борьбы. Если бы въ Монреалѣ и Чикаго, въ Клевлендѣ и Питсбургѣ, въ Сентъ-Луи и Новомъ Орлеанѣ развѣвалось трехцвѣтное французское знамя; если бы миссиссипская долина или вся Сѣверная Америка была подчинена французской культурѣ, то міръ имѣлъ бы, конечно, совершенно другой видъ.

Французы вступили въ состязаніе за колоніи одновременно съ англичанами. Въ царствованіе Генриха IV были основаны Поръ-Рояль въ Акадіи (Новой-Шотландіи) и Квебекъ въ Канадѣ,—два исходныхъ пункта французской колонизаціи Америки. Но какъ различны по своему характеру и результатамъ были способы колонизаціи французовъ и англичанъ. Послѣдніе занялись преимущественно земледѣліемъ, рыболовствомъ и морской торговлей, селились большей частью вблизи морского берега и лишь медленно, шагъ за шагомъ, двигались по направленію къ внутренней части страны. Сила англо-саксонской колонизаціи заключалась въ ея интенсивности. Французами руководили совершенно другіе интересы: торговля мѣхами и обращеніе въ христіанство язычниковъ—вотъ двѣ цѣли, увлекшія ихъ далеко во внутреннюю часть континента. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что англичане въ теченіе 150 лѣтъ едва продвинулись до Аллеганскихъ горъ, а ихъ соперники успѣли за это время изслѣдовать и овладѣть громадной областью, простирающейся отъ устья рѣки Св. Лаврентія до устья Миссиссипи. Но обширность пространства и незначительное количество поселенцевъ были причиною слабости французской колоніальной области.

Уже въ срединѣ XVII столѣтія французы прошли черезъ область Великихъ Озеръ и основали тамъ факторіи и миссіонерскія станціи. Въ 1673 г. іезуитъ аббатъ Маркетъ и торговецъ мѣхами Жоліе дошли до матери всѣхъ рѣкъ, по которой Робертъ де Ла-Саль проѣхалъ въ 1682 г. до Мексиканскаго залива. На этихъ экспедиціяхъ основывались французскія притязанія на область рѣки Миссиссипи, названную въ честь короля Луизіаной. О дѣйствительной колонизаціи, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Образъ дѣйствія французовъ болѣе всего похожъ на образъ дѣйствія европейцевъ во внутренней части Африки. На картѣ ихъ власть простиралась на необъятныя пространства, въ дѣйствительности же она ограничивалась рядомъ фортовъ, тянувшихся на далекомъ разстояніи другъ отъ друга отъ Новаго Орлеана до Монреаля и Квебека.

Англичане, разумѣется, понимали, какъ опасно распространеніе французскаго вліянія на область, лежащую за англійскими колоніями, но Стюарты были союзниками и пенсіонерами французскаго короля, и только послѣ восшествія на престолъ Вильгельма Оранскаго начинаются великія войны за преобладаніе въ Америкѣ; утрехтскій миръ (1713 г.) означалъ для англичанъ

первый успѣхъ въ этой борьбѣ: французы должны были имъ уступить Акадію, нынѣшнюю Новую Шотландію, и признать англійскимъ владѣніемъ спорный между ними Нью-Фаундлендъ.

Но гораздо важнѣе второй актъ великой драмы—великая борьба, начавшаяся въ 1744 г. Несмотря на то, что въ Аахенѣ былъ заключенъ миръ (1748 г.), война въ Америкѣ продолжалась. Волна англійской колонизаціи докатилась тогда до Аллеганскихъ горъ, торговцы и охотники уже начали переходить черезъ горы, и при быстромъ ростѣ народонаселенія не могло быть сомнѣнія, что скоро за ними послѣдуютъ колонисты. Могли ли это допустить французы? Французы считали своею всю область до водораздѣла, и генералъ-губернаторъ Новой Франціи построилъ рядъ фортовъ отъ озеръ до Охайо для того, чтобы закрыть англичанамъ доступъ въ эту область. Правительство виргинской колоніи послало Джорджа Вашингтона, которому тогда былъ только 21 годъ, съ порученіемъ протестовать противъ нарушенія границъ. Но французы продолжали постройку фортовъ и устроили у верхняго Охайо, гдѣ теперь дымятся трубы Питсбурга, укрѣпленіе, названное по имени генералъ-губернатора Новой Франціи фортомъ Дюкенъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Вашингтонъ возвратился съ маленькимъ отрядомъ, чтобы прогнать французовъ силою оружія, но былъ побѣжденъ и долженъ былъ сдаться въ плѣнъ. Это послужило сигналомъ къ великой войнѣ между Англіей и Франціей, изъ которой вскорѣ развилась міровая война, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Семилѣтней войны.

Сначала французы одержали верхъ. Вступивъ въ союзъ съ индѣйцами, они удержали за собою спорную область и даже завоевали нѣсколько новыхъ областей. Только послѣ того, какъ Питтъ послалъ болѣе значительныя военныя силы, дѣла приняли другой оборотъ. Въ 1758 г. фортъ Дюкенъ попалъ въ руки англичанъ, а послѣ побѣды подъ Квебекомъ, одержанной генераломъ Вольфомъ надъ храбрымъ Монкальмомъ 13 октября 1759 г., преобладаніе англо-саксонской расы въ Новомъ Свѣтѣ стало совершившимся фактомъ. При заключеніи Парижскаго мира (1763) Франція должна была отказаться отъ Канады и отъ всей области, лежащей между озерами, Аллеганскими горами и рѣкой Миссиссипи. Находящуюся къ западу отъ рѣки часть Луизіаны и узкую полосу къ востоку отъ устья рѣки съ Новымъ Орлеаномъ Франція уступила тогда Испаніи.

Эта борьба между Англіей и Франціей имѣетъ огромное значеніе для исторіи Америки. Колоніямъ была теперь обезпечена лежащая за ними область; онѣ освободились отъ угрожающаго сосѣдства французовъ. Только Испанія, давно уже переставшая быть великой державой, раздѣляла съ Англіей господство надъ американскимъ континентомъ. Колоніи могли теперь обойтись безъ защиты метрополіи. И въ другомъ еще отношеніи оказала огромное вліяніе эта война. Тысячи американцевъ сражались въ рядахъ англійскихъ войскъ; битвы въ открытомъ полѣ, въ первобытномъ лѣсу и передъ укрѣпленіями дали Америкѣ прошедшихъ школу войны офицеровъ и солдатъ. Прибавимъ еще, что эта война сблизила между собою жителей различныхъ колоній: они сра-

жались за американскіе интересы и стали чувствовать себя американцами. Семилѣтняя война разорвала самую сильную связь, соединявшую раньше американцевъ съ Англіей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушила имъ сознаніе, что они достаточно сильны, чтобы стоять на собственныхъ ногахъ.

4. Причины отпаденія отъ метрополіи.

Поводомъ къ отпаденію отъ метрополіи 13 колоній послужилъ, какъ извѣстно, споръ о томъ, имѣетъ ли британскій парламентъ право облагать колоніи налогами? Однако, врядъ ли этотъ конфликтъ привелъ бы къ революціи, если бы уже раньше не существовало революціоннаго настроенія. Есть много доказательствъ, что американцы были лояльными подданными. Но эта лояльность имѣла своей причиной, главнымъ образомъ, привязанность, которую они чувствовали къ англійской культурѣ, языку и нравамъ. Защита противъ внѣшнихъ враговъ, которую метрополія оказывала колоніямъ, и значительная мѣра самоуправленія, предоставленная ею имъ, несомнѣнно также способствовали тому, что американцы оставались вѣрными британскому знамени. Но все же не нужно забывать, что было много колонистовъ не-англійскаго происхожденія, относительно которыхъ мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы они чувствовали привязанность къ метрополіи, и что многіе американцы англо-саксонскаго происхожденія придерживались политическихъ и религіозныхъ воззрѣній, далеко расходившихся съ воззрѣніями англійскаго господствующаго класса. Нельзя было сомнѣваться въ вѣрности колонистовъ, пока щадились эти чувства и воззрѣнія, но при унаслѣдованномъ отъ пуританъ образѣ мыслей сѣверныхъ колоній и горячей любви къ свободѣ южныхъ было опасно покушаться на освященное обычаемъ самоопредѣленіе колоній, на которое американцы смотрѣли какъ на свое неотъемлемое право.

Казалось бы, что Англія должна относиться къ колоніямъ съ тѣмъ большей осторожностью, что ея экономическая политика уже и безъ того нарушала интересы колоній и оскорбляла чувства американцевъ. Британская колоніальная политика XVIII вѣка, какъ и колоніальная политика всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, имѣла, главнымъ образомъ, въ виду выгоды метрополіи. Колоніи согласно господствующей теоріи существовали для того, чтобы доставлять метрополіи дешевое сырье, служить источникомъ обогащенія для ея торговли и судоходства и рынкомъ для ея фабрикатовъ. Соотвѣтственно этому англійскій парламентъ стремился по возможности не допускать ввоза въ колоніи произведеній промышленности другихъ государствъ, не допускать обработки сырья въ колоніяхъ и сосредоточить всю ввозную и вывозную торговлю колоній въ англійскихъ гаваняхъ. Осуществленію этихъ цѣлей служила обширная сѣть законодательныхъ постановленій, начало которыхъ восходитъ къ срединѣ XVII вѣка. По мѣрѣ роста вліянія торговаго класса на британскую политику, эти постановленія принимали все болѣе и болѣе строгій характеръ.

Такъ, напр., всю торговлю колоній съ Англіей имѣли право вести только построенныя въ Англіи суда, владѣльцы и три четверти экипажа которыхъ были англійскими подданными; большинство не-англійскихъ фабрикатовъ могло быть ввезено въ колоніи лишь послѣ того. какъ они прошли черезъ англійскій портъ и уплатили пошлину въ Англіи, и значительную часть колоніальныхъ продуктовъ можно было вывозить только въ метрополію. Торговля между отдѣльными колоніями была подчинена различнаго рода ограниченіямъ; были, кромѣ того, постановленія, имѣвшія своей цѣлью помѣшать развитію въ колоніяхъ текстильной и желѣзной промышленности и производства шляпъ.

Въ общемъ эти законы, повидимому, не особенно повредили промышленному развитію Америки. Навигаціонные акты, напр., давали и американцамъ возможность участвовать въ выгодахъ, доставляемыхъ ими судоходству и кораблестроенію, и, безъ сомнѣнія, содѣйствовали процвѣтанію колоніальнаго судоходства. Если колоніи могли вывозить нѣкоторые изъ своихъ продуктовъ только въ метрополію, то эта невыгода болѣе чѣмъ уравновѣшивалась свободой отъ пошлинъ, преимущественными пошлинами и преміями, которыми пользовались многіе американскіе продукты, ввозимые въ метрополію. Законы, задававшіеся цѣлью ограничить колоніальную промышленность, также, вѣроятно, не имѣли большого значенія при тогдашнемъ примитивномъ экономическомъ состояніи колоній. Эти законы, кромѣ того, не особенно строго соблюдались на практикѣ, такъ какъ соблюденіе ихъ было очень трудно вслѣдствіе обширности территоріи и большой длины морского берега, да и врядъ ли было вообще возможно строгое соблюденіе законовъ, къ которымъ населеніе относилось неблагопріятно.

Если, такимъ образомъ, вредъ, который нанесли американцамъ англійскіе торговые законы, при переводѣ на фунты, шиллинги, пенсы, окажется не очень значительнымъ, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что американцы не чувствовали стѣснительнаго и притѣснительнаго характера этихъ законовъ. Справедливо указывали на то, что законы о колоніяхъ у другихъ европейскихъ народовъ были гораздо суровѣе британскихъ законовъ, и что жители французскихъ и испанскихъ владѣній не только были подчинены болѣе строгимъ экономическимъ ограниченіямъ, но и не пользовались также той мѣрой политической свободы, которую Англія предоставила своимъ колоніямъ. Но именно потому, что Англія признавала въ своихъ колоніяхъ право самоопредѣленія, послѣднія чувствовали себя еще болѣе притѣсненными суровыми постановленіями торговаго законодательства. Тамъ, гдѣ власти, какъ, напр., въ испанскихъ и французскихъ владѣніяхъ, регламентировали все и вся, не приходилось жаловаться на то, что внѣшняя торговля также подвергается извѣстнымъ ограниченіямъ. Но массачузетскіе и пенсильванскіе граждане, привыкшіе сами себѣ давать законы, должны были въ законѣ, запрещающемъ производство стальныхъ молотковъ и доменныхъ печей, и въ стѣснительныхъ законахъ, придуманныхъ противъ шерстяного и шляпочнаго производства, видѣть не только ущербъ своимъ интересамъ, но и униженіе.

Чѣмъ дальше колоніи шли впередъ по пути экономическаго развитія, тѣмъ болѣе нарушала британская колоніальная политика ихъ экономическіе интересы; чѣмъ сильнѣе становилось у американцевъ сознаніе своего достоинства, тѣмъ больше они чувствовали оскорбительность этихъ законовъ. Осторожность должна была бы подсказать англичанамъ, что нужно предоставить колоніямъ также право регулировать свою экономическую жизнь по своему собственному усмотрѣнію.

Но въ Англіи были тогда очень далеки отъ этой мысли! Какъ-разъ напротивъ. Именно блестящее развитіе экономическаго положенія колоній внушало англичанамъ мысль объ извлеченіи въ будущемъ изъ американскихъ колоній еще бо́льшихъ выгодъ—не только для британской торговли, но и для британскаго плательщика налоговъ.

Англія достигла въ Семилѣтней войнѣ безпримѣрныхъ успѣховъ, но государственный долгъ и бремя налоговъ необычайно увеличились. Въ Англіи были того мнѣнія, что война велась, главнымъ образомъ, въ интересахъ американскихъ колоній, и что было бы справедливо, если бы послѣднія въ будущемъ вносили и свою лепту на покрытіе государственныхъ расходовъ, въ особенности, на государственную оборону. Передъ государственными людьми того времени стояла такая же задача, какъ передъ современными британскими политиками, — задача политической, экономической и военной организаціи міровой имперіи. Теперь стремятся рѣшить эту трудную задачу путемъ устройства федеративнаго союза, и, можетъ-быть, такое рѣшеніе было бы возможно уже и въ XVIII вѣкѣ, но тогда еще не было накопленнаго съ тѣхъ поръ богатаго опыта, и король Георгъ III, министры и парламентъ пришли къ роковому рѣшенію—достичь болѣе тѣсной связи между отдѣльными частями имперіи путемъ усиленія зависимости колоній отъ Англіи. Рѣшено было еще строже прежняго примѣнять статьи торговыхъ законовъ, оставлять постоянно въ Америкѣ часть военныхъ силъ метрополіи и привлекать колоніи къ участію въ военныхъ расходахъ.

Премьеръ-министръ лордъ Гренвилль приступилъ сначала къ осуществленію перваго пункта программы. Таможеннымъ чиновникамъ въ американскихъ портахъ были преподаны болѣе строгія инструкціи: они должны были прибѣгать къ квартирнымъ обыскамъ и привлекать корабли королевскаго флота для борьбы съ контрабандой. Эти мѣры заставили американцевъ вполнѣ сознать все значеніе торговыхъ законовъ. Особенно сильное раздраженіе вызвали эти законы въ Новой Англіи, гдѣ самые уважаемые купцы не видѣли въ контрабандѣ никакого грѣха. Гораздо труднѣе было рѣшеніе вопроса, какъ привлечь колоніи къ участію въ несеніи бремени государственныхъ расходовъ. Лордъ Гренвилль предложилъ обложить всѣ торговые и иные гражданскіе документы штемпельнымъ сборомъ. Отъ этого сбора ожидался доходъ приблизительно въ 100000 фунтовъ, который долженъ былъ пойти исключительно на содержаніе королевскихъ войскъ въ Америкѣ. Можно было бы обратиться съ этимъ предложеніемъ къ законодательнымъ собраніямъ колоній, но перспектива веденія переговоровъ съ болѣе, чѣмъ двадцатью собраніями, пугала

правительство, которое предпочло провести законъ черезъ англійскій парламентъ. Законъ былъ принятъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, 22 марта 1765 г. получилъ санкцію короля и долженъ былъ вступить въ силу 1 ноября 1765 г.

Штемпельный актъ, предписывавшій употребленіе гербовой бумаги для юридическихъ актовъ и наклейку марокъ на книги, газеты и игральныя карты, не имѣлъ большого экономическаго значенія и никакъ не могъ считаться тяжелымъ бременемъ. Если американцы всѣми силами сопротивлялись взиманію этихъ пошлинъ, то это объясняется тѣмъ, что они видѣли въ этомъ актѣ нарушеніе ихъ добраго стараго права. Они были того мнѣнія, что британскій парламентъ не имѣетъ права облагать ихъ налогами. «No taxation without representation» сдѣлалось боевымъ кличемъ. Этотъ лозунгъ былъ въ самомъ дѣлѣ принципомъ британскаго государственнаго права, но онъ различно примѣнялся въ Англіи и Америкѣ. Въ колоніяхъ населеніе каждаго округа посылало своего представителя въ законодательное собраніе, и теорія и практика находились здѣсь въ согласіи. Не такъ обстояло дѣло въ Англіи: тамъ были большіе многолюдные города, жители которыхъ не пользовались избирательнымъ правомъ, а давно исчезнувшія мѣстности и гнилыя мѣстечки посылали представителей въ парламентъ. Несмотря на это, парламентъ признавался представителемъ всего британскаго народа; отсюда только одинъ шагъ до представленія, что не только англичане, живущіе на британскихъ островахъ, но и живущіе въ колоніяхъ представлены въ парламентѣ, который, слѣдовательно, можетъ ихъ облагать налогами. Ибо, если шеффильдскіе и манчестерскіе жители облагались налогами, хотя они и не избирали представителя въ парламентъ, то почему же нельзя облагать налогами бостонскихъ и нью-іоркскихъ жителей? Этотъ конфликтъ показалъ, что политическая эволюція по сю и по ту сторону океана шла различными путями.

Штемпельный актъ встрѣтилъ въ колоніяхъ самое рѣшительное сопротивленіе. Виргинское законодательное собраніе приняло по предложенію Патрика Генри рядъ резолюцій, въ которыхъ утверждалось, что только избранные народомъ представители имѣютъ право облагать налогами жителей колоніи, и изданный англійскимъ парламентомъ актъ не можетъ считаться закономъ. Массачузетское законодательное собраніе постановило предложить законодательнымъ собраніямъ отдѣльныхъ колоній избрать делегатовъ на общее собраніе, чтобы обсудить сообща мѣры, которыя должны быть приняты для борьбы съ незаконными распоряженіями англійскаго парламента. Это собраніе, такъ называемый конгрессъ для протеста противъ штемпельнаго сбора, на которомъ присутствовали делегаты десяти колоній, состоялось 7 октября 1765 г. въ Нью-Іоркѣ. Оно было первымъ торжественнымъ заявленіемъ чувства солидарности американцевъ. Въ своихъ резолюціяхъ, посланныхъ въ формѣ петицій королю и парламенту, конгрессъ въ горячихъ выраженіяхъ увѣрялъ въ своей привязанности къ метрополіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ настаивалъ, что англичанъ можно облагать налогами лишь съ ихъ собственнаго согласія или съ согласія ихъ представителей, что колонисты не имѣютъ представителей въ британскомъ

парламентѣ, что колоніальныя законодательныя собранія являются ихъ единственными законными представителями, и, слѣдовательно, они только одни имѣютъ законное право облагать ихъ налогами.

Между тѣмъ наступилъ день, когда законъ долженъ былъ вступить въ силу. Во многихъ мѣстахъ начались волненія, а кое-гдѣ дѣло дошло и до насильственныхъ дѣйствій. Въ Бостонѣ повѣсили на деревѣ свободы портретъ чиновника, назначеннаго продавцомъ гербовыхъ марокъ, затѣмъ портретъ понесли по улицамъ и торжественно сожгли. Таможни и жилища нелюбимыхъ чиновниковъ подверглись разграбленію и разрушенію. Лица, назначенныя продавцами гербовыхъ марокъ, видя такое всеобщее неудовольствіе, не рѣшались занимать этихъ должностей. Еще болѣе сильнымъ средствомъ протеста было образованіе союзовъ, ставившихъ себѣ цѣлью не покупать англійскихъ товаровъ; бойкотъ примѣнялся здѣсь съ цѣлью добиться опредѣленнаго политическаго результата. Утромъ 1 ноября стали звонить въ колокола, какъ-будто кого-либо хоронили; флаги были наполовину спущены. Газеты вышли съ изображеніемъ черепа мертвеца на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была наклеиваться марка. Нигдѣ нельзя было достать гербовыхъ марокъ, суды прекратили засѣданія, дѣла остановились, и самимъ губернаторамъ пришлось, наконецъ, позволить не соблюдать этого закона.

Между тѣмъ въ Англіи измѣнилось политическое положеніе. Министерство Гренвилля пало, и новое правительство, во главѣ котораго стоялъ лордъ Рокингамъ, не считало нужнымъ доводить борьбу съ колоніями до конца. Особенно сильное впечатлѣніе произвели представленія англійскихъ купцовъ, настойчиво просившихъ парламентъ объ отмѣнѣ такого вреднаго для британской торговли закона. 22 февраля 1766 г. былъ отмѣненъ штемпельный актъ. Чтобы подсластить пилюлю, приподнесенную противникамъ отмѣны акта, было подтверждено теоретически право парламента облагать налогами колоніи,—то самое право, отъ котораго тутъ же отказались на практикѣ.

Единодушное противодѣйствіе, оказанное штемпельному акту, должно было бы показать королю и парламенту, какъ сильны чувство солидарности и увѣренность въ своихъ силахъ у американцевъ. Достигнутый только-что успѣхъ — отмѣна штемпельнаго акта — не могъ, конечно, измѣнить въ американцахъ мнѣнія о своей собственной силѣ и о слабости и податливости Англіи.

Можно придерживаться какого угодно мнѣнія относительно вопроса права, но несомнѣнно, что британское правительство въ своей политикѣ по отношенію къ американцамъ дѣлало ошибку за ошибкой. Событія 1765 г. не образумили его, и оно съ удивительнымъ ослѣпленіемъ повторило въ 1767 г. попытку осуществить, хотя и въ измѣненномъ видѣ, свой финансовый планъ. Руководившій финансовой политикой Англіи Чарльсъ Тоуншендъ, правда, отказался повторить попытку обложенія колоній налогами въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и думалъ достичь своей цѣли путемъ торговаго законодательства, права на которое американцы до сихъ поръ не оспаривали за англійскимъ парламентомъ. По его предложенію должны были быть повышены въ американскихъ колоніяхъ

пошлины на стекло, вино, масло, свинецъ, краски, бумагу и чай, причемъ доходы не предназначались, какъ въ 1765 г., на покрытіе расходовъ на государственную оборону, а на жалованье королевскимъ чиновникамъ въ Америкѣ, чтобы сдѣлать его независимымъ отъ вотированія законодательныхъ собраній колоній. Актъ о доходахъ, который, какъ ожидали, долженъ былъ дать приблизительно 40000 фунтовъ стерлинговъ, имѣлъ еще меньшее экономическое значеніе, чѣмъ законъ о гербовыхъ пошлинахъ, и нельзя сказать, чтобы онъ являлся нарушеніемъ права или обычая, но американцы, ободренные успѣхомъ 1765 г., не были расположены признать выставленнаго недавно ими же самими хитроумнаго различія и рѣшили оказать такое же противодѣйствіе акту о доходахъ, какое оказали они раньше штемпельному акту. Опять стали рекомендовать бойкотъ британскихъ товаровъ, оказавшійся столь сильно дѣйствующимъ средствомъ въ 1765 г., опять законодательными собраніями колоній составлялись протесты, отвѣтомъ на которые послужило распущеніе этихъ собраній, и опять дошло до насильственныхъ дѣйствій. Такъ какъ Бостонъ проявилъ особенно упорное противодѣйствіе, то правительство послало туда два полка солдатъ. Между гражданами и солдатами возникали постоянныя тренія, и 5 марта 1770 г. произошло уличное столкновеніе, при которомъ было убито нѣсколько горожанъ. Это событіе получило названіе бостонскаго избіенія, было необычайно раздуто и еще болѣе увеличило и безъ того сильное раздраженіе въ странѣ.

Актъ о доходахъ совершенно не достигъ своей цѣли. По вычетѣ расходовъ получился остатокъ только въ 259 фунтовъ стерлинговъ, при этомъ пришлось еще истратить на военныя мѣры свыше 170000 фунтовъ стерлинговъ. Кромѣ того, опять начался бойкотъ, вызвавшій громкія жалобы англійскихъ купцовъ. Англійское правительство, во главѣ котораго стоялъ лордъ Нортъ рѣшило поэтому, предложить парламенту отмѣну акта о доходахъ. Изъ всѣхъ введенныхъ этимъ актомъ таможенныхъ пошлинъ была сохранена только пошлина на чай въ размѣрѣ трехъ пенсовъ на фунтъ чая. Эта пошлина не имѣла никакого финансоваго значенія и была сохранена только въ качествѣ знака верховенства парламента, чего-то въ родѣ геслеровской шляпы.

На первыхъ порахъ въ Америкѣ наступило послѣ этого нѣкоторое успокоеніе. Но страсти были слишкомъ разгорячены, и населеніе слишкомъ привыкло къ неуваженію къ властямъ и къ всякаго рода насильственнымъ дѣйствіямъ, чтобы это спокойствіе могло долго держаться. Военное судно, стоявшее на якорѣ у Родъ-Айландскаго берега, возбудило особенно сильную ненависть за то, что оно чрезвычайно строго слѣдило за контрабандистами. Когда 9 іюня 1772 г. судно сѣло на мель, горожане изъ Провиденса напали на него ночью и сожгли его. Это было неслыханнымъ преступленіемъ, и естественно, что англійское правительство стремилось подвергнуть примѣрному наказанію осмѣлившихся нанести такое оскорбленіе британскому знамени. Хотя тысячи людей знали имена участниковъ этого преступленія, однако, не удалось никого открыть. Во всѣхъ колоніяхъ сочувствіе было на сторонѣ преступни-

ковъ; виргинское законодательное собраніе назначило, по примѣру дѣйствовавшихъ уже въ Массачузетсѣ комитетовъ, постоянный комитетъ сношенія съ родственными колоніями для выработки соглашенія объ общихъ дѣйствіяхъ. Подобные же комитеты были тогда выбраны во многихъ колоніяхъ, и революціонная организація была уже такимъ образомъ готова вчернѣ.

А тутъ еще въ порохъ упала искра. Послѣ отмѣны акта о доходахъ американцы продолжали бойкотировать только чай, по крайней мѣрѣ, ввезенный изъ Англіи, контрабандный же чай ввозился въ большомъ количествѣ и хорошо раскупался. Чтобы уничтожить контрабанду и вмѣстѣ съ тѣмъ помочь запутавшейся въ долгахъ Остъ-индской компаніи, правительство рѣшило возвращать послѣдней за посылаемый въ Америку чай уплачиваемую ею двѣнадцатипенсовую пошлину и только взимать съ нея трехпенсовую пошлину въ Америкѣ. Было бы, безъ сомнѣнія, гораздо разумнѣе возвращать имъ въ Англіи девять пенсовъ вмѣсто двѣнадцати и не требовать пошлинъ въ Америкѣ, но и въ Англіи упорно стояли на томъ, что нужно охранять право обложенія парламента. Правительство надѣялось, что американцы, какъ практичные люди, будутъ довольны тѣмъ, что они могутъ пить такой дешевый чай—въ Америкѣ чай теперь былъ дешевле, чѣмъ въ Англіи,—и ничего не будутъ больше имѣть противъ ничтожной пошлины.

Но англійское правительство ошиблось въ своемъ разсчетѣ. Въ Англіи все еще не хотѣли понять, что американцы смотрѣли на весь споръ не какъ на споръ изъ-за денежныхъ интересовъ, а какъ на споръ изъ-за права, и поэтому должны были увидѣть въ этомъ маневрѣ попытку подкупить ихъ—и американцы рѣшили продолжать попрежнему бойкотировать англійскій чай. Въ Филадельфіи и Нью-Іоркѣ совершенно невозможно было выгрузить его, въ Чарльстонѣ чай былъ выгруженъ, но былъ сложенъ въ сырыхъ погребахъ, гдѣ онъ испортился; въ Бостонѣ переодѣтые индѣйцами люди напали вечеромъ 16 декабря 1773 г. на корабли съ чаемъ и выбросили весь грузъ, 343 ящика, въ море.

Это было, безъ сомнѣнія, наглымъ издѣвательствомъ надъ англійскимъ правительствомъ и преступленіемъ противъ частной собственности. Но король, министры и парламентъ зашли слишкомъ далеко въ своемъ, самомъ по себѣ справедливомъ, негодованіи и отвѣтили произвольными и незаконными репрессіями, которыя, при господствовавшемъ тогда въ Америкѣ возбужденіи, должны были въ высшей степени обострить конфликтъ. Особымъ закономъ былъ закрытъ для торговли бостонскій портъ, что угрожало самому существованію всецѣло жившаго тогда морскою торговлею города; вторымъ закономъ была измѣнена въ значительныхъ пунктахъ политическая организація Массачузетса; третьимъ, наконецъ, было постановлено, что въ извѣстныхъ случаяхъ лица, совершившія преступленія, должны быть судимы не въ Массачузетсѣ, а въ Англіи. Хотя одновременно съ этимъ изданный актъ о Квебекѣ не имѣлъ никакого отношенія къ этимъ мѣрамъ, однако, всѣ думали послѣ изданія этого закона, подготовлявшаго въ Канадѣ абсолютистскій, бюрократическій режимъ, что такая же участь угрожаетъ въ будущемъ также и тринадцати колоніямъ.

Англійское правительство ожидало, что противодѣйствіе репрессивнымъ мѣрамъ, касавшимся Массачузетса и Бостона, ограничится только этой колоніей. Но чувство единства было уже такъ сильно, и организованность благодаря комитетамъ сношеній сдѣлала такіе большіе успѣхи, что метрополія встрѣтила единодушное противодѣйствіе всѣхъ колоній. Снова, какъ въ 1765 г., было созвано по предложенію массачузетскаго законодательнаго учрежденія собраніе делегатовъ всѣхъ колоній, которое и состоялось 5 сентября 1774 г. въ Филадельфіи. На этомъ второмъ конгрессѣ, на которомъ всѣ колоніи, за исключеніемъ Георгіи, были представлены либо уполномоченными законодательныхъ учрежденій, либо делегатами революціонныхъ собраній, не было недостатка въ радикалахъ, открыто стремившихся къ независимости колоній. Однако, умѣренные оказались сильнѣе, и резолюціи, объединенныя конгрессомъ въ одной «Декларацiи правъ колоній», признавали за британскимъ парламентомъ право регулировать bona fide внѣшнюю торговлю колоній. Но онѣ рѣшительно отвергали право парламента облагать налогами колоніи и отрицали за нимъ также право что-нибудь измѣнить въ политической организаціи колоній. Соотвѣтственно этому конгрессъ призналъ изданные въ 1774 г. репрессивные законы незакономѣрными и постановилъ возобновить бойкотъ англійскихъ товаровъ для того, чтобы заставить отмѣнить эти законы. Для болѣе вѣрнаго осуществленія постановленія о бойкотѣ были учреждены особые бойкотные комитеты, дополнявшіе уже существовавшую революціонную организацію. Конгрессъ, кромѣ того, постановилъ снова собраться въ маѣ будущаго года. Англійское правительство отвѣтило на декларацію конгресса объявленіемъ Массачузетса на положеніи возставшей провинціи. Въ наказаніе за объявленный англійскимъ товарамъ бойкотъ колоніямъ было запрещено вести торговлю съ другими странами, кромѣ Великобританіи, Ирландіи и Вестъ-Индіи, а также заниматься рыболовствомъ въ нью-фаундлендскихъ водахъ. Было рѣшено послать войско, чтобы подавить революцію силой оружія. Между тѣмъ въ Америкѣ дошло уже до кровопролитія. Въ Массачузетсѣ образовалось послѣ распущенія законодательнаго собранія революціонное правительство, организовавшее вооруженное сопротивленіе. Начальникъ англійскихъ войскъ въ Бостонѣ, генералъ Геджъ, послалъ маленькій отрядъ въ Конкорду, чтобы захватить находившійся тамъ складъ оружія революціонеровъ, и 19 апрѣля 1775 г. возлѣ деревни Лексингтонъ раздался первый роковой выстрѣлъ. Англійскіе солдаты, дѣйствительно, дошли до Конкорды, но на обратномъ пути на нихъ напала собравшаяся со всѣхъ сторонъ милиція, и имъ лишь съ большими потерями удалось добраться до Бостона и укрыться подъ его стѣнами. Такъ началась война, изъ которой тринадцать колоній вышли Соединенными Штатами Америки.

5. Война за освобожденіе.

10 мая 1775 г. конгрессъ, на которомъ теперь были представлены всѣ тринадцать колоній, собрался въ Филадельфіи. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ засѣ-

далъ въ прошломъ году, положеніе существенно измѣнилось вслѣдствіе пролитой у Лексингтона крови. Большинство, правда, все еще не рѣшалось объявить независимость колоній, но дѣятельность конгресса уже клонилась къ созданію независимаго отъ метрополіи правительства. Конгрессъ 1775 г. носилъ совершенно иной характеръ, чѣмъ предшествующіе конгрессы 1765 и 1774 гг. Тогда составлялись только резолюціи и посылались петиціи; теперь конгрессъ присвоилъ себѣ правительственную власть, издавалъ законы и распоряженія и заботился объ ихъ исполненіи. Государство еще не имѣло законнаго существованія, а уже налаживался весь государственный механизмъ. Конгрессъ велъ переговоры съ иностранными государствами, организовывалъ войско и флотъ, выпускалъ бумажныя деньги, заключалъ займы, учреждалъ комиссіи для веденія иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и военнаго дѣла; словомъ, конгрессъ чувствовалъ себя какъ суверенное правительство независимаго народа.

Чувство привязанности къ старой Англіи и отличающій англо-саксонцевъ консерватизмъ были еще такъ сильны даже въ этой революціонной корпораціи, что въ іюлѣ 1775 г. конгрессъ сдѣлалъ еще разъ попытку примиренія или, какъ тогда выражались, протянулъ «оливковую вѣтвь». Но король и парламентъ, какъ этого и должно было ожидать, отвергли теперь предложеніе о примиреніи. Они рѣшили силой сохранить власть Англіи въ Америкѣ. Оружіе должно было теперь рѣшить споръ.

Поверхностному наблюдателю могло казаться, что превосходство Великобританіи надъ колоніями прямо подавляющее. Не была-ли Англія богатѣйшей страной въ мірѣ, не принудила-ли она еще недавно величайшую европейскую державу заключить постыдный миръ? Что значили противъ нея 13 колоній съ ихъ двумя милліонами бѣлыхъ жителей, разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ и не обладавшими ни единой политической и финансовой организаціей, ни обученной арміей?

Теперь мы слишкомъ хорошо знаемъ, съ какими трудностями и опасностями связаны колоніальныя войны въ очень отдаленныхъ, рѣдко населенныхъ странахъ. Намъ знакома теперь трудность перевозки войскъ черезъ океанъ,—трудность, которая тогда, разумѣется, была еще гораздо больше, нежели нынѣ; намъ знакомы затрудненія, которыя представляетъ веденіе войны на необъятномъ пространствѣ, доставляющемъ всѣ преимущества обороняющемуся и всѣ невыгоды нападающему. Ко всему этому нужно прибавить еще неспособность англійскихъ военачальниковъ съ одной стороны, а съ другой—помощь солдатами и деньгами, оказанная американцамъ иностранными государствами.

Если дѣло американцевъ восторжествовало, то этому не мало способствовалъ, наряду со всѣми перечисленными факторами, и выборъ главнокомандующаго, сдѣланный конгрессомъ 15 іюня 1775 года. Джорджъ Вашингтонъ несомнѣнно не принадлежитъ къ числу величайшихъ геніевъ, но онъ принадлежитъ къ числу величайшихъ характеровъ, которые знаетъ всемірная исторія. Это — не Наполеонъ и не Фридрихъ Великій, не Бисмаркъ и не Кавуръ. Насъ удивляетъ въ немъ не необыкновенная одаренность или сверх-

СРАЖЕНІЕ ПРИ БЭНКЕРЪ-ГИЛЛѢ (1775 г.).

человѣческая сила духа, а удивительная гармонія между способностями и стремленіями, постоянно невозмутимо бодрое спокойствіе и твердая увѣренность, ясная послѣдовательная мысль и необычайная чуткость въ обращеніи съ людьми.

Какъ-разъ въ то время, когда 3 іюля 1775 г. въ Кембриджѣ Вашингтонъ принялъ начальство надъ военными силами колоній, англійскія войска въ незначительной кровавой битвѣ при Бэнкеръ-Гиллѣ одержали верхъ надъ американцами. Нужны были долгія подготовленія раньше, чѣмъ Вашингтонъ могъ рѣшиться напасть на Бостонъ. Только въ мартѣ 1776 г. онъ перешелъ въ наступленіе и принудилъ британскій гарнизонъ оставить городъ.

Америка была теперь свободна: ни одного британскаго солдата не осталось на ея территоріи, и повсюду раздавались требованія объ объявленіи независимости. Конгрессъ тоже не могъ скрывать отъ себя, что формальное отдѣленіе отъ Англіи воспламенитъ духъ массъ и необходимо для того, чтобы возставшія колоніи могли заключать союзы съ иностранными державами. 4 іюля 1776 г. была издана достопамятная декларація, провозгласившая независимость Соединенныхъ Штатовъ Америки. «Мы—таковы подлинныя выраженія знаменитаго документа—собравшіеся на общій конгрессъ, представители Соединенныхъ Штатовъ Америки, торжественно объявляемъ, что эти соединенныя колоніи отнынѣ свободные и независимые штаты и должны быть по праву таковыми, что они освобождены отъ всякаго подданства британской коронѣ».

Такъ было формально основано новое государство—Соединенные Штаты Америки. Но и передъ каждой отдѣльной колоніей предстала задача—приспособиться къ создавшимся новымъ условіямъ. Какъ организація Союза предшествовала формальному отдѣленію отъ Англіи, такъ и нѣкоторыя изъ колоній по совѣту конгресса дали себѣ самостоятельныя правительства еще до 4 іюля 1776 г. Другія послѣдовали теперь ихъ примѣру, и, такимъ образомъ, до сихъ поръ зависимыя отъ Англіи колоніи превратились въ самостоятельныя республиканскія государства. Схема прежней формы управленія колоній была перенесена и въ новыя конституціи. Во главѣ исполнительной власти остался губернаторъ, который, разумѣется, теперь не назначался короной, а избирался народомъ или законодательными собраніями. Законодательныя собранія остались въ прежнемъ видѣ, но въ штатахъ, гдѣ существовала двухпалатная система, обѣ палаты теперь избирались народомъ. Убѣжденіе, составившееся относительно притѣсненій «тирана Георга III», и идеи той эпохи находятъ въ этихъ конституціяхъ свое выраженіе въ томъ, что власть губернатора была чрезвычайно ограничена въ пользу народнаго представительства, а права личности по отношеніи къ государству были обезпечены посредствомъ bills of rights.

Гораздо труднѣе была организація союзной власти, для которой не было образца въ привычномъ для ума колонистовъ англійскомъ государственномъ правѣ. Конгрессъ былъ только революціоннымъ собраніемъ, присвоившимъ себѣ, опираясь на свою силу, нѣкоторыя изъ правъ, принадлежавшія до

тѣхъ поръ коронѣ. Чѣмъ больше консолидировались отдѣльные штаты, тѣмъ меньше они соглашались надолго сохранять возникшую изъ требованій войны сильную центральную власть, и къ вновь преобладавшемуся партикуляризму присоединилось модное теченіе того времени, бывшее противъ сильной исполнительной власти. Такимъ образомъ статьи конфедераціи, принятыя конгрессомъ въ 1777 г. и ждавшія своего утвержденія до 1781 г., создали государственный союзъ, части котораго были крайне слабо связаны другъ съ другомъ. Отдѣльные штаты отказались въ пользу Союза отъ права объявленія войны или заключенія мира, отъ права содержанія войска и флота, регулированія и чеканки монеты и почтовой регаліи, но удержали за собою всѣ тѣ права, о которыхъ точно не было упомянуто, какъ о предоставленныхъ Союзу. Центральную власть Союза образовалъ конгрессъ, члены котораго, однако, были не представителями народа, а делегатами отдѣльныхъ штатовъ. Каждый штатъ обладалъ однимъ голосомъ; девять голосовъ было достаточно для законныхъ рѣшеній; для внесенія измѣненій въ конституцію требовалось единогласіе. Было ясно оговорено, что конгрессу не принадлежитъ право обложенія, и удовлетвореніе финансовыхъ нуждъ Союза зависѣло отъ доброй воли каждаго штата. Какъ ни велики были недостатки этой организаціи, она все же свидѣтельствовала, что 13 колоній желаютъ оставаться объединенными какъ въ военное, такъ и въ мирное время, а это въ данномъ случаѣ было важнѣе всего.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ объявленія независимости началась снова война. Англійская армія, въ которой было очень много наемныхъ нѣмецкихъ солдатъ,—вербовка или вѣрнѣе покупка этихъ солдатъ вызвала не мало ожесточенія среди американцевъ и, по меньшей мѣрѣ, облегчила имъ рѣшеніе отдѣлиться отъ Англіи—высадилась въ Родъ-Айландѣ, принудила Вашингтона очистить Нью-Іоркъ и оттѣснила революціонную армію черезъ Нью-Джерси за Делаваръ. Это былъ самый критическій моментъ войны за независимость.

Какъ всѣ крупныя движенія, и американская революція была дѣломъ энергичнаго меньшинства. Не подлежитъ сомнѣнію, что широкіе народные круги, въ особенности состоятельные и уважаемые люди, и тѣ, которые были какимъ-нибудь образомъ связаны съ англійской церковью, смотрѣли съ отвращеніемъ на отпаденіе отъ метрополіи. Въ послѣднее время историки указывали,—хотя, можетъ-быть, нѣсколько и преувеличено,—что одновременно съ борьбою противъ Англіи началась гражданская война между американцами; особенно сильно освѣтилъ роль такъ наз. англійской партіи, или партіи тори (они же лоялисты), Ванъ-Тайнъ. Гораздо многочисленнѣе были, во всякомъ случаѣ, тѣ, которые въ первый моментъ были увлечены общимъ одушевленіемъ и присоединились къ движенію, а потомъ остыли, когда начались неудачи. Это не было красиво, но совершенно по-человѣчески, когда жители Нью-Джерси предпочитали золото англійскихъ войскъ бумажнымъ деньгамъ конгресса. Милиціонеры, потерявшіе бодрость вслѣдствіе неудачъ, оставляли свои знамена и возвращались къ своимъ домашнимъ очагамъ,

ДЕКЛАРАЦІЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

въ конгрессѣ 4-го іюля 1776 г.

Единогласная декларація тринадцати Соединенныхъ Штатовъ Америки.

Когда въ ходѣ человѣческихъ событій становится необходимымъ одному народу разорвать политическія узы, соединявшія его съ другими, и занять между земными державами отдѣльное и равное положеніе, на что ему дано право законами природы и ея Творцомъ, достодолжное уваженіе къ мнѣнію человѣчества требуетъ, чтобы народъ этотъ объявилъ причины, заставляющія его отдѣлиться. Мы считаемъ самоочевидными истины, что всѣ люди созданы равными, что имъ даны ихъ Создателемъ нѣкоторыя неотъемлемыя права, въ числѣ которыхъ находятся жизнь, свобода и стремленіе къ счастію, что для защиты этихъ правъ среди людей учреждены правительства, справедливая власть которыхъ имѣетъ своимъ источникомъ согласіе управляемыхъ, что если какая-либо форма правительства становится вредной для этихъ цѣлей, то народъ имѣетъ право учредить новое правительство, основанное на такихъ началахъ, и власть котораго организована въ такихъ формахъ, которыя кажутся ему болѣе пригодными для доставленія безопасности и счастія. Благоразуміе, конечно, предписываетъ, чтобы давно уже учрежденныя правительства не мѣнялись на основаніи малозначительныхъ и преходящихъ причинъ; согласно съ этимъ опытъ показываетъ, что люди скорѣе склонны терпѣть зло, пока оно выносимо, чѣмъ возстать и уничтожать тѣ формы, къ которымъ они привыкли. Но если длинный рядъ злоупотребленій и узурпацій, неизмѣнно преслѣдующихъ одну и ту же цѣль, обнаруживаетъ намѣреніе подчинить людей абсолютному деспотизму, то ихъ право, ихъ долгъ — свергнуть подобное правительство и поставить новыхъ стражей ихъ будущей безопасности. Таковы были страданія, долго и терпѣливо переносимыя нашими колоніями, и такова теперь необходимость, заставляющая ихъ измѣнить прежнюю систему правительства. Исторія нынѣ царствующаго короля Великобританіи есть исторія повторяющихся обидъ и узурпацій, и всѣ онѣ имѣютъ своей цѣлью установленіе абсолютной тираніи надъ нашими штатами. Для доказательства этого пусть факты предстанутъ передъ безпристрастнымъ міромъ. Король отказалъ въ утвержденіи самыхъ полезныхъ и необходимыхъ для общаго блага законовъ. Онъ запретилъ своимъ губернаторамъ утверждать законы, немедленно и настоятельно необходимые странѣ, если ихъ примѣненіе не будетъ отсрочено до тѣхъ поръ, пока не получится согласія на нихъ короля, когда же ихъ примѣненіе такимъ образомъ пріостанавливалось, то онъ крайне пренебрегалъ ихъ разсмотрѣніемъ. Онъ задерживалъ изданіе другихъ законовъ, полезныхъ для цѣлыхъ многонаселенныхъ округовъ, до тѣхъ поръ, пока ихъ населеніе не откажется отъ права представительства въ законодательной палатѣ, права, неоцѣнимаго для населенія и опаснаго только для тирана. Онъ созывалъ законодательныя собранія въ мѣста непривычныя, неудобныя и отдаленныя отъ ихъ архивовъ съ единственной цѣлью утомить ихъ для того, чтобы заставить ихъ изъявить согласіе на его распоряженія. Онъ неоднократно распускалъ законодательныя собранія за то, что они мужественно противились его вторженіямъ въ народныя права. Онъ долгое время послѣ такого роспуска отказывался сдѣлать распоряженіе о выборѣ новыхъ законодательныхъ собраній, вслѣдствіе чего законодательная власть, не могущая быть уничтоженной, возвратилась ко всему народу, а государство было предоставлено всѣмъ опасностямъ нападеній извнѣ и потрясеній внутри. Онъ старался препятствовать движенію населенія нашихъ штатовъ, для сего противодѣйствовалъ появленію законовъ о натурализаціи иностранцевъ и отказывалъ въ утвержденіи другихъ законовъ, поощряющихъ эмиграцію, и затруднялъ пріобрѣтеніе земель. Онъ мѣшалъ отправленію правосудія, не давая своего согласія на законы, учреждающіе суды. Онъ поставилъ судей въ исключительную зависимость отъ своей воли, назначая ихъ и платя имъ жалованіе. Онъ учредилъ множество новыхъ должностей и наслалъ на насъ тучи чиновниковъ для отягощенія и разоренія народа. Онъ содержалъ среди насъ во время мира постоянныя арміи безъ согласія нашихъ законодательныхъ палатъ. Онъ стремился сдѣлать военную власть независимой отъ гражданской и поставить ее выше послѣдней. Онъ соединился съ другими, чтобы подчинить насъ юрисдикціи, чуждой нашей конституціи и непризнанной нашими законами, давая свое согласіе на ихъ мнимые законодательные акты: о постоѣ большихъ отрядовъ войскъ среди насъ; о защитѣ ихъ особымъ судомъ, являющимся въ сущности только насмѣшкой на судъ, отъ наказанія за убійства жителей нашихъ штатовъ, о препятствованіи нашей торговлѣ со всѣми частями свѣта; объ обложеніи насъ налогами безъ нашего согласія; объ отнятіи у насъ во многихъ случаяхъ благодѣяній суда присяжныхъ; объ отсылкѣ насъ за море, чтобы быть судимыми по измышленнымъ преступленіямъ; объ уничтоженіи свободной системы свободныхъ англійскихъ законовъ въ сосѣдней провинціи, замѣнѣ ея неограниченнымъ правленіемъ и о постепенномъ расширеніи его предѣловъ, чтобы сдѣлать его въ одно и то же время примѣромъ и удобнымъ орудіемъ для введенія подобнаго же неограниченнаго управленія и въ нашихъ колоніяхъ; объ отнятіи данныхъ намъ хартій, объ отмѣнѣ самыхъ цѣнныхъ нашихъ законовъ и объ основномъ измѣненіи формъ нашего правленія; о пріостановленіи дѣйствія нашихъ законодательныхъ собраній, съ объявленіемъ о своемъ правѣ законодательствовать за насъ въ какихъ бы то ни было случаяхъ. Онъ самъ отказался отъ управленія нами, объявивъ насъ внѣ его покровительства и начавъ войну противъ насъ. Онъ грабилъ на нашихъ моряхъ, опустошилъ наши берега, сжегъ наши города и лишилъ жизни многихъ изъ нашего народа. Въ настоящее время онъ перевозитъ сюда большія арміи чужихъ наемниковъ, чтобы довершить свое дѣло смерти, разрушенія и тираніи, начатое съ жестокостью и предательствомъ, не имѣющими себѣ почти равныхъ въ самыхъ варварскихъ эпохахъ и совсѣмъ недостойными главы цивилизованной націи. Онъ заставилъ нашихъ согражданъ, захваченныхъ имъ въ открытомъ морѣ, сражаться противъ своей родины и сдѣлаться палачами своихъ друзей и братьевъ или самимъ пасть отъ ихъ руки. Онъ возбуждалъ среди насъ внутреннія возстанія и старался привести въ движеніе нашихъ пограничныхъ жителей, безжалостныхъ дикарей индѣйцевъ, всѣмъ извѣстное правило войны которыхъ—поголовное истребленіе всѣхъ, независимо отъ возраста, пола и положенія. Во всѣхъ стадіяхъ этихъ притѣсненій мы обращались въ самыхъ смиренныхъ выраженіяхъ съ петиціями объ отмѣнѣ постановленій; на наши неоднократныя просьбы намъ отвѣтили повтореніемъ тѣхъ же обидъ. Государь съ характеромъ, отмѣченнымъ всѣми свойствами тирана, не можетъ быть правителемъ свободнаго народа. Мы не оставляли также безъ увѣдомленія и нашихъ британскихъ братьевъ. Мы ихъ предостерегали время-отъ-времени противъ попытокъ ихъ законодательныхъ собраній незаконно распространить на насъ свою юрисдикцію. Мы напоминали имъ объ обстоятельствахъ нашей эмиграціи и переселенія сюда. Мы взывали къ ихъ прирожденному чувству справедливости и великодушія и заклинали ихъ узами нашего общаго племенного происхожденія отвергнуть эти незаконныя притязанія, которыя неминуемо должны порвать нашу связь и сношенія. Они также оставались глухи къ голосу справедливости и родства. Мы должны поэтому примириться съ необходимостью, требующей нашего отдѣленія, и отнынѣ смотрѣть на нихъ какъ на друзей во время мира, какъ на враговъ во время войны.

— Поэтому мы — представители Соединенныхъ Штатовъ Америки, собравшіеся на общій конгрессъ,—призываемъ Верховнаго Судію міра свидѣтелемъ чистоты нашихъ намѣреній и торжественно объявляемъ именемъ и властью честнаго народа этихъ колоній, что эти соединенныя колоніи отнынѣ суть и будутъ свободными и независимыми штатами; что онѣ освобождены отъ всякаго подданства британской коронѣ, и что всякая политическая связь между ними и государствомъ Великобританіи нынѣ и въ будущемъ совершенно порвана, и что, какъ свободные и независимые штаты, они имѣютъ полное право вести войну, заключать миръ и союзы, заводить торговыя сношенія и совершать всѣ другія акты и дѣйствія, на которые имѣетъ право независимое государство. И для поддержанія этой декларацiи съ твердой увѣренностью въ покровительствѣ божественнаго Промысла мы даемъ взаимный обѣтъ отвѣчать въ томъ нашей честью, жизнью и имуществомъ.

John Hancock
Button Gwinnitt
Lyman Hall
Geo Walton
Wm. Hooper
Joseph Hewes
John Penn
Edward Rutledge
Thos. Heyward Junr.
Thomas Lynch Junr.
Arthur Middleton
Samuel Chase
Wm. Paca
Thos. Stone
Charles Carroll of Carrollon
George Wythe
Richard Henry Lee
Th. Jefferson
Benj. Harrison
Thos. Nelson jr
Francis Lightfoot Lee
Carter Braxton
Robt. Morris
Benjamin Rush
Benja. Franklin
John Morton
Geo. Clymer
Ja. Smith
Geo. Taylor
James Wilson
Geo Ross
Caesar Rodney
Geo. Read
Tho. M'Kean
Wm Floyd
Phil. Livingston
Frans. Lewis
Lewis Morris
Richd. Stockton
Jno. Witherspoon
Fras. Hopkinson
John Hart
Abra Clark
Josiah Bartlett
Wm. Whipple
Sam. Adams
John Adams
Robt. Treat Paince
Elbridge Gerry
Step. Hopkins
William Ellery
Roger Sherman
Samel. Huntington
Wm. Williams
Oliver Wolcott
Matthew Thornton

наемные солдаты дезертировали, и американская армія такъ сильно таяла, что иногда главнокомандующій имѣлъ въ своемъ распоряженіи только 3000 человѣкъ. Энергичное наступленіе британскихъ войскъ въ декабрѣ 1776 г. могло бы уничтожить если не американскую свободу, то, во всякомъ случаѣ, американскую армію. Никогда Вашингтонъ не былъ такъ великъ, какъ въ эти дни. Онъ одинъ только сохранилъ душевное спокойствіе и не терялъ надежды на конечный успѣхъ. Благодаря удачной атакѣ при Трентонѣ въ ночь на Рождество 1776 г. и побѣдоносной битвѣ у Принстона ему опять удалось вселить мужество въ сердца солдатъ. Теперь удалось убѣдить наемныхъ солдатъ остаться, лоялисты были обезкуражены, и новые полки стекались подъ побѣдоносныя знамена Вашингтона.

Въ 1777 г. англичанамъ удалось перевезти морскимъ путемъ свое войско къ Чизапику и завладѣть Филадельфіей. Хотя этотъ городъ квакеровъ и считался тогда самымъ богатымъ и крупнымъ городомъ Сѣверной Америки, обладаніе имъ все же не имѣло рѣшающаго значенія для исхода кампаніи, тѣмъ болѣе, что на сѣверномъ театрѣ военныхъ дѣйствій американцамъ удалось достичь блестящаго успѣха. Англійскій корпусъ, шедшій къ югу отъ Канады и имѣвшій своею задачей отрѣзать Новую Англію отъ юга, былъ принужденъ 17 октября 1777 г. сдаться въ плѣнъ у Саратоги.

Какъ ни великъ былъ непосредственный результатъ этой побѣды, слѣдствія, вызванныя саратогской капитуляціей въ Европѣ, въ особенности во Франціи, были еще значительнѣе. Во Франціи еще не забыли унизительныхъ пораженій Семилѣтней войны. Однако, сильнѣе желанія реванша были въ широкихъ кругахъ симпатіи къ американскимъ революціонерамъ, которые, казалось, осуществляютъ тѣ идеалы, которыми были полны сердца многихъ французовъ,—идеалы свободы и равенства. Многочисленные воодушевленные юноши—самымъ знаменитымъ изъ нихъ сдѣлался маркизъ Лафайетъ, которому тогда было лишь девятнадцать лѣтъ—переѣзжали океанъ, чтобы сражаться за дѣло свободы. Оффиціальныя сферы проявляли, правда, нѣкоторую сдержанность, но не отступали вмѣстѣ съ тѣмъ передъ поддержкой возставшихъ колоній оружіемъ и деньгами. Энтузіазмъ еще больше возросъ, когда прибылъ въ Парижъ самый знаменитый гражданинъ молодой республики, Веніаминъ Франклинъ. Послѣ извѣстія о саратогской капитуляціи правительство уступило давленію общественнаго мнѣнія, и 6 февраля 1778 г. былъ заключенъ союзъ между Франціей и Соединенными Штатами.

Теперь Англія окончательно потеряла шансы на побѣду надъ революціей,—шансы, которые вовсе еще не были такъ плохи зимою 1777—1778 гг., когда солдаты Вашингтона терпѣли голодъ и холодъ въ своемъ лагерѣ, расположенномъ въ долинѣ Форджъ. Колоніальная война превратилась въ міровую войну, ибо Испанія и Нидерланды также выступили теперь противъ Великобританіи, которой уже приходилось бороться не за покореніе отпавшихъ колоній, а за сохраненіе своего мірового положенія.

Англичане перенесли теперь театръ военныхъ дѣйствій на югъ, гдѣ они надѣялись встрѣтить менѣе сильное сопротивленіе и энергичное содѣй-

ствіе особенно многочисленныхъ тамъ лоялистовъ. Имъ, дѣйствительно, удавалось время-отъ-времени завладѣвать Георгіей и обѣими Каролинами. Вашингтонъ былъ между тѣмъ обреченъ на бездѣйствіе. Конгрессъ почти потерялъ всякое вліяніе, его бумажныя деньги не имѣли никакой цѣны, его указаній не слушались, и арміи приходилось переносить безконечныя страданія. Только благодаря денежной помощи французовъ и посылкѣ ими кораблей и войскъ удалось, наконецъ, довести войну до счастливаго конца. Общими дѣйствіями французскаго флота, французскаго вспомогательнаго войска и арміи Вашингтона удалось 19 октября 1781 г. заставить капитулировать у Іорктоуна въ Виргиніи англійскій корпусъ въ 8000 человѣкъ.

Послѣ этого пораженія Великобританія считала безполезнымъ продолженіе борьбы, и 30 ноября 1782 г. былъ подписанъ мирный договоръ, въ которомъ была признана независимость отъ метрополіи прежнихъ 13 колоній. Вся область между Великими Озерами, Аллеганскими горами и р. Миссисипи, уступленная Франціей Англіи въ 1763 г., перешла къ Соединеннымъ Штатамъ.

6. Союзная конституція.

Независимость, такимъ образомъ, была достигнута, и американцы были международно признаны самостоятельной націей. Другимъ великимъ результатомъ войны было политическое единство. Колоніи объединились для борьбы съ метрополіей; онѣ признали авторитетъ революціоннаго конгресса и выработали въ статьяхъ конфедераціи первую объединяющую ихъ всѣхъ организацію. Но уже скоро стало ясно, что этой организаціи недостаточно для того, чтобы не дать распасться ея слишкомъ слабо связаннымъ членамъ, и что должна быть найдена болѣе крѣпкая связь для того, чтобы упрочить единство и независимость націи.

Война оставила послѣ себя Союзу значительный долгъ, требовавшій уплаты процентовъ и постепеннаго погашенія; къ этому прибавились еще расходы на центральное правительство, войско, флотъ и представительство при иностранныхъ дворахъ. Такъ какъ Союзъ, за исключеніемъ дававшей ничтожные доходы почтовой регаліи, не обладалъ собственнымъ источникомъ доходовъ, то онъ находился всецѣло въ зависимости отъ взносовъ отдѣльныхъ штатовъ. Но финансовое положеніе послѣднихъ было крайне разстроено, и они или совсѣмъ ничего не платили, или платили обезцѣненными бумажными деньгами. Изъ 16 милліоновъ долларовъ, которыхъ требовалъ союзъ отъ 1781 г. до 1788 г., въ союзную кассу поступили только $3^1/_2$ милліона золотомъ и $2^1/_2$ милліона бумажными деньгами. Національное правительство не было поэтому въ состояніи исполнять своихъ обязательствъ; было настоятельно необходимо произвести финансовую реформу, въ противномъ случаѣ крахъ федераціи былъ неизбѣженъ. Не менѣе явной стала также слабость Союза въ его отношеніяхъ къ другимъ государствамъ. Великобританія,

Президенты Соединенныхъ Штатовъ.

1. Джорджъ Вашингтонъ, президъ. 1789—1793 и 1793—1797 гг.
2. Джонъ Адамсъ, президъ. 1797—1801 гг.
3. Томасъ Джефферсонъ, президъ. 1801—1805 и 1805—1809 гг.
4. Джемсъ Мадисонъ, президъ. 1809—1813 и 1813—1817 гг.
5. Джемсъ Монроэ, президъ. 1817—1821 и 1821—1825 гг.
6. Джонъ-Квинси Адамсъ, президъ. 1825—1829 гг.

Дж. Вашингтонъ. Маркизъ Лафайетъ. Веніаминъ Франклинъ.

державшаяся своей старой колоніальной политики, не дозволяла независимымъ теперь Соединеннымъ Штатамъ вести торговлю съ ея вестъ-индскими колоніями, а эта торговля, какъ мы уже упомянули, имѣла громадное значеніе для портовыхъ городовъ Новой Англіи. Такъ какъ Союзу не было предоставлено право издавать торговые и таможенные законы, то онъ не могъ добиться отъ Англіи болѣе выгодныхъ условій путемъ заключенія съ нею торговаго договора или примѣненія ограничительныхъ мѣръ противъ ея торговли. Само по себѣ неблагопріятное экономическое положеніе еще ухудшалось вслѣдствіе того, что отдѣльные штаты ссорились между собою и не останавливались передъ тѣмъ, чтобы вести другъ съ другомъ таможенныя войны. Единообразная торговая политика была не менѣе необходима, чѣмъ финансовая реформа,—въ противномъ случаѣ, наступила бы анархія и междоусобная война.

Различныя попытки реформъ уже были сдѣланы. Въ 1781 г. было предложено предоставить Союзу право взимать пошлины на всѣ ввозимые товары въ размѣрѣ пяти процентовъ ихъ стоимости, и 12 штатовъ дали свое согласіе на этотъ проектъ. Но такъ какъ Родъ-Айландъ былъ противъ него, а измѣненіе конституціи могло пройти лишь при единогласномъ рѣшеніи, то планъ этотъ не могъ быть осуществленъ. Другія попытки также не привели къ какимъ-либо результатамъ.

Въ сознаніе лучшихъ людей націи все болѣе и болѣе проникало убѣжденіе, что маленькія, частичныя мѣры не принесутъ никакой пользы, и что необходимо произвести коренную реформу всей организаціи Союза для того, чтобы не было потеряно все пріобрѣтенное до сихъ поръ. Нѣкоторые даже совсѣмъ отчаивались въ осуществимости республиканскаго образа правленія. Это—единственный моментъ въ американской исторіи, когда существовала, хотя и незначительная, монархическая группа. Въ Америкѣ не было никакой почвы для монархіи, но созданіе болѣе сильной исполнительной власти и расширеніе области правъ Союза считались проницательными людьми дѣломъ безусловной необходимости. Движеніе въ пользу этой реформы все болѣе и болѣе усиливалось. Послѣ того какъ засѣдавшая въ 1786 г. въ Аннаполисѣ конференція делегатовъ различныхъ штатовъ потребовала созыва особаго собранія для измѣненія союзной конституціи, конгрессъ уже не могъ дольше противиться и далъ 21 февраля 1787 г. на это свое согласіе.

25 мая 1787 г. собрался въ Филадельфіи національный конвентъ, въ которомъ были представлены всѣ штаты, кромѣ Родъ-Айланда. Самые выдающіеся люди Америки засѣдали въ этомъ высокомъ собраніи, которое можетъ быть поставлено на ряду съ учредительнымъ собраніемъ 1789 г. и съ франкфуртскимъ парламентомъ 1848 г. Виргинія послала своего величайшаго сына Джорджа Вашингтона и сдѣлавшагося позднѣе президентомъ Джемса Мадисона; Пенсильванія отправила знаменитаго старца Веніамина Франклина; Нью-Іоркъ былъ представленъ Александромъ Гамильтономъ, самымъ выдающимся политическимъ мыслителемъ Соединенныхъ Штатовъ. Задача собранія была далеко не изъ легкихъ. Сторонникамъ реформы пришлось не разъ выдержать горя-

чій споръ съ партикуляристами; представители маленькихъ штатовъ возставали противъ маіоризаціи большихъ штатовъ, демократы боролись съ подозрѣваемыми ими монархическими тенденціями, и, наконецъ, проявился уже тотъ антагонизмъ между Сѣверомъ и Югомъ въ вопросѣ о рабствѣ, который позднѣе угрожалъ разрушить все дѣло конвента. Противоположныя мнѣнія часто такъ сильно сталкивались между собою, что, казалось, нѣтъ никакой надежды на соглашеніе,—и Веніаминъ Франклинъ не разъ спрашивалъ себя, является ли висѣвшее надъ предсѣдательскимъ кресломъ изображеніе солнца символомъ восходящаго или заходящаго солнца Союза. Но всѣ затрудненія были, въ концѣ концовъ, устранены путемъ компромиссовъ. 17 сентября 1787 г. послѣ продолжавшихся четыре мѣсяца совѣщаній была окончательно принята дѣйствующая понынѣ союзная конституція,—это великое твореніе конвента. Теперь уже Франклинъ зналъ, что солнце Союза восходитъ, а не заходитъ.

Великія идейныя теченія XVIII вѣка, разумѣется, не остались безъ вліянія на союзную конституцію. Однако, она далеко не представляетъ собою произведенія доктринеровъ. Конституція была создана людьми, накопившими богатый опытъ во время своей практической политической дѣятельности и точно знавшими поэтому, что будетъ полезно ихъ соотечественникамъ. Отдѣльныя конституціи колоній и образовавшихся изъ нихъ штатовъ служили, естественно, образцомъ для союзной конституціи. Испытанная двухпалатная система была перенесена также и въ союзную конституцію, должность президента являлась копіей съ должности губернатора колоніи. Совершенно новымъ было, напротивъ, перенесеніе этихъ учрежденій на федеративное государство.

Первой и важнѣйшей задачей конвента было расширеніе правъ Союза. Союзъ получилъ, помимо предоставленныхъ ему статьями конфедераціи правъ, еще и право дѣлать свои собственные сборы и, главнымъ образомъ, право облагать налогами и пошлинами и право регулировать торговлю съ иностранными государствами и между отдѣльными штатами (Interstate Commerce). Всѣ права, не предоставленныя особо Союзу, напримѣръ, гражданское и уголовное законодательство и народное просвѣщеніе, сохраняются за штатами. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно быть поэтому доказано, что союзное законодательство правомочно въ данной области.

Союзъ получилъ, кромѣ того, важное право осуществлять изданные имъ законы посредствомъ назначаемыхъ имъ самимъ должностныхъ лицъ, въ противоположность германской имперіи, въ которой область полномочій имперскаго законодательства гораздо шире, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, но осуществленіе имперскихъ законовъ въ широкой мѣрѣ предоставлено отдѣльнымъ государствамъ. Исполнительная власть находится въ рукахъ одного человѣка, президента, избираемаго народомъ на четыре года. Онъ избирается не прямо народомъ, а назначаемыми каждымъ штатомъ избирателями. Президентъ есть главнокомандующій арміи и флота. Онъ назначаетъ должностныхъ лицъ Союза, заключаетъ трактаты и имѣетъ право отсрочивающаго veto по отношенію къ постановленіямъ народныхъ представителей. Онъ, несомнѣнно, является самой значительной фигурой въ американской политической

жизни. Сильная личность можетъ, занимая президентское кресло—въ особенности въ неспокойное время,—оказать чрезвычайно большое вліяніе на ходъ дѣлъ въ Союзѣ.

Законодательная власть ввѣрена состоящему изъ двухъ палатъ конгрессу. Сенатъ, подобно конгрессу конфедераціи, является представительствомъ штатовъ. Каждый штатъ, все равно большой или малый, посылаетъ двухъ сенаторовъ, избираемыхъ законодательнымъ собраніемъ каждаго штата на шесть лѣтъ. Члены же второй палаты—палаты представителей—избираются на два года въ числѣ, соотвѣтствующемъ населенію каждаго штата, такъ что большіе штаты обладаютъ въ этой палатѣ бо́льшимъ вѣсомъ, чѣмъ маленькіе. Рабы принимаются въ три пятыхъ ихъ дѣйствительнаго числа. Конституція отказывается установить единообразное избирательное право для всего Союза; она предоставляетъ регулированіе избирательнаго права штатамъ съ тѣмъ, чтобы пользующіеся правомъ участія въ избраніи членовъ второй законодательной палаты штата имѣли также право участія и въ національныхъ собраніяхъ. Полномочія обѣихъ палатъ въ общемъ одинаковы, но сенатъ пользуется еще, кромѣ того, правомъ утверждать назначенныхъ президентомъ должностныхъ лицъ и заключенные имъ трактаты. Въ качествѣ высшей судебной инстанціи сенату принадлежитъ право судопроизводства по обвиненіямъ въ преступленіяхъ по должности; право обвиненія въ такихъ преступленіяхъ принадлежитъ палатѣ представителей. Благодаря болѣе долгому сроку полномочій, меньшему количеству членовъ и участію въ исполнительной власти сенатъ, въ которомъ, по желанію «отцовъ» конституціи, должны были преобладать консервативные элементы, пріобрѣлъ болѣе вліятельное положеніе въ республикѣ, чѣмъ палата представителей.

Наконецъ, союзная конституція не только приводится въ исполненіе должностными лицами Союза, но и толкуется союзными судами, разбирающими всѣ дѣла, возникающія по примѣненію конституціи или законовъ Союза. Перенесеніе дѣла отъ суда отдѣльнаго штата къ союзному суду, какъ въ Германіи, не имѣетъ мѣста въ Америкѣ. Такъ какъ союзные суды имѣютъ право объявлять недѣйствительными законы, находящіеся въ противорѣчіи съ конституціей, то они сдѣлались охранителями конституціи отъ покушеній на нее не только отдѣльныхъ штатовъ, но и конгресса.

Вотъ основныя черты конституціи, которая съ внесенными въ нее лишь немногими измѣненіями сохранилась до настоящаго времени. Какъ всякое человѣческое произведеніе, она не свободна отъ недостатковъ. Въ особенности ее упрекали за то, что своей искусно придуманной системой нейтрализаціи и уравновѣшенія властей она вызываетъ тренія въ государственной жизни, страдаетъ существенными пробѣлами и оставляетъ открытыми нѣкоторые важные вопросы. Несмотря на это, она въ общемъ, однако, прекрасно осуществила задачу, имѣвшуюся въ виду ея творцами. По мысли ея творцовъ, она должна была служить основою для управленія великимъ государствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не препятствовать свободному развитію отдѣльныхъ частей этого государства; она должна была быть выраженіемъ народной воли и вмѣстѣ

съ тѣмъ не давать простора быстро мѣняющимся капризамъ и страстямъ народнымъ. Эта задача въ высокой степени и достигается выработанной ими конституціей.

Принятый конвентомъ проектъ долженъ былъ, разумѣется, до вступленія въ силу получить согласіе отдѣльныхъ штатовъ. Согласно статьямъ конфедераціи для этого необходимо было единогласіе, но конвентъ постановилъ, что проектъ конституціи вступитъ въ силу, если въ девяти штатахъ спеціально избранныя собранія одобрятъ проектъ конституціи. Это былъ настоящій государственный переворотъ, оправдывавшійся только необходимостью. Во всѣхъ штатахъ возгорѣлась горячая борьба. Народъ раздѣлился на сторонниковъ конституціи—федералистовъ и на противниковъ ея, называвшихъ себя анти-федералистами. Въ эту партію входили также и тѣ, которые осуждали конституцію съ демократической точки зрѣнія. Противники конвента направляли свои нападки на деспотическую, по ихъ мнѣнію, власть президента и на отсутствіе въ конституціи защиты народныхъ массъ, между тѣмъ какъ другіе боролись противъ тираніи Союза, подавлявшаго свободу отдѣльныхъ штатовъ.

Первымъ конституцію принялъ 7 декабря 1787 г. конвентъ маленькаго штата Делавара, за нимъ быстро послѣдовали Пенсильванія, Нью-Джерси, Георгія, Коннектикутъ, Массачузетсъ, Мэриландъ, Южная Каролина и Нью-Гампширъ. Число девять было, правда, достигнуто, но недоставало еще Виргиніи и Нью-Іорка, безъ которыхъ было невозможно образованіе союза. Вскорѣ получилось также согласіе Виргиніи, но тѣмъ сильнѣе было сопротивленіе въ Нью-Іоркѣ, гдѣ Гамильтонъ долженъ былъ употребить все свое краснорѣчіе, чтобы добиться принятія конституціи (26 іюля 1788 г.). Теперь конгрессъ призналъ конституцію принятой и, не обращая вниманія на то, что еще не получилось согласія Сѣверной Каролины и Родъ-Айланда, предписалъ произвести выборы новаго конгресса и президента. Сѣверная Каролина утвердила конституцію 21 ноября 1789 г., а Родъ-Айландъ—только 19 мая 1790 г. Конституція вступила въ дѣйствіе еще въ 1789 г. Американская революція закончилась, такимъ образомъ, въ томъ году, въ какомъ началась французская революція, когда впервые восторжествовали на европейской почвѣ идеи свободы и равенства.

7. Внѣшнее и внутреннее упроченіе Союза.

Первая перепись Соединенныхъ Штатовъ 1790 г. дала цифру населенія приблизительно въ четыре милліона, вторая перепись 1800 г.—5300000 человѣкъ. Союзъ, слѣдовательно, насчитывалъ въ началѣ XIX вѣка нѣсколько меньше жителей, чѣмъ Баварія или Голландія въ началѣ XX вѣка. Почти пятую часть населенія составляли негры; большая часть бѣлыхъ—по вычисленіямъ Гарта восемь десятыхъ—была англійскаго происхожденія, и американцы другого происхожденія были ими большей частью ассимилированы. Иммиграція

сильно уменьшилась во второй половинѣ XVIII в. и была еще очень незначительна въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX в. Американская нація была въ 1800 г., можетъ-быть, однороднѣе, чѣмъ когда-либо ранѣе. Для американской исторіи имѣетъ очень важное значеніе тотъ фактъ, что государство и общество уже пріобрѣли извѣстную прочность и устойчивость раньше, чѣмъ хлынулъ въ страну великій потокъ европейской эмиграціи.

Самая большая часть населенія жила еще вблизи морскихъ береговъ. Генри Адамсъ высчитываетъ, что въ 1800 г. двѣ трети населенія жили во всякомъ случаѣ не дальше 50 миль отъ морского берега. Американцы были еще почти всецѣло деревенскими жителями. Городское населеніе, составляющее теперь почти треть всего населенія, составляло въ 1790 г. только 3,4%. Самый большой городъ страны, Филадельфія, насчитывалъ по первой переписи только 42000, а по переписи 1800 г. 70000 жителей. Нью-Іоркъ, почти удвоившій въ эти десять лѣтъ количество своего населенія, возросшаго отъ 32000 до 60000 человѣкъ, былъ близокъ къ тому, чтобы обогнать городъ квакеровъ. Затѣмъ, далеко уступая названнымъ двумъ городамъ, шли Бостонъ, Балтимора и Чарльстонъ — единственные города, насчитывающіе больше 2000 жителей.

Югъ былъ еще попрежнему страной плантацій, и его благосостояніе находилось въ зависимости отъ экспорта немногихъ земледѣльческихъ продуктовъ, больше всего табака, риса и индиго. Положеніе южныхъ плантаторовъ въ концѣ XVIII в. не было удовлетворительнымъ. Почва морского прибрежья была истощена хищнической культурой, культура риса и индиго не была способна къ большому расширенію, и система плантацій уже тогда потерпѣла бы, можетъ-быть, крушеніе, если бы великія техническія изобрѣтенія не поставили хозяйство юга на новыхъ началахъ.

На сѣверѣ и въ среднихъ колоніяхъ возлагали большія надежды на уничтоженіе ограниченій англійскихъ торговыхъ законовъ, но отмѣна премій и другихъ преимуществъ, которыми пользовалась американская торговля въ метрополіи, и, въ особенности, недопущеніе американцевъ на рынки англійской Вестъ-Индіи показали, что старая колоніальная система все же имѣла и свои выгодныя стороны. Предпріимчивые судовладѣльцы Новой Англіи сумѣли, впрочемъ, вознаградить себя въ другомъ мѣстѣ: торговля съ Китаемъ и Остъ-Индіей приносила большія выгоды, и бурныя времена революціонныхъ войнъ, когда американскія суда появлялись во всѣхъ моряхъ, принесли американцамъ небывалую прибыль.

Само собою разумѣется, что теперь отпали также стѣснительные англійскіе законы объ американской промышленности. Объявленный конгрессомъ бойкотъ англійскихъ товаровъ заставилъ американцевъ самимъ производить самые необходимые фабрикаты. Простые сорта льняныхъ и шерстяныхъ товаровъ, шляпы, башмаки и желѣзныя издѣлія производились теперь въ Новой Англіи и Пенсильваніи, а болѣе тонкіе продукты промышленности еще долго оставались предметомъ ввоза изъ Европы. Большая часть предметовъ домашняго потребленія изготовлялась на фермахъ сѣвера и плантаціяхъ юга,

а фабричное и крупное производство существовали тогда лишь въ самомъ скромномъ размѣрѣ.

Соединенные Штаты были въ началѣ XIX в. очень неразвитою въ экономическомъ отношеніи страною. Даже на востокѣ земля была покрыта обширными лѣсами и только кое-гдѣ, какъ оазисы въ пустынѣ, были маленькія поселенія. Нѣдра земли еще не эксплуатировались, и внутренняя часть континента оставалась совершенно нетронутой. Населеніе было слишкомъ малочисленно, находящихся въ его распоряженіи капиталовъ слишкомъ мало, чтобы можно было думать о полномъ использованіи страны. Джефферсонъ былъ съ своей точки зрѣнія совершенно правъ, когда утверждалъ, что колонизація области до рѣки Миссиссипи будетъ дѣломъ цѣлаго тысячелѣтія.

Соціальный строй Соединенныхъ Штатовъ мало измѣнился по сравненію съ предшествовавшей независимости эпохой. На югѣ господствовала аристократія плантаторовъ-рабовладѣльцевъ. Въ Новой Англіи и въ среднихъ колоніяхъ также не было недостатка въ семьяхъ, выдававшихся своимъ образованіемъ, богатствомъ и происхожденіемъ и пользовавшихся поэтому особеннымъ уваженіемъ, но тамъ не было замкнутой аристократіи, и различія въ матеріальномъ благосостояніи были также ничтожны. 100000 долларовъ считались прекраснымъ состояніемъ, а 300000 даже большимъ богатствомъ. Не было еще ни милліардеровъ, ни пролетаріевъ, скромное благосостояніе было правиломъ, а богатство и бѣдность—исключеніемъ.

Великая политическая борьба XVIII в. неблагопріятно повліяла на духовную жизнь американскаго народа. Народное образованіе, уже раньше достигшее въ Новой Англіи сравнительно высокаго состоянія, теперь дѣлало тамъ ничтожные успѣхи и находилось на такой же низкой ступени, какъ и въ другихъ штатахъ. Высшія школы были снабжены жалкими средствами, и преподаваніе въ нихъ находилось почти на томъ же уровнѣ, какъ и восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Во всей странѣ очень мало интересовались вопросами образованія. Несмотря на то, что Франклинъ еще въ 1732 г. основалъ библіотеку въ Филадельфіи, всѣ библіотеки Соединенныхъ Штатовъ, вмѣстѣ взятыя, еще не насчитывали въ 1800 г. 50000 томовъ. Несмотря на то, что въ странѣ находилось очень много нѣмцевъ, нѣмецкая литература и философія въ эпоху Гете, Шиллера и Канта оставалась совершенной terra incognita для американцевъ. Не удивительно поэтому, что и самостоятельныя художественныя, научныя и литературныя произведенія появлялись въ Соединенныхъ Штатахъ того времени въ крайне скромномъ количествѣ и были очень невысокаго качества. Америка, правда, дала тогда нѣкоторыхъ художниковъ, какъ, напр., Копли и Веніамина Веста, но эти художники получили свое образованіе въ Англіи и большей частью тамъ жили; представителями изящной литературы было только нѣсколько забытыхъ потомствомъ риѳмоплетовъ, а объ американской наукѣ послѣ смерти Франклина ничего не было болѣе слышно. Экономическая дѣятельность и политика поглощали всѣ интересы американцевъ.

ДАНІЕЛЬ ВЕБСТЕРЪ.
ЭНДРЮ ДЖОНСОНЪ.
ДЖЕМСЪ БУХАНАНЪ.
ЭНДРЮ ЛИНКОЛЬНЪ.
ЭНТОНИ ТАППИСОНЪ.
ЛЕВИ МОРТОНЪ.
АЛЕКСАНДРЪ ГАМИЛЬТОНЪ.
ТЕНЕЙ РЕЕЙ.

АЛЕКСАНДРЪ ГАМИЛЬТОНЪ.

ГЕНРИ КЛЕЙ.

ЭНДРЬЮ ДЖАКСОНЪ.

ДЖОНЪ КАЛОУНЪ.

ВИЛЬЯМЪ ГАРРИСОНЪ.

ДЖЕМСЪ БУХАНАНЪ.

ЭНДРЬЮ ДЖОНСОНЪ.

ДАНІЕЛЬ ВЕБСТЕРЪ.

Важнѣйшій вопросъ, на который американскій народъ долженъ былъ отвѣтить въ 1789 г., заключался въ слѣдующемъ: обезпечитъ ли ему конституція, созданная съ такими безконечными трудностями, прочное единство? Значительной гарантіей дальнѣйшаго существованія Союза служило единогласное избраніе въ президенты Вашингтона. Первой его задачей была организація различныхъ отраслей государственнаго правленія. Были созданы департаментъ иностранныхъ дѣлъ, департаменты финансовъ и военныхъ дѣлъ, руководители которыхъ, носившіе титулъ секретарей, вмѣстѣ съ генеральнымъ прокуроромъ, представителемъ Соединенныхъ Штатовъ передъ судомъ, составляли «кабинетъ». Хотя члены кабинета являются постоянными совѣтниками главы государства и похожи въ этомъ отношеніи на конституціонныхъ министровъ, однако, президентъ, подобно нѣмецкому имперскому канцлеру, одинъ только является отвѣтственнымъ за ходъ политики; фактически же члены кабинета, если только они хорошо знаютъ свое дѣло, оказываютъ, разумѣется, очень значительное вліяніе на судьбы страны.

Созданіе прочной финансовой системы было, безъ сомнѣнія, одной изъ важнѣйшихъ задачъ отцовъ союзной конституціи. Назначеніемъ Александра Гамильтона въ секретари казначейства Вашингтонъ сдѣлалъ очень удачный выборъ. Широко задуманные планы Гамильтона имѣли цѣлью заинтересовать народъ, въ особенности имущіе классы, въ преуспѣяніи Союза и такимъ образомъ посредствомъ общности интересовъ крѣпче связать между собою различныя части страны. Руководясь этой цѣлью, онъ консолидировалъ союзные долги, перенесъ на Союзъ долги, сдѣланные отдѣльными штатами во время войны за независимость, и создалъ центральный національный банкъ. Введенныя имъ таможенныя пошлины и налоги на напитки должны были доставлять Союзу необходимыя на покрытіе его расходовъ средства. Хотя первый таможенный тарифъ 4 іюля 1789 г. имѣлъ своей цѣлью, главнымъ образомъ, доставленіе доходовъ Союзу, однако, при установленіи, впрочемъ, умѣренныхъ ставокъ, не была упущена изъ виду и защита національнаго производства. Громадное значеніе имѣло уничтоженіе внутреннихъ таможенъ между штатами. Эта мѣра сдѣлала Союзъ единой хозяйственной областью. Внѣшней формой увѣнчанія дѣла единства должна была служить постройка столицы Союза, относительно мѣста которой—она была построена на рѣкѣ Потомакѣ и была названа Вашингтономъ—пришли къ соглашенію только послѣ продолжительной борьбы. Демократическимъ противникамъ конституціи пошли навстрѣчу внесеніемъ въ нее десяти поправокъ, обезпечивающихъ отъ покушеній союзнаго правительства свободу совѣсти, печати, собранія и другія народныя права. Казалось, такимъ образомъ, что Союзъ, въ осуществленіи котораго еще недавно отчаивались, и противъ конституціи котораго велась такая ожесточенная борьба всего только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теперь сталъ устойчивымъ государственнымъ организмомъ.

Но партикуляризмъ вовсе еще не вымеръ,—и именно потому, что власть Союза увеличилась, партикуляристы еще сильнѣе чувствовали необходимость противодѣйствовать дѣйствительнымъ или мнимымъ нарушеніямъ правъ от-

дѣльныхъ штатовъ со стороны Союза. Купцы, судовладѣльцы и промышленники ясно поняли выгоды, доставляемыя національнымъ единствомъ и сильною государственною властью, и примкнули къ централистической партіи; земледѣльческое населеніе, наоборотъ, преимущественно принадлежало къ противному лагерю и отстаивало партикуляристскіе интересы. Хотя мѣстный антагонизмъ тогда далеко не былъ такъ рѣзко выраженъ, какъ въ позднѣйшее время, однако, все же можно сказать, что Новая Англія въ преобладающей своей части стояла за централизмъ, югъ былъ въ большинствѣ случаевъ партикуляристиченъ, а средніе штаты занимали колеблющееся положеніе. Централистическая партія—«федералисты», самымъ способнымъ руководителемъ которой былъ секретарь казначейства Александръ Гамильтонъ—защищала сильную государственную власть, сильную союзную власть, свободное толкованіе конституціи и господство состоятельныхъ и образованныхъ классовъ. Противники федералистовъ, признававшіе своимъ вождемъ Томаса Джефферсона, обвиняли федералистическую партію въ монархическихъ или, во всякомъ случаѣ, въ аристократическихъ тенденціяхъ и называли себя поэтому республиканцами, а также демократами. Республиканцы являются предшественниками теперешней демократической партіи, а теперешняя республиканская партія — наслѣдницей федералистической партіи. Первые исходили изъ той мысли, что государство представляетъ собою необходимое зло, и что должно защищать благосостояніе и свободу индивидуума противъ покушеній государства. Соотвѣтственно этому они хотѣли ограничить государственную власть, предоставляя ей только самыя необходимыя функціи, и сузить сферу компетенціи союзной власти; въ доказательство правильности своей точки зрѣнія они ссылались на точный текстъ конституціи. Замѣчательно то обстоятельство, что они опасались только тираніи Союза, на который они смотрѣли какъ на наслѣдника англійскаго центральнаго правительства, ибо съ индивидуалистическими и демократическими идеями были тѣсно связаны партикуляристическіе интересы.

Споръ между этими двумя партіями о вопросахъ внутренней политики еще больше обострился благодаря ихъ расхожденію во взглядахъ на міровыя событія. Республиканцы, понятно, привѣтствовали съ радостью французскую революцію и отдали всѣ свои симпатіи молодой сестрѣ американской республики; федералисты же сдѣлали изъ событій во Франціи только тотъ выводъ, что «господство черни» гибельно. Когда въ 1793 г. началась война между Англіей и Франціей, то республиканцы хотѣли прійти на помощь Франціи и ссылались при этомъ на несомнѣнно сохранившій свою силу союзный договоръ 1778 г., обязывавшій американцевъ защищать французскія владѣнія въ Вестъ-Индіи; федералисты-же стремились, напротивъ, тщательно избѣгать разрыва съ Англіей, ибо этотъ разрывъ могъ только принести вредъ торговлѣ и судоходству Новой Англіи. Вашингтонъ, единогласно вновь избранный президентомъ, издалъ 22 апрѣля 1793 г. знаменитую декларацію, въ которой онъ выставилъ принципомъ американской политики—невмѣшательство въ европейскія дѣла и, соотвѣтственно этому, убѣждалъ своихъ согражданъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ.

Но можно ли было сохранить нейтралитетъ? Событія послѣдующихъ годовъ показали, что Америка гораздо тѣснѣе связана съ европейскою системою державъ, чѣмъ полагали раньше многіе американцы. Вѣрно то, что сухопутныя войны мало затрагиваютъ интересы Соединенныхъ Штатовъ; но морскія войны между европейскими великими державами непремѣнно должны отразиться и на американцахъ, и если когда-нибудь опять начнется великая морская война между европейскими государствами, то при громадныхъ размѣрахъ американской внѣшней торговли должны будутъ возникнуть такого же рода затрудненія, какія возникли въ разсматриваемую эпоху.

Никогда ходъ европейской политики не оказывалъ такого сильнаго вліянія на Соединенные Штаты, какъ въ 1793—1815 гг. У американцевъ возникли съ обѣими воюющими сторонами несогласія относительно спорныхъ вопросовъ морского права. Они имѣли своимъ источникомъ вопросъ о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ военной контрабандой, какъ понимать право блокады, торговлю съ непріятельскими колоніями, транспортъ имущества, принадлежащаго непріятелю, на нейтральныхъ корабляхъ. Англичане еще къ тому же вызвали къ себѣ сильную ненависть строгимъ надзоромъ за американскими морскими берегами,—надзоромъ, который иногда ничѣмъ не отличался отъ блокады и сопровождался безпощадными обысками американскихъ кораблей и насильственной вербовкой въ матросы британскаго военнаго флота найденныхъ на корабляхъ британскихъ подданныхъ,—а таковыми объявлялись нерѣдко и американцы.

Искусно ведшему отъ имени Вашингтона переговоры Джею удалось въ 1794 г. добиться соглашенія съ Англіей. Спорные вопросы морского права получили, правда, не удовлетворявшее американцевъ рѣшеніе, но зато въ другихъ областяхъ, въ особенности въ разрѣшеніи все еще продолжавшихся споровъ о границахъ, соглашеніе было очень выгодно для американцевъ. Однако, Вашингтону стоило большихъ усилій, пока онъ добился отъ сената утвержденія этого трактата, на который сильно нападали антифедералисты. Вашингтонъ былъ такъ разстроенъ оказаннымъ ему сопротивленіемъ по поводу этого трактата, что отказался выставить еще разъ свою кандидатуру въ президенты Союза. Съ тѣхъ поръ неписаннымъ правомъ въ Союзѣ сдѣлалось правило, что ни одинъ президентъ не долженъ оставаться на своемъ посту дольше восьми лѣтъ.

Соглашеніе съ Англіей вызвало раздоры съ Франціей, поведшіе къ открытымъ враждебнымъ дѣйствіямъ; заключеннымъ договоромъ удалось, впрочемъ, вскорѣ ихъ устранить. Такъ какъ оппозиція дружественной Франціи республиканской партіи становилась все рѣзче и рѣзче, то правительство было вынуждено прибѣгнуть къ энергичнымъ репрессивнымъ мѣрамъ, къ такъ назыв. актамъ о чужестранцахъ и мятежѣ. Республиканцы организовали противодѣйствіе этимъ законамъ въ отдѣльныхъ штатахъ. Законодательныя собранія Виргиніи и Кентукки, въ которыхъ республиканцы (антифедералисты) были въ большинствѣ, издали по иниціативѣ Джефферсона постановленія, въ которыхъ признали эти законы противными конституціи и объявили ихъ не дѣйствительными или, какъ они выразились, «нулировали» ихъ. Въ этихъ резолюціяхъ было впервые изложено ученіе о суверенитетѣ отдѣльныхъ штатовъ,

сдѣлавшееся впослѣдствіи лозунгомъ отпавшихъ южныхъ штатовъ. Изданіе законовъ о чужестранцахъ и мятежѣ было грубой ошибкой со стороны федералистовъ, и они поплатились за нее пораженіемъ на выборахъ 1800 г., когда въ президенты Союза былъ избранъ Джефферсонъ, представитель республиканской или антифедералистической партіи.

Томасъ Джефферсонъ принадлежитъ не къ величайшимъ, но къ интереснѣйшимъ и вліятельнѣйшимъ государственнымъ людямъ Соединенныхъ Штатовъ. Мудрецъ изъ Монтичелло, происходившій изъ аристократической виргинской фамиліи, плантаторъ и рабовладѣлецъ, какъ и Вашингтонъ, онъ былъ тѣмъ, что теперь назвали бы «интеллигентомъ». Въ своихъ политическихъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ Джефферсонъ всецѣло находился подъ вліяніемъ философіи просвѣщенія; пуританское духовенство Новой Англіи считало его за его свободомысліе воплощеніемъ безбожія; другіе считали его за ясно выступавшее у него наружу противорѣчіе между теоріей и практикой хитрымъ лицемѣромъ. И, однако, это былъ мягкій и гуманный человѣкъ, далеко опередившій во многихъ своихъ воззрѣніяхъ своихъ современниковъ и соотечественниковъ, но именно поэтому онъ часто глубоко ошибался относительно требованій своего времени. Какъ многіе другіе вожди оппозиціи, онъ тоже долженъ былъ убѣдиться, когда достигъ власти, насколько легче думать и желать, нежели дѣйствовать и проводить свои планы въ исполненіе,—какъ легко все уживается въ мысляхъ и на какія непреодолимыя затрудненія наталкиваешься въ дѣйствительности.

Сдѣлавшись президентомъ во время великаго мірового конфликта, Джефферсонъ принесъ съ собою вѣру, что Союзу и въ особенности ему, какъ руководителю Союза, предназначено осуществить новый золотой вѣкъ. Отсталой Европѣ съ ея деспотами и аристократами, ея кровавыми войнами, ея притѣсненіями и эксплуатаціей народа Америка покажетъ примѣръ мирной идилліи съ гуманными, просвѣщенными, самоуправляющимися гражданами. На самый худой конецъ, если европейскія державы будутъ продолжать вредить американскимъ интересамъ, онъ, казалось, найдетъ вѣрное средство заставить противниковъ пойти на уступки. Это средство заключалось въ запрещеніи ввоза и вывоза товаровъ. Но слишкомъ скоро Джефферсонъ долженъ былъ убѣдиться, какъ тѣсно связаны судьбы Соединенныхъ Штатовъ съ судьбами Стараго Свѣта.

Наполеонъ задумалъ планъ возстановленія прежней французской колоніальной имперіи и заставилъ въ 1800 г. испанскаго короля въ заключенномъ въ С.-Ильдефонсо трактатѣ возвратить Франціи Луизіану, обширную территорію, лежащую между Миссиссипи и Скалистыми горами, уступленную Франціей въ 1763 г. Испаніи. Для Соединенныхъ Штатовъ это было крайне непріятно. При тогдашнихъ условіяхъ транспорта весь западъ Соединенныхъ Штатовъ долженъ былъ пользоваться водными сообщеніями, и преобладающая часть его ввоза и вывоза шла черезъ Новый Орлеанъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ уже смотрѣли съ неудовольствіемъ на то, что слабая Испанія владѣетъ устьемъ Миссиссипи, а теперь угрожала прочно завладѣть

Новымъ Орлеаномъ могущественная Франція, самая сильная въ мірѣ военная держава. «Существуетъ на землѣ одно единственное мѣсто, — писалъ Джефферсонъ,—обладатель котораго является нашимъ естественнымъ врагомъ. Это мѣсто—Новый Орлеанъ. Если Франція вступитъ во владѣніе этимъ городомъ, то она скрѣпитъ этимъ союзъ двухъ націй, которыя, соединившись вмѣстѣ, будутъ господствовать надъ океаномъ. Съ этого момента мы должны соединить нашу судьбу съ судьбой Великобританіи».

Джефферсонъ началъ переговоры съ Франціей о покупкѣ Соединенными Штатами, по крайней мѣрѣ, Новаго Орлеана и области, лежащей при устьѣ Миссиссипи. Внезапныя измѣненія мірового политическаго положенія пошли на пользу его планамъ. Предвидѣлась новая война между Франціей и Англіей, и Наполеонъ, который послѣ неудачи въ Санъ-Доминго придавалъ уже мало значенія колоніальной области въ Америкѣ, пришелъ къ убѣжденію, что въ случаѣ войны онъ не будетъ въ состояніи удержать Луизіану. Онъ предпочиталъ лучше видѣть ее въ рукахъ американцевъ, чѣмъ въ рукахъ англичанъ, въ особенности, если первые согласятся дать за нее хорошую цѣну. Къ великому удивленію ведшихъ переговоры американцевъ, онъ изъявилъ готовность продать имъ не только Новый Орлеанъ, но и всю колонію. 30 апрѣля 1803 г. пришли къ соглашенію, и вся Луизіана перешла къ Соединеннымъ Штатамъ за 15 милліоновъ долларовъ. «Это расширеніе владѣній—сказалъ Наполеонъ—укрѣпляетъ навсегда силу Соединенныхъ Штатовъ. Можетъ-быть, меня будутъ упрекать за то, что благодаря этой уступкѣ американцы черезъ два или три столѣтія сдѣлаются могущественнѣе Европы, но я не могу напередъ считаться съ такой отдаленной возможностью». Несмотря на сильныя возраженія федералистовъ, находившихъ этотъ договоръ сомнительнымъ съ точки зрѣнія согласія съ конституціей, онъ все же былъ утвержденъ сенатомъ. Этотъ договоръ—самый важный и наиболѣе богатый послѣдствіями изъ всѣхъ договоровъ, заключенныхъ когда-либо Соединенными Штатами.

Война между Франціей и Англіей вспыхнула снова въ 1803 г. и привела къ тѣмъ же затрудненіямъ, что и десять лѣтъ тому назадъ. Американскіе судовладѣльцы ловко использовали создавшуюся благопріятную конъюнктюру и завладѣли торговыми сношеніями между Вестъ-Индскими колоніями и европейскимъ континентомъ и даже значительной частью торговли между европейскими государствами. Это, естественно, противорѣчило интересамъ англійскаго судоходства, и такъ какъ американцы обладали ничтожной морской силой, то въ Англіи скоро нашелся поводъ къ тому, чтобы положить конецъ американской торговлѣ. Послѣ того какъ Трафальгарское сраженіе сдѣлало британцевъ властителями морей, а Аустерлицкая и Іенская побѣды сдѣлали Наполеона владыкою большей части европейскаго континента, положеніе американцевъ стало невыносимымъ. Благодаря изданнымъ въ Берлинѣ и Миланѣ императорскимъ эдиктамъ, съ одной стороны, и англійскимъ королевскимъ повелѣніямъ отъ 16 мая 1806 г., 7 января и 11 ноября 1807 г. — съ другой, американцы очутились, какъ выражается Гольстъ, между Сциллой и Харибдой. Если ихъ корабли не давали себя обыскивать англичанамъ, то

они конфисковывались британскими крейсерами; если же они давали себя обыскивать, то по прибытіи на континентъ конфисковывались французскими властями. Зная, что въ вопросахъ, касающихся національной чести, американцы являются, можетъ-быть, наиболѣе чувствительной націей въ мірѣ, мы легко можемъ представить себѣ, какъ тяжело было имъ тогда перенести эти униженія. Ежедневно американскіе корабли подвергались обыскамъ передъ нью-іоркской гаванью, матросы забирались насильственно на службу въ британскій военный флотъ, и конфисковывались сотни судовъ; дошло даже до того, что англійскій военный корабль задержалъ въ англійскихъ водахъ американскій военный корабль и забралъ изъ его экипажа четырехъ матросовъ подъ предлогомъ, что они дезертиры. Начатые Джефферсономъ переговоры съ Англіей привели къ такому неудовлетворительному результату, что президентъ не рѣшался даже представить проектъ договора на утвержденіе сената. Несмотря на всѣ униженія, Джефферсонъ, однако, не хотѣлъ объявить войны. Онъ упорно держался за изобрѣтенную имъ систему мирнаго принужденія. «Торговыя сношенія съ нами—такъ говорилъ онъ—настолько нужны иностраннымъ государствамъ, что послѣднія будутъ рады поддерживать ихъ, если единственнымъ нашимъ условіемъ является справедливое отношеніе къ намъ». По совѣту президента конгрессъ издалъ въ декабрѣ 1807 г. актъ объ эмбарго, воспрещавшій американскимъ и иностраннымъ кораблямъ выходить изъ всѣхъ портовъ Союза и парализовавшій, такимъ образомъ, всю внѣшнюю торговлю.

Произведенное эмбарго дѣйствіе на воюющія стороны совершенно не соотвѣтствовало ожиданіямъ президента. Наполеонъ привѣтствовалъ съ восторгомъ эту мѣру, такъ какъ она закрывала ненавистному противнику обширную область для сбыта товаровъ и являлась своего рода дополненіемъ къ его континентальной системѣ. И въ Англіи принятая президентомъ мѣра не имѣла тѣхъ результатовъ, на которые онъ разсчитывалъ. Несомнѣнно она нанесла ущербъ англійскому вывозу, но какъ-разъ въ этотъ моментъ торговля съ Испаніей и съ ея колоніями дала возможность возмѣстить этотъ ущербъ. Доставка американскаго сырья и пищевыхъ продуктовъ далеко не имѣла еще тогда того значенія, какое она пріобрѣла впослѣдствіи; а фактъ исчезновенія американскихъ кораблей и предоставленіе британскому судоходству всей морской торговли могли лишь доставить удовольствіе англичанамъ. Какъ впослѣдствіи южные плантаторы сильно переоцѣнили значеніе хлопка, точно такъ же ошибся теперь Джефферсонъ, когда полагалъ, что міровое хозяйство невозможно безъ американской торговли. Его политика мирнаго принужденія принесла больше вреда его собственной странѣ, чѣмъ европейскимъ державамъ.

Сильнѣе всего была оппозиція противъ эмбарго въ Новой Англіи, жившей морской торговлей и судоходствомъ. Но какъ-разъ тамъ сумѣли, съ одной стороны, вознаградить себя переходомъ отъ морской торговли къ промышленности, а съ другой—обходили эмбарго не меньше, чѣмъ нѣкогда англійскіе навигаціонные законы. Канингъ полагаетъ, что экономическія невыгоды эмбарго сильно преувеличены, и что оппозиція имѣла преимущественно поли-

тическій характеръ. Какъ бы то ни было, но противодѣйствіе этой ненавистной мѣрѣ было такъ велико, что строгое ея примѣненіе привело бы къ междоусобной войнѣ.

Въ февралѣ 1809 г. рѣшено было отмѣнить законъ объ эмбарго. Это произошло незадолго передъ тѣмъ, какъ вмѣсто Джефферсона былъ избранъ президентомъ бывшій до тѣхъ поръ статсъ-секретаремъ долголѣтній другъ и сотрудникъ Джефферсона Мадисонъ. Политика мирнаго принужденія не была оставлена, и изданный вмѣсто эмбарго актъ о невмѣшательствѣ воспрещалъ торговлю съ обѣими воюющими сторонами, съ Англіей и Франціей, дозволяя лишь поддерживать торговыя сношенія съ нейтральными государствами. Законъ былъ въ слѣдующемъ году (1810 г.) замѣненъ другимъ, согласно которому должна быть воспрещена торговля съ одной изъ воюющихъ сторонъ, если другая сторона отмѣнитъ свои вредящія американской торговлѣ постановленія. Наполеонъ заявилъ, что онъ готовъ отмѣнить свои декреты, насколько они касаются американцевъ, а вслѣдъ затѣмъ Мадисонъ объявилъ въ декларации 2 ноября 1810 г., что отнынѣ воспрещеніе торговли относится лишь къ Великобританіи. Это, естественно, обострило отношенія Америки съ Англіей. Въ конгрессѣ засѣдали теперь многіе молодые люди съ юга и запада, самыми выдающимися изъ которыхъ были Генри Клей изъ Кентукки и Джонъ Калоунъ изъ Южной Каролины; этимъ молодымъ людямъ надоѣли безпрерывныя униженія своей страны, и они предпочли войну долгимъ дипломатическимъ переговорамъ. Было, несомнѣнно, много поводовъ къ неудовольствію и Франціей, которая вопреки своему обѣщанію продолжала подъ всякими предлогами конфисковывать американскіе корабли,—но какую пользу могла бы принести война съ Франціей? Другое дѣло война съ Англіей; отъ нея можно было получить въ качествѣ награды за побѣду Канаду. Въ 1812 г. было гораздо меньше поводовъ къ войнѣ, чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ, но молодое поколѣніе съ его живымъ національнымъ чувствомъ иначе стало реагировать на обиды. Война была такимъ образомъ объявлена какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда Англія готова была уступить (18 іюня 1812 г.).

Болѣе неудобнаго времени для войны американцы не могли бы и выбрать. Катастрофа, разразившаяся надъ Наполеономъ въ Россіи, и пораженія, понесенныя его генералами въ Испаніи, позволили Англіи отдать войнѣ съ Америкой больше силъ, чѣмъ это было бы возможно еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Можно было предполагать, что Соединенные Штаты потерпятъ пораженіе на морѣ, но на сушѣ, въ Канадѣ, они достигнутъ, думали, блестящихъ успѣховъ. Вышло какъ-разъ наоборотъ. Англичанамъ, правда, удалось установить блокаду американскихъ морскихъ береговъ и даже посредствомъ высадки съ моря завладѣть столицей, причемъ они подожгли Бѣлый домъ и Капитолій, но славными морскими сраженіями американцы доказали доблесть своего маленькаго военнаго флота, и ихъ обширная система каперства причинила страшный вредъ англійскому торговому флоту. На сушѣ, наоборотъ, война велась американцами необычайно плохо. Армія была худо организована, и во главѣ ея стояли неспособные военачальники; готовность къ жертвамъ

со стороны народа была ничтожна. Война была популярна только на югѣ и на западѣ, въ Новой Англіи же федералисты довели свое противодѣйствіе политикѣ противной партіи почти до той границы, гдѣ начинается уже измѣна. При такихъ условіяхъ американцамъ нечего было и думать о Канадѣ, но и англичанамъ не удалось завладѣть значительными частями Союза. Успѣшная защита генераломъ Джаксономъ Новаго Орлеана и подвиги моряковъ являются самыми отрадными для американцевъ событіями этой принесшей имъ мало славы войны.

Послѣ паденія Наполеона въ Европѣ былъ снова возстановленъ миръ, и война, которая якобы велась въ защиту американской морской торговли, сдѣлалась совершенно безцѣльной, тѣмъ болѣе, что дѣйствительная цѣль войны—завоеваніе Канады—оказалась совершенно недостижимой. Послѣ длительныхъ переговоровъ былъ заключенъ 24 декабря 1814 г. въ Гентѣ миръ, возстановившій положеніе, существовавшее до войны. Несмотря на ея малоуспѣшность, война 1812 г. сильно способствовала подъему американскаго національнаго сознанія. Американцы забыли о неудачахъ на сѣверѣ, помнили только объ успѣхахъ флота и опьянялись воспоминаніями о побѣдахъ Джаксона на югѣ. Антагонизмъ партій, отравлявшій собою въ послѣднія двадцать лѣтъ американскую жизнь, исчезъ; республиканцы стали постепенно въ качествѣ партіи, находящейся у власти, отказываться отъ всѣхъ своихъ старыхъ принциповъ и превратились, наконецъ, въ просто національную партію; федералисты же были безсильны и почти совершенно исчезли послѣ заключенія мира.

Гентскимъ миромъ заканчивается эпоха, въ которой Соединенные Штаты, находясь въ большой зависимости отъ хода европейской политики, часто были скорѣе наковальней, чѣмъ молотомъ. Тѣмъ энергичнѣе они стали теперь защищать противъ Европы американскіе интересы и отклонять всякое вмѣшательство европейскихъ державъ въ дѣла Новаго Свѣта.

Американцы, понятно, привѣтствовали съ радостью возстаніе испанскихъ колоній противъ метрополіи. Вѣдь тутъ какъ-будто бы повторялась исторія ихъ собственной революціи. Та же причина: притѣснительное ограниченіе торговли; и тѣ же слѣдствія: образованіе независимыхъ свободныхъ штатовъ. Но и реальные интересы Соединенныхъ Штатовъ очень много выиграли отъ отпаденія испанскихъ колоній, ибо Испанія все еще была величайшей державой въ Новомъ Свѣтѣ. Теперь Соединенные Штаты воспользовались затруднительнымъ положеніемъ Испаніи, чтобы добиться въ 1819 г. уступки Флориды, которую давно желали получить южные штаты. Американцы уже въ 1810 и 1812 гг. незаконно завладѣли нѣкоторыми частями Флориды, такъ называемой западной Флоридой, на которую они заявляли притязаніе какъ на область, входящую въ составъ Луизіаны. Но еще больше экономическихъ выгодъ они надѣялись извлечь изъ независимости испанской колоніальной области. Какъ всѣ колоніальныя державы, Испанія также предоставляла право торговли со своими колоніями исключительно метрополіи. Теперь необычайно богатыя области южной и средней Америки были открыты для всѣхъ желаю-

шихъ конкурировать тамъ, и граждане Союза надѣялись, что въ ихъ рукахъ останется львиная доля прибыльной торговли съ этими странами.

Но независимости молодыхъ республикъ угрожала опасность. Испанія была уже недостаточно сильна, чтобы собственными силами подавить возстаніе, но монархи, входившіе въ Священный союзъ, обнаруживали намѣреніе оказать ей помощь и примѣнить легитимистическіе принципы также и въ Новомъ Свѣтѣ. Въ то же время одна европейская великая держава проявила желаніе расширить свои американскія владѣнія. Договоромъ о Луизіанѣ границы Союза были раздвинуты до Скалистыхъ горъ. Экспедиція, посланная для изслѣдованія дальняго запада, дошла до берега Тихаго океана, и американцы начали уже заявлять притязанія на прибрежную область Тихаго океана. Такъ какъ британская компанія залива Гудсона обладала въ этой области торговыми колоніями, то и Англія выступала съ притязаніями на эту область. Въ заключенной въ 1818 г. конвенціи споръ получилъ только временное рѣшеніе: область р. Орегона между Скалистыми горами и моремъ должна была находиться въ продолженіе 10 лѣтъ въ совмѣстномъ владѣніи Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ. Но еще третья держава, Россія, завладѣвшая полуостровомъ Аляской, стремилась расширить свои владѣнія на берегу Тихаго океана по направленію къ югу.

Императоръ Николай I, угрожавшій интересамъ американцевъ на дальнемъ западѣ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ главою Священнаго союза, желавшаго снова подчинить Испаніи ея американскую колоніальную область. Въ обоихъ случаяхъ интересы Великобританіи совпадали съ интересами Соединенныхъ Штатовъ, ибо Англія, разумѣется, не могла желать расширенія владѣній Россіи въ Америкѣ на томъ берегу, на который она сама, какъ она полагала, имѣетъ право, и еще меньше соотвѣтствовало ея интересамъ возстановленіе испанской торговой монополіи въ Южной и Средней Америкѣ. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ Монрое отклонилъ, правда, предложеніе совмѣстныхъ дѣйствій съ Великобританіей, но онъ зналъ, что можетъ разсчитывать на поддержку этой державы, когда издалъ 2 декабря 1823 г. свое знаменитое посланіе.

Документъ этотъ, связанный на всѣ времена съ именемъ Монрое, въ дѣйствительности былъ составленъ и написанъ его статсъ-секретаремъ Джономъ Квинси Адамсомъ; онъ начинался напоминаніемъ объ извѣстной прокламаціи 1793 г. Вашингтона, обѣщавшей воюющимъ сторонамъ полнѣйшій нейтралитетъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ, и настойчиво подчеркивалъ затѣмъ, что Соединенные Штаты не желаютъ принимать участія ни въ европейскихъ войнахъ, ни въ разрѣшеніи европейскихъ споровъ. Противъ стремленій Россіи къ расширенію своихъ владѣній были направлены слѣдующія слова: «материкъ Америки отнынѣ не долженъ быть мѣстомъ колонизаціи для какой-либо изъ европейскихъ державъ». Самымъ пространнымъ является отрывокъ посланія, направленный противъ стремленія къ вмѣшательству Священнаго союза: «Съ движеніями, происходящими на этомъ полушаріи, мы непосредственно связаны по причинамъ, которыя должны быть ясны каждому разум-

ному и безпристрастному наблюдателю. Политическая система союзныхъ державъ существенно отличается отъ американской политической системы. Искреннія и дружественныя отношенія, существующія между Соединенными Штатами и этими державами, обязываютъ насъ заявить, что мы будемъ считать всякую попытку съ ихъ стороны къ распространенію ихъ системы въ какой-либо изъ частей этого полушарія угрозой нашему миру и нашей безопасности».

Священный союзъ отказался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Новаго Свѣта. Южная и Средняя Америка сдѣлались свободными; и Россія согласилась въ 1824 г. не расширять своихъ владѣній южнѣе области, лежащей на 54° 40′ параллельнаго круга. Гордые планы объ объединеніи всей Америки подъ звѣзднымъ знаменемъ выступили тогда впервые на сцену; въ тотъ моментъ родился пан-американизмъ. Объ осуществленіи пан-американизма, разумѣется, нечего было и думать, но все-же американская политика торжествовала блестящую побѣду, и Соединенные Штаты были теперь, безспорно, первой державой въ Новомъ Свѣтѣ.

Въ эпоху отъ 1789 г. до 1815 г. и даже до 1825 г. вопросы внѣшней политики играютъ первенствующую роль. Внутреннее развитіе страны, однако, не прерывалось, хотя оно шло болѣе медленнымъ темпомъ, чѣмъ впослѣдствіи. Населеніе, составлявшее въ 1800 г. 5,3 милліона чел., достигло въ 1810 г. 7,2 милл., въ 1820 г. 9,6 милл., а въ 1830 г. почти 12 милл. чел. Иммиграція была еще очень незначительна въ эту эпоху; во время великихъ европейскихъ войнъ она совсѣмъ пріостановилась, и только послѣ 1816 г. она начала медленно возрастать. Въ десятилѣтіе отъ 1820 г. до 1830 г. въ страну прибыло около 150000 иммигрантовъ. Несмотря на это, колонизація запада сдѣлала большіе успѣхи. Эта колонизація имѣетъ такое огромное значеніе, что мы посвятимъ ей позже особую главу.

Въ бурныя времена революціи и имперіи американскіе судовладѣльцы и купцы потерпѣли большіе убытки. Въ 1803—1812 гг. было конфисковано не менѣе 917 американскихъ кораблей англичанами и 558—французами. Эмбарго и война 1812 г. были, само собою понятно, тяжелыми ударами для судоходства и внѣшней торговли. Несмотря на это, въ эту эпоху въ Америкѣ, какъ и въ Европѣ во время континентальной системы, предпріимчивые торговцы получали большія прибыли, такъ какъ большому риску соотвѣтствовала еще бо́льшая прибыль. Время эмбарго и перерыва торговли съ Англіей имѣло для Америки еще другія очень важныя послѣдствія. Капиталъ, вложенный раньше преимущественно въ судоходство и въ внѣшнюю торговлю, теперь сталъ часто искать себѣ помѣщенія въ промышленности, и подобно континентальной системѣ въ Европѣ, такъ и эмбарго и война 1812 г. въ Америкѣ имѣли своимъ слѣдствіемъ сильное возрастаніе промышленной дѣятельности. Въ Новой Англіи возникли теперь шерстяныя и хлопчатобумажныя прядильни, представлявшія собой снабженныя машинами

крупно-капиталистическія предпріятія. Въ 1807 г. въ хлопчатобумажной промышленности работало только 7000, въ 1811 г.—уже 80000, а въ 1815 г. 500000 веретенъ. Новая Англія, бывшая до сихъ поръ преимущественно страной судоходства и рыболовства, сдѣлалась теперь однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ промышленныхъ округовъ. Въ это же время возникла металлургическая индустрія западной Пенсильваніи.

Заключеніе мира имѣло для молодой американской промышленности тѣ же слѣдствія, какія оно имѣло для фабрикъ, возникшихъ на континентѣ Европы во время континентальной системы. Англичане стремились продать за какую угодно цѣну колоссальные запасы товаровъ, скопившихся у нихъ во время войны, и ихъ конкуренція была гибельна для американской индустріи. Вопли фабрикантовъ побудили конгрессъ принять первый, явно протекціонистскій таможенный тарифъ 1816 г., въ особенности покровительствовавшій текстильной промышленности. Уже тогда было ясно, что Соединеннымъ Штатамъ суждено сдѣлаться великимъ промышленнымъ государствомъ, и съ тѣхъ поръ наряду съ интересами сельскаго хозяйства и морской торговли выступали всегда самостоятельно и интересы промышленности.

Рука-объ-руку съ ростомъ промышленности идетъ также и ростъ городовъ. Нью-Іоркъ, обогнавшій Филадельфію, достигъ въ 1816 г. первой и въ 1830 г. второй сотни тысячъ; городъ квакеровъ насчитывалъ въ 1820 г. 108000, и въ 1830 г.—167000 жителей; въ Балтиморѣ было въ 1820 г. 63000 и въ 1830 г. 80000 жит., въ Бостонѣ въ 1820 г.—43000, въ 1830 г.—61000 жит. Городское населеніе составляло въ 1813 г. приблизительно четырнадцатую часть всего населенія.

Отъ народа, занятаго разработкой матеріальныхъ богатствъ неизмѣримой области, разсѣяннаго на обширномъ пространствѣ, поглощеннаго внѣшними войнами и усовершенствованіемъ своихъ учрежденій, нельзя ожидать большого духовнаго развитія. Еще и теперь, какъ и въ старыя времена, больше всего интересовались религіей. Замѣчательно, что духъ просвѣщенія сталъ теперь проявляться также и въ Новой Англіи и повелъ къ возникновенію либеральнаго религіознаго направленія—унитаризма, къ которому примкнули наиболѣе вліятельные и духовно развитые люди. Въ созданной унитаризмомъ атмосферѣ свободной благородной мысли выросли великіе ученые и поэты, составившіе въ слѣдующемъ поколѣніи славу Новой Англіи.

Въ первой трети XIX вѣка центромъ духовнаго движенія Америки были преимущественно средніе штаты, главнымъ образомъ, Нью-Іоркъ. Съ поэтомъ Брайаномъ, юмористомъ Вашингтономъ Ирвингомъ и изобразителемъ жизни пограничной индѣйцамъ области и американской природы Фениморомъ Куперомъ американская литература начинаетъ пріобрѣтать самостоятельное значеніе.

Изображенная нами эпоха является началомъ жизни американскаго народа. Американцы еще маленькій народъ, но ихъ независимость отъ Европы, ихъ руководящее положеніе въ Новомъ Свѣтѣ уже обезпечены и признаны. Теперь они могли, не заботясь о томъ, что дѣлается въ другихъ странахъ, отдаться дѣлу внутренняго развитія своей страны и разработки ея матеріальныхъ богатствъ.

8. Заселеніе Запада.

Величайшимъ всемірно-историческимъ дѣломъ американцевъ въ XVIII в. было основаніе на федеративныхъ основахъ свободнаго демократическаго государства; всемірно-историческимъ ихъ подвигомъ въ XIX столѣтіи было заселеніе континента.

Территорія Соединенныхъ Штатовъ простиралась первоначально только до рѣки Миссиссипи и обнимала 850000 квадратныхъ миль, немногимъ больше четверти теперешней территоріи Союза (3025000 квадратныхъ миль безъ Аляски и колоній). Покупка Луизіаны (1803 г.) болѣе чѣмъ удвоила территорію Союза, затѣмъ слѣдовали покупка Флориды (1819 г.), присоединеніе Техаса (1845 г.), соглашеніе съ Великобританіей (1846 г.), по которому Орегонъ между 42 и 49 градусами сѣверной широты достался Соединеннымъ Штатамъ, и, наконецъ, въ 1848 г. новое большое расширеніе владѣній пріобрѣтеніями мексиканской войны, включавшими въ себѣ Калифорнію, Неваду, Ута, Новую Мексику и Аризону. Покупка Луизіаны дала около 875000 квадратныхъ миль (такъ какъ границы были очень неопредѣленны, то разные авторы даютъ различныя числа). Благодаря покупкѣ Флориды Союзъ пріобрѣлъ 70000 квадратныхъ миль, Техасъ обнималъ 390000 квадратныхъ миль, Орегонъ—290000, уступленныя Мексикою области—524000 квадратныхъ миль. Въ 1853 г. были еще куплены у Мексики такъ называемымъ Gadsden Purchase еще 36000 квадратныхъ миль. Какъ шло заселеніе этой области?

Вся американская исторія представляетъ собою непрерывное переселеніе на западъ. Границы постоянно продвигаются впередъ, и поселенія постоянно образуются все дальше и дальше во внутреннихъ частяхъ континента. Любовь къ приключеніямъ играла при этомъ, безъ сомнѣнія, извѣстную роль. Сколько смѣлыхъ и отважныхъ людей переѣхало изъ Европы черезъ океанъ! Да и въ колоніяхъ были постоянно люди, которымъ жизнь въ поселеніяхъ, расположенныхъ на берегу моря, была слишкомъ тѣсна, и они тосковали по привольной жизни пустыни! Но рѣшающими для массоваго переселенія были совершенно другіе, главнымъ образомъ, экономическіе мотивы. Дешевая и плодородная земля благословенной долины р. Миссиссипи непреодолимо манила къ себѣ фермеровъ морского прибрежья. Какъ жители большого города продаютъ свой находящійся въ центрѣ домъ для того, чтобы построить себѣ домъ на окраинѣ, гдѣ чище воздухъ и дешевле земля, такъ и въ Америкѣ тысячи людей покидали ежегодно старыя, насиженныя земли, чтобы искать себѣ новую родину на дешевой и дѣвственной почвѣ дальняго запада.

Это движеніе, разумѣется, было бы не возможно, если бы американскій фермеръ не отличался нѣкоторыми характерными особенностями. О немъ Мишель Шевалье говоритъ—нѣсколько преувеличенно, но все же правильно: «Настоящій американецъ имѣетъ нѣчто общее съ татариномъ: и тотъ и дру-

гой живутъ только въ шатрѣ». Если бы американецъ обладалъ любовью къ роднымъ мѣстамъ и привязанностью къ унаслѣдованному участку земли, характерными чертами европейскаго крестьянина, то западъ никогда не былъ бы заселенъ въ такое короткое время. Но характеризующія американца преобладаніе чисто-экономическихъ мотивовъ, отсутствіе сантиментальности, духъ смѣлой предпріимчивости и неустрашимый оптимизмъ чрезвычайно ускорили колонизацію. Несмотря на это, одного только туземнаго населенія не хватило бы для такого колоссальнаго дѣла. Какъ и въ прежней колонизаціи атлантическаго берега, такъ и въ колонизаціи западной Америки принимали участіе всѣ народы западной Европы. Значительная часть иммигрантовъ, главнымъ образомъ, нѣмцы и скандинавцы, съ самаго начала направлялись на западъ, другіе заполняли пустыя мѣста, образовавшіяся на востокѣ Америки вслѣдствіе переселеній на западъ.

Другой важной предпосылкой колонизаціи было усовершенствованіе условій транспорта. Самая плодородная земля не имѣла бы никакой цѣны, если не было бы хорошаго сбыта для ея произведеній. Только послѣ того, какъ начали пользоваться силой пара въ примѣненіи къ средствамъ передвиженія, человѣкъ одержалъ побѣду надъ гигантскими разстояніями, являвшимися до тѣхъ поръ главнымъ препятствіемъ къ интенсивному заселенію внутреннихъ частей американскаго континента. Важно было уже и то, что пароходы стали ходить по Миссиссиппи и его притокамъ, но еще большее значеніе имѣли желѣзныя дороги, которыя въ Соединенныхъ Штатахъ строились часто въ совершенно пустынныхъ краяхъ и являлись однимъ изъ важныхъ факторовъ колонизаціи дальняго запада.

Познакомимся теперь съ подробностями величайшаго изъ переселеній народовъ, о которыхъ повѣствуетъ исторія.

Въ предшествовавшую независимости эпоху заселеніе внутреннихъ частей колоніальной области подвигалось крайне медленно. Около средины XVIII в. колонисты дошли, и то не на всѣхъ пунктахъ, до подножія Аллеганскихъ горъ. Побѣдоносныя войны съ Франціей обезпечили англо-саксонской расѣ лежащую за колоніями область до р. Миссиссиппи. Французы уже построили въ этой области нѣсколько фортовъ и основали нѣсколько поселеній, факторій и миссіонерскихъ станцій; самыми важными между ними были Детруа въ штатѣ Мичиганъ, Венсенъ въ Индіанѣ и Каскаскія въ Иллинойсѣ. Всего въ этой обширной области жило во время войны за независимость около 4000 французовъ,—священники, торговцы мѣхами, охотники и нѣсколько земледѣльцевъ. Эта область служила, впрочемъ, индѣйцамъ и для охоты. Но и число краснокожихъ не могло быть здѣсь очень значительно. Обширныя пространства были совершенно пустынны и ждали поселенца.

Первыя поселенія по ту сторону горъ обязаны своимъ возникновеніемъ иниціативѣ нѣсколькихъ смѣлыхъ охотниковъ и искателей приключеній, которые изъ областей, лежащихъ за Виргиніей и Сѣверной Каролиной, перешли черезъ горы и построили въ пустынѣ свои бревенчатыя хижины. Безъ поддержки государства они предприняли борьбу съ индѣйцами, очистили отъ

нихъ область и образовали свободные общественные союзы, которые только позже получили признаніе сосѣднихъ государствъ. Такъ возникли около 1770 г. поселенія, изъ которыхъ потомъ развились штаты Кентукки и Теннесси.

Гораздо большее значеніе имѣло заселеніе такъ назыв. сѣверо-западной территоріи,—области, лежащей между Охайо, Великими Озерами и рѣкой Миссиссипи. На юго-западѣ все колонизаціонное движеніе было простымъ продолженіемъ той же системы колонизаціи, которая имѣла мѣсто и прежде; область же, лежащая на сѣверѣ отъ Охайо, была колонизована планомѣрно союзнымъ правительствомъ. Войска Соединенныхъ Штатовъ завладѣли областью, Союзъ велъ переговоры съ индѣйцами и покупалъ у нихъ землю, и онъ же заботился о государственной организаціи и заселеніи этой области. «Сѣверо-западъ—говоритъ Рузвельтъ—основанъ не отдѣльными людьми, а Соединенными Штатами. Могущественные и многонаселенные штаты, лежащіе къ сѣверу отъ Охайо,—дѣтище союзнаго правительства, и не случайно то обстоятельство, что оно сдѣлалось его главнымъ стражемъ и защитникомъ. Они образуютъ сердце націи».

Во время войны за независимость виргинецъ Роджерсъ Джорджъ Кларкъ отнялъ у стоявшихъ тамъ маленькихъ британскихъ гарнизоновъ Венсенъ и Каскаскію. Опираясь на право завоеванія, виргинское правительство стало управлять посредствомъ военныхъ комиссаровъ областью, лежащей къ сѣверу отъ Охайо. Но и штаты Массачузетсъ, Коннектикутъ и Нью-Іоркъ заявляли притязаніе на завоеванную территорію, ссылаясь на свои старыя привилегіи, въ которыхъ имъ были пожалованы земли, лежащія за ихъ колоніями до Тихаго океана. Другіе же штаты опасались, какъ бы ихъ союзники, получившіе новую территорію, не сдѣлались слишкомъ могущественными, и требовали, чтобы земли, лежащія за колоніями, были сохранены въ качествѣ запаснаго фонда для всего американскаго народа. Когда эти земли будутъ заселены, говорили они, онѣ должны быть превращены въ особые штаты. Мэриландъ поставилъ удовлетвореніе этого требованія необходимымъ условіемъ для ратификаціи статей конфедераціи, и конгрессъ рекомендовалъ штатамъ отказаться отъ своихъ притязаній въ пользу Союза. Нью-Іоркъ былъ первымъ штатомъ, объявившимъ въ 1780 г. свое согласіе на это предложеніе, и въ ближайшіе годы другіе штаты, хотя не безъ различныхъ оговорокъ, послѣдовали его примѣру. Южная и Сѣверная Каролина и Георгія также отказались отъ земель, лежащихъ за ихъ колоніями. Такимъ образомъ къ Союзу перешла самая большая часть земли, лежащей къ западу отъ Аллеганскихъ горъ. Нѣтъ сомнѣнія, что существованіе этого общаго владѣнія имѣло величайшее значеніе для единства Соединенныхъ Штатовъ.

Передъ Союзомъ стояла теперь задача—организовать эти владѣнія, дать имъ управленіе и заселять ихъ. Политическая организація области, лежащей къ сѣверу отъ Охайо, послѣдовала въ такъ назыв. ордоннансѣ объ Охайо, изданномъ конгрессомъ конфедераціи 16 іюля 1787 г. Это—самый важный законъ, изданный конфедераціей и Союзомъ вообще. Онъ постановилъ, что

управленіе областью сначала должно быть ввѣрено назначенному конгрессомъ губернатору, которому временно предоставляется также право издавать собственной властью законы и постановленія. Но какъ только число свободныхъ и совершеннолѣтнихъ жителей территоріи мужского пола достигнетъ пяти тысячъ, она получитъ право избранія делегатовъ, которые вмѣстѣ съ назначеннымъ конгрессомъ совѣтомъ пользуются такими же полномочіями, какъ и законодательныя собранія отдѣльныхъ штатовъ. Подобно послѣднимъ, они получаютъ право посылать одного делегата на конгрессъ; делегатъ этотъ, однако, не пользовался правомъ голоса въ конгрессѣ. Когда территорія или часть ея будетъ насчитывать 6000 свободныхъ жителей, она должна выработать республиканскую конституцію, а затѣмъ принимается въ Союзъ въ качествѣ равноправнаго штата. Имѣлось въ виду образовать изъ этой территоріи отъ трехъ до пяти штатовъ. Конгрессомъ, наконецъ, были изданы нѣкоторые основные законы, которыхъ законодательныя собранія этой территоріи не могли ни отмѣнять, ни измѣнять: полная свобода вѣроисповѣданій, суды присяжныхъ, равное право наслѣдованія дѣтей умершихъ безъ завѣщанія лицъ, забота о народномъ образованіи, свобода отъ обложенія пошлинами сообщенія по естественнымъ воднымъ путямъ и абсолютное воспрещеніе рабства и недобровольной службы.

Ордоннансъ объ Охайо имѣлъ основное значеніе для хода развитія Соединенныхъ Штатовъ. Это — американская колоніальная конституція, являющаяся рѣзкой противоположностью колоніальной системѣ XVIII вѣка. Послѣдняя исходитъ изъ той мысли, что благо колоніи должно быть подчинено благу метрополіи, въ основѣ же ордоннанса объ Охайо лежитъ идея, что колонисты имѣютъ такое же право на самоопредѣленіе, какъ и ихъ оставшіеся на родинѣ соотечественники. Ордоннансъ не знаетъ ни преобладанія метрополіи, ни вмѣшательства во внутреннія дѣла своего достигшаго зрѣлости дѣтища. Подъ этимъ знаменемъ были заселены Соединенные Штаты, и новѣйшая британская колоніальная политика также проникнута этой же руководящей идеей.

Основныя положенія, заключавшіяся въ ордоннансѣ объ Охайо, нашли себѣ примѣненіе въ другихъ областяхъ, находившихся подъ юрисдикціей Соединенныхъ Штатовъ или перешедшихъ подъ нее, однако, съ исключеніемъ, что въ послѣднихъ частью было дозволено рабство. Всюду сначала вводилась такъ назыв. территоріальная конституція, а затѣмъ, когда число населенія достигало необходимой цифры, территорія принималась въ Союзъ въ качествѣ равноправнаго штата.

Соединенные Штаты приняли въ свои руки не только политическую, но и экономическую организацію незаселенныхъ областей—раздачу въ нихъ земель. Въ британскихъ колоніяхъ дѣйствуетъ законъ, согласно которому земля, не имѣющая владѣльца, принадлежитъ коронѣ, т.-е. государству, и Союзъ заимствовалъ этотъ принципъ. Права собственности, ведущія свое происхожденіе отъ прежнихъ временъ, какъ, напримѣръ, права французовъ въ области Охайо, права мексиканцевъ въ Калифорніи, были признаны. Но за исключеніемъ

земель этихъ владѣльцевъ Союзъ призналъ себя собственникомъ всей земли, лежащей за предѣлами первоначальныхъ 13 колоній. Только въ Техасѣ штатъ, а не Союзъ распоряжается незаселенной землей. Союзъ оставилъ за собою лишь право пріобрѣтенія здѣсь земли отъ индѣйцевъ и право перепродажи этой земли. Одно только занятіе земли или покупка ея у туземцевъ признавались недѣйствительными.

Какъ ордоннансъ объ Охайо образуетъ основу политической организаціи запада, такъ «Постановленіе отъ 20 мая 1785 г. о вымѣреніи и продажѣ земель, находящихся на сѣверо-западѣ отъ Охайо» образуетъ базисъ соціальной и экономической организаціи запада. Законъ порвалъ съ системой, дѣйствующей, напримѣръ, до сихъ поръ въ Виргиніи, по которой каждый имѣлъ право отыскать себѣ участокъ земли, гдѣ и какъ ему угодно,—системой, примѣненіе которой приводило къ безконечной путаницѣ. Вмѣсто этого, законъ постановилъ произвести правильное измѣреніе принадлежащей Союзу земли союзными чиновниками. Земля была раздѣлена на правильные квадраты идущими отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу и пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ параллельными линіями; каждый квадратъ имѣлъ по шести миль въ длину и ширину. Эти квадраты, названные округами, распадались, въ свою очередь, на 36 маленькихъ, названныхъ отдѣленіями, квадратовъ, каждый изъ нихъ обнималъ квадратную милю или 640 акровъ и былъ обозначенъ по направленію отъ юга къ сѣверу и отъ востока къ западу цифрой.

Эта система, господствующая еще и нынѣ, обладаетъ неоцѣнимыми преимуществами. Она ясна и не сложна; каждый участокъ легко найти, и споры о границахъ почти исключены. Земельный участокъ всегда представляетъ собою единое цѣлое, нѣтъ черезполосицы, далеко лежащихъ кусочковъ и обременительныхъ дорожныхъ сервитутовъ; фермеръ можетъ, не считаясь съ сосѣдями, вести хозяйство такъ, какъ онъ находитъ нужнымъ. Слѣдствіемъ этой системы явилось въ Соединенныхъ Штатахъ хуторное хозяйство,—фактъ, оказавшій сильное вліяніе на выработку характера американскаго фермера. Оно закалило его духъ, усилило его энергію, сообщило ему чувство независимости и не мало способствовало тому, что онъ сдѣлался такимъ самостоятельно мыслящимъ и дѣйствующимъ человѣкомъ. Равномѣрное раздѣленіе земли имѣетъ, конечно, и свои тѣневыя стороны; оно не обращаетъ вниманія на особенности данной мѣстности и представляетъ часто большія препятствія, напримѣръ, къ проведенію дорогъ. Однако, при заселеніи миссиссипской долины съ ея обширными равнинами эти затрудненія дали себя знать лишь въ малой мѣрѣ.

Постановленіе отъ 20 мая 1785 г. рѣшило также вопросъ о томъ, какое право собственности должно въ будущемъ существовать въ западной части Союза. До тѣхъ поръ въ Америкѣ, кромѣ свободной собственности, существовало также чиншевое владѣніе. Теперь было рѣшено, что союзная земля будетъ продаваться только въ свободную собственность, и хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ отдача въ аренду была бы, несомнѣнно, цѣлесообразнѣе, все же этотъ принципъ, предоставляющій земельному собственнику весь приростъ цѣнности его земли, былъ удержанъ до нашего времени.

Наконецъ, были регулированы также и продажныя условія. Ясно, что эти условія могли оказать большое вліяніе на будущій характеръ соціальныхъ отношеній. Но соціально-политическія соображенія были совершенно чужды уму государственныхъ людей того времени. Они разсматривали весь вопросъ только съ финансовой точки зрѣнія и стремились выручить какъ можно больше денегъ отъ продажи союзной земли; впослѣдствіи оказалось, что они ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Сначала конгрессъ постановилъ, что земля будетъ продаваться съ публичнаго торга участками въ 640 акровъ не меньше, и эти участки останутся за тѣмъ, кто дастъ бо́льшую цѣну; при этомъ была установлена минимальная цѣна въ одинъ долларъ за акръ,—цѣна, которая была повышена въ 1796 г. до двухъ долларовъ. Эти постановленія совершенно противоположны изданнымъ позже и имѣвшимъ въ виду непосредственную покупку союзной земли мелкими колонистами. Но чѣмъ больше улучшалось финансовое положеніе Союза, и чѣмъ большее вліяніе пріобрѣтала демократическая идея, тѣмъ больше стали находить выраженіе въ аграрной политикѣ соціально-политическія идеи. Единица продажи была понижена въ 1800 г. до половины, а затѣмъ — до четверти и одной восьмой отдѣленія, а минимальная цѣна была опять уменьшена въ 1820 г. до 1,25 доллара. Позднѣйшее законодательство предоставило преимущественное право покупки тому, кто оккупировалъ землю и фактически уже владѣлъ ею, такъ назыв. скваттеру. Въ сороковыхъ годахъ началась агитація въ пользу свободнаго предоставленія союзной земли колонистамъ,—агитація, достигшая своей цѣли въ законѣ о посемейномъ надѣлѣ отъ 20 мая 1862 г. Этотъ составившій эпоху законъ предоставляетъ каждому совершеннолѣтнему мужчинѣ, состоящему въ гражданствѣ Соединенныхъ Штатовъ или объявляющему, что онъ хочетъ сдѣлаться гражданиномъ этой страны, право поселенія на четверти или восьмой части отдѣленія союзной земли; по истеченіи пяти лѣтъ этотъ участокъ земли переходитъ къ поселенцу за незначительную плату въ полную собственность, если онъ въ теченіе этого времени безъ перерыва жилъ на этомъ участкѣ и обрабатывалъ его. Если и не удалось, несмотря на всѣ мѣры предосторожности, совершенно покончить съ махинаціями спекулянтовъ— «земельныхъ акулъ», и обширныя полосы земли обманнымъ путемъ попадали часто почти даромъ въ руки спекулянтовъ и послѣ изданія этого закона, то все же этотъ законъ, на основаніи котораго роздано не меньше 150 милліоновъ акровъ, получилъ громадное значеніе.

Значительнымъ частямъ союзной земли Соединенные Штаты дали другое назначеніе. Они ихъ отдавали въ даръ, напр., лицамъ, отличившимся на войнѣ, или жаловали ихъ корпораціямъ для общеполезныхъ цѣлей. Уже постановленіе отъ 1785 г. отдѣлило въ каждомъ округѣ одну квадратную милю на содержаніе школъ. Съ 1850 г. въ каждомъ округѣ отдѣляются двѣ квадратныя мили для этой цѣли. Кромѣ того, Союзъ подарилъ значительныя земли отдѣльнымъ штатамъ для того, чтобы доходы съ этихъ земель были предоставлены высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Были сдѣланы затѣмъ большія раздачи земель для выполненія экономическихъ задачъ, сначала—для

регулированія рѣчныхъ теченій, проведенія дорогъ и каналовъ, а потомъ въ самомъ крупномъ масштабѣ—для поддержанія построекъ желѣзныхъ дорогъ. Послѣ того, какъ Союзъ въ 1850 г. пожаловалъ въ первый разъ земельныя даренія Иллинойсской центральной желѣзнодорожной компаніи, эта система пособій получила потомъ примѣненіе, въ особенности при постройкѣ большихъ тихоокеанскихъ желѣзныхъ дорогъ и ихъ боковыхъ линій. Обыкновенно имъ уступались въ земляхъ, лежащихъ по обѣ стороны полотна на разстояніи 6 миль отъ нихъ, всѣ квадратныя мили, обозначенныя нечетнымъ нумеромъ. Въ общей суммѣ были подарены такимъ путемъ свыше 100 милліоновъ акровъ земли.

Посмотримъ теперь, какой характеръ въ подробностяхъ приняла колонизація при такой системѣ.

Лѣтомъ 1786 г. союзные чиновники начали вымѣреніе земли, лежащей на сѣверномъ берегу Охайо. Въ томъ же году образовалась, по образцу прежнихъ колонизаціонныхъ обществъ, Товарищеская охайская компанія, стремившаяся заселить область р. Охайо, главнымъ образомъ, ветеранами войны за независимость. Но на успѣхъ этого плана можно было надѣяться только въ томъ случаѣ, если бы колонистамъ была предоставлена на ихъ новой родинѣ та же мѣра политической и религіозной свободы, какой они пользовались на своей старой родинѣ. Изданіе ордоннанса объ Охайо, давшаго достаточныя гарантіи исполненія этого условія, находится, такимъ образомъ, въ самой тѣсной связи съ дѣятельностью этого колонизаціоннаго общества. Черезъ нѣсколько дней послѣ изданія ордоннанса компанія пріобрѣла отъ Союза $1^1/_2$ милліона акровъ на правомъ берегу Охайо, у устья Москингома, на юго-востокѣ теперешняго штата Охайо. Она очистила землю отъ лѣса, намѣтила мѣсто для постройки города, построила фортъ и изготовила лодки для перевозки колонистовъ, словомъ, всячески заботилась объ успѣхѣ колоніи. Въ 1788 г. прибыли массами колонисты изъ Новой Англіи и основали колонію, названную въ честь французской королевы «Маріеттой».

Послѣ того, какъ положено было, такимъ образомъ, начало, дѣло заселенія прекрасно подвигалось впередъ. Такъ какъ въ то время не было ни крупной промышленности, ни рудниковъ, ни желѣзныхъ дорогъ, ни крупныхъ банковъ, то спекуляціонный духъ народа всецѣло направился на земельныя спекуляціи, и эти спекуляціи, несмотря на многія ихъ тѣневыя стороны, все же способствовали быстрой колонизаціи этого края. Зло, заключавшееся въ томъ, что огромныя земельныя владѣнія переходили въ однѣ руки, было только преходящимъ, ибо въ тѣхъ областяхъ, гдѣ было воспрещено рабство, крупное хозяйство не могло держаться при высокой заработной платѣ и дешевыхъ цѣнахъ на землю, и во всей области къ сѣверу отъ Охайо мелкое хозяйство съ обрабатываніемъ земли самимъ фермеромъ сдѣлалось обычной формой хозяйства.

Если колонистъ не располагалъ достаточнымъ капиталомъ, чтобы сейчасъ купить себѣ землю, то онъ часто поселялся на общественной землѣ безъ права собственности, въ качествѣ «скваттера». При высокой цѣнѣ

труда было, однако, легко и поденщикамъ накопить столько денегъ, чтобы имѣть возможность купить себѣ участокъ союзной земли.

Поселившись, колонистъ долженъ былъ раньше всего вырубить лѣсную полосу и построить изъ дикихъ стволовъ бревенчатый домъ. Затѣмъ очищался подъ пашню болѣе обширный участокъ лѣса; болѣе слабыя деревья подрубались, болѣе крѣпкія лишались своей растительной способности посредствомъ глубокихъ зарубокъ въ кору («girdling»). Не поддававшіяся этимъ средствамъ деревья уничтожались огнемъ, и на удобренной пепломъ почвѣ дѣлался первый посѣвъ. «Лѣсные піонеры» нерѣдко смотрѣли на эту работу какъ на жизненное призваніе. Часто даже сынъ и внукъ такого піонера увлекались дикой привольной пограничной жизнью. Они не чувствовали себя созданными для осѣдлой жизни фермера, лѣсъ былъ ареной ихъ дѣйствій, имъ доставляли удовольствіе борьба съ индѣйцами и охотничьи приключенія. Имъ былъ нуженъ просторъ, и когда число сосѣдей увеличивалось, имъ становилось не по себѣ, и какъ только они находили покупателя для сдѣланныхъ имъ «улучшеній», они перебирались дальше на западъ, чтобы снова начать ту же игру.

Покупатель-фермеръ строилъ вмѣсто бревенчатаго уже досчатый домъ и хлѣвы, разводилъ садъ и воздѣлывалъ пашню. И этотъ «фермеръ-піонеръ» часто также еще не былъ осѣдлымъ хозяиномъ, и онъ, подобно спекулянту городскими землями, тоже продавалъ ферму, какъ только представлялся благопріятный случай.

Прибывали еще фермеры, строились церковь, школа, судебное зданіе, гостиница и лѣсопильный заводъ; вокругъ нихъ группировались торговцы, у которыхъ закупали все нужное имъ окрестные хуторяне. Если поселеніе занимало благопріятное положеніе, у рѣки или у скрещенія дорогъ, позднѣе— у желѣзнодорожнаго узла, тогда возникалъ городъ. Тогда строились каменныя зданія, открывались типографія и банкъ, начинала выходить газета; въ городѣ поселялись болѣе крупные капиталисты и ремесленники, открывались фабрики. Близость города и большое удобство сбыта вліяли, въ свою очередь, на земледѣліе, оно развивалось, и заселеніе деревни шло болѣе быстро. Въ немного лѣтъ совершался такимъ образомъ переходъ отъ дикости первобытнаго лѣса къ высокоразвитой цивилизаціи, — процессъ, продолжавшійся тысячелѣтія въ другихъ странахъ.

Такъ потокъ населенія двигался неудержимо на западъ. Южане, большей частью «бѣдные бѣлые», вытѣсненные крупными плантаторами, заселяли лежащія вблизи р. Охайо области на югѣ штатовъ Охайо, Индіаны и Иллинойса. Колонисты изъ Новой Англіи и позднѣе нѣмцы и скандинавцы селились въ области, лежащей вблизи Великихъ Озеръ, на сѣверѣ вышеназванныхъ штатовъ, въ Мичиганѣ, Висконсинѣ и Миннесотѣ. Уже очень рано волна переселенія на западъ перекатилась черезъ «Великую рѣку» и двигалась вдоль Миссури, по направленію къ ея верховью. Болѣе густое заселеніе дальняго сѣверо-запада сдѣлалось, разумѣется, возможнымъ только послѣ того, какъ желѣзныя дороги доставили возможность сбыта его продуктамъ.

Слѣдующая таблица показываетъ развитіе населенія сѣверо-запада.

Цифры народонаселенія въ тысячахъ по десятилѣтіямъ.

ШТАТЫ.	1800	1810	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900
Охайо	45	231	581	938	1519	1980	2340	2665	3198	3672	4158
Индіана	6	25	147	343	686	988	1350	1681	1978	2192	2516
Иллинойсъ	—	12	55	157	476	851	1712	2540	3078	3826	4822
Мичиганъ	—	5	9	32	212	398	749	1184	1637	2094	2421
Висконсинъ	—	—	—	—	31	305	776	1055	1315	1687	2069
Миннесота	—	—	—	—	—	6	172	440	781	1302	1751
Миссури	—	21	67	140	384	682	1182	1721	2168	2679	3107
Іова	—	—	—	—	43	192	675	1194	1625	1912	2232
Сѣверная Дакота	—	—	—	—	—	—	} 5	} 14	} 135	183	319
Южная Дакота	—	—	—	—	—	—				329	402
Небраска	—	—	—	—	—	—	29	123	452	1059	1066
Канзасъ	—		—	—	—	—	107	364	996	1427	1470
ИТОГО	51	293	859	1610	3352	5402	9098	12981	17364	22362	26333

Колонизація юго-запада сильно отличалась по своимъ цѣлямъ и результатамъ отъ заселенія территоріи Охайо. Причины переселенія на западъ были здѣсь тѣ же, что и на сѣверѣ. И здѣсь также манила на западъ дешевая земля: истощеніе плодородной прибрежной земли, конкуренція дешевыхъ западныхъ земель и растущій спросъ на хлопокъ ускорили процессъ колонизаціи.

Но колонизація этой части запада носила существенно другой характеръ. И тутъ были, правда, «лѣсные піонеры», ведшіе вышеописаннымъ образомъ борьбу съ первобытнымъ лѣсомъ, но типичнымъ для переселенія на юго-западъ является не лѣсной піонеръ, проникающій со своимъ топоромъ въ первобытный лѣсъ, и не фермеръ, везущій на телѣжкѣ свое ничтожное имущество, а направляющійся на западъ плантаторъ, окруженный толпой рабовъ.

Подобно тому какъ экономическій и соціальный строй сѣверо-западныхъ штатовъ являлся отраженіемъ строя тѣхъ прибережныхъ штатовъ, изъ которыхъ исходила эмиграція, точно такъ же и юго-западные штаты были въ соціальномъ и экономическомъ отношеніяхъ копіей тѣхъ частей прибрежья, изъ которыхъ вышла большая часть поселенцевъ. На сѣверо-западѣ мы сначала находимъ населеніе, состоящее изъ фермеровъ, воздѣлывающихъ вмѣстѣ съ семействомъ свой участокъ; но скоро развивается въ центральныхъ пунктахъ сообщенія оживленная городская жизнь, и возникаютъ общества съ такимъ же культурнымъ многообразіемъ, какъ на сѣверо-востокѣ, только съ еще болѣе демократическимъ устройствомъ. На юго-западѣ господствуетъ плантація, рабовладѣлецъ-плантаторъ пріобрѣтаетъ рѣшающее вліяніе на судьбы возникшихъ здѣсь молодыхъ штатовъ. Крупное землевладѣніе, аристократія и рабство характеризуютъ хозяйственный и общественный строй области между Миссиссипи, Охайо и Мексиканскимъ заливомъ.

И въ новопріобрѣтенныя области, лежавшія по ту сторону Миссиссипи, побѣдоносно вторглись система плантацій и связанное съ нею рабство негровъ. У устья рѣки уже въ эпоху французскаго владѣнія были воздѣлываемыя рабами плантаціи. Теперь плантаціи распространились по всей области низовья Миссиссипи и вокругъ Мексиканскаго залива до Техаса тамъ, гдѣ условія почвы и климата позволяли культуру хлопка.

Совершенно при другихъ условіяхъ совершалась опять-таки колонизація тѣхъ областей дальняго запада, которыя по гваделупъ-гидальгскому мирному договору (1848 г.) были уступлены Соединеннымъ Штатамъ Мексикой. Испанцы, нѣкогда владѣвшіе этими областями, ограничились постройкой на берегу Тихаго океана нѣсколькихъ фортовъ и основаніемъ нѣсколькихъ миссіонерскихъ станцій. Францисканцамъ, правда, удалось лучше, можетъ-быть, чѣмъ кому-нибудь до и послѣ нихъ, дѣло обращенія, подчиненія и въ извѣстной степени цивилизированія индѣйцевъ, и это дѣло благочестивыхъ братьевъ, о которомъ еще теперь свидѣтельствуютъ нѣкоторыя интересныя постройки, заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, похвалы. Но изъ великихъ природныхъ богатствъ Калифорніи еще ничего не было открыто.

«Съ грустнымъ чувствомъ — пишетъ Шамиссо, посѣтившій въ 1816 г. во время своего кругосвѣтнаго путешествія Калифорнію — мы приступаемъ къ тому, чтобы сказать нѣсколько словъ объ испанскихъ поселеніяхъ. Съ завистливой жадностью распространяется здѣсь Испанія только для того, чтобы не дать мѣста другимъ. Она поддерживаетъ съ большими тратами свои форты и хочетъ путемъ различныхъ помѣхъ торговлѣ заставить деньги течь обратно къ своему источнику. Если дать Калифорніи немного свободы, то эта страна сдѣлалась бы хлѣбнымъ рынкомъ для сѣвернаго берега этого моря и плавающихъ здѣсь судовъ. Хлѣбъ, скотъ, соль, вино даютъ ей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ преимущество передъ Сандвичевыми островами... И какая страна могла бы принять болѣе выгодное участіе въ этой торговлѣ (т.-е. на Тихомъ океанѣ), чѣмъ именно Калифорнія, обладающая промышленностью и судоходствомъ, этими дѣтьми свободы? Въ Калифорніи больше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, водится теперь морская выдра. Но Калифорнія остается безъ промышленности, торговли и судоходства, она остается пустынной и незаселенной». Такой была Калифорнія, когда она перешла къ мексиканской республикѣ.

Мексиканцы уничтожили испанскую систему миссій, и индѣйцы, впавшіе въ прежнее варварство, большей частью погибли. Мексиканское правительство дѣлало огромныя земельныя даренія, которыя до настоящаго времени оказываютъ чрезвычайно вредное вліяніе на аграрный строй Калифорніи. Большая часть получившихъ эти дары были мексиканцами, но между ними все же было нѣсколько чужестранцевъ; такъ, напримѣръ, швейцарецъ Іоганнъ-Августъ Зуттеръ создалъ гигантское помѣстье, названное имъ «Nova Helvetia». Случайно прибывали американцы въ Калифорнію уже и въ эту эпоху, но сухопутная дорога была слишкомъ затруднительна и опасна, морской же путь вокругъ мыса Горнъ былъ слишкомъ далекъ и требовалъ слишкомъ большихъ расходовъ, и въ самихъ Соединенныхъ Штатахъ можно было еще достать слишкомъ много плодородной, близко лежащей земли, чтобы эмиграція въ далекую страну у Тихаго океана могла принять широкіе размѣры.

Вѣроятно, и послѣ присоединенія Калифорніи къ Союзу ея заселеніе также заставило бы себя ждать нѣсколько десятилѣтій, по крайней мѣрѣ, до окончанія проходящей черезъ всю страну желѣзной дороги, если бы не произошло событіе, указавшее новые пути всему ходу развитія тихоокеанскихъ береговъ. 19 января 1848 г. рабочій Зуттера Джемсъ Маршалъ нашелъ въ Калифорніи первое золото.

Извѣстіе объ этомъ распространилось съ быстротою молніи; рабочіе Зуттера устремились къ счастливому мѣсту, крестьяне оставили свои поля, торговцы—дѣла, матросы—суда, всѣ спѣшили къ золотоноснымъ полямъ. Вскорѣ узнали объ этомъ событіи въ Орегонѣ, на Сандвичевыхъ островахъ и въ Мексикѣ, и оттуда еще въ 1848 г. прибыли люди въ страну чудесъ. Осенью 1848 г. извѣстіе дошло до восточной части Соединенныхъ Штатовъ, и здѣсь также тысячи людей были охвачены золотоискательной лихорадкой. Въ февралѣ 1848 г. во всей Калифорніи было не больше 2000 американцевъ, въ декабрѣ 1848 г. уже 6000, въ іюлѣ 1849 г. 15000, въ

концѣ же года 53000. Они пришли сюда не напрасно, ибо нахожденія золота превозошли всѣ ожиданія. Въ 1848 г. цѣнность добытаго золота равнялась приблизительно пяти милліонамъ долларовъ, въ 1849 г. уже 40, въ 1850 г.—50 милліонамъ, а въ 1863 г. — 65 милліонамъ долларовъ. Въ первыя 12 лѣтъ было добыто золота въ Калифорніи на сумму 600 милліоновъ. Болѣе сильныхъ приманокъ для заселенія новой страны, чѣмъ такіе золотые пріиски, не могло быть, и само собою разумѣется, что большая часть эмигрантовъ направлялась въ тѣ округи, гдѣ находились пріиски. Однако, нашлись также люди, понявшіе, что почва Калифорніи можетъ дать и другія сокровища. Въ округахъ, гдѣ находились пріиски, образовался рынокъ, обезпечивавшій земледѣлію выгодный сбытъ продуктовъ. Началось, такимъ образомъ, болѣе интенсивное заселеніе и тѣхъ частей Калифорніи, въ которыхъ нельзя было надѣяться найти благородныхъ металловъ; скоро оказалось, что условія почвы и климата Калифорніи особенно благопріятны для культуры тѣхъ продуктовъ, которые не могутъ расти въ другихъ частяхъ Союза. Такъ, здѣсь было много различныхъ овощей, вина, южныхъ фруктовъ; отсюда они экспортировались въ восточные штаты и даже за границу. Большая отдаленность отъ восточной части Союза и близость азіатскихъ рынковъ привели къ возникновенію немалозначительной индустріи, и изъ всѣхъ западныхъ штатовъ Калифорнія въ настоящее время является наиболѣе промышленной областью.

Какъ въ Калифорніи,—можетъ-быть, еще въ большей степени—колонизація обширной области западнаго нагорья опредѣлялась до сихъ поръ, главнымъ образомъ, также нахожденіемъ благородныхъ металловъ. Количество атмосферныхъ осадковъ на западѣ отъ 100 меридіана недостаточно, чтобы можно было здѣсь заниматься земледѣліемъ безъ помощи искусственнаго орошенія. Пока еще существовала плодородная земля на востокѣ отъ этой линіи—а такъ обстояло дѣло до новѣйшаго времени,—нечего было и думать о болѣе интенсивной колонизаціи этого края. Заселеніе Уты мормонами представляетъ собою, правда, замѣчательное исключеніе, но тутъ дѣйствовали не экономическіе, а другіе мотивы. Только тамъ, гдѣ благодаря открытію рудниковъ развивались мѣстные рынки, какъ, напр., въ Колорадо, земледѣліе съ искусственнымъ орошеніемъ обѣщало быть выгоднымъ. Кромѣ округовъ, гдѣ находятся рудники, нагорье оставалось страной скотоводства въ самый экстенсивной его формѣ. Только въ новѣйшее время, послѣ того какъ была роздана вся лучшая земля, стали обращать больше вниманія на еще существующія на западѣ неизмѣримыя пространства общественной земли и начали стараться посредствомъ субсидируемаго Союзомъ искусственнаго орошенія сдѣлать ихъ пригодными для поселенія. За исключеніемъ этихъ пространствъ, которые, какъ мы видѣли, еще не заселены, но которымъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ американцевъ, предстоитъ великое будущее, огромный и всемірно-историческій процессъ колонизаціи Штатовъ законченъ. Теперь разсмотримъ подробнѣе равно значительныя какъ для хозяйственной, такъ и для общественной и государственной жизни послѣдствія заселенія запада.

Западъ все больше и больше становится основой американскаго народнаго хозяйства. Только западъ сдѣлалъ Соединенные Штаты величайшей среди всѣхъ странъ міра производительницей сырья и пищевыхъ продуктовъ. Необъятныя массы маиса и пшеницы, мяса и жира, хлопка и шерсти, лѣса и угля, нефти, желѣзной руды и мѣди, серебра и золота прибывали ежегодно изъ запада на рынки атлантическаго прибережья и на міровой рынокъ. Только благодаря заселенію запада сдѣлалось возможнымъ развитіе американской крупной промышленности, ибо западъ доставлялъ ей дешевое сырье и обезпечивалъ ей богатый внутренній рынокъ. Но восточные города не только обрабатываютъ произведенное на западѣ сырье, но и являются посредниками при продажѣ его продуктовъ Старому Свѣту. Балтимора и Филадельфія, но больше всѣхъ Нью-Іоркъ, обязаны своимъ расцвѣтомъ природнымъ богатствамъ лежащей за ними области. Открытіе канала Эри (1825 г.), соединившаго Гудсонъ прямымъ воднымъ путемъ съ областью Великихъ Озеръ, сдѣлало Нью-Іоркъ экспортнымъ портомъ для всей громадной сѣверо-западной области и обезпечило этому городу-государству его главное положеніе въ американской хозяйственной жизни. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что колоссальное матеріальное развитіе Соединенныхъ Штатовъ является, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ разработки природныхъ богатствъ запада.

Этимъ мы вовсе не исчерпали послѣдствій, которыя повлекло за собою заселеніе запада. (Подъ западомъ я понимаю штаты, лежащіе къ сѣверу отъ рѣки Охайо). Въ штатахъ, лежащихъ къ югу отъ Охайо, рабство внесло нѣкоторыя измѣненія. На западѣ Америки возникло общество, отличающееся отъ общества восточныхъ штатовъ Америки столько же, а можетъ-быть еще больше, чѣмъ послѣднее отличалось отъ европейскаго общества. Между тѣмъ какъ въ прибрежныхъ штатахъ существовали всюду старыя традиціи и старинныя благородныя фамиліи, пользовавшіяся большимъ уваженіемъ и вліяніемъ, чѣмъ новоприбывшіе, западъ Америки былъ страной чистой демократіи, въ которой положеніе человѣка опредѣлялось только его личными заслугами. Смѣшеніе народовъ было здѣсь еще больше, чѣмъ въ атлантическихъ штатахъ, и нѣмецкая иммиграція оказала особенно значительное вліяніе на воззрѣнія и нравы населенія сѣверо-западныхъ штатовъ. Но еще больше, чѣмъ физическое скрещиваніе, способствовали возникновенію здѣсь новаго народнаго типа своеобразныя условія, при которыхъ происходила колонизація. Черты характера, считающіяся особенно характерными для американца,—непоколебимый оптимизмъ, вѣра въ свои силы, огромная энергія, практическая смекалка, духъ изобрѣтательности, удивительное стремленіе къ достиженію разъ признанной правильною цѣли, нѣкоторая грубоватость, связанная съ далеко идущей готовностью къ помощи,—всѣ эти черты характеризуютъ въ особенности жителя западныхъ штатовъ. И еще въ одномъ отношеніи западные штаты оказали глубокое вліяніе на американскую жизнь. Будемъ ли мы искать причину этого явленія въ недостаточномъ количествѣ женщинъ въ эпоху колонизаціи или въ послѣдовательномъ

проведеніи демократическихъ идей, но несомнѣненъ тотъ фактъ, что нигдѣ въ мірѣ женщина не пользуется такимъ уваженіемъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ послѣднихъ, опять-таки, больше всего—въ западныхъ штатахъ. Западные штаты вообще даютъ каждому человѣку возможность свободно развивать свои силы, и они устранили также и для женщинъ многія изъ препятствій, стоящихъ на пути развитія ея личности въ Европѣ и даже въ восточной части Союза. Здѣсь впервые была осуществлена въ Соединенныхъ Штатахъ мысль о допущеніи и женщинъ къ высшему образованію. Совмѣстное обученіе обоихъ половъ во всѣхъ школахъ отъ высшихъ до низшихъ вполнѣ соотвѣтствовало господствовавшимъ на западѣ воззрѣніямъ.

Демократизмъ общественнаго строя оказывалъ, разумѣется, свое дѣйствіе и на политическія отношенія. Въ то время какъ въ атлантическихъ штатахъ избирательное право было связано съ обладаніемъ извѣстной собственностью и платежомъ опредѣленнаго налога, большинство должностныхъ лицъ и судей назначались центральной властью, и тѣ, которыхъ довѣріе народа разъ удостоило избраніемъ, могли разсчитывать быть избранными вновь, западные штаты устранили всякій цензъ, послѣдовательно осуществили всеобщее равное избирательное право, сдѣлали выборными всѣ важныя должности и, главнымъ образомъ, должность судьи и зашли въ осуществленіи демократической идеи такъ далеко, что стремятся оставлять въ своей должности избраннаго ими возможно болѣе короткое время. Многіе политическіе эксперименты, какъ, напр., референдумъ, право иниціативы, избирательное право для женщинъ, были впервые сдѣланы на западѣ.

И на политику Союза западъ имѣлъ все болѣе и болѣе возрастающее вліяніе. Онъ—вполнѣ демократиченъ, вполнѣ націоналенъ, часто шовинистиченъ и склоненъ къ политикѣ расширенія. Какъ бы ни были отличны въ нѣкоторыхъ пунктахъ его интересы отъ интересовъ востока, онъ все же всегда крѣпко держался Союза. Западные штаты рѣшили исходъ междоусобной войны,—и съ тѣхъ поръ многія желѣзныя дороги, соединившія съ атлантическими берегами самыя отдаленныя части запада, крѣпче и крѣпче связали между собою различныя части Союза. Западъ сдѣлался, такимъ образомъ, фундаментомъ экономической мощи, демократіи и международнаго могущества Соединенныхъ Штатовъ.

9. Рабство и свобода.

Въ лицѣ Эндрью Джаксона демократія молодого запада овладѣла правительственною властью (1829 г.). До сихъ поръ аристократическія фамиліи прибрежныхъ штатовъ, главнымъ образомъ Виргиніи, пользовались рѣшающимъ вліяніемъ въ Вашингтонѣ и вопреки демократическимъ теоріямъ сообщали государственному правленію сильно выраженный аристократическій характеръ. Теперь впервый низшіе слои общества осуществили на практикѣ свои давно уже признанныя въ теоріи притязанія.

Въ отдѣльныхъ штатахъ демократизмъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ первой трети XIX в. Какъ уже было упомянуто, новые западные штаты первые начали вводить радикальныя реформы, но и болѣе старые штаты не могли избѣгнуть надолго ихъ вліянія и также преобразовали свои конституціи въ демократическомъ духѣ: избирательное право было расширено, самыя важныя должности сдѣлались выборными, и были сокращены сроки пребыванія въ должности. Впрочемъ, нѣкоторые восточные штаты до настоящаго времени относятся отрицательно къ нѣкоторымъ реформамъ запада, въ особенности къ избранію судей народомъ.

Въ то же время во всемъ Союзѣ была осуществлена другая великая реформа, являющаяся однимъ изъ важнѣйшихъ вкладовъ Соединенныхъ Штатовъ въ сокровищницу политической мысли человѣчества,—отдѣленіе церкви отъ государства.

Отдѣленіе церкви отъ государства, какъ оно было проведено въ Союзѣ, не было ни по своимъ мотивамъ, ни по своимъ результатамъ проявленіемъ духа враждебности къ религіи. Политическіе мотивы были не чужды осуществленію этой реформы. Въ нѣкоторыхъ штатахъ, напр., въ Виргиніи, англійская церковь, лишенная послѣ революціи своего положенія господствующей, была опорой англійскаго господства, была лояльна и настроена монархически. Въ ново-англійскихъ штатахъ конгрегаціонализмъ, признанный государственной церковью, считался носителемъ аристократическихъ идей. Однако, главнымъ образомъ, идея равенства привела къ паденію государственныхъ церквей. При обиліи существовавшихъ въ Америкѣ сектъ было совершенно невозможо всѣмъ имъ оказывать поддержку изъ общественныхъ средствъ и, такимъ образомъ, являлось требованіемъ справедливости всѣхъ ихъ лишить государственной поддержки. Неограниченно господствовавшій въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. индивидуалистическій взглядъ на государство, согласно которому государство есть необходимое зло, и его сфера дѣятельности должна быть по возможности ограничена, приводилъ къ тому же выводу; наконецъ, этому способствовалъ и примѣръ Родъ-Айланда и Пенсильваніи, гдѣ отдѣленіе было уже осуществлено и оправдало всеобщія надежды. Отдѣленіе церкви отъ государства совершилось въ большинствѣ штатовъ послѣ революціи, въ Коннектикутѣ въ 1818 г.; и, наконецъ, въ Массачузетсѣ, не безъ сильнаго сопротивленія, въ 1833 г. Съ тѣхъ поръ во всѣхъ штатахъ—ибо новообразовавшіеся штаты слѣдовали примѣру старыхъ штатовъ—дѣйствуетъ законъ, по которому ни одна религіозная конгрегація не можетъ получать какихъ бы то ни было субсидій изъ общественныхъ средствъ и никого нельзя принуждать платить взносы въ религіозную конгрегацію. Зато всѣ вѣроисповѣданія и секты пользуются полной свободой въ своей организаціи, въ назначеніи своего духовенства и въ управленіи своимъ имуществомъ. Никто не споритъ противъ того, что этотъ порядокъ имѣлъ одинаково благотворныя послѣдствія какъ для церкви, такъ и для государства. Союзъ избѣгъ — за немногими исключеніями — ожесточенной религіозной борьбы и

вражды, отъ которыхъ страдала Европа, а религіозныя конгрегаціи могли свободно развиваться безъ помѣхи со стороны государства.

Въ то время какъ возрастающее вліяніе демократіи проявлялось въ отдѣльныхъ штатахъ въ законодательствѣ, въ особенности въ измѣненіяхъ, внесенныхъ въ конституціи, въ Союзѣ оно было замѣтно, главнымъ образомъ, въ измѣненіи политическихъ методовъ. Идея, что всякій человѣкъ годенъ ко всякой должности, и слишкомъ низкая оцѣнка значенія образовательной подготовки, объяснявшаяся какъ примитивностью, такъ и довѣріемъ къ своимъ силамъ и оптимизмомъ колонистовъ, привели къ заключенію, что должности должны по возможности пойти всѣмъ на пользу, и что для этого сроки пребыванія въ должности должны быть возможно болѣе краткими. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ штатахъ, наприм., въ Нью-Іоркѣ и Пенсильваніи, возникло убѣжденіе, что раздача должностей должна принадлежать партіи, господствующей въ данный моментъ, и, начиная съ 1829 г., этотъ взглядъ нашелъ себѣ самое широкое примѣненіе и въ Союзѣ. Съ 1829 г. снова образуются политическія партіи: сторонники Джаксона называютъ себя демократами, а ихъ противники—виги. Первые были противниками покровительственныхъ пошлинъ и широкой дѣятельности Союза, послѣдніе были протекціонистами и централистами. Обѣ партіи были распространены по всей странѣ, но главную армію демократической партіи поставлялъ югъ, а виги пустили наиболѣе прочные корни въ Новой Англіи. Каждая перемѣна господствующей партіи влекла за собою съ тѣхъ поръ перемѣну въ составѣ значительной части чиновничества. Послѣдствія этой системы были въ высшей степени неблагопріятны во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ какъ при назначеніяхъ играетъ роль не пригодность даннаго лица къ своей должности, а услуги, оказанныя имъ партіи, то эти должности исправлялись плохо и нерѣдко даже безчестно. Кромѣ того, создалась и другая опасность: многіе занимались политикой только потому, что надѣялись получить платныя должности, и борьба партій вслѣдствіе этого часто вырождалась въ борьбу изъ-за мѣстъ. Политическія партіи сложились въ превосходныя организаціи, обѣщавшія наиболѣе полезнымъ своимъ сотрудникамъ мѣста и чины въ случаѣ успѣха ихъ партіи. Подъ видомъ охраны народнаго суверенитета руководители этихъ партій, «боссы», сумѣли обезпечить себѣ рѣшающее вліяніе на назначенія на должности въ городахъ, штатахъ и въ Союзѣ. Такъ возникла «партійная машина», оказавшая такое гибельное вліяніе на политическую жизнь Соединенныхъ Штатовъ.

Но растущее демократическое теченіе выразилось еще и въ томъ, что популярныя въ народѣ воззрѣнія пріобрѣтали все больше и больше вліянія на ходъ политики. Государственные люди, управлявшіе до 1829 г. судьбами страны, обладали большими знаніями и вступали въ свою должность послѣ того, какъ проходили школу долголѣтняго опыта въ Старомъ Свѣтѣ. Президентъ Джаксонъ, напротивъ, могъ считаться типичнымъ среднимъ американцемъ запада. Одаренный здравымъ природнымъ умомъ, но безъ глубокаго проникновенія въ сущность вещей, онъ полагалъ, что все понимаетъ и со всѣмъ справится.

Уже тогда замѣчалось недовѣріе населенія, въ особенности, земледѣльческаго, къ власти денегъ,—недовѣріе, которое пустило глубокіе корни и съ тѣхъ поръ все снова выплывало подъ различными формами. Движеніе направилось въ то время противъ привилегированнаго центральнаго національнаго банка, который народъ считалъ воплощеніемъ власти капитала. Президентъ, видѣвшій въ банкѣ противника своей политики, послушался голоса народа и упразднилъ банкъ; это рѣшеніе имѣло очень важныя послѣдствія для хозяйственной жизни Соединенныхъ Штатовъ. Народные взгляды несутъ вину за то, что до сихъ поръ Соединенные Штаты не имѣютъ центральнаго банка для краткосрочнаго кредита.

Еще и въ другомъ вопросѣ—въ вопросѣ о тарифѣ—проявился во время президентства Джаксона рѣзкій антагонизмъ интересовъ. Такова уже природа покровительственныхъ пошлинъ, что ихъ приходится постоянно повышать. Послѣ того, какъ съ тарифомъ 1816 г. вступили на путь протекціонизма, было послѣдовательно, что пошлины все болѣе и болѣе повышались. Но югъ былъ сильно заинтересованъ въ свободѣ торговли. Конфликтъ въ вопросѣ о тарифѣ настолько обострился, что Южная Каролина оказывала въ 1832 г. открытое противодѣйствіе изданнымъ Союзомъ законамъ. Конфликтъ удалось, правда, уладить путемъ компромисса, но уже тогда сказалось съ устрашающей ясностью, какъ далеко зашло различіе интересовъ отдѣльныхъ штатовъ.

Самой важной, хотя совсѣмъ не единственной причиной этой противоположности интересовъ, было различіе въ организаціи труда на сѣверѣ и на югѣ, противоположность между рабствомъ и свободой. Въ рамкахъ этого всемірно-историческаго обозрѣнія другія проблемы того времени имѣютъ небольшое значеніе, но вопросъ о рабствѣ, вскорѣ заслонившій собою всѣ другіе вопросы дня, заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія.

Когда американцы отдѣлились отъ Англіи, рабство какъ законное учрежденіе существовало во всѣхъ колоніяхъ, но его значеніе было совершенно различно на сѣверѣ и на югѣ. Въ мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствахъ, преобладавшихъ въ сѣверныхъ штатахъ, примѣненіе рабскаго труда было мало выгодно. Фермеръ долженъ былъ употребить значительный капиталъ на покупку раба, и рискъ потерять его при мало здоровой для чернокожихъ суровости климата былъ очень значителенъ. Еще меньше значенія могъ имѣть рабскій трудъ для промышленныхъ заведеній. Такъ какъ, кромѣ того, не было недостатка въ бѣлыхъ работникахъ, то ввозъ негровъ на сѣверъ оставался въ тѣсныхъ предѣлахъ. Въ Новой Англіи рабское населеніе никогда не составляло больше одной сороковой, а въ среднихъ штатахъ — приблизительно одной двѣнадцатой. Въ Новой Англіи исключительно, а въ среднихъ штатахъ большей частью негры-рабы были заняты въ качествѣ домашнихъ слугъ. Они служили здѣсь предметомъ роскоши; для хозяйственнаго преуспѣянія страны они не имѣли значенія.

Совершенно иначе сложились дѣла на югѣ. Здѣсь преобладало крупное сельское хозяйство, производившее предметы экспорта для всемірнаго рынка. Здѣсь была большая нужда въ рабочихъ силахъ, нужда, которая дешевле всего могла быть удовлетворена торговлей неграми. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ, но вовсе не во всѣхъ частяхъ юга, трудъ былъ опасенъ для здоровья бѣлыхъ, то возникло совершенно ошибочное мнѣніе, что бѣлые на югѣ вообще не могутъ заниматься физическимъ трудомъ, и рабство негровъ сдѣлалось основой южнаго плантаторскаго хозяйства. Въ то время какъ въ Мэриландѣ рабы составляли приблизительно отъ четверти до трети, а въ Виргиніи—приблизительно двѣ пятыхъ населенія, въ Южной Каролинѣ, гдѣ, правда, климатическія условія самыя неблагопріятныя для бѣлыхъ, ихъ число превосходило число бѣлаго населенія.

Хотя рабство не казалось предосудительнымъ громадному большинству какъ южныхъ, такъ и сѣверныхъ колонистовъ, но все же никогда не исчезло совершенно мнѣніе, что оно противорѣчитъ христіанской морали. Великій шведскій король хотѣлъ не допустить рабства въ своей Новой Швеціи, нѣмецкіе квакеры объявили въ Пенсильваніи въ 1688 г. противохристіанскимъ покупку или владѣніе рабами, и филантропическіе основатели Георгіи также желали изгнать рабство изъ своей колоніи, что при хозяйственныхъ и климатическихъ условіяхъ Георгіи слишкомъ скоро должно было оказаться однимъ только благочестивымъ пожеланіемъ.

Полную перемѣну въ воззрѣніяхъ на рабство произвело только то великое духовное движеніе, которое мы привыкли называть просвѣщеніемъ XVIII вѣка. Какъ просвѣщеніе уничтожило послѣдніе остатки несвободы въ германо-романской Европѣ, точно также ему принадлежитъ заслуга устраненія рабства, по крайней мѣрѣ, въ той части Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ противные его отмѣнѣ экономическіе интересы не были сильнѣе гуманныхъ идей вѣка. Вермонтъ, отдѣлившійся отъ Нью-Іорка въ 1777 г., былъ первымъ штатомъ, включившимъ въ свою конституцію статью, запрещавшую рабство, для чего населенію этой маленькой, дикой и горной страны, въ которой едва ли было когда-нибудь много рабовъ, не пришлось принести большой жертвы. Въ Массачузетсѣ суды объявили въ 1783 г., что словами конституціи: «Всѣ люди рождаются равными и свободными» отмѣнено рабство, а въ сосѣднемъ ново-англійскомъ штатѣ Нью-Гампширѣ подобнаго же рода постановленіе было внесено въ 1784 г. въ конституцію; это постановленіе освободило, однако, только тѣхъ, которые родились послѣ изданія конституціи. Въ то время какъ въ этихъ штатахъ рабство было отмѣнено на основаніи конституціи, Пенсильванія (1780 г.), Коннектикутъ, Родъ-Айландъ (1784 г.), Нью-Іоркъ (1799 г.) и Нью-Джерси (1804 г.) издали особые эмансипаціонные законы, по которымъ рабство должно было быть уничтожено слѣдующимъ образомъ: находящіеся въ штатѣ рабы должны были оставаться рабами въ продолженіе всей своей жизни, напротивъ, ихъ родившіяся послѣ изданія закона дѣти должны были получить свободу въ опредѣленный срокъ (на 21-мъ, 23-мъ или 28-мъ году жизни). Штатъ Нью-Іоркъ издалъ

въ 1817 г. еще другой законъ, по которому всѣ находящіеся еще въ штатѣ рабы должны были получить свободу 4 іюля 1827 г. Въ видахъ недопущенія увеличенія числа рабовъ и продажи ихъ на югъ, были запрещены ввозъ и вывозъ рабовъ.

Эти законы привели къ тому, что рабство постепенно исчезло, а государству, между тѣмъ, не приходилось платить рабовладѣльцамъ вознагражденія, и послѣдніе не несли какихъ-либо чувствительныхъ потерь. Дальнейшей большой побѣдой движенія противъ рабства была уже упомянутая выше статья ордоннанса объ Охайо отъ 1787 г., запрещавшая рабство во всей территоріи, лежащей къ сѣверу отъ Охайо. Послѣднимъ успѣхомъ, достигнутымъ противниками рабства, было запрещеніе ввоза негровъ. Уже въ 1774 г. въ качествѣ мѣры борьбы противъ Англіи было принято рѣшеніе не ввозить больше негровъ. На національномъ конвентѣ 1787 г. сѣверные штаты хотѣли включить такой же запретъ въ конституцію Союза, и Виргинія и Мэриландъ, имѣвшіе сами излишекъ рабовъ, сильно поддерживали это предложеніе, но обѣ Каролины и Георгія, нуждавшіяся еще въ рабочихъ силахъ, угрожали не ратифицировать конституціи, если будетъ принята такая статья. Наконецъ, спорящія стороны сошлись на томъ, чтобы запрещеніе ввоза негровъ вступило въ силу только по истеченіи 20 лѣтъ. Съ 1 января 1708 г. ни одинъ рабъ не могъ быть ввезенъ, по крайней мѣрѣ, на законномъ основаніи въ Соединенные Штаты, и увеличеніе негритянскаго населенія могло происходить лишь путемъ естественнаго прироста.

Въ концѣ XVIII вѣка и на югѣ также не было недостатка въ противникахъ учрежденія, которое черезъ два поколѣнія восхвалялось какъ послѣднее слово мудрости. Самые выдающіеся люди юга, Вашингтонъ, Мадисонъ и больше всѣхъ Джефферсонъ, были по принципіальнымъ основаніямъ врагами рабства, но, кромѣ того, казалось, что и экономическія условія, по крайней мѣрѣ, сѣверныхъ штатовъ юга также благопріятны эмансипаціоннымъ стремленіямъ. Табачная культура на истощенной почвѣ Виргиніи перестала приносить доходъ, и для нѣкоторыхъ плантаторовъ было бы, можетъ быть, облегченіемъ, если бы они освободились отъ своихъ рабовъ. Однако, здѣсь на пути освобожденія рабовъ стояли гораздо бо́льшія затрудненія, чѣмъ на сѣверѣ. Тамъ чернокожіе составляли лишь ничтожное меньшинство; на югѣ же каждый разумный человѣкъ долженъ былъ предложить себѣ вопросъ, что сдѣлается съ массами освобожденныхъ негровъ? Страхъ передъ соціальными, а не передъ экономическими послѣдствіями освобожденія помѣшалъ въ концѣ XVIII вѣка Виргиніи и Мэриланду послѣдовать примѣру Пенсильваніи и Нью-Іорка.

Но скоро наступила въ экономическихъ отношеніяхъ юга перемѣна, сдѣлавшая рабство опять и болѣе чѣмъ когда-либо, можно сказать, центромъ всего міровоззрѣнія южанина.

До сихъ поръ на югѣ культивировали, главнымъ образомъ, табакъ, рисъ и индиго; культура хлопка не играла еще экономической роли. Употребленіе хлопка въ европейской промышленности было сравнительно очень ничтожно;

кромѣ того, препятствіемъ на пути употребленія сѣверо-американскаго хлопка стояло чрезвычайно затруднительное и отнимающее много времени очищеніе его отъ сѣмячекъ. Благодаря великимъ техническимъ изобрѣтеніямъ Гаргривеса (1768 г.), Аркрайта (1769 г.) и Картрайта (1784 г.) хлопчатобумажная промышленность Англіи пріобрѣла совершенно необыкновенное значеніе, а въ 1793 г. жителю Новой Англіи Эли Уитнею удалось изобрѣтеніемъ машины (Cotton Gin) разрѣшить удовлетворительно задачу очищенія хлопка отъ сѣмячекъ. Рабочій, который до сихъ поръ могъ получать ежедневно приблизительно только около фунта чистаго хлопка, теперь легко могъ очищать въ день 200 фунтовъ.

Благодаря этому передъ американскимъ хлопкомъ и, значитъ, передъ сельскимъ хозяйствомъ юга открывались неизмѣримыя перспективы. Теперь стали культивировать хлопокъ вездѣ, гдѣ только это дозволяли условія почвы и климата. Производство хлопка, составлявшее въ 1791 г. лишь 2 милліона фунтовъ, поднялось въ 1801 до 40, въ 1811—до 80, въ 1820 г.—до 177 и достигло въ 1834 г. 457 милліоновъ фунтовъ. При господствовавшихъ на югѣ воззрѣніяхъ само собою разумѣлось, что культура хлопка, какъ и культура риса, табака и индиго, должна была производиться рабскимъ трудомъ. Отъ растущей нужды въ рабочихъ силахъ въ штатахъ, производящихъ хлопокъ, выиграли рабовладѣльцы также и тѣхъ штатовъ, гдѣ по климатическимъ условіямъ культура хлопка была невозможна; такъ какъ они, вслѣдствіе запрещенія ввоза рабовъ изъ Африки, пользовались чѣмъ-то въ родѣ монополіи, то стали разводить рабовъ и продавать ихъ затѣмъ плантаторамъ штатовъ, производящихъ хлопокъ. Такъ какъ спросъ на хлопокъ все возрасталъ, то вся прибыль плантаторовъ опять помѣщалась въ новыхъ земляхъ и новыхъ рабахъ, и всѣ интересы сосредоточились на одномъ предметѣ вывоза, сдѣлавшемся «королемъ» на югѣ. Тамъ были твердо убѣждены, что югъ предназначенъ для культуры хлопка, и что хлопокъ можно получить только въ обрабатываемыхъ рабскимъ трудомъ крупныхъ хозяйствахъ. Съ растущими прибылями замолкли голоса тѣхъ, которые видѣли въ неволѣ своего ближняго моральное зло, и рабство еще болѣе прежняго сдѣлалось основой общественнаго и хозяйственнаго строя южныхъ штатовъ.

Все хозяйство юга было приспособлено къ хищнической культурѣ и непрерывному занятію новой дѣвственной земли. Переселеніе сѣвернаго фермера на западъ нашло, какъ мы видѣли, свою параллель въ переселеніи на западъ южнаго плантатора. Быстро были воздѣланы и покрыты затѣмъ хлопковыми плантаціями Теннесси, Алабама и Миссиссипи. Новыя перспективы открылись для плантаторовъ въ купленной въ 1803 г. у Франціи Луизіанѣ, и вскорѣ переселенцы проникли также въ западную половину миссиссипской долины.

Теперь возникалъ вопросъ, насколько должно быть дозволено рабство въ новопріобрѣтенной землѣ. Въ области устья Миссиссипи, подъ именемъ Луизіаны, допущенной въ 1812 г. въ Союзъ въ качествѣ штата, рабство давно существовало, и никто не оспаривалъ его права на дальнѣйшее суще-

ствованіе. Но должно-ли оно было быть дозволено также и въ территоріяхъ, лежащихъ дальше на сѣверъ? Проще всего было бы продолжить дальше на западъ линію, отдѣляющую область свободы отъ области рабства, линію, которую прежде образовала рѣка Охайо. Но южане настойчиво требовали, чтобы рабство было дозволено также и въ лежащемъ на сѣверѣ отъ этой линіи Миссури. Политическіе и экономическіе мотивы лежали въ основѣ этихъ притязаній юга на новыя территоріи, впослѣдствіи эти притязанія привели къ еще болѣе сильной борьбѣ. Штаты, производившіе хлопокъ, нуждались въ постоянномъ расширеніи территоріи, такъ какъ ихъ хищническое хозяйство быстро истощало почву и требовало занятія все новой и новой земли, а для сѣверныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ, такъ называемыхъ пограничныхъ штатовъ, занимавшихся разведеніемъ рабовъ, всякое увеличеніе рабовладѣльческой территоріи означало повышеніе цѣнъ на рабовъ, т.-е. на тотъ товаръ, въ который они вложили свои капиталы. Но, можетъ-быть, еще большую, а въ спорѣ о не имѣвшемъ почти значенія для культуры хлопка Миссури рѣшающую роль играли политическіе мотивы. Когда конституція вступила въ силу, югъ и сѣверъ были представлены одинаково. Но такъ какъ постоянно возраставшая иммиграція направлялась почти исключительно на сѣверъ, то его населеніе должно было сильнѣе возрасти, чѣмъ населеніе юга, и сѣверные штаты соотвѣтственно этому получили перевѣсъ въ палатѣ представителей, члены которой избирались по количеству населенія. Для сохраненія политическаго положенія юга въ Союзѣ нужно было, по крайней мѣрѣ, укрѣпить по возможности положеніе юга въ сенатѣ, въ который согласно конституціи всѣ штаты посылали одинаковое число представителей. Лучшимъ средствомъ къ этому, казалось, созданіе новыхъ рабовладѣльческихъ штатовъ даже въ тѣхъ областяхъ, гдѣ, какъ въ Миссури, введеніе рабства вовсе не вызывалось экономической необходимостью. Послѣ сильной борьбы, уже раскрывавшей передъ взоромъ проницательнаго наблюдателя опасности, которыя несетъ съ собою будущее, пришли въ 1820 г. къ соглашенію, къ такъ назыв. миссурійскому компромиссу. Миссури, правда, какъ этого требовалъ югъ, былъ принятъ въ Союзъ въ качествѣ рабовладѣльческаго штата, но было постановлено, что къ западу отъ этой территоріи градусъ 36° 30′ сѣверной широты долженъ служить пограничной чертой между рабовладѣніемъ и свободой. Союзъ, такимъ образомъ, былъ раздѣленъ отъ Атлантическаго океана до Скалистыхъ горъ на двѣ половины, на двѣ группы штатовъ, которые неизбѣжно должны были бороться между собой за господство. Споръ изъ-за Миссури былъ, какъ выразился Джонъ Квинси Адамсъ, только прологомъ великой драмы. Распаденіе Союза или кровавая междоусобная война стояли въ концѣ пути, первый шагъ по которому былъ сдѣланъ миссурійскимъ компромиссомъ.

Вопросъ о рабствѣ отступилъ теперь надолго на задній планъ, — тѣмъ сильнѣе было столкновеніе двухъ сторонъ въ вопросѣ о таможенныхъ пошлинахъ. Южные политики прибѣгли снова къ старому оружію партикуляристовъ и настойчиво защищали суверенитетъ отдѣльныхъ штатовъ по отношенію къ

власти Союза. Хотя поводомъ къ выставленію этихъ теорій, самымъ ревностнымъ борцомъ за которыя былъ Джонъ Калоунъ изъ Южной Каролины, послужилъ протекціонистскій тарифъ, однако, не можетъ быть сомнѣнія, что это оружіе было выковано для защиты рабовладѣнія, вѣрнѣе, всего экономическаго и соціальнаго строя юга.

И защита казалась въ самомъ дѣлѣ необходимой. Чѣмъ больше росло производство хлопка, чѣмъ больше увеличивалась въ глазахъ южанъ цѣнность рабовладѣнія, тѣмъ сильнѣе становились направленныя противъ него нападки.

Какъ мы уже видѣли, взглядъ, согласно которому рабство противорѣчитъ принципамъ христіанства и гуманности, былъ широко распространенъ въ концѣ XVIII и даже въ началѣ XIX вѣка также и на югѣ. Вопросъ былъ только въ томъ, что дѣлать съ освобожденными неграми. Лучшимъ исходомъ многіе считали переселеніе негровъ на ихъ первоначальную родину. Къ осуществленію этой мысли были направлены усилія основаннаго въ 1816 г. «колонизаціоннаго общества», къ числу членовъ котораго принадлежали самые выдающіеся люди юга, какъ Джефферсонъ, Мадисонъ и Генри Клей. Плодомъ ихъ стремленій явилось основаніе республики Либеріи, въ которую было переправлено нѣсколько тысячъ освобожденныхъ негровъ. Но что означили эти тысячи въ сравненіи съ оставшимися въ Америкѣ милліонами? О разрѣшеніи вопроса этимъ путемъ нечего было и думать. Ростъ спроса и, значитъ, цѣнъ на рабовъ привелъ между тѣмъ къ тому, что въ Виргиніи и Мэриландѣ, гдѣ эта идея нашла себѣ больше всего сторонниковъ, потеряли всякій интересъ къ освобожденію негровъ.

Нерѣдко еще и теперь Америка изображается какъ страна всемогущаго доллара, и именно въ Америкѣ особенно соблазнительно свести всѣ политическія событія на опредѣленные экономическіе интересы. Однако, нигдѣ въ мірѣ, можетъ-быть, нѣтъ столько людей, готовыхъ отдать свое состояніе, свой трудъ и даже свою жизнь за чисто-идеальныя цѣли, какъ въ той странѣ, гдѣ деньги, по общераспространенному мнѣнію, играютъ столь великую роль. Такими людьми были также, по крайней мѣрѣ, въ своемъ большинствѣ, «аболиціонисты», въ особенности ихъ вождь Вильямъ Ллойдъ Гаррисонъ, издававшій съ 1831 г. въ Гортонѣ газету «Liberator». Онъ и его друзья не довольствовались тѣмъ, что доказывали теоретически противорѣчіе между рабствомъ и христіанствомъ и гуманностью, а требовали немедленнаго уничтоженія учрежденія, противъ котораго они вели борьбу, не заботясь совершенно о послѣдствіяхъ. Эти требованія составляли программу основаннаго въ 1833 г. въ Филадельфіи Американскаго общества борьбы съ рабствомъ. Однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ этого общества былъ поэтъ Джонъ Гринлафъ Уитье, который въ своихъ полныхъ темперамента стихотвореніяхъ бичевалъ рабовладѣльцевъ. Нельзя отрицать, что ихъ агитація грѣшила большими излишествами, что они часто прибѣгали къ ложнымъ аргументамъ и совершенно не обращали вниманія на законнымъ путемъ благопріобрѣтенныя права, — но какому великому историческому движенію нельзя сдѣлать подобныхъ упрековъ?

На сѣверѣ преобладающее большинство населенія вовсе не симпатизировало аболиціонистамъ. Среди купцовъ и фабрикантовъ многіе были связаны съ югомъ и боялись, что агитація противъ рабства нанесетъ ущербъ ихъ дѣламъ, а патріотически мыслящіе люди опасались за цѣлость Союза. Унаслѣдованный консерватизмъ англо-саксонцевъ возмущался чрезмѣрно сильными выраженіями, къ которымъ прибѣгали агитаторы, и ихъ стремленіями нарушить благопріобрѣтенныя права; кромѣ того, среди массъ была распространена антипатія къ чернокожимъ. Господствующее мнѣніе на сѣверѣ сводилось къ тому, что рабство должно быть осуждено in abstracto, но что оно не можетъ быть отмѣнено безъ нарушенія конституціи. Въ началѣ аболиціонисты подвергались многимъ преслѣдованіямъ также и на сѣверѣ, и число ихъ сторонниковъ лишь медленно увеличивалось. Но ихъ великое значеніе заключалось не столько въ ихъ непосредственныхъ успѣхахъ, сколько въ томъ направленіи, которое они дали мышленію и чувству американцевъ.

Если аболиціонизмъ постепенно проникалъ и въ высшіе слои населенія, то причиной этого не въ малой степени было занятое югомъ положеніе по отношенію къ нему. Въ томъ же 1831 г., въ которомъ Гаррисонъ началъ издавать свою газету «Liberator», въ Виргиніи вспыхнуло возстаніе рабовъ, и южане—впрочемъ, совершенно несправедливо—ставили въ вину это возстаніе аболиціонистамъ. Гордость южанъ возмущалась вмѣшательствомъ «янки» въ дѣла, которыя, по ихъ мнѣнію, касались только ихъ однихъ, и, какъ часто бываетъ, учрежденіе, сдѣлавшееся предметомъ нападокъ, лишь болѣе упрочилось отъ этихъ нападокъ. Рабство уже не казалось больше теперь южнымъ вождямъ только необходимымъ зломъ,—нѣтъ, оно восхвалялось ими, какъ «положительное благо». Такъ какъ, при такомъ положеніи дѣлъ, мысль объ отмѣнѣ рабства отдѣльными штатами была совершенно исключена, а всеобщее освобожденіе рабовъ Союзомъ противорѣчило конституціи, то аболиціонисты ограничились пока требованіемъ о входившей въ компетенцію Союза отмѣнѣ рабства въ союзномъ округѣ Колумбіи и подавали соотвѣтственныя петиціи въ конгрессъ. Южане относились теперь ко всякому обсужденію непріятнаго имъ вопроса, какъ къ какому-то личному оскорбленію. Имъ удалось въ 1836 г. провести въ палатѣ представителей такъ называемую резолюцію о затыканіи рта, согласно которой всѣ относящіяся къ рабству петиціи не должны вообще обсуждаться въ палатѣ. Дѣйствіе, оказанное этой мѣрой, было, разумѣется, какъ-разъ противоположно тому, котораго ожидали отъ нея ея сторонники: явное нарушеніе одного изъ гарантированныхъ конституціей народныхъ правъ дало только въ руки агитаторовъ новое выгодное для нихъ оружіе, ибо служило доказательствомъ справедливости ихъ утвержденія, что рабовладѣльцы угрожаютъ свободѣ не только чернокожихъ, но также и бѣлыхъ.

Если бы Союзъ былъ устойчивымъ государственнымъ организмомъ, то до открытаго конфликта дѣло не дошло бы такъ скоро; быть-можетъ, прошло бы даже нѣсколько поколѣній. Но постоянное расширеніе Союза и его идущее все дальше и дальше заселеніе давали постоянно новую пищу борьбѣ

обѣихъ половинъ этого государства. Расширеніе Соединенныхъ Штатовъ въ 40-хъ годахъ не было, какъ это часто утверждали прежде, только дѣломъ рабовладѣльцевъ. И присоединеніе Техаса (1845 г.), отдѣлившагося отъ Мексики и просившаго о допущеніи его въ Союзъ, врядъ ли встрѣтило бы противодѣйствіе, если бы противники рабства не считали опаснымъ такое чрезвычайное расширеніе рабовладѣльческой территоріи. И война съ Мексикой, вспыхнувшая вслѣдствіе присоединенія Техаса, также имѣла своей цѣлью завоеваніе Калифорніи, а не расширеніе рабовладѣльческой территоріи. Но, признавая все это, мы все-же не можемъ отрицать, что рабовладѣльцы были самыми ревностными носителями политики расширенія, и что они ожидали отъ нея политическихъ и экономическихъ выгодъ. Послѣ побѣды надъ Мексикой поднялся вопросъ: слѣдуетъ ли дозволить или нѣтъ рабство въ завоеванныхъ территоріяхъ? Въ мексиканской республикѣ рабство было воспрещено, и вполнѣ понятно, что сѣверяне не хотѣли допустить введенія невольничества въ до сихъ поръ свободныхъ областяхъ. Но югъ надѣялся, что эти присоединенныя области, о почвенныхъ и климатическихъ условіяхъ которыхъ было еще очень мало извѣстно, дадутъ ему возможность увеличить свою силу, и требовалъ допущенія рабства во всей завоеванной области или, по крайней мѣрѣ, передвиженія установленной миссурійскимъ компромиссомъ пограничной черты, т.-е. 36° 30′ сѣв. шир. до Тихаго океана. Новая Мексика, Аризона и южная Калифорнія были бы, такимъ образомъ, открыты для рабства.

Но тутъ открытіе золота въ Калифорніи сильно перепутало всѣ разсчеты рабовладѣльцевъ. Среди многихъ тысячъ устремившихся въ 1848 г. въ золотоносныя поля Калифорніи, преобладали рабочіе, которые, естественно, относились враждебно къ введенію рабскаго труда. Избранное ими учредительное собраніе приняло въ 1849 г. проектъ конституціи, среди постановленій котораго находилось также запрещеніе рабства. Югъ былъ внѣ себя отъ мысли, что ему придется потерять самую цѣнную часть добычи. Снова и снова раздавались угрозы объ отпаденіи, но еще разъ удалось прійти къ соглашенію въ такъ назыв. «великомъ компромиссѣ 1850 г.». Калифорнія была принята въ Союзъ какъ свободный штатъ; въ другихъ, уступленныхъ Мексикой областяхъ (т.-е. въ Аризонѣ, Новой Мексикѣ, Утѣ и Невадѣ), сами поселенцы должны были рѣшить, желаютъ-ли они рабства или нѣтъ (такъ назыв. «суверенитетъ скваттера»)? Въ видѣ уступки противникамъ рабства торговля рабами, но не само рабство, была запрещена въ столицѣ Союза, но зато рабовладѣльцамъ была сдѣлана уступка въ видѣ изданія болѣе строгаго закона о поимкѣ бѣглыхъ рабовъ. Такой законъ, регулировавшій выдачу бѣглыхъ рабовъ свободными штатами, существовалъ уже съ 1793 года.

Великій компромиссъ считался всѣми побѣдой юга, и величайшій ораторъ Америки Даніель Вебстеръ, который вмѣстѣ съ Генри Клеемъ приложилъ особенныя старанія къ тому, чтобы этотъ компромиссъ осуществился, былъ заклейменъ аболиціонистами, наприм., Уиттье, какъ измѣнникъ. Но, если бы всѣ знали тогда почвенныя и климатическія условія западнаго на-

горья, то увидѣли бы, что о введеніи тамъ табачной культуры нечего было и думать,—побѣда юга была, значитъ, только мнимой. Особенно значительнымъ успѣхомъ юга считался законъ о поимкѣ бѣглыхъ рабовъ, но въ дѣйствительности ничто такъ не способствовало усиленію на сѣверѣ враждебнаго настроенія противъ рабства, какъ осуществленіе этого закона. За исключеніемъ аболиціонистовъ, все еще составлявшихъ незначительное меньшинство, граждане сѣверныхъ штатовъ были рады, если имъ приходилось возможно меньше слышать о рабствѣ. Югу не хотѣли причинять безпокойства, пока онъ находилъ нужнымъ дальнѣйшее сохраненіе этого учрежденія, но у себя дома о послѣднемъ ничего не хотѣли знать. А теперь постоянно являлись агенты рабовладѣльцевъ и требовали выдачи чернокожихъ какъ рабовъ, нашедшихъ убѣжище въ сѣверныхъ штатахъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Союза нельзя было осуществить этого закона на практикѣ. Арестованные негры освобождались силой и укрывались въ безопасное мѣсто. Только благодаря этому закону гражданину сѣверныхъ штатовъ стало понятно, что и онъ живетъ въ рабовладѣльческомъ государствѣ, и этотъ законъ больше всей агитаціи аболиціонистовъ способствовалъ тому, чтобы серьезно задуматься надъ вопросомъ о рабствѣ и прійти къ рѣшенію о необходимости его отмѣны.

«Законъ объ охотѣ на рабовъ» далъ поводъ къ появленію самаго сильнаго изъ всѣхъ написанныхъ противъ рабства агитаціонныхъ произведеній. Въ 1852 г. Гарріэтъ Бичеръ-Стоу издала «Хижину дяди Тома», имѣвшую огромнѣйшее вліяніе на общество. Несомнѣнно было бы ошибочно предполагать, что изображенныя въ романѣ положеніе негровъ и тѣмъ болѣе ихъ чувства были типичны, но все же этотъ романъ показывалъ, какія были возможны при этой системѣ злоупотребленія, и самому ослѣпленному человѣку отнынѣ должно было быть ясно, что рабство является позоромъ для всей страны.

Для рабовладѣльцевъ не было теперь другихъ перспективъ въ предѣлахъ Союза, за исключеніемъ незаселенныхъ еще частей луизіанскихъ пріобрѣтеній. Но этому стоялъ на пути миссурійскій компромиссъ, не допускавшій рабства къ сѣверу отъ 36° 30′ сѣверной широты. Нужно было, значитъ, теперь отмѣнить миссурійскій компромиссъ. Это и произошло: актомъ Канзаса-Небраски 1854 г. онъ былъ отмѣненъ. Этотъ законъ постановилъ, чтобы западныя части Луизіаны были организованы въ видѣ двухъ территорій — Канзаса и Небраски; въ этихъ территоріяхъ, какъ и въ уступленныхъ Мексикой областяхъ, былъ провозглашенъ принципъ суверенитета скваттера, т.-е. населенію было предоставлено рѣшить вопросъ о томъ, желаетъ-ли оно введенія рабства или нѣтъ? Очень скоро стало ясно, что была совершена большая ошибка. Такъ какъ вопросъ о рабствѣ долженъ былъ быть рѣшенъ большинствомъ поселенцевъ, то обѣ враждбныя части Союза дѣлали всѣ усилія, чтобы доставить въ территорію возможно больше колонистовъ, раздѣляющихъ ихъ воззрѣнія по вопросу о рабствѣ. Плантаторы не рѣшались сами со своими рабами переселяться въ край,

гдѣ судьба рабства все же еще не была рѣшена. Они поэтому рѣшили направить въ территорію банды авантюристовъ изъ сосѣдняго штата Миссури, чтобы въ случаѣ необходимости силой добиться установленія рабства путемъ введенія соотвѣтственной статьи въ конституцію, поставивъ, такимъ образомъ, дѣйствительныхъ колонистовъ передъ совершившимся фактомъ. Съ помощью жителей Миссури, массами перешедшихъ черезъ границу въ день выбора, имъ и удалось составить законодательное собраніе, высказавшееся за введеніе рабства. Но и на сѣверѣ не сидѣли сложа руки. Общества борьбы противъ рабства организовали, съ своей стороны, переселеніе изъ свободныхъ штатовъ въ Канзасъ, и пришедшіе съ сѣвера колонисты также избрали законодательное собраніе, а послѣднее выработало конституцію, содержавшую въ себѣ запрещеніе рабства. Въ территоріи дошло до всякаго рода насильственныхъ дѣйствій, являвшихся какъ бы прологомъ великой междоусобной войны. Хотя союзное правительство всячески благопріятствовало сторонникамъ юга, однако, побѣда партіи противниковъ рабства въ Канзасѣ была несомнѣнна, такъ какъ сама природа предназначила край быть фермерскимъ, а не плантаторскимъ штатомъ.

Великій компромиссъ, исполненіе закона о бѣглыхъ рабахъ, нарушеніе миссурійскаго компромисса актомъ Канзаса-Небраски и, наконецъ, положеніе въ Канзасѣ, очень похожее на междуусобную войну, въ высшей степени взбудоражили общественное мнѣніе на сѣверѣ. Вопросъ о рабствѣ или свободѣ въ территоріяхъ сдѣлался теперь самымъ жгучимъ, первостепеннымъ вопросомъ. Изъ оппозиціи акту Канзаса-Небраски возникла республиканская партія, въ которой группировались теперь различные враждебные рабству элементы. Большинство республиканцевъ состояло изъ остатковъ распавшейся партіи виговъ, у которой они заимствовали протекціонистскую и централистическую программу; кромѣ того, въ новую партію перешли члены партіи свободной земли и отдѣльные демократы. У нѣкоторыхъ оппозиція рабству была слѣдствіемъ гуманистическихъ и этическихъ идей, но преобладающее большинство боролось не столько противъ рабства, сколько противъ политической власти рабовладѣльцевъ. Партія вовсе не была сторонницей аболиціонизма. Она стояла на почвѣ конституціи и объявила, что не хочетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла отдѣльныхъ штатовъ. Гдѣ рабство законно существуетъ, пусть оно тамъ останется, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, партія съ величайшей настойчивостью высказывалась противъ дальнѣйшаго распространенія рабства на область, въ которой до сихъ поръ не было рабства. Свобода въ территоріяхъ была важнѣйшимъ программнымъ пунктомъ новой партіи.

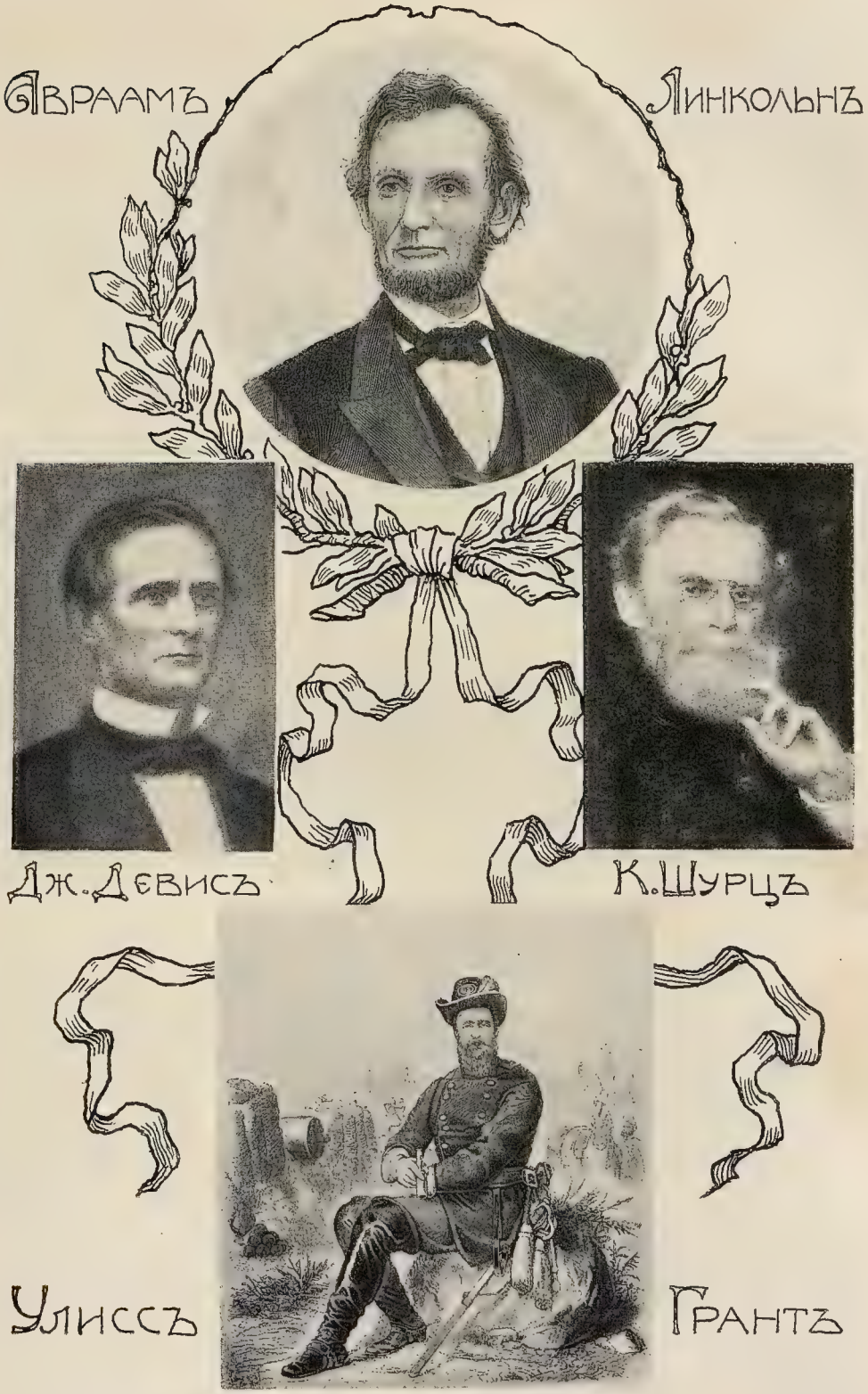
Звѣзда юга въ Союзѣ, казалось, еще поднималась. Верховный союзный судъ постановилъ въ 1857 г. по такъ назыв. дѣлу Дретъ Скотта рѣшеніе, оправдывавшее самыя крайнія притязанія юга. Судъ одобрилъ всегда защищавшійся вождями партіи сторонниковъ рабства взглядъ, по которому территоріи являются общимъ владѣніемъ всего Союза, куда рабовладѣлецъ имѣетъ такое же право перевозить свою собственность, состоящую въ рабахъ, какъ фермеръ — свой скотъ. Миссурійскій компромиссъ былъ, такимъ обра-

зомъ, объявленъ несогласнымъ съ конституціей, и территоріи открывались для рабства. И южане уже бросали жадные взгляды на о. Кубу, надѣясь оттуда получать рабовъ по болѣе дешевой цѣнѣ и создать еще одинъ рабовладѣльческій штатъ. Раздавались даже теперь требованія о допущеніи вновь ввоза негровъ изъ Африки. Эти чрезмѣрные аппетиты рабовладѣльцевъ усиливали на сѣверѣ вражду къ нимъ, и интеллигенція почти единодушно примкнула къ республиканской партіи, пенсильванскіе промышленники привѣтствовали ея защиту покровительственныхъ пошлинъ, на сѣверо-западѣ нѣмцы часто доставляли побѣду республиканцамъ. Но важнѣе всего было вліяніе женщинъ, которыя сдѣлались значительнымъ образомъ подъ вліяніемъ «Хижины дяди Тома» поголовно рѣшительными противницами рабства. Въ 1856 г. республиканцамъ еще не удалось провести въ президенты своего кандидата генерала Фремона, но на слѣдующихъ выборахъ въ 1860 г. они одержали побѣду благодаря расколу въ демократической партіи. Въ президенты Союза былъ избранъ Авраамъ Линкольнъ изъ Иллинойса.

Выборъ Линкольна вовсе не означалъ побѣды аболиціонистовъ. Президентъ былъ далекъ отъ того, чтобы стремиться къ отмѣнѣ рабства въ отдѣльныхъ штатахъ, — даже если бы онъ это хотѣлъ, онъ не могъ бы осуществить своего желанія. Но въ выборѣ Линкольна получилъ, наконецъ, признаніе естественный ходъ развитія обѣихъ половинъ Союза. Югъ потерялъ и, вѣроятно, навсегда то политическое преобладаніе въ Союзѣ, которымъ онъ пользовался со дня основанія послѣдняго благодаря своей солидарности и большому политическому искусству. Можно было теперь предвидѣть, что Соединенные Штаты отнынѣ будутъ управляться ужъ не согласно желаніямъ и интересамъ хлопковыхъ плантаторовъ, а согласно желаніямъ и интересамъ достигшаго высокаго промышленнаго и торговаго развитія сѣвера.

Южанамъ казалось, что насталъ моментъ для отпаденія отъ Союза. Нѣкоторые не думали серьезно расторгнуть навсегда узы. Они были ожесточены нѣкоторыми оскорбленіями и вызывающими дѣйствіями сѣвера и надѣялись, что имъ удастся своимъ отдѣленіемъ оказать давленіе на сѣверянъ и добиться лучшихъ условій для юга въ новомъ Союзѣ. Руководители движенія хотѣли основать новое государство, въ которомъ соціальный и экономическій бытъ юга, рабство негровъ и господство плантаторской аристократіи, были бы обезпечены навсегда.

20 декабря 1860 г. Южная Каролина первая заявила о своемъ выступленіи изъ Союза, 9 января 1861 г. за ней послѣдовалъ Миссиссипи, а затѣмъ быстро другъ за другомъ — штаты Флорида, Алабама, Георгія, Луизіана и Техасъ. Подъ названіемъ «Конфедеративныхъ Штатовъ Америки» страна хлопка образовала новое союзное государство, дала себѣ конституцію, повторявшую въ главныхъ своихъ чертахъ конституцію Соединенныхъ Штатовъ, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ даже въ значительно улучшенномъ видѣ, и избрала Джефферсона Девиса президентомъ. Зданіе 1789 г., казалось, рухнуло.


Авраамъ Линкольнъ
Дж. Девисъ
К. Шурцъ
Улиссъ Грантъ

Населеніе Соединенныхъ Штатовъ, составлявшее въ 1860 г. 13 милліоновъ, возросло въ 1860 г. до 31 милліона—значитъ, болѣе чѣмъ удвоилось въ теченіе одного поколѣнія. Изъ этихъ 31 милліона приблизительно 19 приходилось на свободные и 12 на рабовладѣльческіе штаты. Населеніе сѣвера увеличивалось значительно быстрѣе, чѣмъ населеніе юга,—фактъ, являвшійся преимущественно слѣдствіемъ европейской иммиграціи. Отъ 1830 г. до 1860 г. въ Соединенные Штаты переселилось изъ Европы, главнымъ образомъ изъ Великобританіи, Ирландіи и Германіи, около 5 милліоновъ человѣкъ. Эмигранты избѣгали юга, гдѣ свободный трудъ не находилъ себѣ приложенія; они участвовали въ заселеніи великаго сѣверо-запада, начинавшаго пріобрѣтать около этого времени все больше и больше вліянія. Исключеніе составлялъ Техасъ, куда нѣмцы эмигрировали въ большомъ количествѣ. Тамъ они доказали, что можно получить хлопокъ и съ помощью свободнаго труда. Въ 50-хъ годахъ колоніи простирались до Миннесоты, Іовы и Канзаса, а на тихоокеанскомъ берегу колонизировались Калифорнія и Орегонъ. Средняя область еще не была заселена, и ея сокровища оставались нетронутыми. Земледѣліе все еще составляло главную отрасль народнаго хозяйства, но промышленное развитіе дѣлало быстрые успѣхи. Заселеніе запада и растущая волна иммиграціи расширили внутренній рынокъ, а соединеніе отдѣльныхъ частей страны посредствомъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ увеличило возможность сбыта. Каналъ Эри и еще больше желѣзныя дороги тѣсно связали западъ съ портами Атлантическаго океана. Развитіе торговли и промышленности обусловило, въ свою очередь, ростъ городовъ. Въ то время какъ въ 1830 г. городское населеніе составляло 7% всего населенія, въ 1860 г. жило въ городахъ уже 16%. Нью-Іоркъ со своими 800000 жителей вступилъ въ ряды самыхъ крупныхъ городовъ міра, населеніе Филадельфіи превышало полъ-милліона, и на западѣ также уже начала развиваться промышленная и городская жизнь. Въ лицѣ Цинциннати, Сентъ-Луи и Чикаго выростали опасные соперники болѣе старымъ прибрежнымъ городамъ.

Страна еще носила слишкомъ рѣзко выраженный аграрный характеръ; представлявшаяся отдѣльному человѣку возможность самому зарабатывать была еще слишкомъ велика, чтобы проявлялась съ полной ясностью оборотная сторона капиталистическаго развитія. Образованіе колоссальныхъ состояній и неимущаго пролетаріата только начиналось въ эту эпоху. Фермеры были еще самымъ вліятельнымъ классомъ, и аграрный строй, среднія земледѣльческія хозяйства съ обрабатываніемъ земли собственниками, гармонировали съ демократической формой правленія страны.

Въ то же время основы демократіи были укрѣплены посредствомъ лучшаго умственнаго развитія народа. Горасъ Маннъ, котораго можно назвать Praeceptor Americae, создалъ въ Массачузетсѣ современную американскую систему народной школы, распространившуюся постепенно по другимъ сѣвернымъ и западнымъ штатамъ и сдѣлавшуюся мало-по-малу одной изъ самыхъ сильныхъ опоръ американской демократіи, американской національности и американской цивилизаціи.

Въ то время какъ Нью-Іоркъ сдѣлался экономической метрополіей страны, Бостонъ занялъ мѣсто духовнаго центра Союза. Лежавшая нѣсколько въ сторонѣ, но все же участвовавшая въ міровой торговлѣ, находившаяся въ цвѣтущемъ экономическомъ положеніи благодаря превосходному состоянію текстильной промышленности, всегда воспріимчивая къ идеямъ духовнаго совершенствованія, Новая Англія была въ состояніи принять на себя гегемонію въ американской духовной жизни. Въ Нью-Іоркѣ, правда, выступали отдѣльные крупные таланты; какъ, напр., Эдгаръ Аллэнъ Поэ и Вальтъ Уитманъ, но Новая Англія видѣла у себя отъ 1830 г. до 1860 г. такъ много собранныхъ вмѣстѣ выдающихся научныхъ и литературныхъ силъ, что справедливо говорили о «ново-англійскомъ возрожденіи». Такіе ученые, какъ историки Банкрофтъ, Мотлей, Прескоттъ и несравненный изобразитель борьбы Франціи и Англіи за новый свѣтъ Френсисъ Паркманъ; такіе поэты, какъ Лонгфелло, Уитьеръ, Лоуэлль, Готорнъ и Гольмсъ и, въ особенности, поэтъ-философъ Ральфъ Уальдо Эмерсонъ, являются только самыми значительными изъ круга лицъ, обезпечившихъ Америкѣ почетное мѣсто въ мірѣ.

Хотя еще не исчезли всѣ слѣды колоніальнаго развитія, однако, въ 1860 г. можно было уже поставить сѣверъ Союза рядомъ съ самыми передовыми странами Европы. Кое-что еще носило подготовительный, незрѣлый характеръ, но по многимъ признакамъ можно было узнать, что здѣсь зародилась культурная сила, не уступающая великимъ европейскимъ государствамъ.

А какъ обстояли дѣла на югѣ?

Очень распространенная человѣческая слабость—желаніе видѣть прошлое въ розовомъ свѣтѣ, и понятно, что южане слишкомъ склонны изображать въ блестящихъ краскахъ погибшій въ ужасной катастрофѣ старый югъ. Къ сожалѣнію, сообщенія очевидцевъ совсѣмъ не согласуются съ романтическими изображеніями «прекрасной культуры старыхъ южныхъ штатовъ».

Югъ распадался на двѣ области, которыя нужно строго различать между собою: на такъ называемые пограничные штаты, къ которымъ принадлежали Мэриландъ, Делаваръ, Виргинія, Кентукки и Миссури, и на лежавшіе къ югу штаты, производящіе хлопокъ. Въ первыхъ, которые, за исключеніемъ восточной Виргиніи, остались вѣрны Союзу, правда, было также значительное количество рабовъ, но рабство вовсе не было тамъ господствующимъ надъ всѣмъ учрежденіемъ. Пограничные штаты также отстали во многихъ отношеніяхъ отъ сосѣднихъ свободныхъ штатовъ, и ихъ соціальный строй носилъ на себѣ нѣкоторыя чуждыя сѣверу черты, все-же они принимали участіе въ общемъ экономическомъ и умственномъ развитіи страны.

Не такъ обстояло дѣло въ царствѣ хлопка. Тутъ все было приспособлено къ производству одного единственнаго предмета вывоза, производство другихъ земледѣльческихъ продуктовъ находилось въ пренебреженіи, обширныя минеральныя сокровища не эксплуатировались, торговли и ремесленнаго производства почти не было. Даже хлопчатобумажная промышленность, для которой были самыя благопріятныя предварительныя условія, была совершенно незначительна. Кромѣ Новаго Орлеана и Чарльстона, не было крупныхъ

городовъ. Типичной для юга хозяйственной формой была плантація, характернымъ для юга человѣкомъ былъ владѣлецъ-плантаторъ. Только маленькая ихъ часть, можетъ-быть, 8000—10000, составляла то, что называли «южнымъ обществомъ». Они обыкновенно получали свое образованіе въ высшихъ школахъ сѣвера, нерѣдко въ Европѣ, имѣли большіе доходы, позволявшіе имъ совершать ежегодно большія путешествія и вести широкій образъ жизни, въ который входило прежде всего многопрославленное гостепріимство южанъ. Они были единственными людьми, съ которыми приходили въ соприкосновеніе чужестранцы, и по нимъ послѣдніе составляли себѣ представленіе о югѣ. Въ ихъ рукахъ находилось соціальное и политическое руководство царствомъ хлопка. Масса плантаторовъ стояла внѣ круга этого общества. Они жили въ очень примитивныхъ, плохо меблированныхъ деревянныхъ домахъ, питались свининой и маисовымъ хлѣбомъ, ихъ знаніе свѣта и образованіе были очень скромныхъ размѣровъ. Но большая часть бѣлыхъ юга совсѣмъ не принадлежала къ числу рабовладѣльцевъ. По переписи 1860 г. изъ 8 милліоновъ бѣлыхъ жителей южныхъ штатовъ только 385000 обладали рабами. Предполагаютъ, что отъ пятой до четвертой части южныхъ семействъ имѣли собственныхъ рабовъ. Въ горныхъ областяхъ рабство было почти совершенно не извѣстно, но и въ неплодородныхъ равнинныхъ округахъ такъ называемые «бѣлые бѣдняки» или, какъ ихъ презрительно называли, «poor white trash», прозябали въ жалкихъ матеріальныхъ условіяхъ безъ всякаго образованія и часто не имѣли соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ. Нѣкоторые нерѣдко поднимались до положенія надсмотрщиковъ на плантаціяхъ, накопляли маленькій капиталъ, покупали на него рабовъ и вступали, такимъ образомъ, въ классъ плантаторовъ; другіе, продавъ свою землю сосѣднему плантатору, переселялись на югъ; большая ихъ часть была, однако, лѣнива и безпечна, груба и невѣжественна и оставалась въ томъ положеніи, въ которомъ находились ихъ отцы и дѣды. Они, разумѣется, не были друзьями рабства, если сами не владѣли рабами, но они были непримиримыми врагами негровъ, и расовая вражда противъ чернокожихъ наиболѣе сильно проявлялась какъ-разъ у бѣдныхъ бѣлыхъ и ихъ потомковъ. Умѣніе плантаторовъ заставить служить своимъ интересамъ эти превосходящія ихъ численностью массы, которыя въ сущности должны были быть ихъ врагами, является свидѣтельствомъ большого политическаго искусства плантаторовъ. Ироніи всемірной исторіи было угодно, чтобы Авраамъ Линкольнъ происходилъ съ отцовской стороны отъ бѣдныхъ бѣлыхъ, а съ материнской отъ класса южныхъ плантаторовъ.

Даже бѣднѣйшій бѣлый чувствовалъ себя еще по сравненію съ чернокожимъ аристократомъ. Каждый бѣлый смотрѣлъ на себя какъ на члена господствующей націи, каждый негръ—а подъ негромъ тогда, какъ и теперь, понимали каждаго, относительно котораго можно доказать, что въ его жилахъ течетъ хоть капля негритянской крови — принадлежалъ къ презрѣнной рабской расѣ. И свободные чернокожіе, которыхъ было не мало въ пограничныхъ штатахъ и въ Луизіанѣ, должны были чувствовать, что съ освобожденіемъ они не перемѣнили своей кожи и даже въ качествѣ свободныхъ

они не сдѣлались равноправными членами американскаго общества. Въ рабовладѣльческихъ штатахъ опасались ихъ вліянія на несвободныхъ соплеменниковъ и относились поэтому къ нимъ съ величайшимъ недовѣріемъ. Лишенные политическихъ правъ, часто стѣсненные въ своемъ правѣ передвиженія и занятій, они, сверхъ того, находились, какъ подъ дамокловымъ мечомъ, подъ постоянной угрозой новаго законнаго, а нерѣдко и незаконнаго порабощенія.

На югѣ проникались все больше и больше убѣжденіемъ, что рабство является естественнымъ состояніемъ негровъ, и преобладающее большинство чернокожихъ — 4 милліона изъ находившихся въ южныхъ штатахъ $4^1/_2$— были рабами. Юридическій характеръ рабства былъ въ общемъ повсюду одинаковъ. Рабы были объектами, а не субъектами права, ихъ можно было какъ угодно продавать, обмѣнивать и отдавать въ залогъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ законъ признавалъ личность въ рабѣ; такъ, напримѣръ, его нельзя было убивать или изувѣчить. Рабство было наслѣдственно, причемъ въ южныхъ штатахъ дѣйствовало положеніе римскаго права: «Partus sequitur ventrem», т.-е. состояніе матери рѣшаетъ также состояніе ребенка. Бракъ и семья рабовъ не признавались закономъ. Фактически, однако, характеръ учрежденія въ различныхъ областяхъ юга, въ различныя эпохи, въ различныхъ группахъ рабовъ и даже въ различныхъ плантаціяхъ былъ далеко не одинаковымъ. И теперь часто утверждаютъ на югѣ, что рабство носило совершенно патріархальный характеръ. Въ доказательство ссылаются на чувство привязанности, которое питали и послѣ освобожденія многіе рабы къ своимъ бывшимъ господамъ. Этотъ взглядъ въ значительной мѣрѣ справедливъ по отношенію къ пограничнымъ штатамъ и даже по отношенію къ другимъ штатамъ для группы домашнихъ рабовъ. Несвободные слуги аристократическаго семейства съ гордостью чувствовали себя принадлежностью богатаго дома, чванились своей богатой ливреей и смотрѣли сверху внизъ на бѣдныхъ бѣлыхъ, которымъ жить было и труднѣе и хуже, чѣмъ рабамъ. Между рабами и господами устанавливались часто добродушныя отношенія, какъ это и естественно между господиномъ и долголѣтнимъ вѣрнымъ слугой.

Все это вѣрно только по отношенію къ домашнимъ рабамъ; но большинство негровъ были занято на плантаціяхъ — и тутъ картина мѣняется. Съ тѣхъ поръ какъ производство хлопка стало главнымъ источникомъ дохода юга, рабство совершенно потеряло свой патріархальный характеръ, и рабъ сдѣлался, какъ выражается фонъ Галле, «объектомъ спекуляціи, руководящейся разсчетомъ о доходности»,—разсчетомъ, въ которомъ точно вычислялось, сколько пищи нужно употребить на раба, и сколько времени онъ долженъ работать для того, «чтобы получить возможно болѣе высокіе проценты на помѣщенный капиталъ». Жилище, пищу и одежду рабы получали только въ минимально необходимыхъ размѣрахъ, ихъ рабочее время было велико, отношеніе къ нимъ—жестокое. Правда, въ интересахъ господина было, въ особенности послѣ устраненія возможности пополненія количества рабовъ ввозомъ ихъ изъ Африки и послѣ страшнаго увеличенія на нихъ цѣны, избѣгать всего того, что можетъ уменьшить рабочую силу дорого стоющаго

раба, но нерѣдко, когда страсти приходили въ столкновеніе съ интересами, первыя брали верхъ, и дѣло доходило до очень злыхъ насмѣшекъ и варварскихъ жестокостей, какъ это было описано Гарріэтъ Бичеръ-Стоу. Нѣкоторые наблюдатели подчеркиваютъ, напротивъ, и то, что на многихъ плантаціяхъ съ неграми обращались мягко и справедливо, но нельзя отрицать, что вся система принудительной работы была основана на страхѣ рабовъ передъ бичомъ.

Такъ какъ постоянно опасались взрыва рабскихъ возстаній, то тщательно избѣгали всего, что могло поднять умственный уровень негровъ. Изъ религіи имъ преподавали лишь самое необходимое, при этомъ подчеркивались въ особенности тѣ христіанскія заповѣди, которыя требовали послушанія и смиренія. Въ большинствѣ штатовъ было строго запрещено обучать рабовъ чтенію и письму.

Быть-можетъ, самой плохой стороной рабства, сдѣлавшейся намъ особенно знакомой благодаря «Хижинѣ дяди Тома», была продажа рабовъ и часто связанный съ нею разрывъ семейныхъ узъ. Добрые господа вообще избѣгали продавать своихъ рабовъ или, по крайней мѣрѣ, старались продавать ихъ цѣлыми семействами. Но вѣдь часто происходила продажа съ аукціона, напр., при размѣрѣ наслѣдства или вслѣдствіе затруднительнаго положенія владѣльца! А растущія цѣны на рабовъ соблазняли, кромѣ того, многихъ людей въ пограничныхъ штатахъ продавать въ штаты, производящіе хлопокъ, приростъ рабовъ, для которыхъ они не находили примѣненія въ своихъ хозяйствахъ. Пусть чувства многихъ негровъ были не похожи на то, что чувствовалъ бы при такихъ обстоятельствахъ житель Новой Англіи, но все же дѣло вѣдь нерѣдко шло о людяхъ, выросшихъ въ цивилизованномъ обществѣ и усвоившихъ себѣ значительную часть его воззрѣній, а иногда даже о лицахъ, въ жилахъ которыхъ на половину или еще больше текла бѣлая кровь,—кровь ихъ господъ и притѣснителей. Несмотря на всѣ жестокости, къ которымъ приводила система, большинство чернокожихъ при ихъ счастливомъ и безпечномъ темпераментѣ, ихъ недостаткѣ энергіи и ихъ лѣни были, можетъ-быть, не очень недовольны своей судьбой. Доказать это, какъ доказать и противное, разумѣется, трудно.

Но пусть даже рабство было—это, впрочемъ, очень сомнительно—объективно и субъективно счастьемъ для чернокожихъ, для бѣлыхъ оно было гибельно во всѣхъ отношеніяхъ. По мнѣнію плантаторовъ, оно было необходимо для экономическаго преуспѣянія юга. Правда, производство хлопка колоссально возросло. Съ 977000 въ 1830 г. оно выросло до 4861060 въ 1860 г. Въ то время какъ въ 1791 г. доля Соединенныхъ Штатовъ въ міровомъ производствѣ хлопка составляла только 0,4%, въ 1821 г.—28,6%. Союзъ доставилъ въ теченіе 1840—1860 г.г. приблизительно двѣ трети произведеннаго въ мірѣ хлопка. Эти богатые урожаи приносили, однако, югу мало пользы. Сосредоточившись на производствѣ одного только продукта, онъ былъ вынужденъ ввозить всѣ другіе продукты и платить за нихъ дорого. Вслѣдствіе господства рабскаго труда бѣлые иммигранты не селились на югѣ, промы-

шленность, торговля и транспортъ находились въ рукахъ янки или иностранцевъ, въ карманы которыхъ попадала большая часть дохода отъ обильной жатвы хлопка. Такъ какъ плантаторы привыкли помѣщать свой доходъ, поскольку они его не тратили, въ землѣ и рабахъ, то на югѣ не могъ образоваться капиталъ; при растущихъ цѣнахъ на рабовъ приходилось еще большей частью прибѣгать къ кредиту, и значительная часть плантаторовъ была сильно задолжена. Экономическій строй производящихъ хлопокъ штатовъ находился въ застоѣ,—и въ то время какъ сѣверъ шелъ, по меньшей мѣрѣ, въ ногу съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ, югъ оставался въ матеріальномъ отношеніи на ступени колоніи.

Соціальный строй юга былъ и оставался аристократическимъ. Немногія крупныя семьи господствовали, остальные бѣлые составляли какъ бы ихъ дружину, чернокожіе были безправны. И въ своемъ общественномъ строѣ югъ также представлялъ рѣзкую противоположность сѣвернымъ штатамъ и западноевропейскимъ странамъ, въ которыхъ какъ-разъ въ это время средніе и низшіе классы добыли себѣ возможность участвовать въ опредѣленіи своихъ судебъ.

И морально, и интеллектуально югъ оставался позади культурнаго міра. Рабство оказывало въ высшей степени неблагопріятное вліяніе на нравы высшихъ классовъ; почти безграничное господство надъ рабами вело къ произволу и грубости также и въ обращеніи съ другими людьми. Одобреніе, которымъ общественное мнѣніе юга встрѣтило мерзкое нападеніе Брукса, одного изъ депутатовъ южныхъ штатовъ, на высокозаслуженнаго сенатора Сомнера, показало, что между воззрѣніями «кавалеровъ» плантаторской аристократіи и цивилизованнаго человѣчества лежитъ глубокая пропасть. Въ высшемъ слоѣ класса плантаторовъ были, правда, отдѣльные высокообразованные мужчины и женщины, но въ общемъ уровень образованія былъ очень низокъ, а объ утонченной культурѣ Новой Англіи того времени не было и рѣчи. Югъ далъ Союзу рядъ дѣльныхъ офицеровъ и политиковъ, великихъ поэтовъ или ученыхъ онъ, однако, не далъ совершенно.

Югъ оставался такимъ образомъ на низшей ступени экономическаго, соціальнаго и интеллектуальнаго развитія. Въ то время какъ на сѣверѣ съ каждымъ днемъ накоплялись новыя богатства, возникали новые города и основывались новыя культурныя учрежденія, югъ оставался чисто-земледѣльческой страной, управлявшейся классомъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Благодаря рѣдкому политическому дарованію этому господствующему классу удалось не только подчинить себѣ другіе слои бѣлаго населенія юга, но и также обезпечить себѣ услужливыхъ приверженцевъ посредствомъ ловкаго использованія политическихъ теченій сѣвера и удержать, такимъ образомъ, за собою въ теченіе двухъ поколѣній господствующее положеніе въ Союзѣ. Послѣ того, какъ плантаторская аристократія, наконецъ, потеряла это положеніе, она приступила къ разрушенію самого Союза. Вопросъ былъ теперь въ томъ, согласится ли на это сѣверъ, и будетъ ли царство хлопка въ состояніи отстоять свою независимость противъ воли сѣвера.

10. Междоусобная война и возстановленіе Союза.

Между обѣими половинами Союза возникъ неизбѣжный конфликтъ, который могъ быть устраненъ только кровью и желѣзомъ. Если бы въ декабрѣ 1860 г. во главѣ Союза стоялъ болѣе энергичный человѣкъ, чѣмъ президентъ Бухананъ, то война, можетъ-быть, могла бы окончиться скорѣе; возможно, что компромиссъ, надъ осуществленіемъ котораго ревностно трудились зимою 1860 — 1861 г., отдалилъ бы войну на нѣсколько мѣсяцевъ и даже на нѣсколько лѣтъ, но не можетъ быть теперь сомнѣнія въ томъ, что двѣ области съ такимъ различнымъ другъ отъ друга хозяйственнымъ и общественнымъ строемъ не могли, въ концѣ концовъ, оставаться вмѣстѣ въ одномъ государствѣ. Нельзя даже сказать, чтобы разрывъ былъ вызванъ только противоположностью экономическихъ интересовъ. Еще хуже экономической изолированности была духовная изолированность юга, и непроходима была пропасть между міровоззрѣніемъ двигавшагося вмѣстѣ съ цивилизованнымъ міромъ сѣвера и во всѣхъ отношеніяхъ отсталыми южными штатами. Но могъ ли сѣверъ, какъ желали многіе его политики, отпустить съ миромъ отпавшіе родственные штаты подобно тому, какъ поступила недавно Швеція, согласившаяся на расторженіе уніи съ Норвегіей? Я полагаю, что слишкомъ важные экономическіе и политическіе интересы запрещали ему подобное рѣшеніе. Югъ со своимъ совершенно одностороннимъ производствомъ былъ очень важнымъ мѣстомъ сбыта для промышленности сѣверныхъ штатовъ. Если бы онъ сдѣлался независимымъ, то перешелъ бы, какъ можно было предвидѣть, къ свободѣ торговли, европейская и въ особенности британская конкуренція отняла бы тогда этотъ рынокъ у фабрикантовъ сѣверныхъ штатовъ. Но еще важнѣе были политическіе интересы. Признаніе права на отдѣленіе, при обширномъ пространствѣ Союза и очень различныхъ экономическихъ интересахъ его частей, означало бы самоуничтоженіе, ибо кто могъ поручиться, что при ближайшемъ поводѣ не объявятъ себя независимыми также и тихоокеанскія области? Отдѣленіе юга надолго уничтожило бы занятое Соединенными Штатами международное положеніе. И въ изувѣченномъ отдѣленіемъ юга Союзѣ, несомнѣнно, осталось бы еще достаточно мѣста, но онъ лишился бы тѣхъ географическихъ границъ, которыя до сихъ поръ составляли его силу. Получилось бы невыносимое положеніе, если бы миссиссипская долина была прорѣзана таможенной линіей и политической границей. Государство съ границами на р. Потомакѣ и Охайо должно было бы стремиться расширить свои границы до Мексиканскаго залива.

4 марта 1861 г. новый президентъ вступилъ въ свою должность. Авраамъ Линкольнъ родился въ Кентукки въ 1809 г. Его родители были бѣдны. Какъ это практиковалось тогда въ Америкѣ, въ особенности на западѣ, онъ попро-

бовалъ счастья во всевозможныхъ профессіяхъ. Линкольнъ объѣхалъ въ качествѣ матроса Миссиссипи, былъ землемѣромъ, приказчикомъ и лавочникомъ, Онъ не обладалъ торговымъ талантомъ, и политическіе разговоры, которые онъ велъ со своими покупателями, интересовали его гораздо больше, чѣмъ то, что онъ имъ продавалъ. Онъ сдѣлался поэтому адвокатомъ и политикомъ и благодаря своей громадной физической силѣ, своему необычайному краснорѣчію и—не въ малой степени—своему неистощимому юмору пріобрѣлъ уваженіе въ штатѣ Иллинойсъ, гдѣ онъ поселился. Вскорѣ Линкольнъ выдвинулся въ качествѣ адвоката, былъ избранъ представителемъ въ законодательное собраніе штата и въ конгрессъ и, наконецъ, въ качествѣ одного изъ самыхъ выдающихся вождей республиканской партіи попалъ въ президенты Союза. Школьное образованіе Линкольна стояло скорѣе ниже средняго уровня образованія его соотечественниковъ. Онъ прочелъ немного книгъ, но эти немногія книги, въ особенности Шекспира, онъ вполнѣ усвоилъ, продумалъ и переработалъ. Къ тому же онъ благодаря своей адвокатской дѣятельности основательно дисциплинировалъ свой умъ; онъ мастерски умѣлъ, какъ говоритъ фонъ Гольстъ, «быстро и вѣрно находить рѣшающіе пункты и облечь свою мысль въ самую простую и ясную форму». Книжное его знаніе было незначительно, но онъ зналъ людей—не «общество», а тѣ круги, которые онъ называлъ «plain people», и которые были рѣшающими въ американской демократіи. Какъ никто, онъ умѣлъ прислушиваться къ біенію пульса своего народа. Онъ не считалъ задачей государственнаго человѣка слѣдовать измѣнчивымъ мнѣніямъ народной массы, но онъ обладалъ тонкимъ чутьемъ, подсказывавшимъ ему, какъ далеко онъ можетъ пойти, не теряя довѣрія народа. Линкольнъ былъ большого роста и крѣпкаго тѣлосложенія; по меланхолическому выраженію его голубыхъ глазъ легко можно было догадаться о его склонной къ размышленію натурѣ и о дремлющихъ въ немъ богатыхъ душевныхъ сокровищахъ. Съ физической силой, сильнымъ умомъ, могучей волей въ Линкольнѣ соединялась глубокая душевная доброта.

Этотъ-то человѣкъ сталъ теперь во главѣ Союза. Его здравый умъ вовсе не былъ склоненъ къ радикальнымъ воззрѣніямъ. Въ своемъ вступительномъ посланіи онъ заявилъ, что не имѣетъ намѣренія отмѣнить рабство въ тѣхъ штатахъ, гдѣ оно существуетъ на законномъ основаніи, но столь же настойчиво онъ подчеркнулъ, что штаты не имѣютъ права отдѣлиться отъ Союза, и что каждый насильственный актъ, направленный противъ власти Соединенныхъ Штатовъ, будетъ разсматриваться какъ мятежъ. «Въ вашихъ рукахъ, сограждане», такъ заканчивается этотъ замѣчательный документъ — «а не въ моихъ, находится рѣшеніе страшнаго вопроса, быть ли или не быть междоусобной войнѣ». Отвѣтъ юга не заставилъ себя долго ждать. Утромъ 12 апрѣля 1861 г. конфедераты открыли огонь по форту Семтеръ, занятому союзными войсками, и 14 апрѣля принудили маленькій гарнизонъ къ сдачѣ. Рубиконъ былъ перейденъ; 15 апрѣля Линкольнъ отвѣтилъ на это прокламаціей о созывѣ на военную службу 75000 человѣкъ изъ милиціи.

Черезъ нѣсколько недѣль къ конфедераціи присоединились еще четыре

штата: Арканзасъ, Сѣверная Каролина, Теннесси и Виргинія. Присоединеніе послѣдней вслѣдствіе ея географическаго положенія, исторической роли и большого количества талантливыхъ людей, которыми она обладала, имѣло особенно большое значеніе для конфедераціи. Во вниманіе къ особо выдающемуся положенію Виргиніи столицей конфедераціи былъ выбранъ Ричмондъ. Надежда вступившихъ въ конфедерацію штатовъ на отпаденіе отъ Союза всѣхъ рабовладѣльческихъ штатовъ не исполнилась. Делаваръ, Мэриландъ, Кентукки и Миссури (въ послѣднемъ имѣло значеніе защита нѣмцевъ единства Союза), не будучи настолько заинтересованы въ сохраненіи рабства, какъ прочіе рабовладѣльческіе штаты, остались—хотя не безъ колебанія—вѣрными старому знамени. Западная часть Виргиніи, въ которой было очень мало рабовъ, также не отдѣлилась отъ Союза и предпочла лучше отпасть отъ штата. Подъ названіемъ «Западная Виргинія» оставшаяся вѣрной Союзу часть Виргиніи образовала отдѣльный штатъ,—единственное отпаденіе, которому суждено было имѣть прочный успѣхъ.

Такимъ образомъ противъ 11 штатовъ конфедераціи на сторонѣ Союза осталось 23 штата. Союзъ насчитывалъ 22 милліона, конфедерація — 9 милліоновъ жителей, и между ними только $5^1/_2$ милліоновъ бѣлыхъ. И сѣверные штаты превосходили южные не только числомъ своего населенія, но и богатствомъ и всѣмъ другимъ, нужнымъ для веденія войны. Можно было предвидѣть, что конфедерація съ ея отсталымъ хозяйственнымъ строемъ должна будетъ, въ концѣ концовъ, уступить сѣверу. Чѣмъ дольше продолжалась война, тѣмъ больше должно было выступить превосходство сѣверныхъ штатовъ въ людяхъ, капиталахъ и знаніяхъ. Задача сѣвера была, однако, не изъ легкихъ. Дѣло не шло здѣсь о войнѣ между двумя націями, въ которой нѣсколько большихъ побѣдъ обезпечиваютъ успѣхъ,—нѣтъ, вся враждебная область должна была быть завоевана, а большое пространство и рѣдкое населеніе штатовъ представляли значительныя удобства для обороняющихся. Бѣдные бѣлые и плантаторы доставляли югу превосходный матеріалъ для солдатъ и офицеровъ, а въ лицѣ виргинца Роберта Эд. Ли конфедерація нашла несравнимаго полководца.

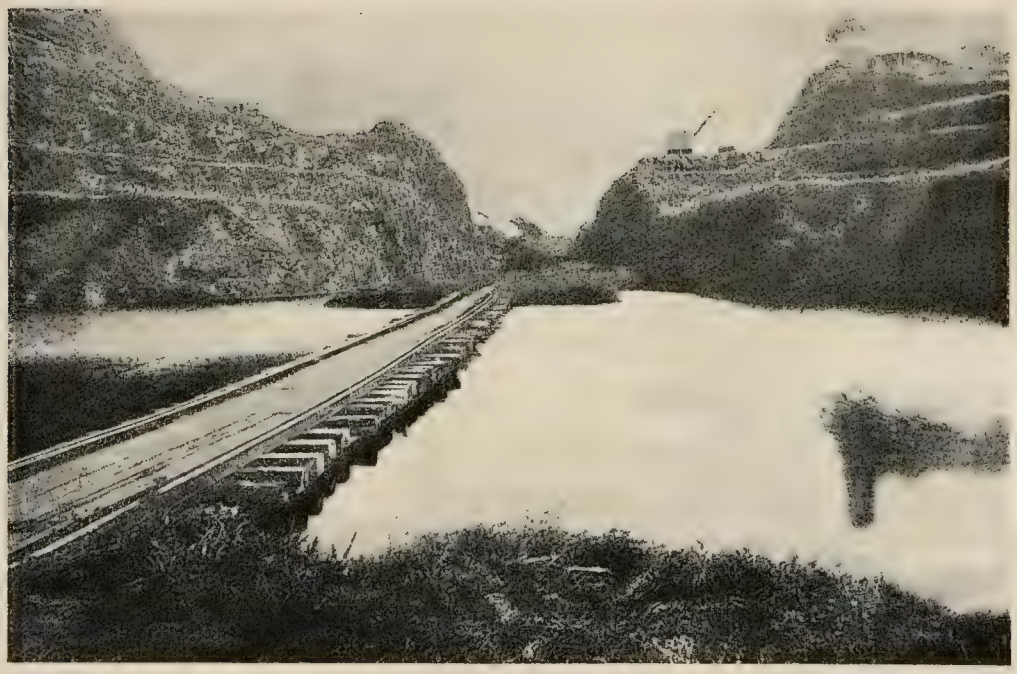
Но югу казалось, что въ этой игрѣ онъ располагаетъ еще другими козырями: онъ надѣялся не только на помощь своихъ старыхъ сторонниковъ на сѣверѣ, но разсчитывалъ еще на европейское вмѣшательство. «Хлопокъ—король»—такъ говорили на югѣ, и тамъ были твердо убѣждены, что прекращеніе подвоза столь необходимаго англійской промышленности сырья заставитъ Великобританію вмѣшаться въ войну въ пользу конфедераціи.

Всѣ эти разсчеты оказались обманчивыми. Послѣ того, какъ раздался первый выстрѣлъ, передъ лицомъ опасности исчезли на сѣверѣ всѣ партійныя различія, и народъ единодушно сплотился вокругъ дорогого звѣзднаго знамени. Въ Англіи и Франціи были, правда, большія симпатіи къ отпавшимъ штатамъ. Аристократы видѣли въ плантаторахъ товарищей и радовались распаденію величайшей демократіи въ мірѣ, торгово-промышленники надѣялись на увеличенный сбытъ своихъ товаровъ въ фритредерскомъ югѣ,

но всѣ усилія друзей южныхъ штатовъ не могли затушевать того факта, что послѣдней причиной этой войны является рабство, и западно-европейскія правительства все же стѣснялись открыто вступаться за государство, основнымъ принципомъ котораго является учрежденіе, составляющее предметъ отвращенія всего цивилизованнаго міра.

Не удивительно, что югъ потерпѣлъ пораженіе. Гораздо болѣе удивительно, что онъ такъ долго оказывалъ сопротивленіе далеко превосходящей его силѣ. Это упорное сопротивленіе не въ малой степени объясняется тѣмъ, что и югъ полагалъ, что онъ сражается за правое дѣло. Южане были непоколебимо убѣждены въ своемъ правѣ; они были того мнѣнія, что сѣверъ хочетъ поработить ихъ страну и отнять у нихъ ихъ собственность; они искренно полагали, что сражаются за свободу и собственность.

Какъ и во многихъ другихъ войнахъ, цѣлью армій было завоеваніе непріятельской столицы. Между Вашингтономъ и Ричмондомъ, отстоящими другъ отъ друга на разстояніи 180 километровъ—разстояніе приблизительно какъ между Берлиномъ и Дрезденомъ — разыгрывались кровавыя битвы, за которыми въ теченіе четырехъ лѣтъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ весь міръ. То конфедераты совершали смѣлый переходъ черезъ Потомакъ, то союзная армія вторгалась въ Виргинію. Превосходному военному искусству Ли удавалось отражать нападенія союзныхъ войскъ на его родной штатъ, а вторженія конфедератовъ въ Мэриландъ и Пенсильванію терпѣли неудачу благодаря превосходству силъ сѣвера. Такъ, несмотря на многочисленныя кровавыя битвы, которыя должны быть отмѣчены военной, а не всемірной исторіей, война продолжалась безъ рѣшительнаго перевѣса на той или другой сторонѣ. Конфедератамъ не удалось овладѣть Вашингтономъ, а союзной арміи— Ричмондомъ или разбить на голову Ли. Но и геніальнѣйшее военное искусство не было бы въ состояніи окончательно удержать за собою поле сраженія, ибо югъ былъ окруженъ съ двухъ сторонъ, съ суши и съ моря, отрѣзанъ отъ внѣшняго міра, и кольцо вокругъ него становилось все тѣснѣе и тѣснѣе,—наконецъ, оно сдавило его совершенно. 19 апрѣля 1861 г. Линкольнъ объявилъ о блокадѣ портовъ отпавшихъ штатовъ. Прошло нѣкоторое время, пока союзный флотъ былъ организованъ для выполненія этой задачи; послѣ этого ему удалось—благодаря тому, что конфедерація не обладала мало-мальски стоющимъ вниманія количествомъ кораблей—осуществить блокаду, не дать вывозить хлопка и доставлять необходимые для войны матеріалы, а при отсталости южной промышленности эти матеріалы не могли быть изготовляемы собственными средствами. Самыя важныя портовыя мѣста юга были, кромѣ того, заняты союзными войсками. Наскоро передѣланный изъ стараго военнаго корабля броненосецъ конфедератовъ «Мерримакъ» причинилъ Союзу сначала много вреда, но уже въ мартѣ 1862 г. онъ былъ приведенъ въ негодность союзнымъ броненосцемъ «Мониторомъ» въ сраже-



Прорытіе Панамскаго канала.

Капитуляція вождя конфедератовъ Ли генералу Гранту.

ніи, которое составило эпоху въ исторіи морскихъ войнъ. Уже на второмъ году военныхъ дѣйствій (1862 г.) въ руки сѣверныхъ штатовъ попалъ самый крупный торговый городъ, Новый Орлеанъ, а въ концѣ войны конфедерація не располагала ни однимъ портомъ.

Какъ и на морѣ, Союзъ одержалъ рѣшительныя побѣды и на западѣ. Въ то время, какъ въ Виргиніи у Союза не было генерала, который могъ бы сравниться съ военнымъ вождемъ конфедератовъ Ли, въ миссиссипской долинѣ во главѣ его войскъ стояли превосходные полководцы, какъ, наприм., избранный позднѣе президентомъ, Грантъ Шерманъ и Томасъ. Уже въ 1862 г. союзная армія завладѣла большей частью штата Теннесси. Послѣ взятія Грантомъ Виксбурга (4 іюля 1863 г.) союзная армія господствовала надъ всей миссиссипской долиной и отрѣзала отъ конфедераціи лежащіе къ западу отъ Миссисипи штаты. Благодаря побѣдѣ, одержанной Грантомъ при Чатанугѣ (24—25 ноября 1863 г.), взятію Атланты (2 сентября 1864 г.) и походу Шермана прямо черезъ Георгію до Атлантическаго океана было прервано сообщеніе между Виргиніей и штатами, лежащими у Мексиканскаго залива, и царство хлопка было поражено въ самое сердце.

Блокада и занятіе обширныхъ областей союзной арміей затрудняли дѣло доставленія оружія, снабженія провіантомъ и пополненія главной арміи конфедератовъ въ Виргиніи. Въ то время какъ войска Союза легко пополняли свои потери, для арміи конфедератовъ каждая потеря была незамѣнима, и всему героизму Ли не удалось отсрочить надолго полное крушеніе южной арміи. 9 апрѣля 1865 г., почти черезъ четыре года послѣ начала военныхъ дѣйствій, онъ сдался Гранту, принявшему съ марта 1864 г. главное командованіе надъ всѣми союзными арміями, а спустя нѣсколько недѣль послѣдовала сдача и послѣднихъ отрядовъ конфедератовъ.

Междоусобная война первоначально велась сѣверомъ не изъ-за уничтоженія рабства, а изъ-за сохраненія Союза, но постепенно сѣверъ сталъ понимать, что дѣйствительной причиной борьбы было рабство. Рабство давало поводъ къ постояннымъ спорамъ между обѣими половинами Союза, оно же было причиной отдѣленія и междоусобной войны. Логическимъ выводомъ изъ этого являлась необходимость уничтоженія рабства, если не хотѣли допустить, чтобы всѣ потребовавшіяся войной жертвы были напрасно принесены.

Въ началѣ войны необходимо было соблюдать осторожность въ вопросѣ о рабствѣ, чтобы щадить оставшіеся вѣрными Союзу рабовладѣльческіе штаты. Линкольнъ поэтому часто отмѣнялъ распоряженія слишкомъ ретивыхъ генераловъ, освобождавшихъ рабовъ въ завоеванныхъ ими областяхъ. Но правительство немедленно стало на ту точку зрѣнія, что попавшіе въ его руки рабы повстанцевъ являются военной контрабандой и должны поэтому быть конфискованы. А затѣмъ ихъ уже отпускали на волю и ими пользовались для военныхъ цѣлей.

Рядъ соображеній заставилъ, однако, президента пойти дальше прежней своей точки зрѣнія. Рабы были элементомъ, усиливающимъ конфедерацію, такъ какъ они исполняли на югѣ бо́льшую часть хозяйственной работы и тѣмъ давали возможность свободнымъ людямъ отправляться на войну, между тѣмъ какъ на сѣверѣ силы, занятыя въ земледѣліи и промышленности, были потеряны для военной службы. И на войнѣ также работали рабы, наприм., въ обозѣ, при фортификаціонныхъ работахъ, на кухнѣ,—все такія работы, которыя въ союзныхъ войскахъ исполнялись солдатами регулярной арміи. Освобожденіе этихъ рабовъ парализовало бы экономическое производство юга ослабило бы его армію, между тѣмъ какъ въ негритянскомъ населеніи Союзъ пріобрѣлъ бы тысячи и тысячи друзей, которые могли бы доставлять всякаго рода полезныя свѣдѣнія. Чѣмъ дольше продолжалась война, чѣмъ многочисленнѣе становились требуемыя ею жертвы, тѣмъ враждебнѣе становилось на сѣверѣ настроеніе противъ рабства, причины всѣхъ золъ; въ широкихъ кругахъ сѣвера возникало теперь убѣжденіе, что эта война должна навсегда покончить на родной почвѣ съ позоромъ рабства. Эмансипація негровъ требовалась, наконецъ, также интересами внѣшней политики. Если съ освобожденіемъ негровъ цѣлью борьбы будетъ ясно и опредѣленно выставленъ великій моральный принципъ, то это сдѣлаетъ невозможнымъ для правительствъ Англіи и Франціи вмѣшательство въ пользу конфедераціи.

Президентъ рѣшилъ въ іюлѣ 1862 г. освободить негровъ и только выжидалъ, пока армія одержитъ побѣду, дабы освобожденіе не показалось актомъ отчаянія. Послѣ побѣды при Антіетамѣ Линкольнъ заявилъ 22 сентября 1862 г., что 1 января 1863 г. онъ освободитъ всѣхъ рабовъ въ возставшихъ штатахъ. И, дѣйствительно, 1 января 1863 г. онъ торжественно возвѣстилъ объ освобожденіи негровъ. Президентъ ссылался при этомъ на свое положеніе главнокомандующаго всѣми военными силами и выдвигалъ соотвѣтственно этому на первое мѣсто военныя соображенія. Съ изданіемъ прокламаціи Линкольна рабство еще не было отмѣнено въ Соединенныхъ Штатахъ; президентъ вѣдь ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права отмѣнять рабство въ штатахъ, оставшихся вѣрными Союзу, или въ уже раньше покоренныхъ областяхъ возставшихъ штатовъ. Несмотря на это, указомъ 1 января 1863 г. судьба рабства была рѣшена, и вопросъ могъ состоять только въ томъ, въ какой формѣ должно послѣдовать освобожденіе рабовъ въ другихъ областяхъ. Въ территоріяхъ и въ округѣ Колумбіи рабство было отмѣнено путемъ союзнаго законодательства; въ Вашингтонѣ рабовладѣльцы получили вознагражденіе изъ кассы союзнаго казначейства, и президентъ хотѣлъ примѣнить такой же способъ освобожденія въ оставшихся вѣрными рабовладѣльческихъ штатахъ, но начатые объ этомъ переговоры не привели къ результату. Мэриландъ отмѣнилъ рабство въ октябрѣ 1864 г., Миссури — въ 1865 г., и оба штата освободили негровъ безъ вознагражденія ихъ владѣльцевъ. Такъ какъ конгрессъ согласно конституціи не имѣлъ права отмѣнять рабства, то не оставалось другого исхода, какъ запретить его посредствомъ измѣненія союзной конституціи, такъ называемой поправки къ конституціи. Соотвѣтственное предло-

женіе получило въ конгрессѣ—въ палатѣ представителей 31 января 1865 г.—требуемыя двѣ трети голосовъ, и было утверждено въ теченіе 1865 г. тремя четвертями законодательныхъ собраній отдѣльныхъ штатовъ. 18 декабря 1865 г. 13-ая поправка, запрещавшая рабство во всемъ Союзѣ, была опубликована какъ составная часть конституціи.

Междоусобная война принадлежитъ къ самымъ кровавымъ войнамъ, о которыхъ знаетъ всемірная исторія. Число солдатъ, павшихъ на полѣ битвы или умершихъ отъ ранъ и болѣзней, равняется приблизительно 360000 для союзной арміи и 258000—для арміи конфедератовъ. Громадны были также расходы войны; побѣдившій сѣверъ истратилъ приблизительно $3^1/_4$ милліарда долларовъ. Но потерю въ людяхъ могла легко снести страна, получавшая ежегодно притокъ сотенъ тысячъ новыхъ эмигрантовъ, и, несмотря на тяжелое бремя налоговъ, экономическое развитіе сѣверныхъ штатовъ было прервано лишь на короткое время. Даже во время войны строились новыя желѣзныя дороги, заселеніе запада быстро подвигалось впередъ послѣ изданія закона о посемейныхъ надѣлахъ; обильныя жатвы и растущій экспортъ пшеницы приносили доходъ фермеру, колоссальные заказы по обмундированію и вооруженію арміи въ изобиліи обезпечивали промышленность работой и, такимъ образомъ, несмотря на войну, матеріальное благосостояніе увеличивалось. Когда сотни тысячъ воиновъ сложили оружіе послѣ четырехлѣтнихъ кровавыхъ битвъ, они унесли съ собою гордое сознаніе, что сражались за великое дѣло, за единство отечества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, за освобожденіе своихъ ближнихъ и что въ такой борьбѣ они одержали блестящую побѣду. Союзъ былъ опять возстановленъ, сѣверу было обезпечено преобладаніе въ Союзѣ, рабство отмѣнено, и великія идеи декларацiи о независимости осуществлены на пространствѣ всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ. Какъ различно было положеніе въ отпавшихъ штатахъ! Здѣсь былъ выставленъ буквально послѣдній человѣкъ, и истраченъ послѣдній грошъ; какъ тяжела должна была быть для бѣднаго люда юга потеря столькихъ цвѣтущихъ человѣческихъ жизней, потеря силы и здоровья столькихъ другихъ людей! Война велась почти исключительно въ предѣлахъ конфедераціи. Обширныя области систематически опустошались вражескими войсками, зданія сжигались, плантаціи опустошались, желѣзныя дороги разрушались. А для возстановленія ихъ недоставало капиталовъ и рабочихъ силъ. Выпущенныя конфедераціей облигаціи и бумажныя деньги потеряли всякую цѣну послѣ ея крушенія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рабы, составлявшіе самую цѣнную часть имущества южанъ, терялись ими теперь окончательно и безъ всякаго вознагражденія. Но отмѣна рабства была еще больше, чѣмъ одна только потеря части состоянія. Однимъ ударомъ былъ уничтоженъ общественный и хозяйственный порядокъ, образовавшійся въ теченіе періода свыше двухсотъ лѣтъ,—и при этомъ переходъ въ новыя условія нисколько не былъ облегченъ. Наоборотъ, огромная политическая, соціальная и экономическая революція, которую называютъ «возстановленіемъ» южныхъ штатовъ, совершалась при болѣе отягчающихъ положеніе обстоятельствахъ.

Среди побѣдителей не было лучшаго и болѣе доброжелательнаго друга

южныхъ штатовъ, чѣмъ великій государственный человѣкъ, управлявшій судьбами Союза въ продолженіе войны. Авраамъ Линкольнъ непрерывно росъ и всегда оставался поэтому на уровнѣ тѣхъ великихъ задачъ, которыя все болѣе и болѣе назрѣвали въ то время. Мстительныя чувства были чужды этому великому сердцу. Послѣ того, какъ побѣда Союза и уничтоженіе рабства стали совершившимся фактомъ, онъ стремился только къ примиренію съ Союзомъ побѣжденныхъ и къ возстановленію разрушеннаго. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы возможно скорѣе принять опять въ Союзъ отпавшіе штаты и дать имъ вознагражденіе за столь тяжелыя экономическія потери. И вдругъ Линкольнъ, только-что избранный во второй разъ президентомъ, 14 апрѣля 1865 г., черезъ нѣсколько дней послѣ капитуляціи Ли, палъ жертвой пули убійцы.

Убійство Линкольна было роковымъ для южныхъ штатовъ. Его сильной волѣ и проницательному уму, можетъ-быть, удалось бы удовлетворительно разрѣшить представлявшую столько трудностей проблему возстановленія Союза. Его преемникъ, вѣрный Союзу южанинъ изъ штата Теннесси, Эндрью Джонсонъ, бывшій до сихъ поръ вице-президентомъ, совершенно не годился для своего высокаго поста, въ особенности при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Подобно Линкольну, онъ происходилъ изъ семьи бѣдныхъ бѣлыхъ на югѣ, но ему недоставало знанія людей, такта и, въ особенности, самообладанія и достоинства своего великаго предшественника. Онъ сначала старался продолжать политику Линкольна, возстановить возможно скорѣе въ отпавшихъ штатахъ самоуправленіе и допустить ихъ представителей на конгрессъ. Въ отдѣльныхъ штатахъ были произведены выборы въ законодательныя собранія, которыя отмѣнили постановленія 1860—61 г. объ отдѣленіи отъ Союза и признали отмѣну рабства. Но они совершили ужасную ошибку, издавъ постановленія, не только не допускающія негровъ къ занятію общественныхъ должностей и лишающія ихъ избирательнаго права, но и ограничивающія освобожденныхъ негровъ въ ихъ гражданскихъ правахъ. Нѣкоторыя статьи этихъ постановленій могли быть истолкованы какъ желаніе обходнымъ путемъ создать новое крѣпостное право. Насилія, совершенныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ неграми, и антипатія, съ которой повсюду на югѣ встрѣчали янки, способствовали тому, что настроеніе на сѣверѣ становилось все болѣе и болѣе раздраженнымъ.

До войны республиканская партія намѣревалась уничтожить рабство только въ территоріяхъ, затѣмъ отмѣнили вообще рабство, а теперь стремились уравнять негровъ во всемъ съ бѣлыми. Какихъ бы теоретическихъ воззрѣній ни придерживаться относительно неравенства человѣческихъ расъ вообще и низшаго качества негритянской расы въ особенности, несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что только-что освобожденные рабы, которыхъ почти поголовно держали до сихъ поръ въ полномъ невѣжествѣ, и которые ничего не понимали въ американскомъ самоуправленіи, совершенно не способны были пользоваться политическими правами. Но нѣкоторые хотѣли дать неграмъ право голоса изъ соображеній справедливости; многіе были того мнѣнія, что избирательный бюллетень явится въ рукахъ освобожденныхъ лучшимъ оружіемъ

въ борьбѣ противъ попытокъ снова ихъ поработить, а партійные политики надѣялись посредствомъ избирательнаго голоса негровъ завоевать южные штаты и надолго обезсилить сѣверныхъ демократовъ, находившихся въ дружбѣ съ бѣлыми южныхъ штатовъ.

Конгрессъ отказался одобрить политику президента Джонсона и поставилъ условіемъ допущенія южныхъ штатовъ въ Союзъ—уравненіе негровъ въ гражданскихъ правахъ. Пока еще не шли такъ далеко, чтобы декретировать право голоса негровъ, но требовали, чтобы представительство штатовъ въ палатѣ представителей было уменьшено, если совершеннолѣтнимъ лицамъ мужского пола этихъ штатовъ будетъ отказано въ правѣ голоса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, объявили неспособными занимать общественныя должности всѣхъ выдающихся участниковъ конфедераціи и признали недѣйствительными всѣ долги, заключенные съ цѣлью поддержанія возстанія. Всѣ эти постановленія были включены въ видѣ поправки въ союзную конституцію.

Теннесси былъ единственнымъ изъ южныхъ штатовъ, который рѣшился принять поправку, и его представители были затѣмъ допущены на конгрессъ; другіе же штаты отклонили ее, и такъ какъ народъ на выборахъ осенью 1865 г. одобрилъ политику конгресса, то послѣдній сталъ принимать все болѣе и болѣе радикальныя мѣры. Сначала нужно было покончить съ противодѣйствіемъ президента. Ни одинъ президентъ Союза не пользовался такой властью, какъ Линкольнъ, ни одинъ изъ нихъ не подвергался такимъ униженіямъ, какъ его преемникъ. Конгрессъ сдѣлалъ недѣйствительнымъ его veto большинствомъ двухъ третей голосовъ, ограничилъ его право назначенія на должности, отнялъ у него командованіе арміей, палата представителей даже поставила его въ положеніе обвиняемаго, и едва-едва — не хватало въ сенатѣ лишь одного голоса до требуемаго для осужденія большинства двухъ третей голосовъ— онъ избѣгъ смѣщенія. Конгрессъ сталъ теперь давать чувствовать отпавшимъ штатамъ, что они были покорены силою оружія. Была объявлена военная диктатура, и всѣ совершеннолѣтніе мужчины, какъ черные, такъ и бѣлые, кромѣ исключенныхъ 14-ой поправкой бывшихъ повстанцевъ, должны были подъ защитою военныхъ генераловъ избирать учредительныя собранія. Было предписано, чтобы конституціи, которыя будутъ выработаны этими собраніями, дали право голоса всѣмъ тѣмъ, которые имѣютъ право участвовать въ выборахъ въ учредительное собраніе, и чтобы конституція вошла въ силу не раньше, чѣмъ она будетъ утверждена тѣми же лицами. Какъ только новая конституція получитъ одобреніе конгресса, и избранное согласно ея постановленіямъ законодательное собраніе приметъ 14-ую поправку, штатъ долженъ былъ быть принятъ въ Союзъ, и его представители снова должны быть допущены на конгрессъ. Съ помощью явнаго давленія на выборы и голосовъ негровъ, руководимыхъ военными властями и прибывшими съ сѣвера политиками, удалось въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ добиться къ лѣту 1868 г. выполненія предписанныхъ условій принятія ихъ въ Союзъ. Въ другихъ же штатахъ не удалось, несмотря на всѣ эти мѣры, добиться желаннаго результата. Тогда конгрессъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ и рѣшилъ постановить въ новомъ добавленіи къ

союзной конституціи, въ 15-ой поправкѣ, что никто не можетъ быть лишенъ избирательнаго права вслѣдствіе расы, цвѣта кожи или прежняго пребыванія въ рабствѣ. Не принятымъ еще въ Союзъ штатамъ было поставлено условіемъ ихъ принятія согласіе на эту поправку. Только лишь въ 1870 г. всѣ штаты были представлены въ конгрессѣ, и дѣло возстановленія Союза закончилось.

Своеобразныя условія господствовали теперь въ царствѣ хлопка. Негры, бывшіе еще недавно совершенно безправными, были теперь избирателями и принимали выдающееся участіе въ законодательствѣ и управленіи. Разумѣется, они были совершенно неспособны выполнять поставленную имъ задачу. Хлынувшіе съ сѣвера безсовѣстные авантюристы, прозванные по причинѣ легкости привезеннаго ими съ собою багажа «Carpetbaggers» (люди съ дорожной сумкой), пользовались создавшимся положеніемъ и эксплуатировали несчастную страну съ помощью негровъ, не вѣдавшихъ, что творятъ. Налоги были повышены; государственные долги необычайно возросли, и взамѣнъ ничего не было сдѣлано для штатовъ; выжатыя у плательщиковъ налоговъ деньги стекались въ карманы клики безсовѣстно обогащавшихся мошенниковъ. Ожесточеніе, вызванное въ бѣлыхъ жителяхъ южныхъ штатовъ этимъ мошенническимъ хозяйствомъ, часто находило себѣ исходъ въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Возникли тайныя общества (какъ, напримѣръ, пользовавшійся дурной извѣстностью «ку-клуксъ-кланъ»), члены которыхъ боролись противъ негровъ и ихъ бѣлыхъ союзниковъ всякаго рода насильственными дѣйствіями. Конгрессъ сначала издалъ новые строгіе законы противъ этого движенія, но постепенно исчезало настроеніе годовъ войны. Передъ американскимъ народомъ выступали новыя задачи. Наконецъ, пришли къ убѣжденію, что нужно предоставить югъ самому себѣ, и отозваны были оттуда союзныя войска. Южнымъ бѣлымъ удалось въ 70-хъ годахъ посредствомъ хитрости и насилія, подкупа и фальсификаціи выборовъ овладѣть снова браздами правленія во всѣхъ штатахъ. Избирательное право негровъ сначала было фактически сведено къ нулю посредствомъ запугиванія чернокожихъ, покупки голосовъ и хитро придуманныхъ избирательныхъ регламентовъ. Начиная съ 1890 г., перешли къ тому, чтобы достичь такого же результата законнымъ путемъ, не нарушая, вмѣстѣ съ тѣмъ, буквы 15-ой поправки: избирательное право поставлено въ зависимость отъ умѣнья читать или пониманія конституціи, но эти постановленія проводились въ жизнь такъ, что лишались избирательнаго права одни лишь чернокожіе. Партійные люди, желавшіе навязать южнымъ штатамъ политическое равноправіе обѣихъ расъ, не достигли, такимъ образомъ, своей цѣли. Господство бѣлыхъ даже въ тѣхъ штатахъ, въ которыхъ чернокожіе образуютъ большинство населенія, прочно какъ rocher de bronze.

Неразумныя мѣры временъ возстановленія оказали, между тѣмъ, въ высшей степени неблагопріятное вліяніе на соціальное и экономическое преобразованіе юга. До междоусобной войны крупное хозяйство, воздѣлываемое рабскимъ трудомъ, было типично для юга. Возвратившимся съ войны плантаторамъ недоставало капитала, кредита и рабочихъ. Необезпеченное поли-

тическое положеніе и бремя высокихъ налоговъ еще больше способствовали замедленію возрожденія хозяйственной жизни. Негры большей частью считали свободу равнозначащей лѣни и или совсѣмъ не работали, или работали очень неравномѣрно. Плантаторы не обладали необходимыми средствами, чтобы вести крупное хозяйство съ наемными рабочими. Смотря по мѣстнымъ условіямъ, они или продавали свою землю мелкими участками бѣлымъ, а иногда и чернокожимъ, или—это было обычнымъ правиломъ—сдавали свою землю тоже мелкими участками въ аренду, притомъ обыкновенно, какъ въ южной Европѣ, за извѣстную часть продуктовъ натурой. Плантація, такимъ образомъ, была превращена въ извѣстное количество мелкихъ хозяйствъ, и мелкое хозяйство стало господствующей хозяйственной формой на югѣ. Если до войны полагали, что главный продуктъ юга—хлопокъ—можетъ быть добытъ только рабскимъ трудомъ, то развитіе культуры хлопка въ послѣднія десятилѣтія доказало, что это предположеніе было совершенно ошибочно. Въ первые годы послѣ войны производство хлопка оставалось далеко позади производства хлопка до 1860 г., но въ 1879 г. оно достигло уровня 1860 г., а теперь почти въ три раза больше, чѣмъ въ послѣдніе годы рабскаго труда. Нельзя также не признать, что, по крайней мѣрѣ, въ отдѣльныхъ частяхъ юга земледѣліе сдѣлалось болѣе интенсивнымъ и многообразнымъ, чѣмъ это было до войны. Конечно, и теперь еще осталось чрезвычайно много сдѣлать, пока не будутъ полностью использованы обильныя природныя богатства юга.

Однимъ изъ замѣчательныхъ фактовъ послѣднихъ десятилѣтій является растущая индустріализація прежнихъ рабовладѣльческихъ штатовъ. Въ Аллеганскихъ горахъ, въ особенности въ штатахъ Теннесси и Алабамѣ, начали эксплуатацію громадныхъ запасовъ желѣза и угля; въ предгорьѣ, въ Сѣверной, Южной Каролинахъ и въ Георгіи быстро развилась хлопчатобумажная промышленность. Значительной частью своихъ успѣховъ она, правда, обязана безсовѣстной эксплуатаціи дешеваго дѣтскаго и женскаго труда. Развитіе южныхъ городовъ также подвинулось нѣсколько впередъ въ послѣднія десятилѣтія. Ричмондъ и Атланта—южное Чикаго—проявляютъ типичныя для сѣверныхъ промышленныхъ городовъ черты.

Подобно хозяйственному строю, и экономическій строй юга все больше и больше приближался къ господствующему на сѣверѣ строю экономическихъ отношеній. Съ уничтоженіемъ рабства и распаденіемъ плантацій исчезло также и преобладаніе семействъ крупныхъ плантаторовъ въ государствѣ и обществѣ. Изъ бѣлыхъ бѣдняковъ, ведшихъ до войны жалкое существованіе, развился классъ дѣльныхъ фермеровъ и торговцевъ, а съ распространеніемъ горной, металлургической и хлопчатобумажной промышленности образовался также рабочій классъ бѣлыхъ, который, по своему числу и вліянію, конечно, остается еще далеко позади своихъ сѣверныхъ собратьевъ. Общество на югѣ, за исключеніемъ негровъ, состоитъ, такимъ образомъ, изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и на сѣверѣ; оно демократизировалось послѣ войны, и на югѣ господствуютъ теперь потомки бѣлыхъ бѣдняковъ.

Несмотря на это, на югѣ и теперь еще есть аристократія. Я разумѣю подъ этимъ не остатки все еще пользующихся большимъ уваженіемъ, но уже больше не господствовавшихъ старыхъ плантаторскихъ фамилій, а всѣхъ бѣлыхъ, которые вмѣстѣ образуютъ аристократію по отношенію къ чернымъ. Проблема рабства, правда, окончательно рѣшена войною, но, какъ предсказывали всѣ проницательные наблюдатели, съ отмѣной рабства расовый антагонизмъ только увеличился, расовый вопросъ занялъ мѣсто вопроса о рабствѣ и образуетъ теперь важнѣйшую проблему юга. Несчастныя мѣропріятія временъ возстановленія Союза безспорно значительно способствовали расширенію пропасти между обѣими расами. Вмѣсто того, чтобы воспитывать хозяйственно освобожденныхъ негровъ, имъ дали данайскій даръ избирательнаго бюллетеня и этимъ заставили бѣлыхъ единодушно держаться вмѣстѣ, чтобы покончить съ господствомъ негровъ. Для каждаго южанина является предметомъ вѣры взглядъ на негровъ, какъ на низшую расу, которая должна быть въ безусловномъ политическомъ и соціальномъ подчиненіи у бѣлыхъ. Въ интересахъ сохраненія чистоты кавказской расы бѣлый житель юга считаетъ нужнымъ самое строгое соціальное раздѣленіе расъ, и это раздѣленіе проведено до смѣшного. Браки между бѣлыми и чернокожими не допускаются закономъ, всякое общеніе между ними строго запрещено; въ школахъ, церквахъ и больницахъ, въ театрахъ, паркахъ и гостиницахъ, въ поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ и въ трамваяхъ, даже въ адресныхъ книгахъ бѣлые и чернокожіе отдѣлены другъ отъ друга. Политически негръ находится какъ бы въ совершенно безправномъ положеніи, и даже равенство передъ судомъ ему не всюду обезпечено. Можно ли ожидать улучшенія этого положенія въ будущемъ? Среди негровъ существуетъ теперь, безъ сомнѣнія, много дурныхъ элементовъ, бродягъ, бездѣльниковъ и преступниковъ, но нельзя не признать, что, наряду со все возрастающимъ количествомъ интеллигенціи, среди негровъ возникаетъ средній слой дѣльныхъ торговцевъ, ремесленниковъ и фермеровъ, и стремленія самаго теперь знаменитаго изъ всѣхъ американскихъ негровъ Букера Т. Вашингтона направлены къ тому, чтобы поднять экономическое положеніе своей расы и доставить ей этимъ болѣе высокое вліяніе среди американскаго общества. Путь, на который онъ вступилъ, несомнѣнно, правильный и очень полезный для негровъ, но будетъ ли этимъ достигнуто смягченіе расоваго антагонизма, остается еще вопросомъ. Теперь, во всякомъ случаѣ, какъ доказываютъ учащающіяся въ послѣдніе годы преслѣдованія негровъ, расовая проблема дальше, чѣмъ когда-либо, отъ своего рѣшенія, и проклятіе прошлыхъ временъ все еще тяготѣетъ надъ солнечнымъ югомъ.

Первый пароходъ на Миссиссиппи.

Грузъ хлопка въ гавани Новаго Орлеана.

11. Индустріальное государство и міровая держава.

Все XIX столѣтіе было для Соединенныхъ Штатовъ эпохой громаднаго развитія матеріальныхъ силъ. Какъ бы значителенъ намъ ни казался подъемъ американскаго народнаго хозяйства до междоусобной войны, но еще могучѣе было развитіе его экономическихъ силъ послѣ 1865 г.

Колонизація запада наложила свой отпечатокъ на экономическую исторію Соединенныхъ Штатовъ до междоусобной войны. И въ 1865 г. также еще оставались незаселенными обширныя пространства плодородной земли. Законъ о посемейныхъ надѣлахъ, постройка великихъ желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ черезъ всю страну, и растущій спросъ на хлѣбъ и мясо въ западно-европейскихъ странахъ ускорили заселеніе дальняго запада. Теперь только обильныя пшеницей области Миннесоты и Дакоты наполнились дѣятельными фермерами, бо́льшая часть которыхъ прибыла изъ Германіи и Скандинавіи, теперь только началось заселеніе областей маиса, Канзаса и Небраски, и на берегахъ Тихаго океана, въ Орегонѣ и еще больше въ штатѣ Вашингтонѣ, колонизація дѣлала быстрые успѣхи. Обширное западное нагорье скрывало въ своихъ нѣдрахъ, какъ оказалось, неистощимыя минеральныя богатства, обширныя области оказались пригодными для скотоводства, и недавно съ помощью искусственнаго орошенія начали вести на значительныхъ пространствахъ интенсивное земледѣльческое хозяйство. Заселеніе такихъ громадныхъ пространствъ, улучшеніе техники и, въ особенности, обширное примѣненіе машинъ имѣли своимъ послѣдствіемъ чрезвычайный ростъ сельско-хозяйственнаго производства. Производство маиса, равнявшееся въ 1850 г. 502 милліонамъ бушелей, составляло въ 1906 г. 2827 милліоновъ бушелей, производство пшеницы возросло за это время отъ 100 до 735 милліоновъ бушелей, производство хлопка—отъ 2,3 до 11,3 (въ 1905 г. даже 13,6) милліоновъ тюковъ. Въ такой же мѣрѣ возросло скотоводство и производство шерсти. Рука-объ-руку съ гигантскимъ производствомъ шелъ чрезвычайно громадный вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, въ особенности хлѣбнаго зерна, хлопка и мяса, въ западно-европейскія государства. Несмотря на то, что все болѣе и болѣе растущая часть сельско-хозяйственныхъ продуктовъ потребляется внутри страны, они все же еще образуютъ бо́льшую часть американскаго вывоза.

Добыча минераловъ также чрезвычайно увеличилась; сравнительно меньше увеличилась добыча золота, которая благодаря богатымъ калифорнійскимъ рудникамъ еще до войны уже достигала значительныхъ размѣровъ и начала опять возрастать только послѣ открытія рудниковъ въ Колорадо и Аляскѣ. Зато добыча серебра и мѣди, а въ особенности желѣза, угля и нефти увеличивалась съ почти сказочной быстротой. Въ 1850 г. угля было добыто всего только 3,4 милліона тоннъ, въ 1870 г.—29,5, въ 1900 г.—240,8, а въ

1905 г.—350,8 милліона тоннъ; производство чугуна составляло въ 1850 г. только 0,6 милліона тоннъ, въ 1880 г.—1,8 въ 1900 г.—13,8, а въ 1906 г. 25,3 милліона; добыча нефти началась только въ 1859 г., въ 1870 г. было уже добыто 221 милліонъ галлоновъ, въ 1900 г.—2672 и въ 1905 г.—5658 милліоновъ галлоновъ.

Благодаря такому обилію всякаго рода сырья Соединеннымъ Штатамъ было предназначено сдѣлаться величайшимъ въ мірѣ индустріальнымъ государствомъ. Какъ мы видѣли выше, уже въ эпоху колонизаціи существовали въ Новой Англіи и въ Пенсильваніи начатки текстильной и металлургической промышленности, которая сдѣлала большія успѣхи за время отъ 1789 до 1860 г.; но еще болѣе быстрымъ темпомъ двигалось развитіе этихъ отраслей промышленности въ послѣднія десятилѣтія. Все большее и большее заселеніе страны, прекрасные урожаи, и все продолжающаяся иммиграція непрерывно увеличивали емкость внутренняго рынка, увеличеніе желѣзнодорожной сѣти дѣлало возможнымъ дешевую доставку сырья и цѣлесообразное распредѣленіе фабрикантовъ. Вошедшій въ пословицу духъ изобрѣтательности американскаго народа, умъ и энергія предпринимателей, дѣльность и интеллигентность рабочихъ столь же много способствовали безпримѣрному расцвѣту американской промышленности, какъ и богатства почвы этой страны. Способствовала ли дѣятельность государства и въ какой мѣрѣ расцвѣту промышленности, является спорнымъ вопросомъ. Между тѣмъ, какъ одни утверждаютъ, что безъ покровительственныхъ пошлинъ было бы немыслимо развитіе американской промышленности, другіе отрицаютъ пользу пошлинъ для процвѣтанія промышленности. Объективный наблюдатель придетъ къ тому заключенію, что нѣкоторыя отрасли промышленности, напр., производство шелка и бѣлой жести, вовсе не возникли бы безъ покровительственнаго тарифа, причемъ, правда, всегда остается открытымъ вопросъ, было ли необходимо или полезно перенесеніе этихъ отраслей промышленности на американскую почву. Другія отрасли промышленности, и между ними самыя важныя, обязаны своими успѣхами больше дешевому сырью, успѣхамъ техники и больше всего дѣльности предпринимателей и рабочихъ, нежели таможеннымъ тарифамъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ эти послѣдніе и способствовали увеличенію прибыли.

Наиболѣе блестящимъ былъ ростъ желѣзодѣлательной промышленности, но и многія другія отрасли промышленности, какъ, напр., хлопчатобумажная и бумагодѣлательная промышленность, производство шелка и кожъ, удивительно расширились. Американская промышленность работаетъ, главнымъ образомъ, для внутренняго потребленія, но въ послѣднія десятилѣтія она выступила также конкурентомъ на міровомъ рынкѣ, и Соединенные Штаты сдѣлались, такимъ образомъ, страной, вывозящей пищевые продукты, сырье и фабрикаты. Они снабжаютъ наиболѣе промышленныя страны Европы хлопкомъ и мѣдью, хлѣбнымъ зерномъ и мясомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ведутъ съ ними борьбу за рынки промышленно менѣе развитыхъ областей Стараго и Новаго Свѣта. На этомъ основано превосходство положенія, занимаемаго Соединенными Штатами въ современномъ міровомъ хозяйствѣ.

Населеніе Соединенныхъ Штатовъ, насчитывавшее передъ междоусобной войной немного больше 31 милліона, возросло въ 1880 г. до 50 милліоновъ, насчитывало въ 1900 г. 76 милліоновъ и теперь (1906 г.) оно, какъ полагаютъ, равняется приблизительно 89 милліонамъ. Само собою понятно, что страна съ такимъ многочисленнымъ населеніемъ, связанная тысячью матеріальныхъ и духовныхъ нитей со всѣмъ культурнымъ міромъ, не можетъ оставаться безучастной къ судьбамъ остального міра.

Соединенные Штаты до сихъ поръ оставались вѣрны своей традиціонной политикѣ невмѣшательсва въ европейскія дѣла, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они не позволяютъ также государствамъ Стараго Свѣта расширять свои владѣнія на американской почвѣ или вмѣшиваться во внутреннія дѣла государствъ Новаго Свѣта. Въ согласіи съ этими принципами они послѣ окончанія междоусобной войны заставили французское правительство отозвать свои войска изъ Мексики и подготовили, такимъ образомъ, быстрый конецъ императорской власти эрцгерцога Максимиліана. Въ послѣднія десятилѣтія эта опирающаяся на доктрину Монрое политика получила еще дальнѣйшее развитіе. Американцы объявили, наприм., что они не допустятъ также перехода европейскихъ колоній (наприм., Вестъ-Индскихъ острововъ) отъ одной европейской державы къ другой, и въ 1895 г. при спорѣ о границахъ между Великобританіей и Венецуэлой заявили притязаніе на роль третейскаго судьи. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда европейскія державы видѣли себя вынужденными употреблять силу, чтобы заставить южно-американскія республики платить свои долги, общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ проявляло крайнюю нервозность, и его тенденція рѣшительно идетъ въ томъ направленіи, чтобы посредствомъ международныхъ договоровъ сдѣлать невозможнымъ повтореніе подобныхъ конфликтовъ. Еще и теперь можно считать несомнѣннымъ, что Соединенные Штаты будутъ защищать независимость средне- и южно-американскихъ республикъ при какихъ бы то ни было условіяхъ. Эти взгляды тѣсно связаны съ представленіемъ, что Соединенные Штаты являются первенствующей державой Новаго Свѣта. Но тенденція облечь въ формулы международнаго права тотъ несомнѣнный фактъ, что Соединенные Штаты являются самой сильной державой западнаго полушарія, до сихъ поръ не удалась и не обѣщаетъ успѣха и въ будущемъ. Латинскія республики Средней и Южной Америки принимаютъ, правда, охотно поддержку великой братской республики, но онѣ вовсе не склонны отказаться отъ своей независимости; различія расы, языка, религія, воззрѣній и нравовъ между англо-саксонской и латинской Америкой слишкомъ велики, и политическое объединеніе не желательно поэтому для обѣихъ сторонъ. Образованіе пан-американскаго таможеннаго союза также маловѣроятно, такъ какъ экономическіе интересы различныхъ областей чрезвычайно расходятся другъ съ другомъ. Стремленія къ объединенію, нашедшія свое выраженіе въ пан-американскихъ конгрессахъ, не вышли до сихъ поръ за предѣлы торжественныхъ пріемовъ и красивыхъ словъ.

Когда въ 1898 г. послѣ долгаго перерыва Соединенные Штаты опять

значительно расширили свои владѣнія, было справедливо указано, что американцы всегда вели завоевательную и колонизаторскую политику. Не нужно, конечно, упустить изъ виду, что мотивы старыхъ и новыхъ расширеній владѣній далеко не одни и тѣ же. Въ прежней завоевательной политикѣ, главными носителями которой были южные рабовладѣльцы, дѣло шло о страстномъ стремленіи пріобрѣсти больше земли и о желаніи получить болѣе выгодныя границы; современный же американскій имперіализмъ находится подъ знакомъ вывозной промышленности. Какъ европейскія великія державы, Соединенные Штаты также хотятъ получить въ колоніяхъ обезпеченные рынки для продуктовъ своего возрастающаго производства. Съ этимъ, конечно, связываются также, какъ это свойственно всякой великой державѣ, тенденціи къ усиленію государственной мощи.

Пріобрѣтеніе Вестъ-Индскихъ острововъ издавна составляло цѣль американской политики. Рабовладѣльцы стремились къ пріобрѣтенію острова Кубы для того, чтобы получить возможность использовать для своихъ цѣлей находившійся тамъ дешевый рабскій матеріалъ. Послѣ междоусобной войны американскіе капиталисты вложили большія суммы въ кубанскія предпріятія, которымъ постоянныя возстанія наносили большой ущербъ. Между тѣмъ какъ эти капиталисты стремились къ независимости Кубы по дѣловымъ соображеніямъ, другіе въ силу политическихъ и военныхъ разсчетовъ считали нежелательнымъ дальнѣйшее существованіе господства европейской державы на островѣ, лежащемъ такъ близко къ американскимъ берегамъ. Негодованіе противъ якобы жестокаго веденія войны испанскими войсками противъ мятежныхъ кубанцевъ и, наконецъ, взрывъ американскаго военнаго корабля «Мэнъ» около Гаванны привели въ 1898 г. къ войнѣ съ Испаніей, кончившейся полнымъ крушеніемъ морской и колоніальной силы Испаніи. Куба, правда, по соображеніямъ внутренней и внѣшней политики не была формально присоединена къ Союзу, но она была поставлена въ экономической, политической и военной зависимости отъ послѣдняго; островъ же Порто-Рико, Филиппины и островъ Гуамъ, принадлежащій къ группѣ Маріанскихъ острововъ, сдѣлались американскими колоніями.

Благодаря обладанію Порто-Рико и протекторату надъ Кубой, который при неспособности кубанцевъ къ самоуправленію также, можетъ-быть, будетъ замѣненъ аннексіей, Соединенные Штаты сдѣлались самой могущественной державой въ Вестъ-Индіи. Американская дипломатія стремится къ тому, чтобы еще болѣе упрочить это положеніе, и ей удалось поставить республику Санъ-Доминго подъ фактическій протекторатъ Соединенныхъ Штатовъ. Покупка маленькаго острова С.-Томаса, правда, не состоялась, благодаря несогласію датской законодательной палаты, но не нужно большого пророческаго дара, чтобы предсказать, что Соединенные Штаты будутъ пользоваться всякимъ случаемъ съ цѣлью расширенія своихъ колоніальныхъ владѣній въ Вестъ-Индіи; къ этому ихъ принуждаетъ, прежде всего, стремленіе обезопасить отъ захвата средне-американскій каналъ.

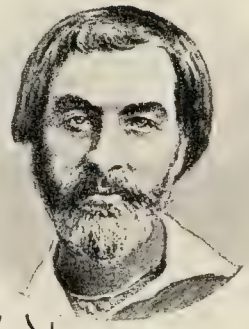
Полученіе исключительнаго контроля надъ проведеніемъ Панамскаго

В. Ирвингъ

Дж. Фениморъ Куперъ

Г. Лонгфелло

Эдгаръ По



В. Уитманъ

Р. Эмерсонъ

Гр. Клевлендъ

Т. Рузвельтъ

В. Макъ-Кинлей

канала, который въ будущемъ будетъ находиться подъ властью Союза, было великимъ торжествомъ американской политики. Проведеніе канала черезъ перешеекъ представляетъ собою старый проектъ американцевъ. Союзъ, къ сожалѣнію, былъ обязанъ, по заключенному въ 1850 г. съ Великобританіей Клейтонъ-Бульверовскому трактату, предпринять эту работу только совмѣстно съ послѣдней. Во время бурской войны американцамъ удалось добиться прекращенія дѣйствія Клейтонъ-Бульверовскаго трактата (1901 г.). Теперь возникъ вопросъ, провести ли каналъ черезъ Панаму или Никарагуа? Президентъ Рузвельтъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ перваго плана и сумѣлъ добиться осуществленія своей воли. Когда Колумбія стала дѣлать затрудненія, Панама при содѣйствіи американцевъ отложилась въ 1903 г. отъ этого государства, образовала самостоятельную республику и продала Соединеннымъ Штатамъ нужныя для проведенія канала полосы земли за 10 милліоновъ долларовъ. Проведеніе канала, взятое на себя Союзомъ, уже началось и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ будетъ закончено. Прорытіе перешейка чрезвычайно увеличитъ силу Соединенныхъ Штатовъ. Эта сила увеличится въ двухъ направленіяхъ: связь тихоокеанскихъ республикъ Средней и Южной Америки съ Соединенными Штатами сдѣлается тѣснѣе, вслѣдствіе чего значительно усилится экономическое и политическое вліяніе Союза въ этихъ областяхъ; кромѣ того, значительно сократится разстояніе между Соединенными Штатами и крайнимъ востокомъ Стараго Свѣта.

Вступленіе Великаго океана въ международную политику было однимъ изъ самыхъ важныхъ и богатыхъ послѣдствіями фактовъ девятнадцатаго вѣка. Соединенные Штаты очень поздно поняли, что они являются также и тихоокеанской державой. Несмотря на то, что Калифорнія, благодаря открытію тамъ золотыхъ пріисковъ, быстро заселилась; несмотря на то, что уже давно существовали оживленныя торговыя сношенія съ Китаемъ и Японіей, Тихій океанъ все же не игралъ большой роли въ разсчетахъ американскихъ государственныхъ людей. Дальновидный статсъ-секретарь Сьюардъ пріобрѣлъ, правда, уже въ 1867 г. у Россіи за 7 милліоновъ долларовъ полуостровъ Аляску, но только 1898 годъ обозначаетъ собою великій поворотъ въ тихоокеанской политикѣ Соединенныхъ Штатовъ. Въ этомъ году Гавайскіе острова, на которыхъ уже давно преобладало американское вліяніе, были аннексированы; благодаря войнѣ съ Испаніей Филиппинскіе острова и Гуамъ сдѣлались американскими колоніальными владѣніями, и островъ Тутуила, группы Самоа, по заключенному въ 1899 г. договору съ Великобританіей и Германіей перешелъ къ Союзу. Наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ этихъ пріобрѣтеній являются Филиппинскіе острова, которые стоили американцамъ, вслѣдствіе постоянныхъ колоніальныхъ войнъ, большихъ денежныхъ жертвъ и многихъ человѣческихъ жизней, но зато обѣщаютъ богатую награду въ будущемъ. Придавалось большое значеніе тому факту, что Соединенные Штаты съ присоединеніемъ Филиппинскихъ острововъ сдѣлались азіатской державой и тѣмъ самымъ, въ противность своимъ принципамъ, вмѣшались въ дѣла Стараго Свѣта. Нельзя, однако, не признать, что интересы Америки на Тихомъ

океанѣ, ея торговля съ Китаемъ и Японіей такъ значительны, что и безъ обладанія этой группой острововъ она также была бы вынуждена принять активное участіе въ восточно-азіатской политикѣ. То, что войска Соединенныхъ Штатовъ приняли участіе въ 1900 г. въ подавленіи боксерскаго возстанія, что статсъ-секретарь Гей сдѣлался самымъ ревностнымъ защитникомъ политики открытыхъ дверей въ Срединномъ царствѣ, и президентъ Рузвельтъ былъ въ 1905 г. посредникомъ между Россіей и Японіей при заключеніи Портсмутскаго мира, являтся только слѣдствіемъ международнаго положенія Соединенныхъ Штатовъ. Но японцы считали этотъ миръ невыгоднымъ для себя, и, хотя американцы во время войны отдавали свои симпатіи Японіи, между Соединенными Штатами и возвышающейся восточно-азіатской великой державой все болѣе и болѣе парастаетъ вражда, еще больше обостряющаяся вслѣдствіе недовольства калифорнійскаго населенія японской иммиграціей. Нѣкоторые думаютъ—можетъ-быть, ошибочно,—что стремленія Америки къ пріобрѣтенію острововъ на Тихомъ океанѣ приведутъ къ кровавому столкновенію съ Японіей. Союзное правительство, во всякомъ случаѣ, прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы избѣжать конфликта, однако, оно отправило въ 1908 г. въ Тихій океанъ значительный флотъ.

Соединенные Штаты не вступили, правда, въ кругъ великихъ европейскихъ державъ, но они вступили въ кругъ великихъ міровыхъ державъ. Они принимаютъ участіе въ міровой политикѣ, пріобрѣли значительныя колоніальныя владѣнія и создали великій морской флотъ. Было бы совершенно ошибочно приписывать наступившую перемѣну въ міровомъ положеніи Соединенныхъ Штатовъ исключительно лишь событіямъ 1898 г. Земной шаръ, благодаря новѣйшимъ способамъ сообщенія, сдѣлался гораздо тѣснѣе прежняго, разстоянія между отдѣльными частями свѣта уменьшились, и интересы Соединенныхъ Штатовъ необычайно возросли, благодаря ихъ колоссальной внѣшней торговлѣ и громадной промышленности. Великая держава, насчитывающая около 90 милліоновъ жителей, вывозъ которой превышаетъ 7 милліардовъ марокъ, не можетъ сохранить долѣе своего изолированнаго положенія. Не мечта честолюбивыхъ политиковъ, а естественный ходъ развитія сдѣлалъ Америку одной изъ рѣшающихъ міровыхъ державъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ ея голосъ будетъ звучать въ концертѣ державъ еще громче и могущественнѣе, чѣмъ въ прошломъ.

Преобразованіе Соединенныхъ Штатовъ въ великое индустріальное государство и міровую державу оказало самое глубокое вліяніе и на внутреннюю политику. Старые споры между защитниками и противниками рабства, между сторонниками суверенитета штатовъ и приверженцами сильной центральной власти были окончательно рѣшены оружіемъ. Когда были пережиты треволненія, наступившія послѣ междоусобной войны, то казалось, что великія партіи продолжаютъ свое существованіе лишь въ качествѣ организацій, имѣющихъ цѣлью доставлять своимъ сторонникамъ хорошо оплачиваемыя долж-

ности. Отношеніе къ міровой политикѣ и къ имперіализму дало новое направленіе дѣятельности старыхъ партій. Республиканцы, слѣдуя традиціи партіи виговъ, защищаютъ высокія покровительственныя пошлины въ видахъ обезпеченія промышленности внутренняго рынка, сильную внѣшнюю политику, чтобы пріобрѣсти для промышленности новые внѣшніе рынки, и необходимое для этого усиленіе военнаго могущества государства, главнымъ образомъ, постройку сильнаго флота. Демократы, являющіеся больше представителями интересовъ сельскаго хозяйства, остались вѣрны фритредерскимъ воззрѣніямъ. Они боролись противъ покровительственныхъ пошлинъ, чрезвычайно возросшихъ въ 1890 г. и въ особенности въ 1897 г. Они противники имперіалистической политики, на пути которой Соединенные Штаты вступили въ президентство Макъ-Кинлея въ 1898 г., съ особеннымъ рвеніемъ они боролись противъ аннексіи Филиппинскихъ острововъ. Въ послѣднее время выступили на сцену другіе новые вопросы, которые, повидимому, приведутъ къ образованію новыхъ партій.

Со времени междоусобной войны бразды правленія почти безпрерывно были въ рукахъ республиканцевъ. За исключеніемъ Гровера Клевленда, который занималъ высшій государственный постъ въ теченіе 1885—1889 и 1893—1897 гг., всѣ остальные президенты: Грантъ (1869—1877), Р. Гей (1877—1881), Гарфильдъ (убитъ въ 1881 г.), Арчеръ (1881—1885), Гаррисонъ (1889—1893), Макъ-Кинлей (1897—1901, убитъ вскорѣ послѣ наступленія вторичнаго срока президентства), Рузвельтъ (1901—1909) и Тафтъ съ 1909 г. принадлежали къ республиканской партіи.

Благодаря происшедшей подъ вліяніемъ времени перемѣнѣ въ воззрѣніяхъ, громадная сила политическихъ партій потерпѣла немаловажный ущербъ. Мы видѣли выше, что партійныя организаціи завладѣли всѣмъ аппаратомъ государственнаго правленія, и что слѣдствіемъ этого явилась неудовлетворяющая требованіямъ и часто продажная администрація. Чѣмъ шире становилась дѣятельность союзнаго правительства, чѣмъ труднѣе становились ея задачи, тѣмъ больше долженъ былъ сказаться вредъ этой системы. Много разъ были сдѣланы усилія, чтобы провести административную реформу, но всякій разъ это не удавалось изъ-за противодѣйствія партійной организаціи. Только въ 1883 г. удалось, не въ малой мѣрѣ благодаря стараніямъ Карла Шурца, провести такъ называемый актъ о гражданской службѣ, по которому занятіе должности въ различныхъ отрасляхъ союзной администраціи ставится въ зависимость отъ образовательной подготовки и сдачи спеціальнаго экзамена. Послѣ этого подобнаго же рода правила были изданы по отношенію къ большинству союзныхъ вѣдомствъ и къ нѣкоторымъ должностямъ отдѣльныхъ штатовъ и городского управленія. Хотя сила партійной организаціи все еще очень велика, все же этими законами освобождено изъ-подъ ея вліянія замѣщеніе многихъ должностей, въ особенности въ союзномъ правленіи. Принципъ, согласно которому каждый человѣкъ годится для всякой должности, былъ оставленъ,—право образовательной подготовки получило признаніе, и создалось служебное чиновничество.

Текстъ союзной конституціи послѣ изданія 15-ой поправки не подвер-

гался болѣе никакимъ перемѣнамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣднее время президентъ опять сталъ играть наиболѣе значительную роль. Сложныя задачи государственнаго правленія и, въ особенности, выступленіе Соединенныхъ Штатовъ въ міровой политикѣ должны были несомнѣнно оказать свое вліяніе; но нельзя не признать, что сильная и оригинальная личность Рузвельта много способствовала тому, чтобы окружить постъ президента высокимъ уваженіемъ.

Но и Рузвельтъ часто долженъ былъ чувствовать, что онъ не самодержецъ. Ибо и конгрессъ также не утратилъ своей силы и пользуется попрежнему уваженіемъ. Въ особенности сенатъ сумѣлъ сдѣлаться крайне важнымъ факторомъ государственной жизни. Многократное выступленіе его въ послѣднее время въ качествѣ главнаго защитника интересовъ крупнаго капитала не способствовало его популярности, и прямые выборы сенаторовъ народомъ — согласно конституціи сенаторы избираются законодательными собраніями отдѣльныхъ штатовъ—уже достигнуты, хотя и окольнымъ путемъ, въ нѣкоторыхъ штатахъ и постепенно будутъ, вѣроятно, проведены во всемъ Союзѣ. Какое вліяніе окажетъ эта реформа на составъ членовъ «клуба милліонеровъ», какъ насмѣшливо называютъ сенатъ, и на политику Союза, нельзя предсказать заранѣе.

Отдѣльные штаты послѣ междоусобной войны все болѣе и болѣе отступаютъ на задній планъ. Побѣда Союза навсегда устранила теорію суверенитета штатовъ. Болѣе значительныя, благодаря постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, хозяйственныя и общественныя сношенія между отдѣльными частями страны и обнимающія всю страну политическія, соціальныя и экономическія организаціи дѣйствовали въ направленіи централизаціи. И многочисленные иммигранты, которые, естественно, разсматривали какъ свою новую родину Союзъ, а не отдѣльный штатъ, тоже способствовали, какъ это ни звучитъ парадоксально, ослабленію партикуляризма и усиленію американскаго національнаго чувства. Во всякомъ случаѣ, для современнаго американца Союзъ стоитъ несравненно выше отдѣльнаго штата, и даже южанину новое отпаденіе показалось бы совершенно абсурднымъ, хотя онъ все еще защищаетъ старое отпаденіе.

Хотя населеніе, главнымъ образомъ, интересуется союзной политикой, мы все же не должны упускать изъ виду, что и въ настоящее время въ рукахъ отдѣльныхъ штатовъ остались очень важныя функціи, и что характерныя для Америки политическія идеи получаютъ примѣненіе въ нихъ гораздо больше, чѣмъ въ государственной жизни Союза. Отношенія въ современномъ крупномъ государствѣ слишкомъ сложны, чтобы въ немъ могъ найти осуществленіе идеалъ демократіи. Въ отдѣльныхъ штатахъ, въ особенности въ среднихъ и маленькихъ штатахъ, въ которыхъ сильно преобладаетъ сельское населеніе, существуютъ условія, благопріятствующія дѣйствительному народоправству. Здѣсь осуществлены въ обширной мѣрѣ непосредственное законодательство и выборъ высшихъ чиновниковъ и судей народомъ. Въ послѣднія десятилѣтія существуетъ тенденція еще болѣе усилить это движеніе въ направленіи чистой демократіи и отнять у законода-

тельныхъ собраній право изданія важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ, предоставивъ это исключительно народу. Для внесенія измѣненій въ конституціи во всѣхъ штатахъ (за исключеніемъ Делавара) необходимо народное голосованіе. Нѣкоторые штаты, по примѣру Швейцаріи, ввели обязательное народное голосованіе и относительно другихъ принятыхъ законодательными собраніями законовъ, если этого требуетъ опредѣленное количество избирателей (референдумъ), и предоставили также народу право законодательной инициативы. Законы объ избирательномъ правѣ не носятъ однообразнаго характера; нѣкоторые штаты предоставили избирательное право также и женщинамъ; въ большинствѣ штатовъ избирательнымъ правомъ пользуются всѣ совершеннолѣтніе мужчины, а многіе штаты поставили избирательное право въ зависимость отъ уплаты налога или отъ доказательства обладанія опредѣленнымъ образованіемъ—на югѣ съ цѣлью лишить негровъ политическихъ правъ, а на сѣверѣ—изъ желанія не допускать къ избирательной урнѣ невѣжественныхъ иммигрантовъ.

Меньше всего американской демократіи оказалось подъ силу рѣшеніе проблемъ, выступившихъ передъ нею благодаря колоссальному росту городовъ. Экономическій расцвѣтъ, расширеніе промышленности и торговли привели къ тому, что крупные города росли какъ грибы. Между тѣмъ, какъ послѣ первой переписи въ 1790 г. въ городскихъ общинахъ жило только 3,4%, а въ 1860 г.—16,1% всего населенія, въ 1900 г. въ городахъ жило не меньше 31,1%. 14 милліоновъ жителей или 14,7% населенія жили въ тѣхъ 38 городахъ, которые насчитываютъ свыше 100000 жителей. Великій Нью-Іоркъ, послѣ соединенія съ Бруклиномъ второй въ мірѣ городъ по своей величинѣ, насчитывалъ въ 1900 г. 3,4 милліона жителей (теперь свыше 4 мил.), Чикаго 1,7 милл., Филадельфія 1,3 милл., Бостонъ, С.-Луи и Балтимора перевалили за полмилліона. Быстрый ростъ городовъ уже самъ по себѣ долженъ былъ причинять затрудненія городскимъ правленіямъ; къ этому прибавляется то обстоятельство, что пространство, занимаемое американскими крупными городами, вслѣдствіе преобладанія маленькихъ домовъ для одного семейства—Нью-Іоркъ образуетъ замѣчательное исключеніе—несравненно больше, чѣмъ пространство, занимаемое европейскими городами. Массы невѣжественныхъ иммигрантовъ, которые скучиваются именно въ большихъ городахъ,—въ Нью-Іоркѣ, напримѣръ, въ 1900 г. 36,7% жителей родились за границей, и только у 21% родители родились въ Америкѣ—образовали почву для плохого городского управленія, которое доставило такую дурную славу американскимъ крупнымъ городамъ. Было бы, разумѣется, несправедливо всецѣло возлагать на иммигрантовъ вину за тѣ крупные недостатки, причины которыхъ слѣдуетъ также искать въ господствующей политической системѣ. Нигдѣ не проведена такъ строго партійная организація, нигдѣ партійный аппаратъ и боссы не пользуются такой силой, какъ въ крупныхъ городахъ. Партійная организація пользуется многочисленными должностями городского управленія, которыя сами по себѣ не носятъ политическаго характера, чтобы вознаградить за услуги тѣхъ изъ своихъ сторонниковъ, которымъ она не могла доставить должности

въ Союзѣ или штатѣ. Такъ какъ крупные города раздаютъ много концессій и подрядовъ, то здѣсь особенно благопріятная почва для растратъ и подкупа, и богатыя корпораціи, какъ, напримѣръ, водопроводныя, газовыя, электрическія и трамвайныя компаніи воспользовались этимъ положеніемъ. Онѣ вступили въ сношенія съ партійной организаціей, дѣлали большія пожертвованія въ партійную кассу и давали большія суммы вліятельнымъ политикамъ, чтобы обезпечить себѣ выгодные контракты и доставки или предотвратить невыгодные пункты договора или неудобную конкуренцію. Подкупность не ограничивается одними большими городами, и въ союзномъ управленіи—въ особенности, въ управленіи отдѣльныхъ штатовъ—имѣло мѣсто много случаевъ подкупа, но она тамъ не принимала такихъ крупныхъ размѣровъ и не повлекла за собою такихъ дурныхъ послѣдствій, какъ въ городскихъ управленіяхъ. Между тѣмъ, какъ компаніи и партійные люди обогащались, улицы города оставались недостаточно вымощенными, освѣщались плохо и скудно, питьевая вода оказывалась зараженной и опасной для жизни, а общественная безопасность оставляла желать весьма многаго. Хотя и теперь управленіе нѣкоторыхъ американскихъ городовъ далеко не достигло совершенства, и еще часто раздаются жалобы на продажность, нельзя все же не признать, что положеніе въ послѣднее время значительно поправилось. Граждане стали проявлять большую энергію и выбираютъ лучшихъ людей въ городское управленіе. Какъ въ Союзѣ посредствомъ акта о гражданской службѣ, удалось и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ городского управленія сдѣлать занятіе должностей независимыми отъ партійныхъ организацій и поставить на эти должности людей, обладающихъ необходимой подготовкой. Въ нѣкоторыхъ городахъ стали прибѣгать къ слѣдующему средству оздоровленія управленія: главному чиновнику—мэру—предоставлены обширныя полномочія, но зато возлагаютъ на него отвѣтственность за весь ходъ городской политики. Въ послѣднее время многіе стали думать, что нашли въ муниципализаціи крупныхъ предпріятій, въ особенности трамваевъ, средство противъ продажности.

И въ области городского управленія, какъ и въ области союзной администраціи, американцы постепенно отказываются отъ стараго воззрѣнія, возникшаго на почвѣ примитивныхъ отношеній государства фермеровъ,—воззрѣнія, будто каждый человѣкъ годится для всякой должности; американцы начинаютъ считаться съ измѣнившимися экономическими и соціальными условіями и признаютъ необходимость соціальной подготовки. Соединеніе бюрократическаго управленія съ демократической формой правленія—вотъ та задача, которую предстоитъ рѣшить будущему.

Колоссальное экономическое развитіе Соединенныхъ Штатовъ было бы невозможно безъ той массы иммигрантовъ, изъ года въ годъ прибывавшей въ страну и оказывавшей народному хозяйству Союза неоцѣнимыя услуги въ качествѣ фермеровъ, рудокоповъ и фабричныхъ рабочихъ. Вплоть до восьмидесятыхъ годовъ главный контингентъ иммигрантовъ составляли англичане,

шотландцы и ирландцы, нѣмцы и скандинавцы,—легко ассимилирующіеся элементы, и ихъ дѣтей и внуковъ почти нельзя было отличить отъ другихъ американцевъ. Значительная часть этихъ иммигрантовъ, въ особенности нѣмцы и скандинавцы, селилась на западѣ, гдѣ они на основаніи закона о семейныхъ участкахъ пріобрѣтали дешевую землю. Мы уже раньше указывали, какъ значительно было участіе нѣмцевъ въ колонизаціи запада. Число нѣмцевъ въ нѣкоторыхъ западныхъ штатахъ было одно время такъ велико, что многіе питали надежду на возникновеніе здѣсь нѣмецкихъ штатовъ,—надежду, которая, конечно, оказалась обманчивой. Не можетъ быть теперь никакого сомнѣнія, что нѣмецкая національность не имѣетъ будущаго въ Америкѣ, и нѣмцамъ предстоитъ полное американизированіе. Нѣкоторымъ нѣмцамъ, какъ, напримѣръ, Карлу Шурцу, удалось играть большую роль въ политикѣ своей второй родины, но справедливо было указано, что нѣмцы въ общемъ не сумѣли завоевать соотвѣтствующаго ихъ числу положенія въ политической, соціальной и культурной жизни Америки; ихъ за это упрекали, причемъ упреки часто исходили изъ совершенно ложныхъ предпосылокъ. Всѣ признаютъ, что нѣмцы дали очень много въ области экономической жизни. Насколько на американскій народный характеръ оказывала и оказываетъ вліяніе очень сильная примѣсь нѣмецкой крови,—вопросъ, на который чрезвычайно трудно отвѣтить. Ирландцы, послѣ нѣмцевъ самая важная составная часть старой иммиграціи, селившіеся большей частью въ большихъ городахъ, образовали, правда, безпокойный элементъ и были главной опорой продажнаго партійнаго хозяйничанья въ большихъ городахъ, но они, по крайней мѣрѣ, владѣли англійскимъ языкомъ и выросли въ средѣ, которая все же находилась подъ вліяніемъ англо-саксонской культуры.

Начиная съ восьмидесятыхъ годовъ, характеръ иммиграціи существенно измѣнился. Такъ какъ экономическое положеніе Ирландіи улучшилось, а въ Германіи наступила пора блестящаго подъема промышленности, то иммиграція изъ этихъ странъ ослабѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стала расти иммиграція изъ восточной и южной Европы. Между тѣмъ, какъ въ періодъ времени отъ 1820 до 1879 г. 53% иммигрантовъ были изъ Великобританіи и Ирландіи, 34%—изъ Германіи, и только 1%—изъ Австро-Венгріи, 1%—изъ Италіи и 0,5%—изъ Россіи, въ 1903—1906 гг. только 4,5% были изъ Германіи, 10,5%—изъ Великобританіи и Ирландіи, зато 24%—изъ Австро-Венгріи, 24%—изъ Италіи и 18%—изъ Россіи. Итальянцы, славяне и русскіе евреи, большей частью совершенно невѣжественные люди, которымъ чужды американскія правовыя и государственныя учрежденія, составляютъ главную массу иммигрантовъ. Почти всѣ они скучиваются въ восточныхъ большихъ городахъ и промышленныхъ округахъ. Они прибываютъ изъ самыхъ бѣдныхъ и отсталыхъ странъ Европы, живутъ въ негигіеническихъ условіяхъ; у нихъ мало потребностей, и они удовлетворяются низшей заработной платой, вытѣсняютъ коренныхъ рабочихъ изъ нѣкоторыхъ промысловъ, и ихъ конкуренція угрожаетъ пониженіемъ уровня существованія рабочаго.

Забота о нравственномъ и физическомъ здоровьѣ американскаго народа

и интересахъ американскихъ рабочихъ требовала принятія мѣръ противъ чрезмѣрнаго роста иммиграціи. Съ другой стороны, соотечественники иммигрантовъ заступаются за своихъ соплеменниковъ, работодателямъ желательно увеличеніе предложенія дешевыхъ рабочихъ рукъ, и, наконецъ, существуютъ также принципіальные противники ограничительныхъ мѣръ противъ иммиграціи. Такъ какъ, такимъ образомъ, интересы и взгляды сильно расходятся въ этомъ вопросѣ, то законодательство до сихъ поръ не особенно сильно стѣсняло иммиграцію. Абсолютно запрещена съ 1882 г. иммиграція китайскихъ рабочихъ, которые раньше прибывали въ большомъ количествѣ въ Калифорнію и разсматривались тамъ какъ великая угроза для бѣлыхъ рабочихъ. Изъ другихъ эмигрантовъ не позволяютъ высаживаться лишь лицамъ съ физическими недостатками или нравственно негоднымъ элементамъ и такъ называемымъ рабочимъ по контракту, т.-е. лицамъ, которыя уже у себя на родинѣ связали себя долгосрочнымъ рабочимъ договоромъ съ американскимъ работодателемъ. Законопроекты, въ которыхъ предлагалось требовать отъ каждаго иммигранта доказательства, что онъ обладаетъ извѣстнымъ образованіемъ или опредѣленной суммой денегъ, до сихъ поръ отвергались; однако, вѣроятно, что сторонники этихъ мѣръ вскорѣ достигнутъ своей цѣли, и, такимъ образомъ, будетъ поставленъ барьеръ передъ наплывомъ самой бѣдной и невѣжественной части иммиграціи. Другія мѣры ставятъ себѣ цѣлью направить иммиграцію въ рѣдко населенныя части страны, въ особенности на югъ. Вопросъ объ иммиграціи тѣмъ серьезнѣе, что цифра рождаемости въ коренныхъ американскихъ семьяхъ крайне низка, и вліяніе плодовитыхъ южно- и восточно-европейскихъ расъ на составъ американскаго народа должно еще поэтому усилиться въ будущемъ. Ассимиляціонная сила американскихъ идей, однако, такъ велика, что, можетъ-быть, Соединенные Штаты будутъ въ состояніи перенести безъ вреда для себя и очень значительную примѣсь восточно- и южно-европейскихъ элементовъ.

Еще большей, можетъ-быть, опасностью, чѣмъ физическое ухудшеніе расы, угрожаетъ американской демократіи совершенно измѣнившійся соціальный составъ народа. Когда возникли типичныя для Союза учрежденія, населеніе страны занималось преимущественно сельскимъ хозяйствомъ, и имущественныя различія были сравнительно ничтожны. Въ послѣднія десятилѣтія, съ одной стороны, собраны громадныя богатства, а съ другой существуютъ милліоны людей, которые могутъ назвать своей собственностью лишь свою рабочую силу. Соединеннымъ Штатамъ приходится, такимъ образомъ, разрѣшать трудные вопросы: какъ ослабить чрезмѣрное могущество капитала, какъ примирить противорѣчіе между трудомъ и капиталомъ и привести въ согласіе растущее неравенство условій жизни съ демократической формой государственнаго устройства?

Нигдѣ капитализмъ не могъ такъ свободно и безпрепятственно развиваться, нигдѣ нельзя такъ хорошо изучать дѣйствіе свободной игры силъ, какъ на американской почвѣ. Интеллигентныя и энергичныя личности использовали неограниченныя возможности страны, не встрѣчая тѣхъ препятствій,

которыя еще существуютъ въ Старомъ Свѣтѣ, и нажили такія состоянія, какихъ до сихъ поръ еще не видѣлъ міръ. И одновременно со скопленіемъ въ однѣхъ рукахъ гигантскихъ капиталовъ шла концентрація крупныхъ предпріятій, цѣлью которой было исключить по возможности свободную конкуренцію и создать монопольное положеніе. Производство важныхъ сырыхъ матеріаловъ, пищевыхъ продуктовъ, предметовъ удовольствія и фабрикатовъ, какъ, напримѣръ, мѣди, керосина, мяса, сахара, табака, виски, стали и бумаги, находится цѣликомъ или, главнымъ образомъ, въ рукахъ гигантскихъ предпріятій, такъ называемыхъ трестовъ. Стоявшимъ во главѣ этихъ трестовъ часто удавалось подчинить себѣ еще другія области хозяйственной жизни и, главнымъ образомъ, пріобрѣсти вліяніе на транспортныя предпріятія. Могущество какого-нибудь Карнеджи, Моргана или Рокфеллера покоится на томъ, что онъ обладаетъ чудовищнымъ богатствомъ, стоитъ во главѣ гигантскихъ промышленныхъ предпріятій и располагаетъ путями сообщенія. Нѣтъ сомнѣнія, что американское народное хозяйство многимъ обязано этимъ Наполеонамъ экономической дѣятельности, что колоссальный подъемъ промышленности и увеличеніе средствъ передвиженія были бы невозможны безъ смѣлой иниціативы отдѣльныхъ геніальныхъ личностей. Нельзя также не признать, что концентрація предпріятій является результатомъ естественнаго развитія, которое въ другихъ странахъ привело къ похожимъ, хотя и не одинаковымъ результатамъ. Но именно въ демократическомъ обществѣ должны были еще рѣзче выступить опасности, вытекающія изъ такого положенія: уничтоженіе многихъ самостоятельныхъ предпріятій, подавленіе свободной конкуренціи и, главное, необычайно громадное вліяніе концентрированнаго капитала на государство и общество. Нечистыя средства, довольно часто употребляемыя при уничтоженіи неудобныхъ конкурентовъ, мошенническія продѣлки, имѣвшія мѣсто при основаніи многихъ предпріятій, и явная подкупность государственныхъ и общинныхъ органовъ, съ своей стороны, способствовали усиленію ожесточенія общественнаго мнѣнія противъ угрожающаго могущества капитала.

Враждебныя капиталу движенія не представляютъ собою ничего новаго въ Соединенныхъ Штатахъ. Борьба Джаксона противъ банка въ тридцатыхъ годахъ, агитація мызниковъ въ семидесятыхъ годахъ, популистская партія конца восьмидесятыхъ годовъ и великое движеніе въ пользу биметализма, являвшагося главнымъ вопросомъ президентскихъ выборовъ 1896 и 1900 г., изъ которыхъ вышелъ побѣдителемъ республиканецъ Макъ Кинлей,—во всѣхъ этихъ движеніяхъ проявлялась, въ сущности, анти-капиталистическая тенденція. Только въ прошломъ дѣло шло, главнымъ образомъ, объ антагонизмѣ между задолженными сельскими хозяевами, въ особенности западными, и ихъ кредиторами, денежными тузами восточныхъ штатовъ, а современное анти-капиталистическое движеніе стремится защитить государство и общество противъ опасностей, которыми угрожаетъ громадное скопленіе капиталовъ въ однѣхъ рукахъ.

Вмѣшательство государства въ хозяйственную жизнь—за исключеніемъ таможенной политики—противорѣчило традиціонному воззрѣнію, по которому

государство существуетъ только для того, чтобы поддерживать законность и внѣшній порядокъ. Вмѣшательство государственнаго законодательства можно было оправдать лишь съ той точки зрѣнія, что оно спасетъ свободную конкуренцію, считавшуюся именно основой этого законопорядка, и соотвѣтственно этому различные законы, изданные въ отдѣльныхъ штатахъ и въ Союзѣ противъ концентраціи капитала, такъ называемые законы противъ трестовъ, стремились помѣшать образованію монополій. Это законодательство, однако, не имѣло другого результата, кромѣ измѣненія юридической формы, въ которую облеклась естественная эволюція. Какъ-разъ послѣ изданія этихъ законовъ, тресты, какъ привыкли называть всякое гигантское предпріятіе, стремящееся къ установленію монополіи, получили необычайное распространеніе и силу. Теперь начинаютъ убѣждаться, что путь, по которому шло законодательство до сихъ поръ, былъ ложный, что нужно ставить себѣ цѣлью не уничтоженіе трестовъ, а ихъ подчиненіе дѣйствительному контролю государства.

Сила трестовъ въ Соединенныхъ Штатахъ не въ малой мѣрѣ основана на ихъ связи съ транспортными предпріятіями. Желѣзныя дороги въ Америкѣ, въ особенности на западѣ, представляютъ собою колоссальный факторъ могущества. Отъ нихъ зависитъ благосостояніе цѣлыхъ штатовъ, и измѣненіе товарныхъ тарифовъ можетъ разорить тысячи людей. Постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ были предоставлены въ Соединенныхъ Штатахъ, за немногими исключеніями, частной иниціативѣ, и американцы съ гордостью указываютъ на то, какъ великолѣпно развились пути сообщенія при системѣ свободной конкуренціи. Желѣзнодорожная сѣть Союза (къ 1905 г. равнялась 351503 километрамъ) превосходитъ желѣзнодорожную сѣть всей Европы (равнялась къ концу 1905 г. 309393 километрамъ), и въ эксплуатаціи, въ отношеніи пассажирскаго и, въ особенности, товарнаго движенія, американскія желѣзныя дороги тоже обладаютъ нѣкоторыми преимуществами. Желѣзнодорожное дѣло, какъ и промышленность, также вступило въ послѣднія десятилѣтія на путь концентраціи и исключенія свободной конкуренціи. Желѣзнодорожныя компаніи вступаютъ въ соглашеніе относительно тарифа, сливаются, и въ настоящее время процессъ концентраціи зашелъ такъ далеко, что полдюжины крупныхъ компаній являются хозяевами важнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ линій Союза. Какъ и въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ также все вершаютъ или, какъ обыкновенно выражаются въ Америкѣ, «контролируютъ желѣзную дорогу единичные люди—«желѣзнодорожные короли».

Постепенно стали понимать, что ничѣмъ не ограниченная свободная игра силъ и въ желѣзнодоржномъ дѣлѣ, какъ и въ крупной промышленности, неизбѣжно должна вести къ монополіи, къ уничтоженію свободной конкуренціи и къ колоссальному могуществу нѣсколькихъ предпріятій и нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, и что вмѣшательство государства крайне необходимо, чтобы защитить интересы общества противъ тиранніи власти капитала. Въ отдѣльныхъ штатахъ былъ изданъ цѣлый рядъ законовъ, имѣющихъ своей цѣлью подчиненіе желѣзныхъ дорогъ контролю государства; эти законы дѣйствительны

только въ предѣлахъ одного штата. Въ 1887 г. союзное законодательство, компетенція котораго простирается только на сообщеніе между нѣсколькими штатами, сдѣлало попытку устранить посредствомъ акта о сообщеніи между штатами самыя худшія злоупотребленія. Было запрещено предоставленіе предпріятіямъ тайныхъ тарифныхъ уступокъ, и было создано союзное присутствіе, такъ называемое interstate commerce commission, которому было предоставлено право признать опредѣленныя тарифныя ставки несправедливыми и потому недѣйствительными. Такъ какъ результаты этого закона были ничтожны, то конгрессъ, по настоянію президента Рузвельта, издалъ въ 1906 г. новый законъ, уполномочивающій interstate commerce commission устанавливать тарифныя ставки своей собственной властью дать и Союзу возможность установить дѣйствительный контроль надъ желѣзными дорогами. Все больше и больше порываютъ, такимъ образомъ, въ послѣднее время съ принципомъ laissez-faire, и, вѣроятно, Союзъ, защищаясь противъ могущества организованнаго въ трестахъ и желѣзнодорожныхъ компаніяхъ крупнаго капитала, пойдетъ дальше по пути вмѣшательства въ хозяйственную жизнь, на который онъ уже однажды вступилъ. Многіе того мнѣнія, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой политики явится передача желѣзныхъ дорогъ въ руки государства.

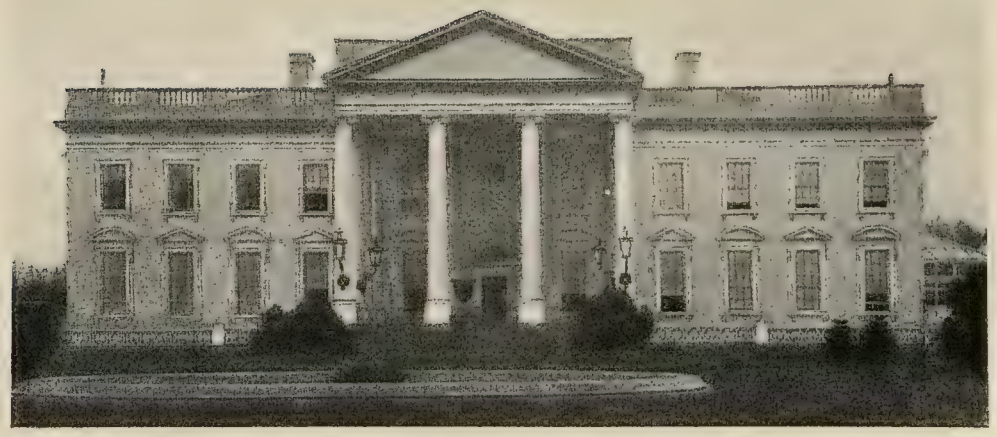
И въ отношеніи государства къ борьбѣ между трудомъ и капиталомъ также постепенно происходитъ разрывъ.

Американское рабочее движеніе носило до сихъ поръ преимущественно экономическій характеръ. Оно было, главнымъ образомъ, борьбою между рабочими и предпринимателями за условія труда. Предоставляемая этой обширной страной также и рабочему возможность достигнуть богатства и почетнаго положенія, демократическое государственное устройство и, наконецъ, чрезвычайная практичность удерживали американскаго рабочаго отъ погони за идеалами государства будущаго. Различные виды соціализма нашли, правда, многочисленныхъ сторонниковъ среди европейскихъ иммигрантовъ, но громадное большинство американскихъ рабочихъ твердо остается на почвѣ реальныхъ фактовъ и стремится лишь къ тому, чтобы по возможности улучшить положеніе рабочаго класса въ рамкахъ уже существующаго экономическаго и соціальнаго порядка. Необходимымъ условіемъ успѣшнаго веденія борьбы съ предпринимателями было, естественно, объединеніе занятыхъ въ одномъ промыслѣ рабочихъ въ профессіональный союзъ. Уже въ началѣ XIX вѣка образовались въ Соединенныхъ Штатахъ отдѣльные профессіональные союзы (Unions); начиная приблизительно съ 1850 г., мѣстные союзы начали объединяться въ національные союзы. Организація, построенная на другихъ началахъ,—«Рыцари труда» (Knights of Labour)—нашла, правда, въ теченіе короткаго періода, въ восьмидесятыхъ годахъ, многочисленныхъ сторонниковъ, но не могла прочно утвердиться. Профессіональная организація, какъ единственно естественный типъ рабочей организаціи, одержала верхъ. Различные національные союзы объединились въ 1881 г.—уже въ 1866 г. была предпринята подобнаго же рода попытка—въ громадный союзъ, принявшій въ 1886 г. названіе American Federation of Labour. Въ этотъ союзъ входитъ въ настоящее время (1907 г.) свыше полутора милліона рабочихъ.

Цѣлями профессіональнаго движенія здѣсь, какъ и всюду, являются повышеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго времени. Профессіональные союзы, кромѣ того, стремятся къ монополизированію рабочаго рынка, всѣ рабочіе одной профессіи должны входить въ соотвѣтствующій профессіональный союзъ, и работодатели должны принять на себя обязательство давать работу только членамъ рабочихъ союзовъ. Средствами борьбы являются, главнымъ образомъ, забастовки, которыя часто принимали въ Америкѣ грандіозные размѣры и нерѣдко приводили также къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Профессіональное движеніе, безспорно, много способствовало тому, что положеніе обученныхъ рабочихъ сравнительно очень благопріятно. Ихъ заработная плата выше, а жизнь не дороже, и потому уровень жизни выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Старомъ Свѣтѣ.

Своей собственной дѣятельности рабочіе обязаны большей частью того, что ими достигнуто. Забота государства, которая, впрочемъ, не совсѣмъ отсутствуетъ, проявлялась, главнымъ образомъ, въ регулированіи женскаго и дѣтскаго труда, въ инструкціяхъ о соблюденіи безопасности и гигіены на фабрикахъ, а въ нѣкоторыхъ штатахъ также и въ довольно строгомъ контролѣ надъ домашней промышленностью. Восьмичасовой нормальный рабочій день, существующій почти во всѣхъ штатахъ, простирается на тѣ случаи, когда въ рабочемъ договорѣ нѣтъ противоположнаго пункта, а также на государственные подряды. Въ рядѣ штатовъ существуютъ государственные третейскіе суды для рѣшенія споровъ между работодателями и рабочими, но рѣшенія этихъ судовъ обязательны лишь въ томъ случаѣ, если къ нимъ обращаются обѣ стороны. Нужно ожидать, что пока еще очень отсталое соціальное законодательство со временемъ будетъ развито дальше, и я считаю большою ошибкою предположеніе, будто бы американскій рабочій не нуждается въ попеченіи государства или даже не желаетъ его. Положеніе, создавшееся для американскаго рабочаго въ XIX в., было исключительно благопріятное, постоянный спросъ на рабочій трудъ со стороны быстро растущей промышленности и существованіе обширныхъ пространствъ дешевой земли на западѣ образовали такую конъюнктуру, которая не можетъ снова настать. Страна теперь заселена, иммиграція постоянно увеличиваетъ предложеніе дешевыхъ рабочихъ рукъ, и значительно, вмѣстѣ съ тѣмъ, возросла сила сопротивленія капитала. Такимъ образомъ, въ будущемъ рабочимъ будетъ необходимо вмѣшаться въ политику, чтобы добиться защиты своихъ интересовъ путемъ законодательства. Начало уже сдѣлано. И въ этомъ пунктѣ, такимъ образомъ, уже оставляется старая традиція индивидуалистическаго государства, и издали уже вырисовывается силуэтъ новаго государства, находящагося подъ вліяніемъ соціалистическихъ идей.

Надпись на зданіи бостонской народной библіотеки гласитъ: «Общество требуетъ образованія народа какъ гарантіи порядка и свободы». Чрезвычайно характерной чертой современной Америки является тотъ энтузіазмъ, съ которымъ всюду и во всѣхъ классахъ населенія встрѣчаютъ стремленіе къ образованію,—энтузіазмъ, нашедшій свое выраженіе въ величественномъ



«Бѣлый домъ» въ Вашингтонѣ, резиденція президента Соединенныхъ Штатовъ.

Гигантскіе дома въ Нью-Іоркѣ.

развитіи учебнаго и библіотечнаго дѣла. Больше всего такая демократія, какъ американская, должна была заботиться объ усовершенствованіи народной школы. По всей странѣ, за исключеніемъ отсталыхъ во всѣхъ отношеніяхъ южныхъ штатовъ, мы находимъ общественныя, не конфессіональныя народныя школы, обученіе въ которыхъ—а часто также и учебныя пособія—безплатно. Болѣе, чѣмъ какое бы то ни было учрежденіе, народная школа способствовала нивелировкѣ существующихъ различій классовъ, расъ, языковъ и религій и образованію единой націи изъ самыхъ разнообразныхъ составныхъ частей. Въ народной школѣ ребенокъ, колыбель котораго стояла у Вислы или Тибра, воспринимаетъ идеи американской демократіи, здѣсь воспитаніе дѣлаетъ его американскимъ гражданиномъ, ибо не общность происхожденія, а общность опредѣленныхъ великихъ идей создала американскую націю.

Въ новѣйшее время была также создана система свободныхъ общественныхъ школъ, которая въ западныхъ штатахъ была приведена въ органическую связь съ университетами штата. Потребности въ образованіи массъ идутъ навстрѣчу народныя чтенія и, главнымъ образомъ, превосходно организованныя общественныя библіотеки, которыя съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ доходящіе до неба дома [1]), могутъ считаться эмблемой современной Америки.

Въ постановкѣ высшаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ въ теченіе послѣдняго поколѣнія совершился большой переворотъ. Прежнія высшія школы ставили себѣ задачей давать посѣщающему ихъ молодому человѣку нужное для джентльмена общее образованіе, а не подготовлять ученыхъ. Наряду съ этими колледжами существовали спеціальныя школы для подготовки юристовъ, священниковъ и врачей, но эти школы давали лишь практическую подготовку къ этимъ занятіямъ и въ научномъ отношеніи не имѣли значенія. Начиная съ семидесятыхъ годовъ, американское высшее образованіе было реформировано, главнымъ образомъ, по нѣмецкому образцу, причемъ, однако, не былъ уничтоженъ его своеобразный характеръ. Во-первыхъ, были сохранены колледжи, являющіеся, съ одной стороны, важными очагами образованія и образующіе, съ другой, превосходный переходъ отъ школьнаго ученія къ научнымъ занятіямъ. Такимъ образомъ, избѣгается рѣзкій переходъ отъ принудительности школы къ академической свободѣ, составляющій одинъ изъ главныхъ недостатковъ нѣмецкой организаціи учебнаго дѣла. Всему высшему образованію былъ, однако, рѣшительно приданъ научный характеръ; спеціальныя школы сдѣлались надстройкой колледжей, и право поступленія въ нихъ поставлено въ зависимость отъ окончанія колледжа, и въ нихъ такъ же, какъ и въ Graduate School, соотвѣтствующей философскому факультету нашихъ университетовъ, изучается наука ради науки, а не только для спеціальной подготовки. Значительная часть колоссальнаго богатства, накопленнаго въ Америкѣ послѣ окончанія междоусобной войны, была употреблена на усовершенствованіе учебной части, въ особенности университетовъ. Старыя высшія учебныя заведенія, какъ, напримѣръ, гарвардскій, колумбійскій колледжи и пенсильванскій университетъ, воспользовались полу-

[1]) Собственно «небоскрёбы», по-англійски -Skyscrapers, по-нѣмецки—Wolkenkratzer.

ченными ими пожертвованіями, чтобы учредить новыя каѳедры, пополнить свои библіотеки и возможно лучше обставить необходимыя для современнаго крупнаго научнаго производства семинары, лабораторіи и клиники. Нѣкоторые милліардеры сами основали высшія учебныя заведенія; такъ, напримѣръ, сенаторъ Станфордъ основалъ университетъ Leland Stanford въ Калифорніи, и Рокфеллеръ—чикагскій университетъ. И съ этими высшими школами, которыя всѣ содержатся на частныя средства, соперничали западные штаты, стремившіеся сдѣлать основанные и содержимые ими университеты равными болѣе старымъ университетамъ восточныхъ штатовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, мичиганскій, висконсинскій и калифорнійскій университеты, уже занимаютъ высокое мѣсто среди американскихъ высшихъ школъ.

Такимъ образомъ, были созданы предварительныя условія для успѣшной научной дѣятельности молодой Америки. Въ различныхъ областяхъ научнаго изслѣдованія американскіе университеты уже даютъ отличные результаты: въ области точныхъ и техническихъ дисциплинъ, въ области философіи, филологіи, исторіи и политической экономіи, Америка можетъ указать на рядъ превосходныхъ ученыхъ. Нѣтъ недостатка въ дѣльныхъ ученыхъ-спеціалистахъ, но великихъ научныхъ геніевъ, какъ, напримѣръ, Гельмгольцъ или Моммсенъ, Тэнъ или Пастеръ, Америка еще не дала. Ходъ развитія страны до сихъ поръ не благопріятствовалъ также и расцвѣту литературы и искусства. Литературная производительность, правда, очень возросла въ объемѣ, но не могла подняться до того высокаго уровня, на которомъ стояла литература ново-англійскаго возрожденія. Ежегодно появляются какъ по ту, такъ и по сю сторону океана сотни романовъ, но лишь немногіе изъ нихъ обладаютъ какимъ-либо значеніемъ. Еще и теперь нѣтъ ни одной американской драмы, которая произвела бы впечатлѣніе за предѣлами Союза. Своеобразныя творенія подарили многимъ читателямъ Новаго и Стараго Свѣта американскіе юмористы, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ является Маркъ Твэнъ. Не случайно, конечно, что модернистское направленіе современной европейской литературы такъ мало привилось въ Америкѣ: оно совершенно противорѣчитъ оптимистическому настроенію американцевъ.

Въ области изобразительныхъ искусствъ нѣтъ недостатка въ отдѣльныхъ хорошихъ работахъ. Архитектура можетъ указать на рядъ самостоятельныхъ и художественно законченныхъ произведеній, изъ которыхъ особенно выдающимися являются произведенія Ричардсона. Въ импозантныхъ университетскихъ и библіотечныхъ зданіяхъ, въ нѣкоторыхъ церквахъ, а въ особенности въ декораціи внутреннихъ залъ обыкновенно проявляется сильно развитое чувство красоты, соединенное съ пониманіемъ цѣлесообразнаго. Америка дала также въ послѣднія десятилѣтія нѣсколькихъ превосходныхъ скульпторовъ, какъ, напримѣръ, Френчъ и Ст.-Гауденсъ, отличныхъ художниковъ, какъ, напримѣръ, Уистлеръ, Сарджентъ, Аббей, и пейзажиста Иннеса, но они находились подъ такимъ сильнымъ вліяніемъ современныхъ имъ европейскихъ теченій въ искусствѣ, что было бы слишкомъ преждевременно говорить о своеобразной американской живописи или скульптурѣ. Еще незначительнѣе музыкальное творчество Америки. Въ этихъ областяхъ Аме-

рика должна еще принести міру свой вкладъ. Компетентные судьи убѣждены въ томъ, что она вскорѣ уплатитъ свой долгъ.

Длинный путь пройденъ Америкой съ тѣхъ поръ, какъ посланные Виргинской компаніи подымались вверхъ по Джемсу, и пилигриммы причалили къ скалистому берегу Нью-Плимута. Обширное пространство между Атлантическимъ и Тихимъ океанами, еще сто лѣтъ тому назадъ представлявшее собою въ наибольшей своей части пустыню, теперь заселено, прорѣзано безчисленными рельсовыми путями и покрыто многочисленными городами. Здѣсь создалась не только Новая Англія,—нѣтъ, здѣсь создалась новая Европа, новая родина для всѣхъ народовъ бѣлой расы. Изъ разнообразнѣйшихъ составныхъ частей возникъ новый своеобразный народъ съ рѣзко выраженными чертами характера, съ совершенно оригинальными государственными и общественными учрежденіями.

Американское государство явилось результатомъ не абстрактнаго мышленія, а дальнѣйшаго развитія видоизмѣненныхъ благодаря колоніальнымъ отношеніямъ англійскихъ учрежденій, и американская демократія была естественной формой государственнаго устройства для живущаго въ общемъ въ одинаковыхъ условіяхъ американскаго народа. Въ теченіе XIX вѣка населеніе чрезвычайно увеличилось. Маленькое государство атлантическаго побережья превратилось въ могущественную міровую державу, изъ небольшого государства фермеровъ въ огромное индустріальное государство. Выступили новые вопросы, возникли новыя затрудненія. Между тѣмъ, какъ на югѣ самымъ важнымъ вопросомъ является вопросъ о расовомъ антагонизмѣ между чернокожими и бѣлыми, сѣверу приходится защищать американскія учрежденія противъ наплыва невѣжественныхъ эмигрантовъ, сильно отличающихся по своимъ нравамъ и воззрѣніямъ отъ американцевъ; къ этому еще прибавляются вопросы, стоящіе передъ каждымъ государствомъ со значительно развитой промышленностью,—вопросы, которые мы обыкновенно объединяемъ подъ общимъ названіемъ соціальнаго вопроса. Противорѣчіе между капиталомъ и трудомъ выступило въ Америкѣ приблизительно въ тѣхъ же формахъ, какъ и въ промышленно развитыхъ странахъ Стараго Свѣта, могущество организованнаго капитала нигдѣ не выступило такъ угрожающе, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Эти вопросы придется рѣшать двадцатому вѣку. Тотъ, кто знаетъ энергію, умъ и оптимизмъ американскаго народа, не будетъ сомнѣваться въ томъ, что американцамъ удастся справиться съ этими затрудненіями, что имъ удастся сохранить единство республики, демократическую форму государственнаго устройства и самостоятельность мѣстныхъ организмовъ,—тѣ учрежденія, на которыхъ покоится политическая жизнь Союза,—и дать отрадное человѣчеству доказательство, что и стомилліонный народъ способенъ къ самоуправленію. Мы можемъ также надѣяться, что въ двадцатомъ вѣкѣ американецъ найдетъ также и досугъ для духовнаго самоуглубленія, и онъ проявитъ свой высокій умъ и свою высокую даровитость не только въ политикѣ и экономической дѣятельности, но и въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ.

СРЕДНЯЯ
И
ЮЖНАЯ
АМЕРИКА

Отъ основанія Испанской колоніальной имперіи до нашихъ дней.

Въ срединѣ XVI вѣка Испанія предъявила притязаніе на господство надъ всѣмъ американскимъ континентомъ со всѣми его островами, за исключеніемъ лишь восточной оконечности Южной Америки, которая по раздѣльному договору 1493 г. досталась португальцамъ. Фактически это господство не вездѣ было осуществлено. Къ колоніальнымъ начинаніямъ португальцевъ, англичанъ и французовъ, пока они не затрагивали сѣверо-восточной территоріи, находившейся въ фактическомъ обладаніи Испаніи, послѣдняя на первыхъ порахъ относилась совершенно равнодушно. Но какъ смотрѣла Испанія на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія права, показала та безпощадная строгость, съ которою она подавила въ 1564 г. попытку французскихъ гугенотовъ основать поселеніе во Флоридѣ. Франція должна была примириться съ осужденіемъ сотенъ ея подданныхъ, третируемыхъ какъ безправныхъ пришельцевъ и пиратовъ только за то, что тѣ осмѣлились пристать къ покинутому берегу Флориды въ испанской области.

Однако, весь сѣверный континентъ, даже и въ послѣдующія эпохи, совершенно не привлекалъ къ себѣ вниманія испанцевъ. Только въ сѣверо-западной его части, отъ Колорадо до области Пуэбло, разселились они, да и то больше въ лицѣ своихъ миссіонеровъ, чѣмъ правительственныхъ чиновниковъ. Во Флоридѣ (подъ этимъ именемъ въ то время разумѣли всю территорію отъ границъ Новой Мексики до атлантическаго побережья) испанское

господство всегда было лишь номинальнымъ и простиралось на немногія прибрежныя мѣста.

Въ цѣляхъ управленія обширная колоніальная имперія была раздѣлена на два вице-королевства—Мексику и Перу—и около 30 другихъ болѣе или менѣе крупныхъ административныхъ единицъ, носившихъ различныя названія.

Съ теченіемъ времени изъ этихъ колоніальныхъ областей были образованы еще два вице-королевства—Новая Гранада (1739 г.) и Буэносъ-Айресъ (1776 г.), къ которымъ были присоединены смежныя области; впрочемъ, серьезныхъ измѣненій въ административномъ дѣленіи старались по возможности избѣгать. На первыхъ порахъ административнымъ центромъ всей имперіи считался Санъ-Доминго на островѣ Испаньола [1]). Здѣсь засѣдалъ высшій судъ колоніи, audiencia, и отсюда руководили всѣми колоніальными дѣлами. Только черезъ Санъ-Доминго могли губернаторы и поселенцы сноситься съ родиной, гдѣ находилась casa de contratacion въ Севильѣ, функціонировавшая сначала какъ контрольное вѣдомство за колоніальной торговлей, но вскорѣ затѣмъ преобразованное въ центральное учрежденіе, снабженное административными и судебными полномочіями и, соотвѣтственно этому, облеченное совершенно исключительными правами. Надъ этими обоими центрами стоялъ, въ качествѣ апелляціонной инстанціи и руководящаго вѣдомства, индѣйскій совѣтъ, постоянно сопровождавшій королевскій дворъ въ его путешествіяхъ. Впослѣдствіи увеличеніе числа судебныхъ учрежденій стало неизбѣжнымъ. Постепенно учреждено было не менѣе девяти audiencia; но до XVIII столѣтія audiencia въ Санъ-Доминго сохраняла за собою исключительное положеніе, находившее себѣ оправданіе въ тѣхъ стѣсненіяхъ, которыми были обставлены сношенія колонистовъ съ метрополіей; всѣ сношенія послѣдней съ ея заморскими владѣніями въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій велись исключительно по линіи Санъ-Доминго—устье Гвадалквивира,—Севилья, Санъ-Лукаръ и Кадиксъ.

Съ неменьшею заботливостью пеклась Испанія о церковномъ управленіи въ колоніяхъ. Первыя епископства на Испаньолѣ были основаны въ 1512 г. По мѣрѣ дальнѣйшаго развитія административной организаціи страны, расширялась и сѣть духовныхъ епархій съ соотвѣтствующимъ числомъ архіепископовъ и епископовъ во главѣ. Но основное положеніе, въ силу котораго всѣ колоніи, вмѣстѣ взятыя, разсматривались какъ гигантская вотчина, подчиненная кастильской коронѣ, нашло себѣ соотвѣтствующее выраженіе и въ духовной области. Король считался патрономъ колоніальныхъ приходовъ, каждаго въ отдѣльности и всей ихъ совокупности, и назначалъ должностныхъ лицъ совершенно самостоятельно, независимо отъ всякаго посторонняго вмѣшательства.

Характернѣйшей чертой испанскаго колоніальнаго управленія является отношеніе къ туземцамъ. Колумбъ по примѣру Португаліи, единственнаго государства, до испанцевъ владѣвшаго колоніями, въ 1495 г. нагрузилъ свои

[1]) Такъ Колумбомъ былъ названъ островъ Гаити. *Ред.*

корабли большимъ числомъ индѣйцевъ съ тѣмъ, чтобы продать ихъ въ рабство въ Испаніи. Но и тогда уже принципіально было рѣшено смотрѣть на туземцевъ какъ на свободныхъ подданныхъ. Само собою разумѣется, на практикѣ отъ этого основного положенія допускались разнообразныя отклоненія. Такъ, до 1531 г., вопреки всѣмъ постановленіямъ права, допускалось обращеніе въ рабство враждебныхъ индѣйцевъ. Даже свободный индѣецъ вначалѣ, въ видахъ пріобщенія къ христіанству и цивилизаціи, долженъ былъ становиться подъ опеку европейскихъ поселенцевъ. Такія repartimientos (привилегированныя функціи) и encomiendas (права патроната) обыкновенно давались тѣмъ колонистамъ, которые выдѣлялись своими заслугами въ смыслѣ открытія новыхъ земель. Но чѣмъ чаще становились жалобы опекаемыхъ на то, что опекуны ихъ больше эксплуатируютъ, чѣмъ оберегаютъ, тѣмъ строже примѣнялись законы, издаваемые въ пользу туземцевъ, тѣмъ меньше жаловали encomiendas, тѣмъ тѣснѣе сосредоточивалось дѣло обращенія и культивированія индѣйцевъ въ рукахъ духовныхъ, которые вмѣстѣ со своими миссіями распространяли испанское вліяніе на отдаленнѣйшіе углы колоніальной имперіи. Испанское законодательство о туземцахъ — одно изъ наиболѣе мягкихъ законодательствъ, когда-либо существовавшихъ. Вина и отвѣтственность за дурное обращеніе съ туземцами падаютъ не на законы, а на личности и также на отношенія, установившіяся со стороны колонистовъ.

Положеніе колонистовъ было довольно тяжелое. Надежда на встрѣчу съ высококультурными націями на восточномъ побережьѣ Азіи, съ которыми можно было бы завязать выгодныя торговыя сношенія, открытіемъ Колумба не оправдалась. Мѣстныя произведенія колоній вначалѣ давали мало основаній разсчитывать на возможность покрытія необходимыхъ издержекъ производства. Только воздѣлываніе сахарнаго тростника, вмѣстѣ съ другими культурами распространившагося по Новому Свѣту, открыло выгодныя торговыя перспективы. Но туземцы не были приспособлены къ такого рода работамъ. Вотъ почему стремленія поддержать эту отрасль производства, которыя въ 1520 г. съ особой энергіей проводились Бартоломеемъ Ласъ-Казасомъ, привели къ торгу неграми, практиковавшемуся въ широкихъ размѣрахъ въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій и до междоусобной войны служившему характерной чертой американскаго колоніальнаго хозяйства.

Совершенно новое экономическое значеніе получили колоніи для метрополіи съ открытіемъ въ ихъ нѣдрахъ минеральныхъ богатствъ. Впрочемъ, уже Колумбъ нашелъ немного золота у островитянъ, и съ давнихъ поръ уже въ различныхъ мѣстахъ занялись промывкой рѣчного песка. Значительные результаты далъ золотой промыселъ лишь послѣ того, какъ въ Сультепекѣ и Гуанахуато (въ Мексикѣ) и въ Потози (въ Перу) были открыты серебряные рудники, и найденъ былъ способъ амальгамированія. Помимо богатой добычи, доставшейся въ руки испанцамъ послѣ покоренія страны, для нихъ открылся здѣсь такой неисчерпаемый источникъ богатства, какимъ не располагала никакая другая нація въ мірѣ. Золото и серебро, а въ теченіе долгаго времени и жемчугъ съ сѣвернаго берега Южной Америки, и изумруды текли къ

испанцамъ въ такомъ изобиліи, что вызвали коренной, но непонятый современниками переворотъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Вмѣстѣ съ постепеннымъ ростомъ экономическаго значенія колоніальныхъ владѣній Испаніи увеличивалась и опасность, которой грозили ея враги сношеніямъ метрополіи съ колоніями. Уже во время войны Карла V съ Франціей было издано распоряженіе, въ силу котораго всѣ отправляющіеся въ Вестъ-Индію должны быть вооружены для защиты отъ разбойничьихъ нападеній; при этомъ въ военное время они должны были совершать свой переѣздъ не въ одиночку, а группами въ соединенной флотиліи. Впослѣдствіи мало-помалу установился обычай—всѣ сношенія между колоніями и метрополіей вести только черезъ посредство флота и галеонъ, дважды въ годъ совершающихъ свои рейсы. Послѣднія выходили въ мартѣ и сентябрѣ изъ Севильи или изъ Кадикса, вмѣстѣ шли въ Санъ-Доминго, тамъ онѣ распредѣлялись между судами новоиспанскаго флота, которыя плавали въ Веракруцъ, и судами континентальнаго флота, которыя шли въ Портобелло. Въ этомъ мѣстѣ, котораго раньше избѣгали вслѣдствіе свирѣпствовавшей здѣсь лихорадки, происходила послѣ прибытія флота сорокадневная ярмарка, куда со всей Южной Америки съѣзжались купцы для обмѣна предметовъ европейскихъ потребностей на продукты колоніальнаго производства. Этимъ путемъ должны были запасаться товарами и земли, лежащія по Ла-Платѣ, такъ какъ Испанія боялась открыть устье рѣки для торговыхъ сношеній изъ опасенія, что необезпеченность политическихъ границъ со стороны Португаліи, овладѣвшей лѣвымъ побережьемъ Ла-Платы, сдѣлаетъ совершенно невозможной борьбу съ незаконной контрабандной торговлей. Такимъ образомъ товары, предназначенные въ Асунсіонъ и Буэносъ-Айресъ, должны были сначала пересѣчь Панамскій перешеекъ, чтобы затѣмъ изъ Калльяо снова черезъ Кордильерскія горы спуститься къ водамъ, текущимъ на востокъ, и уже по нимъ добраться, наконецъ, до мѣста назначенія. Только въ 1778 г. съ перемѣной въ системѣ испанской колоніальной политики устранена была эта неуклюжая организація путей сообщенія.

По окончаніи ярмарки въ Портобелло, континентальный флотъ возвращался въ Габану, гдѣ его ожидалъ новоиспанскій флотъ. Затѣмъ благородные металлы, составлявшіе главное платежное средство колоній, ввѣрялись сильнѣйшимъ и лучшимъ кораблямъ, и послѣ этого весь соединенный флотъ выступалъ въ обратный путь. При этомъ принимались особыя предосторожности, такъ какъ возвращающійся домой «серебряный флотъ» спеціально подстерегался врагами, всякій разъ наносившими испанцамъ очень чувствительный вредъ, несмотря на всѣ предупредительныя мѣры въ родѣ развѣдочныхъ кораблей, постоянно сновавшихъ вокругъ флота, и посылки охранной эскадры, выходившей изъ Севильи навстрѣчу за Азорскіе острова.

Враги Испаніи не ограничивались, однако, вредомъ, который они причиняли ей въ пути; отъ времени до времени они совершали нападенія и на самыя колоніи. Вначалѣ испанскія поселенія въ сознаніи своей полной безопасности устраивались на открытыхъ мѣстахъ, въ самыхъ доступныхъ ча-

стяхъ побережья, и въ крайнемъ случаѣ возводили укрѣпленія только на сушѣ для огражденія себя отъ нападеній индѣйцевъ. Но послѣ того, какъ въ 1542 г. сначала французы, потомъ англичане произвели рядъ нападеній на различные открытые и ничѣмъ незащищенные пункты и предали ихъ разграбленію, всѣ наиболѣе важныя мѣстности были либо укрѣплены, либо передвинуты вверхъ по рѣкѣ на такое разстояніе отъ берега, чтобы оставаться недосягаемыми для враждебныхъ нападеній.

Тѣмъ не менѣе, въ теченіе всего XVII вѣка безопасность на водныхъ американскихъ путяхъ далеко не была обезпечена. Чѣмъ больше центръ тяжести испанской колоніальной имперіи отодвигался въ глубь материка, гдѣ Мексика, Картагена, Санта-Фе де Богота, Квито и Лима образовали собою центры оживленной духовной, общественной жизни и дѣятельности, тѣмъ больше теряла свое значеніе въ глазахъ центральной и мѣстной колоніальной администраціи группа Антильскихъ острововъ. Мелкіе острова были покинуты испанцами почти сейчасъ же послѣ ихъ открытія; но и на болѣе крупныхъ испанскія поселенія ограничивались немногими мѣстами преимущественно въ цѣляхъ управленія. Это обстоятельство и дало возможность преступному сброду, который продолжалъ борьбу съ испанской колоніальной имперіей даже тогда, когда сложившееся политическое положеніе лишило его всякаго повода прикрывать свой разбойничій промыселъ какимъ-либо непріятельскимъ флагомъ, укрѣпиться не только на отдаленныхъ малыхъ островахъ архипелага, но и у береговъ Испаньолы и Кубы, и пользоваться болѣе отдаленными бухтами какъ своими убѣжищами. Эти флибустьеры и буканьеры, рекрутируемые изъ всевозможныхъ націй, за исключеніемъ подданныхъ испанскаго короля, которыхъ они не терпѣли въ своихъ рядахъ, временами являлись настоящимъ бичомъ для испанскихъ колоній. Ихъ разбойничьи набѣги распространялись на берега Тихаго и Атлантическаго океановъ; отъ нихъ не были защищены даже города, удаленные на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ берега. Только послѣ того, какъ Испанія рѣшилась безусловно уступить занятые ею острова своимъ врагамъ, которые, такимъ образомъ, и сами оказались заинтересованными въ защитѣ отъ морского разбоя, флибустьерство утратило свое прежнее грозное значеніе.

Несмотря на эти временныя внѣшнія опасности, процессъ развитія испанскихъ колоній совершался спокойно и правильно. Поколѣніе завоевателей вымерло, и угнетеніе туземцевъ прекратилось само собою. Въ одномъ только случаѣ Испаніи пришлось имѣть дѣло съ возстаніемъ туземцевъ; это было во время взрыва національнаго фанатизма, воспламеннаго въ 1780 г. въ Перу Тупакъ Амару и его людьми. Позднѣе хлопоты такого рода ей причиняли негры. Число послѣднихъ, столѣтіе спустя послѣ открытія колоній, равнялось уже числу бѣлыхъ поселенцевъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, хозяйство которыхъ требовало большого количества рукъ чернокожихъ рабовъ, послѣдніе, особенно при рѣдкомъ населеніи колоніи, часто убѣгали отъ своихъ господъ. Собираясь многочисленными шайками въ лѣсахъ, бѣглецы порою долгое время держали въ страхѣ своихъ прежнихъ хозяевъ, прежде чѣмъ

послѣднимъ удавалось собрать количество военныхъ силъ, достаточное для ихъ подчиненія.

Напротивъ, между индѣйцами и колонистами повсюду установились почти патріахальныя отношенія, къ выгодѣ обѣихъ сторонъ. Болѣе же тѣсная кровная связь наблюдалась только въ единичныхъ пунктахъ мѣстности, хотя испанское правительство, покровительствуя бракамъ между туземными государынями и принцессами и испанскими завоевателями, стремилось сблизить ихъ на почвѣ общихъ интересовъ и узаконить созданное этимъ путемъ туземное дворянство. Однако, только въ области Асунсіонъ брачныя соединенія въ цѣломъ рядѣ поколѣній произвели своеобразную смѣшанную расу. Въ общемъ гордость, которую возбуждало въ испанцахъ сознаніе чистоты своей крови, и которая особенно ярко подчеркивалась въ XVI вѣкѣ въ метрополіи, перенесена была и въ Новый Свѣтъ. Въ противоположность постоянно измѣняющемуся составу текучаго населенія чиновниковъ, торговцевъ и искателей счастья, во всѣхъ колоніальныхъ провинціяхъ образовался племенной союзъ изъ осѣдлыхъ семей, которыя, какъ чистокровные креолы, хотя и рѣзко отдѣляли себя отъ туземцевъ, но въ то же время, благодаря своимъ владѣніямъ и своей большей опытности, сознавали свое превосходство надъ новыми пришельцами, надъ chapetones. Осѣвшая на мѣстѣ аристократія креоловъ не получала ни малѣйшей помощи отъ Испаніи; послѣдняя, повидимому, относилась скорѣе съ недовѣріемъ къ ихъ вліянію, которое было неоспоримо. Въ области управленія креолы всегда оттѣснялись на задній планъ передъ чистыми испанцами. Вслѣдствіе этого между оффиціальными правительственными кругами и туземнымъ, хотя и чисто-испанскимъ, мѣстнымъ дворянствомъ креоловъ почти во всѣхъ провинціяхъ установился скрытый, но отъ этого не менѣе острый, антагонизмъ.

Наступившая въ XVIII вѣкѣ перемѣна въ колоніальной политикѣ не принесла въ этомъ отношеніи никакихъ измѣненій. Во время войны за испанское наслѣдство колоніи вели себя совершенно пассивно и заранѣе готовы были согласиться съ рѣшеніемъ относительно перемѣны династіи, которое заблагоразсудится принять Испаніи. Попытки реорганизаціи управленія, предпринятыя испанскими Бурбонами, не распространились за океанъ, и когда они начали вспоминать о колоніяхъ, то первыя нововведенія ограничились лишь весьма тѣснымъ кругомъ. Гавань Севилья никогда не была доступна для кораблей съ крупнымъ водоизмѣщеніемъ. Но, такъ какъ въ XVIII вѣкѣ отказались уже давно отъ небольшого типа судовъ XVI вѣка, то перенесеніе индѣйскаго товарнаго склада въ 1715 г. въ Кадиксъ, бухта котораго обезпечивала надежную якорную стоянку самымъ большимъ флотамъ, было мѣрой простой цѣлесообразности. Наконецъ, правительство сознало и крайнее неудобство, порождаемое неправильными и слишкомъ рѣдкими извѣстіями изъ колоній, доставляемыми только флотами. Болѣе крупныя реформы энергично начаты были только при просвѣщенномъ правительствѣ Карла III. Въ 1774 г. были устранены, наконецъ, таможенныя заставы, до сихъ поръ замыкавшія одну провинцію отъ другой; въ 1778 г. урегулированы на но-

выхъ началахъ торговыя сношенія между метрополіей и колоніями; въ 1784 г. организованы были ежемѣсячныя почтовыя сношенія между Санъ-Доминго и Ла-Коруньей.

Громадность протяженія береговой линіи лишала, конечно, возможности надлежащаго контроля за строгимъ примѣненіемъ мѣръ къ предупрежденію контрабандной торговли. Чужеземныя торговыя суда вели обширный контрабандный торгъ въ испанскихъ владѣніяхъ. Борьба съ этимъ общеизвѣстнымъ явленіемъ была тѣмъ болѣе затруднительна, что наряду съ португальцами пріобрѣли въ Америкѣ колоніи англичане, голландцы и французы, ставшіе такимъ образомъ сосѣдями испанцевъ. Когда англичанамъ, послѣ заключенія Утрехтскаго мира въ 1713 г., была предоставлена монополія торговли неграми, то этимъ самымъ англійская торговля была поставлена въ привилегированное положеніе, тѣмъ болѣе, что съ этой монополіей было связано право регулярно отправлять въ колоніальныя гавани вмѣстѣ съ рабами два небольшихъ судна и съ другими предметами торговли. Съ тѣхъ поръ незаконная торговля англичанъ приняла такіе широкіе размѣры, что всякія запретительныя постановленія оставались совершенно тщетными; поэтому Карлъ III и рѣшилъ—хотя бы частью—отмѣнить ихъ. Когда заморскія сношенія метрополіи, вслѣдствіе испытываемыхъ ею военныхъ затрудненій почти совершенно были пріостановлены, былъ допущенъ только временно обмѣнъ между колоніями и представителями чужихъ націй—и то лишь въ видѣ исключительной мѣры. Съ другой стороны, индѣйскій складочный товарный пунктъ былъ уничтоженъ, девять мѣстностей въ метрополіи и не менѣе 22 гаваней въ колоніяхъ получили право совершенно свободнаго торговаго обмѣна между собою.

Наибольшую выгоду изъ этихъ мѣропріятій извлекъ для себя Буэносъ-Айресъ, превращенный къ этому времени въ резиденцію вице-короля. Ярмарки въ Портобелло исчезли безслѣдно. Но устье Ла-Платы съ его удобными гаванями начало играть для всей Южной Америки такую же роль, какую на сѣверѣ игралъ Санъ-Доминго. Тамъ устраивали себѣ стоянку всѣ суда, шедшія изъ Испаніи въ провинцію на югъ отъ Экуадора; отсюда же по пути у мыса Горна снабжались европейскими произведеніями, и притомъ при условіяхъ гораздо болѣе благопріятныхъ, чѣмъ раньше, Чили и Перу.

Несмотря на это, устье Ла-Платы попрежнему служило предметомъ особыхъ заботъ испанскаго колоніальнаго управленія. Это былъ единственный важный пунктъ, гдѣ Испанія съ самаго начала должна была мириться съ фактомъ территоріальнаго сосѣдства. Случайная высадка Кабраля во время путешествія въ Остъ-Индію въ 1499 г. обнаружила, что восточная оконечность Южной Америки далеко вдается въ колоніальную область, отнесенную къ владѣніямъ Португаліи. Право открытія земель у устья Ла-Платы никогда безусловно не признавалось за Испаніей, и португальцы на лѣвомъ берегу рѣки основали нѣсколько поселеній. Впрочемъ, Португалія своей бразильской колоніи удѣляла лишь ничтожное вниманіе. Сначала она была представлена частной эксплуатаціи, потомъ (въ 1535 г.) пытались дать ей феодальн-

административное устройство. Когда же впослѣдствіи отдѣльныя мѣстности страны усиліями колонистовъ были превращены въ цвѣтущія общины, то перешли къ системѣ коронныхъ колоній по испанскому образцу; лишь въ отношеніяхъ къ туземцамъ португальцы остались вѣрны своимъ старымъ традиціямъ, мирившимся съ существованіемъ рабства. Набѣги далеко уходившихъ охотниковъ изъ Санъ-Паоло за рабами въ область испанскихъ владѣній, вели къ дипломатическимъ осложненіямъ. Присоединеніе Португаліи къ Испаніи имѣло, однако, и въ этомъ случаѣ благотворныя послѣдствія, создавъ возможность такого разрѣшенія пограничныхъ споровъ, которое привело къ совершенно особымъ результатамъ.

Для огражденія туземцевъ какъ отъ испанскаго, такъ и отъ португальскаго гнета, Филиппъ III въ 1609 г. разрѣшилъ іезуитамъ, обнаружившимъ въ Бразиліи особое рвеніе въ роли миссіонеровъ, взять исключительно въ свои руки спорныя пограничныя области въ верхнемъ Парагваѣ и Уругваѣ для насажденія тамъ христіанства и цивилизаціи среди туземцевъ. Въ теченіе короткаго времени имъ удалось тамъ основать рядъ цвѣтущихъ и сильно населенныхъ пунктовъ; огромныя природныя богатства этихъ общинъ имѣли тѣмъ бо́льшую цѣнность, что жизнь туземцевъ была ограждена отъ всякаго вмѣшательства и контроля со стороны свѣтской власти. Когда съ отпаденіемъ Португаліи миру поселеній стала угрожать опасность, то миссіонеры добились для опекаемаго ими населенія права ввозить огнестрѣльное оружіе, что раньше было воспрещено всѣмъ туземцамъ, и во время пограничной войны войска миссіи дрались великолѣпно.

Но въ 1750 г., когда дѣло дошло до окончательнаго полюбовнаго раздѣла пограничныхъ колоніальныхъ областей между Испаніей и Португаліей, лѣвый берегъ Уругвая, на которомъ находились семь такихъ миссіонерскихъ общинъ, уступленъ былъ бразильцамъ. Въ силу заключеннаго при этомъ договора іезуиты вмѣстѣ со своими питомцами должны были выселиться въ предѣлы испанскихъ владѣній. Самихъ индѣйцевъ къ этому нельзя было склонить, духовные же ихъ отцы не могли или не хотѣли помѣшать попыткѣ вооруженнаго сопротивленія приказу о выселеніи. Этимъ самымъ открывался широкій просторъ для клеветниковъ, завистливыми глазами слѣдившихъ за расцвѣтомъ миссіонерскаго государства. Іезуиты были обвинены въ измѣнническихъ проискахъ, и такъ какъ самый орденъ въ то же время былъ распущенъ папой, то миссіонеры получили приказъ немедленно покинуть мѣста, гдѣ они работали такъ долго и съ такимъ счастливымъ успѣхомъ, и отплыть въ Европу. Этимъ кончилось существованіе, во всякомъ случаѣ, своеобразнаго миссіонерскаго государства. Вмѣстѣ съ нимъ исчезли порядокъ и устойчивость индѣйскихъ поселеній, и предоставленные самимъ себѣ туземцы вскорѣ снова впали въ полудикое состояніе.

Въ теченіе послѣдней трети XVIII столѣтія Испанія вела политику, которая при извѣстныхъ обстоятельствахъ могла бы роковымъ образомъ отразиться на ея колоніальныхъ владѣніяхъ. Семейный договоръ Бурбоновъ, заключенный въ 1761 г., заставилъ ее примкнуть къ тѣсному союзу съ французъ-

скимъ сосѣдомъ и тѣмъ самымъ толкнулъ ее на путь все болѣе обострявшейся вражды къ Англіи, пріобрѣтшей въ это время значеніе сильной морской державы. Не разъ испанскимъ колоніямъ приходилось платиться за это, ибо ихъ обширная береговая линія всегда открывала Англіи цѣлый рядъ пунктовъ, доступныхъ для нападеній. Такимъ образомъ, въ 1763 г. на нѣкоторое время была утрачена Флорида; для ея возвращенія пришлось уступить весь островъ Испаньолу; изъ первыхъ земель, колонизированныхъ Колумбомъ для Испаніи, послѣдняя сохранила лишь могилу знаменитаго мореплавателя въ Габанѣ.

Но опаснѣйшимъ экспериментомъ, въ который испанское правительство было вовлечено французской политикой, была помощь, оказанная имъ колоніямъ Новой Англіи въ ихъ борьбѣ за независимость. Впрочемъ, Испанія при этомъ умышленно держалась на заднемъ планѣ, чтобы избѣгнуть примѣненія къ своимъ собственнымъ колоніальнымъ владѣніямъ тѣхъ принциповъ, которые она защищала въ Сѣверной Америкѣ. Это не помѣшало, однако, Англіи слѣдовать примѣру обѣихъ союзническихъ державъ и вызвать рядъ осложненій въ заатлантическихъ владѣніяхъ Испаніи. Вначалѣ Англія въ этомъ не имѣла почти никакого успѣха. При незначительности территоріальныхъ точекъ соприкосновенія, испано-американскія колоніи могли извлечь изъ войны съ Англіей однѣ только выгоды, ибо необезпеченность морскихъ сообщеній вновь заставила мадридское правительство облегчить или совсѣмъ уничтожить препятствія, мѣшавшія торговымъ сношеніямъ колоній съ иностранцами. Англійская пропаганда въ пользу отдѣленія колоній отъ метрополіи не находила рѣшительно никакой почвы. Это обнаружилось съ полной ясностью при вооруженной попыткѣ англичанъ осуществить планъ освобожденія испанскихъ колоній.

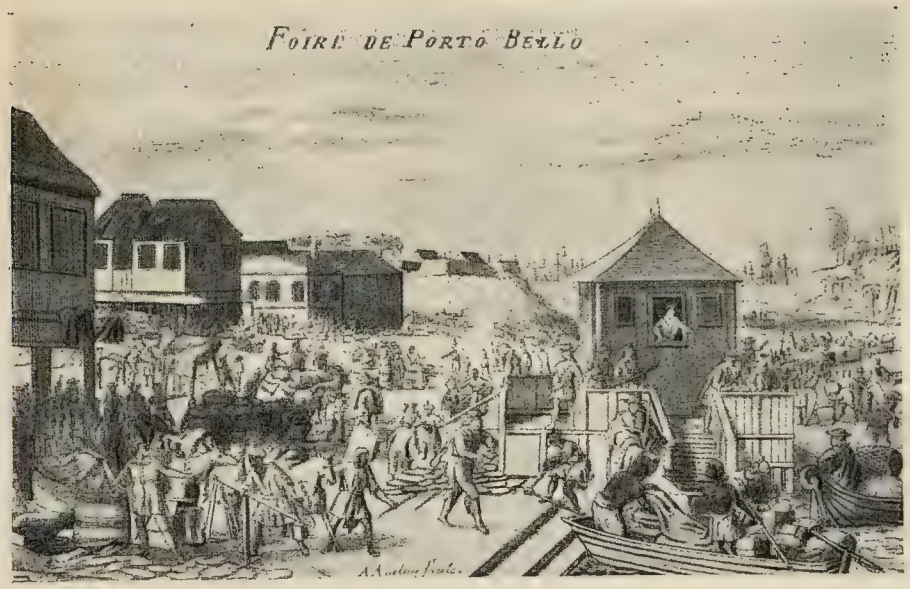
Бурбонскій фамильный договоръ, послѣ кратковременнаго перерыва, удержалъ Испанію въ тѣсномъ союзѣ съ Франціей даже и послѣ перехода этой послѣдней отъ республики къ бонапартистской диктатурѣ, унаслѣдовавшей вмѣстѣ съ испанской дружбой и вражду къ Англіи, — вражду, тѣмъ болѣе обострявшуюся, чѣмъ болѣе явно Англія обнаруживала свое равнодушіе какъ къ дружественнымъ, такъ и къ враждебнымъ чувствамъ Бонапарта. За союзъ съ наполеоновской Франціей Испанія поплатилась послѣдними остатками своего морского могущества въ битвѣ при Трафальгарѣ (21 октября 1805 г.); англичане же этой политикой были доведены до открытаго нападенія на испанскія колоніи.

Буэносъ-Айресъ успѣлъ уже перерасти тѣ рамки, въ которыя его ставила старая испанская торговая политика съ ея строгою замкнутостью. Своимъ ростомъ онъ въ значительной мѣрѣ былъ обязанъ устраненію старыхъ таможенныхъ заставъ и потому во всей испанской Америкѣ слылъ городомъ, въ которомъ прогрессивныя идеи находили самый громкій отзвукъ. Такъ какъ и англичане поддерживали свои сношенія чаще черезъ эту именно гавань, чѣмъ черезъ другія, то генералъ Бересфордъ, послѣ овладѣнія въ 1805 г. мысомъ Доброй Надежды, рѣшилъ предпринять попытку овладѣть Буэносъ-

Айресомъ. Въ виду того, что въ этомъ мѣстѣ совершенно нельзя было ожидать нападенія, англичане и могли въ теченіе нѣсколькихъ дней съ крайне незначительными потерями овладѣть городомъ и его цитаделью. О поднятіи возстанія приверженцевъ свободы не могло быть и рѣчи, но и организовать серьезное сопротивленіе завоевателямъ колоніальныя власти съ вице-королемъ во главѣ не отважились. Это сопротивленіе скорѣе исходило изъ среды самого населенія, что служило поразительнымъ доказательствомъ, какъ мало были освѣдомлены англичане относительно господствовавшаго въ колоніяхъ настроенія, когда они полагали возможнымъ вызвать тамъ войну за независимость, подобную той, которая закончилась для нихъ потерею ново-англійскихъ колоній.

Англійскій гарнизонъ не могъ помѣшать патріотамъ вооружиться и стянуть свои силы въ окрестности Буэносъ-Айреса. Подъ предводительствомъ одного француза, капитана колоніальной арміи Жака де Линьера, соединились они 27 іюня 1806 года передъ воротами города и концентрическими атаками заставили мало-по-малу англичанъ отступить къ ярмарочной площади и цитадели. Но и тамъ они не могли удержаться, такъ что генералъ Бересфордъ обрадовался тому, что, въ концѣ концовъ, получилъ возможность свободнаго отступленія. За освобожденіе города капитанъ Линьеръ былъ назначенъ вице-королемъ и уже, какъ таковой, имѣлъ случай возобновить борьбу съ англичанами. Но Бересфордъ, получившій къ этому времени подкрѣпленія изъ метрополіи, мало-по-малу овладѣлъ восточнымъ берегомъ Ла-Платы и, избравъ Монтевидео своимъ операціоннымъ базисомъ, думалъ такимъ образомъ снова овладѣть Буэносъ-Айресомъ. Въ своемъ наступательномъ движеніи 12 августа онъ слѣдовалъ тактикѣ патріотовъ, которую они примѣняли при обратномъ завоеваніи города. Но при этомъ онъ встрѣтилъ такое рѣшительное и упорное сопротивленіе, что вынужденъ былъ послѣ тяжелыхъ потерь увести назадъ свои штурмовыя колонны; при послѣдовавшихъ же затѣмъ переговорахъ онъ обязался очистить восточный берегъ рѣки. Такъ закончилась попытка Англіи пробудить освободительныя стремленія въ испанскихъ колоніяхъ.

Къ новой жизни испанскія колоніи пробудилъ, и притомъ вопреки своей собственной волѣ, злѣйшій врагъ Англіи—Наполеонъ I. Первымъ толчкомъ, пробудившимъ самосознаніе американскихъ колоній, послужило перемѣщеніе въ ноябрѣ 1807 г. правительственнаго центра изъ метрополіи въ Ріо де Жанейро. Къ такому перемѣщенію короля Іоанна VI вынудила попытка французовъ овладѣть Португаліей, предпринятая Наполеономъ I въ его борьбѣ за всемірное владычество въ Европѣ. Естественно, что съ перенесеніемъ резиденціи центральнаго правительства въ Ріо де Жанейро измѣнилось и отношеніе этой колоніи къ метрополіи. Пребываніе двора въ столицѣ Бразиліи послужило новымъ импульсомъ къ подъему ея духовной жизни. Въ награду за надежное убѣжище, представленное правительству, колонія потребовала для себя ряда различныхъ политическихъ привилегій. Когда же Іоаннъ VI



Большая ярмарка въ Портобелло.

Взятіе Буэносъ-Айреса капитаномъ Линьеромъ 10 августа 1806 г.

остался въ Ріо де Жанейро и послѣ окончательнаго освобожденія метрополіи отъ непріятеля, то этимъ самымъ колонія уже пріобрѣла значеніе преобладающей политической силы. Не разрывая своей связи съ метрополіей, Бразилія добилась возведенія въ 1815 г. на степень королевства; вмѣстѣ съ тѣмъ, она счастливо пережила революціонныя бури, наполнившія своимъ страшнымъ шумомъ какъ колоніи, такъ и ихъ метрополіи на Пиренейскомъ полуостровѣ. Прежде всего борьба за конституцію въ Бразиліи была вызвана либеральной революціей 1820 г. Но такъ какъ во главѣ націоналистовъ сталъ наслѣдникъ престола Домъ Педро, то переворотъ вылился въ необычныхъ для такихъ случаевъ мирныхъ формахъ. Король Іоаннъ VI возвратился въ Португалію, возложивъ на своего замѣстителя, наслѣднаго принца Домъ Педро, задачу организаціи парламентскаго режима. Вслѣдствіе этого связь, соединявшая колонію съ метрополіею, ослабѣла еще болѣе. Когда Домъ Педро провозгласилъ въ 1822 г. независимость Бразиліи и принялъ титулъ императора, Португалія даже и не пыталась оказать сопротивленія такому обороту дѣла.

Историческія событія, закончившіяся образованіемъ въ 1808 г. на американской почвѣ самостоятельнаго государства, совсѣмъ иначе отразились въ сознаніи испанскихъ колоній, жившихъ до того времени при условіяхъ совершенно такихъ же, какъ Бразилія, чѣмъ попытка насильственнаго отторженія ихъ отъ метрополіи, предпринятая англичанами. Однако, основной причины наступившаго въ колоніяхъ броженія слѣдуетъ все-таки прежде всего искать въ характерѣ политическаго развитія метрополіи.

Объ устраненіи испанскихъ Бурбоновъ, принявшемъ видъ комедіи отреченія въ Байоннѣ, въ колоніяхъ узнали почти одновременно съ мадридскимъ возстаніемъ 2 мая 1808 г., за которымъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣдовала вѣсть о побѣдѣ при Байленѣ. По ту сторону океана не могли себѣ отдать яснаго отчета въ тѣхъ силахъ, которыя противостояли другъ другу въ Испаніи. Учрежденіе временнаго правительства, громкія фразы, которыми оно и безчисленныя мѣстныя юнты призывали испанскій народъ къ борьбѣ съ иноземнымъ владычествомъ, тѣмъ легче вводили колоніи въ заблужденіе относительно критическаго положенія національнаго правительства, что Наполеониды совершенно не въ состояніи были добиться признанія своихъ правъ на колоніальныя владѣнія Испаніи. Дѣло дошло до того, что на сообщеніе о плѣненіи Фердинанда VII и о вступленіи на престолъ Іосифа Бонапарта всѣ колоніи безъ исключенія отвѣтили отказомъ въ повиновеніи оффиціальному правительству Бонапарта и до возстановленія законнаго короля учредили, въ свою очередь, мѣстные союзы, юнты, присвоившія себѣ временную правительственную власть. Въ большинствѣ провинцій Южной Америки подъ вліяніемъ этихъ событій уже въ теченіе 1809 г. временно были пріостановлены административныя функціи тѣхъ колоніальныхъ губернаторовъ, которые были заподозрѣны въ готовности признать законность фактически господствующаго въ метрополіи правительства. Но даже тамъ, гдѣ, какъ, наприм., въ Каракасѣ, перешли къ образованію республики, король Фердинандъ VII

предполагался ея наслѣдственнымъ президентомъ. Примѣръ Бразиліи внушилъ многимъ политическимъ дѣятелямъ въ испанскихъ колоніяхъ мысль объ образованіи на американской почвѣ одной или нѣсколькихъ вторичныхъ линій съ наслѣдственными королевскими правами, какъ о явленіи самомъ желательномъ для будущаго. Переговоры по этому вопросу велись вначалѣ въ теченіе многихъ лѣтъ при посредствѣ португальскаго двора, а также непосредственно съ Мадридомъ послѣ возвращенія Фердинанда VII. Но вновь всплывшія политическія теченія въ Америкѣ и нежеланіе Испаніи итти ни на какія уступки не могли вывести эти переговоры изъ затяжного и мучительно-болѣзненнаго состоянія.

Революціонное движеніе въ колоніяхъ получило свой особый отпечатокъ благодаря руководящей роли, доставшейся въ немъ на долю креоловъ. Испанское правительство сочувственно относилось къ вступленію креоловъ въ армію метрополіи, охотно открывало имъ доступъ къ туземной гражданской службѣ и назначало ихъ даже на высшія должности. Наоборотъ, въ области колоніальнаго управленія креолы не принимались ни на одну изъ высшихъ должностей. Ненормальность подобнаго положенія ощущалась ими тѣмъ рѣзче, что эти должности всюду оплачивались весьма щедро, и почти всѣ обладатели ихъ безъ исключенія пользовались ими какъ средствомъ болѣе или менѣе законнаго обогащенія. Отсюда—тотъ острый антагонизмъ, который установился мало-по-малу между испанскими колоніальными чиновниками и креолами; въ этомъ антагонизмѣ не было недостатка даже въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Мексика, Лима, Буэносъ-Айресъ; оживленная общественная жизнь, кипѣвшая тамъ въ образованныхъ кругахъ, только застилала его отъ глазъ поверхностныхъ наблюдателей. Но число недовольныхъ, останавливавшихъ свое вниманіе на сравненіи своихъ порядковъ съ порядками, господствовавшими въ другихъ странахъ, особенно въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, и способныхъ отъ такого сравненія перейти къ желанію насадить подобные же порядки у себя на родинѣ, на первыхъ порахъ было очень незначительно. Однако, именно эти немногочисленные элементы стали во главѣ революціоннаго движенія, начавшагося отказомъ въ признаніи бонапартистскаго королевства и непосредственно приведшаго къ образованію правительственныхъ органовъ, въ которыхъ креолы получили рѣшительный перевѣсъ. Переходъ силы къ креоламъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самой дѣйствительной пропагандой, какую только можно было вести среди нихъ въ пользу новаго режима. Такъ какъ испанскія власти не обнаружили способности ни насильственно остановить развитіе начавшагося процесса, ни пойти на уступки, повелительно диктуемыя создавшимся положеніемъ, то на нихъ же и падаетъ отвѣтственность за разрывъ между метрополіей и колоніями, который они же сами съ теченіемъ времени углубили до такой степени, что никакое примиреніе стало уже невозможнымъ.

Шаткость положенія въ колоніяхъ въ очень значительной степени обусловливалась событіями, происходившими въ метрополіи. Національное правительство только временно могло противостоять наполеоновскимъ войскамъ.

Къ концу 1809 г. защитники независимости располагали еще лишь немногими прибрежными пунктами, и въ каждомъ изъ нихъ одна юнта оспаривала у другой власть и руководство движеніемъ. Тѣ же, которые въ силу необходимости были созваны въ Кадиксѣ въ качествѣ представителей всего народа, ничего лучшаго не могли придумать для спасенія отечества, какъ надѣлить его скопированной съ французскаго образца 1793 года утопической конституціей 1812 г., воспламенившей тамъ гражданскую войну, еще до возвращенія Фердинанда VII въ 1814 г. въ королевство.

Эти событія не могли не отразиться на колоніяхъ, предоставленныхъ своимъ собственнымъ силамъ. Тогда какъ въ большинствѣ провинцій роялисты въ теченіе короткаго срока успѣли возвратить себѣ власть, отнятую креолами у нихъ въ 1809 г. во время возстанія противъ наполеоновскаго режима, въ другихъ мѣстахъ, подъ вліяніемъ либеральныхъ утопистовъ 1812 г., образовались политическія группы, требовавшія также и для колоній парламентскаго самоуправленія. Такъ какъ Испанія своимъ спасеніемъ въ значительной степени была обязана Англіи, то англійское вліяніе въ колоніяхъ находило себѣ благопріятную почву, а вмѣстѣ съ тѣмъ нашли себѣ широкое распространеніе и освободительныя стремленія, которыя Англія тщетно старалась пробудить въ Испаніи въ 1805 г.

Главною ареною развитія этихъ историческихъ событій были Венецуэла и Буэносъ-Айресъ.

Въ Каракасѣ уже 5 апрѣля 1811 г. выпущена была декларація о независимости; но она была направлена, главнымъ образомъ, противъ Іосифа Бонапарта. Подъ натискомъ роялистовъ, вновь организованное правительство передало свои полномочія генералу Мирандѣ, который, будучи высланъ изъ Англіи, какъ апостолъ свободы, пришелъ на помощь венецуэльцамъ. Но диктаторъ не могъ спасти отечества; оттѣсненный къ берегамъ, онъ былъ преданъ собственными товарищами въ руки враговъ.

Во второй разъ знамя свободы поднялъ въ Венецуэлѣ лѣтомъ 1813 г. Симонъ Боливаръ. Хотя онъ также принадлежалъ къ числу лицъ, предавшихъ Миранду, но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ талантливѣйшимъ ученикомъ послѣдняго. Боевыя средства, врученныя ему юнтой Новой Гренады, онъ использовалъ для борьбы съ венецуэльскими роялистами. Въ Каракасѣ вмѣстѣ съ титуломъ «Освободителя отечества» онъ принялъ на себя диктаторскую власть только затѣмъ, чтобы, подобно Мирандѣ, вскорѣ быть оттѣсненнымъ къ берегамъ и стать свидѣтелемъ гибели всѣхъ достигнутыхъ имъ успѣховъ. Когда Фердинандъ VII послалъ въ 1815 г. генерала Морильо съ арміей въ Америку для возстановленія стараго порядка, царство свободы въ Венецуэлѣ и Новой Гренадѣ рухнуло.

Въ Буэносъ-Айресѣ революція носила менѣе радикальный характеръ. Креольская юнта, взявшая въ 1809 г. власть въ свои руки, номинально признавала еще власть Фердинанда VII. Отправляясь отъ этого исходнаго пункта, она заключала, что все вице-королевство Ла-Платы обязано было ей повиновеніемъ, но она раздробила свои силы, добиваясь этого повиновенія

вооруженною рукою въ Уругваѣ, Парагваѣ и въ Тукуманѣ. Пораженія, которыя она потерпѣла при этомъ, подготовили ея внутреннее разложеніе. Не только Уругвай и Парагвай отстаивали свою независимость, но и въ самой Аргентинѣ господствовавшее внутри страны дикое племя степныхъ всадниковъ отказывало въ своемъ повиновеніи космополитическимъ либераламъ Буэносъ-Айреса и съ успѣхомъ противостояли ихъ нападеніямъ. Въ 1814 г. гражданская война уже давала возможность предвидѣть близость того момента, когда роялисты, вслѣдствіе крайней незрѣлости освободительной политики, въ состояніи будутъ пожать плоды своихъ успѣховъ.

Но въ 1817 г. въ положеніи дѣлъ произошелъ рѣшительный поворотъ. На южномъ театрѣ военныхъ дѣйствій аргентинецъ Санъ-Мартинъ собралъ въ лежащей у подножія Андъ провинціи Мендоза не особенно многочисленную, но превосходно дисциплинированную и тщательно вооруженную армію, перешелъ съ нею въ январѣ 1817 г. черезъ Анды, разбилъ при Чакабуко войска роялистовъ и съ тріумфомъ вступилъ въ Сантъ-Яго. Отъ военной диктатуры, которую ему предложили благородные чилійцы, Санъ-Мартинъ рѣшительно отказался и вмѣсто этого организовалъ съ чилійцемъ О'Хиггинсомъ во главѣ республиканское правительство, которому и самъ подчинился въ качествѣ генералиссимуса арміи. Не разъ еще ему приходилось защищать созданное имъ дѣло противъ повторныхъ нападеній роялистовъ, которые, господствуя на морѣ, могли избирать для своихъ нападеній любой пунктъ. Но послѣ того, какъ 5 апрѣля 1818 г. онъ нанесъ имъ новое жестокое пораженіе, независимость Чили могла быть признана обезпеченной окончательно.

Но и тамъ, съ устраненіемъ опасности, начались внутренніе раздоры. Вслѣдствіе этого Санъ-Мартинъ долженъ былъ въ теченіе двухъ лѣтъ оставаться въ выжидательномъ положеніи прежде, чѣмъ приняться за планъ перенесенія свободы, завоеванной на югѣ, также и на сѣверъ. Ему удалось организовать подъ начальствомъ адмирала Кочрена небольшой, но управляемый опытною рукою флотъ. Съ помощью этого флота онъ высадилъ свой экспедиціонный корпусъ въ сентябрѣ 1820 г. у Писко въ Перу, разсчитывая такимъ образомъ и въ этой провинціи оказать поддержку освободительному движенію. Однако, тутъ онъ долженъ былъ убѣдиться, что освободительныя стремленія въ широкихъ массахъ встрѣчали лишь ничтожное сочувствіе, большинство же образованныхъ классовъ въ Перу были рѣшительно преданы монархіи. При такихъ условіяхъ освободительный походъ въ Перу оказывался дѣломъ очень труднымъ, подвигавшимся черепашьими шагами, и никакихъ существенныхъ результатовъ дать не могъ.

Цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ обнаружилъ это съ полною ясностью. Въ 1820 г. утвердила свое господство въ Испаніи либеральная революція, обѣщавшая колоніямъ рядъ уступокъ и предложившая заключить перемиріе. Въ освобожденныхъ провинціяхъ изъ завоеванной независимости сдѣлали очень плохое употребленіе. Широкія массы народа были слишкомъ невѣжественны, чтобы принять серьезное участіе въ политической

жизни. Вожди же движенія, постоянно твердившіе о внѣшнихъ опасностяхъ, разбились на партіи и растрачивали свои силы во взаимныхъ раздорахъ. Колоніальныя провинціи возстали, чтобы взять въ собственныя руки управленіе своими дѣлами. Но тутъ сейчасъ же возникалъ вопросъ о границахъ политической автономіи. Въ то время, какъ однѣ изъ нихъ хотѣли сохранить границы обширныхъ испанскихъ административныхъ округовъ, другія отстаивали основной принципъ, въ силу котораго каждой мелкой группѣ, объединенной общностью своихъ интересовъ, должно быть обезпечено внутри другихъ болѣе крупныхъ административныхъ союзовъ обособленное положеніе, а тѣмъ самымъ — право на самостоятельную политическую роль въ государствѣ. Никто изъ дѣятелей не имѣлъ за собою никакого политическаго прошлаго, лишь немногіе изъ нихъ обладали государственными способностями; поэтому вновь организовавшіяся правительства почти нигдѣ не пользовались достаточнымъ авторитетомъ, чтобы внушить къ себѣ уваженіе и установить прочный общественный порядокъ. Прежніе провинціальныя союзы дробились на все болѣе и болѣе мелкія единицы, и такъ какъ этотъ процессъ дробленія, вмѣстѣ съ тѣмъ, плодилъ и число лицъ, домогавшихся власти, то и создалась почва для развитія самыхъ низменныхъ вожделѣній, въ свою очередь, способствовавшихъ ускоренію указаннаго процесса.

Подобные факты должны были убѣдить болѣе проницательныхъ политическихъ дѣятелей, не ослѣпленныхъ личными вожделѣніями, въ недостаточной еще подготовленности колоніальныхъ областей для республиканскаго режима, введенія котораго желали свободолюбивые мечтатели. Поэтому наиболѣе разумные изъ борцовъ за независимость очень охотно пошли навстрѣчу предложенію либеральнаго правительства о перемиріи и использовали его для переговоровъ объ образованіи на американской почвѣ колоніальной имперіи, хотя политически и независимой, но организованной на монархическихъ началахъ и управляемой однимъ изъ отпрысковъ наслѣдственнаго королевскаго дома. На южномъ театрѣ войны, гдѣ Перу и Боливія сохраняли еще почти непоколебимую вѣрность партіи роялистовъ, тогда какъ Чили и Аргентинскія провинціи истекали кровью въ братоубійственныхъ междоусобіяхъ, этотъ планъ не встрѣтилъ бы, вѣроятно, никакихъ непреодолимыхъ препятствій. Положеніе же вещей на сѣверѣ, наоборотъ, дѣлало осуществленіе его невозможнымъ.

Лѣтомъ 1817 г. Боливаръ предпринялъ тамъ третью попытку къ устраненію испанскаго владычества, завершившуюся, наконецъ, болѣе счастливымъ успѣхомъ. На этотъ разъ борцы за свободу избрали своимъ операціоннымъ базисомъ менѣе доступную для нападеній испанцевъ область Ориноко и перенесли резиденцію правительства въ Ангостуру. Туда Боливаръ созвалъ конгрессъ защитниковъ независимости, который 17 декабря 1819 г. провозгласилъ независимость Венецуэлы, назначивъ самого Боливара главою государства, облеченнымъ диктаторскою властью.

Послѣ этого Боливаръ перенесъ войну за Анды, чтобы нанести смертельный ударъ своему противнику въ самомъ центрѣ его могущества. Въ то

время, какъ роялисты старались прикрыть Венецуэлу и нижнее теченіе рѣки Магдалены, какъ область, которой угрожала непосредственная опасность, Боливаръ двинулся впередъ черезъ Льяносы де Апуре къ горамъ, которыя онъ и перешелъ при Согамозо. Роялисты при Бояка пытались преградить ему путь; нанесенное имъ пораженіе открыло войскамъ Боливара ворота Санта-Фе де Боготы, вице-королевской резиденціи, и положило конецъ испанскому владычеству въ горной области. Новая Гренада и Венецуэла соединились въ Колумбійскую республику, во главѣ которой сталъ Боливаръ.

И здѣсь перемиріе 1820 г. доставило борющимся партіямъ нѣкоторую передышку; но неутолимое честолюбіе Боливара воспользовалось имъ лишь для упроченія своей диктатуры. Весною 1821 г. онъ снова началъ борьбу. Теперь изъ горной области онъ проникъ въ центръ Венецуэлы, разбилъ испанскія войска при Карабобо, осадилъ Каракасъ и принудилъ остатки непріятельской арміи искать защиты за пушками Пуэрто-Кабелло. Только нѣсколько береговыхъ пунктовъ осталось въ рукахъ испанцевъ, господствовавшихъ на морѣ, на материкѣ же не осталось ни одного роялистскаго поселенія.

Однако, граждане Колумбійской республики немного получили отъ плодовъ завоеванной свободы. Власть Боливара была чисто военной диктатурой, и онъ не стѣснялся опираться на чужеземныхъ наемниковъ. Какъ краснорѣчиво ни прославлялъ Боливаръ блага свободы, все же онъ прежде всего ввелъ грубый солдатскій режимъ, который хотя и требовалъ не малыхъ усилій для своего поддержанія, съ другой стороны, однако, охранялъ старыя государственныя учрежденія отъ разложенія.

До того времени между южнымъ и сѣвернымъ театрами военныхъ дѣйствій не было никакой связи. Когда же пришлось завоевывать промежуточную область, расположенную между ними, то эта связь должна была установиться сама собою; почва для этого была подготовлена событіями въ Квито. Хотя Боливаръ въ своихъ прокламаціяхъ признавалъ ее составною частью своей Колумбійской республики, все же онъ не въ состояніи былъ вытѣснить оттуда роялистовъ. Натискъ соединенными силами, предпринятый въ 1821 г. на плоскогоріе Квито Сюкромъ со стороны Гваякиля, и Боливаромъ со стороны Пасто, окончился неудачею для обоихъ отрядовъ. Только послѣ соединенія военнаго отряда Санъ-Мартина съ войсками Сюкра, послѣдній могъ возобновить нападеніе и овладѣть Квито, прежде чѣмъ Боливаръ успѣлъ вмѣшаться въ это дѣло. Въ благодарность за эту удачную помощь округъ Гваякиль, занимавшій между Квито и Перу положеніе не совсѣмъ ясное съ государственно-правовой точки зрѣнія, поставилъ себя подъ защиту обоихъ героевъ свободы, Боливара и Санъ-Мартина, и пригласилъ ихъ въ свой главный городъ для празднованія побѣды и для объединенія дальнѣйшихъ совмѣстныхъ дѣйствій.

Если патріоты разсчитывали этимъ оказать услугу дѣлу мира между родственными латинскими республиками, то они жестоко обманулись. Боливаръ явился въ Гваякиль какъ лицо, облеченное исключительною властью, и присоединилъ эту провинцію къ своей Колумбійской республикѣ, не спросивъ даже

объ этомъ Санъ-Мартина. Что собственно происходило во время переговоровъ обоихъ героевъ свободы въ Гваякилѣ, осталось тайной. Въ результатѣ получилось только то, что Санъ-Мартинъ сложилъ съ себя свои функціи и санъ, стряхнулъ съ своихъ ногъ прахъ той почвы, которой онъ завоевалъ свободу, и возвратился въ Европу. Онъ предоставилъ честолюбивому Боливару осчастливить свободой послѣднія, еще не покоренныя провинціи.

Передъ своимъ отъѣздомъ Санъ-Мартинъ созвалъ еще одинъ учредительный съѣздъ въ Перу, проявившій, однако, очень мало склонности подчиниться проблематической свободѣ подъ ферулою боливаровской военной диктатуры. Только послѣ неудачной попытки свергнуть собственными силами владычество испанцевъ, мѣстное народное правительство, во имя сохраненія солидарности патріотовъ, которой стало угрожать чувство взаимнаго недовѣрія и соперничества, рѣшило обратиться за помощью къ Боливару и предложить ему диктаторскую власть также и въ Перу. Въ битвѣ при Юнинѣ (6 августа 1824 г.) Боливаръ оправдалъ довѣріе, которое возлагали на него перуанцы; но въ тотъ моментъ, когда онъ собирался использовать свою побѣду и начать суровыя преслѣдованія, онъ спѣшно долженъ былъ возвратиться въ Колумбію, куда призывали его грозныя извѣстія, полученныя оттуда. Дѣло въ томъ, что и тамъ начало обнаруживаться недовольство его чрезмѣрнымъ честолюбіемъ. Чтобы упрочить устои своей политической власти, Боливаръ долженъ былъ передать свои стратегическія функціи въ руки своего вѣрнаго помощника въ походной жизни Сюкра; на послѣдняго, такимъ образомъ, и выпала задача съ ослабленной уже арміей преслѣдовать роялистовъ въ центрѣ ихъ могущества, въ равнинахъ Куско. Задача была настолько опасна, что испанцы заранѣе уже были увѣрены въ побѣдѣ надъ арміей патріотовъ. Но Сюкру удалось проскользнуть сквозь сѣть, разставленную ему его преслѣдователями, и въ сраженіи при Аякучо онъ очутился въ условіяхъ, для него столь благопріятныхъ, что 9 декабря 1824 г. одержалъ полную побѣду. При послѣдовавшей затѣмъ капитуляціи послѣдніе остатки войскъ, которыя сражались еще за сохраненіе испанскаго владычества въ Перу и Боливіи, положили оружіе и обязались покинуть страну. До Калльяо и Пуэрто-Кабелло, морскія крѣпости которыхъ были неприступны для патріотовъ, вся Южная Америка была независима и свободна.

Во время борьбы за свободу юга Мексика и Центральная Америка сѣвернѣе перешейка стояли совершенно въ сторонѣ. Правда, и Мексика въ критическій 1812 годъ также пережила внутреннее потрясеніе, но оно носило совершенно иной характеръ, чѣмъ возстаніе на югѣ. Борьба юга за независимость была исключительно дѣломъ креоловъ, считавшихъ себя именно расой, предназначенной преимущественно передъ туземцами къ господству, думая въ данномъ случаѣ точно такъ же, какъ раньше испанскіе націоналисты. Въ Мексикѣ же, наоборотъ, съ самаго начала движеніе вылилось въ возстаніе туземцевъ противъ пришельцевъ, которое и заставило креоловъ и испанцевъ заключить между собою союзъ для взаимной поддержки. Одинъ испанскій священникъ по имени Мигуэль Гидальго своею проповѣдью противъ пора-

ботителей пріобрѣлъ себѣ громадное число приверженцевъ среди метисовъ и индѣйцевъ Мексики. Его армія, возрастая до 100000 человѣкъ, почти отъ океана до океана наводнила провинціи къ сѣверу отъ столицы, уничтожая всякое сопротивленіе на своемъ пути. Даже провинціальные города, менѣе крупные, не могли устоять противъ его отрядовъ. Но съ безпорядочными массами, недостаточно вооруженными, дурно дисциплинированными, лишенными настоящаго военнаго руководства, онъ не могъ отважиться на какое бы то ни было выступленіе противъ столицы. Такимъ образомъ, возстаніе разлагалось вслѣдствіе отсутствія всякой внутренной организаціи, и потому объединеннымъ силамъ креоловъ и испанцевъ очень скоро представилась возможность сорвать свою злобу на обманутыхъ толпахъ индѣйцевъ и подвергнуть ихъ своей кровожадной мести. Эта общая опасность въ теченіе десяти лѣтъ тѣсно объединяла испанскіе элементы, ибо пламя національной ненависти, то тамъ, то здѣсь прорывавшееся въ формахъ, хотя и не серьезныхъ, продолжало горѣть въ туземномъ населеніи. Лишь послѣ того, какъ креолы перешли на сторону туземцевъ, пробилъ и въ Мексикѣ послѣдній часъ испанскаго владычества.

Креольскій офицеръ Августинъ Итурбиде выработалъ относительно Мексики планъ, подобный плану, разработанному Санъ-Мартиномъ относительно юга. Онъ подготовилъ въ Игуалѣ военное пронунціаменто, послѣ котораго возставшіе отказались повиноваться вице-королю, но просили прислать какого-нибудь испанскаго принца въ качествѣ правителя для Мексиканскаго королевства. Такъ какъ, несмотря на затянувшіеся на нѣсколько лѣтъ переговоры, имъ не присылали испанскаго принца, то Итурбиде въ маѣ 1822 г. самъ возложилъ на себя императорскую корону. Но и здѣсь уже по прошествіи одного только года внутреннее разложеніе зашло такъ далеко, что монархическій принципъ оказался подорваннымъ въ самомъ корнѣ и долженъ былъ уступить мѣсто иному политическому идеалу—федеративной республикѣ.

Государства латинской Америки очень много времени потратили на достиженіе извѣстной системы политическаго равновѣсія; во многихъ изъ нихъ этотъ процессъ не завершился и до сихъ поръ. Первая и самая серьезная причина этого явленія заключалась въ томъ, что всѣ безъ исключенія испанскія колоніальныя провинціи совершенно не созрѣли для свободы, которую дала имъ война за независимость. Патріоты, мечтавшіе о республиканскомъ строѣ и взявшіе себѣ въ образецъ Соединенные Штаты, думали, что достаточно по возможности точнѣе скопировать конституцію послѣднихъ, чтобы вызвать и у себя столь же быстрый процессъ цвѣтущаго развитія, какой наблюдался въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Они совершенно игнорировали при этомъ тѣ громадныя различія въ политическомъ и экономическомъ укладѣ, которыя раздѣляли между собою англо-саксонскую и латинскую Америки. На сѣверѣ, на сравнительно ограниченномъ пространствѣ

жило густое населеніе, очень мало стѣсняемое административнымъ контролемъ и лишь собственной самодѣятельностью постепенно пріобрѣтшее громадную силу, съ помощью которой ему легко было сбросить съ себя цѣпи политической опеки, которыми позднѣе опутали его. На югѣ же, на безмѣрно раскинувшемся пространствѣ протянулась узкая полоска европейскихъ поселеній, не объединенныхъ никакою внутреннею связью, ибо у нихъ было весьма мало общихъ интересовъ. Такъ какъ при этомъ благосостояніе и бѣдствія колоній вполнѣ зависѣли отъ чиновниковъ, которые управляли провинціями по порученію и въ интересахъ метрополіи, то латинскимъ провинціямъ чуждо было какое бы то ни было представленіе о политическихъ задачахъ самоуправленія. Отдѣльный колонистъ своими выгодами и привилегіями былъ обязанъ не своей собственной энергіи, а милостямъ со стороны правящихъ; отсюда понятно его постоянное стремленіе эксплуатировать власть и вліяніе въ своихъ интересахъ. Во всей борьбѣ южныхъ американцевъ за свободу совершенно невозможно найти ни одной широкой руководящей идеи, которая давала бы ей оправданіе. Колоніальныя провинціи возстали, возмущенныя требованіемъ о подчиненіи новому правительству, котораго не хотѣла признавать и метрополія. Конечно, обусловленное этимъ ослабленіе государственнаго порядка пробудило жажду независимости, притомъ, главнымъ образомъ, среди тѣхъ элементовъ, которые, пользуясь смутнымъ временемъ, узурпировали власть и теперь въ отпаденіи отъ метрополіи усматривали средство для упроченія этой власти за собою. Свобода, которую на своемъ знамени написали борцы за независимость, носила поэтому совершенно своеобразный характеръ. Народная масса, въ которой преобладало значительное большинство метисовъ и индѣйцевъ, не доросла еще до того государственнаго строя, который былъ дарованъ ей. Правящіе же элементы не дали себѣ никакого труда позаботиться о политическомъ воспитаніи народа и находили для себя болѣе удобнымъ пользоваться массою въ своихъ исключительно личныхъ интересахъ. Отсюда—агитаторскіе пріемы вождей, отсюда изумительная власть фразы, напыщенное лицемѣріе политической реторики. Но тѣ же причины неизбѣжно вели къ крайнему ослабленію чувства уваженія къ законности и порядку. Движеніе, лишенное руководящей возвышенной цѣли и начавшееся съ уничтоженія законности и порядка, неизбѣжно вело на дальнѣйшихъ стадіяхъ своего развитія къ исключительному господству временныхъ интересовъ данной группы, какъ самодовлѣющей величины; эти временные властители совершенно не считали себя обязанными заботиться объ общихъ интересахъ всего населенія и видѣли оправданіе своей политики въ собственной выгодѣ. Отсюда столь быстрыя перемѣны государственнаго порядка, нарушенія закона и даже акты насилія, которые сдѣлались явленіями столь заурядными, что никто и не задумывался надъ несовмѣстимостью ихъ съ требованіями истинной свободы.

Но злѣйшаго своего врага свобода молодыхъ государственныхъ организмовъ нашла въ честолюбіи отдѣльныхъ личностей. Тотъ фактъ, что на Симона Боливара могла выпасть исключительная роль въ освободительномъ движеніи цѣлаго континента, служилъ яркимъ доказательствомъ полной не-

подготовленности латинской Америки для режима истинной свободы; а съ другой стороны, исключительный культъ этой личности, который и до сихъ поръ сохранился въ отдаленныхъ частяхъ страны, уже самъ по себѣ свидѣтельствуетъ о малой пригодности почвы испанской Америки для культивированія идей свободы, если даже и предположить, что большіе и маленькіе герои свободы боливаровскаго типа слѣдовали за нимъ въ его тактикѣ подавленія свободы во имя той же свободы.

Отпаденіе испанскихъ колоній отъ метрополіи было дѣломъ креоловъ, которые считали себя стороною обиженною и эксплуатируемою испанскими націоналистами. По ихъ зову возстали племена, среди которыхъ они составляли лишь незначительное большинство. Само собою разумѣется, что, какъ только креоламъ удавалось овладѣвать властью и сдѣлать ее своимъ исключительнымъ достояніемъ, противъ нихъ самихъ выступали другіе слои населенія. Въ другихъ мѣстахъ, и прежде всего на островѣ Испаньола, борьба расъ уже успѣла пережить типическій фазисъ своего развитія, прежде чѣмъ въ испанской Америкѣ началась борьба за свободу. Тѣхъ грубыхъ формъ, въ которыя борьба вылилась на Санъ-Доминго, остальнымъ провинціямъ удалось избѣжать; только Мексика во время упомянутаго возстанія священника Гидальго вкусила кое-что отъ этихъ формъ, и впослѣдствіи возстанія въ этомъ государствѣ происходили и чаще, и въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Но уклоненіе процесса развитія въ смыслѣ усиленія расовыхъ требованій наблюдалось одинаково повсюду. Уже во время борьбы за независимость имъ должны были быть сдѣланы уступки въ самыхъ различныхъ мѣстахъ. Дикіе льянеросы Венецуэлы, какъ и гаучосы аргентинскихъ степей въ своемъ подавляющемъ числѣ были метисами, на которыхъ до того времени креолы считали себя въ правѣ смотрѣть съ горделивымъ презрѣніемъ сверху внизъ. Въ обѣихъ республикахъ, однако, почти непосредственно послѣ упроченія свободы господство перешло къ этимъ двумъ племенамъ. Въ дальнѣйшей борьбѣ партій за метисами неоднократно возставали чистые индѣйцы. Почти не прекращавшіяся нарушенія порядка естественно выдвигали на сцену все новыхъ борцовъ. Вначалѣ креолъ надѣялся съ помощью же самихъ метисовъ сдѣлаться ихъ господиномъ; но тогда противникъ, будь то креолъ или метисъ, выдвигалъ противъ нихъ индѣйцевъ, и такимъ образомъ могло создаться положеніе, при которомъ какъ метисы, такъ и индѣйцы прониклись сознаніемъ своего политическаго значенія, выступили въ защиту своихъ интересовъ и безъ помощи чужеземныхъ вождей и протянули руку къ власти.

Первая эпоха латино-американской независимости полна борьбою за территоріальныя границы. Отдѣльныя области остались въ сторонѣ отъ этой борьбы. Бразильской имперіи не стоило никакихъ усилій сохранить за собою тотъ территоріальный объемъ, какой она имѣла уже въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій. Болѣе того, революція принесла ей даже территоріальное приращеніе, присоединивъ къ ней на нѣсколько лѣтъ (1817—1828) Уругвай. Не испытало никакихъ посягательствъ на свои границы также и Чили; впрочемъ, можетъ-быть, только потому, что ни одинъ завоеватель не находилъ здѣсь для себя

ничего особенно заманчиваго. Зато на сѣверо-западѣ и юго-востокѣ велась продолжительная и ожесточенная борьба за политическія границы.

Основанная Боливаромъ республика Колумбія опиралась въ своихъ территоріальныхъ притязаніяхъ не столько на историческія данныя, сколько на право завоеванія. Венецуэла никогда не составляла части, обособленной отъ вице-королевства Санта-Фе. Что касается Экуадора, то онъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстные моменты пользовался территоріальною самостоятельностью, и только Гваякиль большею частью оставался подъ управленіемъ Перу. Но въ своемъ ненасытномъ честолюбіи и властолюбіи Боливаръ связалъ съ Колумбіей, хотя недостаточно прочно, Перу и Боливію и одновременно пытался даже присоединить къ ней Чили и Аргентину.

Во всякомъ случаѣ для многихъ изъ этихъ областей территоріальныя границы имѣли столь же мало историческихъ оправданій, какъ и созданіе Боливара. Ссылаясь на историческое развитіе, Перу могло безусловно требовать обладанія, по меньшей мѣрѣ, всей Боливіей, границы которой въ Тукуманѣ въ отношеніи къ Аргентинѣ страдали полной неопредѣленностью. Хуже всего обстояло дѣло съ путаницей, создавшейся въ области Ла-Платы. Вице-королевство Буэносъ-Айресъ было еще настолько молодо, что сепаратистскія тенденція въ его составныхъ частяхъ преобладали надъ сознаніемъ взаимной солидарности; особенно же выдвигалъ свое господствующее первенство среди другихъ государствъ области Ла-Платы округъ Буэносъ-Айресъ, оправдывая его въ сущности только недавнимъ революціоннымъ прошлымъ. И здѣсь именно патріотически настроенные властители выступали съ своими особенно широкими требованіями. Первое союзное правительство смотрѣло не только на Парагвай и Уругвай, вслѣдствіе ихъ подчиненности вице-королевству, какъ на составныя части новой республики, но считало такою же составною частью и Тукуманъ, потому что раньше онъ долгое время также составлялъ принадлежность вице-королевства; оно простирало свои претензіи даже на часть Боливіи, желая видѣть въ естественной границѣ горной цѣпи Андъ свою политическую сухопутную границу. Не говоря уже о томъ, что эти домогательства не имѣли подъ собою никакого законнаго основанія, и фактическаго признанія ихъ приходилось добиваться только силою оружія, здѣсь давало себя чувствовать и различіе интересовъ, имѣвшее подъ собою къ тому же и историческую подкладку. Уругвай съ неопредѣленностью своихъ территоріальныхъ границъ, расположенный между испанскими и португальскими владѣніями, находился въ антагонизмѣ съ Буэносъ-Айресомъ, достигшимъ расцвѣта позднѣе— и при томъ на его счетъ. Парагвай сохранилъ вынесенную имъ изъ его историческаго прошлаго потребность въ полномъ обособленіи себя отъ своихъ сосѣдей. Послѣ того, какъ Парагвай взялъ въ плѣнъ армію, посланную Буэносъ-Айресомъ въ 1811 г., подъ начальствомъ Бельграно, для его покоренія, онъ на долгое время обезпечилъ себѣ свою независимость. Тукуманъ слишкомъ долго искусственно возводился испанскимъ правительствомъ на степень центра области Ла-Платы, чтобы онъ не воспользовался случаемъ сбросить съ себя иго Буэносъ-Айреса, которое онъ вынужденъ былъ нести противъ воли. Въ Боливіи

освободительное движеніе, правда, было пробуждено Буэносъ-Айресомъ. Но такъ какъ крушеніе восточной метрополіи послѣдовало еще до того момента, какъ испанское господство въ этой области было окончательно сломлено, то и здѣсь образовалась государственная единица, которая среди всѣхъ остальныхъ, быть-можетъ, менѣе всего имѣла право ссылаться на исторію для оправданія своего самостоятельнаго существованія. Разнородность интересовъ сказывалась даже въ самыхъ незначительныхъ уголкахъ Буэносъ-Айреса. Крупные владѣльцы стадъ въ Пампасахъ никакъ не могли допустить, чтобы законы предписывались имъ купцами приморскаго города; они выпустили извѣстныхъ гаучосовъ противъ скудныхъ войскъ, которыми располагало центральное правительство, и отъ прежняго вице-королевства, 10 лѣтъ спустя послѣ объявленія свободы, въ повиновеніи у правительства освободителей оставался только маленькій приморскій округъ около столицы.

Когда позднѣе и Мексика примкнула къ освободительному движенію, то и здѣсь дали себя чувствовать борющіяся между собою тенденціи. Маленькіе провинціальные округа Центральной Америки всегда были связаны лишь слабою связью съ ново-испанскимъ вице-королевствомъ. Поддержки своей независимости они искали и нашли прежде всего у имперіи Итурбиде. Но когда окончилось ея эфемерное существованіе, маленькія государства пошли своею собственной дорогой. Въ 1823 г. они основали федеративную республику Центральной Америки, которая держалась кое-какъ до 1839 г., хотя внутренняя борьба въ ней и въ отдѣльныхъ ея частяхъ не прекращалась. Затѣмъ и эта слабая связь порвалась. Противоположность интересовъ разъединяла республики между собою; только властолюбію отдѣльныхъ президентовъ обязанъ былъ все новымъ и новымъ возникновеніемъ планъ болѣе тѣснаго объединенія, который затѣмъ почти всегда и исчезалъ въ вихрѣ гражданской войны.

Борьба за независимость и за гражданскую свободу почти во всѣхъ частяхъ испанской Америки послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ гражданскихъ войнъ смѣнялась диктатурой какой-нибудь властной личности. Напрасно Колумбійская республика Боливара на своемъ учредительномъ съѣздѣ старалась ввести извѣстнаго рода парламентское управленіе. При всякой попыткѣ ограничить его диктаторскую власть Боливаръ грозилъ отставкой, а его прислужники умѣли такъ ловко запугивать гражданскія власти, что онѣ потомъ умоляли диктатора, послѣ нѣкоторыхъ мнимыхъ уступокъ съ его стороны, снова принять власть въ свои руки. Однако, мало-помалу эта опека со стороны одного человѣка наскучила и отдѣльнымъ государствамъ союза, и центральному парламенту. Когда Боливаръ снова заявилъ конгрессу 1829 г. о своей готовности выйти въ отставку, то, къ его изумленію, отставка была принята. Но все-же это событіе послужило смертельнымъ ударомъ для Колумбійской республики. Отдѣльныя ея части, спаянныя властною волею Боливара, немедленно же послѣ этого взяли бразды правленія въ собственныя руки, но военная диктатура и у нихъ осталась характернѣйшею чертою ихъ правительственной организаціи.

Самыя выгодныя послѣдствія при раздѣлѣ этихъ частей извлекла собственно сама Колумбія. Она конституировалась въ качествѣ республики «Новая Гренада», отграничившись отъ прежняго вице-королевства Санта-Фе де Богота, и хотя ея президенты, почти всѣ безъ исключенія, вышли изъ рядовъ арміи, тѣмъ не менѣе она не испытала ига тиранической власти ни со стороны одного изъ нихъ. Въ Экуадорѣ еще долгое время не прекращалась вражда между двумя главными городами Квито и Гваякилемъ, и нерѣдко каждый изъ нихъ старался навязать другому своего правителя. Выдающейся личностью въ этой борьбѣ партій былъ генералъ Хуанъ Хозе де Флоресъ (1830—1864). И какъ диктаторъ, и какъ президентъ, и какъ частное лицо, онъ осуществлялъ самъ или съ помощью своихъ креатуръ свое кровавое господство надъ несчастною страною, попирая всякое проявленіе истинной свободы. Даже послѣ того, какъ удалось удалить его изъ Экуадора, онъ не оставлялъ въ покоѣ истощенную страну своими постоянными интригами и мятежными планами. Только со смертью его начался для Экуадора періодъ болѣе прочнаго развитія.

Такую же роль, какъ Флоресъ въ Квито, игралъ въ Венецуэлѣ генералъ Хозе Антоніо Паэцъ (1830—1863). Въ качествѣ предводителя конныхъ отрядовъ льяносцевъ, онъ рука-объ-руку съ Боливаромъ участвовалъ въ войнѣ за независимость; затѣмъ онъ стоялъ во главѣ венецуэльскихъ сепаратистовъ, а въ 1830 г. послѣ распаденія Колумбійской республики сталъ первымъ конституціоннымъ президентомъ свободнаго государства. Но и онъ неоднократно нарушалъ конституціонные законы и властвовалъ по-диктаторски, когда ему не удавалось привлекать на свою сторону парламентское большинство. Въ общемъ же его правленіе выгодно отличалось отъ правленія его прототипа въ Экуадорѣ. Ему даже удалось дожить до полнаго своего торжества, когда его сограждане послѣ особенно ожесточенной гражданской войны призвали его снова изъ-за границы, куда они его раньше изгнали, и предложили ему возстановить порядокъ и спокойствіе въ странѣ. Однако, и его управленіе было и осталось владычествомъ грубой военной силы, и несчастная Венецуэла и послѣ него почти не знала другой формы правленія, кромѣ болѣе или менѣе скрытой формы солдатскаго владычества.

Особенно тяжелыя времена пережила республика Перу. Ея слабая связь съ Колумбійской республикой была уничтожена въ 1829 г. президентомъ Ламарой, а побѣда Сюкра при Таркви надъ отколовшимися отъ союза не могла уже удержать ихъ отъ отпаденія, такъ какъ авторитетъ центральной власти сильно пошатнулся. Вожди партій, боровшіеся за обладаніе властью, не только обрекли государство кровавымъ ужасамъ внутреннихъ междоусобій, но довели его даже до временнаго подчиненія чужеземному владычеству.

Боливія имѣла счастье получить своего перваго президента въ лицѣ Сюкра, искренно проникнутаго республиканскими взглядами. Онъ не только отклонилъ отъ себя предложенную ему диктатуру, но, избранный на 6 лѣтъ, сложилъ съ себя власть уже на второй годъ своего президентства, какъ только разошелся въ своихъ взглядахъ съ конгрессомъ. Второго такого честнаго президента Боливія уже не видѣла во главѣ своего правительства.

Ближайшимъ президентомъ, выдвинувшимся во время борьбы партій въ качествѣ побѣдителя, былъ прежній перуанскій президентъ Санта-Круцъ; онъ не только сдѣлался диктаторомъ Боливіи, но вмѣшался въ гражданскую борьбу въ Перу и использовалъ ее для того, чтобы вновь оживить идею о прежней связи Боливіи (Alto Peru) съ собственно Перу. Съ 1836 по 1839 г. онъ въ качествѣ диктатора обѣихъ республикъ стоялъ во главѣ общаго управленія, которое, впрочемъ, ими никогда не было признаваемо. Его враги искали помощи у Чили, и въ битвѣ при Юнгаѣ диктатура потеряла свою власть не только надъ Перу, но и надъ Боливіей. Но долгое еще время въ обѣихъ республикахъ продолжались волненія и партійная борьба честолюбивыхъ генераловъ, мѣшавшія прочному развитію народнаго благосостоянія.

Республиканская диктатура отнюдь не ограничивалась тѣми государствами, въ которыхъ она была насаждена по примѣру освободителя Боливара; она стала типичной формой правленія далеко за предѣлами Колумбійской республики.

Своимъ особымъ путемъ политическаго развитія пошло вначалѣ только Чили. Введеніе республиканской конституціи было и для Чили сопряжено съ періодомъ сильныхъ внутреннихъ потрясеній. Но оно съ ними справилось быстрѣе и гораздо удачнѣе, чѣмъ большинство родственныхъ государствъ. Длинный рядъ честныхъ, энергичныхъ президентовъ, не обуреваемыхъ жаждою безпочвенныхъ нововведеній, оторванныхъ отъ исторической дѣйствительности, осторожно пролагали путь отъ отживающаго прошлаго къ нарождающейся свободѣ будущаго; этимъ самымъ они поставили Чили на протяженіи цѣлаго поколѣнія (1833—1874 гг.) въ условія болѣе нормальнаго развитія сравнительно съ большинствомъ другихъ государствъ испанской Америки.

Спокойный и прочный порядокъ установился также въ Парагваѣ, но не на началахъ республиканской свободы. Послѣ того, какъ Парагваю удалось отстоять свою независимость противъ властолюбія Буэносъ-Айреса, бразды правленія взялъ въ свои руки въ 1814 г. докторъ правъ Хозе-Родригецъ де Франсіа и не выпускалъ ихъ до своей смерти въ 1840 г. Уже въ 1817 г. онъ заставилъ облечь себя пожизненною диктаторскою властью и съ тѣхъ поръ съ безпощадною суровостью подавлялъ всякую попытку къ сопротивленію его владычеству, которое онъ старался оградить путемъ полнаго устраненія какихъ бы то ни было внѣшнихъ вліяній на страну. Онъ такъ успѣшно осуществилъ свою задачу, что даже послѣ его смерти диктаторскій режимъ надолго упрочился въ свободной республикѣ Парагвая. Въ 1841 г. ему наслѣдовалъ его племянникъ Карлосъ-Антоніо Лопецъ, ставшій во главѣ государства; этотъ, въ свою очередь, въ 1862 г. могъ, хотя только временно, завѣщать верховную власть своему сыну Франциско-Солано Лопецу.

Мы уже упоминали, что вице-королевство Буэносъ-Айресъ объединяло въ своемъ составѣ больше разнородныхъ элементовъ, чѣмъ другіе государственные организмы. Это именно обстоятельство долгое время роковымъ образомъ отражалось на его правительствахъ. Правда, послѣ ожесточенныхъ междоусобныхъ войнъ Хозе де Ривадавіа въ 1826 г. обезпечилъ побѣду идеѣ

объединенія, но при всемъ томъ парламентскому режиму все же никогда не удавалось связать чувствомъ солидарности враждебные другъ другу элементы. И здѣсь диктатура уничтожила въ 1827 г. республиканскую свободу. Хозе Мануэль де Розасъ, подобно Паэцу въ Венецуэлѣ, образовалъ изъ гаучосовъ (пастухи) Пампасовъ безгранично преданный ему отрядъ всадниковъ, съ которыми онъ вѣрно служилъ дѣлу свободы, но лишь до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ себя настолько сильнымъ, чтобы подавить ее въ своихъ собственныхъ интересахъ. Едва ли кто-либо другой обагрилъ свои руки кровью такъ, какъ Розасъ; никто другой такъ ярко не обнаруживалъ своего честолюбія и жажды власти въ качествѣ исключительныхъ мотивовъ своего поведенія. И, однако, Розаса политикѣ нельзя отказать въ извѣстной правотѣ. Онъ не только сумѣлъ сохранить единство собственно аргентинскихъ провинцій, но питалъ еще надежду снова объединить подъ своимъ господствомъ всѣ составныя части прежняго вице-королевства Буэносъ-Айреса. Если онъ воздержался отъ военнаго нашествія на Парагвай и Уругвай, то причина этого заключалась въ томъ, что онъ понималъ, что въ случаѣ неудачи онъ могъ бы лишиться власти и въ Аргентинѣ; но онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы эксплуатировать междоусобныя неурядицы въ интересахъ возвращенія отпавшихъ провинцій подъ вліяніе прежней метрополіи. Въ концѣ концовъ, эта запутанная тактика привела его къ собственному паденію. Поддержка, оказанная имъ одному претенденту въ Уругваѣ, довела его до конфликта не только съ Англіей и Франціей, но и съ Уругваемъ и Бразиліей. Столь большого числа враговъ не создалъ ему даже его насильственный режимъ въ собственной странѣ. Съ помощью внѣшнихъ враговъ поднялъ Урквица знамя возстанія внутри страны, и въ битвѣ при Монте-Касеросъ 3 февраля 1852 г. кончилась одна изъ ужаснѣйшихъ диктатуръ испанской Америки.

Вопросъ о томъ, какое употребленіе сдѣлаетъ Мексика изъ своей, добытой столь дорогой цѣною, свободы, стоялъ не лучше, чѣмъ въ другихъ бывшихъ испанскихъ провинціяхъ. Паденіе Итурбиде и тамъ воспламенило кровавую борьбу за обладаніе верховною властью. Въ этой борьбѣ Антоніо Лопецъ де Санта-Анна занялъ положеніе, которое сильно напоминало собою положеніе, занятое въ Экуадорѣ генераломъ Флоресомъ. Въ вѣроломствѣ и безстыдствѣ онъ не уступалъ ни одному изъ властителей другихъ республикъ, а его корыстолюбіе находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ другими качествами его натуры. И онъ предпочиталъ не выставлять напоказъ своей власти и выдвигалъ на отвѣтственные посты креатуры изъ среды своихъ приверженцевъ. И онъ былъ яркимъ образчикомъ освободительныхъ диктаторовъ боливаровскаго типа, хотя ему такъ же, какъ и большинству его товарищей, не удалось удержать власти за собою до конца жизни.

Разумѣется, при подобной организаціи правительства не приходится много говорить о государственно-правовомъ развитіи въ республикахъ латинской Америки. Конечно, всѣ молодые государственные организмы спѣшили заявить о своей независимости тѣмъ, что ввели у себя представительный

образъ правленія. При всѣхъ этихъ экскурсіяхъ въ область государственнаго права образцомъ служила конституція Соединенныхъ Штатовъ съ необходимыми измѣненіями, болѣе или менѣе значительными, соотвѣтствовавшими характеру внутренняго положенія отдѣльныхъ провинцій. Но въ періодъ почти безпрерывныхъ военныхъ диктатуръ большинство этихъ конституцій оставалось мертвой буквой. Фактически правящая въ данное время партія всѣми средствами обезпечивала за собою обладаніе властью; въ свою очередь, противники ея считали себя въ правѣ вступить въ открытую борьбу съ правительствомъ съ тѣмъ, чтобы занять его мѣсто, какъ только имъ удастся низвергнуть правительство и такими же мѣрами самимъ упрочиться. Почти каждая удачная революція вела за собою коренное измѣненіе конституціи,— вотъ почему республики, потрясенныя политическими волненіями, насчитывали дюжинами перемѣны, произведенныя въ ихъ конституціяхъ.

Подражаніе примѣру Соединенныхъ Штатовъ, съ одной стороны, и соединеніе часто сталкивающихся между собою групповыхъ интересовъ — съ другой, все болѣе и болѣе подготовляли почву для развитія принципа федеративной республики. Первые диктаторы, изъ которыхъ многіе еще въ періодъ колоніальныхъ образованій отстаивали политическія границы съ оружіемъ въ рукахъ, естественно боролись за централистически-организованное единое государство. Однако, и на сѣверѣ, и на юго-востокѣ уже съ самаго начала идея федерализма обнаружилась довольно ярко, такъ что въ борьбѣ партій централисты и федералисты враждебно выступали другъ противъ друга. какъ консерваторы и либералы. Съ исчезновеніемъ преобладающаго вліянія диктаторовъ, выдвинутыхъ освободительными войнами, и со вступленіемъ во власть новаго поколѣнія людей, воспитавшихся въ режимѣ свободы, интересы отдѣльныхъ группъ стали привлекать къ себѣ болѣе усиленное вниманіе, и благодаря этому именно обстоятельству федеративный принципъ въ крупныхъ государственныхъ организмахъ почти вездѣ одержалъ побѣду.

Вслѣдъ за паденіемъ имперіи Итурбиде въ 1824 г. въ Мексикѣ была обнародована конституція, соединявшая отдѣльныя государства лишь очень слабой связью. Въ послѣдовавшей затѣмъ партійной борьбѣ позднѣйшаго времени государственное устройство Мексики неоднократно измѣнялось, давая мѣсто у себя то союзу государствъ, то союзному государству. Побѣдителемъ въ этой борьбѣ формально остался федеративный принципъ. Но тотъ фактъ, что Мексика долгое время находилась подъ гнетомъ диктаторской власти, служилъ рѣшительнымъ препятствіемъ правильному развитію обособленныхъ интересовъ и правъ отдѣльныхъ составныхъ частей федераціи.

Въ этомъ отношеніи любопытно, что въ 1826 г. даже въ Чили предпринята была попытка разложить республику на пять отдѣльныхъ государствъ. Консервативныя тенденціи, которыя тамъ особенно искусно культивировались, помѣшали повторенію подобной попытки. Но какъ могущественно было вліяніе на умы идеи федеративнаго государства, показываетъ уже тотъ фактъ, что даже Бразильская имперія находила нужнымъ считаться съ этой идеей. Въ 1834 г. имперскимъ провинціямъ даровано было право созывать

законодательныя собранія, которыя по отношенію къ центральной власти занимали совершенно такое же положеніе, какъ конгрессы отдѣльныхъ штатовъ въ федеративныхъ республикахъ.

Болѣе широкое распространеніе федеративный принципъ получилъ въ срединѣ XIX вѣка. Послѣ паденія диктатуры Розаса Аргентинская республика преобразовалась въ 1853 г. въ союзъ государствъ, который, конечно, лишь послѣ продолжительной и ожесточенной борьбы между сторонниками и противниками централизаціи, вступилъ въ періодъ болѣе прочнаго конституціоннаго строительства. Но затѣмъ идея союза государствъ одержала полную побѣду, которая здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, находила для себя историческое оправданіе. Въ то же время и въ Новой Гренадѣ сторонники идеи федераціи начали борьбу съ защитниками государственной централизаціи. Послѣ цѣлаго ряда революціонныхъ потрясеній республика Новая Гренада преобразовалась въ 1861 г. въ федеративную республику Соединенныхъ Штатовъ Колумбіи. Почти одновременно съ этимъ подобный же процессъ развитія имѣлъ мѣсто въ Венецуэлѣ. Уже въ 1856 г. одна изъ многочисленныхъ венецуэльскихъ революцій привела къ образованію не менѣе 20 отдѣльныхъ государствъ, правовое существованіе которыхъ послѣ продолжительныхъ гражданскихъ войнъ было санкціонировано конституціей 1864 г. Но позднѣе венецуэльцы и сами должны были убѣдиться, что они слишкомъ далеко зашли въ своемъ государственномъ дробленіи, не имѣвшемъ подъ собою никакого историческаго оправданія. Новая конституція 1871 г. соединила 20 мелкихъ государствъ въ 8 болѣе крупныхъ.

Любопытно, что федеративная организація государствъ, даже прошедшая сквозь огонь гражданской войны, имѣла поразительно ничтожное вліяніе въ смыслѣ достиженія большей устойчивости внутренняго положенія въ странѣ.

Въ союзныхъ республикахъ, какъ и въ централизованныхъ государствахъ, партійная борьба почти постоянно перекидывалась изъ одной провинціи въ другую, ибо и тамъ, и здѣсь конечною цѣлью борьбы было обладаніе политическою властью, которая все еще сосредоточивалась въ центрѣ союзной организаціи. Зато децентрализація внесла большое разнообразіе политической жизни въ отдѣльныя группы государства. Ибо какъ сильна ни была обыкновенно подражательность въ построеніи конституціонныхъ законовъ по излюбленному шаблону, но чѣмъ дольше каждая политическая партія въ состояніи была удерживать власть въ своихъ рукахъ, тѣмъ болѣе способной оказывалась она вносить свой индивидуальный животворящій элементъ въ эти законы, дополняя и систематизируя, такимъ образомъ, основы своего конституціоннаго порядка. Но именно широкій просторъ для проявленія законнаго вліянія разнообразныхъ партійныхъ міровоззрѣній, отражавшихъ на себѣ всѣ особенности своеобразнаго историческаго или экономическаго развитія отдѣльныхъ частей болѣе крупныхъ государственныхъ организмовъ, и открывала федеративная республика, — даже тамъ, гдѣ партійные взгляды расходились съ руководящими идеями союзнаго правительства. Основныя республиканскія идеи свободы, равенства и братства, хотя и не вездѣ воплотились

въ жизнь, пользовались, однако, всеобщимъ признаніемъ въ молодыхъ государствахъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и амплитуда колебанія политическихъ взглядовъ была довольно широка—отъ ультраконсервативнаго клерикализма до крайне прогрессивнаго либерализма. Въ Квито, являвшимся еще въ колоніальную эпоху цитаделью клерикализма, духъ традиціи даже при республикѣ одно время такъ сильно овладѣлъ умами, что въ 1863 г. въ президентство Гарсіи Морено съ Римомъ вновь былъ заключенъ конкордатъ, народное образованіе было передано въ руки іезуитамъ, и изданъ былъ союзный законъ, въ силу котораго 10% всѣхъ государственныхъ доходовъ отдавались въ распоряженіе папы. Строго консервативный характеръ имѣли также конституціи нѣкоторыхъ государствъ, принадлежавшихъ къ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ Колумбіи. Чили, благодаря порядку и устойчивости въ своей конституціонной жизни, достигло въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ свободы такого благосостоянія, которое возбуждало чувство зависти у родственныхъ ему республикъ.

Вообще со второй половины XIX столѣтія латинская Америка вступила въ эпоху, когда рѣшительное вліяніе пріобрѣли новые элементы—преимущественно экономическаго и политическаго характера. Уже въ первый періодъ свободы среди диктаторовъ находились лица, вполнѣ ясно сознававшія значеніе экономическихъ факторовъ, которые они въ большинствѣ случаевъ эксплуатировали больше въ интересахъ личнаго обогащенія, нежели общаго блага. Значительный экономическій подъемъ, наблюдавшійся въ Старомъ Свѣтѣ, почтенная роль, которая почти въ самомъ началѣ этого экономическаго развитія досталась на долю Соединенныхъ Штатовъ, не могли не оказать вліянія на латинскую Америку. Само собою разумѣется, что въ большинствѣ ея государствъ еще недоставало тѣхъ предварительныхъ условій, которыя необходимы были для эксплуатаціи наличныхъ естественныхъ богатствъ. Рѣдкое населеніе стояло еще на низкой ступени образованія и охотнѣе растрачивало свои силы на партійную борьбу, нежели на дружную производительную работу. Къ тому же молодыя республики были бѣдны и нигдѣ у самихъ себя не могли найти тотъ оборотный капиталъ, который, безъ всякой надежды на непосредственную прибыль, долженъ былъ быть затраченъ на устройство путей сообщенія и цѣлой системы хозяйственныхъ учрежденій для разработки естественныхъ богатствъ. Богатства, которыя были накоплены во время правленія первыхъ президентовъ путемъ конфискаціи духовныхъ имѣній и владѣній, принадлежавшихъ испанской коронѣ и ея сторонникамъ, были непроизводительнымъ образомъ растрачены. На введеніе тяжелыхъ государственныхъ налоговъ непрочно стоявшія на своихъ ногахъ правительства не могли рѣшиться изъ чувства самосохраненія; косвенное же обложеніе, таможенныя пошлины и налоги на потребленіе при незначительности потребностей туземцевъ и малой зажиточности поселенцевъ были средствами слишкомъ недостаточными, чтобы при ихъ помощи можно было приняться за осуществленіе какихъ-либо широкихъ культурныхъ задачъ.

Такимъ образомъ, въ испанской Америкѣ подготовлена была почва для

погони за привлеченіе иностранныхъ капиталовъ и рабочихъ силъ, необходимыхъ для развитія экономическаго благосостоянія. Спекулятивная тенденція европейскаго денежнаго рынка какъ нельзя болѣе кстати явилась на помощь этому положенію дѣлъ. Въ теченіе поразительно короткаго времени южно-американскій континентъ покрылся желѣзнодорожною сѣтью, которая при отдаленности разстояній и незначительной густотѣ населенія должна была пріобрѣсти довольно серьезное значеніе. Духъ личной предпріимчивости встрѣчалъ самую дѣятельную поддержку со стороны правительствъ, которыя, въ свою очередь, съ неимовѣрной энергіей спѣшили модернизировать сильно отставшія государственныя учрежденія. Этотъ процессъ развитія самъ собою способствовалъ большей устойчивости внутренняго положенія. Только при такой устойчивости государство могло обезпечить себя кредитомъ, въ которомъ оно безусловно нуждалось для осуществленія своихъ экономическихъ задачъ; только при водвореніи внутренняго спокойствія вложенные въ предпріятія капиталы могли дать благіе результаты.

При такихъ условіяхъ прогрессивное развитіе, на путь котораго вступила Южная Америка, не могло не нарушаться экономическими кризисами. Та легкость, съ которою американскія государства помѣщали свои займы на биржахъ Стараго Свѣта и добывали деньги въ количествѣ, далеко превышавшемъ ихъ непосредственныя потребности, естественно привела къ ненормально чрезмѣрному накопленію финансовыхъ средствъ, которое жестоко мстило за себя всякій разъ, какъ только перепроизводство капиталовъ достигало того уровня, при которомъ они переставали приносить доходы. Однако, потери, съ которыми были сопряжены подобные кризисы, большей своей тяжестью падали на европейскихъ кредиторовъ, нежели на заатлантическихъ должниковъ, которые съ юношескимъ легкомысліемъ пренебрегали своими обязательствами. Но, разъ положивъ начало раціональной разработкѣ естественныхъ богатствъ своихъ земель, они нашли неисчерпаемые источники для своего обогащенія.

Уже во время коалиціи 1852 г., приведшей къ паденію Розаса въ Аргентинѣ, весьма рѣшительную роль сыграла потребность въ удаленіи безпокойнаго элемента, мѣшавшаго безпрепятственной дѣятельности, направленной къ подъему экономическаго благосостоянія страны. Еще болѣе рѣшительно и ярко обнаружились тѣ же мотивы во время войны, которую вели Бразилія, Уругвай и Аргентина въ 1867—1870 гг. съ младшимъ Лопецомъ въ Парагваѣ, такъ какъ онъ, какъ и Розасъ до него, вызывалъ постоянные внутренніе раздоры въ сосѣднихъ государствахъ съ тѣмъ, чтобы и на нихъ распространить свое вліяніе. Война закончилась сверженіемъ диктатора и значительными территоріальными потерями для республики. Чисто-экономическія причины привели также къ войнѣ 1879 г. между Чили и союзными республиками Перу и Боливіей, во время которой Чили одержало блестящую побѣду благодаря сильному превосходству его политическаго и экономическаго положенія. Миръ 1881 г. принесъ Чили крупныя территоріальныя приращенія на счетъ побѣжденныхъ противниковъ, чрезвычайно

усилившія еще болѣе его экономическое преобладаніе. Печальны были послѣдствія этихъ успѣховъ для побѣдителей лишь постольку, поскольку они уклонились отъ пути медленнаго, но постояннаго прогресса и съ излишней торопливостью спѣшили использовать выгоды новаго положенія. Побѣда, доставившая господство военной партіи въ государствѣ, до того времени управлявшемся на чисто-гражданскихъ началахъ, повлекла за собою роковыя послѣдствія во внутреннихъ отношеніяхъ, обыкновенно соединявшіяся съ владычествомъ побѣдоносныхъ генераловъ въ Южной Америкѣ. Несмотря на одержанную побѣду, Чили въ культурномъ отношеніи несомнѣнно пошло попятнымъ путемъ, съ котораго и до сихъ поръ оно еще не могло сойти.

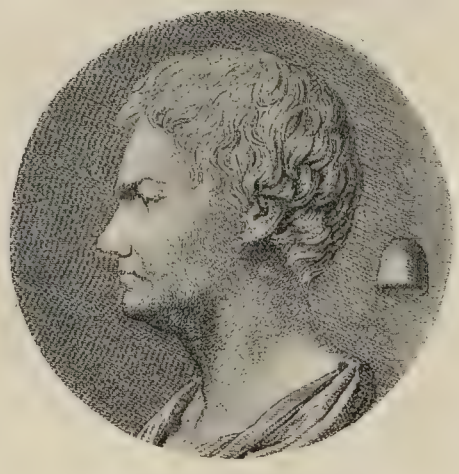
Изъ противоположности экономическихъ интересовъ возникли также и тѣ войны, въ которыя была вовлечена республика Мексика, но по исключительнымъ обстоятельствамъ войны эти приняли такой своеобразный оборотъ, котораго и подозрѣвать нельзя было въ началѣ ихъ возникновенія.

Въ 1845 г. у Мексики произошелъ конфликтъ съ Соединенными Штатами изъ-за того, что провинція Техасъ по мотивамъ экономическаго характера откололась отъ метрополіи и домогалась включенія въ составъ Сѣверо-Американскаго Союза. Въ это время Мексика едва только приступила къ раціональной разработкѣ естественныхъ богатствъ и всѣ свои силы еще растрачивала, главнымъ образомъ, въ гражданскихъ войнахъ, вызываемыхъ честолюбивыми диктаторами. Ея пораженіе было равносильно полному внутреннему ея разложенію. По гваделупъ-гидальгскому миру, заключенному въ 1848 г., она вынуждена была уступить на сѣверо-западѣ колоссальную по своимъ размѣрамъ территорію,—и достаточно назвать только Калифорнію, чтобы понять, какого крупнаго источника экономическаго благосостоянія она лишилась. Но пораженіе пробудило въ Мексикѣ стремленіе къ кореннымъ перемѣнамъ. Однако, для успѣшнаго движенія въ этомъ направленіи ей недоставало еще внутренней устойчивости; борьба партій не прекращалась, и диктатура все еще оставалась преобладающей формой государственнаго управленія. При такихъ обстоятельствахъ появился на политической аренѣ Мексики просвѣщенный диктаторъ Бенито Хуарецъ. Тѣ средства, съ помощью которыхъ онъ старался оградить національное благосостояніе отъ эксплуатаціи иностранныхъ предпринимателей, вызвали международныя замѣшательства, и Хуарецъ навлекъ на свою страну одну изъ тягчайшихъ катастрофъ, которыя когда-либо приходилось переживать латинской Америкѣ.

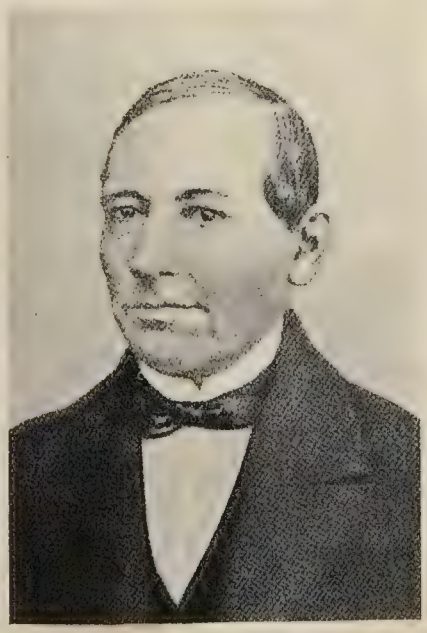
Въ 1861 г. Франція, Испанія и Англія составили противъ Мексики союзъ, чтобы принудить ее къ исполненію лежавшихъ на ней обязательствъ относительно подданныхъ названныхъ иностранныхъ державъ. Но, кромѣ того, Франція втайнѣ преслѣдовала при этомъ и другіе гораздо болѣе широкіе политическіе планы, съ которыми она открыто выступила, какъ только отступленіе ея союзниковъ предоставило ей полную свободу дѣйствій. Наполеонъ III съ прозорливостью государственнаго человѣка предвидѣлъ тѣ опасности, которыми грозило міровому положенію быстрое поступательное движеніе Соединенныхъ Штатовъ по пути къ великодержавности. Въ предотвращеніе этой

ХОЗЕ РОДРИГЕЦЪ де ФРАНСІА.

Генералъ СИМОНЪ БОЛИВАРЪ.



Генералъ МИРАНДА.



БЕНИТО ХУАРЕЦЪ.

ПОРФИРІЙ ДІАСЪ.

опасности онъ и задался попыткой создать имъ на американской почвѣ противовѣсъ въ лицѣ монархическаго государства.

Подъ покровительствомъ французскаго оружія создана была Мексиканская имперія эрцгерцога Максимиліана. Но она не могла пустить глубокихъ корней въ странѣ, раздираемой борьбой партій. Императоръ Максимиліанъ былъ одушевленъ желаніемъ основать свою имперію на началахъ гражданской свободы, но мексиканскій народъ, хотя и воспитавшійся въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній подъ господствомъ республиканскихъ формъ, не былъ къ этому подготовленъ. Когда Наполеонъ изъ опасенія конфликта съ Соединенными Штатами отозвалъ свои войска изъ Мексики, либеральная монархія во имя свободы была низвергнута партіей военной диктатуры, которая начала съ того, что запятнала себя смертнымъ приговоромъ надъ императоромъ и его послѣднимъ вѣрнымъ слугою. 19 іюня 1867 г. Габсбургъ былъ разстрѣлянъ въ Кверетаро. Бенито Хуарецъ и его ученикъ и преемникъ Порфирій Діасъ безспорно сдѣлали очень много для того, чтобы двинуть Мексику по пути экономическаго прогресса, причемъ Діасу удалось даже, повидимому, водворить порядокъ и спокойствіе внутри страны—и удалось такъ, какъ это рѣдко удавалось кому-либо не только въ Мексикѣ, но и вообще во всей латинской Америкѣ. Но вся эта реформаторская работа оказалась возможной съ помощью безпощадной и продолжительной диктатуры, не останавливавшейся ни передъ какими мѣрами насилія. Картина политическаго развитія Венецуэлы, относящаяся къ тому же времени, является разительнымъ доказательствомъ, что подобное состояніе искренне могли принимать за состояніе установившагося спокойствія и порядка внутри страны.

Происходившая въ Венецуэлѣ борьба партій, которая по отсутствію оправдывающихъ внутреннихъ мотивовъ представляла собою полную аналогію съ такою же борьбою въ Мексикѣ, выдвинула въ 1870 г. въ роли диктатора Антоніо Гузмана Бланко; онъ сумѣлъ своею властью воспользоваться въ интересахъ широкаго экономическаго развитія подчиненной ему страны. Его управленіе выгодно отличалось отъ управленія его соперника въ томъ отношеніи, что онъ въ высокой мѣрѣ содѣйствовалъ также развитію духовныхъ интересовъ: Венецуэла до 1890 г. обязана была ему эпохою своего экономическаго подъема, который открывалъ ей широкія перспективы въ будущемъ. И, однако, достаточно было немногихъ лѣтъ революціонной борьбы политическихъ партій, чтобы превратить это именно государство въ одинъ изъ самыхъ безотрадныхъ примѣровъ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ неизбѣжно приводитъ новѣйшій фазисъ развитія латинской Америки.

Въ эпоху колоніальнаго господства болѣе густо населенные округа часто отдѣлялись другъ отъ друга обширными рѣдко населенными или совершенно невоздѣланными пространствами земли. Результатомъ этого была полная неопредѣленность границъ колоніальныхъ провинцій, поскольку онѣ простирались черезъ такія пустыни, ибо въ точномъ опредѣленіи ихъ никто не былъ серьезно заинтересованъ. Въ такомъ же положеніи колоніальныя провинціи остались и послѣ преобразованія въ самостоятельныя государственныя еди-

ницы. Съ началомъ раціональной разработки естественныхъ богатствъ, скрывавшихся въ нѣдрахъ земли, эти дѣвственныя пространства пріобрѣли громадное экономическое значеніе тѣмъ болѣе, что, какъ оказалось, земли, остававшіяся до сихъ поръ въ полномъ пренебреженіи, нерѣдко являлись источникомъ важныхъ экономическихъ цѣнностей. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ пробудился повсемѣстно интересъ къ болѣе точному опредѣленію территоріальныхъ границъ, причемъ каждая изъ республикъ стремилась присвоить себѣ возможно бо́льшую долю изъ земель, не обращавшихъ до сихъ поръ на себя никакого вниманія съ ихъ стороны, и тѣмъ увеличить свою территорію. Подобнаго рода пограничные споры возникали не только между прежними испанскими колоніями, но также и тамъ, гдѣ эти послѣднія соприкасались съ колоніальными владѣніями европейскихъ державъ или съ владѣніями Бразильской имперіи.

Почти всѣ заинтересованныя правительства обладали настолько здравымъ смысломъ, чтобы не прибѣгать къ оружію для рѣшенія спорныхъ пограничныхъ вопросовъ. Даже болѣе того, между самыми заинтересованными въ этихъ вопросахъ пользовался широкимъ признаніемъ принципъ обращенія къ третейскому суду во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда спорящія стороны не могли прійти къ полюбовному соглашенію; при этомъ каждая изъ сторонъ, пользуясь всѣми способами доказательствъ справедливости своихъ правъ, обязывалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняться рѣшенію третейскаго суда, хотя бы оно и не соотвѣтствовало ея надеждамъ и желаніямъ.

Такимъ путемъ мало-по-малу была окончательно подѣлена территорія материка до самыхъ отдаленныхъ ея уголковъ. Въ 1866 г. Чили и Боливія вошли въ соглашеніе относительно вопроса о границахъ у Тихаго океана въ области Mejillones; въ 1881 г. Чили и Аргентина опредѣлили свои взаимныя права въ Патагоніи; договорнымъ соглашеніемъ урегулировали свои границы Перу и Экуадоръ въ 1894 г., Аргентина и Уругвай въ 1900 г., Бразилія и Боливія въ 1903 г. Не всегда, однако, удавалось заинтересованнымъ сторонамъ кончать дѣло путемъ непосредственнаго полюбовнаго соглашенія между собою. Съ 1895 г. началась эпоха большихъ третейскихъ судовъ по вопросамъ о территоріальныхъ границахъ. Эти суды имѣли огромный историческій интересъ, такъ какъ они, съ одной стороны, привели къ научному изслѣдованію обширныхъ и рѣдко населенныхъ пространствъ земли, а съ другой—дали толчокъ такой основательной разработкѣ этнографическаго и картографическаго матеріала для исторіи южно-американскихъ странъ, какого не скоро можно было бы дождаться, если бы дѣло это было предпринято исключительно по мотивамъ чисто-научнаго характера. Важнѣйшимъ изъ рѣшеній этихъ третейскихъ судовъ было рѣшеніе, урегулировавшее границы между Соединенными Штатами Венецуэлы и британской Гвіаной. Въ 1896 г. Англія безцеремонно заявила свои права на спорную область, упорно отвергая предложеніе Венецуэлы о третейскомъ посредничествѣ, а вскорѣ просто оккупировала ее. Въ виду такого оборота, принятаго споромъ, въ дѣло вмѣшались Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и заставили Англію

передать споръ на рѣшеніе третейскаго суда, который долженъ былъ собраться въ Парижѣ подъ предсѣдательствомъ лица по назначенію русскаго государя. По рѣшенію этого трибунала, вынесенному въ 1899 г., большая часть занятой англичанами земли была присуждена Венецуэлѣ; своимъ рѣшеніемъ трибуналъ вызвалъ бурю горячихъ благодарностей со стороны родственной сѣверной республики.

Это рѣшеніе совпало со стремленіями Соединенныхъ Штатовъ связать болѣе тѣсною связью сѣверныя и южныя республики американскаго материка и проложить путь доктринѣ Монрое въ томъ смыслѣ, чтобы американскія дѣла даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они затрагиваютъ международные интересы, регулировались совершенно самостоятельно, помимо всякаго вмѣшательства со стороны иностранныхъ державъ.

Всѣ эти обстоятельства привели къ тому, что венецуэльскій президентъ Чипріано Кастро, возведенный на свой высокій постъ одной изъ обычныхъ военныхъ революцій, но совершенно неспособный и неподготовленный къ выпавшимъ на него серьезнымъ обязанностямъ, окончательно потерялъ всякое чувство мѣры. Онъ началъ систематически вытѣснять всѣхъ иностранцевъ даже изъ экономической сферы и, не останавливаясь передъ самымъ грубымъ произволомъ, старался перевести въ руки правительства или туземныхъ предпринимателей многочисленныя крупныя промышленныя предпріятія, поставленныя и дѣйствующія съ помощью иностраннаго капитала. Когда Германія, Англія и Франція для защиты интересовъ своихъ подданныхъ предприняли соединенную блокаду венецуэльскихъ портовъ, то Кастро вынужденъ былъ согласиться передать вопросъ о правахъ иностранцевъ на разсмотрѣніе третейскаго суда. Но такъ какъ Сѣверо-американскій союзъ и въ этомъ случаѣ обнаруживалъ нескрываемое сочувствіе къ родственной ей Южно-американской республикѣ, то Кастро подъ самыми ничтожными предлогами началъ увертываться отъ исполненія обязательствъ, возложенныхъ на него рѣшеніемъ третейскаго суда, и, въ концѣ концовъ, дошелъ до того, что, какъ бы издѣваясь надъ своими покровителями, началъ примѣнять ту же систему вытѣсненія иностранныхъ предпріятій къ самимъ Соединеннымъ Штатамъ. Чтобы придать этой политикѣ, идущей вразрѣзъ съ самыми элементарными требованіями международнаго права, правомѣрный характеръ, Венецуэла сдѣлала шаги съ цѣлью побудить второе собраніе международнаго третейскаго суда въ Гаагѣ принять постановленіе, въ силу котораго всѣмъ европейскимъ государствамъ должно было быть воспрещено оказывать вооруженную поддержку финансовымъ требованіямъ своихъ подданныхъ въ американскихъ республикахъ.

Хотя ни одна изъ республикъ латинской Америки не рѣшилась бы слѣдовать тактикѣ Венецуэлы, нарушающей чужія права, тѣмъ не менѣе, всѣмъ имъ безъ исключенія было весьма желательно формулированіе международно-правового принципа, способнаго ослабить еще повсемѣстно и сильно ощущавшуюся ихъ экономическую зависимость отъ болѣе культурнаго Стараго Свѣта. Правда, латинская Америка относилась къ усиліямъ своей сѣверо-американской сестры — тѣснѣе связать ее съ собою — еще съ большею

подозрительностью, нежели къ попыткамъ къ сближенію съ нею со стороны Стараго Свѣта. Но надежда на возможность международно-правовой санкціи, узаконяющей насильственную тактику относительно иностраннаго капитала, казалась всѣмъ этимъ республикамъ столь соблазнительной, что онѣ поддержали это предложеніе, хотя оно и исходило отъ правительства, не пользовавшагося никакимъ особеннымъ уваженіемъ даже въ Америкѣ. Если оно, какъ это напередъ и можно было предвидѣть, признано было непріемлемымъ, все же съ несомнѣнностью можно утверждать, что будетъ или не будетъ оно снова вноситься на будущихъ конференціяхъ мира, его такъ же трудно уже будетъ вычеркнуть изъ катехизиса южно-американскихъ республикъ, какъ доктрину Монрое изъ катехизиса Сѣверной Америки.

Несмотря на то, что Бразилія была со всѣхъ сторонъ окружена республиками, въ ней въ теченіе большей части XIX вѣка сохранена была монархическая форма правленія. Основателю независимой Бразиліи Педро I наслѣдовалъ въ 1831 г. его сынъ Педро II. Въ царствованіе этого просвѣщеннаго и строго конституціоннаго монарха Бразилія пользовалась большею гражданскою свободою, нежели большинство остальныхъ государствъ латинской Америки. Но для южно-американскихъ республикъ сущность дѣла имѣла меньше значенія, нежели его форма. Поэтому, воспользовавшись конфликтомъ по вопросу объ уничтоженіи рабства, онѣ искусственно подготовили конфликтъ между мнимымъ большинствомъ народа и короной, чтобы найти хотя бы тѣнь оправданія для уничтоженія монархіи. Такимъ образомъ, въ 1889 г. Бразилія также превратилась въ союзную республику. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этой метаморфозы былъ періодъ продолжительныхъ гражданскихъ войнъ, во время которыхъ и Бразилія познала всѣ прелести военной диктатуры, испытала полное финансовое разстройство и страшный карьеризмъ во всѣхъ областяхъ управленія. Гражданская свобода и въ Бразиліи отнынѣ пропиталась духомъ узкаго націонализма, послѣдствія котораго скоро дали себя почувствовать иностраннымъ поселеніямъ. Къ тому же, Бразилія примкнула къ союзу американскихъ республикъ противъ Чили и тѣмъ самымъ создала опасность для международнаго мира на южно-американскомъ континентѣ.

Хотя побѣда Чили надъ соединенными Перу и Боливіей не имѣла благопріятнаго вліянія на внутреннее положеніе страны, она, однако, возбудила въ сосѣднихъ государствахъ восхищеніе, смѣшанное съ сильною дозою зависти. Но сознаніе военной мощи побудило Чили занять по отношенію къ другимъ государствамъ неблагопріятную имъ позицію. Такъ какъ Перу не было въ состояніи внести вознагражденія, которое она должна была уплатить, если хотѣла вернуть обратно Чили Такну и Арику, то Чили и не приступала къ опросу населенія, какъ это было обусловлено договоромъ. Столь же сурово поступило оно и съ Аргентиной при переговорахъ о границахъ въ Андахъ, которые даже послѣ третейскаго рѣшенія англійскаго короля не могли прійти къ благополучному завершенію. Въ 1900 году дѣло чуть-было не дошло до войны между обоими государствами, и въ предвидѣніи ея Арген-

тина вступила въ союзъ съ Бразиліей, Перу и Боливіей. Къ счастью, спокойное хладнокровіе одержало верхъ надъ временнымъ возбужденіемъ страстей. Вызвавшая столько споровъ граница въ Андахъ была урегулирована договоромъ 1903 г. такимъ образомъ, что самолюбіе, какъ по ту, такъ и по сю сторону пограничной линіи, было пощажено, и тѣмъ самымъ была устранена война, которая несомнѣнно вызвала бы въ заинтересованныхъ странахъ сильное внутреннее потрясеніе.

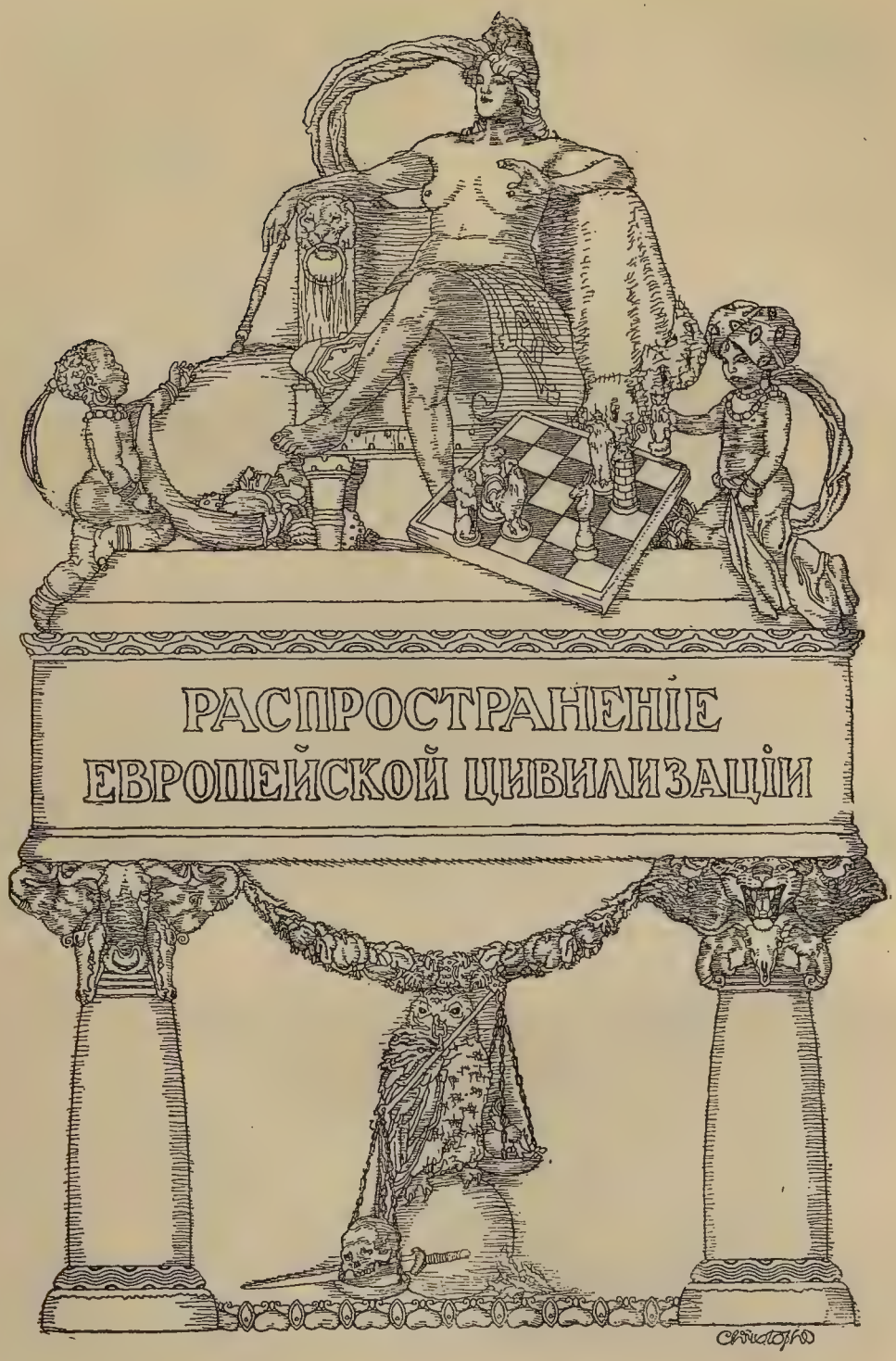
Недовѣріе латинскихъ республикъ къ Соединеннымъ Штатамъ, несомнѣнно, вполнѣ основательно. Что панамериканскіе конгрессы съ исходившими отъ нихъ попытками къ болѣе тѣсному объединенію американскихъ континентовъ въ сущности имѣли цѣлью подъ предлогомъ вытѣсненія европейской конкуренціи поставить южно-американскія государства въ экономическую зависимость Сѣверо-американскаго союза и тѣмъ самымъ пріобрѣсти новые рынки для сбыта продуктовъ его расцвѣтающей промышленности,— было до такой степени очевидно, что никакими обольстительными обѣщаніями нельзя было этого скрыть отъ южно-американскихъ государствъ. При самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ союзъ давалъ имъ чувствовать свое превосходство, и то ничтожное вниманіе, которое онъ удѣлялъ чужимъ правамъ, какъ только они сталкивались съ его интересами, югу было слишкомъ хорошо знакомо, чтобы онъ могъ забыть объ этомъ. А чего могъ ожидать для себя югъ отъ торжества имперіалистскихъ тенденцій, которое должно было бы обезпечить Союзу первенствующую роль,—это могли показать ему два поучительныхъ примѣра.

Ни для кого не тайна, что возстаніе кубинцевъ противъ испанскаго владычества постоянно разжигалось Союзомъ и поддерживалось сѣверо-американскими деньгами. Группа Большихъ Антильскихъ острововъ уже и раньше не разъ являлась объектомъ сѣверо-американскихъ вождѣленій. Когда Испанія въ 1897 г. рѣшилась заставить островъ Кубу повиноваться, хотя бы цѣною полнаго уничтоженія его экономической цѣнности, Союзъ пришелъ инсургентамъ на помощь и потребовалъ для острова самоуправленія и конституціоннаго правительства. Когда это требованіе было исполнено, и поводъ ко вмѣшательству со стороны Союза былъ устраненъ, онъ, несмотря на это, началъ войну безъ всякой причины и послѣ побѣдоноснаго ея окончанія заставилъ Испанію расплатиться за войну Кубой, Порто-Рико и еще кое-какими другими областями. По отношенію къ Кубѣ Союзъ принялъ на себя слишкомъ формальныя обязательства, чтобы онъ могъ такъ же просто покончить съ нею, превративъ ее въ свою колонію, какъ это онъ сдѣлалъ съ Порто-Рико. Кубѣ предоставлено было, подъ сѣверо-американскимъ протекторатомъ, образовать якобы самостоятельную республику. Но эта мнимая самостоятельность просуществовала недолго. Какъ только политическія замѣшательства стали угрожать интересамъ Союза, послѣдній немедленно сбросилъ съ себя личину посредника и, вмѣшавшись въ дѣло, снова подчинилъ островъ непосредственному сѣверо-американскому управленію. Сколько разъ еще будетъ

повторяться эта комедія—не представляетъ историческаго интереса. Несомнѣнно только одно: рано или поздно дѣло кончится аннексіей Кубы.

Еще яснѣе показало южно-американскимъ республикамъ непосредственную опасность преобладанія союза другое событіе. Пока Франція тратила свои силы на сооруженіе Панамскаго канала, союзъ, поддерживая контръ-проектъ междуокеаническаго канала черезъ озеро Никарагуа, пытался создавать затрудненія осуществленію французскаго предпріятія. Но когда французскому обществу начала грозить потеря концессіи, союзъ сумѣлъ взять это дѣло въ свои руки и вошелъ въ переговоры съ Соединенными Штатами Колумбіи о продленіи концессіи. Едва ли можно было осуждать Штаты Колумбіи за то, что они, при измѣнившихся экономическихъ условіяхъ, старались заломить отъ такого крупнаго денежнаго ходатая, какъ союзъ, по возможности высокую цѣну. Быть-можетъ, способъ веденія переговоровъ Колумбійской республикой и не совсѣмъ согласовался съ уваженіемъ къ идеѣ международнаго общенія. Но нельзя не признать грубымъ насиліемъ со стороны союза тотъ фактъ, что онъ помогъ панамскимъ мятежникамъ подняться противъ союзной республики и своимъ поспѣшнымъ признаніемъ мятежнаго государства воюющей стороной заставилъ колумбійцевъ предпринять военный походъ.

Опасенія передъ властнымъ вмѣшательствомъ со стороны Сѣверной Америки породили чувство братской солидарности между отдѣльными государствами латинской Америки, пробудившее, въ свою очередь, тенденцію къ сближенію съ испанской метрополіей. Но неспособность послѣдней оказать какую-либо помощь дочернимъ государствамъ была, конечно, слишкомъ очевидна. Да и между латинскими сестрами взаимныя симпатіи были слишкомъ слабы, чтобы можно было на ихъ солидарность возлагать какія-либо прочныя надежды. Всѣ ихъ правительства безъ исключенія были слишкомъ слабы и имѣли слишкомъ мало корней въ національномъ сознаніи народныхъ массъ; къ тому же экономически эти республики—всѣ безъ изъятія—слишкомъ несамостоятельны, чтобы оказать какое бы то ни было серьезное сопротивленіе насилію Сѣверной Америки. Ихъ зависимость отъ сѣвернаго колосса въ ближайшемъ будущемъ, конечно, увеличится еще болѣе. Увеличится ли эта зависимость настолько, чтобы угрожать латинской Америкѣ полной потерей ея самостоятельности, или внутренніе кризисы въ самомъ Союзѣ поставятъ предѣлъ его политикѣ безграничнаго расширенія, все это невозможно предвидѣть въ настоящее время. Одно только можно признать не подлежащимъ сомнѣнію: если латинская Америка когда-либо пожелаетъ играть какую-нибудь роль въ міровой политикѣ,—роль, на которую ей даютъ право ея территоріальные размѣры и ея естественныя богатства,—то для этого ей нужно будетъ прежде всего создать условія, благопріятныя развитію мощнаго подъема истинно республиканскаго гражданскаго чувства.


РАСПРОСТРАНЕНІЕ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦІИ

Распространеніе европейской цивилизаціи въ прошломъ и настоящемъ.

Какъ извѣстно, земная кора состоитъ изъ ряда наслоеній, въ образованіи которыхъ отразилась исторія постепеннаго охлажденія и вывѣтриванія образующаго ее матеріала. Въ свою очередь, на этой физически-химической основѣ запечатлѣлись слѣды человѣческой исторіи въ формѣ самыхъ разнообразныхъ отложеній. И различіе этихъ послѣднихъ отъ физическихъ отложеній съ перваго взгляда лишь въ одномъ: эволюція ихъ шла не въ сторону регресса и разложенія, а обратно; она—движеніе по восходящей линіи, развитіе прогрессирующее. Эти отложенія разбросаны повсюду, даже на днѣ морей, хотя здѣсь они большей частью намъ недоступны; и съ особымъ чувствомъ проѣзжаетъ каждый человѣкъ, обладающій историческимъ чутьемъ, надъ ареной большихъ морскихъ сраженій или по великимъ путямъ прежнихъ торговыхъ сношеній. Волны молчатъ о быломъ, но говоритъ воображеніе, какъ-будто изъ морской глубины звучатъ колокола Винеты вездѣ, гдѣ люди сходились въ мирѣ или во враждѣ. Континентъ всюду заполненъ доисторическими отложеніями. Куда ни ударитъ заступъ изслѣдователя, вездѣ онъ наталкивается на нихъ, и когда-нибудь изъ всѣхъ раскопокъ на земномъ шарѣ въ памяти людей возродится къ новой жизни все наше доисторическое прошлое, лишь отдѣльными фрагментами котораго мы обладаемъ теперь.

Эти отложенія распредѣлены чрезвычайно неравномѣрно. Въ иныхъ мѣстахъ попадаются только незначительные и бѣдные остатки первобытныхъ культуръ; въ другихъ каждая находка является шагомъ впередъ въ познаніи великаго человѣческаго развитія, важнымъ пріобрѣтеніемъ для будущаго. Можно сказать: какъ неровенъ физическій уровень земной коры съ ея горами и равнинами, съ ея возвышенностями и низменностями, такъ же неровенъ и уровень исторической традиціи.

Но между физическимъ и духовнымъ міромъ мы видимъ здѣсь еще болѣе тѣсную связь. Оглядываясь на жизнь многочисленныхъ народовъ, нельзя не поразиться зависимостью ихъ судьбы и всего ихъ облика отъ географическихъ условій. Прежде всего расовыя особенности, эти наиболѣе сильные, постоянные элементы современнаго духовнаго міра, въ конечномъ счетѣ зависятъ отъ этихъ условій, и глубокій смыслъ заключается въ томъ фактѣ, что именно представленія, которыя связалъ съ этимъ взаимодѣйствіемъ одинъ изъ наиболѣе остроумныхъ географовъ XIV столѣтія, послужили основаніемъ для новаго пониманія и раздѣленія всемірной исторіи. И на великія, извѣстныя намъ въ исторіи человѣчества, цивилизаціи въ значительной степени повліяли, въ смыслѣ очага ихъ возникновенія и первоначальной области распространенія, географическія условія.

Въ Новомъ Свѣтѣ, который такъ долго представлялъ замкнутую въ себѣ область человѣческаго развитія, всѣ цивилизаціи, мексиканская, перуанская, чепчуанская, лежатъ подъ тропиками или около тропиковъ и на большихъ высотахъ; лишь въ незначительной степени распространеніе цивилизацій идетъ въ низины, болѣе всего по направленію къ морю, въ мѣстахъ относительно холодныхъ и относительно влажныхъ. Совершенно такъ же были расположены старыя цивилизаціи древняго міра. Родиной цивилизацій восточной половины большого континентальнаго комплекса, который образуютъ Азія, Европа и Африка, являются большія долины Инда, Ганга и Гоанго: плодоносныя мѣста пышной или, по крайней мѣрѣ, свѣжей флоры и первоначальнаго богатаго животнаго міра. То же самое видимъ мы и въ западной половинѣ Стараго Свѣта—въ малоазіатскихъ группахъ первобытныхъ культуръ между Тигромъ и Ефратомъ, въ долинѣ Нила, въ разсѣянныхъ по берегамъ Средиземнаго моря европейскихъ странахъ или даже въ той сѣверо-африканской береговой полосѣ Средиземнаго моря, которую удачно называютъ, соотвѣтственно понятію Малой Азіи,—Малой Африкой. Повсюду это плодоносныя, далеко на югѣ расположенныя области, прежде всего богатыя водой. И теперь въ каждой колонизаціонной области, въ каждомъ, хотя бы въ самомъ незначительномъ, мѣстѣ будущаго человѣческаго поселенія прежде всего ищутъ воды. Вокругъ западныхъ цивилизацій Стараго Свѣта лежатъ пустыни, и почти недоступные горные кряжи, ведущіе въ середину континента, совершенно такъ же, какъ въ цивилизаціяхъ Востока.

Изъ этихъ первобытныхъ цивилизацій возникли въ иныхъ географическихъ условіяхъ болѣе молодыя цивилизаціи, которыя, съ географической и исторической точки зрѣнія, можно назвать вторичными: японская, малайская,

центрально- и западно-европейская, короче говоря, современная европейская цивилизація. Мы наблюдаемъ при этомъ, если позволено сдѣлать здѣсь предварительное обобщеніе, при развитіи этихъ вторичныхъ цивилизацій упадокъ культурныхъ формъ человѣческаго общежитія—въ сторону тропиковъ, при развитіи же въ сторону умѣреннаго пояса—скорѣе прогрессъ этихъ формъ.

Какъ бы то ни было, въ современномъ историческомъ мірѣ дѣло идетъ о двухъ цивилизаціяхъ: восточно-азіатской японской и европейской; нѣсколько преувеличивая англійскую національную гордость, можно было бы сказать: европейско-англійской, или, съ точки зрѣнія германскаго расоваго самосознанія, европейско-тевтонской. При этомъ подъ тевтонами, слѣдуя англійскому и преимущественно сѣверо-американскому словоупотребленію, которое намъ придется усвоить и въ Германіи, нужно понимать сѣверныхъ и южныхъ германцевъ (скандинавцевъ, нѣмцевъ, голландцевъ), англо-саксовъ—англичанъ и колоніальныхъ тевтоновъ, преимущественно Сѣверной Америки и Австраліи. Изъ этихъ двухъ, въ настоящее время наиболѣе активныхъ, цивилизацій, въ свою очередь, рѣшающее значеніе получила европейская, благодаря культурѣ, которая, какъ цѣлое, несомнѣнно превосходитъ какъ качественно, такъ и количественно всѣ культуры прежнихъ временъ и народовъ. И на восточно-азіатскую цивилизацію она оказала вліяніе, хотя ей не удалось подчинить себѣ эту послѣднюю политически, и хотя, главнымъ образомъ, съ XVIII столѣтія, она во многомъ подпала, какъ это уже было однажды во время паденія античнаго міра, воздѣйствію, притомъ все болѣе усиливающемуся, со стороны азіатской цивилизаціи.

Такимъ образомъ, мы можемъ съ полнымъ основаніемъ, вполнѣ удовлетворяя нашему расовому чувству, закончить современную всемірную исторію исторіей распространенія этой цивилизаціи по всему міру, въ особенности въ новыя и новѣйшія времена. И именно съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ замолвить слово за старое столь часто порицаемое понятіе «всемірной исторіи». Развѣ европейская цивилизація не стремится теперь заполнить земной шаръ, т.-е. міръ въ человѣческомъ, историческомъ смыслѣ? Развѣ здѣсь не идетъ рѣчь въ первый разъ о всемірной исторіи въ собственномъ, осязаемомъ, наглядномъ смыслѣ? Развѣ мы не имѣемъ полнаго основанія распространить географическое понятіе «европейской цивилизаціи»—всѣ цивилизаціи естественно получаютъ свое названіе отъ пространства, которое онѣ заполняютъ—на географическое понятіе «міра»? У нѣмцевъ существуетъ двоякій терминъ: универсальная исторія и всемірная исторія; подъ вліяніемъ новѣйшихъ условій, созданныхъ распространеніемъ европейской цивилизаціи и требующихъ, естественно, новыхъ понятій, слѣдовательно, и новыхъ терминовъ, мы должны привыкнуть понимать подъ всемірной исторіей — исторію распространенія европейской цивилизаціи включительно съ исторіей западно-азіатско-средиземной цивилизаціи, легшей въ основу европейской. Въ сущности, такое словоупотребленіе на практикѣ уже и установилось. Исторію же всего человѣчества слѣдуетъ называть универсальной исторіей.

Болѣе ранней эпохи современной европейской цивилизаціи мы можемъ

коснуться лишь въ двухъ словахъ, чтобы намѣтить точки зрѣнія, необходимыя для полнаго пониманія позднѣйшихъ періодовъ и событій. Основнымъ ядромъ европейской цивилизаціи являются издавна тевтоны. Разумѣется, наряду съ ними значительную роль играютъ кельты и славяне; первые идутъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ своей хозяйственной культурѣ, приблизительно на двадцать поколѣній впереди германцевъ, вторые—на столько же позади. Но не они вторглись и взяли приступомъ ту область, тотъ разсадникъ азіатско-средиземной цивилизаціи, гдѣ эллинизмъ встрѣтился съ римской властью. А между тѣмъ именно на этомъ фактѣ базируются всѣ особенности европейской культуры, поскольку онѣ опредѣляются вообще всемірно-историческими событіями. Поэтому кельты и славяне не стоятъ въ центрѣ европейской культуры, если за критерій взять участіе въ созданіи ея отдѣльныхъ народовъ, опирающихся при этомъ на античный міръ. Какъ доказательство того положенія, что этотъ центръ издавна составляли тевтоны, нельзя ссылаться только на политическія событія, въ родѣ перехода въ руки нѣмцевъ императорской короны,—здѣсь всегда можно предполагать вліяніе особыхъ обстоятельствъ, то, что можно назвать исторической случайностью. Болѣе всего говоритъ за это тотъ фактъ, что среди смѣшанныхъ римско-кельтскихъ народовъ, итальянцевъ, французовъ и англичанъ, культура развивалась съ особенной силой именно въ тѣхъ мѣстностяхъ и у тѣхъ племенъ, гдѣ имѣло мѣсто сильное смѣшеніе съ тевтонскими элементами, точно такъ же, какъ и фактъ долговременнаго господства надъ крупнѣйшей изъ современныхъ славянскихъ культуръ сначала норманновъ, а затѣмъ нѣмцевъ балтійскихъ земель.

Переселеніе народовъ, въ теченіе котораго происходило въ Европѣ смѣшеніе народовъ, явившееся условіемъ развитія европейской культуры, длилось, поскольку дѣло касается тевтоновъ, около полуторы тысячи лѣтъ. Они начинаются въ тѣ далекія времена, можетъ-быть, за четыре или за пять вѣковъ до Р. Хр., когда нога германца впервые вступила на почву между Эльбой и Везеромъ, и германскіе кони впервые переплыли Рейнъ. Они закончились послѣднимъ притокомъ сѣверо-германскихъ народныхъ элементовъ на крайній югъ, появленіемъ норманновъ на берегахъ Средиземнаго моря, основаніемъ нижне-италійско-сицилійско-эпирскаго царства норманновъ и учрежденіемъ латинской имперіи въ Константинополѣ. Сначала переселенія идутъ преимущественно по сушѣ и приводятъ къ установленію рѣзкой границы съ Римомъ къ сѣверу отъ Альповъ; затѣмъ, начиная съ востока, они настолько переходятъ эти границы, что волны этого движенія достигаютъ европейскихъ береговыхъ странъ Средиземнаго моря и даже сѣверо-западнаго берега Африки. Эти послѣднія событія и составляютъ то переселеніе народовъ, которое одно только и было знакомо старому историческому ученію. Позднѣе переселенія идутъ по водѣ, прежде всего до атлантическихъ и средиземныхъ береговъ Европы и Малой Азіи,—но также по большимъ рѣкамъ вглубь континента, причемъ заходятъ такъ далеко, что они пересѣкаютъ эту часть свѣта тамъ, гдѣ она шире всего, между Балтійскимъ и Чернымъ морями. Первая

фаза при этомъ политически характеризуется образованіемъ платящихъ дань государствъ на почвѣ имперіи какъ въ византійской, такъ и въ западной половинѣ: такимъ образомъ, возникли готскія государства на Дунаѣ и на Балканскомъ полуостровѣ, готскія и лангобардскія государства въ Италіи, опять-таки готскія государства въ южной Франціи и Испаніи, франкское государство—въ сѣверной Галліи и вандальское государство—въ сѣверной Африкѣ.

Завершеніемъ этихъ деспотій, въ которыхъ въ причудливыхъ, а иногда и продуманныхъ формахъ смѣшивался первобытно-демократическій духъ германцевъ съ остатками римскаго абсолютизма, явилась имперія Каролинговъ, правильнѣе сказать Пипина и Карла Великаго. Она уже потому является историческимъ рубежомъ, что въ моментъ ея полнаго развитія прекращаются странствія тевтоновъ на сушѣ и начинаются странствія по морю; уже въ болѣе позднія времена Карла Великаго новая универсальная монархія должна была терпѣть отъ нападенія норманновъ. Она завершаетъ собой прежній періодъ еще и тѣмъ, что въ ней выступаетъ государственная форма, которая въ первый разъ стремится соединить античную и тевтонскую культуры, что отчасти, дѣйствительно, и удается. Этимъ была создана первая прочная основа для распространенія европейской культуры въ позднѣйшія столѣтія. Постольку то обстоятельство, что уже для времени Карла Великаго мы, дѣйствительно, можемъ говорить о средневѣковомъ имперіализмѣ и о пробудившемся стремленіи христіанско-антично-тевтонскаго міра на сѣверъ и востокъ, на юго-западъ и въ Испанію, является предуказаніемъ для будущаго. Еще болѣе придаютъ эпохѣ Каролинговъ значеніе поворотнаго пункта всемірно-историческаго значенія тѣ событія, которыя, съ точки зрѣнія европейскаго наблюдателя, имѣютъ сначала скорѣе отрицательный характеръ. На почвѣ римской имперіи на-ряду съ новой тевтонской культурой появляется на юго-востокѣ, т.-е. какъ-разъ въ противоположномъ направленіи по отношенію къ образующемуся на западѣ франкскому государству, новая культура—арабская. И это совершилось путемъ развитія новой религіи, самымъ плодотворнымъ и самымъ ужаснымъ путемъ, какой только знаетъ всемірная исторія. Въ своемъ побѣдоносномъ шествіи эта культура быстро захватила азіатское и африканское побережья Средиземнаго моря и завладѣла даже почти всѣми выступающими на югъ пунктами сѣвернаго европейскаго побережья, Испаніей, отчасти Сициліей и южной Италіей и Мореей. Въ началѣ VIII столѣтія ея піонеры, пираты и воины, проникаютъ на сушѣ до Ривьеры, въ Галліи вверхъ по Ронѣ—до Ліона и Отэна и даже Септиманіи [1]), угрожая въ то же время господству Византійской имперіи. Эта встрѣчная культура выступаетъ въ высокой степени агрессивно по отношенію къ возникающей европейской культурѣ, и опасность, что эта послѣдняя, а вмѣстѣ съ ней христіанство и тевтонство не устоятъ противъ напора, была очень велика. Тогда

[1]) Во времена вестготовъ страна въ южной Франціи между Гаронной и Роной.
Прим. перевод.

какъ-разъ франкская монархія, Карлъ Мартеллъ со своей конницей, святой Мартинъ Турскій и христіанство склонили вѣсы въ битвѣ при Турѣ и Пуатье противъ ислама и арабовъ, которые съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе принуждены были ограничиваться африканской и азіатской сторонами Средиземнаго моря. Но тѣмъ прочнѣе осѣли они здѣсь. Оставаясь въ постоянной враждѣ къ европейской цивилизаціи, они образуютъ непроницаемую массу, которая надолго прекращаетъ сношенія между европейскимъ міромъ и индійской и восточно-азіатской цивилизаціей,—сношенія, которыя со времени Александра Великаго, въ дни эллинизма и въ эпоху римскаго владычества расцвѣтали все больше и больше,—событіе величайшей всемірно-исторической важности.

Европейская цивилизація, которой такимъ образомъ были поставлены границы, вступаетъ отнынѣ въ средніе вѣка своей исторіи. Выйдя уже болѣе или менѣе изъ младенческихъ рамокъ первобытнаго времени, европейскіе народы развили характерныя черты средневѣковья: изъ недостаточнаго внѣшняго опыта вытекло господство у нихъ умозаключеній по аналогіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣра въ авторитеты и чудеса во всѣхъ ея формахъ, въ томъ числѣ и путемъ внушенія; недостатокъ внутренняго опыта привелъ къ отсутствію настоящаго воспитанія, къ смѣшнымъ для насъ формамъ любви къ рыцарскимъ приключеніямъ и къ ничѣмъ не сдерживаемымъ импульсивнымъ дѣйствіямъ, даже въ области политики. Такое душевное состояніе нуждалось въ религіи откровенія съ вѣрой въ чудеса и съ ортодоксальнымъ духовенствомъ; такимъ образомъ, душевное настроеніе того времени прежде всего принимаетъ форму подчиненія опекѣ церкви. Здѣсь всего характернѣе смѣшеніе политической и церковной точекъ зрѣнія въ пользу церкви, что запечатлѣлось даже въ особыхъ церковныхъ государствахъ, въ родѣ Patrimonium Petri и орденовъ-государствъ въ различныхъ странахъ. И наиболѣе сильная попытка поколебать твердыни ислама, выразившаяся въ крестовыхъ походахъ и представляющая главный актъ того времени и тогдашней цивилизаціи въ ея цѣломъ, является не результатомъ убѣжденія во вредѣ ислама, а лишь той случайности, что святыя мѣста христіанства находились въ рукахъ магометанъ.

Въ области хозяйственной жизни, откуда скорѣе всего можно было ждать измѣненія душевнаго настроенія благодаря развитію новыхъ психическихъ импульсовъ, эта эпоха характеризуется господствомъ натуральнаго хозяйства. Нормальной формой хозяйственной дѣятельности была эксплуатація почвы путемъ земледѣлія. Землевладѣніе было единственной постоянной формой богатства, торговля, оборотъ и обработка матеріала, хотя и существовали, но лишь какъ придатокъ въ общей жизни народнаго хозяйства; въ нихъ именно сохранялись главнымъ образомъ—у отдѣльныхъ народовъ въ различной степени—традиціи болѣе высокихъ развитыхъ формъ античнаго хозяйства. Понятно, какъ подобное положеніе, изолируя творческую дѣятельность, должно было поддерживать и укрѣплять тотъ низкій уровень опыта, который преимущественно создавалъ указанное душевное настроеніе эпохи. Но именно эта связь должна была дать наиболѣе сильное средство къ измѣ-

ненію, къ прогрессу. Натуральное хозяйство, которое сообразно демократическому духу первобытной эпохи велось прежде, по крайней мѣрѣ, у тевтоновъ равноцѣнными крестьянскими хозяйствами, теперь повсемѣстно прогрессируетъ къ высшимъ организаторскимъ формамъ; наряду съ простымъ крестьянскимъ дворомъ возникла система эксплуатаціи земель въ крупномъ помѣщичьемъ и арендномъ хозяйствѣ. Этимъ самымъ была дана возможность большихъ сбереженій со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ, знати, князей, а часто и нарастающихъ городовъ, и тѣмъ самымъ были созданы условія для болѣе интенсивнаго развитія промышленности. Теперь явилась возможность изъ запасовъ, первоначально въ формѣ натуральныхъ продуктовъ, позднѣе и въ деньгахъ, прокармливать людей, которые посвящали свои силы преимущественно или исключительно обработкѣ предметовъ производства. Здѣсь проявился очень простой принципъ прогресса. Но его дѣйствіе сказывалось лишь весьма постепенно и медленно, хотя и привело въ конечномъ результатѣ къ кореннымъ измѣненіямъ.

Сравнительно легче было употребить сдѣланные запасы на пріобрѣтеніе какого-нибудь иноземнаго продукта, который вывезли издалека купцы, ведущіе свою торговлю въ узкихъ рамкахъ, на подобіе разносной торговли, но относительно драгоцѣнными товарами: куска бархата сарацинскаго происхожденія, римской цапли для охоты на птицъ, иной разъ даже раба, котораго въ южныя мѣстности могла доставлять Африка или Азія. Такимъ образомъ, зачатки торговли относятся въ историческомъ развитіи къ болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ промышленность. Но несомнѣнно, что торговля органически вошла въ экономическую жизнь европейскихъ народовъ лишь тогда, когда она начала питаться сбытомъ собственныхъ продуктовъ—продуктовъ-ли промышленности, земледѣлія или добывающаго промысла, рыболовства, охоты на пушныхъ звѣрей и т. д.; но, во всякомъ случаѣ, она уже предварительно укрѣпилась въ силу своей первоначально полуэкзотической дѣятельности, благодаря сношеніямъ, хотя и слабымъ, съ индійскимъ востокомъ, возобновившимся послѣ крестовыхъ походовъ.

Этотъ моментъ самостоятельнаго развитія торговли въ предѣлахъ самой европейской цивилизаціи наступаетъ всюду—въ однихъ мѣстахъ раньше, въ другихъ — позже съ XIII по XV столѣтіе; и онъ характеризуетъ собой, разумѣется, начало новой экономической жизни и новой возможности распространенія цивилизаціи. Мы не можемъ прослѣдить здѣсь въ частностяхъ, какое значеніе имѣло возникающее теперь денежное хозяйство съ его городскимъ строемъ, съ его быстрымъ переходомъ отъ ремесленнаго труда къ высшимъ формамъ промышленнаго производства, съ его нарастающей торговлей деньгами и товарами—для духовнаго развитія европейской цивилизаціи. Достаточно назвать только: переходъ къ индивидуалистической душевной жизни или къ духовному освобожденію индивидуума, возрожденіе, гуманизмъ и, прежде всего, реформацію, чтобы этими немногими словами намѣтить наступленіе совершенно иного духовнаго періода,—того періода, который обнимаетъ развитіе отъ XV до XVIII и XIX столѣтія, и изъ котораго лишь послѣднія

пять—восемь поколѣній начинаютъ стремиться, въ свою очередь, къ еще высшимъ формамъ психическаго существованія.

Въ дальнѣйшемъ мы должны держаться болѣе узкихъ рамокъ исторіи распространенія европейской цивилизаціи въ географическомъ смыслѣ. Спрашивается: какія отношенія существовали спеціально въ этой области въ моментъ великаго духовнаго переворота, какое дѣйствіе оказалъ этотъ переворотъ, и далѣе, въ какихъ еще болѣе высокихъ формахъ совершается распространеніе европейской цивилизаціи, послѣ стараго періода отъ XV до XVIII столѣтія, въ новѣйшее время, послѣднія пять—шесть поколѣній.

На вопросъ, расширился-ли пространственно кругъ европейской цивилизаціи до полнаго перехода къ денежному хозяйству, — т.-е. до завершенія важнѣйшихъ его стадій въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ—каждый, пріобщившійся къ этой цивилизаціи, отвѣтитъ радостнымъ «да». Чрезвычайно распространилась она еще до окончанія этого времени, приблизительно до путешествій вокругъ свѣта Кука, и эти послѣднія только окончательно сняли съ міра завѣсу. Какое изобиліе историческихъ лицъ, начиная уже съ первыхъ кельтскихъ и германскихъ переселеній, черезъ крестовые походы и аграрную колонизацію поздняго средневѣковья до великаго открытія Колумба! А отсюда опять черезъ развитіе португальскаго колоніальнаго господства и испанской міровой власти до великихъ морскихъ событій нидерландской исторіи и колоніальнаго соперничества между Франціей и Англіей съ почти безконечной борьбой этихъ двухъ націй! Въ другомъ мѣстѣ этой книги подробно изложенъ ходъ указанныхъ событій, мы можемъ лишь вскользь упомянуть о нихъ; насъ интересуютъ только мотивы, вызвавшіе ихъ, и мы увидимъ, что эти же мотивы продолжаютъ дѣйствовать и позже, вплоть до настоящаго времени, правда, рядомъ съ новыми, болѣе современными, и во многомъ измѣненные подъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ.

Стимулъ къ человѣческому распространенію, который выступаетъ раньше всего и производитъ, во всякомъ случаѣ, самое элементарное впечатлѣніе, это потребность въ расширеніи пищевой площади. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это именно и было первымъ стимуломъ къ распространенію европейцевъ, въ особенности тевтоновъ. Непосредственно въ источникахъ читаемъ мы о вѣчной земельной нуждѣ германцевъ до и послѣ начала христіанской эры. Эта земельная нужда выступаетъ еще и въ кочевой періодъ. Конечно, искали также новыхъ мѣстъ для земледѣлія, но, главнымъ образомъ, дѣло шло о пастбищахъ для многочисленнаго скота. И поскольку этого распространенія искали ради аграрныхъ цѣлей, представленія о немъ также были проникнуты воззрѣніями кочевниковъ и поэтому принимали крайне экстенсивную форму. Желаніемъ каждаго германскаго племени было не только имѣть новую землю, но захватить наиболѣе широкую площадь quam latissimos fines. И такихъ широкихъ пространствъ, которыя оказались бы достаточными въ годы особеннаго обилія скота или особеннаго сильнаго увеличенія народонаселенія, искали не только въ сосѣдствѣ, рядомъ съ присвоенными уже областями. Племена не имѣли еще родины въ современномъ смыслѣ этого слова; они

легко снимались съ почвы, на которую только недавно еще вступили. Ихъ строй не былъ еще связанъ съ опредѣленной мѣстностью, это былъ чисто-племенной строй, который въ предѣлахъ Европы всюду могъ быть перенесенъ съ мѣста на мѣсто. Они смотрѣли на свое движеніе не какъ на центробѣжное, исходящее изъ опредѣленнаго пункта, а какъ на движеніе quand même, съ переходомъ, въ случаѣ нужды, всего племени въ другія страны, климатъ и широты. Эти свойства и воззрѣнія лежатъ въ основѣ переселенія тевтоновъ, и отсюда вырастаютъ величайшіе идеалы тевтонскихъ первобытныхъ временъ, идеалъ странствующаго воина, богатыря.

Само собой понятно, что подобное душевное состояніе и хозяйственный строй не могли сохраниться, какъ только земледѣліе въ качествѣ занятія и обычая получило преобладаніе при наступленіи полной осѣдлости. Теперь поселенія на чужой землѣ, далеко отъ родины, да еще среди чужого народа, стали исключеніемъ. Рѣдко вообще подымались цѣлыми массами для переселенія, наприм., подъ вліяніемъ мѣстнаго голода, отъ котораго спасались бѣгствомъ, а не подвозомъ хлѣба, что было тогда и невозможно, или подъ вліяніемъ великихъ религіозныхъ идей. Обыкновенно переселялись отдѣльныя лица или небольшія группы, и онѣ не столько выселялись, сколько отселялись. Центръ поселенія, однажды образовавшійся, такимъ образомъ оставался, а отселяющіеся искали перваго годнаго для земледѣлія мѣста въ сосѣдствѣ. Это была характерная для настоящаго средневѣковья стадія простого расширенія пищевой площади. И опять-таки, между всѣми европейскими народами эти обстоятельства должны были пойти на пользу тевтонамъ, и въ особенности нѣмцамъ. Романскіе народы, въ томъ числѣ французы и англичане—славянъ въ ту пору можно лишь условно причислить къ европейскимъ культурнымъ народамъ—осѣли въ странахъ старой римской цивилизаціи, которыя имѣли уже позади себя длинный періодъ внутренняго глубокаго развитія. И границы областей, занятыхъ этими народами, были густо заселены другими народами. Нѣмцы-же находились въ обладаніи страной, лишь очень экстенсивно заселенной. Къ востоку отъ нихъ тянулись еще менѣе заселенныя славянскія области, которыя оказались очень воспріимчивыми для высшей экономической культуры нѣмецкихъ пришельцевъ. Такимъ образомъ, въ Германіи, этой въ то время истинной твердынѣ тевтонства, съ IX по XIV столѣтіе происходитъ непрерывное расширеніе пищевой площади, сначала въ формѣ внутренняго заселенія родной страны, гдѣ между старыми поселеніями вырастаетъ деревня за деревней, затѣмъ въ формѣ той колоссальной колонизаціи и германизаціи славянскаго востока, страны между Эльбой, Одеромъ и Вислой и внизъ по Дунаю, благодаря которой преимущественно въ XII—XIV столѣтіяхъ было пріобрѣтено болѣе двухъ пятыхъ теперешней нѣмецкой земли. Могущественное вліяніе этихъ событій и фактовъ сказывается до сихъ поръ. Ими обусловлено совершенное различіе между тѣмъ, что обычно называютъ южно-германскимъ и сѣверо-германскимъ, и что вѣрнѣе слѣдовало-бы назвать коренным германскимъ, съ одной стороны, и колоніально-германскимъ—съ другой. Имъ же прежде всего обязаны современные нѣмцы своимъ народ-

нымъ богатствомъ, которое обезпечиваетъ имъ значительное положеніе въ міровой политикѣ; только исходя изъ этихъ событій, можно всесторонне понять возникновеніе Германской имперіи, руководящее государство которой—Пруссія—первоначально было чисто-колоніальнымъ.

Въ эпоху денежнаго хозяйства съ XV по XVIII столѣтіе заселеніе новыхъ странъ и мѣстностей не играло уже главной роли въ расширеніи пищевой площади. Такъ какъ оборотъ и его орудія были уже доведены до извѣстной высоты благодаря развитію денежнаго обращенія, проведенію сухопутныхъ и водныхъ путей и усиленію средствъ транспорта, въ особенности увеличенію объема судовъ, то стало проще расширять пищевую площадь путемъ ввоза въ отечество пищевыхъ продуктовъ и ихъ эквивалентовъ, главнымъ образомъ, такихъ цѣнныхъ и мало объемистыхъ, какъ благородные металлы. Переселенія на чужбину происходили лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда люди чувствовали себя на родинѣ притѣсненными и униженными, хотя во всемірной исторіи такія переселенія, исходившія изъ идеальныхъ и потому особенно дѣйствительныхъ мотивовъ, имѣли большое значеніе. Эпоха переселенческихъ колоній для цѣлей хозяйственной культуры началась снова съ того момента, когда усовершенствованные пути сообщенія облегчили передвиженіе большихъ человѣческихъ массъ,—моментъ, который для европейской цивилизаціи вполнѣ наступаетъ лишь въ теченіе XIX вѣка.

Рядомъ съ нуждой—честолюбіе, рядомъ съ расширеніемъ пищевой площади—стремленіе къ завоеваніямъ несомнѣнно являются однимъ изъ элементарнѣйшихъ постоянно дѣйствующихъ мотивовъ человѣческаго разселенія. На зарѣ возникающей европейской цивилизаціи и, слѣдовательно, прежде всего у тевтоновъ мы находимъ совершенно установившіяся твердыя формы для осуществленія этого импульса. Самая старая форма—это простой разбойничій набѣгъ; организація его лучше всего изображена у Цезаря. Во время большого политическаго собранія какого-нибудь племени подымается одинъ изъ извѣстныхъ воиновъ, провозглашаетъ свое намѣреніе предпринять разбойничій набѣгъ въ такое-то время и въ такомъ-то направленіи и вербуетъ участниковъ. Походъ совершается какъ частное предпріятіе героя, но съ оффиціознаго одобренія племени, къ которому онъ принадлежитъ. Эта форма представляетъ величайшій интересъ, ибо въ ней заключаются моменты, которые постоянно повторяются вплоть до настоящаго времени въ жизни тевтоновъ. По этому принципу были основаны нидерландскія торговыя компаніи еще въ XVII столѣтіи, а также и большія англійскія компаніи XVII и XVIII вѣка, въ особенности остъ-индская компанія: частная инициатива при оффиціозномъ одобреніи—и контролѣ—общественнаго мнѣнія. А развѣ принципы распространенія нѣмецкаго вліянія во время Бисмарка не сводятся къ этой же формѣ? Характерно для частной инициативы съ начала ея возникновенія и до настоящаго времени то, что сначала она годится только для разбоя и торговли—синонимныя или, по крайней мѣрѣ, близко стоящія понятія въ древности, часто и теперь въ сношеніяхъ съ низшими народами. Она

отпадаетъ, гдѣ дѣло идетъ о прочномъ занятіи и пріобрѣтеніи страны; тогда общественная власть, стоящая за предпріятіемъ, должна выступить прямо.

Возможно, что короли-полководцы—это вторая форма разселенія на почвѣ завоеванія первобытной тевтонской эпохи, которая произошла изъ первой. Въ такихъ случаяхъ герой-иниціаторъ, вѣроятно, привлекалъ къ себѣ не только своихъ соплеменниковъ, но и отдѣльныхъ людей и группы изъ другихъ племенъ, сливая ихъ въ постоянную силу, и съ помощью ихъ завоевывалъ новыя области, въ большей или меньшей степени порабощая обитателей. Это какъ-разъ случай, который изображенъ въ исторіи Аріовиста, если не по своему возникновенію, то по своему дальнѣйшему теченію. Мыслимо—и дѣйствительно встрѣчалось—и другое происхожденіе королей-полководцевъ, какъ показываетъ достовѣрная судьба Марбода. Племя, въ данномъ случаѣ маркоманны, могло подняться всей своей массой и завоевать новыя мѣста подъ постояннымъ предводительствомъ одного героя, который пользовался довѣріемъ. Походы королей-полководцевъ съ разнообразными примыкающими сюда формами и были настоящимъ способомъ тевтонскаго переселенія народовъ на сушѣ и на морѣ. И постольку это явленіе и его слѣдствія имѣютъ всемірно-историческое значеніе. Въ наиболѣе характерныхъ случаяхъ изъ него развивается деспотія, одного-ли короля-полководца и его семьи, или всѣхъ завоевателей надъ покоренными; эти послѣдніе принципіально, по крайней мѣрѣ, низводятся до положенія данниковъ. Этимъ путемъ произошли племенныя государства эпохи переселенія народовъ, хотя побѣжденные, стоя на гораздо болѣе высокой ступени культуры, чѣмъ побѣдители, никогда не могли всецѣло войти въ ту упрощенную схему, въ которую ихъ хотѣли втиснуть, уже въ силу своего развитаго, основаннаго на раздѣленіи труда хозяйственнаго и соціальнаго строя. Тѣмъ же характеромъ отличались и великія государства, образовавшіяся изъ этихъ племенныхъ государствъ путемъ присоединенія новыхъ завоеванныхъ странъ; такъ, прежде всего, франкская монархія Меровинговъ. Вновь завоеванныя области первоначально присоединялись къ центральному государству въ качествѣ платящихъ дань провинцій, да и потомъ имѣли почти лишь исключительно финансовое значеніе. И только Каролинги начали стремиться къ завоеваніямъ подъ вліяніемъ болѣе разнообразныхъ мотивовъ и въ связи съ этимъ вели политику болѣе высокаго стиля.

Но съ воцареніемъ Каролинговъ завоеваніе, какъ двигательный мотивъ разселенія, отнюдь не исчезаетъ. Онъ лишь отступаетъ на задній планъ, такъ какъ Европа подъ вліяніемъ феодализма распадается на множество маленькихъ государствъ и государственныхъ образованій, которыя находятся между собой въ самомъ живомъ соперничествѣ, почти въ постоянной войнѣ. Тамъ же, гдѣ мы находимъ меньше раздробленности и больше единства, этотъ мотивъ выступаетъ опять: такъ, въ нѣмецкой исторіи въ дѣятельности Альбрехта, по прозванію Медвѣдь, и Генриха, по прозванію Левъ. Эпоха феодализма, какъ таковая, такимъ образомъ, отнюдь не уничтожаетъ мотивовъ прежняго распространенія съ цѣлью обложенія данью. Да это и не

могло имѣть мѣста въ виду одного очень простого экономическаго мотива. Большія государства могутъ возникать въ иной формѣ, нежели агломератъ платящихъ дань провинцій съ намѣстниками или вице-королями, т.-е. съ полными замѣстителями государственной власти во главѣ, лишь тогда, когда живыя и постоянныя сношенія дѣлаютъ возможнымъ не прекращающееся воздѣйствіе государственной власти изъ центральнаго пункта на далекія разстоянія. Такія сношенія нигдѣ не существовали въ средніе вѣка съ ихъ натуральнымъ хозяйствомъ; это противоричило бы всему духу средневѣковья, которое по самой своей сущности, въ силу причинъ, не могущихъ быть изложенными здѣсь, во всемъ мірѣ приводило къ феодальному устройству.

Для европейскаго распространенія важно, что первыя завоеванія и колонизаціи португальцевъ и испанцевъ происходили въ большей своей части подъ знакомъ деспотическаго, построеннаго на сборѣ дани, государства. Короли португальскіе, какъ, напр., Іоаннъ II или Эммануэль Счастливый, никогда не смотрѣли на завоеванныя мѣста и провинціи иноземныхъ государствъ иначе, какъ на объекты эксплуатаціи. И формы этой эксплуатаціи они выбирали чрезвычайно близоруко — хотя не всегда самую грубую — именно положеніе простой дани. Такимъ образомъ господствовали они, сидя въ своемъ насквозь проникнутомъ средневѣковымъ духомъ государствѣ, надъ колоніями, какъ надъ большимъ имѣніемъ, и форма монополистической эксплуатаціи представлялась имъ при этомъ самой естественной. Таковы же были и представленія испанскихъ королей, основанныя на условіяхъ и строѣ ихъ государства, хотя здѣсь они были уже нѣсколько ослаблены, благодаря воздѣйствію мавританскихъ провинцій, въ особенности-же Андалузіи съ ея денежнымъ хозяйствомъ, и купцовъ Севильи. Въ позднѣйшихъ стадіяхъ европейской колонизаціи, у французовъ, нидерландцевъ и англичанъ, эти представленія все болѣе умѣрялись, но вліяніе ихъ сказалось еще довольно сильно даже при такомъ важномъ событіи, какъ отдѣленіе Соединенныхъ Штатовъ отъ Англіи. И въ настоящее время стремленіе къ завоеванію, какъ таковое, естественно отнюдь не исчезаетъ; мы увидимъ только, что съ XIX столѣтія оно подчинено уже болѣе широкимъ точкамъ зрѣнія.

Къ указаннымъ уже выше мотивамъ распространенія—расширенію пищевой площади и завоеваніямъ въ силу честолюбія—присоединяется въ средніе вѣка мотивъ религіозный. Еще въ большей степени, чѣмъ стремленіе къ завоеваніямъ, онъ ведетъ отъ элементарнаго уклада вещей въ болѣе высокія, человѣчныя сферы исторіи. Въ позднѣйшихъ стадіяхъ своего развитія этотъ мотивъ принимаетъ постепенно болѣе просвѣтленныя формы, которыя дѣлаютъ его способнымъ къ все болѣе могущественнымъ и въ то же время благороднымъ проявленіямъ въ исторіи, соотвѣтственно развитію самой религіи къ болѣе просвѣтленнымъ формамъ углубленнаго благочестія.

Въ разгаръ среднихъ вѣковъ религіозный мотивъ, разумѣется, связанъ еще съ церковью и съ тогдашнимъ христіанствомъ, характеръ котораго, по крайней мѣрѣ отчасти, былъ уже изображенъ выше; въ связи съ этимъ онъ проявляется въ чисто-внѣшнихъ событіяхъ, въ заступничествѣ за идеалы

церковныхъ учрежденій, поскольку эти идеалы влекутъ въ даль и тѣмъ способствуютъ распространенію европейской цивилизаціи. Наиболѣе внѣшній мотивъ, который въ этой связи могъ выступить и, дѣйствительно, отчасти выступилъ въ европейскомъ средневѣковьѣ, это—стремленіе къ обладанію чудодѣйственными реликвіями и къ завоеванію святыхъ мѣстъ, послужившихъ ареной откровенія — походы для похищенія святыхъ изображеній. О значеніи ихъ для распространенія европейской цивилизаціи мы уже вскользь указывали выше; они не сводились исключительно къ борьбѣ съ исламомъ, къ ослабленію его вліянія, и, тѣмъ болѣе, къ обладанію святыми мѣстами: гораздо важнѣе было общее расширеніе умственнаго горизонта, и какъ-разъ въ этомъ пунктѣ проявился по существу духовный характеръ этого вида европейскаго распространенія.

Великіе крестовые походы не остались единственнымъ явленіемъ указаннаго характера; наряду съ ними происходили въ Германіи крестовые походы противъ славянъ, въ Испаніи—крестовые походы противъ мавровъ. Но въ то же время видно, какъ видоизмѣняется въ нихъ первоначальный мотивъ крестовыхъ походовъ. Здѣсь влекли въ страну противника уже не святыя мѣста, но къ чисто-эгоистическимъ мотивамъ, къ стремленію завоеванія, примѣшивалась примитивная идея миссіи. Дѣйствительно, въ позднѣйшее средневѣковье и еще болѣе съ XVI столѣтія, которому мотивы крестовыхъ походовъ не были еще совершенно чужды, идею крестовыхъ походовъ смѣняетъ идея миссіи. Было бы прекрасной задачей изложить, чѣмъ обязано распространеніе европейской цивилизаціи болѣе новымъ миссіонерскимъ стремленіямъ и успѣхамъ—здѣсь мы должны ограничиться случайными замѣчаніями. Характерно для мотивовъ этого миссіонерства, что они также становились все болѣе и болѣе духовными и благодаря этому болѣе чистыми и благородными. Идея миссіи неотдѣлима отъ португальской и еще болѣе отъ испанской колонизаціи, часто даже она опредѣляла эту колонизацію. Управленіе испанскихъ колоній было почти болѣе духовнымъ, чѣмъ свѣтскимъ, и церковь была почти единственной носительницей культуры въ этихъ колоніяхъ. Въ Парагваѣ іезуиты образовали свое собственное государство, въ отдѣльныхъ пунктахъ остъ-индскихъ владѣній португальцевъ дошло почти до того же. Но это португальское и испанское христіанство было сурово и первобытно, ядро безъ соковъ, и уступки, которыя оно дѣлало, приспособляясь къ умственному уровню туземцевъ, часто отражали весь его средневѣковый характеръ. По сравненію съ нимъ уже миссіонерское христіанство французовъ, хотя тоже католическое, было гораздо свободнѣе. А какой мягкостью отличались раннія протестантскія миссіи, и изъ нихъ особенно высоко стоящія секты, въ родѣ гернгутеровъ или моравскихъ братьевъ!

Какимъ бы видоизмѣненіямъ ни подвергалась идея христіанской миссіи, въ основѣ ея, даже въ самыхъ раннихъ формахъ, лежитъ заповѣдь: «идите и поучайте», слѣдовательно, и моментъ нетерпимости—правда, тѣмъ самымъ и моментъ распространенія цивилизаціи. Понятно, что во врем главнаго

и полнаго расцвѣта миссіонерства, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, въ европейской метрополіи не могла еще господствовать церковная и религіозная терпимость; ни католики, ни протестанты не знали ея. Но именно въ этой связи развился новый религіозный мотивъ колонизаціи. Секты, вѣроученіе которыхъ дѣлало для членовъ ихъ пребываніе на родинѣ невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, труднымъ, разсѣивались по всему свѣту и при благопріятныхъ условіяхъ несли съ собой не только облагороженное христіанство, но и всю европейскую культуру. На ихъ корабляхъ находились не искатели приключеній, не опустившіеся люди, но и не только представители сельскаго хозяйства или добывающихъ промысловъ, рудокопы, охотники, рыболовы; здѣсь были люди всѣхъ соціальныхъ ступеней, и въ своей совокупности они представляли микроскопъ своего народа. Такъ переселились гугеноты уже въ XVI вѣкѣ, правда, въ черезчуръ небольшомъ количествѣ и потому безъ успѣха. Такъ эмигрировали, начиная съ XVII вѣка, члены англійскихъ сектъ, и ихъ пути и поселенія явились наиболѣе сильными проводниками распространенія цивилизаціи, какіе только знаетъ европейская исторія. Съ наступленіемъ эпохи субъективизма, когда появились другіе способы, кромѣ воспринятія христіанской традиціи, для выработки твердаго міровоззрѣнія и чистой религіозности, нашлись и другіе религіозно-этическіе или даже чисто-этическіе мотивы распространенія цивилизаціи, такъ, освобожденіе рабовъ, этическое, интеллектуальное, даже гигіеническое усовершенствованіе низшихъ расъ. Эти мотивы стоятъ въ тѣсной связи со всей новой духовной жизнью субъективизма, о нихъ мы узнаемъ въ послѣдующемъ.

Мы видѣли, какъ мотивы европейскаго распространенія до этого момента становятся все чаще. За простымъ эгоизмомъ въ поискахъ пищи слѣдуетъ болѣе благородный мотивъ—честолюбіе, выражающееся въ стремленіи къ власти, за этимъ послѣднимъ—мотивъ религіозной пропаганды и, наконецъ, въ качествѣ вѣнца, мотивы гуманнаго попеченія,—мотивы, способные къ безконечному развитію въ будущемъ. Ходъ развитія велъ отъ эгоизма къ альтруизму.

Какъ мы уже видѣли, это развитіе шло не тѣмъ путемъ, что болѣе раннія мотивы смѣнялись позднѣйшими; напротивъ, эти позднѣйшіе лишь дополняли старые мотивы, продолжающіе дѣйствовать съ не ослабѣвающей, часто даже съ большей силой вплоть до настоящаго времени. Эту связь надо всегда имѣть въ виду, излагая распространеніе европейской цивилизаціи въ новѣйшей стадіи, приблизительно съ половины XVIII столѣтія, т.-е. того періода который насъ здѣсь особенно интересуетъ.

Разумѣется, мы здѣсь должны исходить изъ низшихъ мотивовъ: въ хозяйственной жизни—изъ стремленія къ расширенію пищевой площади, а въ политической—изъ стремленія къ завоеванію, обусловленнаго потребностью власти. Въ сферѣ экономической задача состоитъ въ томъ, чтобы понять, какъ новая хозяйственная форма этой эпохи—предпринимательство—должна была отразиться на распространеніи европейской цивилизаціи. За эпохой натуральнаго хозяйства уже въ концѣ среднихъ вѣковъ повсюду въ западной и центральной Европѣ послѣдовала эпоха денежнаго хозяйства, т.-е. эпоха про-

мышленности и торговли. Но промышленность въ общемъ была локализирована, она работала на мѣстныхъ потребителей и для потребностей ближайшихъ окрестностей. Она не помышляла о далекомъ экспортѣ и, слѣдовательно, о неограниченномъ количественномъ производствѣ. Ея честолюбіе было направлено на изготовленіе немногихъ, но хорошихъ, лучшихъ продуктовъ; такимъ образомъ, на этой почвѣ естественно расцвѣла могучая и разносторонняя художественная промышленность. Соотвѣтственно этому и торговля была активна не въ томъ смыслѣ, что она всѣми доступными ей экономическими и соціальными способами старалась увеличить сбытъ отечественныхъ промышленныхъ продуктовъ. Еще вплоть до XVIII столѣтія, а въ нѣкоторыхъ странахъ, напр., въ Германіи, и въ теченіе этого вѣка, торговля ограничивалась обмѣномъ особо квалифицированныхъ товаровъ, будутъ ли то продукты сельскаго хозяйства или промышленности: она манипулировала индійскими пряностями, итальянскими фигами, французскими винами, брабантскими сукнами, генуэзскимъ шелкомъ, венеціанскимъ стекломъ и т. д.

И эта дѣятельность, естественно, вела до извѣстной степени къ распространенію европейской цивилизаціи. Уже рано нѣмецкіе купцы начали соединяться въ временныя товарищества и, составляя такимъ образомъ торговые караваны, переходили со своими товарами славянскую границу на востокѣ. Съ столь же ранней эпохи датируются и караваны Средиземнаго моря, идетъ ли дѣло о странствующихъ по морю купцахъ Амальфи или Пизы, Барселоны или Генуи, Градо или Венеціи. Затѣмъ вліяніе европейской культуры въ чужихъ странахъ, которое и при этой системѣ до извѣстной степени сказывалось, становится сильнѣе. На югѣ на берегахъ Морен, на греческихъ островахъ, по побережью Чернаго моря расцвѣтаютъ венеціанскія колоніи, рядомъ съ которыми стоятъ лишь далматскія торговыя колоніи. А на сѣверѣ нѣмецкая ганза основываетъ свои факторіи или тому подобныя поселенія въ Псковѣ, Ковнѣ и Новгородѣ, въ Висби, Стокгольмѣ и Тискербригенѣ (Бергенѣ), Брюгге, позднѣе въ Антверпенѣ и Лондонѣ.

Если эта сравнительно примитивная система относится къ концу среднихъ вѣковъ и къ ближайшимъ областямъ, граничащимъ съ Европой, которыя около того времени играли особую роль, то теперь, благодаря открытіямъ XV и XVI столѣтій, именно нахожденію морского пути въ Индію, эта система получаетъ широкое развитіе. Португальская колонизація при своемъ возникновеніи и еще долгое время, вплоть до начала аграрной и горной эксплуатаціи Бразиліи, проявлялась лишь въ формѣ факторій и торговыхъ фортовъ. Не многимъ отличалась отъ нея и испанская колонизація, если только она не пользовалась еще болѣе старой формой деспотіи, требующей дани. Нидерландцы были, главнымъ образомъ, послѣдователями португальцевъ и заимствовали ихъ систему, которую они лишь впослѣдствіи сильно расширили путемъ завоеванія новыхъ земель. Даже французы и англичане, поскольку изъ ихъ исторіи не вырастаютъ незаконныя дѣтища въ видѣ колоній еретиковъ, и поскольку они не занимаются миссіонерствомъ, такъ же слѣдуютъ этой системѣ;

ихъ самыя крупныя колонизаціонныя товарищества были основаны какъ торговыя компаніи.

Эту систему, вполнѣ соотвѣтствующую характеру лежащей въ основѣ ея ранней промышленности и ранней торговли, слѣдуетъ строго отличать отъ того, что составляетъ существенныя черты современной, начавшейся съ XVIII столѣтія, эпохи распространенія европейской цивилизаціи. Уже результаты старой системы указываютъ на это. Гдѣ знали тогда промышленныя предпріятія съ тысячами рабочихъ? Гдѣ видѣли гавани съ лѣсомъ мачтъ, съ теперешнимъ движеніемъ? Новую форму хозяйственной жизни, которая теперь развивалась, въ сущности легко описать. Въ старомъ денежномъ хозяйствѣ промышленность и торговля составляли двѣ принципіально различныя формы соціальнаго строя: можно было быть либо ремесленникомъ, либо купцомъ. Характерная черта заключается въ томъ, что по мѣрѣ роста накопленія у европейскихъ народовъ, т.-е. съ увеличеніемъ богатства какъ одного, такъ и другого класса, границы между этими классами начинаютъ стушевываться. Ремесленникъ становится крупнымъ ремесленникомъ, предпринимателемъ въ области домашней промышленности или фабрикантомъ и одновременно распространителемъ своихъ товаровъ. Купецъ вмѣшивается въ промышленное производство и измѣняетъ его соціальныя формы сообразно потребностямъ своего экспорта. Такимъ образомъ, на мѣсто прежнихъ раздѣльныхъ слоевъ развился одинъ соціально главенствующій классъ богатыхъ, капиталистическихъ, какъ обыкновенно выражаются, предпринимателей. И имъ противостоитъ другой, тоже новый, классъ пролетаризированныхъ рабочихъ.

Весь этотъ процессъ былъ облегченъ, можно даже сказать, сдѣлался возможнымъ или, во всякомъ случаѣ, былъ въ высокой мѣрѣ ускоренъ и подкрѣпленъ одновременнымъ развитіемъ техники. Слѣдуя тенденціи естественныхъ наукъ, которыя стремились къ доказательству единства великихъ силъ природы и, въ концѣ концовъ, казалось, даже достигли его въ законѣ сохраненія энергіи, и техника постепенно создаетъ единую основу для промышленности и средствъ сообщенія. На мѣсто безчисленныхъ, разнообразныхъ формъ дѣятельности въ старомъ ремеслѣ и торговлѣ, традиціи которыхъ передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, она выдвинула работу машины: рабочей машины—въ промышленности, локомотива и его подвидовъ—въ путяхъ сообщенія, и такимъ образомъ свела все, въ концѣ концовъ, къ моторной силѣ. Даже отрасли промышленности и формы транспорта, которыя основывались на химическихъ процессахъ, подчинились въ результатѣ этой объединяющей тенденціи; и въ нихъ химическую энергію можно разсматривать какъ форму той общей энергіи, законы которой подчиняются моторной силѣ.

Такимъ образомъ, результатъ получился съ технической стороны тотъ же, что съ соціальной и экономической. Вся хозяйственная жизнь, при всей своей все усиливающейся пестротѣ съ внѣшней стороны, сводилась къ колоссальному единенію участвующихъ въ ней человѣческихъ и природныхъ силъ. А въ центрѣ руководительства этими силами выступилъ новый классъ предпринимателей.

Общій результатъ всего этого процесса былъ чисто-количественный и становился таковымъ все болѣе и болѣе. Вполнѣ понятно! Современное богатство покоится въ настоящее время, съ точки зрѣнія народно-хозяйственной, преимущественно на количественномъ умноженіи денегъ. Въ естественныхъ наукахъ съ момента ихъ механизаціи, со временъ Галилея, безусловно господствуетъ количественный принципъ. Моментомъ величайшаго торжества этого направленія было, когда приблизительно въ первые годы развитія современныхъ предпринимательскихъ формъ Лавуазье доказалъ, что кажущіеся качественными процессы химіи доступны количественному разсмотрѣнію. Если количественный принципъ господствовалъ какъ по отношенію къ техникѣ, такъ и по отношенію къ капиталу, то какимъ же инымъ, какъ не количественнымъ могъ быть результатъ ихъ хозяйственнаго сочетанія?

Итакъ, въ противоположность къ примитивнымъ временамъ денежнаго хозяйства теперь, съ первыхъ же годовъ развитія современныхъ предпринимательскихъ формъ, все сводится къ количеству: значеніе получаетъ массовое производство. Понятно, что этимъ создавался колоссальный стимулъ для новаго распространенія. Возникло то стремленіе къ обезпеченію сбыта, частнаго, національнаго, европейскаго, ради котораго потребовались новыя формы колонизаціи, завоеванія, образованія сферъ вліянія; то стремленіе, удовлетвореніе котораго является теперь однимъ изъ главныхъ дѣлъ дипломатіи европейскихъ странъ и ихъ колоніальныхъ отвѣтвленій въ Новомъ Свѣтѣ и въ Австраліи.

Простыя и незначительныя формы предпріятія возникли очень рано, уже въ XIV и XV вѣкахъ, въ центрѣ Европы у итальянцевъ и нѣмцевъ, у тѣхъ народовъ, которые преимущественно были захвачены потокомъ, тогда еще незначительнымъ, міровой торговли между Индіей и Средиземнымъ моремъ, возникшей послѣ того, какъ была пробита брешь въ стѣнѣ ислама. Это было время возникновенія Венеціи и Генуи, въ Германіи — десятилѣтія расцвѣта ряда городовъ къ сѣверу отъ Альповъ—Вѣны, Аугсбурга, Ульма, Базеля и, далѣе, Нюрнберга и Франкфурта.

Капиталъ въ этотъ періодъ, въ Германіи представленный, напримѣръ, Фуггерами и Вельзерами, казался по сравненію съ предыдущимъ временемъ громаднымъ. Какую сенсацію произвело первое милліонное банкротство аугсбургскаго купца Рема! Но по сравненію съ денежными средствами нашего времени эти капиталы были незначительны, даже если принять во вниманіе большую покупную силу денегъ въ XVI столѣтіи. Это было только начало. Такимъ же является характеръ новой хозяйственной жизни въ ея отдѣльныхъ развѣтвленіяхъ, въ промышленности, которая не знала еще большихъ фабрикъ, не говоря уже о соединеніи въ одномъ предпріятіи цѣлаго комплекса фабрикъ, въ торговлѣ, гдѣ транспортъ не былъ еще отдѣленъ отъ остальныхъ ея манипуляцій. Вліяніе этого ранняго періода хозяйственной жизни заканчивавшагося между 1530 и 1550 гг., сказалось— вѣроятно, на всемъ европейскомъ распространеніи — несомнѣнно въ томъ воздѣйствіи, которое оно оказало на первыя большія заокеанскія колониза-

ціи, главнымъ образомъ, португальцевъ и испанцевъ. Португальская колонизація была бы немыслима безъ интеллектуальной и моральной поддержки Италіи, которая на высотѣ возрожденія переживала лучшій расцвѣтъ этого перваго предпринимательскаго хозяйства. Какъ могла бы португальская колонизація развиться безъ флорентинскихъ географовъ и картографовъ XIV и XV столѣтій и безъ морскихъ изобрѣтеній итальянцевъ того же времени? Не въ меньшей зависимости стояла испанская колонизація отъ итальянской интеллигенціи; достаточно назвать имя Колумба. Съ интеллектуальной стороны свою долю внесла даже далекая Германія; кто могъ бы представить себѣ португальскія путешествія къ западно-африканскому берегу безъ содѣйствія Бегаима? Къ интеллектуальнымъ средствамъ присоединились капиталистическія. Богатства этого молодого капитализма, скопившіяся въ Италіи—напримѣръ, въ Генуѣ, а въ Германіи—въ Аугсбургѣ и Нюрнбергѣ, погибли, по крайней мѣрѣ отчасти, на португальской и испанской почвѣ и, прямо или косвенно, въ колонизаторскихъ попыткахъ обоихъ пиренейскихъ государствъ. По своеобразному стеченію обстоятельствъ распространеніе этого ранняго капитализма совершалось не тѣми странами, въ которыхъ онъ зародился, а атлантическими побережными государствами, ближайшими сосѣдями желаннаго и открытаго Новаго Свѣта. Благодаря недостаточности средствъ сообщенія, полному отсутствію телеграфа и почти полному отсутствію почты, руководительство заатлантической колонизаціей изъ центра Европы было невозможно. Такимъ образомъ, первыми героями распространенія европейской цивилизаціи за предѣлами Европы явились португальцы, жившіе еще въ совершенно средневѣковыхъ и натурально-хозяйственныхъ условіяхъ и недалеко ушедшіе отъ нихъ испанцы.

Уже то обстоятельство, что имъ была навязана роль, для которой не было настоящаго прочнаго фундамента, должно было повести къ неблагопріятнымъ результатамъ. Португалія тратила доходы съ колоній чисто-средневѣковымъ образомъ на непроизводительныя сооруженія своихъ королей, на роскошныя постройки и на пышную жизнь двора. Испанію постигла одинаковая судьба, поскольку громадныя средства, доставляемыя Америкой, не погибли въ бездонной пасти злосчастной иностранной политики, которая стремилась къ европейской гегемоніи папы и испанскаго короля. И что характерно для среднихъ вѣковъ: оба государства, финансы которыхъ были чрезвычайно безпорядочны и казначейства—допотопны, не удовлетворялись притекающими изъ колоній средствами, но занимали еще для потребительскихъ цѣлей и терпѣли поэтому со второй половины XVI столѣтія банкротство за банкротствомъ.

Между тѣмъ солнце молодого капитализма въ центральной Европѣ закатилось. Онъ питался прибылью, которая притекала изъ центрально-европейской и индійской торговли, и исчезаетъ, какъ только изсякъ притокъ этой торговли. Это же послѣднее было результатомъ заатлантическихъ открытій, прежде всего нахожденія морского пути въ Остъ-Индію и, какъ послѣдствіе этого, уничтоженія индійско-арабской средиземной торговли. Такимъ обра-

зомъ, слѣдующія большія европейскія колонизаціи—нидерландская и вплоть до XVIII столѣтія французская и англійская—не были обусловлены развитіемъ хозяйственныхъ предпріятій.

Иначе обстояло дѣло съ колоніальной политикой Франціи и Англіи уже съ конца XVII, въ особенности же съ конца XVIII столѣтія. Въ этихъ государствахъ, которыя не развивались, подобно Нидерландамъ, съ одной лишь торговой стороны, начинается съ конца XVII вѣка одновременно подъемъ промышленности и торговли, во Франціи—подъ воздѣйствіемъ послѣдовательно проводимаго меркантилизма, въ Англіи—благодаря притоку купеческихъ, въ томъ числѣ колоніальныхъ доходовъ. Въ теченіе этого подъема постепенно совершается сочетаніе обѣихъ отраслей хозяйства, возникаетъ новая, болѣе органически построенная хозяйственная жизнь, нежели то имѣло мѣсто на исходѣ итальянскаго или германскаго средневѣковья. Но въ Англіи эта хозяйственная жизнь, требующая свободной хозяйственной конкуренціи, достигаетъ высокаго расцвѣта подъ защитой свободныхъ учрежденій гораздо раньше, чѣмъ во Франціи. Уже во второй половинѣ XVIII вѣка мы встрѣчаемъ здѣсь развитую экономическую жизнь, и въ «Богатствѣ народовъ» Адама Смита она находитъ первое систематическое изложеніе, какъ условіе практической политики. Между 1830 и 1840 гг. англійскія хозяйственныя предпріятія стоятъ на той высотѣ, какой они достигли во Франціи—поскольку здѣсь возможны сравненія — лишь въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

Что касается центральной Европы, то лишь въ теченіе XIX столѣтія она постепенно оправляется отъ того ущерба, который былъ нанесенъ ей какъ измѣненіемъ направленія международной торговли, такъ и расцвѣтомъ предпринимательскаго хозяйства Англіи и Франціи, такъ какъ все возрастающее наводненіе продуктами этого производства прежде всего обращается противъ Германіи и ея сосѣдей. Развитіе современныхъ путей сообщенія возвращаетъ центральной Европѣ отчасти выгоды ея прежняго положенія, открываетъ ей океанъ и играетъ не послѣднюю роль въ совершившемся здѣсь политическомъ преобразованіи ея—возникновеніи большихъ національныхъ единствъ и единыхъ государствъ. Наибольшую выгоду извлекаетъ изъ этого развитія, прежде всего, Германія; наряду съ богатыми внутренними путями сообщенія, на ея долю выпадаетъ также благопріятное при скорости современнаго мореплаванія положеніе по отношенію къ Атлантическому океану. Германское народное хозяйство уже съ 1720 г. явно оправилось отъ упадка прежняго величія въ XVI столѣтіи и отъ смертельныхъ ударовъ тридцатилѣтней войны; во время же войнъ за освобожденіе и, главнымъ образомъ, послѣ нихъ оно начинаетъ сначала медленно, а въ концѣ съ головокружительной быстротой итти къ расцвѣту хозяйственныхъ предпріятій. И у всѣхъ еще въ памяти, какъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ совершенно ясно была достигнута вершина этого развитія. Наравнѣ съ Германіей, часто даже опережая ее, шла Бельгія, когда-то въ бо́льшей своей части находящаяся подъ нѣмецкимъ, а подъ конецъ подъ австрійскимъ вліяніемъ. Не такъ хорошо обстояли дѣла Италіи;

лишь къ концу XIX вѣка она принимаетъ болѣе замѣтное участіе въ движеніи, правда, дѣлая съ тѣхъ поръ быстрые успѣхи.

Наконецъ, въ восточную Европу—въ Венгрію, Румынію, на Балканскія государства—хозяйственныя предпріятія были перенесены въ этой болѣе развитой формѣ позже; перенесены въ буквальномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ они были введены здѣсь впервые западными и центральными націями, англичанами, нѣмцами, французами, бельгійцами. Но и эти страны, а также скандинавскія государства, подъ вліяніемъ обще-европейскаго хозяйства и политики, предприняли собственные шаги въ этихъ областяхъ и шествуютъ въ этомъ направленіи съ полнымъ успѣхомъ.

Къ какимъ же результатамъ привело это общее развитіе предпринимательскаго хозяйства на европейской почвѣ? Едва ли это нуждается въ объясненіи. Во взаимной конкуренціи, которая всякій разъ и все съ большей рѣзкостью проявляется при вступленіи каждой новой группы, народы Европы стремятся распространить свою политическую власть на весь земной шаръ. Ближайшая цѣль при этомъ хозяйственная,—направленная на сбытъ продуктовъ ихъ коммерческо-промышленныхъ предпріятій. Съ этой цѣлью они усовершенствовали неслыханнымъ образомъ пути сообщенія, особенно морскіе, невѣроятно увеличили эластичность своихъ денежныхъ средствъ, изобрѣли совершенно новые способы для усиленія сферы своего вліянія, не останавливались и передъ завоеваніями. Въ процессѣ этого движенія, въ которомъ особенное и все усиливающееся участіе приняли европейскія націи въ Америкѣ и Австраліи, народы Европы раздѣлили между собой земной шаръ, за исключеніемъ областей восточно-азіатской цивилизаціи, такимъ образомъ, что на исходѣ XIX столѣтія этотъ дѣлежъ былъ уже законченъ.

Въ ходѣ нашего изложенія мы постепенно дошли отъ разсказа о болѣе внѣшнихъ событіяхъ къ изображенію внутреннихъ взаимодѣйствій и вліяній. На этомъ пути возникаетъ прежде всего вопросъ: какую же судьбу пережила душевная жизнь въ послѣднихъ большихъ перемѣнахъ европейскаго міра? Это насъ приводитъ къ болѣе узкой проблемѣ: какое воздѣйствіе измѣнившаяся психологія должна была оказать на распространеніе европейской цивилизаціи?

Большія перемѣны въ душевной жизни народовъ обусловливаются прежде всего стремленіемъ къ развитію, присущимъ всѣмъ человѣческимъ общежитіямъ. Изъ первобытнаго человѣка у народовъ, способныхъ къ совершенствованію, вырастаетъ средневѣковый, изъ средневѣковаго—современный человѣкъ. Но въ какой промежутокъ времени совершается этотъ процессъ, въ какихъ формахъ, при развитіи какихъ качествъ—это уже зависитъ отъ условій, привходящихъ извнѣ къ этому имманентному развитію. Эти условія могутъ быть сами по себѣ весьма различны; необходимо только, чтобы всѣ они прошли черезъ такое состояніе, такое чистилище, въ которомъ они пріобрѣтаютъ способность воздѣйствовать на національную душевную жизнь: они должны претвориться въ душевные импульсы. Въ силу этого ходъ и характеръ большихъ психологическихъ ступеней развитія націи зависятъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ формъ, числа и устойчивости воздѣйствующихъ на нее импульсовъ.

Наиболѣе нормальные и устойчивые изъ такихъ импульсовъ исходятъ обыкновенно отъ національной хозяйственной жизни. Это есть вѣрное зерно въ такъ называемой матеріалистической исторіи философіи соціалистовъ. Наряду съ ними дѣйствуютъ и другіе стимулы. Какъ разъ исторія распространенія отдѣльныхъ націй даетъ многочисленные примѣры такихъ стимуловъ; достаточно вспомнить о вліяніи на психологію европейскихъ народовъ XVI столѣтія великихъ открытій того времени, начиная съ Колумба и Васко да Гамы.

Однако, въ возникновеніи современной новѣйшей психологіи европейскихъ народовъ развитіе хозяйственной жизни этихъ народовъ безусловно сыграло величайшую роль, и какъ-разъ изъ обобщенія этого одного случая могла возникнуть современная матеріалистическая философія исторіи.

Импульсы, исходящіе изъ новой хозяйственной жизни, выступили у отдѣльныхъ націй въ различное время въ зависимости отъ развитія этой хозяйственной жизни. Въ общемъ можно сказать, что раньше всего они выступили въ Англіи, гдѣ они сказываются ясно уже около 1700 г. Затѣмъ слѣдуетъ Франція и, наконецъ, отчетливо около 1750 г., Германія. Остальныя націи слѣдуютъ еще позже. Развитіе Италіи оставалось долгое время невыясненнымъ, такъ какъ она еще съ XVI столѣтія зависѣла въ своемъ внутреннемъ развитіи отъ Франціи и другихъ иностранныхъ вліяній, въ особенности испанскихъ. Англія, Франція, Германія—этотъ порядокъ слѣдованія, позднѣе повторяющійся въ тысячѣ случаевъ развитія новѣйшей европейской культуры, выступаетъ здѣсь, собственно, впервые. До тѣхъ поръ въ Европѣ къ сѣверу отъ Альповъ руководящая роль принадлежала, за исключеніемъ періода реформаціи, — Франціи, а не Англіи. Это первый крупный признакъ грядущаго англійскаго главенства, обусловленнаго болѣе быстрымъ развитіемъ англійской хозяйственной жизни, но обусловленнаго также и морскимъ преобладаніемъ Англіи надъ Франціей.

Такимъ образомъ, въ Англіи—около 1700 г., во Франціи—около 1730 г., въ Германіи—около 1750 г. начинается эпоха новой душевной жизни, которую въ общей послѣдовательности періодовъ національнаго психическаго развитія, по основаніямъ, не могущимъ быть изложенными здѣсь, лучше всего назвать эпохой субъективизма. Эта эпоха тянется и по настоящій день. Въ свою очередь, она распадается, ясно слѣдуя экономическому развитію, если взять Европу въ ея цѣломъ, на два періода. Второй изъ нихъ, для насъ еще современный, начинается въ Англіи съ XIX столѣтія, во Франціи—въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, въ Германіи особенно ярко и рѣзко въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Въ нашу задачу входитъ ознакомиться, прежде всего, съ характеромъ этихъ обоихъ періодовъ и ихъ теченіемъ, поскольку отсюда вытекаютъ и становятся понятными мотивы европейскаго распространенія въ новѣйшее время.

Каждая новая эпоха національной душевной жизни и, въ меньшемъ размѣрѣ, каждый новый періодъ въ предѣлахъ такой эпохи начинаются, прежде всего, съ разложенія существующихъ душевныхъ состояній и отношеній. Новые

импульсы, то быстро слѣдуя одинъ за другимъ, то медленно возникая, вторгаются съ новыми душевными настроеніями, ими порожденными, въ существующій укладъ вещей и разрушаютъ его. А такъ какъ они не въ состояніи тотчасъ поставить на мѣсто разрушеннаго новое цѣлое, то сначала наступаетъ состояніе хаоса; картина безпорядочнаго нагроможденія волнъ при перемѣнѣ курса или даже при полномъ поворотѣ парохода.

Но постепено образуются новыя связи, и возникаетъ первый еще грубый набросокъ новой душевной жизни. Исходя изъ нормальныхъ случаевъ, его можно назвать натуралистическимъ. Отдѣльныя лица теряются среди наступающихъ на нихъ со всѣхъ сторонъ новыхъ импульсовъ, подчиняются имъ и растворяются въ нихъ, утрачивая свою личность. Такъ, напр., въ области искусства, въ новѣйшее время спеціально въ живописи, съ жадностью воспринимаются новыя явленія, которыя теперь изображаютъ объекты подъ вліяніемъ ослабляющихъ психику импульсовъ, въ чемъ бы это ни выразилось: въ познаніи ли до тѣхъ поръ непонятныхъ красокъ, какъ то было въ прежнія эпохи національнаго культурнаго развитія, въ воспріятіи ли новаго опыта о свѣтѣ, окутывающемъ предметы, въ особенности въ пленэризмѣ—въ интересующую насъ эпоху. Передать новыя впечатлѣнія, новый опытъ въ этой и въ другихъ областяхъ является первой заботой рвущейся впередъ душевной жизни: она теряется въ стремленіи къ натуралистическому разсмотрѣнію вещей, становится натуралистической.

Но наступаетъ моментъ, когда это первое воздѣйствіе проходитъ, и результаты новаго положенія могутъ быть учтены или, по крайней мѣрѣ, кажутся таковыми. Теперь начинается другое, обратное движеніе — идеалистическое. Овладѣвъ новыми пріемами, современники считаютъ себя призванными къ свободному, самостоятельному и виртуозному примѣненію ихъ въ зависимости лишь отъ своей воли и, прежде всего, фантазіи; они пользуются ими лишь какъ средствомъ выраженія для образованія замкнутыхъ, но уже носящихъ въ себѣ зародышъ дальнѣйшаго прогресса, системъ культуры, соотвѣтствующихъ этому, теперь уже побѣдоносному періоду. Такъ, если взять примѣръ изъ исторіи нравовъ: натурализмъ новой душевной жизни обыкновенно уничтожаетъ кодексъ нравственныхъ требованій прежней душевной жизни и прежде всего заставляетъ, такъ сказать, безусловно подчиниться практическимъ требованіямъ новой культуры. Въ это время, напримѣръ, въ области прогрессирующей хозяйственной жизни, являются эгоистическія натуры, которыхъ никакой уголовный законъ, имѣющій уже въ виду ихъ намѣренія, не удерживаетъ отъ желанія, какъ выражаются «вполнѣ изжить себя», т.-е. довести до конца свои стремленія, все равно, будутъ-ли ихъ называть нравственными или безнравственными. Такимъ образомъ, это есть время все большей спутанности моральныхъ и юридическихъ нормъ. Однако, постепенно современники научаются познавать внутреннюю цѣлесообразность новой экономической культуры, подчиняются ей и строятъ на приведенномъ въ порядокъ новомъ опытѣ идеалъ новой морали и новаго права. Изъ этихъ новыхъ нормъ они не только создаютъ новый кодексъ, писанный или непи-

санный, но въ то же время выставляютъ требованія, которыя уже опять выходятъ за предѣлы того новаго, ставшаго теперь нормальнымъ, и имѣютъ въ виду новую эпоху и новое поколѣніе съ инымъ душевнымъ складомъ.

Такимъ образомъ, изъ идеализма, являющагося завершеніемъ даннаго цикла душевной жизни, уже снова проступаютъ ростки, которые разлагаютъ старые устои и подготовляютъ почву для воспріятія примитивнаго натурализма слѣдующаго періода развитія душевной жизни. Этотъ новый періодъ совсѣмъ расходится съ предыдущимъ или отличается отъ него только въ оттѣнкахъ. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ начало новой психологической эпохи, во второмъ — лишь начало новаго періода существующей эпохи, разработку и усовершенствованіе уже прежде намѣченныхъ въ главныхъ чертахъ тенденцій развитія.

Новая эпоха душевной жизни, наступившая, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ созданныхъ капиталистическимъ строемъ импульсовъ, эпоха субъективизма, отличается въ первомъ своемъ періодѣ какъ въ Англіи, такъ и во Франціи и Германіи легкими признаками того безпокойства современной жизни, которое намъ всѣмъ хорошо извѣстно. Правда, въ это время, въ XVIII столѣтіи, еще не было «нервовъ», но уже были «vapeurs», чувствовали себя неуютно. Душевная жизнь предыдущей эпохи индивидуализма характеризовалась преимущественно господствомъ разума; теперь же на первый планъ выступаетъ жизнь чувства. Это время сантиментальности, чувствительности. Новая, болѣе глубокая жизнь чувства открыла новыя, болѣе глубокія стороны природы и человѣка—всего окружающаго міра въ физически-эстетическомъ и психологическомъ отношеніяхъ—и привела, прежде всего, къ новому натурализму въ искусствѣ и поэзіи. Литературное развитіе особенно Германіи было тогда вполнѣ яснымъ и завершеннымъ. Въ германской исторіи эпоха сантиментализма и эпоха бури и натиска являются совершенно законченными культурными эпохами, точно разграниченными и вполнѣ опредѣленными. Напротивъ, искусство въ Германіи во второй половинѣ XVIII вѣка находилось еще, главнымъ образомъ, въ рукахъ католическаго клира и князей, стоявшихъ подъ иностраннымъ вліяніемъ, такъ какъ другихъ меценатовъ еще не было. Оно прошло эту ступень развитія въ самомъ чистомъ видѣ въ Англіи, отчасти во Франціи; въ Англіи рѣшающими, стоящими на рубежѣ, именами являются Генсборо и Тёрнеръ. За дѣятельностью фантазіи слѣдуетъ наука, всегда выступающая на первый планъ въ натуралистическіе періоды высокой культуры, такъ какъ она и, въ особенности, естественныя науки имѣютъ своимъ назначеніемъ проникать, входить въ самую сущность вещей, будь то физическія или психическія явленія. Техника же и философія, какъ практическое и теоретическое господство надъ даннымъ комплексомъ знаній, достигаютъ полнаго расцвѣта обыкновенно въ идеалистическіе періоды. Въ Англіи новую эру начинаютъ великія открытія Ньютона и вызванное ими движеніе; во Франціи—періодъ Бюффона и матеріалистическихъ ученій, которыя, въ качествѣ философіи естествоиспытанія, относятся преимущественно къ натурализму; въ Германіи, гдѣ эта сторона развитія выра-

зилась больше въ гуманитарныхъ наукахъ, первыя великія открытія относятся къ историко-философской области: Гердеры, Мозеры, Фридрихъ-Августъ Вольфъ, Бартольдъ-Георгъ Нибуръ. Особенно характерной частностью является возникновеніе наукъ, начавшихъ углубляться въ детали; въ біологическихъ наукахъ—первыя большія изслѣдованія въ геологіи, зоологіи и ботаникѣ; въ географіи — путешествія съ научными цѣлями; въ наукѣ о человѣкѣ—начало раціональной этнологіи.

Нужно ли еще изображать, какъ проявляются начала новыхъ воззрѣній и требованій въ области этики и права? Мы укажемъ здѣсь только на вопросы воспитанія и напомнимъ о Руссо и Базедовѣ. Вопросы высшей морали и права привели бы насъ къ такимъ политическимъ проблемамъ и попыткамъ ихъ разрѣшенія, которыя самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ исторіей распространенія европейской цивилизаціи.

За натурализмомъ перваго періода слѣдуетъ классицизмъ и полное раціонализированіе добытыхъ результатовъ въ законченныхъ системахъ. Это время англійскаго, французскаго и, въ особенности, нѣмецкаго классицизма въ литературѣ; это также десятилѣтіе романтизма, который по существу даетъ только проникнутое фантазіей господство надъ добытыми натурализмомъ результатами и оперированіе его средствами и создаетъ, питаясь одновременно отъ поэзіи и науки, нормы современнаго міровоззрѣнія, идеалистическія системы. И опять-таки это движеніе начинается въ Англіи, переходитъ во Францію и заканчивается въ Германіи, гдѣ оно получаетъ наиболѣе блистательное и рѣшающее для будущаго выраженіе. На этомъ примѣрѣ видно, насколько можетъ быть иногда выгоднымъ занимать по времени послѣднее мѣсто въ ряду руководящихъ культурныхъ странъ Европы.

Первый періодъ эпохи субъективизма пережилъ еще повсюду и послѣ романтизма заключительную фазу, которую можно назвать фазой реализма, Если дѣятельность фантазіи дала уже въ классицизмѣ и романтизмѣ полное выраженіе того, чего этотъ періодъ достигъ, то теперь науки берутъ на себя облечь въ интеллектуальныя, раціоналистическія формы постигнутое прежде лишь поэтически, интуитивно. Прежде всего, онѣ сами складываются въ законченную систему; почти необозримыя массы детальныхъ фактовъ и выводовъ объединяются въ естественныхъ наукахъ вокругъ принципа сохраненія энергіи, въ гуманитарныхъ—около исторической школы и родственныхъ воззрѣній. Научное движеніе накладываетъ, въ свою очередь, отпечатокъ и на дѣятельность фантазіи. Въ искусствѣ и литературѣ побѣду одерживаетъ историзмъ, корни котораго были заложены, правда, уже въ романтизмѣ. Но въ то время, какъ тамъ онъ принялъ мистическую и поэтическую форму, здѣсь онъ грозилъ изсушить источники фантазіи, хотя самъ оставался на поверхности и былъ болѣе археологическимъ, нежели эволюціоннымъ.

Эта картина завершенія перваго періода имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, Германію, хотя параллельныя событія происходили также въ Англіи и Франціи. И если они получили здѣсь меньшее развитіе, то это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что въ исторіи западно-европейскихъ націй гораздо

раньше начинаютъ сказываться зачатки второго періода субъективизма. Въ Англіи—въ литературѣ послѣ Вальтеръ-Скотта появились великіе реалистическіе романисты, во Франціи—въ живописи возникла школа Барбизона. Въ Англіи выступилъ Джонъ Стюартъ Милль, во Франціи—Огюстъ Контъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи стали появляться уже зрѣлые плоды новаго натурализма, тамъ—прерафаэлиты, здѣсь—Золя и его школа.

Въ Германіи, напротивъ, натурализмъ новаго періода начинается только въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, когда новое неоднократно смѣшивается еще со старымъ, и лишь семидесятые и восьмидесятые годы приносятъ полный переворотъ. Въ результатѣ этого мы имѣемъ цѣлый рядъ явленій старо-идеалистическаго и въ то же время нео-натуралистическаго направленія, подобныхъ которымъ по силѣ и мощи нѣтъ ни въ Англіи, ни во Франціи, и которыя составляютъ гордость нѣмецкой исторіи XIX столѣтія: Рихардъ Вагнеръ—Листъ—Корнеліусъ; Геббель—Келлеръ—Раабе; Беклинъ—Тома—Клингеръ. Но потомъ и въ Германію съ тѣмъ большей силой вторгается новый натурализмъ. Это были годы импрессіонизма и ранней сецессіи въ живописи; время зеленой Германіи въ литературѣ; въ наукѣ—время усерднѣйшей спеціализаціи, порвавшей всѣ сношенія съ обобщающимъ мышленіемъ. Какое подозрѣніе внушалъ въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ ученый, который занимался философскими вопросами! Но и на этотъ разъ строгіе властители господствовали недолго. Почти одновременно съ Англіей и Франціей, начиная съ девяностыхъ годовъ, вырастаетъ новый идеализмъ,—тотъ идеализмъ, который и по настоящее время характеренъ для хода европейской культуры. Въ драмѣ уже рано производитъ полный переворотъ Гергартъ Гауптманъ,—въ то время какъ въ область поэзіи проникаетъ принципъ отечественнаго искусства. Въ живописи цѣлый рядъ художниковъ: Ворпсведеръ, Шульце-Наумбургъ; швейцарскіе послѣдователи Беклина развиваютъ идеи идеализма, до сихъ поръ не вполнѣ еще, впрочемъ, опредѣлившагося; въ то же время—вѣрнѣйшій признакъ пробуждающагося идеализма—начинаетъ возникать особая орнаментика, особый стиль въ художественной промышленности и, прежде всего, особая архитектура. Первые предвѣстники этихъ новыхъ явленій являются раньше всего въ Англіи, которая опять-таки въ этой важнѣйшей области указываетъ путь и занимаетъ руководящую роль среди великихъ націй Европы.

Нужно ли еще излагать, какъ новая эпоха начинается въ наукахъ естественныхъ и умозрительныхъ? Какъ благодаря открытію рентгеновскихъ лучей, радіоактивности, превращаемости нѣкоторыхъ элементовъ закачалось старое, казалось, незыблемое зданіе механическихъ естественныхъ наукъ съ вѣнчавшимъ его принципомъ сохраненія энергіи? Какъ выступаютъ даже идеи новаго витализма? Какъ проявляется вліяніе романтической натуръ-философіи, хотя бы Шеллинга и его школы, интуиціи Фехнера въ его философски-пророческихъ сочиненіяхъ? Никто не станетъ отрицать въ настоящее время, что въ области естественныхъ наукъ, даже въ принципіальныхъ вопросахъ, рекомендуется сдержанность какъ по отношенію къ старымъ, ка-

завшимся прочно установленными, такъ и по отношенію къ новымъ гипотезамъ. Въ области умозрительныхъ наукъ съ такой же ясностью мы видимъ, что къ работѣ надъ деталями, начиная съ девяностыхъ годовъ, присоединяется все съ большей силой и въ большемъ объемѣ синтетическая работа, и слѣдуетъ только пожелать, чтобы она не разрослась чрезмѣрно и тѣмъ не нарушила равновѣсія аналитическаго и синтетическаго методовъ изслѣдованія.

Оборвемъ здѣсь разсказъ, чтобы оглянуться назадъ. Само собой очевидно, что необыкновенно плодотворное развитіе обоихъ періодовъ европейскаго субъективизма,—развитіе, которое на немногихъ страницахъ можетъ быть изображено лишь въ самыхъ общихъ чертахъ въ немногихъ характерныхъ проявленіяхъ,—не могло остаться и не осталось безъ глубокаго вліянія на исторію человѣчества. И не означаетъ ли такое вліяніе уже само по себѣ величайшее распространеніе европейской культуры и могущества?

Такимъ образомъ, вся колоссальная масса фактовъ развитія этого субъективизма подлежитъ особому разсмотрѣнію, и мы попытаемся прослѣдить формы ихъ проявленія, причемъ обратимъ главное вниманіе на ихъ политическое значеніе, о которомъ до сихъ поръ умалчивали. Все, что здѣсь можетъ быть сказано, будетъ поневолѣ носить отрывочный характеръ, такъ какъ очевидно, что многія глубочайшія вліянія въ этой области не пустили еще полныхъ ростковъ и не сказались еще ясно. Дѣятельность фантазіи съ ея богатымъ міромъ искусства, поэзіи, пластически построеннаго міровоззрѣнія, религіи, наконецъ, музыки, остается вѣнцомъ всякой культуры, какъ она была всегда ея наиболѣе старымъ и наиболѣе прочнымъ ядромъ. Можетъ ли эта сторона европейской цивилизаціи въ эпоху субъективизма похвалиться большими успѣхами распространенія? На этотъ вопросъ приходится пока отвѣтить почти категорическимъ «нѣтъ»! Конечно, европейскія націи и ихъ колоніальныя отвѣтвленія преимущественно въ Америкѣ и Австраліи навязали другимъ народамъ и цивилизаціямъ нѣкоторыя стороны и результаты работы своей фантазіи: въ живописи и архитектурѣ, въ философіи и музыкѣ; и стара уже ихъ религіозная пропаганда. Но врядъ-ли можно сказать, что она какъ цѣлое или, по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ своихъ частяхъ проникла въ другія цивилизаціи.

Напротивъ, чужія цивилизаціи оказали въ этихъ областяхъ довольно значительное вліяніе на европейскую. Это относится, прежде всего, къ индійской цивилизаціи, къ величайшему продукту ея, ученію буддизма, вліяніе котораго сказалось уже въ первый періодъ субъективизма, но съ полной силой проявилось особенно во второй. Еще въ большей степени можно это сказать о восточно-азіатской цивилизаціи. Если уже въ XVIII столѣтіи ощущается вліяніе китайской философіи и еще больше—высоко стоящаго китайскаго искусства современнаго и прошлаго, то XIX столѣтіе пережило японское вліяніе. И здѣсь опять-таки прежде всего вліяніе было сильно въ искусствѣ. Насколько глубоко это вліяніе, теперь еще нельзя измѣрить. Надо слышать, какъ много «японскаго» находятъ у насъ въ этой области японцы, чтобы не прійти къ односторонне-европейскому сужденію.

Этотъ выводъ по отношенію къ этой столь важной области, гдѣ господствуетъ фантазія, покажется для многихъ неожиданнымъ. Но онъ не подлежитъ сомнѣнію и можетъ быть объясненъ. Извѣстно, что человѣческія культуры, съ эволюціонной точки зрѣнія слишкомъ удаленныя другъ отъ друга, исключаютъ одна другую. Такъ, народы низшей культуры не въ состояніи воспринять современную европейскую культуру, какъ они не могли воспринять ее въ XVI столѣтіи, ибо они не способны затратить ту массу духовной энергіи и вниманія, которая необходима для ея воспріятія. Такимъ образомъ, понятно, что народы низшихъ культуръ не въ состояніи даже вынести форму и выводы современной европейской фантазіи, не говоря уже о томъ, чтобы добровольно усвоить ихъ и продуктивно примѣнять. Но развѣ можно это отнести къ народамъ столь высокой цивилизаціи, какъ, наприм., индійская и восточно-азіатская? Развѣ эти народы съ точки зрѣнія культуры не являются отчасти или всецѣло болѣе старыми, чѣмъ европейскіе? Для индійской культуры временъ Будды, судя по духу первоначальнаго буддизма и особенно по позднѣйшимъ его систематизаціямъ, это можно предположить. Здѣсь высказываются чувства и пробуждаются мысли, которыя для насъ, европейцевъ, еще новы, какъ-будто бы сверхъ-историчны. Что же касается вліянія японскаго искусства, то о немъ съ несомнѣнностью можно заключить по тому факту, что оно показало европейскому искусству картины уже значительно развитаго импрессіонизма въ то время, когда европейскій импрессіонизмъ еще только началъ развиваться, т.-е. сыграло роль учителя.

Констатированіе этого факта кажется на первый взглядъ жестокимъ, но тѣмъ опредѣленнѣе оно должно быть сдѣлано. Индійская и, въ нѣкоторомъ отношеніи, восточно-азіатская исторія, съ точки зрѣнія развитія, старше нашей, и потому она можетъ оказывать вліяніе на насъ въ смыслѣ тѣхъ цѣнностей, которыя подходятъ болѣе или менѣе близко къ тому, что мы теперь переживаемъ. Не скрываются-ли отчасти въ этихъ культурахъ сильные моменты упадка, благодаря которымъ онѣ не доросли или недоступны нашимъ вліяніямъ,—это другой вопросъ, который здѣсь не можетъ быть разрѣшенъ. Въ области сравненія великихъ культурныхъ явленій сужденія будутъ необыкновенно сильно расходиться, такъ какъ у насъ не хватаетъ для этого болѣе простыхъ данныхъ сравнительной исторіи культуры.

Благопріятно складывается балансъ для европейской цивилизаціи въ широкихъ областяхъ дѣятельности интеллекта. Наука, которая представляетъ собой вѣнецъ дѣятельности европейскаго интеллекта, сама по себѣ универсальна. Какъ можно заниматься естественными науками съ національной, континентальной или вообще съ какой-либо другой частичной точки зрѣнія? Этотъ характеръ присущъ и умозрительнымъ наукамъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, и онѣ занимаются лишь обще-человѣческимъ, и если этотъ характеръ выраженъ въ нихъ лишь въ качествѣ импульса, то въ нашей связи достаточно констатировать нарастаніе этого импульса. А развѣ «универсальный» съ европейской точки зрѣнія не значитъ, прежде всего, способный къ распространенію? Такъ какъ другія цивилизаціи не могли рав-

няться съ европейской въ интенсивности интеллектуальной дѣятельности, проявляющейся въ наукѣ и являющейся однимъ изъ условій ея преуспѣянія, то онѣ сами становятся объектами европейскаго изслѣдованія, которое направляется на изученіе какъ сложившихся въ нихъ отношеній, такъ и ихъ физической обстановки, занятыхъ ими пространствъ. Въ этомъ пунктѣ тотчасъ же складывается особая научная организація ради планомѣрнаго изслѣдованія. Во все большемъ масштабѣ устраиваются и осуществляются научныя путешествія и экспедиціи, начинается эпоха открытій, и изслѣдованіе изъ случайнаго превращается въ регулярное.

Этой работѣ за предѣлами европейской цивилизаціи съ самаго начала ея возникновенія способствовала доведенная за это время до высокаго совершенства внутренняя, мѣстная, европейская организація научныхъ занятій. Уже экспедиція Кука для наблюденія надъ проходомъ Венеры въ 1769 г., столь богатая общими результатами, была снаряжена по просьбѣ лондонскаго Королевскаго Общества. Эта организація начинается, прежде всего, основаніемъ академій въ различныхъ европейскихъ странахъ, послѣ того какъ уже эпоха гуманизма познала полезность Sodalitates для содѣйствія общимъ и тѣмъ самымъ международнымъ научнымъ цѣлямъ. Рядомъ съ этимъ идетъ публикація періодическихъ изданій, журналовъ, сборниковъ и тысяча другихъ способовъ организаціи. Изъ всего этого образовался до настоящаго времени богатый арсеналъ научныхъ средствъ для соглашенія и для разрѣшенія задачъ, требующихъ раздѣленія труда. Въ этомъ отношеніи превзойдено все, что было сдѣлано прежними цивилизаціями, и что могутъ сдѣлать другія цивилизаціи настоящаго времени, кромѣ европейской. Естественно, что эта колоссальная живая организація для интеллектуальнаго овладѣнія міромъ явилась лучшимъ средствомъ европейской пропаганды. Путемъ воспитанія въ духѣ ея научнаго мышленія людей другихъ цивилизацій, которые къ ней примкнули, Европа подчинила себѣ вообще міръ интеллекта, несмотря, съ одной стороны, на то, что уже теперь существуютъ сильныя отклоненія въ методахъ, въ зависимости отъ расы и мірового положенія—напримѣръ, особые методы въ гуманитарныхъ наукахъ въ Америкѣ—и съ другой—несмотря на то, что восточно-азіатскіе народы могутъ въ будущемъ внести много новаго въ развитіе научнаго мышленія. По окончаніи своего ученическаго періода адепты европейской науки перенесли ея ученія на свою родину, организовали тамъ науку путемъ устройства академій, высшихъ учебныхъ заведеній и тому подобныхъ средствъ, и благодаря этому, какъ, напримѣръ, въ формѣ Association des Académies, въ которую входитъ даже Токіо, настолько примкнули къ европейскимъ наукамъ, что даютъ полное основаніе разсматривать научное вліяніе какъ самый побѣдоносный и надежный способъ распространенія европейской цивилизаціи.

Сюда привходитъ еще спеціальный моментъ. Извѣстно, въ какой зависимости находятся современная хозяйственная жизнь и еще болѣе современное могущество отъ усовершенствованія аппаратовъ и орудій войны и мира, какое громадное значеніе имѣетъ, слѣдовательно, для этихъ послѣд-

нихъ современная техника,—та техника, которая праздновала свои величайшіе тріумфы съ завершеніемъ механической системы естественныхъ наукъ. Понятно, какое сильное, можно сказать, ослѣпляющее дѣйствіе оказала эта техника, и, въ качествѣ ея основы, европейскія изслѣдованія въ области естественныхъ наукъ на другія цивилизаціи, поскольку онѣ стояли на болѣе высокихъ ступеняхъ. Не здѣсь-ли надо было искать секрета европейскаго преобладанія,—секрета, овладѣніе которымъ дало бы возможность успѣшно защищаться противъ европейскаго нашествія и, можетъ-быть, даже самимъ перейти въ наступленіе? Извѣстно, что въ Японіи эту связь поняли съ совершенной ясностью и начали работать въ этомъ направленіи со всѣмъ рвеніемъ, на которое только была способна безусловно самостоятельная и непоколебимая въ своихъ устояхъ въ теченіе двухъ тысячелѣтій культура этого народа. Съ европейской точки зрѣнія можно установить такой прогнозъ: изъ этого движенія будетъ все больше и больше развиваться натискъ цивилизаціи противъ цивилизаціи, и изъ новой борьбы и соперничества вырастетъ новое усовершенствованное человѣчество будущаго.

Для уразумѣнія связи, которую мы здѣсь ищемъ, остается еще разсмотрѣть третій и послѣдній элементъ распространенія великой европейской цивилизаціи, тотъ, который касается дѣятельности воли, и научное выраженіе котораго заключается въ педагогикѣ, этикѣ и политикѣ. Изъ нихъ наиболѣе значительная роль принадлежитъ политикѣ.

Въ политикѣ обычай и право, съ точки зрѣнія которыхъ ведутся дипломатическія сношенія и трактуются внѣшнія дѣла, если и не стали вполнѣ европейскими, то, во всякомъ случаѣ, подчиняются вполнѣ европейскому вліянію. Рядомъ съ интеллектуальнымъ это наиболѣе законченный результатъ распространенія европейской цивилизаціи. И къ тому же эта область еще расширяется со дня на день, благодаря развитію новыхъ международно-правовыхъ принциповъ и, въ особенности, принциповъ частнаго международнаго права. Устанавливаются отношенія всеобщаго характера, изъ которыхъ когда-нибудь такъ же трудно будетъ изгнать европейскій духъ, какъ духъ римскаго права изъ европейскаго права послѣ рецепціи въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія. Еще характернѣе, что духъ новѣйшей европейской политики дѣйствовалъ и дѣйствуетъ экспансивно; здѣсь, какъ и во всѣхъ интеллектуальныхъ проявленіяхъ, дѣло идетъ о завоеваніяхъ, которыя совершаются почти безъ всякаго насилія лишь на почвѣ внутренняго превосходства.

Въ ходѣ практической внутренней политики европейскаго субъективизма можно различать два большихъ движенія: либерализмъ и демократизмъ. Впрочемъ, либерализмъ является еще, главнымъ образомъ, результатомъ предыдущей индивидуалистической эпохи съ XVI до XVIII столѣтія. Какъ государство въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ вѣнецъ и послѣднее обобщеніе данной культурной жизни, точно такъ же политическія движенія, какъ системы и теченія, не идутъ обыкновенно вполнѣ параллельно съ культурными эпохами, выраженіемъ которыхъ они являются, а какъ бы плетутся за ними, иногда даже слѣдуютъ совершенно независимо.

Либерализмъ опирается въ сущности еще на тѣ ученія естественнаго права индивидуалистической культуры, которыя развились начиная, съ XVI в. Подобно этимъ послѣднимъ, онъ разсматриваетъ государство какъ совокупность равномѣрныхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый въ силу договора долженъ былъ пользоваться равнымъ правомъ. Поэтому онъ противополагалъ государственную власть гражданамъ и объединялъ оба эти элемента путемъ обезпеченнаго договоромъ представительства гражданъ. Это представительство находило свое выраженіе въ одной палатѣ или въ системѣ двухъ палатъ, члены которыхъ избирались принципіально равноправными гражданами государства въ силу избирательнаго права самаго строгаго стиля; первоначально, впрочемъ, эту систему часто предпочитали ослаблять въ плутократическомъ направленіи. Такимъ образомъ возникаютъ, если взять континентальную Европу, конституціонныя хартіи первой половины XIX столѣтія и конституціонная монархія или республика второй его половины. Долго носились съ мыслью, что эта система создана по образцу англійской конституціи. Насколько это справедливо, мы не можемъ здѣсь излагать; несомнѣнно только, что система такого индивидуалистическаго государства не вполнѣ соотвѣтствовала субъективистическимъ тенденціямъ времени, и поэтому введеніе ея никого въ сущности не удовлетворило, хотя она освѣжила атмосферу и, прежде всего, привела къ ликвидаціи послѣднихъ остатковъ средневѣкового политическаго, публично-правового и общественно-этическаго міра.

Настоящая политическая система субъективизма,—въ настоящее время во многомъ осуществленная лишь частично и развивающаяся медленно,—есть демократизмъ, если позволено употребить это, пущенное въ ходъ впервые въ Англіи, слово, причемъ оно здѣсь употребляется отнюдь не въ первоначальномъ греческомъ смыслѣ, а для обозначенія системы, которая покоится на индивидуумѣ какъ микрокосмѣ особыхъ правъ. Характерно для этого политическаго міровоззрѣнія, что оно отправляется отъ политическаго индивидуума, гражданина, не какъ носителя равныхъ правъ и, слѣдовательно, политически индифферентнаго первоисточника всякаго государственнаго образованія, а какъ-разъ обратно — отъ различія въ качествахъ индивидуума. Несомнѣнная заслуга субъективистической эпохи,—заслуга, которой у нея нельзя отнять, заключается въ томъ, что она установила нравственную и религіозную свободу индивидуума и тѣмъ самымъ подняла его на степень субъекта! Эта свобода должна была осуществиться на практикѣ, поскольку это допускала въ той же мѣрѣ правомѣрная субъективная свобода другихъ. Если это осуществлялось, получалась сложная система переплетавшихся свободъ и правъ, тяготъ и обязанностей. На сцену выступаетъ государственное зданіе, широкимъ фундаментомъ котораго является семейная жизнь, поскольку она принадлежала къ публичному праву и общественной морали, мѣстная общинная жизнь, мѣстная городская и провинціальная жизнь и, наконецъ, жизнь большихъ соціальныхъ полупублично-правовыхъ организацій; заканчивается это зданіе вершиной монархической или республиканской. Этимъ давался идеалъ государства, въ которомъ народъ дѣйствительно управлялъ, но народъ не какъ

совокупность индивидуумовъ, а какъ органически расчлененная масса; индивидуумы выступали здѣсь не какъ равноцѣнныя единицы, а какъ носители чрезвычайно разнообразныхъ правъ и обязанностей, смотря по ихъ общечеловѣческому, профессіональному и соціальному положенію. При этомъ для охраны правъ всѣхъ и каждаго и для проявленія общей воли, конечно, также нуженъ былъ рядомъ съ исполнительной властью и парламентъ. Но парламентъ и исполнительная власть не противостоятъ тутъ какъ двѣ договорныя власти, а дѣйствуютъ сообща, какъ проявленіе одной и той же національной жизни, и парламентъ часто функціонируетъ почти какъ подспорье правительству въ смыслѣ древне-германскаго права. Участіе отдѣльнаго лица въ избраніи народнаго представительства регулировалось сообразно положенію этого лица въ предѣлахъ живого государственнаго и соціальнаго организма. Ясно, насколько эта система сложнѣе системы либерализма, и насколько медленнѣе она должна была развиваться, особенно во времена быстро мѣняющихся соціальныхъ наслоеній, какъ это имѣло мѣсто почти вездѣ въ Европѣ въ начальную эпоху предпринимательскаго хозяйства. Прежде всего она появилась, разумѣется, въ Англіи и наибольшее развитіе получила въ настоящее время въ той же Англіи. На пути къ введенію этой системы находятся и всѣ руководящія государства Европы, такъ какъ она является естественнымъ политическимъ выраженіемъ ихъ экономическаго развитія, ихъ соціальной эволюціи и современной психики.

Вполнѣ понятно, что оба политическіе идеала и обѣ системы, либеральная и демократическая, ослѣпили внѣевропейскій міръ. Нельзя-ли путемъ введенія одной изъ этихъ системъ поставить себя al pari этому европейскому міру? Итакъ, гдѣ для историка сразу ясно, что тутъ въ буквальномъ смыслѣ слова начато не съ того конца, тамъ политикъ охотно видитъ панацею, которая можетъ скоро привиться и легко помочь. Можно-ли было пересадить демократическую систему? По своей сущности, въ своей основѣ демократизмъ развивается органически, а органическаго развитія нельзя ни ускорить, ни перенять. Такимъ образомъ, осталась либеральная система, въ пользу которой, повидимому, говорили уже многочисленные случаи примѣненія ея на европейской почвѣ. У осторожныхъ политиковъ при этомъ играла роль такая мысль: изъ наблюденія европейской демократической государственной жизни можно будетъ извлечь руководящія идеи для возможно болѣе органическаго развитія собственнаго, мѣстнаго строя.

Въ этой связи европейская политическая мысль дѣйствительно пережила уже и ей предстоитъ еще пережить распространеніе, аналогію которому можно найти только въ полумиѳическія времена перенесенія государственнаго строя въ античномъ мірѣ. Такъ, Японія получила конституцію частью по образцу прусской, хотя въ указѣ микадо о ея введеніи она была охарактеризована какъ издавна предопредѣленная его высокими предками. Такъ, Персія переживаетъ безпокойный конституціонный переворотъ; Турція послѣ лицемѣрной попытки 1876 г. идетъ навстрѣчу настоящему конституціонному режиму; даже въ Китаѣ думаютъ о конституціи. И кто можетъ теперь уже ска-

зать, каковы будутъ послѣдствія этихъ подражаній—для Европы и для новыхъ счастливцевъ?

Въ этой пестрой картинѣ распространенія политическаго вліянія есть одинъ живительный и успокоительный пунктъ: это именно то, что, несмотря на всѣ различія цивилизацій, начинаетъ вырастать высшая общая этика, которая, правда, питается пока только европейскимъ и даже только европейски-демократическимъ настроеніемъ, но честно преслѣдуетъ и самыя общія космополитическія цѣли.

Возникла эта этика, какъ выраженіе новаго, до тѣхъ поръ неизвѣстнаго гуманизма, прежде всего въ широкихъ соціальныхъ движеніяхъ народовъ европейскаго капиталистическаго строя; въ концѣ концовъ, она все же сводится къ идеѣ органическаго развитія всѣхъ человѣческихъ общежитій. Характерно для нея, прежде всего, не чувство состраданія, которое также характеризовало, какъ общее проявленіе гуманности, средніе вѣка и даже индивидуалистическую эпоху, а чувство солидарности. Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного—гласитъ лозунгъ, и индивидуумы, нуждающіеся въ помощи, должны получить возможность стать такимъ однимъ, такимъ въ своемъ родѣ сильнымъ, дѣятельнымъ членомъ цѣлаго. Ясно, что это органическое воззрѣніе. Въ хозяйственной области оно покоится на раздѣленіи труда въ цѣляхъ болѣе высокаго его объединенія. Каждое отдѣльное лицо можетъ проявлять свою индивидуальность, занимая соотвѣтствующее этой индивидуальности мѣсто, но зато оно должно подчиниться цѣлому. И современники, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ хозяйственнаго интереса и экономическихъ и соціальныхъ идей склонны примѣнить эту точку зрѣнія какъ-разъ въ этихъ областяхъ. Эта этика является наиболѣе общей основой современной соціальной политики въ различныхъ европейскихъ государствахъ.

Для насъ важно установить фактъ, что эта точка зрѣнія перенесена также на международныя отношенія, что народы въ этомъ смыслѣ являются крупными индивидуумами, которые участвуютъ въ раздѣленіи труда, и при помощи организаціи которыхъ все человѣчество могло бы быть двинуто впередъ. Здѣсь легко можно усмотрѣть принципъ новаго космополитизма, во многихъ отношеніяхъ діаметрально противоположнаго до сихъ поръ господствовавшему либеральному космополитизму. Этотъ послѣдній былъ въ сущности чисто-идеальнымъ, непрактичнымъ, оторваннымъ отъ земли, какъ бы согласнымъ лозунгу Шиллера: «Дайте васъ обнять, милліоны», но и съ послѣдствіями: «Mal étreint qui trop embrasse». Для этого либерализма важность представляли въ сущности лишь націи; въ соотвѣтствіи съ этимъ фактомъ находится то обстоятельство, что эпоха этого либерализма была эпохой стремленія къ національному единенію. Національнымъ онъ былъ до такой степени, что національный эгоизмъ стоялъ для него выше всего: rhigt or wrong, my country—это опасное англійское выраженіе, какъ часто оно цитировалось даже либералами континента! Напротивъ, новый демократическій космополитизмъ практиченъ; и понятно, что онъ тотчасъ принялся за рѣшеніе нѣкоторыхъ проблемъ, которыя придаютъ особую окраску распростра-

ненію европейскаго вліянія новѣйшаго времени. Между тѣмъ какъ либерализмъ оттѣнялъ лишь свободу отдѣльнаго лица и стремился, напримѣръ, къ освобожденію рабовъ съ такимъ пыломъ, который уже не понятенъ современному демократизму, этотъ послѣдній воодушевленъ идеей эмансипаціи націй, ихъ свободнаго самоосуществленія. Поэтому онъ противъ насилія въ международныхъ отношеніяхъ. Онъ уже давно проповѣдуетъ евангеліе третейскаго суда въ случаѣ спора. Онъ привѣтствуетъ съ величайшимъ одобреніемъ договорныя соглашенія отдѣльныхъ націй въ этомъ смыслѣ. Онъ является апостоломъ и вдохновителемъ всякаго движенія въ пользу мира, его духомъ проникнуты конференціи въ Гаагѣ. Въ Германіи слишкомъ склонны и теперь еще не доцѣнивать это движеніе, хотя оно является основнымъ, и отъ него нельзя отдѣлаться критикой, тѣмъ болѣе насмѣшкой. Другія державы, въ особенности Англія и Франція, давно доказали, какъ легко ввести это движеніе въ русло правильно понятыхъ національныхъ интересовъ, не ослабляя его силы и идеализма. Оно такъ же мало исключаетъ борьбу націй, какъ споръ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Оно стремится лишь къ борьбѣ менѣе жестокими средствами, нежели война. Признаніе и осуществленіе этой идеи въ интересахъ опредѣленной націи требуетъ, слѣдовательно, другихъ средствъ дипломатіи и другого политическаго поведенія, чѣмъ это свойственно вооруженнымъ государствамъ. Но не окажутся-ли эти вооруженныя государства въ долгу передъ высшими и въ то же время элементарными движеніями, если они во-время не приспособятся къ измѣнившимся учрежденіямъ новаго міра?

Этими послѣдними замѣчаніями можно было-бы закончить обзоръ общихъ тенденцій европейскаго распространенія, хотя описаніе участія въ немъ отдѣльныхъ націй и государствъ вышло, противъ воли автора, слишкомъ краткимъ. Если бы это было возможно въ рамкахъ даннаго изложенія, картина получилась бы болѣе разнообразная и, слѣдовательно, болѣе привлекательная. Но рядомъ съ многообразіемъ, даже пестротой отдѣльныхъ національныхъ и государственныхъ интересовъ картина европейскаго распространенія представляется запутанной еще и по другой причинѣ, которую здѣсь невозможно обойти, ибо она до сихъ поръ играла чрезвычайно значительную роль въ исторіи этого распространенія и въ будущемъ будетъ имѣть еще болѣе серьезное значеніе.

Кругъ народовъ европейской цивилизаціи въ настоящее время не ограничивается уже только народами, живущими на европейской почвѣ, а охватываетъ также и колоніальные народы Америки, Африки и Австраліи. Этимъ, конечно, мы не хотимъ сказать, что эти народы въ послѣдующемъ подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, иныхъ географическихъ условій не могутъ развиться въ особыя націи съ собственными стимулами развитія. Америка, а также Австралія и Африка даютъ достаточно основанія для такого предположенія. Но пока даже среди самой большой изъ этихъ націй, у американцевъ Соединенныхъ Штатовъ, этотъ колоніальный характеръ народа-отпрыска преобладаетъ настолько, что мы должны разсматривать ихъ какъ особый членъ, почти какъ особую половину круга европейской цивилизаціи. И эта особенность обусловлена, главнымъ образомъ, колоніальнымъ характеромъ.

Не всякая колонія развивается въ особый и въ то же время зависимый отъ метрополіи и связанный съ ней организмъ. Для этого требуется, кромѣ простой колонизаціи, еще и заселеніе новой области; только страны, въ концѣ концовъ, порождаютъ націи. Поэтому для событій, которыхъ мы хотимъ здѣсь вкратцѣ коснуться, прежняя европейская колонизація съ XV столѣтія отчасти оставалась безплодной. Португальская колонизація касалась преимущественно отдѣльныхъ пунктовъ; только на островахъ Атлантическаго океана, Азорскихъ, Зеленаго мыса и позднѣе въ Бразиліи она приняла характеръ заселенія. Въ нашъ обзоръ входятъ поэтому только названныя мѣстности и страны, прежде всего Бразилія. Иначе, съ перваго взгляда, обстоитъ дѣло съ испанской колонизаціей. Она охватывала также факторіи, но, главнымъ образомъ, цѣлыя страны. Но были ли эти страны не только завоеваны, но и заселены? Населеніе ихъ состояло одновременно изъ европейскихъ и туземныхъ элементовъ, что придавало ему гораздо болѣе смѣшанный характеръ, чѣмъ въ Бразиліи; и именно это обстоятельство не позволяетъ включить ихъ вполнѣ въ кругъ нашего разсмотрѣнія. Точно также мало значенія можетъ имѣть здѣсь нидерландская колонизація въ ея болѣе раннихъ стадіяхъ. Направленная на португальскія колоніальныя владѣнія, она долгое время сохраняетъ преимущественно купеческія черты. Впослѣдствіи дѣло доходитъ не только до завоеваній, но и—на Явѣ—до заселенія, хотя въ ограниченныхъ размѣрахъ. Самое значительное нидерландское поселеніе находится, какъ и у португальцевъ, не въ первоначальныхъ колонизаціонныхъ областяхъ, а за предѣлами ихъ, въ Африкѣ, въ прежнихъ бурскихъ государствахъ. Если мы будемъ изучать въ дальнѣйшей колоніальной исторіи еще и колонизацію французовъ и англичанъ, то увидимъ, что французы сначала нигдѣ не доходятъ до настоящаго заселенія колоній. Скорѣе всего можно было бы говорить въ этомъ смыслѣ о Канадѣ. Но французское заселеніе было здѣсь незначительно, ея преуспѣяніе было дѣломъ не національнымъ, а скорѣе монархическимъ, и выборъ жителей былъ значительно урѣзанъ въ интересахъ церкви и государства. И то, что здѣсь развилось позднѣе, при переходѣ страны подъ англійское владычество, приспособилось къ національнымъ притязаніямъ новыхъ господъ. Изъ новѣйшихъ владѣній французовъ только Алжиръ заслуживаетъ названія заселенной французами колоніи. Напротивъ, англичане заселяли свои владѣнія почти всюду, куда они попадали! Въ Америкѣ, въ Австраліи, въ Африкѣ! Именно этому факту обязаны они въ значительной степени своимъ современнымъ dominium mundi, сильнѣйшей опорой котораго являются пока несомнѣнно эти колоніи. Рядомъ съ ними часто шли и притомъ въ важнѣйшихъ мѣстахъ, какъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и въ Канадѣ, нѣмцы: скромно, безъ притязаній на національную самостоятельность, не говоря уже о государственной.

Если мы подвергнемъ обзору все это развитіе, то найдемъ здѣсь еще въ большей степени, нежели въ Европѣ, преобладаніе тевтонства. Изъ романскихъ націй собственно только одни испанцы и на ограниченномъ про-

странствѣ португальцы дѣйствовали сколько-нибудь плодотворно; славянская колонизація, до сихъ поръ не упомянутая, шла изъ Россіи въ отдаленныя и пустынныя области, изъ Польши—въ тевтонскія земли. Такимъ образомъ, главными носителями особенностей колоніальной части европейской цивилизаціи сдѣлались тевтоны. Въ чемъ же состоятъ эти особенности? Выселившіеся тевтоны пришли почти безъ исключенія изъ областей болѣе высокой культуры, изъ сферъ господства индивидуализма до конца XVIII вѣка, а съ тѣхъ поръ преимущественно изъ сферъ господства субъективизма.

Въ своемъ новомъ отечествѣ они—сначала повсемѣстно, затѣмъ часто—были поставлены въ положеніе, которое отнюдь не соотвѣтствовало этой культурной высотѣ. Тутъ надо было спорить съ врагомъ изъ совсѣмъ другихъ культурныхъ эпохъ, надо было вести, можетъ-быть, еще болѣе жестокую борьбу противъ враждебной, такъ сказать, первобытной силы лѣса и болотъ; здѣсь долгое время помощь оказывали только примитивныя орудія, только примитивная духовная организація. Посторонніе наблюдатели и современные изслѣдователи традицій тѣхъ временъ единогласно утверждаютъ, что новыми поселенцами въ первобытныхъ лѣсахъ овладѣло почти средневѣковое душевное состояніе; они держались, какъ люди временъ Ричарда Львиное Сердце, разсказываютъ, напримѣръ, изъ Иллинойса; они похожи на крестоносцевъ, сообщаютъ о Мормонахъ, которые вошли въ Уту какъ latter days saints. Такимъ образомъ, въ высшихъ областяхъ душевной жизни, дѣятельности фантазіи и даже мышленія наступилъ поворотъ къ болѣе примитивнымъ временамъ,—фактъ, представляющій съ точки зрѣнія историческаго развитія величайшій интересъ; его детали должны были бы быть изучены на основаніи источниковъ.

Но тѣ самые поселенцы, душевный уровень которыхъ, казалось, такъ сильно понизился, обнаружили въ многихъ мѣстахъ и даже, можно сказать, вообще въ соціальной и политической области качества, не только приближающія ихъ къ современнымъ государственнымъ воззрѣніямъ, но и ставящія ихъ впереди! Какъ правило, они крѣпко стояли другъ за друга, съ успѣхомъ основывали демократическія общества, соединяли ихъ въ союзы, изъ которыхъ возникли потомъ конституціонныя государственныя формы, развили въ нихъ, уже приближаясь къ вліяніямъ высшей культуры, чрезвычайно жизнедѣятельную демократію, какъ, напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, и, наконецъ, произвели—въ Австраліи—внутренніе перевороты соціально-политическаго и чисто-политическаго характера. Въ этомъ отношеніи они превзошли, по общему признанію, метрополіи европейскаго материка и съ этой стороны заслуживаютъ подражанія, что фактически и имѣло мѣсто прежде всего въ Англіи. Какое странное противорѣчіе въ развитіи на первый взглядъ! И, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма объяснимое. Извѣстно, что первобытныя эпохи характеризуются демократическими учрежденіями; ихъ мы находимъ какъ-разъ у тевтоновъ, какъ повѣствуетъ «Germania» Тацита. И въ этомъ смыслѣ, имѣя въ виду только внѣшнюю государственную форму, можно говорить о нѣкоторомъ сходствѣ между современнымъ и первобытнымъ тевтонскимъ государствомъ.

Такимъ образомъ, если поселенцы, рядомъ съ примитивной душевной жизнью въ области высшей духовной дѣятельности, развили примитивный демократическій строй, то это соотвѣтствовало лишь общему ходу вещей. Но за этимъ они не забывали высшихъ конституціонныхъ формъ родины и съ тѣмъ большей увѣренностью и выдержкой придавали имъ демократическій характеръ, чѣмъ болѣе ростъ собственной возрастающей культуры приближалъ ихъ къ современному демократизму.

Такимъ путемъ объясняется не только кажущаяся антиномія въ началѣ колоніальнаго развитія—примитивная душевная жизнь и относительно высокія демократическія учрежденія, но освѣщается также ходъ дальнѣйшаго развитія. Вездѣ въ тевтонскихъ колоніяхъ мы видимъ въ высокой степени бережное отношеніе къ конституціонной жизни; въ концѣ концовъ, она настолько развивается, что уже во второй половинѣ XVIII вѣка въ самыхъ раннихъ и наиболѣе прогрессивныхъ колоніяхъ она начинаетъ уже перегонять метрополію. Но въ другихъ областяхъ колоніальной душевной жизни не существуетъ еще такихъ цѣнностей, которыя превысили бы развитіе метрополіи. Такое соотношеніе остается въ сущности и до настоящаго времени. Или, можетъ-быть, Соединенные Штаты, въ общемъ далеко опередившіе остальныя колоніи, дали намъ новое искусство на ряду съ европейскимъ, болѣе высокую литературу, чѣмъ англійская, болѣе успѣшную науку, чѣмъ нѣмецкая? Правда, въ этихъ областяхъ появляются зачатки чего-то, дѣйствительно, новаго, но только теперь, когда прошло уже больше столѣтія со времени введенія сѣвероамериканской конституціи, которая при своемъ возникновеніи почти во всѣхъ отношеніяхъ стояла впереди всѣхъ конституцій Европы, въ особенности же въ разрѣшеніи внутренне-политическихъ проблемъ федеративнаго, т.-е. истинно современнаго демократическаго строя.

Такимъ образомъ, выясняется фактъ, повторяющійся и въ жизни другихъ тевтонскихъ колоній, что развитіе волевой энергіи, въ особенности въ сферѣ политики, всегда предшествуетъ прогрессированію остальныхъ психическихъ проявленій къ высшимъ культурнымъ формамъ. И не будемъ забывать, что рѣшающую роль все еще играютъ здѣсь первоначальныя тенденціи заселенія.

Но то, что дѣлаетъ это развитіе, поставившее колоніи какъ-разъ въ наиболѣе интересномъ для распространенія европейскаго вліянія пунктѣ, именно въ политической области, во главѣ новѣйшаго субъективистическаго движенія, еще болѣе поучительнымъ и завлекательнымъ, это—ихъ необыкновенная сила и, повидимому, несокрушимое здоровье.

И въ основѣ этихъ явленій лежитъ ихъ спеціально колоніальный характеръ. Въ колоніи не идутъ люди съ слабой волей. Кто хочетъ трудиться и жить въ первобытномъ лѣсу, долженъ обладать способностью, уже не слишкомъ частой въ высокихъ культурахъ, оставаться одинъ съ самимъ собой. Онъ долженъ пользоваться далѣе несокрушимымъ здоровьемъ, иначе онъ погибнетъ и тѣмъ докажетъ и еще болѣе укрѣпитъ выносливость пережившихъ. Такимъ образомъ, населеніе обладаетъ необычайной энергіей и чрез-

вычайно склонно примѣнять ее и при необыкновенныхъ условіяхъ. Эти обстоятельства, въ свою очередь, способствуютъ развитію силы воли, крѣпости и оптимизма. Извѣстный фактъ, что всѣ творенія человѣческихъ рукъ въ колоніяхъ по сравненію съ Европой пріобрѣтаютъ колоссальные, гигантскіе размѣры; достаточно сравнить въ Германіи первоначальные замки съ колоніальными,—вспомнимъ Маріенбургъ, первоначальныя церкви съ колоніальными—церковь св. Маріи въ Любекѣ, первоначальные рынки кельнскій или майнцскій съ рынками или площадями даже мелкихъ городовъ на востокѣ; достаточно вспомнить въ этой связи, что нѣмецкій колоніальный дворъ, нормальное имѣніе крестьянина, въ общемъ былъ вдвое больше, чѣмъ первоначальный дворъ его предковъ. Нужно-ли упоминать, далѣе, о двадцатиэтажныхъ домахъ, о чудовищныхъ мостахъ Сѣверной Америки и Канады, о фермахъ въ 10000 и болѣе акровъ? Въ развитіи самой Сѣверной Америки, болѣе молодыя западныя части которой играютъ роль колоній по отношенію къ метрополіи, наблюдается тотъ же принципъ: западные штаты имѣютъ гораздо болѣе обширныя площади, чѣмъ восточныя.

Къ принципу колоссальности присоединяется еще принципъ быстраго схватыванія всякаго прогресса. Въ Любекѣ мостовая была раньше, чѣмъ въ Кельнѣ, въ Сѣверной Америкѣ электрическія дороги раньше, чѣмъ въ Европѣ. Во всѣхъ колоніяхъ настоящаго времени есть много мѣстъ, гдѣ нѣтъ шоссе, но проходятъ желѣзныя дороги, нѣтъ почты, а лишь телеграфное сообщеніе; на одномъ калифорнійскомъ островѣ Тихаго океана Catalina Island появилась первая газета съ текстомъ, который былъ посланъ по безпроволочному телеграфу.

Разумѣется, принципы этого развитія ясны. Колоніальная хозяйственная жизнь въ высокой степени экстенсивна, и всякій, кто ведетъ ее по привычкамъ интенсивнаго хозяйства, привезеннымъ изъ Европы, долженъ имѣть вдвое больше пространства и силъ, если онъ хочетъ добиться привычныхъ результатовъ. Колоніальная хозяйственная жизнь не имѣетъ къ тому же прошлаго, слѣдовательно,—здѣсь гораздо проще использовать всѣ техническія пріобрѣтенія Европы, чѣмъ въ самой Европѣ, гдѣ не существуетъ болѣе tabula rasa, гдѣ всегда дѣйствуетъ сила косности, гдѣ предокъ продолжаетъ жить въ твореніяхъ своего внука.

Но именно потому, что эти принципы такъ просты и самоочевидны, они и дѣйствуютъ такъ безусловно и сильно. Вся жизнь и, прежде всего, внѣшнія проявленія душевной жизни проникнуты этими принципами: отсюда и раціональная точность, которая считается съ пустымъ пространствомъ, отсюда пониманіе цифръ, дальновидность, оптимизмъ. Въ то время, какъ эти особыя свойства напрягаются и для развитія новой культуры, отдѣльныя вѣтви этой культуры, которыя появляются раньше всего, особенно тщательно культивируются, достигаютъ по европейскимъ понятіямъ чудовищныхъ размѣровъ.

Это моментъ, который по всему до сихъ поръ сказанному долженъ былъ пойти на пользу прежде всего демократизму во всѣхъ его проявленіяхъ, въ общинной и государственной жизни, въ соціальной и умственной жизни, гдѣ

онъ выражается въ особенномъ пониманіи массовыхъ явленій, въ блестящемъ развитіи статистики и ея методовъ. Въ силу этого и могло произойти, что колоніи съ европейской цивилизаціей уже въ началѣ культурной субъективистической эпохи пошли въ этой области во главѣ съ внѣшней стороны замѣтнѣе всего въ области государственнаго строя. Возникновеніе конституціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (1787 г.) является въ этомъ смыслѣ рѣшающимъ событіемъ.

Только эти факты, какъ кажется, начинаютъ придавать новѣйшей стадіи распространенія европейской цивилизаціи ея истинный характеръ. Конечно, въ настоящее время европейскія культуры чувствуютъ еще свое преимущество по отношенію къ своимъ вторичнымъ культурамъ въ чужихъ странахъ свѣта: какъ въ политикѣ, такъ и въ военномъ дѣлѣ, какъ въ области духа, такъ и въ области хозяйства. И, дѣйствительно, можно считать, что онѣ стоятъ еще впереди въ военномъ дѣлѣ и въ духовной жизни, какъ ни трудно произнести здѣсь сужденіе, пока не будетъ произведена настоящая проба силъ. Но долго ли продержится еще это превосходство? Если позволено будетъ высказать мнѣніе—которому я отнюдь не имѣю въ виду придавать значеніе пророчества,—то, судя по отдѣльнымъ событіямъ въ новѣйшемъ развитіи Америки, это превосходство начинаетъ оспариваться, по крайней мѣрѣ, въ духовной области, въ искусствѣ, поэзіи и наукѣ, и притомъ съ такой затратой моральной и интеллектуальной энергіи, съ такой силой фантазіи, что невольно вѣрится въ побѣду и въ другихъ пунктахъ. И осторожнымъ людямъ въ Европѣ придется сдѣлать уступки этимъ вторичнымъ культурамъ или, по крайней мѣрѣ, безъ зависти признать ихъ.

Но пора закончить. Наши сообщенія и сужденія завели насъ въ тѣ сферы, которыя принадлежатъ уже не историку, а пророку. И если для представителей естественныхъ наукъ можно выставить требованіе, чтобы они господствовали надъ будущимъ и заглядывали въ него, то, напротивъ, для представителей умозрительныхъ наукъ все еще дѣйствуетъ положеніе, что они являются пророками со взоромъ, обращеннымъ назадъ, провозвѣстниками прошедшаго. Ибо полное психологическое господство надъ историческимъ матеріаломъ, которое само по себѣ могло бы дать возможность дѣлать умозаключенія къ будущему, находится еще въ зачаточномъ состояніи. Содержаніе и построеніе настоящаго очерка служатъ тому лучшимъ доказательствомъ.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА.

1815.

Установленіе новаго порядка въ Европѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ (оконч. въ іюнѣ).

Образованіе студенческаго корпоративнаго союза въ Іенѣ (12 іюня).

Заключеніе Священнаго Союза между императорами австрійскимъ, русскимъ и королемъ прусскимъ (26 сентября).

Объединеніе въ Россіи министерства Духовныхъ дѣлъ съ министерствомъ Народнаго просвѣщенія.

Изданіе Августомъ Бёкомъ, по порученію Академіи наукъ, «Corpus inscriptionum graecarum».

Заселеніе Австраліи за предѣлами Голубыхъ горъ.

Обнародованіе Александромъ I манифеста о дарованіи жителямъ царства Польскаго сейма, собственной арміи и свободы печати.

Утвержденіе Александромъ I новой польской конституціи.

1816.

Проведеніе золотой денежной системы въ Англіи.

Октропированіе первой нѣмецкой конституціи Карломъ-Августомъ Саксенъ-Веймарскимъ.

Появленіе Галлеровской «Реставраціи наукъ», послужившей фундаментомъ для государственно-правовыхъ теорій реакціи.

Примѣненіе Карломъ Лахманомъ основаній Вольфовой критики Гомера къ «Пѣснѣ о Нибелунгахъ».

Появленіе первыхъ 8 томовъ «Исторіи Государства Россійскаго» Н. М. Карамзина.

1817.

Возвышеніе Боливара въ Венецуэлѣ и Санъ-Мартина въ Аргентинѣ. — Образованіе республики въ Чили.

Первое представленіе на сценѣ Burgtheater пьесы Франца Грильпарцера—«Die Ahnfrau» («Прародительница»).

Вартбургское празднество нѣмецкаго студенчества (18 октября).

Изобрѣтеніе первой нѣмецкой стенографической системы Ф. Габельсбергомъ.

Появленіе «Всемірной Исторіи» Фр.-Хр. Шлоссера.

1818.

Завершеніе завоеванія Передней Индіи англичанами уничтоженіемъ государства магратовъ.

Аахенскій конгрессъ.

Окончаніе оккупаціи Франціи союзными войсками.

Занятіе Гегелемъ профессорской каѳедры въ Берлинѣ.

1819.

Появленіе сочиненія Шопенгауэра «Міръ, какъ воля и представленіе».

Объявленіе независимости Венецуэлы на конгрессѣ въ Ангостурѣ.

Основаніе барономъ Штейномъ «Monumenta Germaniae».

Конференція въ Карлсбадѣ (августъ) принимаетъ резолюцію противъ «краснаго призрака».

Изданіе лейпцигской фирмой Брокгауза по научной системѣ «Энциклопедическаго Словаря».

Введеніе докторомъ Рене Лаэннекомъ аускультаціи на медицинскомъ факультетѣ въ Парижѣ.

Совершеніе первымъ пароходомъ Фультона «Саванна» рейса черезъ океанъ отъ Нью-Іорка до Ливерпуля въ теченіе 25 дней.

Проведеніе шести реакціонныхъ биллей въ Англіи.

1820.

Установленіе, согласно Миссурійскому компромиссу, границы между свободной и рабовладѣльческой территоріями Соединенныхъ Штатовъ.

Процессъ о разводѣ англійской королевы Каролины въ верхней палатѣ.

Революціонный взрывъ въ романской южной Европѣ (вмѣшательство Священнаго Союза на конгрессѣ въ Троппау).

Примѣненіе способа Макъ-Адама къ устройству шоссейныхъ дорогъ, облегчившаго перевозку большихъ тяжестей.

1821.

Подавленіе революціи въ Неаполѣ и въ Пьемонтѣ.
Возвышеніе Меттерниха. Назначеніе его домашнимъ, придворнымъ и государственнымъ канцлеромъ.
Появленіе «Фрейшютца» Вебера.

1822.

Возложеніе Веронскимъ конгрессомъ на Францію карательной миссіи противъ революціонной Испаніи.
Объявленіе о независимости Бразиліи донъ Педро и принятіе имъ императорскаго титула.
Отпаденіе Мексики отъ метрополіи подъ властью Итурбиде.
Начало греческой борьбы за освобожденіе.

1823.

Проложеніе Англіей новыхъ путей въ экономическомъ законодательствѣ съ помощью фритредерскаго тарифа.
Подавленіе испанской революціи послѣ штурма Кадикса.
Начало «Евгенія Онѣгина» Пушкина.
Появленіе Даніэля О'Коннеля во главѣ ирландской агитаціи.
Формулированіе извѣстныхъ принциповъ доктрины Монрое въ посланіи президента Соединенныхъ Штатовъ отъ 2-го декабря.
Кружокъ молодыхъ русскихъ шеллингіанцевъ Станкевича.

1824.

Смерть Людовика XVIII и вступленіе на французскій престолъ Карла X.
Смерть лорда Байрона у Миссолонги.
Созданіе Бетховеномъ IX симфоніи.
Изданіе Леопольдомъ Ранке своего перваго крупнаго труда «Исторія Папъ».

1825.

Первый пробѣгъ локомотива Джоржа Стефенсона.
Взрывъ декабрьскаго возстанія послѣ смерти Императора Александра I при вступленіи на престолъ Николая I.
Установленіе англійскимъ правительствомъ свободы рабочихъ коалицій.

1826.

Неудача первой попытки Панамериканскаго конгресса въ Панамѣ.
Нанесеніе удара политикѣ Священнаго Союза вмѣшательствомъ Каннинга въ португальскія дѣла.
Распространеніе англійскаго вліянія на Индо-Китай.

1827.

Открытіе Бэромъ яйца млекопитающихъ.
Первая прусская промышленная выставка въ Берлинѣ.
Уничтоженіе турецкаго флота въ битвѣ при Наваринѣ.
Основаніе Арнольди въ Готѣ перваго нѣмецкаго общества страхованія жизни.
Лекціи Александра Гумбольдта въ берлинской пѣвческой академіи по физической географіи.
Изданіе Генрихомъ Гейне своихъ стихотвореній въ сборникѣ «Книга пѣсенъ».
Установленіе эстетической теоріи романтизма Викторомъ Гюго въ его предисловіи къ «Кромвеллю».

1828.

Заключеніе между Пруссіей и Соединенными Штатами таможеннаго союза, до сихъ поръ регулирующаго взаимныя экономическія отношенія обоихъ государствъ.
Искусственное полученіе Фридрихомъ Вёлеромъ мочевины.
Пріобрѣтеніе Россіей персидской Арменіи.
Первое представленіе «Фауста» въ Брауншвейгѣ.

1829.

Вступленіе во власть демократической партіи, ознаменовавшееся избраніемъ въ президенты Соединенныхъ Штатовъ Джаксона.
Экономическое объединеніе сѣверной и южной Германіи посредствомъ заключенія таможеннаго договора между Пруссіей съ одной и Баваріей и Вюртембергомъ съ другой стороны.
Появленіе «Полтавы» Пушкина.
Уничтоженіе правоограниченій англійскихъ католиковъ въ силу акта объ эмансипаціи, изданнаго при Робертѣ Пилѣ.
Порученіе Карломъ X маркизу Полиньяку составленія ультра-роялистскаго кабинета.
Признаніе Турціей по Адріанопольскому миру независимости Греціи.
Присяга Николая I польской конституціи.

1830.

Обнародованные 26 іюля въ «Moniteur» пять ордоннансовъ служатъ сигналомъ къ взрыву революціи.
Побѣда гражданъ надъ королевскими войсками во время баррикадной борьбы въ Парижѣ 28—30 іюля.
Начало путешествія Фанни Эльслеръ по обоимъ полушаріямъ.
Вступленіе на французскій королевскій престолъ Луи-Филиппа Орлеанскаго послѣ отреченія Карла X.
Проявленіе сепаратистскихъ тенденцій въ ирландской лигѣ, основанной О'Коннелемъ.

Отдѣленіе Бельгіи отъ Голландіи, вызванное бельгійской революціей.
Начало польской революціонной войны.
Открытіе движенія по первой желѣзной дорогѣ между Ливерпулемъ и Манчестеромъ (15 сентября).
Общее протяженіе всей желѣзнодорожной сѣти къ концу года—332 километра.

1831.

Изданіе Вильямомъ Ллойдомъ Гаррисономъ, вождемъ американскихъ аболиціонистовъ, газеты «The Liberator».
Начало изслѣдованій Баура въ Тюбингенѣ, пролагающаго новые пути въ области критики Новаго Завѣта.
Возстаніе Мегемета Али-паши египетскаго противъ султана.
Основаніе въ Марсели общества «Молодой Италіи» Джузеппе Мадзини.
Первое проникновеніе холеры въ центральную Европу.

1832.

Потеря Польшею конституціи вслѣдствіе введенія органическаго статута.
Появленіе «Фауста» въ полномъ видѣ послѣ смерти Гете 22 марта.
Народное «конституціонное празднество, «устроенное на развалинахъ Гамбахскаго замка.
Введеніе единства въ организацію реальной школы, предпринятое прусскимъ правительствомъ.
Принятіе нижней палатой билля о парламентской реформѣ лорда Дж. Росселя.

1833.

Пріобрѣтеніе Чили гегемоніи въ Южной Америкѣ.
Присоединеніе Саксоніи и Тюрингіи къ германскому таможенному союзу (включавшему съ ними 18 государствъ).
Возстановленіе entente cordiale между Россіей и Австріей.
Завершеніе Сперанскимъ кодификаціи законовъ.
Повсемѣстное проведеніе въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ отдѣленія церкви отъ государства.
Начало карлистскихъ войнъ въ Испаніи.
Устройство Гауссомъ и Веберомъ перваго электромагнитнаго телеграфа.
Начало оккупаціи Алжира французами.
Установленіе главныхъ основъ языковѣдѣнія въ «Сравнительной грамматикѣ санскрита» Франца Боппа.
Учрежденіе франкфуртской центральной слѣдственной комиссіи. Крайнее усиленіе «преслѣдованія демагоговъ». Пребываніе Фр. Рейтера въ крѣпости.
Изданіе законовъ въ защиту текстильныхъ рабочихъ и закона о введеніи фабричныхъ инспекторовъ. Эти законы ставятъ Англію въ области соціальнаго законодательства далеко впереди континентальной Европы.
Ункіаръ-Искелесскій договоръ между Россіей и Турціей.

1834.

Начало современнаго рабочаго профессіональнаго движенія въ духѣ теоріи Оуэна.
Объединеніе національныхъ комитетовъ Молодой Италіи, Молодой Польши и Молодой Германіи въ Молодую Европу.
Уничтоженіе торговли неграми въ англійскихъ колоніяхъ.

1835.

Основаніе Мельбурна въ Австраліи.
Франкфуртскій бундестагъ выражаетъ свое уваженіе по адресу молодой Германіи.
Появленіе сочиненія Давида Штрауса «Жизнь Іисуса».
Упорядоченіе англійскаго городского самоуправленія посредствомъ Россель-Пальмерстоновскаго муниципальнаго билля.
Новый русскій университетскій уставъ.
Смерть австрійскаго императора Франца I.

1836.

Начало чартистскаго движенія въ Англіи.
Признаніе Шлейденомъ клѣтки элементарнымъ органомъ развитія животной и растительной жизни.
Основаніе международнаго коммунистическаго союза.
Появленіе «Американской Демократіи» Токвиля.
Неудачная выходка, совершенная Луи-Наполеономъ въ Страсбургѣ.

1837.

Первое столкновеніе русскихъ и англійскихъ интересовъ въ Персіи.
Изобрѣтеніе телеграфа Морзе.
Проявленіе сепаратистскихъ стремленій въ британской Америкѣ при вступленіи на престолъ англійской королевы Викторіи.
Отказъ семи геттингенскихъ профессоровъ герцогу Эрнсту-Августу въ принесеніи присяги на вѣрность службы и подданства.

1838.

Основаніе Ричардомъ Кобденомъ въ Лондонѣ лиги противъ хлѣбнаго закона.
Изобрѣтеніе Луи Дагерромъ фотографіи.

1839.

Побѣда Ибрагима-паши надъ турками при Низибѣ.
Методъ физическаго діагноза Іосифа Скоды обезпечиваетъ преимущественное положеніе вѣнской медицинской школы передъ французской.
Англійская колоніальная война съ Кабуломъ и Кандагаромъ.
Появленіе въ Пруссіи перваго законодательнаго акта въ защиту малолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ.
Оффиціальное соединеніе уніатской церкви съ православной.

1840.

Начало движенія въ австралійскомъ обществѣ въ пользу уничтоженія колоній для преступниковъ.
Окончательное обоснованіе Генле паразитарнаго характера заразныхъ заболѣваній.
Заключеніе Луи-Наполеона въ крѣпости Гамъ послѣ второй неудачной его выходки въ Булони.
Вступленіе Гизо въ министерство въ качествѣ преемника Тьера. Стремленіе превратить восточную половину Средиземнаго моря во французское море.
Открытіе перваго пароходнаго сообщенія между Англіей и Сѣверной Америкой.
Введеніе оклеиванія писемъ марками въ Англіи.
Возникновеніе опасности франко-германской войны вслѣдствіе изолированнаго положенія, занятаго Франціей въ Восточномъ вопросѣ.
Вступленіе на престолъ Фридриха-Вильгельма.
Луи-Филиппъ окружаетъ Парижъ крѣпостными сооруженіями.
Введеніе, по указу кабинета отъ 4 декабря, игольчатаго ружья (система Дрейзе) въ прусскую армію.

1841.

Полученіе Канадой, какъ англійской колоніей, самостоятельной конституціи.
Подписаніе дарданелльскаго договора въ Лондонѣ между Турціей и пятью великими державами.
Призваніе Фридрихомъ - Вильгельмомъ IV братьевъ Гриммъ въ Берлинъ въ качествѣ членовъ Академіи наукъ.
Появленіе «Руководства по физіологіи человѣка» Іоганна Мюллера.
Начало распространенія французскаго вліянія на Мадагаскаръ.
Начало изслѣдованій Дюбуа-Реймона въ области животнаго электричества.

1842.

Свобода хлѣбной торговли въ Англіи, какъ результатъ борьбы за уничтоженіе хлѣбнаго закона.
Установленіе Робертомъ Мейеромъ закона о сохраненіи энергіи.
Побѣдоносное окончаніе Англіей войны изъ-за ввоза опія.
Принятіе Рихардомъ Лепсіусомъ руководительства прусской экспедиціей для изслѣдованія древняго Египта
Указъ Николая I объ обязанныхъ крестьянахъ.

1843.

Переселеніе мормоновъ въ Уту.
Образованіе «Рочдельскими піонерами» перваго англійскаго потребительнаго общества.
Торжество французской политики въ Испаніи послѣ возвращенія королевы-регентши Маріи-Христины.

1844.

Обнародованіе Фр. Энгельсомъ своего труда о положеніи рабочаго класса въ Англіи.
Изданіе Юстусомъ Либихомъ своихъ писемъ о химіи.
Основаніе Брауномъ и Шнейдеромъ журнала «Fliegende Blätter».
Статьи В. Г. Бѣлинскаго о Пушкинѣ въ «Отеч. Запискахъ».

1845.

Война между Мексикой и Сѣверо-Американскимъ Союзомъ, начавшаяся послѣ присоединенія Техаса къ Соединеннымъ Штатамъ.
Гибель среди вѣчныхъ льдовъ экспедиціи сэра Джона Франклина къ сѣверному полюсу.

1846.

Присоединеніе территоріи Орегона къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ по соглашенію съ Великобританіею.
Вступленіе Пія IX на папскій престолъ.
Проложеніе перваго подводнаго телеграфнаго кабеля между Портсмутомъ и Уайтомъ.
Взрывъ національнаго возбужденія въ Германіи послѣ обнародованія «Открытаго письма» Христіана VIII.
Изданіе «Учебника Анатоміи» Іосифа Гиртля.
Крестьянскія волненія въ Галиціи.

1847.

Распространеніе французскаго господства въ восточной Океаніи.
Вздорожаніе жизни и голодъ въ центральной Европѣ.
Признаніе Земельвейсомъ въ Вѣнѣ инфекціоннаго характера родильной горячки.
Организація политическихъ банкетовъ республиканской партіей во Франціи.
Побѣда вѣрныхъ Швейцарскому Союзу войскъ и окончаніе войны съ Зондербундомъ.

Образованіе братства прерафаэлитовъ (Россетти, Милле, Гентъ).
Побѣда надъ Абдъ-ель-Кадеромъ и упроченіе завоеваній Франціи въ Алжирѣ.

1848.

Бутурлинскій комитетъ.
Открытіе рабочимъ Джемсомъ Маршаломъ первыхъ золотыхъ розсыпей въ Калифорніи.
Низверженіе Орлеанской династіи февральской революціей и созданіе временнаго правительства, ставшаго во главѣ республики (24 февраля).
Окончаніе Бальзакомъ своей «Comédie humaine».
Отставка Меттерниха и обѣщаніе конституціи, вынужденныя вѣнскими гражданами 13 марта.
Венгерскія революціонныя событія.
Взрывъ революціи въ Берлинѣ 18 марта.
Попытка нѣсколькихъ идеалистовъ установить въ Баденѣ нѣмецкую республику.
Рихардъ Вагнеръ начинаетъ «Кольцо Нибелунговъ».
Открытіе національнаго собранія во Франкфуртѣ-на-Майнѣ (18 мая).
Организація Палацкимъ славянскаго съѣзда въ Прагѣ.
Подавленіе генераломъ Кавеньякомъ во время іюньскихъ кровавыхъ дней (23—27 іюня) рабочаго возстанія, вспыхнувшаго послѣ закрытія національныхъ мастерскихъ.
Обнародованіе Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ коммунистическаго манифеста.
Перемиріемъ при Мальмэ Фридрихъ-Вильгельмъ обрекъ на полную неудачу попытку національнаго возрожденія въ Шлезвигъ-Гольштиніи.
Установленіе римской республики послѣ бѣгства папы Пія IX.
Изданіе «Сценъ изъ парижской богемы» Анри Мюрже.
Вступленіе Виндишгреца съ императорскими войсками 31 октября въ Вѣну.
Вступленіе на австрійскій престолъ императора Франца-Іосифа I (2 декабря).
Распущеніе министерствомъ Мантейфеля прусской палаты и октроированіе конституціи (5 декабря).
Избраніе парижскимъ національнымъ собраніемъ Луи-Наполеона Бонапарта президентомъ французской республики.
Обнародованіе основныхъ правъ нѣмецкаго народа франкфуртскимъ національнымъ собраніемъ (24 декабря).

1849.

Упроченіе англійскаго господства въ долинѣ Инда.
Объявленіе въ Австріи 4 марта общей конституціи, которая никогда не примѣнялась.
Отклоненіе королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV германской императорской короны (3 апрѣля).
Объявленіе о низложеніи Габсбургской династіи парламентомъ въ Дебречинѣ.
Побѣда Радецкаго надъ пьемонтцами при Мортарѣ и Новарѣ.
Насильственный разгонъ нѣмецкаго національнаго собранія (18 іюня).
Сложеніе оружія венгерскими инсургентами при Вилагошѣ (13 августа).
Начало раскопокъ англичанина Лейарда въ развалинахъ Куюнджика (Ассирія).
21 дек. Ѳ. Достоевскій съ другими петрашевцами былъ вывезенъ на Семеновскій плацъ, гдѣ имъ былъ прочитанъ приговоръ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе.
24 декабря Достоевскій отправленъ въ Сибирь.

1850.

Первый періодъ грюндерства и промышленныхъ спекуляцій въ Германіи; быстрый ростъ акціонерныхъ обществъ.
Обезпеченіе Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, по Клейтонъ-Бульверовскому трактату, преобладающаго вліянія на будущій между-океаническій каналъ.
Принятіе прусской конституціей трехклассной избирательной системы, существующей и въ настоящее время.
Отказъ Рудольфа Гнейста, вслѣдствіе господства реакціи, отъ судебной дѣятельности съ цѣлью отдать всѣ свои силы наукѣ.
Протяженіе желѣзнодорожной сѣти на всемъ земномъ шарѣ достигло 38443 километровъ.
Засѣданія эрфуртскаго союзнаго парламента.
Тщетность попытокъ добиться объединенія Германіи. Возобновленіе (1 сентября) засѣданій франкфуртскаго бундестага.
Кургессенскій конфликтъ. «Сраженіе» при Бронцеллѣ.
Проложеніе подводнаго кабеля между Дувромъ и Калэ.
Начало цикла картинъ Менцеля изъ эпохи Фридриха Великаго.
Униженіе Пруссіи въ Ольмюцѣ.
Сокращеніе продолжительности переѣзда изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ до 13 дней.

1851.

Начало систематическихъ развѣдокъ золотоносныхъ рудъ въ Австраліи.
Первая всемірная выставка въ Лондонѣ.
Назначеніе Бисмарка на постъ прусскаго посланника при бундестагѣ.
Отказъ прусскаго банка отъ пріема частныхъ вкладовъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго скопленія металлическихъ запасовъ.
Государственный переворотъ Луи-Наполеона (2 декабря).
Пріостановка дѣйствія австрійской имперской конституціи (31 декабря).

1852.

Урегулированіе шлезвигъ-гольштинскаго вопроса Лондонскимъ протоколомъ.
Распущеніе коммунистическаго союза.
Принятіе на себя гр. Буоль-Шауэнштейномъ послѣ смерти Феликса Шварценберга руководительства австрійской политикой.
Книга Іеринга «Духъ римскаго права».
Провозглашеніе Луи Наполеона императоромъ французовъ.
Основаніе братьями Перейра парижскаго Credit mobilier, ставшаго исходнымъ пунктомъ развитія современныхъ крупныхъ банковъ.

1853.

Объявленіе Портою войны Россіи.

1854.

Начало оккупаціи французами области Сенегала.
Союзъ западныхъ державъ съ Турціей противъ Россіи.
Заключеніе коммодоромъ Перри отъ имени Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ перваго торговаго договора съ Японіей.
Высадка союзниковъ на полуостровѣ Крымѣ (2 сент.).
Начало прусскаго морского могущества.
Пораженіе русскихъ при Инкерманѣ.
Начало изслѣдованій Макса Петенкофера о распространеніи холеры.
Обнародованіе догмата о безпорочномъ зачатіи.
Появленіе 1-го тома «Римской исторіи» Моммзена.

1855.

Введеніе конституцій въ австралійскихъ колоніяхъ Новый Южный Уэльсъ и Викторія.
Лордъ Пальмерстонъ (ум. 1865) во главѣ британскаго министерства.
Смерть императора Николая I во время войны.
Заключеніе графомъ Лео Туномъ австрійскаго конкордата съ Римомъ.
Появленіе «Зеленаго Генриха» Готфрида Келлера.
Взятіе Малахова кургана французами подъ предводительствомъ Макъ-Магона.
Открытіе 1-ой парижской всемірной выставки.
Взятіе Севастополя союзными арміями.

1856.

Появленіе въ Лондонѣ газетъ («Daily Telegraph», «Standard» и т. д.) цѣною въ 1 пени и вытѣсненіе ими исключительнаго господства «Times».
Появленіе «Руководства по физіологической оптикѣ» Гельмгольца.
Окончаніе Крымской войны и Парижскій миръ, давшій рядъ общихъ опредѣленій по морскому праву (30 марта).
Графъ Левъ Толстой покидаетъ русскую армію и обращается къ литературѣ.
Назначеніе Вирхова директоромъ только-что основаннаго патологическаго института въ Берлинѣ.

1857.

Изданіе А. Герценомъ еженедѣльника «Колоколъ».
Основаніе Сѣверо-Германскаго Ллойда.
Первое сближеніе между Россіей и Франціей послѣ Крымской войны во время свиданія императоровъ въ Штуттгартѣ.
Проектъ освобожденія крестьянъ въ Россіи.
Введеніе антисептическаго способа лѣченія ранъ Джозефомъ Листеромъ.

1858.

Уничтоженіе Остъ-Индской компаніи и непосредственное подчиненіе Индіи власти Британскаго государства послѣ подавленія возстанія сипаевъ.
Вступленіе въ англійскій парламентъ перваго еврея, барона Натана Ротшильда.
Рѣшительные переговоры о національномъ объединеніи Италіи между Наполеономъ III и Кавуромъ во время свиданія ихъ въ Пломбьерѣ.
Дворянскіе адреса и протестъ тверского дворянства.
Передача регентства въ Пруссіи принцу Вильгельму.
Хедивъ поручаетъ Маріетту руководство раскопками въ Египтѣ.

1859.

Франко-сардинскій союзъ противъ Австріи.
Буреніе перваго нефтяного источника въ Америкѣ.
Начало работъ по сооруженію Суэцкаго канала.
Появленіе книги Дарвина «Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора».
Давидъ Ливингстонъ объѣзжаетъ большія африканскія озера.
Побѣда французовъ и итальянцевъ надъ Австріей при Маджентѣ и Сольферино.
Спускъ перваго французскаго панцырнаго судна «La Gloire».
Приглашеніе Я. И. Ростовцевымъ Милютина, Самарина и др. въ составъ редакціонныхъ комиссій при Главномъ Комитетѣ.
Открытіе спектральнаго анализа Бунзеномъ и Кирхгофомъ.
Покореніе Россіей кавказскихъ племенъ, боровшихся подъ главенствомъ Шамиля.
Работы Гюстава Курбэ на Штарнбергскомъ озерѣ.
Чествованіе во всей Германіи въ качествѣ національнаго празднества Цюрихскаго мира, заключеннаго въ день столѣтняго (10 ноября) рожденія Шиллера.

1860.

Заключеніе между Франціей и Англіей торго-

ваго договора, который становится образцомъ для всей европейской системы свободы торговли.
Внесеніе въ прусскую палату депутатовъ военнымъ министромъ Рооном проекта реорганизаціи арміи.
Изобрѣтеніе Ленуаромъ газомотора.
Присоединеніе Тосканы, Пармы, Модены къ королевству Сардиніи послѣ народнаго голосованія въ этихъ областяхъ.
Открытіе Китая, по Пекинскому миру, для европейской торговли и миссіонерской дѣятельности.
Окончательное присоединеніе Амурской области къ Россіи.
Изобрѣтеніе перваго электрическаго телефона Филиппомъ Рейсомъ.
Высадка гарибальдійской тысячи у Марсалы (11 мая).
Установленіе основныхъ чертъ будущей австрійской конституціи октябрьскимъ дипломомъ.

1861.

Вступленіе Вильгельма I на прусскій престолъ (2 января).
Начало агрессивной политики Россіи въ Центральной Азіи.
Манифестъ Александра II, 19 февраля, объ уничтоженіи крѣпостного права въ Россіи.
Университетскія волненія въ Россіи.
Конституція 26 февраля и вступленіе Австріи въ семью конституціонныхъ государствъ.
Постановленіе, принятое въ Монгомери, въ Алабамѣ рабовладѣльческими штатами, объ отдѣленіи отъ Сѣверо-Американскаго Союза.
Принятіе Викторомъ-Эммануиломъ II титула короля Италіи. Объединеніе всей Италіи за исключеніемъ Венеціи и Рима.
Пораженіе, нанесенное рабовладѣльческими штатами своимъ противникамъ при Бэль-Рэнѣ.
Вовлеченіе Мексики въ войну съ Франціей послѣ вступленія на постъ президента Бенито Хуареца.
Освистано первое представленіе «Тангейзера» въ Парижѣ.
Побѣда прогрессивной партіи на выборахъ въ прусскій ландтагъ — начало «конфликта».
Возникновеніе перваго послѣ 1825 г. тайнаго революціоннаго общества въ Россіи.

1862.

Пріобрѣтеніе Франціей по миру въ Сайгонѣ Кохинхины и Камбоджи.
Первая стычка двухъ броненосцевъ—«Monitor'a» и «Merrimac'a» при поединкѣ ихъ въ Норфолькскомъ рейдѣ.
Первый международный шахматный турниръ во время второй всемірной выставки въ Лондонѣ.
Взятіе адмираломъ Фаррагэтомъ Новаго-Орлеана.
Отклоненіе бундестагомъ предложенія Рехберга о принятіи Австріи въ Германскій таможенный союзъ.
Пожары въ С.-Петербургѣ.
Противоправительственныя демонстраціи въ Польшѣ.
Пораженіе Гарибальди при Аспромонтэ.
Провозглашеніе президентомъ Линкольномъ уничтоженія рабства на всей территоріи Сѣверо-Американскаго Союза.
Назначеніе Бисмарка прусскимъ министромъ-президентомъ (23 сентября).
Окончаніе Фридрихомъ Геббелемъ «Нибелунговъ».
Появленіе романа «Отцы и дѣти» И. С. Тургенева.

1863.

Пріобрѣтеніе Англіей преобладающаго вліянія въ Афганистанѣ.
Польское возстаніе.
Избраніе собраніемъ нотаблей въ Мексикѣ эрцгерцога Максимиліана императоромъ.
Открытіе въ Парижѣ выставки «Салона отвергнутыхъ».
Министръ Головнинъ и новый университетскій уставъ.
Объявленіе на съѣздѣ феніевъ въ Чикаго объ отложеніи Ирландіи отъ Великобританіи и объ основаніи республики.
Появленіе «Жизни Іисуса» Эрн. Ренана.
Попытка Франца-Іосифа на собраніи государей во Франкфуртѣ провести объединеніе Германіи подъ главенствомъ Австріи.
Установленіе Лассалемъ желѣзнаго закона заработной платы въ его «Открытомъ письмѣ».
Обостреніе вопроса о престолонаслѣдіи въ Шлезвигъ-Гольштиніи послѣ смерти датскаго короля Фридриха IV.
Побѣда союзныхъ американскихъ войскъ надъ рабовладѣльческими при Чатануге.

1864.

Подавленіе революціи тайпинговъ въ Китаѣ съ помощью европейскихъ войскъ.
Основаніе международнаго рабочаго общества.
Война Пруссіи и Австріи противъ Даніи.
Судебные уставы Александра II.
Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ.
Женевская конвенція (Красный крестъ). Подписаніе этого акта большинствомъ европейскихъ государствъ.
Сэръ Самуэль Бекеръ находитъ истоки Нила.
Обязательство, принятое на себя Италіей передъ Наполеономъ III въ силу сентябрьской конвенціи, не нарушать границъ папской области.
Перевѣсъ въ междоусобной войнѣ на сторонѣ

Сѣверныхъ Штатовъ послѣ взятія генераломъ Грантомъ Атланты.
Рѣшеніе, принятое на съѣздѣ уполномоченныхъ въ Квебекѣ, въ пользу объединенія всѣхъ британскихъ сѣверо-американскихъ колоній.
Начало дружественныхъ отношеній между Рихардомъ Вагнеромъ и королемъ Людвигомъ II Баварскимъ.
Обнародованіе Піемъ IX силлабуса.
Отказъ Даніи отъ Шлезвигъ-Гольштиніи по Вѣнскому мирному договору.

1865.

Окончаніе гражданской войны въ Сѣв. Америкѣ, послѣ того какъ армія Южныхъ Штатовъ сложила оружіе передъ генераломъ Грантомъ.
Убійство президента Линкольна въ вашингтонгскомъ театрѣ.
Шестисотлѣтіе со дня рожденія Данте и манифестація въ пользу объединенія Италіи.
Открытое выступленіе русской власти противъ радикальной интеллигенціи.
Установленіе кондоминіума въ герцогствахъ на Эльбѣ по гаштейнскому договору.
Пріобрѣтеніе гамбургскимъ торговымъ домомъ Годфруа земельныхъ владѣній на о. Самоа.
Новый русскій законъ о печати.
Адресъ московскаго дворянства.
«Латинская монетная конвенція» и обязательство, принятое на себя Франціей, Бельгіей, Италіей и Швейцаріей, чеканить золотую и серебряную монету одинаковаго достоинства.

1866.

Гергардъ Рольфсъ пересѣкаетъ сѣверную Африку.
Выстрѣлъ Каракозова и полицейскій терроръ въ Россіи.
Прекращеніе дѣятельности франкфуртскаго бундестага, вслѣдствіе отказа Пруссіи отъ участія въ немъ.
Капитуляція ганноверской арміи при Лангензальцѣ 29 іюня одновременно съ побѣдой прусской арміи при Гитчинѣ и Кенигингофѣ.
Битва при Кенигрецѣ (3 іюля). Завоеваніе Пруссіей гегемоніи въ Германіи.
Побѣда Тегетгофа 20 іюля надъ итальянскимъ флотомъ при Лиссѣ.
Окончаніе работъ по проложенію телеграфнаго кабеля между Европой и Америкой.
Изслѣдованія Скіапарелли о кометахъ.
Подписаніе Пражскаго мира (23 августа).
Отпаденіе націоналъ-либераловъ отъ прогрессивной партіи въ прусской палатѣ депутатовъ.
Принятіе на себя Трейчке редактированія журнала «Preussische Jahrbücher».

1867.

Вступленіе во власть японскаго императора Муцухито.
Отдѣльная выставка Эдуардомъ Манэ своихъ произведеній во время второй всемірной выставки въ Парижѣ.
Продажа Россіей Аляски Сѣверо-Американскимъ Штатамъ.
Призракъ войны между Германіей и Франціей изъ-за Люксембургскаго вопроса.
Объединеніе Квебека, Онтаріо, Новой Шотландіи и Новаго Брауншвейга въ «Dominion of Canada».
Появленіе «Капитала» Карла Маркса.
Образованіе Туркестанскаго генералъ-губернаторства.
Окончаніе романа Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе».
Разстрѣляніе императора Максимиліана въ Кверетаро (19 іюня).
Завѣдываніе вѣнской хирургической клиникой Бильротомъ.
Побѣда французовъ при Ментанѣ надъ итальянскими партизанскими отрядами.
Начало серіи «Ругонъ-Маккаръ» Э. Золя.
Собраніе перваго рейхстага Сѣверо-Германскаго союза.
Ослабленіе чартистскаго движенія послѣ демократической парламентской реформы Дизраэли.
Открытіе Вернеромъ Сименсомъ принципа динамо-машины.
Санкціонированіе императоромъ австро-венгерскаго соглашенія.

1868.

Государственный переворотъ въ Японіи: подчиненіе даймiосовъ и уничтоженіе должности сіогуна.
Основаніе либеральныхъ (гиршъ-дункеровскихъ) рабочихъ союзовъ.
Низверженіе Бурбоновъ въ Испаніи.
Дарованіе права голоса цвѣтному населенію С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.
Расколъ въ «Интернаціоналѣ» между соціалистами и анархистами (Марксъ и Бакунинъ).
Введеніе всеобщей воинской повинности въ Австріи.

1869.

Открытіе совѣщанія въ Ватиканѣ.
Окончаніе первой тихо-океанской желѣзной дороги (отъ Омаги до Санъ-Франциско).
Открытіе Суэцкаго канала.
Университетскія волненія въ Россіи.
Революціонная организація Нечаева.
Открытіе первыхъ почтовыхъ пароходныхъ сообщеній между Америкой и Австраліей.
Договоръ между Италіей и Швейцаріей о постройкѣ Сенъ-Готтардской желѣзной дороги.
Основаніе нѣмецкой соціалъ-демократической рабочей партіи въ Эйзенахѣ.

Генрикъ Ибсенъ и его «Союзъ молодежи», начинающій собою серію современныхъ общественныхъ драмъ.
Построеніе Менделѣевымъ и Мейеромъ «естественной системы элементовъ» на основаніи атомнаго вѣса.
Кружокъ Чайковскаго въ Петербургѣ.

1870.

Сооруженіе новыхъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ линій Токіо-Іокагама и др. Все протяженіе желѣзнодорожныхъ линій на земномъ шарѣ достигаетъ 207293 километровъ.
Чарльзъ Дилькъ и его брошюра, призывающая къ тѣсному объединенію метрополіи съ колоніями.
Сокращеніе продолжительности переѣзда между Ливерпулемъ и Нью-Іоркомъ до 9 дней.
Окончаніе обсужденія рейхстагомъ Сѣверогерманскаго союза имперскаго уголовнаго уложенія.
Признаніе догмата непогрѣшимости папы на Ватиканскомъ соборѣ.
Окончаніе реформы городского управленія въ Россіи.
При Вейссенбургѣ 4 и Вертѣ 6 августа армія Макъ-Магона была отбита.
Раскопки Шлимана на мѣстѣ древней Трои.
Послѣ ряда сраженій въ окрестностяхъ Меца Базенъ былъ оттѣсненъ и запертъ въ Мецѣ.
Капитуляція императора Наполеона III при Седанѣ (2 сентября).
Провозглашеніе республики «правительствомъ національной обороны» (4 сентября).
Начало обширныхъ изслѣдованій Н. Пржевальскаго въ Центральной Азіи.
Вступленіе итальянскихъ войскъ подъ начальствомъ Кадорны въ Римъ.
Сдача нѣмцамъ Страсбурга (27 сентября), Меца (27 октября); начало бомбардированія Парижа (27 декабря).

1871.

Провозглашеніе Германской имперіи въ Версальскомъ дворцѣ (18 января).
Перемиріе въ силу парижской «конвенціи» отъ 28 января.
Возвращеніе первой нѣмецкой экспедиціи къ сѣверному полюсу.
Конституированіе фракціи центра, основаніе партійнаго органа «Germania».
Господство парижской коммуны (мартъ-май).
Окончаніе 17 апрѣля рейхстагомъ третьяго чтенія конституціи германской имперіи.
Составленіе композиторомъ Верди по предложенію египетскаго хедива оперы «Аида».
Франкфуртскій миръ (10 мая).
Воздержаніе нѣмцевъ отъ участія въ австрійскомъ рейхсратѣ и чешскомъ ландтагѣ.
Отклоненіе императоромъ Францемъ-Іосифомъ чешскихъ основныхъ параграфовъ. Паденіе кабинета Гогенварта. Новое министерство: Ауэрспергъ—министръ президентъ; Андраши—министръ иностранныхъ дѣлъ.
Съѣздъ старокатоликовъ въ Мюнхенѣ и ихъ программа реформъ.

1872.

Адальбертъ Фалькъ—прусскій министръ исповѣданій.
Принятіе прусской палатой депутатовъ закона о надзорѣ за школьнымъ образованіемъ.
Образованіе товарищества передвижныхъ выставокъ въ Россіи.
Выступленіе австрійской экспедиціи къ сѣверному полюсу подъ руководительствомъ Пайера и Вейпрехта.
Заявленіе Бисмарка въ рейхстагѣ (14 мая): «Въ Каноссу мы не пойдемъ»!
Запрещеніе іезуитскаго ордена въ Германіи.
Дарованіе конституціи Капланду.
Образованіе партіи гомруля подъ руководствомъ Исаака Бутта.
Введеніе всеобщей воинской повинности во Франціи.
Реорганизація японской арміи по прусскому образцу.
Правовая санкція союзомъ трехъ императоровъ положенія, созданнаго Франкфуртскимъ миромъ.

1873.

Аннексія Россіей Хивы и Бухары.
Введеніе прямыхъ выборовъ въ австрійскій рейхсратъ.
Холера и крупный крахъ во время всемірной выставки въ Вѣнѣ.
Dominion of Canada охватываетъ всѣ британскія владѣнія въ Сѣверной Америкѣ, за исключеніемъ Ньюфаундленда.
Обнародованіе «майскихъ законовъ» въ Государственномъ Указателѣ отъ 15 мая.
Отставка президента А. Тьера (23 мая
Кульминаціонный пунктъ въ развитіи монархической агитаціи во Франціи; сліяніе Бурбоновъ и Орлеановъ.
Открытіе Фогелемъ принципа цвѣтной фотографіи.
Оставленіе послѣдними нѣмецкими войсками французской территоріи послѣ уплаты военной контрибуціи.
Выраженіе «Kulturkampf», употребленное Вирховымъ въ одной избирательной программѣ.
Военный судъ надъ маршаломъ Базеномъ.

1874.

Подавленіе Англіей возстанія ашантіевъ.
Принятіе рейхстагомъ 20 апрѣля septennata.
Устройство всемірнаго почтоваго Союза докторомъ Стефаномъ.

Заключеніе, по порученію германской имперіи, Эрнстомъ Курціусомъ договора съ греческимъ правительствомъ о раскопкахъ въ Олимпіи.
Уничтоженіе австрійскаго конкордата; церковные законы Штросмайра.
Введеніе всеобщей воинской повинности въ Россіи.
Знаменитыя выступленія Генри Ирвинга въ шекспировскихъ роляхъ.

1875.

Кульминаціонная точка въ развитіи культуркампфа. Энциклика противъ майскихъ законовъ.
Призракъ войны между Германіей и Франціей (въ мартѣ).
Заключеніе международной метрической конвенціи, обезпечивающей единство системы мѣръ.
Объединеніе марксистовъ и лассальянцевъ въ Готѣ въ одну соціалистическую рабочую партію.
Пріобрѣтеніе Англіей у вице-короля Измаила египетскихъ акцій Суэцкаго канала.
Введеніе во Франціи всеобщаго избирательнаго права посредствомъ «органическихъ законовъ».
Окончаніе дѣятельности французскаго Національнаго Собранія.
Возстаніе въ Герцеговинѣ.
Возвращеніе Бурбоновъ въ Испанію.
Отреченіе Абдулъ-Меджида и провозглашеніе султаномъ Мурада V.
Джузеппе Фіорелли руководитъ планомѣрными раскопками Помпеи.
Опера «Демонъ» Рубинштейна.

1876.

Провозглашеніе королевы Англіи императрицей Индіи.
Введеніе пневматической почты въ Берлинѣ.
Начало распространенія японскаго вліянія на Корею.
Прибытіе въ Европу перваго китайскаго посольства.
Болгарскіе ужасы. Сербо-турецкая война. Вступленіе во власть Абдулъ-Гамида II. Первая турецкая конституція.
Открытіе Байрейтскаго театра постановкой «Кольца Нибелунговъ».
Передача Портѣ русскаго ультиматума (31 октября).

1877.

Вторженіе русскихъ въ Дунайскія княжества. Князь Карлъ румынскій объявляетъ о своей независимости.
Изслѣдованіе Стэнли чернаго материка разрѣшаетъ вопросъ о Конго.
Въ сраженіяхъ у шипкинскаго прохода (августъ—сентябрь) турки были отброшены назадъ. Капитуляція Османа-паши у Плевны (10 декабря).
Первый гигантскій промышленный трестъ въ Сѣверной Америкѣ.
Изобрѣтеніе электрической свѣчи Яблочковымъ.

1878.

Покушеніе Вѣры Засуличъ на жизнь Трепова открываетъ собою серію террористическихъ актовъ въ Россіи.
Объявленіе независимости Сербіи, Румыніи и Черногоріи и вассальной зависимости Болгаріи въ силу прелиминарнаго договора въ Санъ-Стефано.
Открытіе Бейеромъ способа искусственнаго приготовленія индиго.
Распущеніе рейхстага послѣ покушенія Геделя и Нобилинга на императора Вильгельма I. Консервативно-клерикальное большинство послѣ новыхъ выборовъ; принятіе закона противъ соціалистовъ (18 октября).
Вступленіе на папскій престолъ послѣ смерти Пія IX кардинала Печчи подъ именемъ Льва XIII.
Ирредентисты оффиціально организуются въ Римѣ въ политическую партію.
Засѣданія Берлинскаго конгресса.
Основаніе придворнымъ проповѣдникомъ Штеккеромъ христіанско-рабочей партіи.
Оккупація австрійскими войсками Босніи и Герцеговины.

1879.

Отставка президента Макъ-Магона.
Избраніе Александра Баттенбергскаго на болгарскій княжескій престолъ.
Переходъ Бисмарка на сторону протекціонизма и соглашеніе съ центромъ.
Новое усиленіе движенія въ пользу гомруля подъ вліяніемъ основанной Парнеллемъ земельной лиги.
Появленіе примирительнаго министерства гр. Таафе послѣ отставки Ауэрсперга.
Заключеніе тайнаго австро-нѣмецкаго союзнаго договора.
18 іюля судно «Вега» обогнуло Восточный мысъ, Норденшельдъ установилъ существованіе сѣверо-восточнаго прохода.
Открытіе имперскаго суда въ Лейпцигѣ (1 октября). Вступленіе въ силу на пространствѣ всей имперіи новыхъ судебныхъ законовъ.
Воронежскій и Липецкій революціонные съѣзды и основаніе партій «Народная Воля» и «Черный Передѣлъ».

1880.

Пріобрѣтеніе Франціей территоріи у Конго.
Смягченіе майскихъ законовъ.
Усиленіе младочешской партіи въ Богеміи.
Основаніе нѣмецкой антисемитской лиги.

Сименсъ и Гальске строятъ первый электрическій трамвай въ Гроссъ-Лихтерфельде.
Лорисъ-Меликовъ и «диктатура сердца».

1881.

Протекторатъ Франціи надъ Тунисомъ.
Убійство Александра II.
Вступленіе на престолъ Александра III и начало реакціи.
Пораженіе англійскихъ войскъ въ Южной Африкѣ. Пріобрѣтеніе независимости Южно-африканской республикой.
Англо-афганская война и окончаніе ея съ завоеваніемъ лордомъ Робертсомъ Кандагара.
Введеніе въ Россіи положенія объ усиленной охранѣ.
Изобрѣтеніе Мейзенбахомъ въ Мюнхенѣ автотипіи.
Побѣдоносное окончаніе республикой Чили войны съ Перу и Боливіей.
Начало работъ, предпринятое акціонернымъ французскимъ обществомъ на Панамскомъ каналѣ.
Императорское посланіе рейхстагу отъ 17 ноября о проведеніи новыхъ мѣръ соціальнаго законодательства.
Изданіе Францомъ Листомъ и Доховымъ «Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft».

1882.

Агитація генерала Скобелева въ пользу франко-русскаго союза.
Введеніе во Франціи Жюлемъ Ферри всеобщаго и обязательнаго обученія.
Начало распространенія итальянскаго вліянія на Красномъ морѣ.
Учрежденіе чешскаго университета въ Прагѣ.
Открытіе Робертомъ Кохомъ бациллы чахотки.
Путешествіе маркиза Ито по Сѣверной Америкѣ и Европѣ съ цѣлью изученія современныхъ конституцій.
Первое исполненіе Парсифаля.
Запрещеніе Сѣв.-Американскими Штатами иммиграціи китайцевъ.
Открытіе С.-Готтардской желѣзной дороги.
Эдисонъ создаетъ первыя приспособленія для электрическаго освѣщенія Нью-Іорка.

1883.

Пріобрѣтеніе Франціей Тонкина и Аннама.
Заключеніе тройственнаго союза.
Фридрихъ Ницше начинаетъ свою книгу «Заратустра».
Принятіе германскимъ рейхстагомъ закона о страхованіи рабочихъ противъ болѣзни.
Актъ о гражданской службѣ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, устанавливающій образовательный цензъ и сдачу экзамена для лицъ, желающихъ занять службу въ какой-либо изъ отраслей управленія.
Начало возстанія махди Мохаммеда-Ахмеда.

1884.

Учрежденіе нѣмецкаго протектората въ юго-западной Африкѣ.
Водруженіе Густавомъ Нахтигалемъ германскаго флага въ Того и Камерунѣ.
Распространеніе нѣмецкаго вліянія на Новую Гвинею и Архипелагъ Бисмарка.
Охлажденіе отношеній между Германіей и Англіей вслѣдствіе колоніальныхъ столкновеній.
Начало системы руссифицированія Остзейскихъ провинцій.
Сближеніе между Германіей и Россіей; свиданіе трехъ императоровъ въ Скерневицахъ.
Назначеніе Софіи Ковалевской профессоромъ въ стокгольмскомъ университетѣ: первая въ Европѣ женщина-профессоръ.
Установленіе границъ и нейтралитета государства Конго на конференціи въ Берлинѣ подъ предсѣдательствомъ Бисмарка.
Новый русскій университетскій уставъ.

1885.

Смерть генерала Гордона въ Хартумѣ.
Пораженіе, нанесенное китайцами французскимъ войскамъ при Лангсонѣ.
Паденіе министерства Ферри.
Изслѣдованія Пастера о лѣченіи бѣшенства.
Подчиненіе пріобрѣтенной Петерсомъ области въ восточной Африкѣ верховному господству Германской имперіи.
Изобрѣтеніе бензиновыхъ автомобилей.
Начало прусской антипольской политики.
Проведеніе маркизомъ Салисбери черезъ обѣ палаты избирательной реформы вскорѣ послѣ отставки ея иниціатора—Гладстона.
Заключеніе мира между Франціей и Китаемъ.—Клемансо становится во главѣ крайней лѣвой.
Англо-русское соглашеніе о сѣверной границѣ Афганистана.
Изобрѣтеніе Ауэромъ газокалильнаго свѣта.
Объединеніе Восточной Румеліи съ Болгаріей. Сербо-болгарская война.
Установленіе французскаго протектората надъ Мадагаскаромъ.
Шару Крэбсъ-Ренара, первому изъ воздушныхъ шаровъ, удается возвратиться на то мѣсто, изъ котораго былъ совершенъ полетъ.

1886.

Начало движенія въ Австраліи въ пользу установленія федеративнаго государства.
Буланже—французскій военный министръ.
Аннексія Англіей Бирмы.
Международное обезпеченіе правъ авторской собственности Бернскою конференціею.
Военный мятежъ въ Болгаріи; изгнаніе князя Александра.

Начало работъ по сооруженію сибирскаго желѣзнодорожнаго пути.
Разработка вопроса по сооруженію подводныхъ лодокъ, предпринятая инженерами Губе и Цедэ по порученію французскаго морского министерства.

1887.

Конецъ культуркампфа.
Усиленіе идеи реванша во Франціи въ связи съ «дѣломъ Шнебеле».
Учрежденіе Антуаномъ Théâtre libre.
Избраніе болгарскимъ народнымъ собраніемъ принца Фердинанда Кобургскаго княземъ Болгаріи.
Договоръ Бисмарка съ Россіей о «взаимномъ перестрахованіи».
Франческо Криспи—во главѣ итальянскаго правительства.
Ограниченіе судебной гласности въ Россіи.

1888.

Введеніе во французскую армію бездымнаго пороха.
Слова, произнесенныя Бисмаркомъ въ рейхстагѣ (6 февраля): «Мы, нѣмцы, не боимся никого, кромѣ Бога».
Салисбери устанавливаетъ норму для англійскаго флота: онъ долженъ равняться силѣ двухъ флотовъ любыхъ державъ.
Переходъ Нансена на лыжахъ поперекъ Гренландіи.
Смерть императора Фридриха III (15 іюня) послѣ 98-дневнаго правленія.
Окончательное присоединеніе Гамбурга и Бремена къ таможенному союзу съ Германіей.
Полученіе Нѣмецкимъ банкомъ согласія на постройку Анатолійской желѣзной дороги.

1889.

Провозглашеніе японской конституціи (11 февраля).
Крахъ Панамской компаніи.
Низложеніе императора Педро II и учрежденіе Бразильской республики.
Введеніе въ Россіи института земскихъ начальниковъ.
Вступленіе во власть руссофильской партіи послѣ отреченія сербскаго короля Милана.
Паденіе Буланже. Постройка къ открытію четвертой всемірной выставки въ Парижѣ Эйфелевой башни, какъ самаго высокаго въ мірѣ сооруженія.
Учрежденіе Сесилемъ Родсомъ Британской Южно-африканской компаніи.
Уменьшеніе круга дѣйствій суда присяжныхъ въ Россіи.
Принятіе рейхстагомъ закона о страхованіи отъ инвалидности и старости.
Первая мюнхенская выставка сецессіонистовъ.
Берлинская конференція объ островахъ Самоа и установленный ею родъ кондоминіума Германіи, Англіи и Америки на этихъ островахъ.
Подавленіе маіоромъ Висманомъ возстанія племени бушири въ нѣмецкой восточной Африкѣ.
Появленіе на сценѣ драматическихъ произведеній натуралистическаго направленія Арно Гольца и Гергардта Гауптмана, благодаря открытію въ Берлинѣ «Свободнаго народнаго театра».

1890.

Постановленіе, принятое панамериканскимъ конгрессомъ объ учрежденіи бюро американскихъ республикъ.
Подача Бисмаркомъ просьбы объ отставкѣ (18 марта).
Засѣданіе международной рабочей конференціи въ Берлинѣ.
Установленіе новыхъ методовъ историческаго изслѣдованія въ «Нѣмецкой исторіи» Карла Лампрехта.
Англо-германское соглашеніе о разграниченіи сферъ взаимныхъ интересовъ въ восточной Африкѣ; германская имперія обмѣниваетъ Гельголандъ на Занзибаръ.
Переходъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ къ системѣ крайняго протекціонизма послѣ принятія билля Макъ-Киплея.
Канцлерство Каприви и вступленіе Германіи на путь торговыхъ договоровъ.
Истеченіе срока закона противъ соціалистовъ.

1891.

Усиливающееся сближеніе между Франціей и Россіей.
Энциклика «Rerum novarum» и попытка борьбы съ соціализмомъ путемъ развитія христіанскаго рабочаго движенія.
Опыты передачи электрической энергіи между Франкфуртомъ и Лауфеномъ на Неккарѣ, въ связи съ франкфуртской электрической выставкой.
Усиленіе протекціонизма въ Россіи.

1892.

Введеніе золотой валюты въ Австріи.
Открытіе Берингомъ дифтеритной сыворотки.
Панамскій процессъ—расхищеніе $1^1/_2$ милліардовъ изъ національнаго достоянія Франціи.
Введеніе нѣмецкимъ торговымъ законодательствомъ «Обществъ съ ограниченной отвѣтственностью».
Полученіе высшихъ степеней нагрѣванія при помощи печи, изобрѣтенной Анри Муассаномъ.
Экспериментальное подтвержденіе Генрихомъ Герцемъ теоріи Максвелля объ отношеніяхъ между свѣтомъ и электричествомъ.
Начало работъ гр. Цеппелина надъ сооруженіемъ управляемаго летательнаго аппарата.

1893.

Всемірная выставка въ Чикаго.
Забастовка 280000 доковыхъ рабочихъ и рудокоповъ въ Англіи.
Введеніе въ Германіи двухлѣтней военной службы по новому военному закону.
Паденіе министерства Джіолитти въ связи со скандальнымъ процессомъ Banca Romana.

1894.

Окончаніе опытовъ съ ирландскимъ гомрулемъ послѣ паденія четвертаго министерства Гладстона.
Предложеніе Каница о превращеніи хлѣбной торговли въ государственную монополію.
Введеніе множественныхъ вотумовъ въ избирательную систему Бельгіи.
Убійство президента Карно.
Попытка папы Льва XIII на противоневольническомъ конгрессѣ въ Римѣ объединить римскую и греко-восточную церкви.
Китайско-японская война. Побѣда японцевъ при Пень-Ньянѣ (14 сентября) и завоеваніе ими Портъ-Артура (10 ноября).
Смерть Александра III.
Англо-русское соглашеніе по вопросу о Памирѣ.
Осужденіе капитана Дрейфуса къ разжалованію и пожизненной ссылкѣ въ Кайенну.

1895.

Протестъ великихъ державъ противъ турецкаго правительства по поводу армянской рѣзни.
Окончаніе китайско-японской войны и миръ въ Симоносеки.
Открытіе сѣверо-восточнаго канала.
Начало возстанія на о. Кубѣ.
Полярный рекордъ Фритьофа Нансена, достигшаго 86,4° сѣверной широты.
Вступленіе Чэмберлэна въ качествѣ министра колоній въ составъ второго министерства Салисбери.
Французское вліяніе въ западной Африкѣ.
Открытіе Рентгеномъ X-лучей.
Набѣгъ д-ра Джемсона съ отрядомъ въ 800 человѣкъ на южно-африканскую республику.

1896.

Пораженіе генерала Баратьери при Адуѣ и паденіе министерства Криспи.
Примиреніе Фердинанда Болгарскаго съ Россіей, утвержденіе его Турціей и признаніе его великими державами.
Нахожденіе золота въ Аляскѣ.
Торжество возстановленія Олимпійскихъ игръ въ Аѳинахъ.
Возстаніе грековъ на Критѣ.
Пограничный конфликтъ между Венецуэлой и Британской Гвіаной.
Объявленіе Мадагаскара французской колоніей.

1897.

Греко-турецкая война; сраженія при Грибовѣ и Домокосѣ.
Посѣщеніе Россіи Феликсомъ Форомъ и офиціальное объявленіе о двойственномъ союзѣ.
Первая телеграмма Маркони по безпроволочному телеграфу черезъ Бристольскій каналъ.
Постановленія о языкахъ, изданныя Бадени, и высшая степень напряженія національной борьбы въ Австріи.
Попытка Андрэ достичь сѣвернаго полюса на воздушномъ шарѣ.
Объявленіе автономіи Крита по Константинопольскому миру.

1898.

«J'accuse» Золя 13 января и начало кампаніи въ пользу Дрейфуса.
Пріобрѣтеніе Россіей не замерзающаго порта Портъ-Артуръ.
Объявленіе войны Испаніи Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами.
Уничтоженіе адмираломъ Девеемъ испанскаго флота въ Манильской бухтѣ.
Занятіе Германіей Кіао-Чоу и пріобрѣтеніе Россіей, Франціей и Англіей территорій въ Китаѣ на основаніи заключенныхъ съ нимъ арендныхъ договоровъ.
Рѣшительное пораженіе испанцевъ въ морскомъ сраженіи при Сантъ-Яго.
Смерть князя Бисмарка (30 іюля).
Посланіе императора Николая II ко всѣмъ цивилизованнымъ государствамъ о всеобщемъ разоруженіи.
Побѣда лорда Китченера надъ калифомъ Абдуллахомъ при Омдерманѣ.
Убійство императрицы Елизаветы австрійской въ Женевѣ.
Постановленіе норвежскаго стортинга о введеніи особаго флага безъ знака уніи.
Вынужденное вмѣшательствомъ Англіи удаленіе капитана Маршана съ территоріи Бѣлаго Нила.
Парижскій миръ и конецъ испанскаго колоніальнаго могущества.

1899.

Первая международная конференція о мирѣ въ Гаагѣ.
Англо-французскій договоръ объ урегулированіи границъ областей Конго и Нила.
Возобновленіе процесса Дрейфуса въ военномъ судѣ въ Реннѣ.
Начало южно-африканской войны и пораженіе англичанъ при Магерсфонтейнѣ и Колензо.
Образованіе въ Токіо восточно-азіатскаго культурнаго союза, имѣющаго цѣлью воспрепятствовать распространенію европейскаго вліянія и укрѣплять самостоятельность азіатскихъ націй.

1900.

Пятая всемірная выставка въ Парижѣ.
Вступленіе въ дѣйствіе (1 января) новаго гражданскаго уложенія въ германской имперіи.
Замѣна генерала Буллера на посту главнокомандующаго, послѣ его пораженія у Спіонскопа, лордомъ Робертсомъ. Новый оборотъ въ положеніи дѣлъ на театрѣ южно-африканской войны. Сдача генерала Кронье при Паардебергѣ.
Министерство Вальдека-Руссо и проведенный имъ законъ объ ассоціаціяхъ, подчиняющій религіозныя общества контролю государства.
Заемъ Персіи у Россіи, поставившій ее подъ строгую опеку послѣдней.
Возстаніе боксеровъ въ Китаѣ.
Убійство въ Пекинѣ германскаго посланника Кеттелера (2 іюня).
Убійство анархистомъ итальянскаго короля Гумберта.
Прибытіе къ Пекину освободительной экспедиціи (14 августа).
Бюловъ—канцлеръ германской имперіи.
Отъѣздъ президента Крюгера изъ Южной Африки послѣ ряда неудачъ буровъ.
Преобразованіе союза шести австрійскихъ колоній въ «Commonwealth of Australia».
Ростъ враждебнаго папству движенія въ Австріи.

1901.

Во время англо-бурской войны Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты добились уничтоженія Клейтонъ-Бульверовскаго трактата и исключительнаго для себя права на сооруженіе междуокеаническаго канала.
Смерть королевы Викторіи (26 февраля). Вступленіе на престолъ Эдуарда VII.
Побѣда нѣмецкихъ войскъ у великой китайской стѣны.
Доведеніе линіи сибирской желѣзной дороги до Владивостока.
Подъемъ воздушнаго шара общества поощренія воздухоплаванія, подъ управленіемъ Берсона и Зюринга на высоту 10800 метровъ—крайняго предѣла, до какого удавалось до тѣхъ поръ подняться человѣку.
Убійство президента Макъ-Кинлея.
Подписаніе протоколовъ о мирѣ съ Китаемъ (7 сентября).

1902.

Обнародованіе англо-японскаго союза.
Второй панамериканскій конгрессъ въ Мексикѣ.
Усиленіе лѣвыхъ республиканцевъ во Франціи. Антиклерикальное министерство Комба.
Уничтоженіе параграфа о диктатурѣ въ Эльзасъ-Лотарингіи.
Заключеніе мира съ бурами (31 мая).
Блокада береговъ Венецуэлы соединеннымъ флотомъ Германіи, Англіи и Франціи.
Установленіе на лондонской конференціи британскихъ колоній мѣръ, благопріятствующихъ развитію торговыхъ сношеній между Англіей и колоніями.
Волненія, вызванныя на Балканскомъ полуостровѣ дѣятельностью македонскихъ четъ.

1903.

Полученіе Соединенными Штатами концессіи на сооруженіе Панамскаго канала отъ Колумбіи, отложившейся отъ республики Панамы.
Военный мятежъ въ Бѣлградѣ и убійство короля Александра Обреновича и супруги его Драги Машинъ.
Начало дипломатическаго обмѣна мнѣній между Россіей и Японіей, касавшагося Кореи и Маньчжуріи.
Смерть папы Льва XIII и вступленіе Пія X на папскій престолъ.
Свиданіе императоровъ въ Мюрцштегѣ и выработка Австріей и Россіей программы реформъ для Македоніи.

1904.

Нападеніе японскихъ миноносцевъ на русскій флотъ у Портъ-Артура въ ночь съ 26 на 27 января.
Открытый разрывъ между папой и французскимъ правительствомъ.
Англо-французскій договоръ о раздѣлѣ сѣверной Африки и «сердечное соглашеніе» между обѣими державами.
Битва при Ялу и оттѣсненіе русскихъ первой японской арміей.
Всемірная выставка въ С.-Луи.
Возстаніе племени герреро въ южной Африкѣ.
Посѣщеніе президентомъ Лубе Рима и франко-итальянское соглашеніе.
Проникновеніе въ Тибетъ англійской экспедиціи подъ начальствомъ полковника Юнгхесбанда.
Открытіе супругами Кюри радія.
Первое крупное пораженіе русскихъ при Ляоянѣ.
Пораженіе русскихъ въ борьбѣ при Шахэ.

1905.

Сдача Портъ-Артура генераломъ Стесселемъ.
Начало русской революціи. Рабочая манифестація 9 января подъ предводительствомъ Гапона.
Шестнадцатидневная битва у Мукдена (февраль-мартъ).
Прибытіе Вильгельма II въ Танжеръ.
Уничтоженіе русскаго флота при Цусимѣ (15 мая).
Объявленіе норвежскимъ стортингомъ о прекращеніи уніи со Швеціей (7 іюня).
Опубликованіе 6 августа «Учрежденія Государственной Думы».
Всеобщая россійская забастовка.

Заключеніе мирнаго договора въ Портсмутѣ. Заключеніе оборонительно-наступательнаго союза между Англіей и Японіей.
Манифестъ 17 октября.
Назначеніе графа Витте предсѣдателемъ совѣта министровъ. Анти-еврейскіе безпорядки. Московское возстаніе. Аграрныя волненія въ Остзейскомъ краѣ.
Проведеніе закона объ отдѣленіи церкви и государства во Франціи черезъ обѣ законодательныя палаты.

1906.

Алжезирасская конференція и установленіе международнаго контроля въ Марокко.
Побѣда либераловъ въ Англіи на общихъ выборахъ и конецъ 10-лѣтняго господства тори.
Францъ Кошутъ, сынъ знаменитаго революціонера 1848 г., министръ габсбургской имперіи.
Открытіе первой русской Государственной Думы 27 апрѣля.
Третій панамериканскій конгрессъ въ Ріо-де-Жанейро.
Созывъ персидскаго парламента (меджилиса).
Верховный комиссаръ Крита, вмѣсто принца Георга, Заимисъ.

1907.

Проведеніе закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ въ Австріи министерствомъ Бека черезъ обѣ палаты рейхсрата.
Роспускъ 2-ой Государственной думы и измѣненіе избирательнаго закона.
Смерть персидскаго шаха Музафферъ-Эдина.
Побѣда консервативно-либеральнаго блока на выборахъ въ германской имперіи.
Договоръ между Англіей и Россіей объ урегулированіи взаимныхъ отношеній въ Азіи.

1908.

Убійство португальскаго короля Карлоса и наслѣднаго принца.
Международныя осложненія на Балканахъ вслѣдствіе проектированной Австріей желѣзнодорожной линіи Сараево-Салоники.
Предложеніе сэра Грея объ измѣненіи мюрцштегской программы.
Свиданіе въ Ревелѣ монарховъ Англіи и Россіи.
Двѣнадцатичасовой воздушный полетъ гр. Цеппелина и торжество идеи управляемаго летательнаго аппарата.
Младотурецкое движеніе и вынужденное имъ у султана дарованіе конституціи.
Возстановленіе первой турецкой конституціи.
Конституціонный кабинетъ Кіамиля-паши.
Разгонъ меджилиса въ правленіе Мохаммеда-Али, принесшаго присягу въ вѣрности конституціи.
Побѣда Мулай-Гафида надъ Абдулъ-Азисомъ въ Марокко.
Принятіе княземъ Фердинандомъ царскаго титула.
Аннексія Австро-Венгріей Босніи и Герцеговины.
Стремленіе критянъ къ присоединенію острова къ Греціи.
Недовольство въ Сербіи.
Открытіе турецкаго парламента.

1909.

Франко-германскій договоръ о Марокко.
Признаніе Россіей аннексіи Босніи и Герцеговины.
Низложеніе Абдулъ-Гамида.
Вступленіе на турецкій престолъ Мохаммеда V.
Отреченіе шаха Мохаммеда-Али отъ престола.
Вступленіе на престолъ Ахмеда-Мирзы.
Безпорядки въ Испаніи.
Отставка канцлера Бюлова.
Паденіе министерства Клемансо.
Волненія въ Греціи.
Борьба министерства Асквита съ верхней палатой изъ-за бюджета.
Смерть бельгійскаго короля Леопольда II.
Отставка венгерскаго министерства Векерле.
Распущеніе палаты общинъ.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Абаза, министръ 424, 425.
Аббей, художникъ 704.
Абель, баварскій министръ 71.
Абдулъ-Азисъ, турецкій султанъ 402.
Абдулъ-Азисъ, марокккскій султанъ 524.
Абдулъ-Гамидъ II, султанъ турецкій 402, 436, 455, 526, 527, 531, 532.
Абдурахманъ, эмиръ афганистанскій 413, 441.
Абдъ-ель-Кадеръ, эмиръ кабильскій 87.
Агвинальдо, вождь филиппинскихъ повстанцевъ 507, 508.
Адамсъ, Джонъ-Квинси 639, 662.
Азедъ-Эль-Мулька 521.
Азельо, д' 98, 160.
Айвазовскій, И. К. 304.
Айубъ-ханъ 413.
Аксаковъ Ив., славянофилъ 378, 379, 424.
Аксаковъ К., славянофилъ 376.
Александръ I, 13, 14, 15, 19, 22, 23, 41—44.
Александръ II, 167, 172, 188, 190, 197, 201, 210, 286, 288, 304, 305, 312, 379, 381, 386, 387, 389, 390, 392, 399, 402—409, 414, 415, 421, 422.
Александръ III, 423—427, 429—431, 441, 455—460, 475, 484.
Александръ Баттенбергскій, князь болгарскій 410, 454—457, 464.
Александръ, король Сербіи 525.
Александръ, принцъ гессенскій 214.
Альбертъ, принцъ Саксенъ-Кобургскій, супругъ англійской королевы Викторіи 73, 124, 169, 172, 193.
Альберъ, рабочій, членъ временнаго правительства 109, 147.
Альбрехтъ, эрцгерцогъ австрійскій 214, 215.
Альфонсъ XII 352.
Амедей Аостскій, король испанскій 351.
Амперъ 58.
Ангулемскій, герцогъ 19, 26, 60.
Андерсенъ, Гансъ-Христіанъ 288.
Андраши, венгерскій государственный дѣятель 217, 344, 401, 406, 410, 414.
Андріанъ, баронъ 90.
Андрэ, генералъ, французскій военный министръ 545.
Анжеръ, Давидъ, д' 54.
Антокольскій М. М. 305.
Анфантенъ 80.
Араго, химикъ 58.
Араго, французскій политическій дѣятель 106, 147.
Араби-бей 438.
Аракчеевъ 43.
Аркрайтъ 661.
Арнимъ-Бойценбургъ 121.
Арнимъ, графъ, политическій дѣятель 238.
Арно Сентъ, маршалъ 166, 167.
Артуа, графъ, д' 23, 26.
Арчеръ, президентъ 693.
Асквитъ, англійскій государственный дѣятель 537, 539.
Асси, революціонеръ 236.
Ауэрсвальдъ, генералъ 144.
Ауэрспергъ, Адольфъ 344, 345, 416.
Ауэрспергъ, Карлъ, министръ 343.
Ахенбахъ, Освальдъ, живописецъ 301.
Ахмедъ-Мирза, шахъ персидскій 521.

Бадени, графъ 557, 558.
Базенъ, маршалъ 204, 205, 228, 232, 316.
Байронъ, лордъ, англійскій поэтъ 22, 29, 31, 52.
Бакгюйзенъ 302.
Бакунинъ, Михаилъ 269, 376, 417.
Балтиморъ, лордъ 602, 603.
Бальбо, графъ 98.
Банкрофтъ, историкъ 670.
Бараге-д'Илье 167.
Барбесъ 148, 165.
Барнато 482.
Барри, Чарльзъ, архитекторъ 303.
Барро, Одилонъ 108.
Барятинскій, князь, генералъ 176.
Васинъ, П, живописецъ 303, 304.
Бастьенъ Лепажъ 297.
Бауэръ, Бруно 81, 274, 275.
Бахъ, Н. Р., скульпторъ 305.
Бебель, Августъ 273.
Бегасъ 302.
Бееръ 482.
Бейстъ, министръ 154, 156, 207, 212, 220, 223, 225, 228, 242, 247, 248, 344.
Бекератъ, депутатъ 145.
Бёклинъ, Арнольдъ 300, 301.
Бекъ, баронъ, фонъ, министръ 559.
Бёкъ, филологъ 56.
Беллини 53.
Бельграно 729.
Белькреди, министръ 171, 208.

Бенедекъ, генералъ 188, 213—215, 220.
Бенедетти, графъ, французскій дипломатъ 216, 217, 224, 226.
Беннигсенъ, ганноверскій министръ 153.
Беннигсенъ Рудольфъ 211, 327, 333.
Бентамъ, Іеремія, англійскій писатель 30.
Беранже 51.
Бересфордъ, генералъ 16, 717, 718.
Берліозъ, Гекторъ, композиторъ 136, 306.
Берне, Людвигъ 79, 291.
Бернъ-Джонсъ, живописецъ 298, 299.
Беррійская герцогиня 104.
Беррійскій, герцогъ 26, 27, 62.
Берцеліусъ 58.
Бессель 57.
Бетманъ-Гольвегъ, Теобальдъ, фонъ 554.
Бетховенъ 53.
Биконсфильдъ, см. Дизраэли.
Бирхъ-Пфейферъ 294.
Бисмаркъ 2, 122, 166, 191, 194—197, 199 202, 206—213, 216, 217, 219, 220, 223, 226, 228, 230, 231, 233, 234, 238, 241, 245, 247, 248, 250, 252, 253, 311—313, 323, 326, 328, 329, 331, 341, 369, 372, 403, 408, 414, 415, 434, 441—445, 448, 458, 461, 463—471, 473—475, 548.
Биттенфельдъ, Гервартъ, генералъ 202, 214.
Бичеръ-Стоу, Гарріэтъ 666, 673.
Биша 58.
Бланкенбургъ 227.
Бланки 148, 235, 236.
Бланки, Ж.-А., экономистъ 256.
Бланко, Антоніо 739.
Бланъ, Луи 80, 106, 108, 109, 147, 148, 272, 586.
Блюме, графъ 207.
Блюменбахъ 279.
Блюменталь, генералъ 227.
Блюмъ, Робертъ, нѣмецкій республиканецъ 124, 125, 141, 144, 145.
Богдановичъ, губернаторъ 570.
Боголѣповъ, министръ 569.
Боденштедтъ 293. 294.
Бодлэръ, Шарль 284, 297.
Бойенъ, генералъ 193, 202.
Бойкотъ 449.
Бокль 274.
Боливаръ, Симонъ 721, 723, 725, 727, 729, 730—732.
Бональдъ, Луи, французскій писатель 27, 50, 82.
Бонапартъ, Іосифъ 719, 721.
Бонеръ, Роза 297.
Бонинъ, военный министръ 193, 214.
Боннъ 56.
Бордосскій герцогъ 61, 62.
Боттичелли 298.
Брай, графъ 250.
Брайантъ, поэтъ 641.
Брайтъ 58.
Бракелеръ 299.
Бранденбургъ, графъ 145, 155.
Брентано 48.
Бриссонъ, политическій дѣятель 459.
Бріанъ, Аристидъ, министръ 548.
Бріанъ, генералъ 232.
Брольи, герцогъ 61.
Броунъ, Вильямъ, живописецъ 299.
Бруни, Ѳ. А., живописецъ 303, 304.
Бруссэ 58.
Брюлловъ, К. П., живописецъ 303, 304.
Буальде 53.
Буассерэ 47, 55.
Бугеро 295.
Будденброкъ 228.
Буланже, генералъ 459, 460, 462, 484, 543.
Буллеръ, генералъ 501.
Бульверъ-Литтонъ, Эдв. Дж., 289.
Булыгинъ, министръ 574.
Бунге, Н. Х. 425, 426, 429, 430, 566.
Бунзенъ, физикъ 259.
Буоль-Шауэнштейнъ, графъ, австрійскій министръ 185.
Бурбаки, генералъ 232.
Буржуа, Леонъ, политическій дѣятель 544.
Бутсъ, Диркъ 297.
Бухананъ, президентъ 675.
Бушири, предводитель арабскихъ работорговцевъ 448.
Бьенвеню-Мартенъ, министръ 546.
Бьернсонъ-Бьернстерне 288, 355.
Бьефе 299.
Бѣлинскій, Виссаріонъ 286, 288, 376, 379.
Бэкеръ 178.
Бэль, Карлъ 58.
Бэръ, К. фонъ 57.
Бюжо, франц. генералъ 87.
Бюловъ-Бернгардтъ, фонъ 548, 554.
Бюффонъ 7.
Бюхнеръ 276, 277.

Вагнеръ, Рихардъ, композиторъ 136, 305, 308.
Вагнеръ, Рудольфъ, физіол. 277.
Ваддингтонъ, министръ 321, 338.
Валуевъ, П. А. 389.
Вальдекъ-Руссо, министръ 544, 545.
Вальдерзее, графъ 513.
Валь, фонъ, генералъ 570.
Ванновскій, генералъ 569.
Ванперсъ, баронъ, живописецъ 299.
Варнбюлеръ 212.
Варнекъ, А., живописецъ 303.
Васильчиковъ, князь 417.
Васнецовъ, В. М. 305.
Вашингтонъ, Букеръ Т. 686.
Вашингтонъ, Джорджъ 605, 611, 620, 623, 625, 631, 633, 660.
Веберъ В., физикъ 58.
Веберъ, К. М., композиторъ 53.
Вебстеръ, Даніель, ораторъ 665.
Вейлеръ, генералъ 506.
Вейлло, публицистъ 219.
Вейсъ 250.
Вейтлингъ 80.
Векерле, Александръ, графъ 555.
Веласкезъ 298.
Вёлеръ, Фридрихъ, химикъ 131, 259.
Велланскій, профессоръ 376.
Веллингтонъ 14, 19, 32, 33, 72.

Велькеръ, депутатъ 141, 145.
Веневитиновы, Д. и А. 376.
Венеціановъ, А. Г., живописецъ 304.
Вердеръ, генералъ 232, 233.
Верди, Джузеппе 305.
Верещагинъ, В. В. 304.
Верне, Горацій 54.
Вернеръ, Захарій 48.
Вессенбергъ, викарій 42.
Вестъ, Веніаминъ, художникъ 630.
Викторія, королева англійская 69, 73, 75, 173, 210, 374, 406, 495, 502.
Викторъ-Эммануилъ, король сардинскій, позднѣе итальянскій 160, 184, 187, 189, 208, 219, 222, 241, 244, 350.
Викторъ-Эммануилъ II 561.
Вильгельмъ I, король Голландіи 63, 64.
Вильгельмъ I, король прусскій, потомъ императоръ германскій 3, 179, 193, 194, 195, 197, 198, 200, 207, 208, 209, 211, 212, 213, 215, 217, 220, 223, 226, 229, 230, 232, 251, 253, 312, 323, 327, 331, 334, 339, 372, 414, 415, 445, 463.
Вильгельмъ II 464, 473, 475, 493, 499, 523, 526, 548, 549, 581.
Вильгельмъ, герцогъ брауншвейгскій 67.
Вильгельмъ IV, король англійскій 33, 173.
Виллель, виконтъ, французскій министръ 26, 27.
Вильсонъ, зять Греви 461.
Вимеркати, графъ 243.
Вимпфенъ, генералъ 230.
Виндгорстъ, вождь католической партіи 337, 467.
Виндишгрецъ, австрійскій генералъ 116, 117, 144, 145, 157.
Виндишгрецъ, австрійскій министръ 557.
Винке, фонъ, депутатъ 141.
Винкельманъ 54.
Винуа, генералъ 233, 236, 237.
Виньи А., де 51.
Вирховъ, Рудольфъ 328.
Висконти-Веноста, министръ 243.
Висманъ, майоръ, 448.
Витте, С. Ю. 430, 517, 565, 567, 573, 576, 579.
Віолэ-Ледюкъ, архитекторъ 303.
Волковъ, живописецъ 304.
Вольдемаръ, принцъ датскій 457, 458.
Вольслей, генералъ 438, 440.
Вольтеръ 375.
Вольфъ, генер. 611.
Вотье 302.
Врангель, графъ 145, 202.
Вукотиновичъ 91.
Вышеградскій, министръ 426, 429, 565.

Габленцъ, фельдмаршалъ-лейтенантъ 201, 202, 214.
Гагернъ, Генрихъ, фонъ, депутатъ 115, 141, 143, 146.
Гагернъ, фонъ, Фридрихъ, генералъ 67, 125.
Гай 91.
Гайнау, фельдцейхмейстеръ 159, 184.
Гаконъ VII, король норвежскій 563.
Галеви, композиторъ 284, 285.
Галле, фонъ 672.
Галлеръ, фонъ, К. Л. 49, 50, 131.
Галлифэ, генералъ 544, 545.
Галль 58.
Гамбетта, Леонъ 218, 221, 230—232, 234, 320, 321, 435.
Гамильтонъ, Александръ 625, 628, 631, 632.
Ганеманъ 59.
Гапонъ, Георгій 572.
Гаргривесъ, изобрѣтатель 661.
Гарденбергъ 42.
Гарибальди, Джузеппе 161, 182, 187, 188, 190, 219, 232, 238, 241, 349.
Гарнье-Пажесъ, старшій 106.
Гарнье, Шарль, архитекторъ 303.
Гаррисонъ, президентъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ 505, 663, 664, 693.
Гартманъ 290.
Гарфильдъ, президентъ 693.
Гассенпфлугъ, министръ 155, 157.
Гауденсъ, скульпторъ 704.
Гауссъ, математикъ 57.
Гауссъ, физикъ 58.
Гауфъ, В., писатель 48.
Гаучъ, баронъ 558, 559.
Ге, Н., живописецъ 305.
Геббель, Ф., нѣмецкій драматургъ 130, 291, 292, 294.
Гебгардтъ, Эдуардъ 302.
Гебенъ, генералъ 232.
Гегель 50, 223.
Геделъ 334.
Геджъ, генералъ 619.
Гей-Люссакъ 58.
Гей, статсъ-секретарь 509, 692.
Гейбель, Эммануэль, нѣмецкій поэтъ 129.
Гейзе 287, 294.
Гейне, Генрихъ, нѣмецкій поэтъ 79, 129, 291.
Гейсъ, президентъ 693.
Геккеръ, нѣмецкій республиканецъ 124, 125.
Гексли, натуралистъ-философъ 279.
Гельвальдъ, Фридрихъ, фонъ 258.
Гельмгольцъ, Германъ 131.
Генель 302.
Генле, медикъ 131.
Генцъ, ф. 48.
Генгстенбергъ 50, 130.
Генри, Патрикъ 615.
Генрихъ V 62.
Георгъ III, король Англіи 29, 614.
Георгъ IV, король Англіи 29, 31, 33, 173, 174.
Георгъ, греческій принцъ 528.
Гервегъ, Георгъ, нѣмецкій поэтъ 95, 126, 129, 291.
Гервинусъ 69, 95, 130, 141.
Гергей, Артуръ 158, 159.
Гердеръ 48, 50
Геркнеръ 255.
Гермесъ, Георгъ, профессоръ 83.
Герресъ, Іосифъ, нѣмецкій писатель 83, 239.
Герфуртъ, мин. 472.

Герценъ, Александръ 78, 286, 288, 376, 386, 387, 388, 390.
Гескиссонъ 31.
Гессъ, фельдцейхмейстеръ 187.
Гете 47, 48, 52, 54.
Гидальго, Мигуэль 725.
Гизо 27, 51, 78, 87, 105, 107, 108.
Гиксъ-паша 438.
Гильбертъ, Гумфрей, англійскій колонизаторъ 599.
Гирсъ, министръ 425, 441.
Гиршъ, политич. дѣятель 271.
Гиршъ, М., баронъ 400, 410.
Гіулай, графъ 186.
Гладстонъ, Эвартъ-Вильямъ 175, 363, 366, 368, 369, 370, 413, 432, 433, 437, 439, 443, 444, 449, 453, 478, 480, 481, 494, 588.
Глазуновъ, композиторъ 303.
Глинка, М. И. 308.
Гоббема 302.
Говоне, генералъ 209, 211.
Гогенвартъ, министръ 344.
Гогенлоэ, кардиналъ, Густавъ-Адольфъ 239.
Гогенлоэ, Хлодвигъ, князь 239, 474, 484, 548.
Гогенлоэ, принцъ, австрійскій министръ 559.
Гогенцоллернъ 70, 92, 120.
Гойя-и-Лусіентесъ 298.
Головнинъ, министръ 389, 391.
Гольденбергъ 423.
Гольмсъ, поэтъ 670.
Гольцъ, фонъ деръ, графъ, генералъ 221, 228, 526.
Гонеггеръ 285.
Гонкуръ, братья 282, 283.
Гончаровъ, Н. И. 288.
Гордонъ, генералъ 373, 439, 440, 452.
Горемыкинъ, И. Л. 566, 579.
Горчаковъ, князь, русскій государственный дѣятель 197, 388, 406.
Госкье, французскій финансистъ 462.
Госслеръ, фонъ, министръ 471, 472.
Готгельфъ 292, 293.
Готорнъ, поэтъ 670.
Готье, Теофиль 284.
Гофманъ, Амедей, писатель 48, 291.
Гофманъ, фонъ Фаллерслебенъ 95, 129.
Гоццоли 298.
Грагамъ, генералъ 477.
Грамонъ, герцогъ 224, 225, 242.
Грановскій, профессоръ 376.
Грантъ, президентъ, генералъ 679, 693.
Греви, Жюль, президентъ республики 318, 460.
Грегръ, вождь младочеховъ 556.
Грей, сэръ, Эдвардъ 530, 531.
Грей, графъ 72, 73.
Гренвиль, лордъ 443, 614, 616.
Григорій XVI, папа 82, 98, 584.
Грильпарцеръ 48, 291.
Гриммъ, Яковъ 69, 141.
Гриммъ, братья Яковъ и Вильгельмъ 48, 56, 69, 293.
Гротъ, Клаусъ 293.
Грюнъ 291.
Гуанъ-сюй, императоръ китайскій 487.
Гуларъ, депутатъ 238.
Гумбертъ, король Италіи 312, 350, 435, 561.
Гумбольдтъ, Алекс. 57.
Гумбольдтъ, Вильгельмъ 47, 56, 57.
Гуно, Шарль 305.
Гурко, генералъ 404.
Гуцковъ, Карлъ, нѣмецкій писатель 79, 290.
Гэбенъ, генералъ 232.
Гюбнеръ, баронъ, австрійскій посланникъ 185.
Гюго, Викторъ 51, 109, 152, 164, 210, 237, 249, 281, 282, 306.
Гюо 54.

Давидъ Л. 53.
Давыдовъ, профессоръ 376.
Дальвигъ, гессенскій министръ 246.
Дальманъ 67, 69, 70, 130, 131, 141, 143.
Дарбуа, архіепископъ 237.
Дарвинъ 6, 259, 278, 279.
Даргомыжскій 308.
Дау 303.
Деакъ, Францъ 91, 118, 217.
Девей, адмиралъ 507.
Деветъ, генералъ 502.
Девисъ, Джеф. 668.
Деказъ, герцогъ 24, 25, 26.
Делакруа 54, 295, 296.
Деларошъ, Поль, живописецъ 54, 300.
Делеклюзъ, коммунаръ 236, 237.
Деллингеръ, Игнацъ, теологъ 83, 328.
Дельбрюкъ, президентъ имперскаго канцлера 333.
Делькассе, министръ 523.
Деляновъ, министръ 425, 428, 565.
Деннигесъ, Елена 272.
Депретисъ, министръ 349, 350, 435, 560.
Депрэ 296.
Дернбургъ 553.
Деруледъ, политикъ 458, 459.
Дефреггеръ, Францъ 302.
Джаксонъ, генералъ, президентъ 638, 657, 658, 699.
Джемсонъ, докторъ 498, 499, 500.
Джефферсонъ, Томасъ 605, 630, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 660, 663.
Джіолитти, министръ 560, 561.
Джіусти, итальянскій поэтъ 98.
Джоберти, Винченцо 98, 99.
Джонсонъ, президентъ 683.
Дибичъ 45, 46, 66.
Дизраэли, лордъ Биконсфильдъ 269, 367—369, 371, 374, 397, 401, 402, 406, 408, 412, 413, 431, 432, 435, 450, 454, 480.
Диккенсъ, Чарльзъ 289.
Дингельштедтъ 129, 294.
Дицъ, филологъ 56.
Діазъ, Нарцисъ 296.
Діасъ, Порфирій 739.
Добиньи 296.
Добролюбовъ Н. А. 287, 288.
Додэ, Альфонсъ 282, 283.
Дольфусъ, промышленникъ 272.
Домбровскій, коммунаръ 237.

Доницетти 53.
Достоевскій, Ѳ. М. 287, 379.
Дрейфусъ, Альфредъ 544, 545.
Дросте-Вишерингъ, Клементій-Августъ, баронъ 71.
Друэнъ де Люисъ 213.
Дункеръ Ф. 271.
Дурново, И. Н. 565, 566.
Дэви 58.
Дюбрейль 234.
Дюбуа, Поль, скульпторъ 302.
Дюваль, коммунаръ 237.
Дюма-сынъ 284, 285.
Дюпанлу, епископъ 240.
Дюпонъ де л'Эръ членъ временнаго правительства 147.
Дюпрэ, Жюль, французскій живописецъ 296, 297.
Дюфуръ, Вильгельмъ-Генрихъ, швейцарскій генералъ 101.

Евгенія, императрица 151.
Елачичъ, генералъ 119, 144, 184.
Елисѣевъ, публицистъ 419.
Ендогуровъ 304.
Ермоловъ, министръ 566.
Ермоловъ, генералъ 380.

Жервэ, адмиралъ 476.
Жерико 54, 296.
Жирарденъ, французскій публицистъ 105, 170.
Жуберъ, генералъ 499.
Жуковскій, В. А. 381.

Занмисъ, верховный комиссаръ Крита 528.
Занарделли, министръ 3 0, 560, 561.
Зандъ, Жоржъ 106, 128, 273, 282, 285.
Зарянко, С. К., портретистъ 303.
Засуличъ, генералъ 516.
Засуличъ, Вѣра 420.
Зеегеръ, Л., нѣмецкій поэтъ 130.
Зенгеръ, министръ 569.
Зибель, историкъ 25 .
Золя, Эмиль 281, 283, 284, 544.
Зомбартъ, Вернеръ, профессоръ 259, 260.
Зубатовъ, провокаторъ 68.
Зудерманъ, писатель 285.
Зуттеръ, Іоганнъ-Августъ 652.

Ибсенъ, Генрикъ 288, 289, 355.
Ивановъ, А. А. 305.
Игнатьевъ Н., графъ 424, 425.
Игнатьевъ, генералъ 180.
Изабелла, королева испанская 84, 85, 351.
Извольскій, министръ иностранныхъ дѣлъ 531, 533, 53 .
Измаилъ-паша, хедивъ Египетскій 373, 436.
Иннесъ, художникъ 704.
Ипсиланти Александръ 22.
Ирвингъ, Вашингтонъ 641.
Ито, маркизъ 488.
Итурбиде, Августинъ 726, 730, 733, 734.

Іоаннъ, негусъ Абессинскій 448.
Іоаннъ, эрцгерцогъ 119, 141, 142.
Іоганнъ, король Саксонскій 198, 200, 212.
Іоганъ VI, король Португальскій 12, 16, 19, 20, 718, 719.
Іорданъ, Вильгельмъ, нѣмецк. поэтъ 130, 295.

Кабанель, французскій живописецъ 295.
Каботъ, Джованни, путешественникъ 599.
Кабэ, Этьенъ, соціалистъ 106, 148.
Кавеньякъ, генералъ 142, 149—1 2.
Кавуръ 2, 111, 113, 166, 183, 184, 189, 190, 347.
Кадорна, генералъ 243.
Кайроли, министръ 3 0, 435, 560.
Калькреутъ 297.
Каменскій, Ѳ. Ѳ., скульпторъ 30 .
Кампгаузенъ, Лудольфъ, министръ 93, 122, 142, 333.
Каннингъ, Георгъ 20, 21, 31, 32.
Кановасъ дель Кастильо, министръ 352, 506.
Канроберъ, маршалъ 232.
Кантъ 57.
Канцлеръ, генералъ 243.
Каподистрія 21, 22, 45, 46.
Каприви, графъ, Лео, фонъ 469—474, 481.
Каравеловъ 455.
Карагеоргіевичъ, Петръ, король 525, 526.
Каракозовъ, революціонеръ 390.
Кардуччи, Джозуэ 288.
Карлейль, Томасъ 74, 78, 274, 290.
Карлосъ, донъ, испанскій претендентъ 84, 8 , 89, 3 2.
Карлосъ, король португальскій 562.
Карлъ-Альбертъ, король Сардиніи 18, 97, 99, 112, 117, 159.
Карлъ, герцогъ брауншвейгскій 67.
Карлъ X, французскій король 26, 27, 28, 60, 62.
Карлъ, принцъ баварскій 214.
Карлъ, князь, потомъ король румынскій 404, 40 , 407, 410.
Карлъ, король вюртембергскій 246, 249.
Карлъ-Феликсъ, король Сардиніи 18.
Карно, министръ 106, 147, 218.
Карно, президентъ французской республики 319, 476.
Каролина, королева 31.
Карольи, австрійскій посолъ.
Карпо, скульпторъ 302.
Карповичъ, террористъ 569.
Карстексъ, Асмусъ 54.
Картрайтъ, сэръ, посолъ 534.
Кастеляръ, испанскій политикъ 351, 352.
Кастелько, адъютантъ Наполеона III 230.
Кастро, Чипріано 7 1.
Катковъ, М. Н. 376, 387, 388, 390, 424, 425, 428, 460.
Каульбарсъ 454, 457.
Каульбахъ 56, 135.
Каульбахъ, Вильгельмъ 299, 300.
Кауфманъ, генералъ 178, 395, 396.
Кахановъ, М. С. 424.
Кейръ-Гарди, рабочій депутатъ 587.
Келлеръ, Готфридъ, нѣмецкій поэтъ 292, 293, 294.

Кемпбелль-Баннерманъ, англійскій государственный дѣятель 537, 538, 542.
Кеприкъ, епископъ 240.
Керберъ, министръ 558.
Кеттелеръ, баронъ, фонъ 513.
Кіамиль-паша, турецкій государственный дѣятель 531.
Кингслей, Чарльзъ 74, 290.
Кинкель, Готфридъ 78.
Кипренскій, О., живописецъ 303.
Кирхгофъ, ученый 259.
Кирѣевскій, И. В., славянофилъ 376.
Кисилевъ, гр., П. Д. 378.
Китченеръ, генералъ 496, 497, 501.
Кламъ-Галласъ, австрійскій генералъ 187.
Клевлендъ, Гроверъ, президентъ 504, 505, 506, 693.
Клейстъ 291.
Клемансо, Жоржъ 547, 548.
Клингеръ, Максъ 771.
Клодтъ, Н. К., скульпторъ 305.
Клотильда, принцесса 241.
Кобденъ, Ричардъ 74, 76, 106, 173, 365.
Кобеттъ, англійскій публицистъ 31.
Коловратъ, графъ, Францъ Антонъ 89.
Комбъ, министръ 545, 546.
Комура, графъ 517.
Константинъ Николаевичъ, великій князь 421, 424.
Константинъ Павловичъ, великій князь 44, 65, 377.
Консальви, кардиналъ 41, 42.
Констэбль, Дж. 296, 298.
Контъ Огюстъ 130, 280, 284.
Копли, художникъ 630.
Корнеліусъ, Петръ 55, 56, 299, 300.
Коро, Камиллъ 296.
Кохъ, Іосифъ 51.
Коцебу 47.
Кочренъ, адмиралъ 722.
Кочубей 43.
Кошелевъ, славянофилъ 376, 379.
Кошутъ, Людвигъ 91, 116, 118, 157, 159.
Кошутъ, Францъ, политич. дѣятель 555.
Кравчинскій, революціонеръ 420.
Крамской, живописецъ 304.
Кремье, членъ времен. правительства 147.
Кривошеинъ, министръ 565.
Крисманикъ, начальникъ генеральнаго штаба 214.
Криспи, Франческо, министръ 350, 435, 461, 560.
Кронье, генералъ 502.
Крюгеръ, президентъ Трансвааля 433, 493, 499, 502.
Крюднеръ, фонъ, Юлія 14.
Кунъ, Хедервари, графъ, министръ 556.
Куперъ, Фениморъ 290, 641.
Куранда, Игнацъ, депутатъ 184, 203.
Курбэ, художникъ 237, 296, 297, 299, 300.
Куроки, генералъ 516.
Куропаткинъ, 516.
Курье, Поль-Луи, французскій памфлетистъ 27.
Кутюръ, французскій живописецъ 295.
Кэстльри-Лондондерри, маркизъ, англійскій министръ 29, 31.
Кюбекъ, австрійскій государственный дѣятель 90.
Кюи, Цезарь 308.

Лабишъ 284, 285.
Лавалеттъ, маркизъ, де, министръ иностранныхъ дѣлъ 241.
Лавровъ, П. Л. 417.
Лавуазье 58.
Лазаревъ, адмиралъ 380.
Лайэлль 57.
Ламакинъ, генералъ 412.
Ламара, президентъ 731.
Ламаркъ 57.
Ламартинъ, французскій политикъ и поэтъ 51, 106, 108, 109, 129, 130, 147, 148, 150, 281.
Ламбергъ, генералъ 158.
Ламеннэ 50, 80, 82, 106, 239.
Ламорисьеръ, генералъ 152.
Ланге, Фридрихъ-Альбертъ 271, 276, 277, 278.
Лангевичъ, польскій диктаторъ 197.
Ланглуа, полковникъ 236.
Лансерэ, Е. Е., скульпторъ 305.
Лапласъ 57.
Ласкеръ, Эдуардъ 327.
Лассаль, Фердинандъ 270—272, 326, 586.
Лаубе, Генрихъ, нѣмецкій писатель 79, 294.
Лафайетъ 61, 62, 66.
Лафитъ 61.
Лахманъ 56.
Лаэннекъ 58.
Лебефъ, маршалъ 232.
Левитанъ 304.
Левъ X, 25.
Левъ XIII, папа 333, 543, 546, 561, 585.
Леверье 57.
Ледоховскій, архіепископъ 338.
Ледрю-Ролленъ 80, 106, 108, 147, 148, 161, 221.
Леконтъ, генералъ 236.
Лелевель 65.
Ленбахъ Францъ 300.
Ленуаръ, изобрѣтатель 260.
Леонтьевъ, публицистъ, профессоръ 387.
Леопарди, графъ 52.
Леопольдъ, король бельгійскій 445, 522.
Леопольдъ, наслѣдный принцъ Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ 223, 224.
Леопольдъ I, 71.
Леопольдъ Кобургскій 64, 65.
Леръ, Юлій 262.
Лессепсъ, Фердинандъ 178, 264, 373.
Ли, Робертъ, генералъ 605, 677—679, 682.
Либихъ, Ю. 58, 131, 132, 259.
Либкнехтъ, Вильгельмъ 273.
Ливерпуль, лордъ 29.
Ливингстонъ, Давидъ 178.
Линдъ, Дженни, пѣвица 136.
Линевичъ, генералъ 516.
Линкольнъ, Авраамъ 668, 675, 676, 680, 682, 683.

Листъ, Францъ, музыкантъ 53, 136, 308.
Листъ, Фридрихъ, экономистъ 133.
Литтонъ 412.
Литтре, позитивистъ 280.
Лихновскій, князь 144.
Ли-Хунъ-Чжанъ 487, 488, 489.
Ллойдъ-Джоржъ, канцлеръ казначейства 538, 539.
Ломакинъ, генералъ 412.
Лонгфелло, Генри 290, 670.
Лопецъ, Карлосъ-Антоніо 732, 737.
Лопецъ, Франциско-Солано 732.
Лоренсъ 54.
Лорисъ-Меликовъ, графъ 421—424.
Лорнсенъ, Іенсъ, ландфогтъ о-ва Сильта 96.
Лоуэлль, поэтъ 670.
Лубе, президентъ французской республики 319, 546.
Луи-Наполеонъ, позднѣе Наполеонъ III, императоръ французовъ 149—153, 161—163, 165, 167, 169, 170, 176, 178, 182, 183, 185—190, 194—197, 201, 203—206, 208, 210, 211, 213, 215—220, 222, 225—228, 230, 235, 238, 241—245, 270, 284, 313, 316, 738, 739.
Луи-Филиппъ 61—63, 78, 85, 87, 95, 102—105, 107, 108, 110, 146, 150.
Людвигъ, эрцгерцогъ австрійскій 89, 90, 116.
Людвигъ, Отто, писатель 292.
Людвигъ II, король баварскій 225, 248, 252, 253.
Людерицъ, бременскій крупный предприниматель 444.
Людовикъ XVIII 23, 24, 26.
Люцъ, баварскій министръ 329.
Люэгеръ, вѣнскій бургомистръ 557.
Ляховъ, полковникъ 521.

Мавромихалисъ, министръ 564.
Мадзини 78, 79, 97, 98, 100, 111, 182, 197, 242, 266, 270.
Мадиссонъ, Джемсъ, президентъ 605, 625, 637, 660, 663.
Мажанди 58.
Майеръ, Робертъ, физикъ 131.
Макаровъ, Иванъ, портретистъ 303.
Макартъ, Гансъ 300.
Маковскій, живописецъ 304, 305.
Маколей, англійскій историкъ 51, 77, 110, 130.
Максимиліанъ, эрцгерцогъ австрійскій, императоръ Мексики 204, 205, 206, 220, 689, 739.
Максимиліанъ II, король баварскій 153, 200, 245.
Макъ-Кинлей, президентъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ 506, 507, 509, 693, 699.
Макъ-Магонъ, маршалъ 168, 187, 227, 228, 229, 230, 237, 315, 316, 317, 318, 319, 320.
Манасеинъ, министръ 427.
Маннъ, Горасъ 669.
Мантейфель, генералъ 211, 215.
Мантейфель, министръ 156, 201, 233.
Мануэль, король португальскій 562.
Манцони, поэтъ 52.
Манэ, Эдуардъ, живописецъ 295, 296, 297.
Маре, Гансъ, фонъ 300.
Мари 109.
Марія да-Глорія, королева португальская 20, 84.
Марія-Христина, супруга короля Фердинанда VII, королева испанская 84.
Марксъ, Карлъ 4, 81, 149, 266—269, 271, 272, 585, 587.
Мармонъ, маршалъ 60.
Мартемаръ, герцогъ 60.
Мартинецъ-Кампо ъ, генералъ 506.
Мартиньякъ, маркизъ французскій министръ 27, 28.
Маршалъ, Джемсъ, рабочій 652.
Маршанъ, полковникъ 497.
Мати, баденскій государственный дѣятель 95, 115, 125, 141.
Маура, министръ 562.
Махмудъ II, султанъ 86.
Машинъ Драга, королева сербская 525.
Мегеметъ-Али, паша 85—87, 373.
Мезенцевъ 420.
Мейерберъ 53, 305.
Мейсонье, французскій живописецъ 135, 295.
Мелинъ, министръ 544.
Мельхерсъ, архіепископъ 338.
Менабреа, министръ 242.
Менеликъ, негусъ абессинскій 448.
Мендельсонъ-Бартольди, Феликсъ 53, 135.
Мельбурнъ, Вильямъ, лордъ 73.
Мельякъ, композиторъ 284, 285.
Меньшиковъ, генералъ 167, 380.
Менцель, Адольфъ 56, 121, 135, 299, 301.
Менсдорфъ-Пульи, графъ, Александръ 206, 207, 210, 220.
Мерике, писатель 293.
Меродэ, де 64.
Меттернихъ, князь 12, 13, 15, 17, 19, 20, 23, 29, 33, 34, 37, 38, 40, 68, 78, 79, 89, 90, 105, 110, 116, 117, 162.
Меттернихъ, посолъ 233, 225.
Метуенъ, генералъ 501.
Мехій, генералъ 205.
Мигуэль, португальскій претендентъ 20, 84.
Микель, министръ 471, 472.
Миланъ, король сербскій 456, 525.
Милле, Жакъ-Франсуа 135, 296, 297.
Милль, Дж. Ст. 280.
Миллэ, Джонъ-Эверстъ, англійскій живописецъ 54, 299.
Мильеранъ, министръ 544.
Мильнеръ, лордъ 500.
Милютинъ, Н. А. 389, 424, 429.
Мингетти 349.
Минье, Франсуа-Огюстъ, французскій историкъ 27.
Мирамонъ, мексиканскій генералъ 205.
Миранда, генералъ 721.
Мидхадъ-паша 402, 410.
Михайловскій, Н. К. 288.
Мицкевичъ 52, 65.
Мишле, французскій историкъ 130, 274.

Молешотъ 276.
Мольтке, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Гельмутъ 86, 207, 213, 214, 216, 223, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 233.
Моммзенъ, Теодоръ, нѣмецкій историкъ 130, 274.
Монкальмъ, маркизъ 611.
Монпансье, герцогъ 85.
Монроэ, президентъ 3, 20, 21, 203, 503, 504, 605, 689.
Монталамберъ, графъ 150, 239.
Монтанини, 547.
Монтесъ, Лола 95.
Монэ Клодъ, живописецъ 297.
Морзе, Самуэль 135.
Морильо, генералъ 721.
Морни, герцогъ 169.
Моррисъ, Вильямъ 299.
Моръ, Томасъ 52.
Мотлей, историкъ 670.
Мотцъ, фонъ, прусскій министръ финансовъ 39, 68.
Мохаммедъ V, турецкій султанъ 532.
Мохаммедъ-Али-Мирза, шахъ персидскій 520, 521.
Мохаммедъ-Ахмедъ 438, 439, 440.
Музафферъ-Эддинъ 520.
Мулай-Гафидъ, султанъ Марокко 524.
Муньосъ, герцогъ Ріандоресъ, супругъ королевы Маріи-Христины 85.
Муравьевъ, генералъ 391, 394.
Муравьевъ-Амурскій 395.
Муравьевъ, министръ 427.
Мурадъ V, султанъ турецкій 402.
Мусоргскій 308.
Муцухито, микадо японскій 181, 182, 486.
Мюлеръ, Адамъ 48.
Мюлеръ, фонъ, прусскій министръ 329.
Мюллеръ, Іоганнъ 58, 131.
Мюнстеръ, гр., ганноверскій министръ 67.
Мюратъ, принцъ 183.
Мюрже, писатель 282.
Мюссе, Альфредъ, французскій поэтъ 51, 129, 281, 284.
Мѣрославскій, генералъ 162, 197.
Мясоѣдовъ, живописецъ 305.
Мэстръ, де 50, 82, 239.

Надеждинъ, профессоръ 376.
Наполеонъ, принцъ, «Плоплонъ» 241, 243.
Наполеонъ, Жеромъ, принцъ 187.
Нарваесъ, испанскій генералъ 85.
Наталія, королева сербская 525.
Нахтигаль, Густавъ, африканскій путешественникъ 444.
Небогатовъ, адмиралъ 517.
Негели 59.
Некрасовъ, Н. А. 418.
Нечаевъ, революціонеръ 417.
Нибуръ 42, 56, 57.
Нигра 208.
Николай I 44, 63, 86, 88, 144, 154, 155, 158, 163, 164, 166, 167, 172, 285, 288, 305, 377, 378, 379, 381.
Николай II 430, 476, 565, 566, 574.
Николай Николаевичъ, старшій 404, 405, 407, 461, 484.
Николай, баронъ, министръ 425.
Никотера, министръ 350, 360.
Ницше, Фридрихъ 306.
Нобилингъ 334, 335.
Ноги, генералъ 516.
Нортъ 617.

Оберъ 53, 73.
Оболенскій, губернаторъ 570.
О'Бріенъ, вождь ирландскаго народа 175.
Овербекъ, Фридрихъ, живописецъ 55, 300.
Огаревъ, поэтъ и политическій дѣятель 376, 388.
Одоевскій В., литераторъ 376.
Ожье 284, 285.
Ойяма, генералъ 488, 516.
Окенъ, натурфилософъ 376.
О'Коннель 32, 72.
Оливье, Эмиль, министръ 221, 222, 224, 245.
Омъ 58.
Оранскій, принцъ 64.
Орлеанскій, герцогъ 27.
Оксенбейнъ 101.
Орсини, Феличе 183.
Оскаръ, король шведскій и норвежскій 563.
Османъ, сенскій префектъ 221, 303.
Османъ-паша 405.
Оттонъ I, король Греціи 87.
Оуэнъ 80, 149.
Оффенбахъ, музыкантъ 308.
О'Хоггинсъ 722.

Павелъ I 43.
Павловъ, профессоръ 376.
Паллавичино, Джорджо 182.
Пальмерстонъ, графъ 76, 77, 85, 101, 128, 154, 173, 174, 175, 185, 203, 365.
Парижскій, графъ 108, 314, 316.
Паркманъ, Фрэнсисъ, историкъ 670.
Парнелль, вождь ирландцевъ 431, 450, 451, 478.
Паскевичъ, генералъ 45, 66, 158, 166, 380.
Паскье, французскій министръ 25.
Паэцъ, Хозе-Антоніо 731.
Педро I, императоръ Бразиліи 19, 20, 84, 719, 742.
Педро II, императоръ Бразиліи 84, 742.
Пеллу, генералъ 561.
Пеннъ, Вильямъ 603.
Пеппе 17.
Перейра, братья 262.
Перовскій, генералъ 177, 178.
Перовъ, В., живописецъ 305.
Перри 181.
Персиньи, довѣренный Наполеона III 162, 169.
Перье, Казимиръ, французскій политикъ 27, 61, 319.
Петрункевичъ, И. И. 420.
Пи-и-Маргаль 351.
Пикаръ, французскій министръ 234.
Пиллерсдорфъ, австрійскій министръ 117.

Пилоти, Теодоръ 300.
Пиль, Робертъ, англійскій премьеръ-министръ 31, 33, 75, 76, 89.
Питтъ, Вильямъ, младшій 28, 29, 32, 611.
Піа, Феликсъ, коммунаръ 236.
Пій VII, папа 25, 40, 41, 161.
Пій VIII, папа 71.
Пій IX, папа 99, 113, 160, 161, 205, 239, 244, 280, 333, 345, 348, 584.
Пій X 546, 547, 561, 584.
Писаревъ, Д. И. 287, 387.
Писемскій, А. Ф. 288.
Плеве, министръ 567, 570, 571.
Побѣдоносцевъ, оберъ-прокуроръ синода 424, 425, 428, 465, 570.
Погодинъ, профессоръ 376.
Полиньякъ, Жюль, герцогъ 28, 60, 195.
Потэръ, де 64.
Поэ, Эдгаръ 670.
Преллеръ, Фридрихъ 56, 135, 300.
Прескоттъ, историкъ 670.
Примъ, маршалъ 224.
Притвицъ, генералъ 120.
Прокешъ, баронъ 156, 162.
Прудонъ 80, 81.
Прутцъ 129.
Пуйе-Кертье, министръ финансовъ 238.
Путкамеръ 338.
Пушкинъ 52, 287.
Пфицеръ, Поль, нѣмецкій политикъ 67, 94, 141.
Пфордтенъ, фонъ-деръ 155, 207, 212, 245.

Раабе, Вильгельмъ, нѣмецкій юмористъ 292, 293.
Радовицъ, фонъ, генералъ 94, 119, 154, 155, 156.
Радецкій, австрійскій генералъ 100, 112, 113, 117, 159, 160, 161, 184, 187.
Рагланъ, лордъ 167.
Радзивиллъ 653.
Ралли, министръ 564.
Ралэй, Вальтеръ 599.
Ранке 56, 57, 83, 130, 140, 156, 274.
Распайль, ученый и революціонеръ 148.
Рау 265.
Раумеръ, Фридрихъ 56, 141.
Раухъ, Христіанъ 55, 302.
Раушеръ, архіепископъ 240.
Регель, Альфредъ 301.
Рейсъ, Филиппъ, физикъ 260.
Рейхенспергеръ, Августъ 247.
Рейтеръ, Фрицъ 293.
Рейхштадтскій герцогъ 104, 163.
Ремюза 27.
Ренанъ 280.
Рехбергъ, Іоганъ-Бернгардъ, графъ 191, 192, 194, 196, 201, 202, 206.
Решидъ-паша 44.
Рибо, министръ 476.
Рикардо, Давидъ, экономистъ 266.
Рикертъ, политикъ 471.
Римскій-Корсаковъ, Н. А. 308.
Рипадавіа, Хозе 732.
Ристичъ, сербскій государственный дѣятель 525.
Риттеръ, Карлъ 57.
Ритчель, Эрнстъ, скульпторъ 302.
Рифаатъ-паша 528.
Рихтеръ, Евгеній, полит. дѣятель 469, 471.
Рихтеръ, Людвигъ 301.
Ричардсонъ 704.
Риччи, канцлеръ казначействъ 537.
Риччіо, епископъ 240.
Ришелье 14, 24, 25, 26.
Робертсъ, генералъ 412, 413, 501, 502.
Родсъ Сесиль 475, 476, 482, 483, 499.
Рожественскій, адмиралъ 517.
Розасъ, Хозе-Мануэль 733, 735, 737.
Розбери, лордъ 453, 481, 482, 489, 494.
Роззегеръ 288.
Рокфеллеръ 704.
Рольфсъ 179.
Роонъ, генералъ, Альбрехъ, 193, 194, 223, 225, 227, 233.
Россетти, Данте-Габріэль 298, 299.
Россини 53.
Россель, лордъ 76, 174.
Роттекъ, Карлъ, историкъ 48, 70.
Рошеръ 80.
Рошфоръ, французскій памфлетистъ 218.
Рубинштейнъ, А. Г. 308.
Рувье, государственный дѣятель 460, 546, 547.
Руге, Арнольдъ 277.
Рудини, Маркизъ 560, 561.
Рудъ 54.
Рузвельтъ, Теодоръ 509, 510, 518, 590, 691, 693, 694, 701.
Руссо 49, 54.
Руссо, Теодоръ 296.
Руэръ, министръ 151, 221, 241, 242.
Рѣпинъ, живописецъ 304, 305.
Рэскинъ, Дж. 298, 299.
Рюисдаль 302.
Рюккертъ 48.

Сабуровъ, министръ 424.
Савиньи, прусскій посолъ 213.
Савиньи, ученый 56.
Сагаста, министръ 352, 506.
Салисбери, лордъ 450, 452, 453, 454, 476, 478, 480, 481, 494.
Салтыковъ-Щедринъ 288, 419.
Сальмеронъ, испанскій политикъ 351.
Самаринъ, Ю., славянофилъ 376, 379.
Санта-Анна, Антоніо-Лопецъ 733.
Санта-Круцъ, Андреасъ, диктаторъ 732.
Санъ-Мартинъ 722, 724, 725, 726.
Сарджентъ, художникъ 704.
Сарду, Викторьенъ 284, 285.
Сарьенъ, министръ 547, 548.
Саттаръ-ханъ 521.
Святополкъ-Мірскій, князь 571, 573.
Себастьяни 61.
Сеймуръ, генералъ 512.
Семперъ, Готфридъ, архитекторъ 303.
Сенъ-Симонъ 80, 149.
Серано, маршалъ 352.

Сергѣевичъ, профессоръ 568.
Сергѣй Александровичъ, великій князь 573.
Сервера, адмиралъ 507.
Сили 609.
Сименсъ, Вернеръ 260.
Симсонъ, Эдуардъ 146.
Сипягинъ, министръ 566, 567.
Скобелевъ, генералъ 411, 414.
Скоттъ, Вальтеръ 51, 52, 289.
Смитъ, Адамъ 266.
Соллогубъ, графъ, Владиміръ 288.
Сосье, генералъ 434.
Спенсеръ, Гербертъ 280.
Сперанскій 43.
Спикъ, путешественникъ 178.
Стамбуловъ, министръ 455, 457, 525.
Станкевичъ 376.
Станфордъ 704.
Стессель, генералъ 513, 516.
Стефенсонъ 133.
Столыпинъ, П. А. 579, 580, 581.
Столѣтовъ 412.
Стошъ, фонъ, генералъ 327.
Строгановъ, графъ, С. Г. 43, 379, 389, 424.
Струве, Густавъ, нѣмецкій республиканецъ 124, 125.
Стэнли, Генри-Мартинъ 179, 440.
Суворовъ, спб. генералъ-губернаторъ 391.
Сулейманъ-паша 405.
Сьюардъ, статсъ-секретарь 691.
Сѣровъ, А. Н., композиторъ 308.
Сю, Эженъ 106.
Сюкръ, генералъ 724, 725, 731.

Таафе, министръ 416, 556, 557.
Тальбергъ 53.
Таннъ, фонъ деръ, генералъ 231.
Тарнскій 91.
Тауфкирхенъ, графъ 220.
Тафтъ, президентъ 693.
Твэнъ, Маркъ 704.
Тевфикъ-паша, хедивъ египетскій 436.
Тегетгофъ, адмиралъ 205, 215, 220.
Теккерэй, Вильямъ 289.
Теннисонъ 290.
Теотокисъ, министръ 564.
Тибо, бирманскій король 452.
Тикъ, 48.
Тилле 224.
Тисса 346, 555.
Токвиль, французскій историкъ 130.
Толстой, Д. А., графъ 391, 416, 418, 422, 425, 426, 428.
Толстой, Л. Н. 288, 570.
Тома, Амбруазъ, композиторъ 305.
Тома, генералъ 236.
Томасъ, генералъ 679.
Торвальдсенъ 54.
Тотлебенъ, генералъ-инженеръ 167, 405.
Тоуншендъ, Чарльзъ 616.
Транъ, норвежскій школьный учитель 270.
Трейчке, историкъ 161, 173, 263.
Треповъ, спб. градоначальникъ 420.
Треченто 55.
Тройонъ, Констанъ, живописецъ 297.
Трошю, генералъ 230.
Трубецкой, Евг. Н., профессоръ 582.
Трубецкой, С. Н., профессоръ 574.
Тургеневъ, И. С. 287.
Турнеръ 54.
Тьери, А. 51.
Тьеръ, Адольфъ 27, 51, 56, 61, 86, 87, 105, 108, 131, 150, 152, 164, 220, 222, 231, 234, 238, 241, 313, 314, 315, 319, 320.
Тэнъ, Ипполитъ 274, 283, 284.
Тюрръ, генералъ 242.

Уатсъ, Фредерикъ, англійскій живописецъ 299.
Уваровъ, С. С. 377, 378.
Уде, Фрицъ, живописецъ 297.
Удино, генералъ 161.
Уистлеръ, художникъ 704.
Уитманъ, Вальтъ, поэтъ 670.
Уитней, Эли, изобрѣтатель 661.
Уитьеръ, Джонъ Гриллафъ, поэтъ 663, 665, 670.
Уландъ 48, 141, 146, 293.

Фавръ, Жюль 221, 230, 231, 233, 234, 238, 241, 273.
Фальеръ, президентъ французской республики 319.
Фалькъ, Адальбертъ 329, 331.
Фарадей 58.
Федербъ, генералъ 232.
Фейербахъ, Ансельмъ 295, 300, 301.
Фейербахъ, Людвигъ 82, 276, 280.
Фейервари, Геза, баронъ 555.
Фердинандъ, императоръ австрійскій 46, 119, 157.
Фердинандъ, князь (нынѣ царь) Болгаріи 460, 525, 532.
Фердинандъ II, король Обѣихъ Сицилій 139, 169.
Фердинандъ IV, король неаполитанскій 16, 18.
Фердинандъ VII, король испанскій 12, 15, 16, 18, 19, 20, 719—721.
Ферреръ, свободомыслящій 562.
Ферри, Жюль 231, 320, 321, 433—435, 437, 458, 459, 545.
Фестетитсъ, венгерскій министръ-президентъ 217.
Филанджьери, генералъ 162.
Фильдъ 264.
Финкельмонъ, австрійскій министръ 117.
Фихте 49.
Фицжеральдъ, епископъ 240.
Фишеръ, Куно, философъ 277.
Фишеръ, Фр.-Теод., писатель 294.
Фіески 165.
Флоберъ, Гюставъ 281, 282, 283, 292.
Флоресъ, Хуанъ-Хозе, генералъ 731, 733.
Флотовъ, композиторъ 305.
Флурансъ, коммунаръ 236.
Фогель, фонъ Фолькенштейнъ, генералъ 214, 215.
Фойтъ, Августъ, архитекторъ 302.

Форъ, Феликсъ 319, 476.
Форъ, генералъ 230.
Фохтъ 276.
Франкенштейнъ, фонъ 337.
Франклинъ, Веньяминъ 609, 623, 625, 626.
Франко, министръ 562.
Франсіа, Хозе Родригецъ 732.
Францъ I, императоръ австрійскій 13, 33, 34, 35, 46, 88, 89, 157, 378.
Францъ-Іосифъ, императоръ австрійскій 116, 156, 157, 158, 187, 188, 198, 199, 205, 217, 312, 341, 343, 344, 345, 414, 415, 530, 532, 533, 555, 556, 559.
Францъ-Карлъ, эцгерцогъ, австрійскій 89.
Фребель, Юлій, депутатъ 144, 198.
Фрейлигратъ, нѣмецкій поэтъ 78, 95, 129, 291.
Фрейсинэ, министръ 321, 435, 437, 459, 460.
Фрейтагъ, Густавъ 225, 252, 293.
Френель 57.
Френчъ, скульпторъ 704.
Фридрихъ, великій герцогъ баденскій 212, 246, 252, 257.
Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій 38, 71, 88.
Фридрихъ-Вильгельмъ, впослѣдствіи императоръ Фридрихъ III 200, 226, 463, 464.
Фридрихъ-Вильгельмъ IV, король прусскій 49, 71, 92, 93, 94, 95, 119, 121, 123, 128, 140, 142, 146, 153, 156, 162, 163, 165, 168, 184.
Фридрихъ-Карлъ, принцъ 201, 202, 214, 226, 228, 229, 232.
Фридрихъ VII, король датскій 96, 143, 199.
Фридъюнгъ, историкъ 213, 215.
Фримонъ, австрійскій генералъ 18.
Фуке 48.
Фультонъ, Робертъ 134.
Фурье 80, 149.

Хильми-паша, турецкій государственный дѣятель 532.
Хомяковъ, славянофилъ 376, 379.
Христіанъ VIII, король Даніи 96.
Христіанъ IX, король датскій 199, 201, 202.
Хуарецъ, Бенито, президентъ мексиканской республики 203, 204, 205, 218, 738, 739.

Цанковъ 455.
Цзай-тіенъ 487.
Цзе-Ши, императрица-регентша 512.
Цзенгъ, маркизъ 487.
Целлеръ, Эдуардъ, философъ 277.
Цеппелинъ, графъ 592.
Циглеръ 276.

Чайковскій, композиторъ 308.
Чарторыйскій, Адамъ 65.
Черкасскій, князь 379.
Черняевъ, генералъ 402, 419.
Чернышевскій, Н. Г. 287, 386.
Черчиль, министръ 538.
Чистяковъ, живописецъ 305.
Чунь-Цинь-Ванъ 487.
Чэмберлэнъ, Джозефъ 451, 453, 494, 496, 500, 501, 536, 537, 539, 542.

Шамборъ, графъ 104, 312, 316, 317, 318.
Шамиль, предводитель кавказцевъ 176.
Шанзи, генералъ 232.
Шарлотта, императрица Мексики 204, 205.
Шассэ, Давидъ, генералъ 64.
Шатобріанъ, Франсуа-Ренэ, французскій писатель 27, 50, 51, 82.
Шваннъ 131.
Шванталеръ 302.
Шварценбергъ, Феликсъ, князь 145, 155, 156, 157, 163, 165, 184.
Швейцеръ, Жанъ-Баптистъ, соціалистъ 271.
Швиндъ, Морицъ 295, 301.
Шевалье 80.
Шеелэ, фонъ 69.
Шелли 52.
Шеллингъ 49, 56, 82, 277, 376.
Шенкендорфъ 129.
Шенлейнъ, медикъ 131.
Шерманъ, генералъ 679.
Шеффель, Жозефъ-Викторъ 293.
Шеффле, Альбертъ 267.
Шиллеръ 47.
Шинкель, К. Ф. 55.
Ширъ-Али, эмиръ Афганистана 397, 412.
Шишкинъ, И. И., живописецъ 304.
Шишковъ, министръ 377.
Шопенгауэръ, 50, 277, 278.
Шопенъ 53, 136.
Шлегель, Августъ и Фридрихъ-Вильгельмъ 48.
Шлейденъ, Матіасъ Якобъ 131.
Шлейермахеръ, Фридрихъ 50.
Шлейницъ, министръ 195.
Шлейхъ, Эдуардъ, живописецъ 301.
Шлоссеръ, Хр. 56.
Шмерлингъ 141, 143, 171, 196.
Шнебелэ (дѣло) 460.
Шнорръ, фонъ Карольсфельдъ 55.
Шпигель, баронъ 71.
Шпильгагенъ, Фридрихъ 294.
Шпитцвегъ, живописецъ 301.
Шталь, Ю., правовѣдъ 131.
Штаръ 271.
Штейнмецъ, фонъ, генералъ 226, 228, 229.
Штеккеръ, придворный проповѣдникъ 464.
Штифтеръ, Адальбертъ 294.
Штормъ, Теодоръ 294.
Штраусъ, Давидъ 81, 280.
Штраусъ, Іоганнъ, музыкантъ 308.
Штремайръ, австро-венгерскій министръ 345.
Штросмайеръ, епископъ 240.
Шубертъ, Фрицъ 53.
Шуваловъ, П. А., графъ 408.
Шульце-Наумбургъ, живописецъ 771.
Шуманъ, Робертъ 136.
Шурцъ, Карлъ 693, 697.

Эдельсгеймъ, министръ, графъ 212.
Эдуардъ VII 502, 522, 535, 590.
Эйленбургъ, графъ 473.

Эйхгорнъ, прусскій министръ исповѣданій 39, 93.
Эленшлегеръ, поэтъ 52.
Эльджинъ, лордъ 180.
Эльдонъ, лордъ 29.
Эмерсонъ, Ральфъ Вальдо 290, 670.
Эминъ-паша (Шнитцеръ) 440.
Энгельсъ, Фридрихъ 81, 251, 256, 268, 271.
Энгръ 54, 295.
Эрдманъ, философъ 277.
Эренталь, австрійскій государственный дѣятель 530, 533, 534, 535.
Эрнстъ, герцогъ, Кобургскій 210.
Эрнстъ-Августъ, Кумберлендскій 69, 192.
Эрстедъ 58.
Эрцбергеръ, депутатъ 551.
Эскобедо, мексиканскій генералъ 205.
Эспартеро, испанскій генералъ 84, 85.
Эструпъ 354.

Якоби, Іоганнъ, 141, 225.
Якубъ, сынъ Ширъ-Али, эмира Афганистана 412, 413.
Ямагата, генералъ 488.
Янсонъ 417.

Оглавленіе.

стр.

Эпоха національныхъ и соціальныхъ движеній. (Введеніе) 1—8

Европа во время реакціи . . . . . 11—136

Господство священнаго Союза . . . . . 11— 59

1. Преобразованіе Европы 11
2. Международная политика въ періодъ отъ 1815 по 1825 г. 13
3. Эпоха реставраціи во Франціи 23
4. Англія до билля о реформахъ 28
5. Австрійская имперія 33
6. Германія 35
7. Италія и римская церковь 40
8. Россія и восточный вопросъ 42
9. Духовныя силы охранительнаго времени 47

Между двумя революціями . . . . . 60—136

10. Переворотъ 1830 года во Франціи и Европѣ 60
11. Германія, Швейцарія до 1840 и Англія до 1848 г. 66
12. Радикализмъ и соціализмъ. — Протестантская критика и успѣхи ультрамонтанства 78
13. Политика державъ въ Испаніи, Турціи и другихъ частяхъ свѣта 83
14. Австрія, Пруссія и Германія въ сороковыхъ годахъ . . . 89
15. Возрожденіе Италіи.—Война Зондербунда 97
16. Франція до паденія монархіи въ 1848 г. 102
17. Крушеніе старой власти въ средней Европѣ 110
18. Общій обзоръ умственнаго и экономическаго развитія съ средины тридцатыхъ годовъ 128

Эпоха національнаго объединенія . . . . . 139—308

Революція и реакція . . . . . 139—191

1. Нѣмецкое національное собраніе во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и отливъ революціоннаго движенія въ Германіи въ 1848—1849 г. 139

стр.

2. Вторая французская республика 1848—1852 гг. 147
3. Подавленіе національнаго движенія въ Германіи, Австріи и Италіи 153
4. Вторая имперія и европейскія державы 162
5. Національныя стремленія въ Австріи и другихъ государствахъ 170
6. Географическія открытія и колоніальныя стремленія въ различныхъ частяхъ свѣта 176
7. Война Франціи съ Австріей и образованіе Итальянскаго королевства 182

Побѣда Національнаго принципа . . . . . 192—253

8. Новая эра въ Пруссіи и Австріи 192
9. Шлезвигъ-гольштинская война 1864 г. 199
10. Война 1866 г. и новая Германія 203
11. Паденіе второй французской имперіи 217
12. Франко-прусская война 1870—1871 гг. 222
13. Объединенная Италія. 238
14. Образованіе Германской имперіи 245

Рабочее движеніе и крупный капиталъ . . . . . 254—273

15. Положеніе рабочаго класса 254
16. Развитіе крупнаго производства и промышленности 258
17. Новая экономическая доктрина и начало рабочаго движенія 266

Духовная жизнь и художественное чувство . . . . . 274—308

18. Измѣненіе міровоззрѣнія 274
19. Литература 281
20. Живопись и скульптура 295
21. Музыка 305

Происхожденіе системы міровыхъ державъ . . . . . 311—592

Европа послѣ франко-прусской войны . . . . . 311—356

1. Семидесятые годы девятнадцатаго вѣка 311
2. Англія и ея колоніи 356
3. Россійская имперія (1825—1894 гг.). 374
4. Тунисъ и Египетъ 431
5. Возникновеніе Германской колоніальной державы 442
6. Отставка Бисмарка и ея послѣдствія 462

стр.

Выступленіе восточной Азіи и Сѣверной Америки на арену міровой политики . . . . . 485—582

7. Пробужденіе Востока 485
8. Американскій имперіализмъ 503
9. Борьба изъ-за гегемоніи въ Восточной Азіи 511
10. Русско-японская война 513
11. Современное міровое положеніе 519
12. Внутреннее развитіе европейскихъ государствъ за послѣднія десятилѣтія 536
13. Россія за послѣднія дѣсятилѣтія 564
14. Заключительный обзоръ 582

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты . . . . . 593—705

Эпоха колонизаціи Америки . . . . . 595—687

1. Страна и ея обитатели 595
2. Основы американской демократіи 598
3. Борьба Англіи и Франціи за Сѣверную Америку 609
4. Причины отпаденія отъ метрополіи 612
5. Война за освобожденіе 619
6. Союзная конституція 624
7. Внѣшнее и внутреннее упроченіе Союза 628
8. Заселеніе Запада 642
9. Рабство и свобода 655
10. Междоусобная война и возстановленіе Союза 675
11. Индустріальное государство и міровая держава 687

Средняя и Южная Америка . . . . . 707—744

Отъ основанія Испанской колоніальной имперіи до нашихъ дней . . . 709—744

Распространеніе европейской цивилизаціи . . . . . 745—784

Распространеніе европейской цивилизаціи въ прошломъ и настоящемъ 747—784

Хронологическая таблица . . . . . 785—799

Указатель именъ . . . . . 790—811

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечат.*	*Слѣд. читать.*
117	5 сн.	Финкельмонтъ	Финкельмонъ.
118	6 сн.	комитетовъ	комитатовъ
560	24 св.	Марчезе	маркизу
641	8 сн.	Брайаномъ	Брайантомъ
693	18 св.	Р. Гей	Р. Гейсъ

Парижскій конгрессъ 1856 г. (таблица) *вмѣсто* 15—Графъ Бенедетти (Пруссія) *надо* (Франція).